

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PS/aw 176.25

Ed. April, 1890.

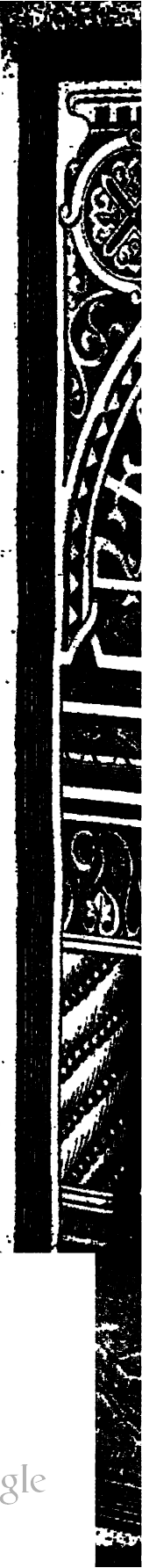
Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828).

Received *27 Nov. - 30 Dec. 1889.*

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1889.

Стр

I.—УЧЕНИЕ О НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ВЪ БИОЛОГИИ.—В. В. Заленского . . .	5
II.—ДЖОНЪ МІТЧЪ И ЕГО ПОЭЗИЯ.—Изъ исторіи англійской литературы.—IV.— Означеніе.—З. В.	62
III.—Н. В. ГОРОДЪ И ВІЕЛЬГОРСКИЕ ВЪ ИХЪ ПЕРЕПИСКѢ.—1839-1849 г.— VI.—Означеніе.—В. И. Шеврокъ	88
IV.—ТИМОШЪ.—Историческая повесть.—I-VI.—Д. Л. Мордовцева	104
V.—ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. САЛТЫКОВА.—II.—А. Н. Пынина	181
VI.—ЛУНЬ.—Повесть, соч. Г. Дженса.—Съ англійскаго.—А. Э.	230
VII.—НАЦИОНАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКѢ.—I-III.—Д. Э. Славинскаго	281
VIII.—НА РАЗОВѢТѢ.—Повесть Ема.—XVI-XIX.—Съ польскаго.—І. У.	501
IX.—НОВЫЕ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКѢ.—К. К. Арсеньева	345
X.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ.—VII.—В. С. Соловьева	363
XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Законы 13-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ.—Услыя переселенія; льготы переселенцямъ; поселенное и административное ихъ устройство на мѣстѣ водворенія.—Предстоящее открытіе промышленныхъ заведеній.—Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ прибалтійскомъ край, въ связи съ 25-лѣтней годовщиной 20-го ноября судебныхъ установъ 1864 г.—Новый государственный заемъ съ вингрѣ- шани	389
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Дѣятельность Вильгельма Ц.—Суданіе импе- раторомъ въ Берлинѣ и предполагаемые его результаты.—Русско-герман- скія отношенія.—Берлинская система союзовъ.—Характеристика герман- скаго императора по отзывамъ бывшего его наставника.—Внутренній дѣлъ въ Германіи.—Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи	411
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. Н. Толстому и Н. Бондаловичу, изд. 2. Древности славно-сармат- скихъ.—Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, А. В. Эсмондарадскаго.—Путешествіе въ портретахъ, С. Либровича.—А. Н.— Новыя книги и брошюры	423
XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, Fondateur du Systeme Physiocratique, publiees avec une introduction et des notes par Auguste Oncken.—II.—L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau.—III.—Die Gründung des Nord- deutschen Bundes, von Karl Binding.—IV.—In neuer Zeit, Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I. Wallende Nebel und Son- nenschein.—V.—Wilhelm II und die junge Generation, Eine zeitpsycholo- gische Betrachtung, von Hermann Conrad.—Д. С.	438
XV.—МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ВЪ ПАРИЖѢ.—II.—М.	447
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—„Признаки времени“ и жалобы на „наше время“.—Перловско-приходская школа.—Заключительная рѣчь председателя дворянства.—Экскурсія г. Фета въ область публицистики.—Взвѣтливъ су- хобила ошибка и ее причины.—Церль консервативной критики.—Гасеніе толку о новомъ займѣ съ вингрѣшани.—Н. Г. Чернышевскій †	454
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I.—Отъ Комитета VIII-го съѣзда остоновскихъ учителей и учителей въ С.-Петербургѣ.—II.—О съѣздѣ русскихъ дѣателей по техническому и профессиональному образованію.—III.—Отъ Редакціи: пожертвованія на памятникъ М. Е. Салтыкова и на памятникъ Н. Д. Зайончковскаго	469
XVIII.—БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Русское уголовное судопроизводство пр. Д. В. Гальберга.—Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма, д-ра Брафга-Фбинга.—Историческіе очерки. Характеристика литературныхъ жизней отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. А. Н. Пынина.—Учебники исторіи. Древняя исторія, А. Трачевскаго.—Ивблѣйская исторія, А. П. Ловукина, т. II.—Фабричный рабочій, В. В. Святловскаго	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XX стр.

Подписка на послѣднюю четверть 1889 г. и на 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, въ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года!			
		Январь	Іюль	Июль	Апрѣль	Іюль	Октябрь
съ доставкой, въ Конторѣ журнала	16 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкой	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
за границей, въ госуд. почтов. связи	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Высто ранерозамъ годовою подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовою цѣны подписки.

Съ перваго декабря отсрывается подписка на первую четверть 1890 года.

Ближнимъ заказамъ, при годовой и полугодней подпискѣ, взыскуются обычныя услуги.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія лин. — *Иностранное* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.— Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Примѣчаніе.— 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ указанием ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* видѣть журналомъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностранное, должны платить 1 руб. 50 коп., а иностранные, переходя въ городскіе—40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно обязанности отъ Почтоваго Департамента, не носяще характера по получению слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на получение журнала высылаются Конторой только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія Сибири, Часть II. В. К. Андриевича. Сиб. 1889. Стр. 487. Ц. 3 р.

Продолженіе труда г. Андриевича, составленнаго по данным, представленным Полнымъ собраніемъ законовъ и актами царствованія Петра В., обнимаетъ періодъ времени съ 1660 г. до воцаренія имп. Елисаветы Петровны. Этотъ трудъ было бы правильно назвать хроникой и систематическимъ сборникомъ или перечнемъ разнообразныхъ свѣдѣній объ администраціи Сибири, который можетъ, въ настоящемъ его видѣ, послужить для будущаго историка этого края богатымъ матеріаломъ, и для каждаго—справочной книгой. Впрочемъ, и въ настоящей своей формѣ „Исторія Сибири“ представляетъ не мало любопытнаго и поучительнаго для того, кто искалъ бы въ прошедшемъ разъясненія причинъ, почему наша, въсвоя уже теперь, колонизація Сибири, которал „наклонившись, въ выраженіи поэта, надъ столами, разсказала по нимъ и злато, и серебро“,—до сихъ поръ не могла привести насъ къ тѣмъ результатамъ, въ какихъ принявъ запашия шарды, колонизовавши почти одновременно съ нами обѣ Америки и Индію, да и самое „злато и серебро“ прошло какъ будто мимо нашихъ рукъ. Дѣйствительно, исторія Сибири, какъ видно изъ собранныхъ нинѣ ея документовъ, является на двѣ исторіи: не края, а исторію одной администраціи въ краѣ; самая же исторія администраціи представляетъ безконечную и утомительную внутреннюю борьбу самой администраціи съ собственными ея злоупотребленіями, причемъ новыя мѣры противъ старыхъ злоупотребленій всегда гами быстро превращаются въ новыя формы злоупотребленій, вызывающія опять еще болѣе новыя мѣры противъ новыхъ злоупотребленій, и т. д. Такъ, для надзора за правителями Сибири въ 1711 г. были назначены фискалы и оберъ-фискалы, но уже вскорѣ пришлось и ихъ связяхъ отдать подъ надзоръ. По докладу оберъ-фискала Нестерова были назначены и воевода Раватицъ, и знаменитый князь Гагаринъ, а вскорѣ поглыбъ и самъ оберъ-фискалъ, уличенный въ злоупотребленіяхъ.

Всвоцкая исторія, Георга Вебера, Т. I, Черев. Андреевъ. Второе, переработ. изданіе русск. перевода. Изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1890. Стр. 744. Ц. 4 р.

Прежде нежели самимъ трудъ перевода классическаго сочиненія Вебера успѣлъ быть доведенъ до конца, какъ уже потребовалось новое изданіе перваго тома—въ такой степени чувствовалась потребность обогатить имъ нашу историческую литературу. Въ новомъ изданіи, какъ то видно изъ предисловія, переработана вѣтшая форма изложенія, въ видахъ удобства читателя, и разнообразіе шрифтовъ подлинника замѣнено однимъ—болѣе четкимъ, а потому и менѣе утомительнымъ для глаза. Сокращенія же текста относятся исключительно къ риторическимъ украшениямъ слога, что нельзя не признать удаченіемъ, такъ какъ „ни одного слова, ни одной мысли—говорить переводчикъ—мы не выпустили; выбраны только фразы старооиднаго краснорѣчія“, которое утрачиваетъ свое прежнее обаяніе и въ своей Германіи. Одно „введеніе“ Вебера, выказывающее взгляды и интересами пре-

ней, уже отходящей эпохи, замѣнено у переводчика очеркомъ нѣмецкихъ понятій о возникновеніи обстановка человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ такъ-называемыя историческія времена, что также можно отнести къ числу преимуществъ перевода и разсматривать какъ поправку, вызванную новитъ успѣхомъ вспомогательныхъ наукъ исторіи.

Уставъ о наказанияхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г., Н. С. Таганцева. Сиб. 1889. Стр. 365. Ц. 2 р.

Хотя на оберткѣ книги и заявлено, что настоящее изданіе—неофициальное, по авторитетное въ юридической литературѣ имя составителя придало сборнику такое значеніе, что сборникъ достигъ въ настоящее время шестого изданія. Въ это новое изданіе вошли всѣ прежніе источники, съ продолженіемъ ихъ текста по 1 января 1889 г., и кромѣ того въ приложенія и прирѣчанія внесены извлеченія изъ циркуляровъ министра юстиціи и мотивы къ важнѣйшимъ рѣшеніямъ сената.

Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нѣвшаго Петербурга до 1703 г. Г. А. Невирова. III. Мѣстность и окрестности нѣвшаго Петербурга въ 1477—1500 гг. Сиб. 1889. Стр. 97—123.

Въ настоящемъ выпускѣ приведено къ окончанію описаніе шлиссельбургской части спасскаго погоста, начинавшагося у Шлиссельбурга и отдѣленнаго рѣкою Тосною отъ нлорскаго, который простирался до самаго моря. Авторъ, руководясь полнымъ собраніемъ русскихъ лѣтописей и изсѣдованіями нѣвнѣйшихъ историковъ, составилъ подробное описаніе мѣстечекъ и селеній, расположенныхъ по южному берегу Невы въ самую послѣднюю эпоху господства новгородской республики, съ указаніемъ фамилій самихъ владѣльцевъ, первое мѣсто между которыми занимали Чашниковы, владѣвшіе по Невѣ около и противъ устья Тосни 37 деревнями.

Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Состав. Д. Д. Моревъ. Сиб. 89. Стр. 304. Ц. 2 р.

Хотя главное назначеніе настоящей книги—служить учебникомъ въ спеціальныхъ училищахъ, но она можетъ быть весьма полезною настольною книгой для каждаго, интересующагося торговлею на практикѣ, по профессіи. Въ новомъ изданіи авторъ не только осылжилъ цифровыя данныя, замѣнивъ ихъ новыми изъ самыхъ послѣднихъ годовъ, но и расширилъ свою прежнюю программу, дополнивъ книгу новыми статьями о русской желѣзнодорожной сѣти, о стоимости постройки и доходахъ желѣзныхъ дорогъ, о телефонахъ, о птицеводствѣ и т. д. Для фабрично-заводской промышленности составляетъ въ первый разъ сводъ статистическихъ данныхъ и всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, производившихъ на сумму не менѣе 1000 руб. Новое изданіе представляетъ еще одно удобство для пользованія имъ, а именно: оно выдано алфавитнымъ указателемъ.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О Ц Ы

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ ЛIII. — ТОМЪ СССXIV. — 1/2 НОЯВРЯ, 1889.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

517-34

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКОВОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

P Slav 176. 25

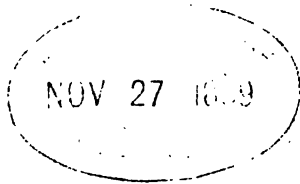
~~131.84~~

~~Slav 30.2~~

1889, Nov. 27 - Dec. 30.

Minot fund.

У Ч Е Н І Е

0

НАСЛѢДСТВЕННОСТИ ВЪ БІОЛОГІИ

Обыденность явленій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и которыя съ давнихъ поръ служили предметомъ изслѣдованія и размышленія для натуралистовъ и философовъ, избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться на опредѣленіи понятія о наслѣдственности. Не надо быть натуралистомъ, чтобы знать, что наслѣдственность состоитъ въ передачѣ въ потомство родительскихъ признаковъ. Всѣ мы настолько срослись съ убѣжденіемъ въ непреложности наслѣдственныхъ явленій, въ необходимости сходства родителей съ дѣтьми, въ передачѣ по наслѣдству всѣхъ мельчайшихъ особенностей родительскаго организма, что невольно смотримъ на уклоненія отъ этихъ правилъ какъ на аномалии. Обыденность наслѣдственныхъ явленій служить выраженіемъ громаднаго, универсальнаго значенія наслѣдственности. Наслѣдственность есть всемірный двигатель образованія органическихъ формъ; она составляетъ силу, управляющую построеніемъ органическихъ существъ, растений и животныхъ, — управляющую всѣми тѣми, весьма сложными и разнообразными фазисами развитія, черезъ которые проходитъ всякій организмъ, пока онъ не разовьется въ окончателъную, „дефинитивную“ форму. Гдѣ кроется эта сила? какія механическія основы находятся въ животномъ и растительномъ организмѣ, которыя обуславливаютъ эти нескончаемыя по своему разнообразію части, мало понятныя промежуточныя стадіи въ развитіи организмовъ, съ которыми на каждомъ шагѣ приходится

имѣть дѣло эмбриологу? Къ сожалѣнію, наблюдатель имѣетъ дѣло съ готовыми явленіями, съ результатами многочисленныхъ подготовительныхъ сложныхъ процессовъ, сущность которыхъ сокрыта отъ наблюденія, но она-то и составляетъ основную причину совершающихся передъ его глазами явленій. Проникнуть въ „суть“ этихъ подготовительныхъ процессовъ—вотъ задача мыслящаго наблюдателя; отрѣшиться отъ раскрытія этихъ подготовительныхъ процессовъ—значитъ навсегда отказаться отъ объясненія фактовъ, добытыхъ наблюденіемъ, а это все равно, что довольствоваться знаніемъ только однихъ наружныхъ, видимыхъ признаковъ явленія,— знаніемъ недостаточнымъ часто даже для практическихъ цѣлей и совершенно неудовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи. Такимъ знаніемъ не можетъ довольствоваться не только мыслящій натуралистъ, но и всякій человѣкъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ въ окружающихъ явленіяхъ и старающійся доискаться причины ихъ. Путемъ абстрактныхъ логическихъ разсужденій онъ пытается придти къ основнымъ, кореннымъ процессамъ, руководящимъ видимыми явленіями и производящимъ ихъ. Не только въ данномъ вопросѣ о наслѣдственности, но и во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ органической жизни, такъ и явленій неорганическаго міра, такіа попытки существуютъ такъ же давно, какъ проявляется сознательная интеллектуальная дѣятельность человѣка. Чѣмъ явленіе распространеннѣе, чѣмъ глубже оно касается основныхъ представленій о природѣ, тѣмъ раньше начали складываться представленія о причинахъ его. Чѣмъ болѣе общи явленія, тѣмъ исторія вопроса о нихъ древнѣе. Наслѣдственность принадлежитъ къ числу основныхъ явленій органическаго міра; мы не можемъ себѣ представить развитіе организмовъ иначе, какъ по законамъ наслѣдственности. Въ силу сказаннаго сейчасъ, и попытки къ разъясненію причинъ наслѣдственности должны быть очень древни. Въ теченіе вѣковъ эти попытки складывались въ научныя представленія, гипотезы; однѣ изъ нихъ сдѣлались достояніемъ исторіи, другія пережили много поколѣній,—и теперь еще, несмотря на громадный успѣхъ положительнаго знанія, заключаютъ многое, что не стоитъ въ противорѣчій съ фактами. Древнѣйшая изъ гипотезъ, относящихся къ наслѣдственности, а именно, гипотеза Демокрита, по которой сѣмя растенія отдѣляется всѣми частями тѣла, вполне сходна съ пангенезисомъ Дарвина; просуществовавъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, она обнаружила живучесть, которая только и можетъ быть объяснена простотою и естественностью основаній самой гипотезы.

Біологія, понимаемая въ тѣсномъ смыслѣ, какъ наука о жизни

организмовъ, значительно отстала отъ сродныхъ ей отраслей естествознанія. Научнаго метода для разрѣшенія спеціально биологическихъ вопросовъ не существуетъ. Но современное состояніе сродныхъ ей наукъ, физиологіи и морфологіи, допускаетъ уже теперь возможность обратиться вновь къ разрѣшенію вопросовъ, отчасти забытыхъ, отчасти всегда новыхъ, поднятыхъ вѣками и до сихъ поръ неразрѣшенныхъ. Съ сильнымъ оружіемъ въ рукахъ, заключающимся не столько въ обильномъ фактическомъ матеріалѣ, сколько въ выработкѣ положительныхъ методовъ изслѣдованія, современный физиологъ и морфологъ могутъ приступить теперь уже къ разрѣшенію биологическихъ вопросовъ на болѣе точныхъ основаніяхъ, чѣмъ это было сдѣлано прежде. Одинъ за другимъ выступаютъ на очередь вопросы, имѣющіе общій биологическій интересъ, касающіеся фундамента общихъ возрѣній на органическую жизнь, разрѣшеніе которыхъ общаетъ много въ будущемъ, не только по отношенію къ нимъ спеціально, но и по отношенію къ многимъ другимъ важнымъ вопросамъ. Біологія пріобрѣтаетъ съ развитіемъ морфологіи и физиологіи научную почву, которой она до сихъ поръ не имѣла, и не далеко то время, когда и къ ней будетъ приложенъ тотъ экспериментальный методъ, которому физиологія обязана своимъ процвѣтаніемъ. Біологическіе вопросы находятся другъ съ другомъ въ неразрывной связи; нельзя приступить къ разрѣшенію одного, чтобы не затронуть многихъ другихъ; всѣ они связаны другъ съ другомъ тою же тѣсною связью, какою связываются между собою сами биологическія явленія. Если въ настоящее время на очередь выступаетъ вопросъ о наследственности, по поводу котораго въ послѣднія нѣсколько лѣтъ особенно сильно спорятъ въ биологической литературѣ, то это служитъ только добрымъ предзнаменованіемъ тому, что близко время, когда и другіе биологическіе вопросы будутъ выдвинуты вновь для того, чтобы быть поставлены на почву экспериментальнаго изслѣдованія, составляющую вѣрный залогъ ихъ близкаго и точнаго разрѣшенія.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вопросу о наследственности выпала на долю честь открыть собою рядъ биологическихъ изслѣдованій, плодами которыхъ, конечно, суждено пользоваться не намъ, а будущимъ поколѣніямъ. Этотъ вопросъ самъ по себѣ есть вопросъ колоссальной важности. Онъ касается законовъ развитія органической жизни на землѣ, а раскрытіе этихъ законовъ есть первая и главная задача биологическихъ наукъ. Безъ объясненія наследственности нѣтъ прочныхъ основъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи и развитіи органическихъ

формъ. Наслѣдственность есть фундаментъ развитія. Мы не упоминаемъ здѣсь о громадныхъ практическихъ примѣненіяхъ наследственности, которыя извѣстны каждому, знакомому хотя поверхностно съ исторіею происхожденія многочисленныхъ породъ сельскохозяйственныхъ животныхъ и растений. Этого пункта мы касаться не будемъ; мотивы, приведенные сейчасъ, достаточны уже для того, чтобы вполне оправдать первенствующее значеніе вопроса о наследственности въ исторіи разработки біологическихъ вопросовъ. Въ чемъ должна состоять эта разработка по отношенію къ занимающему насъ вопросу? Отвѣтить на это трудно. Сначала, конечно, въ изученіи конкретныхъ явленій унаслѣдованія родительскихъ признаковъ,—явленій, встрѣчающихся повсюду, на каждомъ шагу и въ большинствѣ случаевъ легко доступныхъ наблюдателю. Знакомство съ явленіями наследственности несомнѣнно дастъ богатый фактическій матеріалъ и для теоретическихъ воззрѣній относительно причинъ ея и механизма наследственной передачи признаковъ. Теорія въ этомъ вопросѣ опередила положительныя изслѣдованія; она пыталась отвѣтить на вопросъ: почему унаслѣдуются признаки?—гораздо раньше, чѣмъ опытъ далъ отвѣтъ на вопросъ: какіе признаки унаслѣдуются? Не только въ наукѣ, но и въ народныхъ воззрѣніяхъ установилось представленіе о способѣ передачи родительскихъ особенностей по наследству. Понятіе о „чистокровности“, примѣняемое обыкновенно къ родословнымъ различнымъ породамъ домашнихъ животныхъ, или выраженіе: „всосалъ съ молокомъ матери“ то или другое свойство,—служатъ хорошимъ доказательствомъ народныхъ воззрѣній на способъ передачи признаковъ по наследству посредствомъ питательнаго матеріала, доставляемаго матерью потомству въ различные періоды жизни послѣдняго. Происхожденіе подобныхъ представленій легко прослѣдить; они были созданы подъ вліяніемъ постоянныхъ обращеній чловѣка съ очень ограниченной группой сельско-хозяйственныхъ животныхъ, въ большинствѣ случаевъ млекопитающихъ, и отсюда было перенесено на другихъ животныхъ. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что эти народные воззрѣнія стоятъ близко къ истинѣ, но они указываютъ на давно созрѣвшую, потребность въ объясненію наследственныхъ явленій. Этою потребностью пренебрегать нельзя, и какъ бы мало понятія о способахъ наследственной передачи признаковъ ни основывались на положительныхъ наблюденіяхъ, какъ бы они не были гипотетическими, мы не можемъ оставить ихъ безъ вниманія. Въ настоящее время, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ, положительными наблюденіями сдѣлано уже много для научной постановки вопроса

о наслѣдственности, но это многое еще далеко не достаточно для того, чтобы можно было сказать, что мы близки къ цѣли. Напротивъ, мы только приступаемъ къ рѣшенію этого вопроса, совершаемъ подготовительную работу, заключающуюся отчасти въ собираніи матеріала, отчасти въ раздѣленіи всего обширнаго вопроса о наслѣдственности на частные, съ которыми легче справиться по одиночѣ. Одинъ изъ такихъ частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ общими возрѣніями на механизмъ наслѣдственной передачи признаковъ, а именно, вопросъ объ унаслѣдованіи такъ-называемыхъ приобрѣтенныхъ признаковъ—составляетъ главный центръ, вокругъ котораго сосредоточиваются теперь изслѣдованія о наслѣдственности. Его мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду. Мы не должны, однако, упускать изъ виду общаго кореннаго вопроса о механизмѣ наслѣдственной передачи и о причинахъ наслѣдственности, несмотря на то, что для разрѣшенія этого вопроса въ настоящее время имѣется еще мало положительныхъ данныхъ; но въ наукѣ сложились и складываются цѣлый рядъ гипотетическихкихъ представлений, цѣнныхъ для насъ потому, что они могутъ служить исходнымъ пунктомъ для положительнаго изслѣдованія. Недостаточное вниманіе къ этимъ гипотезамъ едва ли принесло бы услугу развитію науки. Мало ли извѣстно въ исторіи науки гипотезъ, часто признаваемыхъ впоследствии неосновательными, которыя, однако, оказывали значительныя услуги наукѣ, поднимая извѣстные вопросы и служа стимуломъ къ ихъ послѣдующему разрѣшенію на основаніи положительныхъ наблюдений. И въ нашемъ вопросѣ, который только-что выступаетъ на арену положительнаго изслѣдованія, гипотеза сослужить свою службу, вызвавъ для своей провѣрки рядъ положительныхъ наблюдений.

I.

Развитіе ученія о причинахъ наслѣдственности и механизмѣ унаслѣдованія.

Для того, чтобы составить себѣ представленіе о механизмѣ наслѣдственной передачи признаковъ, необходимо первоначально знать, какими органами тѣла совершается эта передача. Такими органами могутъ служить только элементы, изъ которыхъ строится организмъ,—яйцо и сѣмя, или вообще воспроизводительныя кѣтки, дѣятельныя при развитіи зародыша. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности строенія этихъ элементовъ,—подробности слишкомъ спеціальныя для общедоступной статьи, и считаемъ возможнымъ не

касаться этого предмета съ тѣмъ большимъ правомъ, что положительныя наблюденія, касающіяся строенія воспроизводительныхъ клѣтокъ и ихъ измѣненія во время начальныхъ стадій развитія, еще не имѣютъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о наследственности.

Едва ли въ организмѣ можно встрѣтить болѣе удивительный по своимъ свойствамъ элементъ, какъ воспроизводительная клѣтка, — будетъ ли это яйцо, или сѣменная клѣтка, или клѣтка почки и проч. Ея способность давать форму и жизнь новому организму, воспроизводить его со всѣми присущими ему свойствами, совершенно одинаковыми съ свойствами и формою родительскаго организма, составляетъ таинственное явленіе, для раскрытія котораго всѣ современныя усовершенствованія научной техники оказываются безсильными. Какъ бы ни были сходны между собою воспроизводительные элементы двухъ различныхъ видовъ животныхъ или растений по своимъ доступнымъ нашему наблюденію качествамъ, они являются колоссально различными по своей дѣятельности. Сѣмя любого вида растенія, или яйцо любого вида животного, способны произвести потомство, особь, отличающуюся только признаками этого вида, еслибы оно было какъ двѣ капли воды похоже на сѣмя или яйцо другого животного или растительнаго вида. Микроскопъ не въ состояніи открыть особенности въ строеніи того или другого яичка, того или другого сѣмечка растенія, — особенности, которыя были бы способны объяснить намъ различную дѣятельность этихъ воспроизводительныхъ элементовъ. А между тѣмъ эта дѣятельность ясно показываетъ, что уже въ этихъ ничтожныхъ по величинѣ и несложныхъ по строенію элементахъ заключаются всѣ задатки будущаго организма, — задатки всѣхъ его клѣтокъ, со всѣми ихъ свойствами, со всѣми особенностями ихъ формы, отношеній ихъ къ сосѣднимъ элементамъ, со всѣми присущими имъ фізіологическими отправленіями. Различіе въ дѣятельности воспроизводительныхъ элементовъ различныхъ видовъ организованнаго міра наводитъ на мысль о различіи въ строеніи этихъ элементовъ; если самый усовершенствованный микроскопъ, съ его двухъ-тысячнымъ увеличеніемъ, не въ силахъ раскрыть передъ нами эти различія, то мы должны предположить, что послѣднія находятся за предѣлами возможности наблюденія, въ безконечно малыхъ единицахъ, едва доступныхъ нашему представленію. Молекулярное строеніе воспроизводительныхъ элементовъ и молекулярныя силы, въ нихъ развивающіяся, должны быть различны для каждаго вида растеній и животныхъ. Это убѣжденіе вытекаетъ какъ необходимое логическое слѣдствіе изъ

знакомства съ ихъ дѣятельностью. Біологія, для разъясненія явленной наслѣдственности, должна придти къ тому же благодатному источнику, которымъ питаются уже давно многія отрасли опытныхъ наукъ,—къ принципѣ молекулярнаго строенія. Для того, чтобы представить себѣ ясно механизмъ передачи по наслѣдству признаковъ родителей, мы должны принять, что яйцо и всякая воспроизводительная клѣтка одарены такимъ молекулярнымъ строеніемъ и способны развивать такія молекулярныя силы, которыя въ состояніи двигать развитіе особи въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, заставляя воспроизводительную клѣтку или клѣтки, изъ нея происходящія, принимать въ различное время развитія ту или другую форму, сходную съ формами, черезъ которыя прошло развитіе родителей въ соотвѣтственномъ періодѣ. Мы должны принять, что каждая мельчайшая частичка воспроизводительнаго элемента одарена своею жизнью, способна воздѣйствовать на сосѣднія частицы, на питательную массу воспроизводительнаго элемента, заставляя его питаться, расти въ извѣстномъ направленіи и совершать всѣ тѣ жизненныя отправленія, которыя мы наблюдаемъ, во время развитія особи, какъ въ яйцѣ, такъ и по выходѣ изъ яйца. Мы не можемъ себѣ представить воспроизводительнаго элемента иначе, какъ въ видѣ маленькаго организма, заключающаго въ себѣ уже всѣ характерныя видовыя, родовыя и прочіе признаки, которыми отличаются родители. Воспроизводительный элементъ есть цѣлый міръ, живущій своею жизнью, состоящій изъ безчисленнаго количества мельчайшихъ единицъ, молекулъ, питающихся, двигающихся, расположенныхъ въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ, совершающихъ всѣ свои отправленія по заранѣе предопредѣленнымъ законамъ. Познаніе этихъ законовъ будетъ вѣнцомъ научныхъ изслѣдованій о развитіи органической природы. Еслибы въ организмахъ мы имѣли дѣло съ такими простыми сравнительно тѣлами, какъ въ неорганической природѣ, и съ такими простыми явленіями, съ которыми приходится имѣть дѣло физикѣ,—наша задача была бы значительно упрощена. Но мы имѣемъ дѣло въ этомъ развитіи съ жизненными проявленіями, въ основѣ которыхъ хотя и можно предполагать то же молекулярное движеніе, какъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ, но это движеніе должно быть сложное, такъ какъ оно проявляется въ болѣе разнообразной формѣ и, конечно, гораздо дольше будетъ служить загадкою, чѣмъ движеніе, совершающееся при болѣе простыхъ физическихъ явленіяхъ. Еще далеко то время, когда наука, путемъ анализа, въ состояніи будетъ разсматривать развитіе какъ родъ молекулярнаго движе-

нiя; но въ настоящее время мы имѣемъ всѣ данныя для того, чтобы утверждать, что этотъ взглядъ на развитiе есть единственный ближайшiй къ истинѣ, а также, чтобы смотрѣть на тѣ немногiя гипотетическiя данныя, которыя имѣются въ настоящее время въ наукѣ, какъ на начало къ научному изслѣдованiю вопроса о наслѣдственности. Мы не должны смущаться гипотетичностью наличныхъ данныхъ по этому вопросу и отсутствiемъ метода для провѣрки гипотезъ. Методъ будетъ выработанъ, какъ только вопросъ о наслѣдственности будетъ поставленъ на почву научнаго изслѣдованiя.

Исторiя развитiя животныхъ и растений показываетъ, что не всѣ части воспроизводительной кѣтки играютъ одинаковую роль въ построенiи новаго организма. Она убѣждаетъ насъ въ томъ, что рѣшающее значенiе въ дѣлѣ образованiя формы имѣютъ самыя незначительныя доли воспроизводительной кѣтки. Въ громадномъ, сравнительно, куриномъ яйцѣ, можетъ быть, $\frac{1}{1000}$ доля его служить для образованiя цыпленка, остальныя $\frac{999}{1000}$ идутъ исключительно на питанiе развивающагося зародыша. И въ этой $\frac{1}{1000}$ долѣ не все вещество однороднаго строенiя; оно въ свою очередь состоитъ изъ множества отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ, по всей вѣроятности, только незначительная доля составляетъ главную дѣятельную часть яйца, управляющую развитiемъ, а слѣдовательно и имѣющую особое, отличное отъ остальныхъ частей, молекулярное строенiе. Эту часть яйца можно назвать зачатковымъ веществомъ или зачатковой плазмой. Съ нею намъ приходится главнымъ образомъ имѣть дѣло въ попыткахъ объяснить наслѣдственность, и ей мы должны приписать молекулярное строенiе, соотвѣтственное и согласное съ общими воззрѣнiями на причину наслѣдственныхъ явленiй. Было бы неестественно предполагать, что это соотвѣтствiе заключается въ распредѣленiи молекулъ въ яйцѣ—одинаковомъ съ распредѣленiемъ частей въ родительскомъ организмѣ. Для такого предположенiя не существуетъ никакихъ данныхъ; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать, что различные органы зародыша, прежде чѣмъ они достигнутъ окончательнаго развитiя, проходятъ рядъ формъ, часто чрезвычайно отличныхъ отъ ихъ окончательной формы,—а отсюда слѣдуетъ заключить, что и распредѣленiе молекулъ въ части яйца, управляющей образованiемъ органовъ зародыша, будетъ иное, чѣмъ распредѣленiе элементовъ въ взросломъ организмѣ. Слѣдуетъ, однако, допустить, что молекулы должны распредѣляться въ порядкѣ ихъ послѣдовательной дѣятельности, т.-е. принять такую молекулярную структуру воспро-

изводительныхъ кѣтокъ, которая была бы въ силахъ объяснить послѣдовательность различныхъ стадій развитія. Каждая стадія развитія, каждое малѣйшее измѣненіе воспроизводительной кѣтки или кѣтокъ развивающагося организма должно быть разсматриваемо, какъ результатъ дѣйствія молекулярныхъ силъ, молекулярнаго движенія. Чѣмъ проще развивающійся организмъ, тѣмъ проще должно быть и его строеніе, и движеніе его молекулъ, составляющее основу развитія.

Убѣжденіе въ томъ, что воспроизводительные элементы состоятъ изъ частицъ, однородныхъ съ элементами родительскаго организма, и что въ молекулярномъ строеніи воспроизводительныхъ кѣтокъ надо искать объясненія наслѣдственныхъ явленій, — сложилось уже давно. Вопросъ, однако, въ томъ: каковымъ образомъ происходитъ дѣятельная часть воспроизводительныхъ элементовъ — зачатковая плазма? Образуется ли она въ каждомъ поколѣніи вновь, или передается готовою изъ поколѣнія въ поколѣніе? Мы знаемъ изъ повседнежнаго опыта, что у всѣхъ организмовъ воспроизводительныя кѣтки созрѣваютъ; что при этомъ созрѣваніи образуется въ нихъ значительная доля питательнаго матеріала, питательной плазмы, какъ его можно назвать; знаемъ также, что незрѣлое яйцо животнаго, также какъ незрѣлое сѣмечко растенія, не можетъ образовать зародыша. Всѣ эти обыденные факты не даютъ еще отвѣта на вопросъ: въ чемъ же состоитъ это созрѣваніе по отношенію къ зачатковой плазмѣ? Если незрѣлое яйцо неспособно къ развитію, то естественно заключить, что зачатковая плазма его неготова; ея незрѣлость можетъ происходить отъ различныхъ причинъ: отъ неполноты комплекта молекулъ ея, или отъ недостаточнаго развитія ея массы. Въ первомъ случаѣ созрѣваніе яйца должно состоятъ въ образованіи новыхъ недостающихъ молекулъ; во второмъ — въ выростаніи зачатковой плазмы, при полномъ сохраненіи ея молекулярнаго строенія. Въ первомъ случаѣ зачатковая плазма должна образоваться самимъ родительскимъ организмомъ; во второмъ — она передается ему отъ его родителей съ готовымъ молекулярнымъ составомъ и только выростаетъ на счетъ родительскаго организма. Гипотезы, стремящіяся объяснить наслѣдственную передачу признаковъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи соотвѣтственно этимъ двумъ взглядамъ на способъ образованія зачатковой плазмы. Въ основѣ однихъ изъ нихъ лежатъ принципъ постояннаго новообразованія зачатковой плазмы въ каждомъ поколѣніи; въ основѣ другихъ — передача готовой зачатковой плазмы изъ поколѣнія въ поколѣніе, непрерывность зачатковой плазмы. Въ исторіи развитія ученій о причинахъ на-

слѣдственности—гипотезы новообразованій зачатковой плазмы занимаютъ первое мѣсто по времени. Причины этого понятны. Если для объясненія наслѣдственности мы должны принять существованіе въ яйцѣ мельчайшихъ частицъ, однородныхъ съ частями родительскаго организма, то естественнѣе и проще всего предположить, что эти частицы образуются черезъ отдѣленіе отъ соотвѣтственныхъ частей родительскаго организма. Тогда каждый моллекулъ воспроизводительной клѣтки уже вслѣдствіе такого способа происхожденія будетъ обладать свойствами, присущими той части родительскаго организма, отъ которой онъ отдѣлился, а слѣдовательно, переходя въ дѣятельное состояніе, можетъ дать толчокъ къ развитію въ зародышѣ части, сродной съ соотвѣтственной частью родительскаго организма. Если всѣ частицы воспроизводительныхъ клѣтокъ будутъ имѣть такое происхожденіе, и если всѣ онѣ, приходя въ дѣятельное состояніе, будутъ образовывать части, т.-е. клѣтки и органы, сходные съ таковыми же родительскаго организма, то неминуемымъ роковымъ слѣдствіемъ ихъ дѣятельности будетъ образованіе изъ воспроизводительной клѣтки организма—вполнѣ похожаго на родителя. Эти мысли относительно происхожденія воспроизводительныхъ клѣтокъ, высказанныя впервые еще Демокритомъ, были развиты впоследствии въ теоріи Бюффона и въ дарвиновскомъ пангенезисѣ. Бюффонъ говоритъ: „...въ пищѣ (получаемой животными и растеніями) происходитъ раздѣленіе частицъ. Неорганическія вещества, не аналогичныя ни съ животнымъ, ни съ растеніемъ, выносятся изъ организованнаго тѣла испареніемъ и другими выдѣлительными путями; органическія же частицы остаются и служатъ для развитія и питанія организованнаго тѣла. Въ этихъ органическихъ веществахъ должно быть, однако, много разнообразія, должны быть частицы, чрезвычайно отличныя другъ отъ друга; а такъ какъ каждая частица организованнаго тѣла получаетъ частицы наиболѣе въ ней подходящія и приблизительно въ равномъ числѣ, то совершенно естественно представить себѣ, что излишекъ органической матеріи, который не можетъ уже проникнуть въ различныя части организованнаго тѣла, получившія все, чтѣ онѣ могли получить,— что этотъ излишекъ, говоримъ мы, передается изъ частей тѣла въ одно или нѣсколько общихъ вмѣстилищъ. Тамъ всѣ эти органическія моллекулы соединяются и образуютъ маленькія органическія *тѣльца*, подобныя первоначальному и требующія только средствъ для своего развитія. Такъ какъ всѣ части организованнаго тѣла отсылаютъ частицы, совершенно подобныя тѣмъ, изъ которыхъ онѣ сами состоятъ, то несомнѣнно, что изъ соединенія всѣхъ

такихъ частицъ произойдетъ организованное тѣло, подобное первоначальному“ (Oeuvres de Buffon. Tome III, 1837, стр. 16).

Изъ приведенной цитаты очевидно, что сущность гипотезы Бюффона заключается въ томъ, что воспроизводительныя „тѣльца“, т.-е. клѣтки, о которыхъ во времена Бюффона еще не имѣли понятія, должны образоваться изъ суммы частицъ, отдѣляемыхъ органами; стимуломъ въ такому отдѣленію служить избытокъ питанія или, лучше связать, достиженіе органомъ извѣстнаго предѣла роста. Такъ какъ эти частицы должны заключать въ себѣ всѣ особенности органа, изъ котораго онѣ отдѣляются, то воспроизводительныя клѣтки, содержащія въ зачаткѣ или въ формѣ частицъ всѣ особенности различныхъ органовъ даннаго организма, неизбѣжнымъ образомъ должны передавать эти особенности развивающемуся изъ нихъ организму.

Чрезвычайно простая и остроумная гипотеза Бюффона, согласная съ современными понятіями о размноженіи и зависимости его отъ питанія, представляетъ, однако, нѣкоторыя трудности съ физиологической стороны. Существенный недостатокъ ея заключается въ томъ, что она не указываетъ ни пути, которымъ органическія частицы родителей попадаютъ въ воспроизводительныя клѣтки, ни способа, которымъ онѣ развиваются въ новый организмъ. Подобный упрекъ можетъ быть, впрочемъ, сдѣланъ и другимъ болѣе позднимъ гипотезамъ, и тѣмъ съ болѣшимъ основаніемъ, что наука, со времени Бюффона, сдѣлала гигантскіе шаги въ сферѣ положительныхъ изслѣдованій. Неотъемлемое достоинство гипотезы Бюффона заключается въ устанавливаемой ею причинной связи между отдѣленіемъ частицъ отъ тѣла родителя и избыткомъ его питанія. Не только размноженіе, въ силу этого, является роковымъ слѣдствіемъ питанія, но и унаслѣдованіе родительскихъ признаковъ является естественнымъ слѣдствіемъ размноженія.

Идея отдѣленія частицъ отъ родительскаго организма для образованія воспроизводительныхъ клѣтокъ составляетъ сущность и дарвиновской гипотезы, названной имъ „пангенезисомъ“. Дарвинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „еслибы Бюффонъ предполагалъ, что его органическія частицы образуются во всемъ организмѣ каждой его единицей, то его возрѣніе было бы совершенно подобно моему“ (Дарвинъ. Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Перев. Ковалевскаго, т. II, стр. 407). Вотъ главныя основанія пангенезиса, изложенныя, по возможности, подлинными словами Дарвина: „Всѣми единогласно признано, — говоритъ Дарвинъ, — что клѣтки, или органическія единицы, размножаются дѣ-

леніемъ, не измѣняя своей природы и окончательно превращаясь въ различныя ткани тѣла. Но я принимаю, что, сверхъ этого способа размноженія, клѣточки, до своего образованія въ совершенно пассивный „выработанный матеріалъ“, отдѣляютъ отъ себя мельчайшія частицы, или атомы, свободно обращающіеся по всей системѣ, размножающіеся въ случаѣ надлежащаго питанія посредствомъ дѣленія и превращающіеся окончательно въ клѣточки, подобныя тѣмъ, отъ которыхъ произошли сами. Эти частички можно назвать зачаточными клѣточками, или—такъ какъ целлюлярная теорія не вполне доказана—просто зачатками“ (Дарвинъ. Прир. жив. и воздѣл. растенія, т. II, стр. 406). Количество зачатковъ, отдѣляемыхъ клѣтками, находится въ зависимости отъ сложности клѣтки. Для простѣйшихъ организмовъ, обладающихъ однообразной организаціей, достаточна самая ничтожная отдѣлившаяся частица, чтобы произвести цѣлый организмъ; „но еслибы верхняя и нижняя поверхности (клѣтки) отличались между собою и отъ средней части, тогда всѣ три части должны были бы отдѣлять зачатки или атомы, которые, соединяясь въ силу взаимнаго сродства, образовали бы почки или половые элементы“ (тамъ же, стр. 408). Отсюда слѣдуетъ, что для сложныхъ организмовъ, которые имѣютъ клѣтки сложной и разнообразной формы, каждая клѣтка должна отдѣлить отъ себя нѣсколько зачатковъ, а слѣдовательно число зачатковъ, заключенныхъ въ яйцѣ, должно весьма значительно превзойти число элементовъ готоваго тѣла. Это обстоятельство составляетъ одинъ изъ наиболѣе уязвимыхъ пунктовъ пангенезиса; если яйцо, столь маленькая клѣтка, должно вмѣщать въ себѣ такое громадное количество наследственныхъ частицъ, то величина этихъ частицъ должна быть такъ мала, что, по справедливому замѣчанію Негели, зачаткамъ слѣдовало бы приписать не физическія, а метафизическія качества (невѣсомость и т. п.).

Гипотеза пангенезиса, весьма близкая по существу съ гипотезою Бюффона, уступаетъ послѣдней въ разъясненіи причинной зависимости между процессомъ отдѣленія зачатковъ и другими отправленіями организма. По гипотезѣ Бюффона это отдѣленіе есть результатъ избытка питанія; гипотеза Дарвина оставляетъ этотъ вопросъ совершенно открытымъ. Механическія условія сложения зачатковъ, имѣющія мѣсто образованія воспроизводительныхъ клѣтокъ и разложенія ихъ при развитіи зародыша, въ одинаковой мѣрѣ мало выяснены обѣими гипотезами. Допуская существованіе „циркулирующихъ плавающихъ зачатковъ“ въ организмѣ, мы должны вмѣстѣ съ этимъ допустить существованіе такихъ силъ,

которыя бы направляли эти зачатки въ опредѣленные мѣста, т.-е. въ воспроизводительныя кѣтки. Эти силы совершенно неизвѣстны, и существованіе ихъ даже не затронуто ни пангенезисомъ Дарвина, ни гипотезой Бюффона. Далѣе, если плазма воспроизводительныхъ кѣтокъ состоитъ изъ зачатковъ кѣтокъ родителей, то, чтобы вліять на развитіе зародыша, она должна представлять и опредѣленное распредѣленіе этихъ зачатковъ. Зачатки должны освобождаться въ опредѣленномъ порядкѣ при развитіи зародыша— иначе послѣдовательность стадій развитія является совершенно неясною. Распредѣленіе зачатковъ въ воспроизводительныхъ кѣткахъ должно, конечно, зависѣть отъ порядка ихъ наслоенія, т.-е. отъ послѣдовательности, въ которой они отдѣляются отъ кѣтокъ организма и группируются въ воспроизводительныхъ кѣткахъ. Въ этомъ отношеніи пангенезисъ не только не даетъ отвѣта, но и не стремится къ этому. Дарвинъ говоритъ: „совершенно излишне было бы пускаться въ какія бы то ни было соображенія относительно періода, когда органическія единицы отдѣляются отъ себя свои зачатки, такъ какъ весь вопросъ развитія различныхъ элементарныхъ тканей подверженъ большому сомнѣнію“ (тамъ же, стр. 414). Однако этотъ вопросъ весьма важенъ не только для объясненія механизма унаслѣдованія, но еще болѣе для объясненія нѣкоторыхъ явленій наследственности, имѣющихъ большое значеніе для теоріи измѣняемости видовъ. Мы имѣемъ въ виду именно унаслѣдованіе измѣненій организма въ соответствующемъ возрастѣ. Дарвинъ (стр. 428), не имѣя къ тому основанія, находитъ, что эта именно группа фактовъ, рѣшительно необъяснимая на основаніи какой-либо другой гипотезы, понятна до извѣстной степени на основаніи пангенезиса. Напротивъ, эта группа фактовъ можетъ быть понятна только тогда, когда будетъ принято правильное расположеніе зачатковъ, соответствующее послѣдовательному развитію органовъ и тканей въ родительскомъ организмѣ. Если допустить, что зачатки кѣтокъ расположены такъ, что онѣ освобождаются изъ воспроизводительныхъ кѣтокъ по мѣрѣ того, какъ зародышевыя кѣтки развиваются, тогда, конечно, для освобожденія каждаго зачатка будетъ свое время и мѣсто, а слѣдовательно и зачатки измѣненныхъ у родителей кѣтокъ, отложившіеся въ воспроизводительную кѣтку, будутъ отдѣляться въ періодъ, соответствующемъ ихъ измѣненію. Разъ такого распредѣленія зачатковъ не существуетъ, или, другими словами, разъ зачатки будутъ располагаться не въ порядкѣ, соответствующемъ ихъ отдѣленію отъ кѣтокъ,—унаслѣдованіе признаковъ въ соответствующемъ возрастѣ является совершенно неяснымъ и на

основаніи пангенезиса, какъ и на основаніи любой гипотезы, не признающей необходимости такого распредѣленія.

Такъ какъ зачатки, отдѣляемые клѣтками, заключаютъ въ себѣ всѣ особенности клѣтокъ, то всякое измѣненіе клѣтки, происходящее вслѣдствіе вліянія вѣшнихъ дѣятелей, должно черезъ зачатки передаваться слѣдующему поколѣнію. Относительно передачи приобрѣтенныхъ особенностей по наслѣдству Дарвинъ выражается очень опредѣленно. Онъ говоритъ: „Въ многочисленныхъ случаяхъ измѣненій, вызванныхъ непосредственнымъ дѣйствіемъ измѣненныхъ условий,—будутъ ли эти измѣненія опредѣленнаго или неопредѣленнаго свойства, каково, напр., измѣненіе руна въ теплыхъ климатахъ, маиса въ холодныхъ, наслѣдственная подагра и проч.,—по теоріи пангенезиса ткани тѣла непосредственно измѣняются, а слѣдовательно и отдѣляютъ измѣнившіеся зачатки, которые передаются со вновь приобрѣтенными особенностями потомству (тамъ же, стр. 426). При этомъ Дарвинъ допускаетъ зависимость измѣнчивости по крайней мѣрѣ отъ двухъ причинъ: „во-первыхъ, отъ недостатка, отъ избытка, отъ сліянія, отъ перемѣщенія зачатковъ или отъ развитія зачатковъ, находившихся въ состояніи оцѣпенѣнія. Въ этихъ случаяхъ въ самыхъ зачаткахъ не произошло никакого измѣненія, но подобныя перестановленія объясняютъ значительную долю подвижной измѣнчивости. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда на организмъ повліяло дѣйствіе измѣненныхъ условий, дѣятельность или бездѣйствіе органовъ, или какая другая причина,—то и зачатки, отдѣленные измѣненными органами, будутъ сами измѣнены, а при достаточномъ размноженіи сами разовьются въ новый измѣненный организм“ (стр. 428). Приведенною цитатою весьма рѣзко устанавливается двойственность природы измѣненій, передающихся въ наслѣдство. Въ индивидуальныхъ и расовыхъ измѣненіяхъ животныхъ и растений слѣдуетъ различать двѣ категоріи: 1) самопроизвольныя или внезапныя измѣненія, зависяція отъ внутреннихъ причинъ, отъ различныхъ измѣненій въ расположеніи, развитіи и т. п. зачатковъ; и 2) измѣненія, происходяція отъ дѣйствія вѣшнихъ причинъ, физическихъ условий, дѣятельности органовъ и проч. Первые будемъ называть прирожденными, вторыя—приобрѣтенными. Мы возвратимся въ этому предмету дальше и рассмотримъ его подробнѣе.

Достоинство всякой гипотезы опредѣляется ея способностью объяснить возможно большее количество явленій. Кромѣ указанныхъ выше нѣкоторыхъ недостатковъ гипотезъ, стремящихся объяснить наслѣдственные явленія образованіемъ зачатковой плазмы черезъ

отдѣленіе частицъ родительскаго организма, мы должны указать еще на одинъ, а именно, на безсиліе ихъ при объясненіи явленій „атавизма“, т.-е. внезапнаго появленія—въ болѣе или менѣе отдаленномъ потомствѣ—признаковъ его предковъ. Если въ какой-либо особи не развился признакъ, существовавшій у ея родителей, то на основаніи вышеизложенныхъ принциповъ бюффоновской и дарвиновской гипотезъ слѣдуетъ заключить, что въ зачатковой плазмѣ, давшей начало этой особи, такой признакъ не былъ заложенъ въ формѣ зачатка. Особенности, не существующія у родителей, согласно тѣмъ же принципамъ, не могутъ передаваться дѣтямъ. слѣдовательно, разъ какой-либо признакъ исчезъ въ какомъ-либо поколѣніи—онъ исчезъ навсегда и не долженъ появляться ни въ одномъ изъ слѣдующихъ поколѣній. Однако мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся въ природѣ съ явленіями атаквизма, и въ исторіи развитія организмовъ какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, они должны были играть не послѣднюю роль; съ ними намъ приходится считаться при соображеніяхъ относительно причинъ наслѣдственности и, конечно, отдавать преимущество тѣмъ гипотезамъ, которыя въ силахъ ихъ объяснить. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ—гипотезы, основанныя на принципѣ непрерывности зачатковой плазмы, являются гораздо болѣе сильными, чѣмъ только-что рассмотрѣнныя.

Совершенно неосновательно считаютъ творцомъ гипотезы непрерывности зачатковой плазмы Вейсмання. Такое мнѣніе установилось и очень энергично поддерживается, благодаря стараніямъ Вейсмання выставить свое старшинство въ этомъ вопросѣ. Мысль о непрерывной передачѣ зачатковой плазмы однимъ поколѣніемъ слѣдующему назрѣла давно и была одновременно почти высказана нѣсколькими учеными. Іегеръ, Нуссбаумъ, Негели, Вейсмання, можетъ быть, совершенно независимо другъ отъ друга пришли въ этой мысли и развили ее въ своихъ сочиненіяхъ болѣе или менѣе подробно. Если руководствоваться хронологическимъ порядкомъ, то пальма первенства въ этомъ отношеніи безспорно должна принадлежать Іегеру, который, однако, высказалъ ее въ такой сжатой формѣ, что она легко могла ускользнуть отъ вниманія его невольныхъ послѣдователей, не упомянувшихъ даже имени Іегера, какъ ихъ предшественника. Къ группѣ ученыхъ, разработывающихъ теперь вопросъ о непрерывности зачатковой плазмы, слѣдуетъ причислить и Негели, которому наука обязана самыми подробными и обстоятельными соображеніями относительно молекулярнаго строенія зачатковой плазмы. Вейсмання принадлежитъ распространеніе этой мысли, развитіе ея, а также нѣкто-

рыя видоизмѣненія гипотезы, высказанной до него другими учеными.

Прежде чѣмъ обратиться къ зачатковой плазмѣ, мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь основные принципы теоріи Негели или теоріи „идіоплазмы“, имѣющей къ нашему вопросу непосредственное отношеніе. Это значительно облегчитъ ознакомленіе съ гипотезой о непрерывности зачатковой плазмы, такъ какъ послѣдняя есть не что иное какъ видоизмѣненіе идіоплазмы. Основныя положенія этой гипотезы Негели таковы. Въ каждомъ организмѣ слѣдуетъ различать два рода веществъ, или, употребляя наиболѣе популярный научный терминъ, два рода плазмъ: питательную плазму и образовательную. Первая служитъ орудіемъ или органомъ питанія особи; вторая есть главный двигатель при различныхъ образовательныхъ процессахъ, какъ-то: образованіи новыхъ частей въ организмѣ, возобновленіи утраченныхъ, а также и въ процессѣ образованія потомства. Такъ какъ, по мнѣнію Негели, этотъ послѣдній родъ плазмы отражаетъ въ своемъ молекулярномъ строеніи всѣ признаки особи, органа и проч., въ которыхъ онъ находится, то Негели называетъ эту плазму—идіоплазмой. Въ каждой особи и въ каждомъ органѣ находится своя идіоплазма, а слѣдовательно она есть и въ воспроизводительныхъ клѣткахъ; здѣсь она называется зачатковой плазмой. Отправленіе и роль питательной плазмы и идіоплазмы различны другъ отъ друга. Если растеніе растетъ, образуетъ новую вѣтвь, цвѣтокъ и проч., то всѣ эти процессы совершаются подъ вліяніемъ идіоплазмы. Съ ростомъ каждой вѣтви растетъ также и идіоплазма, не измѣняя своихъ свойствъ. Если растеніе или животное размножается при помощи яйцевой клѣтки, то весь сложный процессъ развитія новаго поколѣнія обязанъ своимъ существованіемъ дѣятельности идіоплазмы воспроизводительной клѣтки, т.-е. дѣятельности зачатковой плазмы. Напротивъ, если растеніе или животное накапливаетъ питательный матеріалъ, потребляющійся при ростѣ особи или при образованіи новаго поколѣнія, то въ этомъ процессѣ дѣятельною является питательная плазма.

Такъ какъ образовательные процессы могутъ происходить въ каждой части организма, то въ каждомъ мельчайшемъ органѣ, въ каждой клѣткѣ, должна находиться идіоплазма. Вслѣдствіе этого, Негели представляетъ себѣ идіоплазму въ формѣ сѣти, проходящей черезъ весь организмъ особи. Въ каждомъ пунктѣ организма идіоплазма имѣетъ свои особенности, такъ какъ въ одной части организма она можетъ произвести вѣтвь, въ другой цвѣтокъ, въ третьей листь, и т. д. Само собою разумѣется, что

между идиоплазмами различныхъ особей должны существовать еще болѣе рѣзкія различія, чѣмъ между идиоплазмами органовъ одной и той же особи. Отсюда слѣдуетъ, что каждая особь и каждый ея органъ образуются изъ своей особой идиоплазмы.

Идиоплазма должна обладать способностью роста въ значительной степени; выростая, она нисколько не измѣняетъ своего строенія, такъ что каждая малѣйшая индивидуальная особенность организма можетъ ею передаваться въ потомство. Такая способность идиоплазмы обуславливается ея молекулярнымъ строеніемъ. Негели предполагаетъ, что идиоплазма состоитъ изъ молекулъ, соединяющихся въ группы, образующія кристаллическія тѣльца, которыя онъ называетъ „мицеллями“. Мицелли расположены въ идиоплазмѣ продольными рядами. Число рядовъ во время роста идиоплазмы остается постояннымъ, но количество мицеллей можетъ измѣняться. Во время роста особи, между уже существующими мицеллями даннаго ряда появляются новыя, которые вливаются и обуславливаютъ такимъ образомъ удлиненіе ряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выростаніе идиоплазмы. Мицелли, группируясь вмѣстѣ, образуютъ зачатки различныхъ признаковъ особи, находящихся, конечно, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ другимъ признакамъ той же особи. Такъ какъ расположеніе этихъ группъ мицеллей, или зачатковъ, должно быть постояннымъ, и такъ какъ оно находится въ связи съ расположеніемъ рядовъ мицеллей, то послѣднее должно быть также постояннымъ. Въ этомъ постоянствѣ Негели видитъ консервативный элементъ развитія; прогрессивный элементъ, т.-е. способность къ образованію въ потомствѣ такихъ особенностей, которыхъ у родителей нѣтъ, т.-е. измѣнчивость организма, — требуетъ измѣненій и преобразованій въ рядахъ мицеллей идиоплазмы. Образованіе новыхъ признаковъ должно отражаться въ идиоплазмѣ образованіемъ новыхъ рядовъ мицеллей, которые или смѣшиваются со старыми, или являются совершенно обособленными.

„Въ яйцевой клѣткѣ, — говоритъ Негели, — заключаются всѣ качества дефинитивнаго состоянія организма“. Вещество яйцевой клѣтки отличается отъ вещества остальныхъ клѣтокъ организма тѣмъ, что оно способно къ дальнѣйшему развитію; оно поэтому называется зачаткомъ. Это вещество есть плазма, состоящая изъ бѣлковыхъ веществъ, сложенныхъ изъ молекулъ, собирающихся въ кристалловидныя мицелли. Расположеніе мицеллей въ зачатковой идиоплазмѣ (зачатковой плазмѣ) должно быть строго опредѣленнымъ и соответственнымъ организаціи особи, которой эта плазма можетъ давать начало. „Идиоплазма зачатка, — говоритъ

Негели, — есть микрокосмическое изображение взрослой (макркосмической) особи; какъ послѣдняя состоитъ изъ органовъ, тканей и клѣтокъ, такъ первая составлена изъ множества мицеллей, соединяющихся въ единицы высшихъ порядковъ и составляющихъ зачатки клѣтокъ, тканей и органовъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что мицелли соотвѣтствуютъ, напр., клѣткамъ, или имѣютъ съ ними одинаковое расположеніе; напротивъ, распредѣленіе тѣхъ и другихъ существенно отличается другъ отъ друга“ (Naegeli, *Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre*, стр. 26).

Механизмъ развитія особи по законамъ наслѣдственности Негели объясняетъ возбужденіемъ различныхъ группъ мицеллей, соотвѣтственно признакамъ различныхъ стадій, черезъ которыя проходитъ развивающаяся особь. Строеніе зачатковой плазмы, а именно распредѣленіе въ ней зачатковъ соотвѣтствуетъ исторіи вида, т.-е. филогеніи его; зачатки распредѣляются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они образовывались въ теченіе продолжительнаго періода времени, въ которомъ вырабатывались исторически признаки вида. „Развитіе особи (онтогенія) есть краткое повтореніе развитія вида (филогенія)“ — этотъ основной биогенетическій законъ находитъ свое объясненіе именно въ такомъ исторически-установившемся распредѣленіи зачатковъ. Дѣятельность зачатковой плазмы во время развитія особи заключается въ переходѣ группы мицеллей, образующихъ зачатокъ, соотвѣтствующій извѣстнымъ признакамъ особи, — изъ покоящагося состоянія въ состояніе возбужденія. Возбужденіе заключается главнымъ образомъ въ ростѣ рядовъ мицеллей. Такъ какъ эти ряды связаны съ другими, то активный ростъ ихъ вызываетъ пассивное соотвѣтственное движеніе въ сосѣднихъ рядахъ. Возбужденная къ движенію и росту, идиоплазма порождаетъ питательную плазму, обуславливаетъ образованіе изъ нея химически различныхъ веществъ, изъ которыхъ строится организмъ, и даетъ этому строительному матеріалу необходимую пластическую силу. Все развитіе особи сопровождается и направляется постояннымъ развитіемъ молекулярныхъ силъ въ отдѣльныхъ зачаткахъ. Идиоплазма, вырастая, всегда сохраняетъ свои специфическія особенности; измѣняются только ея напряженіе и движеніе. Слѣдовательно, въ каждой клѣткѣ молекулярный составъ идиоплазмы остается одинъ и тотъ же, измѣняются только молекулярныя силы, соотвѣтственно отдѣльнымъ стадіямъ развитія и отдѣльнымъ признакамъ развивающейся особи. Отсюда вытекаетъ важный выводъ, относительно воспроизводительной способности клѣтокъ организма вообще. Мы должны признать, что различіе идиоплазмъ разныхъ клѣтокъ организма

состоить не въ количественномъ различіи зачатковъ ихъ, а въ качественномъ, т.-е. въ способности идиоплазмы развивать ту или другую сумму признаковъ данной клѣтки. Каждая клѣтка можетъ, слѣдовательно, по наличному составу своей идиоплазмы образовать цѣлый организмъ, другими словами, — каждая клѣтка можетъ стать воспроизводительною. По мнѣнію Негели, первоначально каждая клѣтка и обладала этою способностью; впоследствии же это свойство было утрачено многими клѣтками и осталось только у тѣхъ, которыя специализировались въ воспроизводительныя. Теперь эта способность сохраняется каждою клѣткою только у тѣхъ низшихъ животныхъ и растительныхъ существъ, у которыхъ зачатковая плазма не отдѣлена отъ питательной, какъ напр. у одноклѣтчныхъ организмовъ и у тѣхъ изъ многоклѣтныхъ, у которыхъ еще каждая клѣтка одарена способностью давать, раздѣляясь на части, начало новой клѣточной колоніи. Не всѣ высшія растенія утратили способность каждой клѣткою своего организма производить новую особь; такъ напр., кусочки листьевъ бегоніи могутъ давать начало цѣлому растенію; еще большая степенъ воспроизводительной способности въ клѣткахъ листьевъ замѣчается у нѣкоторыхъ изъ первоцвѣтныхъ (*Primulaceae*). Всѣ эти случаи составляютъ, однако, исключенія, такъ какъ у остальныхъ растеній и животныхъ воспроизводительная способность сохраняется исключительно за воспроизводительными клѣтками, остальные же элементы организма утратили ее. На вопросъ о причинахъ этой утраты Негели не даетъ прямого отвѣта. Изъ основныхъ положеній гипотезы идиоплазмы можно заключить, что онѣ лежатъ не въ измѣненіи состава идиоплазмы. Негели говоритъ: „каждая перекладина идиоплазматической сѣти содержитъ всѣ зачатки, которые данный индивидъ унаслѣдовалъ“ отъ родителей; слѣдовательно, идиоплазма каждой клѣтки по составу совершенно подобна идиоплазмѣ воспроизводительныхъ клѣтокъ. Причина различія въ идиоплазмахъ должна, слѣдовательно, заключаться въ различіи ихъ молекулярныхъ силъ; не говоря уже о томъ, что съ этими силами мы вообще очень мало знакомы, но еслибы даже и были знакомы, то намъ предстояло бы отвѣтить на вопросъ: почему же онѣ измѣнились?

Самымъ естественнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ было бы предположеніе, что нѣкоторые зачатки такихъ неспособныхъ производить потомство клѣтокъ находятся въ покоящемся состояніи. Подобное объясненіе можно дать нѣкоторымъ явленіямъ наследственности, напр. явленіямъ атавизма, въ которыхъ отсутствіе признаковъ у сына или дочери и появленіе ихъ у внука

или внушки легче всего можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ первомъ случаѣ нѣкоторые зачатки были недѣятельны, во второмъ пришли въ дѣятельное состояніе. Но для каждаго такого объясненія необходимы факты, на которыхъ можно было бы основать его. Если во всѣхъ клѣткахъ, лишенныхъ воспроизводительной способности, зачатки находятся въ недѣятельномъ состояніи, то весьма естественно заключить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могутъ придти въ активное, дѣятельное состояніе; слѣдовательно, могутъ быть случаи, когда какая-либо невоспроизводительная клѣтка тѣла начнетъ производить потомство, подобно воспроизводительной. Подобнаго рода случаи если и встрѣчаются, то весьма рѣдко, и опорой мнѣнія о сохраненіи зачатковъ въ разныхъ закоулкахъ идиоплазмы служить не могутъ. Мы знаемъ, что клѣтки тѣла не совершенно утрачиваютъ воспроизводительную способность. Онѣ могутъ производить подобныя имъ клѣтки, могутъ участвовать въ воспроизведеніи потерянныхъ частей у очень многихъ организмовъ, но не въ состояніи произвести цѣлаго организма, на подобіе воспроизводительныхъ половыхъ и бесполовыхъ клѣтокъ. Слѣдовательно, воспроизводительная способность ихъ существуетъ, но она въ большей или меньшей степени ограничена. Эта ограниченность составляетъ ихъ главное отличіе отъ воспроизводительныхъ клѣтокъ, и если функція послѣднихъ основывается на томъ, что въ нихъ существуютъ зачатки каждой особенности развивающагося организма, то прямая и естественная причина ограниченности этой функціи должна лежать въ отсутствіи нѣкоторыхъ изъ этихъ зачатковъ. Если же нѣкоторые зачатки отсутствуютъ, то распредѣленіе мицеллей въ такихъ клѣткахъ будетъ иное, чѣмъ въ воспроизводительныхъ, а слѣдовательно и строеніе идиоплазмы въ нихъ должно быть иное, чѣмъ въ послѣднихъ. Путемъ этихъ соображеній мы приходимъ къ заключенію, что въ каждомъ организмѣ слѣдуетъ различать двоякаго рода клѣтки: воспроизводительныя, заключающія въ своей идиоплазмѣ зачатки всѣхъ признаковъ организма и служащія для передачи этихъ признаковъ развивающемуся изъ нихъ потомству, и клѣтки тѣла, соматическія, различнымъ образомъ специализировавшіяся, сообразно съ функціей, которую онѣ выполняютъ, и служащія для поддержанія индивидуальной жизни. Первые клѣтки служатъ для поддержанія вида, вторыя—для поддержанія особи. Идиоплазма тѣхъ и другихъ должна имѣть различное строеніе и, соотвѣтственно съ этимъ, различную функцію. Идиоплазму зачатковыхъ клѣтокъ называютъ зачатковой плазмой,

идіоплазму тѣлесныхъ—соматической ¹⁾). Обѣ плазмы находятся другъ къ другу въ тѣсныхъ генетическихъ отношеніяхъ, несмотря на существенныя отличія въ роли и значеніи, которыя онѣ играютъ при развитіи особи, вида, а слѣдовательно и органическаго міра.

Мы приходимъ теперь къ основнымъ принципамъ гипотезы о непрерывности зачатковой плазмы. Ихъ можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) зачатковая плазма, служащая источникомъ для образованія потомства, образуется независимо отъ тѣла родителей; этотъ тезисъ диаметрально противоположенъ взглядамъ Бюффона и Дарвина на способъ образованія зачатковой плазмы воспроизводительныхъ клѣтокъ; 2) зачатковая плазма передается отъ поколѣнія къ поколѣнію непрерывно, пока существуетъ данный видъ на землѣ; отсюда слѣдуетъ рѣзкое различіе между зачатковой и соматической плазмами; такъ какъ послѣдняя имѣетъ значеніе только для жизни особи, а не вида, то со смертію особи она умираетъ; зачатковая же плазма, передаваясь непрерывно отъ одного поколѣнія къ другому, представляетъ безконечную плазму, живущую до тѣхъ поръ, пока живетъ видъ; 3) измѣненія, происходящія въ тѣлѣ особи, т.-е. въ соматической плазмѣ, передаются въ потомство тогда, когда онѣ какимъ-либо путемъ соотвѣтственно измѣняютъ строеніе зачатковой плазмы. Источникомъ всѣхъ измѣненій, являющихся въ какомъ-либо поколѣніи особей служатъ измѣненія зачатковъ зачатковой плазмы. Такъ какъ зачатковая плазма функционируетъ во все время существованія данного вида и его предковъ, то она должна отражать въ себѣ особенности всѣхъ предковъ данного вида и особи.

Все связанное выше о строеніи и функціи идіоплазмы можетъ относиться къ зачатковой плазмѣ. Мы ограничимся здѣсь только рассмотрѣніемъ генетическихъ отношеній зачатковой плазмы къ соматической,—отношеній, вытекающихъ изъ развитія особи.

Развитіе каждаго многоклѣтнаго организма изъ яйца начинается дѣленіемъ яйцевой клѣтки на двѣ части, на двѣ сегментныя клѣтки; за этимъ дѣленіемъ слѣдуетъ рядъ новыхъ дѣленій сегментныхъ клѣтокъ, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока яйцо не раздробится на множество мелкихъ клѣтокъ, изъ которыхъ строится зародышъ. Этотъ процессъ дѣленія яйца называется сегментациею. Клѣтки, на которыя раздробилось яйцо, могутъ быть одинаковы или различны. Въ послѣднемъ случаѣ, часто уже въ довольно раннихъ стадіяхъ развитія, можно опредѣлить, какія изъ

¹⁾ Мы употребляемъ это названіе въ томъ смыслѣ, какъ Вейсманъ употребляетъ названіе „гистогенная“ плазма, наводя его болѣе удачнымъ, чѣмъ послѣднее.

этихъ сегментныхъ клѣтокъ пойдутъ на постройку пищеварительнаго канала, какія на постройку кожи съ нервной системой, мышцъ и проч. Каждая изъ такихъ клѣтокъ, происшедшихъ изъ яйца, существенно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что она не можетъ дать начало цѣлой особи, какъ яйцо, а только группѣ органовъ или частей особи; отсюда слѣдуетъ заключить, что и плазма ея существенно разнится отъ плазмы яйца, т.-е. отъ зачатковой плазмы; она включаетъ въ себѣ зачатки не всѣхъ органовъ особи, а только нѣкоторыхъ. Въ клѣткахъ, дающихъ начало кожѣ, нервной системѣ и органамъ чувствъ, заключается плазма, несущая зачатки наслѣдственныхъ признаковъ именно этихъ органовъ; въ клѣткахъ, изъ которыхъ впоследствии строится пищеварительный каналъ, содержатся наслѣдственные признаки или зачатки пищеварительнаго канала. Такъ какъ первая изъ упомянутыхъ категорій клѣтокъ можетъ дать начало развитію трехъ различныхъ органовъ: кожи, нервной системы и органовъ чувствъ, то плазма ея должна быть очень сложна; въ теченіе слѣдующихъ стадій развитія она разлагается на свои составныя части. При дальнѣйшемъ дѣленіи этой кожно-чувствительной клѣтки плазма ея разлагается на двѣ качественно-различныя части: одну, заключающую зачатокъ признаковъ кожи и кожныхъ образованій, другую—зачатокъ признаковъ нервной системы и органовъ чувствъ. Когда получились клѣтки, заключающія только зачатки признаковъ одного органа кожи, то дальнѣйшее развитіе ихъ заключается въ размноженіи путемъ дѣленія, причемъ плазма ихъ качественно не измѣняется, вѣроятно если не образуется какихъ-либо новыхъ органовъ, напр. кожныхъ образованій, какъ-то: волосъ, кожныхъ железъ и проч. Клѣтки, заключающія наслѣдственную плазму нервной системы и органовъ чувствъ, при дальнѣйшемъ дѣленіи раздѣляются на двѣ группы: однѣ изъ нихъ будутъ содержать плазму нервной системы, другія — органовъ чувствъ. Дальнѣйшія измѣненія идутъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при первоначальномъ обособленіи плазмъ. Процессъ развитія зародыша, съ точки зрѣнія дѣятельности зачатковой плазмы, представляетъ постепенный рядъ разложеній этой плазмы, содержащей въ себѣ зачатки всѣхъ признаковъ особи, на различныя плазмы, заключающія зачатки отдѣльныхъ признаковъ ея. Это разложеніе идетъ рука объ руку съ постепеннымъ специализированіемъ частей зародыша. Каждый органъ зародыша, каждая клѣтка его получаетъ свою плазму, отличающуюся отъ первоначальной зачатковой плазмы болѣе ограниченной воспроизводительною способностью. Плазма, заключающаяся въ такихъ клѣткахъ

будетъ соматическою плазмой. На основаніи всего сказаннаго, мы можемъ разсматривать развитіе зародыша какъ разложеніе зачатковой плазмы на сумму соматическихъ плазмъ.

Спрашивается: какимъ же образомъ зачатковая плазма, разложившись и израсходовавшись на образованіе различныхъ органовъ зародыша, опять возвращается въ прежнее состояніе, чтобы дать начало зачатковой плазмѣ яйца слѣдующаго поколѣнія. Проще всего можно было бы представить, что соматическія плазмы отдѣльныхъ частей тѣла, составляющія, какъ видно изъ сказаннаго, только части зачатковой плазмы, соединяются вмѣстѣ для образованія послѣдней. О такомъ происхожденіи зачатковой плазмы, по мнѣнію Вейсмана, не можетъ быть однако и рѣчи. Онъ доказываетъ, что при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ вѣроятность такого превращенія соматической плазмы въ зачатковую равна $\frac{1}{1024}$, т.-е. изъ 1024 случаевъ только 1 разъ оно возможно, что, конечно, равняется признанію невозможности. Остается принять, что не вся зачатковая плазма расходуется на образованіе соматической плазмы, а часть ея остается неизмѣнной. Эта-то часть, по мнѣнію Вейсмана, помѣщается въ извѣстныхъ клеткахъ и обуславливаетъ функціи послѣднихъ, какъ воспроизводительныхъ клетокъ.

До сихъ поръ, разсматривая механическія условія наследственной передачи признаковъ, мы имѣли въ виду полную передачу признаковъ отъ родителей къ дѣтямъ, т.-е. предполагали полное тождество между первыми и послѣдними. Въ природѣ такого тождества не существуетъ. Каждому извѣстно, что особи, происходящія отъ однихъ и тѣхъ же родителей, отличаются другъ отъ друга и притомъ иногда довольно сильно. Въ развитіи каждаго организма, кромѣ консервативныхъ силъ, служащихъ для сохраненія видовыхъ признаковъ, работаютъ и прогрессивныя, служащія для образованія индивидуальныхъ измѣненій. Эти измѣненія играютъ громадную роль въ развитіи органическихъ формъ, такъ какъ служатъ зачатками болѣе крупныхъ измѣненій, появляющихся вслѣдствіе усиленія ихъ въ потомствѣ подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Отчего они происходятъ? Громадная часть ихъ обуславливается вліяніемъ внѣшней среды, жизненной обстановки, вызывающей упражненіе одного органа, бездѣятельность другого и пр. Но, какъ увидимъ далѣе, передача большинства изъ этихъ, такъ-называемыхъ приобрѣтенныхъ измѣненій сомнительна, и во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ образованія новыхъ видовъ, этой категоріи измѣненій принадлежитъ не особенно важное значеніе. Тѣмъ не менѣе, измѣненія существуютъ, и пе-

Ихъ происхожденіе по наследствѣ несомнѣнно. Значитъ, причина ихъ должна заключаться въ зачатковой плазмѣ. Сама по себѣ зачатковая плазма мало способна измѣняться. Это видно изъ того количества, что виды, существовавшіе за 4.000 лѣтъ до насъ и выходящія въ египетскихъ пирамидахъ, тождественны съ нынѣ существующими. Отсюда слѣдуетъ, что причину измѣнчивости зачатковой плазмы надо искать въ условіяхъ ея дѣятельности при развитіи зародыша. Вейсманнъ предполагаетъ ее въ нѣкоторыхъ кристаллахъ, сопровождающихъ развитіе зародыша, а именно, въ выдѣленіи части зачатковой плазмы изъ яйца въ формѣ такъ называемыхъ полярныхъ клѣтокъ и въ соединеніи двухъ родительскихъ плазмъ передъ началомъ развитія зародыша.

Зачатковая плазма, въ силу того, что она передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, слагается изъ множества зачатковыхъ плазмъ предковъ каждой особи. Самымъ простымъ вычисленіемъ можно убѣдиться, что уже въ теченіе немногихъ поколѣній зачатковая плазма будетъ переполнена плазмами предковъ, которыя вслѣдствіе этого будутъ имѣть невообразимо малый объемъ. Такъ напр., въ первомъ поколѣніи она будетъ состоять изъ $\frac{1}{2}$ плазмъ обоихъ родителей; во второмъ, — такъ какъ зачатковая плазма каждаго изъ родителей состоитъ изъ $\frac{1}{2}$ отцовской и $\frac{1}{2}$ материнской плазмы, — она будетъ заключать 4 плазмы, и каждая будетъ представлять $\frac{1}{4}$ ея объема; въ третьемъ поколѣніи, въ силу тѣхъ же соображеній, она будетъ состоять изъ 8 плазмъ, въ шестомъ — изъ 64, въ десятомъ — изъ 1.024, а въ двадцатомъ — изъ 1.028.376, т.-е. плазма каждаго предка будетъ представлять одну миллионную часть ея объема. Принимая во вниманіе чрезвычайно малую величину самой зачатковой плазмы, частица плазмы предковъ въ 20 поколѣній является уже невообразимо малою. Такъ какъ однаго генеалогія каждаго вида составляетъ не изъ двадцати, а изъ тысячъ и миллионъ поколѣній, то слѣдуетъ заключить, что у всѣхъ нынѣ существующихъ на землѣ видовъ зачатковая плазма давнымъ-давно настолько переполнена плазмами предковъ, и послѣднія настолько малы по объему, что дѣятельность ихъ является немислимою. Поэтому необходимо принять, что въ развитіи особи не всѣ плазмы предковъ принимаютъ участіе, и что часть этихъ плазмъ должна быть удалена изъ яйца. При началѣ развитія каждой особи дѣйствительно и происходитъ отдѣленіе части яйца въ формѣ такъ называемыхъ полярныхъ клѣтокъ, которое Вейсманнъ считаетъ выдѣленіемъ части предковыхъ плазмъ. При этомъ, конечно, не обязательно, чтобы изъ каждаго яйца одной и той же материнской особи выдѣлялись плазмы однихъ и тѣхъ же предковъ; го-

раздо естественнѣе допустить въ этомъ отношеніи извѣстную долю разнообразія. Результатомъ выдѣленія различныхъ плазмъ предковъ изъ яйца само собою является различіе въ составѣ зачатковыхъ плазмъ яицъ, происходящихъ изъ одной и той же первоначальной зачатковой плазмы, т.-е. развивающихся въ одной и той же особи. Каждое яйцо будетъ имѣть, послѣ выдѣленія полярныхъ клѣтокъ, свой особенный составъ плазмъ, отличающійся отъ состава другихъ яицъ той же материнской особи. Такъ какъ признаки особи обуславливаются составомъ зачатковой плазмы, изъ которой она развилась, то различіе въ составѣ зачатковой плазмы, конечно, поведетъ къ различію признаковъ особей, происходящихъ изъ нея, т.-е. къ образованію индивидуальныхъ измѣненій въ дѣтяхъ, происходящихъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей.

Другой факторъ, оказывающій громадное вліяніе на измѣняемость зачатковой плазмы, есть соединеніе обѣихъ родительскихъ плазмъ въ одну, изъ которой развивается особь. Такъ какъ каждый изъ родителей имѣетъ непремѣнно свои индивидуальные особенности, то и зачатковая плазма его должна имѣть различіе въ строеніи, а этого различія одного достаточно уже для того, чтобы произвести измѣненіе въ потомствѣ. Но, кромѣ того, слѣдуетъ предположить, что и дѣятельность зачатковъ въ каждой зачатковой плазмѣ неодинакова. Одни зачатки могутъ находиться въ покоящемся состояніи; другіе изъ покоящагося состоянія могутъ переходить въ дѣятельное, или наоборотъ; третьи, комбинируясь съ сосѣдними, могутъ измѣняться; всѣ эти свойства зачатковъ, конечно, не останутся безъ вліянія на развитіе и способы произвести ту или другую сумму индивидуальныхъ особенностей. Однимъ словомъ, соединеніе родительскихъ зачатковыхъ плазмъ само собою ведетъ къ появленію измѣнчивости въ потомствѣ.

Итакъ, уже въ подготовительныхъ процессахъ къ развитію находятъ условія измѣнчивости. Эти измѣненія, корень которыхъ лежитъ въ самой зачатковой плазмѣ, принадлежатъ къ категоріи прирожденныхъ, самопроизвольныхъ, появляющихся внезапно, безъ вліянія видимыхъ внѣшнихъ причинъ. Мы видѣли выше, что, кромѣ этого рода измѣненій, существуютъ другія, происходящія подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей и называемыя приобрѣтенными. Передаются ли они въ потомствѣ? Теоретически такая передача не представляетъ ничего невозможнаго, даже и съ точки зрѣнія гипотезы непрерывности зачатковой плазмы; съ точки зрѣнія другихъ гипотезъ она является безусловно необходимою. Однихъ теоретическихъ соображеній, конечно, недостаточно для рѣшенія этого важнаго вопроса; посмотримъ, въ какой степени эта передача

приобрѣтенныхъ признаковъ или особенностей доказывается фактами.

II.

„Унаслѣдуются въ потомствѣ только тѣ признаки родителей, зачатки которыхъ находятся въ зачатковой плазмѣ“. Это есть логическій выводъ изъ теоріи непрерывности зачатковой плазмы. Отсюда вытекаетъ далѣе: измѣненія, приобрѣтенныя родителями, вслѣдствіе вліянія различныхъ жизненныхъ условий, могутъ вызывать въ потомствѣ соответственныя измѣненія только тогда, когда они измѣняютъ структуру зачатковой плазмы. Понятно, что такія измѣненія, если возможность ихъ будетъ доказана, должны образовывать въ потомствѣ устойчивыя признаки. Обратно,—если измѣненія какого бы то ни было характера, напр. большее или меньшее развитіе органа, исчезаніе его и проч., происшедшія подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ агентовъ, неустойчивы, то этимъ самымъ доказывается, что они не касаются зачатковой плазмы, а представляютъ только результатъ вліянія этихъ дѣятелей на гистогенную плазму родителей. Могутъ ли измѣненія, вызванныя у родителей вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, повліять на зачатковую плазму такъ, чтобы она произвела у потомства совершенно такія же измѣненія? Это есть спорный вопросъ, на которомъ расходятся два противоположные лагеря біологовъ: защитники и противники возможности передачи по наслѣдству признаковъ, приобрѣтенныхъ родителями или предками. Онъ касается частностей теоріи непрерывности зачатковой плазмы; поэтому неудивительно, что не только защитники, но даже основатели этой теоріи, какъ напр. Нуссбаумъ и Вейсманнъ, расходятся во взглядахъ по этому вопросу. Нуссбаумъ—защитникъ наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ признаковъ; Вейсманнъ—горячій противникъ ея. Если допустить, что измѣненія родительскаго организма могутъ передаваться черезъ зачатковую плазму потомству, то надо признать существованіе какихъ-либо посредниковъ для такой передачи, такъ какъ мы видѣли, что обѣ плазмы, зачатковая и родительская (гистогенная) живутъ отдѣльно другъ отъ друга жизнью. Такимъ посредникомъ можетъ быть только питательная плазма яйца или сѣмени (овогенная или сперматическая плазма, какъ ее называетъ Вейсманнъ). Теоретически допустить вліяніе питательной плазмы довольно трудно, такъ какъ зачатковая плазма признается весьма устойчивой и мало податливой на измѣненія. Какъ Негели, такъ и Вейсманнъ, прини-

мають, что она можетъ расти на счетъ питательной плазмы, но неспособна измѣняться подъ вліяніемъ послѣдней. Наши теоретическія воззрѣнія слагаются, однако, изъ обобщеній, вытекающихъ изъ фактовъ; вѣдь мы можемъ составлять себѣ представленіе о недоступной для наблюденія зачатковой плазмѣ по тѣмъ доступнымъ нашему наблюденію внѣшнимъ явленіямъ, которыя мы считаемъ за результатъ дѣйствія зачатковой плазмы. Если наши представленія согласны съ дѣйствительными фактами и объясняютъ ихъ, тогда они получаютъ реальную подкладку; въ противномъ случаѣ они фантастичны. Реальную подкладку въ данномъ случаѣ могутъ доставить извѣстные уже въ литературѣ примѣры унаслѣдованія приобрѣтенныхъ признаковъ. Недостатка въ нихъ нѣтъ; и прежде ихъ было собрано много—и теперь, когда этотъ вопросъ поднять снова, они постоянно накопляются. Матеріала довольно, надо только опредѣлить силу его доказательности. Здѣсь неумѣстно да и невозможно было бы приводить всѣ имѣющіеся въ литературѣ факты по этому вопросу и подвергать ихъ критической оцѣнкѣ, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ уже сгруппировано въ очень извѣстныхъ сочиненіяхъ, какъ напр. у Дарвина („Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія“ и „Происхожденіе видовъ“); въ недавно появившемся сочиненіи тюрингенскаго профессора Эймера: „Die Entstehung der Arten auf Grund von Vererbung erworbener Eigenschaften“, также находится обширный сводъ относящихся сюда фактовъ. Эймеръ принадлежитъ къ числу крайнихъ защитниковъ унаслѣдованія приобрѣтенныхъ признаковъ, какъ показываетъ и самое заглавіе его сочиненія; онъ отвергаетъ значеніе естественнаго подбора въ образованіи видовъ, пытаясь замѣнить его ученіями первыхъ трансформистовъ: Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера.

Факты, относящіеся къ измѣнчивости организмовъ, а слѣдовательно и къ передачѣ измѣненій по наслѣдству, обыкновенно раздѣляются на нѣсколько категорій, по характеру агентовъ, производящихъ измѣненія. Такъ различаютъ: измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ пищи, свѣта, температуры, климата, условій окружающей среды, упражненія или бездѣятельности органовъ, передачу болѣзней и, наконецъ, травматическихъ поврежденій. Такое раздѣленіе очень важно. Если бы мы знали о вліяніи на организмъ каждаго изъ этихъ факторовъ въ отдѣльности при равныхъ другихъ условіяхъ, то даже помимо рѣшенія вопроса о передачѣ приобрѣтенныхъ знаковъ отъ родителей къ дѣтямъ мы имѣли бы очень цѣнный біографическій матеріалъ. Къ сожалѣнію, по крайней мѣрѣ въ ряду фактовъ, касающихся біологіи

животныхъ, мы постоянно наталкиваемся на описаніе случаевъ, въ которыхъ смѣшивается дѣйствіе самихъ разнообразныхъ агентовъ; въ этомъ отношеніи биологія растений значительно ушла впередъ, что, конечно, объясняется гораздо большею простотой организаціи и условій жизни растений сравнительно съ животными. Вслѣдствіе неточности наблюденія, мы въ большинствѣ случаевъ не можемъ поставить въ причинную связь измѣненія организма съ факторомъ, дѣйствующимъ на него, и часто приписываемъ измѣненія вліянію такихъ дѣятелей, которые ни въ чемъ неповинны. Особенно чувствительныя ошибки въ этомъ отношеніи даютъ такъ-называемыя внезапныя измѣненія организма, корень которыхъ несомнѣнно гнѣздится въ измѣненіяхъ структуры зачатковой плазмы. Видимыхъ причинъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно нѣтъ, но воображаемыхъ можно подыскать сколько угодно, особенно при неточности свѣденій относительно вліяній опредѣленныхъ агентовъ на организмъ.

Еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое мы должны имѣть въ виду при оцѣнѣ фактовъ, касающихся передачи по наслѣдству приобрѣтенныхъ признаковъ. Необходимо рѣзко различать передачу отъ поколѣнія къ поколѣнію признаковъ, развивавшихся подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, отъ другого вліянія, по наружности сходнаго, а именно, отъ измѣненія каждаго поколѣнія въ отдѣльности подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ. Представимъ себѣ, что какое-нибудь животное, подъ вліяніемъ среды, въ которой оно живетъ, развило въ себѣ какую-нибудь особенность. Потомство этого животнаго, находящееся при тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ, будетъ сохранять эту особенность въ ряду громаднаго количества поколѣній, въ продолженіе всего времени, покуда на него будутъ оказывать вліяніе эти жизненныя условія. Мы будемъ имѣть въ этомъ явленіи всѣ признаки унаслѣдованія приобрѣтенныхъ измѣненій, и всегда подобные случаи приводятся какъ аргументъ въ пользу передачи приобрѣтенныхъ признаковъ. Между тѣмъ сходство этого явленія съ передачей только наружное. При передачѣ приобрѣтенныхъ признаковъ, зачатки ихъ должны находиться въ половыхъ элементахъ—иначе мы не можемъ себѣ представить унаслѣдованіе этихъ признаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда животное развивается изъ яйца. Понятно, что такіе признаки, заложенные въ яйцѣ, должны быть постоянны. Въ большинствѣ же случаевъ, въ которыхъ приписывается измѣненіе дѣйствію внѣшнихъ агентовъ, съ удаленіемъ агента удаляется и особенность, которую онъ произвелъ въ организмѣ; слѣдовательно причина этой особенности лежала не въ

яйцѣ, а въ непосредственномъ дѣйствіи внѣшняго агента на каждое поколѣніе въ отдѣльности. Мы называемъ такую передачу „ложной“ наслѣдственностью. Примѣровъ ея въ литературѣ находятся очень много; всѣ они предъявляются обыкновенно, какъ доказательство истинной передачи приобрѣтенныхъ признаковъ. Мы съ ними познакомясь въ своемъ мѣстѣ, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ наслѣдственной измѣнчивости.

Начнемъ съ вліянія *пищи* на измѣненія организма. Значеніе этого фактора извѣстно всякому, имѣющему понятіе объ откармливаніи сельско-хозяйственныхъ животныхъ. Не менѣе того извѣстно, что измѣненія, вызванныя избыткомъ пищи или качествами ея, не передаются въ потомство. Дарвинъ, выражая сомнѣніе въ томъ, чтобы переменна пища составляла могучую причину измѣнчивости, подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что гуси и индѣйки, откармливаясь въ теченіе многихъ поколѣній, однако измѣнились мало. Тѣмъ не менѣе, въ литературѣ существуютъ указанія на значительное вліяніе пищи на образованіе нѣкоторыхъ признаковъ животныхъ. Такъ, Эймеръ приводитъ примѣръ вліянія качества пищи на окраску бабочекъ и думаетъ даже, что многіе виды бабочекъ могли произойти вслѣдствіе того, что гусеницы ихъ были вынуждены переменить пищу. Это смѣлое заключеніе онъ выводитъ изъ того, что нѣкоторые виды бабочекъ кладутъ яйца на опредѣленные растенія, напр. всѣ виды *Vanessa*, какъ адмиралъ (*V. Jo*), траурная эпанча (*V. Atalanta*) и др., откладывая будто бы яйца каждая на различномъ растеніи, слѣдовательно личинки каждаго вида кормятся опредѣленнымъ растеніемъ. Это совершенно невѣрно. Изъ 10 европейскихъ видовъ *Vanessa* только *V. urticae* выводится исключительно на крапивѣ; всѣ же остальные виды этой бабочки живутъ на самыхъ разнообразныхъ растеніяхъ, при чемъ виды самые различные по окраскѣ живутъ на однихъ и тѣхъ же растеніяхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ сильно разнятся по окраскѣ *V. Jo* и *V. Atalanta* или же *V. Jo* и *V. urticae*, а между тѣмъ личинки всѣхъ этихъ видовъ водятся, между прочимъ, также и на крапивѣ. Гораздо большее значеніе въ вопросѣ о вліяніи пищи на окраску бабочекъ имѣютъ наблюденія Коха, простого ремесленника во Франкфуртѣ, который сдѣлалъ множество опытовъ надъ разными бабочками въ этомъ направленіи и получилъ весьма опредѣленные результаты. Онъ говоритъ: если кормить личинку бабочки *Eurgeria Caja* (одна изъ довольно обыкновенныхъ бабочекъ, личинка которой отличается чрезвычайно густымъ и длиннымъ волосатымъ покровомъ темнаго цвѣта, вслѣдствіе чего она получила названіе „медвѣдь“; бабочка окрашена въ

яркій красный цвѣтъ, а переднія крылья съ краснобурыми и бѣлыми пятнами) салатомъ, то на крыльяхъ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ; если кормить ее листьями белладонны, то, напротивъ, бѣлый цвѣтъ почти совсѣмъ исчезнетъ, а краснобурыя пятна сливаются въ одну сплошную массу. Рядъ чрезвычайно цѣнныхъ наблюдений и опытовъ Коха показываетъ несомнѣнно, что окраска бабочекъ измѣняется подѣ влияніемъ пищи; передаются ли, однако, эти признаки по наслѣдству и насколько они устойчивы — этотъ вопросъ не рѣшенъ опытами Коха, какъ и всѣми остальными изслѣдованіями въ этой области. Всѣ факты, относящіеся къ вопросу о влияніи пищи на измѣненія организма, показываютъ несомнѣнную зависимость нѣкоторыхъ индивидуальныхъ измѣненій отъ качества и количества пищи, но для вопроса объ унаслѣдованіи этихъ приобрѣтенныхъ измѣненій имѣютъ очень малое значеніе.

Относительно влиянія *свѣта* на измѣненіе организма имѣются не только наблюденія, указывающія на зависимость между развитіемъ нѣкоторыхъ органовъ отъ свѣта, но и положительные опыты. Свѣту часто приписывается огромное влияніе на окраску животныхъ. Каждому извѣстно, до какой степени разнообразна окраска животныхъ, и до какой степени часто она зависитъ отъ цвѣта окружающихъ предметовъ. Эти цвѣтотворныя приспособленія выражаются или въ томъ, что окраска животного согласуется съ общимъ тономъ мѣстности, въ которой живетъ животное, или съ цвѣтомъ опредѣленныхъ предметовъ, на которыхъ оно чаще всего попадаетъ. Наконецъ, приспособительныя свойства окраски могутъ проявляться въ способности животныхъ мѣнять довольно быстро свой цвѣтъ, соотвѣтственно цвѣту предмета, на которомъ оно въ данное время находится. Эти послѣднія измѣненія связаны съ весьма сложными и интересными рефлекторными явленіями. Окраска животныхъ обуславливается образованіемъ пигментовъ въ кожѣ, которое связано съ цѣлымъ рядомъ физиологическихъ процессовъ. Кожа несомнѣнно реагируетъ на свѣтъ. Это доказывается многими фактами. Лягушки съ перерѣзанными зрительными нервами, слѣдовательно слѣпыя, тѣмъ не менѣе, поворачиваются къ свѣту. Кожа реагируетъ на дѣйствіе свѣта отложеніемъ пигмента, въ чемъ убѣждаетъ насъ обыкновенный опытъ загара у людей; хотя одновременно мы встрѣчаемся — у людей же — съ образованіемъ пигмента на такихъ частяхъ тѣла, которыя не подвергаются дѣйствію свѣта. Обыкновенно, въ доказательство влиянія свѣта на окраску, приводятъ пестроту и яркость цвѣтовъ тропическихъ животныхъ и относительную блѣдность животныхъ умѣренныхъ и холодныхъ

поясовъ. Еще болѣе вѣскимъ аргументомъ считается безцвѣтность животныхъ, обитающихъ въ пещерахъ, при чемъ обыкновенно полагаютъ, что такія животныя вслѣдствіе недостатка свѣта потеряли окраску. Нагляднымъ примѣромъ подобныхъ явленій служить протей (*Proteus anguineus*), хвостатая амфибія, живущая въ пещерныхъ озерахъ, напр. въ Адельсбергскомъ гротѣ въ Каринтіи, не имѣющая пигмента въ кожѣ. Кромѣ того, изъ различныхъ другихъ классовъ животныхъ извѣстны случаи, гдѣ пещерная жизнь вызываетъ также потерю окраски. Эти примѣры служили бы вѣскимъ доказательствомъ въ пользу вліянія свѣта на окраску, если бы рядомъ не существовало столько же, если не больше, примѣровъ, доказывающихъ противное. Рядъ изслѣдованій животныхъ, живущихъ на большихъ глубинахъ моря, произведенный экспедиціями „Challenger“, „Talisman“, „Travailleur“, показали, что на такихъ глубинахъ, гдѣ о проникновеніи свѣта не можетъ быть и рѣчи, вмѣстѣ съ безцвѣтными формами животныхъ, живутъ формы, такъ же ярко окрашенныя, какъ и представители береговой фауны. Виды морскихъ ежей, морскихъ лилій и звѣздъ, живущіе на громадной глубинѣ, часто окрашены фіолетовымъ, зеленымъ, желтымъ и краснымъ цвѣтами, различныхъ оттѣнковъ. Красный цвѣтъ преобладаетъ у равнообразныхъ большихъ глубинъ и встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ представителей этой группы животныхъ.

Степень развитія глазъ въ зависимости отъ свѣта должна бы служить доказательствомъ наиболѣе существенныхъ измѣненій, произведенныхъ этимъ агентомъ на организмъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-нибудь, можетъ быть, маловажномъ признакѣ, какъ окраска, а объ измѣненіи цѣлаго органа, состоящаго изъ разнородныхъ тканей. У животныхъ, живущихъ въ темныхъ мѣстахъ, въ норахъ и пещерахъ, глаза должны быть или очень слабо развиты, или совсѣмъ атрофированы. Примѣромъ такихъ регрессивныхъ измѣненій глаза можетъ служить тотъ же протей и нѣкоторыя другія пещерныя животныя, напр. нѣкоторые раки, совершенно теряющіе органы зрѣнія въ пещерахъ. Но опять, на ряду съ этими положительными фактами, встрѣчается множество другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что развитие глаза можетъ относиться индифферентно къ силѣ свѣта. Животныя изъ большихъ глубинъ моря имѣютъ глаза на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія. У однихъ они развиты нормально; у другихъ болѣе или менѣе атрофированы; у третьихъ, наконецъ, совершенно исчезли. При этомъ виды нѣкоторыхъ родовъ показываютъ зависимость развитія глаза отъ глубины, на которой они

живутъ; другіе вполнѣ индифферентны къ ней, а слѣдательно и къ силѣ свѣта. Виды *Pecten*, живущіе неглубоко, имѣютъ обыкновенно очень хорошо развитые глаза, тогда какъ видъ, живущій на глубинѣ 1.400 сажень, совершенно не имѣетъ этого органа. Изъ группы ракообразныхъ, напротивъ, на одной и той же глубинѣ живутъ виды съ хорошо развитыми глазами и совершенно безглазые. Между громаднымъ количествомъ видовъ рыбъ, живущихъ на большихъ глубинахъ, слѣпые виды принадлежатъ къ числу рѣдкостей. Указываютъ обыкновенно на то, что слѣпые формы животныхъ, живущихъ на большихъ глубинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и мало подвижны, слѣдательно не нуждаются въ глазахъ; а у другихъ остались глаза, вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ ними живетъ множество свѣтящихся животныхъ, освѣщающихъ морское дно. Если это объясненіе и справедливо, то оно относится только къ той части животныхъ, которая сохраняетъ глаза на большихъ глубинахъ, и совершенно не объясняетъ существованіе слѣпыхъ, безглазыхъ формъ. Разъ существуютъ зрячія и слѣпые формы при однихъ и тѣхъ же условіяхъ освѣщенія, это одно уже доказываетъ, что развитіе глазъ не находится въ прямой зависимости отъ силы свѣта, и что, по всей вѣроятности, потеря глазъ обусловливается многими другими причинами, сущность которыхъ намъ неизвѣстна.

Явленія, извѣстныя подъ именемъ симпатической окраски и состоящія въ цвѣтовомъ приспособленіи животныхъ къ тону мѣстности или отдѣльныхъ предметовъ, на которыхъ они живутъ, еще менѣе поддаются объясненію съ точки зрѣнія непосредственнаго дѣйствія свѣта. Этотъ сложный рядъ явленій распадается на нѣсколько категорій, отличающихся другъ отъ друга степенью сложности. У однихъ животныхъ приспособительная окраска остается на всю жизнь, у другихъ цвѣтъ мѣняется сообразно временамъ года, т.-е. сообразно съ переменами цвѣта мѣстности (зимомъ бѣлый, лѣтомъ пестрый); у третьихъ, наконецъ, эти перемены появляются всякій разъ, когда переменяется цвѣтъ окружающей ихъ обстановки. Эти послѣдніе случаи приспособительной окраски наиболѣе сложны и обусловливаются существованіемъ рефлекторнаго механизма, проводящаго раздраженіе черезъ глаза къ кожнымъ пигментнымъ клеткамъ, способнымъ сокращаться и расширяться, а слѣдательно сгущать и разсѣвать пигментныя зерна. Этою способностью обладаютъ хамелеоны, лягушки и многія рыбы; давнишнія изслѣдованія Листера и Пуше показали, что вырѣзываніе глазъ у лягушекъ и рыбъ ведетъ за собою потерю способности измѣнить окраску сообразно цвѣту окружающей среды;

еще раньше Брюкке доказалъ, что пользующаяся всемірною извѣстностью способность хамелеона мѣнять цвѣта зависитъ отъ существованія у него рефлекторнаго механизма.

Всѣ эти явленія цвѣтовыхъ приспособленій уже по своей сложности гораздо труднѣе поддаются объясненію съ точки зрѣнія естественнаго подбора, укрѣпившаго и усилившаго случайнаго, но полезнаго измѣненія въ окраскѣ. Всѣмъ извѣстно, до какой степени разнообразна окраска приплода одной и той же пары животныхъ. Совершенно возможно, что между различно окрашенными особями одного и того же вида, живущаго въ данной мѣстности, появятся случайно такіа, окраска которыхъ наиболѣе подходит къ колориту этой мѣстности. Получивъ такой выгодный въ борьбѣ за существованіе признакъ, эти особи выживутъ, передавъ этотъ признакъ по наслѣдству, такъ какъ онъ коренится въ зачатковой плазмѣ, и произведутъ породу, приспособленную къ колориту данной мѣстности. Происхожденіе сложныхъ явленій рефлекторной приспособительной окраски у хамелеона, лягушекъ и рыбъ совершенно необъяснимо при теперешнемъ состояніи біологіи.

Свѣтъ, кромѣ того, оказываетъ вліяніе на многіе растительные процессы животныхъ, напр. на дыханіе, причѣмъ это вліяніе идетъ черезъ кожу, такъ какъ у слѣпыхъ мышей и крысъ различные лучи свѣта обуславливаютъ различное выдѣленіе угольной кислоты. Въ другихъ процессахъ жизни и развитія животнаго разные лучи спектра оказываютъ разное вліяніе. Чрезвычайно обстоятельныя и интересныя изслѣдованія Юнга и Беклара надъ дѣйствіемъ свѣта на развитіе животныхъ показываютъ, что у представителей весьма различныхъ типовъ животныхъ, развитіе зародыша идетъ быстрѣе подъ вліяніемъ фіолетовыхъ чѣмъ всѣхъ прочихъ лучей спектра; это вполне согласуется съ результатами многіхъ другихъ наблюденій, показывающихъ, что вообще растительные процессы и ростъ животнаго усиливаются именно подъ вліяніемъ этихъ лучей спектра.

Температура имѣетъ вліяніе на форму и жизнь особи. Она служитъ могучимъ факторомъ при развитіи животныхъ. Возвышеніе температуры ведетъ къ ускоренію, пониженіе—къ замедленію развитія. Эта зависимость роста и развитія животныхъ отъ температуры до такой степени постоянна, что ею можно пользоваться на практикѣ при желаніи ускорить или замедлить развитіе. Насколько однако температура можетъ вызвать измѣненія, способныя передаваться въ потомство—это вопросъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ будущему. Единственный примѣръ экспери-

ментальнаго изслѣдованія, указывающаго на зависимость форменныхъ измѣненій отъ температуры, представляютъ опыты Вейссмана надъ такъ-называемымъ сезоннымъ диморфизмомъ бабочки *Vanessa Levana*, описанные имъ въ его превосходныхъ „*Studien zur Descendenztheorie*“. Эта бабочка является въ двухъ видоизмѣненіяхъ, отличающихся другъ отъ друга по окраскѣ: зимнемъ, извѣстномъ подъ именемъ *Vanessa Levana*, и лѣтнемъ—*Vanessa Progsa*. Изъ яицъ послѣдней выходятъ личинки, которыя окукливаются, перезимовываютъ въ этомъ состояніи и развиваются въ *V. Levana*, которая, размножаясь, даетъ потомство, являющееся въ формѣ *V. Progsa*. Вейсманну удалось вызвать повышеніемъ и пониженіемъ температуры нѣкоторыя измѣненія въ циклѣ развитія этой бабочки. Культивируя куколки *V. Progsa* лѣтней формы при низкой температурѣ $0-1^{\circ}$ R, онъ изъ двадцати куколокъ вывелъ 15 бабочекъ средней формы между *V. Progsa* и *V. Levana*,—видоизмѣненіе, извѣстное подъ именемъ *V. Rogina*, встрѣчающееся также и въ естественномъ состояніи. Изъ этихъ пятнадцати—пять были очень похожи на зимнюю форму—*V. Levana*. Повышеніемъ температуры, при которой произошло превращеніе куколокъ, выведенныхъ изъ яицъ лѣтней формы *V. Progsa*, Вейсманну удалось удержать нѣкоторыхъ изъ нихъ (изъ 40—4) въ состояніи лѣтней формы; всѣ остальные все-таки превратились въ зимнюю—*Vanessa Levana*.

Вейсманнъ объяснилъ сначала эти сезонныя формы *Vanessa* и другихъ бабочекъ унаслѣдованіемъ измѣненій, приобрѣтенныхъ вслѣдствіе дѣйствія климата; впоследствии же призналъ, что для вѣрнаго заключенія по этому вопросу необходимы новыя, иначе обставленные опыты.

Отъ измѣненій, вызываемыхъ температурою, совершенно естественный переходъ къ *климатическимъ измѣненіямъ* и къ такимъ, которыя обуславливаются вообще *дѣйствіемъ окружающей среды*. Всѣ случаи измѣнчивости, наблюдаемые въ природномъ состояніи, вызываются совокупностью всѣхъ условій существованія, между которыми мы часто съ трудомъ можемъ выдѣлить наиболѣе вліятельныхъ агентовъ. Такимъ образомъ признаки климатическихъ и мѣстныхъ разновидностей, соответственныхъ или замѣщающихъ (викарирующихъ) видовъ, произошли подъ вліяніемъ всей жизненной обстановки ихъ. Нѣкоторыя изъ разновидностей образовались уже въ историческія времена, слѣдовательно происхождение ихъ хорошо извѣстно. По постоянству или непостоянству признаковъ ихъ мы болѣе или менѣе можемъ судить о томъ, сколько времени требуется, чтобы приобрѣтенные признаки укрѣпились.

Къ такимъ разновидностямъ, происшедшимъ всего нѣсколько столѣтій тому назадъ, принадлежать кролики, завезенные изъ Европы на островъ Порто-Санто воалѣ Мадеры и изслѣдованные Дарвиномъ. „Еслибы исторія кроликовъ Порто-Санто не была извѣстна намъ, — говоритъ Дарвинъ („Прирученныя животныя“, I, стр. 119), — то большинство натуралистовъ, принимая въ соображеніе ихъ небольшой ростъ, болѣе рыжій цвѣтъ наверху тѣла и сѣрый внизу, безъ темныхъ отмѣтинъ на ушахъ и хвостѣ, непременно считъ бы ихъ особымъ видомъ“. Самый существенный признакъ кроликовъ Порто-Санто заключается въ томъ, что у нихъ ни на кончикѣ хвоста, ни на ушахъ не находится черновато-сѣрыхъ волосъ, которые составляютъ отличительный видовой признакъ кролика (Дарвинъ, тамъ же, стр. 118) и которые были найдены Дарвиномъ какъ на англійскихъ кроликахъ, такъ и на кроликахъ различныхъ странъ, которые Дарвинъ имѣлъ возможность изслѣдовать въ Британскомъ музеѣ. Этотъ признакъ кроликовъ Порто-Санто измѣняется въ очень короткій промежутокъ времени. Кролики, привезенные въ Лондонъ въ 1861 году, уже въ 1865 году имѣли темныя края на ушахъ, черновато-сѣрый мѣхъ на верхней сторонѣ хвоста, и все тѣло далеко не такого рыжаго цвѣта, какъ прежде. О дальнѣйшихъ измѣненіяхъ порто-сантскихъ кроликовъ, въ сожалѣнію, ничего не извѣстно, но приведенная цитата изъ Дарвина показываетъ уже, что одинъ изъ существенныхъ признаковъ этой разновидности, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе перемѣны вѣдншихъ условій, весьма легко измѣняется.

Другой примѣръ непостоянства пріобрѣтенныхъ такимъ же путемъ признаковъ представляютъ нѣкоторыя породы овецъ. Жирногодичная (курдючная) овца, живущая въ Средней Азіи на солонцоватой почвѣ, вырождается, по словамъ Палласа и Эрмана, послѣ нѣсколькихъ поколѣній въ Россіи. Развитіе жирныхъ наростовъ на ягодицахъ есть несомнѣнно признакъ, пріобрѣтенный ею подъ влияніемъ бѣдной и горькой растительности степей. Исчезаніе такого рѣзкаго признака при перемѣнѣ условій указываетъ на его непостоянство. Также непостоянны признаки и другихъ породъ, напр. крымской и каракульской, дающихъ лучшія мерлушки. Послѣдняя изъ этихъ породъ, при переселеніи изъ Бухары въ Персію, утрачиваетъ свое своеобразное руно. Дарвинъ, приводя всѣ эти случаи, замѣчаетъ, что ихъ слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что измѣненія условій существованія порождаютъ измѣнчивость и утрату нѣкоторыхъ признаковъ, а не въ томъ смыслѣ, что извѣстныя условія именно необходимы для развитія извѣстныхъ признаковъ. Намъ кажется, что, напро-

тивъ, подобные признаки, какъ развитіе бурдюковъ у овецъ или особенностей руна, слѣдуетъ приписать именно дѣйствию извѣстныхъ условій существованія, такъ какъ: 1) это суть признаки мѣстныхъ породъ, и притомъ живущихъ при особенныхъ условіяхъ существованія, и 2) признаки исчезающіе, когда эти условія измѣняются. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на несомнѣнную связь этихъ признаковъ съ условіями существованія.

Въ доказательство непостоянства приобретенныхъ признаковъ Негели приводитъ альпійскія растенія, которыя, какъ слѣдуетъ полагать, со времени ледяного періода жили при одинаковыхъ условіяхъ и приобрѣли характерныя особенности, свойственныя вообще растеніямъ, живущимъ на высокихъ горахъ. Пересаженные на равнину, эти растенія уже въ первый годъ теряютъ всѣ свои особенности и притомъ въ одинаковой мѣрѣ, будутъ ли они выведены изъ сѣмянъ или пересажены съ корнемъ. Въмѣсто съжатыхъ, неразвѣтвленныхъ и бѣдныхъ органами растеній, появляются высокія, сильно развѣтвленныя и богатыя листьями и цвѣтами растенія, сохраняющія всѣ вновь приобретенныя особенности до тѣхъ поръ, пока они произрастаютъ на равнинѣ (Naegeli, „Abstammungslehre“, стр. 103).

Негели приводитъ также нѣсколько растеній, совершенно не измѣняющихся при различныхъ жизненныхъ условіяхъ: *Rhododendron ferrugineum*, который росъ со временъ ледяного періода при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: на сырыхъ гранитныхъ и гнейсовыхъ почвахъ вблизи глетчеровъ; на бѣдной известью почвѣ у озеръ сѣверной Итали; подъ каштанами и возлѣ виноградныхъ лозъ и фигъ, на сухихъ известковыхъ скалахъ Апеннинъ и на Юрѣ,—тѣмъ не менѣе не претерпѣлъ никакихъ измѣненій, несмотря на продолжительную перемѣну въ пищѣ, которая составляетъ самую чувствительную сторону въ жизни растенія. Омела (*Viscum*), растущая на березѣ и на яблонѣ, нисколько не измѣняется вслѣдствіе этихъ различій въ питаніи.

Всѣ приведенные примѣры свидѣтельствуютъ о томъ: 1) что въ нѣкоторыхъ, по всей вѣроятности рѣдкихъ, случаяхъ жизненныя условія не оказываютъ никакого вліянія на форму животнаго и растенія; 2) что признаки, развившіеся подъ вліяніемъ извѣстныхъ жизненныхъ условій, весьма скоро утрачиваются, какъ только это вліяніе устраняется. Но повуда эти условія на-лицо, признаки эти передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; отсюда можно вывести заключеніе, что приобретенные признаки унаслѣдуются. Болѣе внимательное разсмотрѣніе приведенныхъ фактовъ показываетъ однако, что здѣсь мы имѣемъ дѣло

скорѣе съ явленіемъ, которое мы назвали выше *ложной* наследственностью приобретенныхъ признаковъ. Допустимъ, что признаки, отличающіе породу кроликовъ Порто-Санто, суть постоянные признаки, передающіеся по наследству. Въ такомъ случаѣ эта порода, перевезенная изъ Порто-Санто въ Лондонъ, должна бы получить какія-либо новыя измѣненія въ прибавляющимся къ прежнимъ или видоизмѣняющія ихъ. Эти измѣненія отдалили бы еще болѣе эту породу кроликовъ отъ типичной видовой формы, давшей ей начало. Мы видимъ однако, что вмѣсто образованія новыхъ признаковъ при перенесеніи порто-сантскихъ кроликовъ въ Лондонъ, приобретенные признаки начали у нихъ исчезать, а видовые, заключающіеся въ окраскѣ хвоста и ушей, а также и въ общемъ цвѣтѣ мѣха—проявляться. Эти видовые признаки свойственны, по словамъ Дарвина, кроликамъ различныхъ странъ, слѣдовательно не находятся подъ влияніемъ мѣстныхъ условій. Они существовали, слѣдовательно, также и у той породы, которая въ 1419 г. была завезена на Порто-Санто и дала начало порто-сантскимъ кроликамъ. Появленіе ихъ у этой породы, переселенной въ Лондонъ, не есть появленіе новыхъ признаковъ вслѣдствіе новыхъ условій существованія, а есть возвращеніе къ первоначальному типу, происходящее въ связи съ потерю приобретенныхъ на Порто-Санто признаковъ. Послѣдніе не оставили никакихъ слѣдовъ въ воспроизводительной системѣ, а отсюда слѣдуетъ, что они унаслѣдовались не просто передачею отъ родителей къ дѣтямъ черезъ воспроизводительныя клѣтки, а развивались въ каждомъ поколѣніи отдѣльно подъ влияніемъ мѣстныхъ условій. То же самое приложимо, по всей вѣроятности, и къ другимъ приведеннымъ выше примѣрамъ курдючныхъ, каракульскихъ и крымскихъ овецъ, хотя всѣ эти случаи изслѣдованы гораздо хуже, чѣмъ случаи съ порто-сантскими кроликами.

Перейдемъ теперь къ разбору случаевъ, доказывающихъ влияние усиленнаго упражненія органовъ на развитіе ихъ, и бездѣтельности—на ихъ атрофію. У Дарвина („Прируч. жив.“, т. II, стр. 324—332) собрано много примѣровъ, касающихся этого вопроса. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Домашнія утки и куры имѣютъ гораздо менѣ развитыя кости крыльевъ, чѣмъ ихъ дикіе родичи, вслѣдствіе того, что они меньше летаютъ. Шелковичныя бабочки, которыя содержались въ продолженіе многихъ столѣтій въ тѣсномъ заключеніи, выходятъ изъ своихъ коконовъ часто съ искривленными крыльями, неспособными къ летанію. Отвислость ушей у домашнихъ породъ животныхъ, дикіе родичи которыхъ имѣютъ стоячіе уши, объясняются недѣтельностью ушной

равовины у первых и усиленную дѣятельностью у вторыхъ; „послѣдніе употребляютъ свои уши какъ рупоры, чтобы уловить каждый проходящій звукъ и въ особенности чтобы опредѣлить направление, съ котораго онъ приходитъ“ (Дарвинъ, тамъ же, стр. 330). Раньше приведенные примѣры исчезанія глазъ подъ вліяніемъ отсутствія свѣта могутъ также быть отнесены къ этой категоріи измѣненій, равно какъ и сильное развитіе этихъ органовъ у животныхъ хищныхъ, вслѣживающихъ добычу. Наконецъ, сюда же относится рядъ самыхъ разнообразныхъ явленій, характеризующихъ организацію паразитовъ: исчезаніе оконечностей, мышцъ, пищеварительнаго канала и проч., связанное у нихъ всегда съ чрезмѣрнымъ развитіемъ половыхъ органовъ и усиленіемъ плодовитости. Въ организаціи паразитовъ мы видимъ поучительные примѣры компенсаціи роста органовъ: усиленное развитіе одного органа на счетъ другого, проявленіе законовъ экономіи природы въ связи съ удивительными приспособленіями организаціи къ условіямъ существованія. Какимъ образомъ произошли всѣ перечисленные измѣненія: развились ли они исключительно подъ вліяніемъ упражненія органовъ и передачи соотвѣтственныхъ измѣненій органа отъ родителей къ дѣтямъ, или вслѣдствіе рокового дѣйствія естественнаго подбора? Въ обыденной жизни мы часто встрѣчаемся съ указаніями на то, что измѣненія, пріобрѣтенныя родителями такимъ путемъ, не передаются дѣтямъ. Сильное развитіе мышцъ, подъ вліяніемъ мускульной работы, у родителей не обязываетъ однако никакого вліянія на развитіе соотвѣтственныхъ органовъ у дѣтей. Музыканты, упражняющіе въ продолженіе всей жизни мускулы пальцевъ и развивающіе ихъ въ этомъ направленіи до изумительной степени, не передаютъ этихъ особенностей дѣтямъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время не имѣется никакихъ доказательствъ въ пользу такой передачи. Она однако должна была бы существовать всегда неизмѣнно, еслибы большее или меньшее развитіе органа отражалось не только на особи, но и на потомствѣ. Слѣдовательно, существуетъ другой, болѣе могучій факторъ, производящій, помимо вліянія упражненія или бездѣятельности органа, тѣ цѣлесообразныя измѣненія, которыя были приведены выше. Этотъ факторъ есть естественный подборъ, который одинъ въ состояніи объяснить приведенные случаи лучше, чѣмъ вліяніе упражненія или бездѣятельности органовъ. Онъ самъ по себѣ, безъ посторонней помощи, въ состояніи регулировать появленіе особей, наиболѣе приспособленныхъ къ условіямъ существованія. Будутъ эти особи развивать упражненіемъ свои органы — тѣмъ полезнѣе то для нихъ; для ихъ индивидуальной жизни упраж-

неніе органовъ имѣеть громадное значеніе; для видовой жизни оно не имѣеть значенія, такъ какъ и помимо вліянія упражненія органовъ естественный подборъ доставить для продолженія вида только тѣхъ особей, которыя по развитію своихъ органовъ окажутся наиболѣе приспособленными къ условіямъ существованія. Для поясненія сказаннаго, мы позволимъ себѣ привести цитату изъ брошюры Вейсманна о наслѣдственности, гдѣ онъ пытается объяснить сохраненіе выгодныхъ признаковъ въ потомствѣ. Дѣло идетъ объ остротѣ зрѣнія у хищныхъ птицъ.

„Хищныя птицы,—говоритъ Вейсманнъ,—обладаютъ сравнительно съ остальными птицами наиболѣе острымъ зрѣніемъ; если бы между ними появилась вдругъ особь—я не говорю близорукая, а обладающая меньшею остротою зрѣнія, то она едва ли бы избѣжала голодной смерти, такъ какъ находилась бы всегда въ борьбѣ съ равными себѣ, въ невыгодномъ положеніи.

„Острота зрѣнія этихъ птицъ поддерживается такимъ образомъ непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, уничтоженіемъ всѣхъ особей, отличающихся болѣе слабымъ зрѣніемъ. Этотъ порядокъ могъ быть сразу измѣненъ, еслибы какой-нибудь видъ хищныхъ птицъ вынужденъ былъ жить въ совершенной темнотѣ. Тогда качество глазъ не будетъ имѣть никакого значенія для существованія особи, а слѣдовательно и для поддержанія вида; очень можетъ быть, что въ продолженіе нѣсколькихъ генераций появлялись бы особи съ острымъ зрѣніемъ, но еслибы случайно у нѣкоторыхъ образовались менѣе совершенныя зрительныя органы, то и они также унаслѣдовались бы; при такихъ условіяхъ даже близорукіе глаза съ недостатками въ организаціи и совсѣмъ плохіе глаза не принесутъ никакого вреда особи, имѣющей ихъ. Вслѣдствіе этого, при дальнѣйшемъ смѣшеніи различныхъ признаковъ глаза, получится среднее состояніе глазъ у особей измѣненнаго вида, и гораздо худшее, чѣмъ то, которое было до переселенія вида въ темноту“ (Weissmann, „Ueber die Vererbung“, стр. 29). Этотъ примѣръ приведенъ нами потому, что онъ наглядно показываетъ, что перемѣна жизненныхъ условій не непосредственно дѣйствуетъ на измѣненіе органа, усиливая его развитіе или ослабляя, а измѣняетъ только направленіе естественнаго подбора, по отношенію къ этому органу; какъ только они измѣнились, такъ что развитіе органа не становится необходимымъ условіемъ существованія вида, то особи съ слабыми и съ сильными органами имѣютъ одинаковыя шансы на существованіе, естественный подборъ по отношенію къ этому органу прекращается, а вслѣдствіе этого допускается возможность скрещиванія

особей съ различно развитыми органами, дающая въ результатѣ среднее пониженіе хорошихъ качествъ этого органа. Примѣръ съ глазами хищныхъ птицъ въ таковой же мѣрѣ приложимъ и къ другимъ органамъ, большее или меньшее совершенство которыхъ объясняется степенью упражненія ихъ. Отвислость ушей домашнихъ животныхъ можетъ быть лучше объяснена тѣмъ, что при искусственномъ подборѣ не обращалось вниманія на уши, какъ на маловажный признакъ, нежели вліяніемъ недѣятельности мышцъ ушной раковины. И между дикими животными могутъ, вонечно, родиться вислоухія особи, какъ и между домашними, но онѣ въ борьбѣ за существованіе погибаютъ; между домашними же остаются, такъ какъ этотъ признакъ у послѣднихъ становится индифферентнымъ. Еслибы при образованіи вислоухости играла роль бездѣятельность органа, то этотъ признакъ развился бы у всѣхъ домашнихъ животныхъ, тогда какъ въ дѣйствительности мы его встрѣчаемъ только у нѣкоторыхъ породъ.

Между всѣми доводами, приводимыми въ пользу унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ признаковъ, *унаслѣдованіе болѣзней* составляетъ едва ли не самый распространенный и, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ, самый вѣскій. Убѣжденіе въ несомнѣнности передачи болѣзней отъ родителей къ дѣтямъ до такой степени укоренилось въ наукѣ и въ обществѣ, что большая часть доказательствъ, приводимыхъ защитниками передачи пріобрѣтенныхъ признаковъ по наслѣдству, относится къ этой категоріи явленій. Правильная оцѣнка фактовъ затрудняется, однако, здѣсь недостаткомъ свѣдѣній о причинахъ наслѣдственныхъ, какъ и вообще большей части болѣзней. Извѣстно, какой громадный переворотъ въ медицинѣ произвела паразитарная теорія происхожденія болѣзней. Она же имѣетъ и громадное значеніе для обсужденія вопроса о наслѣдственной передачѣ болѣзней. Если наслѣдственные болѣзни причиняются микроорганизмами, и если послѣдніе могутъ проникать въ яйцо, то наслѣдственная передача болѣзней получаетъ зараженія плода родителями. Но далеко не во всѣхъ болѣзняхъ, передача которыхъ въ наслѣдство считается непреложною истиною, участіе микроорганизмовъ можно считать въ настоящее время вполне доказаннымъ. Поэтому и результатъ исследованийъ, сдѣланныхъ надъ передачею болѣзней паразитарнаго происхожденія, не могутъ быть распространяемы на всѣ болѣзни вообще.

Существуетъ значительная доля вѣроятности, что болѣзни бактеріальнаго происхожденія, какъ напр. туберкулезъ, передаются въ наслѣдство вслѣдствіе того, что зародыши бактерій проникаютъ

въ яйцо изъ тѣла больной матери. Возможность такого проникновенія доказывается аналогичными фактами изъ биологіи низшихъ животныхъ. Приведемъ два изъ нихъ, какъ наиболѣе обстоятельно изслѣдованные.

Между различными видами гидръ, населяющими наши прѣсные воды, существуетъ зеленая гидра, *Hydra viridis*, отличающаяся отъ прочихъ зеленымъ цвѣтомъ и нѣсколькими другими морфологическими признаками. Зеленый цвѣтъ считается видовымъ признакомъ и передается съ большимъ постоянствомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; яйца этого вида гидръ также окрашены въ зеленый цвѣтъ. Въ послѣднее время неопровержимо доказано, что этотъ признакъ обуславливается сожительствомъ (симбіозомъ) гидры съ микроскопическою водорослью, имѣющею хлорофилъ, слѣдовательно окрашенною въ зеленый цвѣтъ. Клѣтки гидры заключаютъ въ себѣ сотни этихъ мелкихъ микроорганизмовъ, которые, очевидно, не приносятъ вреда гидрѣ, напротивъ—даже полезны ей и поэтому считаются не паразитами ея, а сожителями. Въ то время, когда у гидры начинаютъ развиваться яйца, водоросли проходятъ въ яйцо, живутъ въ немъ, пока оно развивается въ зародыша, нисколько не препятствуя развитію и, размножившись, переходятъ въ новое поколѣніе гидры. Эта передача идетъ съ большимъ постоянствомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и еслибы мы не знали, что зеленый цвѣтъ, характеризующій *Hydra viridis*, принадлежитъ собственно не ей, а сожителямъ съ нею водорослямъ, мы, конечно, нисколько не задумались бы приписать постоянство зеленого цвѣта у гидры унаслѣдованію пріобрѣтенныхъ ею признаковъ.

Другой фактъ, который мы здѣсь приведемъ, относится уже непосредственно къ унаслѣдованію болѣзней и аналогиченъ съ предъидущимъ въ томъ отношеніи, что и здѣсь передача признака, въ этомъ случаѣ невыгоднаго для организма, заключается въ проникновеніи въ яйцо микроорганизмовъ изъ тѣла матери. Между болѣзнями шелковичныхъ червей, приносящими громадный вредъ шелководству, существуетъ одна, которая выражается въ появленіи мелкихъ черныхъ пятнышекъ, похожихъ на то, какъ еслибы поверхность тѣла была посыпана перцемъ. Вслѣдствіе этого сходства болѣзнь эту назвали пембриной. Микроскопическія изслѣдованія показали, что причина болѣзни заключается въ появленіи микроорганизмовъ, нѣсколько отличныхъ отъ бактерий и проникающихъ во всѣ части тѣла личинки; если больная личинка успѣетъ свить коконъ и превратиться въ бабочку, то у послѣдней все тѣло и въ томъ числѣ и яйца (грена) уже заражены пембриной. Ли-

чинки, вышедшія изъ такихъ яицъ, носятъ уже въ своемъ тѣлѣ заразу и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, т.-е. если имъ удастся превратиться въ бабочекъ и отложить яйца, передаютъ ее новому поколѣнію. Такимъ образомъ педрина могла бы передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, еслибы, конечно, этому не препятствовало то обстоятельство, что громадная часть червей погибаетъ отъ этой болѣзни, не успѣвъ достигнуть стадіи бабочки.

Если доказано, что передача педрины отъ родителей къ дѣтямъ происходитъ вслѣдствіе проникновенія микроорганизмовъ изъ материнскаго тѣла въ яйцо, то отчего же такая точно причина не можетъ имѣть мѣста при такъ-называемомъ, унаслѣдованіи болѣзней человѣка и высшихъ животныхъ? Можетъ ли однако это явленіе называться унаслѣдованіемъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ передачу отъ родителей къ дѣтямъ признаковъ, выработанныхъ въ самомъ тѣлѣ родителей, составляющихъ неотъемлемую собственность ихъ организма. Ничего подобнаго мы не видимъ въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ. Передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе совершенно постороннія материнскому или отцовскому организму тѣла, микроорганизмы, которые вызываютъ у дѣтей такія же явленія, какія они вызывали у родителей. Наслѣдственная передача здѣсь ни при чемъ. Здѣсь дѣло идетъ о послѣдовательномъ зараженіи, продолжающемся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Материнскій организмъ представляетъ только среду, черезъ которую передается зараза дѣтямъ, подобную всякой другой средѣ, при помощи которой животный организмъ заражается инфекціонными болѣзнями, подобно молоку, водѣ и проч. Никто не станетъ разсматривать случаи зараженія посредствомъ молока какъ наследственную передачу болѣзни, однако такой абсурдъ является логическимъ слѣдствіемъ, если мы будемъ смотрѣть на передачу дѣтямъ педрины чахотки и многихъ другихъ болѣзней какъ на доказательство унаслѣдованія болѣзней.

Если довольно легко прослѣдить такъ-называемую наследственную передачу болѣзней, причины которыхъ извѣстны, то это удастся не такъ-то легко въ случаяхъ неизвѣстности причинъ. Между тѣмъ въ этой категоріи принадлежитъ большинство передающихся по наследству болѣзней. Нервные и душевные болѣзни занимаютъ между ними первое мѣсто, и надо сказать, что они даютъ наибольшее количество доказательствъ въ пользу передачи приобрѣтенныхъ признаковъ по наследству.

Матеріаль, имѣющійся въ наукѣ относительно унаслѣдованія нервныхъ и психическихъ болѣзней, можетъ быть раздѣленъ на двѣ категоріи: клиническія изслѣдованія и экспериментальныя.

Первая изъ этихъ категорій, преобладающая значительно по объему, сама по себѣ не могла бы служить вполне убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу передачи, такъ какъ въ приводимыхъ здѣсь случаяхъ бываетъ трудно рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ прирожденностью или съ приобретенною особенностью организма. Большая часть случаевъ помѣшательства появляется внезапно, часто безъ всякихъ видимыхъ причинъ, — поэтому даетъ основаніе къ предположенію о внутренней, а не вѣшной причинѣ болѣзни, слѣдовательно о прирожденности измѣненій, вызывающихъ ее. Поэтому весьма важны экспериментальныя изслѣдованія, при которыхъ причинная связь между измѣненіемъ органа и болѣзнию очевидна. Такія изслѣдованія, которыхъ, къ сожалѣнію, пока существуетъ очень мало, дополняютъ и укрѣпляютъ выводы, добытые клиническимъ путемъ, и дѣлаютъ ихъ убѣдительными.

Статистическія данныя относительно унаслѣдованія психическихъ болѣзней до крайности разнорѣчивы. Достаточно сказать, что сведенныя Леграномъ де-Соль 45 статистикъ изъ различныхъ странъ Европы дали колебаніе относительно передачи душевныхъ болѣзней по наслѣдству въ предѣлахъ отъ 4% до 86%. Также сильно колеблются и мнѣнія различныхъ психіатровъ по отношенію къ этому вопросу. Моро де-Туръ принимаетъ, что изъ 10 случаевъ 9 передаются по наслѣдству, Бюрроу — изъ 7—6, Эскироль — изъ 2—1, Гислэнъ — изъ 4—1, Якоби и Морель изъ 5—1. Такія колебанія объясняются большимъ или меньшимъ количествомъ матеріала, находившагося въ распоряженіи каждаго изъ этихъ изслѣдователей, можетъ быть также и другими случайностями, а также и тѣмъ, что многіе изъ изслѣдователей считали унаслѣдованною болѣзнь только тогда, когда она была у родителей, не бравъ во вниманіе случаевъ атавизма, который проявляется здѣсь весьма сильно.

Характеръ унаслѣдованія, какъ это видно изъ случаевъ, приведенныхъ у Рибо и Мореля ¹⁾, чрезвычайно разнообразенъ. Иногда изъ поколѣнія въ поколѣніе передается одна и та же форма болѣзни; въ другихъ случаяхъ первоначальная форма болѣзни претерпѣваетъ въ нисходящей линіи самыя разнообразныя превращенія.

У Рибо собрано нѣсколько случаевъ передачи склонности къ самоубійству. Еще Вольтеръ въ концѣ прошлаго вѣка обращалъ вниманіе врачей на унаслѣдованіе этой болѣзни и притомъ въ

¹⁾ Источниками въ вопросѣ объ унаслѣдованіи психическихъ болѣзней служили намъ: Ribot, L'hérédité psychologique, и Morel, Traité des maladies mentales, а также случаи, приведенные Эшперомъ (Entstehung der Arten).

одинаковомъ возрастѣ. Онъ приводитъ случай, въ которомъ отецъ и два сына лишили себя жизни въ одномъ возрастѣ. Подобныхъ примѣровъ встрѣчается въ настоящее время въ психіатрическихъ лѣтописяхъ множество. Эскироль зналъ одно семейство, въ которомъ четыре поколѣнія кончили жизнь самоубійствомъ въ определенномъ возрастѣ. Морель цитируетъ слѣдующій примѣръ изъ Галліи. Землевладелецъ П... оставилъ семь сыновей и наслѣдство въ два милліона франковъ; сыновья жили въ Парижѣ, пользовались каждый своей долей наслѣдства, нѣкоторые ее даже увеличили, ни одинъ не испыталъ несчастья, всѣ пользовались полнѣйшимъ здоровьемъ, почетнымъ положеніемъ въ обществѣ и всеобщимъ уваженіемъ; всѣ семь братьевъ, тѣмъ не менѣе, окончили жизнь самоубійствомъ въ возрастѣ между 34—40 годами. Существуютъ еще болѣе замѣчательные случаи унаслѣдованія, доказывающіе, что часто передается не только склонность къ самоубійству вообще, но даже и родъ самоубійства повторяется съ изумительною точностью: одни топятся, другіе вѣшаются, третьи удавливаются, четвертые бросаются изъ оконъ. Кромѣ склонности къ самоубійству, и другія формы помѣшательства передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе въ соответственномъ возрастѣ. Рибо приводитъ изъ сочиненія Люка примѣръ одной дворянской семьи въ Гамбургѣ, отличавшейся, начиная съ прадѣда, большими военными талантами, въ которой всѣ члены рода, по достиженіи сорокалѣтняго возраста, заболѣвали психически; послѣднему въ родѣ, служившему, какъ и его предки, офицеромъ, сенатъ запретилъ жениться. При наступленіи критическаго возраста и онъ также лишился разсудка.

Не всегда однако психическія болѣзни передаются съ такой правильностью, какъ въ приведенныхъ случаяхъ. Напротивъ, гораздо чаще является переходъ одной формы психическаго разстройства въ другую въ ряду поколѣній. Такія превращенія бываютъ чрезвычайно разнообразны. Бываютъ случаи, когда потомки психически разстроенныхъ предковъ вмѣсто психоза получаютъ необыкновенныя способности къ наукамъ и искусствамъ. Бабка и дядя Шопенгауера были помѣшаны. Обратно, у гениальныхъ людей бываютъ часто умалишенные дѣти или идиоты. На подобныхъ случаяхъ строится знаменитая теорія о соотношеніи между гениальностью и помѣшательствомъ, созданная Моро де Туранъ, Модсли и Лелю и имѣющая много сторонниковъ въ настоящее время. Переходъ одной формы помѣшательства въ другую очень хорошо иллюстрируется нѣкоторыми родословными таблицами семействъ, одержимыхъ наслѣдственнымъ помѣшательствомъ. Обыкновенно, такія родословныя представляютъ скорбные листы выми-

рающаго рода, рѣдко достигающаго далѣе шестого поколѣнія. Рибо приводитъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Отецъ, очень интеллигентный человѣкъ, заболѣваетъ ипохондріей, которая переходитъ въ манію преслѣдованія, и умираетъ въ припадкѣ буйнаго помѣшательства. Мать нервная. У нихъ 10 дѣтей, изъ которыхъ трое умираютъ скоропостижно въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ; одна дочь ипохондрична, другая слабоумна, третья становится на 20 году помѣшанной, четвертая страдаетъ маніей преслѣдованія, два сына ипохондричны и одинъ слабоуменъ. Изъ десяти дѣтей этого второго поколѣнія только пять оставили потомство; остальные умерли бездѣтными. Судьба семнадцати членовъ третьяго поколѣнія слѣдующая. Пять умерли въ ранней молодости, три слабоумны, одинъ умеръ отъ апоплексіи, одинъ физическій уродъ, одинъ нервный, одинъ умеръ въ припадкѣ буйнаго помѣшательства, одинъ отличался эксцентричностью, одинъ имѣлъ три припадѣа преходящаго бреда, одна дочь исчезла безъ вѣсти, двое были женаты и очень интеллигентны. Съ третьимъ поколѣніемъ родъ прекратился. Не можемъ не упомянуть о другой родословной, приводимой Эймеромъ и отличающейся отъ первой тѣмъ, что не оба родоначальника пяти поколѣній, у которыхъ болѣзнь была прослѣжена, были психически разстроены, а только отецъ; мать была здорова. Изъ 37 членовъ, распредѣленныхъ въ пять поколѣній, только 13 были психически больны, 24 здоровы. При этомъ у одной здоровой внучки родоначальника было 7 здоровыхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, судьба пятой генерациі мало извѣстна, и—что особенно важно—неизвѣстно, имѣли ли здоровые члены четвертой генерациі дѣтей, или нѣтъ. Несмотря на эту неполноту, изъ Эймеровскаго примѣра можно вывести, что здѣсь передача психической болѣзни и вырожденіе рода не отличались такою стойкостью, какъ въ примѣрѣ Рибо; это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что не оба родоначальника, а только одинъ (отецъ) были психически разстроены.

Преображеніе одной формы психическихъ болѣзней въ другую въ ряду поколѣній есть явленіе въ высшей степени важное въ вопросѣ объ унаслѣдованіи психическихъ болѣзней. Оно показываетъ, что между различными формами этихъ болѣзней существуетъ связь. Хотя мы не знаемъ сущности этихъ соотношеній между формами психическаго разстройства, потому что вообще не знаемъ причинъ психическихъ болѣзней, тѣмъ не менѣе они важны, такъ какъ показываютъ, что при экспериментальномъ рѣшеніи вопроса о наследственности психическихъ и нервныхъ болѣзней мы не всегда въ правѣ требовать повторенія болѣзни въ

потомствѣ въ той самой формѣ, въ какой она была у родителей. Различіе въ формахъ проявленія психоза у родителей съ нисходящимъ потомствомъ не можетъ служить доказательствомъ противъ наслѣдственности психоза. У одного и того же индивидуума въ различные періоды его жизни психозъ можетъ проявляться въ различныхъ формахъ. Такой примѣръ мы уже видимъ изъ случая, приведеннаго у Рибо, гдѣ у родоначальника вымирающаго, вслѣдствіе психическаго расстройства, рода сначала появилась ипохондрія, которая впослѣдствіи перешла въ манію преслѣдованія и окончилась буйнымъ помѣшательствомъ. Одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ въ психіатріи, Эскироль, по этому поводу говоритъ: „помѣшательство можетъ проявляться послѣдовательно или попеременно во всѣхъ формахъ. Мономанія, манія, потеря разсудка мѣняются и замѣняютъ другъ друга у одного и того же индивидуума“.

Съ этими данными мы можемъ приступить къ разбору экспериментальнаго изслѣдованія относительно наслѣдственности психическихъ и нервныхъ болѣзней. Такое изслѣдованіе имѣется теперь только относительно одной формы этихъ болѣзней, именно эпилепсіи. Въ пятидесятыхъ годахъ Броунъ-Секару удалось перерѣзкою различныхъ частей центральной и периферической нервной системы у морскихъ свинокъ вызвать эпилепсію, а вмѣстѣ довазать, что эта искусственно произведенная болѣзнь можетъ передаваться въ потомство. У экспериментируемыхъ животныхъ при извѣстномъ раздраженіи кожи являлись припадки эпилепсіи, при чемъ наступленіе болѣзни слѣдовало не тотчасъ же за перерѣзкою частей нервной системы, но спустя болѣе или менѣе долгой промежутокъ времени. Потомство больныхъ морскихъ свинокъ въ большинствѣ случаевъ страдало различными болѣзнями (изъ 30 только 13 были здоровы), которыя проявлялись въ ослабленіи роста, общей слабости, малокровіи, параличѣ оконечностей и проч., и въ рѣдкихъ случаяхъ (2 изъ 32)—въ склонности къ эпилептическимъ припадкамъ при извѣстномъ раздраженіи кожи. Опыты Броунъ-Секара были впослѣдствіи повторены Оберштейнеромъ и Вестфалемъ, и справедливость ихъ подтверждена этими изслѣдователями. При этомъ Вестфаль сдѣлалъ весьма важное видоизмѣненіе въ Броунъ-Секаровскихъ опытахъ; онъ вызывалъ эпилепсію не перерѣзкою нервовъ, а болѣе или менѣе сильными ударами по головѣ. Эффектъ былъ тотъ же, съ тою только разницею, что наступленіе припадковъ слѣдовало непосредственно за ударомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ болѣзнь пере-

давалась въ потомство въ такой же мѣрѣ, какъ и въ опытахъ Броунъ-Секара.

Вотъ главные результаты опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью вызвать болѣзнь искусственно и наблюдать, унаслѣдуется ли она, или нѣтъ. Эти опыты имѣютъ гораздо большую цѣнность въ вопросѣ о наслѣдственности, чѣмъ несравненно болѣе многочисленныя клиническія наблюденія, такъ какъ въ послѣднихъ причина болѣзни остается неизвѣстною; она можетъ быть внутреннею, т.-е. происходитъ вслѣдствіе измѣненія въ яйцѣ или сѣмени, а слѣдовательно не имѣтъ отношенія къ вопросу объ унаслѣдованіи приобрѣтенныхъ признаковъ, — тогда какъ при искусственныхъ опытахъ причина извѣстна и связь ея съ слѣдствіемъ очевидна. Тѣмъ не менѣе, и опыты даютъ мѣсто подозрѣнію: не играетъ ли и при эпилепсіи роль главнаго дѣятеля какой-нибудь микробъ, а въ такомъ случаѣ эпилепсія, какъ инфекціонная болѣзнь, можетъ передаваться въ потомство такъ, какъ передается пембрина и, по всей вѣроятности, чахотка. Вейсманнъ разсматриваетъ вопросъ именно съ этой точки зрѣнія и старается доказать, что унаслѣдованіе эпилепсіи при искусственныхъ опытахъ только и можетъ быть понятно, если предположить, что въ опытахъ Броунъ-Секара и Оберштейнера имѣлось дѣло съ инфекціонной эпилепсіей. Онъ основываетъ свой взглядъ какъ на общихъ соображеніяхъ о возможности существованія микроба, находящаго питательную почву въ нервномъ веществѣ, такъ и на томъ обстоятельстве, что отъ момента перерѣзки нервовъ до наступленія эпилептическихъ припадковъ проходитъ довольно долгій промежутокъ времени, иногда до 6 или даже до 8 недѣль. Это время должно составлять, по Вейсманну, инкубаціонный періодъ, служащій для развитія микробовъ въ организмѣ. Оба эти довода уже съ перваго взгляда являются недостаточно убѣдительными. Что касается общихъ соображеній, допускающихъ возможность происхожденія такихъ нервныхъ болѣзней, какъ эпилепсія отъ микроорганизмовъ, то они еще такъ шатки, что едва ли могутъ послужить серьезнымъ поводомъ разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія. Пока мы незнакомы не только съ этими микробами, но даже и вообще съ контагіемъ, причиняющимъ эпилепсію, о нихъ не можетъ быть рѣчи. Второй доводъ Вейсманна въ пользу инфекціонности эпилепсіи, а именно, что для развитія этой болѣзни требуется всегда нѣкоторое и иногда продолжительное время, опровергается опытами Вестфала, которые показываютъ, какъ мы видѣли, что при вызваніи эпилепсіи ударами по головѣ болѣзнь наступаетъ тотчасъ же черезъ нѣсколько секундъ послѣ

удара. Самая обстановка опыта Вестфала и быстрое наступленіе болѣзни исключаютъ здѣсь возможность предположенія инфекціи. Вейсманнъ до такой степени настойчиво защищаетъ невозможность передачи эпилепсіи по наслѣдству, что скорѣе соглашается допустить существованіе эпилепсіи двоякаго происхожденія: одной инфекціонной, другой не-инфекціонной, чѣмъ признать здѣсь наслѣдственную передачу болѣзни.

Въ опытахъ Броунъ-Секара и Оберштейнера является инфекціонная, въ опытахъ Вестфала—не-инфекціонная эпилепсія. Не говоря о томъ, что такое раздѣленіе нисколько не помѣшаетъ доказательству невозможности унаслѣдованія эпилепсіи, такъ какъ при Вестфалевскихъ опытахъ унаслѣдованіе происходило одинаково съ Броунъ-Секаровскими (объ этомъ Вейсманнъ умалчиваетъ), но и по существу оно не выдерживаетъ критики, такъ какъ ни на чемъ не основано. При всѣхъ опытахъ эпилепсія выражается въ совершенно тождественныхъ формахъ, одинаково возбуждается раздраженіемъ извѣстныхъ областей кожи, унаслѣдуется одинаково, слѣдовательно не даетъ ни малѣйшаго повода къ предположенію о различномъ происхожденіи. Объективный и безпристрастный разборъ замѣчательныхъ опытовъ Броунъ-Секара и его послѣдователей ведетъ, несмотря на критику Вейсмана, къ заключенію въ пользу передачи эпилепсіи по наслѣдству. Какимъ образомъ происходитъ эта передача—это другой вопросъ, который при нашихъ теперешнихъ свѣденіяхъ о процессѣ унаслѣдованія болѣзней имѣетъ мало шансовъ для рѣшенія, но фактъ существованія ея опытами Вестфала ставится внѣ сомнѣнія.

Прежде чѣмъ мы оставимъ этотъ предметъ, необходимо обратить вниманіе на замѣчательную аналогію въ унаслѣдованіи психическихъ болѣзней у людей съ унаслѣдованіемъ эпилепсіи при опытахъ надъ морскими свинками. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ двумя замѣчательными явленіями: превращеніемъ формы болѣзни въ нисходящихъ поколѣніяхъ и склонностью къ вырожденію, обусловленной развитіемъ болѣзни. Вышеприведенные примѣры передачи психическихъ болѣзней достаточно доказываютъ оба эти явленія у людей. Что касается морскихъ свинокъ, то, какъ видно изъ опытовъ Броунъ-Секара: 1) потомство, происходящее отъ эпилептическихъ родителей, страдаетъ самыми разнообразными болѣзнями, находящимися въ связи съ страданіемъ нервной системы; 2) большинство морскихъ свинокъ недолговѣчны. Искусственные опыты служатъ, такимъ образомъ, подтвержденіемъ вывода, сдѣланнаго давно, на основаніи статистическихъ данныхъ,

о связи унаслѣдованія психическихъ и нервныхъ болѣзней съ вырожденіемъ.

Чтобы покончить съ унаслѣдованіемъ болѣзней, намъ надо разсмотрѣть еще одну категорію этихъ явленій, именно наслѣдственную передачу травматическихъ поврежденій. Въ послѣдніе два года литература, трактующая о наслѣдственности, особенно изобилуетъ описаніемъ случаевъ, относящихся къ этому роду явленій. Починъ этому былъ положенъ д-ромъ Цахаріасъ, который демонстрировалъ на съѣздѣ натуралистовъ въ Висбаденѣ въ 1887 году двухъ безхвостыхъ кошекъ, самца и самку, происшедшихъ отъ матери, лишившейся случайно хвоста. Съ тѣхъ поръ списокъ подобныхъ случаевъ унаслѣдованія значительно увеличился, и вопросъ о передачѣ травматическихъ поврежденій въ потомствѣ такъ назрѣлъ, что можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ онъ будетъ рѣшенъ экспериментальнымъ путемъ. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ случаевъ, сообщенные въ послѣднее время и относящіеся къ человѣку и къ животнымъ. Въ окрестностяхъ Гохакта, по сообщенію Тица, кошкамъ отрубиваютъ хвосты вслѣдствіе повѣрья, что въ кончикѣ хвоста сидитъ червякъ, мѣшающій кошкамъ ловить мышей. По Тицу, всѣ кошки въ этой мѣстности рождаются съ короткими хвостами. Въ той же мѣстности рогатый скотъ часто теряетъ на пастбищахъ рога; хотя они вырастаютъ вновь, но бываютъ обыкновенно уродливы. Тицу приходилось наблюдать, что телята, рожденные отъ такихъ коровъ, отличаются тѣмъ же уродствомъ и притомъ до такой степени часто, что у крестьянъ существуетъ обычай, во избѣжаніе развитія такихъ ненормальныхъ роговъ, затрудняющихъ запряжку въ ярмо, обрубливать рога коровамъ, выбраннымъ для приплода. Дингфельдеръ полагаетъ, что отъ собакъ, у которыхъ обрублены хвосты, рождаются вудыя собаки. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ двухъ случаевъ такого унаслѣдованія травматическихъ поврежденій. Извѣстно, что деревенскимъ собакамъ часто подрѣзываютъ уши. По наблюденіямъ Дингфельдера это поврежденіе унаслѣдывается гораздо рѣже, чѣмъ обрубливаніе хвоста. Если это справедливо, то отсюда слѣдуетъ, что не всѣ признаки родителей унаслѣдуются въ одинаковой степени. Унаслѣдованіе, искусственно произведенное у кошекъ, короткохвостости, свидѣтельствуется также Кауфманномъ, который, въ письмѣ къ Вирхову, сообщаетъ, что нѣмецъ, живущій въ Америкѣ, Денцлеръ, получилъ, помощью подбора, отъ кошки, потерявшей хвостъ въ войнѣ съ крысами, короткохвостую породу. Въ первомъ поколѣніи была всего $\frac{1}{2}$ короткохвостыхъ; во второмъ, благодаря подбору, Денцлеру удалось

получить изъ 8 кошекъ 7 короткохвостыхъ. Дингфельдеръ приводитъ еще опытъ съ пѣтухомъ, который имѣлъ уродливыя перья на хвостѣ и давалъ потомство съ тѣмъ же уродствомъ. Вырваніемъ ненормальныхъ перьевъ у родителей Дингфельдеру удалось уничтожить этотъ признакъ у потомства. Случаи унаслѣдованія поврежденій у людей довольно однообразны; всѣ они заключаются въ передачѣ по наслѣдству рубцовъ, шрамовъ, лысинъ, происшедшихъ вслѣдствіе какихъ-либо поврежденій, въ большее или меньшее число поколѣній. Неизвѣстно примѣровъ, чтобы болѣе серьезныя поврежденія, напримѣръ потеря пальца, передавались въ потомство.

Если всѣ приведенные примѣры справедливы, и если даже во всѣхъ случаяхъ были унаслѣдованы дѣйствительно приобрѣтенныя, а не прирожденные признаки, то все-таки въ унаслѣдованіи травматическихъ поврежденій остается много загадочнаго и неяснаго. Это происходитъ, можетъ быть, отчасти отъ недостаточной точности изслѣдованія. Большая часть фактовъ записана изъ вторыхъ рукъ, или недостаточно изслѣдована. Во всякомъ случаѣ, въ этой категоріи наслѣдственности бросаются въ глаза двѣ особенности: непостоянство унаслѣдованія, — изъ опытовъ Денцлера видно, что короткохвостыя кошки передаютъ эту особенность не всѣмъ дѣтямъ, — и неодинаковая способность передачи поврежденій различныхъ органовъ. Поврежденія болѣе существенныхъ органовъ не передаются совсѣмъ, тогда какъ случаи передачи поврежденій органовъ не особенно важныхъ для особи довольно нерѣдки. Причина этихъ различій въ настоящее время совершенно невыяснена и можетъ быть выяснена только экспериментальнымъ путемъ.

Краткій обзоръ случаевъ унаслѣдованія болѣзней ведетъ насъ къ необходимости признать за этими измѣненіями способность къ переходу отъ поколѣнія къ поколѣнію. Недостатки и неточности изслѣдованія въ этомъ отношеніи не настолько велики, чтобы они могли повліять кореннымъ образомъ на выводы. Въ длинный списокъ примѣровъ, приводимыхъ въ защиту передачи болѣзней по наслѣдству, включены многіе такіе, въ которыхъ первоначальная причина происхожденія болѣзни неизвѣстна; такіе случаи мы имѣемъ право разсматривать, какъ происшедшіе отъ внутреннихъ, а не отъ внѣшнихъ причинъ, но мы не въ правѣ распространять это заключеніе на всѣ случаи унаслѣдованія, какъ это дѣлаетъ Вейсманнъ. Иначе заключеніе наше будетъ слишкомъ субъективно, и едва ли такая натажка дастъ какую-либо выгоду для раскрытія истины. Аргументація въ пользу передачи приобрѣтенныхъ

признаковъ вообще страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что не рѣзко отдѣляетъ унаслѣдованіе этихъ признаковъ отъ унаслѣдованія прирожденныхъ. Между тѣмъ это два дѣла совершенно различныя. Въ первомъ случаѣ вызываются въ организмѣ, подъ вліяніемъ какихъ-либо агентовъ, измѣненія; наблюдая передачу ихъ въ наслѣдство, мы рѣшаемъ вопросъ: могутъ ли эти измѣненія вліять на зачатковую плазму такъ, чтобы заставить ее воспроизвести соотвѣтственныя измѣненія въ потомствѣ; во второмъ случаѣ этотъ вопросъ не встрѣтится, такъ какъ зачатокъ самыхъ измѣненій коренится въ зачатковой плазмѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ измѣненія будутъ носить характеръ внезапности, самопроизвольности, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти-то измѣненія будутъ болѣе постоянными въ смыслѣ наслѣдственной передачи, чѣмъ первыя. Можно смѣло сказать, что $\frac{9}{10}$ случаевъ, приводимыхъ въ доказательство унаслѣдованія измѣненій, относятся къ этой категоріи внезапныхъ измѣненій, передающихся съ большимъ постоянствомъ. Вся сельско-хозяйственная практика, всѣ сотни и тысячи породъ прирученныхъ животныхъ и воздѣлываемыхъ растений служатъ тому живымъ доказательствомъ. Едва-ли существуетъ хотя одинъ примѣръ, гдѣ бы извѣстныя, выгодныя для хозяина измѣненія родоначальника породы, укрѣпленныя впоследствии искусственнымъ подборомъ, были вызваны нарочно вліяніемъ какихъ-либо физическихъ дѣятелей или жизненной обстановки. Напротивъ, вся исторія образования породъ служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что хозяинъ пользовался готовымъ уже измѣненіемъ, случайно появившимся вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, укрѣплялъ и уменьшалъ его въ потомствѣ, при помощи искусственнаго подбора. Дарвинъ, не принадлежащій къ числу защитниковъ унаслѣдованія исключительно прирожденныхъ признаковъ, приводитъ слова одного изъ лучшихъ авторитетовъ садоводства, Пуато, который утверждаетъ, что улучшенныя разновидности французскихъ воздѣланныхъ плодовъ рѣдко производятся садовниками. „Во Франціи значительное число лучшихъ группъ было найдено въ лѣсахъ“ (Дарвинъ, Прируч. живот., т. II, стр. 282). Стараясь подвести всѣ измѣненія подъ опредѣленныя дѣйствія внѣшнихъ причинъ, Дарвинъ замѣчаетъ по этому поводу: „Новыя разновидности, которыя, такимъ образомъ, появляются въ лѣсахъ, хотя и не могли получать избытка питанія, но зато подвергались часто внезапной перемѣнѣ условій“. Но здѣсь же самъ прибавляетъ: „хотя очень сомнительно, чтобы это составляло причину ихъ образования“. Онъ склоненъ къ предположенію, „что всѣ эти разновидности произошли отъ старыхъ

воздѣланныхъ породъ, растущихъ въ сосѣднихъ фруктовыхъ садахъ“. „Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ фруктовыя деревья часто появляются на пустыряхъ, ваппингтонская груша была найдена на одной изгороди, а персикъ „Emperor“ въ лѣсу“ (Дарвинъ, Прируч. живот., т. II, стр. 283). Подобнымъ же случайнымъ причинамъ обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоторыя породы пшеницы.

Въ доказательство постоянства случайныхъ измѣненій, Негели приводитъ происхожденіе махровыхъ дивихъ каштановъ, которые произошли отъ одной вѣтки, давшей въ Женевѣ случайно махровые цвѣты. Эта вѣтка, путемъ прививки, послужила родоначальницею махровыхъ каштановъ, распространенныхъ теперь въ Европѣ.

Аклиматизація животныхъ и растений даетъ такъ мало доказательствъ въ пользу значенія внезапныхъ измѣненій для приспособленія къ окружающей средѣ, что Дарвинъ находитъ возможнымъ высказать слѣдующее общее положеніе: „Хотя привычка нѣсколько способствуетъ акклиматизаціи, но внезапное появленіе индивидуумовъ съ различнымъ сложеніемъ составляетъ гораздо болѣе могучаго дѣятеля“ (Дарвинъ, Прируч. животныя, т. II, стр. 345).

Постоянство унаслѣдованія внезапныхъ измѣненій у животныхъ доказывается существованіемъ бѣлыхъ породъ мышей, крысъ и кроликовъ, происшедшихъ, несомнѣнно, отъ окрашенныхъ родоначальниковъ. Для бѣлыхъ кроликовъ, составляющихъ такъ-наз. гималайскую породу (иногда назыв. китайскою, польскою или русскою), это происхожденіе несомнѣнно доказано опытомъ (Дарвинъ, Прируч. живот., т. I, стр. 112—116). Отъ скрещиванія серебристо-сѣрыхъ кроликовъ съ шеншиловыми, болѣе свѣтлыми, получаются дѣти, которыя вначалѣ—чистые альбиносы, но вскорѣ получаютъ темныя пятна на различныхъ частяхъ тѣла и называются въ этомъ случаѣ гималайскими. Этотъ странный фактъ появленія безцвѣтнаго потомства у окрашенныхъ родителей находить, можетъ быть, объясненіе въ реверсіи, какъ думаетъ Дарвинъ, предполагая, что серебристо-сѣрые и шеншиловые родоначальники гималайскихъ кроликовъ произошли, въ свою очередь, отъ скрещиванія черныхъ съ альбиносами. Наконецъ, очень многія породы собакъ, утокъ, куръ и проч. произошли отъ подобныхъ внезапныхъ измѣненій, какъ справедливо утверждаетъ Дарвинъ относительно таксы, моськи, лягавой собаки, коротколицыхъ турмановъ и проч.

Заканчивая нашъ краткій и по возможности общедоступный очеркъ современнаго состоянія вопроса о наслѣдственности, считаемъ долгомъ замѣтить, что матеріаломъ для этого послужилъ намъ, съ одной стороны, рядъ гипотезъ, касающихся причинъ и механизма наслѣдственной передачи признаковъ, съ другой—множество записанныхъ въ наукѣ случаевъ унаслѣдованія, на основаніи которыхъ можно судить, какіе изъ признаковъ животныхъ и растений передаются въ наслѣдство, какіе — нѣтъ. Разсмотрѣнные выше гипотезы и факты, относящіяся къ вопросу о наслѣдственности, настолько ясно показываютъ неудовлетворительное состояніе этого вопроса, что было бы излишне подвергать ихъ вновь критическому разбору; слабыя стороны научнаго матеріала указаны въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же считаемъ болѣе умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ относительно дальнѣйшей научной разработки этого вопроса и упомянуть о нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, которыя въ этомъ отношеніи сдѣланы. Такимъ образомъ, мы будемъ въ состояніи выяснить средства, при помощи которыхъ можетъ быть достигнуто болѣе положительное и точное рѣшеніе этого вопроса.

Обратимся сначала къ наблюденіямъ, которыя приводятся рго и contra унаслѣдованія приобрѣтенныхъ признаковъ. Мы имѣли случай указать, насколько различны по своему значенію факты, добытые случайнымъ наблюденіемъ, отъ тѣхъ, которые получены путемъ опыта. Записанные и добытые наблюденіемъ случаи унаслѣдованія всегда представляютъ обширное поле для сомнѣнія уже потому, что часто въ нихъ не различаются рѣзко приобрѣтенные признаки отъ прирожденныхъ; при опытѣ этого смѣшенія быть не можетъ, такъ какъ тамъ измѣненія производятся сознательно, съ заранѣе намѣченною цѣлью; притомъ же опытъ всегда можетъ быть обставленъ такими заранѣе предусмотрѣнными предосторожностями, которыя устраняютъ значительную долю возраженій, встрѣчающихся по отношенію къ случайнымъ наблюденіямъ. Поэтому всегда слѣдуетъ отдавать преимущество экспериментальнымъ изслѣдованіямъ передъ наблюденіями, какъ это и было нами сдѣлано при разборѣ фактовъ, относящихся къ унаслѣдованію душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Успѣхъ опыта зависитъ отъ выработки метода; не во всѣхъ, однако, случаяхъ установленіе метода является дѣломъ одинаково легкимъ. Между примѣрами, приведенными выше, мы встрѣчаемся со многими сложными явленіями, которыя, для того, чтобы быть подвергнуты экспериментальной провѣркѣ, потребуютъ очень сложной обстановки опыта. Съ нихъ начинать нельзя. Для начала экспе-

риментальнаго изслѣдованія слѣдуетъ выбирать случаи унаслѣдованія такихъ измѣненій, причины которыхъ просты и отношенія причины къ слѣдствію по возможности ясны. Къ такимъ именно принадлежитъ унаслѣдованіе травматическихъ поврежденій. Они наиболѣе удобны для экспериментальной провѣрки, и со стороны нѣкоторыхъ изъ защитниковъ передачи приобрѣтенныхъ признаковъ было сдѣлано заявленіе о приготовленіи къ такимъ опытамъ. Вейсманнъ опередилъ ихъ въ этомъ отношеніи, и въ своей недавно появившейся брошюрѣ „о гипотезѣ унаслѣдованія поврежденій“ сообщилъ интересные результаты своихъ очень тщательно произведенныхъ опытовъ. Эти опыты относились къ передачѣ по наслѣдству поврежденій хвоста животныхъ, т.-е. къ тому ряду явленій, на которомъ именно и опирались защитники наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ признаковъ. Экспериментируемыми животными были бѣлыя мыши. Онѣ, а не какія-либо другія животныя, были выбраны потому, что въ нихъ нѣтъ основанія предполагать прирожденной склонности къ укорачиванію хвоста, которая, конечно, мѣшала бы правильности заключеній объ опытѣ, тогда какъ у другихъ подручныхъ животныхъ, какъ напр. у кошекъ и собакъ, такую склонность можно предполагать съ большимъ правомъ. Опытъ, который начался съ октября 1887 года и продолжается до сихъ поръ, заключается въ томъ, что Вейсманнъ обрубывалъ мышамъ хвосты и наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній появляются ли въ потомствѣ изуродованныхъ такимъ образомъ мышей безхвостыя особи, или особи съ укороченными хвостами. Результатъ опыта слѣдующій. Двѣнадцать мышей съ отнятыми хвостами, взятыхъ для опыта, дали въ продолженіе пяти поколѣній 849 особей, между которыми не только не было ни одной безхвостой, но даже ни одной съ сколько-нибудь укороченнымъ хвостомъ. Конечно, и противъ этихъ опытовъ, какъ они ни убѣдительны, можно сдѣлать возраженіе. Можно сказать, что измѣненія накапливаются крайне медленно и что опытъ надъ пятью поколѣніями еще недостаточенъ для того, чтобы на немъ можно было строить какія бы то ни было заключенія. Для удовлетворенія такихъ возраженій, какъ они ни кажутся мелочными, необходимо продолженіе опыта въ томъ же направленіи по возможности на долгое время, чтѣ и выполняется на самомъ дѣлѣ, такъ какъ опытъ продолжается и до сихъ поръ; чтобы убѣдиться въ томъ, что въ продолженіе пяти поколѣній не существуетъ никакихъ измѣненій въ экспериментируемыхъ органахъ, Вейсманнъ произвелъ тщательное измѣреніе хвостовъ новорожденныхъ мышей и пришелъ

къ заключенію, что ни у одной особи, изъ всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи, хвостъ не представлялъ ни малѣйшаго уклоненія отъ нормальной длины. Экспериментальная провѣрка данныхъ, сообщенныхъ выше, относительно унаслѣдованія поврежденій хвоста, дѣлаетъ и эту категорію случаевъ унаслѣдованія приобрѣтенныхъ признаковъ очень сомнительной. Надо надѣяться, что опыты, начатые Вейсманномъ, не останутся единственными и вызовутъ новый рядъ экспериментальныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что самая постановка опыта, по своей простотѣ, чрезвычайно доступна для всякаго желающаго его провѣрить. Изъ всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ случаевъ, довольно согласно говорящихъ противъ передачи приобрѣтенныхъ признаковъ въ наслѣдство, только знаменитые опыты надъ искусственно вызванною эпилепсіею дѣлаютъ нѣкоторое исключеніе, которое теперь объяснить трудно. Мы видѣли, что попытки къ объясненію этихъ явленій инфекціею оказываются неудачными въ виду опытовъ Вестфала; надо однако признать, что повтореніе этихъ опытовъ является теперь положительною необходимостью уже потому, что самые опыты были сдѣланы не съ специальною цѣлью изслѣдованія наслѣдственной передачи эпилепсіи, а главнымъ образомъ съ цѣлью показать возможность искусственнаго вызова эпилепсіи. Понятно, что при этомъ многое не было принято во вниманіе, что имѣло бы значеніе для рѣшенія вопроса о наслѣдственной передачѣ этой болѣзни.

Итакъ, большинство фактовъ, приводимыхъ обыкновенно въ защиту наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ признаковъ, оказывается недоказательнымъ. Выводы, которые можно сдѣлать изъ нихъ, во всякомъ случаѣ неблагоприятны для передачи. Самый завзятый защитникъ передачи приобрѣтенныхъ признаковъ едва ли найдетъ въ нихъ непоколебимыя основанія для защиты. Напротивъ, безпристрастное отношеніе къ этому вопросу неминуемо ведетъ къ заключенію, что большинство доказательствъ находится на сторонѣ противниковъ передачи, къ которымъ принадлежатъ многіе изъ выдающихся современныхъ біологовъ.

На ряду съ отрицательными доказательствами передачи приобрѣтенныхъ признаковъ мы находимъ уже теперь много положительныхъ въ пользу передачи такъ-называемыхъ приращенныхъ измѣненій. Эти измѣненія, проявляющіяся внезапно, изучены гораздо менѣе, чѣмъ приобрѣтенныя, да и изслѣдованіе ихъ гораздо труднѣе, чѣмъ послѣднихъ уже потому, что ихъ искусственно вызвать нельзя, а слѣдовательно, приходится довольствоваться тѣмъ, что дастъ случай. Поэтому экспериментальнаго из-

слѣдованія этой категоріи наслѣдственности придется ждать дольше, чѣмъ экспериментальнаго рѣшенія вопроса о приобрѣтенныхъ признакахъ.

Изъ сказаннаго здѣсь видно, что по крайней мѣрѣ начало экспериментальнаго изслѣдованія о наслѣдственной передачѣ приобрѣтенныхъ признаковъ не представляетъ особенныхъ затрудненій; поэтому будущность его можно считать болѣе или менѣе обезпеченною. Не такъ легко поставить на научную экспериментальную почву вопросъ о причинахъ и механизмѣ унаслѣдованія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ молекулярнымъ строеніемъ воспроизводительныхъ клѣтокъ, съ такимъ объектомъ, который недоступенъ непосредственному наблюденію и о которомъ мы можемъ судить только по нѣкоторымъ жизненнымъ явленіямъ въ яйцѣ. Несмотря однако на значительныя затрудненія, и этотъ вопросъ не только можетъ быть поставленъ на почву опытнаго изслѣдованія; но уже и сдѣланы нѣкоторыя попытки въ этомъ отношеніи. Соображая условія опытной провѣрки гипотезъ о причинахъ наслѣдственности, мы естественно наталкиваемся на вопросъ о зачаткахъ, которымъ гипотетически придается такое важное значеніе въ унаслѣдованіи родительскихъ признаковъ. Зачатки должны находиться въ зачатковой плазмѣ; они, какъ мы видѣли, должны быть распредѣлены въ извѣстномъ порядкѣ въ яйцѣ и, приходя въ дѣятельное состояніе, должны обуславливать образованіе извѣстныхъ органовъ съ извѣстными признаками у зародыша. Самыя простыя соображенія о способахъ провѣрки этой гипотезы наводятъ на мысль, что если эти зачатки существуютъ на самомъ дѣлѣ, то уничтоженіе ихъ должно повлечь за собою задержку въ развитіи соотвѣтственнаго имъ органа. Такъ какъ, далѣе, зачатки извѣстныхъ органовъ должны находиться приблизительно въ тѣхъ мѣстахъ яицъ, гдѣ впоследствии появляется самый органъ, и такъ какъ на неразвивающемся яйцѣ во многихъ случаяхъ мы можемъ опредѣлить эти мѣста, то постановка опыта легко опредѣляется сама собою. Разрушеніе тѣхъ частей яйца, въ которыхъ появляется извѣстный органъ, должно повліять на развитіе органа, если зачатки находятся налицо. Какъ ни простъ кажется подобный опытъ, однако примѣненіе его встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Во-первыхъ, весьма трудно ограничить пораненія яйца именно желаемую частью; во-вторыхъ, всякое пораненіе яйца влечетъ за собою болѣзнь его, обуславливаемую микроорганизмами, поселяющимися на ранѣ. Надо принять много предосторожностей, какъ чисто механическихъ, такъ и дезинфекціонныхъ, чтобы опытъ удался.

Въ настоящее время мы обладаемъ еще очень грубыми методами для подобнаго рода изслѣдованій, тѣмъ не менѣе и теперь уже существуютъ попытки къ такому изслѣдованію. Онѣ принадлежатъ нѣмецкому ученому, Ру, который дѣлалъ свои опыты надъ яйцами лягушекъ, избравъ этотъ объектъ какъ наиболѣе удобный въ томъ отношеніи, что на немъ легче опредѣлить мѣста, соответствующія образованію извѣстныхъ органовъ. Ру прокалывалъ яйца лягушекъ иглою въ различныхъ мѣстахъ; изъ прокола вытекала часть массы яйца, лишенная этимъ участіемъ въ развитіи. Эффектъ этого опыта долженъ былъ выразиться въ особенностяхъ развивающагося изъ яйца зародыша. Недостатокъ метода оказался въ полной силѣ. Множество яицъ погибло отъ паразитовъ; другія дали сомнительные результаты; но нѣкоторыя все же дали указанія на то, что удаленіе извѣстнаго количества вещества яйца вызываетъ недоразвитіе нѣкоторыхъ органовъ, и что при развитіи зародыша различныя части яйца могутъ дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ другихъ частей. Если этими опытами и не были добыты положительные результаты, тѣмъ не менѣе изъ нихъ вытекаютъ указанія на то, что реальное существованіе зачатковъ въ яйцѣ весьма вѣроятно, и что дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи, при болѣе совершенныхъ методахъ, обѣщаютъ дать многое для провѣрки гипотезъ о наслѣдственности.

Итакъ, къ чему же приводитъ насъ знакомство съ современнымъ состояніемъ вопроса о наслѣдственности? Конечно, къ тому, что этотъ вопросъ, какъ и много другихъ биологическихъ вопросовъ, далеко нельзя считать рѣшеннымъ. Неблагопріятность этого вывода значительно ослабляется тѣмъ, что мы знаемъ средство, которымъ можемъ исправить дѣло. Это средство заключается въ научной экспериментальной постановкѣ вопроса. Первые шаги въ этомъ отношеніи уже сдѣланы; остается слѣдовать имъ съ твердою надеждою на то, что они приведутъ къ точному и правильному изслѣдованію этой темной, но очень важной области біологіи.

В. ЗАЛЕНСКІЙ.

Одесса, 1889.

ДЖОНЪ КИТСЪ

И

ЕГО ПОЭЗІЯ

ИЗЪ ИСТОРИИ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

IV *).

Послѣ напечатанія „Эндиміона“ начинается самая плодотворная пора творчества Китса и самое тяжелое время его короткой жизни, страданія которой кончаются лишь со смертью поэта. Осенью 1818 г. онъ предпринялъ путешествіе по Шотландіи вмѣстѣ съ Брауномъ, и красоты природы произвели на него благотворное дѣйствіе: письма его дышутъ бодростью, и много граціозныхъ мелкихъ стихотвореній навѣяно было природой и историческими памятниками. Общеніе съ природой располагаетъ его въ созерцанію своей внутренней жизни, и въ его письмахъ изъ Шотландіи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ психологическихъ наблюденій, свидѣтельствующихъ, сколько душевныхъ силъ таялось въ этомъ необыкновенномъ юношѣ, какая способность сливаться съ окружающею природой; это умѣнье помогало его глубокому пониманію красоты и тонкому воспроизведенію ея въ поэзіи. Онъ чувствуетъ въ себѣ этотъ особенный талантъ, опредѣляя его слѣдующимъ образомъ: „Поэтъ—самое непозитичное созданіе, такъ какъ онъ не имѣетъ индивидуальности; онъ постоянно отождествляется съ каемъ-ни-

*) См. выше: октябрь, стр. 539.

будь другимъ существомъ. Солнце, луна, море, мужчины и женщины поэтичны и имѣютъ каждый свои постоянные атрибуты; поэтъ же ихъ не имѣетъ, онъ не бываетъ самимъ собой. Тяжело сознаться, но это несомнѣнный фактъ, что ни одно изъ моихъ словъ нельзя приписать моему собственному я. Если я нахожусь въ обществѣ и не занятъ созданіями моего воображенія, то я возвращаюсь домой уже не самимъ собой, такъ какъ образъ каждаго изъ присутствующихъ производитъ на меня давленіе, уничтожающее мою собственную личность; результатъ получился бы тотъ же, еслибы я провела нѣкоторое время въ дѣтской комнатѣ, среди дѣтей“. Это наблюденіе весьма вѣрно опредѣляетъ особенность натуры Китса; ту же мысль онъ выразилъ еще раньше, говоря, что „необходимое условіе для поэта—обладаніе отрицательной способностью, т.-е. умѣніемъ отдѣляться отъ своего собственного „я“ и отождествляться съ окружающимъ міромъ“. По его мнѣнію, Шекспиръ болѣе чѣмъ кто-либо другой владѣлъ этимъ даромъ.

По возвращеніи изъ Шотландіи, Китсъ опять поселился вмѣстѣ съ братомъ Томомъ въ Гемпстэдѣ. Состояніе здоровья Тома все болѣе ухудшалось, и Джонъ проводитъ три мѣсяца неотступно возлѣ умирающаго отъ чахотки брата; глубоко страдая отъ сознанія безнадежности его положенія, Китсъ лихорадочно работаетъ, чтобы заглушить голосъ сердца; онъ говоритъ въ письмахъ о своемъ мучительномъ настроеніи и съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ анализируетъ свои чувства. Смерть брата (въ февралѣ 1819 года) повергла Китса въ состояніе полного отчаянія: онъ чувствуетъ себя одинокимъ, покинутымъ, тѣмъ болѣе, что другой братъ, Джорджъ, эмигрировалъ вмѣстѣ съ своей молодой женой въ Америку. Онъ утѣшается лишь тѣмъ, что прекратились страданія Тома, и что онъ умеръ вѣрующимъ. „Я твердо вѣрю въ безсмертіе,—пишетъ онъ,—и это убѣжденіе было столь же твердымъ у Тома“.

Осиротѣвшій послѣ потери единственнаго близкаго родственника въ Англіи, Китсъ поселился вмѣстѣ съ Брауномъ, который жилъ въ томъ же Гемпстэдѣ; здѣсь начался наиболѣе печальный эпизодъ его жизни, болѣе содѣйствовавшій его преждевременной смерти, чѣмъ пресловутыя статьи Джиффорда. Ядъ пристрастной критики не могъ, какъ полагалъ Байронъ, „погасить его жизнь“, но несчастная любовь, внезапно его охватившая, потрясая до основанія его чуткую, болѣзненно чувствительную душу, несомнѣнно пагубно отразилась на его организмѣ и ускорила проявленіе рокового недуга. Нравственное состояніе его въ описывае-

мое время благопріятствовало началу разыгравшейся вскорѣ сердечной драмы. Онъ сильно тосковалъ послѣ смерти Тома и отъѣзда Джоржа, а холодность, наступившая въ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ прежнихъ друзей, еще болѣе увеличивала чувство пустоты. Гентъ и Шелли попрежнему искренно любятъ Китса, но онъ не отвѣчаетъ тѣмъ же, и частые рѣзкіе отзывы въ его письмахъ о Шелли показываютъ, что онъ не умѣлъ цѣнить дружбы будущаго автора „Адонаиса“.

Единственнымъ близкимъ для него человѣкомъ остается Браунъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ въ это время, но другое болѣе могучее чувство вскорѣ развивается въ душѣ поэта, заглушая всѣ прежнія привязанности, измѣняя весь его внутренній міръ. Въ домѣ Райнольдса Китсъ встрѣчается съ двумя дѣвушками, изъ которыхъ одна производитъ на него сильное впечатлѣніе своей оригинальной красотой; другая же, миссъ Фанни Браунъ, вызываетъ насмѣшливый отзывъ о себѣ; но, несмотря на неблагопріятность перваго впечатлѣнія, ей-то именно суждено играть выдающуюся роль въ жизни поэта. До первой встрѣчи съ Фанни Браунъ, Китсъ тщательно избѣгалъ общества женщинъ, объясняя это своимъ преувеличеннымъ мнѣніемъ объ ихъ совершенствѣ. „Я увѣренъ,—пишетъ онъ Бэйлею изъ Шотландіи,— что отношусь не такъ, какъ слѣдуетъ, къ женщинамъ,—я въ настоящую минуту стараюсь быть къ нимъ справедливымъ, но не могу. Быть можетъ, это происходитъ отъ того, что онѣ такъ уступаютъ представленію, которое образовалось о нихъ въ моемъ дѣтскомъ воображеніи! Когда я былъ школьникомъ, красивая женщина казалась мнѣ богиней, моя душа была мягкимъ гнѣздомъ, гдѣ многія изъ нихъ покоились, не подозревая этого. Я не имѣю права ожидать болѣе, чѣмъ даетъ дѣйствительность, но я ихъ считалъ воздушными созданіями, значительно высшими, чѣмъ мужчины. На самомъ дѣлѣ онѣ, можетъ быть, равны, но даже великое при сравненіи теряетъ. Не странно ли? среди мужчинъ у меня нѣтъ ни дурныхъ мыслей, ни злобы, мнѣ не скучно. Я могу по желанію говорить или молчать, слушать и учиться отъ другихъ, я свободенъ отъ всякаго подозрѣнія и чувствую себя въ своей тарелкѣ. Но среди женщинъ у меня дурныя мысли, злоба, сплинъ; я не могу просто говорить или молчать, я полонъ подозрѣнія, и потому не могу ничего слушать и тороплюсь уйти. Необходимо преодолѣть себя, но какъ?“ Въ этомъ анализѣ чувства къ женщинамъ, конечно, сказывается свойственная Китсу эзальтація, но, преувеличивая нѣсколько самое ощущеніе, онъ вѣрно передаетъ настроеніе. Онъ считалъ себя неспособнымъ

полюбить женщину, и часто говорилъ, что не женится никогда: „Шумъ вѣтра — моя жена, — пишетъ онъ Джоржу на своемъ образномъ языкѣ, — а звѣзды, заглядывающія ко мнѣ въ окно, — мои дѣти; великое отвлеченное представленіе о красотѣ во всемъ, которое я себѣ составилъ, мѣшаетъ будничному домашнему счастью. Я считаю жену и дѣтей частью этой идеи прекраснаго, но мнѣ пужны тысячи такихъ частицъ, чтобы наполнить душу. Я чувствую все болѣе съ каждымъ днемъ, что по мѣрѣ того какъ мое воображеніе крѣпнеть, я живу не въ одномъ только этомъ мѣрѣ, а въ тысячѣ мѣровъ... Помимо того большинство женщинъ мнѣ кажутся дѣтьми, которымъ я скорѣе подарилъ бы засахаренную сливу, чѣмъ часть своего времени, и все это вмѣстѣ составляетъ преграду къ женитьбѣ, чему я впрочемъ очень радъ“.

Эти теоріи однако скорѣе разбиваются въ прахъ, и Китсъ отдается со всею страстностью своего характера овладѣвшему имъ чувству любви. Въ первое время знакомства Фанни Браунъ, какъ мы замѣтили выше, не производитъ на него хорошаго впечатлѣнія; онъ самъ пишетъ объ этомъ Джоржу и его женѣ, рассказывая о новостяхъ его круга и о двухъ дѣвушкахъ, появившихся на горизонтѣ ихъ общества: миссъ Коксъ, родственница Райнольдса, и миссъ Фанни Браунъ. Онъ даетъ восторженный отзывъ о первой, прибавляя впрочемъ, что онъ не влюбленъ въ нее. „Она не имѣетъ вида Клеопатры, но во всякомъ случаѣ очаровательна; у нея властный взглядъ восточной женщины, прекрасные глаза и хорошія манеры; входя въ комнату, она производитъ впечатлѣніе красоты леопарда. Она лукава и слишкомъ сознаетъ свою красоту, чтобы отталкивать любующихся ею людей; но, привыкнуши къ этой красотѣ, не считаетъ ее чѣмъ-либо особеннымъ. Я чувствую себя гораздо легче въ обществѣ подобной женщины; прекрасное созданіе предо мной придаетъ мнѣ оживленіе, котораго я не могу чувствовать съ менѣе совершенными. Въ эти минуты я слишкомъ занятъ созерцаемъ, и не кажусь ни неловкимъ, ни смущеннымъ; я совершенно забываю себя, чтобы жить ею. Вы, конечно, выведете заключеніе, что я влюбленъ въ нее, и поэтому я, прежде, чѣмъ продолжать, заявляю, что это не вѣрно; она причинила мнѣ бессонную ночь, какъ это произвела бы и мелодія Моцарта“.

Совершенно противоположенъ этому восторженному отзыву портретъ миссъ Браунъ въ томъ же письмѣ: „Представьте вамъ миссъ Браунъ? Она, приблизительно, моего роста и имѣетъ красиво очерченное продолговатое лицо, но безъ всякой выразительности. Она красиво зачесываетъ волосы, имѣетъ тонкія, но нѣ-

сколько напряженные ноздри; ротъ и хорошъ, и дуренъ; профиль лучше чѣмъ en face, такъ какъ лицо ея блѣдное и худое, хотя ни одна кость не выдается. У нея хорошая фигура, граціозныя движенія, руки хороши, ноги сносны; ей около 17 лѣтъ. Но она невѣжественна, не умѣетъ вести себя, зоветь всѣхъ особенными именами, и все это, по моему, не отъ природнаго недостатка, а изъ высокомерія. Мнѣ надоѣлъ ея тонъ, и я стараюсь уклоняться отъ нея“.

Таковъ рисуемый самимъ Китсомъ предметъ его начинающейся страсти, быть можетъ, болѣе близкій къ истинѣ, чѣмъ его позднѣйшіе восторженные отзвѣвы. Фанни Браунъ жила съ матерью въ соседствѣ Китса; они часто видѣлись, и первоначальная вражда превратилась въ сильную привязанность, по крайней мѣрѣ съ одной стороны; миссъ Браунъ отвѣчала взаимностью, и они считались женихомъ и невѣстой. Но печальное матеріальное положеніе Китса не позволяло думать о женитьбѣ, а начавшаяся скорѣе болѣзнь уничтожила всякую надежду, что этотъ бракъ когда-либо состоится. Фанни Браунъ тепло относилась къ своему жениху, ухаживала за нимъ во время его болѣзни у нихъ въ домѣ, жаловалась однако Брауну и другимъ на ревность и причудливость Китса. Послѣдній годъ жизни Китсъ провелъ вдаль отъ нея, но терзаемый постоянною мыслью о ней; свидѣться съ ней онъ однако считалъ свыше своихъ силъ. Письма Китса къ невѣстѣ были изданы послѣ его смерти, къ великому неудовольствію многихъ цѣнителей поэта (между прочимъ Суинбёрнъ сильно возмущается по этому поводу въ статьѣ въ „Encyclopaedia Britannica“); письма эти, правда, ничего не прибавляютъ къ литературной славѣ поэта, но чрезвычайно интересны для его психологіи. Они свидѣтельствуютъ о томъ, сколько напрасныхъ страданій причинила ему любовь. Онъ готовъ отказаться отъ друзей въ порывахъ страсти, подозрѣваетъ Брауна въ нечестныхъ намѣреніяхъ относительно невѣсты и терзается самъ болѣе всѣхъ другихъ. Причина его душевнаго состоянія въ это время — не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ болѣзненности, нервности самого чувства и въ отсутствіи общности, душевной и умственной, между нимъ и его невѣстой. Свѣтская дѣвушка, какою была миссъ Браунъ, не могла удовлетворить его потребности безавѣтной любви, и внутреннее сознаніе пропасти, раздѣляющей ихъ, увеличивало его страданія. Присутствіе невѣсты ему столь же тяжело, какъ и разлука, и онъ постоянно борется съ этими противоположными ощущеніями; его не облегчала мысль, что она ему платитъ взаимностью, и въ общемъ итогѣ любовь эта, продолжавшаяся три

года, не принесла Китсу ни одной свѣтлой минуты. Она, конечно, отразилась на его творчествѣ, придавъ поэзіи послѣднихъ лѣтъ глубокой отпечатокъ меланхоли: стихотворенія „*To melancholy*“, „*To indolence*“ написаны въ эту эпоху тяжелыхъ страданій.

Въ этотъ бурный періодъ жизни дѣятельность Китса характеризуется двумя основными мотивами: любовью къ Фанни Браунъ и возрастающимъ честолюбіемъ. Китсъ увѣривалъ въ свое призваніе и лихорадочно работаетъ, чтобы успѣть, пока не оставятъ слабѣющія силы, дать все, что таилось въ его душѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1818—1820, онъ пишетъ всѣ лучшія свои произведенія, но, выпуская въ 1820 году свой третій сборникъ, обезпечившій его славу, онъ не увѣренъ въ успѣхѣхъ: слишкомъ повлияла на него печальная судьба первыхъ двухъ книжекъ. „Моя книжка, — пишетъ онъ Брауну, — выходитъ съ весьма слабыми надеждами, но безъ малодушія съ моей стороны. Это будетъ моимъ послѣднимъ испытаніемъ; если оно не удастся, я вернусь къ своей аптекѣ“. На этотъ разъ сомнѣнія его не оправдались. Джеффри привѣтствовалъ сборникъ восторженной статьёй, о которой мы упоминали выше; друзья осыпаютъ его похвалами. Даже тѣ, которые относились холодно къ „Эндимиону“, преклоняются предъ этимъ несомнѣннымъ доказательствомъ его таланта; Байронъ и Шелли особенно восторгаются „Гиперіономъ“. Къ несчастью, этотъ успѣхъ выпадаетъ уже на долю больного, осужденнаго на смерть юноши.

Не останавливаясь на хронологіи отдѣльныхъ пьесъ, писанныхъ большей частью въ Гемпстэдѣ, рассмотримъ ихъ въ той послѣдовательности, которую представляетъ сборникъ 1820 года. Въ немъ заключены четыре поэмы, нѣсколько одъ, нѣсколько сонетовъ и большой эпическій отрывокъ: „Гиперіонъ“.

Сюжетъ первой поэмы — „Изабеллы“ — взятъ изъ Боккачіо. Вся прелесть ея въ простотѣ передачи трогательной любовной исторіи, въ душевныхъ звукахъ, въ которые облечены чувства и слова дѣйствующихъ лицъ. Герои стихотворенія — красавица Изабелла и Лоренцо; несчастье ихъ заключалось въ томъ, что „они не могли жить въ одномъ и томъ же домѣ безъ чувства сердечной боли, не могли вмѣстѣ сидѣть за столомъ, не думая, какъ пріятно быть близко другъ около друга, не могли спать подъ одной кровлей, не видя другого во снѣ и не плача каждую ночь“. Они открываются въ своихъ чувствахъ, и въ этомъ счастіи ихъ взаимной любви и таится ихъ горе. Впрочемъ поэтъ говоритъ, что любящія сердца не могутъ быть несчастны: „слишкомъ много

слезъ было пролито за влюбленныхъ, слишкомъ много вздоховъ принесено имъ въ дань, слишкомъ много оплакивалась ихъ смерть, слишкомъ много грустныхъ исторій читается въ золотыхъ письменахъ“.

Жестокіе братья Изабеллы убиваютъ Лоренцо, заманивъ его въ лѣсъ, и увѣряютъ сестру, что онъ внезапно уѣхалъ въ далекое путешествіе. Но возлюбленный Изабеллы является ей во снѣ и открываетъ ей истину; несчастная дѣвушка отправляется на мѣсто преступленія, откапываетъ голову Лоренцо и хоронитъ ее у себя въ комнатѣ въ горшкѣ базилики, которую постоянно поливаетъ слезами. Братья, узнавши, почему она все время плачетъ надъ базиликой, похищаютъ у нея горшокъ съ цвѣтами и сами оставляютъ Флоренцію. Изабелла чахнетъ и умираетъ: „И такъ она чахла и умерла одинокой, моля до смерти о своей базиликѣ. Не было души во Флоренціи, которая бы не была тронута состраданіемъ къ ея печальной любви, и грустная пѣснь объ этой исторіи, переходя изъ устъ въ уста, распространилась по всей странѣ. До сихъ поръ слышится пригѣвъ:—О, какая жестокость отнять у меня мой горшокъ съ базиликой!“

Съ замѣчательною психологическою тонкостью поэтъ сосредоточиваетъ все чувство дѣвушки къ своему возлюбленному на неодушевленномъ предметѣ, представляющемъ для нея память о немъ. Изабелла переживаетъ смерть Лоренцо, но умираетъ, утративъ горшокъ съ базиликой—единственное, что осталось для нея дорогого на землѣ. Трогательность и поэтичность передачи увеличиваютъ прелесть основного мотива.

Въ „Ламіи“, написанной, какъ и „Эндиміонъ“, десятистопнымъ героическимъ стихомъ, Китсъ опять въ своемъ любимомъ элементѣ—греческой мифологіи; содержаніе основано на разсказѣ изъ книги „de Vita Apollonii“. Но, сохранивъ фактическую сторону, Китсъ освѣтилъ легенду въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Его Ламія, полу-женщина, полу-змѣя, приобретаетъ при помощи Гермеса видъ прекрасной женщины и очаровываетъ своей красотой любимаго ею коринтскаго юношу Ликія; она поселяется съ нимъ въ волшебномъ дворцѣ, окружая своего возлюбленнаго всевозможною роскошью. Но юноша тяготится одиночествомъ и уговариваетъ Ламію совершить торжественное бракосочетаніе, созвавши всѣхъ друзей на пиръ. Ламія соглашается противъ своего желанія и проситъ только Ликія не приглашать своего учителя, философа Аполлидора. Послѣдній однако является непрощеннымъ и, устремивъ свой пытливый взоръ на Ламію, разсѣваетъ ея чары—Ламія умираетъ; но когда Аполлидоръ ждетъ

благодарности отъ избавленнаго отъ опасности ученика, тотъ проклинаетъ проникательность своего учителя и умираетъ въ отчаяніи отъ утраты своей возлюбленной. Въ то время, какъ древній авторъ рассказываетъ преданіе, съ цѣлью доказать силу и значеніе философіи, и заканчиваетъ рассказъ изліяніемъ благодарности Ликія учителю, который избавилъ его отъ узъ волшебницы, — Китсъ протестуетъ противъ этой власти разсудка надъ сладкими заблужденіями чувства; его Ламія — не злая волшебница; она подъ образомъ чудовища скрываетъ любящее женское сердце. Аполлидоръ, открывъ ея тайну, не совершаетъ доблестнаго поступка; онъ не спасаетъ юношу отъ пагубнаго волшебства, а губить два любящихъ сердца, которыя безъ его вмѣшательства были бы вѣчно счастливы.

„Не исчезаютъ ли всѣ очарованія, — восклицаетъ поэтъ, — отъ привосновенія холодной философіи? Была нѣкогда таинственная радуга на небѣ; теперь мы знаемъ, изъ чего она соткана, и она внесена въ перечень обыденныхъ вещей. Философія обрѣзаетъ крылья у ангеловъ, овладѣваетъ чудесами при помощи своихъ измѣреній, лишаетъ воздухъ его таинственныхъ обитателей, подземелья — гномовъ, разсѣиваетъ радугу, какъ въ настоящемъ случаѣ она обратила въ тѣнь нѣжную Ламію“.

Здѣсь сказывается ужасъ поэта предъ наукой, разрушающей поэзію неразгаданныхъ явленій природы; еще раньше, чѣмъ выразить эту мысль въ поэтической формѣ, Китсъ высказывалъ свой взглядъ на грустную сторону научнаго прогресса, который лишаетъ человѣка многихъ наслажденій. Такъ сохранился анекдотъ, что на одномъ дружескомъ обѣдѣ Китсъ вмѣстѣ съ Чарльсомъ Лэмбомъ обвиняли Ньютона въ томъ, что онъ уничтожилъ поэзію радуги своимъ спектральнымъ анализомъ, и провозгласили тостъ „за славу Ньютона и гибель математики“. То, что было сказано тогда въ видѣ шутки, возводится въ „Ламію“ нѣкоторымъ образомъ въ принципъ. Поэтическія достоинства поэмы весьма значительны, особенно въ первой сценѣ: Ламія указываетъ Гермесу, ищущему напрасно по лѣсамъ любимую имъ нимфу, гдѣ находится его возлюбленная, и въ награду проситъ превратить ее, Ламію, въ женщину. Какъ всегда, Китсъ умѣетъ всецѣло проникнуться греческой обстановкой и достигаетъ высокой поэтической красоты, описывая ея фантастическій міръ. Сколько прелести, напр., въ изображеніи Ламіи въ ея первоначальномъ видѣ, гдѣ за внѣшностью змѣи таится нѣжная любящая душа. „Она была чудовищемъ, окрашеннымъ въ блестящіе цвѣта, съ пурпуровыми, золотистыми, зелеными и синими пятнами; полосатая какъ зебра,

пятнистая какъ леопардъ, и окаймленная темно-красными полосами, она была полна серебряными мѣсяцами, которые, когда она дышала, расплывались, или ярче свѣтили, или сплетали свой блескъ съ болѣе темными цвѣтами ковровъ. Окруженная этой радугой цвѣтовъ, съ печатью страданія во всемъ своемъ существѣ, она казалась и несущимъ покаянiе эльфомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подругой какого-нибудь демона или даже самимъ демономъ. На головѣ у нея было слабое пламя, усѣянное звѣздами, какъ діадема Ариадны; сама голова была змѣиная, но—о, горькая утѣха!—у нея былъ женскій ротъ съ полнымъ рядомъ жемчужинъ. Ея глаза—что могли дѣлать подобные глаза, если не плакать постоянно о томъ, что они столь прекрасны, какъ плачетъ до сихъ поръ Прозерпина о воздухѣ своей Сицилiи?”

Двумя выдающимися пьесами сборника являются „Канунъ св. Агнесы“ и „Канунъ св. Марка“, изъ которыхъ послѣдняя написана въ pendant первой, но осталась незаконченной. Обѣ основаны на народномъ преданiи, что въ ночь на св. Агнесу влюбленная дѣвушка, исполнивъ рядъ установленныхъ обрядовъ, можетъ видѣть во снѣ своего возлюбленнаго, а въ ночь на св. Марка, если стать у портала кладбищенской церкви, можно увидѣть входящими туда всѣхъ своихъ родственниковъ, причемъ тѣ, которые не возвращаются оттуда, умрутъ въ теченiе года, остающiеся тамъ долго будутъ болны продолжительное время и т. д. „Канунъ Агнесы“ считается одной изъ самыхъ законченныхъ вещей Китса по художественности исполненiя; сюжетъ, правда, не вполне выясненъ, но тонкость описанiй, умѣнье передать всѣ оттѣнки чувства покоряютъ читателя съ первыхъ строкъ, и поэма въ цѣломъ оставляетъ надолго впечатлѣнiе глубоко поэтического художественнаго произведенiя.

Вотъ описанiе зимняго пейзажа въ самомъ началѣ. „Канунъ св. Агнесы—о, какой жестокой холодъ былъ тогда! у совы мерзли крылья; заяцъ хромалъ, дрожа, по замерзшей травѣ, и присмирѣли стада, закутанныя въ шерсть; пальцы монаха, перебиравшаго четки, окоченѣли, и когда онъ проходилъ мимо образа святой дѣвы, творя молитву, его замерзшее дыханiе казалось выходящимъ изъ устъ, какъ благочестивый ладанъ—изъ древней бурильницы“. Также хороша сцена ожиданiя героиней поэмы, Маделеной, чудесъ ночи на св. Агнесу. „Свѣча потухла, когда она вошла въ комнату; ея легкiй дымокъ угасъ въ блѣдномъ лунномъ свѣтѣ. Она закрыла дверь дрожа, похожая на воздушнаго генiя, на видѣнiе, не проронивъ ни звука, такъ какъ это принесло бы бѣду. Но ея сердце краснорѣчиво говоритъ само съ собой, да-

вая о себѣ чувствовать болью; такъ соловей, лишенный голоса, напрасно напрягаетъ гортань и умираетъ, задохнувшись“.

Прелесть этого стихотворенія заключается въ искусствѣ только отгнать описанія; удачныя опредѣленія лицъ, предметовъ и чувствъ прадають поэмѣ особую нѣжность. Особенно хорошо очерчены въ нѣсколькихъ словахъ второстепенныя лица, какъ напр. кормилица Маделены, „бѣдное, слабое, разбитое параличомъ, годное лишь для кладбища существо“, старый псаломщикъ, смертью котораго заканчивается поэма: „монахъ, сказавши тысячу аве, заснулъ навсегда, не успѣвъ прибавить: аминь, среди остывшей золы“. Менѣе удачно вышли сама Маделена и ея возлюбленный Порфиро.

„Канунъ св. Марка“ (отрывокъ) въ томъ видѣ, какъ поэма осталась въ сборникѣ, представляетъ двѣ очень граціозно исполненныя картины кануна праздника въ средневѣковомъ городѣ. „Тихія улицы были полны степенно шагающими набожными людьми; они только-что повили молитву у теплаго очага и направлялись съ сосредоточеннымъ видомъ къ вечернѣ; сводчатые низкіе входы были полны молчаливой и терпѣливой толпой, которая тихо шепталась, ступая нерѣшительными шагами, въ то время, какъ стройно и громко звучалъ органъ“. Вторая картина—дѣвушки, сидящей у камина и погруженной въ увлекательное чтеніе походовъ св. Марка; очень хорошо описаніе комнаты съ роскошью средневѣковаго характера.

Лучшими пьесами сборника, въ которыхъ выразилось все могущество таланта Китса, являются оды и „Гиперіонъ“; оды „Къ соловью“, „Къ греческой урнѣ“ справедливо причисляются къ лучшимъ образцамъ англійской поэзіи. Первая изъ нихъ, какъ рассказываютъ, была вызвана постояннымъ пѣніемъ соловья, свившаго себѣ гнѣздо возлѣ дома Китса; пѣніе это часто погружало поэта какъ бы въ оцѣпенѣніе отъ внутренняго восторга. Однажды, вставъ изъ-за завтрака, онъ взялъ съ собой стулъ и усѣлся подъ тѣнью дуба, гдѣ просидѣлъ два, три часа съ бумагой въ рукахъ. Черезъ нѣкоторое время Броунъ замѣтилъ, какъ Китсъ бросалъ записанные листки, какъ ненужныя бумажки, и только съ трудомъ смогъ собрать и привести въ порядокъ разсыянные куллеты знаменитой оды. Этотъ рассказъ со словъ очевидца весьма характеристиченъ и оправдываетъ не разъ высказываемое Китсомъ признаніе, что любовь къ прекрасному въ немъ столь сильна, что онъ писалъ, не побуждаемый желаніемъ печатать свои стихи.

Въ одѣ „Къ соловью“ вылился страстный порывъ Китса

слиться съ природой, отречься отъ узъ, сковывающихъ ограниченную природу человѣка. „Исчезнуть вдалькѣ, разсѣяться и совершенно забыть то, о чемъ ты никогда не зналъ въ чащѣ листьевъ“,—мечтаетъ онъ, обращаясь къ соловью; но онъ чувствуетъ свое безсиліе и молить:—„о, дайте мнѣ отвѣдать студенаго напитка, скрытаго долгіе годы глубоко подъ землей! О, дайте мнѣ кубокъ полный теплой южной влаги!“ Поэтъ полагаетъ, что опьянѣніе поможетъ ему забыть: „утомительность, лихорадочность бурной земной жизни, гдѣ люди слышать стоны другъ друга, гдѣ болѣзнь уничтожаетъ остатки сѣдыхъ волосъ, гдѣ юность блѣднѣетъ, дѣлается худой какъ призракъ и умираетъ; гдѣ думать—значитъ быть полнымъ печали и отчаянія съ его свинцовымъ взоромъ, гдѣ красота не можетъ сохранить своихъ блестящихъ глазъ, такъ какъ любовь изведетъ ихъ на завтра“. Но, пренебрегая Бахусомъ и его спутниками, онъ хочетъ подняться къ соловью на „невримыхъ крыльяхъ поэзіи“ и, сливаясь съ его пѣсней, словословить природу. „Я не вижу, какіе цвѣты у моихъ ногъ, какой оміамъ поднимается надъ кустами, но въ благоуханной темнотѣ угадываю каждый сладкій запахъ, которымъ счастливый мѣсяцъ надѣлилъ траву, чащу и дивій древесный плодъ, бѣлый боярышникъ и душистый шиповникъ, быстро увядающія фіалки, скрытыя въ листьяхъ, и самое старшее дитя середины мая—расцвѣтающую мускусную розу, полную росой, пріютъ жужжащихъ мухъ въ лѣтніе вечера“. Восторженное состояніе, въ которое его приводитъ созерцаніе природы, примиряетъ его со смертью, такъ какъ и смерть легка и пріятна, какъ даръ торжествующей надъ временемъ природы: „Я часто былъ полу-влюбленъ въ легкую смерть, звалъ ее нѣжными именами, прося въ задумчивыхъ стихахъ вознести къ небу мое спокойное дыханіе“. Торжественное настроеніе поэта уступаетъ мѣсто тихой грусти по мѣрѣ того, какъ удаляется птичка; онъ возвращается къ дѣйствительности и сознанію своего безсилія. „Было ли это видѣніе, сонъ на яву? Музыка исчезла; сплю ли я еще теперь, или бодрствую?“

Рѣдко пантеизмъ достигалъ таковой художественной высоты, какъ въ „Одѣ къ соловью“, которую можно сопоставить съ лучшими образцами Гёте, великаго пѣвца природы. Нѣсколько приведенныхъ нами отрывковъ показываютъ, насколько форма гармонируетъ съ величіемъ замысла. Стихотвореніе имѣетъ еще одну особенность—всѣ образы и сравненія носятъ бакхическій характеръ; это подтверждаетъ мысль Брандеса о сенсуализмѣ Китса, который, въ самомъ дѣлѣ, весьма тонко анализировалъ вкусовые ощущенія и часто въ поэзіи и въ стихахъ распространяется о

прелести разныхъ напитковъ и яствъ. Друзья Китса свидѣтельствуютъ, что временами онъ очень усердно занимался сравнительнымъ изученіемъ винъ, что отзывалось нехорошо на его слабомъ организмѣ.

Если „Ода къ соловью“ характеризуетъ пантеизмъ Китса, его стремленіе и умѣнье проникаться всякимъ явленіемъ и созданіемъ природы, то „Ода къ греческой урнѣ“—высшее проявленіе его эллинизма. Китсъ постоянно видѣлъ въ домѣ Гента, въ комнатѣ отведенной ему во время болѣзни, древнюю греческую вазу, и къ ней относится ода, прославляющая вѣчное царство красоты. Сцена, изображенная на вазѣ, взята скульпторомъ изъ жизни, и благодаря его искусству сдѣлалась бессмертной—въ этомъ поэтѣ видить символъ вѣчнаго значенія прекраснаго. Онъ воспроизводитъ картину этой какъ бы остановленной въ своемъ теченіи и такимъ образомъ увѣковѣченной жизни, и вполне переносится въ свѣтлый міръ любви и искусства, олицетворяемый для него древнею Греціей. „Прекрасны слышанныя мелодіи,—говоритъ Китсъ, развивая мысль о превосходствѣ искусства надъ самой жизнью:—но еще слаще невоплощенные звуки. Поэтому, нѣжныя флейты, играйте! Обращайте свои пѣсни безъ словъ не къ чувственному уху, а къ думѣ, которой вы болѣе близки. Прекрасный юноша, сидящій подъ деревомъ, ты не можешь никогда прекратить твою пѣснь, и никогда это дерево не утратить листьевъ. Смѣлый влюбленный, ты никогда, никогда не можешь цѣловать, хотя предметъ твоихъ стремленій близокъ. Но не печалься; она не можетъ никогда поблѣкнуть, хотя ты и не будешь благословленъ ея любовью. Ты вѣчно будешь любить, она будетъ вѣчно прекрасна“.

Затѣмъ, вполне проникаясь представленной на вазѣ сценой жертвоприношенія, поэтъ оживляетъ ее въ воображеніи, и жалѣетъ городъ, навсегда утратившій своихъ жителей. „Какой маленький городъ, построенный со своей мирной цитаделью при рѣкѣ, при морѣ или въ горахъ, лишился въ это благочестивое утро своего населенія? Увы, твои улицы навсегда будутъ молчаливы, и ни одна душа не вернется сказать, почему ты оставленъ?“

Все чувство поэта выливается въ конечной строфѣ оды, проникнутой восторгомъ предъ греческимъ воплощеніемъ вѣчно-прекраснаго: „О, памятникъ аттическаго искусства! Прекрасная картина, населенная мраморными юношами и дѣвушками, полная лѣсныхъ вѣтвей и стоптанной травы!.. Холодная пастораль! когда старость разрушитъ это поволѣніе, ты останешься среди страдающей напихъ потомковъ, будешь другомъ людей, говоря имъ: „красота есть истина, истина—красота“, вотъ все, что извѣстно на

землѣ и все, что нужно знать". Последнія двѣ строчки достойнымъ образомъ заканчиваютъ поэму, принадлежащую безспорно къ лучшимъ созданіямъ Китса. За исключеніемъ „Гиперіона“, о которомъ рѣчь впереди, обѣ разобранныя оды („Къ соловью“ и „Къ греческой урнѣ“) признаются наиболѣе блестящими образцами его творчества.

Двѣ другія оды: „Къ меланхоли“ и „Осень“, обнаруживаютъ въ авторѣ склонность анализировать душевныя явленія въ ихъ самыхъ нѣжныхъ проявленіяхъ, останавливаясь по преимуществу на своеобразной сладости чувства грусти, меланхоли. То же настроеніе, которое породило гѣсны о печали вакханки въ „Эндиміонѣ“, вызвало „Оду къ меланхоли“; съ обычной тонкостью пониманія Китсъ отличаетъ настоящую печаль, жажду смерти, отъ меланхолии; онъ отгоняетъ отъ себя первую, какъ губительную силу, и призываетъ тихую грусть, какъ нѣчто лежащее въ природѣ вещей, въ каждомъ самомъ сладкомъ чувствѣ, и свойственное вообще человѣческому сердцу.

„Грусть неразлучна съ красотой,—съ красотой, которая должна умереть, и съ радостью, которая всегда подноситъ руку къ губамъ въ знакъ прощанія; она близка къ страдающему наслажденію, которое уже обращается въ ядъ въ то время, какъ, подобно пчелѣ, оно впитываетъ радость. Да, въ самомъ храмѣ наслажденія грусть подъ своимъ покрываломъ имѣетъ священный алтарь, хотя незримый никому, кромѣ того, кто рѣшается смѣло вкусить плодъ радости; его душа почувствуетъ печаль ея могущества и будетъ однимъ изъ ея мрачныхъ трофеевъ“. „Ода къ осени“ превозноситъ своеобразную красоту зрѣлица смерти въ природѣ и заканчиваетъ серію одъ, въ которыхъ вполне отразился душевный складъ Китса, вмѣстѣ съ отличительными сторонами его таланта. „Еслибы Китсъ не оставилъ намъ ничего другого, кромѣ этихъ одъ,—говоритъ Розетти,—мы имѣли бы въ нихъ почти полную картину его поэтического склада, за исключеніемъ развѣ недостаточно въ нихъ выраженной инстинктивной склонности къ наслажденію, съ примѣсью веселья. Взявши всѣ эти чудныя оды въ цѣлости, мы видимъ, что самой характеристической ихъ чертой является крайняя чувствительность къ наслажденію, соединенному съ анализомъ, удовольствіе съ страданіемъ, болѣзненное сознаніе конечности, пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ острое чувство, которое обращаетъ радость въ грусть и наслаждается этой самой грустью въ радости“. Въ поэтическомъ отношеніи эти оды не имѣютъ ничего равнаго въ современной имъ англійской литературѣ по образности языка и умѣнью пере-

давать отгѣнки чувствъ. „Прелесть его лирическихъ стиховъ,—говорить м-съ Олифантъ,—болѣе чѣмъ всѣ остальные его произведенія дѣлаютъ его дорогимъ нашей душѣ. Еслибы были забыты всѣ его поэмы, кромѣ сохраненныхъ въ прелестномъ маленькомъ сборникѣ Пальгрева (лирическія стихотворенія и „Гиперіонъ“), его „Ода къ соловью“, „къ Осени“, восхитительное воплощеніе „времени тумановъ и сочныхъ плодовъ“, ода „Къ греческой урнѣ“, содержащая такое чудное описаніе безсмертной жизни прошедшаго, остановленной въ моментъ полной дѣятельности и сохраненной навсегда искусствомъ,—эти оды уже сами по себѣ обезпечиваютъ ему безсмертіе“¹⁾.

Въ сборникѣ 1820 г., кромѣ этихъ стихотвореній, заключается, какъ мы упоминали, эпической отрывокъ „Гиперіонъ“, составляющій какъ бы дополненіе къ „Эндиміону“ по своему мифологическому содержанію. Уже въ предисловіи къ „Эндиміону“ Китсъ выражаетъ свое намѣреніе еще разъ вернуться къ греческой мифологіи, и въ его перепискѣ встрѣчаются указанія на то, что онъ много разъ начиналъ писать „Гиперіона“ и остановился окончательно на сюжетѣ въ 1819 г., въ періодъ разгара романа съ Фанни Браунъ. Содержаніе поэмы навѣяно Гезіодовской „Гигантомахіей“, а поэтическая обработка обнаруживаетъ значительное вліяніе Мильтона. Уже прежде Китсъ увлекался мелкими вещами Мильтона, подражая мѣстами его стиху; но „Потерянный рай“ былъ имъ вполне понятъ лишь въ пору полного развитія его таланта. Планъ поэмы „Гиперіонъ“, по свидѣтельству одного изъ друзей поэта, Вудгоуза, обнималъ первоначально исторію сверженія съ престола Гиперіона, прежняго бога солнца, Аполлономъ, и въ видѣ эпизодовъ—низложеніе Океана Нептуномъ, Сатурна Юпитеромъ и т. д., и кромѣ того борьбу гигантовъ за восстановленіе Сатурна. О всѣхъ этихъ легендахъ существуютъ лишь немногіе намеки у поэтовъ Греціи и Рима, такъ что эпизоды должны были быть созданы всецѣло воображеніемъ поэта. Но изъ десяти предполагаемыхъ частей написаны лишь двѣ и начало третьей, и Китсъ въ письмѣ къ Райнольдсу (сент. 1819 г.) самъ объясняетъ причину, почему онъ пересталъ работать надъ своею поэмою. „Въ Гиперіонѣ слишкомъ много Мильтоновскихъ оборотовъ, а Мильтоновскимъ стихомъ можно писать лишь въ артистическомъ настроеніи; я хочу теперь обратиться къ другимъ ощущеніямъ,—у насъ, англичанъ, всегда нужно чѣмъ-нибудь подерживать энергію“. Съ другой стороны, полагаютъ, что неуспѣхъ

¹⁾ Mrs Oliphant, Literary history of England, III, p. 148. Rosetti, Keats, p. 194.

„Эндиміона“ удержалъ Китса отъ намѣренія написать еще одну большую поэму на мифологическую тему. Суинбёрнъ видитъ главную прелесть „Гиперіона“ въ томъ, что онъ представляетъ отрывокъ: въ законченномъ видѣ поэма потеряла бы величіе и красоту отрывка. „Успѣхъ „Гиперіона“, — пишетъ онъ, — былъ почти столь же полнымъ, какъ въ свое время неудача „Эндиміона“. Никогда Китсъ не доказалъ такъ своего пониманія долга относительно искусства, какъ рѣшеніемъ оставить свой великій эпосъ незаконченнымъ, не вслѣдствіе жалкаго предлога, выдуманнаго его издателями, что онъ былъ уstraпешъ приемомъ своего перваго труда, а, какъ видно изъ переписки, по мотиву болѣе серьезному; поэтъ полагаетъ, что этюдъ въ духѣ Мильтона, по самому своему характеру, имѣетъ слишкомъ много искусственнаго, слишкомъ отражаетъ постороннее вліяніе, чтобы быть выполненнымъ въ задуманномъ объемѣ. Очищенная при первомъ просмотрѣ отъ крайняго аллегоризма и избытія звучныхъ, но излишнихъ стиховъ, поэма не могла долѣе оживлять туманный сюжетъ, имѣющій такъ мало осязательнаго содержанія“.

„Гиперіономъ“ Китсъ окончательно установилъ свою репутацію первокласснаго поэта; всѣ современные писатели и критики наперерывъ выражали ему свой восторгъ. Шелли, такъ строго отнесшійся къ „Эндиміону“, пишетъ въ разныя времена о „Гиперіонѣ“: „отрывокъ, называемый „Гиперіонъ“, свидѣтельствуетъ, что авторъ его сдѣлается однимъ изъ первыхъ поэтовъ своего времени“... „Эта поразительная вещь и даетъ мнѣ понятіе о Китсѣ, какого, сознаюсь, я не имѣлъ до сихъ поръ“. „Если „Гиперіонъ“ не настоящая поэзія, — ничего великаго не создано нашими современниками“. Байронъ, возмущавшійся похвалами Джеффри Джонни Китсу, пишетъ послѣ смерти поэта: „Его фрагментъ „Гиперіонъ“ кажется внутреннимъ титаномъ и не уступаетъ по величію Эсхилу“. „Гиперіонъ“ сохранился въ двухъ вариантахъ, содержащихъ три пѣсни (первая значительно измѣнена въ позднѣйшемъ вариантѣ). Въ первой — Теа, жена Гиперіона, утѣшаетъ Сатурна, оплакивающаго гибель старшихъ боговъ и титановъ въ борьбѣ съ младшими. Глубокая скорбь падшаго, но еще полнаго сознанія своего величія божества, проникаетъ всю сцену; она чувствуется въ изображеніи погруженнаго въ тяжелое забытѣе Сатурна, въ словахъ, которыми Теа будитъ спящаго бога, раскаяваясь въ то же время, что потревожила его сонъ, не будучи въ состояніи принести ему утѣшеніе. „О, безумная, зачѣмъ нарушила я твое уединеніе и твой сонъ? Зачѣмъ открывать тебѣ печальныя очи? Спи, Сатурнъ, и дай мнѣ плакать у ногъ твоихъ“.

Скорбь эта разливается могучей волной по всей поэме, составляя ее основаніе, превращая ее въ крикъ отчаянія недавнихъ властителей, покоренныхъ молодыми, свѣжими силами. Сатурнъ видитъ, что исчезла его сила, и сѣтуетъ о прошедшемъ, причеъ онъ сохраняетъ въ безсиліи величіе прежнихъ помысловъ: „Теа, Теа, Теа! гдѣ Сатурнъ? Но развѣ я не могу создавать, не могу творить? Развѣ я не могу проивести другой міръ, другую вселенную, которая бы покорила этотъ и превратила его въ ничто? Но гдѣ вторичный хаосъ, гдѣ?“

Не совсѣмъ еще угадо однако могущество старшихъ боговъ. Гиперіонъ, богъ солнца, еще владычествуетъ надъ вселенной; къ нему возносятся молитвы смертныхъ, но, шагая угрюмый и озлобленный въ своемъ чудесномъ дворцѣ, онъ также замѣчаетъ зловѣщіе знаки упадка: „Его свѣтлый дворець, укрѣпленный сверкающими золотыми пирамидами, осѣняемый тѣнью бронзовыхъ обелисковъ, засверкалъ кровавымъ краснымъ цвѣтомъ чрезъ тысячу дворовъ, арокъ, куполовъ и галерей; всѣ занавѣси изъ утреннихъ облаковъ внезапно покраснѣли, и по временамъ крылья орловъ, не виданныхъ доселѣ богами и изумленными людьми, выдѣлялись темнымъ пятномъ; и слышался приближающійся топотъ коней, не слышанный до сихъ поръ богами и изумленными людьми. И если иногда онъ хотѣлъ отвѣдать ароматный ениміамъ, возносящійся съ святыхъ холмовъ, вмѣсто сладости онъ ощущалъ вкусъ ядовитой мѣди и заржавленнаго металла“. Гиперіонъ не сдается сразу; онъ спѣшитъ на Олимпъ и рассказываетъ прародителю боговъ, Небу, о своихъ страданіяхъ, прося у него помощи противъ враговъ.

Вторая пѣсня—самая лучшая по исполненію—рисуетъ собраніе титановъ, удрученныхъ горемъ. „Это была пещера, гдѣ оскорбительный свѣтъ не могъ освѣщать ихъ слезъ, гдѣ они чувствовали свои собственные стоны, но не могли ихъ слышать изъ-за гула грохочущихъ водопадовъ и ревущихъ потоковъ, текущихъ неизвѣстно куда. Скала выступаетъ надъ скалой, и утесы, имѣющіе постоянно видъ какъ будто бы только-что проснулись, простираютъ лбомъ ко лбу свои чудовищные рога и безконечными фантастическими соединеніями образуютъ сводъ этого пріюта печали. Вмѣсто троновъ они сидѣли на твердыхъ камняхъ, и ложа ихъ были изъ жесткаго аспида, вправленнаго въ желѣзо“.

Дикости и необычайности мѣста соотвѣтствуютъ раздающіяся рыданія титановъ, сливающіяся въ одинъ общій хоръ скорби. Наконецъ, выдѣляются отдѣльные голоса. Сатурнъ ободряетъ титановъ къ борьбѣ съ богами; за нимъ поднимается Океанъ,

убѣждая титановъ и старшихъ боговъ покориться закону природы, по которому побѣда и власть принадлежать высшей красотѣ, олицетворяемой въ данномъ случаѣ новымъ поколѣніемъ боговъ: „Это вѣчный законъ, что первый по красотѣ дѣлается первымъ по могуществу. Да, по этому закону другое поколѣніе можетъ когда-нибудь повергнуть нашихъ побѣдителей въ печаль, подобную нашей“. О наступленіи переворота въ порядкѣ вселенной, о несомнѣнной побѣдѣ боговъ надъ титанами повѣствуетъ младшая дочь Океана, Климена. Приводимъ цѣликомъ ея пламенную рѣчь, соединяющую скорбь падшаго величія съ передачей ликованія вселенной по поводу наступленія свѣтлаго царства Аполлона: „О, отецъ! мой голосъ здѣсь самый скромный; я знаю лишь, что исчезла радость и что горе вкралось къ намъ въ сердца, чтобы остаться тамъ, быть можетъ, навсегда: я не стала бы предвѣщать бѣды, если бы полагала, что такое слабое созданіе можетъ отвратить помощь, которую по справедливости должны оказать могущественные боги. Но позвольте мнѣ объяснить свою печаль, дайте сказать, что я слышала, какъ я рыдала и узнала, что мы лишены всякой надежды. Я стояла на красивомъ берегу, гдѣ дулъ мягкій вѣтерокъ, шедшій изъ страны, полной благоуханія, покоя, деревьевъ и цвѣтовъ. Воздухъ былъ полонъ спокойной радости, какъ я полна печали; слишкомъ много было радости и мягкой пріятной теплоты, и я почувствовала желаніе потревожить, нарушить этотъ покой пѣснями печали, музыкой нашихъ страданій. Я сѣла, взяла сладковзвучную лиру и начала мелодію. Но конецъ музыкѣ! пока я пѣла и неумѣлыми звуками наполняла эхо, съ тѣнистаго берега острова, находившагося напротивъ, переменчивый вѣтеръ принесъ волшебные звуки, которые одновременно устрашали и улаждали мой слухъ. Я бросила лиру на песокъ, и ее поглотила волна, какъ мою душу поглотили золотые звуки. Жизнь и смерть звучали въ каждомъ аккордѣ, въ каждомъ соединеніи упоительныхъ быстрыхъ звуковъ, падающихъ одинъ за другимъ, всё вмѣстѣ, какъ жемчужины, сорвавшіяся внезапно съ нити. Затѣмъ опять другіе напѣвы, каждый какъ голубь, оставляющій оливковую вѣтвь, чтобы, окрыленный музыкой вмѣсто тихихъ перьевъ, кружиться надъ моей головой, заставляя меня страдать отъ радости и грусти. Грусть превозмогла, и я закрыла руками свои негодующія уши; но, несмотря на усиліе дрожащихъ рукъ, моего слуха достигалъ сладкій голосъ, пѣннѣе всякой музыки, громко взывавшій: „Аполлонъ! Молодой Аполлонъ! Свѣтлый какъ утро, молодой Аполлонъ!“ Я бѣжала, но голосъ преслѣдовалъ меня, крича: „Аполлонъ!“ О, отецъ! о, братья!

если бы вы чувствовали мои страданія! О, Сатурнъ! если бы ты ихъ извѣдалъ, мое желаніе быть выслушанной не показалось бы тебѣ слишкомъ дерзкимъ“.

Брандесъ ставитъ этотъ монологъ Климены во главѣ всего написаннаго Китсомъ, и въ самомъ дѣлѣ этотъ могучій гимнъ молодой, могущественной красотѣ, олицетворяемой въ Аполлонѣ, отгнѣнный грустью о невозвратно погибшемъ прошломъ, имѣетъ нѣчто неотразимо трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное. Въ третьей части Аполлонъ, не знающій еще своего призванія, узнаетъ отъ Мнемозины, что его ожидаетъ величіе и могущество. Несмотря на незаконченность поэмы, идея поэта ясно выразилась въ отрывкѣ: воспѣвая величіе титановъ, онъ представляетъ однако ихъ паденіе неизбѣжнымъ и справедливымъ. Вѣрный жрецъ красоты, Китсъ объясняетъ въ вышеприведенныхъ словахъ Океана, какъ менѣе совершенное должно уступать болѣе совершенному и прекрасному. Это цѣлая теорія прогресса, предвидящая паденіе языческихъ вѣрованій предъ болѣе высокой идеей христіанства и постоянную смѣну религіозныхъ и философскихъ ученій въ теченіе вѣковъ.

Мы упоминали выше, что „Гиперіонъ“ болѣе всего написаннаго Китсомъ свидѣтельствуетъ объ умѣнннн поэта проникаться классической древностью. Нужно было глубоко сродниться съ фантастическимъ міромъ греческой мифологіи, чтобы съ такимъ совершенствомъ воспроизвести волнующія его чувства, его страданія и радости. Титаны въ поэмѣ Китса тѣмъ болѣе величественны, что онъ ихъ представляетъ въ моментъ паденія, когда всего яснѣе высказывается истинное величіе. Ихъ безконечная скорбь соответствуетъ воплощенію могущества, каковымъ титаны являлись въ древнемъ мірѣ. Въ ихъ сѣтованіяхъ выражается прежняя сила, прежній полетъ бессмертной мысли; они сходятъ со сцены побѣжденными, но не развѣнчанными, не униженными.

Однимъ изъ послѣднихъ произведеній Китса была его большая историческая драма „Отгонъ Великій“, написанная имъ въ сотрудничествѣ съ Брауномъ. Послѣдній сочинилъ сюжетъ и ходъ драмы, а Китсъ выработывалъ сцены, не зная общаго плана; ему принадлежитъ лишь развязка. Въ общемъ, драма слаба и не обнаруживаетъ значительнаго драматическаго таланта въ авторѣ. Быть можетъ, причина неудачи пьесы—отсутствіе единства въ исполненіи, такъ какъ истинно художественныя вещи не могутъ писаться въ сотрудничествѣ. Лучше всего обрисована фигура принца Лутольфа; Китсъ работалъ надъ ней съ любовью, пред-

назначая эту роль для знаменитаго Кина, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Драмѣ однако не суждено было попасть на сцену; Кинъ, взявшій на себя роль Лутольфа, отложилъ постановку пьесы; потому она была забыта.

Изъ второй задуманной Китсомъ драмы, „Король Стефанъ“, сохранились всего четыре сцены, и по нимъ трудно судить о цѣломъ; сюжетъ взятъ изъ исторіи Англии и, очевидно, навѣянъ Шекспировскими хрониками.

Китсъ придавалъ большое значеніе своимъ драматическимъ начинаніямъ. „Одно изъ моихъ честолюбивыхъ мечтаній, — пишетъ онъ Бейлею изъ Винчестера, — произвести такую же революцію въ современномъ драматическомъ сочинительствѣ, какую Кинъ произвелъ на подмосткахъ“. Въ томъ же тонѣ его увѣренія въ письмѣ къ Тэйлору, „что написать нѣсколько хорошихъ пьесъ для театра — самое высшее его честолюбіе, если онъ иногда бываетъ честолюбивымъ, чтѣ случается весьма рѣдко“. Быть можетъ, еслибы Китсу дана была болѣе продолжительная жизнь, эта сторона его таланта развилась бы болѣе.

Столь же мало удачна, какъ его драма, попытка Китса написать комически-сатирическую поэму въ Спенсеровскомъ духѣ. Его „Дурацкая шапка“ представляетъ мало интереснаго; это исторія волшебныхъ принца и принцессы, обрученныхъ противъ своего желанія и страстно влюбленныхъ въ двухъ смертныхъ. Сюжетъ опять сообщенъ Брауномъ, который почерпнулъ его изъ итальянскихъ новеллъ; нѣкоторымъ успѣхомъ при своемъ появленіи пьеса „*Cap and bells*“ обязана содержащемся въ ней намекамъ на безпорядки въ семьѣ принца-регента, которые въ то время сильно интересовали общество.

Разобранными нами произведеніями исчерпывается литературная дѣятельность Китса. Послѣдній годъ жизни ему пришлось слишкомъ много страдать физически и нравственно, и онъ не въ состояніи былъ ничего прибавить къ сборнику 1820 г. Мы уже упоминали о томъ, какое тяжелое время переживалъ Китсъ до выхода послѣдняго сборника, создавая свои лучшія вещи. Къ нравственнымъ страданіямъ присоединились заботы матеріальнаго свойства. Болѣзнь брата поглотила значительную часть небольшого общаго капитала; Джоржъ, пріѣхавшій изъ Америки, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, увезъ съ собою значительную часть оставшихся денегъ, и Китсъ остался въ крайне стѣсненномъ положеніи. Впослѣдствіи, послѣ смерти поэта, со всѣхъ сторонъ раздавались упреки роднымъ и ближайшимъ друзьямъ Китса за небрежное отношеніе къ его жизненнымъ удобствамъ въ на-

часть болѣзни. Предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ былъ братъ его, Джорджъ. Но онъ оправдывался тѣмъ, что, прїѣхавши въ Англїю, не зналъ въ точности денежныхъ обстоятельствъ Джона и взялъ съ собой въ Америку слѣдующую ему часть наслѣдства, чтобы употребить ее на какое-нибудь промышленное предпрїятіе и обезпечить такимъ образомъ будущность какъ Джона, такъ и своей семьи. Джорджу удалось очистить себя отъ взведеннаго на него обвиненія, но фактъ остается тотъ, что Китсъ съ конца 1819 г. находился почти въ нищенскомъ положеніи; лишь усилїями преданныхъ ему друзей, Генри Брауна, Северна и другихъ, онъ былъ нѣсколько обезпеченъ, и когда обнаружилась роковая болѣзнь, онъ могъ лечиться, пока оставалась надежда.

Бѣдность тѣмъ болѣе раздражала Китса, что составляла непреодолимое препятствіе для брака съ любимой дѣвушкой; чтобы какъ-нибудь побѣдить это затрудненіе, поэтъ высказываетъ намѣреніе возобновить занятія медициной. Но вскорѣ всѣмъ его начинанїямъ полагаетъ конецъ первое несомнѣнное проявленіе семейной болѣзни—чахотки, и съ этихъ поръ жизнь его представляетъ непрерывную цѣпь мученій, заканчивающуюся чрезъ годъ смертью. Браунъ въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ передаетъ подробности рокового вечера, и мы приводимъ цѣликомъ его разсказъ, интересный для характеристики Китса. „Однажды вечеромъ,—пишетъ Браунъ,—онъ вернулся домой въ 11 ч., имѣя видъ сильно выпившаго человѣка; я зналъ, что подобное состояніе въ немъ невозможно, и тѣмъ болѣе испугался. Я тотчасъ же спросилъ его: „что съ вами? у васъ лихорадка?“ „Да, да“,—отвѣтилъ онъ:—„я слишкомъ долго былъ на воздухѣ въ эту стужу и продрогъ, но теперь ничего, хотя, конечно, есть лихорадка“. Съ свойственной ему мягкостью и уступчивостью къ друзьямъ онъ согласился лечь въ постель; я послѣдовалъ за нимъ въ комнату, взявъ лекарства, которыя были подъ рукой. Завернувшись въ холодныя простыни, прежде чѣмъ опустить голову на подушку, онъ слегка кашлянулъ и сказалъ: „у меня кровь показалась изо рта“. Я подошелъ къ кровати въ то время, какъ онъ разсматривалъ каплю крови, упавшую на простыню. „Принесите мнѣ свѣчку, Браунъ, я хочу видѣть кровь“. Послѣ внимательнаго осмотра, онъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и съ поразительнымъ спокойствїемъ, котораго я никогда не забуду, сказалъ: „я знаю этотъ цвѣтъ—это кровь изъ артерїи; я не могу ошибиться: эта капля крови вѣстникъ моей смерти; я долженъ

умереть". Я побѣждалъ за докторомъ, Китсу пустили кровь, и въ 5 ч. утра я оставилъ его спокойно спящимъ".

Послѣ перваго приступа болѣзни легкихъ Китсъ чувствовалъ себя нѣкоторое время совсѣмъ хорошо, такъ что друзья приписали появленіе крови разрыву какаго-нибудь незначительнаго кровеноснаго сосуда. Браунъ, затѣявшій экскурсію въ горы, спокойно оставилъ своего друга, не предвидя, что никогда больше не увидитъ его. Состояніе здоровья Китса однако вскорѣ ухудшилось, и, чтобы онъ не оставался одинъ послѣ отъѣзда Брауна, Гентъ уговорилъ его переѣхать къ нему въ домъ. У Гента Китсъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ, все болѣе впадая въ состояніе крайняго нервнаго раздраженія; отсюда онъ писалъ письма своей невѣстѣ, которыя ясно свидѣлствуютъ о крайнемъ напряженіи всѣхъ его душевныхъ силъ. Чувствительность его проявлялась еще въ особой чуткости относительно явленій въ природѣ и въ жизни людей; „я чувствую, какъ маргаритки растутъ надо мной“,—говорилъ онъ часто, сидя въ своемъ креслѣ возлѣ окна. Малѣйшее событіе принимало въ его глазахъ преувеличенные размѣры, и подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія онъ совершалъ цѣлый рядъ необдуманныхъ поступковъ, огорчалъ и оскорблялъ друзей. Такъ, онъ оставляетъ домъ Гента изъ-за того, что служанка передала ему по оплошности двумя днями позже записку отъ его невѣсты. Китсъ увидѣлъ въ этомъ желаніе обидѣть его, и, несмотря на всѣ увѣщанія и просьбы хозяевъ, немедленно уѣхалъ отъ нихъ, рѣшаясь, несмотря на свою слабость, поселиться одинъ. Этого не допустили Фанни Браунъ и ея мать и устроили больного поэта у себя въ домѣ; миссъ Фанни заботливо ухаживала за Китсомъ, продолжая называть себя его невѣстой, хотя Китсъ, въ виду своего безнадежнаго состоянія, освободилъ ее отъ даннаго слова. Заботливость любимой дѣвушки сначала дѣйствовала на него благотворно, но вскорѣ видъ ея привелъ его еще въ большее отчаяніе—мысль о смерти дѣлается для него невыносимой вблизи любимаго существа. Онъ задумывался надъ переменой мѣстожительства, тѣмъ болѣе что доктора настаивали на поѣздѣ въ Италію, такъ какъ его легкія не вынесутъ зимы въ Англии. Вопросъ о поѣздѣ вскорѣ рѣшился утвердительно, но надежда Китса, что Браунъ будетъ ему сопутствовать, не оправдалась, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній; письма, гдѣ обсуждались подробности совмѣстнаго путешествія, не достигли своего назначенія, и когда Браунъ спѣшилъ въ Лондонъ, чтобы сопровождать Китса, послѣдній уже находился на пути въ Неаполь въ обществѣ художника Северна.

Во время путешествія Китсъ написалъ Брауну письмо, въ которомъ, предвидя близкій исходъ своей болѣзни, прощается съ другомъ и со всѣми, кто ему дорогъ въ Англии. Самыя грустныя строки относятся къ воспоминанію о Фанни, и, несмотря на усилія Китса сдерживать свои чувства, въ нихъ отражается все его душевное страданіе. „Я хочу писать вамъ о предметахъ, которые не очень волнуютъ меня,—пишетъ онъ.—Объ одномъ изъ нихъ я долженъ упомянуть, чтобы покончить разъ навсегда. Если бы я даже могъ при другихъ условіяхъ поправиться физически, эта причина не допустила бы моего выздоровленія. То именно, изъ-за чего я болѣе всего хотѣлъ бы жить, причиняетъ мою смерть. Я ничѣмъ не могу помочь и никто не можетъ помочь. Если бы я былъ здоровъ, оно сдѣлало бы меня больнымъ; какъ же мнѣ переносить это при моемъ теперешнемъ состояніи! Я полагаю, что вы угадали, о чемъ я говорю; вы знаете, изъ-за чего я болѣе всего страдалъ во время моей болѣзни въ вашемъ домѣ. Я молю о смерти день и ночь, чтобы избавиться отъ этихъ мученій, и все-таки не желаю смерти, потому что она уничтожить даже эти страданія, которыя лучше чѣмъ ничего. Земля и вода, слабость и болѣзнь—могущественные разлучители, но смерть разъединяетъ навсегда. Если я смогу осилить горечь этой мысли, я могу сказать, что ужасъ смерти миновалъ для меня“.

Въ Неаполѣ Китсъ остался недолго; видъ этого города, подчиненнаго деспотизму Бурбоновъ, сдѣлался ему ненавистнымъ. „Мелочи, на которыя онъ въ другое время не обратилъ бы вниманія,—говоритъ его биографъ, лордъ Готтонъ,—теперь раздражали его впечатлительную душу. Онъ пересталъ ходить въ оперу изъ-за стражи, присутствовавшей постоянно на сценѣ и которую онъ сначала принималъ за принадлежность драматическаго представленія. „Уѣдемъ лучше въ Римъ,—говорилъ онъ:—я знаю, что приближается мой конецъ, и постоянно бросающійся въ глаза деспотизмъ здѣшняго правительства не позволяетъ мнѣ найти душевный покой. Я не могъ бы лежать спокойно въ этой землѣ, и не хочу оставить даже моихъ костей среди тирановъ. Не это одно, однако, побуждало Китса ѣхать дальше; усиливающаяся болѣзнь и нравственныя страданія вызывали въ немъ это желаніе постоянно мѣнять окружающую обстановку, чтобы забыться, уйти отъ тяжелыхъ думъ. „Я могу свыкнуться съ мыслью о смерти,—пишетъ онъ Брауну изъ Неаполя,—но не съ тѣмъ, что потеряю ее навсегда. О, Боже! Каждая изъ моихъ вещей, которая напоминаетъ о ней, пронзаетъ мнѣ сердце какъ

кинжалъ. Шолковая подкладка моей дорожной шляпы, шитая ея руками, жжетъ мнѣ голову, мое воображеніе постоянно живо представляетъ ее себѣ,—я ее вижу, слышу ея голосъ. О, Браунъ, у меня горячіе угли въ груди... Я удивляюсь, что человѣческое сердце можетъ такъ ужасно страдать!"

Въ Римѣ Китсъ поселился вмѣстѣ съ Северномъ, который всецѣло посвятилъ себя уходу за умирающимъ другомъ. Дневникъ Северна и писанныя имъ украдкой отъ Китса письма къ ихъ общимъ друзьямъ рассказываютъ печальную повѣсть послѣднихъ дней поэта. Сильно страдая отъ кашля и бессонницы, Китсъ не переносилъ ни чтенія, ни какаго-либо другого умственнаго напряженія; послѣднее письмо, писанное его рукой,—упомянутое нами письмо къ Брауну изъ Неаполя; единственнымъ его утѣшеніемъ была мастерская игра Северна на фортепьяно. Онъ вполнѣ сознавалъ безнадежность своего состоянія и ждалъ смерти какъ избавленія. „Когда кончится моя посмертная жизнь?“—спрашивалъ онъ ежедневно у своего доктора. Его терзала болѣе всего мысль о невѣстѣ, писемъ которой онъ не читалъ больше въ послѣднее время, прося положить ихъ нераспечатанными въ гробъ. „Онъ потерялъ теперь всякую надежду и даже желаніе выздоровѣть,—пишетъ Севернъ матери Фанни.—Онъ теперь болѣе спокоенъ, такъ какъ окончательно простился съ этимъ міромъ и со всѣми надеждами на будущее. Бѣдный Китсъ совершенно не можетъ видѣть писемъ или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ,—онѣ слишкомъ его волнуютъ и увеличиваютъ опасность. Я раскаиваюсь, что передалъ ему два послѣднія письма,—онъ попросилъ положить ихъ въ шкатулку непрочтенными“. Черезъ мѣсяць Севернъ пишетъ: „онъ значительно успокоился нравственно; быть можетъ, эта перемѣна находится въ связи съ увеличивающейся физической слабостью, но мнѣ она кажется благоудѣтельнымъ сномъ... Сегодня вечеромъ онъ много говорилъ со мной, но такъ легко, что вскорѣ спокойно заснулъ. У него, кажется, пріятные сны безъ кошмара. Вѣроятно, это произведетъ какую нибудь перемѣну... Среди всего, что онъ говорилъ сегодня, главное была просьба написать на его могильномъ памятникѣ: „Здѣсь лежитъ человѣкъ, имя котораго начерчено на водѣ“. Получилось письмо, которое я передалъ Китсу, полагая, что оно отъ васъ; но, къ несчастью, оказалось не то; одинъ видъ письма причинилъ ему ужасныя страданія, и онъ оставался нѣсколько дней подъ этимъ впечатлѣніемъ. Онъ не читалъ его—не могъ читать, и просилъ положить въ его гробъ вмѣстѣ съ кошелькомъ и письмомъ (нераспечатаннымъ) его сестры, потому

онъ просилъ не класть этого письма въ гробъ, а только письмо сестры и локонъ волосъ. Онъ находить, что его болѣзнь въ значительной степени зависитъ отъ возбужденія его страстей, но я постарался навести его на другой взглядъ въ этомъ отношеніи“.

Китсъ умеръ 24-го февраля 1821 г. „Его уже нѣтъ,—читаемъ мы въ дневникѣ Северна:—онъ умеръ спокойно, какъ бы заснувъ... Черезъ три дня анатомировали его трупъ: легкія совершенно исчезли, и доктора не понимаютъ, какъ онъ жилъ послѣдніе два мѣсяца. Въ понедѣльникъ я слѣдовалъ вмѣстѣ съ другими англичанами за дорогими останками... Письмо я самъ положилъ въ гробъ“.

Китсъ похороненъ въ Римѣ на протестантскомъ кладбищѣ; на его памятникѣ высѣчена сочиненная имъ самимъ эпитафія: „Here lies one, whose name was writ on watter“.

Мѣсто, гдѣ находится могила Китса, по словамъ лорда Готтона—одинъ изъ самыхъ чудныхъ уголковъ, на которыхъ могутъ покоиться взоръ и сердце человека: это—покрытый травой откосъ, съ котораго видны развалины стѣнъ Гонорія и на которомъ возвышается пирамидальный памятникъ, приписываемый Петраркой Рему; ученые изслѣдователи относятъ его къ болѣе скромному имени Кая Цестія, народнаго трибуна, извѣстнаго только своимъ надгробнымъ памятникомъ. Витая умственнымъ взоромъ въ прошедшемъ, какъ это часто бываетъ предъ смертью, Китсъ говорилъ Северну, что одно изъ наибольшихъ удовольствій его въ жизни было слѣдить за ростомъ цвѣтотъ; въ другой разъ, послѣ продолжительнаго спокойнаго отдыха, онъ сказалъ: „я чувствую, какъ цвѣты растутъ надо мной“. Тамъ, гдѣ поэтъ успокоился на вѣки, они растутъ даже въ теченіе всей зимы; фіалки и маргаритки смѣшиваются съ свѣжей травой, и можно полюбить смерть при мысли быть похороненнымъ въ такомъ чудномъ мѣстѣ.

Вблизи могилы Китса возвышается другой памятникъ съ надписью: „Sog cordium“; это могила его друга и современника Шелли, пережившаго всего на одинъ годъ безвременно угасшаго юношу-поэта, котораго онъ воспѣлъ въ „Адонаисѣ“.

Такимъ образомъ, въ весьма короткій промежутокъ времени Англія утратила двухъ лучшихъ поэтовъ лучшей эпохи романтизма, погибшихъ въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ.

Мы старались, разбирая отдѣльныя произведенія Китса, объяснить отличительныя стороны его дарованія; намъ остается, резюмируя все сказанное, опредѣлить его мѣсто въ англійской поэзіи. Китсъ, какъ мы видѣли,—поэтъ переходной поры; послѣ

господства классицизма XVIII вѣка и узко-патріотическаго романтизма „озерной“ школы, онъ вмѣстѣ съ своими двумя великими современниками, Байрономъ и Шелли, открываетъ путь новому, безконечно широкому по своимъ идеямъ романтизму, который вскорѣ, подъ именемъ байронизма, охватываетъ всю Европу. Роль Китса въ созданіи этого новаго направленія—вполнѣ опредѣленная: въ то время, какъ Байронъ направилъ свой геній на изслѣдованіе человѣческаго сердца съ его сложными чувствами и страстями, Китсъ обратился, съ одинаковымъ пониманіемъ задачъ поэзіи, съ одинаковымъ богатствомъ языка, къ воспѣванію бессмертной природы во всѣхъ ея проявленіяхъ. Драматизму генія Байрона соотвѣтствуетъ лиризмъ Китса, и представители однихъ и тѣхъ же идеаловъ въ поэзіи, оба вмѣстѣ составляютъ цѣльный типъ англійской романтики, дополняемой философскою поэзіей Шелли.

Лиризмъ Китса обнаруживается, какъ мы видѣли, во всѣхъ его поэмахъ: онъ видитъ міръ сквозь призму собственныхъ чувствъ, вноситъ свою индивидуальность въ пониманіе образцовъ красоты, достигаетъ наибольшаго совершенства въ одахъ и гимнахъ. Драматическія попытки ему не удаются, и въ объективномъ пониманіи человѣческой души онъ значительно уступаетъ пѣвцу „Чайльдъ-Гарольда“. Но въ области лирической поэзіи, которую онъ наслѣдуетъ отъ поэтовъ „озерной“ школы съ тѣмъ, чтобы совершенно ее преобразовать, Китсъ стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ внесъ въ поэзію своей эпохи новый языкъ и новое представленіе идеи прекраснаго, и въ этомъ его значеніе не только для современной ему литературы, но для англійской поэзіи всего вѣка, такъ какъ продолжателями его являются Теннисонъ и цѣлое поколѣніе болѣе молодыхъ поэтовъ съ Данте Розетти во главѣ. Языкъ Китса, звучный, образный и гибкій, образовался подъ вліяніемъ поэтовъ XVI-го в., главнымъ образомъ Спенсера. Китсъ смѣло переноситъ романтическій языкъ елизаветинскихъ поэтовъ въ начало XIX-го в.; освѣживъ его своимъ геніемъ, онъ соединяетъ свою эпоху съ лучшимъ временемъ англійской литературы и завѣщаетъ слѣдующимъ поколѣніямъ поэтическій, полный своеобразной прелести, языкъ. Послѣ него невозможенъ возвратъ къ Кольриджу и Вордсворту, не говоря уже о Пошѣ, и въ самомъ дѣлѣ стихъ Китса воспиталъ всѣхъ слѣдующихъ поэтовъ, одновременно съ идеями Байрона. Что касается внутренняго содержанія его поэзіи, то ее можно охарактеризовать двумя выдающимися чертами: его пантеизмомъ, отразившимся, главнымъ образомъ, въ одахъ, и эллинизмомъ,

проходящимъ красной нитью во всѣхъ его произведеніяхъ. Уже одно то, что онъ обратился въ Греціи за воплощеніемъ своего идеала красоты, было громкимъ протестомъ въ средѣ, гдѣ лучшіе поэты вдохновлялись озерами и горами Шотландіи и Ирландіи; притомъ его пониманіе классической жизни и вѣрованій совершенно разнилось отъ условнаго воспроизведенія классическихъ формъ въ періодъ англійскаго псевдо-классицизма: онъ вдохнулъ жизнь въ холодное, чисто внѣшнее подражаніе греческому искусству, и его поэмы производятъ впечатлѣніе свѣжести оригинала.

3. В.

Н. В. ГОГОЛЬ И ВІЕЛЬГОРСКІЕ

ВЪ

ИХЪ ПЕРЕПИСКЪ

1839—1849 г.

VI *).

1845 г. Гоголь А. М. Вѣлморской.

Прибѣгаю къ вамъ съ просьбою, моя добрѣйшая, любезнѣйшая и прекрасная Анна Михайловна! Извините меня передъ Лазаревыми. Я вчера шелъ отъ васъ именно съ тѣмъ, чтобы зайти къ нимъ проститься, но, наполненный множествомъ разныхъ мыслей и хлопотъ, которыя загромоздили тогда мою голову, позабылъ и опомнился уже дома, часъ цѣлый спустя послѣ того, т.-е. когда уже было поздно даже поправить оплошность; а доказательствомъ, что мнѣ точно было прискорбно, что я ихъ не видѣлъ, служитъ эта записка, которой бы я не писалъ, еслибы это не было истинно такъ. Передайте же имъ мое заочное *прощайте* и скажите, что иной разъ одно *заочно* сказанное *прощайте* стоитъ многихъ *изустно* сказанныхъ *прощайте*, а принцессѣ Биронъ, Фанни ¹⁾, пожмите особенно ручку за то, что не оставляла развлекать вашу маменьку во время унынія. Затѣмъ, Христось съ вами. Обнимаю васъ еще разъ, т.-е. васъ и маменьку. Не забывайте писать ко мнѣ, — чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Вашъ Г.

*) См. выше: октябрь, 445 стр.

¹⁾ Бойенъ, дочь Густава Каликта Бирона, старшаго брата Луизы Карловны.

1845 г. 5-го марта. *Гоголь Л. К. и А. М. Вѣльгорскимъ.*

Увѣдомляю васъ, что прїѣхалъ я благополучно и что, не смотря на хворость мою и на дорогу, не очень завидную, и на три ночи съ четырьмя днями, проведенными въ дилижансѣ, не изнурился и временами было такъ на душѣ легко, какъ будто бы ангелы гѣли, меня сопровождая. Кто-то, видно, сильно обо мнѣ помолится, и хотя можно сказать, что до Франкфурта добрался одинъ только носъ мой да нѣсколько костей, связанныхъ на живую нитку жиденькими мускулами, но духъ бодръ, и во мнѣ пребываетъ живая надежда, что если такъ же сильно обо мнѣ помолятся и еще вѣрнѣе прежняго, то вмѣстѣ съ здравіемъ духа воздвигнется и тѣлесное мое здравіе. Будьте же тверды и свѣтлы душой, мои обѣ прекрасныя графини, не забывайте меня. Послѣ буду писать больше, а теперь поважѣсть поцѣлуйте за меня по пяти разъ свои собственныя ручки. Вашъ Г.

Сейчасъ получилъ ваши строчки изъ Парижа, писанныя въ самый день моего отъѣзда. Поцѣлуйте за нихъ еще разъ свои собственныя ручки.

Парижъ, 14-го марта 1845 г. *Л. К. Вѣльгорская Гоголю.*

Благодаримъ васъ, любезнѣйшій другъ, за письмо ваше и извѣстія о вашей дорогой для насъ особѣ. Удивительно, что мы всѣ васъ такъ полюбили. Даже Беби ¹⁾, когда говорить о grand' mama Solochub и Anolite ²⁾, никогда не забываетъ прибавить master Гоголь, какъ будто мы составляемъ въ ея воспоминаніи какую-то дружескую троицу, для нея совершенно нераздѣльную.

Слава Богу, всѣ здоровы, кромѣ Владиміра Александровича, который долженъ ѣхать въ Кишиневъ. Онъ страдаетъ завалами въ печени, впрочемъ ничего опаснаго, но въ молодости особенно не надобно пренебрегать здоровьемъ.

У насъ опять наступила зима; сегодня было утромъ 7 градусовъ. Нозинька въ церкви съ графомъ и графиней (Толстыми?). Пишутъ мнѣ изъ Петербурга, что графъ Иванъ прїѣхалъ на 28 дней и ожидаетъ съ душевнымъ нетерпѣніемъ отъ брата графа Александра изъ Парижа. Не понимаю, что за извѣстія онъ ожидаетъ — какого рода. Какъ вы думаете, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, неужели графъ Иванъ ³⁾ еще думаетъ о прошедшемъ?

Для иногураціи нашего дома или, лучше сказать, залы, мой

¹⁾ Беби—семейное прозваніе дочери Софьи Михайловны, Софьи Владиміровны Солмогубъ, скончавшейся въ младенчествѣ.

²⁾ Анна Михайловна.

³⁾ Иванъ Петровичъ Толстой, братъ Александра Петровича.

супругъ и зять дали 13-го числа большой концертъ, біографическій, классическій, состоящій изъ 14 нумеровъ. Гостями былъ царскій домъ женскаго пола. Итальянскіе артисты участвовали. Императрица и великія княжны были incognito. Софи принимала публику, Аполлина—царскихъ гостей. Явное доказательство, что, слава Богу, вся царская фамилія здравствуетъ и нимаго не хвораетъ, какъ утверждаютъ газеты. Тургеневу, кажется, лучше; онъ что-то живѣе и веселѣе смотритъ. Мишѣ также, слава Богу, лучше, или, лучше сказать, онъ совершенно здоровъ. Нѣтъ никакой надежды, чтобъ Мишу теперь, когда произвели его въ младшіе секретари, послали курьеромъ въ Парижъ.

Сегодня были мы у Шатобриана. Вся душа, воображеніе, умъ, геній сего великаго писателя сосредоточились въ глазахъ его. Судя по наружности, онъ старѣе кажется, нежели есть въ самомъ дѣлѣ. Бонапартъ и онъ однихъ лѣтъ. Онъ слабъ на ногахъ, ходить не можетъ и даже стоять съ помощью трости. Завистники его славы, соперники, непріатели и даже друзья говорятъ, какъ будто онъ теперь безповойнаго характера, терзаемъ желаніемъ занимать свѣтъ своей особой и славой. Пропедшее невозвратно, но и слава пропедшихъ дней прекрасна, и ею надобно довольствоваться, когда она безсмертна, какъ французскій языкъ и французская литература. И вамъ, любезный другъ, и Жуковскому, и Пушкину, Языкову, и нѣкоторымъ другимъ предстоитъ безсмертіе и на землѣ, а намъ несчастнымъ совершенное забвеніе. Эта мысль меня часто огорчаетъ. Дайте мнѣ хорошій совѣтъ, чтобы сдѣлаться какъ можно скорѣе извѣстною, выдумайте что-нибудь необыкновенное. Но пора кончить, и потому простите.

Нозинька хочетъ прибавить нѣсколько словъ; надо ей мѣсто оставить. Нашъ дружескій поклонъ нашему дорогому Жуковскому.

(Приписка А. М. Вильгорской.) Любезный Николай Васильевичъ, пожалуйста пишите Софѣ Михайловнѣ. Она немножко унываетъ ¹⁾. Вотъ ея слова: „Il me faudrait deux ou trois bonnes conversations avec notre cher ami, pour me calmer et me remettre sur la bonne voie. Прощайте, я вамъ напишу прежде конца мѣсяца. Анна Михайловна.

С.-Петербургъ. 15-го апрѣля 1845 г. С. М. Соллоубъ Гоголю.

Христось воскресъ, любезный Николай Васильевичъ! Виновата я передъ вами, очень виновата! Простите долгое мое мол-

¹⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, стр. 21.

чаніе. Я не только *часто* собиралась писать вамъ, но оставила съ ноября мѣсяца недоконченное письмо въ моемъ бумажникѣ. Повѣрьте мнѣ, главная причина этому—незнаніе русскаго языка и удивительная трудность облечь мысли и чувства мои въ удобопонятныя формы. Я недостойна быть вашей сестрой, любезный Николай Васильевичъ, но я стремлюсь къ этой цѣли и надѣюсь на помощь Всевышняго ¹⁾. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я была больна и совершенно пала духомъ. Печаль и уныніе едва не утопили душу мою. Вдругъ Беби занемогла корью; это произвело счастливый *кризисъ* во мнѣ. Я какъ будто очнулась, сердце мое смягчилось и я начала опять жить и дѣйствовать. Беби перенесла болѣзнь благополучно, и мнѣ стало какъ-то легче. На Страстной недѣлѣ мы всѣ вмѣстѣ какъ-то говѣли; это меня успокоило и подкрѣпило. Мнѣ теперь свѣтлѣе на душѣ. Вотъ вамъ, любезный братецъ, вся моя исторія. Милому нищему я охотно подаю копѣйку, и какъ можно болѣе стараюсь остерегаться смущенія и унынія. Сама чувствую, какое пагубное вліяніе оно производитъ на меня.

Владиміръ Александровичъ намѣренъ черезъ нѣсколько дней отправиться въ Москву, а оттуда въ деревню. Эта разлука уже теперь не смущаетъ меня. Я совершенно предалась волѣ Божіей. Лѣто я, вѣроятно, проведу и въ Павловскомъ, и на Петергофской дорогѣ. Ваши совѣты не останутся бесполезными. Положеніе мое прояснилось для меня и обязанность какъ-то свѣтлѣе представляется. Богъ милостивъ: все можетъ однимъ словомъ исправить.

Вотъ уже мѣсяць, какъ я Александру Осиповну не видѣла. Она опасается кори, и я по той же причинѣ не смѣю къ ней ѣздить. Она, кажется, намѣрена ѣхать въ деревню. Мужъ ея назначенъ губернаторомъ въ какой-то губерніи.

Наконецъ, „Тарантасъ“ вышелъ и появленіе его произвело не малое впечатлѣніе на публику. Всѣмъ досталось. Зато многіе критикуютъ, особенно литераторы. Они дуются на седьмую главу: „*Ничто о словесности*“, и сильно бранятъ Владиміра. При первомъ удобномъ случаѣ я вамъ пришлю одинъ экземпляръ.

Теперь скажите мнѣ, чтѣ вы дѣлаете, любезный Николай Васильевичъ, и какъ вы поживаете? Чтѣ дѣлаютъ „Мертвыя Души“? Чтѣ дѣлаетъ Василій Андреевичъ, и жена и дѣти его? Маменька и сестра писали мнѣ, что вы были очень больны, и что вы внезапно оставили Парижъ. Съ тѣхъ поръ не знаю, чтѣ съ вами было. Напишите мнѣ хоть два слова. Обнимаю васъ отъ всего

¹⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, стр. 21.

сердца. Обнимите и вы маменьку и Анну Михайловну за меня. Кланяйтесь Василию Андреевичу и женѣ его. Прощайте, любезный братъ! Не забываю васъ въ молитвахъ моихъ.

С. С.

Отецъ сердечно вамъ кланяется, какъ и мужъ мой.

Павино. Августа 6-го 1845 г. С. М. Соллогубъ Гоголю.

Здравствуйте, любезнѣйшій Николай Васильевичъ! Какъ вы поживаете? каково ваше здоровье? Я часто сердцемъ о васъ вспоминаю, т.-е. съ любовью и благодарностью. Ваши письма къ Александрѣ Осиповнѣ, хотя я ихъ и не читала, меня очень огорчили. Вы больны, вы страдаете, вамъ грустно, вѣрно очень грустно! и когда я думаю, что вы совершенно одни должны бороться противъ такого расположенія духа, то мнѣ также становится грустно. Чтѣ же, еслибы вы возвратились въ матушку Россію? Здѣсь найдете три семейства, которыя соединятся въ одну мысль разсѣять печальныя мысли ваши, въ одно чувство любви къ вамъ, которыя будутъ счастливы каждымъ веселымъ вашимъ взглядомъ, каждою веселою улыбкою вашею ¹⁾. Какъ вамъ не обрадовать насъ неожиданнымъ посѣщеніемъ вашимъ? Помните ли вы обѣщаніе, сдѣланное въ Остенде: придти пожить у насъ?

Мы теперь всѣ соединены подъ одною крышею; живемъ тихо, пріятно, дружно. Маменька здорова, дѣятельна, только часто жалѣетъ о прекрасной природѣ Нидцы и чудесномъ климатѣ южныхъ странъ. Анна Михайловна мой вѣрный другъ; могу ей всю душу мою отереть. Предсказанія ваши сбылись; все идетъ ладно, мирно, какъ я только могла бы желать. Маменька посѣтила графиню Софью Ивановну въ Павловскѣ. Свиданіе ихъ обошлось какъ нельзя лучше. О Владимірѣ Александровичѣ и нечего говорить: онъ просто миладъ, настоящая тишка небесная. Понимаете ли вы меня, любезный братецъ? Пишу вамъ какъ чувствую, а я чувствую, что я всего этого недостойна.

Мужъ мой оканчиваетъ новую повѣсть „Воспитанницу“, которую вамъ посвящаетъ. Это истинное происшествіе, рассказанное ему Щепкинымъ. Конецъ ея меня такъ поразилъ и разстроилъ, что я умолила моего мужа перемѣнить его. Читали ли вы „Тарантасъ“? Напишите хоть словечко о мнѣнїи вашемъ. Милая сосѣдка наша, Александра Осиповна, часто бываетъ въ хандрѣ. Къ несчастію, никто не можетъ пособить ей—одинъ Богъ и религія. Съ ней должны быть чрезвычайно тяжелыя минуты. Она

¹⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, стр. 21.

находится на страшной межѣ наслажденій, осуществившихся въ протекшей молодости, и неизвѣстныхъ испытаній въ преддверіи къ старости. Разочарованіе всегда трудно переносится.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! обнимаю васъ отъ всего сердца. Отецъ поручилъ мнѣ вамъ сказать, что онъ глубоко чувствуетъ ваше отсутствіе; онъ привыкъ на васъ смотрѣть какъ на члена своего семейства. Прощайте, Богъ да подкрѣпитъ васъ!

Навсегда сестра ваша Софья.

Парижъ, 11-го мая 1845 г. *Л. К. Вѣльгорская Гоголю.*

Хотя вы не отвѣчаете, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, и только графу Толстому пишете, не менѣе того осмѣливаюсь беспокоить васъ моей просьбою, т.-е. прошу васъ прислать мнѣ сейчасъ письма на мое имя, во Франкфуртъ находящіяся, на почтѣ или въ посольствѣ. Вѣрнѣе адресовать на имя Лазарева; онъ знать будетъ, куда ихъ переслать, а я, будучи принуждена еще дней десять отсрочить нашъ отъѣздъ, не хочу все это время быть безъ извѣстій.

Погода все время, т.-е. болѣе десяти дней, довольно холодная для Парижа, и потому мы еще почти ничего не видѣли. Я охотно сейчасъ бы уѣхала, но Нозинька то и другое желаетъ видѣть; всѣ друзья и семейство наше здѣшнее не пускаютъ насъ и находятъ разныя причины, чтобы отложить отъѣздъ. Такимъ образомъ, если пробуду здѣсь еще десять дней, то успѣю получить письмо ваше изъ Франкфурта. Въ Петербургѣ у насъ было все печально по причинѣ болѣзни Беби и Миши. Опять, слава Богу, стало радостно и благополучно. Биша Софи также понесла на свою долю заботы и огорченія. Каждому свой крестъ по требованіямъ души и мудрости Господа.

Противъ воли и желанія пустились мы въ свѣтъ. Нозинька очень по сердцу всѣмъ. Герцогъ Ларошфуко написалъ нравственный портретъ Нози, а стихотворецъ Ребуль—стихи. Пора намъ Парижъ оставить, а то кто-нибудь влюбится, и тогда бѣда намъ.

Прощайте, любезнѣйшій Николай Васильевичъ. Я такъ слѣшу писать потому, что мы отправляемся въ St.-Cloud, что не знаю, какъ пишу и какъ вы мое письмо прочтете. Нози сердечно кланяется. Жуковскому и Тургеневу мой поклонъ.

Франкфуртъ. Мая 17-го 1845 г. *Гоголь Л. В. Вѣльгорской.*

Сейчасъ только, пріѣхавши на одну минуту къ Жуковскому во Франкфуртъ, нашель у него ваше письмо. Такъ какъ я уѣз-

жаю опять назадъ въ Гомбургъ, гдѣ лечусь и пью воды, то и поручилъ ему исполнить вашу просьбу относительно письма. Вы, вѣроятно, получите его поздно (если только оно находится въ посольствѣ), потому что и ваше письмо, писанное вами отъ 11-го мая получено здѣсь только 16-го, сегодня же семнадцатое.

О себѣ скажу, что здоровье мое плохо; въ Гомбургѣ пробуду три недѣли, и потомъ ѣду въ Гастейнъ. Благодарю васъ за ваше, а Анну Михайловну за ея письмо. Радъ душевно, что вамъ въ Парижѣ весело, и что веселость, а не чтѣ другое, замедляетъ отъѣздъ. Спѣшить вамъ точно незачѣмъ, на воды вамъ нигуда не нужно, въ Петербургъ рано, а потому, не торопясь, вы можете все высмотрѣть. Глядите, наслаждайтесь и даже восхищайтесь, но не давайте большой цѣны всякому дыму похвалъ и не считайте за слишкомъ важное дѣло извѣстность. Она худой паспортъ не только на томъ свѣтѣ, но даже и на этомъ. Въ прошломъ письмѣ вашемъ послышался мнѣ вздохъ по этой извѣстности: храни васъ Богъ отъ этого! Еслибы я узналъ, что вы меня полюбили нѣсколько болѣе ради бѣдной извѣстности моей, не показался бы я вамъ и на глаза никогда; теперь же не безъ удовольствія помышляю, что покажусь вамъ на глаза, хотя и больной, хворый. Итакъ, распоряжайтесь съ вашимъ отъѣздомъ такъ, чтобы хотя два дня намъ съ вами увидаться и провести вмѣстѣ. Вѣсь вашъ Г.

Адресовано: Paris. Son Excellence madame La C-tesse Wielhorsky. Paris. Place Wandôme, 6.

Берлинъ, 16-го іюня 1845 г. *Л. К. Вилеморская Гоголю.*

Мы благополучно пріѣхали, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, и нашли Мишу на желѣзной дорогѣ. Жара ужаснѣйшая заставила насъ ѣхать ночью и отдыхать нѣсколько часовъ днемъ, и мы пріѣхали въ субботу въ Halle въ 5 часовъ. Отдохнувши часа четыре или пять, мы пустились по желѣзной дорогѣ и были въ Берлинѣ въ два часа. Баронъ Mauendorff просилъ насъ жить у него въ посольствѣ, возлѣ Миши. Итакъ мы цѣлый день вмѣстѣ: обѣдаемъ, чай пьемъ, завтракаемъ всегда вмѣстѣ. Надобно пользоваться моимъ здѣшнимъ пребываніемъ.

Кучу писемъ нашла я здѣсь. Въ Петербургѣ всѣ здоровы, ожидаютъ насъ съ нетерпѣніемъ и бранятъ, что давно не на мѣстѣ. Къ несчастію, пароходы не отправляются изъ Стетина, — итакъ мы принуждены продолжать наше путешествіе сухимъ путемъ. Я въ отчаяніи: отъ Берлина до Петербурга уже не Европа, а пустыни Африки и Азіи. Пугаетъ меня ужасная мысль

пуститься въ дорогу къ жидамъ и некрещенымъ народамъ, которыми употребленіе хлѣба почти не извѣстно. Я не знала, что m-me Maupenorf въ Гомбургѣ: я бы къ ней явилась. Говорятъ, Киселева играетъ въ карты и держитъ банкъ: берегитесь и не пускайтесь въ ихъ общество.

Надѣюсь отправиться въ Петербургъ въ субботу, если Богъ велитъ. Мы всѣ очень устали и стараемся отдохнуть въ Берлинѣ. Смирнова наняла домъ въ Павлинѣ и будетъ жить съ нами все лѣто. Мужъ ея назначенъ губернаторомъ. Исторія развода Валуева, къ счастью, выдуманная сказка. Волконскій ¹⁾ здѣсь по причинѣ болѣзни. Много русскихъ отправляется за границу. Здоровье государыни въ плохомъ состояніи. Опасаются, что она не въ состояніи будетъ ѣхать за границу, а ей хотѣлось провести зиму въ лучшемъ климатѣ. Киселевъ ѣдетъ за границу; вѣроятно, будетъ къ вамъ въ Гомбургъ. Радуйтесь этому посѣщенію. Сообщите всѣ эти достовѣрныя извѣстія Жуковскому и поклонитесь ему отъ насъ сердечно. Такъ слышу, что, мнѣ кажется, вамъ нельзя будетъ разобрать мои Hieroglyphie. По крайней мѣрѣ то разберите, что мать и дочь вамъ искренно преданы. Миша кланяется, а мы даемъ вамъ дружескій *shenk хандс* ²⁾.

(Приписка А. М. Вѣльгорской). Мнѣ некогда вамъ писать, любезный Николай Васильевичъ: я à la lettre цѣлый день съ братомъ. Онъ здоровъ и веселъ, а я такъ счастлива его видѣть, что я совсѣмъ другими глазами смотрю на будущее. Чѣмъ болѣе я приближаюсь къ Петербургу, тѣмъ болѣе мнѣ становится легче и веселѣе.

23-го августа. 1845. А. М. Вѣльгорская Гоголю.

Любезный Николай Васильевичъ, я вамъ объявляю большую новость: у Софьи Михайловны родился сынъ 17 числа сего мѣсяца, и его назвали Александромъ ³⁾. Онъ прездоровое и сильное дитя и очень похожъ на отца. Софья Михайловна очень здорова и такъ спокойно счастлива, что пріятно на нее смотрѣть. Графиня Соллогубъ ⁴⁾ пріѣхала къ намъ въ Павлино на нѣсколько дней; она была очень любезна и весела, такъ что она меня удивила. Дворъ уѣхалъ изъ Петергофа. Вы уже, вѣрно, давно знаете, что государыня ѣдетъ въ Палермо тамъ провести зиму. Сегодня

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ Волконскій, министръ двора.

²⁾ Рукопожатіе.

³⁾ Александръ Владиміровичъ Соллогубъ, скончавшійся въ Москвѣ въ декабрѣ 1888 г.

⁴⁾ Софья Ивановна Соллогубъ, рожденная Архарова, мать В. А. Соллогуба.

она выѣхала изъ Гатчины. Царь очень груститъ и даже сильно унываетъ. Надобно много за него молиться. Онъ не хочетъ никого видѣть, нигуда не идти, и онъ говоритъ, что онъ запрется на всю зиму. Никто еще не знаетъ, гдѣ онъ будетъ жить. Онъ теперь на шесть недѣль поѣхалъ во внутренность Россіи. Когда онъ протянулъ мнѣ руку, чтобы со мной проститься, я ему сказала, смотря ему въ глаза: „Sire, que Dieu vous bénisse et vous conserve!“ Онъ улыбнулся и благодарилъ меня движеніемъ головы. Это единственные слова, которыхъ (sic) я имѣла случай ему сказать съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Россію воротились.

Любезный Николай Васильевичъ, я вамъ все рассказываю о себѣ и другихъ, но, пожалуйста, вы, однако же, не забывайте, что я все время о васъ думаю и что мнѣ очень хочется знать, что вы дѣлаете и какъ вы чувствуетесь (sic). Когда получу я отъ васъ хоть одну строку? Вы, я знаю, не забыли насъ; вы, вѣроятно, часто думаете о насъ, но дѣйствуете, какъ будто вы бы насъ совершенно забыли.

Суббота, 25-го августа ¹⁾.

Смирнова собирается ѣхать въ Калугу. Она, кажется, стала бодрѣе духомъ, но все-таки она находится еще *dans un moment de crise pénible*. Я теперь очень много бываю съ Софьей Михайловной. Она любитъ, чтобы я была у нея, и говоритъ, что мое присутствіе сдѣлалось для нея нужнымъ. Я стараюсь какъ можно больше быть веселой и пріятной среди семейственнаго круга и, сколько можно, полезной въ моихъ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Я стараюсь всячески меньше думать о себѣ и заниматься собою. Бываютъ у меня минуты унынія, но я гораздо сильнѣе противъ нихъ, слава Богу, чѣмъ прежде. Были также у меня наслажденія христіанскія, высокія, qui surpassent toutes les jouissances terrestres. Я третью часть моего долга не исполняю, но малое, которое я исполняю изъ любви къ Богу, уже приноситъ мнѣ душевную глубокую радость.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ, пишите мнѣ и молитесь за мое душевное здравіе, какъ я молюсь особенно за *ваше здравіе тѣлесное*. Анна В.

Павлино, 21-го сентября (1845). А. М. Вильморская Гоголю.

Мнѣ не нужно вамъ сказать, какъ ваше письмо меня обрадовало, любезный Николай Васильевичъ. Мы были безъ вашихъ извѣстій уже такъ давно, что начинали сильно безповоиться.

¹⁾ Продолженіе того же письма.

Слава Богу, что вамъ немножко лучше и что вы въ состояніи ѣхать въ Римъ. Ваше здоровье тамъ, вѣрно, поправится. Смирнова также очень беспокоилась на вашу счетъ. Она мнѣ разъ сказала: „*Quelquefois quand je pense à lui, j'ai des angoisses véritables: je me fais des reproches d'être ici, tandis qu'il est tout seul. J'aurais dû aller le rejoindre, aller le soigner*“. Тогда я ее увѣряла, что невозможно ей это сдѣлать: какъ ей оставить дѣтей и мужа, хоть и на короткое время. Но это вамъ показываетъ, какое у нея прекрасное сердце. Она пріѣхала въ городъ, гдѣ готовится къ отъѣзду въ Калугу. Хотя она веселѣе прежняго, она все еще какъ будто подъ влияніемъ душевнаго расстройства. Мнѣ кажется, что она еще съ собою несогласна, нѣтъ въ ней ничего твердаго и согласнаго. Все это лѣто она вела жизнь вялую и недѣятельную. Не было у нея постоянныхъ часовъ для занятія. Дѣтьми она очень мало занималась; настоящая ихъ мать m-lle Overbeck ¹⁾. Я вамъ все это пишу потому, что, зная ваше влияніе на Александру Осиповну, я увѣрена, что вы можете ей дать хорошій совѣтъ. Здоровье ея въ (томъ же) самомъ ²⁾ положеніи, нервы ея разстроены и она часто страдаетъ головной болью. С.(офья) М.(ихайловна) васъ очень благодаритъ за письмо и напишетъ вамъ, какъ скоро ей будетъ возможно. Я уже вамъ объявила рожденіе ея сына Александра, но не знаю, получили ли вы мое письмо, адресованное русскому посольству во Франкфуртъ. Сестра, слава Богу, очень здорова, а мальчикъ ея — сильное здоровое дитя.

У насъ совершенная осень. Перваго октября мы хотимъ перѣхать въ городъ. Мнѣ очень жалко оставить мое любимое Павлино. Вы не можете вообразить себѣ, какое счастливое прекрасное время я здѣсь провела. Ежели у меня иногда бываютъ грустные минуты, — это вслѣдствіе собственныхъ моихъ подлостей (*sic*). Мнѣ нужно имѣть всего больше терпѣнія съ самой собою. Чѣмъ больше себя испытываешь, тѣмъ дѣлаешься смиреннѣе и снисходительнѣе для другихъ. *Mon plus grand défaut est l'amour du moi*. Я также противъ этого всего болѣе стремлюсь. Вы мнѣ пишете, что о собственныхъ ничтожныхъ сокрушеніяхъ не слѣдуетъ намъ и думать. Эти слова сдѣлали на меня впечатлѣніе. Я часто будто ³⁾ о нихъ размышлять (?). Теперь мѣсяць, что я почти никого не видѣла. Мы въ траурѣ по сестрѣ Лазаревой, графинѣ Hohenthal.

¹⁾ Марья Яковлевна Овербекъ, гувернантка Смирновыхъ, скончалась въ Дрезденѣ 1888 года.

²⁾ Галицизмъ. Ср. это мѣсто въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, II, 21—22.

³⁾ Вѣроятно: буду.

Прощайте, Николай Васильевичъ! Господь съ вами и съ нами всѣми. Анна Виейлгорская.

Римъ. Октября 24-го (1845). *Гоголю графинѣ Л. Е. Виейлгорской.*

Спѣшу васъ увѣдомить, мои прекрасныя графини, что я въ Римѣ. Мнѣ лучше. Переѣздъ въ Италію и теперь, какъ всегда, подѣйствовалъ хорошо. Въ poste-restante я нашель письмо отъ Анны Михайловны, за которое весьма ее благодарю. Всѣхъ васъ прошу выполнить все то, о чемъ васъ просилъ, и всѣхъ вообще и порознь каждую изъ васъ и что вы обѣщали мнѣ выполнить ради братской любви ко мнѣ. Не забывайте также писать ко мнѣ: мнѣ это теперь очень нужно. Къ вамъ же покамѣстъ ни о чемъ не пишу и спѣшу послать эту передовую записку.

Прощайте, до слѣдующаго письма.

Адресъ мой: Via de la Croce, № 86, 3 piano.

С.-Петербургъ. 21-го октября 1845. *С. М. Соллогубъ Гоголю.*

Спасибо вамъ за послѣднее письмоцо ваше, любезный Николай Васильевичъ! Оно маленькое, но многозначащее для меня. Вы порадовались моей радостью, и это еще больше увеличило чувство счастья моего. Какъ достойно поблагодарить васъ за то? Одно участіе ваше для меня драгоцѣнно. Александръ Владиміровичъ здоровъ; у него большіе голубые глаза, пріятная улыбка, соллогубовскій носъ; онъ очень блѣденъ—вѣроятно, отъ недостатка солнца и свѣта. Беби такъ выросла и похорошѣла, что врядъ ли вы ее узнаете. Она теперь говорить по-русски и становится умнѣе, чрезвычайно любить брата и безпрестанно ласкаетъ его. Мы спокойно, мирно и счастливо живемъ всѣ вмѣстѣ. Главный центръ семейства у маменьки. По воскресеньямъ мы всѣ у нея обѣдаемъ.

Владиміръ Александровичъ все лѣто сочинялъ и писалъ. Онъ издаетъ теперь три новыя повѣсти, изображающія три эпохи свѣтской женщины. На дняхъ будутъ представлять новую комедію его „Букеты“¹⁾, критика цвѣтострастія нашей публики. Я перевожу теперь съ сестрой англійскую книгу о воспитаніи и сама намѣрена сочинять для С. В. Что вы объ этомъ думаете? У насъ большой недостатокъ въ дѣтскихъ книгахъ, и тѣ, которыя существуютъ, переведены или съ нѣмецкаго, или съ англійскаго.

Александра Осиповна уѣхала 21-го. Она была очень разстроена и много плакала. Мы обѣщались другъ другу писать.

¹⁾ Объ этой пьесѣ см. „Воспоминанія Соллогуба“, стр. 218—214.

Я надѣюсь, что она найдетъ въ Калугѣ если не счастье, то по крайней мѣрѣ спокойствіе.

А вы чтѣ дѣлаете, любезный Николай Васильевичъ? Каково ваше здоровье и расположеніе духа? Чтѣ дѣлается въ Римѣ? Вы, вѣрно, наслаждаетесь еще теплымъ воздухомъ и сверхающимъ солнцемъ, а у насъ начинается порядочно морозить.

Анна Михайловна здорова и весела. Elle a beaucoup gagné depuis un an et travaille énormément sur elle-même. Мнѣ случается иногда смущаться, но я тогда думаю о миломъ братцѣ моемъ и стараюсь успокоиться.

Прощайте, любезный другъ мой. Обнимаю васъ отъ души и молю Бога о васъ, да сохранить и да укрѣпить онъ васъ. Мужъ мой кланяется вамъ. С.

Римъ. 29-го октября (1845). Гоголь А. М. Вѣльгорской.

Едва я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Анна Михайловна (отъ 21-го сентября), какъ вслѣдъ за нимъ пришло другое отъ Жуковскаго изъ Франкфурта, писанное отъ 22-го августа. Благодарю отъ всей души Бога за то, что у васъ все хорошо и что Богъ внушаетъ вамъ такъ дѣйствовать умно, какъ вижу изъ вашего письма. Не позабывайте, повторяю вамъ, вновь того, котораго я вамъ поручилъ ¹⁾. Вы будете ему нужны, особенно теперь, по возвращеніи его. Начало, сдѣланное вами, прекрасно, и слова, которыя вы ему сказали, именно тѣ, которыя нужны. Да встрѣчаетъ онъ въ васъ нѣжную душу сестры и твердый взоръ вѣрующей въ Бога, да дышетъ отъ вашихъ словъ надежда несокрушимая и укрѣпленье. Богъ вамъ помогаетъ, — въ томъ не сомнѣвайтесь. Имѣйте только Его Всемогущаго въ своихъ мысляхъ присутствующимъ несомнѣнно и произносите ваше слово, какъ бы имѣли Его Самого объ руку вашу, а безъ Него не произносите вашего слова. И будетъ слово ваше разумно и облечется силою вамъ невѣдомою, а пока молитесь заблаговременно о томъ, чтобы было такъ. Я радъ также тому, что вы ближе и ближе сходитесь съ Софьей Михайловной и что она въ васъ видитъ свою потребность душевную. Ей вы много можете сдѣлать добра и въ ея собственномъ положеніи, и въ воспитаніи дѣтей, и во многомъ прочемъ. Вамъ нужно будетъ также сойтись и не-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, грустившемъ тогда по причинѣ болѣзни императрицы. См. въ предидущемъ письмѣ слова, сказанныя ему А. М. Вѣльгорской, которыя Гоголь здѣсь одобряетъ.

премѣнно поближе съ Маріей Алекс. ¹⁾: все, что ни слышу я о ней, говорить о многихъ сокровищахъ, въ ней заключенныхъ, за что должны также благодарить Бога. И вы ей, и она вамъ можетъ быть очень полезна.

Александръ Осиповичъ передайте это письмо, которое, если она прочтетъ, помолившись сильно Богу, то я увѣренъ, что грусть ея минетъ, какъ тѣнь отъ скоропреходящаго облака. Она, вѣроятно, уже въ Калугѣ; если такъ, то письмо ей перешлите туда немедленно. Она вамъ всѣмъ очень, очень благодарна за всѣ ваши ласки и дружбу, оказываемыя ей въ Павлинѣ, и, не умѣя ничѣмъ выразить своей признательности, проситъ, бѣдненькая, меня сказать вамъ это. Но я вмѣсто словъ съ моей стороны выписываю вамъ строки ея самой изъ письма ея, которыя вы передайте маменькѣ и Софьѣ Михайловнѣ:

„Изъ Павлина меня отпустили съ сожалѣніемъ. Не умѣю вамъ пересказать, сколько я имѣю благодарна за милыя ихъ ласки. Я не умѣю никакъ благодарить; есть слова, которыя похожи на комплименты,—я ихъ не терплю. Попрошу васъ, когда вы будете писать имъ, передать имъ всю мою благодарность“ ²⁾.

О себѣ скажу вамъ, моя добрая Анна Михайловна, что Богъ во мнѣ безконечно милостивъ, чему, безъ всякаго сомнѣнія, способствовали не мои грѣшныя молитвы, но молитвы молившихся обо мнѣ, которыхъ всѣхъ, а въ томъ числѣ и васъ благодарю всею благодарностью души моей. Я чувствую себя послѣ дороги лучше; климатъ римскій, кажется, по прежнему благосклонствуетъ ко мнѣ. И милосердный Богъ, можетъ быть, вновь воздвигнетъ меня на трудъ и подастъ силы и высшую всего на свѣтѣ радость служить Ему. Поцѣлуйте Софью Михайловну, обнимите вашу маменьку и прощайте до слѣдующаго письма. Вашъ Гоголь.

Адресуйте или въ посольство, или на мою квартиру: Via de la Croce, № 86, 3 piano.

Петербургъ, 7-го ноября (1845). *А. М. Вилморская Гоголю.*

Я васъ очень, очень благодарю, любезный Николай Васильевичъ, за ваше письмо. Когда я только на оберткѣ узнаю вашу руку, я уже обрадываюсь (sic). Слава Богу, что вамъ лучше, и дай Богъ, чтобы ваше здоровье въ Римѣ совершенно поправилось.

¹⁾ Женой наследника. Софьѣ Гоголя былъ данъ подъ вліяніемъ похвалъ ей въ письмѣ А. О. Смирновой отъ 19-го сентября 1845 г.

²⁾ Слова эти взяты буквально изъ письма А. О. Смирновой отъ 19-го сентября 1845 года.

Но ежели Римъ вамъ такъ полезенъ, мы васъ, вѣрно, нескоро увидимъ въ Россіи. Впрочемъ все, что будетъ, будетъ хорошо.

Александра Осиповна уѣхала въ Калугу. Мы до сихъ поръ отъ нея письма не получили, но я знаю, что она счастливо путешествовала, пріѣхала въ Москву и осталась тамъ десять дней или около того. Она обѣщала писать Софьѣ Михайловнѣ.

Мы переѣхали сюда изъ Павлина 12-го октября, и я почти съ уныніемъ вошла въ новый нашъ домъ. Петербургъ показался мнѣ ужасно противнымъ, и мысль, что мнѣ надобно будетъ провести въ немъ цѣлую длинную и гадкую нашу зиму, — эта мысль едва не наводила на меня тоску. Но — не браните меня — это расположеніе духа недолго продолжалось. Я всегда впередъ пугаюсь, а когда дойдетъ до дѣла, то у меня больше бодрости, чѣмъ я подозрѣвала. Издали мнѣ все кажется невозможнымъ и страшнымъ, а потомъ выходитъ, что все возможно и даже легко съ Божіей помощью. Я теперь вовсе не унываю; но все-таки не довольно весела. Мнѣ бы хотѣлось ободрить и занимать другихъ веселостью своей, но это совсѣмъ не въ моемъ характерѣ и мнѣ очень трудно.

9-го ноября.

Нынѣшній годъ очень много танцуютъ et moi je ne reste pas en arrièrе. Я была вчера на балу и очень веселилась. Вы мнѣ часто говорили — я помню, — что мнѣ нужно непременно ѣхать на балъ и развлекаться и танцовать de bon соeur, какъ дитя. Это именно со мной нынче случается. Мнѣ такъ весело и въ то же время такъ легко на душѣ. Дашкову ¹⁾ я вижу довольно часто, и чѣмъ больше ее вижу, тѣмъ больше люблю. Одно только часто меня печаливаетъ, — это собственныя дѣла нашего дома (въ обширномъ смыслѣ, понимаете?). Всѣ недовольны и обвиняютъ отца. Эхъ, были бы вы здѣсь! Мнѣ такъ часто хотѣлось бы *puiser du courage et de l'espoir dans votre inébranlable foi et dans votre manière consolante d'envisager l'avenir* ²⁾. Грустно и страшно. Надобно молиться, молиться, больше, чѣмъ когда-либо.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ. Буду я помнить ваши слова и стараться искренно исполнить ихъ. Господь съ вами и съ нами, и да дастъ Онъ всѣмъ намъ нужныя тѣлесныя и душевныя силы. А. В.

¹⁾ Дашкова — другъ А. М. Віельгорской.

²⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, 22.

Петербургъ. 7-го января, 1846. А. М. Вилморская Гоголю.

Давно я вамъ не писала, любезный Николай Васильевичъ, но что-то не писалось, и въ самомъ дѣлѣ не о чемъ и было вамъ писать. Но я часто, очень часто о васъ думала и сожалѣла, что вы такъ далеко отъ насъ. Я бъ иногда дорого дала, чтобъ видѣть васъ и переговорить съ вами хотя на полчаса. Что можно въ письмахъ сказать? почти ничего. А все-таки ваши письма, любезный Николай Васильевичъ, для меня полезны. Они всегда меня ободряютъ, и съ нѣкотораго времени мнѣ этого нужно. Я не такъ сповойна и весела, какъ была лѣтомъ въ нашемъ любимомъ Павлинѣ, но это всегда такъ бываетъ, когда я много выѣзжаю въ большой свѣтъ и, вѣрно, опять пройдетъ весной. Я стараюсь преодолѣть это унывное расположеніе духа, но это трудная борьба. La vie me pèse quelque fois et je sens un vide assablant autour de moi. Сверхъ того, я недовольна собой. Мнѣ кажется, что я ничего хорошаго не дѣлаю, ничего полезнаго для себя или для другихъ... Любезный Николай Васильевичъ, браните меня, пожалуйста, ваши упреки для меня пріятны и я ихъ люблю ¹⁾.

Мы начали новый годъ всѣ вмѣстѣ, т. е. вмѣстѣ съ братомъ, который пріѣхалъ изъ Берлина настоящимъ *эскромтомъ*. Онъ прездоровъ, слава Богу, и превеселъ и останется съ нами, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ шесть недѣль. Вы, вѣрно, отъ него самого узнали, что онъ доволенъ мѣстомъ своимъ и совершенно привыкъ къ берлинской жизни и къ берлинскому обществу. Уже такъ давно не случалось, что мы всѣ были вмѣстѣ соединены, que je jouis maintenant de ce bonheur et que je l'apprécie dans toute son étendue. Владиміръ Александровичъ такъ перемѣнился въ лучшему, что до сихъ поръ онъ насъ ничѣмъ не огорчилъ. Онъ нынче очень занимается учрежденіемъ общества для доставленія помощи бѣднымъ на собственныхъ ихъ квартирахъ. Софья Михайловна иногда унываетъ, думая о трудностяхъ, которыя ожидаютъ ее въ воспитаніи Беби. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя очень умна, и рѣшительно трудно уже теперь съ ней сладить.

Я видѣла издали государя. Говорятъ, что онъ очень хорошо расположенъ.

Пожалуйста, пишите мнѣ о вашемъ здоровьѣ и скажите мнѣ, видѣли ли вы государя въ Римѣ. Скажите мнѣ еще, пишете ли вы теперь? Прощайте, любезнѣйшій Николай Васильевичъ! да благословить васъ и насъ всѣхъ Господь Богъ.

¹⁾ Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, 22.

Петербургъ. 18-го марта (1846). А. М. Віельморская Гоголю.

Здравствуйте, любезный Николай Васильевичъ, какъ вы поживаете и что дѣлаете? можетъ быть, въ эту минуту обо мнѣ думаете и говорите себѣ: „какая лѣнивая, давно мнѣ не писала“. Въ самомъ дѣлѣ, Николай Васильевичъ, давно, но ни о чемъ пріятнаго не было вамъ писать: въ началѣ февраля вдругъ захворалъ меньшей ребенокъ Аполлины Михайловны ¹⁾ и скончался на седьмой день болѣзни. Прочіе, слава Богу, здоровы; только Софья Михайловна что-то начинаетъ опять худѣть и немножко слабѣть. Ей предписали морскія ванны и, можетъ быть, придется намъ поѣхать нынѣшнее лѣто куда-нибудь близко купаться, или въ Ревель, или въ Гельсингфорсъ. Я, слава Богу, совершенно здорова и удивительно какъ хорошо перенесла нашу жестокую зиму, такъ что я никогда болѣе о моемъ здоровьѣ не думаю. Погода мнѣ совершенно ровна и даже климатомъ я болѣе не занимаюсь и никогда на него не сержусь. Вы теперь, можетъ быть, думаете, что мнѣ осталось меньше причинъ упадать духомъ, чѣмъ прежде, но очень ошибаетесь: я была въ продолжительномъ уныніи всю зиму. И какъ вамъ объяснить, отчего я унывала?—сама я не знаю причину. Во-первыхъ, надобно сказать, что маменька была въ самомъ печальномъ расположеніи почти всю зиму, и вы можете вообразить, что это на меня имѣетъ большое вліяніе. Потомъ насчетъ Софьи Михайловны я иногда беспокою(ва)лась, но, слава Богу, это не случалось часто. Не говоря о личныхъ обстоятельствахъ, только и слышишь въ городѣ о несчастіяхъ, о голодѣ и болѣзняхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній умираютъ съ голода; здѣсь, въ Петербургѣ и около города, свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь, *le typhus*, отъ которой множество людей каждый день умираетъ. Доктора говорятъ, что во время холеры не было больше умирающихъ, чѣмъ теперь. Несмотря на то, всю зиму танцовали, веселились, и я съ прочими, только съ разницею, что мнѣ почти всегда было скучно или близко къ тому и что мнѣ большой свѣтъ ужаснымъ образомъ надоѣлъ. Множество лицъ, и все-таки находишься какъ будто въ уединеніи. Ёдешь въ свѣтъ терять драгоценное время, и все къ ничему, даже не удается иногда ума себѣ развлечь. И о чемъ говорить съ людьми глухими, или неприятными, или для меня совершенно равнодушными? И все-таки надобно съ ними говорить, и каждый день повторяется тотъ же самый пустой вздорный разговоръ. И женщины стали мнѣ противны: самыя добрыя

¹⁾ Юрій Алексѣевичъ Веневитиновъ.

портятся въ этомъ гадкомъ свѣтѣ. Гдѣ они—умные люди? гдѣ же возвышенныя души? Наша молодежь раздѣляется на двѣ классы (sic): первая, въ которой находятся нѣсколько умныхъ людей, занимается картами; другая, составленная изъ самыхъ молодыхъ людей, живетъ только ногами, то-есть умѣетъ только танцовать. Я вамъ въ примѣръ скажу, любезный Николай Васильевичъ, что самые модные франты нынѣшней зимы, съ которыми всѣ щеголихи старались танцовать, такіе пустые люди, что съ ними нельзя имѣть даже свѣтскаго глупаго разговора. Въ этомъ случаѣ можно повторить слова школьнаго учителя во французской пьесѣ: „Et quand je pense, que c'est là l'espoir de la patrie!“... Но довольно объ этомъ.

Я уже вамъ, вѣрно, надоѣла моими длинными размышленіями. Мнѣ показалось, что я съ вами гдѣ-нибудь сижу, какъ случилось въ Остенде или въ Ниццѣ, и что вамъ говорю все, что въ голову приходитъ, и что вамъ рассказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Какъ я васъ вижу, Николай Васильевичъ, точно какъ будто бы предо мной стояли! ¹⁾.

21-го марта ²⁾.

На первой недѣлѣ великаго поста мы всѣ вмѣстѣ говѣли, и съ тѣхъ поръ я совсѣмъ ожила. Теперь мнѣ гораздо легче и веселѣе; ко всему охоту и силу чувствую. Боюсь только, что это расположеніе недолго продлится. Мнѣ очень хочется говѣть еще на послѣдней недѣлѣ; но не знаю, согласится ли на это духовный отецъ мой, Павскій ³⁾. Онъ предобрый и просвѣщенный чело-

¹⁾ Ср. „Зап. о жизни Гоголя“, II, 21.

²⁾ Продолженіе того же письма.

³⁾ Принимая въ соображеніе эти слова гр. А. М. Виельгорской, можно съ несомнѣнной точностью отнести письмо къ 1846 году, хотя годъ на немъ не обозначенъ. Упоминаніе о „Бѣдныхъ людяхъ“ Достоевскаго въ концѣ письма уже указываетъ, съ одной стороны, на принадлежность этого письма 1846 году („Бѣдные Люди“ появились въ первый разъ въ „Петербургскомъ Сборникѣ“, изд. Некрасовымъ, 15-го янв. 1846 г., см. Соч. Дост., 1888, письмо 43). Но, конечно, возможно было бы еще допустить, что романъ могъ быть посланъ Гоголю и въ слѣдующемъ году, когда Гоголь продолжалъ еще оставаться въ Италіи. Послѣднее соображеніе могло бы показаться тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что отвѣтное письмо Гоголя, на которомъ также не обозначенъ годъ, было писано изъ Генуи 14-го мая, гдѣ Гоголь былъ, несомнѣнно, между 10 и 25 мая 1847 г. (см. письма), но куда только могъ прѣхать изъ Рима въ май 1846 г. Но Пасха была въ 1847 году 28-го марта (у Гоголя въ письмѣ къ А. О. Смирновой на стр. 398-ой VI тома, вкрадлась незначительная ошибка на одинъ день: онъ обозначилъ день Пасхи 22 числомъ); слѣдоват., А. М. Виельгорская не могла 21-го марта писать о своемъ предположеніи говѣть на 7 недѣлѣ поста, а въ 1846 году Пасха была 7-го апрѣля. Кромѣ того, въ этомъ письмѣ читаемъ отвѣтъ

вѣкъ, и я бѣ очень желала его чаще видѣть, но онъ очень далеко живетъ, и, во-вторыхъ, въ Петербургѣ вообще никогда не видишь тѣхъ, которыхъ хотѣлось бы видѣть, а безпрестанно встрѣчаешься съ посторонними лицами.

Отъ Александры Осиповны довольно хорошія извѣстія: всѣ въ Калугѣ въ восхищеніи отъ нея; остальное она, вѣрно, вамъ сама писала, то-есть то, что не въ ея похвалу.

Вы, вѣрно, знаете, что государь былъ въ Москвѣ и что опять сюда воротился. Съ тѣхъ поръ, какъ государыня уѣхала, я его больше никогда не вижу и едва ли переговорила съ нимъ нѣсколько словъ. Онъ, слава Богу, здоровъ. У цесаревны мы были только на большихъ собраніяхъ, такъ что я до сихъ поръ ее только знаю издали, какъ и всѣ другіе. On ne dit que du bien d'elle et elle plait généralement. А проросъ, Николай Васильевичъ, съ первымъ фельдъегеремъ мы вамъ пошлемъ повѣсть Достоевскаго: „Бѣдные Люди“, которая мнѣ очень понравилась. Прочтите ее, пожалуйста, и скажите мнѣ ваше мнѣніе.

Знаете ли, что господинъ Віардо, мужъ пѣвицы, перевелъ и публиковать нѣсколько изъ вашихъ повѣстей, какъ напр.: „Тарась Бульба“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Записки Сумасшедшаго“; прочія я не помню. Разсердитесь вы на это, любезный Николай Васильевичъ, или нѣтъ? Я воображаю себѣ, что это вамъ непріятно будетъ, но напрасно; я, напротивъ, очень радуюсь, что васъ будутъ знать и почитать не только въ Россіи, но и въ другихъ краяхъ. „Vous êtes une de nos gloires modernes“: какъ же русскому вами не гордиться? Видите, вотъ какъ я вамъ это объясню: какъ русская, вы для меня *Гоголь*, и я вами горжусь, а какъ Анна Михайловна, вы только для меня Николай Васильевичъ, то-есть христіанскій, любезнѣйшій, вѣрнѣйшій другъ ¹⁾.

Анна М. В.

Пожалуйста, пишите мнѣ о вашемъ здоровьѣ; я васъ объ этомъ прошу.

Генуя. Мая 14-го (1846). *Гоголь А. М. Віеморской.*

Пишу къ вамъ съ дороги, добрейшая и благодатная Анна Михайловна. Благодарю васъ за ваши подарки. Во-первыхъ, за письмо; оно было мнѣ очень пріятно. Извѣстія о Петербургѣ и о духѣ нынѣшняго нашего общества хотя заняли въ вашемъ

Гоголя по поводу недавно присланной и посвященной ему Соллогубомъ повѣсти „Воспитанница“.

¹⁾ См. „Зап. о жизни Гоголя“, II, стр. 21; но у г. Кулиша невѣрно обозначенъ во предположеніи годъ.

письмѣ только двѣ строчки, но мнѣ были нужны. Не пропускайте и впредь! говорите даже о томъ, о чемъ почти нечего сказать, и описывайте мнѣ даже пустоту, васъ окружающую: мнѣ все нужно. Мнѣ нужно знать все, что у васъ ни дѣлается, какъ хорошаго, такъ и дурнаго, а безъ того я буду все еще глупъ по-прежнему и никому не сдѣлаю пользы, а потому не забывайте и поступайте со мною такъ, чтобы я много и много благодарилъ васъ за всякое письмо. Во-вторыхъ, благодарю васъ за книги.

„Воспитанница“ весьма замѣчательна. Соллогубъ идетъ впередъ. Литературная личность его становится степеннѣе и значительнѣе. Нельзя, чтобы не сдѣлалась отъ этого его собственная внутренняя личность степеннѣй и значительнѣй. Въ писателѣ все соединено съ совершенствованіемъ его таланта и обратно: совершенствованіе его таланта соединено съ совершенствованіемъ душевнымъ ¹⁾).

„Бѣдные Люди“ я только начало прочелъ, страницы три, и заглянулъ въ середину, чтобы видѣть складъ и замашку рѣчи новаго писателя (напрасно вы оторвали однихъ „Бѣдныхъ Людей“, а не прислали весь сборникъ: я бы его прочелъ, мнѣ нужно читать всѣ новыя повѣсти: въ нихъ хотя и вскользь, а все-таки проглядываетъ современная наша жизнь). Въ авторѣ „Бѣдныхъ Людей“ виденъ талантъ; выборъ предметовъ говоритъ въ пользу его качества душевныхъ; но видно также, что онъ молодъ. Много еще говорливости и мало сосредоточенности въ себѣ; все бы сказалось гораздо живѣе и сильнѣе, если бы было болѣе сжато. Впрочемъ, я это говорю не прочитавши, а перелистнувши. У меня такъ мало теперь читать все современнаго русскаго, что я читаю понемногу въ видѣ лакомства или когда очень придется трудно и духъ въ такомъ болѣзненно-черствомъ состояніи, какъ мое болѣзненно тяжелѣющее на мнѣ тѣло.

Что сказать вамъ о моемъ теперешнемъ болѣзненномъ состояніи? Молитесь обо мнѣ Богу—вотъ все, что могу сказать. Молитесь Богу, чтобы послалъ мнѣ среди недуговъ, какъ бы тяжки они ни были, сколько можно болѣе свѣтлыхъ минутъ, нужныхъ для того, чтобы, наконецъ, сказать все то, *для чего я воспитывался внутри, для чего ниспосылались мнѣ и самыя тяжелыя минуты, и самыя болѣзни, за которыя я непрерывно*

¹⁾ Ср. письмо къ Плетневу, Соч. Гог., изд. Кул., VI, 299, гдѣ высказана та же мысль о зависимости совершенствованія таланта отъ нравственнаго совершенствованія.

долженъ молить Бога ¹⁾. Вотъ все, о чемъ мнѣ нужно теперь молиться, и о чемъ нужно, чтобы молились обо мнѣ всѣ близкіе мнѣ. Просить же совершеннаго выздоровленія или какихъ-нибудь благъ здѣшней жизни даже грѣхъ. Я это чувствую въ глубинѣ моей души.

Прощайте, не забывайте меня и пишите. Пишите обо всемъ. Адресуйте письма (и если случится, даже книжныя посылки) во Франкфуртъ въ Жуковскому по прежнему адресу; онъ мнѣ доставитъ всюду, гдѣ буду находиться. Вашъ Г.

Въ адресѣ Жуковского нужно прибавлять: Sachsenhausen, Salzwedelsgarten vor dem Schaumenthor. Весь домъ вашъ обнимаю, всѣхъ отъ мала до велика, не пропускаю никого.

(7-го апрѣля 1846 г.). Гоголь гр. Л. К. Вильморской и ея дочерямъ.

Христосъ Воскресе!

Посылаю вамъ это святое привѣтствіе въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, мои прекрасныя графини: маменька и дочери!

И вы давно ко мнѣ не писали, и я давно къ вамъ не писалъ. Но я знаю, однако же, и слышу въ сердцѣ моемъ, что вы часто обо мнѣ думаете; знаете также и вы, что я очень часто думаю о васъ; въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ большой заслуги съ моей стороны. Приятными мыслями приятно заниматься, а мысли о васъ пріятны.

Въ этотъ день я такъ сильно и нѣжно и братски перецѣловалъ васъ всѣхъ въ моихъ мысляхъ, что на душѣ моей долго было потомъ свѣтло и радостно отъ этихъ поцѣлуевъ. И хотѣлъ бы я быть въ силахъ перецѣловать всѣхъ людей такими родственными поцѣлуями. Черезъ двѣ недѣли выѣзжаю изъ Рима и увѣдомляю васъ, чтобы вы, если придетъ кому-нибудь изъ васъ желаніе наградить меня нѣсколькими прекрасными строчками письма вашего, адресовали Жуковскому во Франкфуртъ, гдѣ я буду въ іюнь. Впрочемъ, гдѣ бы я ни былъ, адресуйте къ нему: онъ мнѣ перешлетъ. Для здоровья моего мнѣ необходимо сдѣлать какъ можно больше ѣзды и дороги; это мнѣ помогало доселѣ лучше всякихъ средствъ и лекарьствъ. Богъ милостивъ; надѣюсь, поможетъ и теперь. Чтѣ вамъ сказать о моемъ здоровьѣ тѣлесномъ? Оно очень незавидно. Но благодарю за него Бога. Оно такъ быть должно. Не безъ высшей воли повелѣно ему такъ быть. Стало быть, полную довѣренность къ повелѣвшему! У Него все, чтѣ ни повелѣвается, повелѣвается къ добру. Мое душевное здо-

¹⁾ Сходныя мысли часто высказываются въ перепискѣ Гоголя.

ровѣ лучше прежняго и виной этого отчасти тѣлесный недугъ, стало быть, грѣхъ, и смѣть даже роптать на тѣлесные недуги, когда они такъ видимо направляются къ выздоравливанію душевному. Я полечусь, можетъ быть, только въ одномъ Гrefенбергѣ, и то въ жаркіе лѣтніе дни. Хочу побывать въ Англии, Голландіи. На зиму проберусь въ Италію, на теплѣйшія мѣста въ Средиземномъ морѣ, оттуда, если будетъ такая милость Божія, что позволить мнѣ выполнить кое-какіе невыплаченные долги, безъ которыхъ нельзя ѣхать туда, куда душа хотѣла бы, проберусь въ Іерусалимъ. Молитесь Богу, мои прекрасныя графини, чтобы было все такъ и чтобы весной въ слѣдующемъ году или въ началѣ лѣта мы встрѣтились съ вами въ Россіи, и была бы въ радость наша встрѣча и не было бы на моей совѣсти ничего такого, что бы стало меня укорять, что я ни за что получилъ такую награду, какъ встрѣча съ моими друзьями, и притомъ въ такомъ раю, какимъ для меня кажется теперь требующая любви нашей Россія. Богъ да хранитъ васъ и все то, что дорого душамъ вашимъ. Прощайте. Весь вашъ Г.

Если вамъ встрѣтится occasia для удобной пересылки во Франкфуртъ на имя Жуковскаго, то сдѣлайте мнѣ подарокъ: пришлите два журнала на нынѣшній 1846 годъ: „Отечеств. Записки“ и „Маякъ“. Того и другого къ іюню выйдетъ по шести книжекъ. Вы, вѣрно, найдете возможность переслать ихъ съ курьеромъ, а не то съ кѣмъ-нибудь изъ отправляющихся за границу, — впрочемъ, первое вѣрнѣе.

Павино. 19-го іюня (1846). С. М. Солмоубъ Гоголю.

Послѣднія извѣстія, полученныя отъ васъ, любезный Николай Васильевичъ, хотя не опредѣляютъ еще вашихъ плановъ для нынѣшняго лѣта, но доказываютъ, однако же, что вы приближаетесь къ вашимъ друзьямъ. Приближеніе есть надежда къ свиданію. Ваше сужденіе о „Воспитанницѣ“ меня очень порадовало. Итакъ, мужъ мой подвигается и можетъ съ новою ревностью приняться за дѣло. Одобреніе такихъ людей, какъ вы, милый и любезнѣйшій другъ, уже есть награда сама по себѣ, а Владиміра весьма нужно ободрять. Здѣшняя цензура, здѣшніе критики и общее недоброжелательство къ писателямъ высшаго круга совершенно разочаровываютъ поприще литературной дѣятельности и наполняютъ ее низкими расчетами, неумѣстнымъ, хотя и естественнымъ страхомъ и безконечными препятствіями. Лавировать между всѣми оградами, окружающими истину, очень трудно; для этого потребно немалое количество твердости и настойчивости.

Вообще трудно писать, когда еще не умѣють достойно цѣнить высокое назначеніе писателя, т.-е. голоса истины и правды. Впрочемъ, публика сама не столь виновата, какъ сами писатели. Вы очень хорошо поймете, что я хочу этимъ сказать.

Владиміръ пишетъ теперь новую повѣсть, которую я вамъ постараюсь прислать, какъ скоро она выйдетъ. Къ несчастію, здоровье его въ плохомъ состояніи. Разстройство нервъ и развитие сложной болѣзни дѣйствуютъ на него до того, что онъ по цѣлымъ недѣлямъ не въ силахъ ни ходить, (и) ни заниматься. Я надѣюсь, что лѣто и сповойная дачная жизнь принесутъ ему большую пользу, но я вижу съ печалью, что его здоровье принудитъ насъ опять странствовать по Европѣ.

Сестра сдѣлала вамъ, вѣроятно, подробное описаніе нашей жизни. Я посвятила нынѣшнее лѣто на два предмета: во-первыхъ, хочу какъ можно болѣе укрѣпить здоровье дѣтей; во-вторыхъ, усердно занимаюсь ботаникою и химіей.

Соня и Саша съ утра до вечера въ саду. Первая поливаетъ цвѣты своего маленькаго садика, за которымъ я также смотрю, рветъ цвѣты для моего *herbier* и собираетъ кости, надъ которыми я намѣрена сдѣлать разные химическіе опыты. Второй еще принадлежитъ растительному царству, питается солнцемъ и воздухомъ и очень похожъ на липовый цвѣтъ. Маменька прилежно хозяйничаетъ и, слава Богу, совершенно здорова. Анна Михайловна иногда пригорюнивается. Отъ брата мы получили недавно хорошія извѣстія.

30-го іюня отправляется на годъ въ чужіе края Михаилъ Федоровичъ Самаринъ. Съ нимъ я вамъ пришлю сборникъ, изъ котораго я вырѣзала „Бѣдные люди“, и еще другія русскія книги. Братъ вамъ ихъ доставитъ. Напишите ему словечко, куда вамъ ихъ прислать.

Прощайте, милый братецъ. Обнимаю васъ отъ души и надѣюсь, что здоровье ваше поправится и что вы скоро къ намъ прїѣдете. Господь съ вами. С. С.

Кланяйтесь сердечно Василю Андреевичу Жуковскому и милой женѣ его.

Франкфуртъ. 1846 г. Октября 22-го дня. *Гоголь графинѣ Л. К. Вѣльгорской и дочерямъ.*

Что вы, мои прекрасные, мои близкіе душѣ моей, всѣ замолкнули? Что вы, моя старшая графиня, матушка моихъ милыхъ сестеръ, послѣ вашего длиннаго письма, исполненнаго гнѣва на

современный порядокъ вещей (за которое потомъ васъ побраню ¹⁾), вдругъ затихнули и отдыхаете на лаврахъ? Пишите ко мнѣ въ Неаполь. Я еще не пушусь въ дорогу раньше января послѣднихъ чиселъ будущаго 1847 года. Адресуйте письмо или въ посылство, или въ poste restante. Чѣмъ обстоятельнѣе и длиннѣе письма, тѣмъ будетъ лучше. Мнѣ теперь нужно обстоятельное письмо отъ моихъ друзей, чтобы открылось мнѣ (въ) настоящее состояніе душъ ихъ и зналъ бы я, о чемъ, какъ для нихъ помолиться.

Обнимаю васъ всѣхъ. Прощайте; весь вашъ,
вашъ родной братъ Г.

Петербургъ. 20-го ноября (1846). *А. М. Вѣлморская Гоголю.*

Любезный Николай Васильевичъ, я постараюсь всѣми силами оправдать ваше ко мнѣ довѣріе ²⁾. Вы хорошо отгадали, писавши мнѣ, что дѣятельность мнѣ непремѣнно нужна и что одна дѣятельная жизнь можетъ спасти меня отъ обычной моей хандры. Я вамъ также очень благодарна, что вы вспомнили обо мнѣ въ этомъ случаѣ, и что, поручивши мнѣ исполнить часть вашего проекта, вы оказали мнѣ довѣріе, которое возвышаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Но теперь не объ этомъ дѣло. Плетнева до сихъ поръ я не могла видѣть. Онъ живетъ на Васильевскомъ Острове, съ которымъ очень долго не было сообщенія. Но я ужъ давно ему послала ваше предувѣдомленіе черезъ княгини Одоевской (sic), растолковавши ей прежде хорошенько ваши намѣренія. Она также готова исполнить ихъ, но до сихъ поръ „Ревизоръ“ еще не вышелъ, такъ что намъ покамѣстъ нельзя ничего предпринять. Я слышала, какъ будто цензура театра не пропустила вашу новую „Развязку Ревизора“, но вы ужъ, вѣрно, получили объ этомъ рѣшительныя извѣстія. Россетъ ³⁾, Самаринъ и Мухановъ, о которыхъ вы мнѣ пишете, всѣ три въ отсутствіи, и я не знаю, на сколько времени.

Между тѣмъ вы, вѣрно, услышите съ удовольствіемъ, что учредилось здѣсь общество подѣ начальствомъ Соллогуба (онъ былъ первый основатель сего общества), Вяземскаго, паленьки и нѣсколькихъ другихъ, которое скоро развилось и уже сдѣлало много

¹⁾ Гоголь разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, то затерявшееся письмо, въ отвѣтъ на которое имъ была написана статья: „Страхи и ужасы Россіи“ въ „Перепискѣ съ друзьями“.

²⁾ Гоголь поручилъ А. М. Вѣлморской раздачу бѣднымъ денегъ, вырученныхъ за „Развязку Ревизора“.

³⁾ Аркадій Осиповичъ, братъ А. О. Смирновой.

добра. Считаютъ теперь въ немъ болѣе ста членовъ, многіе изъ которыхъ люди со способностями и съ искреннимъ желаніемъ помогать бѣднымъ и оказать имъ не только тѣлесную, но душевную помощь. Князь Одоевскій хотѣлъ, кажется, самъ вамъ подробно писать объ этомъ обществѣ и хотѣлъ вамъ даже послать его статуты.

Давно, Николай Васильевичъ, очень давно, что я вамъ не писала; я даже не отвѣчала вамъ на послѣднее ваше письмо, полученное еще весной. Что вы обо мнѣ думаете? браните ли меня мысленно? Вы бы имѣли все право бранить меня, но я васъ прошу лучше простить мнѣ. Все лѣто я собиралась вамъ писать, но я бы вамъ написала такое грустное письмо, что, мнѣ казалось, еще лучше вамъ совсѣмъ не писать. Я не могу говорить съ вами о погодѣ и подобныхъ вещахъ, а о душевномъ состояніи иногда желаю молчать. Между тѣмъ въ продолженіе этихъ шести мѣсяцевъ не прошелъ одинъ день, въ которомъ бы (sic) я не молилась за васъ. Теперь, слава Богу, я гораздо веселѣе, хотя смерть великой княгини Маріи Михайловны меня очень огорчила, но внутреннее мое расположеніе переимѣнилось къ лучшему, и когда душа сильнѣе, она лучше переноситъ грусть. Первый мѣсяцъ траура только кончился, такъ что я еще нигдѣ не была и никого не видѣла.

Мы остаемся всегда *en famille* и только вечеромъ навѣщаютъ насъ иногда нѣкоторые изъ нашихъ коротко знакомыхъ. Всѣ у насъ въ домѣ здоровы. Мои племянники премилые, а Александръ Владиміровичъ покаместъ мой фаворитъ...

Въ моему сожалѣнію, я должна кончить письмо, потому что бумага такъ толста, что я не смѣю продолжать на новомъ листѣ, а только-что расписалась.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ! Христосъ съ вами. А. В.

Папенька получилъ ваше письмо и ждетъ рѣшительнаго отвѣта, чтобы писать вамъ.

Неаполь. Декабря 8-го (1846). Гоголь А. М. Вѣльморской.

Пишу къ вамъ нѣсколько строчекъ, моя добрѣйшая Анна Михайловна. „Ревизора“ надобно приостановить, какъ представленіе на сценѣ, такъ и печатанье. Ему еще не время являться въ такомъ видѣ передъ публикою. Сообразивъ ¹⁾ всѣ толки, мнѣнія и мысли, нынѣ обращающіеся въ свѣтѣ, равно какъ и со-

¹⁾ Въ подлинникѣ: сообразить.

стояніе нынѣшняго общества, я признаю благоразумнымъ отложить это дѣло до слѣдующаго года, а между тѣмъ въ это время я оглянусь получше и на себя, и на свое дѣло. Стало быть, съ васъ также снимается обуза быть распорядительницей денежныхъ раздать бѣднымъ, которымъ (sic) я обременилъ какъ васъ, такъ и другія христіанскія души, что объявите имъ, а также и Плетневу, которому при семъ передайте письмецо.

Проволочка по дѣламъ моимъ, равно какъ и разныя препятствія, которыя приплыли не безъ пользы душѣ моей, суть, между прочимъ, причиною, что прїѣздъ мой къ вамъ въ Россію еще долженъ быть отложенъ на годъ. Самаго путешествія въ Іерусалимъ, такъ желаннаго сердцу моему, я не въ силахъ предпринять теперь такъ скоро, какъ бы хотѣлъ, именно черезъ всѣ эти проволочки и задержки. Во всемъ этомъ узнаю волю небесную; слышу, что это совершаетъ и творитъ Божія милость не безъ прекраснаго смысла. Мнѣ нужно сдѣлаться болѣе достойнымъ такого путешествія, нужно болѣе созрѣть духомъ къ этому времени.

На прошлой недѣлѣ отправилъ я къ вашему папенькѣ письмо съ приложеніемъ письма къ государю, въ которомъ я прошу о выдачѣ мнѣ паспорта еще на годъ въ такомъ видѣ, въ какомъ можетъ приказать выдать одинъ государь. Постарайтесь, чтобы это было сдѣлано поскорѣе. За Михаиломъ Юрьевичемъ водится, какъ сами знаете, забывчивость, а потому вы ему объ этомъ напомните. Письмо, если пожелаете, можете прочесть также и вы, но до слѣдующей почты. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ вашихъ писемъ и вашихъ откровенныхъ мнѣній и мыслей о моей книгѣ „Выбранныя мѣста“, которая, вѣроятно, уже вышла. Присовокупите къ вашимъ собственнымъ сужденіямъ отзывы всѣхъ, кого ни услышите, хорошіе и дурные, не скрывая ничего, ни даже именъ тѣхъ, которые ихъ произнесутъ. Все это мнѣ нужно, все меня учитъ и вразумляетъ. Прощайте. Весъ вашъ Г.

Адресуйте въ Неаполь.

Ницца. Ноября 2-го (1846). Гоголь А. М. Вилморской.

Пишу къ вамъ, моя добрая и близкая душѣ моей Анна Михайловна, съ дороги, изъ мѣста, намъ обоимъ весьма памятнаго, именно изъ Ниццы. Она мнѣ очень напомнила нашу прежнюю жизнь и путешествія отъ дома Paradis до дома Мазари, гдѣ жили Соллогубы, до дома (ужъ позабылъ имя хозяина, хотя наружность дома осталась въ памяти), гдѣ жила Смирнова.

Но не объ этомъ теперь рѣчь. Вы всегда жаловались, что вамъ нѣтъ поприща и мало дѣла и не знаете, чѣмъ быть по-

лезну другимъ. Это настоящая тайна хандры вашей, хотя этого покамѣсть вы еще не раскусили. Вамъ нужно дѣло. И вотъ вамъ дѣло. Все выслушайте внимательно и все исполните усердно, что ни скажу, помолитесь прежде покрѣче Богу, во имя котораго вы должны предпринять это дѣло.

Въ Петербургѣ и въ Москвѣ будетъ играть „Ревизоръ“ въ новомъ видѣ, съ присовокупленіемъ его окончанія или заключенія, въ бенефисъ двухъ первыхъ нашихъ комическихъ актеровъ. Ко дню представленія будетъ отпечатана пьеса отдѣльною книгою съ присоединеніемъ доселѣ никому неизвѣстнаго ея окончанія. Продаваться она будетъ въ пользу бѣдныхъ и можетъ распродаться въ большомъ количествѣ, стало быть принести значительную сумму. Выручка денегъ поручена Плетневу, который передастъ ихъ, по мѣрѣ прихода, тѣмъ, которые должны взять на себя обязанность быть раздавателями этихъ денегъ бѣднымъ, въ числѣ которыхъ одно изъ главныхъ лицъ—вы, а потому и пишу я обо всемъ этомъ вамъ. Прилагаю при этомъ и предисловіе, которое должно быть приложено въ началѣ книги. Изъ него вы увидите, въ чемъ дѣло и какъ нужно производить денежную раздачу. Соберите въ себѣ всѣхъ тѣхъ, которыхъ имена здѣсь означены, и переговорите съ ними, взявши съ нихъ слово до времени не говорить объ этомъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые, по замѣчанію кого-нибудь изъ нихъ или вашему, могутъ быть включены въ число раздавателей, которыхъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Старайтесь особенно склонить изъ женскаго пола такихъ, которыхъ вы знаете какъ сострадательныхъ, какъ разсудительныхъ и умныхъ женщинъ. Я поставилъ здѣсь вашу пріятельницу Дашкову единственно потому, что у нея есть особенная свѣтлость душевная, постоянно разлитая въ чертахъ ея лица, въ которой можетъ она оказывать ту помощь страждущимъ, о какой еще и сама она не знаетъ. Трудненько не смущайтесь! Благословясь во имя Бога, принимайтесь за дѣло и помните только, что въ этомъ дѣлѣ поможетъ вамъ Богъ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, и вразумитъ такъ, какъ вы покамѣсть и помыслить еще не можете. Для большаго облегченія себѣ, всякъ можетъ вначалѣ первыя дѣла и первыя подвиги возложить совершенно на священниковъ и требовать только отъ нихъ подробныхъ разсказовъ, какимъ образомъ и какъ они произвели это дѣло. Отъ этого нечувствительно потомъ научитесь помогать сами, потому что помогать есть тоже наука и вдругъ выучиться ей нельзя, особенно если станешь, оправдываясь неумѣніемъ, избѣгать всякихъ случаевъ

оказывать помощь. Все это сдѣлайте какъ можно скорѣе, потому что имена и адреса слѣдуетъ выставить сейчасъ же въ концѣ предисловія. Предисловіе вы перепишите въ двухъ экземплярахъ и отдайте немедленно Плетневу для припечатанія въ книгу. Онъ долженъ успѣть отдать цензору и одинъ изъ нихъ отправить въ Москву для напечатанія тоже тамъ при тамошнемъ изданіи, которое имѣетъ выйти въ одно и то же время съ петербургскимъ. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ любящихъ меня отказался отъ обязанности быть раздавателемъ вспомошествованія. Онъ будетъ не предо мною виноватъ, но передъ Христомъ, и если станетъ оправдываться какими-нибудь свѣтскими приличіями, то да вспомнить, чтобы не было когда-нибудь ему сказано отъ Бога то, что будетъ сказано многимъ его устыдившимся: „Устыжусь и Я того, кто Меня устыдился“. Кому же невозможно рѣшительно по неимѣнію времени, тотъ пусть скажетъ напрямикъ, не увертываясь, чтобы можно было тотчасъ же имя его вычеркнуть, а на мѣсто его поставить другого. Переговорите съ Аркадіемъ Россети и Самаринимъ, не знаютъ ли кого-нибудь еще изъ мужчинъ дѣльныхъ и умѣющихъ говорить и обращаться съ людьми, котораго можно употребить въ это дѣло. Хорошо, если бы еще хоть двухъ мужчинъ и хотя двухъ женщинъ. Муханова нѣтъ, онъ за границей, но имя его пусть будетъ вставлено, хотя и безъ адреса; онъ будетъ потомъ, по пріѣздѣ, очень полезенъ.

Что вы думаете о князѣ Барятинскомъ? У него душа очень добрая и его во многомъ значительно перемѣнило. Я съ нимъ сошелся ближе въ Грефенбергѣ. Мнѣ кажется, что ему недостааетъ для полнаго себя укомплектованія близкаго знакомства съ половиною страждущею лядей и практическаго познанія затруднительныхъ ихъ положеній подъ условіемъ прижимающихъ и гнетущихъ ихъ обстоятельствъ. Постарайтесь поговорить съ нимъ серьезно объ этомъ предметѣ. Онъ если не можетъ покуда самъ непосредственно дѣйствовать, то можетъ вспомошествовать посредствомъ васъ или кого-нибудь изъ другихъ, а тѣмъ временемъ можетъ приглядѣться самъ къ дѣлу.

Итакъ, Богъ васъ благословитъ! Съ Богомъ за дѣло! По-забудьте о себѣ вовсе. Никто изъ насъ не долженъ принадлежать себѣ. На это письмо напишите немедленно отвѣтъ въ Неаполь на имя нашего посольства. Прощайте. Весь вашъ Г.

Изберите себѣ кромѣ духовника (если онъ уже старъ или обремененъ многими дѣлами) въ помощь другого помоложе, котораго можетъ вамъ рекомендовать вашъ же духовникъ изъ людей, хотя и недавно поступившихъ въ священники, но уже по-

казавшаго истинно добрыя наклонности души своей, и посовѣтуйте сдѣлать то же и другимъ вашимъ подругамъ.

1846 (въ концѣ этого года). *Гоголь гр. А. М. Вильморской.*

Спѣшу, пользуясь счастливою оказіей и посредствомъ моего добраго пріятели Виктора Владиміровича Апраксина ¹⁾, котораго вы уже, вѣроятно, знаете, написать также и вамъ нѣсколько строчекъ, моя добрѣйшая Анна Михайловна. Въ письмѣ въ вашей маменькѣ изложено подробно дѣло, въ которомъ нужно будетъ мнѣ представительство кого-нибудь изъ вашей семьи у государя. Итакъ, вы видите, вмѣсто раздачи тѣхъ благотвореній, которыми я было-хотѣлъ, въ случаѣ представленія „Ревизора“, обложить васъ, вы должны теперь оказать благотвореніе мнѣ самому. Я увѣренъ, что все будетъ благоразумно, счастливо и хорошо, если вы только передъ тѣмъ, чтобы дѣйствовать, помолитесь усердно Богу объ успѣхѣ. Не оставьте, еще прошу васъ, Плетнева, познакомьтесь съ нимъ и поговорите хорошенько. Мнѣ кажется, какъ будто онъ чѣмъ-то страждетъ и есть у него какое-нибудь душевное горе. Въ существѣ своемъ это добрѣйшая душа. Одинъ порокъ за нимъ былъ только тотъ, что онъ, не сдѣлавши такого дѣла, которое бы упрекало въ чемъ-либо, имѣлъ нѣкоторую гордость чистотой своей. Онъ былъ передо мною невинно виноватъ, потому что судилъ о мнѣ по давнему времени, въ которое я былъ ему извѣстенъ, и ничего не понималъ во мнѣ, въ моемъ нынѣшнемъ времени, которое было отъ него скрыто и неизвѣстно. Вы, вѣроятно, теперь съ нимъ въ сношеніи по поводу книги моей, которую онъ печатаетъ.

Кстати о книгѣ ²⁾. Если она выйдетъ и Софья Михайловна поднесетъ вамъ всѣмъ экземпляры, которыми я прежде хотѣлъ было васъ попотчивать въ видѣ сюрприза съ моими собственными надписаніями, то вы въ экземплярѣ, слѣдуемомъ графинѣ Луизѣ Карловнѣ, на мѣсто прежней надписи, наклейте слѣдующую съ нѣкоторыми измѣненіями, особенно *если сдѣлаете* великодушное дѣло.

Моей прекрасной и великодушной графинѣ Луизѣ Карловнѣ, хотя, увы! вовсе еще не совсѣмъ моей.

(На оборотѣ письма:)

Попросите Плетнева, чтобы онъ познакомилъ васъ съ своей

¹⁾ В. В. Апраксинъ, сынъ Софьи Петровны Апраксиной и племянникъ А. П. Толстого, въ настоящее время живетъ въ московской губерніи.

²⁾ „Переписка съ друзьями“.

дочерью и напишите мнѣ, какова она, я ее оставилъ ребенкомъ, и знаю, что онъ весъ живетъ ею.

Неаполь. Генваря 25-го. 1847 г. *Гоголь гр. Л. Е. Виельморской.*

Изъ рукъ Виктора Владиміровича Апраксина вы уже, вѣроятно, получили мое письмо со всякими порученіями, на васъ возлагаемыми. Если все это пришло къ вамъ поздно и дѣло по поводу печатанія книги устроилось само собой благополучно и книга вышла въ свѣтъ безъ всякихъ пропусковъ, и вы остались черезъ то безъ великодушнаго подвига въ мою пользу, то вотъ вамъ другое дѣло, тоже истинно доброе и тоже достойное вашей доброй души, графиня. Если государь взглянулъ благосклонно на мою книгу и приплась она ему по сердцу, то употребите всѣ старанія ваши черезъ людей, къ государю приближенныхъ, посоветовавшись съ Михаиломъ Юрьевичемъ, или черезъ него самого, или черезъ кого другого—словомъ, какъ найдете возможнѣе и лучше, употребите всѣ старанія, чтобы цензоръ, пропустившій мою книгу ¹⁾, былъ награжденъ, чтобы досталось на его долю—если не награда, то по крайней мѣрѣ благоволеніе за довѣріе къ благородству высокой души государя, которое показалъ онъ пропускомъ моей книги. Чтò ни говорите, но побѣдить всѣ смущенія, какъ собственныя, такъ равно и отъ другихъ людей, которые смущали со всѣхъ сторонъ бѣднаго цензора, восторжествовать надъ всякаго рода страхами и опасеніями и робостью собственного своего цензурнаго начальства—значить имѣть слишкомъ высокое мнѣніе о благородствѣ души государя и о возвышенности помысленій его. Если будетъ такъ устроено, что цензоръ Никитенко будетъ отличенъ за благородный поступокъ свой, то этимъ будетъ сдѣлано истинно доброе дѣло, а мнѣ драгоценнѣйшій подарокъ, какой бы я могъ получить изъ рукъ вашихъ. Весь вашъ Г.

С.-Петербургъ. 8-го февраля (1847). *Графиня С. М. Соллогубъ Гоголю.*

Спасибо, любезный Николай Васильевичъ, спасибо вамъ тысячу разъ! Ваше сердечное воспоминаніе меня очень тронуло. Примите отъ насъ всѣхъ искреннее благодареніе за вашъ чудесный подарокъ. Книга ваша произвела здѣсь много шума и раз-

¹⁾ А. В. Никитенко.

личные толки. Новость и неожиданность содержания поразили многих. Я узнала во всѣхъ вашихъ письмахъ знакомаго мнѣ милаго друга, нѣсколько диваго въ Баденѣ, веселаго и любезнѣйшаго въ Ниццѣ, добраго, необходимаго, но немного грустнаго посѣтителя въ Остенде. Вы высказали вашу думу, и мы васъ поняли, и вашъ голосъ раздался по всему любимому вами краю и нашелъ сочувствіе во многихъ сердцахъ. Но, къ несчастію, многіе васъ совершенно не поняли, и вашъ трудъ останется для нихъ бесполезнымъ.

Я бы охотно прислала вамъ выписки изъ многочисленныхъ критикъ, которыя появились въ разныхъ нашихъ журналахъ, но не смѣю рѣшиться на такое дѣло. Критики столь язвительны, разборъ вашихъ писемъ такъ немилосердно строгъ и насмѣшливъ и выведенныя заключенія изъ собственныхъ вашихъ словъ и сужденій такъ странны и преувеличенны, что я считаю лишнимъ упоминать о нихъ здѣсь, руководствуясь этимъ правиломъ: „плетью обуха не перешибешь“.

Спорить со всѣми тѣми, которые говорятъ, что эта книжка недостойна вашего огромнаго таланта, что вы потеряны для литературы, для искусства и проч., я не могу, такъ какъ и вамъ нельзя преобразовать нынѣшнее общество, духъ и направленіе котораго весьма нехристіанское и невозвышенное.

Петръ Александровичъ сказывалъ мнѣ, что цензура не пропустила нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ вашихъ писемъ. Сестра и я мы очень любопытны знать, кому вы пишете первое ваше письмо, которое намъ такъ понравилось („Женщина въ свѣтѣ“).

Александра Осиповна писала мнѣ недавно про васъ. Я вижу съ радостью, что она изъ числа тѣхъ друзей, которые умѣютъ васъ цѣнить и, кромѣ автора, видѣтъ въ васъ *христіанина*. Маменька получила ваше письмо и намѣрена скоро писать вамъ. Насталъ постъ и вмѣстѣ съ нимъ тишина, чему я очень рада.

Дѣти мои здоровы. Соня порядочно читаетъ по-русски и чрезвычайно рѣзва, но мила и ласкова. Саша только-что начинаетъ говорить. Мы живемъ по прежнему: тихо, мирно, вполне наслаждаясь семейною жизнью. Когда вы преледоните колѣни передъ гробомъ Спасителя, то не забудьте насъ. Я не забываю вашей просьбы и часто молюсь за васъ. Простите, любезный Николай Васильевичъ, да сохранить васъ Господь! Обнимаю васъ отъ всей души. Повторяю вамъ ваши собственные слова: „не унывайте“, сказанныя мнѣ вами столь часто. Прощайте. Софья С.

Неаполь. Февраля 6-го (1847). *А. М. Виельморской.*

Пишу къ вамъ, моя добрыйшая Анна Михайловна. Вы уже, безъ сомнѣнiя, получили мое письмо черезъ Виктора Владиміровича Апраксина вмѣстѣ съ большими письмами, порученными вашей маменькѣ. Письма эти слѣдуетъ пустить какъ слѣдуетъ въ ходъ. Плетневъ, какъ я узналъ, сдѣлалъ неосмотрительную вещь, выпустивъ въ свѣтъ одинъ кусокъ моей книги. Статьи, которыя составили одну только треть книги, которыя могли быть вполнѣ ясны только въ соединенiи съ другими статьями. Въ этой книгѣ было все мною рассчитано и письма размѣщены въ строгой послѣдовательности. Чтобы дать возможность читателю быть постепенно введену въ то, что теперь для него дико и непонятно, связь разорвана, и книга вышла какой-то оглодышъ. Всѣ должностныя и чиновныя лица, для которыхъ были писаны лучшія статьи ¹⁾, исчезнули вмѣстѣ съ статьями изъ вида читателей; остался одинъ я, точно какъ будто бы я издалъ мою книгу именно затѣмъ, чтобъ выставить самого себя на всеобщее позорище, а между тѣмъ всѣ непропущенныя статьи именно нужны въ нынѣшній мигъ обстоятельствъ въ русскомъ быту нашемъ, особенно внутри Россiи. Объ этомъ всемъ приложите и въ стараніе; нужно, чтобы Плетневъ представилъ Михаилу Юрьевичу всѣ сполна непропущенныя статьи и всѣ тѣ мѣста, которыя вычернуты цензоромъ въ статьяхъ уже пропущенныхъ, потому что вычернуты они совершенно несправедливо и неосновательно. Во всемъ этомъ дѣлѣ былъ какой-то необъяснимый ковъ. Цензоръ былъ въ рукахъ какихъ-то дурныхъ людей, употреблявшихъ все, чтобы произвести безсмыслицу въ книгѣ вымаркою многихъ мѣстъ, связывающихъ и объясняющихъ обстоятельства предшествующія и послѣдующія, и черезъ то имѣть право при ея появленіи въ свѣтъ напасть, какъ на безсмыслицу и бредъ разсироеннаго воображенія, на то, что авторъ выдаетъ за истину. Самъ цензоръ сыгралъ необыкновенно странно. Отъ него требовалась тайна, потому что я хотѣлъ отпечатать книгу въ тишинѣ и сдѣлать ее неожиданнымъ сюрпризомъ какъ для всей публики, такъ даже и для васъ самихъ ²⁾ (это ребячество у меня до сихъ поръ осталось, но Богъ съ намъ! отнынѣ лучше буду обходиться безъ сюрпризовъ), а между тѣмъ самъ цензоръ былъ разглашаемъ всего, такъ что даже въ Москвѣ знали обо всемъ и повторяли

¹⁾ Гоголь, кажется, почти всѣ письма или большую часть изъ вошедшихъ въ „Переписку съ друзьями“ сочинилъ ad hoc, въ видѣ особыхъ статей.

²⁾ „Выбранныя мѣста“ печатались подъ строжайшей тайной, въ наименѣ известной типографіи.

изуродованныя съ умысломъ мысли и фразы; а я еще не такъ давно писалъ къ графинѣ, вашей маменькѣ, чтобы не позабыть цензора печатавшаго и хотѣлъ за него похлопотать изо всѣхъ силъ, чтобы досталась и ему какая-нибудь честь за пропускъ моей книги. И такъ, вы сами теперь видите, каково мое дѣло. Нужно, чтобы книга моя явилась немедленно вторымъ изданіемъ въ полномъ видѣ своемъ: большой и толстой книгой со всѣми статьями. Я бы не хлопоталъ объ этомъ такъ, если бы это было мое дѣло. Но прочитайте сами вмѣстѣ съ папенькой вашимъ, которому подѣлуйте ручку за доброту его, эти непропущенныя статьи и скажите сами, мое ли въ нихъ заключено дѣло, или то, о которомъ хлопочетъ самъ государь и всѣ возвышенныя души. Но вамъ понятно чувство любви высшей по родинѣ, а потому объ этомъ нечего говорить. Я прилагаю здѣсь письмецо къ *Михаилу Юрьевичу* и оглавленіе статей въ томъ видѣ и порядкѣ, въ какомъ онѣ должны слѣдовать одна за другою. Богъ да хранить васъ и во всемъ сопутствуетъ. Извините, что пишу неразборчиво и дурно. Я сижу больно, руками едва движу и отъ бессонницъ, продолжающихся уже болѣе мѣсяца, не знаю отчего, очень ослабленъ. Весь вашъ Гоголь.

Не забудьте собирать замѣчанія и свои, и чужія о моей книгѣ.

Петербургъ, 7 (19) февраля 1847. *Гр. А. М. Виельгорская Гоголю.*

Прежде всего, любезный Николай Васильевичъ, должна я васъ благодарить за экземпляры вашихъ писемъ, которые вы назначили каждому изъ насъ и которые мы получили съ искренней благодарностью. Мнѣ не нужно прибавить, что мы прочли ихъ съ необыкновеннымъ интересомъ, но съ различными *впечатлѣніями*. Я васъ совершенно узнаю въ вашихъ письмахъ; для меня все въ нихъ просто, понятно; мнѣ кажется, читая ихъ, что я васъ слышу, какъ вы часто съ нами говорили, и я вхожу въ ваше чувство, вижу вашими глазами и мыслю вашими мыслями. Иначе и не можетъ быть. Вы судите теперь обо всемъ, какъ каждый истинный христіанинъ долженъ судить, то-есть посредствомъ религіи. Она одна назначаетъ предметамъ сей земли ихъ настоящую цѣну, и эти предметы *суть* только дѣйствительно то, что они передъ ея глазами, а не передъ нашими. Читая ваши письма, душа слышитъ, что вы правы. Но я не должна медлить исполнить ваше желаніе узнать, что другіе говорятъ о новой книгѣ вашей.

Много говорить о ней, любезный Николай Васильевичъ, и я иногда спрашиваю себя, какое впечатлѣніе она бы сдѣлала на

меня, знала бы я васъ только по вашимъ сочиненіямъ. Вы можете себѣ вообразить, какъ люди, знаяши васъ только, по сихъ поръ, какъ комическаго или, по крайней мѣрѣ, какъ свѣтскаго автора, какъ они должны, читая вашу книгу, удивляться, теряться и, можетъ быть, смущаться вашей для нихъ внезапной и непонятной переменѣ. У Софіи Михайловны собираются по середамъ знакомые ея мужа, почти всѣ рускіе, люди умные, нѣкоторые изъ нихъ литераторы: такъ я слышала, что иные полагаютъ васъ потеряннымъ для литературы. Вообще всѣ хвалятъ ваши письма, но не одобряютъ предисловія и особенно духовнаго завѣщанія, видя въ нихъ, какъ говорятъ, „уничженіе паче гордости“. Признаюсь вамъ откровенно, я сама сожалѣю, что вы напечатали ваше духовное завѣщаніе, не отъ того, что оно мнѣ не нравится, но отъ того, что оно не можетъ нравиться публикѣ и что она не можетъ понять его. Я понимаю, что многія мѣста изъ вашихъ писемъ привели ее въ недоумѣніе. Вы говорите иногда о себѣ съ такимъ удивительнымъ смиреніемъ (какъ, на примѣръ, въ третьемъ письмѣ по поводу „Мертвыхъ Душъ“), что большее число вашихъ читателей должны думать, что вы или играете комедію, или слишкомъ самолюбивы, не зная сами, что такое смиреніе, и думавши, можетъ быть, что оно только находится въ святыхъ. Говорили передо мной, что вы всегда были самолюбивы и что теперь ваше самолюбіе приняло только другой видъ. Извините, любезный Николай Васильевичъ, что я вамъ такъ откровенно пишу; впрочемъ я знаю, что даже самыя несправедливыя, злыя критики вашихъ литературныхъ недоброжелателей не могли бы теперь оскорбить васъ. Вы вознеслись выше всѣхъ низкихъ, мелочныхъ страстей и слабостей сей жизни и, вѣрно, единственно заняты вашимъ предлагаемымъ (предполагаемымъ?) путешествіемъ въ Святые мѣста.

Еще одно слово о вашихъ письмахъ. Мнѣ особенно понравились: „Женщина въ свѣтѣ“, „О нашей церкви и духовенствѣ“, „О театрѣ“, „Предметы для лирическаго поэта“, „Совѣты“, „Просвѣщеніе“ (все, что вы говорите про наши церкви (sic), мнѣ пришлось удивительно по сердцу), „Русскій помѣщикъ“, „Чѣмъ можетъ быть жена?“ и пр. „Чей удѣлъ на землѣ выше“. Я останавливаюсь, чтобы не всѣхъ (sic) назвать. Владиміръ говорить, что многія изъ вашихъ писемъ sont des chefs-d'oeuvres; я только сузу сердцемъ и впечатлѣніями.

Въ эту минуту я получила ваше письмо черезъ Апраксина. Вы желаете, чтобы я короче познакомилась съ Плетневымъ: я готова все сдѣлать, что можетъ вамъ доставить удовольствіе, но

не думайте, чтобы я могла быть теперь кому-нибудь душевно полезна. Мнѣ самой нужна помощь, и я такъ занята душевнымъ моимъ состояніемъ, что мнѣ ужасно трудно выходить изъ себя и заниматься другими. Не ожидайте теперь отъ меня ни силы, ни воли, ни даже почти надежды: все изнемогло во мнѣ, и я могу сказать съ Давидомъ: „нѣтъ здраваго мѣста въ тѣлѣ моемъ“. Но Богъ милостивъ и „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“. Самъ Иисусъ сказалъ: „Прискорбна есть душа моя до смерти“: какъ же намъ тогда не знать внутреннія тяжелыя скорби?

Прощайте, любезный Николай Васильевиче, вспомните обо мнѣ при гробѣ Господнемъ и покрѣпче помолитесь за меня и чтобы Богъ мнѣ послалъ *твердость*: я чувствую себя въ совершенномъ безсиліи. Христосъ съ вами. А. В.

(Приписка:) У маменьки глаза болѣли, но ей теперь лучше и она вамъ будетъ отвѣчать. Насчетъ вашего пашпорта папенька вамъ уже давно написалъ, что государь приказалъ всѣмъ нашимъ министрамъ и консуламъ взять васъ подъ ихъ покровительство и по возможности облегчить вамъ трудности вашего путешествія.

Неаполь, 16 марта (1847). *Гоголь къ А. М. Вигельгорской.*

Я получилъ пріятное письмоцо ваше, моя добрѣйшая Анна Михайловна, письмоцо отъ 7 (19) февраля съ изъявленіемъ вашего мнѣнія о моей книгѣ. Строчки ваши были мнѣ нужны. Я уже начиналъ-было думать, что весь домъ вашъ сердить на меня за что-нибудь и наказываетъ меня молчаніемъ, наказаніемъ тягостнѣйшимъ для меня всѣхъ другихъ наказаній. Но, слава Богу, этого нѣтъ.

Вы сказали мнѣ очень вообще и очень *въ обширномъ* смыслѣ о мнѣніяхъ, раздающихся въ обществѣ о моей книгѣ, но я бы желалъ слышать это съ бдльшими подробностями, характеризующими личность тѣхъ, которые произносятъ мнѣнія. Я знаю, что раздаются въ обществѣ мнѣнія, невыгодныя насчетъ меня самого, которыя оскорбительно слышать людямъ, меня любящимъ и меня болѣе другихъ знающимъ, какъ-то: о двусмысленности моего характера, о поддѣльности моихъ правилъ, о моемъ дѣйствованіи изъ какихъ-то личныхъ выгодъ и угожденій нѣкоторымъ лицамъ. Все это мнѣ нужно знать, нужно знать даже и то, кто именно какъ обо мнѣ выразился. Не бойтесь, я не вынесу изъ избы сору. Все это послужить къ добру и мнѣ, и тѣмъ, которые обо мнѣ какимъ бы то ни было образомъ ни выразились. Книга моихъ писемъ выпущена въ свѣтъ затѣмъ, чтобы поцупать ея

другихъ и себя самого, чтобы узнать, на какой степени душевнаго состоянія стою теперь я самъ, потому что себя трудно видѣть, а когда нападутъ со всѣхъ сторонъ и станутъ на тебя указывать пальцами, тогда и самъ отыщешь въ себѣ многое. Книга моя вышла не столько затѣмъ, чтобы распространить какія-либо свѣденія, сколько затѣмъ, чтобы добиться самому многихъ тѣхъ свѣденій, которыя мнѣ необходимы для труда моего, чтобы заставить многихъ людей умныхъ заговорить о предметахъ важныхъ и развернуть ихъ знанія, скупо скрываемаыя отъ другихъ. Не скройте отъ меня также отзывовъ того человѣка, который намъ близокъ обоимъ. Я не знаю, почему вашъ папенька скрывалъ отъ меня его мнѣніе о „Мертвыхъ Душахъ“, которое я узналъ уже случайно большимъ кругомъ, пять лѣтъ спустя послѣ появленія моей книги. Если это скрыто было отъ меня затѣмъ, чтобы не огорчить меня, то вновь вамъ повторяю, что никакія жесткія слова человѣка мной любимаго не въ силахъ смутить меня или уменьшить моей любви къ нему, что словъ неблагопріятныхъ, жесткихъ я теперь жажду, потому что—истинно вамъ говорю—они какой-то чудный бальзамъ для души моей, сверхъ того, что заставляютъ меня строже взглянуть на себя самого и умнѣе взглянуть на другого, а все это вмѣстѣ учитъ меня той мудрости, которой мнѣ необходимо надобно пріобрѣсти побольше затѣмъ, чтобы умѣть, наконецъ, заговорить потомъ просто и *доступно* для всѣхъ о тѣхъ вещахъ, которыя повуда недоступны. Повѣрьте мнѣ, что мои послѣдующія сочиненія произведутъ столько же *согласія* во мнѣніяхъ, сколько нынѣшняя моя книга произвела разногласія, но для этого нужно *поумнѣть*. Понимаете ли вы это? А для этого мнѣ нужно было непременно выпустить эту книгу и выслушать толки о ней всѣхъ, особенно толки неблагопріятные, жесткіе, какъ справедливые, такъ и несправедливые, оскорбительные для самыхъ нѣжныхъ сердечныхъ струнъ, словомъ, всѣ тѣ толки, отъ которыхъ отворачиваетъ уши человѣкъ неопытный, несвѣдущій въ наукѣ жизни и въ наукѣ души человѣческой. Итакъ, не скрывая отъ меня ничьихъ мнѣній о моей книгѣ и ради меня, дайте себѣ трудъ узнавать ихъ, поручайте также другимъ узнавать ихъ повсюду. Мнѣ всякій человѣкъ интересенъ, а потому и мнѣніе его для меня имѣетъ цѣну. Отъ вашей пріятельницы до слуги и горничной дѣвушки вашей всякъ можетъ сказать мнѣ что-нибудь нужное для меня; если у васъ нѣтъ другой работы, и это будетъ съ вашей стороны истинно-христіанскій подвигъ. Не пропускайте также, хотя въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ, изображать мнѣ портретъ того

лица, которому принадлежать слова, если лицо мнѣ его неизвѣстно.

Меня огорчило ваше извѣстіе о томъ, что вы болѣете и тѣломъ, и душою. Но увѣренность въ пользу всего намъ посылаемаго, увѣренность, дознанная собственнымъ опытомъ, заставила меня возблагодарить передъ Божіей волею, которая посылаетъ вамъ это испытаніе, затѣмъ чтобы новыми сокровищами украсить вашу душу и заставить потомъ благодарить вѣчно за время испытанія. Я думаю, что здѣсь также примѣшалась и болѣзнь просто физическая. Эти необходимые недуги *нервическіе*, которые какъ бы именно посылаются нынѣ затѣмъ, чтобы умягчить природу человѣка и сдѣлать душѣ его доступными вещи, съ трудомъ понимаемыя и самыми высшими умами. Мои нервы теперь тоже всколебались и разстроились. Ночи мои безъ сна. Здоровье мое такъ распаталось, что я долженъ прежде поѣздки моей въ Іерусалимъ укрѣпить мое тѣло желѣзными водами и морскими купаньями. Придется опять навѣститъ Остенде, который для меня такъ дорогъ по воспоминаніямъ. О, еслибы привелъ меня Богъ вновь ощутить такую радость, какъ назадъ тому три года, когда послѣ долгихъ моихъ ожиданій привезла васъ вдругъ желѣзная дорога и я увидѣлъ всѣхъ своихъ близкихъ сердцу моему. Поѣздка изъ Петербурга въ Остенде такъ легка: все моремъ, не нужно даже экипажа. Но Богъ да устрояетъ все, какъ угодно Его волѣ. Да хранить Онъ васъ! Прощайте. Перецѣлуйте всѣхъ вашихъ и пишите ко мнѣ.

Весь вашъ Г.

Напишите мнѣ, какъ вамъ показался Апраксинъ. Онъ на мои глаза показался совсѣмъ непохожимъ на другихъ молодыхъ людей, исполненъ намѣреній благихъ и намѣренъ заняться не шутя благосостояніемъ *истиннымъ* своего огромнаго имѣнія и людей, ему подвластныхъ.

Передайте при семъ слѣдующее письмо к. Одоевскому, а княгину О. поблагодарите много за ея доброту.

Петербургъ, 5 мая (1847). *Гр. А. М. Виельгорская Гоголю.*

Любезный Николай Васильевичъ, мнѣ много вамъ сказать сегодня, но начнемъ съ самаго великаго для васъ. Вы желали, чтобы государь прочелъ ваши, цензурою не пропущенныя, письма, но папенька, кн. Вяземскій и Плетневъ—другого мнѣнія. Плетневъ вамъ, вѣрно, писалъ, что онъ эти самыя письма прочелъ великому князю и что Александръ Николаевичъ согласился съ цензурою. Вотъ отчего папенька думаетъ, что теперь лучше по-

дождать, а въ будущій годъ выдать второе изданіе вашей книги и тогда ужъ постараться напечатать и запрещенныя ваши статьи, конечно, съ согласіемъ (согласія?) государя. Покамѣстъ папенька, князь Вяземскій и, кажется, Плетневъ хотятъ собираться каждое воскресенье, чтобы прочесть вмѣстѣ вашу рукопись и чтобы сдѣлать тѣ замѣчанія и пропуски, которые покажутся имъ нужными.

Теперь насчетъ вашего желанія узнать сколько можно мнѣній о вашей книгѣ я, кажется, не могу вамъ ничего новаго сказать. Ваши московскіе и петербургскіе друзья вамъ, вѣрно, подробно о томъ писали, и я слышала, что вамъ даже послали до васъ касающіяся напечатанныя статьи... И отчего, любезный Николай Васильевичъ, вы такъ хотите узнать мнѣнія другихъ? Вы вѣдь пишете по своему убѣжденію и не можете переимѣнить его по волѣ другихъ? Конечно, критика можетъ во многомъ быть вамъ полезна, но мнѣ кажется, что вы не должны слишкомъ заниматься ею и что довольно, ежели вы ее спокойно примете, не искавши ее сами съ такой ревностью. Вы это, вѣрно, дѣлаете изъ смиренія и изъ истиннаго желанія *de vous éclairer*, но въ то же время помните, любезный Николай Васильевичъ, что ваше имя и вашъ талантъ обязываютъ васъ быть самостоятельнымъ и что вы должны имѣть нѣкоторое уваженіе къ самому себѣ и къ званію писателя, важность и высоту которой (котораго) вы сами такъ глубоко чувствуете.

8-го мая ¹⁾ Плетневъ былъ разъ у насъ съ дочерью, которая премиленькая. Она не очень хороша собой, но у нея пріятная фізіономія; видно, что она должна быть очень добра и чувствительна. Отецъ даетъ ей, кажется, самое лучшее воспитаніе *sous tous les points de vue*.

Довольны ли вы моею отчетливостью? Но вы меня еще просили писать вамъ, какъ мнѣ понравится молодой Апраксинъ. Я его вовсе не видала. Онъ былъ разъ у маменьки, а потомъ заболѣлъ на всю зиму и весной, какъ только онъ выздоровѣлъ, онъ отправился въ Москву. У насъ все идетъ изрядно, то-есть теперь.

Маменька страдала всю зиму глазами и нынче мѣсяцъ, что она не вышла изъ дому, но теперь ей, слава Богу, гораздо лучше. Матвѣй Юрьевичъ уѣхалъ въ Берлинъ повидаться съ братомъ, но воротится къ намъ въ концѣ этого мѣсяца. Il a aussi été question pour nous poŭхать за границу, чтобы взять гдѣ-нибудь въ Сѣверномъ или Балтійскомъ морѣ морскія купанья.

¹⁾ Продолженіе того же письма.

Докторъ говорилъ, что это для насъ всѣхъ очень нужно, но я предвижу впередъ, что мы никуда не поѣдемъ и просто останемся все лѣто въ Павлинѣ.

Я вамъ писала прошедшій разъ въ довольно грустномъ расположеніи, изъ котораго я, слава Богу, мало-по-малу поднимаюсь, и я надѣюсь, что лѣтнее время, которое приближается, подѣйствуетъ укрѣпительнымъ образомъ на насъ всѣхъ. Первы Софьи Михайловны и маменьки также не въ самомъ лучшемъ состояніи.

А какъ ваше здоровье, любезный Николай Васильевичъ? Неужели ваши бессонницы продолжаются до сихъ поръ? Онѣ ужасно дѣйствуютъ на нервы. Прежде всего постарайтесь спать и употребите для сего всѣ возможныя средства, а во-вторыхъ, постарайтесь быть какъ можно болѣе спокойны духомъ, не думайте слишкомъ много о насъ, о Россіи, о судьбѣ и вліяніи вашей книги, словомъ, сдѣлайте на короткое время эгоистомъ, заботьтесь только о вашемъ здоровьѣ, и, дѣлая это, вы именно будете заботиться о насъ, которые такъ желаемъ вашего выздоровленія и скорого приѣзда въ Россію. Ежели вамъ трудно много писать, такъ оставьте лучше вашу обширную корреспонденцію и ограничьтесь только необходимымъ. Не забывайте насъ, однако же, въ необходимомъ.

Мы скоро переѣдемъ на дачу. Нынѣшняя весна хуже обыкновеннаго. Не знаю, будетъ ли у насъ лѣто этотъ годъ. Маменька не можетъ переносить петербургскій климатъ, который имѣетъ на нее грустное вліяніе, и она очень желаетъ уѣхать отсюда на нѣсколько мѣсяцевъ. Можетъ быть, мы еще увидимся это лѣто. Ежели мы на что-нибудь рѣшимся, я вамъ сейчасъ напишу.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ! Всѣ мои родные кланяются вамъ сердечно. Папенька поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобъ о второмъ изданіи вашей книги не беспокоились, что все будетъ сдѣлано.

Да хранить васъ Богъ во всемъ.

Анна Мих. В.

Франкфуртъ. 8-го іюня. *Гоголь А. М. Віельморской.*

Очень васъ благодарю, добрѣйшая Анна Михайловна, за ваше письмо и всѣ извѣстія. Богъ да поможетъ вамъ за это самое ровное и спокойное расположеніе духа, какое бываетъ только въ раю, гдѣ, по выраженію простолюдиновъ, ни холодно, ни жарко, а самая середина. Оно и не мудрено, потому что Богъ есть (дѣйствительно) середина всего, а покой—та высшая минута

состоянія душевнаго, къ которой все стремится. Благодарю за ваши дружескіе совѣты и за ваши заботы. Я, слава Богу, покоенъ довольно и, мнѣ кажется, даже здоровьемъ нѣсколько лучше.

О толкахъ на мою книгу я заботился потому, что мнѣ нужно знать необходимо, въ какомъ состояніи находятся у насъ головы и души. Это нужно знать нашему брату для того, чтобы рѣчь писателя попала въ надлежащій тонъ — ни выше, ни ниже потой противу того, какъ слѣдуетъ быть ¹⁾, чтобы большее количество людей насъ поняло. Въ моей же книгѣ, какъ вы знаете, слогъ рѣчи очень поднялся. Это, можетъ быть, и лучше для четырехъ-пяти челоуѣкъ, но для другихъ дико. То же можно бы выразить попроще, но до этой простоты нужно вырости самому — вотъ бѣда! Это всегда бываетъ съ тѣми, которые строятся и воспитываются ²⁾.

Я теперь во Франкфуртѣ. Откуда ѣду въ Остенде, гдѣ пробуду до первыхъ чиселъ сентября, послѣ чего въ Италію, а тамъ на Востокъ.

Перецѣлуйте всѣхъ вашихъ отъ мала до велика и скажите имъ, что мысли мои не разстаются съ ними, что это бываетъ что-то въ родѣ маленькой рюмочки драгоценнаго вина, какое выпивается только въ праздники послѣ обѣда. И Софья Михайловна, и вы, и графиня, ваша маменька, въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваетесь.

Увѣдомьте меня, на что вы рѣшились и гдѣ проводите лѣто.

Александра Осиповна родила сына Михаила ³⁾, о чемъ, вѣроятно, уже знаете. Извѣстіе объ этомъ меня очень обрадовало, тѣмъ болѣе, что и самое здоровье ея отъ того не разстроилось. Вы, кажется, лѣтомъ съ нею увидите? Думалъ-было и я ее увидеть, также какъ и васъ, особенно когда услышалъ, что доктора предписываютъ морскія ванны. Но кажется, что еще не скоро опредѣлено мнѣ увидаться съ друзьями; видно для того, чтобы я приучался довольствоваться ихъ образомъ, не подверженнѣмъ осезанію пяти чувствъ нашихъ; видно за тѣмъ, чтобы мы помнили, что если хотимъ увидѣться, то должны стремиться къ Тому, въ Которомъ всѣ увидимся и гдѣ нѣтъ разлуки.

Но прощайте. Весь вашъ Г.

¹⁾ Ср. сходныя мысли въ „Авторской Исповѣди“ и въ письмахъ Гоголя.

²⁾ Сходныя мысли Гоголя выражаетъ въ письмѣ къ о. Матвѣю (VI, 392—396) и въ „Авторской Исповѣди“.

³⁾ Михаилъ Николаевичъ Смирновъ родился 30-го мая 1847 г., а умеръ въ февралѣ 1859 г. въ Одессѣ.

Остенде, 8-го августа 1847 г. *Гоголь гр. Л. К. Віеморской.*

Не могу вамъ изъяснить, какъ меня пріятно изумило ваше письмо, возбѣдившее о близости вашего присутствія. Такъ какъ вы не подписали вашего имени, то я прочелъ его раза два, желая удостовѣриться, точно ли оно отъ васъ, и точно ли это вы—та самая графиня Луиза Карловна, съ которой мы такъ пріятно ссорились и такъ пріятно мирились, какъ дай Богъ всѣмъ людямъ такъ ссориться и такъ мириться.

Дай Богъ, чтобы вамъ помогъ Висбаденъ; въ такомъ случаѣ я готовъ благодарить Юнке отъ души за то, что разлучилъ насъ на три недѣли. Я буду васъ здѣсь дожидаться.

Скажите, какой Апраксинъ въ Нордерне? Вы написали: Викторъ Степановичъ. Если это сынъ Софьи Петровны, Викторъ Владиміровичъ, то я ему просто напишу, чтобы онъ пріѣзжалъ сюда. Зачѣмъ ему сидѣть тамъ, гдѣ, вѣроятно, никого у него нѣтъ знакомыхъ, а здѣсь будетъ, безъ сомнѣнія, и дядя его гр. Александръ Петровичъ Толстой, хоть на двѣ недѣли, Хомяковъ, Мухановъ, и съ вами, вѣроятно, также будетъ ему пріятно встрѣтиться. Напишите мнѣ хоть двѣ строчки и о томъ, какъ вы проводите время въ Висбаденѣ, и передайте объ этомъ же просьбу мою Аннѣ Михайловнѣ, добрѣйшей и незлобивѣйшей изъ всѣхъ Аннѣ Михайловнѣ, какія когда-либо были на свѣтѣ. Я уже, признаюсь, хотѣлъ-было ѣхать къ вамъ въ Висбаденъ, но, опасаясь безтолковщины, которая могла бы произойти, не столько по части моего здоровья, сколько по части нѣкоторыхъ распоряженій, ради которыхъ нельзя было подняться раньше недѣли, призадумался.

Здоровье мое на нынѣшній разъ не получаетъ значительной поправки отъ ваннъ. Сдѣлалось-было даже такіе недуги, вслѣдствіе которыхъ я долженъ былъ прекратить на время ванны, но здоровье духа моего довольно крѣпко. Начинаю вновь понемногу купаться.

Мнѣ кажется, что для глазъ вашихъ морское купанье особенно будетъ цѣлбно. Вы помните, какъ въ виду васъ графъ Толстой, Александръ Петровичъ, который передъ пріѣздомъ въ Остенде не могъ читать, къ концу одного мѣсяца началъ читать безъ очковъ самую мелкую печать.

Но прощайте, спѣшу переслать вамъ эти строки поскорѣе, потому что почты стали неизвѣстно почему медленны: ваше письмо изъ Берлина шло сюда ровно недѣлю. До свиданія.

Прощайте, весь вашъ, любящій васъ всѣхъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде.

Н. Гоголь.

Остенде. Августа 14-го дня. 1847 г. *Гоголь гр. Л. Е. Вильморской.*

Письмо Луизы Карловны было расцѣловано за неимѣніемъ *на-лицо* ея ручки.

Я, точно, чуть-было не уѣхалъ въ Лондонъ съ Хомяковымъ, и жалѣю, что этого не сдѣлалъ, потому что въ вашемъ пріѣзду въ Остенде успѣлъ бы возвратиться всячески. Но я такъ боялся, что въ отсутствіе мое можетъ быть отъ васъ получено письмо, въ которомъ вы какъ-нибудь перемѣните планъ свой, и, не будучи въ возможности сообразиться съ нимъ, я могу потерять съ вами нѣсколько дней свиданія, что это навело безпокойство на духъ мой, и я думаю, что я не въ силахъ былъ бы спокойно разсматривать Лондонъ, какъ ни велико было мое желаніе осмотрѣть многое мнѣ нужное. Я и теперь не могу пріучить себя къ той мысли, что вы такъ близко отъ меня и я васъ не вижу. Увѣдомьте меня сей же часъ, если вы раздумаете ѣхать въ Остенде: я его сейчасъ же брошу и пріѣду къ вамъ. Мнѣ бы хотѣлось, передъ моимъ большимъ, предстоящимъ мнѣ путешествіемъ ¹⁾, на васъ наглядѣться вдоволь. Квартира будетъ вамъ отыскана, какъ только вы напишете утвердительно письмо и означите въ немъ день вашего пріѣзда.

Здѣсь изъ вашихъ знакомыхъ покуда Мухановъ и Глѣбовъ-Стрѣшневъ, очень добрый человѣкъ, который отчасти вамъ и родственникъ. Есть еще нѣсколько русскихъ, но самое главное то, что въ Остенде можно почти никого не видать, если захотите. Несмотря на маленькое мѣсто, занимаемое городомъ, люди никакъ не встрѣчаются и не сталкиваются, именно потому, что по причинѣ морского вѣтра всякъ отворачиваетъ свое лицо въ сторону и прижмуриваетъ глаза.

На это письмоцо напишите хоть двѣ строчки—или вы, или Анна Михайловна, или Михаилъ Михайловичъ, а я покуда обнимаю васъ всѣхъ мысленно, какъ ближайшихъ моему сердцу и душѣ. Христосъ съ вами. Спѣшу отнести скорѣй это письмо на почту.

Вашъ Н. Г.

Остенде. 1847. *Гоголь гр. А. М. Вильморской.*

Ваше милое письмоцо получилъ.

Конечно, жалко, что не поѣхалъ я съ Хомяковымъ въ Лондонъ, но такъ какъ это уже прошло, и какъ безъ Хомякова мнѣ не хочется тамъ быть, а Хомякову уже время возвратиться на-

¹⁾ Въ Иерусалимъ.

заль, то я попеченіе объ этомъ отложилъ, тѣмъ болѣе, что Лондонъ какъ-то въ глазахъ моихъ поблѣднѣлъ, можетъ быть, оттого, что Висбаденъ сталъ заманчивъ и выгналъ его изъ головы. Мнѣ было очень пріятно увидѣть изъ вашихъ строкъ, что Висбаденъ, кажется, дѣйствуетъ на васъ благотворно.

Отъ Апраксина, который теперь здѣсь, я покуда разспросилъ о васъ; хотъ извѣстій было и немного и онъ васъ видѣлъ мало, но мнѣ пріятно было услышать о васъ и немногое.

Море здѣсь по прежнему лижетъ остендскую плотину, издаетъ фосфорическій свѣтъ и грѣетъ спины купающихся, ожидая съ нетерпѣніемъ вашихъ. Дни были хорошіе до вчерашняго дня. Со вчерашняго же дня начались ненастные, т.-е. тѣ самыя, которые посреди земли называются дурными, для тѣхъ же, которые живутъ при морѣ и купаются—очень хороши.

Жду васъ нетерпѣливо и всѣхъ обнимаю мысленно. Вашъ Г.

Петербургъ, 7-го ноября (1847). *А. М. Віельгорская Гоголю.*

Мы оба, любезный Николай Васильевичъ, не сгѣшили выполнить своего обѣщанія писать другъ другу, какъ скоро мы будемъ на мѣстѣ, слѣдовательно я не спрашиваю у васъ прощенья, потому что вы столько же виноваты, какъ и я.

Мы пріѣхали въ Петербургъ 30-го сентября, нашего стиля, на „Владимірѣ“, послѣ самаго прекраснаго и тихаго, не совсѣмъ трехдневнаго мореплаванія. Мы нашли здѣсь всѣхъ нашихъ совершенно здоровыми. Софья Михайловна такъ потолстѣла, что больше на себя не похожа. Вы, которые столько любите, чтобы женщины были полны, сильны и свѣжаго цвѣта лица, вы бы очень были бы довольны теперешней наружностью Софьи Михайловны. Мужъ ея до сихъ поръ не воротился. Онъ все въ деревнѣ, занимается дѣлами, которыя не въ завидномъ положеніи. Въ его отсутствіе сестра всегда спокойнѣе и веселѣе; не знаю, какъ будетъ нынче, но я очень боюсь, что разстроенныя дѣла ея мужа наведутъ на нее новыя непріятности и безпокойствія. Она и Владиміръ желаютъ уѣхать весной въ деревню, чтобъ остаться тамъ, по крайней мѣрѣ, годъ сряду и, можетъ быть, и больше. Маменька, съ другой стороны, не можетъ объ этомъ думать хладнокровно и говорить, что она не пуститъ сестру одну въ деревню (съ такимъ мужемъ). Я предвижу много непріятностей, но не надобно бояться напрасно: Богъ все устроить, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ мы ожидаемъ, или ежели пошлетъ намъ испытанія, такъ онъ дастъ намъ силу вынести ихъ. Собою я не слишкомъ недовольна: съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь,

я все была спокойна и расположена всѣмъ наслаждаться и всѣмъ заниматься. Вы справедливо говорили, что рисованіе будетъ для меня очень полезно противъ уныніа. Я все продолжаю рисовать съ большой охотою и хочу непременно взять хорошаго учителя *pour faire des progrès en peu de temps*. Я нетерпѣлива рисовать хорошо и быть въ состояніи не копировать, а выражать свои собственные мысли.

Не могу кончить письмо мое, не давши вамъ извѣстіа о холерѣ. Говорятъ, что она совсѣмъ не сильна въ Москвѣ и гораздо менѣе смертельна, чѣмъ мѣсяць тому назадъ. Въ Петербургѣ она еще не показалась. Мы до сихъ поръ имѣли самую нездоровую погоду, но съ третьяго дня пошелъ, къ счастью, снѣгъ и морозъ.

Ожидаю письмо отъ васъ съ нетерпѣніемъ.

1848. Мальта, 28-го января. *Гоголь гр. А. М. Віеморской.*

Я получилъ ваше письмецо, моя добрѣйшая Анна Михайловна! Вѣроятно, въ одно время и вы получили мое. Благодарю васъ за то, что меня не забываете. Въ Петербургѣ же, мнѣ кажется, всѣ прочіе пріятели меня позабыли. Отъ Плетнева я четыре мѣсяца уже не получаю ни строчки. Отъ Александры Осиповны тоже ничего. Отъ любезнаго ея брата, Аркадія Осиповича тоже ничего. Словомъ, точно какъ-будто всѣ сговорились не писать. Отчасти я подозреваю и почты. Неаполь заѣлъ уже много мнѣ нужныхъ писемъ.

Пишу къ вамъ теперь изъ Мальты. Странствованія мои по Средиземному морю, какъ видите, уже начались. Изъ Неаполя меня выгнали раньше, чѣмъ я полагалъ, разныя политическія смуты и безтолковщина, во время которыхъ трудно находиться иностранцу, любящему миръ и тишину. Притомъ же пора и къ Святому Гробу. Несмотря на то, что далеко не въ томъ состояніи души, въ какомъ бы хотѣлось быть для этого путешествія, несмотря на всѣ черствость и прозу души своей¹⁾, я все-таки благодарю Бога, что тронулся въ дорогу, хотя не безъ ужаса помышляю о всѣхъ предстоящихъ затрудненіяхъ, впереди которыхъ стоитъ *морская болѣзнь*, для меня ужаснѣйшая всего. До Мальты я въ силу-силу добрался. Ни одна душа на всемъ кораблѣ такъ не страдала, а между тѣмъ время было, кажется,

¹⁾ Гоголь не раньше хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ, какъ получилъ бы указанія Божіа „въ полутномъ ходѣ всѣхъ къ тому споспѣшествующихъ обстоятельствъ и въ отстраненіи всѣхъ препятствій“ (Соч. Гог., изд. Кулиша, VI, 298).

и не совсѣмъ бурное ¹⁾. Если бы еще такого адскаго состоянія были одни сутки, меня бы не было на свѣтѣ.

Изъ письма графини Анны Егоровны Толстой къ своему мужу я узналъ, что Александра Осиповна теперь съ вами и все еще продолжаетъ страдать и болѣть нервами. Скажите, что я о ней думаю ежедневно и буду просить всѣхъ людей, умѣющихъ молиться, о ней помолиться. Скажите ей, чтобы она хоть сколько-нибудь строчекъ мнѣ написала, адресуя все въ Константинополь на имя нашего посольства.

Затѣмъ приношу вамъ благодарность всѣмъ, какъ вамъ самимъ, такъ и всему вашему роду и племени графовъ Вѣльгорскихъ за вашу дружбу ко мнѣ и пріязнь, за ваши милыя и добрыя души и да сохраните васъ Богъ всѣхъ цѣлыхъ и невредимыхъ, а Софью Михайловну поцѣлуйте за меня отъ всей моей души.

Скажите всѣмъ моимъ пріятелямъ, кто будетъ такъ добръ и захочетъ писать ко мнѣ, чтобы всѣ письма адресовали въ Константинополь.

Прощайте, весь вашъ Н. Г.

Полтава, 1848 г., іюнь 15. *Гоголь гр. А. М. Вѣльгорской.*

Увѣдомьте меня нѣсколькими строчками какъ о себѣ, такъ и о всемъ близкомъ сердцу моему вашему семействѣ, добрѣйшая моя Анна Михайловна! Можетъ быть, мнѣ удастся на нѣсколько деньковъ заглянуть къ вамъ въ Петербургъ около августа мѣсяца. Хотя это и не совсѣмъ для меня удобно, но мнѣ такъ хочется увидать и обнять многихъ, что я, вѣроятно, употреблю съ своей стороны всѣ силы къ тому, несмотря на повсемѣстныя холеры, болѣзни и всякія безчинства, а покуда, пожалуйста, не забывайте бѣдную Александру Осиповну, которая, какъ я вижу изъ маленькаго письма ея, страдаетъ тяжело и томительно. Не позабывайте навѣщать ее какъ можно почаще. Просите также Михаила и Матвѣя Юрьевича навѣщать ее. Софья Михайловна, вѣрно (если она только въ Петербургѣ), бываетъ у нея.

Увѣдомьте также о здоровьѣ государя и государыни и часто ли вы ихъ видите.

Я почти не имѣю ни откуда никакихъ извѣстій, и несмотря на то, что живу теперь въ Россіи, знаю и слышу меньше о Россіи, чѣмъ сколько слышалъ о ней, бывши за границей; лѣтомъ, какъ извѣстно, у насъ все томится отъ жару и ни о чемъ никому не пишеть.

¹⁾ О страданіяхъ Гоголя отъ морской болѣзни см. Соч. Гог., изд. Кул., VI, 449 и 451.

Адресуйте въ Полтаву, около которой невдалекѣ находится деревенька моей матери, гдѣ я на время приостановился. Письмо ваше я еще успѣю получить до отъѣзда моего въ Москву. Прощайте, добрая Анна Михайловна. Поцѣлуйте за меня ручки вашей маменьки и обнимите всѣхъ, начиная съ Михаила Юрьевича. Какъ мнѣ жаль будетъ, если Софья Михайловна уѣдетъ въ деревню и я ее не застаю въ Петербургѣ.

Весь вашъ Н. Г.

Павлино, 8-го іюля 1848 г. Гр. А. М. Вилморская Гололю.

Наконецъ, вы въ Россіи, любезный Николай Васильевич! Какъ мы обрадовались этимъ извѣстіемъ! Теперь мы надѣемся васъ скоро увидѣть здѣсь въ Павлинѣ.

Довольны ли вы вашимъ путешествіемъ, вашимъ здоровьемъ? Что вы мнѣ не говорите словечко о вашемъ пребываніи въ Іерусалимѣ? Вы знаете, какъ это меня интересуеетъ. Впрочемъ, когда вы къ намъ пріѣдете, мы успѣемъ поговорить обо всемъ.

У насъ, слава Богу, все шло хорошо до сихъ поръ. Здѣсь въ Павлинѣ было только два случая холеры, и то еще ихъ очень скоро могли преодолѣть. Въ городѣ холера была очень сильна, какъ вы, вѣрно, сами читали въ газетахъ, но она теперь съ каждымъ днемъ уменьшается. Доктора говорятъ, что ежели ходъ болѣзни пойдетъ естественнымъ образомъ (это очень вѣроятно), то въ концѣ нынѣшняго мѣсяца ужъ почти не будетъ больше холеры въ Петербургѣ.

Вся царская фамилія въ Петергофѣ, гдѣ было также нѣсколько случаевъ холеры. Государь, слава Богу, здоровъ и государыня очень поправилась. Папенька видитъ ихъ каждую недѣлю, а мы были въ Петергофѣ три или четыре раза. Нынѣшнее лѣто очень мало собраній при дворѣ. Государь не хочетъ, чтобы веселились, пока холера будетъ здѣсь свирѣпствовать.

Про Александру Осиповну ничего не могу сказать вамъ. Мы здѣсь на петергофской дорогѣ, а она въ Павловскѣ. Впрочемъ братъ ея Аркадій часто сюда ѣздитъ и даетъ намъ извѣстія о сестрѣ. Она все въ томъ же положеніи: у нея нѣтъ другой болѣзни, кромѣ разстройства нервъ. Нашъ докторъ, къ которому мы имѣемъ большую довѣренность, убѣжденъ, что она выздоровѣетъ, но онъ ее не лечитъ.

Прощайте, любезный Николай Васильевич! приѣзжайте къ намъ скорѣе: мы васъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и увидимъ съ душевной радостью. Вы застанете здѣсь все семейство, за исклю-

ченіемъ Владиміра ¹⁾, который въ Симбирскѣ, и брата, который въ Берлинѣ. До свиданія. А. В.

Москва. Октября 29-го, 1848 г. *Гоголь гр. А. М. Вильгорской.*

Какъ вы? какъ здоровье ваше, добрыйшая моя Анна Михайловна? Что до меня, я только-что оправляюсь отъ бессонницъ своихъ, которыя продолжались даже и здѣсь, въ Москвѣ, и теперъ только начинаютъ прекращаться.

Москва уединенна, покойна и благопріятна занятіямъ. Я еще не тружусь такъ, какъ бы хотѣлъ ²⁾, чувствуется нѣкоторая слабость, еще нѣтъ этого благодатнаго расположенія духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чувствуетъ и сердце исполнено трепетнаго ожиданія этого желаннаго времени: напишите мнѣ нѣсколько строчекъ о вашихъ занятіяхъ и состояніи духа вашего.

Я любопытенъ знать, какъ начались у васъ русскія лекціи. Покуда я еще не присылаю вамъ списка книгъ, долженствующихъ составить русское чтеніе въ историческомъ отношеніи. Нужно мнѣ обнять и разсмотрѣть предварительно, чтобы умѣть подать вамъ одно за другимъ въ порядкѣ, чтобы не очутился супъ послѣ соуса и пирожное прежде жареного. Напишите, какъ распорядается мой *адъюнктъ-профессоръ*, и въ какомъ порядкѣ подаетъ вамъ блюда. Я очень увѣренъ, что онъ вамъ скажетъ очень много хорошаго и нужнаго, и въ то же самое время увѣренъ, что и мнѣ останется мѣсто вставить въ свою рѣчь и прибавить что-нибудь такого, что онъ позабудетъ сказать. Это зависитъ не отъ того, чтобы я больше его былъ начитанъ и ученъ, но отъ того, что всякій сколько-нибудь талантливый ³⁾ человекъ имѣетъ свое оригинальное, собственно ему принадлежащее, чутье, вслѣдствіе котораго онъ видитъ цѣлую сторону, другимъ неприличную. Вотъ почему мнѣ хотѣлось бы сильно, чтобы наши лекціи съ вами начались вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Послѣ нихъ легче и свободнѣе было бы душѣ моей говорить о многомъ. Много сторонъ русской жизни еще доселѣ не обнаружено ни однимъ писателемъ. Хотѣлъ бы я, чтобы по прочтеніи моей книги люди всѣхъ партій и мнѣній сказали: „онъ знаетъ

¹⁾ О встрѣчѣ во время этой поѣздки въ Симбирскъ В. А. Солмогуба съ К. Д. Кавелинымъ интереснѣйшій рассказъ въ биографіи Кавелина, составленной г. Корсаковымъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1886 г.

²⁾ Ср. въ „Воспоминаніяхъ о Гоголѣ“ Н. В. Берга, „Русская Стар.“, I, стр. 124.

³⁾ Сверху, надъ словомъ: талантливый, Гоголемъ написано еще другое слово: „даровитый“.

точно русскаго человѣка; не скрывши ни одного нашего недостатка, онъ глубже всѣхъ почувствовалъ наше достоинство“. Хотѣлось бы также заговорить о томъ, о чемъ еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чемъ неясные звуки и намеки были уже разсѣяны въ самыхъ первоначальныхъ моихъ сочиненіяхъ. Ихъ не всякій замѣтилъ.

Но въ сторону это. Не забудьте рядомъ съ русскою исторіею читать исторію русской церкви: безъ этого многое въ нашей исторіи темно. Сочиненіе Филарета Рижскаго теперь вышло цѣлкомъ: пять книжекъ; ихъ можно переплести въ одинъ томъ. Книга эта есть, кажется, у Михаила Юрьевича, котораго при этомъ случаѣ обнимите за меня крѣпко.

О здоровьѣ вновь вамъ инструкція: ради Бога, не сидите на мѣстѣ болѣе полутора часа, не наклоняйтесь на столъ: ваша грудь слаба, вы это должны знать. Старайтесь всѣми мѣрами ложиться спать не позже одиннадцати часовъ. Не танцуйте вовсе, въ особенности бѣшеныхъ танцевъ: они приводятъ кровь въ волненіе, но правильнаго движенія, нужнаго тѣлу, не даютъ. Да и вамъ же совсѣмъ не въ лицу танцы: ваша фигура не такъ стройна и легка. Вѣдь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достовѣрно? Вы бываете хороши только тогда, когда въ лицѣ вашемъ появляется благородное движеніе; видно, черты лица вашего затѣмъ ужъ устроены, чтобы выражать благородство душевное; какъ скоро же нѣтъ у васъ этого выраженія, вы становитесь дурны.

Бросьте всякіе, даже и малые, выѣзды въ свѣтъ: вы видите, что свѣтъ вамъ ничего не доставилъ. Вы искали въ немъ душу, способную отвѣчать вашей, думали найти человѣка, съ которымъ объ руку хотѣли пройти жизнь, и нашли мелочь да пошлость. Бросьте же его совсѣмъ. Есть въ свѣтѣ гадости, которыя, какъ репейники, пристають къ намъ, какъ бы мы ни осматривались. Къ вамъ кое-что уже пристало; чтѣ именно, я покуда не скажу. Храни васъ Богъ также отъ поползновенія на такъ-называемую свѣтскую любезность. Сохраняйте простоту дитяти — это лучше всего. *Наблюдайте святыню совѣсти!*

Вотъ чтѣ мнѣ свазалъ одинъ разъ святой отшельникъ, — я тогда не понялъ этихъ словъ, но чѣмъ далѣе вхожу въ нихъ, тѣмъ глубже слышу ихъ мудрость: — еслибы мы подходили ко всякому человѣку какъ къ святынь, то и собственное выраженіе лица нашего становилось бы лучше, и рѣчь наша облеклась бы въ то приличіе, ту любовную, родственную простоту, которая всѣмъ правится и вызываетъ съ ихъ стороны то же располо-

женіе къ намъ, такъ что не скажетъ намъ никто неприличнаго или дурнаго слова. Не пропускайте бесѣды съ такими людьми, отъ которыхъ вы можете многому поучиться, не смущайтесь тѣмъ, если они имѣютъ черствую наружность. Будьте только къ нимъ внимательны, умѣйте ихъ спрашивать, и они съ вами разговаряются.

Помните, что вы должны сдѣлаться русскою по душѣ, а не по имени. Кстати: не позабудьте же, что вы мнѣ обѣщали всякій разъ, когда встрѣтите Даля, заставлять его разсказывать о бытѣ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русскаго ума. Когда случится вамъ видѣть Плетнева, не забывайте его спрашивать о всѣхъ русскихъ литераторахъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. Эти люди болѣе русскіе, нежели люди другихъ сословій, и потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснить вамъ еще удовлетворительнѣе русскаго человѣка. Если будете видѣться съ Александрой Осиповной, говорите съ ней только о Россіи. Въ послѣднее время она много увидѣла и узнала изъ того, что дѣлается внутри Россіи. Она также можетъ вамъ назвать многихъ замѣчательныхъ людей, съ которыми разговоръ не бесполезенъ. Словомъ, имѣйте теперь дѣло съ тѣми людьми, которые уже не имѣютъ дѣла со свѣтомъ и знаютъ то, чего не знаетъ свѣтъ.

Богъ да хранить васъ! Прощайте, не забывайте меня и пишите чаще. Дѣлайте мнѣ такія же черствыя и жесткія наставленія, какъ я вамъ, не скрывая дурнаго, которое во мнѣ замѣтили. Мы вѣдь это обѣщали другъ другу.

Вашъ весь Н. Г.

Обѣихъ сестрицъ—и Аполлинію, и Софью Михайловну обнимите крѣпко. Въ письмахъ мнѣ покуда надписывайте такъ: на Тверской, въ конторѣ „Москвитянина“. Черезъ недѣлю переѣзжаю и пришлю адресъ новой квартиры.

7 ноября (1848). Гр. А. М. Виельгорская Гоголю.

Любезный Николай Васильевичъ, вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ вы отъ насъ уѣхали и до сихъ поръ мы не получили отъ васъ никакихъ извѣстій. Французская пословица говоритъ: „pas de nouvelles, bonnes nouvelles“; такъ я надѣюсь, что вы совершенно здоровы и что будущее ваше письмо меня утвердитъ въ моемъ предположеніи.

Мнѣ очень хочется знать, что вы дѣлаете съ тѣхъ поръ, что вы въ Москвѣ, какъ вы себя чувствуете и какъ вы перенесли

первые морозы. Отвѣчайте пожалуйста на всѣ мои вопросы. Вы знаете, что у меня съ давнихъ поръ водится грѣхъ вамъ доучать вопросами; слѣдовательно я прошу васъ одинъ разъ навсегда не гнѣваться за то на меня, но отвѣчать на мои вопросы съ вашей прежней благосклонностью.

Вамъ будетъ, можетъ быть, пріятно слышать, что наши занятія съ Владиміромъ Александровичемъ продолжаются очень правильнымъ образомъ, и что онъ самъ, какъ и мы, находитъ ихъ очень увлекательными. Два раза въ недѣлю мы собираемся у него для урока, а прочее время, то-есть каждый день отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ, мы обрабатываемъ и пишемъ то, о чемъ онъ именно говорилъ во время урока. Владиміръ готовится очень серьезно передъ каждой изъ нашихъ бесѣдъ, и въ самомъ дѣлѣ надобно признаться, что онъ нашелъ касательно предметовъ, нами теперь разсматриваемыхъ, много дѣльных и замѣчательныхъ взглядовъ. Со временемъ онъ намѣренъ привести въ порядокъ наши и его труды объ исторіи русскаго языка и русской литературы, обработать ихъ совершенно и составить изъ нихъ книгу. Онъ заставляеть насъ читать много русскихъ народныхъ пѣсенъ, чтобы мы вникнули въ духъ русскаго народа и поучились бы кореннымъ русскимъ выраженіямъ.

Теперь прощайте, любезный Ниволай Васильевичъ, будьте здоровы, какъ мы здѣсь всѣ здоровы, и отвѣчайте мнѣ поскорѣе. Да сохранить и подрѣпить васъ Господь въ предпринятому вами дѣлу. А. В.

Декабря 28. Москва (1848). *Гоголь гр. А. М. Вѣлморской.*

Мы перекинулись по письму и потомъ оба замоленули. У меня произошло это оттого, что хотѣлось дать вамъ утѣшительный отвѣтъ на ваши добрые, милые обо мнѣ запросы. Но до сихъ поръ все какъ-то не устраивалось въ порядокъ: ни здоровье, ни жизнь, ни труды и занятія. Впрочемъ говорить такъ—можетъ быть, уже неблагодарность. Все же я не прикованъ къ постели, но хожу и двигаюсь, все же хоть и съ трудомъ, но переносу морозъ и холодъ; все же хотя и медленно, но движется трудъ и занятія.

Богъ въ помощь вамъ, добрый, близкій другъ! Передъ наступленіемъ новаго года душа моя пожелала сказать вамъ: „Богъ въ помощь!“ Чего пожелать вамъ? Да водворится въ наступающемъ году свѣтлая, твердая тишина въ душѣ вашей и вознесеть васъ выше всякихъ смущеній! Да сопутствуютъ вамъ святая сила въ прекрасномъ стремленіи вашемъ быть русскою, въ зна-

ченія выспемъ этого слова. Лучше этого я не знаю, чего вамъ пожелать. Прощайте, обнимите крѣпко всѣхъ вашихъ, передайте имъ поздравленіе мое съ новымъ (годомъ) и желанье, да будетъ онъ имъ высокое—ликованіе духа! Отключитесь.

Весь вашъ Н. Гоголь.

Адресуйте: въ домъ Талызина на Никитскомъ бульварѣ.

Петербургъ, 17 января (1849). *Гр. А. М. Вильморская Гоголю.*

Какъ вы добры, любезный Николай Васильевичъ, не браните меня въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, когда я это столько заслуживаю. Видно, ужъ всегда мнѣ заслуживать вашъ гнѣвъ моею несправностью въ нашей перепискѣ, а вамъ всегда великодушно прощать меня. Благодарю васъ искренно за все то, что вы мнѣ желаете на нынѣшній годъ. Дай Богъ, чтобы ваши и мои желанія исполнились и чтобы жизнь моя сдѣлалась бы (sic) „прекрасной, свѣтлой“ по вашимъ словамъ, и я прибавляю—полезной себѣ и другимъ. Желаю вамъ то же самое; кажется, лучшаго нельзя желать.

Какъ я рада, что вы прилежно занимаетесь: это доказываетъ сперва то, что вы здоровы и хорошо расположены, а во-вторыхъ общаетъ намъ, хотя, можетъ быть, еще не скоро, новое твореніе вашего пера, которое я (какъ и вся Россія, вѣроятно) ожидаю съ нетерпѣніемъ... Прекрасна судьба истиннаго (sic) даровитаго писателя, которому дано свыше владѣть умами и сердцами людей, котораго вліяніе можетъ быть такъ важно, такъ обширно! У васъ цѣль въ жизни, любезный Николай Васильевичъ! Она васъ совершенно удовлетворяетъ и занимаетъ все ваше время, а какую цѣль мнѣ выбрать? Изъ всего моего рисованія, чтенія и пр., и пр. никакого толку не будетъ. Не сердитесь и не браните меня мысленно! я только что шучу, хотя и не совсѣмъ. Вы хотите знать, какъ я скучаю и какъ веселюсь: мои расположенія мѣняются по прежнему; хотя эта переменчивость иногда мучительна, я утѣшаю себя мыслью, что я этимъ избѣгаю; монотонность—самая скучная вещь по-моему.

Я очень мало выѣзжаю, что мнѣ совершенно по сердцу, но собираются у насъ часто знакомые, которые пріятны и которыхъ я охотно вижу.

Къ несчастію, мы нынѣшнюю зиму не продолжаемъ русскія занятія. Я читаю по-русски, сколько могу, но это еще весьма мало! Вообще литература нашихъ журналистовъ меня вовсе не привлекаетъ. Я все собиралась прочесть Церковную Исторію Евсевія и какъ-то не прочла, однако же когда-нибудь непременно примусь за нее.

Когда мы васъ увидимъ? Впрочемъ, ежели вы заняты въ Москвѣ, жалъ васъ безпокоить.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ; всѣ наши кланяются вамъ сердечно. А. В.

Петербургъ, 15-го января (1849). *Гр. А. М. Вилморская Гоголю.*

Душевно благодарю васъ, любезный Николай Васильевичъ, за ваше милое, дружеское письмо, въ которомъ вы такъ усердно мнѣ желаете всего того, о чемъ я сама молю Бога. Да благословить Онъ и васъ, любезный Николай Васильевичъ, на начавшійся новый годъ и да укрѣпитъ васъ душевно и тѣлесно въ довершенію вашего труда и въ исполненію всѣхъ другихъ подвиговъ, Имъ отъ васъ требуемыхъ.

Надѣюсь, что вы благополучно начали новый годъ. Мы его встрѣтили дома, слѣдуя со вниманіемъ прекраснымъ молитвамъ, которыя читаются въ молебень на этотъ случай. Слѣдующій день я провела очень хорошо, что мнѣ показалось счастливымъ предзнаменованіемъ на весь 49-ый годъ, но послѣ того началось для меня печальное время. Не знаю, помните ли вы ту дѣвицу Амалию, которая была съ нами въ Ниццѣ и въ Парижѣ? Она служила у насъ въ домѣ двѣнадцать лѣтъ, и я ее очень любила. Она захворала перваго января и черезъ четыре дня скончалась, а на слѣдующій день умеръ меньшей братъ одной изъ лучшихъ моихъ пріятельницъ, молодой Фридериксъ, вслѣдствіе чего я провела всю первую недѣлю новаго года въ слезахъ и на панихидахъ. Теперь эти грустныя впечатлѣнія нѣсколько разсѣялись, и я снова поднялась духомъ и готова наслаждаться съ благодарностью всѣми благами, данными намъ Богомъ, которыхъ не умѣемъ совсѣмъ цѣнить въ минуту испытанія, когда видимъ смерть вблизи и когда столь разительно открывается намъ вся суетность всего земного.

Благодарю васъ еще за ваше первое длинное письмо. Я прочла его съ большимъ удовольствіемъ и васъ искренно благодарю за ваше дружеское, братское ко мнѣ участіе. Не безпокойтесь насчетъ моего здоровья: оно укрѣпляется, слава Богу, съ лѣтами, и, кромѣ того, я мало выѣзжаю нынѣшнюю зиму и, слѣдовательно, мало утомляюсь.

Русскія наши занятія, въ несчастію, не продолжаютъ: Владиміръ безпрестанно нездоровъ, встаетъ поздно, и такимъ образомъ охота съ обѣихъ сторонъ, кажется, остыла. Во всякомъ случаѣ надобно будетъ искать другого учителя, потому что Владиміръ отправляется завтра въ Москву.

Александра Осиповна все нездорова, и, къ моему сожалѣнію, мнѣ не удастся ее часто посѣщать. Отъ брата хорошія извѣстія: онъ надѣется прїѣхать къ намъ лѣтомъ. Вы встрѣтитесь съ нимъ, вѣроятно, въ Павлинѣ.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ, берегите себя какъ слѣдуетъ, и да благословитъ васъ Господь во всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ и да услышитъ всѣ ваши молитвы.

А. В.

Москва, 30-го марта 1849. Гоголь гр. А. М. Висльгорской.

Я получилъ милое письмоце ваше, добрѣйшая Анна Михайловна. Оно меня порадовало тѣмъ, что вы не оставляете желанья вашего сдѣлаться русскою. Богъ въ помощь! Нигдѣ такъ не нужна Его помощь, какъ въ этомъ дѣлѣ. Вы говорите, что и мое, и ваше желаніе исполнится, что „*ты сдѣлаешься русской не только душой, но и языкомъ, и познаешь Россіи*“. Я подчеркнулъ эти строки, потому что это ваши собственныя слова. Знаете ли однакоже, что первое труднѣе послѣдняго. Легче сдѣлаться русскою языкомъ и познашь Россіи, чѣмъ русскою душой. Теперь въ модѣ слова: *народность* и *національность*, но это покуда еще одни крики, которые кружатъ головы и ослѣпляютъ глаза. Чтò такое значить сдѣлаться *русскимъ на самомъ дѣлѣ*? Въ чемъ состоитъ привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерывъ, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное. Въ чемъ это она состоитъ? Это нужно разсмотрѣть внимательно! Высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка. Сѣмена Небеснаго Святеля съ равною щедростію были разбросаны повсюду, но одни попали на проѣзжую дорогу при пути и были расхищены налетавшими птицами; другія попали на камни — взошли, но усохли; третьи — въ терніе — взошли, но скоро были заглушены дурными травами; *четвертыя только*, попавшія на добрую почву, принесли плодъ. Эта добрая почва — русская воспримчивая природа: хорошо взлелѣанныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, чтò ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ, для того, чтобы сдѣлаться русскимъ, нужно обратиться къ источнику, прибѣгнуть къ средству, безъ котораго русскій не станетъ русскимъ въ значеніи вышемъ этого слова. Можетъ быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значеніе жизни. Правду словъ этихъ можетъ засвидѣтельствовать только Тотъ, Кто проникнетъ

глубоко въ нашу исторію и ее уразумѣть вполнѣ, отбросивши напередъ всякія мудрованія, предположенія, идеи, самоувѣренность, гордость и убѣжденіе, будто бы уже постигнулъ, въ чемъ дѣло, тогда какъ едва только приступилъ къ нему. Да, въ исторіи нашего народа примѣчается чудное явленіе: развратъ, безпорядки, смуты, темныя порожденія невѣжества, равно какъ раздоры и всякія несогласія, были у насъ еще, быть можетъ, въ обильшемъ размѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо. Они ярко выказываются на всѣхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Но зато въ то же самое время свѣтитса свѣтъ въ избранныхъ сильнѣй, чѣмъ гдѣ-либо. Слышатся также повсюду въ лѣтописяхъ слѣды сокроенной внутренней жизни, о которой подробной повѣсти они намъ не передали. Слышна возможность основанья гражданскаго на чистѣйшихъ законахъ христіанскихъ. Въ послѣднее время стали отыскиваться изъ пыли и хлама старины документы и рукописи въ родѣ Сильвестрова „Домостроя“, гдѣ, какъ по развалинамъ Помпей древній міръ, обнаруживается съ подробнѣйшею подробностью вся древняя жизнь Россіи. Является уже не политическое устройство Россіи, но частный семейный бытъ, и въ немъ жизнь, освѣщенная тѣмъ свѣтомъ, которымъ она должна освѣщаться. Въ наставленіяхъ и начертаніяхъ, какъ вести домъ свой, какъ быть съ людьми, какъ соблюсти хозяйство земное и небесное кромѣ живости подробныхъ обычаевъ старины поражаютъ глубокая опытность жизни и полнота обниманія всѣхъ обязанностей, какъ сохранить домоправителю образъ благости Божіей въ обращеніи со всѣми. Какъ быть его женѣ и хозяйкѣ дома съ мужемъ, съ дѣтьми, съ слугами и съ хозяйствомъ; какъ воспитать дѣтей, какъ воспитать слугъ, какъ устроить все въ домѣ, обшить, одѣть, убрать, наполнить запасами кладовня, умѣть смотрѣть за всѣмъ, и все съ такою подробностью необыкновенной, съ названіемъ вещей, которыя тогда были въ употребленіи, съ именами блюдъ, которыя тогда готовились и ѣлись. Такъ и видишь передъ глазами радушную старину, ея довольство, гостеприимство, радостное умное обращеніе съ гостями съ изумительнымъ отсутствіемъ скучнаго этикета, признаннаго необходимымъ нынѣшнимъ вѣкомъ. Словомъ, видимъ соединеніе Марѳы и Маріи вмѣстѣ или, лучше, видимъ Марѳу не ропщущую на Марію, но согласившуюся въ томъ, что она избрала благую часть, и ничего не придумавшую лучше, какъ остаться въ повелѣніяхъ Маріи, то-есть заботиться только о самомъ немногомъ изъ хозяйства земного, чтобы черезъ это (придти?) въ возможность вмѣстѣ съ Маріей заниматься хозяйствомъ небеснымъ.

Въ послѣднее время стали безпрестанно открываться руко-

писи въ этомъ родѣ. Эти книги больше всего знакомятъ съ тѣмъ, что есть лучшаго въ русскомъ человѣкѣ. Оно гораздо полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя пишутся теперь о славянахъ и славянствѣ людьми, находящимися въ броженіяхъ, въ переходныхъ состояніяхъ духа, возрастахъ, подвластныхъ воображенію, обольщеніямъ самолюбиваго ума и всякимъ пристрастіямъ. Но для васъ эти книги покуда недоступны: во-первыхъ, изъ нихъ напечатано немногое; во-вторыхъ, оно не переведено на нынѣшній русскій языкъ. Вы древняго языка нашего не знаете. Вотъ почему я медлилъ вамъ совѣтовать, какія книги прежде читать. Все, что больше всего можетъ васъ познакомить съ Россіей, остается на древнемъ языкѣ. Остается одно средство: вамъ нужно непремѣнно выучиться по-славянски. Легчайшій путь къ этому слѣдующій: читайте Евангеліе не на французскомъ и не на русскомъ языкѣ, но на славянскомъ: къ французскому прибѣгайте только тогда, когда не поймете. Слова, которыя позагадочнѣе, выпишите на особую бумажку и покажите священнику. Онъ вамъ ихъ объяснитъ. Если вы прочтете Евангеліе, посланіе и прибавите къ этому пять книгъ Моисеевыхъ, вы будете знать по-славянски; при этомъ дѣлѣ и душа выиграетъ немало. Когда же увидимся, тогда я вамъ объясню въ двухъ-трехъ лекціяхъ всё отмѣны, какія есть въ нашемъ древнемъ языкѣ отъ славянскаго. Этотъ языкъ простъ, выразителенъ и прекрасенъ...

Но я, кажется, много заговорился; пора и перестать. Итакъ Богъ въ помощь: будьте русской! Вамъ слѣдуетъ быть ею. Но помните, что если Богу не будетъ угодно, вы никогда не сдѣлаетесь русскою: къ источнику всего русскаго, къ Нему Самому, слѣдуетъ за этимъ обратиться. Богъ въ помощь!

Теперь о себѣ. Донесеніе Соллогуба насчетъ моего здоровья и прекраснаго расположенія духа только на половину справедливо. Онъ меня видѣлъ въ гостяхъ: нельзя же приносить въ гости скуку. Волей или неволей, но долженъ, если не быть, по крайней мѣрѣ казаться быть веселымъ. Сказать же правду, я былъ почти все время недоволенъ собой. Работа моя шла какъ-то вяло, туго и мало оживлялась благодатнымъ огнемъ вдохновенія. Наконецъ я испыталъ въ это время, какъ не проходитъ намъ никогда безнаказанно, если мы хотя на мигъ отводимъ глаза свои отъ Того, къ Которому ежеминутно должны быть приподняты наши взоры, и увлечемся хотя на мигъ какими-нибудь желаніями земными на мѣсто небесныхъ. Но Богъ былъ милостивъ и спасъ меня, какъ спасалъ уже не одинъ разъ.

Что касается до поѣздки моей въ С.-Петербургъ, то, не-

смотря на все желаніе видѣть людей близкихъ моему сердцу, она должна до времени быть отложена по причинѣ не такъ устроившихся моихъ обстоятельствъ, а не такъ устроились обстоятельства по причинѣ предыдущей, то-есть отъ не такъ удовлетворительнаго расположенія духа. Но Богъ лучше нашего знаетъ, чему лучше быть. Тѣмъ болѣе вы меня порадовали вѣстью, что, можетъ быть, нынѣшнимъ лѣтомъ заглянете въ Москву. Отъ всей души желаю, чтобы Москва оставила въ душѣ вашей навсегда самое благодатное впечатлѣніе. Прощайте, добрѣйшая моя Анна Михайловна. Передайте мой душевный поклонъ графинѣ, расцѣловавши ея ручки.

Весь вашъ Н. Г.

Такъ какъ радостный праздникъ готовится наступить и письмо придетъ въ вамъ въ Свѣтлый день, то посылаю вамъ заочно братское лобызаніе со словами: Христосъ Воскресе.

Софья Михайловнѣ я пишу въ одно время съ вами. Аполлинѣ Михайловнѣ передайте поклонъ мой душевный.

Г.

Петербургъ 24-го февраля (1849). А. М. Вильгорская Голому.

Любезный Николай Васильевичъ, вы насъ совершенно забываете или очень заняты, иначе я не могу объяснить себѣ ваше долгое молчаніе. Владиміръ сказалъ мнѣ, что онъ оставилъ васъ здоровымъ и въ прекрасномъ расположеніи духа, изъ чего я заключила, что въ самомъ дѣлѣ все идетъ у васъ благополучно и что вы довольны самимъ собою. Понимаете ли, въ какомъ смыслѣ я это говорю? Ежели мои догадки вѣрны, я готова вамъ все простить и даже дозволить вамъ никому не писать, что весьма великодушно съ моей стороны. Одно хотѣла бы я знать: придете ли вы въ Петербургъ весной и въ какое именно время? Не помню, писала ли я вамъ, что намъ всѣмъ очень хочется поѣхать на нынѣшнее лѣто въ нашу деревню, недалеко отъ Коломны, и тѣмъ же случаемъ остановиться въ Москвѣ и хорошенько рассмотреть этотъ для насъ совершенно незнакомый городъ. Я бы очень желала, чтобы мы сошлись вмѣстѣ въ Москвѣ и чтобы вы были нашимъ сіеюне.

Въ вашемъ отсутствіи графъ Комаровскій ¹⁾ взялъ на себя исполнять вашу должность при моей особѣ, и я могу увѣрить васъ, что вы были бы довольны его ревностью. Онъ непременно хочетъ меня convertir à la Russie (по его собственному выра-

¹⁾ Родственникъ Вильгорскихъ.

женію) и въ этомъ намѣреніи хочеть мнѣ рекомендовать разныя сочиненія, касающіяся до Россіи и до славянскихъ племенъ вообще, и онъ самъ обѣщаль мнѣ писать нѣкоторыя статьи объ этомъ предметѣ, чтобы я ими могла руководствоваться въ моихъ занятіяхъ. Вы видите, любезный Николай Васильевичъ, что со всѣхъ сторонъ меня влечеть сдѣлаться русскою, и какъ я ни сопротивляюсь этому стремленію, но сама ему способствую, сколько могу, такъ надѣюсь, что ваше и мое желаніе, наконецъ, исполнится и что я сдѣлаюсь русскою не только душой, но и языкомъ и познаніемъ Россіи.

А. В.

1849. 16-го апрѣля. Гоголь *гр. А. М. Віельморской.*

Христось воскресъ!

На мое длинное письмо вы ни словечка! Софья Михайловна тоже. А я писалъ и къ вамъ, и къ ней за три дня до Свѣтлаго Воскресенія. Если вы на меня за что-нибудь разсердились... но, нѣтъ, вы на меня не можете разсердиться, добрѣйшая Анна Михайловна. За чтѣ вамъ на меня сердиться? Вѣрно, это случилось такъ, само собой. Вамъ просто пришла лѣнь, неохота писать, оттого и не написалось. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ письмѣ, такъ же, какъ и въ прежнемъ, повторяю вамъ то же. Не оставляйте вашего добраго желанія быть русскою въ значеніи вышемъ этого слова. Только однимъ этимъ путемъ можно достигнуть къ выполненію долга своего на землѣ. Когда вы будете въ Москвѣ и взглянете на всѣ ея святыни и увидите въ старинныхъ церквахъ ея останки древне-русской жизни, вы тогда поймете!.. О многомъ придется поговорить тогда, теперъ же боюсь вамъ наскучить и сказать что-нибудь непонятное. Скажу вамъ покуда только то, что я убѣждаюсь ежедневнымъ опытомъ всякаго часа и всякой минуты, что здѣсь, въ этой жизни, должны мы работать *не для себя, но для Бога*. Опасно и на мигъ упустить это изъ виду. Человѣчество нынѣшняго вѣка свихнуло съ пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать для себя, а не для Бога. Даже и въ минуты увеселеній нашихъ не должны мы отлучаться мыслью отъ Того, Который глядитъ на насъ и въ минуты увеселеній нашихъ. Не упускайте и вы изъ виду этого. Будемъ стараться, чтобы всѣ наши занятія были устремлены на прославленіе имени Его, и вся жизнь наша была неумолкаемымъ Ему гимномъ. Вы любите рисовать—рисуйте же все то, чтѣ служить къ украшенію храма Божія, а не нашихъ комнатъ; изображайте свѣтлыя лики людей, Ему угодившихъ. Отъ

этого и кисть ваша, и мысли станутъ выше. Вы получите несравненно больше услажденія, вамъ не нуженъ будетъ и учитель. Собственное чувство, возвысившись внутри васъ, станетъ вашимъ учителемъ и поведетъ васъ къ совершенству въ искусствѣ. Въ Москвѣ будетъ вамъ много пищи. Въ древней (нашей?) иконописи, украшающей старинныя напси церкви, есть удивительныя лица и на лицахъ удивительныя выраженія. Въ прежнемъ письмѣ я просилъ васъ особенно позаботиться о славянскомъ языкѣ. Онъ будетъ вамъ очень нуженъ. Чтеніе Евангелія и Посланій Апостольскихъ на славянскомъ языкѣ,—лучшій къ тому путь. Посылаю вамъ покажѣсть книгу, которую вы, можетъ быть, не читали; если жъ и читали, то все-таки прочтите, потому что въ ней много есть такого, чтѣ съ перваго разу не дается. Это книга Шевырева о древней русской словесности. Она послужитъ вамъ прологомъ къ чтенію тѣхъ книгъ, въ которыхъ раскроется вамъ вполнѣ русская жизнь.

Еще къ вамъ усердная просьба: посылаю вамъ деньги, на которыя прошу васъ приказать взять для меня въ синодальной лавкѣ „Христіанское Чтеніе“ за прошлый 1848 годъ. Тамъ помѣщена цѣликомъ, начиная съ 1-го нумера, церковная исторія Евсевія Кесарійскаго первыхъ вѣковъ. Эту исторію прочитайте: она не только не скучна, но занимательна необыкновенно. Евсевій Кесарійскій былъ самъ почти современникъ описываемыхъ происшествій, засталъ еще учениковъ апостоловъ. Прочитавши эту исторію, вы узнаете въ самомъ дѣлѣ, чтѣ такое была жизнь древнихъ христіанъ. Это вамъ также поможетъ много къ узнанію, чтѣ такое истинно русская жизнь. Книгу эту можете удерживать у себя сколько хотите, а въ Москву привезите съ собою. Но довольно. Богъ помощь, добрѣйшая Анна Михайловна! Расцѣлуйте и обнимите всѣхъ вашихъ милыхъ и близкихъ моему сердцу. Вѣсь вашъ Н. Гог.

Гоголь къ гр. А. М. Виельморской (безъ даты).

Въ письмѣ моемъ къ вамъ (отъ 16-го апрѣля) я позабылъ самое главное—попросить васъ увѣдомить меня, когда именно вы будете въ Москвѣ; означьте если не самый день и число, то, по крайней мѣрѣ, около какого времени ждать васъ. Спросите также у Смирновой, когда она выѣзжаетъ. Мнѣ бы не хотѣлось никого изъ васъ не (sic) пропустить, но всѣхъ увидѣть.

Вѣсь вашъ Н. Г.

Гоголь гр. А. М. Виельморской (1849).

Узнавши, что вы занимаетесь ботаникою, посылаю вамъ изо-

браженіе растеній русской земли лучшее, какое у насъ есть. Въ немъ собраны всѣ общепотребительнѣйшіе виды нашей флоры съ отчетливымъ изображеніемъ признаковъ. Весь вашъ Н. Г. Богъ да хранитъ васъ всѣхъ милыхъ и близкихъ моему сердцу. (При семъ послыла съ книгами 20 руб. сер.)

Павлино. 14-го іюня. Гр. А. М. Вельгорская Гоголю.

Не знаю, любезный Николай Васильевичъ, какъ благодарить васъ за вашу неожиданную посылку, которая такъ кстати явилась. Сестрицы почти вскрикнули отъ радости, увидѣвши ее. Онѣ теперь составляютъ травникъ и очень желали узнать всѣ русскія названія растеній, въ чемъ никто почти не могъ имъ помогать, и вотъ, въ счастье, вы вздумали намъ прислать именно ту книгу, которая намъ была нужна. Сестрицы ужъ давно искали русское сочиненіе о ботаникѣ, но до сихъ поръ безъ малѣйшаго успѣха; онѣ не понимаютъ, какъ не узнали объ этихъ тетрадяхъ, которыя вы прислали. Вы ошибаетесь, думавши, что я занимаюсь ботаникой; она меня вовсе не привлекала еще недавно, но съ нѣкотораго времени она вдругъ показалась мнѣ интересной, и я рѣшилась заняться познаньемъ растеній, особливо цвѣтовъ, которыхъ (sic) я всегда такъ любила. Меня останавливаетъ пока мѣстъ мысль, что я за слишкомъ многимъ (sic) берусь вдругъ. Рисованіе, чтеніе, музыка и извлеченія изъ читаемыхъ книгъ ужъ занимаютъ у меня цѣлый день. Все-таки я не могу рѣшиться совсемъ отдать сестрицамъ ваши тетради. Пусть онѣ употребляютъ ихъ сколько хотятъ, но чтобъ непременно возвратили ихъ бы мнѣ; когда я ихъ потребую: вотъ какой я эгоистъ!..

Что вамъ сказать по насъ? Слава Богу, до сихъ поръ нынѣшнее лѣто было пріятно для насъ всѣхъ. Погода теперь прекрасная, и въ хорошую погоду Павлино, въ самомъ дѣлѣ, прекрасное мѣсто. Но гораздо важнѣе погоды и всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ расположеніе духа. Ужъ давно я не была такъ спокойна и такъ весела, какъ теперь, за что благодарю Бога. Прочіе всѣ также необыкновенно хорошо расположены, и хотя мы почти никого не видимъ изъ чужихъ, никто изъ насъ не чувствуетъ потребность (sic) развлеченій и увеселеній.

Прощайте, любезный Николай Васильевичъ! поправьтесь совершенно въ эту прекрасную погоду и не оставляйте вашего намѣренія посѣтить сѣверо-восточныя губерніи Россіи. Оно, вѣрно, много способствуетъ вашему выздоровленію. Можетъ быть, вы и къ намъ заѣдете, и знаете, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ васъ примутъ здѣсь.

А. В.

Кстати напишите мнѣ, сколько я вамъ теперь должна за всѣ ваши благодѣянія.

Москва. 1849 г. іюня 8 дня. *Гоголь А. М. Вилембургской.*

Наконецъ, письмоцо отъ васъ! Отъ всей души благодарю васъ за него, добрыйшаая Анна Михайловна. Очень обрадовался, что глазамъ вашимъ лучше. Ради Бога, берегите ихъ. Какъ ни любите вы рисовать, но благоразуміе требуетъ отъ васъ меньше заниматься рисованіемъ, а больше двигаться на воздухѣ. Понимаю, что прогулки безъ цѣли скучны. Вотъ отчего мнѣ казалось, что жизнь въ деревнѣ могла бы больше доставить пищи душѣ вашей, нежели на дачѣ. Сдѣлать четыре, пять верстъ въ день затѣмъ, чтобы взглянуть на трудъ и работы поселянъ, какія производятся въ разныхъ мѣстахъ имѣнія, совсѣмъ не то, что наша обыкновенная прогулка. Тамъ невольно можно ознакомиться съ бытомъ тѣхъ людей, съ которыми такъ тѣсно связано наше собственное существованіе, и черезъ то придти въ возможность помогать имъ.

Но Тотъ, Кто устрояетъ все, знаетъ лучше, что намъ полезнѣе и лучше. Нужно покориться. Не удалось намѣреніе быть въ томъ мѣстѣ, нужно осмотрѣться, какъ быть на этомъ. Обязанности человѣка вездѣ. Они могутъ быть также и въ Павлинѣ. Около васъ теперь куча племянниковъ и племянницъ. Сколько прекраснаго можно передать въ молодыя души путемъ любви. Можно съизмала навѣять на воспримчивое дѣтское любопытство познания своей родины и ея исторію и разнообразіе ея мѣстностей и образъ жизни ея обитателей во всѣхъ углахъ ея, а даже пламенное желаніе быть ей полезнымъ.

Можно и въ отроческое время дать человѣку идею о томъ, какъ должны быть святы отношенія между людьми. И тогда онъ счастливъ на всю жизнь, потому что въ остальное время жизни будетъ уже самъ заботиться о дальнѣйшемъ своемъ теченіи на указанномъ пути, о приведеніи себя въ большую и большую возможность приносить пользу и благодѣтельствовать. О! какъ бы мы теперь всѣ были подвижны, во сколько меньше было бы у насъ лѣни, бездѣйствія и спячки, еслибы мы приобрѣли то въ юности, что принуждены приобретать теперь! Какъ на бѣду первое наше воспитаніе отдаляетъ насъ вдругъ отъ того, что вокругъ насъ. Съ первыхъ же дней набиваютъ насъ предметами, переносящими насъ въ другія земли, а не въ свою. Оттого мы и не годимся для земли своей.

О себѣ ничего не могу вамъ сказать положительнаго.

Я только-что оправился отъ сильной болѣзни нервической, которая съ приходомъ весны вдругъ было меня потрясла и расколебала всего. Я имѣлъ точно намѣреніе проѣздить по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи мало мнѣ знакомымъ, но какъ и когда приведу это въ исполненіе—не знаю. Собой я былъ крайне недоволенъ во все это время и только дивлюсь Божіей милости, не наказавшей меня столько, сколько я того стоилъ. Не оставляйте меня, добрѣйшая Анна Михайловна, вашими строчками. Описанье вашего дня и препровожденья времени въ Павлипѣ будетъ для меня подаркомъ. Богъ да хранить васъ! Перецѣлуйте безцѣнные ручьи вашей маменьки. Весь вашъ Н. Гоголь.

Москва. 1849 г. іюля 30 д. *Гоголь А. М. Вѣльморской.*

Я ѣздилъ взглянуть на нѣкоторыя губерніи по близости Москвы. Былъ въ Калугѣ, гдѣ прогостилъ нѣсколько дней у Александры Осиповны. Возвратился снова на короткое время въ свою уединенную комнатку въ Москвѣ и увидѣлъ на столѣ письмо. Съ радостію узналъ, что оно было отъ васъ, а еще съ болѣею, что подарокъ мой пришелся встать.

Не удивляйтесь тому, что вамъ никто не могъ указать на сочиненіе, которое я вамъ послалъ. Русскіе никогда не знаютъ, чтѣ существуетъ на русскомъ языкѣ. Обращайтесь съ разспросами по этой части ко мнѣ, а не къ кому другому. Нынѣшняя книга оказалась болѣе пужною сестрицамъ вашимъ. Но, можетъ быть, прочія будутъ нужны для васъ. Такъ какъ Софья Михайловна и Аполлина Михайловна ¹⁾ занимаются собираніемъ (произведеній?) петербургской почвы, то имъ, сверхъ полученныхъ вами тетрадей, нужно будетъ еще одно сочиненіе, которое при семъ получить Софья Михайловна. Передайте ей письмецо. Книга послана особо на ея имя. Не думайте, что я разоряюсь на книги. Я дарю изъ своей собственной библіотеки, которая составила у меня давно. Я люблю изъ нея дарить друзьямъ моимъ. Мнѣ тогда кажется, какъ будто книга совершенно пристроена и поступила въ достойное ей книгохранилище. Мнѣ можно такъ поступать. Я васъ богаче и имѣю болѣе вашего возможности заводитьсь бнигами потому именно, что на другое ничто не издерживаюсь. За содержаніе свое и житіе не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приѣду къ вамъ тоже и проживу у васъ, не заплачу вамъ за это ни копейки.

¹⁾ Аполлинарія Михайловна, старшая дочь Вѣльгорскихъ, вышедшая за А. В. Вешетнинова.

Прощайте, добрый другъ Анна Михайловна! Цѣлую мысленно добрыя ручки ваши. А вы перецѣлуйте за меня покрѣпче ручки графини.

Вашъ весь.

Адресъ мой остается по прежнему.

Москва. Октябрь 20. 1849 г. *Гоголь А. М. Виѣморской.*

Милые и добрые друзья, Софья Михайловна и Анна Михайловна! Ото всей души поздравляю васъ съ принятіемъ въ семейный кругъ вашъ новаго гостя. Разумѣю—новорожденное существо, которое досталось одной изъ васъ въ дочери, а другой—въ племянницы ¹⁾. Возвратившись въ Москву, я засталъ здѣсь Владиміра Александровича и отъ него узналъ о вашей семейной радости. Дай Богъ, чтобы радость ваша сдѣлалась еще больше, когда дитя достигнетъ возраста, пойметъ и оцѣнитъ жизнь лучше нашего нынѣшняго поколѣнія, безмысленно ее растратившую (sic) на пустыя развлечения.

Нынѣшняя поѣздка моя не была велика: все почти въ окрестностяхъ Москвы и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Дальнѣйшее путешествіе отложилъ до другого года, потому что на всякомъ шагу останавливаемъ собственнымъ невѣжествомъ. Нужно сильно запасться предуготовительными свѣденіями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе, иначе, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ, проѣдешь всю Россію и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь всѣ книги, сколько-нибудь знакомящія съ нашей землей,—болѣею частью такія, которыхъ теперь никто не читаетъ. Съ грустью удостоверяюсь, что прежде, во время Екатерины, больше было дѣльныхъ сочиненій о Россіи. Путешествія были предпринимаемы учеными смиренно съ цѣлью узнать точно Россію. Теперь все щелкопѣрно. Нынѣшніе путешественники, охотники до комфортавъ и трактировъ, съ большихъ дорогъ не сворачиваютъ и стараются пролетѣть какъ можно скорѣе. При полномъ незнаніи земли своей утвердилась у всѣхъ гордая увѣренность, будто знаютъ ее, а между тѣмъ какую бездну нужно прочесть для (того) только, чтобы узнать, какъ мало знаешь, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи, какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее.

Все время мое отдано работѣ, часу нѣтъ свободнаго. Время

¹⁾ Рѣчь идетъ объ Аполлинаріи Владиміровнѣ Соллогубъ, сестрѣ Елизаветы Владиміровны Сабуровой.

летитъ быстро, непримѣтно. О, какъ спасительна работа и какъ глубока первая заповѣдь, данная человѣку по изгнаніи его изъ рая: „въ потѣ и трудѣ снискивать хлѣбъ свой“. Стоитъ только на мигъ оторваться отъ работы, какъ уже невольно очутишься во власти всякихъ искушеній. А у меня было ихъ такъ много въ нынѣшней мой пріѣздъ въ Россію! Избѣгаю встрѣчъ даже со знакомыми людьми, отъ страха чтобы какъ-нибудь не оторваться отъ работы своей. Выхожу изъ дому только для прогулки и возвращаюсь съизнова работать.

Богъ да хранить васъ, добрые, близкіе моей душѣ! Не оставьте меня увѣдомлять о себѣ. Съ удовольствіемъ помышляю, какъ весело увижусь съ вами, когда кончу свою работу. Перецѣлуйте ручки у графини вашей маменьки. Обнимите Михаила и Матвѣя Юрьевича, Веневитиновыхъ и всю вашу близкую моему сердцу семью.

Вашъ весь. Н. Г.

Адресъ мой по старому.

Москва. Декабрь 26 д. 1849 г. *Гоголь А. М. Вѣлморской.*

Здоровы ли вы, добрѣйшая Анна Михайловна? Я уже давно не имѣлъ отъ васъ извѣстія. Какъ вамъ живется, какъ веселится, какъ скучается?—увѣдомьте меня хоть строчкой. Что же касается до меня, еще живу, еще мыслю, еще двигаюсь, хоть и говорятъ, будто бы значительно худѣю. Труда своего никакъ не оставляю, и хоть не всегда бываютъ свѣжія минуты, но не унываю. Благодарить нужно Бога за все—и за дождливый, и за солнечный день.

Поздравляю васъ съ наступающимъ годомъ и отъ всей души желаю, чтобы пожелось вамъ какъ въ немъ, такъ и въ слѣдующихъ годахъ прекрасною свѣтлою жизнью, какой способны жить однѣ только прекрасныя души.

Вашъ весь Н. Гоголь.

Передайте поздравленіе мое Софьѣ Михайловнѣ и всѣмъ вашимъ, близкимъ, близкимъ моему сердцу.

Января 3 числа 1850 года. *Гр. Л. К. Вѣлморская Гоголю.*

До слезъ тронуло меня ваше милое, дружеское письмо, любезнѣйшій Николай Васильевичъ. И вамъ отъ всей души желаю здоровья, спокойствія духа и поздравляю съ новымъ годомъ. О счастья же въ чему говорить или желать, когда мы знаемъ, (что) все земное счастье не что иное, какъ пустое слово. Не могу безъ грусти слышать эти принятыя въ свѣтѣ выраженія, коими

друзья и не-друзья дарятся по случаю наступленія новаго года: *поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ*. Конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ счастье всегда ново для всѣхъ, ибо немногіе нашли его въ прошедшемъ и предвидать всегда въ будущемъ. Мы бы съ тѣмъ развѣ должны поздравлять другъ друга, что новый годъ есть большой шагъ, ведущій въ небесной нашей отчизнѣ, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни печали, ни воздыханія.

Благодарю васъ сердечно за ваши молитвы, но не соглашаюсь съ вами, когда вы называете ихъ *убоими*: Богъ волю любящихъ Его творить и молитву ихъ слушаетъ. Не менѣе того сомнѣваюсь въ исполненіи ихъ, когда вы желаете, чтобъ въ наступающемъ году я была бы облагодѣтельствована Богомъ, какъ никогда доселѣ, всю остальную жизнь отъ утра до вечера, во всѣ часы и минуты только и думала о томъ, какъ бы благодарить Его. Подобнаго благодѣянія я не могла заслужить и слѣдственно не смѣла бы и вообразить. Ежедневныя слезныя моленія мои еще ни къ чему не послужили, еще никакое земное благо не доставили тѣмъ, кто ихъ еще не знаетъ и, вѣроятно, къ тому только послужать, что вмѣнятся мнѣ въ очищеніе души. Упованіе на Промыслъ Божій можетъ еще говорить: „не смущайся, не изнемогай духомъ“, но человѣческая мудрость и предвидѣніе тщетно ищутъ, на чемъ бы основать свое упорное вѣрованіе и чѣмъ бы въ собственныхъ глазахъ оправдать всегда обманутую надежду.

Ваши краткія письма исполнены, однакожь, неоцѣненными изъявленіями искренней къ намъ дружбы, но до того тощи касательно васъ самихъ, что едва изъ нихъ заключить можно, (что) вы еще писать умѣете и друзей не забываете! Эти свѣденія хотя и хороши, но для насъ все-таки недостаточны и отзываются какою-то оскорбительною для дружбы скромностію. Вы заслужили бы и съ моей стороны подобнаго рода лаконизма, но письмо мое докажетъ вамъ вдоволь, какъ я незлопамятна, и заставить васъ, я надѣюсь, писать и болѣе, и чаще, и обстоятельнѣе о своемъ здоровьѣ, о своихъ занятіяхъ, сочиненіяхъ, — словомъ, обо всемъ, до васъ лично касающемся. Дабы дать вамъ примѣръ, скажу во-первыхъ, что мы всѣ, слава Богу, на ногахъ, — весьма немало-важное дѣло въ нынѣшнее время, когда только и слышно о скоропостижной смерти, о внезапной опасной болѣзни, объ ударахъ и тому под. Всегда, полагаю, то же бывало и будетъ, но когда у насъ темно въ душѣ, то все кажется еще чернѣе.

Счастливейшая чета въ Петербургѣ, въ Москвѣ (а про губерніяхъ (sic) и говорить нечего) составляетъ Аполлина Михайловна и Алексѣй Владиміровичъ. Дѣти у нихъ премилыя; старшій сынъ — со-

вершенно ангель Рафаэлевыхъ картинъ ¹⁾. Софья Михайловна благоденствуетъ, вскармливая по долгу христіанскому Аполлинарію, второе въ семействѣ изданіе. Старшая, вамъ знакомая, Беби растетъ и тѣломъ, и умомъ; Саша хороша собой, а Булга ²⁾ премуная и презабавная дѣвочка, очень непригожая, Софья Ивановна въ маленькомъ видѣ кромѣ *шкарчина*. Владиміръ пишетъ для журнала и театра. Последняя его комедія: „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“, очень умна, смѣшна и, вѣроятно, будетъ имѣть большой успѣхъ. Анна Михайловна съ ревностью занимается ученіемъ, музыкою, живописью. Здоровье ея, слава Богу, не слишкомъ страдаетъ отъ нашего ужаснаго климата и отъ совершеннаго лишенія всѣхъ удовольствій внѣшней природы, столь для нея необходимыхъ. Я все не хочу терять надежду видѣть васъ лѣтомъ у насъ въ Петербургѣ. Передайте графу и графинѣ дружескій нашъ поклонъ. Будьте здоровы, веселы, пишите, сочиняйте, но не забывайте вашихъ петербургскихъ друзей.

Москва. 11 (?) 1850 года. *Гоголь гр. А. М. Вельгорской.*

За что же мнѣ бранить васъ, добрѣйшая Анна Михайловна. За ваше доброе милое письмо? за то, что вы не забываете меня? Поспорю съ вами только насчетъ того, что вамъ кажется прекрасною участъ писателя, будто бы владѣющаго сердцами и умами и чрезъ то могущаго имѣть обширное вліяніе. Я думаю, что мы всѣ въ этомъ мірѣ не что другое, какъ поденщики. Мы должны честно, прилежно трудиться, работать тѣми способностями, которыя намъ далъ Богъ, работать Ему, ожидая платы не здѣсь, а тамъ. А какое именно вліяніе произведетъ нашъ трудъ на людей, какъ велико или обширно это вліяніе—это совершенно во власти Того, Кто располагаетъ дѣлами міра. Часто тотъ, кто задумаетъ произвести добро, производитъ зло. Мы съемъ и сами не знаемъ, чтѣ именно съемъ. Одинъ Богъ возвращаетъ плодъ, даетъ ему видъ и форму. Какъ намъ знать, кто большій изъ насъ, кто лучший, когда первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми? Иногда бываетъ и то, что не блестящій трудъ труженника, нигѣмъ неопѣннаго, всѣми позабытаго, вдругъ, черезъ нѣсколько вѣковъ, попавшись въ руки какому-нибудь не совсѣмъ обыкновенному человѣку, наводитъ его на гениальную мысль, на великое и благодѣтельное дѣло. Дѣло изумляетъ міръ, а первоначальный творецъ его не изумилъ имъ даже небольшой кругъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о М. А. Веневитиновѣ.

²⁾ Елизавета Владиміровна Солмогубъ, ннѣ г-жа Сабурова. См. также „Воспоминанія Солмогуба“, стр. 282.

людей его знавшихъ. Не грустите же о томъ, что вамъ нѣтъ поприща или что поприще ваше тѣсно. Только молитесь постоянно Богу, чтобы Онъ удостоилъ васъ послужить Ему честно, добросовѣстно, прилежно, всѣми своими способностями, не зарывая въ землю ни одного своего таланта. Нельзя, чтобы постоянная усердная молитва, сопровождаемая слезами, не ударила, наконецъ, въ двери небесныя и умъ нашъ не озарился бы вразумленіемъ свыше, какъ намъ быть и что дѣлать.

Что вамъ сказать о себѣ? Временами бываю свѣжъ мыслями, временами хвораю, и тогда бываю малодушень, хандрю и грущу; работа прекращается, какъ и теперь, сижу больной, нервы страждутъ и все во мнѣ страдаетъ. И такъ бываетъ тяжело, что не знаешь, куда дѣться, какъ позабыть себя. Праздно вращается на устахъ безылая молитва. Но храни васъ Богъ и да содѣлаетъ вамъ легкимъ то, что для другихъ трудно, сподобивши васъ быть во всемъ Ему угодной, а меня не забываютъ въ молитвахъ. Весь вашъ Н. Г.

Перецѣлуйте всѣхъ вашихъ.

Гоголь гр. А. М. Вилморской (письмо безъ числа).

Мнѣ казалось необходимымъ написать вамъ хотя часть моей исповѣди. Принимаясь писать ее, я молилъ Бога только о томъ, чтобы сказать въ ней одну сущую правду. Писалъ, поправлялъ, маралъ, вновь начиналъ писать и увидѣлъ, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вамъ точно моя исповѣдь? Вы взглянете, можетъ быть, холодно на то, что лежитъ у самаго сердца моего, или же съ иной точки, и тогда можетъ все показаться въ другомъ видѣ, и что писано было затѣмъ, чтобы объяснить дѣло, можетъ только потемнить его. Совершенно откровенная исповѣдь должна принадлежать Богу. Скажу вамъ изъ этой исповѣди одно только то, (что) я много выстрадался съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ вами въ Петербургѣ. Изнылъ весь душой и состояніе мое такъ было тяжело, такъ тяжело, какъ я не умѣю вамъ сказать. Оно было еще тяжелѣе отъ того, что мнѣ некому было его объяснить, не у кого было испросить совѣта или участія. Ближайшему другу я не могъ его повѣрить, потому что сюда замѣшались отношенія къ вашему семейству; все же, что относится до вашего дома, для меня святиня. Грѣхъ вамъ, если вы станете продолжать сердиться на меня за то, что я окружилъ васъ мутными облаками недоразумѣній. Тутъ было что-то чудное, и какъ оно случилось, я до сихъ поръ не умѣю вамъ объяснить. Думаю, что все случилось отъ того, что мы еще не довольно

друг друга узнали и на многое *очень важное* взглянули легко, по крайней мѣрѣ гораздо легче, чѣмъ слѣдовало. Вы бы всё меня лучше узнали, еслибы случилось намъ прожить подольше гдѣ-нибудь вмѣстѣ не праздно, но за дѣломъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, не поживете вы въ подмосковной вашей деревнѣ? ¹⁾ Вы уже болѣе двадцати лѣтъ не видали вашихъ крестьянъ. Будто это бездѣлица; они насъ кормятъ, называя насъ же своими кормильцами, а намъ некогда даже черезъ двадцать лѣтъ взглянуть на нихъ! Я бы къ вамъ пріѣхалъ также. Мы бы всё вмѣстѣ принялись дружно хозяйничать и заботиться о нихъ, а не о себѣ. Право, это было бы хорошо и для здоровья, и веселѣй, чѣмъ обыкновенная бессмысленная жизнь на дачахъ. А еслибы при этомъ каждый помолился покрѣпче Богу о томъ, чтобы помочь ему исполнить долгъ свой, мы бы, вѣрно, всё стали черезъ нѣсколько времени въ такія отношенія другъ къ другу, въ какихъ слѣдуетъ намъ быть. Тогда бы и мнѣ, и вамъ оказалось видно, чѣмъ я долженъ быть относительно васъ. Чѣмъ-нибудь да долженъ же я быть относительно васъ. Богъ не даромъ сталкиваетъ такъ чудно людей. Можетъ быть, я долженъ быть не что другое въ отношеніи (васъ), какъ вѣрный песь, обязанный беречь въ какомъ-нибудь углу имущество господина своего. Не сердитесь же; вы видите, что отношенія наши хотя и возмутились на время какимъ-то налетнымъ возмущеніемъ, но все же они не таковы, чтобы глядѣть на меня какъ на чужого человѣка, отъ котораго должны вы таить даже и то, что въ минуты огорченія хотѣло бы выговорить оскорбленное сердце.

Богъ да хранить васъ. Прощайте. Обнимите крѣпко всѣхъ вашихъ. Весъ вашъ до гроба — Н. Г.

В. Шенрокъ.

¹⁾ Сѣнницы, зарайскаго уѣзда рязанской губерніи. Въ началѣ 50-хъ годовъ Вельгорскіе дѣйствительно нѣсколько лѣтъ сряду пріѣзжали въ Сѣнницы, что видно изъ случайно сохранившихся небольшихъ писемъ на нѣмецкомъ языкѣ къ моему покойному отцу, И. Х. Шенроку, лечившему Луизу Карловну отъ болѣзни глазъ. Письма эти, не имѣющія даты, ни въ какомъ случаѣ не относятся къ 1853 и послѣдующимъ годамъ, такъ какъ Луиза Карловна скончалась 6-го февраля 1853 года.

ТИМОШЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Весеннее солнце давно уже спустилось за желто-сѣрое взлобье каменистыхъ горъ, съ обѣихъ сторонъ стиснувшихъ узкое ущелье рѣчки Чюрюкъ-су; вдоль этой рѣчки расположена вся утопающая въ зелени пирамидальныхъ тополей и задумчивыхъ кипарисовъ столица крымскихъ хановъ Бахчисарая, и только вдали голая вершина Чатырдага, какъ черепъ мертвеца, горитъ послѣдними потухающими лучами.

Надъ городомъ стоялъ вечерній гулъ—глухой говоръ людей, лошадиное ржанье и топотъ, и среди этого гула рѣзко пронизывали воздухъ гортанные выкрики муэззиновъ, призывавшіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Стройныя иглы темныхъ кипарисовъ и минаретовъ и иглообразныя вершины тополей, которыя, казалось, тянулись въ голубому небу, дѣлали городъ какимъ-то волшебнымъ, чарующимъ своею дикою красотой.

Такимъ онъ казался молодому казаку, задумчиво проходившему вдоль аллеи тополей, сбрамлявшихъ берега Чюрюкъ-су. На казакѣ была высокая баранья шапка съ малиновымъ верхомъ, богатый кунтушъ темно-малиноваго сукна, широкія синія шаравары и красныя сафьянныя сапоги съ подковками, которыя звонко стучали по каменистому грунту.

Какъ попалъ въ столицу хановъ вольный казакъ и почему онъ гуляетъ на свободѣ—это объяснится впоследствии.

Проходя мимо рѣшетчатой ограды одного сада, густо переплетенной дикимъ виноградомъ, казакъ услышалъ какой-то шо-

рохъ въ зелени. Ему почудилось даже, что кто-то зоветъ его по имени. Онъ остановился и прислушался.

— Добрый вечеръ, пане Тимошъ, — послышалось изъ-за зелени.

Тотъ, кого назвали Тимошемъ, остолбенѣлъ отъ изумленія. Ясно, что это его звали: но кто? откуда? это какая-нибудь полованка съ далекой родины, изъ Украины, какая-нибудь „дивка-бранка“, которая тысячами томились въ неволѣ, въ рабствѣ, или забывали свою родину и „тихія воды“ Украины и ея „ясныя зори“ въ роскошныхъ гаремахъ.

— Добрый вечеръ, казаче! — вновь послышался еще болѣе тихій привѣтъ.

Тотъ, кого звали, оглянулся по сторонамъ и осторожно приблизился къ оградѣ. Въ одномъ мѣстѣ чуть замѣтно колыхнулась зеленая вѣтка.

— Я тутъ, казаче, глянь! — прошептала эта зеленая вѣтка.

Молодой казакъ приблизилъ свое лицо къ колебавшейся вѣткѣ, и изъ-подъ нея выглянули на него два прелестныхъ сѣро-голубыхъ глаза подъ тонкими черными бровями.

— Ты къ моему господину идешь? — спросили изъ-за зелени.

— А кто твой господинъ?

— Карабча-мурза, — былъ отвѣтъ.

— Да, къ нему... А ты кто и откуда?

Но въ это мгновеніе невидимъ послышался конскій топотъ, и казакъ торопливо отшатнулся отъ предательской ограды. За стройными стволами тополей показался старый татаринъ на конѣ, и казакъ продолжалъ свой путь, хотя и слышалъ, что его провожалъ тихій шопотъ, словно шопотъ листьевъ тополя:

— Казаче! возьми меня на Украинну...

Молодой казакъ этотъ былъ сынъ Богдана Хмельницкаго, Тимошей — Тимошъ; онъ находился въ это время въ Бахчисараѣ въ качествѣ заложника у хана Исламъ-Гирея.

Это было въ 1648 году.

Зимой 1647 года Хмельницкій, ограбленный и оскорбленный паномъ Чаплинскимъ, не найдя управы у польскаго короля, бѣжалъ въ Запорожье вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Тимошемъ и нѣсколькими казаками. Съ восторгомъ принятый запорожцами, онъ рѣшился отмстить полякамъ и за притѣсненія украинскаго народа, и за личные обиды, и для этого вступилъ въ союзъ съ крымскими татарами, ханомъ у которыхъ въ то время былъ Исламъ-Гирей. Ханъ обѣщаль Хмельницкому помощь въ лицѣ храбраго Тугай-бея и его орды, но въ обезпеченіе вѣрности перваго оставилъ заложникомъ его сына Тимоша.

Тимошъ, отважный и способный юноша, отличный стрѣлокъ и наѣздникъ, скоро сошелся съ татарами, которые выше всего ставили воинскую храбрость и лихое наѣздничество. Мурзы, всю жизнь проводившіе въ набѣгахъ, скоро оцѣнили дорогія имъ качества юнаго представителя казачества и очень полюбили сына своего союзника. Находясь въ заложникахъ, онъ однако пользовался въ Бахчисараѣ почти неограниченною свободой. Но когда въ Крымъ пришло извѣстіе о пораженіи польскаго войска Хмельницкимъ и Тугай-беємъ при Желтыхъ Водахъ, то сынъ Богдана еще болѣе выросъ въ глазахъ крымцевъ: они рѣшили вторымъ загономъ, подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы, ударить на владѣнія Рѣчи-Посполитой.

Тимошъ просилъ дозволенія хана участвовать въ этомъ походѣ, и вотъ для этого-то онъ шель теперь къ Карабчѣ-мурзѣ. Но его смутило неожиданное привѣтствіе неизвѣстной украинки. Кто она и почему знаетъ его по имени? Развѣ, состоя плѣнницею у Карабчи-мурзы, она видѣла его въ домѣ своего господина! Ему стало жаль бѣдной дѣвушки. Самъ онъ не былъ невольникомъ, жилъ на полной свободѣ, всѣ обращались съ нимъ хорошо, и все же онъ тосковалъ по далекой Украинѣ. А каково же было дѣвушкѣ въ плѣну! Онъ видѣлъ только ея глаза, ясные и глубокіе, проникающіе въ душу, замѣтилъ тонкія темныя брови,— и это свѣтлое видѣніе теперь не отходило отъ него.

Тимошъ вошелъ во дворъ. Небольшой дворъ Карабчи-мурзы, вымощенный камнемъ, былъ обсаженъ стройными пирамидальными тополями, которые и въ знойные дни давали достаточно тѣни, а при наступленіи вечера бросали вокругъ себя таинственный полумракъ. Къ правой сторонѣ двора примыкали конюшни для любимыхъ, обиходныхъ лошадей мурзы, а за лѣвой оградой зеленѣлъ садъ, примыкавшій къ женской половинѣ дома знатнаго татарина. Фасадъ дома, выходившій на дворъ, украшенъ былъ галереєю съ навѣсомъ. Вокругъ тонкихъ колоннокъ галереи видся дикій виноградъ. Изъ сада доносилось журчанье фонтановъ, которыми Бахчисарай славился, подобно мавританской Гранадѣ въ Испаніи.

Проходя дворомъ, по которому важно расхаживали журавль и огромный бѣлый возель, фаворитъ мурзы Карабчи, Тимошъ услышалъ голосъ на галереѣ. Голосъ мурзы, ровный и спокойный, покрывалъ собою гортанную торопливую рѣчь другого собесѣдника, въ которомъ Тимошъ узналъ хитраго Халиль-бея.

Мурза скоро замѣтилъ новаго гостя.

— А! добро пожаловать, сынъ мудраго Богдана! — сказалъ онъ привѣтливо.

Тимошъ поднялся на террасу и по восточному привѣтствовалъ хозяина и его гостя: онъ приложилъ правую руку къ сердцу, а потомъ ко лбу.

Карабча-мурза былъ мужчина лѣтъ шестидесяти, смуглый, сухощавый, но коренастый, съ широкими плечами, рѣдкой, сѣдоватой бородкой и большимъ лбомъ. Собесѣднику его, тучному мужчине, лѣтъ за пятьдесятъ, недоставало одного глаза, который онъ потерялъ, наткнувшись какъ-то на „ратище“ запорожца; но и однимъ удѣлѣвшимся глазомъ онъ видѣлъ не хуже рыси.

Собесѣдники сидѣли на низкомъ диванѣ и курили трубки. Хозяинъ, пригласивъ гостя садиться, ударилъ въ ладоши, и на зовъ этотъ изъ сѣней выступилъ маленькій арапченокъ въ красной фесвѣ. Мурза указалъ ему на пришедшаго, и арапченокъ не замедлилъ принести ему трубку.

Тимошъ, взявъ трубку и пустивъ нѣсколько клубовъ дыму, молчалъ: онъ зналъ восточные обычаи.

— Слава пророку, — сказалъ мурза, обращаясь къ пришедшему: — однимъ врагомъ у твоего отца меньше, хотя намъ это и въ убытокъ.

Тимошъ глядѣлъ вопросительно, не вполне понимая хозяина, хотя хорошо зналъ по-татарски: у его отца однимъ врагомъ меньше, а имъ, татарамъ, убытокъ. Что-жъ это такое? Онъ ждалъ разгадки.

Мурза понялъ его недоумѣнiе и взглянулъ на своего гостя, на Халиль-бея. Тотъ молча улыбался своимъ рысьимъ глазомъ.

— Молодой Потоцкiй, что былъ взять въ плѣнъ при Желтыхъ-Водахъ, вчера умеръ отъ ранъ, — пояснилъ мурза: — богатый выкупъ за свою голову онъ унесъ на тотъ свѣтъ.

Тимошъ теперь понялъ логику татарина: со смертью Потоцкаго татары лишились выкупа за этого богатаго вельможу.

Въ это время съ женской половины, изъ сада, донеслось тихое, мелодическое пѣнiе, которое заставило Тимоша вздрогнуть. Нѣжный женскiй голосъ пѣлъ:

Ой, вуды ты полинишь, сивый соколоньку..

Тимошъ слушалъ какъ очарованный — такъ неожиданно поразила его родная мелодiя — и гдѣ же? въ Крыму, въ царствѣ неволи и слезъ украинскихъ!

Мурза замѣтилъ его волненiе.

— Это поетъ плѣнница, которая ходитъ за моими дѣтьми, — сказалъ онъ. — Дѣти очень полюбили ее, а меньшiя изъ нихъ спокойно засыпаютъ только подъ ея пѣнiе.

При этихъ словахъ Халиль-бей злобно сверкнулъ своимъ единственнымъ глазомъ. А голосъ между тѣмъ пѣлъ:

Коли-бъ же я знала, що мени такъ буде,
Пишла-бъ я втоплася, якъ вода прибуде.

Тимошъ, казалось, забылъ о цѣли своего прихода. Мелодія пѣсни перенесла на далекую родину, въ милый Суботовъ, который теперь принадлежалъ врагу ихъ, ненавистному Чаплинскому.

А вечеръ былъ такой тихій, такъ располагалъ къ мечтательности, къ грустному раздумью.

— Всемогущій повелитель Крыма, ханъ Исламъ-Гирей, снизошелъ на твою просьбу, — обратился мурза къ молодому казаку: — благодари Бога и хана — онъ позволилъ мнѣ взять тебя въ походъ.

Тимошъ привсталъ и почтительно приложилъ руку къ сердцу. При этомъ онъ чувствовалъ, какъ бьется его сердце подъ грустное пѣніе невидимой украинки:

Спомни собі, мій миленькій, я-жъ тебя любила...

Молодой казакъ чувствовалъ, что это для него пѣли, и въ сердце его прокралось невѣдомое дотоли чувство. — Но кто она? Неужели та, ясные, невинные глаза которой смотрѣли на него изъ-за зелени! И она знаетъ его, знаетъ его имя? — Но чѣмъ болѣе тревожное и вѣстѣ съ тѣмъ сладостное чувство охватывало его, тѣмъ менѣе онъ могъ рѣшиться разспрашивать о ней своего хозяина.

На слѣдующій день рѣшено было отправляться въ походъ.

Возвращаясь къ себѣ, въ домъ армянина Карапета, у котораго ханъ велѣлъ помѣстить своего заложника и его небольшую свиту, Тимошъ напрасно силился отогнать отъ себя милое видѣніе... „Кто она? откуда?“...

II.

На слѣдующій день десять тысячъ конниковъ выступили въ походъ подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы.

Это была, въ сущности, небольшая, но съ виду страшная орда, передъ которой все трепетало.

Извѣстный французскій инженеръ Боплантъ, оставившій намъ обстоятельное описаніе Украины и Крыма съ ихъ обитателями временъ Хмельницкаго, такъ изображаетъ внѣшность татарина на походѣ: „Простые татары навидываютъ на плечи овчинный тулупъ, который зимою носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время

дожда—шерстью наружу: встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, — подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей“. Бараньи шапки дополняли собою эту оригинальную внѣшность дикаго ордынца.

„Они—говорить далѣе Бопланъ—весьма храбры и проворны на коняхъ, хотя и плохо сидятъ на оныхъ, подгибая колѣни отъ короткихъ стремянъ: конный татаринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ томъ ловкость и проворство татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на заводнаго и легко избѣгаютъ преслѣдованія неприятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ, въ случаѣ нужды, могъ перескочить на него. Такъ умѣютъ служить своимъ господамъ татарскіе кони, которые, сверхъ того, переносятъ труды почти невѣроятны: только сіи неуклюжіе и некрасивые бакематы (такъ называютъ ихъ татары) въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвостъ ихъ достигаютъ до земли“.

О крымской ордѣ на походѣ Бопланъ говоритъ слѣдующее: „Фронтъ татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1.000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (при каждомъ татаринѣ находится по двѣ заводныя—запасныя лошади), въ глубинѣ же оно имѣетъ отъ 800 до 1.000 коней и занимаетъ около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невидавшаго татаръ будетъ непонятно, какъ 80.000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200.000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ и, приближаясь, все болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легионовъ наведетъ ужасъ на война самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ такому зрѣлищу“¹⁾.

Орда, которую вывелъ въ поле Карабча-мурза, представляла именно такое зрѣлище. Болѣе тридцати тысячъ лошадей покрывали всѣ ложбины и возвышенности, ведущія отъ Бахчисарая

¹⁾ Вотъ полное заглавіе сочиненія Болана: „Description d'Ukraine, qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne. Contenus depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs moeurs, façons de vivre, et de faire la Guerre. Par le Sieur de Beauplan. A Roüen, Chez Jacques Cailloué, dans la Cour du Palais. MDCLX (1660 г., а первое изданіе 1650 г.) Мы пользовались переводомъ со 2-го изданія, сдѣланномъ въ 1831 году Ф. У. (Федорова Устряловымъ, братомъ историка) и носящимъ заглавіе: „Описаніе Украини“. Сочиненіе Болана. Пер. съ французскаго. Спб., 1832, стр. 43—44, 49.

къ сѣверу, по направленію къ Акъ-мечети и къ Ору, — нынѣшній Перекопъ. Воздухъ оглашался лошадинымъ ржаніемъ и неистовымъ крикомъ татаръ, приводившихъ въ возможный порядокъ свои нестройныя толпы. Казалось, что отъ подножія гиганта Чатырдага двитались на сѣверъ тучи пѣшей саранчи.

У каждаго татарина за спиною лукъ и колчанъ со стрѣлами, которыя торчали какою-то грозною щетиною. У сѣделъ болтались длинныя волосяныя арканы для ловли враговъ, словно степныхъ дикихъ коней, и ременныя веревки — для связыванія несчастныхъ плѣнниковъ. Кромѣ тридцати тысячъ верховыхъ осѣдланыхъ коней, по три коня на каждаго хищника; погонщики гнали еще цѣлый табунъ старыхъ и негодныхъ лошадей — для продовольствія орды въ первые дни ея набѣга, до перваго грабежа неприятельской земли.

Впереди центральнаго ядра орды ѣхалъ Карачи-мурза, окруженный своею свитою. Подъ мурвою былъ великолѣпный бѣлой масти аргамакъ, накрытый богатымъ чепракомъ съ золотыми кистями. Съ нимъ же рядомъ выступали запасные кони подъ такими же богатыми чепраками и сѣдлами: они, точно дѣти, отъ времени до времени протягивали шею къ своему повелителю, и онъ ласково трепалъ своихъ любимцевъ.

Въ свитѣ Карачи находился и Тимошъ съ двумя состоявшими при немъ запорожцами и юнымъ „джурою“, черноглазымъ мальчикомъ, котораго легко можно было принять за передѣтую загорѣлую дѣвочку. Это былъ Ивасъ Метеликъ („мотылекъ“), бѣжавшій въ Запорожье изъ кievской бурсы и прозванный „мотылькомъ“ за легкость и быстроту движеній. Ивасъ бодро сидѣлъ на татарскомъ конѣ, радостно сверкая своими совсѣмъ еще дѣтскими глазами. Сбоку у Иваса болталась, однако, массивная сабля, а за поясомъ торчали пистолеты и кинжалъ. Тимошъ иногда съ ласковой улыбкой поглядывалъ на него, и лицо Иваса свѣтилось счастьемъ: онъ чувствовалъ себя „большимъ“, настоящимъ запорожцемъ.

— Ну, что, Ивасъ, радъ будешь показывать въ полѣ? — спросилъ его Тимошъ, лукаво поглядывая на джuru.

— Дуже радъ, пане Тимошъ, — отвѣчалъ мальчикъ, поглаживая гриву своего коня.

— И ляховъ будешь бить?

— Буду — не пожалѣю ни ляховъ, ни ляховоѣ, — задорно отвѣчалъ Ивасъ.

— Овва! — насмѣшливо оглядѣлъ его ѣхавшій рядомъ запорожець: — теба ляховѣа положить къ себѣ въ пелену и унести.

— Какъ бы не такъ!—вспыхнулъ Ивась:—я ей покажу пелену вотъ эту шаблюкою!

— Ой-ой-ой, какой страшный!—засмѣялся запорожець. — А небось когда въ бурсѣ драли, такъ не брыкался.

— Нѣтъ, брыкался и убѣжалъ въ Запорожье.

— Ну, Уласе, не дразни хлопца!—заступился за Иваса другой запорожець.—Онъ, хлопецъ, добрый казакъ: ходилъ со мною на тура, и не испугался...

Обучаясь въ кievской бурсѣ, Ивась, какъ и всѣ бурсаки, терпѣлъ тамъ и голодъ, и холодъ. Часто вмѣстѣ съ товарищами, подъ предводительствомъ какого-нибудь ритора или философа, Ивась былъ отправляемъ въ городъ за „эпитенцію“, по-просту за сборомъ подаянія на кормъ голоднымъ бурсакамъ. „Эпитенты“ бродили по городу съ мѣшками и горшками для провизіи, и „орациями“ выпрашивали подаяній для своей длиннополой республики, управляемой „консулами“ и „проконсулами“ изъ риторовъ и богослововъ. Въ одну изъ такихъ экскурсій бурсаки наткнулись на кучку запорожцевъ, которые гуляли на базарѣ, опроверидывая бочки съ дегтемъ и столики съ бубликами и расплачиваясь за все втри-дорога. Въ то время и старый, и малый знали о привольной жизни на Запорожьѣ. Мечты каждаго юноши стремились туда, въ это волшебное царство свободы и „рыцарскихъ“ подвиговъ...

И пятнадцатилѣтній Ивась, смѣлый и гордый юноша, которому казалось унижительнымъ выпрашивать подаянія, однажды бросилъ постылую сумку и увязался за гулявшими запорожцами. Живой, бойкій юноша понравился имъ, и они взяли его съ собой. Особенно полюбилъ его сивоусый „дядько“ Охримъ Разбій-Пляшка, который и взялъ бѣглеца подъ свое покровительство. Вмѣстѣ съ Разбій-Пляшкою попалъ Ивась и въ Запорожье. Сначала товарищи посмѣялись надъ сѣдоволосымъ „дядькомъ“, говоря, что онъ, точно баба, „привелъ дитинку“, которую придется кормить „вашею изъ ложки“, а потомъ всѣ полюбили этого востроглазаго бурсачка и прозвали его „метеликомъ“.

Когда, вскорѣ послѣ этого, Хмельницкій вмѣстѣ съ сыномъ Тимошемъ и нѣсколькими запорожцами отправился въ Крымъ просить помощи у Исламъ-Гирея, Ивась не хотѣлъ отстать отъ своего „дядьки“, бывшего въ числѣ запорожцевъ, сопровождавшихъ Хмельницкаго въ Крымъ, и тамъ такъ полюбился Тимошу, что сдѣлался у него „джурую“—нѣчто въ родѣ пажа.

Разбій-Пляшка былъ поэтому правъ, заступаясь за своего воспитанника: Ивась, дѣйствительно, ходилъ съ нимъ на громад-

наго и свирѣлаго тура и помогъ старому своему наставнику убить страшнаго звѣря тѣмъ, что отвлекъ на минуту его вниманіе и тѣмъ далъ возможность Разбій-Пляшкѣ всадить „ратище“ въ самое сердце тура...

Къ вечеру казаки вмѣстѣ съ ордою достигли Перекопа, пограничнаго укрѣпленія крымскаго ханства.

Перекопъ, по свидѣтельству Боплана, былъ ничтожный городокъ, почти безъ укрѣпленій. Онъ овананъ былъ ровомъ, шириною въ двадцать футовъ—около трехъ сажень, а глубиною отъ шести до семи футовъ. Такой же вышины былъ валъ, толщиною до пятнадцати футовъ. Въ немъ было до 400 татарскихъ домовъ. Самая крѣпость состояла изъ каменнаго замка, внутри котораго былъ другой такой же замокъ.

У Перекопа орда остановилась на ночлегъ.

Громадный дискъ багроваго солнца медленно опускался въ море, когда Тимошъ, Ивасъ и оба запорожца вмѣстѣ съ прочими сошли съ усталыхъ и взмыленныхъ коней. По бирюзовой поверхности моря тамъ и сямъ бѣжали паруса, окрашиваемые нѣжно-розовымъ цвѣтомъ заходящаго солнца, точно бы это носились надъ моремъ розоватыя чайки, которыя жалобно перекливались у береговъ. Тимошъ зналъ, что это бѣлѣли въ морѣ паруса турецкихъ судовъ, а можетъ быть, и галеры съ бѣдными невольниками: тамъ лежалъ путь изъ Очакова въ Стамбулъ, въ Козловъ, въ Кафу и къ прочимъ невольничьимъ рынкамъ. Онъ взглянулъ на Ивася: можетъ быть, и этого веселаго „хлопчика“ впоследствии будутъ продавать на рынкѣ какъ барана и по нѣжному тѣлу его будетъ ходить „червонная таволга“... Таково было время—время тяжелой неволи и часто вѣчнаго плѣна...

Какъ и вчера, величавый Чатырдагъ подставлялъ заходящимъ лучамъ солнца свою голую вершину, но только теперь не слышно было нѣжнаго женскаго шопота: „добрый вечеръ, казаче!“ ни плачущей мелодіи:

Ой, куды ты полинишь, сивый соколонуку?

Чи на всхидь, чи на заходь, чи на Вкрапнуонуку?

Сумерки наступили быстро, какъ это всегда бываетъ на югѣ, и татарскій станъ представилъ поражающее зрѣлище. На пространствѣ многихъ верстъ бродили табуны стреноженныхъ коней, производя шумъ, заглушавшій немолчный говоръ моря. Сотни островъ горѣли по всему видимому полю, освѣщая фантастическимъ свѣтомъ то багровыя отъ огня лица хищниковъ, то группу коней, или сверкая кольчугою каваго-нибудь богатаго мурзы. Надъ

кострами, на длинныхъ вертелахъ, шипѣли и дымились то бараньи туши, то лошадиныя ноги и кровавыя ребра. Это татары готовили себѣ, передъ набѣгомъ, послѣдній роскошный ужинъ, котораго завтра уже не будетъ: завтра ждетъ ихъ только сырая конина, пропитанная конскимъ пѣтомъ подѣ туго перевязанными потниками и сѣдлами.

Казаки тоже развели костеръ, но нѣсколько въ сторонѣ отъ татарскихъ костровъ, на берегу моря, и въ небольшомъ котелѣ варили себѣ кашу съ саломъ.

— Хорошо, Уласе, что мы тутъ помѣстились, у бережечка, — заговорилъ старый Охримъ, мѣшая въ котелѣ деревянною ложкой.

— А что, пане Охрима? — спросилъ Уласъ, доставая изъ котла уголекъ и закуривая свою „люльку“.

— Да то, что духъ отъ нашего сала вѣтеркомъ къ морю относитъ, а не къ этимъ песиголовцамъ; они вѣдь, дурни, свиняго сала не любятъ.

— И вправду дурни — этакое добро да не любить!

Прислонившись къ сѣдлу, Тимошъ сидѣлъ молча и изрѣдка поглядывалъ на звѣзды: и звѣзды здѣсь, казалось, не тѣ, что на Украинѣ.

Ивасъ не дождался каши: юный запорожецъ упалъ черно-волосою головою на свое сѣдло и спалъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

— Умаялся нашъ казакъ! — замѣтилъ, съ любовью глядя на него, сѣдоусый запорожецъ, и осторожно поправилъ подѣ его головою сѣдло.

Ивася разбудили, когда готова была каша.

— Ивасю! вставай! вставай скорѣй! ляхи напали! — тормозили его Уласъ, который любилъ подтрунить надъ юнымъ запорожцемъ.

— Что! гдѣ ляхи? — вскочилъ Ивасъ, хватаясь машинально за саблю.

А вотъ — въ казанѣ ляхи, — невозмутимо отвѣчалъ Уласъ, опуская свою ложку въ дымящійся котелокъ. — Катай ихъ, вражьи дѣтей!

Ивасъ разсмѣялся и сталъ уплетать вкусную кашу.

Татарскій станъ, мало-по-малу, погружался въ сонъ. Костры одинъ за другимъ тухли. Говоръ постепенно умолкалъ. Слышно было только фырканье лошадей да глухой прибой моря.

Когда, уже почти передъ разсвѣтомъ, Тимошъ проснулся, — тишина была еще болѣе полная. Даже лошади большею частью лежали молча, не фыркая, и только слышалось ихъ тяжелое ды-

ханіе, да съ высокаго неба таинственно мерцали звѣзды, какъ бы созерцаая уснувшій таборъ.

Ивась лежалъ неподвижно, обративъ лицо къ небу. Но еслибъ Тимошъ могъ видѣть это лицо, то онъ не мало удивился бы: Ивась не спалъ; онъ лежалъ съ широко-раскрытыми глазами, изъ которыхъ медленно текли слезы.

Это были не дѣтскія слезы, а слезы какого-то благоговѣйнаго умиленія передъ тѣмъ, что совершилось и что должно еще было совершиться въ близкомъ, но невѣдомомъ будущемъ. Это были сладкія слезы, возвышавшія юную душу.

Какъ далеко назади осталось все—и родной домъ, и бурса, и товарищи дѣтскихъ игръ!

III.

Утромъ орда двинулась далѣе, перерѣзывая степь отъ Перекопа по направленію къ Днѣпру гдѣ должна была совершиться переправа.

Передъ выступленіемъ, однако, утромъ, татары занялись приготовленіемъ себѣ походной провизіи. Для этого тутъ же, около Перекопа, они совершили кровавую гекатомбу, отвратительная картина которой не поддается никакому описанію. На зарѣ они зарѣзали нѣсколько сотъ лошадей, которыя не были подъ сѣдломъ, и, въ качествѣ брака, взяты были собственно для суточного или двухдневнаго продовольствія орды. Содравъ кожу съ убитыхъ своихъ жертвъ, которыя когда-то были ихъ вѣрными товарищами и не разъ спасали ихъ головы отъ польской или казацкой пули или сабли, и, выпотрошивъ ихъ, тотчасъ же разрѣзывали мясо на тонкіе, въ дюймъ или дюйма въ полтора куски, шириною ладони въ двѣ, и клали на спины лошадей подъ потники сѣдла, крѣпко затагивая ихъ подпругами. Это было ихъ лакомое кушанье, ихъ ростбифъ — сырая конина, пропитанная лошадинымъ пѣтомъ. Шкуры убитыхъ жертвъ тутъ же привязывали на спины заводныхъ лошадей или тѣхъ, которыя еще оставались въ табунѣ, и послѣ этой кровавой операціи немедленно пускались въ путь.

Къ полудню орда была уже около Днѣпра, недалеко отъ Кизикермена. Здѣсь должна была совершиться переправа.

Но какъ переправить десятитысячный корпусъ, болѣе чѣмъ въ тридцать тысячъ коней, черезъ широкую, быструю и многоводную рѣву? Вѣдь у орды не было ни лодокъ, ни другихъ какихъ-либо приспособленій для переправы.

Однако это обстоятельство не остановило татаръ. Орда ихъ растянулась вдоль лѣваго берега Днѣпра на нѣсколько верстъ. Всѣ спѣшилися и начали готовиться къ переправѣ.

Въ этихъ мѣстахъ берега Днѣпра были тогда покрыты цѣлымъ лѣсомъ камышей, которыхъ никто не трогалъ, если только зимою ихъ не выжигали казаки, но это рѣдко случалось. И вотъ каждый татаринъ срѣзываетъ для себя потребное количество камыша, связываетъ его въ два большихъ пуча возможно солидной толщины, прикрѣпляетъ къ нимъ сверху нѣсколько поперечныхъ палокъ, а снизу подводитъ жердь, одинъ конецъ которой и привязываетъ къ хвосту своей лошади.

И вотъ плотъ готовъ. На этотъ плотъ татаринъ ставитъ сѣдла своихъ лошадей, самъ раздѣвается до нага, складываетъ на плотъ одежду, лукъ, стрѣлы, саблю и другое вооруженіе, равно и оставшуюся несъѣденною провизію,—все это прикрѣпляетъ къ плоту, а самъ остается съ одной нагайкой въ рукѣ. Затѣмъ входитъ въ рѣку, вѣдя за собою одну лошадь, хватается одною рукою за гриву и плыветъ рядомъ съ лошадью, за которую слѣдуютъ и остальные, заводныя.

Казаки наши дѣлали то же, что и татары. Ивась особенно усердно трудился надъ своимъ плотомъ.

— А ну, Ивась, съумѣешь смастерить себѣ казацкій човенъ?—подсмѣивался надъ нимъ Уласъ.

— Эка невидаль!—задорно отвѣчалъ Ивась:—такой смастерю, что чудо.

— То-то! неровенъ часъ, штанцы потеряешь; а безъ штановъ казакъ—ой-ой!

— Не потеряю, дядьку,—огрызнулся мальчишъ.

— А плавать умѣешь?

— Умѣю, какъ окунь.

— А не боишься, что въ водѣ тебя жаба укуситъ?

— Да что ты, Уласе, ѣшь хлопца, точно ржа желѣзо!—огрызнулся на насмѣшника старый Охримъ.

— Да я ему, дядьку, поддаю казацкаго духу,—оправдывался насмѣшникъ.

Во время этихъ приготовленій Тимошъ былъ отозванъ къ Карабчѣ-мурзѣ, который вмѣстѣ съ дружными подручными мурзами и беями держалъ военный совѣтъ—куда выгоднѣе и безопаснѣе направить набѣгъ. Карабча желалъ, чтобы Тимошъ, какъ союзникъ и сынъ побѣдителя при Желтыхъ-Водахъ, былъ посвященъ во всѣ подробности предстоящей экспедиціи. Свирышній дивлопъ Халиль-бей совѣтовалъ нагрѣнуть на Червонную Русь,

но большинство мурзъ было того мнѣнія, что лучше будетъ направить набѣгъ на Брацлавщину, тѣмъ болѣе, что въ этомъ направленіи они будутъ не такъ удалены отъ орды Тугай-бея, дѣйствовавшей вмѣстѣ съ войскомъ Хмельницкаго.

Такимъ образомъ, рѣшено было, переправившись черезъ низовья Ингульца и Ингула и оставивъ Черный-Шляхъ вправо, двигаться въ глубь Брацлавщины водораздѣломъ Буга и Ингула.

Между тѣмъ запорожцы приготовили плотъ и для Тимоша.

Тогда по сигналу, данному рожкомъ со стороны Карабчи-мурзы, началась переправа.

Это была поразительная картина. Болѣе сорока тысячъ человѣческихъ и лошадиныхъ тѣлъ разомъ загрохотали Днѣпръ, а неистовые крики татаръ, понукавшихъ лошадей, фыреанье этихъ послѣднихъ, плескъ и бурленіе воды,—все это представляло собою что-то хаотическое, страшное, дикое. Татары съ бараньими шапками на головахъ, съ свистящими въ воздухѣ нагайками, съ дикими отъ напряженія лицами казались какими-то плавающими дьяволами. Поднятая этимъ шумомъ въ зарѣчныхъ камышахъ всякая птица—дикіе гуси, утки, цапли, бабы-пеликаны, гайстры, кулики, чайки—стаями, тучами кружились надъ рѣкою и на десятки верстъ оглашали воздухъ всевозможными криками. Это было что-то невообразимое, адское.

— Го-го-го-го!—неистово гоготалъ неугомонный усатый Уласъ, фырякая какъ лошадь и махая въ воздухѣ нагайкой. — А ну, Ивасю, въ перегонку!

А Ивасъ, легонькій, тоненькій, плылъ почти на поверхности воды, сверкая своимъ бѣлымъ, еще не загорѣвшимъ тѣломъ.

За нимъ, не спуская глазъ съ своего любимца, грузно, но мужественно плылъ старый Разбій-Пляшка съ обросшею волосами широкой грудью. Тимошъ, плыва съ нимъ рядомъ, также любовался своимъ юнымъ, безстрашнымъ „джурою“.

— Ай да Ивасъ!—подбодрялъ онъ его:—съ тебя славный казакъ выйдетъ.

— Эге! казакъ, только чубъ не такъ!—подтрунивалъ Уласъ, „подавая ему казацкаго духу“:—смотри, какъ бы тебя жаба не кусила.

Выдрессированные татарскіе воні плыли дружно, стараясь опередить одинъ другого. На нѣсколько верстъ вверхъ и внизъ виднѣлись изъ воды лошадиныя уши, морды, мохрыя гривы да татарскія головы въ бараньихъ шапкахъ. За ними, точно живые, двигались камышевые плоты, нагруженные сѣдлами и другимъ татарскимъ скарбомъ.

— А знаете, пане Тимохвію, на кого мы теперь похожи?— обратился къ Тимошу старшій Охримъ, плывя съ нимъ рядомъ.

— А на кого?—спросилъ тотъ, поправляя на головѣ шапку.

— На крысъ... Разъ, знаете, это давно было, окружили мы на Черномъ морѣ своими казацкими човнами двѣ турецкія галеры и начали громить ихъ нашими чугунными гостинцами изъ гармать, громили такъ, что одну галеру порядкомъ изрѣшетили. Вотъ и стала она потопать... А мы знали раньше, что на ней не было нашего брата-невольника, а только одни турки да ефіопы, оттого и жарили по ней изъ гармать... Такъ вѣрите ли, панове, какъ стала она потопать, такъ откуда ни возьмись чортовы крысы, видимо ихъ невидимо, да всѣ въ море—свокъ-свокъ-свокъ! и поплыли къ другой галерѣ, а инья—къ нашимъ човнамъ—вотъ точнехонько какъ мы теперь плывемъ.

Ивась между тѣмъ плыть впереди всѣхъ: легкое тѣло его, привыкшее къ плаванью, не доставляло никакого затрудненія его воню, и они на цѣлюю сажень опередили всѣхъ.

Скоро вонь Ивася почувствовалъ подъ ногами землю и радостно заржалъ.

— Вивать, Ивась! вивать! — привѣтствовалъ его Тимошъ.

— Кугу-пугу казаки зъ Лугу!—отвѣчалъ ему Ивась, а глаза стараго Охрима свѣтились гордостью за своего любимца.

Переправа кончилась благополучно, и тутъ же начались приготовления къ дальнѣйшему походу. Легкіе плоты были припрятаны въ камышахъ на случай обратной переправы черезъ Днѣпръ, вонь были вновь осѣдланы, платье надѣто, и орда быстро двинулась впередъ, чувствуя въ себѣ новыя силы послѣ купанья.

Проскакавъ безъ отдыха верстъ десять, орда, по сигналу, данному предводителемъ, остановилась и сбилась въ одну сплошную массу, въ гигантскую квадратную колонну.

И здѣсь совершилось чудо татарской тактики.

По знаку Карабчи-мурзы, весь десятитысячный корпусъ быстро раздѣлился на четыре квадратныхъ колонны, по 2.500 всадниковъ каждая и каждая съ своими мурзами и беями. Затѣмъ одна колонна, съ Карабча-мурзою во главѣ, двинулась прямо на западъ. Къ ней примкнули и наши казаки съ Тимошемъ и Ивасемъ. Вторая колонна двинулась на сѣверъ, третья на югъ и четвертая на востокъ. Проскакавъ нѣсколько верстъ, колонны остановились, и каждая изъ нихъ снова разбивалась, но уже на три отряда, по 800 всадниковъ въ каждомъ. Эти отряды опять поскакали въ разныя стороны и опять остановились, проскакавъ нѣсколько верстъ. Здѣсь снова хищники раздѣлились на три

меньшіе отряды и снова разѣхались въ разныя стороны. Опять остановка, опять раздѣлъ на три шайки, по 90 хищниковъ каждая, опять скачка въ разныя стороны. Новая затѣмъ остановка, новый дѣлежъ, по 30 хищниковъ, потомъ дальше—уже по 10, а тамъ—только уже по 3 татарина.

IV.

„Намѣреваясь нечаянно разграбить какой-нибудь караванъ (или селеніе, городъ, замокъ), буджаки,—говоритъ Бопланъ,—употребляютъ весьма искусную хитрость: надобно замѣтить, что тамошнія степи покрываетъ густая, въ два фута вышиною, трава, которую при проѣздѣ нельзя не притоптать; посему, опасаясь, чтобы слѣды не открыли числа и направленія отрядовъ, и чтобы непріатели не пустились въ погоню, татары поступаютъ слѣдующимъ образомъ: отрядъ человекъ въ 400 раздѣляется на 4 шайки: одна идетъ къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку, четвертая къ западу. Однимъ словомъ, каждая сотня слѣдуетъ особеннымъ путемъ и, прошедъ около 1½ мили, раздѣляется еще на 3 шайки, въ 33 коня, которыя также расходятся въ разныя стороны, если не попрепятствуетъ какая-нибудь рѣка; чрезъ полмили снова раздѣляются на три части. Такимъ образомъ, не болѣе 10 или 11 татаръ остаются вмѣстѣ. Все это совершается скорѣе, нежели въ полтора часа, на всемъ скаку; иначе, если казаки откроютъ ихъ во время разсѣяннаго движенія, то никакая быстрота уже не поможетъ. Но хищники весьма опытные въ семь маневрѣ и такъ хорошо знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Каждая шайка, въ 10 или 11 всадниковъ, идетъ степью произвольно, избѣгая только встрѣчи съ другими; миляхъ же въ 10 или въ 12 отъ мѣста раздѣленія, въ опредѣленное время, всѣ они сходятся въ какую-нибудь лоцину, гдѣ надѣются отыскать кормъ для лошадей своихъ и воду. Иные прямо идутъ къ мѣсту соединенія; другіе же, находясь отъ онаго далѣе, описываютъ дугу. Трава, притоптанная 10 лошадьми, на другой день поднимается и слѣды исчезаютъ. Хищники скрываются въ лоцинѣ нѣсколько дней и потомъ врываются нечаянно въ одну изъ пограничныхъ деревень, грабятъ, опустошаютъ, забираютъ въ плѣнъ жителей и послѣшню уходятъ въ степи. Татары изобрѣли хитрость сію съ намѣреніемъ обмануть казаковъ (или польскихъ жолнеровъ), которые преслѣдуютъ ихъ неутомимо. Свѣдавъ о появленіи татарской шайки и зная, что въ ней не

болѣе 500 или 600 человекъ, 1.000 или 1.200 казаковъ садятся на коней, ищутъ слѣдовъ непріятельскихъ, и по онимъ, достигнувъ до середины описаннаго нами круга (на чертежѣ), въ недоумѣніи останавливаются, не зная, гдѣ искать враговъ, ибо слѣды расходятся во всѣ стороны. Это заставляетъ ихъ возвратиться и объявить, что татаръ не видѣли. Изъ сего понятно, какъ трудно отыскать хищниковъ. Казаки (и польскіе разъѣздные отряды) встрѣчаются съ ними случайно, во время роздыха или ночлега, но татары всегда осторожны: имѣя глаза узкіе и, слѣдовательно, зрѣніе острое, они открываютъ насъ прежде, нежели мы ихъ увидимъ. Притомъ же хитрость, а не сила рѣшаетъ побѣду. Встрѣтись другъ съ другомъ за часъ до заката солнечнаго, или чрезъ часъ по восхожденіи, враги, подобно мореходцамъ, старающимся выиграть вѣтеръ, употребляютъ все искусство, чтобы стать спиною въ солнцу, дабы оно свѣтило въ глаза непріятелю. Если же татары не въ силахъ отразить саблями натиска поляковъ,—разсыпаются, подобно мухамъ, въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку и такъ мѣтко, что въ 60 и даже 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть, имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ татарскіе; а татары, отскакавъ на $\frac{1}{4}$ мили, соединяются, встрѣчаютъ ляховъ строемъ и, при нападеніи ихъ, снова рассыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ скаку чрезъ лѣвое плечо (чрезъ правое стрѣлять не умѣютъ). Наконецъ, утомивъ поляковъ, принуждаютъ ихъ къ отступленію“.

— Глаза и уши впередъ! во всѣ стороны, какъ лучи отъ солнца, и, подобно солнцу, видѣть все и вездѣ!

Такой лаконическій приказъ отдалъ Карачча-мурза въ тотъ моментъ, когда орда раздѣлилась на четыре колонны.

— На ночь соединиться всѣмъ въ среднихъ балхахъ Ингульца, —добавилъ онъ,—и чтобы глаза ваши видѣли врага за сто верстъ, а уши слышали бы, какъ земля дышетъ и трава растетъ!

— Ахъ, чортовъ сынъ!—проворчалъ старшій Охримъ, услышавъ такую команду:—слышать, какъ земля дышетъ, какъ трава растетъ!

— А развѣ, дядьку, земля дышетъ?—наивно спросилъ Ивась.

— А какъ же! еслибъ не дышала, то и трава не росла бы, лѣсъ бы не шумѣлъ, рѣки бы не бѣжали,—рѣшилъ старшій запорожецъ, сообразно своей космогоніи.

— А вы, дядьку, слышите, какъ она дышетъ?—допытывался Ивась.

— Не довелось, хлопче... Слышалъ только, какъ она зимою

отъ сильныхъ морозовъ трещить и „репается“,—отвѣчалъ запо-рожець...

И вотъ десяти тысячная орда, съ тридцатью тысячами коней, растаяла въ степи, какъ облако, разогнанное вѣтромъ.

— Да, ищи теперъ вѣтра въ полѣ, лови его!—съ изумленіемъ повачалъ головою Тимошъ, когда туча орды исчезла изъ глазъ, а черезъ часъ онъ увидѣлъ себя только въ сообществѣ Карабчи-мурзы, нѣсколькихъ почетныхъ беевъ и своихъ товарищей казаковъ.

Прошло, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Орда исчезла, разсѣялась точно дымъ.

Но около половины іюня, недалеко отъ границъ Брацлав-щины, въ богатомъ имѣніи Конецпольскаго, окруженномъ нѣсколькими фольвареями и имѣніями другихъ пановъ, поздно вечеромъ, съ балкона замка, на которомъ сидѣло нѣсколько гостей, пировавшихъ въ этотъ день на именинахъ у сестры Конецпольскаго, кто-то замѣтилъ вдали вспыхнувшій огонь, словно бы тамъ начинался пожаръ. Въ ту же почти минуту огни вспыхнули въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ, и вскорѣ зарево озарило огненнымъ вольцомъ всѣ окрестности.

— Іезусъ! Марія! это пожаръ кругомъ!—испуганно вскрикнула прелестная панна Ванда, юная племянница Конецпольскаго.

— О, панове! — шатаясь отъ ужаса и хватаясь за перилы балкона сказалъ одинъ изъ гостей, старый тучный каноникъ:— это не простой пожаръ—это татарскій набѣгъ... Я знаю, я уже испыталъ подобный ужасъ въ Гуманщинѣ.

Ужасъ овладѣлъ всѣми. Мужчины бросились вооружаться и созывать надворную стражу, которая имѣлась тогда въ каждомъ богатомъ польскомъ помѣстьѣ и вооружалась на счетъ владѣльца.

Въ числѣ гостей находился молодой князь Дмитрій Вишневецкій, отличный танцоръ и рубака на поединкахъ; онъ тотчасъ привелъ въ порядокъ защиту замка и принялъ начальство надъ замковою стражей.

Но не успѣли они достаточно укрѣпить замковыя ворота, какъ воздухъ огласился неистовымъ гиканьемъ, и татары, съ криками: „Аллахъ акберъ! Аллахъ веримъ!“—обружили замокъ. Въ воздухѣ засвистѣли стрѣлы, и нѣкоторые изъ защитниковъ замка свалились со стѣны.

— Пушкари! пустите въ сволочь картечью!—послышались голоса на стѣнѣ.

Вдругъ изъ густой толпы татаръ выдѣлились четыре всадника.

Въ рукахъ они держали, вмѣсто факеловъ, палки, обмотанныя просмоленною паклей, которая горѣла и ярко освѣщала ихъ лица и ихъ фигуры. Крики татаръ между тѣмъ умолкли. Защитники замка съ изумленіемъ глядѣли на четыре странныя фигуры, освѣщенные пламенемъ горячей пакли. Всѣ узнали въ нихъ запорожцевъ: одинъ съ длинными сѣдыми усами, другой съ рыжими и двое молодыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно мальчишъ.

— Панове пушкари и вы, панство казаки!—громко произнесъ сѣдоусый запорожець, снимая шапку и сверкая громадною, какъ двѣичья коса, сѣдою чуприною. — Чоломъ вамъ, панове! Передъ вами—сынъ славнаго лицаря Богдана Хмельницкаго (запорожець указалъ на Тимоша). До васъ ужъ, вѣрно, дошла чутка, что онъ съ Тугай-беємъ разбилъ ляховъ при Желтыхъ Водахъ на-голову, побилъ Конецпольскаго и обоихъ Потоцкихъ, и теперь пошелъ добивать въ конецъ все польское королевство, а всѣмъ православнымъ и всему посольству хочетъ дать волю... Будьте-жъ и вы, панове казаки, вольными! Будеть вамъ гнуть спины передъ ляхами! До насъ, братцы панове! до сына Богдана Хмельницкаго!

Не успѣлъ онъ кончить, какъ со стѣнъ замка и отъ воротъ послышались радостныя крики:

— Згода! згода! вязать ляховъ! долой пановъ и всендзовъ!

Но въ этотъ моментъ изъ замка раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

— Бей проклятыхъ пановъ! это они стрѣляютъ!—послышались возгласы въ замкѣ.

Однако пули, пущенныя торопливою рукою, не причинили вреда запорожцамъ. Только Ивасъ схватился за шапку.

— Что, Ивасю?—испуганно спросилъ старый Розбій-Пляшка.

— Ничего... Только шапку пробилъ вражій панъ,—отвѣчалъ Ивасъ, быстро блѣднѣя.

— Га, чортовы сыны!—заскрипѣлъ зубами старый запорожець:—ломай ворота, братцы! въ замокъ! ляховъ ловить!

Но ворота не пришлось ломать: замковые казаки сами растворили ихъ настежь и бросились цѣловаться съ запорожцами: „орлы сизые! гости наши дорогіе!... Давно пора“...

Казаки и татары ворвались въ замокъ. Послѣдніе разсыпались по всѣмъ мѣстамъ, по оффицинамъ, по погребамъ, по подваламъ, по конюшнямъ; все цѣнное грабили и выносили изъ замка; всѣхъ служащихъ въ замкѣ—экономовъ, поссессоровъ, женщинъ и дѣтей—всѣхъ говорившихъ по-польски волокли за ворота замка и сдавали подъ присмотръ сторожевымъ командамъ.

Пожарное зарево освѣщало страшную картину. Воздухъ оглашался криками хищниковъ, воплями и стономъ плѣнныхъ, ревомъ загоняемаго скота, ржаніемъ лошадей.

Паны и женщины заперлись въ главной башнѣ. Но и она не долго устояла. Замковые казаки и татары притащили огромное бревно и стали выбивать дверь въ башню. Дверь скоро подалась на петляхъ и рухнула. Толпа ринулась въ середину башни.

Впереди всѣхъ ворвался въ обширную, ярко освѣщенную залу старый запорожець. За нимъ Ивась и Тимошъ съ другими казаками изъ замка.

Паны, разстрѣлявъ всѣ патроны, могли защищаться только саблями. Впереди всѣхъ стоялъ князь Вишневецкій, какъ бы прикрывая всѣхъ своимъ блестящимъ палахомъ. Далѣе стояли другіе паны съ обнаженными саблями. Въ глубинѣ виднѣлись женщины: однѣ изъ нихъ ломали въ отчаяніи руки, другія лежали въ обморокъ. Тамъ же въ ужасѣ метался и поднималъ къ небу руки патеръ.

— Бросьте оружіе! — крикнулъ Тимошъ. — Долой сабли! я — Хмельницкій!

— А! быдло! вотъ же тебѣ! машъ! — прохрипѣлъ Вишневецкій, высоко поднимая саблю.

Но въ этотъ моментъ Ивась съ быстротою кошки прыгнулъ впередъ съ обнаженною саблей, какъ бы защищая своего господина. Въ воздухѣ сверкнули два клинка, скрестились, взвизгнула сталь, послышались удары и что-то мягкое... Ивась запнулся и, какъ подкошенный цвѣтокъ, упалъ на полъ.

Какъ звѣри ринулись на Вишневецкаго старый запорожець и Тимошъ, и Вишневецкій также плавалъ въ крови.

Всѣ остальные паны побросали сабли и были немедленно перевязаны. Женщинъ выносили на рукахъ — всѣ онѣ были въ обморокъ. Тимошъ несъ прелестную Ванду, золотистая головка которой склонилась къ его широкой груди.

Старый запорожець держалъ на рукахъ мертваго Иваса, нѣжно прижимая его къ груди, и товарищъ его, Улашь, поддерживалъ голову убитаго мальчика, слясь другою свободною рукою зажать на прорубленномъ плечѣ Иваса рану, изъ которой сочилась кровь. У обоихъ запорожцевъ по длиннымъ усамъ текли слезы.

V.

Прошло не болѣе года.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени Хмельницкіѣ, разгромивъ Польшу, сдѣлался полновластнымъ владыкой Украины, и правобережной, и лѣвобережной. Всѣ сосѣдніе государи спѣшили отправлять къ нему пословъ, какъ къ одному изъ могущественныхъ государей, заискивая его дружбы и союза.

Въ числѣ прочихъ государей отправилъ къ нему свое посольство и молдавскій господарь, Василий Лупулъ. Лупулъ тѣмъ болѣе искалъ союза съ могущественнымъ украинскимъ гетманомъ, что престолъ Молдавіи оспаривали у него нѣсколько претендентовъ, а молдавскіе бояре, которыхъ самовластіе Лупулъ строго ограничивалъ, явно держали сторону его противниковъ.

Лупулъ, женатый на черкешенкѣ, которая славилась необыкновенной красотой, имѣлъ отъ нея двухъ такихъ же прекрасныхъ дочерей. Старшая изъ нихъ въ это время была уже замужемъ за однимъ изъ крупныхъ магнатовъ Рѣчи Посполитой, за княземъ Радзивилломъ; младшая же, по имени Розанда или домна (domina) Розанда, только-что вышла изъ отроческаго возраста и была, по свидѣтельству современниковъ, поразительной, чарующей красоты.

Красота эта сдѣлалась легендарной. Разсказывали, между прочимъ, такой случай. Однажды домна Розанда гуляла съ одной старой боярыней въ буковомъ лѣсу, окружавшемъ загородный павильонъ или небольшой лѣтній дворецъ ея отца. Вдругъ она услышала въ лѣсу выстрѣлъ, и въ это время изъ чащи выбѣжалъ громадной величины медвѣдь, повидимому слегка раненный или только оцарапанный пулею. Дѣвушка страшно испугалась и замерла на мѣстѣ. Страшный звѣрь шелъ прямо на нее. Но вдругъ онъ поднялъ голову и остановился какъ вкопанный. Страшнаго звѣря поразило неземное видѣніе, какъ говоритъ легенда. Онъ припалъ къ землѣ и, подобно комнатной собачкѣ, сталъ тихо визжать и ползти къ окаменѣлой отъ ужаса дѣвушкѣ. Розанда не вынесла долѣе этой страшной картины и лишилась чувствъ. Когда она потомъ пришла въ себя, то почувствовала, что кто-то тихонько лижетъ ея лицо, руки. Она открыла глаза—это былъ ужасный медвѣдь. Чудовище съ лаской и любовью лизало ей руки, но дѣвушка снова потеряла сознание.

Въ эту минуту изъ лѣсу торопливо вышелъ неизвѣстный челевѣкъ, одѣтый въ богатый охотничій костюмъ и съ двустволкой

въ рукахъ. Услыхавъ трескъ сухихъ вѣтвей, медвѣдь оглянулся, мгновенно поднялся, всталъ на заднія лапы и съ свирѣпымъ ворчаньемъ пошелъ прямо на охотника. Онъ узналъ въ немъ своего врага, который его ранилъ. Охотникъ остановился, приложилъ прикладъ ружья въ плечу и щекъ и ждалъ страшнаго звѣря. Медвѣдь шелъ торопливо, широко разставивъ переднія косматые лапы — какъ бы для объятій, для смертельныхъ объятій. Вотъ онъ все ближе и ближе, а охотникъ стоитъ, не шевельнется. Онъ уже видитъ глаза звѣря, сверкающіе страшной злобой... Вдругъ раздался выстрѣлъ, и медвѣдь съ послѣднимъ хриплымъ ревомъ грузно упалъ на землю. Пуля поразила его прямо въ сердце.

Взглянувъ мелькомъ на убитаго звѣря, охотникъ быстро подбѣжалъ къ лежавшимъ на землѣ женщинамъ, изъ которыхъ одна, старая, припадая со стономъ къ другой, молоденькой, повидимому мертвой, ломала руки въ отчаяніи.

— Марія! Іезусъ! неужели онъ задавилъ ее! — съ ужасомъ воскликнулъ охотникъ (онъ говорилъ по-польски).

Незнакомецъ припалъ на колѣни и взялъ руку дѣвушки. Она была теплая и чуть замѣтно дрожала. Охотникъ приложилъ свою руку къ сердцу дѣвушки.

— Она дышетъ! она жива! — сказалъ онъ радостно.

Тутъ только заговорила другая женщина, съ трудомъ выговаривая слова.

— Она только въ обморокѣ... она испугалась... онъ не тронулъ ее, онъ лизалъ ея лицо...

Идеальная красота дѣвушки поразила незнакомца.

— Кто она, и какъ сюда попала? — спросилъ онъ.

— Она... дочь нашего великаго господаря... домна Розанда.

— Іезусъ! какое счастье, что я убилъ ея...

Въ это время дѣвушка открыла глаза, повидимому ничего не сознавая. Незнакомецъ быстро снялъ шляпу.

— Простите! — заговорилъ онъ почтительно: — я былъ невольною причиной вашего испуга, простите, простите! — но зато я убилъ ея.

Дѣвушка, вся вспыхнувъ, силилась приподняться. Ей стало стыдно, что она лежала передъ незнакомымъ мужчиной. Боярыня и незнакомецъ старались помочь ей и осторожно, почтительно приподняли. Она сѣла, опираясь на плечо старой боярыни.

— Позвольте вамъ предложить нѣсколько капель венгерскаго-токайскаго; очень легкое, тонкое: оно возвратитъ вамъ силы и бодрость, — говорилъ незнакомецъ, снимая съ себя фляжку.

Дрожащими руками онъ влилъ немного вина въ золотой стаканчикъ и подалъ.

— Прошу, ваше высочество...

Дѣвушка улыбнулась и взяла стаканчикъ. Она уже почти оправилась отъ испуга.

Но едва она успѣла сдѣлать нѣсколько маленькихъ глотковъ, какъ сзади послышались голоса, и изъ лѣсу показалось еще нѣсколько охотниковъ.

— Ба-ба-ба! вонъ и медвѣдь лежитъ убитый, а нашъ князь Дмитрій уже любезничаетъ съ дамами, — громко проговорилъ одинъ изъ охотниковъ.

Домна Розанда быстро вскочила на ноги и снова покраснѣла.

— Ахъ, извините, князь! — пробормотала она: — благодарю васъ...

Незнакомецъ выпрямился и сдѣлалъ глубочайшій поклонъ.

— Я очень счастливъ... Позвольте привѣтствовать ваше высочество... Такъ какъ мое невинное incognito до нѣкоторой степени разоблачено, то я позволю себѣ рекомендовать вашему высочеству почтительнѣйшаго и покорнѣйшаго слугу—князя Дмитрія Вишневецкаго изъ Вишневца.

— Очень рада... Очень вамъ благодарна... Но я слышала—вы были въ плѣну у крымскаго хана,—проговорила домна Розанда.

— Да, наяснѣйшая панна, я только-что возвращаюсь изъ Крыма окольнымъ путемъ, чтобъ снова не попасть въ руки хищниковъ... Я былъ тяжело раненъ сыномъ разбойника Хмельницкаго при разграбленіи имъ съ татарами брацлавскихъ маѣнтковъ вельможнаго Конецпольскаго, а иначе я не отдался бы въ руки буйнаго хлопа,—гордо отвѣчалъ Вишневецкій.

При имени сына Хмельницкаго какая-то тѣнь пробѣжала по лицу дѣвушки.

— Я слышала, что и панна Ванда тоже уведена была тогда въ Крымъ,—сказала она.

— Да, она и теперь еще въ Крыму:—сынъ Хмельницкаго, этотъ лайдакъ Тимошъ, промѣнялъ ее Карачъ-мурзѣ на какую-то простую хлопку Оленю.

— Промѣнялъ, Боже!

Въ это время тѣ охотники, что вышли изъ лѣсу, осмотрѣвъ убитаго медвѣдя, подошли къ домнѣ Розандѣ и Вишневецкому.

— Ваше высочество,—сказалъ послѣдній церемонно:—позвольте представить вамъ моихъ товарищей по плѣненію.

И онъ назвалъ нѣсколько извѣстныхъ польскихъ фамилій. Тѣ также церемонно поклонились, недоумѣвая, кому ихъ представили.

— Вы имѣете, панове, счастье видѣть предъ собою ея господарское высочество, домну Розанду.

Паны еще вѣжливѣе поклонились.

— А я васъ, панове, представляю моею доброй наставницѣй и пестунѣй, боярынь Маринѣ Манеско, — обратилась дѣвушка къ почтенной матронѣ.

Снова послѣдовали церемонные поклоны.

— Я бы хотѣла взглянуть на него, — сказала домна Розанда, не рѣшаясь назвать медвѣдя: — онъ темеръ, надѣюсь, не страшень.

— О, панна! — любезно воскликнулъ Вишневецкій: — для васъ онъ не былъ страшень и при жизни... а темеръ...

— Но все же я испугалась.

И они всѣ двинулись къ неподвижно лежавшему огромному звѣрю.

— Бѣдный! — сказала домна Розанда, содрогаясь.

— Представьте, панове, — началъ Вишневецкій, тронувъ ногою медвѣдя: — когда въ него выстрѣлили первый разъ, пуля, должно быть, только слегка его оцарапала. Онъ бросился бѣжать, я за нимъ... И вообразите мое изумленіе: выхожу я сюда изъ лѣсу, и что же я вижу! — лѣсное чудовище, пораженное небесною красотою панны господарѣвны, упало къ ея ногамъ и съ вѣрно-подданической почтительностью лобызало ея прелестную ручку. Но когда чудовище увидало меня, оно быстро поднялось на заднія лапы, свирѣпо зарычало и пошло прямо на меня... Полагая, что это идетъ на меня Тимошъ Хмельницкій, я спустилъ курокъ — и вотъ Тимошъ у нашихъ ногъ...

Старая боярыня напомнила, что пора возвращаться домой, и приглашала гостей слѣдовать за ними въ палацъ.

Все общество двинулось къ загородному палацу молдавскаго господаря.

VI.

Неожиданное знакомство домны Розанды съ княземъ Вишневецкимъ, и притомъ при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, не могло не оставить слѣда въ сердцѣ молодой дѣвушки. Заменутая, однообразная жизнь при дворѣ отца, необщительнаго господаря, видимое отчужденіе бояръ и знатной молдавской молодежи, полное одиночество при богатой обстановкѣ, дѣлали незавиднымъ существованіе юной красавицы. Правда, время ея было постоянно занято. Отецъ старался дать ей блестящее по тому времени воспитаніе, въ надеждѣ черезъ красавицу дочь пород-

ниться съ кѣмъ-нибудь изъ могущественныхъ владыкъ Европы; кромѣ родного языка, она хорошо говорила по-французски, по-итальянски, въ совершенствѣ по-польски и порядочно по-украински, благодаря своей воспитательницѣ, боярынь Маринѣ Манеско, которая еще въ дѣвухахъ долго жила въ Кіевѣ въ качествѣ родственницы Петра Могилы, природнаго молдаванина и научила потомъ этому языку свою юную воспитанницу, домну Розанду. Розанда хорошо играла на арфѣ, прекрасно вышивала, отлично ѣздила верхомъ. Но все это не могло наполнить молодой жизни: впечатлительная, отзывчивая на все прекрасное и благородное, она жаждала раздѣла съ кѣмъ-нибудь какого-то, ей самой невѣдомаго чувства, жаждала выраженія ея душевныхъ и сердечныхъ порывовъ.

Неудивительно, что романическое знакомство съ блестящимъ представителемъ такого изящнаго общества, какъ польское — съ княземъ Вишневецкимъ, было тѣмъ электрическимъ токомъ, который прямо проникъ въ впечатлительную душу молодой дѣвушки, требовавшую отклика, сочувствія.

Притомъ, не могла же она не быть ему признательной за свое спасеніе. Не подоспѣй онъ во время—что бы было съ нею?.. А онъ явился такимъ неустрашимымъ рыцаремъ, такимъ героемъ... Наконецъ, столько романическаго было въ его жизни: его неустрашимость при нападеніи татаръ на замокъ Конецпольскаго, отчаянная храбрость въ битвѣ съ жестокимъ сыномъ Хмельницкаго, съ его ужасными запорожцами и еще болѣе ужасными татарами, тяжкая рана, потомъ плѣнъ, крымская неволя—все это настоящіе подвиги крестonosца, какъ казалось юной Розандѣ.

Дидона полюбила Энея, когда онъ рассказывалъ ей о разореніи Трои, о своихъ странствіяхъ по невѣдомымъ морямъ, а Розанда читала объ этомъ въ Виргилиевой „Энеидѣ“; во время этихъ рассказовъ она жила его жизнью, видѣла его глазами, чувствовала то, что онъ чувствовалъ и испытывалъ.

Юная энтузіастка окружила голову своего героя ореоломъ поэзіи. Онъ представлялся ей такимъ же неустрашимымъ Вишневецкимъ, какъ тотъ Вишневецкій-Байда, котораго турки замучили ужасными муками въ Стамбулѣ; его подвѣсили за ребро на желѣзный крюкъ, и султанъ предлагалъ даже ему руку своей прекрасной дочери, чтобы только онъ покорился его волѣ—и тотъ Вишневецкій не покорился—погибъ!

И на Вишневецкаго дѣвушка произвела неотразимое вліяніе. Для него въ ея идеальной красотѣ было что-то неземное. Онъ зналъ много красавиць полежь, но при видѣ ихъ онъ не испытывалъ ничего подобнаго тому, что внушила ему Розанда.

Но ни князь Вишневецкій, ни домна Розанда не знали, что надъ ихъ сердечнымъ романомъ собирается гроза. Правда, дѣвушка догадывалась, судя по намекамъ матери, что ей что-то угрожаетъ; господарша обмолвилась дочери, что всеильный и страшный въ ту пору Хмельницкій задумалъ о женитьбѣ своего сына Тимоея на Розандѣ и обѣщалъ свою помощь ея отцу противъ другихъ претендентовъ на молдавскій престолъ.

Но до Хмельницкаго скоро дошло извѣстіе, что Лупулъ, обѣщавшій черезъ своихъ пословъ отдать свою дочь за его сына, очень радушно принялъ князя Вишневецкаго и другихъ пановъ, возвращавшихся изъ крымскаго плѣна, что Вишневецкій очаровалъ собою юную Розанду и что на нихъ уже смотреть какъ на жениха и невѣсту. Хмельницкій пришелъ въ ярость.

— Знаешь, сынку, какого гостинца привезъ тебѣ изъ Крыму Дмитръ Вишневецкій?—спросилъ онъ сына съ скрытымъ гнѣвомъ.

— Это тотъ Вишневецкій, котораго я съ панною Вандою промѣнялъ Карабѣ на Олесю?—въ свою очередь спросилъ Тимошъ.

— Тотъ самый, сынку.

— Какой же гостинецъ онъ привезъ мнѣ?

— А „гарбузъ“! понялъ?—И Хмельницкій стукнулъ кулакомъ по столу.

Тимошъ понялъ и поблѣднѣлъ.

— Гарбузъ,—хрипло проговорилъ онъ:—такъ я его самого заставлю проглотить этотъ гостинецъ.

— Такъ, дѣбре, сынку!.. Садись и пиши,—сказалъ Хмельницкій, пододвигая къ сыну бумагу и чернильницу.

Тимошъ сѣлъ.—А что писать?—спросилъ онъ отца.

— Пиши коротко, по-цесарски: *veni, vidi, vici!* Не даромъ мы въ бурѣ долбили „De bello gallico“... Нѣтъ, пиши по нашему, по-казацки:—Василію Лупулѣ, господарю молдавскому...

Онъ остановился. Тимошъ ждалъ. — Написалъ, — напомнилъ онъ.

— Пиши:—если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пришлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ... Сто тысячъ!

Онъ всталъ и грозно выпрямился. Потомъ подошелъ къ столу, пробѣжалъ бумагу, улыбнулся и, взявъ у сына перо, стоя вывелъ крупными буквами: *Богданъ Хмельницкій, рука власна.*

— На, приложи печать.—И онъ снялъ съ пальца массивный перстень и подаль сыну. Затѣмъ громко хлопнулъ въ ладоши.

На зовъ его быстро вошелъ въ свѣтлицу (это было въ Чигиринѣ) молоденькій казаченокъ. Въ немъ тотчасъ можно было узнать

Ивася, хотя онъ значительно измѣнился: выросъ, сильно загорѣлъ, возмужалъ; щеки утратили прежнюю нѣжность кожи, которая порядкомъ загрубѣла, а надъ верхнею губой уже темнѣли зачатки казацкихъ усомъ, но взоръ оставался все тотъ же ясный, открытый. Хорошо залеченная рана оставила только широкій рубецъ на лѣвомъ плечѣ, но рукой онъ владѣлъ отлично.

— А! Ивася!—улыбнулся Хмельницкій:—ты повезешь гостинецъ молдавскому господарю: собирайся гонцомъ въ Яссы, а съ тобою пошлю добрыхъ казаковъ.

Хмельницкій сдѣлалъ знакъ рукою, и Ивася вышелъ.

— Теперь, сынку, надо подумать, кого съ тобою сватами посылать,—сказалъ онъ, что-то соображая.—Я тоже не останусь безъ дѣла; я буду наблюдать въ оконца, какъ тебя и твоихъ сватовъ примутъ... Попробуй они поднести тебѣ гарбуза! камня на камнѣ въ Яссахъ не оставлю. А съ тобою главными сватами пошлю Пушкяря, да Носача, да писаря Дорошенка.

— А бояръ-поѣзжанъ сколько?—улыбнулся Тимошъ.

— Шестнадцать тысячъ казаковъ довольно будетъ? И смотри у меня, сынку, всѣхъ перевяжи рушниками добрыми, какъ слѣдъ.

— Перевяжу,—продолжалъ улыбаться Тимошъ веселой кровавой загѣбъ.

— А такъ какъ на свадьбѣ должны быть и „свитилей“, то я пошлю съ тобою еще двадцать тысячъ татаръ.

— Съ Карабчею?—спросилъ Тимошъ.

— Карабча или Тугай-бей, все равно. А къ себѣ я жду султана Нуредина; съ нимъ мы и будемъ подсматривать въ оконца, когда ты будешь сватать панну Розанду; посмотримъ, хорошіе ли она рушники приготовила для тебѣ и для сватовъ.

— Для меня она не готовила рушниковъ,—понура замѣтилъ Тимошъ.

— А ты думаешь для того, для Вишневецкаго?

— Для кого-жь, какъ не для него!

— Ну, а ты ихъ перехватишь для себя!

Тимошъ всталъ. Глаза его гнѣвно свергнули. Въ эту минуту онъ очень былъ похожъ на отца.

— Только бы мнѣ встрѣтиться съ нимъ опять!—упрямо сказалъ онъ.

— И встрѣтишься: я знаю, этотъ Лупуль—порядочная лиса... Ужъ вѣрно подослалъ своего женишка къ Потоцкому; не хочу, говорить, родниться съ украинскимъ быдломъ...

Въ это время въ дверяхъ показался Ивася и остановился какъ вкопанный.

— Ты что, Ивась?—спросилъ Хмельницкій.

— Посоль отъ Калги-салтана, ясновельможный гетманъ, —
отвѣчалъ Ивась.

— Вотъ и встати... Пускай войдутъ.

Ивась повернулся-было, чтобъ уйти.

— Готовься же въ гонцы, —остановилъ его гетманъ:—се-
годня же ѣдешь.

— Я готовъ, —былъ отвѣтъ.

— Тридцать шесть тысячъ сватовъ, —вакъ бы про себя про-
говорилъ гетманъ:—ну, сватанье же будетъ!..

Д. Мордовцевъ.

ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

М. Е. САЛТЫКОВА

„Современникъ“, 1863—1864.

II *).

Въ лѣтнихъ книжкахъ „Современника“ (1863) не было обычныхъ общественныхъ хроникъ Салтыкова; взамѣнъ того въ августовской книгѣ помѣщена была статья: „Въ деревнѣ, лѣтній фельетонъ“. Въ то время подобный фельетонъ могъ быть особенно интересенъ: съ освобожденіемъ крестьянъ началъ устанавливаться новый складъ деревенскихъ отношеній, весьма не похожихъ на прежнія, и Салтыковъ коснулся отчасти этого предмета; но онъ говорилъ и вообще о деревнѣ и сельскомъ бытѣ въ отличіе отъ городского. Въ то время поднимались уже толки о необходимости „сближенія съ народомъ“; цѣлая журнальная школа принималась разрабатывать вопросъ „о почвѣ“; „День“ Аксакова по старому преданію скорбѣлъ о „разрывѣ съ народомъ“, ополчался на „абсентеизмъ“, и для пушцаго изобличенія нашей оторванности отъ народа изображалъ различіе двухъ странъ—Руси и „Русляндіи“, и послѣднюю представлялъ въ видѣ форрейтора, оторвавшагося съ выносными лошадьми отъ экипажа и усакаващаго впередъ съ одними этими лошадьми... Салтыкову эти и подобные толки нравились очень мало, были даже просто противны: ему чувствова-

*) См. выше: октябрь, 574 стр.

лась, и справедливо, что во всемъ этомъ есть фальшь, фраза, неумѣнье или боязнь говорить о настоящемъ положеніи вещей,— все это кончалось пустословіемъ, когда съ другой стороны все болѣе беззащитно сказывались стремленія прекратить всякіе планы либеральныхъ преобразованій и вернуть жизнь въ ея старыя рамки.

По обыкновенію Салтыковъ начинаетъ шуткой:

„Давнымъ давно извѣстно, что самая благодатная вещь на свѣтѣ—это лѣто въ деревнѣ. Въ самомъ словѣ: „деревня“, звучитъ что-то невинное; какъ-то переносишься мыслию въ тѣ пріятныя и значныя мѣста, въ которыхъ гуляли наши прародители, пока не вкусили отъ древа познанія добра и зла. Конечно, имъ было ловчѣе нашего, потому что они ходили совсѣмъ безъ одеждъ, кушали самые сочные фрукты и вообще жили на всемъ на готовомъ; но и намъ, ихъ потомкамъ, не дурно: не даромъ же съ словомъ: „деревня“, кромѣ понятія о невинности, соединяется еще понятіе о просторной одеждѣ и о прекрасной ѣдѣ.

„Иногда я думаю: какъ это, право, досадно, что наши прародители преслушались! Еслибъ они не преслушались, мы и сейчасъ гуляли бы себѣ безопасно по садамъ, кушали бы прекрасные фрукты, ходили бы безъ одеждъ, не пахали бы, не сѣяли... Но, стало быть, красивъ же былъ тотъ плодъ, который росъ на деревѣ познанія добра и зла, если одного вида его достаточно было, чтобы возбудить со стороны человѣка такое ужасное дѣйствіе, какъ ослушаніе! Да, много горя и бѣдъ надѣлали намъ прародители изъ одного любопытства! Но если ужъ надѣлали, то, стало быть, и говорить объ этомъ нечего“.

По понятіямъ простолюдиновъ, мало вникающихъ въ существо вещей, продолжаетъ Салтыковъ, житье самое близкое къ прародительскому есть именно житье нашего землевладѣльца лѣтомъ въ деревнѣ, и, судя поверхностно, тутъ есть доля правды. „По-видимому землевладѣлецъ только и дѣлаетъ, что гуляетъ, кушаетъ фрукты и ходитъ въ просторной одеждѣ; который умѣетъ сочинять стихи—сочиняетъ стихи; который обученъ на скрипкѣ или віолончели—выводитъ смычкомъ серенаду Шуберта“. Но это сужденіе поверхностно, потому что простолюдинъ не понимаетъ, какія заботы могутъ обуревать землевладѣльца: можетъ быть, онъ изобрѣтаетъ уже изобрѣтенный Ньютономъ биномъ или обдумываетъ законы вѣчнаго движенія, или рѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое комета и зачѣмъ у нея хвостъ и т. п. Самъ авторъ чувствуетъ себя въ деревнѣ бодрымъ и веселымъ: онъ видитъ, какъ кругомъ его все занято дѣломъ, но имъ до того овладѣваетъ ненависть

къ словозверженію, что день полученія газетъ становится днемъ тошноты. Онъ думаетъ: неужели есть на свѣтѣ такая обязанность, чтобы каждый божій день приниматься за ту же сутолоку?

„Да, есть такія занятія; они существуютъ въ той пыльной и душевной сферѣ, гдѣ съ одной стороны безпокойно рѣбеть надъ жизнью жадное до падали литературное воронье и надрывающимъ душу голосомъ выпрашиваетъ жертвъ для своей плотоядности, а съ другой—ключомъ выпяты кисленькіе споры о различіи между Русляндіей и Русью; гдѣ съ одной стороны тупоуміе и хвостовство признаются за единственную руководящую истину жизни, а съ другой — неудержимымъ потокомъ вырываются изъ самыхъ человѣческихъ внутренностей метафоры о форрейторѣ, оторвавшемся съ выносными лошадми отъ экипажа (фигуральное изображеніе Русляндіи). Это міръ почти фантастическій, міръ, гдѣ все обусловливается или подачкой, или вдохновеніемъ, которое, какъ извѣстно, не признаетъ никакихъ условій. Прямое назначеніе людей этого міра—сочинять мадригалы и конфетные билеты, но судьба странно играетъ смертными и изъ урожденнаго сочинителя триолетовъ дѣлаетъ плохого и невразумительнаго публициста“. Говорятъ, что между дѣятелями этой категоріи есть люди „искренніе“, занимающіеся политическими и экономическими „рондо“ по влеченію невиннаго и горячаго сердца, — но авторъ находитъ, что въ результатѣ мало разницы между трудами искреннихъ и неискреннихъ... „Вдохновенные глупцы едва ли даже не вреднѣе, нежели плуты, промышляющіе ложью съ сознаниемъ. Отъ послѣднихъ еще можно освободиться, отъ первыхъ—ни пестомъ, ни крестомъ“.

Въ слѣдующемъ дальше разказѣ о пребываніи въ деревнѣ землевладѣльца, городского жителя, идетъ рядъ эпизодовъ, которые косвенно отвѣчаютъ на тогдашніе толки о сближеніи съ народомъ, объ организаціи хозяйства и собственномъ надзорѣ и т. п. Салтыковъ объясняетъ, что все это не такъ просто. Городскому жителю нечего дѣлать въ деревнѣ: складъ его жизни, взглядовъ, привычекъ совсѣмъ иной; сельское хозяйство есть спеціальность, требующая всего времени, усиленнаго труда и особыхъ житейскихъ приемовъ. Въ городахъ мы привыкли мѣрять большою мѣрою; въ деревнѣ, напротивъ, все группируется около грошей и копѣекъ; деревенскіе ущербы важны только въ совокупности, а взятые отдѣльно кажутся столь ничтожными, что городской житель легко пропускаетъ ихъ безъ вниманія, тѣмъ больше, что погоня за этими мелочами, напримѣръ потравами, порубками, отрываютъ отъ болѣе серьезнаго дѣла. Съ другой

стороны, городской житель приносить свои болѣе гуманные взгляды, къ которымъ неспособенъ вѣрнопольный житель деревни.

„Зрѣлище труда тяжкаго и изнурительнаго, какимъ вообще представляется всякій трудъ деревенскій, совсѣмъ не такого свойства, чтобы производить умиляющее впечатлѣніе; напротивъ того, оно заставляетъ страдать даже и посторонняго человѣка, не принимающаго въ трудъ непосредственнаго участія; здѣсь тяжесть слишкомъ наглядна, чтобы дать мѣсто какимъ бы то ни было фантазіямъ, а потому на городского жителя, удосужившагося и самый трудъ свой поставить въ условія нѣкоторой комфортабельности, подобная египетская работа дѣйствуетъ раздражительно. Недодѣлки, недосмотры и лукавыя уклоненія со стороны рабочаго народа представляются до такой степени естественными, что и на нихъ, точно такъ же, какъ и на тѣ вселенскіе вопросы о потравахъ и проч., о которыхъ говорено выше, приходится смотрѣть сквозь пальцы. А между тѣмъ, судя по сязаніямъ свѣдущихъ людей, въ этихъ-то недодѣлахъ и уклоненіяхъ и заключается именно вся сила деревенскаго дѣла... Никто не сумѣетъ такъ заставить работать, какъ мужикъ мужика. Только развѣ особое какое-нибудь соображеніе вынудитъ его на минуту отступить отъ своей аккуратности, но чувство снисхожденія все-таки не приметъ въ этомъ случаѣ никакого участія“...

Наконецъ, деревенское дѣло чрезвычайно разбросано.

Въ заключеніе, авторъ полагаетъ, что горожанину изъ всего деревенскаго дѣла остается только одно—собираніе грибовъ, и Салтыковъ даетъ трактатъ о разныхъ породахъ грибовъ и ихъ собираніи,—хотя и здѣсь горожанинъ находитъ неодолимое соперничество въ лицѣ деревенской бабы.

Далѣе, въ деревнѣ землевладѣльцу представляется случай наблюдать нравы простолюдиновъ, принять участіе въ ихъ играхъ и забавахъ, однимъ словомъ, заняться тѣмъ, что называется сближеніемъ сословій. Но и это вовсе не легко. Во-первыхъ, простолюдинъ застѣнчивъ и не любитъ, чтобы за нимъ подглядывали; „онъ убѣжденъ, что для землевладѣльца его простолюдинскія игры слишкомъ мало изысканны, что онѣ оскорбляютъ его изящное чувство; и потому, какъ только подходитъ къ нему землевладѣлецъ, онъ исчезаетъ въ подворотню“. Съ другой стороны и самому землевладѣльцу трудно вмѣшаться въ деревенскую среду: его появленіе смущаетъ, пѣсни прекращаются, и является точно укоръ вамъ, что вы смугили общее веселье. „И если въ васъ осталась хоть капля совѣстливости, вы повертите, повертите тросточкой и уйдете, поджавши хвостъ, домой... Надобно имѣть со-

вершенно чугунный лобъ, чтобъ лѣзть туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ, чтобъ напоминать объ вашемъ существованіи людямъ, которые объ немъ если еще не забыли, то во всякомъ случаѣ, вспоминать не любятъ". Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Салтыковъ извлекаетъ слѣдующее правило: „не затѣвай игру въ сближеніе сословій, ибо такая попытка поведетъ лишь къ безплодной тратѣ времени, конфузу и позднему раскаянію“.

Справедливость этого заключенія подтвердилась потомъ множествомъ фактовъ разнаго рода—литературныхъ, народно-образовательныхъ и общественно-практическихъ. О сближеніи сословій съ тѣхъ поръ много говорилось въ литературѣ; въ молодыхъ поколѣніяхъ распространилось нѣсколько времени спустя такъ-называемое „хождение въ народъ“; много усерднаго труда положено было на распространеніе и улучшеніе народной школы,—но извѣстно, что тамъ, гдѣ предполагалась общественная взаимность, совмѣстное участіе людей образованныхъ и людей народа, происходило много печальныхъ или нелѣпныхъ недоразумѣній. Люди образованные руководились, конечно, желаніемъ принести пользу народу; послѣдній обыкновенно этой пользы не хотѣлъ понимать или искренно не понималъ, и вообще относился недобрчиво или даже враждебно къ непрошеннымъ попечителямъ. Извѣстно, съ какимъ усердіемъ разрабатывалась лѣтъ десять тому назадъ эта тема о разладѣ народа и интеллигенціи, причемъ, наконецъ, послѣдняя подверглась обвиненію въ томъ, что она не понимаетъ народа, не умѣетъ дать ему то, что ему нужно, и т. д., а народъ изображался какъ вмѣстилище скрытой мудрости, недоступной профанамъ.

Дѣло было проще и заключалось именно въ томъ, что существующія условія общественнаго и народнаго быта, присоединяясь къ вѣками накопившемуся недовѣрію крѣпостныхъ рабовъ къ помѣщику и чиновнику, не допускали возможности прямыхъ междусословныхъ отношеній: то, что у другихъ народовъ не составляетъ никакого вопроса, что бываетъ обыкновеннымъ явленіемъ общественности, у насъ вслѣдствіе всей старой исторіи и новѣйшей путаницы становилось дѣломъ чрезвычайно труднымъ, даже невозможнымъ. Народъ не утратилъ историческаго недовѣрія къ высшему классу и показѣсть не видѣлъ плодовъ „сближенія“, затѣяннаго людьми другого сословія, которое притомъ, въ его глазахъ, не было на то уполномочено ни учрежденіями, ни правами; съ другой стороны люди, расположенные работать для народа, были въ самомъ обществѣ впередъ ославлены какъ неблагонамѣренныя, и въ эту категорію попадали, между прочимъ,

и самые невинные народники, какихъ было много; молва объ этомъ достигала до самой глухой деревни, а наконецъ этихъ людей, желавшихъ работать для народа, послѣдній просто „ловилъ“ для представленія по начальству... Салтыковъ видѣлъ это положеніе вещей съ самаго начала. Онъ слишкомъ хорошо зналъ нашу жизнь, наши административные и деревенскіе нравы и обычаи, чтобы видѣть всю пустоту начавшихся тогда толковъ о сближеніи сословій, для котораго послѣ крестьянской реформы не было сдѣлано почти ничего въ области народно-общественныхъ отношеній и школы, во всякомъ случаѣ ничего прямого и искренняго. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Салтыкова собрано множество подробностей, рисующихъ эту сторону нашей общест-венности.

Такимъ образомъ нашему землевладѣльцу не представляется въ деревнѣ никакого дѣла. „Правда, прежде было еще занятіе у русскихъ землевладѣльцевъ—это занятіе либеральничаньемъ, но нынѣшнимъ лѣтомъ оно прекратилось, ибо за симъ строго наблюдали „Московскія Вѣдомости“ и „День“.

Это либеральничанье, однако, прежде существовало въ немаломъ количествѣ, и Салтыковъ рассказываетъ:

„Извѣстно, что изъ млекопитающихъ всевозможныхъ породъ самымъ либеральнымъ всегда былъ и будетъ русскій землевладѣлецъ. Въ области свободомыслія и свободныхъ художествъ это просто ненасыть какой-то. Послушать ихъ, то всѣ эти реформы, которыя отчасти осуществились, а отчасти имѣютъ осуществиться, ко благу нашей родины, уже давнымъ давно бродили въ ихъ головахъ, и если не вышли оттуда во всеоружіи, то единственно потому, что общество, для котораго они измышляли свои проекты, еще не созрѣло, а созрѣло оно тогда, когда захотѣло того правительство. И въ доказательство указываютъ вамъ на такого-то А., который, еще при существованіи крѣпостного права, устроилъ у себя чуть-чуть не конституцію, или на такого-то Б., который, еще гораздо прежде отмѣны тѣлесныхъ наказаній, уже написалъ проектъ о замѣнѣ рылобитія устностью. Либерализмъ очевидный и тѣмъ болѣе похвальный, что самъ сознавалъ свою слабость, и потому заявлялъ себя съ полною скромностью“.

Слѣдуетъ эпизодъ о помѣщикѣ Многоболтаевѣ, который въ подобномъ родѣ устроилъ у себя въ имѣніи „общественное управленіе“ въ либеральномъ духѣ, съ представителями отъ деревенскихъ мужиковъ и съ президентомъ Иваномъ Парамоньчемъ. Представители проводили время собственно въ томъ, что топили

печи въ домѣ общественнаго управленія и по очереди были въ немъ сторожами; но представительство удержалось недолго; помѣщикъ жаловался, что его подданные не понимаютъ его учреждений и вслѣдствіе того „велѣлъ Ивану Парамоничу дѣйствовать рѣшительно“.

Итакъ, землевладѣльцу остается въ деревнѣ лѣниться и гулять. Само „сельское дѣло“ есть дѣло невеселое. Постороннему зрителю можетъ показаться, что сельскія работы представляютъ красивую и привлекательную картину. „Вотъ, напримѣръ, мужички разсыпались группами по пашнѣ, рубашечки на нихъ бѣлыя, порточки синіе, вѣтеръ играетъ ихъ волосами, ходятъ они, ходятъ себѣ по пашенкѣ... ну, вотъ такъ и кажется, что гуляютъ! Или вотъ вамъ жнитво: опять живописныя группы поселянокъ въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, быстрые и дружные взмахи серповъ, золотые колосья ржи... Господи! да нивакъ и онѣ гуляютъ! Даже когда поселяне длинной вереницей тянутся на пашню съ навозомъ, даже и тогда можно скомпоновать очень миленькую картинку, потому что навозъ вѣдь на картинкѣ не пахнетъ“.

„Но пускай зритель не слишкомъ увлекается очаровательной картиной, пускай онъ разъ навсегда убѣдитъ себя, что глаза его лгутъ, что художникъ, срисовавшій картину, тоже дѣлаетъ дѣло несправедное, и что въ сельской жизни нѣтъ ни прелестныхъ пейзажей, ни восхитительныхъ tableaux de genre, а есть тяжелый и невзрачный трудъ“.

И въ объясненіе Салтыковъ даетъ описаніе нѣкоторыхъ сельскихъ работъ, перевода производство ихъ на тасканіе пудовыхъ тяжестей. Онъ задаетъ потомъ вопросъ, какъ чувствуютъ себя простолюдины при этихъ „упражненіяхъ“? Судя по тому, что идя съ работы поселяне покоятъ („дерутъ“) пѣсни, онъ заключаетъ, что эти упражненія не кажутся имъ горькими, и онъ это одобряетъ: во-первыхъ, пѣсни разнообразятъ деревенскую обстановку и услаждаютъ слухъ; во-вторыхъ, гораздо пріятнѣе, если поселяне простодушны и веселы, чѣмъ если они смотрятъ исподлобья и, сохрани Богъ, грубятъ. „Почти совершенное отсутствіе грамотности, думаю я, служить въ этомъ случаѣ прекраснѣйшимъ подспорьемъ для приданія простолюдину бодрости и содержанія его постоянно въ хорошемъ расположеніи духа. Ибо извѣстно, что какъ только простолюдинъ начинаетъ понимать буквы-азъ-ба, то онъ въ то же время незамѣтно и постепенно наполняется ядомъ, такъ что когда дѣло дойдетъ до ужицы, то изъ прежняго вроткаго и довѣрчиваго весельчака образуется

фіаль, наполненный ехиднѣйшимъ ядомъ. Это не я первый говорю, это еще прежде меня выразилъ извѣстный знатокъ русской народности, г. Даль“.

Надо замѣтить, что въ тѣ годы велась рѣчь о народной грамотности; послѣдняя, конечно, казалась необходимой людямъ, желавшимъ, чтобы освобожденная масса получила какую-нибудь возможность хотя бы элементарнаго образованія. Но въ числѣ отъявленныхъ противниковъ народной школы оказались, между прочимъ, старые ратоборцы за „народность“, и въ числѣ ихъ особливо Даль. Само собою разумѣется, что противниками народной школы бывали и сами люди изъ народа, которые предпочитали пропивать случавшіяся свободныя мірскія деньги, чѣмъ отдать ихъ на школу. Автору привелось услышать объ этомъ предметѣ весьма категорическое заявленіе деревенскихъ людей. Понятно, что отзывы „самого народа“ о ненужности для него школы вовсе не доказывали соображеній Дали, а только усиливали впечатлѣніе народной одичалости. Салтыковъ нисколько не обманывалъ себя въ этомъ отношеніи и старался указывать положеніе вещей такъ, какъ оно было. Слѣдуетъ въ его разсказѣ изображеніе обстоятельствъ деревенскаго пьянства, которое для деревенскихъ жителей, заваленныхъ работой и подавленныхъ невѣжествомъ, оставалось единственнымъ развлеченіемъ. Замѣчаетъ Салтыковъ и упадокъ народной пѣсни, которую начинаетъ замѣнять отвратительный исковерканный романсъ. Онъ приводитъ образчикъ и замѣчаетъ: „Эта бессмыслица принимается самымъ серьезнымъ образомъ, и даже въ сію минуту, когда я пишу эти строки, до меня долетаютъ безобразные звуки хора, отхватывающаго „Настасью““.

„Странная судьба всего русскаго: даже для того, чтобы прослушать русскую пѣсню, надобно нанимать цыганъ“...

Общественная хроника появилась опять въ сентябрьской книгѣ. Салтыковъ предупреждаетъ читателя, что будетъ говорить уже не тѣмъ безпечнымъ тономъ, какъ прежде, что „Современникъ“, въ которомъ онъ пишетъ свои замѣтки, бываетъ цвѣтущъ и здоровъ только тогда, когда небо безоблачно, фонды на биржѣ стоятъ твердо и въ обществѣ возникаютъ веселые вопросы и вопросы къ общему благу; но онъ становится тощъ и бѣденъ, когда небо стоитъ грозное, когда въ дѣлахъ наступаетъ застой, а вопросы прячутся въ самую глубь общества, точно боятся, чтобы ихъ не обатило холоднымъ ливнемъ.

Картина положенія—знакомая. Съ тѣхъ поръ она не разъ повторялась въ нашей литературѣ, когда дѣйствительно холодный ливень прогонялъ „вопросы“ изъ области литературы. Что наступало при этомъ, во что превращалась литература, Салтыковъ рассказываетъ въ слѣдующихъ словахъ. „Въ такое неблагоприятное время свѣтлые литературные ручьи возмущаются, и на поверхности ихъ появляется неизвѣстно откуда берущаяся негодная накипь; въ такое время надъ словесною нивою рѣютъ жадныя стада литературнаго воронья и строго блюдутъ за чистотой русской мысли и языка; темные духи, когда-то осмѣянные и опозоренные и вслѣдствіе того скрывшіеся на дно горшка, вновь заявляютъ о своей живучести, вновь выползаютъ изъ темницъ, и, появившись на свѣтъ божій, припоминаютъ старые счета, забытыя кучи завалавшася хлама начинаютъ двигаться и вопіять о поруганныхъ правахъ своихъ... Понятно, что простой и невинный литературный органъ, какъ „Современникъ“, органъ, чуждый какихъ бы то ни было политическихъ соображеній и преслѣдующій одну цѣль—исправленіе нравовъ, не можетъ не чувствовать себя неловко на этомъ странномъ пирѣ, гдѣ царствуетъ ревнивое соглядатайство и шумнымъ потокомъ ревутъ праздныя рѣчи“.

Въ неизмѣняющихся общихъ условіяхъ литературы естественно должны повторяться тѣ же явленія. Сколько разъ въ послѣднія десятилѣтія мы бывали свидѣтелями того, какъ рѣяли стада литературнаго воронья, какъ вновь заявляли о себѣ темные духи, когда-то осмѣянные и опозоренные, и поднимали старые счета.

Но Салтыковъ находитъ въ этомъ явленіи свою полезную и даже утѣшительную сторону. Во-первыхъ, это зрѣлище научаетъ съ меньшею строгостью относиться къ людямъ, занимающимся такъ-называемыми вопросами: эти вопросы составляютъ, собственно говоря, пустяки, но они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ призракъ содержанія и внушаютъ гадливость къ міру бездѣльности и сплетень. Съ другой стороны примиряя съ лиллипутами нашей общественности, это зрѣлище побуждаетъ строже относиться къ тѣмъ дѣйствительнымъ источникамъ зловоженности, относительно которыхъ мы были слишкомъ робки и податливы. Но придетъ когда-нибудь лучшее время: „уймутся дожди, просвѣтлѣетъ хмурое небо, и всѣ эти пузыри лопнуть, всѣ эти бѣдныя, здоровенные дождевики мгновенно позеленѣютъ и обратятся въ прахъ“...

Читатель долженъ былъ ожидать отъ автора отчета за прошедшее лѣто, но авторъ затрудняется,—потому что имѣетъ право

быть только игривымъ, но есть предметы, къ которымъ относиться игриво нельзя. „Поэтому, для того, чтобы составить хроникѣ, — говоритъ Салтыковъ, — я обязываюсь прибѣгнуть къ самодѣятельности моего духа, или иначе, выдумывать такіа дѣла, какихъ никогда и на свѣтѣ не бывало, и какія могутъ существовать только въ человѣческомъ воображеніи, доведенномъ до совершенно порожняго состоянія. Понятно, что вымыслы мои будутъ кратки, отрывисты и безсвязны, понятно, что они будутъ только печальнымъ порожденіемъ необходимости періодически что-нибудь измышлять для утѣшенія праздныхъ читателей“. Но выдумывать очень трудно. Какъ ни высоко парить моя мысль, — говоритъ Салтыковъ, — она никакъ не можетъ сравняться съ пареніемъ г-жи Павловой или того стихотворца „Русскаго Вѣстника“, который произнесъ слѣдующіе два стиха:

И таятся гѣсокъ широкой, темной гранью
По скошеннымъ лугамъ, по золоту полей.
Брожу задумчивый...

Авторъ положительно не дерзаетъ подниматься на высоту подобнаго паренія. „Не знаю, какъ это дѣлается, но мысль моя действительно сгоряча взвихрится и взмоетъ, какъ голубь, вверху, а потомъ нѣтъ-нѣтъ да и опустится опять на землю. Тутъ ее, голубушку, и сдарапаютъ“ ... Его положительно „убиваютъ факты“. Они бываютъ похвальные и вредные, и отдѣлаться отъ нихъ нѣтъ возможности. Онъ предполагаетъ однако, что есть средства постепенно укрѣпить духъ до такой степени, что факты совсѣмъ перестанутъ на него дѣйствовать. Онъ нашелъ эти средства въ тогдашней литературѣ: одно изъ нихъ есть извѣстный романъ Писемскаго „Взбаламученное море“, другое — газета „День“. „Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто въ состояніи выдержать нѣсколько такихъ чтеній (какъ романъ), кто исподволь приучитъ себя къ той атмосферѣ, которая лучеобразно отъ него распространяется, тотъ можетъ сказать съ увѣренностью, что укрѣпилъ свой духъ до того, что и запахъ гутуевскихъ боенъ на него не подѣйствуетъ“. Другое средство — упомянутая газета. „Все прошлое лѣто я предавался усиленному чтенію „Дня“, все лѣто старался проникнуть въ смыслъ таинственныхъ загадокъ, печатаемыхъ на его страницахъ, и наконецъ таки проникнулъ. Я понималъ, во-первыхъ, что такое „духъ жизни“, и что такое „жизнь духа“, и во-вторыхъ я понималъ, что формально нѣтъ никакой трудности говорить о предметахъ, вовсе не говоря объ нихъ, что собственно и составляло предметъ моихъ поисковъ. Сила, которая попускаетъ человѣка совершать подобные подвиги, на-

зывается силою краснорѣчія, и центральное ея депо находится въ „Днѣ“.—Этотъ послѣдній вопросъ кажется Салтыкову столь серьезнымъ, что онъ посвящаетъ ему особый трактатъ. Преподаватели реторики повторяютъ извѣстные слова: *roëtae nascuntur, oratores fiunt*; но опытъ указываетъ, по его словамъ, что сдѣлаться ораторомъ нельзя, не родившись имъ, какъ нельзя сдѣлаться лгуномъ безъ врожденнаго расположенія. „Сущность краснорѣчія заключается въ томъ, чтобы совершать несовершенное и прозрѣвать туда, гдѣ ничего въ волнахъ не видно; понятно, что для выполненія такого подвига нужно, чтобы въ этомъ принимала участіе сила совершенно независимая, сила сама себя питающая и сама же себя поѣдающая. Такою силою и является именно краснорѣчіе или, лучше сказать, искусство вести такія устные и письменныя бесѣды, которыя выслушиваются и прочтываются съ пріятностію, но въ которыхъ между тѣмъ нѣтъ никакой возможности найти что-либо похожее на мысль“. Такимъ образомъ, краснорѣчіе можетъ быть безсодержательно, и риторическія фигуры заключаются въ насъ самихъ. У тебя можетъ не быть никакихъ чувствъ, ни дурныхъ, ни хорошихъ, но если ты хочешь выказать возвышенную душу, то можешь достигнуть этого, прибѣгнувъ къ фигурѣ единоначатія и усугубленія; если хочешь быть остроуменъ, можешь прибѣгнуть къ фигурѣ умолчанія и воздержанія и т. д. И такъ какъ реторика вамъ врождена, то производить это ничего не стоитъ.

Авторъ дѣлаетъ подробный риторическій опытъ на тему: „Не знаю, извѣстно ли вамъ, читатели, какую эпоху переживаетъ въ настоящее время Россія?“ Собственно говоря, эта фраза есть одно празднословіе—потому что Россія всегда переживаетъ какую-нибудь эпоху,—но съ точки зрѣнія краснорѣчія подобный приступъ заслуживаетъ всякаго поощренія, такъ какъ представляетъ совершенно правильную фигуру устрашенія; получается отличная рамка, которую можно наполнять дальше произведеніями реторики. „Я могу сказать, на примѣръ, что если вамъ это извѣстно, то, конечно, вы не разъ испытывали, не разъ ощущали, не разъ себя вопрошали (фигура взволнованной души); но съ другой,—ничто мнѣ не мѣшаетъ задаться мыслью, что это обстоятельство вамъ неизвѣстно, и въ такомъ случаѣ я получу возможность осыпать васъ укоризнами и сказать, что вы оторваны отъ почвы и стоите корнями вверхъ (фигура патріотическаго узавленія). Обыкновенно это дѣлается такъ: если вы петербуржецъ, то предполагается, что вамъ ничего неизвѣстно, и что вы стоите корнями вверхъ; если вы москвичъ, то предполагается, что вамъ извѣстно все, и

что вы не разъ задумывались, не разъ ощущали, не разъ себя вопрошали и т. д. Все это, разумѣется, съ моей стороны не больше, какъ произвольное предположеніе, ибо я самъ отлично хорошо знаю, что все это я выдумалъ, что вы, какъ и я же, стоите корнями внизъ, и что, наконецъ, вы, какъ двѣ капли воды, точь въ точь такой же россиянинъ, какъ и я самъ: но я нарочно притворяюсь, что все сіе мнѣ неизвѣстно, потому что такого притворства требуетъ моя риторическая сущность. Вы скажете, быть можетъ, что такой образъ дѣйствія равняется толченію воды; что онъ даже не похваленъ, потому что взводить на сѣверную Пальмиру обвиненіе въ несуществующемъ преступленіи; на это я отвѣчу: что же мнѣ дѣлать! Изъ меня такъ и вытираетъ тропами и фигурами: не проквасить же мнѣ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, на днѣ взволнованной души!“

Такимъ образомъ проповѣдь газеты Ив. Аксакова была въ глазахъ Салтыкова только безсодержательнымъ упражненіемъ въ краснорѣчіи. Послѣдователи славянофильства должны были придти въ негодованіе отъ этого опредѣленія, какъ отъ крайняго непониманія, и дѣйствительно въ то время и послѣ самъ Аксаковъ и его послѣдователи не однажды говорили съ величайшей враждой и презрѣніемъ о подобномъ легкомысленномъ отрицаніи ихъ идей. Но славянофильство давало поводъ къ этой насмѣлкѣ. Оно въ самомъ дѣлѣ говорило почти такъ, какъ это представляетъ Салтыковъ: это высокомѣрное выдѣленіе избранныхъ людей, какими считали себя славянофилы, притязаніе на національную непогрѣшимость рядомъ съ ребяческими и вмѣстѣ фальшивыми вылазками противъ „Петербурга“ и всего „петербургскаго“, когда притомъ не говорилось пока ничего, что бы было дѣйствительнымъ протестомъ, вытекающимъ именно изъ спеціальной славянофильской точки зрѣнія; наконецъ языкъ, почти всегда высокопарный, ненужно надутый—все это вмѣстѣ способно было производить то впечатлѣніе, какое выразилъ Салтыковъ. Его отзывы не могутъ остаться окончательной характеристикой славянофильства; но въ немъ указаны дѣйствительно слабыя его стороны, которыя на дѣлѣ мѣшали развитію этого направленія и привели къ его упадку—въ его старомъ, первоначальномъ видѣ. Славянофильство витало въ особомъ кругѣ представленій, созданныхъ книжнымъ теоретическимъ образомъ и которыхъ оно держалось съ упорствомъ исключительнаго кружка, понимая жизнь съ точки зрѣнія своихъ искусственныхъ формулъ, высокомѣрно относясь къ другимъ направленіямъ, въ которыхъ, однако, отражались весьма законныя стремленія русскаго общества, и въ концѣ концовъ

оно стало партией, прекратившейся вмѣстѣ съ тѣмъ какъ сходили съ поприща ея дѣятели. По смерти Ивана Аксакова всеобщій голосъ и противниковъ, и друзей, находилъ, что съ нимъ окончилось то чистое славянофильство, котораго онъ былъ послѣднимъ представителемъ, и основанія котораго онъ былъ свидѣтелемъ въ годы юности. Исторія скажетъ, безъ сомнѣнія, что при всей исключительности и крайностяхъ оно было важнымъ и плодотворнымъ явленіемъ въ исторіи нашей общественности; но если оно, такъ сказать, вымерло вмѣстѣ съ своими дѣятелями, причиной тому были тѣ недостатки, которые бросались въ глаза Салтыкову въ первые же годы публицистической дѣятельности Ивана Аксакова. Впослѣдствіи, если не ошибаемся, Салтыковъ уже не возвращался къ прямому спору съ славянофильствомъ, затрогивая лишь отдѣльныя проявленія, носившія печать этой школы: но безъ сомнѣнія онъ навсегда остался при томъ взглядѣ, какой онъ изложилъ въ эпизодахъ, посвященныхъ газетѣ „День“ въ разбираемыхъ нами статьяхъ. Дальнѣйшая борьба противъ этого направленія могла казаться ему излишней.

Какъ замѣчено выше, Ив. Аксаковъ въ первые годы изданія „Дня“ для пущаго изобличенія той части русскаго общества, которую онъ считалъ оторвавшеюся отъ народа (и это было почти все русское общество безъ исключенія), придумалъ для нея названіе „Русяндія“, которое казалось ему очень ядовитымъ. Для Салтыкова эта „Русяндія“ была опять только риторическимъ празднословіемъ. Продолжая приведенную выше тему о тропяхъ и фигурахъ, Салтыковъ ставитъ себя на мѣсто издателя „Дня“ и разсуждаетъ: „Предположимъ, что я начинаю свое обозрѣніе такимъ образомъ: „Милостивые государи! Русяндія заслоняетъ отъ нашихъ глазъ истинную, православную, святую нашу Русь“; я опять-таки знаю, что и это я выдумалъ, что Русяндія никакой нѣтъ, что и Русь была да слыла, а есть Россія, которую никто и ничто, по причинѣ обширности сюжета, заслонить не можетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю также, что такое начало навѣрное даетъ мнѣ возможность со всею безопасностію помѣстить въ моемъ обозрѣніи и фигуру взволнованной души, и фигуру патриотическаго уязвленія, — именно тѣ двѣ ужасныя фигуры, которыя преимущественно точатъ мое риторическое существованіе. И вотъ я начинаю пространно объяснять, чтѣ такое Русяндія, и чтѣ такое Русь; изъ объясненій моихъ выходитъ, что Русяндія есть нѣчто такое, чтѣ заслоняетъ Русь, а Русь есть нѣчто такое, чтѣ заслоняется Русяндіей, — больше, клянусь, ничего не выходитъ. Но это нисколько меня не смущаетъ, ибо,

въ сущности, я совсѣмъ не о томъ и забочусь, чтобы изъ моего краснорѣчія что-нибудь выходило, а о томъ только, чтобы сказать нѣсколько „жалкихъ словъ“, и чтобы при этомъ состояло на-лицо самое краснорѣчїе. Я знаю, что всегда найдутся люди, которые ни одного жалкаго слова безъ умиленія проглотить не могутъ,—на нихъ-то я и рассчитываю“.

Салтыковъ приводитъ другой примѣръ. „Я, напримѣръ, могу сказать:—„дѣло русскаго народа—мое дѣло; знамя русскаго народа—мое знамя: я русскій“. Но дѣло въ томъ, что если попросить растолковать эти слова, то останется опять отвѣчать: „дѣло русскаго народа—мое дѣло“ и пр. И напрасно вы будете говорить мнѣ, что понятїею „знамени“—понятїе сбивчивое; что въ узаконенїяхъ насчетъ этого прямыхъ указанїй нѣтъ, а ученые спеціалисты находятся по этому случаю въ постоянномъ другъ другу противорѣчїи и даже въ жестокой взаимной враждѣ. Напрасно будете вы говорить, что одно знамя вручаетъ русскому народу Б. Н. Чичеринъ, другое—М. Н. Катковъ, третье—А. А. Краевскій (А. А. полагаетъ, что можно совсѣмъ безъ знамени, но вѣдь и это тоже своего рода знамя). Все это извѣстно мнѣ никакъ не менѣе вашего, но интересы моего риторическаго существа заставляютъ меня забыть на время эти соображенїя и притвориться невѣждою“.

Дальше Салтыковъ дѣлаетъ даже весьма желчныя замѣчанїя. Ставъ себя опять на мѣсто предполагаемаго ритора, избрѣвшаго Русландію, онъ говоритъ: „Буду откровененъ: хоть я и ратую противъ Русландіи, но, въ сущности, она мнѣ совсѣмъ не противна. Мнѣ даже жаль, что она смотритъ на меня искоса; я даже увѣренъ, что это происходитъ отъ недоразумѣнїя, потому что дай она мнѣ высказаться до конца, она увидѣла бы сама, что мы съ нею желаемъ одного и того же. Чего я желаю? чего добиваюсь? Я желаю и добиваюсь для себя только одного: чтобы мнѣ не препятствовали употреблять слово: „Русландія“—что же можетъ быть невиннѣе этого желанїя! Предположите даже, что это съ моей стороны капризь, отчего же не допустить и каприза, если онъ никому не наноситъ вреда? Говорятъ, будто я смотрю какъ-то исподлобья, какъ будто чѣмъ-то недоволенъ, какъ будто желаю произвести какой-то „хаосъ—кавардавъ“! да поймите же, наконецъ, что это съ моей стороны только будированїе, что это просто милая шалость, результатъ желанїя занять какое-нибудь положенїе въ обществѣ. Сегодня я будирую, завтра прихожу въ восторгъ, послѣ-завтра опять будирую, потомъ опять прихожу въ восторгъ... Вотъ и все. Опасности здѣсь никакой не мо-

жеть быть, ибо и будированія, и восторги — въ сущности, выражаютъ лишь мой „духъ жизни“ — и больше ничего... Вспомните тѣхъ русскихъ баръ, которые, во время оно, отъѣзжали, за ненадобностью, въ Москву, — развѣ они не будировали? развѣ не выражали они свою „жизнь духа“? но развѣ имъ запрещалось это? развѣ кто нибудь опасался ихъ?“

Закончивъ эти разсужденія, Салтыковъ предупреждаетъ читателя не думать, чтобы все здѣсь рассказанное авторомъ онъ видѣлъ во снѣ. Это настоящая дѣйствительность: всѣ приведенныя подробности изложены въ передовыхъ статьяхъ газеты „День“. Чтобы еще нагляднѣе представить характеръ этой газеты, Салтыковъ прибѣгаетъ къ сравненію. Онъ любилъ газету „День“: „въ немъ было нѣчто свѣжее, напоминавшее хорошо сохранившуюся среднихъ лѣтъ дѣвицу. Несмотря на достаточныя лѣта, эта дѣвица еще неопытная, сберегшая во всей чистотѣ свои институтскія убѣжденія; она во многомъ не отдаетъ себѣ отчета, и рѣшительно не можетъ себѣ объяснить, чего хочетъ и въ чему именно стремится, но въ то же время и во снѣ, и на-яву чувствуетъ, что кто-то ее хватаетъ, кто-то подманиваетъ; а потому не хотѣтъ и не стремиться не можетъ. Это придаетъ какую-то трогательную задумчивость всѣмъ ея движеніямъ и сообщаетъ ея душевнымъ помысламъ то вроткое постоянство, которое заставляетъ ожидать жениха даже тогда, когда нѣтъ никакой надежды на его появленіе. Такой органъ, отъ котораго всегда пахло бы чѣмъ-то кисленькимъ, рѣшительно необходимъ въ литературѣ“, — онъ нуженъ какъ нейтральная почва, на которой можно отдохнуть, какъ воспоминаніе дѣтства.

Мы замѣчали, что эти отзывы Салтыкова не были лишены основанія. Тѣ, что называетъ Салтыковъ краснорѣчіемъ — и въ чемъ почитатели Ивана Аксакова видѣли его высокой талантъ, дѣйствительно сопровождало всю публицистическую дѣятельность послѣдняго славянофила: онъ бывалъ краснорѣчивъ въ настоящемъ смыслѣ слова, когда предметъ его разсуждений былъ прямой, осязательный предметъ, настоящій интересъ общества; но нерѣдко впадалъ и въ то риторическое, не всегда даже безвредное, празднословіе, на которое нападалъ Салтыковъ. Термины какъ „духъ жизни“, „жизнь духа“ и т. п. становились простой игрой словъ, которую некуда было приурочить въ настоящей дѣйствительности. Жизнь проходила мимо этого краснорѣчія, и это была какъ бы отплата за исключительность кружка, который въ своемъ высомѣрѣи не хотѣлъ даже знать, что творится внѣ его, что значить то броженіе, которое совершалось кругомъ, и въ концѣ

концовъ переставалъ понимать окружающее. Салтыковъ вѣрно понялъ эту слабую сторону славянофильства, которому именно недоставало простого реального пониманія дѣйствительныхъ фактовъ жизни народной и общественной. Въ самомъ дѣлѣ, что значили эти толки о Русляндіи, надъ которыми смѣялся Салтыковъ, объ оторванности отъ народа интеллигенціи, которую Аксаковъ изображалъ въ видѣ упомянутаго форрейтора ¹⁾. Это было близко къ празднословію, потому что, во-первыхъ, нельзя было отдѣлываться шуточными выдумками отъ вопроса, если онъ былъ такъ важенъ, а во-вторыхъ мысль была ошибочна въ самомъ основаніи, потому что, наконецъ, порядокъ вещей, отрицаемый доктриной, былъ исторически созданъ самими народомъ. Съ другой стороны доктрина не была выдержана: извѣстно, какъ свободолюбивое, въ теоріи, ученіе совпадало иногда съ направленіемъ Московскихъ Вѣдомостей²⁾, и народный интересъ смѣнялся иногда интересами крупной промышленности; наконецъ не однажды можно было недоумѣвать, противъ чего собственно направлялось недовольство славянофильской публицистики и съ кѣмъ она входила въ союзъ, когда ратовала противъ либерализма?

Салтыковъ сомнѣвался, чтобы „День“ (или Ив. Аксаковъ) когда-нибудь пришелъ къ чему-либо болѣе ясному и положительному. „Мнѣ кажется, что если онъ дастъ себѣ трудъ хорошенько размыслить, то непременно придетъ къ убѣжденію, что эти переходы отъ будировавья къ восторженности и отъ восторженности къ будированію не заключаютъ въ себѣ ничего поучительнаго, что здѣсь сегодняшняя восторженность служитъ лишь обильнымъ источникомъ будущихъ будированій. Онъ пойметъ, что нѣтъ той силы обстоятельствъ, которая могла бы столкнуть мысль (если только есть мысль) съ того логическаго пути, на которомъ она стала. Онъ пойметъ... но нѣтъ, онъ ничего не пойметъ! Онъ не пойметъ уже по тому одному, что въ раздвоеніи мысли именно и заключается та сила, которая позволяетъ ему быть краснорѣчивымъ во всякое время“.

¹⁾ Салтыковъ дѣлаетъ объ этомъ сравненіи такое замѣчаніе:

„У „Дня“ есть еще одна особенно замѣчательная фигура, называемая фигурой форрейтора. Въ одной изъ своихъ руководящихъ статей онъ сравниваетъ Русляндію съ форрейторомъ, который, не чувствуя, что постромки, привязывавшія выносныхъ лошадей къ экипажу, давно лопнули, мчитъ слома голову впередъ и впередъ. Натурально, экипажъ (экипажъ представляетъ собою „древнюю, православную, святую нашу Русь“) загрузъ, а Русляндія, налетѣвши на косогоръ, вывихнула себѣ шею. Положеніе драматическое, но для обѣихъ сторонъ равно непользительное. Замѣчательнѣе всего, что Русляндія постоянно обвиняется въ томъ, что безъ оглядки слѣзаетъ „впередъ“... Каковъ скакунъ!“

Салтыкову приходилось спорить съ газетой „День“ и по различнымъ частнымъ вопросамъ. Иванъ Аксаковъ, подъ псевдонимомъ Касьянова, однажды съ негодованіемъ рассказывалъ о недостойномъ поведеніи русскихъ „гулящихъ людей“, какъ онъ ихъ называлъ, за границей, гдѣ они не только не умѣютъ поддержать русскаго національнаго достоинства, но даже ни мало не чувствуютъ его, и передъ иностранцами стыдятся того, что они русскіе. Между прочимъ Касьяновъ рассказалъ безмысленныя приключенія одного нашего соотечественника въ Парижѣ, именно въ Баль-Мабилѣ. Дѣло было во время польскаго возстанія. Касьяновъ язвительно рассказывалъ: „Баль-Мабиль очень сочувствуетъ полякамъ,—очень; всѣ гризетти преклоняются предъ общественнымъ мнѣніемъ, вся канканирующая и неканканирующая публика повторяетъ, какъ истину, о которой уже и не спорять, что Франція, *toujours si libérale, si généreuse*, должна помочь „народу мученику“ и освободить его отъ *варваровъ*...

„Варварь! Чего не дѣлали мы, чтобъ попасть въ другой чинъ, сколько поклоновъ и миллионовъ потрачено, чтобы заслужить повышенія въ европейцы, чтобы *своими* сочла насъ Европа, — ни чтѣ не беретъ! Чуть чтѣ задѣнетъ ее за живое, все старое выплываетъ вновь, и опять — „казакъ“, „кнутъ“, „варваръ“ на языкѣ у каждаго француза отъ пляшущаго на балахъ Тюильери до пляшущаго въ Баль-Мабилѣ“.

Нашъ соотечественникъ чѣмъ-то далъ угадать, что онъ русскій; толпа навинулась на него, сбила съ него шляпу, на него посыпались пинки, и онъ отрезалъ отъ своего отечества; на вопросъ, кто же онъ такой, — онъ сказалъ, что онъ полякъ, и тогда толпа выгнала его съ бала, потому что поляву неприлично плясать въ Парижѣ, когда его братья дерутся за отечество. Таково было глупое приключеніе, и Касьяновъ выводилъ изъ него и другихъ подобныхъ весьма печальное заключеніе: русскимъ остается или бѣжать домой изъ-за границы, или отречься отъ своего отечества... Салтыковъ, напротивъ, не находилъ здѣсь никакого повода печалиться: какое дѣло Россіи до этихъ русскихъ гулящихъ людей, которые представляютъ скорѣе комическій, чѣмъ меланхолическій сюжетъ. Упомянутый соотечественникъ, по словамъ Салтыкова, былъ только опрометчивъ и „по милости своей опрометчивости одновременно получилъ возмездіе за двѣ національности. То-то онъ изумился! А между тѣмъ дѣло могло бы кончиться весьма просто и даже не безвыгодно для него, еслибы онъ не лгалъ, а просто-на-просто заявилъ канканирующему міру настоящую истину. Напримѣръ, еслибы онъ сказалъ: „*messieurs!* я

не русскій и не полякъ—я просто желудочно-половой космополитъ”; онъ сказалъ бы сушную правду, и въ то же время обезоружилъ бы негодующихъ гризетокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это все равно, какъ бы онъ сказалъ: господа! вы ошибаетесь, я просто гороховый шутъ! Развѣ есть такая нація? развѣ есть такой народъ, который бы называлъ дѣтей своихъ гороховыми шутами? Гризетки потолговали бы между собою, переглянулись бы, да и пошли бы себѣ канканировать, какъ ни въ чемъ не бывало. И бока были бы цѣлы, и отечество осталось бы въ сторонѣ”.

Но затѣмъ Салтыковъ начинаетъ размышлять объ общемъ вопросѣ. Онъ понимаетъ, что во времена Фонъ-Визина и даже Гоголя русскіе гулящіе люди имѣли хотя ложно понятыя, но все-таки какіе-то резоны относиться равнодушно къ своему отечеству: у нихъ не было гласности, они не имѣли никакого понятія о самоуправленіи и т. д., и лишенный всѣхъ этихъ благъ человѣкъ чувствовалъ себя оторваннымъ отъ родины... Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя, на примѣръ, англичанинъ, который держитъ себя гордо и самоувѣренно, почему?— „а потому именно, что знаетъ, во-первыхъ, что типъ этотъ нѣчто выработалъ не только для своей родной страны, но и въ общечеловѣческомъ смыслѣ, и во-вторыхъ, что онъ самъ лично въ этой общей работѣ совсѣмъ не пятая спица въ колесницѣ, а, напротивъ того, прямой ея участникъ и дѣлатель”. Подобнымъ образомъ въ другой формѣ держитъ себя русскій мужикъ; ему не придетъ въ голову стыдиться, что онъ русскій — опять потому, что онъ занятъ дѣломъ и считаетъ себя необходимымъ дѣвателемъ въ русской семьѣ. Одинъ русскій гулящій человѣкъ шатается безъ дѣла: „Въ отношеніи къ иностранцамъ онъ чувствуетъ, что какъ будто что-то укралъ; въ отношеніи къ своимъ чувствуетъ, что какъ будто что-то продалъ. Одинокю носится онъ съ своимъ чревомъ по Европѣ, приводя въ изумленіе своею плотоядностью и веселою похотливостью своихъ нравовъ”.

Но если подобныя явленія были бы понятны во времена Фонъ-Визина и Гоголя, то въ наше время Салтыковъ недоумѣваетъ, какъ его объяснить. Теперь у насъ существуетъ гласность; „у насъ совершилась, безъ разговоровъ, одна изъ величайшихъ реформъ, какія въ другихъ странахъ никогда безъ разговоровъ не совершались”; у насъ обнародованы основныя положенія устнаго и гласнаго судопроизводства; чего же еще больше? „Можемъ ли сказать, что у насъ скучно—нѣтъ, намъ укажутъ, что въ одномъ Петербургѣ развелось прошлой зимой до 60 танц-

классовъ, и что никто не препятствуетъ завести таковые въ Корчевѣ и въ Арзамасѣ! Можемъ ли сказать, что мы стѣснены — нѣтъ, мы имѣемъ право хоть цѣлый день проводить въ халатѣ! Можемъ ли сказать, что наше возрожденіе—дѣло намъ чуждое, что насъ не привлекаютъ и т. д. — нѣтъ, мы имѣемъ право и бесѣдовать, и даже излагать свои мысли письменно“.

Но предметъ такъ любопытенъ, что Салтыковъ рѣшается изслѣдовать его до конца. Салтыковъ сожалѣетъ, что Касьяновъ не объяснилъ, изъ какого разряда людей былъ нашъ упомянутый соотечественникъ. Съ легкой руки Тургенева,—говоритъ Салтыковъ,—наше общество распалось на двѣ половины: на отцовъ и дѣтей, и Салтыковъ не сомнѣвается, что это былъ одинъ изъ числа отцовъ. Разбирая всѣ обстоятельства дѣла—мѣсто дѣйствія (Баль-Мабиль), психологическое настроеніе отцовъ, процвѣтавшихъ во времена крѣпостного права и на его почвѣ развившихъ свои нравственныя качества, Салтыковъ приходитъ къ убѣжденію, что этотъ дѣятель былъ именно изъ разряда людей, которыхъ прежняя жизнь на лонѣ крѣпостного самодурства оставила свободными отъ всякихъ серьезныхъ интересовъ, безъ всякой мысли объ обязанностяхъ къ своему обществу, и теперь сохранила еще матеріальныя средства для странствій по увеселительнымъ мѣстамъ Европы. Это былъ одинъ изъ исходовъ стараго быта, доживавшаго послѣдніе дни. Что это объясненіе отвѣчало дѣйствительнымъ фактамъ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Въ послѣдней хроникѣ 1863 года (ноябрь) Салтыковъ даетъ нѣсколько очерковъ на разныя темы тогдашней общественной жизни. Одною изъ этихъ темъ была знаменитая картина Ге, о которой тогда много говорили. Салтыковъ предупреждаетъ, что онъ судить о ней какъ профанъ, какъ человекъ изъ толпы, не берется оцѣнивать ея художественныхъ качествъ и высказывается только объ общемъ впечатлѣніи. Картина ему понравилась именно простотой отношенія художника къ сюжету. Тема картины приводитъ его къ вопросу о толпѣ, о томъ, чѣмъ опредѣляется ея обычная жизнь, и не нуждается ли она во вразумленіи... Въ теоретическихъ взглядахъ Салтыкова была извѣстная доля если не скептицизма, то недовѣрчиваго отношенія къ ходячимъ историческимъ формуламъ, но во всякомъ случаѣ онъ давалъ великое значеніе тѣмъ идеалистическимъ элементамъ жизни, присутствіе которыхъ на дѣлѣ гораздо меньше цѣнилось тѣми, которые его считали скептикомъ.

„Толпа“ представляется Салтыкову достаточно грубой массой, которая, „какъ только дѣло выходитъ изъ области интересовъ чисто-матеріальныхъ, почти всегда находится въ недоумѣніи, если не въ глубокомъ невѣжествѣ“. „Толпа очень хорошо усваиваетъ себѣ смыслъ явленій, зарекомендовывающихъ себя непосредственными, осязаемыми результатами, но съ недоумчивостью и робостью относится къ такимъ явленіямъ, которыя хотя шире и глубже захватываютъ основы жизни, но еще не подходятъ подъ положительныя опредѣленія и представляютъ собой то, что извѣстно подъ общимъ наименованіемъ „стремленій“, „мечтаній“ и „предвидѣній“. Толпа отчетливо понимаетъ выгоды, которыя представляютъ хорошо устроенные пути сообщенія передъ дурными, дешевизна производства передъ его дороговизною, легкій налогъ передъ тяжелымъ, но она положительно хлопаетъ глазами и недоумѣваетъ, когда до слуха доходятъ такія выраженія, какъ „убѣжденіе“, „право“ и тому подобное. Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что такое свойство толпы служить лишь доказательствомъ здраваго ея смысла, препятствующаго ей гоняться за призраками“.

Но это очень жалкій здравый смыслъ. Вопросъ не въ томъ, что толпа считаетъ пустяками, чего чуждается и что принимаетъ, а въ томъ, можетъ ли она остаться навсегда при своей непосредственности. Въ самой толпѣ колебанія ея собственной жизни выдвигаютъ ее изъ состоянія непосредственности въ такую же область мечтаній и призраковъ, и потому она нуждается въ поученіи и во вразумленіи. Она можетъ не понимать самыхъ высокихъ нравственныхъ подвиговъ и ей необходимо напоминать о „призракахъ“ въ особенности тогда, „когда она поголовно шалѣетъ и начинаетъ думать, что самъ чортъ ей не братъ“. Въ такія минуты,—говоритъ Салтыковъ,—человѣкъ толпы охотно прикидывается матеріалистомъ и еще охотнѣе смѣшиваетъ матеріализмъ съ чревоугодничествомъ. Въ такія минуты именно развивается алчность, и люди начинаютъ думать, что такъ-называемыя убѣжденія могутъ съ успѣхомъ быть замѣнены „развязными манерами“. „Да, въ такія минуты дѣйствительно нѣчто упраздняется, но это „нѣчто“ есть именно тотъ характеръ человѣчности, который сообщаетъ жизни всю ея цѣну и смыслъ. А на мѣсто упраздненнаго просто-на-просто выступаетъ на сцену темное хищничество“.

И вслѣдъ затѣмъ Салтыковъ говоритъ объ идеальномъ содержаніи жизни—страницы, любопытныя для характеристики его общихъ воззрѣній. Рѣчь идетъ именно о томъ идеализмѣ, который столько разъ въ немъ отрицали, который будто бы исчезалъ

у него подъ его желчнымъ настроеніемъ (иные, враги его, говорили: подъ его бюрократической сухостью!) и который на дѣлѣ былъ, напротивъ, глубочайшей чертой его писательской дѣятельности. Въ предыдущихъ строкахъ подъ названіемъ „призраковъ“ онъ разумѣлъ именно идеалы, которые кажутся призраками людямъ мнимо серьезнымъ и положительнымъ. То, что онъ говоритъ здѣсь, составляетъ, очевидно, его собственное глубокое убѣжденіе.

„Итакъ, — продолжаетъ онъ начатую рѣчь объ идеалахъ, — твердить и напоминать массамъ, что жизнь еще совсѣмъ не такъ твердо сложилась, чтобы исключить необходимость и полезность тѣхъ отвлеченныхъ представленій, которыя въ понятіяхъ толпы неправильно слывутъ подъ названіемъ призраковъ, далеко не излишне. Эти „призраки“ приучаютъ насъ мыслить, разоблачаютъ передъ нами неустойчивость краугольныхъ камней, на которые мы привыкли опираться, и возбуждаютъ въ насъ ту горячую жажду дѣятельности, которая составляетъ единственный разумный признакъ жизни, еще не установившейся и ищущей естественнаго своего ложа. Въ извѣстныхъ эпохи жизни идеализмъ, несмотря на всю спорность своего содержанія, есть все-таки высшая и самая пригодная форма человѣческой дѣятельности... Даже фанатизмъ — и тотъ далеко не большее изъ всѣхъ разнообразныхъ золъ, которыя могутъ тяготѣть надъ обществомъ; самое горькое зло, самая безвыходная пагуба, это — отсутствіе руководящей мысли, отсутствіе убѣжденія... Не то общество — самое близкое къ гибели, которое вянетъ и задыхается подъ гнетомъ фанатизма, а то, которое, еще не живши, уже считаетъ себя отжившимъ. Изъ фанатизма есть возможность выхода, фанатизмъ, наконецъ, самъ себя изнашиваетъ и истощаетъ, изъ безсмыслія же нѣтъ другого выхода, кромѣ ничтожества, и притомъ такого ничтожества, которое обманываетъ своимъ самодовольствомъ и кажущоюся устойчивостью... Это, дескать, положительный взглядъ, это отличительная черта нашей эпохи! Не имѣть идеала, чуждаться мысли, смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія исключительно плотоядной, вгрызаться въ нее, какъ вгрызается въ куски мяса обезумѣвшій отъ голода хищный звѣрь — вотъ качества, которыя безстыдно и самодовольно выставляютъ человѣкъ въ подобныя эпохи, и при этомъ не только не ощущаетъ на лбу своемъ прикосновенія позорнаго клейма, но даже однимъ своимъ появленіемъ возбуждаетъ въ захмѣлѣвшей толпѣ неистовыя и безсмысленныя рукоплесканія“.

Онъ предвидитъ возраженіе, что никакое общество не можетъ существовать безъ мысли, и что даже тѣ движенія, которыя кажутся случайными, подчинены извѣстному закону. Здѣсь есть доля

правды, — говоритъ Салтыковъ, — но эта доля отыщется только тогда, когда мы будемъ смотрѣть на жизнь со стороны; для человѣка, который относится къ жизни не какъ посторонній зритель, а какъ дѣйствующее лицо, этой правды не будетъ. „Человѣкъ, дѣйствующій въ извѣстной средѣ, чувствуетъ и страдаетъ, а не взвѣшиваетъ и не наблюдаетъ. Онъ мало находитъ утѣшенія въ томъ, что въ статистическомъ смыслѣ начало, подъ гнетомъ котораго онъ мечется въ жизни, называется не случайностью, а закономъ случайности, и что это такой же точно законъ, какъ и всякій другой. Онъ чувствуетъ, что не живетъ, а мечется, что среда давить и насильственно засасываетъ его въ тину безсмыслія и безсилія случайности“. Онъ предоставляетъ отыскивать выводы и утѣшенія тѣмъ холоднымъ философамъ, которые относятся къ жизни съ безучастіемъ статистиковъ. Наконецъ мы часто удостоиваемъ названія мысли то, что даже не есть мысль, а только слабый ея зародышъ.

Далѣе, онъ снова обращается къ Аксакову. Послѣдній, разсматривая въ „Днѣ“ нашъ „арсеналъ мирныхъ гражданскихъ орудій“, пришелъ къ весьма печальнымъ заключеніямъ, а именно онъ нашель, что русское общество не можетъ „выставить даже нѣсколькихъ сотенъ честныхъ чиновниковъ“; что въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній главный начальникъ края не находитъ исполнителей для своей мысли; что молодые люди нашего времени, будучи впрочемъ добрѣйшими малыми, представляли собой собраніе „дряблыхъ космополитовъ“; что въ обществѣ нѣтъ сочувствія къ церковно-приходскимъ братствамъ, что у насъ на Руси мало ума и слишкомъ много „энергіи“ и т. д. Салтыковъ не спорить противъ этихъ замѣчаній, но находитъ, что обвиненія формулированы нѣсколько младенчески, и что слѣдовало указать, къ кому собственно обращены эти слова. Общество дѣйствительно страдаетъ пустотою и нравственнымъ ничтожествомъ; но, во-первыхъ, здѣсь надо разумѣть только ту часть его, которая имѣетъ возможность заявлять себя какимъ-нибудь дѣйствіемъ, а во-вторыхъ, что и въ этой ограниченной сферѣ мы должны съ особенною осмотрительностію отдѣлять тѣ стихіи общества, дѣятельность которыхъ намъ неизвѣстна или недоступна нашему пониманію. Это непониманіе происходитъ оттого, что все новое, чтд нарождается въ обществѣ, бываетъ нѣсколько неясно, облечено таинственностью, а съ другой стороны люди съ установившимися взглядами относятся къ этому новому съ недоувѣрчивостію и съ преувеличеніями. „Такимъ образомъ, простое стремленіе къ свободѣ мысли намъ кажется уже стремленіемъ къ анархіи, вопросъ

о положеніи женщины въ обществѣ сводится въ вопросу о свободѣ разврата и т. д. Являются даже особыя бранныя слова („ты нигилистъ“, „ты космополитъ“, „ты матеріалистъ“), которыхъ смысла мы сами хорошо не понимаемъ, но которыя имѣютъ то достоинство, что противъ нихъ нельзя даже возражать, ибо брань эта сама по себѣ считается геркулесовскими столпами человѣческой мудрости, дальше которыхъ шагать невозможно“.

Въ 1864 году Салтыковъ вообще работалъ меньше. Его общественныя хроникн помѣщены были только въ трехъ первыхъ книжкахъ журнала.

Въ первой изъ этихъ статей онъ не останавливается спеціально на какомъ-нибудь изъ тогдашнихъ литературно-общественныхъ вопросовъ и въ рядѣ очерковъ даетъ понятіе о томъ общемъ настроеніи, которое начинаетъ господствовать и въ литературѣ, и въ обществѣ. Наступалъ новый годъ. Обычный предрасудокъ придаетъ значеніе наступленію новаго года, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ принести что-нибудь новое и, можетъ быть, лучшее. Салтыковъ говорить, что онъ уже съ дѣтства извѣрился въ этомъ. Когда онъ былъ еще маленькимъ, то его по цѣлымъ годамъ водили въ дрянной ситцевой рубашкѣ и все общали, что если онъ будетъ умникомъ, то ему сошьютъ бархатную курточку и алые штаники; но онъ напрасно старался быть умникомъ—онъ такъ и не получилъ бархатной курточки. И послѣ ему пришлось испытать такія же разочарованія, и онъ увѣрился, что время равно времени, годъ равенъ году; въ одномъ нѣтъ повода для воспоминаній, въ другомъ—для надеждъ.

„Само собой разумѣется, что для того, чтобы стать на ту философскую высоту, съ которой дѣла сего міра кажутся безразличными, необходимо пройти севозь множество такого рода испытаній, которыя на русскомъ языкѣ сливуть подъ общимъ характеристическимъ наименованіемъ „огня и мѣдныхъ трубъ“ (сколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ отечествѣ это наименованіе считается синонимомъ того, что въ другихъ странахъ называется наукой); но съ другой стороны, какъ же и требовать, чтобы блага истинныя и прочныя доставались намъ даромъ?“ Правда, съ пріобрѣтеніемъ этого взгляда онъ не пріобрѣлъ никакихъ жизненныхъ результатовъ; онъ не достигъ даже права прозябать въ тихомолку въ своемъ темномъ углу, а обладаетъ только возможностью произнести съ полнымъ убѣжденіемъ, что ничто не ново подъ луною.

„Но чего же достигъ и ты, о, людъ волнующійся и стремя-

щійся! Вглядись пристальнѣе въ твою дѣятельность, не увидишь ли ты въ ней жалкой пародіи на дѣятельность тѣхъ служителей искусства для искусства, науки для науки, противъ которыхъ устремлено было все твое горячее негодованіе? Волненіе для волненія, стремленіе для стремленія; сегодняшняя пустая дѣятельность, поправляющая вчерашнюю пустую дѣятельность, и въ свою очередь поправляемая завтрашнюю пустую дѣятельностью! Вотъ процессъ твоей жизни, а въ результатъ вѣчное, непрерывающееся самообольщеніе, то жалкое самообольщеніе, которое для человѣка, непрічастнаго этой суматохѣ, кажется совершенно необъяснимою психологическою загадкою“.

И онъ рассказываетъ исторію объ ополченцѣ, воображавшемъ, что онъ потерялъ тридцать тысячъ, которыхъ у него никогда не бывало, и утѣшавшемъ себя рассказами объ этомъ капиталѣ. Этого ополченца напомнило ему и русское общество.

„Итакъ, о, птенцы, внимайте мнѣ! Вы, которые еще полагаете различіе между старыми и новыми годами (не безъ нѣкоторыхъ, конечно, любострастныхъ въ вашу собственную пользу надеждъ), вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда-нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснутся засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ, стучащіе и ни до чего не достучивающіеся, просящіе и не получающіе, всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру. Новый годъ, навѣрное, будетъ повтореніемъ стараго, потому что и старый былъ хорошъ; никакой чаши ни откуда не сойдетъ, по той причинѣ, что она ужъ давно стоитъ на столѣ, да губы-то ваши не сдумѣли поймать ее; стучать и просить вы будете по прежнему (таково ужъ крохоборническое назначеніе ваше), и по прежнему ничто не отворится передъ вами, и ничего не будетъ вамъ дано, потому что жизнь даетъ только тѣмъ, кто подходитъ къ ней прямо, и притомъ въ „благопрістойной“ одеждѣ (такъ, по крайней мѣрѣ, всегда объявляется въ афишахъ, приглашающихъ почтеннѣйшую публику въ танцклассы)“. Перспектива не важная, но по крайней мѣрѣ есть въ ней та выгода, что она не заключаетъ никакого обманчиваго миража...

Очевидно, Салтыковъ, который въ этомъ случаѣ высказывалъ и взгляды цѣлой извѣстной доли общества, не питалъ уже никакихъ ожиданій на дальнѣйшее развитіе тѣхъ зачатковъ общественнаго преобразованія, которые заявлялись за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и наполняли общество свѣтлыми ожиданіями. Онъ увѣщеваетъ не обманываться радужными цвѣтами—потому что одинъ

цѣтъ, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло и который насъ не обманеть, есть цѣтъ сѣрый.

Жизнь приносить свои опыты. „Вотъ, напримѣръ, до настоящаго 1864 года я совсѣмъ-таки не имѣлъ никакого понятія о томъ, что въ числѣ фигуръ, перечисляемыхъ въ русскихъ реторикахъ, есть одна, которая извѣстна подъ именемъ „пониженія тона“ („allegro ma non troppo“, „moderato“, а отчасти и „poco mosso“ — вотъ музыкальные термины, которымъ эта фигура соответствуетъ), а теперь мнѣ и съ нею привелось познакомиться (по разъясненіи, впрочемъ, оказалось, что я знакомъ съ ней давно, чуть ли не отъ самаго рожденія, но только не зналъ, какъ ее назвать)“.

Очень забавенъ рассказъ о томъ, какъ онъ отыскивалъ объясненіе того, что значитъ пониженіе тона. Началось съ того, что одинъ изъ его знакомыхъ литературныхъ генераловъ, которые по дружбѣ интересовались имъ, давалъ ему добрый совѣтъ.

— „Еслибы вы взяли на себя трудъ нѣсколько понизить этотъ тонъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что сочиненія ваши читались бы съ гораздо ббльшею пріятностью. Вы, конечно, понимаете меня?“ Слѣдовалъ комплиментъ.

Авторъ ничего не понималъ, но былъ польщенъ. „Я расцѣль, ибо понялъ, что мой другъ, хотя и литературный, но все-таки генералъ (такъ конь и праничный—все конь). Я чувствовалъ, что сердце мое таетъ, и что хоть я ничего еще не понимаю, но исполнить могу. Я во весь духъ побѣжалъ домой, чтобы немедленно же начать цѣлый рядъ статей подъ названіемъ: „Дѣлай со мной, что угодно“¹⁾.

Но надо было разъяснить вопросъ, и авторъ отправляется къ пріятелю, нѣбому Антропу, преподававшему реторику въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

— „Скажи мнѣ, другъ Антропъ! что разумѣетъ реторика подъ именемъ „пониженія тона“?—спросилъ я его.

— „Подъ именемъ „пониженія тона“,—отвѣчалъ мой другъ:—реторика разумѣетъ такое онаго ограниченіе, которое, по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ преестественнѣйше оно измѣняетъ и претворяетъ“.

Антропъ доказалъ это „тетрадеями“. Не вполне удовлетворенный, авторъ направился за разъясненіями къ одному опыт-

¹⁾ За двѣ страницы онъ называетъ по именамъ праничныхъ коней—„опытныхъ литераторовъ, которые покровительствуютъ моимъ талантамъ“.

ному литератору, Михаилу Логгиновичу, который по старости лѣтъ не занимался литературой пристально, но изрѣдка пописывалъ антиварско-библиографическіе фельетоны для „Московскихъ Вѣдомостей“. Опытный литераторъ объяснилъ, что „пониженіе тона“ есть изобрѣтеніе временъ новѣйшихъ; въ прежнее время (въ наше время, говорилъ опытный литераторъ) пониженіе тона не существовало, потому что и возвышенія его не было.

— „Былъ тонъ любезный. Литература, въ наше время, приглашала читателя насладиться и возбуждала въ немъ тихое чувство благодарности. Отъ неприятныхъ зрѣлищъ отклоняла, требованія предъявлять не совѣтовала и, не разсѣвая заблужденій (какъ нынѣ), направляла умы и сердца къ предметамъ, достойнымъ вѣроятія и рекомендуемымъ людьми опытными и нарочито уполномоченными. Въ настоящее время этотъ любезный тонъ сохранился лишь въ воскресныхъ прибавленіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Ссылка на Антропа была отвергнута опытнымъ литераторомъ: — „Антропъ человекъ новый; къ тому же онъ получилъ воспитаніе въ семинаріи, и потому съ жадностью заноситъ въ свои тетради всѣ лжеученія, порожденныя современностью“.

Но когда недоумѣвающій авторъ все-таки желалъ имѣть мнѣніе опытнаго литератора о пониженіи тона, тотъ отвѣтилъ:

— „Приблизительно, я полагаю бы возможнымъ опредѣлить его такъ: „пониженіе тона есть такое онаго ограниченіе, которое, по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ пресущественнѣйше оно измѣняетъ и претворяетъ“.

Это были, какъ видимъ, тѣ же слова Антропа. Когда, послѣ подробныхъ и довольно замысловатыхъ объясненій съ опытнымъ литераторомъ, предметъ оставался все-таки неясенъ, авторъ остановилъ перваго попавшагося чиновника и задалъ ему тотъ же вопросъ. Чиновникъ отвѣтилъ:

— „Подъ „пониженіемъ тона“ слѣдуетъ разумѣть сообщеніе человѣческой рѣчи такого характера, чтобы она всегда имѣла въ предметъ лицо презуса, хотя бы, въ дѣйствительности, и не была къ нему обращена“, — отвѣчалъ онъ безъ запинки, и тотчасъ же скрылся.

„Я понялъ. Я бросился догонять моего просвѣтителя и хотѣлъ благодарить, но онъ на-отрѣзъ отказался принять мою посылную лепту, и сказалъ мнѣ, что нынче чиновники не только ничего не берутъ, но даже огорчаются, когда замѣчаютъ въ просителѣ хотя малѣйшее покушеніе на ихъ бюрократическое цѣломудріе“.

Итакъ, авторъ понялъ, что его поиски были не больше, какъ недоразумѣніе, что онъ съ малолѣтства ничѣмъ инымъ не занимается, кромѣ пониженія тона.

„Была ли когда-нибудь моя мысль свободна отъ того представленія, которое чиновникъ такъ оригинально осуществилъ въ лицѣ презуса? По совѣсти, никогда. Употреблялъ ли я когда-нибудь инныя выраженія, кромѣ самыхъ изысканнѣйшихъ? Клянусь, никогда. Дерзалъ ли я когда-нибудь выразить что-либо иное, кромѣ того, что могло и должно было нравиться людямъ самымъ благоуханнымъ, благовоспитаннымъ и благонамѣреннымъ? Никогда, никогда и никогда! Мысль о „генералѣ“, мнѣ сопутствующемъ, до такой степени была всегда присуща моему уму, что вошла мнѣ въ плоть и кровь, сдѣлалась частью меня самого“ ...

Въ это время „Современная Лѣтопись“ вызвала новый отпоръ „Современника“. Катковъ утверждалъ, что какъ только цензура будетъ упразднена, „Современникъ“ тотчасъ прекратитъ свое существованіе, потому что „Московскія Вѣдомости“ легко съ нимъ справятся; въ особенности указывалось на хронику Салтыкова, которая будто бы обязана своимъ процвѣтаніемъ именно цензурѣ, „принимающей на себя грѣхи авторовъ“. Салтыковъ сомнѣвается въ этомъ. „Конечно, мнѣ и обиняками очень удобно говорить о наукѣ, утверждающей, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, но увѣряю, что я отнюдь не сконфужусь, если и прямо придется высказать, что это та самая наука, которой представителями служатъ г. В. Ржевскій съ его прямыми послѣдователями, гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, и даже назвать эту науку ея надлежащимъ именемъ. Повѣрьте, что я при первомъ удобномъ случаѣ исполню это съ полною ясностью и вразумительностью, и что вы останетесь мною довольны“.

Салтыкова возмущала въ особенности та двойственность, которою московскіе публицисты спутывали вопросъ. „Въ самомъ дѣлѣ, что за странная путаница понятій! Съ одной стороны, вліяніе цензуры на печатное слово представляется бесполезнымъ, и, слѣдовательно, всякое въ этомъ смыслѣ послабленіе предполагается желательнымъ, а съ другой — чуть только проходитъ въ печать что-нибудь такое, что вамъ не нравится, вы первые сыплете всенными предостереженіями, первые кричите: „смотрите! смотрите! вотъ что печатается у насъ съ дозволенія цензуры!“ Воля ваша, а для меня ясно въ вашихъ дѣйствіяхъ одно изъ двухъ: или вы не понимаете сами, о чемъ говорите, или вы слишкомъ хорошо понимаете, чего вамъ надобно. Я, конечно,

скорѣе склонюсь въ пользу послѣдняго предположенія, и сверхъ того убѣждаюсь окончательно въ томъ, что для печатнаго русскаго слова грозить въ будущемъ неудобство гораздо горшее, нежели оффиціальная цензура, нынѣ существующая: ему грозить цензура аматёрская. Да поймите же, наконецъ, что если такое аматерство и можетъ быть допущено, то вѣдь для того, чтобы оправдать его, нужна цѣлая совокупность условій, которая позволяла бы полную свободу полемики! А безъ этого аматерство дѣлается, наконецъ, вещью, которой трудно приискать соответствующее имя“...

Между прочимъ, одинъ критикъ Катвовскаго изданія, занявшись такой аматерской цензурой, обратилъ вниманіе на повѣсть: „Смѣлый шагъ“, помѣщенную въ „Современникъ“, и увидѣлъ въ ней какую-то угрожающую доктрину. Салтыковъ отвѣчаетъ съ негодованіемъ, что повѣсть представляетъ просто рассказъ изъ современной общественной жизни: „Это повѣсть, повѣсть, повѣсть — и ничего больше... кромѣ развѣ того, что повѣсть эта, по внутреннему своему содержанію, несравненно болѣе правственна, нежели тѣ паскудныя произведенія легкаго клубничизма, которыми, тоже подъ формою повѣстей, отравляетъ свою публику „Русскій Вѣстникъ“.

Слѣдующая хроника ¹⁾ посвящена опять деревнѣ. Въ деревню приводитъ автора его другъ, который ѣдетъ туда зимой по сугробамъ и ухабамъ, и, пока добирается до деревни, предается мечтамъ и воспоминаніямъ. Между прочимъ, вспоминается ему „Фаустъ“ съ Тамберликомъ и Барбо, проходитъ въ памяти картина старой любви; потомъ „вдругъ, ни съ того, ни съ сего“, воображеніе переноситъ его въ какой-то мрачный кагалъ, наполненный „московскими публицистами“; онъ впадаетъ въ раздумье, прерываемое легкими ухабами.

— „Не можетъ быть! — разсуждаетъ онъ: — это они не безъ задней мысли такъ дѣйствуютъ. Я думаю даже, что это съ ихъ стороны очень зрѣло обдуманная военная хитрость. Они просто хотятъ, во что бы то ни стало, утвердиться въ самомъ центрѣ укрѣпленнаго мѣста, а потомъ, когда...

„Но легкій ухабъ прерываетъ нить размысленій...

„Другъ мой до такой степени плѣняется своимъ предположеніемъ, что даже сочиняетъ цѣлый планъ кампаніи. Онъ очень живо представляетъ себѣ, какъ одинъ публицистъ заманиваетъ въ

¹⁾ „Современникъ“, 1864, № 2.

трущобу; другой дѣйствуетъ въ это время боковыми движеніями; третій подсылаетъ лазутчиковъ съ ложными вѣстями; четвертый отводитъ глаза, и вдругъ...

— „И вдругъ соединенными силами подпускаютъ булеврину!“ мысленно восклицаетъ мой другъ и даже поворачивается на мѣстѣ отъ удовольствія“.

Понятно, кто были эти московскіе публицисты. Любопытно видѣть, какъ Салтыковъ уже въ то время понималъ способъ дѣйствій этихъ публицистовъ, которые имѣли похожую на это программу дѣйствій и затѣмъ дѣйствительно надолго успѣли „утвердиться въ центрѣ“. Но въ концѣ концовъ этотъ другъ, продолжавшій свои размышленія съ паузами при каждомъ ухабѣ, приходитъ къ иному, какъ будто неожиданному соображенію:

— „Н-да, это съ ихъ стороны просто подвохъ, да еще какой подвохъ-то! Но отчего отъ этого подвоха такъ северно пахнетъ? Отчего этотъ подвохъ какъ будто и не подвохъ совсѣмъ? Н-да, это даже почти вѣрно, что тутъ никакого подвоха нѣтъ и не бывало“.

На этомъ мысли путника прерываются, и авторъ не объясняетъ ихъ. Повидимому онъ хотѣлъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ „подвоха“ нѣтъ — совершается вполне естественное дѣло: „московскіе публицисты“ говорятъ то, что теперь именно во вкусѣ массы. Другой вопросъ, что они говорятъ, какова общественная масса, и какова роль самихъ публицистовъ: нѣбогда они расходились съ этой массой, хотѣли вести ее изъ ея застоя къ лучшимъ идеямъ и къ просвѣщенію, а теперь надумали, что гораздо выгоднѣе служить ей грубымъ инстинктамъ...

Наконецъ, авторъ въ деревнѣ.

Выше мы приводили уже нѣсколько эпизодовъ, гдѣ Салтыковъ говоритъ о народной, деревенской жизни. Здѣсь опять то же отношеніе къ этой жизни, развитое новыми картинками и соображеніями. Мы остановимся еще разъ на этихъ темахъ въ виду того, что, какъ мы указывали, взглядъ Салтыкова на народную жизнь и самый народъ бывалъ въ послѣднее время не вполне ясенъ для его читателей и даже почитателей. Недоразумѣніе идетъ въ особенности съ „Исторіи одного города“, хотя подъ конецъ „Помехонская Старина“ могла бы указать, сколько было въ душѣ его глубокаго состраданія къ тяжелой судьбѣ народной массы и негодованія на утвержденный вѣками складъ быта и нравовъ, которымъ оправдывалось порабощеніе...

„Не знаю, — говоритъ Салтыковъ съ обычною примѣсью про-

ни, — отъ того ли, что я *плохо себя окутываю* ¹⁾, или отъ того, что я отъ природы не мечтателенъ, но зимній проселокъ не навѣваетъ на меня ровно никакихъ мечтаній, ни свѣтлыхъ, ни темныхъ, ни веселыхъ, ни горькихъ. Сидя въ городѣ, за каменными стѣнами, вдали отъ того труднаго *нечужажднаго* дѣла, которое во истину въ потѣ лица снискиваетъ хлѣбъ свой, еще можно, по временамъ, отдаваться мечтамъ о сближеніяхъ и о почвѣ, любоваться чистопсовымъ эпосомъ, созидаемымъ фантазіей г-жи Кохановской, увлекаться описаніями въ родѣ „Года русскаго земледѣльца“ г. В. Селиванова (любопытные могутъ отыскать это диковинное въ своемъ родѣ описаніе въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1857 годъ) и созидать фантастическіе дивертисементы съ пѣніемъ и танцами, но какъ только станешь лицомъ къ лицу въ настоящей, неподкрашенной дѣйствительности, какъ только вѣдешь въ это необъятное, стонущее пространство, называемое проселкомъ, то затѣи городского досужества опадаютъ сами собой, какъ опадаютъ листья съ деревьевъ подъ хмурымъ осеннимъ небомъ“ ...

Его нисколько не привлекаетъ придуманная идиллія; напротивъ, ея фальшивость ему противна „до гадости“. Онъ приводитъ отрывокъ изъ упомянутаго сочиненія Селиванова, рисующій картину патриархальнаго благополучія крестьянской жизни, и продолжаетъ:

„Не правда ли, какая милая, трогательная картинка, какимъ миромъ и счастьемъ вѣетъ отъ этой крестьянской семьи, гдѣ и кошка мурлычить, и молодая мать убаюкиваетъ грудного ребенка, и на ворчаніе старухи никто не обращаетъ вниманія? И чѣмъ дальше идетъ читатель за авторомъ, тѣмъ больше и больше саднить ему сердце отъ умиленія...“

„Я знаю, въ русской литературѣ много такихъ *отводнящихъ маз* произведеній, но въ дѣйствительности жизнь русскаго мужа всего менѣе даетъ мѣста для идиллическихъ предположеній. Патриархальный фальшфейеръ, выработанный крѣпостнымъ правомъ, позволявшій одному говорить: мы ваши отцы, а другимъ — мы ваши дѣти, палъ самъ собою, какъ только уничтожилась причина, его породившая. Жизнь приняла общій, человѣческій характеръ; нѣтъ ни отцовъ, ни дѣтей, а есть люди, стоящіе рядомъ“.

Писателямъ-художникамъ, все еще настаивающимъ на патриархальности отношеній и придающимъ крѣпостному праву ка-

¹⁾ Т.-е. и физически, и нравственно.

кой-то величаво-эпическій характеръ, Салтыковъ ¹⁾ совѣтуетъ взглянуть поближе на настоящія условія сельскаго быта: они отрезвились бы отъ фантазій и увидѣли бы, что мнимая патріархальность была просто „насильственной формой, которую одна сторона предлагала, потому что могла предлагать, а другая принимала, потому что не могла не принять“. Иначе ей и невозможно было произойти, — и гдѣ, въ какихъ захолустяхъ отыщешь ее *теперь*?

„Жизнь русскаго мужика, — говоритъ Салтыковъ, — тяжела, но не вызываетъ ни чувства безплодной и всегда оскорбительной жалостливости, ни тѣмъ менѣе идиллическихъ присѣданій. Какъ всякая другая жизнь, какъ вообще все на свѣтѣ, она представляетъ богатый матеріалъ для изученія, а еще больше для сравненій и сопоставленій. Когда фактъ представляется передъ нами въ видѣ статистическаго даннаго, въ видѣ цифры, то это еще совсѣмъ не фактъ, — это просто мертвая буква, нивому ничего не говорящая. Чтобы понять истинное значеніе факта, необходимо знать, чего онъ стоилъ тому, кто его выносилъ и по милости чей онъ сдѣлался фактомъ. Необходимо, однимъ словомъ, создать такую статистику, въ которой слышалось бы присутствіе тревожной человѣческой дѣятельности, отъ которой отдавало бы запахомъ трудового человѣческаго пота“.

Слѣдующія строки передаютъ, безъ сомнѣнія, самую серьезную, задушевную мысль Салтыкова; она совершенно далека отъ того безсодержательнаго или мистическаго идеальничанья, которое такъ сильно развивалось у насъ на тему „народа“, начиная отъ стараго славянофильства до новѣйшаго народничества, и эта мысль устраняетъ всѣ пересуды относительно взглядовъ Салтыкова на народъ.

„Уже одно то, что коренное условіе мужицкой жизни составляетъ вѣчный непрерывающійся трудъ, достаточно указываетъ на совершенно серьезный ея характеръ и на положительную невозможность относиться къ ней съ умиленіями и присѣданіями. Начинать каждый свой день мыслью о насущномъ хлѣбѣ и этою же мыслью день заканчивать, — какъ хотите, а тутъ потребно или великое мужество, или же полное и трудно постигаемое равнодушіе. Я съ своей стороны думаю, что въ настоящемъ случаѣ исключительно присутствуетъ то великое и нивѣмъ еще достаточно не оцѣненное *мужество*, которое одно можетъ дать человѣку и силу, и присутствіе духа, необходимыя, чтобы удержатъ

¹⁾ Онъ могъ подразумѣвать здѣсь выходившія тогда сочиненія Аксакова-отца.

его на краю вѣчно зіяющей бездны. Положеніе мучительное, мимо котораго мы потому только проходимъ безъ крайне болѣзненнаго чувства, что не даемъ себѣ труда вникнуть въ его сущность. Да мы съ вами, читатель, не можемъ и вникнуть въ него, потому что для насъ все въ этомъ дѣлѣ непонятно: и невозможность досуга, и вѣчная зависимость жизни отъ личнаго матеріальнаго труда, и эти опасенія, эти ужасныя опасенія, которыя ни на минуту не отходятъ отъ человѣка, ни на минуту не даютъ ему забыться и отдохнуть.

„Ничего мы этого съ вами не понимаемъ.“

Салтыковъ напоминаетъ читателю, что уже говорилъ о деревнѣ,—но то было лѣтомъ. Зимой мужицкая жизнь дѣлается еще труднѣе и рискованнѣе. „Зимой наружный видъ деревни поражаетъ тоской и уныніемъ“. Мужицкія избы становятся еще бѣднѣе и сиротливѣе. „Окруженныя со всѣхъ сторонъ снѣжными сугробами, придавленныя сверху толстымъ снѣжнымъ пластомъ, онѣ однимъ своимъ видомъ говорятъ путнику о всякой безпріютности, о всевозможныхъ лишеніяхъ и неудобствахъ. Такъ тянется цѣлая длинная улица“...

Слѣдуетъ подробное изображеніе тѣсной курной избы съ ея населеніемъ... Тѣснота, смрадъ, нечистота—„вотъ тѣ гигиеническія условія, которыя представляетъ собой русская изба съ точки зрѣнія жилья, и вотъ гдѣ рождается, старѣется и умираетъ поилецъ и кормилецъ русской земли“.

„Съ точки зрѣнія нравственной,—продолжаетъ Салтыковъ,—эти условія по малой мѣрѣ равносильны описаннымъ выше. И возрасты, и полы постоянно смѣшаны. Смѣшеніемъ первыхъ имѣетъ прямыхъ послѣдствіемъ то, что поколѣнія одни за другими воснѣютъ въ однихъ и тѣхъ же предрасудкахъ и становятся навсегда застрахованными отъ прикосновенія всякой свѣжей мысли. Непроницаемая тьма свинцовымъ пологомъ оцетипилась и отяжелѣла надъ этими хижинами, и въ этой тмѣ безраздѣльно царствуетъ старый Сатурнъ, заживо поядающій дѣтей своихъ. Сынъ, безотлучный свидѣтель безмолвнаго малодушія или трусливаго лукавства отца, можетъ ли вынести изъ своихъ наблюденій что-нибудь иное, кромѣ собственнаго малодушія и лукавства? Сынъ, отъ сосцовъ матери привыкшій видѣть, что все вокругъ него поворачается слѣпой случайности, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ освобожденію себя изъ-подъ гнета ея, можетъ ли выработать что-нибудь иное, кромѣ безграничной вѣры въ ту же слѣпую случайность? И такимъ образомъ переходитъ она, эта тьма, отъ одного поколѣнія въ другому, все круче и круче за-

връшляя проклятыя тенета, которыми они спутаны. Что же касается до смѣшенія половъ, то послѣдствія этого явленія слишкомъ очевидны, чтобы слѣдовало распространяться объ нихъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать утвердительно, что, вслѣдствіе совокупности всѣхъ условій, пресловутая чистота русской семьи, взятая даже въ ограниченномъ смыслѣ половыхъ отношеній, есть не болѣе, какъ сантиментальная утопія, которою славянофилы отводятъ глаза публикѣ. Нуженъ ли этотъ отводъ глазъ? не похожъ ли онъ на тѣ казенные рапорты о всеобщемъ благополучномъ обстояніи, которыми слишкомъ усердные подчиненные успокоиваютъ своихъ добрыхъ начальниковъ? Предоставляю разрѣшеніе этихъ вопросовъ самому читателю, но думаю, что ложь, какой бы ни былъ ея характеръ, никогда не полезна и не нужна, а особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда истина не только обвиняетъ, но положительно оправдываетъ... Вотъ та нравственная и умственная среда, въ которой родится, старѣется и умираетъ поилецъ и кормилецъ русской земли“.

Затѣмъ онъ рисуетъ картину деревенской жизни зимой и зимняго мужицкаго промысла, сосчитываетъ бюджетъ крестьянскаго обихода въ точныхъ цифрахъ затратъ и доходовъ ¹⁾. Въ результатѣ онъ дѣлаетъ такой выводъ:

„Изъ этого видно, въ какой степени неоснователенъ ропотъ тѣхъ господъ, которые позволили себѣ негодовать на то, что правительство будто бы излишне понизило норму оброка, платимаго крестьянами, ибо выгода, получаемая крестьяниномъ отъ найма земли, до того мала, что онъ существовать ею положительно не можетъ. Чтобы достать себѣ соли и кусокъ мяса въ праздникъ, чтобъ одѣть себя и свое семейство, онъ обязанъ пускаться въ заработки, но не такъ, какъ пускаемся мы съ вами, читатель: у себя въ кабинетѣ, или черезъ дорогу въ департаментъ, а съ обреченіемъ себя на лишенія, на усталость и на всякаго рода случайности.

„Нѣтъ, вы представьте же себѣ эту жизнь; въ которой яйцо считается плодомъ запретнымъ, а простое коровье масло — непозволительною роскошью, въ которой соль составляетъ предметъ мучительныхъ тревогъ, въ которой человѣкъ не знаетъ другого жога, кромѣ голыхъ досокъ съ посланною на нихъ соломой, другого изголовья, кромѣ свернутаго, кишачаго насѣкомыми полушубка, въ которой неизвѣстно, что значитъ тепло, а извѣстны или стужа, или жаръ переносный?..

¹⁾ Салтыковъ беретъ деревенскій бытъ подмосковный, гдѣ у него было имѣніе.

„Это просто адъ, и мужикъ до такой степени понимаетъ это, что когда ему выдается такой моментъ, что его не терзають ни тараканы, ни клопы, ни вши, когда его не печеть въ упоръ солнцемъ, и не обжигаетъ сзади и спереди морозомъ, когда онъ можетъ успокоить свое тѣло на чемъ-нибудь болѣе мягкомъ, нежели голая доска, то онъ выражается такъ: „точно я, сударь, въ рай побываль“.

„Какъ же, однакожь, живутъ, такимъ образомъ, люди?—спросить меня изумленный читатель.—Ну, да, такъ и живутъ. Живутъ, и даже пѣсни деруть по праздникамъ, и подсмѣиваются, и подшучиваютъ другъ надъ другомъ, и совокупаются, и даже празднуютъ по этому случаю“...

Главное объясненіе есть, конечно, желаніе жить во что бы то ни стало—„застарѣлая болѣзнь, которою томится человѣкъ, въ какомъ бы положеніи ни застала его жизнь, какимъ бы холодомъ она ни дохнула на него“. Это желаніе жить преодолеваетъ все и не пугается даже далекой перспективы, ничего не обѣщающей, кромѣ повторенія пройденныхъ задовъ. По мнѣнію Салтыкова, эта „сладкая привычка жить“ ни въ комъ такъ сильно не сказывается, какъ въ русскомъ мужикѣ и—въ *русскомъ литературѣ*...

Наконецъ, изъ всего этого разсказа о русскомъ мужикѣ Салтыковъ извлекаетъ слѣдующее поученіе для насъ, людей просвѣщенныхъ, ходящихъ въ „благопристойной одеждѣ“ и даже разсуждающихъ о прогрессѣ.

„Насъ, танцующихъ у Ефремова ¹⁾ въ „благопристойной“ одеждѣ людей, могутъ еще тѣшить какіе-то словесные турниры, прикрывающіе себя пышными именами свободы, прогресса и т. п., но мужику до этихъ словесныхъ турнировъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Вслѣдствіе ли природной ограниченности, или отъ того, что онъ пришибенъ всякими обстоятельствами, мужикъ не прозрѣваетъ умственнымъ окомъ своимъ въ отдаленныя перспективы прогресса и желаетъ получить хотя то улучшеніе, которое доступно его пониманію, и притомъ получить немедленно. Я думаю даже, что съ нимъ было бы очень трудно сговориться и насчетъ привлекательности труда, несмотря на то, что теорія эта, очевидно, построена въ его пользу“.

„Что же изъ этого слѣдуетъ? быть можетъ, спросить меня благоразумный, но не совсѣмъ понятливый читатель. А изъ этого слѣдуетъ одна очень простая вещь, что когда говоришь о мужич-

¹⁾ Извѣстный тогда въ Петербургѣ танцклассъ.

какъ, то нѣтъ никакой надобности ни умиляться, ни присѣдать, ни впадать въ меланхолю. Надо смотрѣть на это почтенное словіе какъ можно проще, и въ настоящее время, думается мнѣ, достаточно будетъ съ тебя, читатель, если ты доподлинно будешь знать, что дѣлаетъ русскій мужикъ, и во что ему это его дѣло обходится. Нивогда не мѣшаетъ имѣть правильныя и непреувеличенныя свѣденія о предметѣ, о которомъ имѣть таковыя желанш. Это отсутствіе преувеличеній, быть можетъ, огорчить нѣсколько любознательнаго изыскателя, лишить его удовольствія рисовать картинки на розовомъ маслѣ, и вообще идеальничать и поэтизировать, но взамѣнъ того оно положить начало чувству болѣе прочному и плодотворному, чувству справедливости. Если идеализація, всегда основанная на поверхностномъ и неполномъ знаніи вещей, помогаетъ намъ распускаться въ умиленіяхъ и мечтахъ о сближеніяхъ, то не надо забывать, что нерѣдко та же самая идеализація ведетъ насъ и къ мордобитію. Напротивъ того, знаніе вещи необходимо отразится и на отношеніяхъ человѣка къ ней, и эти отношенія будутъ именно такими, какими они быть должны. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и оплеухъ, не будетъ любви всепрощающей, но не будетъ и поученій тѣлесныхъ. Будетъ справедливость, а покамѣстъ она только и требуется“.

Отъ мужиковъ онъ переходитъ къ помѣщикамъ. Это одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, какихъ не мало разсѣяно въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Салтыкова и гдѣ изображается положеніе землевладѣльцевъ послѣ упраздненія крѣпостного права. Они потеряли подъ собою почву и, не зная, какъ приладиться къ новымъ условіямъ, проживаютъ послѣднія средства, доставленныя выкупными свидѣтельствами, и нерѣдко кончаютъ полнымъ разореніемъ и исчезаютъ со сцены, или ждутъ, что какая-то невѣдомая сила снова возвратитъ имъ прежнее благополучіе.

Салтыковъ разсуждаетъ по этому поводу:

„Мы склонны раздражать себя всякаго рода утопіями, мы постоянно питаемъ свое воображеніе насчетъ прочихъ умственныхъ силъ. Причины такого явленія заключаются въ совершенной неподготовленности къ дѣлу, въ полномъ незнаніи того матеріальнаго процесса, сквозь который всякое дѣло должно пройти въ своемъ естественномъ развитіи. Мы охотно перескакиваемъ черезъ всѣ препятствія, устраняемъ подробности процесса и заранѣе наслаждаемся уже концомъ неначатаго еще дѣла. Отъ этого-то между нами такое множество и такое разнообразіе Хлестаковыхъ. Крѣпостное право укоренило въ насъ эту погибельную навлонность, положило ей начало, давая намъ возмож-

ность жить не думая; упраздненіе крѣпостного права не только не ограничило ея (какъ слѣдовало бы на первый взглядъ ожидать), но окончательно развило и довело до громадныхъ размѣровъ. Явились утописты вольнонаемнаго труда, утописты плодоперемѣнныхъ хозяйствъ, и, не приступивши еще къ дѣлу, уже предвкушали урожай самъ-двадцать и наколачивали какую-то баснословную деньгу. Оказалось, однако, что расчеты не вѣрны, или, лучше сказать, что ихъ даже совсѣмъ не было“...

Черезъ два года послѣ отмѣны крѣпостного права, Салтыковъ уже предвидитъ зрѣлище предстоящаго упадка: „Какъ заглухнуть со временемъ эти старинныя усадьбы, въ которыхъ такъ легко и привольно жилось когда-то! какъ зазеленѣютъ и залесневеютъ эти проточныя великолѣпныя пруды, какъ заростутъ эти дорожки! Чѣмъ это кончится? чѣмъ это кончится? спрашиваешь себя съ невольной тревогой. Неужели“...

Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ разсужденіемъ о русскомъ обществѣ. Его могутъ упрекнуть, — думалъ онъ, — что написанное имъ не составляетъ общественной хроники; но мы извратили смыслъ слова „общество“, — говоритъ онъ; мы привыкли искать проявленій общественной жизни не тамъ, гдѣ ихъ слѣдуетъ искать. Представляя себѣ общество въ видѣ многоэтажнаго зданія, мы полагаемъ, что жизнь совершается только въ бель-этажѣ и rez-de-chaussée, а все обитающее въ подвалахъ и чердакахъ полагается просто неживущимъ. Правда, жизни и вездѣ мало, но запросъ на жизнь всего живѣе чувствуется именно въ забытыхъ помѣщеніяхъ.

„Собственно такъ - называемое „общество“ представляетъ слишкомъ мало интереснаго, чтобы стоило много распространяться о немъ. Оно живетъ своею обычною, безцвѣтною жизнью; порою, отъ нечего-дѣлать, фантазируетъ; порою, тоже отъ нечего-дѣлать, эти же самыя фантазіи преслѣдуетъ. Вѣчная жертва колебаній и судорожныхъ подергиваній, оно нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о несостоятельности и о совершенномъ отсутствіи дѣйствительныхъ и серьезныхъ жизненныхъ основъ...“

„Въ сущности, всѣ его произвольныя фантазіи должны быть безразличны, ибо всѣ одинаково ничего не обозначаютъ; и если есть еще что-нибудь горькаго и страшнаго въ этой неурядицѣ, такъ это именно то, что новая, чуть-чуть пробивающаяся жизнь еще слишкомъ слаба, чтобы дать сколько-нибудь надежную опору и сдѣлать возможнымъ безразличный взглядъ на неурядицу“.

Въ слѣдующей хроникѣ¹⁾ Салтыковъ снова обращается къ той невообразимой путаницѣ понятій, которая господствовала въ тогдашнемъ обществѣ и публицистикѣ и расходилась по всѣмъ сферамъ, затемняя, наконецъ, все положеніе вещей до невозможности. По поводу толковъ о нигилизмѣ и „мальчишества“, онъ указываетъ, что „рядомъ съ тѣмъ молодымъ поколѣніемъ, противъ котораго ратуютъ московскіе публицисты, растетъ другое, на которомъ съ довѣрчивостію и любовью могутъ отдохнуть взоры ихъ“. Это поколѣніе онъ называетъ „мальчишками“ и, чтобы характеризовать его, рассказываетъ примѣрную біографію одного изъ его представителей. Это — типъ, на которомъ онъ много разъ останавливался въ послѣдствіи въ разныхъ варіаціяхъ и подъ разными наименованіями. Это — противоположность „нигилизму“; люди этого поколѣнія происходятъ обыкновенно изъ семей достаточныхъ, имѣютъ возможность получить образованіе въ прекрасныхъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитанники которыхъ славятся изящными манерами, прекраснымъ знаніемъ французскаго языка, такъ что о нихъ говорили, что это почти-что пажи. Науки излагались въ заведеніи довольно странно: учили „всему“; было что-то похожее и на законовѣдѣніе, и на исторію, и на политическую экономію, даже на философію, но въ концѣ концовъ получалась чепуха и науки превращались просто въ „предметы“, изъ которыхъ надо было получать высшій баллъ; затѣмъ это воспитаніе дополнялось собственнымъ нравственнымъ и умственнымъ кодексомъ, признаками котораго были: *élegance, sentiments chevaleresques* и *culte des dames*, и который развивался по субботамъ и воскресеньямъ, когда воспитанниковъ отпускали домой; наконецъ, умственную пищу составляли милыя *cochonneries*, изящно разыгрываемыя на сценѣ Михайловскаго театра. Съ дѣтства „попшость дѣлалась закономъ, становилась правомъ, руководящею нитью жизни“. Нечего, слѣдовательно, говорить, чтобы здѣсь возможно было какое-нибудь сознательное убѣжденіе; „умъ, разсудливость и пытливость были вычеркнуты изъ наличности еще гораздо прежде вступленія его (героя) въ настоящую, заправскую жизнь: всѣмъ завладѣло, все полонило изворотливое, честолюбивое и похотливое воображеніе“. Герой былъ круглый невѣжда, но онъ поставилъ себѣ опредѣленную цѣль — карьеру, и успѣлъ въ этомъ: онъ присматривался, угадывалъ, что пріятно начальству. Наступилъ 1856 г.; герой умѣлъ приспособиться къ минутѣ, и хотя въ головѣ у него не было никакихъ настоящихъ мыслей, это ему не помѣшало.

¹⁾ „Современникъ“, 1864, № 3.

„Тогда на этотъ счетъ было просто: вопросовъ никто не дѣлалъ, всё вѣрили на слово и восклицательную форму считали лучшею и удобнѣйшею для выраженія человѣческихъ мыслей. „Bon cher! надо администрировать посредствомъ увеселеній—c'est le système autrichien, et c'est le seul bon!“ проповѣдовалъ онъ, граня тротуары по Невскому, и такъ какъ это была единственная сфера, въ которой онъ чувствовалъ себя достаточно приготовленнымъ, то и развивалъ свою идею научнымъ образомъ и во всѣхъ подробностяхъ“. Крестьянская реформа остудила либеральныя увлеченія героя; ему въ первый разъ показалось, что онъ уже слишкомъ большой прогрессистъ, и онъ припомнилъ, что кромѣ теоріи увеселеній есть еще теорія ежовыхъ рукавицъ. 1862 годъ окончательно опредѣлилъ его направленіе; онъ скомпоновалъ проектъ „объ истребленіи гибельнаго нигилистскаго разврата въ самомъ его зародышѣ“; проектъ принять не былъ, но на „перо“ обратили вниманіе... „Я совершенно убѣжденъ, — прибавляетъ Салтыковъ,—что Вася пойдетъ очень далеко, потому что такого рода люди и во времени, и къ мѣсту“.

Таковы были новыя дѣйствующія лица, всплывавшія съ 1862 г. Салтыковъ говоритъ, что ему становится горько и стыдно за себя, что онъ съ такимъ легкомысліемъ нападалъ на старыхъ представителей русскаго развеселаго житія¹⁾; новое поколѣніе до того превзошло своихъ предшественниковъ, что онъ чувствуетъ себя несправедливымъ передъ этими послѣдними. „Да, только теперь я вижу, что и въ самомъ запустѣніи можетъ усматриваться нѣчто трогательное, чуть-чуть даже не плѣнительное; только теперь я понимаю, какъ много было въ тебѣ привлекательной гадости, мой старый, добродушный драбантъ! Ты былъ бездѣльникъ, но ты былъ милъ, и, конечно, самъ прежде всего былъ бы удивленъ, еслибы кто-нибудь объявилъ тебѣ о томъ, что ты бездѣльникъ. Эта непосредственность бездѣльности выкупала многое. Тотъ еще не весь злодѣй, кто бьетъ смаху; тотъ злодѣй, кто дерется съ вывертами, кто бьетъ и при этомъ зеленѣетъ, бьетъ и при этомъ чувствуетъ, какъ томительная, почти сладострастная судорога пробѣгаетъ по всѣмъ его суставчикамъ...“

„Когда я начинаю говорить о „мальчишкахъ“, то чувствую, совершенно отчетливо чувствую, что во мнѣ происходитъ что-то нехорошее. И кровь закипаетъ въ жилахъ, и желчь поднимается, и все кажется, что какъ бы я ни усиливался отыскать здѣсь

¹⁾ Старше тѣмъ „Губернскихъ Очерковъ“.

какую-нибудь примиряющую черту, всякій трудъ въ этомъ смыслѣ будетъ напрасенъ. Откуда это?"

Салтыковъ рассказываетъ дальше образчики поступковъ и разговоровъ этого новаго дѣятеля—одного изъ цѣлаго множества такихъ дѣятелей, расплодившихся въ послѣднее время. „Это цѣлая каста, — говоритъ онъ, — въ которой трепещетъ и бьется одинъ принципъ—неимѣніе никакихъ принциповъ.. „Намъ не нужно идей, — говорятъ эти люди:—идеи хороши для тѣхъ, кто въ нихъ нуждается для оправданія своего существованія, а мы сами по себѣ составляемъ идею, и слѣдовательно для насъ требуется только солидарность и дисциплина. Понять такую мысль довольно трудно, потому что тутъ собственно есть только зародышъ мысли, но если вникнуть, то окажется, что зародышъ этотъ довольно ехидный“. Это мѣръ безнадежный; напрасно искать здѣсь какихъ-нибудь признаковъ жизни, потому что это только тлѣніе.

Люди этого рода страдаютъ мыслебоязнью и въ упорной борьбѣ съ мыслию призываютъ на помощь интригу. „Интригуетъ такой человѣкъ не очень хитро, но зато усердно, безъ отдыху... И велика бываетъ его радость, когда онъ убѣждается, что врагъ, наконецъ, сваленъ, и притомъ сваленъ средствами самыми незамысловатыми—почти-что съ помощью одного лганья! Гвалтъ, безтолковое карканье стономъ стоитъ надъ болотомъ, и долго потомъ дрянное болотное населеніе будетъ передавать изъ рода въ родъ трогательную повѣсть о томъ, какъ нашимъ чибисамъ удалось взять въ полонъ коршуна“...

Тогдашніе толки о молодомъ поколѣніи производили на Салтыкова удручающее дѣйствіе тою массою лживыхъ обвиненій и клеветъ, которыя распространялись подъ личиною общественнаго блага, а на дѣлѣ были только своекорыстнымъ расчетомъ, мутившимъ воду для болѣе удобнаго рыболовства. Съ другой стороны стала опять распространяться „та наука умолчанія, которая въ окончателныхъ результатахъ ведетъ къ полнѣйшей анархіи здраваго смысла“.

„Относиться къ молодому поколѣнію отчасти поучительно, отчасти язвительно, видѣть въ немъ элементъ всеразрушающей, всеотрицающей и ничего не совидающей, —сдѣлалось дѣломъ почти моднымъ и потому чрезвычайно пріятнымъ и легкимъ. Слова: „космополитизмъ“, „нигилизмъ“, „сепаратизмъ“, „демократизмъ“, „материализмъ“ и проч.,—слова, имѣющія смыслъ нарочито порочный, рассыпаются щедрою рукою направо и налево, причемъ весьма глубокомысленно не принимается въ соображеніе ни то, къ кому эти эпитеты прилагаются. ни то, по какому случаю они

прилагаются, ни то, наконецъ, что они дѣйствительно означаютъ. Дѣло заранѣе полагается для всѣхъ яснымъ, и на всякое возраженіе или недоумѣніе по этому предмету имѣется одинъ отвѣтъ — хохоть, издревле составляющій, какъ извѣстно, простѣйшую и самую выгодную форму опроверженія. А между тѣмъ если взглянуть на дѣло попристальнѣе и подобросовѣстнѣе, то, конечно, самый предубѣжденный человѣкъ согласится, что тутъ-то и господствуетъ самый густой туманъ, и именно тотъ туманъ, противъ котораго съ такимъ прискорбнымъ успѣхомъ, хотя и съ противоположной стороны, гремятъ московскіе публицисты. Разсѣйся этотъ туманъ, — и кто знаетъ, во-первыхъ, будетъ ли о чемъ толковать, а во-вторыхъ, если и есть о чемъ толковать, то такимъ ли чисто голословнымъ способомъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ? Но, съ другой стороны, быть можетъ, такое рассѣяніе тумана совсѣмъ и не желательно? быть можетъ, потому-то именно и пріятно положеніе мысли нападающей, что она, благодаря туману, можетъ посылать свои удары, не подвергаясь опасности быть сбитою съ выгодной позиціи?“

Сыпать обвиненіями направо и налево, — говорить Салтыковъ, — стало дѣломъ чрезвычайно пріятнымъ и свободнымъ. Образовалась цѣлая литература, поставившая себѣ цѣлью доказывать, что молодое поколѣніе никуда негодно, что оно способно только распространять гангрену разрушенія. „Безсмысленное слово: „нигилисты“, переходить изъ устъ въ уста, изъ одного литературнаго органа въ другой... Беллетристы положительно упитываются ими“... Въ образчикъ того, во имя какихъ идей ратуютъ эти обличители, Салтыковъ останавливается на романѣ Ключниковъ: „Маревъ“, теперь совсѣмъ забытомъ, но который тогда высоко ставился въ своемъ лагерѣ. На Салтыкова этотъ романъ производитъ комическое впечатлѣніе; романъ — обличительный; но какъ отрицательные, такъ еще болѣе положительные типы безжизненны и фальшивы. „...Господа Русановы ¹⁾ полагаютъ, что прогрессъ есть нѣчто такое, что совершается само собою, помимо человѣческихъ усилій, и что стоитъ только *погодить*, чтобы получить желаемое. Вѣрный этой теоріи, Русановъ ждетъ и не шевелится, но этого мало: онъ смотритъ въ оба глаза, чтобы и другіе то же ждали не шевелясь; а такъ какъ подобная кашпунья мудрость не всякому легко достается, то выходитъ изъ этого недѣльная драма“...

Это какой-то Донъ-Кихотъ консерватизма, который наивно думаетъ, что въ жизни большой вѣсъ могутъ имѣть доказательства

¹⁾ Это—главнѣйшій положительный типъ въ романѣ.

въ родѣ: „подумайте! что вы дѣлаете“, „вы погибнете!“ и т. д., который „даже на мысль человѣческую простираетъ свое негодование, ибо и у нея отнимаетъ право на тотъ дѣятельный и свободный процессъ, который составляетъ необходимый признакъ ея бытія“.

Въ дѣйствительной жизни Салтыковъ предполагаетъ для Русановыхъ весьма не блестящую роль. Эта роль проходитъ обыкновенно три періода: первый есть періодъ „убѣждений“, но столь мизерныхъ, или мертвыхъ, или своекорыстныхъ, что они не имѣютъ никакого дѣйствія, и это оставляетъ въ душѣ убѣждающаго нѣкоторый горькій осадокъ. Второй періодъ есть періодъ, такъ сказать, благоволиительно будирующій: герой „сердится, но все еще жалѣетъ; онъ негодуетъ, но хочетъ спасти погибающихъ противъ ихъ собственнаго желанія“, — но безумцы коснѣютъ въ упрямствѣ, и раздраженіе приводитъ героя въ третье и послѣднее отдѣленіе его дѣятельности, — котораго Салтыковъ ближе не опредѣляетъ. Переходя затѣмъ къ „литературнымъ Русановымъ“, Салтыковъ и для нихъ не видитъ иныхъ путей дѣятельности. Они до того не понимаютъ того кореннаго правила, что всякое явленіе слѣдуетъ разсматривать въ его типическихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ и отступленіяхъ, — на которыя они только и бросаются, — и притомъ они являются на общественную дѣятельность въ такомъ нравственномъ и умственномъ убожествѣ, мѣшающемъ имъ даже приобрѣтать себѣ прозелитовъ, что Салтыковъ заключаетъ: „Можно сказать безошибочно, что они, съ большою выгодною для себя, могли бы отложить къ сторонкѣ свои маленькія скопческія теоріи (которыя, навѣрное, никогда никого не соблазнятъ) и прямо приступить къ третьему періоду той гражданской дѣятельности, о которой упомянуто выше. Это спасло бы ихъ отъ потери драгоцѣннаго времени, а лицъ, къ которымъ они простираютъ свои притязанія, отъ обязательнаго выслушиванія противной либерально-размазистой болтовни“...

Въ понятіяхъ русскаго общества о положеніи вещей, объ этомъ молодомъ поколѣніи, осыпаемомъ бессмысленными обвиненіями, происходитъ невообразимая и жалкая путаница. Неприхотливость русской публики извѣстна: она не любитъ анализировать и желаетъ, чтобы писатель дѣйствовалъ на нее живыми образами и доказывалъ уподобленіями, — и литература, которая принялась изображать ей положеніе вещей съ точки зрѣнія Русановыхъ, окончательно сбиваетъ ее съ толку. „Когда преднамѣренно и сознательно смѣшиваются понятія самыя противоположныя, когда этимъ смѣшеніемъ угощается публика мало свѣдущая

и плохо различающая, и когда вся эта нетрудная работа производится безвозражательно, то понятно, что публика становится, такъ сказать, въ положеніе крѣпостного человѣка, который, постояннымъ давленіемъ на него крѣпостного права, доводился, наконецъ, до совершенной безчувственности и полного непониманія его ненормальности"... Публика, воспитанная на каррикатурныхъ изображеніяхъ молодого поколѣнія, „доводимая до опьяненія наркотическими завываніями „Московскихъ Вѣдомостей“ и не вида этой галиматьѣ отпора, публика не вступаетъ даже въ разбирательство причинъ, почему нѣтъ и не можетъ быть этого отпора, а прямо приходитъ къ убѣжденію, что такъ тому дѣлу и быть“.

Ко всему этому присоединяется еще одно обстоятельство. Салтыковъ находитъ въ литературѣ группу людей, которые, не совпадая съ литературными Русановыми, въ сущности имъ помогаютъ. Онъ разумѣлъ ту группу, которая принялась по своему объяснять мнимыя стремленія молодого поколѣнія и собирать ихъ кодексъ. Извѣстно, что это была та группа, во главѣ которой стоялъ Писаревъ (затѣмъ Зайцевъ, Соколовъ и др.) и которая имѣла своимъ органомъ журналъ „Русское Слово“ (позднѣйшее „Дѣло“). Началось съ того, что когда появился знаменитый романъ: „Отцы и Дѣти“, мнѣнія о немъ чрезвычайно разошлись. Романъ явился въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ уже завелось реакціонное депо, гдѣ вскорѣ послѣ „Отцовъ и Дѣтей“ напечатанъ былъ романъ Ключникова и писались тѣ коварные трактаты, противъ которыхъ съ такимъ негодованіемъ возставалъ Салтыковъ. Появленіе „Отцовъ и Дѣтей“ было привѣтствовано въ реакціонномъ лагерѣ какъ союзническая демонстрація; къ этому давали поводъ разныя подробности романа. Напримѣръ, цѣлая неловкая параллель между двумя поколѣніями, гдѣ старшее окружалось видимыми сочувствіями, а младшее, въ лицѣ Базарова, изображалось хотя съ извѣстными чертами ума и силы, но видимо автору было антипатично и его отталкивало, изображалось какъ будто лишеннымъ принциповъ, чувства изящнаго и даже нормальнаго человѣческаго чувства. Соответственно этому, въ другомъ лагерѣ романъ Тургенева также произвелъ впечатлѣніе воинственной демонстраціи; мы видѣли выше, какъ относился къ нему Салтыковъ, какъ мало убѣждала его сдѣланная Тургеновымъ характеристика старшаго поколѣнія, надъ которымъ Салтыковъ ядовито смѣялся, какимъ неблагополучнымъ изобрѣтеніемъ представлялось ему слово: „нигилизмъ“, которымъ, видимо, опредѣлялось и для самого писателя содержаніе новаго, возникшаго

мировоззрѣнія, и которое такъ понравилось тѣмъ полудикимъ элементамъ русскаго общества, представителямъ невѣжественной реакціи и застою, для которыхъ это слово послужило прикрытіемъ ихъ раздраженія противъ всякихъ новыхъ запросовъ жизни. Была, наконецъ, третья группа, упомянутые писатели „Русскаго Слова“, которые отнеслись къ „Отцамъ и Дѣтямъ“ опять по своему. Писаревъ, въ то время еще весьма юный, но, безъ сомнѣнія, талантливый и искренній мечтатель, за которымъ шли другіе, хотя иногда вовсе не талантливые мечтатели, понялъ „Отцовъ и Дѣтей“ совершенно своеобразно: онъ не предполагалъ въ романѣ Тургенева той полемической тенденціи, которую одинаково видѣли въ немъ двѣ упомянутыя стороны тогдашней литературы (и которая въ немъ несомнѣнно присутствовала), принявъ, напротивъ, произведеніе Тургенева какъ свободное художественное твореніе, и не только не находилъ въ изображеніи Базарова какого-либо враждебнаго замысла, но понималъ его какъ положительный типъ, которому самъ онъ вполне сочувствовалъ. По мнѣнію Писарева, таково и было молодое поколѣніе, таково оно и должно было быть; въ Базаровѣ не было для него какого-либо отрицательнаго изображенія, несочувственнаго лица, совсѣмъ напротивъ: что отрицалъ Базаровъ, то и заслуживало отрицанія; что другимъ казалось грубымъ отношеніемъ къ жизни, къ обществу, къ искусству, то было настоящимъ реализмомъ, которому и слѣдовало получить дальнѣйшее развитіе и распространеніе.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ на это взглянуть Салтыковъ. Нѣсколько раньше онъ коснулся уже весьма недружелюбно того литературнаго лагеря, къ которому применилъ Писаревъ; а теперь, когда его косвенное нападеніе было понято и вызвало бранчивый отвѣтъ, онъ высказался съ полною откровенностью. Не называя именъ, онъ крайне рѣзко характеризуетъ литературную партію, которая способствуетъ извращенію общественныхъ понятій не меньше реакціонеровъ, но съ противоположной стороны. „Всего болѣе, — говоритъ онъ, — содѣйствуютъ заблужденію публики нѣкоторые вислоухіе и кородствующіе, которые съ ухарскою развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣніемъ, и, схвативъ одни наружныя признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то вся и сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что дрянъ есть явленіе общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ, и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнію“.

Самое худшее положеніе мысли, когда она не имѣетъ даже возможности объяснить себя надлежащимъ образомъ и освободить изслѣдуемый предметъ отъ примѣсей, которыя ему вредятъ. Таковъ, между прочимъ, вопросъ о молодомъ поколѣніи, который находится въ туманѣ не только для общества, но и для тѣхъ, къ кому онъ ближайшимъ образомъ относится. Этотъ туманъ способствуетъ и тому, что появляются люди, полагающіе, что въ Базаровѣ заключается типъ прогрессиста. Салтыковъ говоритъ, что онъ разъ попробовалъ выдѣлить вислоухихъ и юродствующихъ изъ общаго представленія о молодомъ поколѣніи; мимоходная и лишняя всякаго злостнаго характера замѣтка ¹⁾ привела въ великое раздраженіе тѣхъ, къ кому относилась, и они, — говоритъ Салтыковъ, — „стали добазывать, что я всегда былъ *такой*, что въ прошломъ году я притворялся, а теперь, дескать, не выдержалъ и обнаружилъ свою настоящую суть. Очень пріятно“. Да, — говоритъ онъ, — я всегда былъ такой: „Вислоухіе никогда не прельщали меня; я всегда былъ того мнѣнія, что они однимъ своимъ участіемъ дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, до котораго прикасаются... Въ прошломъ году, какъ и нынче, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на людей, которые въ словѣ: „нигилизмъ“, обрѣли для себя какую-то тихую пристань, въ которой можно отдыхать свободно... Я находилъ, что эти невинныя существа отнюдь не должны считаться представителями какого бы то ни было поколѣнія, но что они изображаютъ собой тотъ паразитскій, изъ угла въ уголъ шатающійся элементъ, отъ котораго, по несчастію, не можетъ быть свободно никакое, даже самое лучшее дѣло“. Если онъ былъ прежде нѣсколько неясенъ относительно этого пункта, это происходило отъ того, что сюжетъ еще слишкомъ деликатенъ и при журнальной работѣ писатель не всегда имѣетъ возможность быть достаточно понятенъ. Теперь онъ постарается быть вразумителенъ.

„Всякая партія, всякое дѣло имѣютъ своихъ *enfants terribles*, которые до тѣхъ поръ и бываютъ терпимы, покуда дѣло еще слабо, и покуда малѣйшій разладъ въ нѣдрахъ той партіи, которая его поддерживаетъ, можетъ повредить ему. Эти *enfants terribles* юродствуютъ, мечутся, не умѣютъ держать языкъ за зубами и всего охотнѣе хватаются за внѣшніе признаки дѣла, такъ какъ другихъ они и понимать не могутъ. Серьезно на нихъ никто и не смотритъ, но, видя съ одной стороны ихъ невинность и усердіе, а съ другой — опасаясь, чтобы отъ ихъ невольности

¹⁾ „Наша общественная жизнь“, „Современникъ“, 1864, январь.

не изгибло хорошее дѣло, стараются дѣйствовать на нихъ посредствомъ ласки, которая, какъ извѣстно, имѣетъ свойство отчасти поощряющее, а отчасти умѣряющее“. Но среди этихъ enfans terribles являются горлопаны, которые начинаютъ проповѣдовать громко, самодовольно и съ ожесточеніемъ; на нихъ ласка уже не дѣйствуетъ, и серьезному дѣлу надо оградить себя отъ ихъ навязчивости.

„Въ позапрошломъ году пущено было въ ходъ слово: „нигилизмъ“,—слово, не имѣющее смысла и всего менѣе характеризующее стремленія молодого поколѣнія, въ которыхъ можно, пожалуй, различить всякаго рода „измы“, но отнюдь не нигилизмъ. Между тѣмъ слово пошло въ ходъ и получило право гражданственности, и совсѣмъ не потому, что его пустилъ въ ходъ г. Тургеневъ (это-то бы еще не большая бѣда), а именно благодаря тѣмъ вислоухимъ, которые ухватились за него, словно утопающіе за соломенку, стали драпироваться въ него, какъ въ нѣкую золотую мантию, и изъ безсмыслицы сдѣлали себѣ знамя... Это ужъ такая несчастная страсть—красоваться глупостями, бесѣдовать о глупостяхъ и лѣзть на стѣну по поводу глупостей, и главный источникъ этой страсти заключается, конечно, въ скудномъ запасѣ умственныхъ способностей.

„Другой примѣръ: въ прошломъ году вышелъ романъ „Что дѣлать“,—романъ серьезный, проводившій мысль о необходимости новыхъ жизненныхъ основъ и даже указавшій на эти основы. Авторъ этого романа, безъ сомнѣнія, обладалъ своею мыслью вполне, но именно потому-то, что онъ страстно относился къ ней, что онъ представлялъ ее себѣ живою и воплощенною, онъ и не могъ избѣжать нѣкоторой произвольной регламентаціи подробностей, и именно тѣхъ подробностей, для предугаданія и изображенія которыхъ дѣйствительность не представляетъ еще достаточныхъ данныхъ. Для всякаго разумнаго человѣка это фактъ совершенно ясный, и всякій разумный человѣкъ, читая упомянутый выше романъ, сумѣетъ отличить живую и разумную его идею отъ сочиненныхъ и только портящихъ дѣло подробностей. Но вислоухіе понимаютъ дѣло иначе; они обходятъ существенное содержаніе романа и приударяютъ насчетъ подробностей, а изъ этихъ подробностей всего болѣе соблазняетъ ихъ перспектива работать съ пѣніемъ и плясками... И когда такіа ихъ пошлыя продѣлки останавливаютъ че-нибудь насмѣшливое вниманіе, то они на того человѣка указываютъ пальцами и восклицаютъ: „Эге! да вы, кажется, ужъ надъ Чернышевскимъ глумитесь!“ И, та-

кимъ образомъ, сваливая съ больной головы на здоровую, думаютъ прикрыть свое неистовое нравственное убожество.

„Третій примѣръ представляетъ вопросъ женскій... но здѣсь предпочитаю остановиться, потому что вовсе не желаю увлекаться, а говорить хладнокровно объ этомъ предметѣ, благодаря паскудному покрову, который набросили на него вислоухіе, со всѣмъ не легко“.

Салтыковъ доводитъ свою характеристику до конца.

„Однимъ словомъ, нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы. „Я демократъ“, — говоритъ вамъ вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевахъ и сморзается безъ помощи платка. „Я нигилистъ и не имѣю никакихъ предразсудковъ“, — говоритъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ, и что во второмъ случаѣ, онъ тоже не болѣе какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ — не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отсталымъ человѣкомъ“.

Сравнивъ *enfants terribles* съ обезьянами на петербургской биржѣ, бессмысленно повторяющими человѣческія движенія, Салтыковъ соглашается, что на нихъ можно было бы не обращать вниманія; но вислоухіе — другое дѣло: „они лѣзутъ впередъ, входятъ въ азартъ, выдаютъ себя за людей серьезныхъ и убѣжденныхъ и подбираютъ себѣ поклонниковъ“.

„Посторонній зритель, непосвященный, смотритъ на вислоухаго уже съ нѣкоторымъ трепетнымъ смиреніемъ, какъ на сосудъ нѣкій, въ которомъ заключена мудрость будущаго, и если ему порою кажется, что эта мудрость смахиваетъ на ерунду, то онъ тутъ же спѣшитъ поправиться и увѣритъ себя, что это отъ того ему такъ кажется, что онъ самъ преисполненъ ерунды, а что ерунда вислоухаго есть дѣйствительная мудрость, но только мудрость не настоящаго, а будущаго. Скажите же, не обидно ли это?“

„Итакъ, вотъ какихъ именно вислоухихъ и юродствующихъ имѣлъ я въ виду въ моемъ январьскомъ обзорѣ нашей общественной жизни, а совсѣмъ не то, чтобы „выругать огуломъ молодежь“, какъ выразился въ письмѣ ко мнѣ нѣкоторый анонимный корреспондентъ, который обругалъ меня при этомъ самымъ вислоухимъ образомъ. Ибо я очень хорошо понимаю, что взглядъ на молодое поколѣніе, какъ и на всякое другое, долженъ опредѣ-

латься общему его дѣятельности, общими его стремленіями, а не уклоненіями и юродствами, хотя бы этихъ послѣднихъ было и великое множество“.

Этотую статью заканчивается рядъ общественныхъ хроникъ Салтыкова. Сколько мы знаемъ, онъ впослѣдствіи не возвращался уже къ этой формѣ бесѣды съ читателями о текущихъ вопросахъ общественной жизни и литературы. Позднѣйшія произведенія его, почти исключительно беллетристическія, продолжали, конечно, давать массу типовъ, гдѣ, между прочимъ, характеризовались и направленія литературныя; но обыкновенно это были уже болѣе или менѣе обобщенные очерки, а не такое непосредственное вмѣшательство въ текущіе вопросы и толки общественнаго мнѣнія и литературы, какое мы видимъ въ перечисленныхъ здѣсь статьяхъ.

Мы видѣли, что Салтыковъ, здѣсь въ первый разъ вступившій на чисто публицистическое поприще, очень вѣрно ориентировался въ тогдашнемъ смутномъ положеніи вещей и умѣлъ высказаться достаточно ясно среди трудностей, какія представляло тогдашнее запутанное время. Начинался разгаръ реакціи; недавнія восторженныя стремленія къ прогрессу стали быстро линять и стираться, и когда вѣдущія опора прежняго либерализма отпала, въ массѣ общества оказалась та безсодержательность, какую она исьони отличалась. Въ литературѣ началось отступленіе: одни, не сознавая достаточно, въ чемъ дѣйствительно нуждалось общество, вѣроятно искренно подумали, что въ самомъ дѣлѣ оно ушло куда-то слишкомъ далеко по пути прогресса, и придумывали тѣ сентиментально-консервативныя теоріи, какія тогда проповѣдовали журналы „Время“ и „Эпоха“; другіе, какъ славянофилы, относились ко всему движенію недоувѣрчиво или даже свысока, потому что оно шло совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое было по ихъ мнѣнію нужно,—они продолжали толковать о „петербургскомъ періодѣ“, о „Русляндіи“ и подобныхъ невинныхъ выдумкахъ; но практическіе дѣльцы, какіе тотчасъ отыскались въ литературѣ, выступили обдуманно на путь реакціи, наклонность къ которой они предполагали, все съ болѣею увѣренностію, во вліятельныхъ сферахъ. Наконецъ, было еще то легкомысленное движеніе, о которомъ шла рѣчь въ послѣднихъ приведенныхъ цитатахъ. Салтыковъ очень ярко опредѣлилъ всѣ названныя направленія. То время, 1863—1864 годы, наполняло его вообще глубокою печалью. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, полу-шутя, что въ 50-хъ годахъ и самъ онъ увлекался надеждами на будущіе

успѣхи общества; вѣроятно въ то время онъ и серьезно питалъ подобныя надежды, когда одновременно съ заявленіемъ великой реформы онъ писалъ „Губернскіе Очерки“, хоронившіе старый общественный бытъ. Но надежды уже вскорѣ начали ослабѣвать и вѣроятно совсѣмъ упали въ 1862 году. Теперь ему казалось, что эти надежды были самымъ простодушнымъ заблужденіемъ: такъ-называемое общество ничтожно; то, какъ оно говорило теперь, показывало, что его недавнія увлеченія были однимъ пустословіемъ. Салтыкова болѣзненно поражали эти явленія умственного и гражданскаго ничтожества, эта готовность снова погрузиться въ старую пошлость, эта путаница мыслей и, наконецъ, отступничество; а съ другой стороны онъ раздражался тѣмъ извращеніемъ новыхъ общественныхъ стремленій, какое находилъ въ лагерь тѣхъ, кого называлъ „вислоухими“. Это время, когда онъ такъ пристально слѣдилъ за отраженіями общественнаго мнѣнія въ литературѣ, является критическимъ во всей его дѣятельности: съ этихъ поръ въ особенности его произведенія посвящены изображенію нашей общественной жизни въ періодъ реакціи.

Внимательный читатель замѣтитъ, что въ этомъ отношеніи Салтыкова къ массѣ общества повторяются отчасти мотивы, высказанные уже раньше: такова была передъ тѣмъ точка зрѣнія Добролюбова, дѣятельность котораго направлялась въ особенности на выясненіе тѣхъ высокихъ умственныхъ и гражданскихъ задачъ, которыя предстояли обществу и были для него необходимыми, единственнымъ залогомъ его нравственнаго достоинства, и на устраненіе тѣхъ искаженій, какимъ новыя общественныя стремленія подвергались подъ вліяніемъ осадковъ стараго невѣжества и крѣпостничества... При этомъ совпаденіи Салтыковъ, конечно, оставался все-таки самимъ собой: онъ руководился своими собственными, давно возникшими идеалами; эти идеалы въ ближайшемъ смыслѣ были весьма умѣренны, — онъ слишкомъ хорошо зналъ русскую жизнь, чтобы ждаты чего-нибудь необычайнаго, — но данная дѣйствительность была такъ далека даже отъ умѣренныхъ ожиданій, что изображеніе ея принимало тонъ негодованія и язвительной ироніи.

Къ концу 1864 года дѣятельность Салтыкова въ „Современникѣ“ ослабѣваетъ. Противники, особливо подвергавшіеся нападеніямъ съ его стороны ¹⁾, распространяли слухи, будто журналъ не хотѣлъ больше давать мѣста его произведеніямъ, что въ средѣ его круга произошелъ „расколъ“: напротивъ, сотрудничество Сал-

¹⁾ Журналы „Эпоха“, „Русское Слово“.

тыкова продолжалось до самого конца 1864 года, и послѣ участіе въ редакціи прекратилось потому только, что въ это время онъ принялъ представившееся ему служебное назначеніе. Последняя работа Салтыкова въ „Современникѣ“ („Завѣщаніе моимъ дѣтямъ“) явилась въ 1866, послѣднемъ году существованія самого журнала. Что журналъ не расходился съ Салтыковымъ во взглядахъ на упомянутыя направленія тогдашней литературы, въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ, что какъ при Салтыковѣ, такъ и послѣ, въ „Современникѣ“ одинаково велась упорная полемика противъ „Эпохи“, „Дня“, „Русскаго Вѣстника“, „Московскихъ Вѣдомостей“ (статьи М. А. Антоновича, Г. З. Елисѣева) и противъ „Русскаго Слова“ (статьи Ю. Г. Жуковскаго).

Въ слѣдующій разъ мы остановимся еще на одной сторонѣ тогдашней дѣятельности Салтыкова, не представленной собраніями его сочиненій и теперь очень немногимъ извѣстной—именно на его литературной критикѣ.

А. Пыпинъ.

Л Г У Н Ъ

ПОВѢСТЬ.

Соч. Генри Джемса.

I.

...Поездъ опоздалъ на полчаса, и переѣздъ со станціи оказался длиннѣе, чѣмъ предполагалъ Оливеръ Лайонъ, а потому, когда онъ доѣхалъ до дому, то нашелъ, что обитатели его уже всѣ пошли одѣваться къ обѣду, и его привели прямо въ отведенную для него комнату. Шторы были спущены въ этомъ убѣжищѣ, свѣчи зажжены, огонь въ каминѣ ярко горѣлъ, и когда слуга живо помогъ ему переодѣться, то ему стало тепло и весело на душѣ: домъ, куда онъ пріѣхалъ, обѣщаль быть пріятнымъ домомъ и доставить много развлеченій, веселыхъ знакомствъ, оживленныхъ бесѣдъ, не говоря уже о прекрасной ѣдѣ.

Онъ былъ занятой человѣкъ, и занятія не позволяли ему часто ѣздить въ гости къ знакомымъ по деревнямъ; но онъ слышалъ отъ людей, болѣе свободныхъ, чѣмъ онъ, что въ иныхъ деревенскихъ домахъ проводятъ время очень пріятно. Онъ предвидѣлъ, что въ этомъ домѣ онъ пріятно проведетъ время.

Въ спальнѣ деревенскаго дома онъ прежде всего осматривалъ книги на полкахъ и картины на стѣнахъ: онъ считалъ, что эти вещи до нѣкоторой степени выясняютъ образованіе и даже характеръ хозяевъ. Хотя въ настоящемъ случаѣ ему некогда было обстоятельно заняться такимъ обзоромъ, но бѣглый взглядъ показывалъ ему, что если литература, по обыкновенію, была главнымъ образомъ американская и юмористическая, то искусство состояло

не изъ дѣтскихъ акварельныхъ упражненій и не изъ „благочестивыхъ“ гравюръ.

На стѣнахъ красовались старомодныя литографіи, болѣею частью портреты провинціальныхъ джентльменовъ со стоячими воротничками и въ перчаткахъ для верховой ѣзды: изъ этого онъ могъ, пожалуй, заключить къ своему удовольствію, что портретныя традиціи здѣсь въ чести. На столикѣ у постели лежалъ модный романъ м-ра Le Gau: идеальное чтеніе для деревенскаго дома въ полуночное время. Оливеръ Лайонъ не могъ удержаться, чтобы не заглянуть въ книгу, въ то время какъ застегивалъ маншетки рубашки.

Быть можетъ, вслѣдствіе этого онъ не только засталъ всѣхъ въ гостиной, когда сошелъ внизъ, но даже могъ заключить по той торопливости, съ какою пошли обѣдать, что онъ заставилъ всѣхъ ждать. Его не успѣли даже представить ни одной дамѣ, и онъ пошелъ за столъ въ группѣ такихъ же одинокихъ мужчинъ. Послѣдніе произвели обычную тѣсноту въ дверяхъ столовой, и развязкой всего этого было то, что онъ послѣднимъ сѣлъ за столъ.

Общество собралось за столомъ довольно многолюдное: двадцать пять человѣкъ сѣло обѣдать. Онъ увидѣлъ при этомъ къ своему удовольствію, что одна изъ хорошенькихъ женщинъ сидѣла около него; по другую сторону сидѣлъ какой-то джентльменъ. Но ему некогда было пока заниматься сосѣдями: онъ искалъ глазами сэра Дэвида, котораго никогда не видалъ, и котораго ему, разумѣется, было любопытно увидѣть.

Но, очевидно, сэръ Дэвидъ не присутствовалъ за столомъ, да и не мудрено впрочемъ, такъ какъ ему было девяносто лѣтъ отъ роду. Оливеръ Лайонъ съ величайшимъ удовольствіемъ готовился писать портретъ съ такого старца, а пока съ большимъ интересомъ разглядывалъ его сына, спрашивая себя: похожъ ли онъ на отца?

Артуръ Ашморъ былъ краснощекій, плотный англійскій джентльменъ, но какъ *сюжетъ*—не особенно интересенъ для живописца; онъ могъ быть фермеромъ, но могъ быть и банкиромъ: характеристическаго въ его наружности ровно ничего не было. Жена его тоже не годилась въ *модели*; она была толстая, бѣлокурая, безцвѣтная женщина и имѣла одну общую съ мужемъ черту: оба казались совсѣмъ новенькими, точно ихъ только-что отполировали. Происходило ли это отъ ея цвѣта лица, или отъ платья, Лайонъ не могъ отдать отчета, но только всякому чувствовалось, что если ее посадить въ золотую раму, то рама будетъ дороже картины. Она уже и безъ того походила на плохой, хотя и дорогой пор-

треть, неудавшійся искусному художнику, и Лайонъ не чувствовалъ охоты копировать это произведение.

Хорошенькая женщина по правую его руку разговаривала съ своимъ другимъ сосѣдомъ, а джентльменъ, сидѣвшій по лѣвую руку, казался застѣнчивымъ и растеряннымъ, такъ что онъ могъ предаваться своему любимому занятію: разглядывать и изучать окружающія лица. Это развлеченіе доставляло ему больше удовольствія, чѣмъ всякое другое, и онъ часто думалъ, какое счастье, что человѣческая маска такъ интересуется его, когда ему приходится зарабатывать деньги воспроизведеніемъ ея на полотнѣ. Еслибы лицо Артура Ашмора не было такимъ лакированнымъ, и еслибы оно не напоминало собой печатной страницы, безъ всякихъ знаковъ препинанія, то и оно въ своемъ родѣ могло бы нравиться. Но кто бы былъ этотъ джентльменъ... четвертый отъ него счетомъ? Лицо его поразило Оливера Лайона. Сначала она показалась ему необыкновенно красиво. Джентльменъ былъ еще молодъ, и черты лица его правильны: у него были густые, свѣтлые усы, завитые на кончикахъ, блестящій, любезный, можно сказать, отважный видъ и большая сверкающая брилліантами шейная булавка. Онъ казался счастливымъ и довольнымъ собой человѣкомъ, и Лайонъ замѣтилъ, что взглядъ его глазъ былъ мягокъ и тепелъ какъ сентябрьское солнце; отъ этого взгляда любовь должна была созрѣвать въ сердцахъ людей, подобно тому, какъ отъ горячихъ лучей солнца зрѣютъ виноградъ и персики.

Станнымъ въ его наружности была нѣкоторая смѣсь строгаго приличія и эксцентричности: точно онъ былъ авантюристъ, съ рѣдкимъ совершенствомъ поддѣлывавшійся подъ джентльмена, или же джентльменъ, взявшій странную привычку носить съ собой скрытое оружіе. Онъ могъ бы быть низложеннымъ королемъ или военнымъ корреспондентомъ большой газеты: онъ былъ въ равной степени представителемъ духа предприимчивости и традиціи, хорошихъ манеръ и дурного тона. Лайонъ заговорилъ, наконецъ, съ своей сосѣдкой и спросилъ ее: кто этотъ господинъ?

— О! это полковникъ Кепедось; развѣ вы его не знаете?

Лайонъ не зналъ и просилъ просвѣтить его. Сосѣдка отличалась пріятнымъ обращеніемъ и, очевидно, привыкла къ быстрымъ переходамъ отъ одного предмета къ другому; она отвернулась отъ своего другого собесѣдника съ методическимъ видомъ; какъ хорошая кухарка переходитъ отъ одной кастрюли къ другой.

— Онъ много подвизался въ Индіи; развѣ онъ не знаменитъ?—спросила она.

Лайонъ сознался, что не слыхивалъ про него, и она продолжала:

— Ну, что-жъ, можетъ быть, онъ и не знаменить, но онъ говорить, что знаменить; а когда вы такъ думаете, то не все ли это равно?

— Когда *вы* думаете?

— Я хочу сказать, когда онъ думаетъ... вѣдь это все равно, полагаю.

— Вы хотите сказать, что онъ говорить то, чего нѣтъ въ дѣйствительности?

— О, Боже мой, нѣтъ... я этого не знаю. Онъ очень уменъ и забавенъ... самый умный человекъ въ домѣ, если только вы не умнѣе его. Но вѣдь этого я еще не могу знать, не правда ли? Я знаю о людяхъ только то, что знаю; я думаю, что этого достаточно.

— Для нихъ достаточно?

— О, я вижу, что вы умны. Достаточно для меня. Но я слышала про васъ,—продолжала лѣди.—Я знаю ваши картины, и восхищаюсь ими. Но, знаете, вы на нихъ не похожи.

— Я пишу большею частью портреты и обыкновенно не гонюсь за тѣмъ, чтобы они были на меня похожи.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Но ваши портреты гораздо колоритнѣе. Вы и здѣсь будете съ кого-нибудь писать?

— Меня пригласили написать портретъ сэра Дэвида. Я нѣсколько разочарованъ, что не вижу его сегодня вечеромъ.

— О! онъ ложится спать совсѣмъ не по-людски... въ восемь часовъ или что-то въ этомъ родѣ. Вы знаете — вѣдь онъ совсѣмъ старая мумія.

— Старая мумія?—повторилъ Лайонъ.

— Я хочу сказать, что на немъ надѣто штукъ двѣнадцать фуфаякъ и все въ этомъ родѣ. Ему вѣчно холодно.

— Я никогда не видѣлъ его, ни его портрета или фотографіи. Меня удивляетъ, что до сихъ поръ онъ не собрался снять съ себя какой-нибудь портретъ... долгонько же онъ ждалъ.

— Ахъ! это потому, что онъ боялся,—своего рода суевѣріе, знаете. Онъ былъ убѣжденъ, что если съ него снимутъ портретъ, то онъ немедленно умретъ. Онъ только теперь согласился на это.

— Онъ готовъ, значить, умереть?

— О, теперь, когда онъ такъ старъ, ему все равно.

Ну, что-жъ, надѣюсь, что я не убью его,—сказалъ Лайонъ.—Со стороны сына его довольно невеликодушно было пригласить меня въ такомъ случаѣ.

— О! они ничего не выиграютъ отъ его смерти... они уже

все получили!—отвѣтила его собесѣдница, точно она принимала каждое слово буквально.

Ея болтливость была систематическая; она дружилась такъ же серьезно, какъ еслибы играла въ вистъ.

— Они дѣлаютъ все, что хотятъ... зовутъ, гостей полонъ домъ... имъ дана carte blanche.

— Вижу... но титулъ все еще за отцомъ?

— Да; но вѣдь это не важно.

Нашъ художникъ засмѣялся, къ великому удивленію его собесѣдницы. Прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя, она уже болтала взапуски съ своимъ другимъ сосѣдомъ. Джентльменъ, сидѣвшій по его лѣвую руку, рискнулъ сдѣлать какое-то замѣчаніе, и они кое о чемъ поговорили. Этотъ господинъ съ трудомъ игралъ свою партію: онъ высказывалъ свои мнѣнія, какъ дамы стрѣляютъ изъ пистолета, отворачиваясь въ другую сторону. Чтобы ловить его слова, Лайону приходилось наклоняться въ его сторону, и тутъ онъ замѣтилъ необыкновенную красавицу, сидѣвшую съ той же стороны стола, какъ и онъ, неподалеку отъ его собесѣдника. Она сидѣла къ нему профилемъ, и сначала его поразила только красота профиля, но затѣмъ ему померещилось какъ бы нѣчто знакомое.

Онъ не сразу узналъ ее только потому, что не ожидалъ ее здѣсь встрѣтить; онъ такъ долго нигдѣ не встрѣчалъ ея и не имѣлъ о ней рѣшительно никакихъ извѣстій. Онъ часто о ней думалъ, но она исчезла изъ его жизни. Онъ думалъ о ней, по крайней мѣрѣ, раза два въ недѣлю, а развѣ это не часто, когда не видишь человека цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ? Секунду спустя послѣ того какъ онъ узналъ ее, онъ снова почувствовалъ, какъ правъ онъ, считая, что только она одна могла быть такъ прекрасна: другой такой очаровательной головки не найти въ цѣломъ свѣтѣ. Она сидѣла, слегка наклонившись впередъ, въ профиль къ нему и, повидимому, слушала то, что ей говорилъ сосѣдъ. Она слушала сосѣда, но взглядъ ея былъ неотступно обращенъ въ какую-то точку, и Лайонъ высмотрѣлъ эту точку. То былъ джентльменъ, котораго ему назвали полковникомъ Кепедосомъ. Взглядъ красавицы покоился на немъ съ видимымъ и какъ бы привычнымъ удовольствіемъ. Страннаго тутъ ничего не было, такъ какъ полковникъ безспорно долженъ былъ правиться женщинамъ; но Лайонъ былъ слегка разочарованъ тѣмъ, что именно она такъ пристально глядѣла на полковника, не удостоивая его, Лайона, взгляда. Между ними все было кончено, и онъ не имѣлъ на нее никакихъ правъ, но она должна же была знать, что онъ при-

ѣдетъ (конечно, это не было такимъ важнымъ событіемъ, но не могла же она жить въ домѣ и не слышать объ этомъ), и какъ-то неестественно, чтобы ей не было до этого ровно никакого дѣла.

Она глядѣла на полковника Кепедоса такъ, какъ еслибы была въ него влюблена... Удивительное дѣло для такой гордой, скромной женщины. Но, безъ сомнѣнія, такъ слѣдуетъ, если ея мужу это нравится, или онъ не обращаетъ вниманія: Лайонъ слышалъ мелькомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что она заму-жемъ, и былъ увѣренъ (такъ какъ не слышалъ, чтобы она овдовѣла), что счастливый смертный, котораго она предпочла ему, бѣдному художнику, изучавшему искусство въ Мюнхенѣ, находится здѣсь.

Полковникъ Кепедось, повидимому, не замѣчалъ этого обстоятельства, и Лайонъ страннымъ образомъ на это скорѣе сердился, нежели радовался. Вдругъ красавица повернулась прямо лицомъ въ нашего героя. Онъ такъ приготовился къ этой встрѣчѣ, что немедленно улыбнулся, какъ проливается слишвомъ полный стаканъ; но она не отвѣтила ему улыбкою, а тотчасъ же отвернувшись и откинувшись на спинку стула. Выраженіе ея лица въ этотъ моментъ какъ будто говорило: вы видите, я такъ же хороша, какъ и прежде. На что онъ мысленно отвѣтилъ:—да! но какая мнѣ въ томъ корысть!

Онъ спросилъ молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, кто эта красавица, пятая счетомъ отъ него. Молодой человѣкъ наклонился впередъ, взглянулъ и сказалъ:

— Кажется, это м-съ Кепедось.

— Вы хотите сказать: жена вонъ того господина?

И Лайонъ показалъ на того, кого сосѣдка назвала ему этой фамиліей.

— О! развѣ онъ м-ръ Кепедось?—спросилъ молодой человѣкъ, который былъ, повидимому, какъ въ лѣсу.

Онъ и самъ въ этомъ сознавался, и объяснялъ тѣмъ, что здѣсь гостить слишвомъ много народа, а онъ всего лишь третьяго-дня какъ пріѣхалъ. Для Лайона было, очевидно, что м-съ Кепедось влюблена въ своего мужа, такъ что онъ болѣе чѣмъ когда-либо пожалѣлъ, что на ней не женился.

— Она очень постоянная женщина,—замѣтилъ онъ минуты три спустя своей сосѣдкѣ и прибавилъ, что говорить о м-съ Кепедось.

— Ахъ, вы ее знаете?

— Я знавалъ ее прежде... когда жилъ за границей.

Почему же вы спрашивали меня про ея мужа?

— Именно по этой причинѣ. Она вышла замужъ послѣ того... я и не зналъ ея теперешней фамиліи.

— Какъ же вы ее узнали?

— Вотъ этотъ джентльменъ, который сидитъ рядомъ со мной, сказалъ мнѣ... онъ, кажется, знаетъ.

— Вотъ не подозрѣвала, что онъ что-нибудь знаетъ,—за-мѣтила она, взглядывая на того, о комъ шла рѣчь.

— Онъ, кажется, ничего не знаетъ, кромѣ этого.

— Значитъ, вы сами открыли, что она постоянная. Что вы хотите этимъ сказать?

— Ахъ, не спрашивайте меня!—сказалъ Лайонъ:—я хочу васъ спрашивать. Какъ вы всё ее здѣсь находите?

— Вы слишкомъ многого требуете! Я могу говорить только за себя. Я нахожу ее черстой и сухой женщиной.

— Только потому, что она честна и прямодушна?

— Вы хотите сказать, что мнѣ нравятся только такіе люди, которые обманываютъ?

— Я думаю, всѣмъ намъ они нравятся до тѣхъ поръ, пока мы не понимаемъ, что они и насъ обманываютъ. И кромѣ того, въ ея лицѣ есть что-то такое особенное... римское, несмотря на англійскіе глаза. Въ сущности, она англичанка съ головы до пятки, но ея цвѣтъ лица, низкій лобъ и эти великолѣпные волнистые черные волосы придаютъ ей сходство съ красавицей *contadina*.

— Да, и чтобы усилить этотъ эффектъ, она всегда втыкаетъ себѣ въ голову булави и шпаги. Должна сознаться, что ея мужъ мнѣ больше нравится; онъ такъ уменъ.

— Когда я былъ съ нею знавомъ, тогда ей нечего было бояться никакихъ сравненій. Она была самымъ очаровательнымъ существомъ въ Мюнхенѣ.

— Въ Мюнхенѣ?

— Ея родные тамъ жили; они были небогаты и поселились тамъ изъ экономіи; жизнь въ Мюнхенѣ очень дешева. Отецъ ея—младшій сынъ какой-то благородной фамиліи; онъ женился вторично и у него дома вуча дѣтей. Онъ былъ отъ первой жены и не любилъ мачихи, но она очень хорошо обращалась съ братишками и сестренками. Я разъ набросалъ ея эскизъ въ видѣ Шарлотты „Вертера“, разрѣзывающей хлѣбъ и намазывающей его масломъ для собранныхъ вокругъ нея ребятишекъ. Всѣ художники въ Мюнхенѣ были влюблены въ нее, но она и глядѣть не хотѣла на такую мелкоту, какъ мы. Она была слишкомъ горда... въ этомъ я готовъ съ вами согласиться. Но она не была ни

сѣсива, ни тщеславна; она была проста, откровенна и добра со всѣми. Она напоминала мнѣ Этель въ „Ньюкомахъ“ Теккерей. Она говорила мнѣ, что должна выйти за богатаго человѣка: это единственный способъ, какимъ она можетъ помочь семьѣ. М-ръ Кепедосъ—богатый человѣкъ?

— Она это говорила вамъ?—переспросила сосѣдка.

— О! я, разумѣется, предлагалъ ей руку и сердце. Но она, очевидно, считаетъ себя счастливой!—прибавилъ онъ.

Когда дамы вышли изъ-за стола, хозяинъ предложилъ джентльменамъ, какъ водится, пересѣсть ближе другъ къ другу, и Лайонъ очутился какъ разъ напротивъ полковника Кепедоса.

Разговоръ вертѣлся, какъ и до сихъ поръ, главнымъ образомъ, вокругъ охоты. Многіе изъ джентльменовъ сообщали свои приключенія и мнѣнія, но голосъ полковника Кепедоса раздавался всѣхъ громче и самоувѣреннѣе. У него былъ звучный, свѣжий и мужественный голосъ, таковой именно, каковой, по мнѣнію Лайона, долженъ былъ быть у „красиваго мужчины“. Изъ его рассказовъ явствовало, что онъ отличный наѣздникъ, и это также Лайонъ находилъ въ порядкѣ вещей. Не то чтобы полковникъ хвастался—всѣ свои замѣчанія онъ высказывалъ спокойно и какъ бы вскользь,—но они свидѣтельствовали объ опасныхъ экспериментахъ и рискованныхъ попыткахъ. Лайонъ очень скоро замѣтилъ, что вниманіе, съ какимъ присутствующіе относились къ рассказамъ полковника, далеко не соответствовало тому интересу, какой они представляли, такъ что, въ концѣ концовъ, рассказчикъ, замѣтивъ, что онъ, Лайонъ, во всякомъ случаѣ слушаетъ его, сталъ обращаться къ нему специально и глядѣть на него въ то время, какъ рассказывалъ. Лайону оставалось только слушать и симпатизировать, а полковникъ Кепедосъ принималъ это какъ должное. Съ однимъ сосѣднимъ сквайромъ случилось несчастье: онъ упалъ съ лошади и сильно ушибся. Онъ стукнулся головой и, по послѣднимъ извѣстіямъ, до сихъ поръ еще не приходилъ въ сознаніе: очевидно, произошло сотрясеніе мозга. Всѣ высказывали свои мнѣнія насчетъ того, выздоровѣетъ онъ или нѣтъ, и какъ скоро,—и это дало поводъ полковнику сообщить нашему художнику черезъ столъ, что онъ не счелъ бы человѣка погибшимъ, еслибы тотъ не приходилъ въ себя цѣлыя недѣли, и даже мѣсяцы, и даже годы. Онъ наклонился впередъ; Лайонъ тоже наклонился, приготовясь слушать, и полковникъ Кепедосъ объявилъ,—онъ знаетъ изъ личнаго опыта, что въ сущности нѣтъ предѣловъ времени, какое человѣкъ можетъ безнаказанно пробыть безъ чувствъ; что это случилось съ нимъ въ

Ирландіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ вывалился изъ экипажа, перевернулся въ воздухъ и хлопнулся о землю головой. Всѣ думали, что онъ умеръ, но онъ былъ живъ; его отнесли сначала въ ближайшую хижину, гдѣ онъ пролежалъ нѣсколько дней въ обществѣ съ поросятами, а затѣмъ отвезли въ гостиницу сосѣдняго города... и чуть было не похоронили. Онъ былъ совсѣмъ безъ чувствъ, безъ малѣйшаго проблеска сознанія въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, и находился въ такомъ оцѣпенѣніи, что его не могли кормить, боялись дотрогиваться до него и даже глядѣть на него. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день онъ раскрылъ глаза... здоровый и веселый, какъ муха!

— И даю вамъ слово, что это состояніе принесло мнѣ большую пользу; оно дало отдыхъ моему мозгу.

Полковникъ какъ будто намекалъ, что для такого дѣятельнаго ума, какъ его, подобные періоды отдыха—чистое благодѣяніе. Лайонъ находилъ его исторію удивительной, но ему хотѣлось спросить: не притворялся ли онъ отчасти,—не теперь, не во время разсказа, но въ то время, какъ лежалъ неподвижно. Онъ, однако, удержался во-время отъ заявленія какихъ бы то ни было сомнѣній, до такой степени ему импонировалъ тонъ, какимъ полковникъ Кепедосъ разсказывалъ о томъ, какъ его чуть было не похоронили живымъ. Послѣднее случилось съ однимъ изъ его пріятелей въ Индіи; думали, что онъ умеръ отъ болотной лихорадки, и заколотили его въ гробу...

Полковникъ Кепедосъ собирался сообщить о дальнѣйшей судьбѣ этого несчастнаго джентльмена, когда м-ръ Апморъ поднялся съ мѣста и предложилъ господамъ перейти въ гостиную. Лайонъ замѣтилъ, что никто рѣшительно не слушалъ того, что ему повѣствовалъ его новый знакомый. Оба, выйдя изъ-за стола, сошлись въ дверяхъ столовой въ то время, какъ остальные уже вышли изъ нея.

— И неужели вашъ пріятель былъ за-живо схороненъ?—спросилъ Лайонъ не безъ волненія.

Полковникъ Кепедосъ съ секунду поглядѣлъ на него, точно онъ уже потерялъ нить разговора. Вслѣдъ затѣмъ лицо его просвѣтлѣло... и стало отъ того вдвое красивѣе.

— Увѣряю васъ,—его зарыли въ землю.

— И такъ тамъ и оставили?

— Онъ оставался зарытымъ, пока я не пришелъ и не вырылъ его.

— Вы?

— Я видѣлъ его во снѣ... это самая невѣроятная исторія...

я слышалъ, какъ онъ меня звалъ ночью. Я рѣшился его вырыть. Вамъ извѣстно, что въ Индіи есть особый классъ людей, которые оскверняютъ могилы. У меня было предчувствіе, что они раньше меня доберутся до него. Я поскакалъ въ его могилѣ сломя голову, говорю вамъ, и, клянусь Юпитеромъ, засталъ двоихъ, которые уже принялись разрывать ее! Кракъ... кракъ! изъ двухствольи — и, вѣрьте слову, что отъ нихъ только пятки замелькали въ воздухъ. Представьте, что я самъ вынулъ его изъ гроба! Воздухъ освѣжилъ его, и онъ пришелъ въ себя. Онъ намеренъ только возвратиться въ Англію и теперь все готовъ для меня сдѣлать.

— Онъ звалъ васъ ночью?—переспросилъ удивленный Лайонъ.

— Да; въ этомъ-то вся и сила! Кто же бы это меня звалъ? Не его духъ, потому что вѣдь онъ не умеръ. Не самъ онъ, потому что былъ зарытъ въ землѣ. Но вотъ подите, кто-то звалъ! Видите ли, Индія—удивительная страна... въ ней много таинственнаго; воздухъ полонъ вещей, которыхъ вы объяснить не въ состояніи.

Они пошли изъ столовой въ гостиную, но по дорогѣ ихъ разлучили. Минуту спустя, однако, Кепедосъ снова подошелъ къ Лайону и сказалъ:

— Ашморъ сообщилъ мнѣ, кто вы такой; конечно, я слышалъ о васъ; я очень радъ съ вами познакомиться; моя жена васъ знаетъ.

— Я радъ, что она помнитъ меня. Я узналъ ее за обѣдомъ, но думалъ, что она меня не узнала.

— Ахъ! это потому, вѣроятно, что ей стало стыдно,—сказалъ полковникъ сънисходительнымъ юморомъ.

— Стыдно меня?—отвѣчалъ Лайонъ въ томъ же тонѣ.

— Да, тутъ замѣшана картина. Вѣдь вы писали ея портретъ?

— Много разъ, и она дѣйствительно можетъ стыдиться моихъ неудачныхъ попытокъ изобразить ее.

— Не то, не то, дорогой сэръ! я влюбился въ нее, когда увидѣлъ ту картину, которую вы были такъ добры, подарили ей.

— Вы говорите про ту, гдѣ она съ дѣтьми... намазываетъ для нихъ хлѣбъ масломъ?

— Хлѣбъ съ масломъ? нѣтъ... Боже мой... виноградная лоза и леопардова шкура... что-то въ родѣ вакханки.

— Ахъ, да,—отвѣчалъ Лайонъ,—помню; это первый прекрасный портретъ, написанный мной. Мнѣ бы любопытно было поглядѣть на него теперь.

— Не просите ее показать его вамъ; вы ее сконфузите.

— Сконфужу?

— Мы разстались съ портретомъ самымъ безкорыстнымъ образомъ,—засмѣялся онъ.—Старинный другъ моей жены—ея семья коротко была знакома съ нимъ, когда проживала въ Германіи—необыкновенно какъ восхитился имъ: эрцгерцога фонъ-Зильберштадтъ-Шрекенштейнъ (вы знаете, конечно?). Онъ пріѣзжалъ въ Бомбей, когда мы тамъ были, и такъ и впился въ вашу картину (вы знаете, что онъ самый страстный собиратель коллекцій въ Европѣ), просто глазъ не могъ отвести отъ нея, честное слово... а тутъ, какъ нарочно, подошелъ день его рожденія... Жена подарила ему картину, чтобы отвязаться отъ него. Онъ былъ въ восторгѣ... но мы лишились картины.

— Вы очень добры, если моя картина попала въ знаменитую коллекцію... Произведение юношеское... Я очень польщенъ.

— О! онъ отвезъ ее въ одинъ изъ своихъ замковъ; я не знаю, въ какой именно... Вы знаете, у него ихъ такъ много. Онъ прислалъ намъ, передъ отъѣздомъ изъ Индіи, въ благодарность за картину, великолѣпную старинную вазу.

— Картина того не стоила,—замѣтилъ Лайонъ.

Полковникъ Кепедосъ пропустилъ мимо ушей это замѣчаніе; онъ, повидимому, думалъ о чемъ-то другомъ. Минуту спустя, онъ сказалъ:

— Если вы посѣтите насъ въ Лондонѣ, мы покажемъ вамъ вазу.

И въ то время, какъ они входили въ гостиную, Кепедосъ дружески подтолкнулъ художника, говоря:

— Подите къ женѣ и поговорите съ нею; вонъ она... она будетъ въ восторгѣ.

Оливеръ Лайонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ громадной гостиной и остановился на мгновение, оглядывая группы красивыхъ женщинъ, ярко освѣщенныхъ лампами; одинокія фигуры, виднѣвшіяся тамъ и сямъ, бѣлыя съ золотомъ стѣны, панели изъ стараго дамъ; въ центрѣ каждой изъ нихъ находилась какая-нибудь знаменитая картина. На противоположномъ концѣ комнаты сидѣла м-съ Кепедосъ, поодаль отъ другихъ. Она помѣщалась на маленькой софѣ, и рядомъ съ нею было пустое мѣсто. Лайонъ не могъ льстить себя надеждой, что она приберегала это мѣстечко для него; ея невниманіе къ его попыткѣ возобновить съ ней знакомство за столомъ противорѣчило этому, но тѣмъ не менѣе ему очень захотѣлось пойти и сѣсть рядомъ съ нею. Притомъ его послалъ къ ней ея мужъ. Онъ перешелъ комнату, шагая черезъ распушенные дамскіе шлейфы, и остановился передъ своей давнишней знакомой.

— Я надѣюсь, что вы меня не прогоните, — сказалъ онъ. Она взглянула на него съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Я такъ рада васъ видѣть. Я была въ восторгѣ, когда услышала, что васъ сюда ждуть.

— Я пытался вызвать у васъ улыбку за обѣдомъ... но мнѣ это не удалось.

— Я не видѣла... не поняла. И кромѣ того я ненавижу переглядыванья и всякіе телеграфные знаки. Къ тому же я очень застѣнчива... если вы припомните. Ну, а теперь мы можемъ удобно побесѣдовать.

И она посторонилась, давая ему мѣсто на маленькой софѣ. Онъ сѣлъ, и между ними завязался пріятный разговоръ; причина, по которой она такъ ему нравилась въ былое время, снова стала ему ясна, а вмѣстѣ съ тѣмъ ожила въ значительной степени и прежняя симпатія. Она была по прежнему наименѣе избалованной красавицей, какою онъ только зналъ, съ такимъ отсутствіемъ всякаго кокетства и желанія нравиться, что это казалось почти недостаткомъ; минутами она производила на своего слушателя такое впечатлѣніе, какъ еслибы она была красивымъ созданіемъ, но съ природнымъ физическимъ порокомъ... глухонѣмая, что-ли, или слѣпороджденная. Благородная голова языческой богини давала ей преимущества, которыми она пренебрегала, и въ то время какъ люди восхищались ея низкимъ лбомъ, она думала о другомъ: хорошо ли топится каминъ въ ея спальнѣ. Она была проста, добра и честна; не впечатлительна, но не безчеловѣчна или глупа. Порою же высказывала совсѣмъ не пошлыя и не банальныя мнѣнія.

У нея не было воображенія, но жизнь научила ее чувствовать и размышлять. Лайонъ говорилъ о былыхъ дняхъ, проведенныхъ въ Мюнхенѣ, напоминалъ ей о различныхъ приключеніяхъ, веселыхъ и непріятныхъ, спрашивалъ про отца, братьевъ и сестеръ. Въ свою очередь она передавала ему, что поражена его знаменитостью, его блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ; что она была даже не увѣрена, захочетъ ли онъ узнать ее; совсѣмъ не ожидала, что его улыбка за столомъ относилась къ ней. Рѣчи ея были правдивыя—она на другія не была способна,—и его тронуло такое смиреніе въ такой красивой и аристократической женщинѣ. Отецъ ея умеръ; одинъ изъ братьевъ служилъ во флотѣ, другой отправился въ Америку и завелъ тамъ ферму; двѣ сестры замужемъ, а младшая очень хороша собой и только-что начала выѣзжать въ свѣтъ. Про мачиху она не упоминала. Она спросила объ его жизни, и онъ отвѣчалъ, что главное, что съ нимъ случилось, это то, что онъ до сихъ поръ не женатъ.

— О, вамъ слѣдуетъ жениться, — отвѣчала она. — Это лучшая вещь въ мірѣ.

— Мнѣ нравится, что я слышу это... отъ васъ.

— Почему бы и не отъ меня? я счастлива.

— Вотъ потому именно я и не могу надѣяться на то же самое. Съ вашей стороны жестоко хвалиться счастьемъ. Но я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ мужемъ. Мы много разговаривали въ столовой.

— Вы должны повороче узнать его... вы тогда лучше его оцѣните.

— Я также въ этомъ увѣренъ. Но онъ и по первому разу привлекателенъ, увѣряю васъ.

Она устремила свои добрые сѣрые глаза на Лайона.

— Не правда ли, онъ красивъ?

— И красивъ, и уменъ, и интересенъ. Вы видите, что я великодушенъ.

— Да; вы все-таки должны повороче узнать его, — повторила м-съ Кепедось.

— Онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, — сказалъ ей себе сѣдникъ.

— Да; мы побывали въ разныхъ мѣстахъ. Я вамъ покажу мою дѣвочку. Ей девять лѣтъ... она настоящая красавица.

— Привезите ее ко мнѣ въ мастерскую. Я сниму съ нея портретъ.

— Ахъ, не говорите объ этомъ! — сказала м-съ Кепедось: — это напоминаетъ мнѣ нѣчто ужасное.

— Я надѣюсь, что вы не разумѣете подъ этимъ то, что вы, бывало, служили мнѣ моделью... хотя, быть можетъ, это вамъ и очень надоѣдало.

— Я не объ этомъ говорю, а о томъ, какъ мы поступили съ той чудесной картиной, которую вы мнѣ подарили. Я должна принести вамъ покаяніе; меня это слишкомъ мучить. Когда вы придѣте къ намъ въ Лондонъ, вы ее больше не увидите; а не могу же я сказать вамъ, что она виситъ у меня въ спальнѣ, по той простой причинѣ...

И она умолкла.

— Потому что вы не можете лгать.

— Нѣтъ, не могу. Поэтому прежде чѣмъ вы спросите...

— О! я знаю, что вы съ нею разстались... ударъ уже нанесенъ, — перебилъ Лайонъ.

— Ахъ! значитъ, вы слышали? Я была увѣрена, что это

дойдетъ до васъ. Но знаете, что мы за нее получили? Двѣсти фунтовъ.

— Вы могли бы получить гораздо больше, — сказалъ Лайонъ, улыбаясь.

— Намъ и это показалось очень много въ то время. Мы очень нуждались въ деньгахъ... Это было давно уже, когда мы только-что женились. Въ то время наши средства были невелики, но къ счастью съ тѣхъ поръ дѣла улучшились. Намъ представился случай продать вашу картину за большую, какъ намъ казалось, сумму, и мы не устояли, къ стыду нашему. У моего мужа были надежды впереди, которыя частію осуществились, такъ что теперь мы не нуждаемся. Но тѣмъ временемъ картина ушла отъ насъ.

— Къ счастью, оригиналъ остался. Но развѣ ваша ваза стоила двѣсти фунтовъ? — спросилъ Лайонъ.

— Ваза?

— Красивая старинная индійская ваза... подарокъ эрцгерцога?

— Эрцгерцога?

— Какъ бишь его имя? Зильберштадтъ-Шрекенштейнъ. Вашъ мужъ говорилъ про эту сдѣлку.

— О, мой мужъ!

И Лайонъ увидѣлъ, что м-съ Кепедось слегка покраснѣла. Чтобы не усиливать ее смущенія, но выяснить себѣ, однако, эту путаницу, онъ продолжалъ:

— Онъ говорилъ мнѣ, что картина теперь въ его коллекціи.

— Въ коллекціи эрцгерцога? Ахъ, вы слышали про нее? Говорятъ, въ ней находятся драгоценныя вещи.

Она была удивлена, но оправилась отъ смущенія, и Лайонъ отмѣтилъ про себя, что по какой-то причинѣ—вѣроятно вполнѣ порядочной—мужъ и жена приготовили различныя редакціи одного и того же происшествія. Онъ перебилъ разговоръ и убѣждалъ м-съ Кепедось привезти дочку къ нему въ мастерскую. Онъ просидѣлъ съ ней нѣкоторое время и нашель—быть можетъ, это была только фантазія, — что она нѣсколько разсѣянна или какъ будто чѣмъ-то недовольна. Это не помѣшало ему спросить ее, наконецъ, когда всѣ стали прощаться, чтобы идти спать:

— Вы кажется, судя по вашимъ словамъ, очень высокаго мнѣнія о моей славѣ и моемъ богатствѣ, или вы такъ добры, что преувеличиваете то и другое. Но скажите, вышли ли бы вы за меня замужъ, еслибы знали, что я пробью себѣ дорогу въ свѣтъ?

— Я это знала.

— Ну, а я такъ не зналъ.

— Вы были слишкомъ скромны.

— Вы, кажется, этого не думали, когда я вамъ сдѣлалъ предложеніе.

— Но еслибы я вышла за васъ, то не вышла бы за *нею*... а онъ такой милый!—сказала м-съ Кепедось.

Лайонъ зналъ, что она такъ думаетъ,—онъ убѣдился въ этомъ за обѣдомъ,—но ему было тѣмъ не менѣе досадно это слышать.

Кепедось, о которомъ говорили, подошелъ къ нимъ, и послѣ жаркихъ рукопожатій м-съ Кепедось замѣтила мужу, отходя отъ Лайона:

— Онъ хочетъ написать портретъ Эми.

— Сэръ! это прелестное дитя; необыкновенно интересное маленькое созданіе,—обратился полковникъ къ Лайону.—Она дѣлаетъ удивительныя вещи.

М-съ Кепедось остановилась и, оглянувшись, проговорила:

— Пожалуйста не говори ему.

— Не говорить ему—чего?

— Да того, что она дѣлаетъ. Пусть онъ самъ увидитъ.

И ушла.

— Она думаетъ, что я хвастаюсь ребенкомъ, надоѣдаю съ нимъ добрымъ людямъ,—сказалъ полковникъ.—Надѣюсь, что вы курите?

Минутъ десять спустя Кепедось появился въ курительной комнатѣ въ блестящемъ востомѣ, въ сюрткѣ изъ пунцоваго фюляра съ бѣлыми крапинками.

Онъ радовалъ взоръ Лайона, и самъ далъ ему почувствовать, что и въ наше время можно найти случай великолѣпно одѣваться. Если жена была античной статуей, то мужъ былъ красивымъ образцомъ колоритной эпохи: онъ могъ бы сойти за венеціанца шестнадцатаго вѣка. „Вотъ удивительная пара!—думалъ Лайонъ, въ то время какъ глядѣлъ на полковника, выпрямившагося во весь ростъ у камина и пускавшаго большія кольца дыма:—не удивительно, что Эвелина не жалѣетъ, что вышла за *нею* замужъ“.

Не всѣ джентльмены, гостившіе въ замкѣ, были курильщиками, и нѣкоторые уже легли спать. Полковникъ Кепедось замѣтилъ, что сегодня всѣ очень вялы и неразговорчивы, потому что порядкомъ утомились за день. Вотъ дурная сторона охотничьяго общества: мужчины совсѣмъ сонные послѣ обѣда, а дамамъ чертовски скучно, даже тѣмъ, которыя охотятся, потому что женщины какъ-то ухитряются не уставать.

Лайонъ пробылъ нѣсколько минутъ вдвоемъ съ полковникомъ

Бепедосомъ, пока, наконецъ, и другіе джентльмены не появились одинъ за другимъ въ самыхъ разнообразныхъ и эксцентрическихъ одѣяніяхъ.

Они разговорились о дѣлахъ; Лайонъ замѣтилъ оригинальность въ постройкѣ курительной комнаты, и полковникъ объяснилъ ему, что она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ одна очень старинная. Короче сказать, замокъ состоитъ изъ двухъ зданій: одного стараго и другого новаго; каждый очень великъ и прекрасенъ въ своемъ родѣ. Оба вмѣстѣ образуютъ громадное строеніе, и Лайонъ долженъ осмотрѣть его непременно. Новѣйшая часть возведена старикомъ, когда онъ купилъ помѣстье. О! да, онъ купилъ его сорокъ лѣтъ тому назадъ; оно не фамиліное. Онъ имѣлъ настолько вкуса, чтобы не испортить первобытнаго зданія, онъ только соединилъ его съ новымъ. Это очень курьезно, право; старинное зданіе—самая неправильная, таинственная, беспорядочная груда камня, и въ ней постоянно открываютъ то потайную комнату, то потайную лѣстницу. Но, по его мнѣнію, замокъ слишкомъ мраченъ; даже новѣйшія пристройки, какъ онѣ ни великолѣпны, не сдѣлали его веселѣе. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда производился ремонтъ зданія, найденъ былъ скелетъ подъ каменной плитой въ одномъ изъ корридоровъ; но въ семьѣ не любятъ объ этомъ говорить. Они находятся теперь въ старинной части дома, гдѣ самые прекрасные покои: онъ думаетъ, что курительная комната была первоначально кухней, но перестроена въ очень давнишнее, сравнительно, время.

— Значить, моя комната находится тоже въ старинной части дома... Я этому очень радъ,—замѣтилъ Лайонъ.—Она очень удобна и содержитъ всѣ новѣйшія приспособленія; но я замѣтилъ толщину стѣнъ по глубокой дверной впадинѣ и очевидную древность корридора и лѣстницы. Корридоръ, выложенный панелями, удивителенъ; кажется, что онъ тянется въ глубь на цѣлыхъ польми.

— О! не ходите на другой его конецъ!—воскликнулъ полковникъ, улыбаясь.

— Развѣ онъ ведетъ въ комнату съ привидѣніемъ?—спросилъ Лайонъ.

Собесѣдникъ взглянулъ на него.

— Ахъ! вы уже про это слышали?

— Нѣтъ, я высказываю это только въ видѣ надежды. Мнѣ еще никогда не выпадало на долю такого счастья: жить въ опасномъ домѣ. Домѣ, куда я ѣзжу, всѣ безопасны какъ Чарингъ-

Кроссъ. Я хочу, наконецъ, увидѣть нѣчто сверхъестественное. Что, здѣсь въ самомъ дѣлѣ водятся привидѣнія?

— Самое настоящее... и буйное.

— Вы его видѣли?

— О! не спрашивайте меня о томъ, что я видѣлъ... Вамъ это покажется невѣроятно. Я не люблю говорить объ этихъ вещахъ. Здѣсь есть двѣ или три комнаты, такихъ же страшныхъ... или такихъ же интересныхъ, если хотите.

— И въ моемъ корридорѣ тоже есть?

— Я думаю, что самая страшная—та, которая на томъ его концѣ. Я не совѣтую вамъ ложиться въ ней спать.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— По крайней мѣрѣ до той поры, пока вы не окончите вашъ портретъ. А не то завтра же утромъ вы получите важныя извѣстия, которыя заставятъ васъ уѣхать съ десятичасовымъ поѣздомъ.

— Вы хотите сказать, что я выдумаю какой-нибудь предлогъ, чтобы уѣхать?

— Если только вы не храбрѣе всѣхъ остальныхъ людей. Хозяева не часто кладутъ туда спать гостей, но иногда домъ бываетъ набитъ биткомъ, и по-неволѣ приходится кого-нибудь туда помѣстить. Въ результатѣ выходитъ всегда одно и то-же: плохо скрытое волненіе за завтракомъ и полученныя важныя извѣстия. Само собой разумѣется, эта комната если и отводится, то холостымъ; мы съ женой на другомъ концѣ дома. Но мы были свидѣтелями этой маленькой комедіи три дня тому назадъ... день спустя послѣ того, какъ мы сюда пріѣхали. Туда положили одного молодого человѣка... забылъ его имя... домъ вѣдь биткомъ набитъ народомъ... и произошла обычная исторія. Письмо за завтракомъ... странное, разстроенное лицо... неотлагательная необходимость ѣхать въ городъ... такая жалость, что приходится сократить визитъ. Апморъ съ женой только переглянулись, а бѣдный молодой человѣкъ такъ и уѣхалъ.

— Ахъ! это было бы совсѣмъ некстати для меня; я хочу сперва окончить портретъ. Но неужели они не любятъ говорить объ этомъ? Нѣкоторые люди гордятся, знаете, тѣмъ что у нихъ въ домѣ водятся привидѣнія.

Какой отвѣтъ собирался дать на этотъ вопросъ полковникъ Кепедосъ, нашъ герой этого такъ и не узналъ, потому что въ эту минуту вошелъ хозяинъ дома, въ сопровожденіи троихъ или четырехъ господъ. Лайонъ понялъ, что полковникъ не могъ продолжать разговора на эту тему.

М-ръ Ашморъ тотчасъ же заговорилъ съ Лайономъ, и высказалъ сожалѣнiе, что ему еще не приходилось съ нимъ бесѣдовать. Предметомъ разговора естественно послужилъ тотъ поводъ, по которому приѣхалъ художникъ. Лайонъ замѣтилъ, что для него очень невыгодно, что онъ не познакомился предварительно съ сэромъ Дэвидомъ... въ большинствѣ случаевъ это для него бываетъ очень важно. Но такъ какъ сэръ Дэвидъ такихъ прелонныхъ лѣтъ, то, разумѣется, нельзя терять времени.

— О! я все вамъ расскажу про него, — отвѣчалъ м-ръ Ашморъ, и въ продолженiе получаса говорилъ объ отцѣ.

Все, чтó онъ о немъ говорилъ, было очень интересно. Лайонъ видѣлъ, что старикъ, должно быть, славный человекъ, если такъ дорого сыну, который, очевидно, не изъ сантиментальныхъ.

Наконецъ, онъ всталъ, говоря, что долженъ идти спать, если хочетъ быть завтра утромъ со свѣжей головой, способной къ работѣ.

На это хозяинъ отвѣтилъ ему:

— Если такъ, то возьмите съ собой свѣчу; огни уже погашены; я не велю слугамъ дожидаться, пока всѣ въ домѣ лягутъ спать.

Лайонъ зажегъ восковую спичку и, выходя изъ комнаты, сказалъ Артуру Ашмору:

— Надѣюсь, что я не встрѣчу привидѣнiй?

— Привидѣнiй?

— У васъ вѣрно они водятся... по крайней мѣрѣ, въ этой славной старинной части дома.

— Мы бы рады вамъ угодить, *mais que voulez-vous?* Мнѣ кажется, что привидѣнiя не любятъ водопроводовъ съ теплой водой, — отвѣчалъ м-ръ Ашморъ.

— Теплота слишкомъ напоминаетъ имъ о преисподней, гдѣ они обрѣгаются? Но вѣдь у васъ есть комната, гдѣ нечисто, на концѣ корридора?

— О! ходятъ слухи... мы ихъ усердно поддерживаемъ.

— Я бы очень желалъ провести тамъ ночь.

— Мы переведемъ васъ туда завтра же, если желаете.

— Можетъ быть, мнѣ лучше подождать, пока я не оюнчу портретъ?

— Какъ хотите; но вѣдь вы въ ней не будете работать. Мой отецъ будетъ позировать въ собственныхъ повояхъ.

— О! не потому, а какъ бы мнѣ не сбѣжать со страха, какъ тотъ джентльменъ, который уѣхалъ три дня тому назадъ.

— Три дня тому назадъ? какой джентльменъ?

— Тотъ, который получилъ важныя письма за завтракомъ и уѣхалъ съ десятичасовымъ поѣздомъ. Вѣдь онъ переночевалъ только одну ночь?

— Не понимаю, о комъ вы говорите. Такого джентльмена не было... три дня тому назадъ.

— Ахъ! тѣмъ лучше,—сказалъ Лайонъ, кланаясь и уходя.

Онъ благополучно дошелъ до корридора, куда выходила дверь его комнаты. При потушенныхъ лампахъ корридоръ казался еще длиннѣе, и онъ, изъ любопытства, дошелъ до самаго конца. Онъ прошелъ мимо нѣсколькихъ дверей съ названіемъ комнатъ, но ничего больше не увидѣлъ. Ему хотѣлось отворить послѣднюю дверь и заглянуть въ комнату съ худой славой; но онъ подумалъ, что это будетъ, пожалуй, лишнее, такъ какъ полковникъ Кепедосъ, очевидно, свободно обращался съ истиной въ своихъ разсказахъ. Богъ его знаетъ: есть привидѣніе или нѣтъ, но самъ полковникъ казался ему самой загадочной фігурой въ домѣ.

II.

Лайонъ нашелъ въ сэрѣ Дэвидѣ Апморѣ капитальную модель и вдобавокъ очень спокойную и покладливую.

Кромѣ того, это былъ очень пріятный старикъ, нисколько не выжилъ изъ ума и одѣтъ какъ разъ въ такой мѣховый халатъ, какой Лайонъ выбралъ бы для него. Старикъ гордился своимъ преклоннымъ возрастомъ, но стыдился своихъ недуговъ, которые однако сильно преувеличивалъ, и которые не мѣшали ему сидѣть такъ тихо и покорно, какъ будто бы сеансъ у живописца былъ чѣмъ-то въ родѣ хирургической операціи. Онъ разрушилъ легенду о томъ, что онъ боялся, какъ бы такая операція не оказалась для него роковой, и далъ другое объясненіе, которое гораздо больше понравилось нашему другу.

Онъ утверждалъ, что джентльмень долженъ всего только одинъ разъ въ жизни снять съ себя портретъ, и что онъ считаетъ фатовствомъ и „мѣщанствомъ“, когда человѣкъ всюду и во всѣхъ видахъ виситъ на стѣнахъ. Это хорошо для женщинъ, потому что онѣ могутъ служить украшеніемъ для стѣнъ, но мужская фізіономія не идетъ для декораціи.

Настоящимъ временемъ для того, чтобы снять съ себя портретъ должно быть то, когда жизнь уже прожита и весь человѣкъ уже проявилъ себя. Онъ толковалъ о своемъ портретѣ такъ, какъ еслибы тотъ долженствовалъ быть какой-то географической кар-

той, которую его внуки могли съ пользой изучать. Хорошая географическая карта возможна только когда вся страна изъѣзжена вдоль и поперекъ.

Онъ посвятилъ Лайону все утро до завтрака, и они бесѣдовали о различныхъ вещахъ, не забывая, ради пикантности, шлетничать о посѣтителяхъ дома. Теперь старикъ больше не „выѣзжалъ“, какъ онъ выражался, и гораздо рѣже видѣлъ этихъ посѣтителей; они пріѣзжали и уѣзжали безъ него, а потому онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ описанія и характеристики Лайона. Художникъ очень вѣрно изображалъ ихъ, не впадая въ карриатуру, и всегда оказывалось, что когда сэръ Дэвидъ не зналъ сыновей и дочерей, то знавалъ отцовъ и матерей. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ бѣдовыхъ стариковъ, которые представляютъ собой цѣлый архивъ фамиліальныхъ лѣтописей. Но что касается фамиліи Кепедосъ, до которой они естественно дошли, то тутъ его свѣденія распространялись на два или даже на три поколѣнія. Генералъ Кепедосъ былъ старый его пріятель, и онъ помнилъ его отца; генералъ былъ хорошей служака, но въ частной жизни слишкомъ увлекался спекуляціями... вѣчно шнырялъ по Сити, прискивая какое-нибудь гнилое предпріятіе, въ которое бы ухлопать деньги. Онъ женился на дѣвушкѣ съ приданымъ, и у нихъ было съ полдюжины дѣтей. Онъ не зналъ хорошенько, что случилось со всѣми ними; одинъ изъ сыновей поступилъ въ духовное званіе... онъ теперь, кажется, деканомъ въ Кюкингемъ?

Климентъ, тотъ самый, что гостить теперь у его сына, обязался не безъ способностей, какъ военный; онъ служилъ на востоѣ и женился на хорошенькой дѣвушкѣ. Онъ былъ въ Итонѣ вмѣстѣ съ его сыномъ и обыкновенно проводилъ праздники у нихъ. Позднѣе, вернувшись въ Англію, онъ пріѣхалъ къ нимъ уже съ женой; это было прежде того, какъ сэръ Дэвидъ удалился на подножный кормъ. Кепедосъ—способный малый, но у него чудовищный порохъ.

— Чудовищный порохъ?—переспросилъ Лайонъ.

— Онъ—отчаянный лгунъ.

Лайонъ остался съ поднятой въ воздухѣ кистью и повторилъ, какъ будто эти слова поразили его.

— Онъ отчаянный лгунъ?

— Вы очень счастливы, что до сихъ поръ не открыли это.

— По правдѣ сказать, я замѣтилъ нѣсколько романической характеръ...

— О! онъ не всегда бываетъ романиченъ. Онъ солжетъ даже

тогда, если вы спросите его, который часъ, или у кого онъ покупаетъ свои шляпы. Вѣдь есть же такіе люди!

— Однако такіе люди порядочные негодяи,—объявилъ Лайонъ слегка дрожащимъ голосомъ при мысли о томъ, какую долю выбрала для себя Эвелина Брантъ.

— О, не всегда,—отвѣчалъ старикъ.—Этотъ малый нисколько не негодяй. Онъ не дурной человекъ и не питаетъ злыхъ намереній; онъ не крадетъ, не обманываетъ, не играетъ и не пьетъ. Онъ очень добръ, любитъ жену, нѣжный отецъ. Онъ просто не можетъ говорить правды.

— Значить, все, что онъ мнѣ говорилъ вчера вечеромъ, чистый вздоръ; онъ рассказывалъ самыя невѣроятныя исторіи. Я не зналъ, какъ къ нимъ отнестись, но такого простого объясненія мнѣ и въ голову не приходило.

— Безъ сомнѣнія, онъ былъ въ ударѣ,—продолжалъ сэръ Дэвидъ.—Это врожденное свойство... вотъ все равно какъ есть лѣвши или косые. У него это бываетъ въ родѣ какъ бы припадковъ,—точно пароксизмы перемежающейся лихорадки. Сынъ говоритъ мнѣ, что его пріатели и знакомые понимаютъ это и смотрятъ сквозь пальцы... ради жены.

— О! его бѣдная, бѣдная жена!

— Я думаю, что она привыкла.

— Невозможно, сэръ Дэвидъ! Какъ можно къ этому привыкнуть!

— Эхъ, дорогой сэръ! если женщина влюблена! Да онѣ и сами не очень-то церемонятся съ правдой. Онѣ знатоки во лжи... и могутъ даже симпатизировать своему товарищу-артисту.

Лайонъ помолчалъ съ минуту; онъ не могъ отрицать, что м-съ Кепедосъ влюблена въ своего мужа. Но спустя нѣкоторое время онъ проговорилъ:

— Только не эта женщина! я знавалъ ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ... до ея замужества; я былъ коротко знакомъ съ нею и восхищался ею. Она была чиста какъ хрусталь.

— Она мнѣ тоже очень нравится,—сказалъ сэръ Дэвидъ,—но я былъ свидѣтелемъ, какъ она поддакивала мужу.

Лайонъ поглядѣлъ съ минуту на сэра Дэвида, уже не только какъ на модель.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

Старикъ колебался; затѣмъ сказалъ, улыбаясь:

— Вы въ нее влюблены.

— Вѣроятно. Богу извѣстно, что когда-то я былъ по уши въ нее влюбленъ.

— Она должна же выручать мужа! Не может же она его выдать.

— Она могла бы держать языкъ за зубами,— замѣтилъ Лайонъ.

— При васъ она такъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ.

— Любопытно мнѣ поглядѣть на это.

И про себя Лайонъ прибавилъ:

— Боже милостивый! какъ онъ ее, значить, замучилъ!

Это размышленіе онъ оставилъ про себя, считая, что достаточно выказалъ, какъ относится къ м-съ Кепедось. Тѣмъ не менѣе, его сильно занималъ вопросъ, какъ такая женщина выпутывается изъ такого затруднительнаго положенія.

Онъ наблюдалъ за ней съ удвоеннымъ интересомъ, когда очутился снова въ компаніи; у него у самого бывали непріятности въ жизни, но рѣдко что такъ озабочивало и беспокоило его, какъ мысль: во что превратила преданность жены и зараза примѣра безусловно правдивую душу.

О! онъ считалъ непоколебимо вѣрнымъ, что все, на что другія женщины способны, на то она, Эвелина Брантъ, въ прежнее время была безусловно неспособна. Даже еслибы она не была черезъ-чуръ проста для того, чтобы обманывать, то была слишкомъ для этого горда; а еслибы ей измѣнила совѣсть, то не хватило бы ловкости.

Ложь была какъ разъ тѣмъ, что она всего менѣе выносила или прощала... Она ее въ прежнее время положительно не переваривала. Что же теперь? сидитъ она и терзается въ то время, какъ ее супругъ выкидываетъ свои словесныя *salto mortale*? или же она сама такъ развратилась, что находитъ прекраснымъ жертвовать для эффекта честью? Какъ же однако она перемѣнилась въ такомъ случаѣ, кромѣ тѣхъ двухъ предположеній (что она молча терпитъ злую пытку, или что она такъ влюблена въ мужа, что его унижительная идіосинкразія кажется ей только лишнимъ въ немъ достоинствомъ... доказательствомъ блеска ума и таланта), могло быть еще третье: что она не понимаетъ его, и первая вѣритъ всему, что онъ рассказываетъ. Но по зрѣломъ размышленіи нельзя было допустить такой гипотезы: слишкомъ очевидно, что его показанія зачастую должны расходиться съ ее собственными объ одномъ и томъ же предметѣ. Какихъ-нибудь часъ или два спустя послѣ ихъ встрѣчи Лайонъ выслушалъ два совсѣмъ разныхъ разсказа о томъ, что случилось съ той картиной, которую онъ ей подарилъ. Даже и тутъ она глазомъ не моргнула и... Но пока онъ рѣшительно не въ состояніи былъ вывести никакого заключенія.

Еслибы даже непреодолимая симпатія къ м-съ Кепедось не заставляла его медлить съ рѣшеніемъ занимавшаго его вопроса, то и тогда послѣдній представлялся бы ему въ видѣ курьезной проблемы; онъ вѣдь не даромъ писалъ портреты столько лѣтъ сряду: онъ не могъ не сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ психологомъ.

Въ настоящую минуту ему предстояло ограничить свои наблюденія, такъ какъ дня черезъ три полковникъ съ женой уѣзжалъ въ другой домъ. Наблюденія Лайона распространялись, конечно, и на самого полковника: этотъ джентльменъ представлялъ такую рѣдкую аномалію! При этомъ Лайону приходилось быть осмотрительнымъ въ своей любознательности: онъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы разспрашивать другихъ людей о томъ, какъ они смотрятъ на это дѣло: онъ слишкомъ боялся скомпрометировать женщину, которую когда-то любилъ.

Но надо было ожидать, что другіе сами, помимо всякихъ разспросовъ съ его стороны, — просвѣтятъ его на этотъ счетъ: несчастная привычка полковника и то, какъ она отзывалась на немъ и на его женѣ, должны служить обычной темой для разговоровъ въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ онъ гостилъ. Лайонъ не замѣчалъ, чтобы въ тѣхъ кружкахъ общества, которые онъ посѣщалъ, люди особенно воздерживались отъ комментарій насчетъ другъ друга.

Наблюденія его задерживались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что полковникъ охотился весь день, въ то время какъ онъ писалъ портретъ и болталъ съ сэромъ Дэвидомъ. Но наступило воскресенье, а съ нимъ и охота, и живопись, были на время отложены.

М-съ Кепедось, къ счастью, не охотилась, и когда Лайонъ кончилъ работу, то могъ проводить время въ ея обществѣ. Онъ ходилъ съ нею на дальнія прогулки (она это любила) и заманивалъ ее пить чай въ укромные уголки въ залѣ. Но сколько онъ ни наблюдалъ за ней, а рѣшительно не видѣлъ, чтобы она терзалась тайнымъ стыдомъ; сознаніе, что она замужемъ за чело-вѣкомъ, слово котораго ровно ничего не стоитъ, очевидно нимало не отравляло ей жизнь. Ея умъ, очевидно, не былъ подавленъ никакимъ скрытымъ бременемъ, и когда онъ глядѣлъ ей въ глаза (онъ себѣ порою позволялъ это), то не видѣлъ въ нихъ никакой молчаливой и тяжелой думы. Онъ говорилъ съ нею о былыхъ дняхъ, напоминалъ ей о вещахъ, которыя, казалось, совсѣмъ было забыты и только теперь, при свиданіи съ нею, снова вспомнилъ. Онъ говорилъ съ нею также и объ ея мужѣ, хвалилъ его наружность, его занимательную бесѣду, увѣрялъ, что почув-

ствоваль къ нему сразу дружеское расположеніе и спросилъ разъ (съ отвагой, отъ которой самъ внутренно содрогнулся), какого рода онъ человѣкъ?

— Какого рода человѣкъ?—повторила м-съ Кепедось.—Боже мой! кто же можетъ описывать своего мужа? Я его очень люблю.

— Ахъ! вы это уже мнѣ говорили! — воскликнулъ Дайонъ съ преувеличенной досадой.

— Такъ зачѣмъ же вы меня опять спрашиваете?

И прибавила черезъ секунду, какъ счастливая женщина, которая можетъ позволить себѣ пожалѣть ближняго:

— Онъ—воплощенная доброта и честность. Онъ храбръ... онъ джентльменъ... и душа! У него нѣтъ ни одного недостатка. И онъ очень талантливъ.

— Да; онъ производитъ впечатлѣніе талантливаго человѣка. Но, конечно, я не могу считать его душкой!

— Мнѣ все равно, чѣмъ вы его считаете! — улыбнулась м-съ Кепедось, и показала ему красивѣе чѣмъ когда-либо.

Или она была глубоко циничная, или же глубоко скрытная женщина, и онъ врядъ ли могъ надѣяться на то, что добьется отъ нея того намека, котораго ему такъ страстно хотѣлось, а именно: что она лучше бы сдѣлала, выйдя замужъ за человѣка, свободнаго отъ самаго презрѣннаго и наименѣе героическаго изъ пороковъ! Неужели же она не видѣла, не чувствовала той особой усмѣшки, кавая появлялась на губахъ у всѣхъ присутствующихъ, когда ея супругъ совершалъ какое-нибудь отчаянное словесное *salto mortale*? Какъ могла такая женщина, какъ она, переносить это день за днемъ, годъ за годомъ, если только сама не развратилась? Но онъ повѣрять въ ея испорченность только тогда, когда она сама скажетъ при немъ неправду.

Онъ страстно добивался рѣшенія загадки и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣсился, задавалъ себѣ вучу всякихъ вопросовъ. Развѣ она не лжетъ, въ сущности говоря, тѣмъ самымъ, что пропускаетъ безъ протеста его лганье? Развѣ ея жизнь не является непрерывнымъ сообщничествомъ и развѣ она не помогаетъ мужу и не поощряетъ его тѣмъ, что не выражаетъ ему своего отвращенія? Но, можетъ быть, она чувствуетъ отвращеніе и только изъ гордости носить такую непроницаемую маску? Можетъ быть, съ глазу на глазъ съ нимъ она страстно протестуетъ; можетъ быть, каждую ночь, послѣ дневной отвратительной комедіи, она дѣлаетъ ему страшную сцену въ тиши спальни?

Но если такія сцены дѣйствительно происходили, а онъ не давалъ себѣ никакого труда исправиться, то какъ могла она,

послѣ столькихъ лѣтъ супружества, глядѣть на него съ такимъ восхищеніемъ, какъ замѣтилъ Лайонъ—въ первый же день своего пріѣзда—за обѣдомъ?

Еслибы нашъ пріятель не былъ въ нее влюбленъ, онъ могъ бы съ юмористической точки зрѣнія взглянуть на поведение полковника; но въ настоящемъ случаѣ оно принимало трагическій характеръ въ его глазахъ, хотя онъ и чувствовалъ, что его заботливость тоже можетъ показаться комичной.

Наблюденія, сдѣланныя имъ въ эти три дня, показали ему, что если Кепедосъ былъ необузданный, то не злостный лгунъ, и что его вранье касалось предметовъ, не имѣвшихъ большого и непосредственного значенія.

— Онъ — платоническій лгунъ, — говорилъ Лайонъ самому себѣ:—онъ безворыстенъ и лжетъ не ради выгоды или желанія причинить вредъ. Это—искусство для искусства, и имъ руководитъ любовь къ красотѣ. У него есть внутреннее представленіе того, что могло бы или должно было быть, и онъ, согласно этому, дополняетъ и украшаетъ событія. Онъ — живописецъ, такъ же, какъ и я!

Измышленія полковника Кепедоса были очень разнообразны, но всѣ отличались одной фамильной чертой, а именно: удивительнымъ ребячествомъ. Это-то и дѣлало ихъ безвредными; они служили только для украшенія дѣйствительности, какъ блестящи или золотое шитье на платьѣ.

Одно удивляло сначала Лайона, а именно: какъ могъ такой необузданный враль служить въ военной службѣ и не попасть въ просакъ. Но онъ замѣтилъ, что полковникъ Кепедосъ уважалъ службу; эта священная область была свободна отъ его набѣговъ. Кромѣ того, хотя въ его враньѣ была значительная примѣсь хвастовства, но страннымъ образомъ онъ никогда не хвастался военными подвигами. У него была страсть къ охотѣ, и онъ охотился въ дальнихъ странахъ, и темой для самыхъ рискованныхъ изъ его разсказовъ служили воспоминанія о пережитыхъ опасностяхъ и счастливыхъ избавленіяхъ на охотѣ. Чѣмъ пустыньѣ и отдаленнѣе была арена дѣйствія, тѣмъ роскошнѣе распускались цвѣты краснорѣчія полковника. Самому новому знакомому полковникъ обыкновенно подносилъ цѣлый букетъ: этотъ выводъ Лайонъ скоро сдѣлалъ.

Но при этомъ курьезный человекъ этотъ, по какой-то непостижимой непослѣдовательности, бывалъ иногда въ высшей степени правдивъ.

Лайонъ убѣдился въ томъ, что ему говорилъ сэръ Дэвидъ:

что полковникъ подверженъ припадкамъ лганья, точно лихорадки... Порою онъ нѣсколько дней сряду говорилъ правду.

Муза посѣщала его, когда ей вздумается; порою она совсѣмъ покидала его. Онъ пропускалъ отличнѣйшія occasiō поворотъ, и затѣмъ вдругъ пускался на всѣхъ парусахъ. Какъ общее правило, онъ больше вралъ, нежели отрицалъ правду; но бывало иногда и противное. Очень часто онъ раздѣлялъ смѣхъ, который возбуждали его анекдоты, и соглашался, что они имѣютъ экспериментальный характеръ. Но онъ никогда вполне не отказывался отъ того, что сказалъ; онъ изворачивался и искалъ лазейки. Лайонъ угадывалъ, что по временамъ онъ могъ отчаянно защищать свою позицію и какъ разъ тогда, когда она была особенно безнадежна. Въ такихъ случаяхъ онъ легко становился опасенъ: онъ входилъ въ задоръ и могъ клеветать. Такіе случаи должны были служить искусомъ долготерпѣнію его жены: Лайону хотѣлось бы поглядѣть на нее въ такихъ случаяхъ.

Въ курительной комнатѣ и въ другихъ мѣстахъ компанія мужчинъ, если она состояла изъ коротко знакомыхъ полковнику лицъ, всегда готова была со смѣхомъ оспаривать его рассказы; но люди, знавшіе его коротко, такъ привыкли къ его тону, что уже и не влощивали о немъ между собой, а Лайонъ, какъ мы уже говорили, не желалъ самъ заводить объ этомъ рѣчи и пытаться мнѣнія людей, которые, быть можетъ, раздѣляли его удивленіе.

Но удивительнѣе всего было то, что хотя всѣ знали, что полковникъ лгунъ, однако это не мѣшало ему быть любимымъ; самое вранье его считалось избыткомъ жизни и веселости, чуть ли не аксессуаромъ его красоты. Онъ любилъ описывать свою храбрость и не падалъ красокъ въ описаніяхъ, и тѣмъ не менѣе былъ безспорно храбръ.

Онъ былъ отличный всадникъ и стрѣлокъ, несмотря на неисчерпаемый кладъ анекдотовъ, иллюстрировавшихъ эти качества; короче сказать, онъ былъ *почти* такъ уменъ, и его карьера была *почти* такъ замѣчательна, какъ онъ утверждалъ.

Но лучшимъ изъ его качествъ оставалась, однако, его беззабѣтная общительность и увѣренность въ томъ, что всѣ съ интересомъ его слушаютъ и вѣрятъ ему. Благодаря этому качеству, онъ бывалъ пошлъ и даже вульгаренъ, но это было такъ разсудительно, что слушатель становился болѣе или менѣе на его сторону, вопреки всякому вѣроятію.

Оливеръ Лайонъ вывелъ такое заключеніе: что полковникъ не только самъ лгалъ, но и слушателя дѣлалъ отчасти лгуномъ, даже въ томъ случаѣ, если тотъ ему противорѣчилъ.

По вечерамъ, за обѣдомъ и позднѣе, нашъ пріятель наблюдалъ лицо его жены, чтобы видѣть, не мелькнетъ ли на немъ тѣнь неудовольствія или горечи. Но она ничего не показывала и—что еще удивительнѣе—почти всегда слушала, когда мужъ говорилъ. Въ этомъ была ея гордость: она не желала даже, чтобы ее заподозрѣли въ томъ, что она не наслаждается музыкой его рѣчей.

И все-таки Лайону неотступно мерещилась фигура, являвшаяся подъ болѣе или менѣе таинственнымъ покрываломъ въ сумеркахъ исправлять неистовства полковника, подобно тому, какъ родственники влётмановъ неизмѣнно приходятъ въ лавки, пострадавшія отъ ихъ маніи.

— „Я пришла извиниться... конечно, ничего подобнаго не было... я надѣюсь, что худого ничего не произошло... Что дѣлать: онъ неисправимъ“...

О! что бы далъ Лайонъ, чтобы услышать такое признаніе изъ устъ этой женщины!

У Лайона не было никакого опредѣленнаго плана, не было сознательнаго желанія злоупотребить ея стыдомъ или добросовѣстностью; но онъ говорилъ себѣ, что ему пріятно было бы дать ей понять, что ея чувство собственного достоинства было бы спасено, еслибы она вышла замужъ не за полковника Кепедоса, а за кого-нибудь другого. Онъ даже мечталъ о такомъ моментѣ, когда она съ разгорѣвшимся отъ стыда лицомъ скажетъ ему, что она ошиблась. Тогда онъ утѣшится и будетъ великодушенъ.

Лайонъ окончилъ портретъ старика и уѣхалъ изъ замка, гдѣ работалъ съ такимъ пылкимъ интересомъ, что даже повѣрилъ въ свой собственный успѣхъ; и такъ это было до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ, что всѣмъ понравился, въ особенности м-ру и м-съ Апморъ, послѣ чего онъ сталъ въ себѣ сомнѣваться. Компания сразу измѣнилась: полковникъ и м-съ Кепедосъ уѣхали. Лайонъ говорилъ себѣ, что разлука съ дамой его сердца влечетъ не столько конецъ, сколько начало ихъ дальнѣйшаго знакомства, и вскорѣ по возвращеніи въ городъ отправился къ ней съ визитомъ. Она сказала ему, когда ее можно застать дома; она, по видимому, благоволила къ нему.

Но если она благоволила къ нему, то почему не вышла за него замужъ? или, по крайней мѣрѣ, почему не жалѣеть о томъ, что не вышла? Если она жалѣеть, то отлично это срываетъ. Любопытство Лайона насчетъ этого пункта можетъ показаться празднымъ, но такое любопытство можно извинить разочарованному человѣку.

Онъ вѣдь въ сущности такъ малаго желалъ: не того, чтобы она полюбила его теперь или позволила бы ему любить себя, но только чтобы она показала ему, что жалѣетъ о прошломъ. вмѣсто того она хвасталась передъ нимъ своей маленькой дочкой. Дитя было необыкновенно красиво и съ прекрасными, невинными глазами; но это не помѣшало Лайону задать себѣ вопросъ: неужели и она лгунья?

Эта мысль очень сильно заняла его. Онъ представлялъ себѣ, съ какой тревогой должна слѣдить мать, по мѣрѣ того какъ дочь выростала, за симптомами наслѣдственного порока. Какое отрадное занятіе для Эвелины Брантъ!

А сама она лгала ребенку, покрывая отца?.. Вѣдь надо же было охранять его авторитетъ въ глазахъ дочери!

Или онъ сдерживался при маленькой дѣвочкѣ, такъ что она не слышала отъ него тѣхъ разсказовъ, которыми онъ угощалъ другихъ?

Лайонъ сомнѣвался въ этомъ: талантъ долженъ былъ брать верхъ, и единственное спасеніе для ребенка было въ его наивности. Она не могла еще судить о людяхъ; она была слишкомъ мала. Если она выростетъ умной дѣвушкой, то навѣрное пойдетъ по слѣдамъ отца. Очаровательное утѣшеніе для матери! Ея личико не было нахально; но вѣдь и у отца нахальство совсѣмъ не бросалось въ глаза, такъ что это ничего ровно не доказываетъ.

Лайонъ не разъ напоминалъ своимъ друзьямъ про ихъ обѣщаніе дать ему снять съ Эми портретъ, и теперь ждалъ только, когда онъ будетъ свободенъ.

Ему очень хотѣлось также написать полковника, и онъ обѣщавал себѣ отъ этого большое удовольствіе. Онъ разоблачитъ его; онъ обнаружитъ его тайную сущность, о которой онъ говорилъ съ сѣромъ Дэвидомъ, и никто, кромѣ посвященныхъ, этого не узнаетъ.

Портретъ будетъ совершенствомъ въ своемъ родѣ: мастерскимъ произведеніемъ тонкой психологіи и легальнаго предательства.

Онъ долгіе годы мечталъ о томъ, чтобы написать нѣчто такое, что бы было произведеніемъ не только живописца, но и психолога. И вотъ, наконецъ, онъ нашелъ достойный сюжетъ. Очень жаль, что характеристическая черта его непохвальная, но это не его вина.

Ему казалось, что никто еще такъ не выворачивалъ наизнанку полковника, какъ онъ; и онъ дѣлалъ это не только по инстинкту,

но и по плану. Бывали моменты, когда онъ почти пугался успѣшности своего плана: бѣдный джентльменъ заходилъ такъ далеко. Онъ какъ-нибудь опомнится, поглядитъ Лайону въ глаза, догадается, что тотъ его дурачить, и скажетъ объ этомъ женѣ. Не то, чтобы Лайонъ очень боялся этого, — лишь бы она не подумала (а это непремѣнно такъ будетъ), что и она также имъ одурчена.

Онъ теперь до того привыкъ навѣщать ее по воскресеньямъ днемъ, что сердился, когда ее не было въ Лондонѣ. Это случилось часто, такъ какъ супруги Кепедось вѣчно развѣзжались по гостямъ, и полковникъ вѣчно стремился куда-нибудь на охоту, которую онъ особенно любилъ на чужой счетъ.

Лайону казалось, что такой образъ жизни долженъ быть особенно неприятенъ его женѣ, такъ какъ онъ находилъ, что полковникъ особенно завирается, когда гоститъ гдѣ-нибудь въ замкѣ. Казалось бы, что для нея должно быть отдохновеніемъ и удовольствіемъ отпускать его одного, и не быть свидѣтельницей его подвиговъ! Она дѣйствительно говорила Лайону, что лучше любить сидѣть дома, но забыла прибавить, что это происходитъ отъ того, что въ чужомъ домѣ она чувствуетъ себя на иголкахъ; нѣтъ, она объяснила любовь къ домохозяйству желаніемъ поменьше разставаться съ ребенкомъ.

Можетъ быть и не преступно вести себя такъ, какъ ее мужъ, но вульгарно несомнѣнно: бѣдный Лайонъ былъ въ восторгѣ, когда вывелъ эту формулу. Безъ сомнѣнія, онъ когда-нибудь зарвется... и тогда станетъ прямо опаснымъ животнымъ. А какъ онъ былъ вульгаренъ, несмотря на свою талантливость, красоту и безнаказанность!

Два раза, въ видѣ исключенія, полковникъ уѣзжалъ въ концѣ зимы на охоту одинъ, а жена оставалась дома. Лайонъ еще не дошелъ до того состоянія, чтобы спрашивать самого себя: не играетъ ли роль въ ее неподвижности нежеланіе лишиться его визитовъ.

Такой вопросъ можетъ быть былъ бы встать позднѣе, когда онъ началъ писать портретъ ребенка и она всегда пріѣзжала съ нимъ. Но не въ ее характерѣ было притворяться, прикрывать одно чувство другимъ, и онъ ясно видѣлъ, что она страстно любить свою дочь, несмотря на порочную кровь, которая текла въ жилахъ маленькой дѣвочки.

Она пріѣзжала неукоснительно, хотя Лайонъ умножалъ сеансы: никогда Эми не довѣряли гувернанткѣ или горничной. Портретъ бѣднаго стараго сэра Дэвида былъ оконченъ въ десять дней, но

потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы написать кругленькое, красивое личико ребенка. Сеансъ слѣдовалъ за сеансомъ, и посторонній наблюдатель могъ бы подумать, что онъ до смерти утомляетъ ребенка. Но Лайонъ зналъ, что это не такъ, и м-съ Кепедось знала это: они бесѣдовали вдвоемъ въ тѣ длинны промежутки отдыха, который онъ давалъ дѣвочкѣ, и она, разставшись съ позой, бѣгала по большой мастерской, забавлялась собранными въ ней рѣдкостями, играла старыми драпировками и костюмами, пользуясь предоставленной ей полной свободой трогать все, чтѣ ей угодно. Мать ея и м-ръ Лайонъ сидѣли и разговаривали; онъ откладывалъ въ сторону кисти и откидывался на спинку стула. И всегда при этомъ поилъ ихъ чаемъ.

Чего м-съ Кепедось не знала—это того, какъ онъ negliжировалъ другими заказами въ эти долгія недѣли: у женщинъ плохо развито воображеніе въ томъ, чтѣ касается мужской работы, и въ этомъ отношеніи онѣ обыкновенно ограничиваются смутною мыслью, что все это, слава Богу, пустяки.

На дѣлѣ же Лайонъ отложилъ въ сторону всѣ остальные работы и заставлялъ ждать не одну знаменитость. Имъ случалось и молчать по полчаса, когда онъ укладывалъ кисти, наслаждаясь про себя присутствіемъ Эвелины. Она охотно молчала, если онъ не выводилъ ее насильно изъ молчанія своими разпросами. Молчаніе было ей по сердцу, а не наскучило. Иногда она брала книгу... ихъ было много кругомъ; иногда же сидѣла въ креслахъ, молча слѣдя за его работой (но никогда не высказывала своего мнѣнія и не давала никакихъ совѣтовъ), какъ будто ее интересовала всякая черточка въ портретѣ дочери. Эти черточки бывали очень часто немного безтолковы: онъ больше былъ занятъ своими чувствами, чѣмъ своею кистью. Онъ былъ такъ же мало смущенъ, какъ и она, но гораздо сильнѣе волновался: казалось, что во время этихъ сеансовъ (дѣтя было тоже удивительно покойно) нѣчто выросло между ними... какое-то молчаливое соглашеніе, какая-то невыговоренная тайна!

По крайней мѣрѣ ему такъ казалось; но въ сущности онъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что и она раздѣляетъ это ощущеніе.

То, чего онъ ждалъ отъ нея, было въ сущности весьма незначительно; онъ не ждалъ, чтобы она созналась ему, что несчастлива. Онъ былъ бы вполне доволенъ, еслибы она молча дала ему почувствовать, что соглашается съ тѣмъ, что съ нимъ ея жизнь была бы счастливѣе. Иногда ему казалось—онъ былъ настолько заносчивъ,—что признакомъ этого служить то, что она съ такимъ удовольствіемъ сидитъ у него въ мастерской.

III.

Наконецъ онъ завелъ рѣчь о портретѣ полковника: дѣло было уже въ концѣ сезона, когда скоро всѣ должны были разъѣхаться изъ Лондона. Онъ говорилъ, что приступъ—великое дѣло; онъ начнетъ портретъ теперь же, а затѣмъ осенью, когда они вернутся въ Лондонъ, докончить его.

М-съ Кепедось возражала на это, что не можетъ рѣшительно принять отъ него другого такого цѣннаго подарка. Лайонъ уже разъ подарилъ ей ея собственный портретъ и видѣлъ, какъ они неделикатно съ нимъ поступили. Теперь онъ готовитъ ей новый чудный подарокъ: портретъ дочери; портретъ, очевидно, будетъ необыкновенно хорошъ, когда онъ только рѣшитъ, что доволенъ имъ и признаетъ его оконченнымъ. И съ этимъ подаркомъ она не разстанется во вѣки.

Но на этомъ его великодушiю долженъ быть конецъ; не могутъ же они такъ злоупотреблять имъ. Они не могутъ заказать ему портретъ — это онъ, конечно, понимаетъ безъ объясненiй: такая роскошь имъ не по средствамъ, потому что они знаютъ, какiя цѣны ему платятъ за портреты.

Кромѣ того, чѣмъ они заслужили, и главное—чѣмъ она заслужила, чтобы онъ осыпалъ ихъ такими подарками? Нѣтъ! это рѣшительно былъ бы слишкомъ крупный подарокъ; Климентъ не можетъ принять его.

Лайонъ выслушалъ ее молча, не возражая, не протестуя и не переставая работать, и, наконецъ, сказалъ:

— Хорошо, если вы не хотите взять портретъ себѣ, то почему бы вашему мужу не посидѣть для моего собственнаго удовольствiя и выгоды? Пусть это будетъ одолженiемъ, милостью, которой я у него прошу. Мнѣ будетъ очень выгодно написать его портретъ, и онъ останется у меня.

— Какимъ образомъ это можетъ быть вамъ выгоднымъ?—спросила м-съ Кепедось.

— Помилуйте, онъ—такая рѣдкая модель... такой интересный сюжетъ. У него такое выразительное лицо. Я почерпну въ этомъ портретѣ очень многое для себя.

— Чѣмъ у него такое выразительное лицо?—спросила м-съ Кепедось.

— Оно выражаетъ его характеръ.

— А вы развѣ хотите написать его характеръ?

— Непремѣнно. Это именно и даетъ всякiй великiй портретъ, а

я сдѣлаю портретъ полковника великимъ; онъ прославить меня. Вы видите, что моя цѣль вполне эгоистическая.

— Зачѣмъ вамъ слава, когда вы и безъ того знамениты?

— О! я ненасытенъ! Исполните мою просьбу.

— Его характеръ благородный, — замѣтила м-съ Кенедось.

— Повѣрьте, что я его напишу такимъ, каковъ онъ есть! — вскричалъ Лайонъ, слегка стыдясь самого себя.

М-съ Кенедось сказала, уходя, что ея мужъ по всей вѣроятности приметъ его предложеніе, но прибавила:

— Я бы ни за что на свѣтѣ не позволила вамъ вывернуть себя навзнангу!

— О! васъ я бы могъ написать въ потемкахъ! — засмѣялся Лайонъ.

Полковникъ вскорѣ послѣ того объявилъ, что онъ въ распоряженіи художника, и въ концѣ іюля далъ ему уже нѣсколько сеансовъ. Лайонъ не разочаровался ни въ доброты качества модели, ни въ успѣшности собственныхъ усилій; на этотъ разъ онъ былъ увѣренъ въ себѣ и въ томъ, что напишетъ замѣчательное произведеніе.

Онъ былъ въ отличномъ настроеніи: въ восторгѣ отъ своего сюжета и глубоко заинтересованъ своей задачей. Единственнымъ пунктомъ, смущавшимъ его, было то, что когда онъ пошлетъ свое произведеніе на выставку въ академію, ему нельзя будетъ обозначить его въ каталогѣ подъ названіемъ: „Лгунъ“.

Какъ бы то ни было, это бѣда поправимая, потому что онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ характеръ портрета понятнымъ даже для тупицъ, такимъ же аршимъ и быющимъ въ носъ, какъ былъ онъ ярокъ и билъ въ носъ въ оригиналѣ.

Такъ какъ онъ ничего другого въ полковникѣ не видѣлъ, то поставилъ себѣ за удовольствіе ничего другого и не изображать. Какъ онъ этого достигнетъ, онъ и самъ бы не могъ сказать, но повидимому тайна творчества была ему открыта, и каждый разъ, какъ онъ сидѣлъ за работой, онъ сильнѣе въ томъ убѣждался.

То, что онъ хотѣлъ выразить, сказывалось и въ глазахъ, и во рту, и въ каждой чертѣ лица, и въ каждой подробности всей позы, въ контурахъ подбородка, въ томъ, какъ волосы росли на головѣ, какъ были закручены усы, и въ бѣглой улыбкѣ, и даже въ томъ, какъ дышала грудь.

Короче сказать, на полотнѣ былъ пригвожденъ лгунъ, и такъ онъ долженъ былъ остаться до скончанія вѣка.

Въ Европѣ существовало съ дюжину портретовъ, которые Лайонъ считалъ безсмертными; они были безсмертны потому, что

такъ же совершенно сохранились, какъ были совершенно написаны. Въ эту маленькую, неподобную группу замыслилъ онъ занести и тотъ портретъ, надъ которымъ теперъ работаль.

Однимъ изъ произведеній, входившихъ въ эту группу, была великолѣпная картина Морони въ Национальной Галереѣ:—молодой портной въ бѣлой курткѣ за столомъ и съ большими ножницами въ рукахъ. Полковникъ былъ не портной, а модель Морони—хотя и портной, но не лгулъ. Но чтѣ касается мастерской ясности, съ какой переданъ сюжетъ, то его произведение будетъ одного съ тѣмъ рода. Онъ въ большей степени, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ, къ своему величайшему удовольствію, какъ сама жизнь била у него изъ-подъ висти.

Полковникъ, какъ оказалось, любилъ болтать на сеансахъ, чтѣ было великимъ благополучіемъ, такъ какъ его болтовня вдохновляла Лайона. Лайонъ приводилъ въ исполненіе мысль вывернуть его навизнанку, которую лелѣялъ столько мѣсяцевъ сряду: лучшаго случая для этого не могло быть. Онъ поощрялъ, возбуждая его къ вранью, высказывалъ неограниченную вѣру въ то, чтѣ тотъ говорилъ, а самъ вставлялъ слово только тогда, когда умолкалъ полковникъ, и съ тѣмъ, чтобы расшевелить его.

У полковника были моменты усталости, когда его воображеніе истощалось, и тогда Лайонъ чувствовалъ, что и портретъ также застывалъ. Чѣмъ выше забирался его собесѣдникъ, чѣмъ дальше уносился на крыльяхъ фантазіи, тѣмъ успѣшнѣе художникъ писалъ; ему хотѣлось бы, чтобы онъ никогда не умолкалъ. Онъ подбивалъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, когда тотъ остывалъ, и боялся одного только: какъ бы полковникъ не сообразилъ, въ чемъ дѣло. Но тому, очевидно, это и въ голову не приходило; онъ распускался какъ макъ въ цвѣтъ на солнцѣ художническаго вниманія.

Такимъ образомъ портретъ быстро подвигался впередъ; удивительно какъ много было сдѣлано въ такое краткое время, сравнительно съ тѣмъ, какъ медленно двигался портретъ дѣвочки.

Къ пятому августа портретъ былъ уже почти оконченъ: только этотъ день могъ еще полковникъ подарить Лайону, такъ какъ на слѣдующее утро уѣзжалъ съ женой изъ Лондона. Лайонъ былъ чрезвычайно какъ доволенъ: онъ занесъ уже на полотно все, чтѣ ему нужно; остальное легко докончить и безъ оригинала. Во всякомъ случаѣ торопиться не къ чему: онъ дастъ портрету выстояться вплоть до своего собственнаго возвращенія въ Лондонъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и тогда на свѣжій взглядъ ему легче будетъ судить о немъ.

На вопросъ полковника: можетъ ли жена прїѣхать взглянуть на портретъ завтра, если выберется у нея свободная минутка,— ей такъ этого хотѣлось,— Лайонъ попросилъ, какъ особеннаго одолженія, чтобы она немного погодила: онъ самъ еще недоволенъ своей работой. Это было повтореніе того, что онъ говорилъ м-съ Кепедось, когда, во время его послѣдняго визита, она выразила желаніе прїѣхать взглянуть на портретъ: онъ попросилъ отсрочки, говоря, что еще недоволенъ самъ тѣмъ, что сдѣлано. Въ сущности онъ былъ въ восторгѣ, но немного стыдился самого себя.

Пятаго августа погода была очень жаркая, и въ этотъ день, въ то время, какъ полковникъ сидѣлъ и вралъ, Лайонъ отворилъ для прохлады маленькую боковую дверь, которая вела прямо изъ его студіи въ садъ и черезъ которую приходили и уходили модели и посѣтители болѣе скромнаго рода, приносили полотно, натянутое на рамку, укупоренные ящики и другіе профессиональные матеріалы. Главный входъ велъ черезъ домъ и его собственные апартаменты, и, проходя черезъ него, въ прежде всего попадали въ верхнюю галерею, откуда по старинной живописной лѣстницѣ спускались въ большую, расписанную, заставленную разными диковинками, мастерскую. Видъ этой мастерской сверху со всѣми рѣдкостями, какія въ ней собралъ Лайонъ, всегда вызывалъ крики восторга у лицъ, приходившихъ въ студію черезъ галерею.

Входъ черезъ садъ былъ проще и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнѣе и интимнѣе. Владѣнія Лайона въ Сень-Джонсъ-Вудѣ были обширны; но когда дверь была раскрыта въ лѣтній день, то въ нее видѣлись цвѣты и деревья и слышалось пѣніе птичекъ.

Въ то утро черезъ эту дверь въ мастерскую явилась безъ доклада одна посѣтельница, не старая еще женщина, которую полковникъ замѣтилъ еще тогда, когда она дошла до середины комнаты. Она подкралась неслышно и, поглядывая то на одного, то на другого прїателя, проговорила:

— О, Боже, да тутъ уже кто-то есть!

Лайонъ только теперь замѣтилъ ея присутствіе и вскрикнулъ съ неудовольствіемъ. Посѣтельница принадлежала къ довольно несносному классу людей: модели въ поискахъ за нанимателемъ, и объяснила, что осмѣлилась такъ прямо войти потому, что часто, когда она приходила предлагать свои услуги живописцамъ, прислуга подшучивала надъ нею и прогоняла даже безъ доклада.

— Но какъ вы прошли въ садъ?—спросилъ Лайонъ.

— Калитка была отперта, сэръ,—та, черезъ которую ходятъ слуги,—мясникъ только-что вѣхалъ съ своей телѣжкой.

— Мяснигу слѣдовало запереть калитку, — замѣтилъ Лайонъ.

— Я вамъ, значить, не нужна, сэръ? — продолжала особа.

Лайонъ, занятый портретомъ, не обращалъ больше на нее вниманія. Но полковникъ разглядывалъ ее съ интересомъ. Она принадлежала къ тому сорту людей, про которыхъ нельзя сказать: молоды ли они и только старообразны, или же, наоборотъ: стары, да молодежавы; во всякомъ случаѣ она-таки пожила на своемъ вѣку, и хотя лицо ея было румяно, но его никакимъ образомъ нельзя было назвать свѣжимъ.

Тѣмъ не менѣе она была недурна собой, и можно было думать, что когда-то у нея былъ прекрасный цвѣтъ лица.

На ней была надѣта шляпа съ перьями; платье, отдѣланное стеклярусомъ; длинныя черныя перчатки, заканчивавшіяся серебряными браслетами, и стоптанныя башмаки.

По общему виду ее можно было принять не то за гувернантку безъ мѣста, не то за актрису, ищущую ангажемента, то есть вообще за особу безъ опредѣленныхъ занятій.

Она была грязна и истаскана, и послѣ того, какъ пробыла нѣкоторое время въ комнатѣ, воздухъ или, вѣрнѣе сказать, обоняніе было поражено запахомъ алкоголя. Она проглатывала букву h тамъ, гдѣ ее слѣдовало произносить, и вставляла ее туда, гдѣ ея вовсе не требовалось, какъ это дѣлаютъ необразованные люди въ Англии. Когда Лайонъ поблагодарилъ ее, говоря, что ея услуги ему не требуются, она отвѣтила:

— Однако, я вамъ прежде служила.

— Я васъ не помню, — сказала Лайонъ.

— Ну, такъ надѣюсь, что публика, которая смотрѣла ваши картины, меня помнитъ! Я очень занята, но подумала, отчего бы не заглянуть къ вамъ мимоходомъ.

— Очень вамъ обязанъ.

— Если я вамъ когда-нибудь понадобится, то пришлите открытое письмо.

— Я никогда не посылаю открытыхъ писемъ, — сказала Лайонъ.

— О! прекрасно! закрытое еще лучше! адресуйте: миссъ Джеральдинъ: Мортимеръ-Терресъ-Мьюсъ, Ноттингъ-(Х)илль...

— Очень хорошо; буду помнить.

Миссъ Джеральдина не уходила.

— Я думала: зайду на всякій случай.

— На меня вы напрасно рассчитываете; я вѣдь портретистъ.

— Да; вижу, что вы портретистъ. Я бы желала быть на мѣстѣ этого джентльмена.

— Боюсь, что въ такомъ случаѣ портретъ не былъ бы на меня похожъ,—засмѣялся полковникъ.

— О! конечно! вы безъ всякаго сравненія красивѣе меня! Но я ненавижу портреты!—объявила миссъ Джеральдина.—Они отбиваютъ у насъ хлѣбъ.

— Ну, чтожъ, такъ много живописцевъ не умѣютъ ихъ писать,—утѣшилъ Лайонъ.

— О! я служила моделью для многихъ... и только для самыхъ первыхъ. Многие совсѣмъ не могутъ обойтись безъ меня.

— Я радъ, что вы въ такомъ ходу.

Лайону она надоѣла, и онъ объявилъ, что больше ее не задерживаетъ, а если она ему понадобится, то онъ дастъ ей знать.

— Очень хорошо; не забудьте прибавить: Мьюсъ... Очень жаль! Вы не умѣете такъ позировать какъ мы,—обратилась она къ полковнику.—Если я вамъ понадобится, сэръ, то...

— Вы ему мѣшаете; вы его смущаете,—проговорилъ Лайонъ.

— Смущаю его! о, Господи!—закричала посѣтительница со смѣхомъ, отъ котораго въ воздухѣ сильнѣе запахло алкоголемъ.

— Можеть быть, вы посылаете открытыя письма?—продолжала она обращаться къ полковнику.

И затѣмъ, шатаясь, направилась къ дверямъ. Она вышла въ садъ, черезъ который и пришла.

— Какъ ужасно, она пьяна!—сказалъ Лайонъ.

Онъ усердно писалъ, но тутъ невольно поднялъ голову, и на его лицѣ выразилось отвращеніе.

Миссъ Джеральдина стояла въ открытыхъ дверяхъ и заглядывала въ комнату.

— Я ненавижу эти штуки!—прокричала она съ хохотомъ, подтвердившимъ замѣчаніе Лайона.

— Какія штуки! чтѣ она хотѣла сказать? — спросилъ полковникъ.

— О! то, чтѣ я пишу вашъ портретъ, вмѣсто того, чтобы писать съ нея.

— А вы прежде писали съ нея?

— Никогда въ жизни; я ее и не видывалъ; она ошибается.

Полковникъ молчалъ съ минуту; наконецъ, замѣтилъ:

— Она была очень хорошенькая лѣтъ десять тому назадъ.

— Вѣроятно; но теперь совсѣмъ отцвѣла. Я ихъ вообще не переносу; мнѣ модели совсѣмъ не нужны.

— Другъ мой, она вовсе не модель,—сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Въ настоящее время, конечно, нѣтъ; она не стоитъ этого названія; но когда-то была моделью.

— *Jamais de la vie!* Все это одинъ предлогъ.

— Предлогъ?

Лайонъ насторожилъ уши, ожидая, что за тѣмъ воспослѣдуетъ.

— Она пришла не къ вамъ, а ко мнѣ.

— Я замѣтилъ, что она поглядывала на васъ. Что же ей отъ васъ нужно?

— О! какъ-нибудь повредить мнѣ. Она меня ненавидитъ... пропасть женщинъ меня ненавидятъ. Она подстерегаетъ меня, слѣдитъ за мной.

Лайонъ откинулся на спинку стула. Онъ не вѣрилъ ни одному слову, но тѣмъ не менѣе былъ въ восторгѣ, и всего болѣе—отъ яснаго, открытаго взгляда полковника. Исторія сочинена тутъ же на мѣстѣ.

— Бѣдный полковникъ!—пробормоталъ онъ съ дружескимъ участіемъ и состраданіемъ.

— Мнѣ досадно стало, когда она вошла, но я не удивился,— продолжалъ полковникъ.

— Вы очень хорошо скрыли свою досаду.

— Ахъ! когда человѣкъ пройдетъ черезъ то, что я прошелъ! Но сегодня, по правдѣ сказать, я былъ къ этому отчасти приготовленъ. Я видѣлъ, какъ она вертѣлась тутъ неподалеку: она вѣдь слѣдитъ за мной по пятамъ. Сегодня утромъ я видѣлъ ее около своего дома; она должно быть проводила меня сюда.

— Но кто же она? и откуда въ ней такая наглость?

— Да; она—наглая женщина, но вы видѣли, что я ее укротилъ. Но, конечно, съ ея стороны большая дерзость, что она сюда пожеловала. О! она дурная женщина! Она вовсе не модель и никогда ею не была. По всей вѣроятности она знавала такихъ, которыя были моделями, и переняла отъ нихъ манеру. Она подцѣпила-было одного моего пріятеля десять лѣтъ тому назадъ... глупаго мальчишку, котораго бы и выручать не стоило, да только я долженъ былъ, по фамильнымъ обстоятельствамъ, принять въ немъ участіе. Это давняя исторія... я, по правдѣ сказать, и забылъ о ней. Ей теперь ни мало, ни много тридцать-восемь лѣтъ. Я выручилъ пріятеля изъ ея лапъ, а ее отправилъ къ чорту. Она знала, что мнѣ этимъ обязана. И никогда не могла мнѣ этого простить... Мнѣ кажется, что она не въ своемъ умѣ. Ее зовутъ совсѣмъ не Джеральдиной, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы она сообщила настоящій свой адресъ.

— Ахъ! а какъ же ее зовутъ?—спросилъ Лайонъ съ большимъ вниманіемъ.

Подробности всегда умножались, когда полковника хорошенько прищипорить, и исторія лилась рѣвкой.

— Ее зовутъ Пирсонъ, Гарриета Пирсонъ; но она привыкла величать себя Гренадиной, въ честь рома, кажется. Гренадина— Джеральдина: переходъ отъ одного къ другому не труденъ.

Лайонъ былъ въ восторгѣ отъ быстрой сообразительности своего собесѣдника, и тотъ продолжалъ:

— Я цѣлые годы забылъ о ней и думать, я совсѣмъ потерялъ ее изъ виду. Не знаю, что именно она забрала себѣ въ голову, но въ сущности она безвредна. Когда я пріѣхалъ, мнѣ показалось, что я видѣлъ ее на улицѣ. Должно быть, она выслѣдила, что я здѣсь бываю, и пришла сюда раньше меня. Мнѣ кажется, или вѣрнѣе сказать, я увѣренъ, она меня дожидается за угломъ.

— Не лучше ли вамъ обратиться къ полиціи? — спросилъ Лайонъ, смѣясь.

— Лучшая полиція—это пять шиллинговъ... я готовъ ими пожертвовать. Только бы она не припасла пузырька съ сѣрной кислотой. Но вѣдь онѣ обливаютъ сѣрной кислотой только тѣхъ мужчинъ, которые ихъ обманули, а я ее не обманывалъ; я съ перваго раза, какъ увидѣлъ ее, сказалъ, что этому не бывать. О! если она поджидаетъ меня, то мы вмѣстѣ пройдемся нѣсколько шаговъ и объяснимся, а я, какъ уже сказалъ, пожертвую пятью шиллингами.

— Хорошо,—отвѣчалъ Лайонъ:—я готовъ съ своей стороны еще прибавить пять.

Онъ чувствовалъ, что это недорогая плата за такую забаву.

Забавѣ, однако, наступилъ конецъ съ отъѣздомъ полковника. Лайонъ надѣялся на письмо съ продолженіемъ фиктивного романа; но должно быть блестящій рассказчикъ не владѣлъ такъ мастерски перомъ.

Какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ изъ города, не написавъ ни строчки. Они условились, что увидятся черезъ три мѣсяца.

Оливеръ Лайонъ всегда проводилъ каникулы одинаково; первую недѣлю онъ гостилъ у старшаго брата, счастливаго обладателя на югѣ Англіи просторнаго стариннаго дома съ стариннымъ садомъ, который приводилъ его въ восторгъ, а затѣмъ уѣзжалъ за границу, обыкновенно въ Италію или въ Испанію. Этотъ годъ онъ выполнилъ программу, простившись съ своей недоконченной кар-

тиной; какъ это всегда бывало съ идеей, которую онъ силился перенести на полотно, онъ былъ лишь на половину доволенъ.

Однажды утромъ, въ деревнѣ, куря трубку на старинной террасѣ, онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое желаніе снова поглядѣть на свою картину и сдѣлать кое-какія ретуши. Желаніе было слишкомъ сильно, чтобъ не подчиниться ему, и хотя онъ долженъ былъ вернуться въ городъ только черезъ недѣлю, но онъ не въ силахъ былъ выждать этого срока. Только взглянуть на картину! только какихъ-нибудь пять минутъ заняться ею, и нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія у него въ умѣ, будутъ рѣшены!

И вотъ, чтобы доставить себѣ это удовольствіе, онъ на слѣдующее утро сѣлъ на поѣздъ и поѣхалъ въ Лондонъ. Онъ не предупреждалъ заранѣе о своемъ приѣздѣ, собираясь позавтракать въ клубъ и вернуться въ Суссексъ съ пятичасовымъ поѣздомъ.

Въ Сенъ-Джонсъ Вудѣ жизнь никогда не кипитъ ключомъ, а въ первыхъ числахъ сентября Лайонъ нашелъ совершенную пустыню въ прямыхъ, залитыхъ солнцемъ улицахъ, которымъ небольшія, општукатуренныя садовыя стѣны съ наглухо-запертыми дверями сообщали немного восточный характеръ.

Въ его собственномъ домѣ, — куда онъ проникъ, самъ отворивъ ключомъ дверь, такъ какъ придерживался теоріи, что иногда полезно заставить слугъ врасплохъ, — царила тишина. Добрая женщина, которой предоставлено было охранять домъ и которая соединяла должности кухарки и экономки, скоро однако приближалась, слышавъ его шаги, встрѣтила его безъ конфуза и удивленія. Онъ сказалъ ей, что приѣхалъ всего на нѣсколько часовъ... и будетъ заниматься въ студіи.

На это она отвѣтила ему, что онъ приѣхалъ какъ разъ впору, чтобы увидѣть лэди и джентльмена, которые тамъ теперь находятся... Они приѣхали всего лишь пять минутъ тому назадъ. Она имъ говорила, что барина нѣтъ дома, но они отвѣчали, что это ничего не значитъ; что они хотятъ только взглянуть на портретъ и ничего не тронуть.

— Я надѣюсь, что я не худо сдѣлала, что пустила ихъ, сэръ? — заключила экономка. — Джентльменъ сказалъ, что баринъ пишетъ съ него портретъ, и сообщилъ свою фамилію... странная такая; онъ, кажется, военный. Лэди — такая красавица, сэръ; да впрочемъ вы ихъ увидите.

— Хорошо, — отвѣтилъ Лайонъ, отлично догадываясь, кто были посѣтители.

Добрая женщина не могла этого знать, потому что это ее

не касалось; обыкновенно посѣтителей впускалъ и выпускалъ лакей, который сопровождалъ барина въ деревню.

Лайонъ очень удивился, что м-съ Кепедось пріѣхала по-смотреть на портретъ мужа, когда знала, что художникъ не желалъ этого: онъ такъ былъ увѣренъ въ возвышенномъ характерѣ этой женщины. Но можетъ быть это не м-съ Кепедось; можетъ быть, полковникъ привезъ какую-нибудь назойливую знакомую, которой тоже хотѣлось, чтобы съ ея мужа снятъ былъ портретъ.

Во всякомъ случаѣ почему они находятся въ городѣ въ такое время?

Лайонъ съ любопытствомъ направился въ студию; онъ смутно сомнѣвался въ „порядочности“ образа дѣйствій своихъ друзей. Онъ раздвинулъ драпировку, висѣвшую на двери, которая вела изъ галереи въ студию, то-есть, вѣрнѣе сказать, онъ собирался ее раздвинуть, какъ вдругъ его остановилъ странный звукъ. Онъ долеталъ снизу изъ студии и чрезвычайно поразилъ его, потому что походилъ на какой-то плачь. Да! кто-то плакалъ съ криками и визгомъ! Оливеръ Лайонъ прислушивался съ минуту, затѣмъ прошелъ на балконъ, покрытый стариннымъ, толстымъ мавританскимъ ковромъ. Его шаги были неслышны, хотя онъ о томъ и не старался, и онъ вскорѣ убѣдился, что не привлекъ вниманія лицъ, находившихся въ студии, футовъ на двадцать ниже его.

Въ дѣйствительности они были такъ заняты, что немудрено, что его и не примѣтили. Сцена, представшая глазамъ Лайона, была самая удивительная, какую онъ когда-либо видѣлъ.

Деликатность и удивленіе помѣшали ему сначала прервать ее—онъ видѣлъ женщину, которая въ слезахъ бросилась на грудь своему спутнику; но вслѣдъ затѣмъ эти чувства уступили мѣсто уже совершенно опредѣленной мысли, которая заставила его спрятаться за драпировку.

Я долженъ прибавить, что та же мысль заставила его подглядывать на то, что происходило, въ щель, образовавшуюся между двумя половинками драпировки.

Онъ отлично понималъ что дѣлаетъ; а именно: что подглядываетъ и подслушиваетъ какъ шпионъ; но онъ понималъ также, что случай—исключительный, что въ его домѣ творится нѣчто такое, что можетъ привести къ самымъ неожиданнымъ и неприятнымъ, быть можетъ, для него результатамъ. Наблюденія, размышленія, соображенія—все это проносилось въ его головѣ какъ молнія.

Его посѣтители стояли посреди комнаты: м-съ Кепедось обни-

мала мужа, рыдая и плача такъ, какъ еслибы у нея сердце разрывалось. Ея горе было мучительно для Оливера Лайона, но ему некогда было пожалѣть ее, потому что онъ услышалъ къ великому своему удивленію восклицанія полковника:

— Чортъ бы его побралъ! Чортъ бы его побралъ! Чортъ бы его побралъ!

Что случилось и кого онъ проклинаетъ?

Что случилось—это онъ увидѣлъ въ слѣдующій моментъ, а именно: что полковникъ вытащилъ на средину мастерской свой неоконченный портретъ (онъ зналъ, въ какой уголъ ставилъ его Лайонъ, лицомъ къ стѣнѣ, чтобы онъ былъ въ сторонѣ и не мѣшалъ) и поставилъ его на мольбертъ передъ женой. Она взглянула на него и... очевидно, то, что она увидѣла, разстроило ее и вызвало взрывъ горя и негодованія.

Она слишкомъ отчаянно плакала, а полковникъ слишкомъ бѣшено ругался, чтобы озираться по сторонамъ. Сцена была до того неожиданна, что Лайонъ сначала и не сообразилъ, какое это торжество для его искусства: онъ только дивился, что бы это значило? Мысль о торжествѣ явилась нѣсколько позже. И однако онъ видѣлъ портретъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ, и былъ пораженъ его мастерствомъ; онъ этого не ожидалъ: полковникъ былъ на немъ какъ живой.

М-съ Кепедось оторвалась отъ мужа, бросилась на ближайшій стулъ и, опершись локтями на столъ, закрыла лицо руками. Ея рыданій не было больше слышно, но она вся содрогалась, какъ бы подавленная стыдомъ и горемъ. Мужъ ея съ минуту глядѣлъ на портретъ, затѣмъ подошелъ къ ней и сталъ ее утѣшать.

— Въ чемъ дѣло, моя душа? что съ тобой?—спросилъ онъ.

Лайонъ услышалъ ея отвѣтъ:

— Это жестоко! о! это слишкомъ жестоко!

— Чортъ бы его побралъ... чортъ бы его побралъ... чортъ бы его побралъ!—повторилъ полковникъ.

— Онъ все... все тутъ изобразилъ!—продолжала м-съ Кепедось.

— Чортъ его возьми, что такое онъ изобразилъ?

— Все, чего не слѣдовало изображать... все, что онъ подмѣтилъ... Это ужасно!

— Все, что онъ подмѣтилъ? Ну, такъ что-жъ такое? развѣ я не красивъ собой? Онъ меня написалъ красавцемъ.

М-съ Кепедось вскочила съ мѣста; она еще разъ взглянула на живописное предательство.

— Красавцемъ? уродомъ, уродомъ! только не это... не надо, не надо!

— Чего *не это?*.. чего *не надо?* Ради самого неба, объяснись!—загремѣлъ полковникъ.

Лайонъ могъ видѣть его раскраснѣвшееся, изумленное лицо.

— Того, что онъ написалъ! того, что онъ высмотрѣлъ въ тебѣ! Онъ все понялъ... онъ догадался. И каждый увидитъ и догадается! Представь себѣ этотъ портретъ на выставкѣ, въ академіи!

— Ты вишь себя, милочка! но если тебѣ этотъ портретъ такъ противенъ, то онъ и не пойдетъ на выставку.

— О! онъ непременно пошлетъ его! онъ такъ хорошо написанъ. Уйдемъ... уйдемъ отсюда!—рыдала м-съ Кепедось, таща мужа за собой.

— Онъ такъ хорошо написанъ?—закричалъ бѣдняга.

— Уйдемъ... уйдемъ отсюда!—повторяла она, и направилась къ лестницѣ, которая вела на галерею.

— Не туда, не черезъ домъ! нельзя тебѣ идти въ такомъ видѣ!—услышалъ Лайонъ возраженія полковника.—Сюда, мы тутъ пройдемъ,—прибавилъ онъ, и повелъ жену къ маленькой двери, которая вела въ садъ. Она была заложена на крюкъ; но онъ отложилъ крюкъ и отворилъ ее. Жена торопливо прошла; но онъ остановился въ дверяхъ, оглядываясь назадъ.

— Подожди меня минутку!—закричалъ онъ, и, видимо возбужденный, вернулся въ студию.

Онъ подошелъ къ портрету и снова поглядѣлъ на него.

— Чортъ бы его побралъ! чортъ бы его побралъ! чортъ бы его побралъ!—опять заругался онъ.

Лайонъ не могъ хорошенько понять, кого онъ посылаетъ къ чорту—портретъ или его автора. Полковникъ отошелъ отъ портрета и сталъ бѣгать по мастерской, точно искалъ чего-то. Лайонъ сначала не могъ понять, что ему нужно. Затѣмъ вдругъ сказалъ самому себѣ:—онъ хочетъ истребить портретъ!

Первымъ его побужденіемъ было броситься внизъ; но онъ удержался; въ ушахъ его еще раздавались рыданія Эвелины Брантъ.

Полковникъ нашелъ, что искалъ среди рѣдкостей, разложенныхъ на небольшомъ столикѣ, и бросился назадъ къ мольберту. Лайонъ увидѣлъ, что онъ держалъ въ рукахъ небольшой восточный кинжалъ и съ яростью вонзилъ его въ полотно. Онъ казался одушевленнымъ внезапною яростью, потому что немилосердно пробилъ картину сверху до низу (Лайонъ зналъ, что кинжалъ очень

острый); но, не довольствуясь этимъ, принялся тыкать имъ въ полотно, точно въ живую жертву—зрѣлище было поразительное: точно какое-то фигуральное самоубійство.

Еще нѣсколько секундъ... и полковникъ отбросилъ кинжалъ и поглядѣлъ на картину такъ, какъ еслибы ожидать, что изъ нея покажется кровь; послѣ того выбѣжалъ изъ мастерской, затворивъ за собой дверь.

Страннѣе всего при этомъ было то, что Оливеръ Лайонъ не сдѣлалъ ни одного жеста, чтобы спасти картину. Но онъ не видѣлъ никакой утраты, а если и видѣлъ, то не жалѣлъ о ней, тѣмъ болѣе, что всѣ его сомнѣнія были разрѣшены: его бывшая пріятельница стыдилась своего мужа, и онъ заставилъ ее стыдиться; онъ достигъ великаго торжества, хотя картина его растерзана.

Это открытіе такъ взволновало его — какъ и вообще вся предвѣдущая сцена,—что когда онъ сошелъ съ лѣстницы послѣ того, какъ полковникъ ушелъ, то весь дрожалъ отъ счастливаго возбужденія; у него даже кружилась голова, и онъ вынужденъ былъ на минуту присѣсть.

Портретъ былъ весь въ клочкахъ; полковникъ буквально растерзалъ его. Лайонъ оставилъ его тамъ, гдѣ онъ стоялъ, не притронулся къ нему, даже почти не глядѣлъ на него; онъ только ходилъ взадъ и впередъ по мастерской, въ волненіи; и это продолжалось около часу. Спустя это время, его экономка пришла спросить: не угодно ли ему позавтракать: подъ лѣстницей былъ проходъ изъ людской въ мастерскую.

— Ахъ! лэди и джентльменъ уже ушли, сэръ? — спросила она.—Я не слышала, какъ они уходили.

— Да; они ушли черезъ садъ.

Но тутъ она увидѣла портретъ и выпучила глаза.

— Боже! какъ вы его исполосовали, сэръ!

Лайонъ взялъ примѣръ съ полковника.

— Да! я изрѣзалъ его отъ досады.

— Господи помилуй! послѣ такихъ трудовъ! Потому что онъ имъ не понравился.

— Да; онъ имъ не понравился.

— Ну, на нихъ трудно угодить! не стоило и стараться!

— Сожгите его въ печь, — приказалъ Лайонъ:—онъ пригодится на растопки.

Онъ вернулся въ деревню съ поѣздомъ, который отходилъ въ 3 ч. 30 м., и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ во Францію.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, которые онъ отсутствовалъ изъ Англіи, онъ ждалъ чего-то.. хотя самъ бы не могъ сказать, чего

именно: какого-нибудь заявленія отъ полковника. Неужели онъ не напишетъ? неужели не объяснится? Неужели не догадается, что Лайонъ открытъ, какъ онъ „исполосовалъ“ его, по выраженію его экономки, и не попытается какъ-нибудь выпутаться изъ бѣды? совнается ли онъ въ своей винѣ, или отречется?

Послѣднее будетъ очень трудно и потребуетъ исключительнаго примѣненія его творческой фантазіи въ виду того, что экономка Лайона сама впустила посѣтителей и легко могла возстановить фактъ ихъ присутствія въ связи съ истребленіемъ картины. Будетъ ли полковникъ извиняться? предложить ли онъ какое-нибудь вознагражденіе за свой поступокъ, или же проявить вновь ту ярость, какою такъ внезапно и неожиданно вызвали въ немъ слова жены?

Ему придется или объявить, что онъ не прикасался въ картинѣ, или же допустить, что онъ прикасался, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ будетъ измыслить какую-нибудь фантастическую исторію.

Лайонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этой исторіи и, не получая письма, ощущалъ большое разочарованіе. Но еще нетерпѣливѣе желалъ онъ услышать исторію изъ устъ м-съ Кепедось, если только исторія будетъ; потому что это послужитъ окончательнымъ доказательствомъ того, готова ли она поддерживать мужа вопреки и наперекоръ всему, или же способна пожалѣть и его, Лайона. Онъ рѣшительно не могъ себѣ представить, какого рода будетъ ея поведеніе: подтвердить ли она просто тотъ рассказъ, который придумаетъ полковникъ, или съ своей стороны придумаетъ новый?

Ему захотѣлось испытать ее, опередить событія. Онъ написалъ ей съ этою цѣлью изъ Венеціи въ тонѣ установившагося между ними дружелюбія, прося извѣстій, сообщая о своихъ странствіяхъ, высказывая надежду на скорое свиданіе въ Лондонѣ, но ни слова не упоминая о поргретѣ.

Дни слѣдовали за днями, а отвѣта не приходило, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ, что она не въ состояніи ему писать, — что она все еще находится подъ впечатлѣніемъ волненія, произведеннаго его „предательствомъ“. Мужъ раздѣлялъ ея волненіе, а она одобряла его поступокъ, и въ результатѣ все между ними кончено, и разрывъ неминуемъ.

Лайонъ отчасти жалѣлъ объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огорчался, что такіе прекрасные люди могли поступать такъ дурно. Но, наконецъ, его развеселило, хотя и мало просвѣтило прибытіе письма, короткаго, но добродушнаго, въ которомъ не было ни

слѣда огорченія или угрызений совѣсти. Самой интересной въ немъ частью былъ постскриптумъ, гласившій слѣдующее:

„Мнѣ надо повиниться передъ вами. Мы провели нѣсколько дней въ городѣ въ первыхъ числахъ сентября, и я воспользовалась этимъ, чтобы нарушить ваше желаніе,—это было очень дурно съ моей стороны, но я никакъ не могла удержаться. Я заставила Климента отвезти меня въ вашу студию... мнѣ такъ хотѣлось видѣть портретъ мужа, хотя вы и не хотѣли мнѣ его показать. Мы заставили вашу служанку впустить насъ, и я поглядѣла на портретъ. Онъ удивительный!“

Слово: „удивительный“—неизвѣстно что выражало, но во всякомъ случаѣ это письмо не означало разрыва.

Въ первое же воскресенье по возвращеніи въ Лондонъ, Лайонъ отправился къ м-съ Кепедосъ завтракать. Весной она разъ навсегда пригласила его приходить, и онъ нѣсколько разъ уже пользовался этимъ приглашеніемъ. Въ этихъ случаяхъ (то было еще до того, какъ онъ началъ писать портретъ ея мужа) онъ видѣлъ полковника всего болѣе на-распашку. Тотчасъ послѣ завтрака хозяинъ исчезалъ (онъ ѣздилъ съ визитами въ *женициалы*, какъ онъ выражался), и остальное время проходило всего пріятнѣе, даже и тогда, когда бывали другіе посѣтители.

Но вотъ въ первыхъ числахъ декабря Лайону посчастливилось застать супруговъ вдвоемъ, даже безъ Эми, которая рѣдко показывалась при гостяхъ.

Они сидѣли въ гостиной, дожидаясь, чтобы имъ пришли доложить, что завтракъ поданъ, и какъ только Лайонъ появился, полковникъ закричалъ:

— Любезный другъ, я очень радъ васъ видѣть! Я горю желаніемъ возобновить наши сеансы.

— О! да! портретъ вышелъ такой великолѣпный!—сказала м-съ Кепедосъ, подавая ему руку.

Лайонъ глядѣлъ то на одного, то на другую; онъ самъ не зналъ, чего ожидалъ, но только не этого.

— Ахъ! значитъ, вы довольны?

— Очень довольны!—отвѣтила м-съ Кепедосъ, улыбаясь своими чудными глазами.

— Она написала вамъ про наше маленькое преступленіе?—спросилъ ея мужъ.—Она затаила меня... я долженъ былъ пойти.

Лайонъ одну минуту подумалъ: ужъ не называетъ ли онъ своимъ маленькимъ преступленіемъ то, что изрѣзалъ картину, но слѣдующія слова полковника разсѣяли это предположеніе.

— Вы знаете, что я любилъ наши сеансы... это такой удобный случай для моей bavardise. И теперь какъ разъ я свободенъ.

— Вы забываете, что портретъ почти конченъ,—замѣтилъ Лайонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? тѣмъ хуже; я бы съ удовольствіемъ опять началъ.

— Любезный другъ, мнѣ придется опять начать!—проговорилъ Оливеръ Лайонъ, со смѣхомъ глядя на м-съ Кепедось.

Она не глядѣла на него; она встала, чтобы позвонить и велѣть подавать завтракъ.

— Картина изрѣзана,—продолжалъ Лайонъ.

— Изрѣзана? Ахъ! зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросила м-съ Кепедось, выпрямляясь передъ нимъ во всей своей ясной и роскошной красотѣ.

Теперь она глядѣла на него, но была непроницаема.

— Не я изрѣзалъ ее... я нашелъ ее въ такомъ видѣ... всю въ клочкахъ!

— Не можете быть!—закричалъ полковникъ.

Лайонъ, улыбаясь, взглянулъ на него.

— Надѣюсь, что *не вы* это сдѣлали?

— Портретъ испорченъ?—освѣдомился полковникъ.

Онъ былъ такъ же безмятежно спокоенъ, какъ и жена, и сдѣлалъ видъ, что не считаетъ вопросъ Лайона серьезнымъ.

— Развѣ изъ любви къ сеансамъ, любезный другъ, еслибы мнѣ пришло это въ голову, я бы это сдѣлалъ.

— И не вы?—спросила живописецъ у м-съ Кепедось.

Прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, мужъ схватилъ ее за руку, какъ будто озаренный новой идеей.

— Душа моя! это навѣрное сдѣлала та женщина, та женщина!

— Та женщина?—переспросила м-съ Кепедось.

И Лайонъ удивлялся, про какую женщину онъ говоритъ.

— Развѣ ты не помнишь, что когда мы вышли изъ мастерской, она была у дверей или неподалеку. Я говорилъ тебѣ про нее... Джеральдина, Гренадина, та, что ворвалась къ вамъ въ тотъ день, — объяснялъ онъ Лайону. — Мы съ женой видѣли, какъ она вертѣлась около мастерской; я еще указалъ на нее Эвелинѣ.

— Вы хотите сказать, что она испортила мою картину?

— Ахъ, да, припоминаю,—проговорила м-съ Кепедось со вздохомъ.

— Она опять ворвалась въ мастерскую, дорога ей знакомая, она поджидала удобнаго случая,—продолжалъ полковникъ. — Ахъ, негодная!

Лайонъ опустилъ глаза; онъ чувствовалъ, что покраснѣлъ.

Вотъ какъ разъ то, чего онъ ожидалъ... что наступитъ день, когда полковникъ принесетъ въ жертву своей несчастной страсти невиннаго человѣка! И жена его могла содѣйствовать ему въ этомъ самомъ дѣлѣ!

Лайонъ много разъ твердилъ себѣ, что она уже вышла изъ мастерской, когда полковникъ совершилъ свое злодѣяніе, но онъ былъ, тѣмъ не менѣе, вполне увѣренъ, что, вернувшись къ ней, мужъ немедленно сообщилъ ей о томъ, что сдѣлалъ.

Онъ былъ внѣ себя въ ту минуту; да еслибы онъ даже не сообщилъ ей, то она сама догадалась бы.

Лайонъ ни на секунду не повѣрилъ, что бѣдная миссъ Джеральдина вертѣлась около его двери, какъ не повѣрилъ и лѣтнему разсказу полковника о его знакомствѣ съ этой особой. Лайонъ никогда не видѣлъ ее до того дня, какъ она ворвалась къ нему въ мастерскую, но зналъ, кто она, и не сомнѣвался въ ея профессіи. Ему знакомы были всѣ типы лондонскихъ женскихъ моделей, во всемъ ихъ разнообразіи и во всѣхъ фазисахъ ихъ развитія и паденія. Когда онъ входилъ къ себѣ въ домъ, въ то знаменательное сентябрьское утро, вскорѣ послѣ прибытія его друзей, онъ не видѣлъ никакихъ признаковъ того, чтобы миссъ Джеральдина слонялась около его мастерской.

Онъ отлично помнилъ, что улица была безлюдна и пустынна, тѣмъ болѣе, что когда кухарка сообщила ему, что въ его мастерскую пожаловали джентльменъ и лэди, онъ подивился, что не видѣлъ у своихъ дверей ни кареты, ни даже извозчичьяго вѣба. Но вслѣдъ затѣмъ онъ подумалъ, что они, вѣроятно, прибыли по подземной желѣзной дорогѣ,—онъ жилъ какъ разъ возлѣ станціи Марльборо-Родъ и помнилъ, что полковникъ не разъ, являясь на сеансы, хвалилъ удобство этого сообщенія.

— Какъ же она попала въ мастерскую? — спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ у своихъ собесѣдниковъ.

— Пойдемте завтракать, — предложила м-съ Кепедось и вышла изъ комнаты.

— Мы прошли черезъ садъ, чтобы не беспокоить вашу прислугу; я хотѣлъ показать вамъ садъ женѣ.

Лайонъ пошелъ-было за хозяйкой, но полковникъ на минутку удержалъ его на площадѣ лѣстницы.

— Любезный другъ, неужели я былъ такъ глупъ, что не заперъ двери?

— Не знаю, полковникъ, — отвѣчалъ Лайонъ, спускаясь по лѣстницѣ. — Картина изрѣзана твердой и сильной рукой, точно тигръ растерзалъ ее.

— Ну, да вѣдь она настоящій тигръ, чортъ бы ее побралъ! Вотъ почему я и хотѣлъ высвободить пріятеля изъ ея лапъ.

— Но я не понимаю ея мотивовъ.

— Она не въ своемъ умѣ и ненавидитъ меня — вотъ ея мотивы.

— Но она не ненавидитъ меня, любезный другъ! — отвѣтилъ Лайонъ, смѣясь.

— Она ненавидитъ портреты — развѣ вы не помните, что она это сказала? Портреты отбиваютъ хлѣбъ у моделей!

— Да, но если она совсѣмъ не модель, а только соврала, называясь моделью, то вѣдь, въ сущности, какое ей до того дѣло?

Этотъ вопросъ на секунду сбилъ съ толку полковника, но только на секунду.

— Ахъ! она не въ своемъ умѣ и ненавидитъ меня! неужели этого мало?

Они вошли въ столовую, гдѣ м-съ Кепедось уже сидѣла за столомъ.

— Какъ ужасно! Какъ ужасно! — проговорила она. — Вы видите, что судьба противъ васъ. Провидѣніе не хочетъ допустить вашего безворыстія, не хочетъ, чтобы вы писали мастерскія произведенія даромъ.

— Вы видѣли эту женщину? — спросилъ Лайонъ съ суровой ноткой въ голосѣ, которую онъ не могъ вполне подавить.

М-съ Кепедось не слышала этой нотки, или если и слышала, то не обратила вниманія.

— Неподалеку отъ вашей двери стояла какая-то женщина, на которую Климентъ указалъ мнѣ. Онъ что-то говорилъ мнѣ про нее, но мы пошли другой дорогой.

— И вы думаете, что это она сдѣлала?

— Почему я знаю? если она это сдѣлала, то въ припадкѣ умопомѣшательства, бѣдняжка.

— Хотѣлъ бы я добраться до нея, — сказалъ Лайонъ.

Онъ лгалъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія еще разъ бесѣдовать съ миссъ Джеральдиной. Онъ изобличилъ своихъ друзей передъ самимъ собой, но нисколько не желалъ обличать ихъ передъ другими, всего же менѣе передъ ними самими.

— О! будьте спокойны, что теперь она никогда больше не покажется вамъ на глаза! Она будетъ бѣгать отъ васъ! — вскричалъ полковникъ.

— Но я помню ея адресъ: Мортимеръ Террасъ-Мьюсъ, Ноттингъ-Хилль.

— О! это чистѣйшія выдумки! такого мѣста нѣтъ.

— Боже! какая обманщица!—сказала Лайонъ.

— Вы подозрѣваете кого-нибудь другого? — спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ, никого.

— А что говорятъ ваши слуги?

— Они говорятъ, что это *не они* сдѣлали, а я отвѣчаю, что и не говорю, что они это сдѣлали. Вотъ сущность нашихъ объясненій.

— А когда они замѣтили бѣду?

— Они ее совсѣмъ не замѣтили. Я первый замѣтилъ... когда вернулся.

— Ну, что-жъ, она легко могла проникнуть въ мастерскую, — сказала полковникъ. — Вы развѣ не помните, какъ она вертѣлась въ тотъ день, точно бѣла въ колесѣ?

— Да, да; она могла бы изрѣзать картину въ три секунды; да только картина-то была спрятана въ углу.

— Дружище! не проклиняйте меня! но, конечно, я вытащилъ ее изъ угла.

— И не поставили ее обратно на мѣсто?—трагически спросилъ Лайонъ.

— Ахъ! Климентъ, Климентъ! что я тебѣ говорила!—воскликнула м-съ Кепедось тономъ нѣжнаго упрека.

Полковникъ драматически застоналъ и закрылъ руками лицо.

Слова его жены были послѣднимъ ударомъ для Лайона; они разрушили въ конецъ теорію, что она въ душѣ осталась вѣрна самой себѣ. Даже по отношенію къ прежнему другу и поклоннику она была неискренна и неправдива! Ему стало скверно; онъ не могъ ѣсть, и самъ чувствовалъ, что у него странный видъ. Онъ что-то пробормоталъ про то, что бесполезно плакаться на то, чего исправить нельзя... и пытался перемѣнить разговоръ. Но это стоило ему отчаянныхъ усилій, и онъ дивился про себя: неужели они не чувствуютъ себя такъ же скверно, какъ онъ? Вообще онъ многому дивился: догадываются ли они, что онъ имъ не вѣритъ? (что онъ видѣлъ ихъ—этого они, конечно, знать не могли!) заранѣе ли они придумали всю эту исторію, или рассказали ее по вдохновенію минуты? спорила ли она, протестовала ли, когда полковникъ предложилъ ей такъ соврать, и только сдалась на усиленные просьбы? и не стыдно ли ей, не противно ли теперь, когда она на видъ такъ спокойна?

Жестокость, подлость обвиненія, взведеннаго ими на несчастную женщину, представлялась ему чудовищной... не менѣе чудо-

вищной, чѣмъ легкомысліе, съ какииъ они рисковали вызвать ея негодующее опроверженіе.

Конечно, это опроверженіе, оправдывая ея, не могло служить обвиненіемъ противъ нихъ... Всѣ шансы были на ихъ сторонѣ: полковникъ навѣрное рассчитываетъ, что миссъ Джеральдина въ самомъ дѣлѣ навѣки скрылась во мракѣ неизвѣстности.

Лайону такъ хотѣлось покончить съ этимъ вопросомъ, что когда м-съ Кепедось, немного спустя, спросила его:

— Неужели ничего нельзя сдѣлать? нельзя исправить картины? вы знаете, вѣдь теперь чудеса дѣлаютъ въ этомъ родѣ?

— Не знаю, мнѣ все равно, *n'en parlons plus!*—отвѣчалъ онъ.

Ея лицемѣріе возмущало его. И однако, чтобы окончательно пригвоздить ея къ позорному столбу, онъ спросилъ немного спустя:

— И вамъ въ самомъ дѣлѣ понравился портретъ?

На что она отвѣтила ему, глядя прямо въ глаза, не поблѣднѣвъ и не покраснѣвъ, не обинуясь и не смущаясь:

— О, да! очень понравился.

Да! въ самомъ дѣлѣ мужъ перевоспиталъ ея. Послѣ этого Лайонъ замолчалъ, и его хозяйка тоже, какъ люди съ тавтоиъ, симпатизирующіе чужому горю и не желающіе его растревлять.

Когда они вышли изъ-за стола, полковникъ ушелъ изъ дому, не поднимаясь больше наверхъ; но Лайонъ отправился съ хозяйкой въ гостиную, замѣтивъ однако, что можетъ пробыть только нѣсколько секундъ.

Онъ провелъ эти секунды, стоя у камина. Хозяйка не садилась и его не просила садиться; манеры ея показывали, что она тоже собирается уходить изъ дому. Да, мужъ перевоспиталъ ея по своему. И однако Лайонъ мечталъ одно мгновеніе, что вотъ теперь, когда онъ остался наединѣ съ нею, она, быть можетъ, возьметъ назадъ свою ложъ, попроситъ извиненія, доверится ему, скажетъ:—мой дорогой другъ, простите за эту безобразную комедию... вы понимаете!..

И какъ бы онъ тогда любилъ, жалѣлъ, охранялъ ея, помогалъ бы ей всю жизнь!

Если она неспособна ни на что подобное,—зачѣмъ она обращалась съ нимъ какъ съ дорогимъ давнишнимъ другомъ? зачѣмъ долгіе мѣсяцы водила за носъ... или въ родѣ того? Зачѣмъ приѣзжала въ его мастерскую день за днемъ, подъ предлогомъ портрета дочери? зачѣмъ не хотеть она быть вполне откровенной?

А она не хотеть... не хотеть. Онъ ясно видѣлъ это теперь. Она бродила по комнатамъ, прибирая разныя мелочи, но ничего не говорила.

Вдругъ онъ спросилъ ее:

— Въ какую сторону она ушла, когда вы вышли изъ студіи?

— Кто она? женщина, которую мы видѣли?

— Да; странная пріятельница вашего мужа. Я ее выслѣжу; я такъ этого не оставлю.

Онъ не испугать ее хотѣлъ, а хотѣлъ только вызвать въ ней доброе движеніе, побудить ее сказать:—ахъ! пощадите меня! пощадите моего мужа! никакой такой женщины не существуетъ!

Вмѣсто того м-съ Кепедось отвѣчала:

— Она ушла въ противную сторону... перешла черезъ улицу. А мы пошли на станцію.

— И она узнала полковника... оглянулась?

— Да, оглянулась; но я не обратила на нее особеннаго вниманія. Мимо насъ проѣзжалъ кэбъ, и мы наняли его. Только тутъ Климентъ сообщилъ мнѣ про нее: я помню, онъ говорилъ, что она тутъ вертится не къ добру. Намъ бы слѣдовало вернуться въ мастерскую.

— Да; вы бы спасли портретъ.

Съ минуту она молчала, затѣмъ улыбнулась и проговорила:

— Мнѣ очень жаль портрета... за васъ... но не забудьте, что у меня остался оригиналъ!

Тутъ Лайонъ отвернулся, проговоривъ:

— Ну, мнѣ пора идти!

Въ то время, какъ онъ медленными шагами шелъ по улицѣ, ему весьма живо представился тотъ моментъ, какъ онъ впервые увидѣлъ ее въ домѣ Ашморовъ, за обѣдомъ, не спускавшую глазъ съ мужа. Лайонъ приостановился на перекресткѣ, неопредѣленно озираясь по сторонамъ. Онъ никогда больше къ ней не пойдетъ... никогда. Она все еще влюблена въ своего полковника, да и онъ перевоспиталъ ее окончательно на свой ладъ.

А. Э.

НАЦІОНАЛІЗМЪ

ВЪ

ПОЛИТИКЪ

I.

Когда принципъ національности впервые выступилъ въ Европѣ на сцену практической политики, онъ имѣлъ вполнѣ опредѣленное значеніе освободительнаго народнаго начала, противопоставленнаго элементамъ внѣшняго политическаго гнета и насилія. Дипломаты и полководцы, привыкшіе имѣть дѣло только съ правительствами и арміями, очутились лицомъ къ лицу съ новымъ для нихъ явленіемъ—съ пробужденіемъ самихъ народовъ, оставшихся дотолѣ пассивными и безгласными орудіями государственной предприимчивости. Наполеонъ I легко справился съ западно-европейскими монархіями, но встрѣтилъ неожиданный и сильный отпоръ въ народахъ.

Народное движеніе восстановило независимость Испаніи; заглухшее національное чувство возродилось въ населеніи нѣмецкихъ государствъ, раздѣленныхъ между многими династіями, для которыхъ общее германское отечество было лишь пустымъ звукомъ. Въ Пруссіи, какъ наиболѣе однородной и могущественной изъ нѣмецкихъ державъ, общественное мнѣніе заставляло правителей дѣйствовать противъ воли въ народномъ духѣ, причемъ не разъ проявлялся рѣзкій антагонизмъ между государствомъ и націею. Даже въ армію проникло это раздвоеніе между привычкою пассивнаго повиновенія и самостоятельнымъ патріотическимъ со-

знаніемъ: объ этомъ свидѣтельствовали такіе краснорѣчивые факты, какъ извѣстная попытка прусскаго офицера Шилля поднять возстаніе противъ французскаго владычества на собственный страхъ въ 1809 году, или позднѣйшія самовластные дѣйствія генерала фонъ-Йорка противъ Франціи въ 1812 году. Національный патріотизмъ былъ еще чѣмъ-то запретнымъ, недозволеннымъ; онъ могъ обнаруживаться только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда государство находилось въ крайней опасности и должно было поневолѣ обращаться къ свободному содѣйствію подданныхъ. Быть патріотомъ значило принимать близко къ сердцу политическіе вопросы и интересы, которыми исключительно и безконтрольно распоряжались правители; это значило также имѣть собственные мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ и вмѣшиваться вообще въ политику, что считалось посягательствомъ на авторитетъ власти. Безмолвное подчиненіе было первымъ долгомъ подданныхъ („Ruhe ist des Bürgers Pflicht“); разсуждать о политикѣ и увлекаться ею безъ офіціального уполномочія могли, съ тогдашней точки зрѣнія, только люди неблагонадежные, революціонеры.

Національный патріотизмъ, терпимый государствомъ только въ моменты сильнѣйшихъ международныхъ кризисовъ, искалъ себѣ удовлетворенія въ тайныхъ обществахъ—въ „Тугендбундѣ“, въ союзѣ карбонаріевъ и др. Когда окончилась эпоха войнъ и миновала надобность въ „воззваніяхъ къ націи“, правители позаботились прежде всего объ обратномъ усыпленіи и усмиреніи народовъ, принимавшихъ столь живое и отчасти самостоятельное участіе въ отраженіи французскихъ нашествій. Національная идея объявлена была злою и преступною, ибо она предполагала существованіе чего-то независимаго отъ правительствъ и не позволяла уже смотрѣть на подданныхъ какъ на безразличное стадо. „На всѣхъ, способствовавшихъ возбужденію народнаго энтузіазма въ 1808 и 1812 годахъ,—говоритъ одинъ изъ историковъ при характеристикѣ той эпохи въ Германіи,—лежало клеймо предательства. Служить націи—значило грѣшить противъ правительства. Великое имя Штейна спасало его отъ нападеній, но не отъ клеветы. Другъ его Арндтъ, пѣсни и воззванія котораго глубоко волновали умы въ Германіи во время войны за освобожденіе, подвергался постояннымъ судебнымъ преслѣдованіямъ и, не будучи уличенъ ни въ какомъ преступленіи, былъ на двадцать лѣтъ отставленъ отъ профессорской каѳедры. Другія лица, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они работали на пользу германскаго единства, были преданы суду особыхъ трибуналовъ и послѣ

продолжительнаго процесса или получали отказъ въ публичномъ оправданіи, или были приговариваемы къ дѣйствительному заключенію въ тюрьмѣ. Прекратились свободное преподаваніе, свободные дебаты. Власть загромождала всѣ пути для политической мысли. Повсюду агенты государства предписывали ортодоксальныя мнѣнія и отмѣчали лицъ, возвышавшихъ противъ нихъ голосъ... Одно преслѣдованіе слѣдовало за другимъ; письма вскрывались, шпіоны присутствовали на лекціяхъ профессоровъ и собраніяхъ студентовъ; газетамъ было воспрещено обсуждать германскія дѣла. Уничтожить совершенно журналистику въ странѣ, гдѣ было такъ много типографій и такъ много читателей, оказывалось невозможнымъ. Разрѣшалось печатать извѣстія и выражать мнѣнія только относительно чужихъ странъ; въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ нѣмцы, подобно нищимъ, которые услаждаютъ себя благоуханіемъ, идущимъ изъ кухни богатыхъ людей, слѣдили за всѣми стадіями политической борьбы во Франціи, Англіи и Испаніи, между тѣмъ какъ они сами не могли ни выразить какого-либо желанія, ни формулировать какой-либо жалобы относительно собственныхъ дѣлъ". Германскій союзный сеймъ предложилъ государствамъ, входившимъ въ составъ союза, принять мѣры къ тому, чтобы ни одна газета и ни одинъ памфлетъ не могли издаваться безъ правительственнаго разрѣшенія. Нѣмецкимъ государямъ „вмѣнялось въ обязанность назначить при университетахъ гражданскихъ комиссаровъ, которые должны заботиться о поддержаніи общественнаго порядка и давать благонадежное направленіе преподаванію профессоровъ. Имъ давалось право увольнять всѣхъ профессоровъ, которые переступаютъ положенныя имъ границы, и уволеннымъ такимъ образомъ лицамъ воспрещалось принимать какія бы то ни было должности въ другихъ германскихъ государствахъ“¹⁾.

Еще ярче, чѣмъ въ Пруссіи, выражалось коренное противорѣчіе между стремленіями правительствъ и національными интересами въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ націонализмъ дѣйствительно означалъ отрицаніе историческаго государства, какъ напр. въ Брауншвейгѣ, Гессенѣ или Ганноверѣ. Такъ какъ никакой брауншвейгской или гессенской національности не существуетъ, то самая мысль о національной основѣ государствъ равносильна была признанію права нѣмецкаго народа устранить эти искусственныя территоріальныя подраздѣленія и создать новую, единую Германію, въ ущербъ династическимъ правамъ герцоговъ брауншвейгскихъ, курфюрстовъ гессенскихъ или королей ганновер-

¹⁾ Ч. А. Файфъ, Исторія Европы XIX-го вѣка, въ перев. Лучицкой, стр. 100—104.

скихъ. Какой націонализмъ, кромѣ революціоннаго, возможенъ былъ въ какомъ-нибудь княжествѣ Липпе-Детмольдъ, въ Гессенъ-Касселъ или въ Мекленбургѣ? Второстепенныя нѣмецкія государства легко подчинялись французскому господству, которое сдѣлалось даже весьма популярнымъ въ земляхъ рейнскаго союза; Баварія и Саксонія были вѣрными союзницами Наполеона I. Противъ національнаго движенія, угрожавшаго самостоятельности небольшихъ германскихъ державъ, употреблялись двоякія средства: либеральныя, имѣвшія цѣлью удовлетворить населеніе конституціонными реформами, какъ въ Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ, или репрессивныя, какъ въ Гессенъ-Касселѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и въ другихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ, подчинявшихся авторитетному примѣру Пруссіи и Австріи. Мелкіе государи, считавшіе себя въ правѣ продавать своихъ подданныхъ за деньги чужимъ державамъ для пополненія ихъ армій, не могли допускать не только національныхъ, но и никакихъ политическихъ чувствъ въ народѣ.

То же самое мы видимъ въ Италіи: всѣ итальянскіе патриоты, представители національной идеи, были революціонерами съ точки зрѣнія тѣхъ государствъ, на которыя дробилась Италія. Главные дѣятели итальянскаго объединенія—Гарибальди, Маццини и ихъ сподвижники,—стояли во главѣ тайныхъ обществъ, которыя считались преступными и усердно преслѣдовались правительственными агентами. Кавуръ и Викторъ-Эммануилъ могли объединить Италію только при помощи этихъ революціонныхъ силъ, и самое предпріятіе ихъ было чисто-революціонное, ибо оно клонилось къ низверженію законныхъ монархій въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, въ папской области, въ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, въ герцогствахъ моденскомъ и пармскомъ.

Въ этомъ отношеніи положеніе національнаго вопроса было одинаково въ Италіи и Германіи. Еще въ сороковыхъ годахъ прусское правительство предавало уголовному суду нѣмецкихъ патриотовъ, позволявшихъ себѣ разсуждать о германскомъ единствѣ. Въ 1834 году, — какъ разсказываетъ проф. Мартенсъ въ „Собраніи трактатовъ и конвенцій“ (т. VIII), —тогдашній посланникъ нашъ въ Берлинѣ получилъ отъ прусскаго министра, для препровожденія въ Петербургъ, подробное слѣдственное дѣло о революціонномъ движеніи въ Пруссіи; въ этихъ бумагахъ заключались показанія допрошенныхъ нѣмецкихъ студентовъ, которые, въ качествѣ членовъ студенческихъ корпорацій, стремились въ „одной изъ самыхъ преступныхъ цѣлей“, а именно мечтали достигнуть „объединенія всей Германіи“. Въ обвинительномъ

актъ нѣмецкія студенческія общества, въ лицѣ арестованныхъ воюводовъ, обвиняются въ томъ, что „ставили себѣ открытою цѣлью создать свободную и національную жизнь всего германскаго отечества и соединить весь нѣмецкій народъ въ одно цѣлое“. Русскій посланникъ также пришелъ въ убѣжденію, на основаніи этого слѣдственнаго дѣла, что упомянутыя корпораціи дѣйствительно преслѣдовали чрезвычайно преступную цѣль. Германія имѣла своихъ карбонаріевъ и гарибальдійцевъ, съ тою только разницею, что въ ней не было достаточно либеральнаго Пьемонта, готоваго присоединиться къ ихъ усиліямъ.

Официальная Пруссія—если не считать временныхъ колебаній, подъ давленіемъ событій, — противостояла до конца національному движенію, пока оно исходило отъ народа. Въ мартовскіе дни 1848 года король Фридрихъ Вильгельмъ IV вынужденъ былъ брататься съ гражданами Берлина и успокаивать ихъ фразами объ единствѣ и свободѣ нѣмецкой націи; въ одномъ изъ своихъ воззваній онъ заявлялъ, что отнынѣ „Пруссія растворяется въ Германіи“. Но, какъ извѣстно, иллюзія продолжалась недолго; она была быстро разсѣяна войсками генерала Врангеля и дѣйствіями новыхъ министровъ, графа Бранденбурга и Мантейфеля. Когда въ мартѣ 1849 года франкфуртскій парламентъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ провозгласить прусскаго короля германскимъ императоромъ и это рѣшеніе было подтверждено 28 союзными правительствами (изъ 35) и прусскою палатою депутатовъ, то король категорически отвергъ предложенный ему способъ національнаго объединенія. „Корона,—писалъ онъ Бунзену въ Лондонѣ, — которую могъ бы принять Гогенцоллернъ, еслибы это позволили обстоятельства, не создается собраніемъ, хотя и состоявшимся съ разрѣшенія государей, но все-таки выросшимъ на революціонной почвѣ (*dans le genre de la couronne des ravés de Louis-Philippe*). Гогенцоллернъ могъ бы принять только корону, имѣющую на себѣ печать божественную и дѣлающую того, на кого она возложена послѣ священнаго муропомазанія, монархомъ Божіею милостью, какъ сдѣланы государями Божіею милостью всѣ нѣмецкіе короли и князья. Корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены, Габсбурги, можетъ, конечно, носить и Гогенцоллернъ; она давала бы ему почетъ своимъ тысячелѣтнимъ блескомъ. Но та, о которой идетъ рѣчь, можетъ только позорить своимъ сквернымъ запахомъ революціи 1848 года, самой пошлой, глупой и худшей, хотя и не злѣйшей, слава Богу, въ настоящемъ столѣтіи. И такой воображаемый вѣнецъ, состряпанный изъ грязи, предлагается законному королю Божіею милостью и

притомъ королю прусскому, имѣющему счастье обладать, если не древнѣйшею, то благороднѣйшею, ни у кого не похищенною короною!.. Если когда-либо должна вновь рѣшиться судьба нѣмецкой національной короны, остававшейся безъ употребленія болѣе сорока лѣтъ, то рѣшеніе будетъ принадлежать мнѣ и равнымъ мнѣ. И горе тѣмъ, кто осмѣливается брать на себя неподобающее имъ дѣло!"¹⁾ Другими словами, нѣмецкій народъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей, не долженъ вмѣшиваться въ дѣло своего національнаго объединенія; народный выборъ можетъ только пачкать императорскую корону и унижать того, кому она преподносится. Нація не имѣетъ права голоса въ вопросѣ о дальнѣйшихъ ея политическихъ судьбахъ; возстановленіе имперіи есть дѣло королей, а не подданныхъ. Согласно этому взгляду, германское единство не могло быть достигнуто силою мирнаго народнаго воодушевленія и порыва, а требовало добровольнаго согласія всѣхъ нѣмецкихъ государей; а такъ какъ подобное соглашеніе было мало вѣроятно, то несогласные монархи Божіею милостью были внослѣдствіи лишены своихъ владѣній королемъ прусскимъ. Давнишняя „преступная“ мечта нѣмецкихъ патріотовъ, казавшаяся столь близкою къ осуществленію въ 1849 году и презрительно отвергнутая тогда королевскою властью, исполнилась позднѣе въ измѣненномъ видѣ, посредствомъ тяжелыхъ кровопролитій.

Національная идея подверглась великой метаморфозѣ въ послѣднія сорокъ лѣтъ: изъ народной она сдѣлалась правительственною, изъ революціонной—консервативною и даже реакціонною. Движеніе, которымъ руководили карбонаріи и члены „тугендбундовъ“, почти вездѣ перешло въ руки военно-бюрократическихъ дѣятелей и завершилось необычайнымъ усиленіемъ той внѣшней государственности, противъ которой оно, повидимому, было направлено первоначально. Національныя стремленія не завладѣли государствомъ, а, напротивъ, послѣднее воспользовалось ими и какъ бы конфисковало ихъ для своихъ цѣлей, подобно тому, какъ оно пытается овладѣть социалистическимъ движеніемъ и конфисковать его въ свою пользу подъ знаменемъ государственнаго социализма. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось кореннымъ образомъ внутреннее значеніе націонализма.

¹⁾ Leopold v. Ranke, Zur Geschichte Deutschlands und Frankreichs im neunzehnten Jahrhundert (Sämmtliche Werke, Bd. 49), Leipzig, 1887, стр. 494—5.

II.

Народный націонализмъ заключалъ въ себѣ два существенныхъ принципа: во-первыхъ, требованіе свободы и независимости отъ иноземнаго господства, и, во-вторыхъ, принципъ объединенія каждой народности подъ властью самостоятельнаго національнаго правительства. Въ основѣ этихъ требованій лежало стремленіе народовъ страхнуть съ себя двойное бремя чужого владычества и произвольныхъ государственныхъ организацій феодально-династическаго происхожденія. Политическая разрозненность отдѣльныхъ частей нѣмецкаго населенія была тѣмъ обиднѣе для народнаго сознанія, что она совпадала съ господствомъ чисто владѣльческаго взгляда на подданныхъ. Такія герцогства и княжества, какъ Саксенъ-Мейнингенское, Ангальтское или Липпе-Шаумбургское, были, въ сущности, помѣстьями, переходившими по наслѣдству въ средѣ извѣстныхъ фамилій; границы этихъ „государствъ“ были столь же случайны, какъ и ихъ возникновеніе и существованіе,—ежеминутно напоминая собою объ искусственномъ и антинародномъ характерѣ политическаго строя, унаслѣдованнаго отъ феодальной эпохи. Если народъ не есть только источникъ доходовъ для владѣльческихъ фамилій, а имѣетъ самъ по себѣ какое-либо значеніе при образованіи государствъ, то система бывшаго германскаго союза должна была неизбѣжно рушиться съ пробужденіемъ національнаго чувства въ населеніи. Нѣмцы долго переносили гнетъ своихъ многочисленныхъ владѣльцевъ и заслужили даже репутацію „лакейскаго народа“; но и имъ надобно было быть предметомъ эксплуатаціи и самодурства маленькихъ нѣмецкихъ Людовиговъ XIV, ихъ фаворитовъ и фаворитокъ, въ родѣ танцовщицы Лолы Монтецъ, изъ-за которой баварскій король Людвигъ I лишился престола въ 1848 году. Съ мотивами внутренняго недовольства соединялись соображенія внѣшнія, международныя; необходимо было отказаться отъ политической розни, обрекавшей Германію на безсиліе и допускавшей иностранное вмѣшательство и хозяйничанье въ области нѣмецкихъ дѣлъ. Это же стремленіе освободиться отъ элементовъ внутренней слабости, дѣлавшихъ Италію добычей французовъ и австрійцевъ, воодушевляло итальянскихъ патріотовъ въ ихъ горячей борьбѣ за національное единство. Право каждой народности на свободное и независимое государственное развитіе было общимъ лозунгомъ передовыхъ людей Италіи и Германіи, боровшихся за національную идею.

Что же представляет собою національный принципъ, господствующій въ политикѣ великихъ европейскихъ державъ въ настоящее время? Это прежде всего принципъ военного могущества и силы, дающій опору сильнымъ и ослабляющій слабымъ, питающій честолюбіе правителей и отравляющій жизнь народовъ безцѣльнымъ антагонизмомъ и соперничествомъ, хроническими опасеніями и вооруженіями. Свободное самоопредѣленіе націй превратилось въ систему принудительнаго единства, поддерживаемаго милліономъ штыковъ. Первымъ актомъ объединенной пруссаками Германіи было насильственное воссоединеніе Эльзаса и части Лотарингіи съ общимъ нѣмецкимъ отечествомъ, вопреки желанію этихъ провинцій и безъ формальнаго даже обращенія къ тому способу народнаго голосованія, который одновременно примѣненъ былъ Италіею при занятіи папской области. Еще ранѣе, въ 1866 году, состоялось присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейнѣ къ Пруссіи также безъ опроса населенія, который прямо былъ обязателенъ относительно сѣверныхъ округовъ Шлезвига, въ силу пражскаго мирнаго договора. Политическое единство, къ которому издавна стремились нѣмцы, послужило предлогомъ къ политикѣ захватовъ и насилій; національная идея сдѣлалась орудіемъ попранія національныхъ правъ, и освободительный смыслъ націонализма совершенно исчезъ въ рукахъ государства, сдѣлавшаго направить народное движеніе къ усиленію своего собственнаго могущества и къ небывалому еще развитію милитаризма.

Своими великими умственными и культурными успѣхами Пруссія приобрѣла несомнѣнное право стоять во главѣ Германіи; она первая ввела у себя всеобщую повинность школьнаго обученія и признала народное образованіе одною изъ главныхъ задачъ правительственной дѣятельности. Нѣмецкіе писатели справедливо напоминаютъ противникамъ Пруссіи, что въ тяжелое время военныхъ пораженій и невзгодъ прусская королевская власть создала университетъ въ Берлинѣ, что свои побѣды она также ознаменовала учрежденіемъ университета въ Боннѣ и что позднѣйшее торжество надъ Франціею она увѣнчала основаніемъ университета въ Страсбургѣ. Но цѣли народнаго образованія и научнаго развитія не только не уменьшали заботъ объ увеличеніи и процвѣтаніи арміи, но дали новую силу вооруженіямъ; стремленіе охранить достигнутое единство отъ посягательствъ враждебныхъ державъ перешло въ общее народное сознаніе, и грамотныя массы, аккуратно слѣдящія за газетами, убѣжденно поддерживаютъ политику, имѣющую внѣшній видъ національной и требующую все новыхъ затратъ на военныя надобности. Нѣмецкая

армія получила значеніе „вооруженнаго народа“ („das Volk in Waffen“) даже съ точки зрѣнія военныхъ спеціалистовъ, ибо войско поглощаетъ собою почти всю здоровую часть населенія и служить уже не однимъ интересамъ правителей, а предполагаемымъ общимъ интересамъ германской націи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣмецкое общество возставало еще противъ усиленія арміи, считая милитаризмъ враждебнымъ для себя элементомъ; народное представительство отказывало правительству въ новыхъ военныхъ средствахъ, но не потому, что не раздѣляло политическихъ плановъ, способныхъ привести къ національному единству, а только вслѣдствіе недовѣрія въ реакціонной „юнкерской“ политикѣ кабинета. Милитаризмъ былъ нежелателенъ для патриотовъ, пока онъ являлся опорой и вмѣстилищемъ реакціи; но онъ быстро сдѣлался популярнымъ, когда при его содѣйствіи дано было вышнее-удовлетвореніе національнымъ чувствамъ народа и когда могущество Пруссіи сочеталось съ единствомъ имперіи. Нынѣшняя легкость, съ какою народное представительство ассигнуетъ громадныя суммы на вооруженія, характеризуетъ крутую перемѣну, совершившуюся въ общественномъ мнѣніи нѣмцевъ съ половины шестидесятыхъ годовъ. Народъ поневолѣ принялъ и одобрилъ ту военную форму національнаго объединенія, которая предложена ему государствомъ послѣ прусскихъ побѣдъ надъ Австріею и ея германскими союзниками. Но что это объединеніе совершенно не то, о которомъ мечтали лучшіе люди Германіи съ начала столѣтія и которое пытались осуществить сорокъ лѣтъ тому назадъ—объ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Не о превращеніи Германіи въ грозную военную державу думали Арндтъ и Штейнъ, члены „тугендбундовъ“ и дѣятели франкфуртскаго парламента; они мечтали создать „свободную національную жизнь“ всего нѣмецкаго отечества не для того, чтобы водворить въ странѣ господство милитаризма, грозить сосѣдямъ обширными международными комбинаціями и союзами. Сила подавляющаго успѣха столь велика и неотразима, что побѣдоносной Пруссіи не трудно было увлечь за собою не только нѣмецкій народъ, но и другіе государства и народы — Австро-Венгрію, Италію, отчасти Англію. Объединенная Италія, затѣвающая споры съ Франціею и дѣлающая непомѣрныя военныя усилія для неизвѣстныхъ цѣлей подъ руководствомъ Берлина, мало соотвѣтствуетъ тѣмъ идеаламъ, которыми вдохновлялись Гарибальди, Маццини и прочіе герои народной борьбы за освобожденіе и единство. Вмѣсто общаго удовлетворенія и успокоенія, котораго

ожидали приверженцы и бойцы національной идеи, настала пора нездоровой международной агитации, постоянной тревоги и неуверенности въ завтрашнемъ днѣ. Создалась искусственная тяжелая и лихорадочная атмосфера, мѣшающая свободно жить народамъ и не обѣщающая ничего хорошаго въ будущемъ. Около шести миллионѣвъ челоуѣкъ стоитъ въ Европѣ подѣ ружьемъ для защиты интересовъ, которымъ никто не угрожаетъ, и опираясь на эти вооруженныя массы, добросовѣстно увѣренныя въ необходимости чрезвычайныхъ приготовленій для охраны мира, государственная власть крѣпче, чѣмъ когда-либо, держитъ въ своихъ рукахъ политическія судьбы народовъ. Подѣ покровомъ національныхъ стремленій выступила на первый планъ забота о расширеніи политическаго вліянія, о приобрѣтеніи господства во вѣшней политикѣ, о нанесеніи возможнаго ущерба соперникамъ и предполагаемымъ врагамъ. Чувство внутренней національной солидарности переходитъ въ нѣчто другое—въ безпричинную, намѣренно возбуждаемую и поддерживаемую ненависть къ чужимъ народамъ и племенамъ, въ пагубную привычку патриотическаго самовозвеличенія и самодовольства, въ неумѣренный культъ матеріальной силы, въ проповѣдь бездушнаго національнаго эгоизма, въ циническое отрицаніе идеаловъ челоуѣчности и свободы. Тѣ же громкія слова, во имя которыхъ сражались и умирали патриоты былаго времени, употребляются и теперь; но какъ испошлилось и измелчало ихъ содержаніе, какой жалкій и убогій смыслъ вкладывается въ нихъ новѣйшими истолкователями національнаго принципа! Возвышенныя политическія идеи, выдвинутыя умственной и общественною работою нѣсколькихъ поколѣній и завоевавшія себѣ право гражданства въ Европѣ, размѣнялись на мелкую монету ходячаго „народнаго“ патриотизма, надменнаго и хвастливаго извнѣ, работѣннаго и приниженнаго внутри.

Извращеніе національной идеи сказывается и въ крупныхъ, и въ малыхъ явленіяхъ политической жизни. Балканскія народности, освободившись отъ турецкаго ига, забываютъ свою вѣковую исторію и вовлекаются въ круговоротъ взаимнаго соперничества и вражды; бессмысленная война между сербами и болгарами, предпринятая въ концѣ 1885 года королемъ Миланомъ подѣ прикрытіемъ мнимыхъ національныхъ мотивовъ, представляетъ собою самую жестокую насмѣшку надъ освободительнымъ движеніемъ, давшимъ самостоятельное существованіе Сербіи и Болгаріи. Заветныя мечты сербовъ и болгаръ, повидимому, осуществились; но независимость, достигнутая народною борьбою, обратилась въ поприще какихъ-то маленькихъ династическихъ

счетовъ, безпокойнаго интригантства и своеобразнаго господства военщины, смѣняющей и ставящей князей изъ иностранныхъ принцевъ. Румынія, не довольствуясь своимъ скромнымъ и обезпеченнымъ международнымъ положеніемъ, втягивается въ игру высшей политики и готовится принять активное участіе въ будущихъ столкновеніяхъ великихъ державъ, подъ флагомъ тройственнаго союза. Разсчетъ на земельныя пріобрѣтенія на счетъ сосѣдей, склонность къ насильственному расширенію своей національности въ ущербъ чужимъ, всеобщая манія государственнаго величія, разорительная для народовъ, — таковы современныя формы, въ которыя выродилась идея націонализма. Венгерцы, упрочивъ свою политическую свободу, безцеремонно тѣснятъ подвластныхъ имъ славянъ и пытаются мадьяризовать ихъ; австрійцы долго германизировали чеховъ, которые теперь, въ свою очередь, надѣются современемъ ослабить богемскихъ нѣмцевъ; поляки въ Галичинѣ стараются ополячить русскихъ, подобно тому, какъ пруссаки онѣмечиваютъ поляковъ познанскихъ. Это какая-то безвыходная цѣпь скрытыхъ и явныхъ угнетеній, въ которыхъ одна и та же національность играетъ поочередно роль молота и наковальни, тирана и жертвы.

Но общая погоня за чужимъ національнымъ добромъ ничего другаго не приноситъ, кромѣ общаго раздраженія и нравственной порчи. Гонимая народность только сосредоточивается въ себѣ и пріучается сильнѣе дорожить своимъ традиціоннымъ духовнымъ достояніемъ — языкомъ, религіею, нравами и правами; естественная вражда къ притѣснителямъ закрываетъ путь къ добровольной ассимиляціи, и національное чувство, казавшееся уже подавленнымъ, вспыхиваетъ вдругъ съ необычайной силою, поражая друзей и недруговъ своею непобѣдимою живучестью. Результаты обыкновенно оказываются прямо противоположными тѣмъ, которые имѣются въ виду преслѣдователями. Вѣковыя усилія англичанъ подчинить Ирландію остались вполне безплодными, и ирландскій вопросъ не перестанетъ волновать и ослаблять Англію, пока онъ не разрѣшится въ ирландскомъ духѣ. Жители Эльзаса, присоединенные къ Франціи, забыли свое нѣмецкое отечество и сдѣлались французскими патриотами, именно потому, что Франція не заставляла ихъ отречься ни отъ роднаго языка, ни отъ національныхъ особенностей и обычаевъ; имѣя возможность жить по своему подъ французскимъ владычествомъ, они искренно и окончательно привязались къ французскому государству. Германия, завоевавъ обратно Эльзасъ, поступила иначе: нѣмецкіе правители пожелали принудить эльзасцевъ вернуться въ лоно нѣмецкой

націи, запретили имъ свободное употребленіе французскаго языка и подвергли ихъ строгому военному режиму, вслѣдствіе чего отчужденность населенія отъ завоевателей усиливается и крѣпнеть съ каждымъ годомъ. Но то, что выдается за государственную мудрость, рѣдко основывается на сознательномъ историческомъ опытѣ, а еще рѣже—на соображеніяхъ простой справедливости. Поэтому и приобрѣтеніе Эльзась-Лотарингіи обходится и обойдется Германіи неизмѣримо дороже, чѣмъ думали побѣдители 1870 года.

Пренебреженіе къ чужимъ и особенно подвластнымъ народностямъ противорѣчить, очевидно, національному принципу, а между тѣмъ оно сдѣлалось какъ бы обязательнымъ признакомъ національнаго патріотизма. Никто не скажетъ, что неуваженіе къ личностямъ свидѣтельствуетъ о сознаніи личнаго достоинства, а въ вопросѣ о національностяхъ это превратное пониманіе можетъ считаться положительно преобладающимъ. Съ тѣхъ поръ какъ Франція побѣждена Германіею, нѣмецкіе патріоты — не исключая самыхъ просвѣщенныхъ и выдающихся—усвоили презрительный тонъ по отношенію къ французамъ и твердо увѣровали въ исключительную провиденціальную миссію своего народа. Мысль о будущемъ господствѣ нѣмцевъ надъ другими племенами и народами выражалась еще задолго до Седана такими людьми, какъ Родбертусъ и Лассаль. Родбертусъ надѣялся „дожить до того времени, когда турецкое наслѣдство достанется Германіи“, и Лассаль съ восторгомъ привѣтствовалъ эти гордые слова. Говоря объ „упадкѣ и, можетъ быть, разложеніи Франціи“, Родбертусъ находилъ въ ней „совершенный недостатокъ національнаго чувства, покоящагося на нравственной основѣ“; онъ сравнивалъ событія 1870 года съ эпохою паденія западной римской имперіи: „даже Аларихъ передъ Римомъ напоминаетъ Вильгельма передъ Парижемъ, какъ по похвальбамъ тогдашнихъ римлянъ и теперешнихъ парижанъ, такъ и по холодному сознанію осаждающихъ, что густую траву легче косить, чѣмъ рѣдкую“. По мнѣнію Родбертуса, всемірная исторія съ 1870 года подобна „потокѣ, который внезапно поворачиваетъ круто въ другую сторону и направляется совсѣмъ въ иныя мѣста, чѣмъ можно было думать раньше“. Лассаль еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ заявлялъ, что онъ не признаетъ себя приверженцемъ равноправнаго развитія національностей и что только великія культурныя націи должны развиваться свободно; болѣе мелкія же народности имѣютъ одно только право—на поглощеніе и переработку со стороны

крупныхъ ¹⁾. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что поглощеніе слабыхъ племенъ болѣе крупными совершается само собою даже при полномъ признаніи формальнаго равенства и свободы національностей; весь вопросъ именно въ томъ, какою способъ ассимиляціи вѣрнѣе и лучше—насилъственный ли, основанный на произволѣ и притѣсненіи, или же добровольный, заключающійся въ культурномъ и нравственномъ вліяніи. Даже съ точки зрѣнія узкаго національнаго эгоизма невыгодно и нецѣлесообразно держаться системы, которую примѣняли англичане въ Ирландіи, а теперь отчасти примѣняютъ нѣмцы въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Лассаль, по крайней мѣрѣ, оставался послѣдовательнымъ въ своемъ отрицаніи правъ мелкихъ національностей: онъ прямо отвергалъ свою принадлежность къ числу безусловныхъ сторонниковъ національнаго принципа („Nationalitätprincipien“ по насмѣшливому его выраженію). Но большинство людей проповѣдующихъ теорію насилъственнаго онѣмеченія, мадьяризаціи, обрусенія и т. п., добросовѣстно вѣрять, что стоитъ на почвѣ національной идеи. Забота о развитіи и процвѣтаніи своего родного подмѣнивается преслѣдованіемъ и подавленіемъ чужого; взаимная травля, злоба и зависть возводятся на степень политическихъ правилъ и припугиваются къ высшимъ интересамъ государства.

Печально видѣть, что это настроеніе питается и поддерживается передовыми умами современной Германіи. Недавно извѣстный этнологъ Бастіанъ пробовалъ доказывать весьма робко и съ разными оговорками, что нѣмецкіе ученые, при всемъ своемъ патріотическомъ несочувствіи къ французамъ и къ ихъ всемірной выставкѣ, могли бы однако отнестись снисходительно къ приглашеніямъ французскихъ ученыхъ обществъ принять участіе въ парижскихъ научныхъ конгрессахъ, и что это участіе, оправдываемое общностью научныхъ интересовъ, не составляло бы нарушенія долга предъ отечествомъ ²⁾. Странная и темная форма, въ какую облекъ свою мысль осторожный авторъ, исполнѣ характеризуетъ господствующія понятія и опасенія нѣмецкаго образованнаго общества. Боязнь прослыть дурнымъ патріотомъ заставляетъ людей заглушать въ себѣ внушенія справедливости и здраваго смысла. Независимые публицисты невольно впадаютъ въ тонъ оффиціозной печати, когда говорятъ о величій и могуществѣ им-

¹⁾ Rodbertus-Jagetzow, Briefe und socialpolitische Aufsätze, herausg. von Rud. Meyer. Bd. I, стр. 10—15. — Briefe von Ferd. Lassalle an Carl Rodbertus-Jagetzow. Berlin, 1878, стр. 56—7.

²⁾ Статья Бастіана была напечатана въ фельетонѣ берлинской „National Zeitung“ безъ подписи, но имя автора было затѣмъ разоблачено редакціей газеты.

періи, о превосходствѣ политики князя Бисмарка и о благотворности ея результатовъ. Яркимъ представителемъ этого своеобразнаго направленія является философъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ. Самъ Гартманъ полагаетъ, что въ своихъ политическихъ взглядахъ онъ идетъ по стопамъ „трехъ мыслителей, наиболѣе способствовавшихъ выясненію всемірно-историческаго призванія Пруссіи: — Канта, какъ давшаго философское обоснованіе прусскому чувству долга; Фихте, какъ провозвѣстника германскаго призванія Пруссіи и всемірно-исторической миссіи Германіи, и Гегеля, какъ проповѣдника внутренней разумности всякаго историческаго развитія и обновителя этическихъ воззрѣній на государство въ противоположность притязаніямъ и наклонностямъ отдѣльныхъ лицъ и партій“. Признавая себя солидарнымъ съ этими великими авторитетами, Гартманъ совѣтуетъ насильно отмѣчить или вытѣснить инородные элементы, существующіе въ предѣлахъ германской имперіи; онъ видимо гордится тѣмъ, что высказанныя имъ идеи примѣнены позднѣе княземъ Бисмаркомъ въ извѣстныхъ мѣрахъ для германизаціи Познани. Разсуждая о войнѣ, онъ рекомендуетъ полководцамъ дѣйствовать безпощадно для скорѣйшаго понужденія непріятеля къ миру, причемъ выставляетъ на видъ цѣлесообразность сожженія населенныхъ кварталовъ осаждаемыхъ городовъ (какъ напр. Парижа). Очевидно, что эти взгляды не только не имѣютъ ничего общаго съ ученіемъ Канта, принципиальнаго противника войнъ, но рѣзко и грубо нарушаютъ основное правило Кантовской морали: „поступай такъ, чтобы руководящій мотивъ твоихъ дѣйствій могъ всегда служить въ то же время принципомъ общаго закона“. Гартманъ не нашелъ бы, конечно, удобнымъ и желательнымъ, чтобы другіе народы прилагали его рецепты въ самимъ нѣмцамъ; онъ стоитъ за крутыя мѣры только потому, что, по его предположенію, онѣ не могутъ быть обращены противъ германской націи, какъ обладающей преимуществомъ силы въ данное время. Имя Канта все употреблено Гартманомъ при изложеніи этой близорукой и противонравственной практической философіи. Упоминая о французской „гнили подъ мишурной оболочкою“, о „старческомъ, политически - разслабленномъ и хвастливомъ торгашескомъ народѣ Англіи“ и о завоевательныхъ инстинктахъ „варварской“ Россіи, Гартманъ оставляетъ для одной Германіи лучшую культурную и политическую роль въ исторіи; однако онъ предвидитъ для своего отечества серьезныя опасности въ будущемъ, не расчитываетъ ни въ какомъ случаѣ на вторичное вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ и даже допускаетъ возможность неудачъ въ одновременной борьбѣ про-

тивъ Россіи и Франціи. Какъ совмѣщаются эти неизбежныя перспективы съ проповѣдью насильственныхъ и несправедливыхъ мѣръ, долженствующихъ вызвать раздраженіе и антипатію со стороны другихъ племенъ и народовъ—это одна изъ психологическихъ загадокъ, повторяющихся сплошь и рядомъ въ публицистикѣ. Односторонность, хотя бы и патриотическая, поражаетъ человѣка слѣпотою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и эта слѣпота можетъ оказаться пагубною, роковою, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Противъ вражды и недовольства сосѣдей Гартманъ не знаетъ лучшаго средства, какъ организованная угроза въ видѣ сѣти международныхъ военныхъ союзовъ; подобный способъ поддержанія мира кажется ему верховъ политическаго искусства. Какъ и большинство образованныхъ нѣмцевъ, онъ видитъ идеальнѣйшую политику въ дипломатіи князя Бисмарка, раздѣлившей всю Европу на два неравныхъ военныхъ лагеря, изъ которыхъ сильнѣйшій по числу участниковъ предводительствуется Германіею. Еслибы Бисмарку удалось,—говоритъ онъ,—соединить въ общую лигу мира всѣ европейскія государства, кромѣ Франціи и Россіи, то послѣднія убѣдились бы, наконецъ, въ бесполезности своихъ разорительныхъ вооруженій и постепенно стали бы разоружаться, послѣ чего и союзныя центральныя державы могли бы сократить свои арміи. Ослѣпление доходитъ до того, что угроза превосходствомъ силы выдается за путь къ успокоенію и разоруженію возможныхъ противниковъ,—тогда какъ, по обыкновенному человѣческому смыслу, всякое военно-политическое усиленіе Германіи должно неизбежно вызывать соотвѣтственное напряженіе силъ со стороны прочихъ великихъ державъ. Предположеніе Гартмана, что всѣ сторонники мира, къ какой бы націи они ни принадлежали, должны радоваться успѣхамъ Бисмарковской политики, есть не простая наивность, а обычный результатъ игнорированія чужихъ національныхъ чувствъ, стремленій и интересовъ. Гартманъ полагаетъ, что съ присоединеніемъ Англіи къ средне-европейской лигѣ мира образуются настоящіе соединенные штаты Европы ¹⁾; но для всякаго ясно, что эти „соединенные штаты“, вооруженные съ головы до ногъ и проникнутые враждебнымъ недовѣріемъ къ такимъ двумъ народамъ, какъ французы и русскіе, составляютъ прямую противоположность той европейской федераціи, о которой мечтали миролюбцы всѣхъ странъ въ былое время. Нѣчто совсѣмъ другое имѣлъ въ виду Кантъ, писавшій о „федер-

¹⁾ Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage, von Eduard v. Hartmann, стр. 359, 400—1 и др.

рализмъ свободныхъ государствъ, какъ основъ международнаго права“, въ известномъ проектѣ „вѣчнаго мира“. И Гартманъ серьезно объявляетъ себя продолжателемъ Канта въ области политической мысли! Такъ выродились философскія и политическія идеи подъ разлагающимъ нравственнымъ вліяніемъ прусскихъ побѣдъ, давшихъ Германіи внѣшнее національное единство на основѣ односторонней государственности и милитаризма.

II.

Господство національнаго принципа въ политикѣ могло установиться прочно и принять свой нынѣшній характеръ только со времени возведенія индивидуализма на степень основнаго начала политической жизни. Пустое мѣсто, оставленное исчезновеніемъ мѣстныхъ и корпоративныхъ связей, упадкомъ общинной и областной автономіи, легко наполнилось элементомъ болѣе общимъ и неопредѣленнымъ, игравшимъ долго лишь второстепенную роль въ вопросахъ государственнаго быта. Когда-то разнообразіе племенъ и языковъ подъ одною политическою властью считалось признакомъ могущества и величія государства; венгерскому королю Стефану св. приписываютъ изреченіе, что „слабо и хрупко царство съ однимъ языкомъ и обычаемъ“. Соединеніе нѣмцевъ, мадьяръ, славянъ и итальянцевъ въ одну монархію признавалось вполне нормальнымъ, ибо высшія сословія объединялись однородностью феодальныхъ учреждений и нравовъ, единствомъ церковной организаціи и общностью литературнаго и оффиціального языка—латинскаго, а закрѣпощенныя массы населенія не принимались въ расчетъ. И теперь аристократія различныхъ странъ имѣетъ въ себѣ много общихъ чертъ, допускающихъ взаимное сближеніе и солидарность; національное сознаніе вносится больше средними и низшими классами, съ ихъ рѣзкими племенными особенностями въ языкѣ, въ обычаяхъ и строѣ жизни. Съ распаденіемъ сословныхъ и общинныхъ корпорацій, когда различныя автономныя сферы, обрѣзавшія личность, вытѣсняются одна за другою всепоглощающимъ и нивелирующимъ владычествомъ государства, для ослабѣвшаго соціальнаго чувства людей остается одно только утѣшище — націонализмъ. Разъединенныя личности ищутъ утѣшенія въ сознаніи, что всѣ онѣ принадлежатъ въ многомилліонному цѣлому, могущему прикрыть собою ихъ внутреннее безсиліе и бросить на нихъ отблескъ своей дѣйствительной или предполагаемой славы среди народовъ міра. Такимъ

образомъ, развитіе и утвержденіе индивидуализма, отгрывая просторъ усиленію центральной политической власти на счетъ отпадающихъ общественныхъ и мѣстныхъ союзовъ, даетъ въ то же время сильный толчокъ національному чувству, призванному служить замѣною исчезающаго корпоративнаго и общиннаго духа.

Однако, націонализмъ самъ по себѣ не даетъ и не можетъ дать удовлетвореніе соціальному чувству: послѣднее, распредѣляясь между милліонами существъ, теряетъ свою силу и становится расплывчатымъ, неопредѣленнымъ, иногда фантастическимъ. Быть солидарнымъ только съ племенемъ и націею, съ десятками милліоновъ народа, — значить, въ сущности, не быть солидарнымъ ни съ кѣмъ въ отдѣльности. Поэтому націонализмъ нуждается въ постоянномъ искусственномъ возбужденіи для того, чтобы доставлять, по крайней мѣрѣ, кажущееся удовлетвореніе общественнымъ инстинктамъ большинства. Это искусственное возбужденіе создается и поощряется тою международною травлею, которая съѣтъ раздоръ и недовѣріе, заставляетъ вѣчно опасаться иноземныхъ интригъ и посягательствъ, порождаетъ хроническую тревогу и кладется въ основаніе практической, яко бы реальной политики. Отсюда своеобразное одностороннее направленіе современнаго націонализма: національная солидарность выдвигается не для общихъ усилій на пользу народа, на повышеніе его матеріальнаго благосостоянія, его умственнаго и нравственнаго уровня, а для поддержанія вражды и нетерпимости къ иностранцамъ и инородцамъ, къ сосѣднимъ и отдаленнымъ державамъ, къ чужимъ расамъ и племенамъ, хотя бы живущимъ мирно въ предѣлахъ данной страны. Національные патріоты новаго типа всего меньше говорятъ и хлопочутъ объ общественномъ и умственномъ ростѣ націи; тѣхъ, кто направляетъ свои помыслы въ эту сторону, они готовы даже упрекнуть въ недостаткѣ патріотизма, забывая, что только умственное развитіе и экономическое благосостояніе народа обезпечиваютъ его самостоятельную роль и даютъ ему шансы прочнаго успѣха въ соперничествѣ съ культурными націями.

Положительная сторона націонализма заключается, какъ мы видѣли, въ формальномъ или косвенномъ признаніи того, что центръ тяжести государства лежитъ въ народѣ и что государственная дѣятельность должна опредѣляться народными стремленіями, чувствами и потребностями. Два крайніе взгляда на государство — отвлеченно-теоретическій и такъ-называемый историческій — все болѣе сближаются между собою и уступаютъ мѣсто болѣе трезвому пониманію политическихъ задачъ, унаслѣдован-

ныхъ отъ прошлаго. Эдмондъ Абѹ въ своей книгѣ о „Прогрессѣ“ замѣчаетъ, между прочимъ, что „современное государство есть добровольный союзъ, основанный большимъ числомъ равныхъ и свободныхъ личностей, для обезпеченія общей ихъ безопасности общими средствами“¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи все невѣрно: принадлежность къ тому или другому государству не есть дѣло доброй воли или выбора; государство основывается не свободнымъ соглашеніемъ личностей и цѣль состоитъ не въ одной охранѣ безопасности. Того отвлеченнаго государства, о которомъ говоритъ Абѹ, не существуетъ въ дѣйствительности. Но, съ другой стороны, измѣнившіяся понятія о государствѣ не оправдываютъ также тѣхъ воззрѣній, которыя противопоставлялись французскимъ политическимъ теоріямъ нѣмецкими историками и публицистами. Леопольдъ Ранке сравнивалъ попытки французскихъ реформаторовъ съ фантазіями людей, думающихъ „создать всеобщій и наилучшій языкъ по спекулятивнымъ даннымъ или преобразовать существующій по предполагаемымъ требованіямъ разума“. И государства—объясняетъ Ранке—суть продукты творческаго генія не отдѣльныхъ лицъ и не одного поколѣнія, а совокупности людей и многихъ поколѣній, какъ и языкъ. „Какъ бы велико ни было вліяніе, оказываемое въ этой области выдающимися и высокопоставленными дѣятелями, государство есть все-таки выраженіе національнаго характера, и такъ какъ оно проистекаетъ изъ первоначальной энергіи человѣческаго духа, то имѣетъ свои собственные законы внутренняго развитія. Идея государства лежитъ не внѣ его; она находится въ немъ самомъ и даетъ толчокъ его движенію; она составляетъ его духовную жизнь; порожденная изъ скрытаго источника, она объединяетъ современное общество и связываетъ между собою ряды поколѣній“²⁾.

Достаточно примѣнить эту аргументацію къ мелкимъ германскимъ государствамъ прежняго времени, чтобы убѣдиться въ ея чрезмѣрной метафизичности. „Первоначальная энергія человѣческаго духа“ нисколько не повинна въ томъ, что ряды поколѣній терпѣли надъ собою режимъ насилія и произвола, режимъ, доходившій до отдачи подданныхъ въ наймы иностраннымъ правительствамъ. Проводить параллель между способомъ образованія государствъ и процессомъ выработки языка неопозволительно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, при всякомъ языкѣ, даже дурномъ

¹⁾ Edmond About, Le progrès (Paris, 1867), стр. 217.

²⁾ Zur Geschichte Deutschlands und Frankreichs (Werke, Bd. 49), стр. 244—6.

и неблагозвучномъ, можно жить прекрасно, — а съ неудачнымъ государствомъ существовать трудно; во-вторыхъ, установленіе языка никому не стоитъ ни крови, ни слезъ, тогда какъ исторія государствъ состоитъ изъ ряда кровопролитій и жертвъ. Вопреки предположеніямъ Ранке, народы и правительства вздумали „искусственно“ создавать и передѣлывать свои политическіе порядки, отвергли и устранили нежелательные продукты столѣтій, въ родѣ разрозненныхъ династическихъ государствъ старой Италіи и Германіи, образовали новыя балканскія государства изъ бывшихъ турецкихъ областей и вообще произвели не мало сознательныхъ перемѣнъ въ политическомъ бытѣ Европы. Эти крупныя перемѣны были дѣломъ національнаго движенія, которое сначала преслѣдовалось правителями, а затѣмъ взято болѣе предприимчивыми изъ нихъ въ собственныя руки.

Непріятныя особенности ложно понятаго націонализма сглаживаются въ значительной мѣрѣ быстротою и обиліемъ сообщеній между различными странами, непрерывно возрастающимъ разнообразіемъ культурныхъ и промышленныхъ связей между народами, необычайнымъ развитіемъ журналистики и литературы. Свѣденія о чужихъ и своихъ дѣлахъ разносятся повсюду, изо дня въ день, газетными телеграммами и корреспонденціями; каждый грамотный человѣкъ получаетъ возможность понимать чужое, оцѣнивать успѣхи и заслуги чужихъ племенъ и государствъ — а пониманіе есть первый шагъ къ уваженію и довѣрію. Въ то же время всеобщее право свободной критики въ европейской печати вліяетъ незамѣтно, но весьма сильно на политику и на внутреннія дѣйствія правительствъ, какъ бы послѣднія ни относились къ общественному мнѣнію. Всякая неудачная или несправедливая мѣра становится тотчасъ предметомъ газетнаго обсужденія въ Европѣ, что отражается невыгодно на политическомъ и финансовомъ кредитѣ государства; турецкіе министры, вполнѣ обеспеченные насчетъ оппозиціи у себя дома, вынуждены опасаться шумной и настойчивой гласности за предѣлами отечества, — гласности, отъ которой ничто не укроется и которая не знаетъ никакихъ стѣсненій. Благотворное вліяніе обще-европейской публичности сдерживаетъ и контролируетъ также тѣхъ, которые имѣли бы возможность дѣйствовать на родинѣ въ полумракѣ. Эта сила печати, особенно чувствительная въ области внѣшнихъ отношеній, слишкомъ часто, къ несчастію, употребляется во зло и обращается въ ядовитое орудіе искусственнаго международнаго раздраженія.

Блюнчли въ одномъ мѣстѣ своей „Политики“ указываетъ на

„славянскую идею братства“, осуществленіе которой въ будущемъ можетъ, по его словамъ, доставить человѣчеству дальнѣйшія нравственныя завоеванія. Не пора ли этой „славянской идеѣ братства“, въ которую готовы увѣрять даже нѣмецкіе теоретики, выйти, наконецъ, наружу изъ своего скрытаго состоянія и внести свѣжее творческое начало въ традиціонную рутину вооруженнаго мира? Или эта „идея братства“ есть пустой звукъ, бесплодно ласкающій воображеніе славянофиловъ? Признаковъ выступленія этой идеи на поприще практической политики пока еще не видно.

Л. Слонимскій.

НА РАЗСВѢТѢ

Повѣсть Е. Ж.

Съ польскаго.

XVI *).

Неожиданная встрѣча Нивола со Стояномъ могла бы представить нѣкоторую опасность: при подобной встрѣчѣ могли произойти громкіе разговоры, по которымъ прислуга могла бы догадаться, что кто-то скрывается въ домѣ. Люди чрезвычайно любопытны, а языки ихъ болтливы. Опасность однако была устранена тѣмъ, что Анка, согласно инструкціи Мокры, предупредила Стояна о прибытіи Нивола. Новость эта и обрадовала, и опечалила Стояна. Онъ былъ радъ, что Никола скрылся отъ турокъ, но ему было непріятно, что теперь Нивола будетъ свидѣтелемъ его свиданій съ Анкой. А свиданія эти доставляли теперь Стояну столько удовольствія, что ожиданіе появленія лица Анки въ отверстіи, черезъ которое она подавала подносы съ пищей, дѣйствительно сокращало ему время и дѣлало сноснымъ пребываніе въ заточеніи. Но нечего было дѣлать. Стѣнка поднялась, — Нивола, въ женскомъ платьѣ, со снятымъ яшмакомъ, вошелъ, и за нимъ снова опустилась стѣнка. Въ эту минуту Стоянъ совершенно забылъ объ Анкѣ; онъ пожалъ товарищу руку и сказалъ:

— Добро пожаловать. Я точно также пробрался сюда въ фереджіи и яшмакѣ... Эге!.. — прибавилъ онъ, заглядывая подъ

*) См. выше: октябрь, стр. 717.

фереджію:—на мнѣ однако не было ни шальваръ, ни папучей, ни туфель. Ты теперь настоящая *жена*.

— Я прошелъ черезъ весь городъ въ этой одеждѣ.

— А я только черезъ садъ... отъ малины въ дому.

Такимъ образомъ началась ихъ бесѣда. Стоянь рассказывалъ Николѣ, а Никола—Стояну подробности своихъ походовъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ сторону Виддина, другой—въ сторону Варны, и теперь они повѣствовали другъ другу о странствованіи, цѣлью котораго было пробужденіе болгаръ отъ пятилѣтняго летаргическаго сна. Молодые люди по пути рассказывали о „четахъ“, о свободѣ и о возможности добыть ее оружіемъ. Народъ слушалъ, соглашался. Кое-гдѣ удалось имъ встрѣтить очень впечатлительныя личности, которыя на-лету подхватывали слова и усвоивали новыя мысли; кое-гдѣ организовались сообщества, и такимъ образомъ расширялась народная организація; общее, однако, настроеніе массъ можно было характеризовать приключеніемъ Стояна въ избѣ Грождана. Стоянь очень подробно рассказалъ объ этомъ приключеніи.

— Не знаю, право, чтѣ и думать, —прибавилъ онъ, вздыхая:— Грожданъ выслушалъ меня и будто понялъ... а между тѣмъ допустилъ обезчестить свою жену. Не бьемъ ли мы черепомъ въ скалу?

— Но вѣдь ты задушилъ нахала.

— Да, но это не я, а самъ Грожданъ долженъ былъ его задушить. Пока всѣ эти Грожданы не почувствуютъ всего позора турецкаго ига, до тѣхъ поръ ничего не выйдетъ.—Стоянь вздохнулъ.

— Какъ же они могутъ почувствовать этотъ позоръ, если никто не уважаетъ имъ его?—возразилъ Никола.—А кому же указывать? Неужели мы должны отступить!

— Нѣтъ, намъ отступить нельзя. Взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Тащи пока хватить силъ. Я лучше всего понялъ свою задачу, когда давилъ колѣнами грудь турецкаго милязима и сжималъ его горло руками. Его хрипъ звучалъ для меня торжественнымъ гимномъ Болгаріи. Я не думалъ тогда о себѣ, я не думалъ ни о комъ.

— Со мной,—вздохнулъ Никола,—не случилось ничего подобнаго. Я обошелъ Добруджу, былъ въ Тульцѣ, въ Бабадагѣ, въ Варнѣ, въ Шумлѣ, ходилъ по селамъ и деревнямъ, но никто меня не тронулъ; и только на обратномъ пути пристали ко мнѣ черкесы, отняли деньги, послѣднюю прокламацію, и привели, какъ собаку, на арванѣ въ слѣдственную комиссію, гдѣ рядомъ съ Аристархи-беемъ сидѣлъ хаджи Христо.

— Хаджи Хрѣсто сидѣлъ рядомъ съ Аристархи-беемъ? — спросилъ удивленный Стоянъ.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Онъ былъ въ тюрьмѣ.

— За что же онъ туда попалъ?

— За то, что не выдалъ меня.

— Такъ вотъ какой онъ смѣлый!

— Онъ выдалъ бы, еслибъ не Иленка.

— Иленка! А!.. Иленка! — восклицалъ очарованный Никола. — Знаешь, что я думаю: еслибъ Иленка пришла въ деревню и приказала крестьянамъ собираться въ четы, — не знаю, право, напелся ли бы хоть одинъ, который бы не послушалъ ее.

— Врядъ ли, — усомнился Стоянъ.

— Я по себѣ сужу, а вѣдь я крестьянинъ.

— Только причесанный... О, еслибъ всѣ крестьяне пригладились такъ, какъ ты!

Такого рода разговорами занимались молодые люди въ своемъ убѣжищѣ, и только по временамъ приходъ Анки, приносившей пищу и новости, прерывалъ ихъ бесѣду. Она сообщила имъ между прочимъ, почему хаджи Хрѣсто сидѣлъ въ слѣдственной комиссиі рядомъ съ Аристархи-беемъ.

— Онъ былъ сначала обвиняемымъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь онъ свидѣтель. Онъ разсказалъ про вашу сходку въ саду.

— Какую сходку въ саду? — перебилъ Никола.

— Должно быть, ту, во время которой ты разбилъ чашу, — отвѣчалъ Стоянъ, и спросилъ: — что же еще?

— Онъ разсказалъ о сходкѣ въ твоей комнатѣ.

— А!.. — воскликнулъ Стоянъ.

— Но онъ не знаетъ, кто тамъ былъ, — отвѣчала дѣвушка.

— Узнаетъ и въ концѣ концовъ разскажетъ, а тогда погибнетъ много народу.

— Нѣтъ, онъ не разскажетъ, — замѣтилъ Никола.

— Почему ты это знаешь?

— Да Иленка такъ сказала.

— Развѣ это отъ нея зависитъ.

— Да, отъ нея, — подтвердила Анка, — такъ какъ только она знаетъ имена тѣхъ, кто былъ на сходкѣ. По этому поводу была уже у хаджи Хрѣсто цѣлая исторія. Мать била Иленку, таскала ее за волосы, по полу волочила.

— Негодная! — воскликнулъ Никола. — Негодная! — повторилъ онъ еще разъ, и, обращаясь къ Стояну, прибавилъ: — Вотъ видишь, не надо искать Грождановъ, чтобы встрѣтиться съ мерзостью. Хаджи

Хрїсто лучше меня причесанъ, а еслибъ не Иленка... Нельзя ли мнѣ видѣть Иленку?—спросилъ онъ Анку.

— Можно, только не сегодня. Она хотѣла придти, и придетъ, только сегодня очень уже поздно.

— А мнѣ хотѣлось бы передать ей одно словечко.

— Она придетъ...

— Но,—перебилъ Никола, поднявъ руки и осматривая свой костюмъ,—нельзя ли мнѣ переодѣться? (Онъ все еще оставался въ женскомъ костюмѣ).—Я оставилъ въ лавкѣ крестьянскую одежду—какъ бы мнѣ ее получить?

— Погоди только, пока мать придетъ,—отвѣчала дѣвушка.

Вскорѣ пришла Мокра; она не принесла Николѣ его крестьянской одежды, но принесла ему платье Петра. Она разговаривала, шутила и передала новости, полученные изъ конака, по которымъ можно было судить, насколько скомпрометированы нѣкоторые изъ заключенныхъ. Стояна интересовала судьба его отца.

— Ничего ему не сдѣлаютъ,—сказала Мокра.—Меганджи отлично ведетъ себя: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“—вотъ и все; у него отличные свидѣтели—сами турки. Онъ все хвастается своею вѣрностью, и доказываетъ ее тѣмъ, что вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ варить кофе, а кромѣ того ни о чемъ ничего не знаетъ... Вотъ чьи дѣла плохи...—Мокра назвала при этомъ нѣсколько именъ людей ни въ чемъ неповинныхъ, но такихъ, которые путались въ отвѣтахъ и навлепали на себя Богъ знаетъ что. Были между ними и такіе, которые въ обществѣ играли роль заговорщиковъ, хотя никогда ни къ чему не принадлежали. На допросѣ оказалось, что будто они очень опасны, и имъ угрожало серьезное наказаніе. Но хуже всѣхъ пришлось Станку и Грождану. Они непосредственно соприкасались съ дѣломъ Стояна.

— Надо бы мнѣ стать на мѣсто Станка,—сказалъ Стоянъ съ досадой.

— Еще чего не доставало!—отвѣчала Мокра:—и Станку ты бы не помогъ, и себя бы погубилъ. Пусть онъ остается на своемъ мѣстѣ, а ты не сходи съ своего. Когда сыновья мои погибали, я и не подумала, что на ихъ мѣстѣ долженъ бы стать кто-нибудь другой. У каждаго свое мѣсто. Еслибъ турки поймали тебя, ну, тогда другое дѣло. Но если тебѣ удалось уйти, такъ постарайся, чтобъ они тебя попомнили. Теперь на твоей совѣсти не грѣхъ, а новая обязанность, понимаешь?

Слова Мокры были для молодежи завѣщаніемъ двухъ жертвъ; голова одного, выставленная на жерди, была еще памятна всѣмъ

жителямъ Рушчука, а похороны второго происходили еще очень недавно. Молодые люди весьма цѣнили каждое слово старухи: что она сказала — то было свято. Поэтому слова ея нѣсколько успокоили Стояна, хотя ему все-таки очень жаль было Станка и его дѣтей.

— А можетъ быть Богъ спасетъ его отъ гибели,—сказалъ онъ.

— Врядъ ли,—отвѣчала Мокра.

— Почему?

— Онъ много болтаетъ.

— Какъ это?.. болтаетъ?

— Онъ такъ и рѣжетъ правду передъ турками.

— Онъ? всегда такой молчаливый?

— Онъ до тѣхъ поръ молчалъ, пока не надо было говорить, а теперь рѣжетъ правду и съ такимъ, говорятъ, спокойствіемъ, какъ будто разговариваетъ въ кофейнѣ.

— Какъ это, Мокра, ты все знаешь?

— Отъ свидѣтелей и отъ турецкихъ жандармовъ, которые приходятъ во мнѣ въ лавку. Я имъ даю мастихи, а они рассказываютъ.

Стоянъ вздохнулъ.

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ Станка,—сказалъ Никола,— вотъ ужъ наговорилъ бы туркамъ!

Ночью Стоянъ и Никола спустились по лѣстницѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ въ саду. Никола внимательно посматривалъ на колодезь.

— Куда ты такъ пристально глядишь?—спросилъ Стоянъ.

— Смотрю, все ли въ порядкѣ.

— Что такое?

— Такъ вообще,—отвѣтилъ Никола, не желая открывать тайны безъ разрѣшенія Петра, и заговорилъ вдругъ объ Иленѣ:— не могу не думать объ этой дѣвушкѣ!

— Нравится она тебѣ?

— Ахъ!—воскликнулъ Никола. — Я бы для нея... я бы за нее... Не знаю, что меня такъ привязало къ ней, но я готовъ пойти за нею на край свѣта.

— А вѣдь она должна была быть моею,—замѣтилъ Стоянъ.

— Ну, и что же?—спросилъ съ безпокойствомъ Никола.

— Насъ раздѣлила Болгарія.

— Такъ ты для Болгаріи отказался отъ нея?

— Не то чтобы отказался... Ни я отъ нея не отказывался, ни она отъ меня не отказывалась, но отецъ ея и мать оттолкнули.

нули меня, когда я бросилъ торговлю и присталъ къ комитету.

— Я не позволилъ бы себя оттолкнуть!—выразительно сказала Никола.

— Что жъ бы ты сдѣлалъ?

— Что?.. гм... Развѣ не женятся безъ дозволенія родителей! Я бы... я бы... Онъ хотѣлъ связать: „я бы на твоёмъ мѣстѣ нашёлъ средство“; но онъ предпочелъ самъ находиться на мѣстѣ Стояна и для себя отыскивать средство, поэтому онъ какъ-то не могъ высказать своей мысли.

— И... и...—прибавилъ Стоянъ:—Иленка какъ-то не сближалась со мной.

— Она не хотѣла тебя?—подхватилъ Никола.

— Не знаю... она не избѣгала меня... впрочемъ... —И онъ махнулъ рукой.

— Вѣдь ты не сталъ бы драться со мной изъ-за нея?

— Не знаю,—отвѣчалъ Стоянъ, который, очевидно, не желалъ изливать своихъ чувствъ передъ Николой.

Ночь, хотя и не лунная, способствовала этого рода излиянiямъ. Звѣздное небо всегда производитъ впечатлѣнiе на влюбленныхъ. Оба молодыхъ человека были влюблены, только одинъ изъ нихъ не умѣлъ опредѣлить своего чувства, хотя и желалъ бы излить его въ словахъ; другой отлично понималъ, что съ нимъ случилось, и потому молчалъ. Они ходили, разговаривали, вдругъ остановились и начали прислушиваться. Имъ показалось, что кто-то стучитъ въ ворота.

— Что это такое?—спросили оба вмѣстѣ.

Пока они слушали, въ саду появилась какая-то бѣлая фигура, которая, проходя мимо нихъ, сказала: „запѣи“, и тотчасъ исчезла.

— Анка,—шепнулъ Стоянъ.

— Пойдемъ,—сказалъ Никола.—Увидишь теперь, почему я осматривалъ колодезь. Смотри хорошенько, что я дѣлаю, и сдѣлай потомъ то же самое.—Подойдя къ колодезю, онъ сѣлъ въ бадью и началъ спускаться, держась за другую цѣпь. Я повову, когда тебѣ надо будетъ садиться.

Никола спустился, а Стоянъ заглянулъ въ колодезь. Вскорѣ поднялось пустое ведро и послышался голосъ:—Садись и держись крѣпче!—Стояну стало жутко спускаться въ черную пропасть, но другого выхода не было; въ тому же не имѣлъ никакого основанiя не сдѣлать того, что сдѣлалъ Никола; собравшись съ духомъ, онъ сѣлъ въ бадью. По всему его тѣлу пробѣжала

дрожь, и онъ началъ спускаться, медленно перехватывая руками поочередно дѣшпъ, за которую старался держаться какъ можно крѣпче. Голосъ Никола ободрялъ его снизу:—Смѣлѣй! только дѣшпъ покрѣпче держи и отпускай понемногу!

Бадья опускалась все глубже и глубже и вдругъ пошатнулась въ бокъ. Стоянъ почувствовалъ на себѣ руку Никола и услышалъ:—Вылѣзай!—Они находились въ абсолютной темнотѣ.

— Пусть теперь собираютъ заптѣевъ со всей Турціи, а насъ все равно не найдутъ. Есть ли у тебя спички?

— Нѣтъ ни одной.

— Прoberемъя оцупью, поѣдемъ.

Стоянъ пошелъ за Николой. Вскорѣ они добрались до ниши, въ которой усѣлись.

— Съ какою это стати они нагрянули на Мокру?—замѣтилъ Никола.

И дѣйствительно, не произошло бы ничего подобнаго, если бы не хаджи Хрѣсто. Въ этотъ вечеръ къ нему пришелъ Аристархи-бей, чтобы сдѣлать условленный обыскъ. Онъ тщательно обыскалъ комнату Стояна, но ничего не нашелъ, потому, въ качествѣ гостя, пошелъ въ мусафирлыкъ. Хозяева усердно угощали его. Съ нимъ вмѣстѣ былъ степенный агъ и еще одинъ чиновникъ изъ конака. Заптіи ждали на дворѣ и попивали мастику, а въ мусафирлыкъ приносили отмѣнные плоды, варенье, ливеры, пирожное, однимъ словомъ, всевозможныя сласти, до которыхъ турки большіе охотники. Гости бесѣдовали о разныхъ разностяхъ и, наконецъ, воснулись „злости дня“.

— Собственно говоря, я ничего не знаю,—говорилъ хаджи Хрѣсто,—но...

— Чтò такое?

— Я бы, пожалуй, сказалъ, еслибъ...

— Конечно, конечно!—увѣрялъ бей, догадавшись, что хаджи Хрѣсто хотѣлъ, чтобы сохранили тайну. — Чтò мнѣ сказано, тò безслѣдно пропадаетъ.

— У меня есть дочь,—вздыхнулъ хозяинъ,—и, въ несчастію, она влюблена въ Стояна... Конечно, это ни къ чему не поведетъ, потому что ни за что не отдамъ я своей дочери такому негодяю. Но она часто что-то начала ходить къ Мокрѣ. Прежде, бывало, разъ въ три мѣсяца сходила, а теперь бѣгаетъ по три раза въ день.

— Спрашивалъ ли ты ее, зачѣмъ она ходитъ туда?

— И я, и жена, спрашивали, но, самъ знаешь, эффендимъ, въ подобныхъ случаяхъ...

— Да, конечно, она не скажетъ, хоть ты ее запори.

— Ну, да.

— Гм...—раздумывалъ бей.—Это очень важное указаніе...

— Но вѣдь въ нашихъ домахъ такъ можно спрятаться, что и не найдешь.

— Нѣтъ ужъ теперь такихъ мѣстъ, какія прежде бывали.

— А все-таки.

— Впрочемъ у Мокры есть одно мѣсто точь въ точь такое же, какъ и въ моемъ домѣ.

— Покажи мнѣ его.

— Пойдемъ, эффендимъ.

Хаджи Хрїсто повелъ бея въ комнату, рядомъ съ которой находился такой же тайникъ, каковой былъ рядомъ съ комнатой Анки. Хозяинъ указалъ, какъ подымается стѣна, и какъ, поднявъ полъ, можно выйти наружу. Разказалъ какъ можно изъ этого убѣжища пробраться въ садъ и на какой дворъ. Иленка видѣла все это изъ сосѣдней комнаты. Она не понимала значенія этого осмотра, полагая, что это продолженіе обыска, и нисколько не беспокоилась бы, еслибъ не услышала, что говорятъ о Мокрѣ. Это имя, произнесенное отцомъ въ присутствіи слѣдователя, встревожило ее, а опасенія тѣмъ болѣе усиливались и раздражали ее, что она не имѣла никакой возможности предупредить молодыхъ людей о грозившей имъ опасности. „Впрочемъ,—думала Иленка,—можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, все это не касается ихъ“. Наконецъ она увѣрила себя, что Провидѣніе защититъ молодыхъ людей, потому что она всю ночь молилась. А между тѣмъ Аристархи-бей вернулся въ мусафирлыкъ и началъ обдумывать съ агой планъ обыска у Мокры. Ага велѣлъ заплѣчь окружить домъ и садъ такимъ образомъ, чтобъ даже мышь не могла пройти незамѣченной. Выпили еще по рюмкѣ *chartreuse*, съѣли по нѣсколькѣ зеренъ граната, по нѣсколькѣ миндалей и отправились въ путь. Домъ былъ уже окруженъ густою цѣпью часовыхъ. Ага постучалъ въ ворота, нисколько не опасаясь шума, такъ какъ былъ вполне увѣренъ, что если кто-нибудь здѣсь скрывается, то его поймутъ.

При первомъ стукѣ Мокра разбудила Анку и сказала ей: „Вставай скорѣй и свяжи Стояну и Николѣ: заплѣчь“. Анка вскочила съ постели и въ одной кофтѣ побѣжала къ скрывающимся. Не найдя ихъ въ комнатеѣ, она спустилась по лѣстницѣ, пробѣжала въ садъ, произнесла слово: „заплѣчь“, и вернулась тѣмъ же путемъ, втащила лѣсенку, сложила постель и уничтожила, такимъ образомъ, всякіе слѣды пребыванія кого бы

то ни было. А потомъ, такъ же быстро пройдя въ свою комнату, легла въ постель. Она тотчасъ же услышала тяжелые шаги заплѣвъ, доносившіеся со двора, и сообразила, что между прочимъ они направляются въ тотъ проходъ, который ведетъ къ отверстію въ полу. Сердце у нея замерло. Въ домѣ тоже слышны были шаги и разговоръ. Какой-то чужой голосъ говорилъ:

— Мы получили доносъ, вѣроятно ни на чемъ не основанный, но ты не пеняй на насъ: мы сдѣлаемъ обыскъ, чтобъ пристыдить доносчика.

— Любопытно однако, кто таковой донесъ на меня?—спрашивала Мокра.

— Не могу тебѣ назвать доносчика, а все-таки обыскъ надо сдѣлать.

— Ищи, эффендимъ, я сама помогу тебѣ искать.

Шаги все приближались и, наконецъ, послышались въ соседней комнатѣ.

— Куда вы, эффендимъ?—спросила Мокра.

— Туда,—отвѣчалъ мужской голосъ.

— Тамъ спать моя дочь, молодая дѣвушка.

— Пусть прикроется.

— Анка!—вскрикнула Мокра.

— Мама!—отвѣчала дѣвушка испуганнымъ голосомъ.

— Мужчины идутъ, прикройся!

Въ комнату вошелъ Аристархи-бей, ага и нѣсколько заплѣвъ, всѣ съ фонарями въ рукахъ. Ага указалъ пальцемъ дверь отъ шкафа, откуда поднималась стѣнка, и приказалъ заплѣвамъ идти туда. Это удивило Мокру, но она тотчасъ же опомнилась. Пока одинъ изъ заплѣвъ отворялъ дверь отъ шкафа, она сказала Аристархи-бею:

— Я только-что хотѣла указать тебѣ эту комнату.

— А!..—удивился бей.

Заплѣи подняли стѣну, искали и ничего не нашли.

— Ничего?—недоумѣвалъ бей.

— Ничего,—повторили турки.

— Нѣтъ ли одежды?

— Есть фереджія, яшмакъ, шальвары, папучи, туфли.

Это была одежда, въ которой Стоянъ проходилъ черезъ садъ, а Никола—черезъ городъ.

— Нѣтъ ли табаку, кисета, окурковъ, папиросокъ?—допрашивалъ Аристархи-бей.

— Нѣтъ ничего,—отвѣчали заплѣи.

— Убирайтесь отсюда, ищите въ другомъ мѣстѣ!—скоман-

доваль бей, а самъ вернулся въ мусафирлыкъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ ага и секретарь. Они переглянулись и пожали плечами.

— Посмотримъ, не приведутъ ли со двора или изъ сада, — началъ ага, — а между тѣмъ не дурно было бы, еслибъ чѣмъ-нибудь угостили.

Мусафирлыкъ, въ которомъ они сидѣли, былъ освѣщенъ только нѣсколькими фонарями. Вскорѣ однако Мокра принесла на подносѣ два небольшихъ серебряныхъ подсвѣчника съ стеариновыми свѣчами, бутылку, рюмки и пирожное на закуску.

— *Машалла!* — воскликнулъ ага въ знакъ одобренія.

— Извините меня, — сказала Мокра, поставивъ на столѣ подносъ между беємъ и агой. — Вы приходите ночью, а мнѣ все-таки хотѣлось бы угостить васъ чѣмъ-нибудь. Вотъ я и несу что есть подъ руками, чтобъ доказать вамъ, какъ я рада видѣть васъ у себя. Пейте и кушайте на здоровье.

— Надѣюсь, что ты не будешь на насъ пенять за ночной набѣгъ? — спросилъ бей.

— Боже избави!

— Вѣдь мы не у одной у тебя дѣлаемъ обыскъ. Такое время настало! — бей вздохнулъ: — фальшивые доносы градомъ сыплются. Еслибъ въ Болгаріи было столько солдатъ, сколько доносчиковъ, тогда бы трудно было съ ней справиться падишаху. Мы только что были у хаджи Хрѣсто.

— Вѣдь онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, — замѣтила Мокра.

— Одно не мѣшаетъ другому.

Мокра посмотрѣла въ глаза Аристархи-бею и начала угощать: — Милости просимъ, отвѣдайте, не откажите. — Исполнивъ роль гостепріимной хозяйки, она удалилась. Войдя въ сосѣднюю комнату, она заперла за собою дверь, а сама направилась вдоль стѣны, отперла тихонько одинъ изъ шкафовъ и подслушивала. Лишь только она ушла, Аристархи-бей взялъ въ руки бутылку и прочиталъ вслухъ: „*Lacrimae Christi*“.

— Вотъ тебѣ и хаджи Хрѣсто! — сказалъ ага: — черезъ него напрасно побезпокоили мы Мокру.

— Не совсѣмъ напрасно, вотъ посмотри! — бей повернулъ бутылку въ свѣту и обратилъ вниманіе аги на прекрасный янтарный цвѣтъ вина, весьма цѣнимаго гастрономами. Лучи преломлялись въ немъ какъ въ алмазѣ. — Видишь ли?

— Вижу... какая-нибудь французская ракія.

— Нѣтъ, не ракія, а *шаронгъ*, который называется „слезами Христа“. Отвѣдаешь?

— Да, надо узнать, какими слезами плакалъ Христосъ. —

Аристархи-бей налилъ, а ага выпилъ и губы облизалъ; пилъ, чмокалъ и гладилъ себѣ рукой животъ.

Мокра не стала больше подслушивать и потихоньку удалилась.

Сановники попивали вино въ мусафирлыкѣ; заплѣи искали. Одни и другіе окончили свое дѣло. Вино было выпито, а заплѣи обыскали всѣ уголки, всѣ проходы, весь садъ, даже въ колодезь заглянули, но ничего не нашли. Все это продолжалось нѣсколько часовъ, такъ что было уже за полночь, когда на подносѣ вмѣсто пустой бутылки явилась другая полная. Бей и ага послали Мокрѣ, принесшей новую бутылку, воздушный поцѣлуй, такъ какъ языки этихъ сановниковъ уже плохо дѣйствовали. А когда нѣсколько позже одинъ изъ старшихъ жандармовъ пришелъ съ докладомъ, то увидѣлъ на столѣ горѣвшія свѣчи, недопитую бутылку, полунаполненныя рюмки, пряники, а на диванѣ спящихъ сановниковъ, такъ что докладывать было уже некому. Заплѣи постоялъ, покашлялъ, произнесъ нѣсколько разъ: „эффендимъ“, наконецъ подошелъ въ столу и выпилъ оставшееся въ одной изъ рюмокъ вино, чмокнулъ, обтеръ кулакомъ усы и выпилъ остатокъ изъ другой рюмки; отхаркнулъ и то же самое сдѣлалъ съ третьей рюмкой. Казалось, что тѣмъ онъ и повончить, и ему самому, вѣроятно, такъ же казалось, ибо онъ отвернулся и направился къ дверямъ; но тотчасъ же снова подошелъ къ столу, взялъ въ руки бутылку, приложилъ къ ней губы и до тѣхъ поръ тянулъ изъ нея, пока не выпилъ всего оставшагося въ ней вина, потомъ собралъ пряники и только тогда ушелъ. Выйдя къ ожидавшимъ его на дворѣ товарищамъ, онъ заявилъ: „приказано ждать“.

XVII.

Получивъ приказаніе ждать, турецкіе охранители порядка и спокойствія собрались около воротъ. Одни остались на дворѣ; другіе пошли на улицу, и всѣ усѣлись. Послѣ утомительныхъ поисковъ всѣмъ захотѣлось отдохнуть. Туркамъ значительно легче отдыхать, чѣмъ кому бы то ни было. Обитателю запада необходимъ для сидѣнія по меньшей мѣрѣ табуретъ, столбикъ или камень; восточный же житель садится прямо на землю, тамъ, гдѣ стоитъ: земля замѣняетъ ему скамью и постель. Такимъ именно образомъ усѣлись и заплѣи на улицѣ вдоль дома и на дворѣ. Одни закурили папиросы, другіе набили трубки, покуривали и ждали. Наконецъ, одинъ задремалъ и заснулъ, за нимъ другой, третій, и вскорѣ ангелъ сна распростеръ свои крылья надъ всей зап-

тійской дружиной и произвелъ всеобщее храпѣніе и сопѣніе. Вожди спали въ мусафирлыкѣ; на дворѣ и на улицѣ спали подчиненные, а во всемъ домѣ спала прислуга. Анка сильно безпокоилась и долго не могла уснуть, но, наконецъ, и ея овладѣлъ сонъ. Во всемъ домѣ одна только Мокра не спала. Она не только не спала, но еще и наблюдала за всѣмъ. Обошла дворъ, осмотрѣла заплѣвъ, пришла въ мусафирлыкъ и, взявъ свѣчку въ руки, осмотрѣла Аристархи-бея, агу и секретаря. Осмотръ первыхъ двухъ такъ и окончился однимъ осмотромъ, но около секретаря Мокра увидѣла бумагу; взяла ее, взглянула и, конечно, ничего не могла разобрать, такъ какъ была безграмотна. Она, однако, понимала, что секретарь долженъ записывать все, что происходитъ во время обыска или допроса, а потому догадалась, что на этой бумагѣ должно быть прописано все, что Аристархи-бей дѣлалъ въ эту ночь. Поэтому, взявъ бумагу, она пошла съ ней въ Анкѣ, разбудила ее и, подавая документъ, сказала: „разбери, что здѣсь написано“.

— Не разберу, мама, — отвѣчала дѣвушка, взглянувъ на бумагу.

— По-турецки написано?

— Нѣтъ, по-французски.

— Вѣдь Стоянъ знаетъ французскій языкъ?

— Гдѣ же онъ? — спросила дѣвушка.

— Гдѣ?.. онъ внѣ опасности... * только трудно въ нему добраться. Впрочемъ попробую.

Мокра знала секретъ своего колодца, но никогда еще сама не спускалась въ него. Теперь, однако, у нея въ рукахъ была бумага, разобравъ которую, быть можетъ, возможно будетъ предупредить тѣхъ, кому угрожаетъ опасность. Въ виду такой необходимости она рѣшилась рискнуть.

— Останься ты здѣсь и не спи, — сказала она Анкѣ, — а я уйду и скоро вернусь. Турки спать крѣпко; и я думаю, что они не проснутся, пока я не приду.

Мокра взяла фонарь, спички, бутылку ракіи, хлѣба и направилась къ колодцу; привязала къ цѣпи фонарь и спустилась. Стоянъ и Никола находились въ абсолютной темнотѣ, къ которой никакой глазъ не можетъ привыкнуть. Они сидѣли и размышляли.

— А долго ли придется намъ здѣсь сидѣть? — спрашивалъ Стоянъ.

— Пока придетъ Петръ, — отвѣчалъ Никола.

Стоянъ разспрашивалъ о значеніи подземелья, кто его сдѣлалъ, какъ узналъ о немъ Никола — и такимъ образомъ старался убить

время. Никола не все рассказал товарищу. Конspirаторская его сноровка не позволяла обременять человека такими свѣдѣніями, которыя не касаются его личной дѣятельности. Поэтому онъ и не повелъ Стояна до другого конца галереи. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только Петръ вернется изъ Константинополя, то не замедлитъ подумать о нихъ, и сообщил эти мысли Стояну.

— Зараръ ёкъ (все это ничего),—говорилъ Никола.—А вотъ темно такъ темно... Зато когда выйдемъ, намъ все покажется свѣтлымъ.

— Почему мы не вернулись въ прежнее наше убѣжище?—спросилъ Стоянъ.

— Потому что на дворѣ могли встрѣтить заплѣвъ.

— А еслибъ тотчасъ же за Анкой побѣжать?

— Теперь уже нечего дѣлать, надо ждать; можетъ быть дождемся свѣта раньше, чѣмъ намъ думается...—И въ тотъ самый моментъ, когда онъ произносилъ эти слова, показался свѣтъ. Стоянъ и Никола бросились ему на встрѣчу и встрѣтили Мокру.

— Я къ вамъ на минутку.

— А что такое?

— Пришло множество заплѣвъ; всю ночь искали, обшарили весь домъ, и теперь всѣ спятъ. Вотъ вамъ фонарь, водка, хлѣбъ, но надо прочесть эту бумагу,—и она подала документъ Стояну.

Сразу свѣтъ такъ ослѣпилъ Стояна, что онъ ничего не могъ разобрать; но вскорѣ глаза его приспособились къ свѣту, и онъ началъ читать и объяснять. Это былъ набросокъ протокола обыска у хаджи Христо и Мокры. Объ обыскѣ ничего интереснаго не было сказано; но была тамъ замѣтка о показаніяхъ хаджи Христо; въ ней значилось: „хаджи Христо подозрѣваетъ, что Стоянъ Кривеновъ скрывается у Мокры, такъ какъ дочь хаджи Христо, влюбленная въ Стояна, бѣгаетъ по три раза въ сутки къ Мокрѣ“.

Никола глубоко вздохнулъ, услышавъ эти слова, а Мокра, обращаясь къ Стояну, сказала:

— Что Иленка влюбилась въ тебя, ничего въ этомъ нѣтъ дурного. Я, правду сказать, хотѣла-было, чтобы Петръ на ней женился, но если она предпочитаетъ тебя, тогда Петръ пусть поищетъ другой. Но плохо то, что хаджи Христо рассказываетъ туркамъ такія дѣла. Вѣдь Аристархи-бей прямо пошелъ туда, гдѣ вы скрывались... это плохо... Хорошо однако, что мы объ этомъ знаемъ... Пока до свиданія, пойдемъ, я спѣшу.

Никола взялъ фонарь и пошелъ впередъ. Мокра сѣла въ бадью, и безъ всякихъ приключеній ее втащили наверхъ. Она

пробѣжала черезъ садъ и положила бумагу на томъ самомъ мѣстѣ, откуда взяла ее. Все пошло какъ по маслу. А между тѣмъ въ подземельѣ выдержка изъ протокола, въ которой говорилось объ Иленѣ и хаджи Христо произвела очень сильное впечатлѣніе. На каждаго изъ молодыхъ людей она подѣйствовала иначе. Стояна возмущилъ поступокъ хаджи Христо.

— И съ какой стати онъ болтаетъ?—негодовалъ онъ.—Пусть бы меня не шадилъ, а то вѣдь дочь... собственную дочь запуталь... Негодный!

Никола ничего не говорилъ; онъ нахмурился, сѣлъ, оперся локтями въ колѣни, руками обхватилъ голову и будто окаменѣлъ въ этой позѣ. На землѣ рядомъ съ фонаремъ стояла бутылка, лежалъ хлѣбъ. Стояня взялъ бутылку, самъ выпилъ и хотѣлъ передать Николѣ, но послѣдній не бралъ бутылки.

— Выпей, братъ. Здѣсь сыро!—приглашалъ Стояня.

Никола не отвѣчалъ, а между тѣмъ Стояня отломилъ кусокъ хлѣба и старался поудобнѣе усѣсться. Нѣсколько разъ онъ начиналъ разговоръ съ товарищемъ, но отвѣта не получалъ; его удивило это молчаніе.

— Что съ тобой? не боленъ ли ты?—спросилъ Стояня.

Никола молчалъ и не шевелился.

— Ты, можетъ быть, уснулъ? и мнѣ что-то хочется спать.— Немудрено: онъ порядочно-таки хлебнулъ водки. Выбравъ поглаже камень, онъ положилъ его вмѣсто подушки, легъ, протянулъ ноги и уснулъ. Теперь только Никола поднялъ голову и сталъ упрекать спящаго:—Почему ты не сказалъ мнѣ раньше, что она тебя любитъ? Къ чему ты игралъ со мной комедію?

Онъ всталъ, вышелъ изъ ниши и направился въ внѣшнему выходу. Здѣсь облокотился на скалу, которая скрывала выходъ изъ подземелья, и долго стоялъ такъ. На востокѣ занималась заря. Проснувшіяся птицы зашевелились. Среди утренняго тумана слышался полетъ дикихъ утокъ, гоготаніе гусей, возвращавшихся на дунайскія трясины съ ночныхъ набѣговъ на поля, гдѣ они производятъ страшныя опустошенія. Внизу блестялъ Дунай, а за Дунаемъ необъятныя зеленныя трясины, среди которыхъ бѣлѣли ряды лебедей и пеликановъ. Надъ рѣкой быстро пролетали чайки, скользя по поверхности воды, а нѣкоторыя изъ нихъ залетали съ рыбой въ когтяхъ. На берегу, какъ солдаты на часахъ, стояли цапли; то тутъ, то тамъ спускались аисты на трясину. Вскорѣ поднялось большое, величественное солнце и ярко освѣтило красовавшуюся передъ взоромъ Николы панораму. Но ему дѣла теперь не было ни до какой панорамы. Онъ смотрѣлъ и ничего не видѣлъ. Онъ него-

доваль на товарища своего и друга, и это негодование такъ поглотило его, что онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что дѣлалось на землѣ, на водѣ, въ воздухѣ и на небѣ. Еслибъ кто-нибудь спросилъ его: взшло ли солнце? онъ навѣрное не зналъ бы, что отвѣтить. Влюбленные смотрятъ на свѣтъ не такъ, какъ другіе смертные. Ихъ міръ, когда они не глядятъ въ глаза своей возлюбленной, не выходитъ наружу. Они превращаются въ абсолютныхъ эгоистовъ: видятъ—только себя, думаютъ—только о себѣ.

„Она влюблена въ него,—размышлялъ Никола:—по три раза въ день приходитъ для него въ Мокрѣ, а Мокра хотѣла, чтобъ Петръ на ней женился... Какъ же это она?.. А я то что же?.. Почему она такъ встрѣтила меня?.. Почему хотѣла мнѣ отдать свои драгоценности?“

Бѣдный Никола не могъ связать всѣхъ этихъ мыслей, всѣхъ своихъ чувствъ. Въ одно и то-же время онъ сердился, негодовалъ, досадовалъ и никакъ не могъ опредѣлить себѣ, что это дѣлается съ нимъ и вокругъ него. Онъ мысленно видѣлъ Иленку, и ея образъ до того господствовалъ въ его воображеніи, что ему стали мерещиться дикіе планы. „Стоянъ задушилъ милязима,—думаетъ онъ,—а еслибъ я задушилъ Стояна?“ Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ различіи его плана отъ поступка съ милязимомъ. Въ немъ проснулся тотъ первобытный человѣкъ, который въ цивилизованномъ мірѣ преобразовался въ джентльмена, всегда готоваго лишиться жизни своего ближняго, друга и даже родного брата, вызвавъ его на дуэль изъ-за женщины. Никола чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ со стороны Стояна, потому что Иленка любила послѣдняго.

Солнце поднималось все выше и выше. Уже разошелся туманъ, стихла утренняя суетня, и было около девяти часовъ, когда Никола услышалъ доносившійся до него изъ подземелья отголосокъ разговора. Онъ обернулся и посмотрѣлъ въ глубь галереи. Звуки все приближались и, наконецъ, изъ мрака выступила фигура Петра, за которымъ слѣдовалъ Стоянъ. Никола не пошевелился. Петръ поздоровался съ нимъ, а Никола пробормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Я пріѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ изъ Варны,—началъ Петръ,—и прихожу освободить васъ отъ не-вавилонской неволи. Сейчас послалъ телеграмму въ Журжево; но вамъ необходимо провести весь сегодняшній день въ подземельѣ...

— Если только есть свѣтъ и ѣда,—замѣтилъ Стоянъ,—такъ это пустяки. Когда я сюда попалъ, то первое время мнѣ было невыносимо тяжело... темно хоть глаза выколи... Я не думалъ,

чтобъ темнота такъ неприятно дѣйствовала... Пока не пришла Мокра, я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Сегодня же ночью я переправлю васъ на тотъ берегъ.

— Только не меня,—угромо перебилъ Никола.

— Такъ ты не хочешь?

— Пусть Стоянъ идетъ, ѣдетъ, плыветъ, дѣлаетъ какъ ему угодно, а я остаюсь въ Рущувѣ.

— Такъ тебѣ подземелье понравилось?—пошутяль Петръ.

— Я выйду изъ подземелья.

— И что же?

— Ничего.

— Бѣду только на насъ навликаешь.

— И бѣды ни на кого не навликаю, самъ справлюсь.

— Турки разыщутъ тебя и арестуютъ.

Никола ничего не отвѣчалъ.

— А то отправляйся лучше со Стояномъ.

— Я не хочу отправляться со Стояномъ,—перебилъ Никола.

— Нѣтъ!.. съ кѣмъ угодно, только не со Стояномъ.

— Это что же значить? — спросилъ Стоянъ.—Чѣмъ же я обидѣлъ тебя?

— Мы еще потолкуемъ объ этомъ, а пока... не говори со мной, а то... — онъ показалъ сжатый кулакъ.

— Вотъ те на! — воскликнулъ Петръ.—Теперь, когда герцеговинцы дерутся съ турками, теперь, когда намъ приходится подумать о Болгаріи; теперь, когда и намъ надо взять въ руки оружіе, чтобъ добиться своихъ правъ; теперь, когда между нами не должно быть и тѣни раздора... теперь болгаринъ болгарину грозить кулакомъ... Ахъ, Никола!..—возмутился Петръ. Никола одумался: онъ опустилъ руки, раскрылъ ротъ и смотрѣлъ на Петра.

— Не понимаю и даже догадаться не могу, что съ нимъ сдѣлалось?—началь-было Стоянъ.

— Должно быть, ты его обидѣлъ...—замѣтилъ Петръ.

— Какимъ образомъ? сидѣли мы вмѣстѣ въ тайникѣ нѣсколько часовъ, гуляли въ саду, спустились въ колодезь и здѣсь даже въ подземельѣ отлично ладили... Я уснулъ и спалъ, пока ты не разбудилъ меня, а теперь... вотъ что (онъ указалъ пальцемъ на Николу) безъ всякой причины.

— Безъ при-чи-ны...—выговорилъ сквозъ зубы Никола.

— Не сказалъ ли ты ему чего-нибудь?

— Что такое я могъ ему сказать?

— Не въ томъ дѣло, что онъ сказалъ,—обратился Никола къ Петру,—а въ томъ, чего не сказалъ.

— Чего же?—спросилъ Петръ:—Скажи, въ чемъ дѣло, объяснитесь, помиритесь и пойдите вмѣстѣ турокъ бить.

— А!..—отвѣчалъ Никола, подымая руку.—Бить турокъ я пойду, и дай Богъ, чтобъ они меня убили; но со Стояномъ мириться не хочу... Пусть насъ рассудятъ турецкія пули!

— Въ чемъ же состоитъ ваша тяжба?

Никола вздохнулъ.—Ни говорить, ни думать я объ ней не буду... Но только потому не дерусь со Стояномъ, что онъ тоже идетъ турокъ бить.

— Такъ ты не останешься въ Руссужѣ?

— Посылай меня куда хочешь.

— Не въ томъ дѣло, чего я хочу, а въ томъ, что необходимо. Одинъ изъ васъ исходилъ восточную, другой—западную Болгарію, и тотъ, и другой собралъ массу фактовъ, которые надо сопоставить съ собранными уже свѣденіями для составленія плана народной войны... Теперь вы не принадлежите себѣ... Такъ какъ вы не попали туркамъ въ руки, то ни тотъ, ни другой не долженъ рисковать головой, въ которой собраны полезныя свѣденія. Когда пойдете на войну, тогда рискуйте.

— Пойдемъ на войну... га!.. га!..—крикнулъ Никола и бросился въ объятія Петра.

— Подай ему руку!—промолвилъ Петръ, указывая на Стояна, когда прошелъ первый порывъ восторга Николы.

— Ему?.. нѣтъ!.. между нимъ и мною стоитъ... Э!.. не скажу!.. Если мы оба останемся живы и здоровы, то по окончаніи войны я съ нимъ поговорю... станемъ другъ противъ друга съ револьверами и будемъ до тѣхъ поръ стрѣлять, пока одинъ изъ насъ не свалится такъ, чтобъ никогда уже не всталъ.

— Вотъ тебѣ нѣ!—воскликнулъ Стоянъ, а потомъ прибавилъ съ легкимъ отъѣнкомъ ироніи:—но вѣдь прежде чѣмъ мы начнемъ другъ въ друга стрѣлять, ты скажешь мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Скажу... скажу... я тебѣ скажу въ свое время.

— А пока посидите здѣсь до вечера и постарайтесь не съѣсть одинъ другого за это время,—шутилъ Петръ.—Пищу приготовила вамъ Анка и прислала со мной. Вечеромъ я къ вамъ приду, такъ какъ мнѣ надо будетъ кое-что поручить вамъ. До свиданія.

— До свиданія,—отвѣтили вмѣстѣ Стоянъ и Никола. Никола остался, а Стоянъ проводилъ Петра.

— Что ты ему сдѣлалъ?—спросилъ послѣдній.

— Право, не знаю... Вспоминаю всѣ наши разговоры, и никакъ не могу догадаться.

— Гм... „*cherchez la femme*“...: Не говорили ли вы объ женщинахъ?

— Говорили... но это было въ саду... потомъ мы спустились въ колодезь, и Никола совершенно сповойно и дружелюбно рассказывалъ мнѣ о подземельѣ... Передъ тѣмъ какъ я уснулъ, онъ казался какимъ-то страннымъ: не хотѣлъ водки выпить и не отвѣчалъ на мои вопросы... Но я не обратилъ на это вниманія... самому мнѣ хотѣлось спать, я и думалъ, что и онъ дремлетъ.

— Какой чортъ его опуталъ?

Этотъ вопросъ такъ и остался безъ отвѣта. Стоянъ проводилъ Петра, а самъ вернулся въ ту нишу, въ которой прежде спалъ. Здѣсь находилась корзинка съ провизіей, которой качество и количество свидѣтельствовали о большой заботливости того, кто укладывалъ пищу. Ему хотѣлось позвать Николу; но какъ тутъ вмѣстѣ ѣсть съ человѣкомъ, ставшимъ къ нему въ столь непріязненные отношенія? Онъ принялся за ѣду одинъ, но рѣшилъ такимъ образомъ регулировать аппетитъ, чтобы половина всего осталась товарищу; поѣлъ онъ вполнѣ плотно, а все-таки осталось не половина, а три-четверти присланнаго; но Никола не приходилъ. Стоянъ отъ нечего-дѣлать зажегъ свѣчу, которыхъ было нѣсколько въ корзинкѣ, и пошелъ осматривать подземелье. Онъ подосадовалъ, что не занимался археологіей: тогда онъ могъ бы по формѣ камней, по виду постройки и по качеству соединительнаго вещества опредѣлить эпоху, къ которой относилось это сооруженіе. Онъ въ одномъ только былъ увѣренъ, что не турки строили его: турки не охотники до каменныхъ построекъ, и обстоятельство это можетъ служить указаніемъ, что даже въ періодъ процвѣтанія своей державы они не вѣрили въ прочность создаваемыхъ ими политическихъ учрежденій. Они миготъ создавали государство, и, какъ спеціалисты этого дѣла, лучше другихъ понимали сущность его. Вотъ почему можно было навѣрное сказать, что турки не стали бы строить такихъ фундаментальныхъ галерей и залъ. Въ этомъ и Стоянъ былъ увѣренъ. Онъ осматривалъ стѣны, искалъ надписей, и ему казалось, что видитъ ихъ подъ плесенью; но скоро убѣждался, что никакихъ надписей не было ни на стѣнахъ, ни на столбахъ. Онъ нашелъ только нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ когда-то горѣли востры, нѣсколько черепковъ и кости,—все это прямо указывало, что здѣсь жили люди. Попался ему разбитый кувшинъ, совершенно такой, какой обыкновенно употребляютъ турки. Кости были бараньи, кости ягнятъ, но больше всего было птичьихъ; а кромѣ того валялось множество перьевъ. Его особенно занимали крылья и головки

утокъ, гусей, куръ, которыя очевидно недавно были сюда принесены. „Какъ это сюда попало?“ — спрашивалъ онъ себя, но не находилъ отвѣта; и не мудрено — онъ не былъ охотникомъ, а потому не догадался, что здѣсь жили лисицы, которыя ушли только тогда, когда Петръ съ Николой потревожили ихъ. Никола объяснилъ бы все это, но съ нимъ теперь невозможно было говорить. Послѣ долгаго странствованія Стоянъ вернулся въ тому мѣсту, гдѣ стояла корзинка и фонарь, и убѣдился, что Никола приходилъ сюда. Припасовъ осталась только половина, а вино все было выпито.

— Глѣвъ, какъ видно, удваиваетъ его аппетитъ и жажду, — замѣтилъ Стоянъ. — А вѣдь должно быть уже поздно, — прибавилъ онъ.

У внѣшняго выхода очень легко было опредѣлить время дня, такъ какъ изъ-за скалы все можно было видѣть. Но Стояну казалось, что тамъ стоитъ Никола, а потому, не желая навязываться послѣднему, онъ направился въ противоположную сторону къ колодцу, чтобы посмотреть на небо. Скоро дошелъ онъ до колодца. Оставивъ свѣчку въ одной изъ щелей, онъ осторожно подошелъ къ краю и, придерживаясь стѣны, высунулъ голову. Онъ увидѣлъ ясное небо, по которому можно было судить, что солнце еще не скрылось, но въ то же время увидѣлъ и нѣсколько звѣздъ, которыя хотя и тускло, но все-таки блестяли. „Звѣзды? — удивился Стоянъ. — Что это значить?.. Сегодня мнѣ суждено наблюдать какія-то чудеса: нивѣсть съ чего разсердился Никола, а днемъ стали видны звѣзды“. Явленіе это, котораго онъ не понималъ, очень заинтересовало его. Онъ нѣсколько разъ высовывалъ голову, смотрѣлъ вверхъ и отрывалъ все новыя и новыя звѣзды; наконецъ онъ открылъ еще что-то новое: надъ колодцемъ появилась женская головка, глаза которой смотрѣли въ глубину. Стоянъ тотчасъ же скрылся, но вскорѣ снова выглянулъ и узналъ Анку.

— Это ты? — спросилъ онъ...

— Стоянъ?.. — долетѣлъ слабый голосъ сверху.

— Конечно... я.

— И я... я... — отвѣчала дѣвушка.

— Теперь я вижу тебя и узнаю... Такъ ты пришла?

— Я уже разъ двадцать подходила сюда... Ну, какъ же тебѣ тамъ?

— Недурно... но я предпочиталъ бы быть на землѣ, нежели подъ землей.

— Можетъ быть, ты въ чемъ-нибудь нуждаешься?

— Тебя мнѣ недостаетъ... тебя! — повторилъ онъ съ ударе-
реніемъ.

Анка помолчала немного, а потомъ позвала:—Послушай
Стоянь, ты уѣдешь въ Румынію... и я собираюсь туда.

— Когда? зачѣмъ?..

— Не знаю когда. Ты спрашиваешь—зачѣмъ?.. въ... въ...
монастырь,—выговорила она такъ тихо, что Стоянь не разслу-
шалъ послѣдняго слова.

— Какъ ты сказала?—переспросилъ молодой человѣкъ.

— Въ...—и опять повторила шопотомъ, такъ, что внизу ни-
чего не было слышно.

— Скажи погромче, чтобъ мнѣ найти тебя тамъ.

— Въ Румыніи ты меня не увидишь.

— Почему?

— Монастырь!

— Ты хочешь въ монастырь?

— Да, хочу.

— Откажись ты отъ этой мысли, откажись пожалуйста!
Оставайся въ Болгаріи и подожди, пока я вернусь.

— А скоро ли ты вернешься?—спросила дѣвушка.

— Постараюсь поспѣшить!—отвѣчалъ онъ рѣшительно.

— Возвращайся скорѣй! о! возвращайся скорѣй!—Анка от-
вернулась, и нѣкоторое время ея не было видно, но вскорѣ лицо
ея снова появилось.

— Почему ты отвернулась?

— Мнѣ казалось, что кто-то идетъ.

— А теперь никого нѣтъ?

— Нѣтъ никого.

— Скажи мнѣ, день ли теперь, или ночь?

— День,—отвѣчала Анка.

— А посмотри на небо.

Анка посмотрѣла вверхъ и опять нагнулась.

— Видѣла ли ты звѣзды?

— Нѣтъ... солнце еще не зашло, какія же звѣзды?

— Почему же я ихъ вижу? Можетъ быть, солнце уже зашло?

— Навѣрное нѣтъ. Оно уже на западѣ, но еще не зашло.

— Жаль, — вздохнулъ Стоянь. — А въ саду никого нѣтъ?

— Нѣтъ никого,—отвѣтила она, оглянувшись.

— Посмотри хорошенько — никого нѣтъ?

— Нѣтъ никого.

Стоянь притянулъ къ себѣ порожнюю бадью, сѣлъ въ нее
и началъ взбираться вверхъ. Изумленная дѣвушка смотрѣла,

какъ онъ поднимался и все приближался и приближался къ ней. Наконецъ, голова его поровнялась съ ея головой; тогда она отодвинулась немного и вскрикнула:—Господи Боже мой!

— Тише!—прошептала молодой человѣкъ.—Послушай, я поднялся, чтобы сказать тебѣ Анка, что я тебя люблю... люблю... люблю.

Анка протянула-было къ нему руки такъ выразительно, какъ будто вмѣстѣ съ руками она хотѣла всю себя отдать, но тотчасъ же опомнилась:

— Вѣдь могутъ увидѣть тебя!—сказала она.

— Отвѣть мнѣ на то, что я тебѣ скавалъ, и я сейчасъ же спущусь.

— Я тебѣ отвѣчу, но...—она оглянулась, опустила глаза и прошептала:—я тоже люблю тебя...

— И будешь меня ждать?

— Буду,—отвѣчала она, и снова оглянулась.

Вдругъ кто-то позвалъ: „Анка!“

— Спускайся!—вскрикнула она.

— Наклонись и поцѣлуй меня на прощанье!

Дѣвушка наклонилась, и молодые люди поцѣловались. Въ это время снова послышался голосъ, который звалъ Анку; но она, наклонившись надъ колодцемъ смотрѣла, какъ спускался Стоянгъ. Онъ вышелъ изъ бадьи и крикнулъ ей: „до свиданія!“ Тогда только дѣвушка удалась.

Онъ тоже ушелъ въ галерею, но вскорѣ вернулся, опять ушелъ и опять вернулся; онъ нѣсколько разъ отходилъ и снова возвращался, но Анка не приходила. Вмѣсто нея онъ наблюдалъ звѣзды, которыя становились все явственнѣе и, наконецъ, заблестѣли необычайно сильнымъ свѣтомъ. Еслибъ всѣ его мысли не были заняты Анкой, то онъ, конечно, догадался бы, почему въ колодцѣ днемъ видны звѣзды, а ночью онѣ свѣтятся ярче. Но теперь онъ смотрѣлъ на звѣзды, а думалъ о дѣвушкѣ. Она сдѣлалась для него самымъ яркимъ свѣтиломъ, она открывала передъ нимъ рай земной.

— Почему она не приходитъ?—досадовалъ молодой человѣкъ. Онъ догадывался, что настала ночь, и началъ было строить планъ вылазки, съ цѣлью провести нѣсколько минутъ въ обществѣ, въ которомъ свѣтила его звѣзда. Но ему не удалось осуществить этого намѣренія. Помѣшалъ ему Петръ, который спустился въ подземелье съ пакетомъ депешъ и съ важными любопытными извѣстіями.

— Гдѣ Никола?—спросилъ онъ прежде всего.

— Я не видѣлъ его, — отвѣтилъ Стоянъ.

— Надѣюсь, что перестанетъ сердиться на тебя, когда услышитъ то, что я прихожу сообщить вамъ.

— Что такое?

— Объ этомъ я сообщу вамъ обоимъ вмѣстѣ, а тебѣ скажу, что изъ-за тебя чуть-чуть не открылся секретъ колодца.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Стоянъ.

— Потому что Анка почти не отходила отъ него, а ты поднимался на верхъ.

— Развѣ кто-нибудь видѣлъ?

— Видѣла старуха Тырна, наша няня.

— Она не скажетъ?

— Къ счастью, старуха плохо видитъ, и намъ удалось убѣдить ее, что никого въ колодцѣ не было и что это ей показалось, а потому все кончилось тѣмъ, что мать выбрала Анку; но вѣдь и другіе могли видѣть. Правду сказать, я отъ тебя этого не ожидалъ! — упрекалъ Петръ.

Между тѣмъ они подошли къ Николѣ, который стоялъ у вѣшняго выхода подземелья.

— Знаешь ли, что случилось, — сказалъ Петръ Николѣ. — Ты, вѣроятно, перестанешь теперь сердиться на Стояна. Сербія объявила Турціи войну.

— Сербія!.. Турція!.. — воскликнули разомъ Стоянъ и Никола.

Въ восклицаніи этомъ выразилась такая радость, которую невозможно описать: она заставила одного забыть Анку, другого — Иленку. О чемъ только не забыли бы они, получивъ подобное извѣстіе!

XVIII.

Ночь обыска въ родительскомъ домѣ Иленка провела въ мучительномъ безпокойствѣ. Отецъ ея указалъ слѣдователю тайникъ, и ей казалось, что она слышала фамилію Мокры. Вѣроятно, пойдутъ туда съ обыскомъ и накроютъ молодыхъ людей, которыхъ, конечно, не замедлятъ казнить. Дѣвушка пробовала увѣрять себя, что отецъ не назвалъ имени Мокры, что она ослышалась, но это было ненадежное утѣшеніе. Всѣ мысли ея кружились теперь около вопроса:

— Что мнѣ дѣлать, если его не станетъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ представлялся Иленкѣ не въ видѣ словъ, но въ видѣ какой-то черной бездонной пропасти, въ которую она должна была свалиться. Ее принимала дрожь, хотя

она закутывалась теплымъ одѣяломъ; то вдругъ бросало въ жаръ— тогда молодая дѣвушка сбрасывала одѣяло и, даже не обувшись, подходила къ окну, отворяла его и слушала—не дойдетъ ли до нея среди ночной тишины какой-нибудь звукъ, который навелъ бы ее на путь къ разрѣшенію загадки, составлявшей для нея вопросъ жизни. Среди ночной тишины изрѣдка раздавался стукъ ночного сторожа; кое-гдѣ залаютъ собаки или послышится жалостное мяуканіе котовъ; издали съ турецкаго квартала доносились крики. Все это наводило на грустныя размышленія, которыя тѣмъ сильнѣе сжимали сердце, что ей приходилось обвинять родного отца и родную мать. Она отошла отъ огня и опять легла въ постель; покрылась потеплѣе, съежилась и закрыла глаза; тогда, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ей стали мерещиться ярко окрашенные образы. Она видѣла лицо Николы, выступающее на оранжевомъ фонѣ, который постепенно переходилъ въ малиновый, усыпанный блестящими звѣздами. Это ее немного успокоивало, но уснуть она все-таки не могла: откроетъ глаза—видѣніе исчезнетъ. Въ такомъ состояніи дѣвушка провела остальную часть ночи.

Лишь только наступило утро, Иленка встала, одѣлась, надѣла ашмакъ и фереджію и пошла. Чтобы выйти изъ дому, ей необходимо было пройти или черезъ мусафирлыкъ, или черезъ спальню родителей. Она предпочла направиться черезъ мусафирлыкъ, полагая, что въ столь ранній часъ никого тамъ не застанетъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увидѣла здѣсь отца! Хаджи Христо сидѣлъ на диванѣ; около него стоялъ подносъ съ пустой чашкой, передъ нимъ наргиле; въ одной рукѣ держалъ онъ кожаный чубукъ, въ другой четки. Иленка остановилась въ дверяхъ: она сама не знала—идти ли ей впередъ, или вернуться. Хаджи Христо посмотрѣлъ на нее и спросилъ:

— Ты уже встала?.. такъ рано... куда же ты собралась?

— Къ Мокрѣ,—отвѣчала она.

— Не ходи туда... Тамъ... Богъ знаетъ чтѣ творится.

Иленка сдѣлала полуоборотъ и хотѣла вернуться, но отецъ остановилъ ее.

— Подожди,—ласково промолвилъ онъ,—сядь около меня.

— Я?..—начала дѣвушка и замаялась:—мнѣ надо работать.

— Еслибъ ты ушла, то не работала бы... Пойди сюда.. я хочу поговорить съ тобой.

Иленка должна была повиноваться. Она сѣла около отца, который и началъ съ ней разговоръ:

— Всю ночь терзала меня мысль о тѣхъ несчастьяхъ, ко-

торыя свалились на мою голову по причинѣ *дэликанліе* (сумасбродовъ), которыхъ прежде не бывало въ нашемъ отечествѣ... — Хаджи Христо вздохнулъ. — Откуда они взялись? Несчастье наше, что они появляются, а появляются они потому, что молодые люди стали ѣздить учиться за границу. Да, намъ казалось, что отъ заграничной науки надо ждать добра, а между тѣмъ она оказалась ядомъ... Объ этомъ я всю ночь продумалъ и хочу поговорить съ тобой, дитя мое, такъ какъ и ты заражена губительнымъ ядомъ.

Иленка опустила глаза и только кашлянула.

— Я помню еще тѣ времена, — продолжалъ хаджи Христо, — когда между нами не было мудрецовъ; тогда мы жили спокойно... Съ турками мы и тогда умѣли ладить хотя и не читывали ни книжекъ, ни газетъ и не умѣли по-французски болтать... И вдругъ захотѣлось намъ просвѣщенія, да, всѣмъ намъ захотѣлось: я самъ жертвовалъ на школы, на библіотеку... вотъ чтó!.. Но тюрьма и цѣпи выбили мнѣ дурь изъ головы: теперь не только не дамъ ни одной парички на школу и на библіотеку, но пойду въ папѣ, поклонюсь ему и буду просить, чтобъ приказалъ всѣ книги и газеты сжечь, а всѣхъ, кто за границей учился, изгнать изъ отечества... Да, я объясню на засѣданіи общиннаго совѣта, что необходимо все это сдѣлать для отвращенія отъ губительнаго яда, и то же самое доложу папѣ.

— Чтó же люди объ этомъ скажутъ? — замѣтила Иленка.

— А мнѣ какое до нихъ дѣло! Они дурачатся, такъ надо же правду имъ сказать... меня вѣдь тоже опутали, и я хотѣлъ-было Стояну тебя отдать, потому что онъ въ Бухарестѣ учился и одѣвался *à-la-франка!*.. Изъ-за него меня продержали трое сутокъ въ тюрьмѣ и, какъ разбойника, заковали въ цѣпи по рукамъ и по ногамъ; изъ-за него я долженъ былъ издержать четыреста мѣджиджи, и еще придется издержать восемьсотъ, чтобы пріобрѣсти прежнее расположеніе властей... Вотъ чтó онъ мнѣ надѣлалъ! Случись у меня пожаръ, и то я бы меньше потерпѣлъ убытку. Тысяча двѣсти мѣджиджи! И все это онъ отнял у тебя, потому что я не возьму съ собой въ гробъ ни одной парички, все оставлю тебѣ, но не оставлю того, чтó долженъ былъ издержать по винѣ этого *джанабѣта* (негодяя). Сама скажи, не ужасно ли все это?.. не заслужилъ ли этотъ мошенникъ того, чтобъ его жечь раскаленнымъ желѣзомъ, а потомъ четвертовать?

— Развѣ онъ умышленно вредилъ тебѣ? — промолвила Иленка.

— Умышленно или неумышленно — не въ томъ дѣло; отъ этого мнѣ легче не станетъ; впрочемъ, если онъ это дѣлалъ не

со зла, то тѣмъ хуже, потому что въ такомъ случаѣ совершенно ясно, что общество наше болѣетъ, если мы нечаянно другъ другу вредимъ, и что надо лечить нашу болѣзнь... Я потому и говорю съ тобой... Я хочу убѣдить тебя, что ты дурно поступаешь, отъказываясь назвать сообщниковъ Стояна. Онъ остановился, ожидая отвѣта дочери; но она молчала.

— Всѣ они такіе же, какъ и онъ, мерзавцы, и если ихъ по-дальше не упрятать, то они точно также будутъ намъ вредить.

Все это не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія на Иленку.

— Вѣдь ты любишь отца?—началъ хаджи Христо ласковымъ голосомъ.

— Да!..—Иленка вздохнула.

— Должно быть, ты больше любишь Стояна, котораго и мнѣ и тебѣ надѣлалъ столько зла.

— Я вѣдь уже говорила объ этомъ матери.

— Ты все еще недовольна тѣмъ, что мать немного побила тебя... Перестань дуться... Если мать бьетъ—скажи спасибо... отъ этого зависѣла моя судьба... За то, что ты не хотѣла сказать того, что тебя спрашивали... я долженъ былъ заплатить двѣсти мѣдѣиджи, и все-таки обязался разузнать имена. Если я не исполню обязательства, то меня опять посадятъ въ тюрьму... Сжался надо мной! меня бы убила тюрьма!

— Нѣтъ, не убила бы!—отвѣчала Иленка и хотѣла встать.

— Что жъ, скажешь?—спросилъ хаджи Христо.

— Я скажу туркамъ, что я одна знаю... Пусть оставятъ тебя въ покоѣ! Я имъ расскажу, какъ я услала всѣхъ изъ дому, чтобы никто, кромѣ меня, не видѣлъ заговорщиковъ, тогда... пусть меня пытаются! Она сказала это такъ рѣшительно, что невозможно было сомнѣваться въ готовности ея перейти отъ слова къ дѣлу.

— Дура ты!.. Тебя не стануть пытатъ, а только отдадутъ заплѣтѣмъ, чтобы они опозорили тебя... Не забывай, что ты раба и женщина... Твои слова не могутъ имѣть никакого значенія въ глазахъ турокъ. Не ты за себя, а я за тебя отвѣчаю: ты хочешь погубить меня—губи!

— Я не хочу губить тебя, отецъ, но не хочу губить и тѣхъ, у кого есть многое, что священнѣе и дороже денегъ.

— Это все шваль,—презрительно возразилъ хаджи Христо, —у которой нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

— Станко дѣйствительно бѣденъ, но у Стояна есть деньги.

Когда Иленка назвала Станка, отецъ ея заморгалъ; когда же выговорила имя Стояна, онъ смутился и не зналъ, что отвѣчать, такъ какъ извѣстно было, что у сарафовъ сложено отцомъ Стояна

не мало денегъ, которыя играли извѣстную роль въ его желаніи выдать Иленку за Стояна.

Иленка вернулась въ свою комнату, сняла верхнее платье и принялась вышивать. Она не оставила намѣренія уйти изъ дому, а только рѣшила уйти нѣсколько поздне, чтобы не говорить, куда идетъ. Поэтому она ждала, пока въ мусафирлыкѣ не будетъ никого. Не долго пришлось ей ждать: хаджи Христо очень скоро ушелъ, и Иленка, надѣвъ япмакъ и фереджію, выбѣжала на улицу. Шла она быстро, и въ нѣсколько минутъ была уже у воротъ Мокры. Тѣ, что увидѣла здѣсь молодая дѣвушка, удивило и испугало ее; вдоль стѣны и у воротъ спали заптіи. Она остановилась и хотѣла-было вернуться, но замѣтила, что всѣ они вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности погружены въ глубокой сонъ. Это ободрило ее, и она пробѣжала черезъ отворенную калитку. На дворѣ та же картина: заптіи въ различныхъ позахъ спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Дѣвушка пробѣжала черезъ дворъ, вошла на лѣстницу, направилась въ мусафирлыкъ и здѣсь опять наткнулась на спящихъ. На диванѣ по одну сторону лежалъ Аристархъ-бей и сопѣлъ; на другой сторонѣ спалъ толстый усачъ ага, который отдувался и носомъ выкидывалъ какія-то турецкія штуки; между ними, свернувшись, спалъ секретарь тихимъ крѣпкимъ сномъ. Иленка спѣшила миновать это царство сна: шла быстро безъ шума. Этотъ сонъ непріятельскаго лагеря значительно успокоилъ ее. Собственно говоря, она ничего еще не узнала, но ей казалось, что еслибы накрыли Николу и Стояна, то охранители общественной безопасности не спали бы; спящіе не грѣшатъ,—подумала она. Къ тому же стоявшія на столѣ рюмки и бутылки прямо указывали, чѣмъ занимались слѣдователь и начальникъ турецкихъ жандармовъ. Она миновала мусафирлыкъ, пробѣжала черезъ сосѣднюю комнату и вошла въ спальню Анки.

— Анка! что это у васъ дѣлается?

Находившаяся еще въ постели Анка встрѣтила гостью веселой улыбкой.

— Скажи лучше, что дѣлалось. Только-что ушли.

— Кто ушелъ?

— Заптіи.

— Вѣдь они не ушли.

— Какъ не ушли?

— Я ихъ только-что видѣла на улицѣ, на дворѣ, въ мусафирлыкѣ.

— Почему же такъ тихо?

— Всѣ они спятъ.

— Я и не знала, — отвѣчала Анка. — Мать разбудила меня, подала какую-то бумагу, написанную по-французски, и велѣла не спать, не знаю почему.

— Гдѣ же мать?

— Не знаю... Она сказала, что скоро вернется.

— А... они?

— Не знаю, что съ ними случилось... Запѣли, какъ только вошли, отправились прямо туда, гдѣ они скрывались.

— И что же? — спросила Иленка испуганнымъ голосомъ.

— Ихъ тамъ уже не было.

— Слава Богу!

— Они были въ саду; я ихъ предупредила... и они скрылись.

— Почему же остались запѣли?

— Они все искали.

— Можетъ быть, еще будутъ искать, — замѣтила Иленка. — Въ надежномъ ли они мѣстѣ?

— Не знаю, — отвѣчала Анка. — Кажется, мать пошла къ нимъ съ французской бумагой... Погоди немного, она придетъ и все намъ расскажетъ.

— Ну, камень свалился у меня съ сердца, — сказала Иленка, садясь на диванъ. — Еслибы ты знала, какую я ночь провела... Господи! всю ночь уснуть не могла.

— А я спала немного.

— Вѣдь ты обо всемъ знала... а я знала только то, что къ вамъ пошли запѣли, что они скрываются въ такомъ мѣстѣ, о которомъ запѣли узнали.

— Развѣ имъ кто-нибудь сказалъ объ этомъ? — спросила Анка.

— Ахъ, не спрашивай меня! — взмолилась Иленка.

Появленіе Мокры прервало разговоръ двухъ дѣвушекъ. Старуха возвращалась въ хорошемъ расположеніи духа и очень удивилась, увидѣвъ Иленку.

— Что же ты такъ рано пришла?.. Раненько поднимаешься.

— Я бы ночью прибѣжала, еслибы можно было ночью ходить... Мнѣ хотѣлось предупредить васъ.

— Такъ ты знала?

— Да, знала...

— Бѣдная дѣвушка... но не огорчайся... не всякому дано отличать добро отъ зла... Такъ ты знала... А видѣла, какъ они всѣ спятъ? Ну, и набѣгались же они... Всю ночь бродили, всѣ углы обшарили, весь садъ истоптали, осмотрѣли всякій кустъ, малину переломали... Однимъ словомъ, усердно искали.

— Но... скрылись ли они хорошо? — спросила Иленка.

— Теперь они такъ скрылись, какъ бы подѣ землю провалились, еслибы въ колодезь вскочили.

Анка пристально посмотрѣла на мать, слова которой напомнили ей преданіе о колодецѣ; для Иленки же слова эти имѣли смыслъ сравненія, и она воскликнула: слава Богу! слава Богу!

Мокра ушла, чтобы разбудить прислугу, а молодыя подружки рассказывали другъ другу о подробностяхъ обысковъ, которые происходили въ эту ночь въ домахъ ихъ родителей. Анка рассказывала, какъ она вскочила съ постели въ одной кофтѣ и не обувшись побѣжала въ садъ. Она показывала изрѣзанныя на камняхъ ноги.—Но я этого и не чувствовала,—пояснила она.— У меня только тогда заболѣли ноги, когда я легла въ постель.

— Такъ ты къ нимъ выбѣжала въ одной кофтѣ?—допрашивала Иленка.

— Я и вниманія на это не обратила... думала только о томъ, чтобы *ихъ* предупредить.

„Я точно также сдѣлала бы“, — подумала Иленка.

Когда разбуженная Мокрой прислуга зашевелилась, проснулся одинъ заптій, другой, третій. Они вскакивали, протирали глаза, вапляли и сходились въ кучку. Каждый изъ нихъ чувствовалъ свою вину: какъ это можно уснуть во время отправленія служебныхъ обязанностей! Правда, что имъ велѣно ждать, но никто не приказывалъ имъ спать. Они были виноваты, такъ какъ нельзя же было оправдываться, и какъ тутъ оправдаться? Сказать, что ага былъ пьянъ? невозможно... „Нѣтъ... не миновать намъ палокъ“, — думали они. Всѣхъ затруднительнѣе было положеніе двухъ онбашей: имъ почти навѣрное грозили палочные удары. А такая перспектива весьма непривлекательна, даже для турокъ, которые вообще способны мириться съ предопредѣленіемъ. Но какъ тутъ мириться съ перспективой палокъ? Послѣ экзекуціи, дѣлать нечего—приходится мириться, но передъ сѣченіемъ грустно подумать объ немъ. Вотъ почему лица заптійевъ очень были печальны, когда подошла къ нимъ Мокра. Она посмотрѣла на нихъ и спросила.

— Чтѣ это съ вами, милые друзья?.. Не болятъ ли у васъ животы?.. Можетъ быть, болятъ? можетъ быть, вы наѣлись въ саду незрѣлыхъ плодовъ?.. Скажите мнѣ!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ, который выпилъ вино въ мусфирмыкѣ:—мы нивакихъ плодовъ не ѣли.

— Такъ у васъ не болятъ животы?

— Нѣтъ, не болятъ.

— Чтѣ же съ вами? Скажите... я, можетъ быть, могу помочь вамъ.

— Нѣтъ, ничего не можешь ты сдѣлать.

— Вѣдь я, голубчикъ, стара,—начала Мокра:—я знаю средства не только противъ болѣзней, но и противъ грусти... Если у васъ ничего не болитъ, то вамъ, вѣроятно, грустно?.. Можетъ быть, вамъ жаль, что вы никого у меня не нашли?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ онбаши.

— Такъ въ чемъ же?

— Уснули мы, а спать намъ не приказано.

— И вы теперь боитесь палокъ?

— Ну, да,—отвѣчалъ недовольный заптій.

— Если такъ Аллаху угодно, то ничего, конечно, не подѣлаешь; но можетъ быть Аллахъ иначе постановилъ и хочетъ черезъ меня сообщить вамъ свое желаніе.

— Э?..—удивилось нѣсколько человѣкъ.

— Можетъ быть Аллаху угодно, чтобъ вы сказали агѣ, что все время искали и теперь ищите и спросили бы его: прикажете ли еще гдѣ-нибудь искать?

Заптіи переглянулись и одобрительно качали головами.

— Да,—продолжала Мокра:—вѣроятно такъ именно и хочетъ Аллахъ.—Такъ вы разоидитесь по одиночекъ, по норахъ и ищите чего вамъ надо. Тѣ изъ васъ, которые пойдутъ въ садъ, найдутъ тамъ колодезь и могутъ совершить намазъ по закону... И Аллахъ будетъ доволенъ, и ага ничего вамъ не скажетъ. Ну, какъ же?

— Мудрая ты женщина!—сказалъ онбаши.

— Вѣдь я васъ люблю, заптіи, голубчики... Развѣ вы объ этомъ не знаете? У меня въ лавкѣ есть для васъ особенная комната и тамъ принесена такая мазь, что самъ султанъ облизывается, когда пьетъ ее... Не правда ли?

— Правда, правда,—отвѣтило нѣсколько человѣкъ.

— Такъ вотъ вы ищите, а я пойду къ агѣ.

Заптіи разбрелись по конюшнямъ, сараямъ, птичнямъ и по всѣмъ угламъ; нѣсколько человѣкъ пошло въ садъ, а Мокра отправилась въ мусафирмы. Здѣсь ничего не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она брала протоколъ. Сановники спали. Она взглянула на нихъ съ дикою ненавистью, но тотчасъ же лицо ея измѣнилось и приняло сосредоточенное выраженіе. Она думала: „что съ ними сдѣлать?“ Проще всего было разбудить, и такъ поступили бы многіе на ея мѣстѣ. Но разбудить сановниковъ—это значило скомпрометировать ихъ и возбудить противъ себя: люди, занимающіе высокой постъ, не любятъ компрометироваться подоб-

нымъ образомъ. Надо было постараться, чтобъ они сами проснулись, а между тѣмъ они спали крѣпчайшимъ сномъ; если они слишкомъ долго проспять, то опять-таки могутъ скомпрометироваться, такъ какъ папа можетъ прислать кого-нибудь и узнать, какъ бей съ агай производятъ обыскъ. Они, конечно, свалили бы вину на Мокру; какой чиновникъ скажетъ, что онъ виновенъ? И Мокра, въ домѣ которой усыпили сановниковъ, была бы привлечена къ отвѣтственности. Вотъ почему надо было, чтобъ они сами проснулись и чтобъ проснулись немедленно, такъ какъ солнце уже встало, а папа рано просыпался и тотчасъ же призывалъ къ себѣ агу.

Мокра смотрѣла на спящихъ и думала: какъ бы устроить, чтобъ они проснулись? Секретарь спалъ скорчившись; ага храпѣлъ и сопѣлъ, лежа на спинѣ; Аристархъ-бей лежалъ бокомъ съ закрытымъ ртомъ и тоже сопѣлъ, упершись носомъ въ диванъ. Мокра ушла, но скоро вернулась и, насыпавъ около самаго носа Аристархи-бея небольшую кучку порошку, вышла поспѣшно изъ комнаты. Черезъ нѣсколько секундъ Аристархи-бей вскочилъ, и раздалось громкое чиханіе: разъ, другой; онъ перевелъ духъ, чихнулъ третій разъ, потомъ четвертый. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и началъ сильно сморкаться. Высморкался и еще разъ чихнулъ. Пока Аристархи-бей чихалъ, секретарь раскрылъ сначала одинъ глазъ, потомъ другой, кашлянулъ, сѣлъ на диванъ, взялъ въ руку бумагу и занялъ то положеніе, изъ котораго вывелъ его сонъ.

Громкое чиханіе бея не произвело ни малѣйшаго вліянія на агу. Должно быть, собственное его храпѣніе заглушало все: онъ крѣпко спалъ.

Аристархи-бей, приведя носъ въ порядокъ, сморщился, погладилъ себѣ усы и бороду, громко кашлянулъ, оглянулся, посмотрѣлъ на часы и спросилъ:

— Ну, чтѣ же, ищутъ?

— Самъ знаешь, эффендимъ, — отвѣчалъ секретарь.

— Разбуди его, — сказала бей, указывая глазами на агу. —

Чтѣ же онъ спитъ во время обыска!

Секретарь тронулъ пальцемъ агу и позвалъ: — эффендимъ! — Послѣдній не шевелился. — Эффендимъ! — повторилъ секретарь.

Ага лежалъ какъ колода.

— Потормоши его! — совѣтовалъ Аристархи-бей.

Секретарь началъ тормошить, но достигъ только того, что грузный ага потянулся, пробормоталъ что-то и, казалось, еще крѣпче уснулъ.

— Позову заптiевъ, — сказала секретарь.

— Нѣтъ, заптiевъ не зови, ихъ можетъ быть и нѣтъ, а это было бы плохо, — замѣтилъ бей, — но пойди взгляни, что они дѣлаютъ; сходи потомъ къ Мокрѣ и попроси у нея щепотку крѣпикаго нюхательнаго табаку. Хотя я и не спалъ, но такъ чихалъ безъ табаку, что могъ бы проснуться отъ самаго крѣпикаго сна, и я думаю, что крѣпикій нюхательный табакъ разбудитъ его.

Секретарь всталъ, а бей напутствовалъ его замѣчанiемъ: „только попроси крѣпикаго табаку“. Секретарь скоро вернулся.

— Что же заптiи?

— Здѣсь, — отвѣчалъ секретарь.

— Что они дѣлаютъ? можетъ быть, спать?

— Нѣтъ, эффендимъ, они ищутъ.

— Гм... это хорошо. А нюхательный табакъ?

— И табакъ есть.

— Начини ему носъ табакомъ.

Секретарь приступилъ къ операціи: онъ нагнулся, взявъ въ пальцы щепотку табаку и поднесъ къ носу аги, который потянулъ, но безъ результата.

— Вали еще! — сказалъ бей.

Секретарь поднесъ еще одну щепотку — и вдругъ отскочилъ: произошелъ неожиданный взрывъ чиханiя, отъ котораго весь зарядъ табаку полетѣлъ секретарю въ глаза. Ага проснулся, вскочилъ, сѣлъ на диванъ и, обнявъ руками голову, началъ точно такъ же чихать, какъ только-что чихалъ слѣдователь, а между тѣмъ секретарь бѣгалъ по комнатѣ, стоналъ и протиралъ себѣ глаза.

Хотя Аристархи-бей хотѣлъ казаться серьезнымъ, но не могъ удержаться отъ смѣха. Такимъ образомъ одинъ изъ сановниковъ смѣялся, другой чихалъ, третiй стоналъ; такое ихъ состоянiе продолжалось нѣсколько минутъ и, наконецъ, всѣ снова приняли серьезный видъ. Они заняли свои мѣста, и Аристархи-бей спросилъ агу:

— Велѣлъ ли ты заптiямъ удалиться?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть пора уже окончить обыскъ?

— Посмотримъ, сколько времени! — и съ этими словами посмотрѣлъ на свои карманные часы. — Э!.. паша... мнѣ надо спѣшить въ вонакъ.

— Вѣдь надо прежде выслушать докладъ объ обыскѣ, — замѣтилъ бей. Это замѣчанiе остановило агу, который уже вставалъ. Онъ хлопнулъ нѣсколько разъ въ ладоши; на лѣстницѣ

послышались шаги—вошелъ онбаша, отдалъ честь и остановился у дверей.

— Ну, что?—спросилъ его ага.

— Все искали и теперъ ищемъ, даже въ колодезь смотрѣли, всѣ углы обшарили.

— Нашли что-нибудь?

— Буйоловъ, коровъ, лошадей, свиней, курь...

— А комитаджи?—спросилъ ага.

— Не видали.

Секретать все записалъ. Вошла Мокра и принесла на подносѣ черный кофе.

— Гэй!—кривнулъ ага, обращаясь къ онбашѣ.—Созови запіевъ и ступайте въ вонякъ.

Мокра потала кофе бею, потомъ поднесла агѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ послѣдній, отодвигая подносъ и вставая.— У меня столько дѣлъ, что нѣтъ даже времени выпить чашку кофе.

Мокра потчивала секретаря.

— Ему тоже некогда,—сказалъ бей:—ступай скорѣй въ канцелярію и напиши протоколъ, который мнѣ нуженъ для доклада.

Ага и секретарь ушли, а Мокра спросила бея:—не угодно ли наргиле, эффендимъ?

— Хорошо, принеси сама.

Мокра ушла и скоро вернулась съ хрустальной бутылкой, наверху которой была трубка, а сбоку кожаный чубукъ. Когда она поставила передъ беемъ бутылку и подала чубукъ, Аристархибей сказалъ:

— Садись около меня—поговоримъ.

— Развѣ я молода, чтобъ тебѣ со мной бесѣдовать?—отвѣчала она, садясь.

— Бесѣдуютъ и со старыми.

— Говори, я слушаю.

— Начну съ того, что тебя можетъ убѣдить въ искренности и дружелюбіи моихъ словъ.

— Что такое?..—спросила Мокра.

— Пятьдесятъ мѣджиджи.

— За что?

— Я могъ бы попросить сто, двѣсти, но прошу пятьдесятъ, во-первыхъ, потому, чтобы доказать тебѣ мое нежеланіе обирать тебя, а во-вторыхъ, потому, чтобы тебя ободрить и чтобы ты могла говорить такъ свободно, какъ всякій, кто платитъ.

— А мнѣ чего бояться? Я и безъ того буду смѣло говорить,

и вотъ что скажу тебѣ, эфендимъ:—я дамъ пятьдесятъ мѣджиджи, но знаешь ли, за что?

— За что?—спросилъ бей?

— Угадай.

— За то, чтобъ я не дѣлалъ у тебя обыска.

— Нѣтъ... Ищи сколько хочешь; ничего ты у меня не найдешь.

— За то, чтобъ не запутать Петра?

— Попробуй-ка его запутать... Я совершенно спокойна насчетъ сына.

— Такъ за что же?

— Скажи прежде, что ты хотѣлъ мнѣ предложить.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты выдала Стояна Кри-венова, такъ какъ я убѣжденъ, что ты знаешь, гдѣ онъ скрывается. За пятьдесятъ мѣджиджи я, во-первыхъ, не скажу, что узналъ отъ тебя, гдѣ Стоянъ; во-вторыхъ, я охранялъ бы Петра не какъ паша въ виду политики, которую онъ можетъ очень легко пере-мѣнить, но потому, что былъ бы купленъ. Понимаешь?

— Я понимаю; только теперь ты постарайся меня понять: оба твои обѣщанія, которыя ты хочешь мнѣ продать, не нужны мнѣ. Стояна я не выдамъ, а насчетъ Петра я совершенно спокойна; но если ты хочешь получить пятьдесятъ мѣджиджи, то приведи мнѣ сюда, въ домъ мой, Станка.

— Это скандалъ!—воскликнулъ бей.

— Какъ хочешь. Хочешь получить пятьдесятъ мѣджиджи—приведи мнѣ Станка; а въ противномъ случаѣ ни одной парички не дамъ.

XIX.

Петръ пріѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ и прежде всего зашелъ въ лавку, гдѣ встрѣтился съ матерью. Тамъ было много народу, такъ какъ вѣсть о продолжительномъ обыскѣ у Мокры быстро разошлась по городу, и нашлось много любопытныхъ, желавшихъ хоть что-нибудь узнать; поэтому Мокра могла сообщить сыну только то, что обыскъ былъ произведенъ безъ результата. Петръ пошелъ домой.

— Обыскъ былъ,—сообщала Анка брату, какъ только увидѣла его.

— Знаю,—отвѣчалъ Петръ.

— Ты видѣлся съ матерью?

— Я только-что былъ въ лавкѣ.

— Но вѣдь они вѣроятно голодны.

— Кто это „они“?—спросилъ Петръ.

— Какъ кто?.. Стоянтъ и Никола.

— Что же это значить?.. съ чего ты объ нихъ вздумала?

— Развѣ мать не говорила тебѣ объ нихъ?

— Въ лавкѣ много было народу.

— У насъ ихъ и искали.

— Такъ они скрывались у насъ?

— Да, они были въ тайникѣ...—и Анка рассказала брату, какъ все произошло. Петръ зналъ изъ константинопольскихъ газетъ, что производятся аресты, но не зналъ весьма многихъ подробностей, о которыхъ рассказала ему сестра. Онъ съ жадностью слушалъ и, когда она кончила, замѣтилъ:

— Какъ это встаети... Я именно придумывалъ, кому бы съѣздить въ Румынію. Гдѣ же они?

— Въ колодцѣ,—неувѣренно отвѣчала Анка.

— А!—воскликнулъ Петръ.

Воскличаніе Петра подтвердило догадку Анки. — Сходи къ нимъ,—сказала дѣвушка:—я приготовлю пищу.

— Только поторопись, а то мнѣ надо побывать у папи, чтобы поговорить съ нимъ о данныхъ мнѣ порученіяхъ въ Константинополь.

Приготовленіе провизіи не заняло много времени. Петръ взялъ корзину и позвалъ Анку съ собой въ садъ, чтобы она постояла и поквараулила, пока онъ будетъ спускаться, и особенно, когда начнетъ подниматься. Онъ условился съ ней насчетъ сигналовъ, и она видѣла, какъ братъ спускался и какъ поднимался. Такимъ образомъ она узнала всю тайну. Анка не сводила теперь глазъ съ колодца. Она оставалась въ саду даже во время двукратнаго визита Иленки. Во время перваго визита послѣдней пришелъ въ садъ Петръ.

— Отбылъ, слава Богу, повинность,—сказалъ онъ, усаживаясь въ бесѣдкѣ около дѣвушекъ:—прихожу отъ папи.

Объ дѣвушки вопросительно посмотрѣли на него.

— Какой вѣжливый! кавой гостеприимный... а притомъ неглухой человекъ. Еслибъ не знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, можно бы повѣрить въ искренность его словъ.

— О чемъ же онъ говорилъ?.. Не о заговорщикахъ ли?—спросила Анка.

— Нѣтъ, о нихъ ни слова. Онъ много говорилъ объ образованіи.

— А!...—удивилась Иленка.

— Что?—спросилъ Петръ, удивленный такимъ восклицаніемъ.

— Я удивилась потому, — пояснила Иленка, — что и мнѣ пришлось сегодня много слышать о просвѣщеніи.

— Что же ты слышала?

— Что просвѣщеніе, — отвѣчала дѣвушка, краснѣя, — вредно, что это ядъ, пришедшій къ намъ изъ-за границы, что было лучше и спокойнѣе, пока оно не распространялось въ нашемъ отечествѣ.

— Паша не раздѣляетъ этого мнѣнія. Съ нимъ можно даже въ извѣстной степени согласиться. Онъ сравниваетъ образованіе съ первой выкуренной трубкой, которая часто причиняетъ головокруженіе... Послѣ второй трубки голова менѣе кружится, послѣ третьей — еще менѣе, наконецъ привыкаешь курить и даже находишь въ этомъ удовольствіе. Онъ правъ, что отъ поверхностнаго образованія у многихъ изъ насъ вскружилась голова.

— А правда ли то, что нужно закрыть школы и читальни, сжечь книги и газеты и выгнать всѣхъ тѣхъ, которые учились за границей.

— Кто же это тебѣ проповѣдовалъ?

— Я такъ слышала, — отвѣчала дѣвушка, не смѣя взглянуть на Петра.

— Такое радикальное средство вылечило бы насъ, конечно, отъ головокруженія, но въ то же время оскотинило бы насъ. А чтобы выйти изъ скотсваго состоянія, стоить претерпѣть небольшое головокруженіе. Паша такъ именно и говоритъ, и онъ совершенно правъ. Но онъ только въ томъ ошибается, что, по его мнѣнію, когда головокруженіе пройдетъ, то болгары станутъ самими вѣрнопопдавшими турецкаго султана. Онъ сдѣлалъ даже мнѣ честь и поставилъ меня въ примѣръ. Конечно, я промолчалъ.

— На какомъ вы говорили языкѣ? — спросила Анка, желая вѣроятно похвастаться братомъ.

— На французскомъ.

— Ты говорилъ ему: *monsieur*?

— Нѣтъ, я титуловалъ его: *excellence*.

— Такъ онъ тебя называлъ *monsieur*?

— Нѣтъ, онъ все говорилъ: *mon docteur*... Да, это лощеный человекъ; потому-то онъ и опаснѣе другихъ.

Въ присутствіи Иленки не было разговора о Стоянѣ и Николѣ. Петръ, впрочемъ, не долго оставался въ саду, зашелъ только для того, чтобы немного побесѣдовать съ красивой дѣвушкой. Такого рода общество всегда пріятно молодымъ людямъ. Петръ, конечно, не спѣшилъ бы уходить, еслибы ему не надо

было написать писемъ и приготовить денешъ, съ которыми онъ вечеромъ явился въ подземелье.

Въ ту же ночь Петръ, съ помощью устроенной имъ подъемной машины, спускалъ изъ подземелья въ приготовленную лодку сначала Стояна, потомъ Николу. Анка была свидѣтелемъ всей этой манипуляціи. Она стояла у стѣны и старалась разглядѣть молодыхъ людей; но видѣла только слабый блескъ Дуная, отраженіе звѣздъ въ водѣ и какія-то тѣни; лодки не могла разглядѣть. Она прислушивалась, но ничего не могла слышать. Шумъ отбивавшихся отъ берега волнъ заглушалъ плескъ весель, а кромѣ того подъемная машина нѣсколько скрипѣла.

— Вѣдь я смазалъ всѣ колеса, — досадовалъ Петръ: — чего это она скрипитъ? Надо будетъ хорошенько осмотрѣть ее.

Когда все было кончено, онъ втащилъ веревку и сказалъ:

— Въ первый разъ отправляю людей такимъ образомъ, и, слава Богу, удачно. — Онъ разобралъ составныя части машины и позвалъ сестру: — Пойдемъ.

— Ступай, — отвѣчала она, — а я еще посмотрю немного: можетъ быть, увижу ихъ.

— Снизу, можетъ быть, ты ихъ и увидѣла бы, но сверху не увидишь, — сказалъ Петръ, взявъ составныя части машины и ушелъ.

Анка осталась смотрѣть, и хотя не напрягала зрѣнія, но видѣла... Конечно, ей только казалось, что она видитъ лодку, скользившую на дунайскихъ водахъ. Она даже видѣла глазами души сидѣвшаго въ лодкѣ молодого человѣка, съ которымъ встрѣтилась такъ же случайно, какъ случайно подплываетъ спасительная доска къ потерпѣвшему въ морѣ крушеніе. Анкѣ казалось, что среди плесканія волнъ до нея долетаетъ его голосъ: „Жди, жди меня!“ О! она будетъ ждать. Дождется ли? Объ этомъ она не думала, и не подозрѣвала даже, что теперь, когда всѣ ея мысли сосредоточились на немъ, его думы не имѣютъ съ нею ничего общаго. Это была первая ея любовь и притомъ такая, которая заставила ее отказаться отъ намѣренія поступить въ монастырь, а еще не задолго передъ тѣмъ монастырь казался ей единственнымъ убѣжищемъ послѣ смерти братьевъ. Анка долго смотрѣла въ ту сторону, куда поплыла лодка, увозившая молодого человѣка, уста котораго до сихъ поръ чувствовала на своихъ устахъ. Она молила Бога объ исполненіи желанія своего возлюбленнаго и о скоромъ его возвращеніи, и мечтала, что даже въ подземельѣ она не только могла бы съ нимъ вѣкъ прожить, но даже тамъ была бы съ нимъ счастлива. О, эгоизмъ любви!

Пока Анка мечтала, Мокра рассказывала сыну о договорѣ съ Аристархи-беємъ: — „за пятьдесятъ мѣджджи онъ обязался освободить Станка и привести его къ намъ“.

— Дешево взялъ! — замѣтилъ Петръ.

— Онъ человекъ не глупый: видитъ, что больше не дамъ, а ему нѣтъ никакой надобности вѣшать Станка. Вотъ онъ и разсудилъ, что лучше получить что-нибудь, чѣмъ ничего.

— Развѣ Станка должны непременно повѣсить?

— Имъ некого вѣшать, а между тѣмъ въ виду сербской войны и всѣхъ вообще затрудненій имъ надо повѣсить по крайней мѣрѣ двоихъ. Вотъ они и припасли Грождана и Станка. Есть еще третій, какой-то Думитрій, который, напившись пьянымъ, скакалъ верхомъ по турецкому кварталу и оралъ, что кончилось уже турецкое владычество. Еслибъ имъ удалось поймать тѣхъ, кто присутствовалъ на сходѣ у Стояна, тогда бы они выпустили Грождана, Станка и Думитра; у нихъ было бы въ такомъ случаѣ семь человекъ.

— О какой это ты говоришь сходѣ? — спросилъ Петръ.

— О той, на которой вы рѣшили присягать.

— А!..—воскликнулъ Петръ: — такъ они знаютъ объ этой сходѣ.

— Знаютъ, хаджи Христо рассказаль.

— А участниковъ не называль?

— Имена знаетъ одна Иленка, но она заупрямилась и не хочетъ сказать...—Мокра рассказала сыну всю исторію и описала сцену, которой сама была свидѣтельницею.—Да, мать таскала ее по полу за волосы!

— Молодецъ-дѣвушка!—сказаль Петръ.

— Еслибъ не она, все бы узнали. Родители и теперь не даютъ ей покоя; а еслибъ она проболталась, тогда турки хотя и не поймали бы Стояна и Николу, но взяли бы—она назвала четыре фамиліи.

— И меня то же, — прибавилъ Петръ. — А если меня и другихъ не поймають, то Станку придется пострадать изъ-за насъ.

— Онъ не пострадаетъ, — отвѣчала Мокра.—Я уже договорилась съ Аристархи-беємъ.

— Это вѣдь негодяй.

— Знаю, знаю; хитро онъ затѣяль.

— Чтò такое?—спросилъ Петръ.

— Онъ согласился выпустить Станка за пятьдесятъ мѣджджи, для того, чтобы у насъ арестовать его и тебя вмѣстѣ и, такимъ образомъ, получить не пятьдесятъ, а пятьсотъ мѣджджи. Онъ

не знаетъ объ володцѣ, куда мы спрячемъ Станка, какъ только онъ придетъ; тогда пусть ищетъ, сколько хочетъ. Онъ уменъ, но и я не глупа. Такъ вотъ что, — прибавила она: — я сказала Аристархи-бею, что ты ничего не знаешь о моемъ съ нимъ договорѣ, что я не хочу говорить тебѣ объ этомъ, а потому если онъ станетъ приставать къ тебѣ, дай ему надлежащій отпоръ. Понимаешь?

— Конечно, — отвѣчалъ Петръ.

— Онъ непременно придетъ къ тебѣ.

— Да, да... но я не объ немъ теперя думаю.

— А о комъ?

— Объ Иленкѣ... Не ожидалъ отъ нея такой стойкости.

Молодецъ-дѣвушка.

Мокра подумала о той выдержкѣ изъ протокола, которая была причиной раздраженія Николя противъ Стояна, но ничего не сказала. Старуха очень желала женить Петра на Иленкѣ, но не высказывала этого желанія въ виду того, что родители дѣвушки прочли ее за Стояна. Теперь обстоятельства сложились такимъ образомъ, что мечты Мокры получали шансы на осуществленіе. Къ чему же было говорить о любви дѣвушки къ Стояну? Впрочемъ что такое любовь? Мокра не могла вообразить себѣ, чтобы Иленка не полюбила со временемъ Петра. Кто съ глазъ долой, тотъ изъ головы вонъ, думала она. Пусть только лучше познакомятся. Петръ обратилъ уже на нее вниманіе, назвалъ „молодцомъ“ — это хорошій признакъ. Конечно, въ виду тѣхъ подпольныхъ работъ, въ которыхъ Петръ принималъ участіе, вопросъ о его женитьбѣ становился весьма щекотливымъ. Имѣя это въ виду, Мокра тѣмъ болѣе старалась устранить сына отъ участія въ сдѣлѣхъ съ Аристархи-беемъ.

Власти считали Петра индифферентнымъ къ политическимъ вопросамъ, и такое же мнѣніе высказывала о немъ мать. Его въ чемъ-то подозрѣвали; но онъ отлично прикрывался различнаго рода спекулятивными проектами. Одни говорили, что Петръ хлопочетъ о концессіи на постройку желѣзной дороги изъ Рущуза въ Тырново, или изъ Виддина въ Софію; другіе полагали, что Петръ хочетъ организовать общество эксплуатаціи восты; третьи приписывали ему намѣреніе отереть фабрику. Дѣйствительно, Петръ часто заговаривалъ о подобныхъ вещахъ и справлялся о размѣрахъ богатства страны, равно какъ и о способахъ ихъ эксплуатаціи: эти вопросы интересовали его, а вмѣстѣ съ тѣмъ служили маской, которою онъ прикрывался отъ такихъ людей, какъ хаджи Христо, и отъ властей. Паша очень цѣнилъ Петра,

и хотя подозрѣвалъ въ немъ настоящаго болгарина, но оставался съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ.

Имѣя все это въ виду, Мокра хотя сообщила сыну о переговорахъ насчетъ Станка, но желала вести ихъ вполне самостоятельно. Аристархи-бей въ свою очередь хотѣлъ впутать Петра въ это дѣло; онъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему намеки и, наконецъ, прямо спросилъ:

— Сколько бы ты далъ за освобожденіе Станка?

— Ни одной парички, — отвѣчалъ Петръ.

— Вѣдь это твой бывшій учитель. Онъ училъ тебя читать и писать.

— Да, къ тому же онъ отличный человѣкъ, — отвѣчалъ Петръ: — мнѣ его жаль, но...

— Дуракъ? — подсказалъ Аристархи-бей.

— Не скажу, — онъ казался мнѣ неглупымъ.

— А я говорю, что онъ дуракъ, — повторилъ съ удареніемъ слѣдователь. Петръ не допрашивалъ своего собесѣдника о причинѣ подобнаго мнѣнія, а Аристархи-бей объяснилъ Мокрѣ, почему онъ считаетъ Станко дуракомъ.

— Вашъ Станко — невозможный дуракъ, — сказалъ однажды слѣдователь, усѣвшись рядомъ съ хозяйкой въ комнатѣ, которая находилась позади дуганы (лавки).

— А чтò такое?

— Тюрьма была отворена; онъ могъ уйти и не ушелъ.

— Почему?

— Почему!.. боится — и вслѣдствіе этого пойдетъ на висѣлицу.

— Гм... онъ никогда не былъ смѣлъ, но я никакъ не ожидала, чтобы онъ сталъ бояться уйти отъ вѣрной смерти.

— Вотъ видишь!

— Нельзя ли мнѣ поговорить съ нимъ?

— Сколько угодно. Слѣдствіе окончено, и заключенныхъ можно видѣть.

— Когда же?

Аристархи-бей назначилъ часъ и написалъ позволеніе. Дѣло было вечеромъ. Мокра пошла въ тюрьму. Старый знакомый ея смотритель встрѣтилъ ее многозначительной улыбкой и, не взглянувъ даже на позволеніе Аристархи-бея, пустилъ въ одиночную камеру, въ которой сидѣлъ Станко. Мокра поздоровалась съ заключеннымъ. Станко отвѣтилъ ей обычной фразой и затѣмъ сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что пришла. Ко мнѣ здѣсь при-

стають со всякими глупыми предложеніями: прежде мучили допросами, а теперь гонять вонъ изъ тюрьмы въ тебѣ.

— Почему же ты не идешь?

— Потому что за мной пошли бы заплѣти и привели бы назадъ меня, а кромѣ того захватили бы Петра.

— Ты думаешь, что они такъ намѣрены сдѣлать?

— Конечно... Развѣ Аристархи-бей могъ бы иначе сдѣлать?

— Я и объ этомъ подумала, и потому именно пришла просить тебя, чтобы ты смѣло шелъ изъ тюрьмы въ нашъ домъ. Мы тамъ приготовили такой тайникъ, въ которомъ турки ни ни за что не найдутъ тебя.

— А чтѣ же будетъ потомъ?—спросилъ Станко.

— Сегодня придешь, а завтра будешь уже въ Румыніи.

Станко подумалъ немного и спросилъ:—Что же я тамъ стану дѣлать?

— Тѣ, чтѣ другіе дѣлають.

— Мнѣ другіе не указъ: одни изъ нихъ идутъ въ „апостолы“, другіе готовятся въ войско, иные пишутъ и печатають. Я же не гожусь ни въ „апостолы“, ни въ войско, ни писать не могу. Въ Румыніи некого мнѣ учить, и придется отнимать только хлѣбъ у тѣхъ, которые сами живутъ впроголодь.

— Не придется тебѣ ни у кого просить хлѣба,—сказала Мокра.

— Скажи мнѣ, сколько ты за меня заплатила?

— Я ничего не платила.

— А сколько обязалась заплатить?

— Это не твое дѣло.

— Дѣло въ томъ, что тѣ деньги, которыя надо будетъ заплатить за меня, можно бы иначе израсходовать, а я все равно пропащій человекъ: ни въ Русуеѣ, ни въ другомъ мѣстѣ въ Болгаріи оставаться мнѣ невозможно, а въ Румыніи нечего дѣлать. Моя жизнь трехъ паричеѣ не стоитъ.

— А дѣти твои? вѣдь ты имъ отецъ.

— Да, но я имъ точно такъ же бесполезенъ, какъ всѣмъ остальнымъ,—отвѣчалъ Станко.—Оставьте же меня и позвольте мнѣ сослужить отечеству послѣднюю службу, которую я способенъ сослужить ему.

— Какую службу?—спросила Мокра.

— Голову сложить за него.

Мокра столбенѣла, а Станко между тѣмъ продолжалъ:

— Бываютъ такіа минуты, когда отечеству надо служить и жизнью, и смертью. Одни дѣлають одно, другіе—другое. Я тоже

служилъ немного жизнью, но теперь моя роль кончена: я не могу больше служить жизнью, и еслибъ остался въ живыхъ, меня можно бы спросить: „почему ты уклонился отъ смерти“. Тогда мнѣ было бы стыдно.

— Ахъ, Станко, Станко!—воскликнула Мокра.

— Да, мнѣ было бы стыдно.

— Развѣ тебѣ не жаль жены и дѣтей?

— Чѣмъ же я могу имъ помочь? Жизнь моя бесполезна для нихъ, а смерть...

— Еще бесполезнѣе,—перебила его Мокра.

— А воспоминаніе?—возразилъ Станко.—Еслибъ турки выпустили меня за известную плату, тогда бы дѣти сказали: „отецъ нашъ попрошайка“; а если меня повѣсятъ, тогда дѣти мои скажутъ: „нашъ отецъ погибъ за отечество“. Да, Мокра, я думаю о своихъ дѣтяхъ. Я все обдумалъ и увидишь, что я лучше тебя рѣшилъ. Такъ лучше употреби ты иначе свои деньги. Ты меня, вѣроятно, понимаешь?

— Да, понимаю.—отвѣчала Мокра.

— Такъ не станемъ же противиться волѣ Божіей.

— Не станемъ,—согласилась старуха.

— Возьми мою жену съ двумя малютками къ себѣ. Она тебѣ пригодится. Одного ребенка пусть возьметъ мой братъ, другого—сестра; старшій сынъ можетъ поступить къ какому-нибудь мастеру въ ученіе или на службу. У насъ еще не помираютъ съ голоду и всегда найдутся люди, которые приютятъ сироту.

— Станко, Станко!—удивлялась Мокра.

— Еслибъ турки отпустили меня, и я могъ бы вернуться въ школу, тогда я бы съ радостью вернулся; но побѣгъ погубить меня, а я не хочу погибать даромъ. Смерть порождаетъ жизнь. Еслибъ не твои сыновья, которые оба погибли, было бы у насъ въ Руцукѣ тихо и спокойно, какъ въ могилѣ. А и ты сама...

— Ты правъ, ты правъ,—перебила Мокра.—Но сыновья мои не шли на такую вѣрную смерть, на какую ты идешь. — Ахъ, Станко!—она вздохнула, потомъ обняла его голову и поцѣловала въ лобъ.—Сынокъ ты мой!

— Мать моя!—отвѣчала Станко, глаза втораго были полны слезъ.

— Господь приметъ твою жертву,—сказала сквозь слезы старуха:—она такая чистая!

— Я отдаю своему отечеству все, что могу ему отдать, а у турокъ не отнимаю возможности лишній разъ оскорбить Бога.

Мокра еще разъ поцѣловала Станка и, удерживая слезы, быстро удалилась изъ тюрьмы. У дверей она встрѣтила смотрителя.

— Что же?—спросилъ онъ:—сегодня ночью?

Мокра дала ему золотую монету и тихонько спросила:— правда, что заплѣи ждуть Станка?

— Какъ это ты все знаешь!—воскликнулъ смотритель.

— Они ждуть со вчерашняго дня?

— Да, но какъ ты объ этомъ узнала?

— Ты мнѣ самъ только-что сказалъ.

— Такъ ты перехитрила меня. Не проболтайся только, пожалуйста.

— Не бойся, вѣдь мы съ тобой старые знакомые.

Конечно, Мокра сообщила Петру о рѣшеніи Станка.

— Жаль его,—сказалъ Петръ.—Какой характеръ! Появленіе такихъ характеровъ среди насъ ясно доказываетъ, что мысль объ освобожденіи Болгаріи пустила глубокіе корни. Еще такъ недавно зародилась она, а вотъ уже появились такіе люди, которые изъ-за нея идутъ на вѣрную смерть. Цвѣтъ распустился... Дай Богъ, чтобъ и плоды скоро созрѣли!

Нельзя сказать, насколько старуха поняла сына, но Анка и Иленка, которыя присутствовали при этомъ разговорѣ, поняли его и долго слушали, какъ онъ рассказывалъ имъ про возрожденіе народовъ. Петръ старался излагать свои мысли въ удобопонятной формѣ и съ успѣхомъ пользовался выдержками изъ сочиненій поэтовъ. Онъ цитировалъ Линбэна Каравелова, стихи котораго казались дѣвушкамъ гораздо выразительнѣе отвлеченныхъ разсужденій. Патриотическіе стихи, воспѣвающие свободу и готовность приносить изъ-за нея жертвы, объясняли дѣвушкамъ поступокъ Станка. Иленка, слушая про Станка, тѣмъ болѣе горевала, что ей было извѣстно, насколько отецъ ея ухудшилъ положеніе дѣла бѣднаго учителя. Впрочемъ относительно приговора ходили различные слухи: говорили, что прислана изъ Константинополя телеграмма съ приказаніемъ смягченія приговоровъ. Въ подобныхъ случаяхъ всегда появляются утѣшительные слухи. Всѣ ждали и, наконецъ, дождались. Приговоръ былъ произнесенъ. Онъ произвелъ на всѣхъ подавляющее впечатлѣніе. Самъ хаджи Христо поблѣдѣлъ и забормоталъ:— Станко! Станко!—Иленка прибѣжала къ Анкѣ и, бросившись на диванъ, громко рыдала: она не смѣла плакать въ родительскомъ домѣ. Мокра не могла выговорить ни слова: губы дрожали, и она будто молилась. Петръ былъ грустенъ и сумраченъ.

На слѣдующее утро совершилась казнь. Для рущукскихъ болгаръ это былъ день всеобщаго траура. Весь городъ вышелъ на

площадь, чтобы послѣдній разъ взглянуть на скромнаго, тихаго челоуѣка. Пришли румыны, пришли и мусульмане; послѣднихъ привело любопытство: они хотѣли посмотрѣть на самую казнь, а также на тѣхъ людей, которые считались величайшими преступниками. Этотъ новый родъ преступленія считался тѣмъ ужаснѣе, что былъ совершенно новъ. Раздраженіе толпы усиливалось сознаниемъ, что въ ней самой коренится причина этого новаго преступленія. Всѣ старались открыть ее въ дѣйствіяхъ иностранныхъ державъ, но это была только уловка совѣсти, которая хотѣла отклонить отъ себя отвѣтственность за порабощеніе народа нѣсколько вѣковъ тому назадъ,—за порабощеніе, которое турки считали „исторической необходимостью“, волей Аллаха. И вдругъ заговорщики вздумали оспаривать эту необходимость, стали сопротивляться волѣ Аллаха!

Привели троихъ преступниковъ: Думитра, Грождана и Станка. Они шли связанные посреди солдатъ, при звукахъ военной музыки. Впереди шла кавалерія, которая очистила площадь; за нею слѣдовала пѣхота. Запѣи очистили кругъ, посреди котораго стояли три висѣлицы. Думитра и Грождана поддерживали солдаты; Станко шелъ одинъ, точно такъ же, какъ нѣкогда ходилъ изъ школы въ читальню. Онъ точно такъ же прихрамывалъ и кланялся народу, качая слегка головой, какъ прежде, бывало, кланялся прохожимъ. Глаза его выражали, по обыкновенію, смиреніе и кротость. Кажется, что этотъ челоуѣкъ всегда готовъ всякаго слушать, передъ всякимъ смириться, а между тѣмъ передъ турками онъ не смирился. У всякаго болгарина, который видѣлъ Станка въ этотъ моментъ, захватывало духъ; то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ вырывался изъ толпы тяжелый вздохъ, и эти отдѣльные вздохи навѣрное перешли бы въ общее громкое рыданіе, еслибы запѣи не удерживали естественнаго проявленія чувствъ, которое считалось анти-правительственной манифестаціей.

Видъ висѣлицы подѣйствовалъ различно на каждого изъ осужденныхъ. Думитръ, здоровый малый, которому приходилось побѣждать *полизановъ* (силачей), разсвирѣпѣлъ. Онъ метался во всѣ стороны, бранилъ турокъ и кричалъ; Грожданъ самъ не зная, что съ нимъ и вокругъ него дѣлалось; онъ стоялъ будто неживой, и движенія его сдѣлались автоматичны; Станко нисколько не измѣнился. Онъ только слегка шевелилъ губами и, вѣроятно, молился, а между тѣмъ обвелъ глазами толпу и легкимъ движеніемъ головы будто прощался съ толпой. Былъ моментъ, когда глаза его встрѣтились съ глазами Петра, который стоялъ въ толпѣ,

блѣдный какъ полотно, и едва удерживалъ слезы. Станко улыбнулся, и это была послѣдняя его улыбка.

Правосудіе было удовлетворено. На трехъ висѣлицахъ повисло три тѣла, которыя сначала качались, но вскорѣ перестали и качаться.

Турки не закрываютъ лица и туловища повѣшаннаго. Они выставляютъ на показъ его предсмертныя судороги, и послѣ казни не тотчасъ снимаютъ тѣла; напротивъ того, они оставляютъ ихъ для всеобщаго устрашенія и вѣшаютъ имъ на грудь смертныя приговоры.

Тѣла Думитра, Грождана и Станка оставались на висѣлицѣ въ продолженіе трехъ дней, и на груди каждаго изъ нихъ висѣлъ смертный приговоръ. Въ первомъ изъ нихъ значилось, что Думитръ былъ явнымъ бунтовщикомъ, что его взяли съ ножомъ въ руцѣ, когда онъ ѣхалъ верхомъ и неистово выкрикивалъ преступныя слова; во второмъ—что Грожданъ участвовалъ вмѣстѣ съ комитаджемъ въ убійствѣ офицера, во время исполненія послѣднимъ служебныхъ обязанностей; въ третьемъ—что Станко былъ членомъ комитета, находившагося въ сношеніяхъ съ врагами Турціи, которые стараются отнять у султана вѣренныя ему самимъ Аллахомъ провинціи. Приговоръ написанъ былъ съ одной стороны по-болгарски, съ другой по-турецки. Турки подходили, читали приговоръ и весь день наполняли кофейню, расположенную напротивъ мѣста казни. Болгары тоже подходили, но не читали приговоровъ: они обнажали головы и молились за троихъ невинно казненныхъ, которыхъ турки называли преступниками, а болгары—жертвами.

I. У.

НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИКѢ.

Движеніе въ области французской критики, о которомъ мы уже нѣсколько разъ говорили ¹⁾, становится все болѣе и болѣе оживленнымъ и широкимъ. Рядомъ съ попытками обоснованія научной критики идетъ апогеоза личнаго вкуса, какъ единственнаго или главнаго масштаба критическихъ сужденій; рядомъ съ историческимъ изученіемъ литературныхъ явленій, продолжается доктринерская ихъ оцѣнка, поэтическое ихъ освѣщеніе. Къ сферѣ научной критики принадлежитъ, вмѣстѣ съ работами недавно умершаго Генневена, книга другого писателя, также слишкомъ рано сошедшаго со сцены: „L'art au point de vue sociologique“, Гюйэ. Доктринеромъ, по прежнему, является Брюнетьеръ, въ своихъ „Questions de critique“, поэтомъ—Поль Буржэ, въ „Писательскихъ портретахъ“ и „Эстетическихъ замѣткахъ“ ²⁾, составляющихъ какъ бы дополненіе къ его „Опытамъ современной психологіи“; по исторіи французской литературы XIX-го вѣка къ этюдамъ Фагэ присоединяется болѣе систематическій трудъ Пеллессье: „Le mouvement littéraire au XIX siècle“. Самымъ виднымъ представителемъ такъ-называемой *личной* критики (critique

¹⁾ См. статью о Леметрѣ, Брюнетьерѣ и Буржэ въ № 6 „Вѣстн. Евр.“ за 1887 г. статью о Фагэ въ № 10 за тотъ же годъ, статьи о Геннекенѣ въ № 11 за 1888 и № 5 за 1889 г.

²⁾ „Portraits d'écrivains“ и „Notes d'esthétique“ образуютъ первую часть новаго, двухъ-томнаго сборника статей Буржэ, озаглавленнаго: „Etudes et portraits“.

personnelle) остается Жюль Леметръ, выпустившій въ свѣтъ, послѣ 1887 г., четвертую серію „Contemporains“ и три тома „Impressions de théâtre“; много общаго съ нимъ имѣетъ Анатоль Франсъ („La vie littéraire“). Оставляя въ сторонѣ сочиненіе Гюйо, заслуживающее обстоятельнаго разбора, попробуемъ извлечь изъ этой массы новыхъ книгъ все наиболѣе характеристичное для современной умственной жизни Франціи.

Въ тѣ два съ половиною года, которые прошли послѣ того какъ мы въ первый разъ бесѣдовали съ читателями о Жюль Леметрѣ, онъ приобрѣлъ во Франціи большую извѣстность, почти знаменитость. Первые серіи его „Современниковъ“ увѣнчаны французской академіей и выдержали около десяти изданій; изъ мало распространенной, сравнительно, „Revue bleue“ онъ перешелъ въ одну изъ самыхъ авторитетныхъ парижскихъ газетъ („Journal des Débats“), служащую, вмѣстѣ съ „Revue des deux Mondes“, разсадникомъ будущихъ академикомъ; о немъ пишутся обширныя статьи, отводящія ему мѣсто въ первомъ ряду современныхъ критиковъ. Быстрая и легкая удача отразилась на Леметрѣ, какъ намъ кажется, не вполне благопріятно. Онъ сохранилъ всѣ лучшія стороны своего таланта, но нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ граничить съ недостатками. Его доброжелательство ведетъ иногда къ преувеличеннымъ похваламъ, свобода отъ предубѣжденій доходитъ до индифферентизма, ироническое отношеніе къ самому себѣ становится похожимъ на пренебреженіе къ читателямъ. Онъ слишкомъ много пишетъ и слишкомъ торопится собирать написанное въ отдѣльныя изданія. Что естественно и позволительно въ газетной статьѣ, то не всегда уместно на страницахъ книги. Когда фельетонистъ жалуется на холодъ, заставляющій его, 17 августа, прервать работу и уйти грѣться на кухню, онъ можетъ рассчитывать на сочувствіе публики, мервнувшей при чтеніи его фельетона; но какое кому дѣло, много мѣсяцевъ спустя, до погоды, отошедшей въ область „прошлогоднаго снѣга“? Примѣровъ такой désinvolture, развивающейся именно подъ влияніемъ успѣха, у Леметра можно найти не мало. „Портреты“ Буржэ также были написаны первоначально для газетъ, но они не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ своего происхожденія. Очевидно, что Буржэ или съ самаго начала иначе смотритъ на свою задачу, или тщательно передѣлываетъ матеріалъ, изъ котораго составляются его сборники. Онъ не придерживается правила: „вали все въ кучу“ и самъ совершаетъ трудъ „разбора“, у Леметра слишкомъ часто предоставляемый читателямъ. Мы едва ли опшибемся, если скажемъ, что торопливостью и беззаботностью объясняются и нѣко-

торыя крайности „личной критики“, въ которыя вѣдется Леметръ. Что такое „личная критика“? Это—сознательное и намѣренное преобладаніе впечатлѣнія надъ убѣжденіемъ, темперамента надъ доктриной. До извѣстной степени оно законно и неизбежно; критикъ не можетъ отрѣшиться отъ самого себя, не можетъ не имѣть симпатій и антипатій, отчасти наносныхъ и случайныхъ, отчасти глубокихъ и постоянныхъ. Все дѣло въ томъ, чтобы подсказываемые ими выводы не оставались безъ повѣрки. Эта повѣрка сопряжена съ нѣкоторыми трудностями; нужно многое припомнить, многое взвѣсить, о многомъ подумать. Гораздо проще и легче прямо писать все приходящее въ голову, не стѣсняясь ни воспоминаніемъ о сказанномъ вчера, ни мыслью о томъ, что придется сказать завтра. Такъ и поступаетъ, по временамъ, Леметръ, оправдывая свой образъ дѣйствій цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній. Отправляясь отъ извѣстнаго изреченія Сентъ-Бѣва: „nous sommes mobiles et nous jugeons des êtres mobiles“, онъ возводитъ измѣнчивость въ систему, почти въ заслугу. Полу-шутя, полу-серьезно онъ винить себя въ томъ, что въ продолженіе цѣлаго года сохранилъ прежнее мнѣніе о Зола. „Что мнѣ сказать теперь о „Francillon“—спрашиваетъ онъ себя въ началѣ второго фельетона, посвященнаго этой комедіи А. Дюма; „противоположное тому, что я уже говорилъ о ней? Но я этого еще не думаю“. Онъ вспоминаетъ, что въ дѣтствѣ его приводилъ въ восторгъ Казимиръ Делавинь, въ ранней молодости—Мюссе, нѣсколько позже—В. Гюго, еще позже—Ламартинъ, и заключаетъ отсюда, что ему предстоитъ и въ будущемъ не мало подобныхъ превращеній. Не вѣря въ прочность впечатлѣнія, онъ тѣмъ охотнѣе поддается его власти, пока оно не миновало. Ловко сдѣланная пьеса (напр. „Voyage de monsieur Perrichon“, Лабиша, или „Patrie“, Сарду) возводится имъ на степень капитальнаго произведенія; героиню плохого романа Октава Фельё (Julia de Trésoeur) онъ сравниваетъ съ Федрой, героиню посредственной комедіи А. Дюма („La Princesse Georges“) — съ Федрой, Герміоной и Роксаной; А. Дюма (сынъ), къ которому онъ чувствуетъ вообще большую слабость, напоминаетъ ему — даже въ такой пьесѣ какъ „Denise“—великихъ классиковъ французской литературы; дѣйствующія лица „Demi-monde“ и „Ami des femmes“ являются, въ его глазахъ, какъ бы продолжателями Альцеста. Не ясно ли, что въ основаніи всѣхъ этихъ преувеличеній лежитъ именно ничѣмъ не сдержанный импрессионизмъ? За увлеченіемъ Леметра почти всегда виднѣется возможность реакціи—и его по-

хвала, думается намъ, должна возбуждать въ хвалимыхъ невольную тревогу, невольное опасеніе за будущее.

Меньше всего удастся до сихъ поръ Леметру разборъ крупныхъ литературныхъ явленій, въ особенности не-французскихъ и не-современныхъ. Критическіе приемы, годные для „Francillon“ или „Gouffou“ (Мельякъ и Галеви—также любимцы Леметра), оказываются неподходящими къ Софоклу и Шекспиру. Во всѣхъ семи томахъ, изданныхъ Леметромъ, немного найдется страницъ болѣе слабыхъ, чѣмъ статьи объ „Эдипъ-царь“ и „Гамлетъ“. Леметръ разбираетъ „Эдипа-царя“, какъ будто бы рѣчь шла о мелодрамѣ Деннери или Поль-Феваля. Онъ жалѣетъ, что Софоклъ взялъ сюжетъ своей трагедіи изъ символической сказки. „Безконечныя“ жалобы Эдипа на свою несчастную участь кажутся ему „ужасно скучными“. Онъ отказывается понять, что побудило Эдипа выколоть себѣ глаза; „вѣдь источникъ грѣха, — пишетъ онъ курсивомъ, — заключается въ волю, а не въ дѣйствию“. „Эдипъ, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — невѣроятно глупъ; иначе онъ, зная относящееся къ нему пророчество, не убилъ бы изъ-за пустяковъ старика и не женился бы на женщинѣ, значительно превосходящей его годами“. Немногимъ лучше и отношеніе Леметра къ Шекспиру, въ которомъ онъ видитъ иногда, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, нѣчто въ родѣ „пьянаго дикаря“. Поведеніе Клавдія въ „Гамлетѣ“ онъ называетъ нелѣпымъ, королевѣ ставитъ въ вину ея „ничтожество“ и „абсолютную пассивность“, спену могильщиковъ признаетъ убійственно банальной. Въ монологѣ: „быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ“ начало кажется ему бессмысленнымъ и непонятнымъ, продолженіе—ребяческимъ. Ему смѣшно, что въ числу золь, заставляющихъ тяготиться жизнью, Гамлетъ относитъ „медленность судопроизводства“ (les lenteurs de la procédure) и „несправедливость къ людямъ, занимающимся литературой“ (les injustices, qu'on fait aux gens de lettres). Здѣсь надъ Леметромъ (не знающимъ, какъ видно изъ другой его статьи, англійскаго языка) подшутить, должно быть, кто-нибудь изъ его пріятелей, или ему попался подъ руку плохой переводъ Шекспира. О несправедливости къ литераторамъ Гамлетъ, въ знаменитомъ монологѣ третьяго акта, не говоритъ вовсе, а the „law's delay“—совсѣмъ не то же самое, что „медленность судопроизводства“; это—скорѣе „бесиліе правъ“, какъ перевелъ Кронебергъ, т. е. бесиліе закона остановить въ самомъ началѣ торжествующее зло. Заканчивается статья Леметра о Гамлетѣ попыткою угадать, что сдѣлалъ бы изъ того же сюжета Расинъ—и въ этой попыткѣ отражается совершенно ясно

пристрастіе французскаго критика въ французскому поэту. Между личными вѣкусами Леметра и наиболее характерными особенностями Шекспира нѣтъ, очевидно, той гармоніи, которая, съ точки зрѣнія Леметра, необходима для правильной оцѣнки писателя или произведенія. „Критикѣ, — говоритъ Леметръ въ другомъ мѣстѣ, — всегда и вездѣ присуще одно свойство, заставляющее меня сомнѣваться, можетъ ли она быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ описанія и анализа чисто-личныхъ впечатлѣній. Понять и полюбить романъ или драму каждый изъ насъ можетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ сознаетъ себя способнымъ испытать или хотя бы вообразить себѣ чувства дѣйствующихъ лицъ. Мы должны носить въ себѣ зародышъ этихъ чувствъ, и даже нѣчто большее, чѣмъ ихъ зародышъ. Намъ понятны любовь и ревность у Расина, патриотизмъ, гордость, честолюбіе у Корнеля; это все наши собственные страсти, только увеличенныя въ степени и силѣ. Другое дѣло — чрезвычайныя страсти, чрезвычайныя преступленія; они меня стѣсняютъ и сбиваютъ съ толку. Какъ повѣрить точность изображенія, когда намъ безусловно чуждо изображаемое?“ Поводомъ въ этимъ словамъ послужилъ религиозный фанатизмъ, выведенный на сцену въ одной изъ драмъ Казимира Делавина — но нетрудно замѣтить, что они примѣнимы ко многимъ и притомъ самымъ крупнымъ трагедіямъ Шекспира. Замыкаясь въ свое внутреннее я, Леметръ уменьшаетъ, если можно такъ выразиться, объяснительную способность своей критики. Его смущаютъ, напримѣръ, порывы жестокости, въ которые впадаетъ Гамлетъ — тѣ самые порывы, которые Буржэ, критикъ менѣе „личный“, чѣмъ Леметръ, совершенно правильно сводитъ къ двойственности англо-саксонскаго характера, отразившейся и въ геніи Шекспира.

Если зависимость отъ настроенія ограничиваетъ иногда кругозоръ Леметра, то въ большинствѣ случаевъ она увеличиваетъ его критическую чуткость. Гамма ощущеній, для него доступныхъ, очень велика, и это предохраняетъ его отъ односторонности, свойственной критикамъ-теоретикамъ или доктринарамъ (Зола, Брюнетьеръ). Находя большую прелесть въ смѣнѣ впечатлѣній, онъ одинаково воспримчивъ къ весьма различнымъ литературнымъ манерамъ. „Я не вижу, — восклицаетъ онъ, говоря объ одной изъ комедій Ж. Занда, — во имя какихъ принциповъ можно было бы признать превосходство искусства, изображающаго печальныя или пошлыя стороны жизни, надъ искусствомъ, оставляющимъ на утѣшительныхъ ея явленіяхъ или вдающимся въ область чистой мечты. Что касается до меня, то я допускаю рѣшительно все. Я люблю сегодня одно, завтра другое, а многое

несходное люблю въ одно и то же время: дѣйствительность низкую и дѣйствительность избранную, классическій идеализмъ наравнѣ съ натурализмомъ, Расина наравнѣ съ Бальзакомъ, Ж. Занда наравнѣ съ Зола, Буржэ наравнѣ съ Мопассаномъ. Я все люблю, потому что все истинно, даже сновидѣнья. Чтѣ бы ни показывалъ мнѣ художникъ, я могу смотрѣть его глазами, если только онъ обладаетъ изяществомъ формы". Въ силу закона контраста, одинъ рядъ впечатлѣній благопріятствуетъ другому, противоположному. Бодлеръ дорогъ Леметру, между прочимъ, именно потому, что онъ такъ мало похожъ на Вольтера, Беранже, Тьера; наоборотъ, читая послѣднихъ, можно отдохнуть отъ Бодлера. Можно находить, что Сарду до крайности интересенъ—но, переходя отъ него къ Расину, лучше чѣмъ когда-нибудь понимаешь своеобразную прелесть „Беренисы". Эkleктизмъ Леметра вездѣ отыскиваетъ, вездѣ подчеркиваетъ признаки таланта: въ стихотвореніяхъ „декадентовъ", надъ которыми онъ смѣется, въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ *café chantant*, въ „умственномъ акробатствѣ" Гроклода (автора шутовскихъ ретроспективныхъ обзоровъ: „*Les gaietés de l'année*"). „Недостойно вниманія въ литературѣ,—воскликаетъ онъ именно по поводу Гроклода,—только одно: посредственное". Нельзя сказать, чтобы онъ строго держался этого правила; въ качествѣ театральнаго хроникера, ему приходится говорить, и говорить довольно подробно, о порядочныхъ пустякахъ,—но безусловно неумолимымъ къ посредственности онъ является тогда, когда она торжествуетъ. Отсюда его ненависть къ Жоржу Онэ, о которой мы уже упоминали въ первой статьѣ о Леметрѣ. Въ „Современникахъ" онъ уничтожилъ Онэ какъ романиста, въ „Театральныхъ впечатлѣніяхъ" уничтожаетъ его какъ драматурга. Констатировавъ „безграничную банальность" одной изъ пьесъ Онэ („*La comtesse Sarah*"), онъ употребляетъ по отношенію къ другой („*La grande Marnière*") другой приемъ, еще болѣе жестокій; онъ описываетъ довольно подробно декораціи каждаго акта, а содержаніе его излагаетъ въ нѣсколькихъ словахъ, между скобками, какъ нѣчто совершенно неважное и второстепенное. Жестокость приѣма заключается здѣсь въ его справедливости; въ такихъ пьесахъ, какія пишетъ Онэ, декораціямъ не трудно затмить характеры и интригу.

Чтобы лучше оцѣнить сильныя стороны Леметра, возьмемъ его статью о Бодлерѣ и сравнимъ ее съ статьёй Брюнетьера о томъ же авторѣ. Брюнетьеръ, противникъ Бодлера и по темпераменту, и по принципу, идетъ противъ него походомъ, вооруженный съ ногъ до головы и съ самыми кровожадными намѣре-

ніями. Перефразируя извѣстную поговорку: „сытый голоднаго не разумѣть“, можно сказать, что уравновѣшенный, трезвый критикъ „не разумѣть“ — и не хочетъ разумѣть — болѣзненнаго, развинченнаго поэта. Онъ называетъ Бодлера „Сатаной мебелированныхъ комнатъ“, „Вельзевуломъ табльдота“, и приписываетъ всю его дѣятельность тщеславію, одному только тщеславію. Пессимизмъ, демонизмъ, садизмъ ¹⁾ — все это у Бодлера только позы, только средства мистифицировать читателей; искреннимъ въ немъ было только желаніе удивить, произвести эффектъ. Если исключить изъ „*Fleurs du mal*“ полъ-дюжины пьесъ, — чувственныхъ въ духѣ XVIII-го или XVI-го вѣка, но гораздо менѣе сильныхъ, — то останутся одни только общія мѣста, далеко не безукоризненные даже по формѣ. У Бодлера нѣтъ ни стили, ни гармоніи, ни фантазіи, ни движенія; когда онъ старается быть сильнымъ, ему удается только быть грубымъ. Умѣнье изображать ощущенія, вызываемыя обонаніемъ — вотъ единственное достоинство, въ которомъ Брюнетьеръ не отказываетъ Бодлеру. Совсѣмъ не такъ относится въ той же темѣ Леметръ. И у него является сначала предубѣжденіе противъ Бодлера; онъ чувствуетъ его безсиліе, раздражается его претензіями. Мало-по-малу, однако, раздраженіе уступаетъ мѣсто сожалѣнію; Леметръ вѣритъ въ искренность поэта, находитъ удовольствіе въ чтеніи его стиховъ — и оканчиваетъ тѣмъ, что признаетъ въ немъ дарованіе неполное, одностороннее, но несомнѣнно оригинальное. Вѣчно безпокойный, вѣчно озабоченный таинственнымъ смысломъ бытія, Бодлеръ — таковъ заключительный выводъ Леметра — создалъ своеобразную форму поэтической чувствительности. Ея отличительная черта — смѣшеніе противоположностей: реализма съ идеализмомъ, житейской прозы съ отвлеченными вѣрованіями, сладострастія съ аскетизмомъ. Въ выраженіе необузданной страсти вносится утонченность, свидѣтельствующая, повидимому, о полнѣйшемъ безстрастіи; женщина представляется то рабой или животнымъ, то предметомъ поклоненія; дьяволъ выступаетъ на сцену то какъ отецъ зла, то какъ великій побѣжденный, великая жертва; цивилизація осыпается проклятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ прославляется, какъ источникъ новыхъ, рѣдкихъ ощущеній. Бодлеризмъ, однимъ словомъ — это последнее слово въ области эпикурейства, чувствующаго и мыслящаго; это соединеніе двухъ міросозерцаній, съ перваго взгляда несомнѣстимыхъ — античнаго и христіанскаго, стараго и новаго...

¹⁾ Т.-е. сладострастіе особаго рода, виртуозомъ котораго былъ писатель прошлаго вѣка, маркизъ де-Садъ.

Такая оцѣнка Бодлера не свободна, быть можетъ, отъ преувеличеній, но она во всякомъ случаѣ болѣе широка и болѣе справедлива, чѣмъ мнѣніе Брюнетьера. Она объясняетъ вліяніе Бодлера на цѣлое поколѣніе поэтовъ, объясняетъ успѣхъ, которымъ онъ долго пользовался въ средѣ французской молодежи — объясняетъ все то, что совершенно непонятно съ точки зрѣнія строгаго критика „Revue des deux Mondes“.

Замѣчательно, что Леметръ и Брюнетьеръ, почти ни въ чемъ не схожіе между собою, разрѣшаютъ совершенно одинаково одинъ изъ самыхъ модныхъ — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ вѣчныхъ — эстетическихъ вопросовъ. Они оба признаютъ за искусствомъ право касаться социальныхъ и нравственныхъ вопросовъ — признаютъ, другими словами, законность тенденціозности въ искусствѣ. Брюнетьеръ идетъ, въ этомъ отношеніи, даже слишкомъ далеко, когда утверждаетъ, что въ сферѣ поэзіи, романа, драмы, *всякій* писатель, достойный этого имени, хотѣлъ и хочетъ что-нибудь *доказать*, провести или поддержать какой-нибудь *тезисъ*. Въ подкрѣпленіе своего взгляда Брюнетьеръ ссылается въ особенности на Мольера, лучшія пьесы котораго — „Тартюфъ“, „Мизантропъ“, „Ученныя женщины“, „Школа женщинъ“ — всѣ имѣютъ въ основаніи тотъ или другой тезисъ. Комедіи Скаррона забавнѣе комедій Мольера, комедіи Реньяра лучше написаны — и если, тѣмъ не менѣе, Мольеръ стоитъ неизмѣримо выше Скаррона и Реньяра, то это зависитъ именно отъ мысли, одушевляющей величайшія его произведенія. Сомнѣваться въ этомъ значило бы признать, что источникомъ славы Мольера служатъ не пьесы, названныя выше, а „l'amour-médecin“ или „monsieur de Pourceaugnac“. Въ литературѣ слово, не выражающее мысли, не болѣе, какъ шутка; довольствоваться одними словами могутъ только тѣ, чей талантъ исчерпывается, весь безъ остатка, постройкой фразы. Прежде романисты и драматурги могли еще, пожалуй, оставаться чуждыми всему, кромѣ ихъ искусства; теперь это немыслимо. Не имѣя досуга сами изучать людей и общество, мы хотимъ, чтобы за насъ это дѣлали другіе; мы хотимъ, чтобы искусство довершало наше воспитаніе, начатое опытомъ и жизнью. Въ другой статьѣ — о Теофилѣ Готье — Брюнетьеръ выражается менѣе рѣшительно, но остается вѣрнымъ своей главной темѣ. Онъ признаетъ литературныя заслуги Готье, хотя послѣдній и былъ самымъ крайнимъ представителемъ формулы: „искусство для искусства“ — но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ исторіи XIX-го вѣка Готье не оставилъ и не оставитъ, именно вслѣдствіе того, что служилъ одной лишь формѣ. Писа-

тели, далеко уступающіе Готье, какъ стилисты, станутъ гораздо выше его въ памяти потомства, потому что они говорили не изъ-за одного только удовольствія говорить, а для того, чтобы высказать свои задушевные мысли и чувства. Леметръ, съ своей стороны, возстаетъ противъ пуристовъ, порицающихъ смѣшеніе морали и искусства. Все зависитъ, по его мнѣнію, отъ исполненія. Потребность въ справедливости, свойственная человѣку, вызываемое ею исканіе правды, тревоги и муки, сопряженные съ этими поисками—все это вполне подходящій матеріалъ для искусства. Уменьшается ли значеніе „Гамлета“ отъ того, что Шекспиръ поставилъ своего героя лицомъ къ лицу съ спорнымъ нравственнымъ вопросомъ? Не съ вопросами ли того же рода встрѣчаемся мы въ „Эвменидахъ“, въ „Антигонѣ“? Въ драмѣ, какъ въ квинтъ-эссенціи жизни, они ставятся особенно ярко, дѣйствуютъ на насъ съ особенною силой; зачѣмъ же изгонять ихъ изъ этой области?.. Сходство заключеній Леметра и Брюнетьера тѣмъ больше бросается въ глаза, что исходная точка обоихъ критиковъ одна и та же: оба защищаютъ Александра Дюма (сына), какъ моралиста, для котораго сцена служить то ораторской трибуной, то проповѣднической кафедрой... Къ тому же выводу, какъ и Леметръ, приходитъ, нѣсколько инымъ путемъ, Анатоль Франсъ. Онъ не вѣритъ въ возможность безусловно-объективнаго творчества. Натурализмъ, по его мнѣнію, не ближе къ истинѣ, чѣмъ идеализмъ; Зола, какъ и Ж. Зандъ, видитъ природу и человѣка *своими* глазами—и не можетъ видѣть ихъ иначе. Онъ показываетъ вещи не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, а такими, какими онѣ представляются его умственному зрѣнію. Напрасны всѣ усилія выйти изъ самого себя, перестать быть самимъ собою. Нѣтъ поэта болѣе безличнаго—или, лучше сказать, считающаго себя болѣе безличнымъ,—чѣмъ Леконтъ-де-Лиль. Геройски упорствуя въ своемъ стремленіи къ безстрастью, постоянно стараясь скрыть свои собственные чувства и остаться какъ бы невидимкой среди своихъ произведеній, онъ изображаетъ, на самомъ дѣлѣ, только самого себя. Въ безконечной вереницѣ дѣвъ, героевъ и боговъ, принадлежащихъ всѣмъ странамъ и всѣмъ эпохамъ, въ Каинѣ и Ниобе, въ Гипатіи, Велледѣ и Гудрунѣ, въ кондорахъ Кордилльерскихъ горъ, акулахъ Атлантическаго океана и ягуарахъ пампасовъ, мы видимъ, въ концѣ концовъ, лишь одно: душу Леконтъ-де-Лили.

Кто допускаетъ субъективность и тенденціозность въ искусствѣ, у того бьется, болѣею частью, политическая жилка, тотъ

не остается равнодушнымъ зрителемъ борьбы, кипящей вокругъ него, въ обществѣ и государствѣ. Индифферентизмъ идетъ почти всегда рука объ руку съ поклоненіемъ искусству ради одного только искусства. Леметръ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Подобно Зола и Додэ, подобно Флоберу и Ренану, онъ относится къ текущей политикѣ съ высочайшимъ пренебреженіемъ артиста, которому она мѣшаетъ своимъ шумомъ и досаждастъ своими требованіями. Онъ не видитъ и не хочетъ видѣть того, чѣмъ уравниваются эти неудобства; его тянетъ въ прошлое, къ версальскимъ дворцовымъ галереямъ или, по меньшей мѣрѣ, къ парижскимъ салонамъ. О „благодѣяніяхъ революціи“ онъ упоминаетъ не иначе, какъ съ насмѣшкой. „Я предпочелъ бы,—воскликаетъ онъ въ статьѣ о Бомарше,—получать пенсію отъ Альмавивы, чѣмъ видѣть Антонио (мало симпатичный садовникъ въ „Свадьбѣ Фигаро“) депутатомъ и министромъ“. О народномъ представительствѣ Леметръ говоритъ такимъ же тономъ, какъ Буржэ—о всеобщей подачѣ голосовъ¹⁾. Разница между Леметромъ и Буржэ сводится здѣсь къ тому, что первый не идетъ дальше такъ-называемыхъ *boutades*, болѣе или менѣе остроумныхъ (иногда, впрочемъ, и вовсе не остроумныхъ), а послѣдній серьезно задумывается надъ будущностью, которую современная политическая жизнь готовитъ для искусства. Этому вопросу посвящена одна изъ „эстетическихъ замѣтокъ“ Буржэ, озаглавленная: „Наука и поэзія“. Авторъ выводитъ на сцену двухъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ предсказываетъ близкій конецъ поэзіи, другой вѣрить въ ея несокрушимость. Чтобы существовать—такова, въ главныхъ чертахъ, аргументація перваго собесѣдника, маркиза Н.,—искусство должно быть *необходимымъ*: необходимымъ для самого художника, необходимымъ для публики. Между тѣмъ люди все больше и больше утрачиваютъ потребность въ поэзіи. Господствующія силы нашей эпохи—демократія и наука; онѣ требуютъ на службу каждаго изъ насъ, все равно, хочетъ ли онъ этого, или не хочетъ. Наука, отодвигая все дальше и дальше границу непознаваемаго, измѣняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыя представленія о немъ. *Нездомое* перестаетъ быть *таинственнымъ*; по ту сторону черты чувствуется нѣчто хотя и неизвѣстное, но однородное съ извѣстнымъ. Безпредѣльная жажда знанія не оставляетъ мѣста для видѣній и догадокъ, и поэтъ не можетъ уже быть пророкомъ, какъ прежде. Съ другой стороны,

¹⁾ См. въ предыдущей книгѣ „Вѣстника Европы“ статью объ „Ученикѣ“ Буржэ.

демократія понижаетъ культуру, уничтожаетъ превосходство однихъ надъ другими, благопріятствуетъ посредственности. Прежде живая сила націи сосредоточивалась въ небольшой группѣ, голосомъ которой, въ свою очередь, служилъ великій поэтъ. Онъ воплощалъ въ себѣ смутныя чувства, общія всѣмъ его окружающимъ. Теперь такихъ чувствъ нѣтъ; все раздробилось, измельчало. Типичнымъ представителемъ своего поколѣнія поэтъ можетъ быть только тогда, когда у этого поколѣнія есть господствующія черты, способствующія образованію типа. Ничего подобнаго демократія, вѣчно подвижная и измѣнчивая, не допускаетъ... Чтѣ возражаетъ на это другой собесѣдникъ, Пьеръ В., устами котораго говорить, повидимому, самъ Буржэ? Онъ не отрицаетъ ни торжества науки и демократіи, ни тлетворнаго вліянія послѣдней, ненавистой ему не меньше, чѣмъ его противнику; онъ доказываетъ только, что именно у величайшихъ поэтовъ содержаніе творчества никогда не исчерпывалось вліяніями среды и эпохи. Они всегда были чѣмъ-то инымъ и бѣльшимъ, чѣмъ представителями своего времени. Отсюда нравственное одиночество, часто выпадавшее на ихъ долю и до побѣды демократическаго принципа. Оно имѣетъ свою безспорную цѣну, ограждая поэта отъ сопривосновенія съ толпой, отъ соблазновъ легкаго успѣха. Чѣмъ меньше демократическое общество будетъ понимать и цѣнить своихъ поэтовъ, тѣмъ свободнѣе, быть можетъ, будетъ развиваться ихъ дарованіе; чѣмъ меньше демократическая нивелировка оставитъ мѣста для генія въ области политической жизни, тѣмъ привольнѣе ему будетъ въ области поэзіи и мысли. Что касается до науки, то она безсильна убить мечту; никакой расцвѣтъ позитивизма не уничтожитъ поэзію состраданія и ласки, поэзію сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ и порыва въ темное будущее... Итакъ, если поэзія и уцѣлѣетъ, то уцѣлѣетъ *вопреки* демократіи, вопреки новымъ политическимъ теченіямъ. Нѣчто въ этомъ родѣ Ренанъ, лѣтъ десять тому назадъ, утверждалъ относительно науки. Позже онъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе; нужно надѣяться, что соотвѣтствующая перемена произойдетъ и во взглядахъ Буржэ. Мы говоримъ: *нужно надѣяться*, потому что недовѣріе къ демократіи, широко распространенное въ средѣ французской интеллигенціи, одинаково вредно и для нея самой, и для всего народа. Искусственно суживая кругозоръ поэтовъ и романистовъ, оно уменьшаетъ массу силъ, работающихъ на пользу общаго дѣла. Ахилесы, будирующіе въ своихъ палаткахъ или исключительно преданные своимъ Бризеидамъ (отнимать которыхъ никто у нихъ и не думалъ), оставляютъ замѣтный пробѣлъ въ рядахъ войска,

устремляющагося на приступъ будущаго. Пускай они не вступаютъ въ его шеренги, пускай идутъ не его дорогой и не однимъ съ нимъ шагомъ; нужно только, чтобы они не отворачивались отъ его цѣлей. Свободу въ выборѣ путей и средствъ обезпечиваетъ за ними именно та самая демократія, которую они такъ неблагодарно ненавидятъ.

Между современными французскими поэтами былъ одинъ, не только не возстававшій противъ торжества демократіи, но призывавшій его въ своихъ мечтахъ и способствовавшій ему и словомъ, и дѣломъ. Это—Викторъ Гюго, именно потому мало симпатичный консерваторамъ и индифферентамъ. Наиболѣе послѣдовательные изъ ихъ числа признаютъ въ немъ только великаго виртуоза, неподражаемаго исполнителя безсодержательныхъ произведеній. Такъ смотрятъ на него Зола и Фагэ, такъ относится къ нему и Леметръ. Статья о В. Гюго, помѣщенная въ четвертомъ томѣ „Современниковъ“, дышетъ раздраженіемъ, крайне рѣдкимъ у мягкаго и снисходительнаго критика. Чтобы доказать внутреннюю пустоту В. Гюго, Леметръ употребляетъ приѣмъ, противъ котораго не устоитъ никакая поэзія: онъ резюмируетъ стихотворенія въ нѣсколькихъ словахъ, уничтожая, такимъ образомъ, весь ихъ колоритъ, всю ихъ прелесть, все то, чѣмъ они дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Чтò сказали бы мы о критикѣ, который сталъ бы разсуждать такъ: въ стихотвореніи Пушкина „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ выражается мысль о близости и неизбѣжности смерти, подстерегающей насъ неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно когда; эта мысль давно составляетъ общее мѣсто, ergo—стихотвореніе не имѣетъ большой цѣны, хотя ему и нельзя отказать въ совершенствѣ формы. Разсужденія Леметра о В. Гюго написаны, болѣею частью, именно по этому шаблону. „Своихъ идей“ у Гюго, по мнѣнію Леметра, не было вовсе; онъ былъ только колоколомъ, въ который ударили, одна за другою, идеи его времени. Соглашаясь, по-неволѣ, что красотѣ образа у Гюго соответствуетъ иногда глубина мысли, Леметръ приписываетъ это случайной комбинаціи словъ, въ царствѣ которыхъ для Гюго не было ничего недоступнаго или невозможнаго. Дальше этого несправедливость, очевидно, идти не можетъ. Гораздо безпристрастнѣе оказывается, въ данномъ случаѣ, Буржэ. Онъ находитъ, вмѣстѣ съ Леметромъ, что настроенія Гюго часто были навѣяны извиѣ,—но, вопреки Леметру, видитъ въ этомъ источникъ истинной, своеобразной силы. Леметръ не хочетъ допустить, чтобы В. Гюго былъ близокъ и дорогъ народу; Буржэ не только признаетъ эту близость, но и объясняетъ ее именно тѣмъ, что устами

В. Гюго говорили страсти и чувства его эпохи. Въ поэзіи Гюго есть нѣчто безличное, коллективное, общее; даже его лиризму не чуждъ эпическій оттѣнокъ. Если созданныя имъ фигуры не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности, если ихъ величина больше натуральной, то это зависитъ отъ ихъ символизма; онѣ воплощаютъ въ себѣ надежды или страданія цѣлой группы, цѣлаго общественнаго класса. Существуетъ, напримѣръ, религиозная интерпретація великой революціи, разсѣянная, въ видѣ туманной мечты, въ умахъ многихъ французовъ. Эта интерпретація отразилась въ нѣсколькихъ страницахъ „Misérables“ и „Quatre-vingt-treize“, поразительно краснорѣчивыхъ. Удивляться ли тому, что толпа поклоняется гениальному выразителю ея смутныхъ представлений?..

Справедливымъ мнѣніе Буржэ о В. Гюго можетъ быть названо только сравнительно съ другими, явно враждебными; критикъ слишкомъ несходенъ съ поэтомъ, чтобы хвалить его иначе, чѣмъ à son corps défendant, какъ бы по-неволѣ. Болѣе рѣшительную защиту В. Гюго мы находимъ у Пеллиссэ, автора названной уже нами книги: „Le mouvement littéraire au XIX siècle“. Душа Гюго, — говоритъ Пеллиссэ, — открыта самымъ великодушнымъ вдохновеніемъ; пронизанная состраданіемъ и любовью, она отзывается на каждый звукъ, блеститъ при каждомъ лучѣ свѣта. Онъ — не философъ; его фантазія превращаетъ научныя или метафизическія системы въ поэтическія миры; но это еще не значитъ, чтобы его поэзія была бѣдна содержаніемъ. Чудеса версификаціи не исключаютъ собою ни серьезной мысли, ни глубокаго чувства. Надъ всѣми превращеніями поэта господствуетъ непоколебимая вѣра въ прогрессъ и въ міровой порядокъ. Оптимистъ, какъ всѣ сильныя натуры, онъ проповѣдывалъ любовь и вѣру въ будущее; онъ взывалъ къ справедливости, высшимъ выраженіемъ которой было, въ его глазахъ, милосердіе. Онъ возвышалъ голосъ въ пользу всего высокаго и благороднаго. Другіе вносили въ умы разочарованіе, смущеніе, апатію; онъ старался укрѣпить, ободрить ихъ, сообщить имъ часть своего несокрушимаго мужества. Величайшій артистъ своей эпохи, онъ былъ, въ то же время, храбрѣйшимъ ея борцомъ, наиболѣе чуткимъ къ самымъ крупнымъ ея задачамъ... Въ этихъ словахъ Пеллиссэ очень много правды. Мы вполне убѣждены, что реакція противъ В. Гюго, вызванная избыткомъ поклоненія, — реакція, начавшаяся еще при жизни поэта и значительно обострившаяся послѣ его смерти, — скоро уступить мѣсто другому, болѣе спокойному настроенію. Будущіе почитатели В. Гюго едва-ли возведутъ его вновь на степень полу-бога;

но столь же невѣроятно и то, чтобы ему суждено было жить въ памяти потомства исключительно какъ царю риторовъ и гроттеск-мейстеру фразы.

Гораздо быстрее, чѣмъ гюголатрія, прошла другая болѣзнь, никогда, впрочемъ, и не достигавшая большого распространения: мы говоримъ о „золататрія“, въ смыслѣ увлеченія теоріей и практикой золаизма. Изъ всѣхъ критиковъ, составляющихъ предметъ нашего этюда, всего снисходительнѣе къ Зола Пеллиссье, рассматривающій его въ связи съ исторіей реализма, какъ одинъ изъ противобѣсовъ крайностямъ романтической школы. И Пеллиссье, однако, отрицаетъ всякое „научное“ значеніе ругонъ-маккаровскаго цикла, сомнѣвается въ точности наблюденій Зола, отказывается ему въ правѣ на титулъ великаго писателя. По удачному выраженію Пеллиссье, Зола вѣшаетъ свои картины на гвоздь физиологіи, подобно тому, какъ Дюма (отецъ) вѣшалъ свои рассказы на гвоздь исторіи,—и въ составъ физиологическаго гвоздя входитъ, вдобавокъ, значительная примѣсь романтизма. Характера „документовъ“ произведенія Зола не могутъ имѣть уже потому, что они относятся къ эпохѣ, отдѣленной отъ насъ значительнымъ промежуткомъ времени. Описывая нравы и людей второй имперіи, Зола, по необходимости, руководствуется воспоминаніями, болѣе или менѣе неопредѣленными, а не изученіемъ жизни, какою она представляется на самомъ дѣлѣ. Еще рельефнѣе и ярче эта сторона творчества Зола характеризуема Леметромъ въ статьѣ, посвященной „Oeuvre“. Мы находимъ здѣсь краснорѣчивый протестъ противъ доктрины, влагаемой Зола въ уста своего alter ego — Сандоза, доктрины, отвергающей психологію и видящей въ человѣкѣ только механизмъ, совершающій извѣстную сумму функцій. „Сандозъ хочетъ насъ увѣрить,—воскликаетъ Леметръ,—что его ученіе расширяетъ область искусства; наоборотъ, оно суживаетъ ее. Реальный міръ гораздо разнообразнѣе и глубже, чѣмъ его отраженіе въ умѣ Сандоза. Душевные настроенія сплошь и рядомъ представляютъ гораздо больше интереса, чѣмъ внѣшнія условія, ихъ вызвавшія. Мы сдаемся, что Сандозъ никогда не проникалъ дальше грубой коры, покрывающей жизнь... Натурализмъ имѣетъ право на существованіе; дѣло, сдѣланное имъ, полезно, можетъ быть даже необходимо; но какой ужасъ и какая скука, еслибы не было больше никакихъ романовъ, кромѣ натуралистичныхъ!.. Въ чистомъ своемъ видѣ натурализмъ устарѣлъ ничуть не меньше, чѣмъ романтизмъ“. Таковы размышленія, внушаемыя Леметру исторіей Клода Лантье; къ „Мечтѣ“ онъ относится уже съ нескрываемою насмѣшкой, подчеркивая, весьма зло

и весьма справедливо, всё противорѣчія между сюжетомъ романа и обычной манерой Зола. Напрасно лѣтописецъ Ругонъ-Маккаровъ старается быть нѣжнымъ и деликатнымъ, сдержаннымъ и приличнымъ: авторъ „Pot-Bouille“ и „Nana“ никакъ не можетъ превратиться въ невиннаго рассказчика невинной повѣсти... Меньше всего, наконецъ, церемонится съ Зола Анатоль Франсъ. Снисходительный, свободный отъ щепетильности и доктринерства, онъ пишетъ, однако, жесточайшій обвинительный актъ противъ „Земли“, совмѣщающей въ себѣ всё худшія стороны золаизма и не выкупающей ихъ ни однимъ изъ его достоинствъ. Онъ доказываетъ, что „Земля“—произведеніе псевдо-натуралистическое, изобличающее полное незнакомство автора съ описываемымъ предметомъ. Французскіе крестьяне говорятъ, дѣйствуютъ и чувствуютъ совсѣмъ не такъ, какъ мнимые представители ихъ въ „Землѣ“. „Для Зола,—воскликаетъ Франсъ,—недоступна красота вещей, точно такъ же какъ и красота словъ. Отъ его таланта, хоть и не великаго, но крупнаго, остались только одни обрывки... Правда, никто не нагромождалъ до него такой громадной кучи нечистоты; самая ея вышина дѣлаетъ изъ нея нѣчто въ родѣ памятника—но это памятникъ незавидной славы. Больше, чѣмъ кто-либо, Зола идетъ наперекоръ идеаламъ человѣка. Намъ всѣмъ, маленькимъ и большимъ, смиреннымъ и гордымъ, свойственно поклоненіе прекрасному, украшающему и освѣщающему жизнь; Зола оно совершенно чуждо. Онъ не понимаетъ ни потребности любить, ни душевной чистоты, ни святости гора, ни возможности героизма. Онъ не знаетъ, что стыдливость—условіе прелести, что истинно-философская иронія отличается снисходительностью и мягкостью. Онъ заслуживаетъ глубокаго состраданія“.

Реакція, главное остріе которой направлено противъ Зола и золаизма, задѣваетъ слегка и такихъ писателей, какъ Гюи де-Мопассанъ. Анатоль Франсъ восхищается рассказами Мопассана, восхищается невозмутимымъ спокойствіемъ, съ которымъ они изображаютъ уродливое, порочное и больное; но севозъ этотъ восторгъ проглядываетъ невольное сомнѣнье—сомнѣнье въ томъ, естественно ли полнѣйшее равнодушіе къ болячкамъ и язвамъ человѣчества? „Прогуливаясь, однажды, съ Коппэ по берегу моря,—рассказываетъ Франсъ,—мы встрѣтили горбатаго, кривобокаго, коряваго крестьянина, съ шеей воршуна, съ птичьимъ взглядомъ, съ судорожными подергиваньями въ лицѣ. Посмотрѣвъ на него, я не могъ удержаться отъ улыбки; но на лицѣ моего спутника выразилось только глубокое состраданіе. Мнѣ стало совѣстно; чтобы оправдать мой смѣхъ, я указалъ на сходство крестьянина

съ Брассеромъ (извѣстнымъ комикомъ палерояльскаго театра). — Да, отвѣтилъ мнѣ Коппэ, Брассеръ дѣйствительно смѣшить насъ; но встрѣтившійся намъ человекъ уродливъ не ради смѣха—и вотъ почему я не смѣюсь“... „Мопассанъ, — продолжаетъ Франсъ, — такой же поэтъ, какъ и Коппэ; неужели онъ не страдаетъ при видѣ уродливости и пошлости, ограниченности и злобы?“... Леметръ ставитъ вопросъ нѣсколько иначе; онъ не удивляется безстрастію Мопассана, но отказывается признать его единственнымъ законнымъ отношеніемъ къ изображаемому предмету. Искусственный и надменный пессимизмъ реалистовъ увеличиваетъ, въ его глазахъ, прелесть жоржъ-зандовскаго или ламартиновскаго идеализма. „Нѣтъ,—воскликаетъ онъ,—не все на свѣтѣ сверно и противно. Крестьяне Ж. Занда не только симпатичны, но и правдивы“. Въ близости къ *земль* нѣтъ ничего неизбѣжно-приносящаго и притупляющаго; напротивъ того, она учитъ справедливости, проповѣдуетъ братство, довѣріе и надежду.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда еще не выступали на сцену или не пользовались извѣстностью ни Геннекенъ, ни Гюйо, ни Фагэ, ни Леметръ, ни Буржэ, въ французской литературѣ много разъ слышались восклицанія: *la critique se meurt, la critique est morte!* Въ отвѣтъ на эти восклицанія была написана одна изъ „эстетическихъ замѣтокъ“ Буржэ. Онъ старался доказать, что критика не умерла и не умираетъ, а только становится иною. Прежде она задавалась цѣлью *судить*, т.-е. хвалить и порицать; теперь она описываетъ или объясняетъ, констатируетъ факты и отыскиваетъ ихъ зависимость отъ той или другой общей причины. Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ слѣдуетъ заключить, что положеніе Буржэ справедливо только отчасти. Новые приемы, пущенные въ ходъ Сентъ-Бёвомъ и Тэномъ, безспорно расширили и углубили область критики; но рядомъ съ ними осталось мѣсто и для прежнихъ. Это и не можетъ быть иначе. Критика имѣетъ дѣло не только съ законченными эпохами, съ теченіями, совершившими полный свой цѣль; она соприкасается съ современностью, съ новыми людьми, съ новыми, едва зарождающимися, направленіями. Она стоитъ посреди борьбы; равнодушное отношеніе къ обѣимъ борющимся сторонамъ для нея далеко не всегда возможно. Удержаться отъ „опѣнки“ писателей и произведеній—задача, исполнимая далеко не для всѣхъ и уже по тому одному не для всѣхъ обязательная. Нельзя требовать отъ публициста, чтобы онъ разсматривалъ явленія текущей государственной жизни исключительно съ точки зрѣнія историка или со-

ціолога, не волнуясь, не радуясь и не негодуя. Критикъ, сплошь и рядомъ, тотъ же публицистъ; онъ раздаетъ удары, потому что самъ ихъ получаетъ. Симпатіи и антипатіи неизбѣжны даже въ чисто эстетическихъ вопросахъ, а выраженіе ихъ равносильно похвалѣ или порицанію. Въ этомъ смыслѣ критика, „произносящая приговоры“, существуетъ и теперь—и трудно предположить, чтобы она когда-либо исчезла. По справедливому замѣчанію Брюнетьера, она проникаетъ даже туда, гдѣ передъ нею тщательно затворяются окна и двери. Судить, на примѣръ, и Тэнъ, судить даже тѣхъ, о комъ, повидимому, вовсе не упоминаетъ; мотивы, *прямо* касающіеся Шекспира, затрогиваютъ, *косвенно*, Расина и Мольера ¹⁾. Судить и Геннекенъ, хотя признаетъ за критикой только право „наблюдать, констатировать, подмѣчать“. Развѣ фраза въ родѣ слѣдующей: „*Дама съ каamelіями* казалась тогдашней публикѣ чудомъ реализма“, не заключаетъ себѣ приговоръ, облеченный въ повѣствовательную форму? Развѣ она не показываетъ съ полною ясностью, что въ глазахъ самого критика пьеса Дюма—далеко не образецъ реалистическаго воспроизведенія дѣйствительности? Еще больше приближается къ „приговору“ замѣчаніе Геннекена, относящееся къ Флоберу: „у него превосходна композиція фразы, посредственна композиція главы, плоха композиція книги“... Наложить veto на „оцѣнку“—значило бы сдѣлать невозможной личную критику, эстетическую критику, критику Фагэ и Брюнетьера, критику Франса и Леметра, даже критику Буржэ, слишкомъ поспѣшившаго провозгласить полное торжество новыхъ критическихъ приемовъ.

Общее заключеніе наше таково: французскій ультра-натурализмъ, еще недавно трубившій побѣду по всей линіи и призывавшій къ отвѣту всѣхъ своихъ предшественниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ онъ признавалъ своими предками, самъ посаженъ теперь на скамью подсудимыхъ. Обвинителями и судьями являются не систематическіе враги новаго направленія, а безпристрастные или даже доброжелательные свидѣтели его успѣховъ. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы выбросить его за бортъ литературы, не о томъ, чтобы отречься отъ него безусловно и всецѣло, а только о томъ, чтобы отдѣлить пшеницу отъ плевелъ и положить конецъ заблужденію, именно въ плевелахъ видѣвшему самую

¹⁾ Особенно яркимъ доказательствомъ тому, что критика Тэна не вовсе чужда приговорамъ“, служатъ послѣднія страницы „Исторіи англійской литературы“, содержащая въ себѣ краснорѣчивое, блестящее превознесеніе Миссэ надъ Теннисономъ.

лучшую пшеницу. Наравнѣ съ практикой, доходящей до грубаго, безцѣльнаго цинизма, осуждается и теорія, ковавшая для искусства новыя цѣпи, едва ли менѣе тяжелыя, чѣмъ старыя. Господствующимъ девизомъ критики становится *свобода*—свобода въ выборѣ жанра и приемовъ, направленія и манеры, но не свобода отъ требованій правды и вкуса. Субъективность и объективность, тенденціозность и равнодушіе, спокойствіе и страстность, точное воспроизведеніе дѣйствительности и погруженіе въ міръ мечты—все законно, все позволительно, лишь бы были на-лицо искренность настроенія и художественность формы. Только въ такихъ широкихъ рамкахъ и возможно безпрепятственное поступательное движеніе литературы.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРИИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ

VI 1).

Внутреннее противорѣчіе между требованіями истиннаго патриотизма, желающаго, чтобы Россія была какъ можно лучше, и фальшивыми притязаніями націонализма, утверждающаго, что она и такъ всѣхъ лучше,—это противорѣчіе погубило славянофильство какъ ученіе, но оно же составляетъ несомнѣнное преимущество старыхъ славянофиловъ, какъ людей и дѣятелей, сравнительно съ ихъ позднѣйшими преемниками. Въ мірѣ человѣческомъ свобода отъ внутреннихъ противорѣчій не всегда означаетъ обладаніе полною истиною; иногда это лишь признакъ простого отсутствія мысли и идеальнаго содержанія. Какъ неизмѣримо высоко въ этомъ своемъ внутреннемъ раздвоеніи стоятъ старые славянофилы надъ нынѣшними прямолинейными псевдопатриотами, для которыхъ самый вопросъ о дѣйствительномъ благѣ Россіи, о томъ, какъ ей полнѣе и лучше усвоить и осуществить всечеловѣческую общественную правду,—самый этотъ вопросъ вовсе пересталъ существовать; онъ окончательно вытѣсненъ изъ ихъ сознанія иллюзіями и обманами слѣпотаго національнаго самолюбія. Эти иллюзіи (хотя въ болѣе благородной формѣ, чѣмъ теперь) составляли исходную точку и для стараго славянофильскаго міро-

1) Въ предыдущихъ очеркахъ (май и іюнь) я считалъ излишнимъ подробно налагать и разбирать славянофильскія мнѣнія, имѣя въ виду критику славянофильства въ известномъ трудѣ А. Н. Пыпина („Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцати до пятидесятихъ годовъ“), съ оцѣнками и замѣчаніями котораго я въ большинстве случаевъ совершенно согласенъ. Переходя теперь къ той эпохѣ, которую захватываютъ „Характеристики“ А. Н. Пыпина, я нашелъ нужнымъ болѣе подробно остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ.

воззрѣнія, но въ важныя критическія минуты для русскаго общества, когда вопросы ставились на жизненную практическую почву, настоящіе славянофилы бросали въ сторону мечты и претензіи народнаго самоувѣрія, думали только о дѣйствительныхъ нуждахъ и бѣдахъ Россіи, говорили и дѣйствовали какъ истинные патріоты.

„Во время осады Севастополя,—пишетъ Ю. О. Самаринъ въ предисловіи къ сочиненіямъ Хомякова,—въ самую пору мучительнаго для нашего самолюбія отрезвленія, когда очарованія одно за другимъ спадали съ нашихъ глазъ, и предъ нами выступали все безобразіе и вся нищета нашей дѣйствительности, на одномъ вечерѣ въ пріятельскомъ кругу Хомяковъ былъ какъ-то особенно веселъ и безпеченъ, и на недоумѣніе одного изъ друзей, какъ можетъ онъ смѣяться въ такое время, отвѣчалъ: „Я плакалъ про себя тридцать лѣтъ, пока вокругъ меня все смѣялось. Поимите же, что мнѣ позволительно радоваться при видѣ всеобщихъ слезъ къ спасенію“¹⁾.—Говорить о спасеніи Россіи, да еще посредствомъ самоосужденія, путемъ горькаго сознанія во всемъ безобразіи и во всей нищетѣ нашей дѣйствительности—не являя ли это измѣна и отступничество? И дѣйствительно, Хомяковъ и его единомышленники подверглись, хотя и заповдалой, но все-таки внушительной анаемѣ отъ представителей новѣйшаго зоологическаго патріотизма. Безъ всякаго вниманія къ услугамъ, которыя славянофилы оказали нашей „національной идеѣ“ и „національной политикѣ“, они всѣ гуртомъ *отлучены отъ Россіи*, выключены изъ числа „настоящихъ русскихъ людей“. „Надо думать,—говоритъ „Русскій Вѣстникъ“ по поводу какаго-то письма Герцена,—что оно было малоизвѣстно русскому обществу въ тяжкую годину севастопольской обороны, иначе оно было бы покрыто негодованіемъ оскорбленнаго національнаго чувства. Мы говоримъ, разумѣется, о *настоящихъ русскихъ людяхъ*, а не о тѣхъ печальныхъ передовыхъ кружкахъ пятидесятихъ годовъ, которые радовались паденію Севастополя! *Московскіе пророки*, исполненные мистическаго культа земли и народа, по откровенному свидѣтельству Кошелева, были убѣждены, что даже пораженіе Россіи сноснѣе и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время“²⁾.

¹⁾ Соч. Хомякова, томъ II, 1867 г., стр. XVIII и XIX.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль 1869, стр. 143. Незвѣстный авторъ говоритъ здѣсь не отъ себя, а лишь передаетъ въ сокращеніи слѣдующее мѣсто изъ (впечатанной по частямъ въ томъ же „Русск. Вѣстн.“) книги: „*Михаилъ Пикифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспом.*“

Въ чемъ же, однако, говоря серьезно, виноваты тутъ славянофилы? Если, по ихъ искреннему убѣжденію, Россія, хотя чрезъ тяжкую искупительную жертву, но тѣмъ рѣшительнѣе и надежнѣе избавлялась отъ положенія несноснаго и пагубнаго, то естественно было этому радоваться такъ, какъ радовался Хомяковъ. Несмотря на болѣзни и муки рожденія, явленіе новой жизни есть радостное событіе. „Московскихъ пророковъ“ можно было бы упрекать развѣ только въ ошибкѣ сужденія, въ невѣрной оцѣнкѣ того тридцатилѣтія, которое завершилось севастопольскимъ погромомъ. То обстоятельство, что славянофилы въ этомъ случаѣ безусловно согласны съ западниками,—повидимому, ручается за безпристрастность ихъ сужденія. Но западники еще болѣе, чѣмъ славянофилы, могутъ подлежать исключенію изъ числа „настоящихъ русскихъ людей“. Къ этимъ послѣднимъ, однако, и „Русскій Вѣстникъ“ долженъ отнести, напримѣръ, г. Любимова, своего нынѣшняго сотрудника и бывшаго редактора. Дѣятельный соревнователь г. Георгіевскаго въ обновленіи русскихъ университетовъ по уставу 1884 года вполне доказалъ доброту и искренность своего патріотизма. И вотъ, въ панегирикѣ г. Любимова покойному Каткову мы находимъ слѣдующую замѣчательную характеристику предъ-севастопольской эпохи:

„Создалась правительственная система, съ которою не могъ примириться ни одинъ независимый умъ, прилаживаться къ которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя, скрываясь, побуждая себя, сосредоточивая вниманіе на свѣтлыхъ сторонахъ, какихъ было не мало, и закрывая глаза на темныя, удовлетворяясь довольствомъ личнаго положенія, лицемѣря вольно или невольно, чтобы не прать противу рожа.

„Государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму „начальства“. Начальство сдѣлалось все въ

минаніямъ Н. А. Любимова“. Спб. 1889, стр. 186: „Занятое войною, правительство стало меньше заниматься внутренними дѣлами. Это возбудило въ кружкѣ Кошелева, по словамъ его, самыя отрадныя чувствованія. „Казалось,—пишетъ онъ,— что изъ томительной мрачной темницы мы какъ будто выходили если не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ тому, гдѣ уже чувствуется освѣженіе воздуха. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ, обложеніе Севастополя, не слишкомъ насъ огорчали, такъ какъ мы были убѣждены, что даже пораженіе Россіи сноснѣе и даже для нея не такъ тяжело того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время“. Эти слова, по словамъ Кошелева, дышавшіе полною грудью и радовавшіеся пораженію своего отечества, были въ то же время исполнены, казалось, мистическаго культа — и народа“.

странѣ. Все Кесареви, — Богови оставалось весьма не много. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара. Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ взявшій со стола томъ свода законовъ и сѣвшій на него съ вопросомъ: гдѣ законъ? былъ лицомъ типическимъ, въ частности добрымъ и справедливымъ человекомъ¹⁾.

Конечно, утѣшительно, что начальникъ, „сидвшійся на законъ“, могъ быть иногда въ частности добрымъ и справедливымъ человекомъ. Но чѣмъ могло утѣшаться, напримѣръ, населеніе бѣлорусскихъ губерній, подчиненное тому витебскому генералъ-губернатору Дьякову, о которомъ въ дневникѣ покойнаго академика Никитенко (принадлежавшаго къ такимъ же „настоящимъ русскимъ людямъ“, къ каковымъ принадлежитъ и г. Любимовъ), рассказывается слѣдующее: „Нѣсколько лѣтъ уже онъ признанъ сумасшедшимъ и, тѣмъ не менѣе, ему поручена важная должность генералъ-губернатора надъ тремя губерніями. Каждый день его управленія знаменуется поступками крайне нелѣпыми или пагубными для жителей. Утро онъ обыкновенно проводитъ на конюшнѣ или на голубятнѣ... Всегда вооруженъ плетью, которую употребляетъ для собственноручной расправы съ правымъ и виноватымъ. Одну беременную женщину онъ велѣлъ высѣчь на конюшнѣ за то, что она пришла къ его дворецкому требовать сто пятьдесятъ рублей за хлѣбъ, забранный у нея на эту сумму для генералъ-губернаторскаго дома. Портному велѣлъ отсчитать сто-ударовъ плетью за то, что именно столько рублей былъ долженъ ему за платье. Объ этихъ происшествіяхъ и многихъ подобныхъ было доносимо даже государю. На дняхъ Дьяковъ собственноручно прибилъ одну почтенную даму, дворянку, за то, что та, обороняясь на улицѣ отъ генералъ-губернаторскихъ собакъ, одну изъ нихъ задѣла зонтикомъ. Она также послала жалобу государю. — Чтѣ же послѣ этого и говорить объ управленіи края? Въ Могилевѣ тоже хорошо: генералъ-губернаторъ сумасшедшій, предсѣдатель гражданской палаты воръ, обокравшій богатую помѣщицу, у которой былъ управляющимъ (онъ же и камергеръ), предсѣдатель уголовной палаты убилъ человека, за что и находится подѣ слѣдствіемъ“²⁾. Безъ сомнѣнія, и въ ту

¹⁾ Любимова: „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга“. Стр. 182, 188.

²⁾ „Надо замѣтить, — говоритъ газета „Новое Время“, — приведу это удивительное историческое свидѣтельство изъ „Русской Старинѣ“, — что ужъ никакъ не Никитенко можно обвинять въ легкомысліи или въ желаніи подорвать авторитетъ власти“. „Н. В.“, 5 окт. 1889.

эпоху лишь весьма немногіе предсѣдатели уголовныхъ палатъ совершали убійства и далеко не всѣ начальники расплачивались со своими портными по способу бѣлорусскаго генераль-губернатора. Можно даже съ увѣренностью сказать, что занятіе высокаго административнаго поста лицомъ завѣдомо умалишеннымъ есть фактъ если и не единичный, то, во всякомъ случаѣ, исключительный. Большинство же начальниковъ представляло нѣчто среднее между Дьяковымъ и тѣмъ идеальнымъ губернаторомъ, который былъ добрымъ и справедливымъ человекомъ, хотя и клалъ подъ себя законъ. Вотъ это-то отношеніе къ закону и было, какъ говорить г. Любимовъ, *типичною* чертою, которая объединяла всѣхъ начальниковъ, какъ благихъ, такъ и злыхъ, образуя всю правительственную систему того времени. Даже для панегириста Каткова весьма трудно удержаться отъ сатиры, когда онъ говоритъ объ этомъ золотомъ вѣкѣ нашихъ „назадняковъ“. Въ дальнѣйшей его характеристикѣ при всей ея фактической вѣрности, какъ бы звучать отголоски изъ „*Исторіи одного юрода*“: „Купецъ торговалъ потому, — пишетъ г. Любимовъ, — что была на то милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія; пригвазанный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Воздухомъ дышали потому, что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы лѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено было начальствомъ. Начальникъ былъ безответствененъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ, въ тѣхъ же условіяхъ, начальство и надъ собою. Для народа, несшаго тяготы и крѣпостныхъ и государственныхъ повинностей, со включеніемъ тяжелой рекрутчины, то было время не легкой службы. Военные люди какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ снудѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора. Зато полковой священникъ, подчиненный оберъ-священнику, былъ служивый въ рясахъ, независимый отъ архіерея... Всякая независимая отъ службы дѣятельность человека считалась развѣ только терпимою при незамѣтности и немедленно возбуждала опасеніе, какъ только чѣмъ-либо явно обнаруживалась... Тѣлесныя наказанія считались главнымъ орудіемъ дисциплины и основою общественнаго воспитанія. Отъ ученія требовали только практической пригодности, наука была въ подозрѣніи. Съ 1848 года

преслѣдованіе независимости во всѣхъ ея формахъ приняло мрачный характеръ“ ¹⁾).

Послѣ этихъ показаній свидѣтеля, котораго никто не заподозрить въ принадлежности къ московскимъ или какимъ бы то ни было *пророкамъ*, можно уже съ полнымъ довѣріемъ отнести къ словамъ Константина Аксакова въ его запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи, представленной въ 1855 г. покойному государю Александру Николаевичу и впоследствии напечатанной въ „Руси“: „Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ, прикрываемый безсовѣстною ложью... При потерѣ взаимной искренности и довѣренности, все обняла ложь, вездѣ обманъ. Правительство не можетъ, при всей своей неограниченности, добиться правды и честности; *безъ свободы общественнаго мнѣнія это и невозможно*. Всѣ лгутъ другъ другу, видятъ это, продолжаютъ лгать, и неизвѣстно, до чего дойдутъ. Всеобщее развращеніе, или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до огромныхъ размѣровъ... Исключеній немного. Это сдѣлалось уже не личнымъ грѣхомъ, а общественнымъ; здѣсь является безнравственность самого положенія общественнаго, цѣлаго внутренняго устройства. Все зло,—продолжаетъ К. Аксаковъ,—происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего ²⁾ правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравственной, *ибо на свободу политическую и притязаній въ Россіи нѣтъ*. Гнетъ всякаго мнѣнія, всякаго проявленія мысли дошелъ до того, что иные представители власти государственной запрещаютъ изъяслять мнѣніе даже благоприятное правительству, ибо запрещаютъ всякое мнѣніе.. Къ чему же ведетъ такая система? къ полному безучастію, къ полному уничтоженію всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ... Эта система, еслибы могла успѣть, то обратила бы человѣка въ животное, которое повинуется не разсуждая и не по убѣжденію. Но еслибы люди могли быть доведены до такого состоянія, то неужели найдется правительство, которое предположить себѣ такую цѣль?.. Да и къ тому же люди, у которыхъ отнято человѣческое достоинство, не спасутъ правительства. Въ минуты великихъ испытаній понадобятся люди, въ настоящемъ смыслѣ;—а гдѣ оно тогда возьметъ людей, гдѣ возьметъ оно сочувствія, отъ котораго отъучило, дарованій, одушевленія, духа наконецъ?

„Велика внутренняя порча Россіи, порча, которую леств

¹⁾ Любимовъ: „М. Н. Катковъ и пр.“, стр. 183, 184.

²⁾ Т.-е. тогдашняго, предъ-севастопольскаго.

старается скрыть отъ взоровъ государя; сильно отчужденіе правительства и народа другъ отъ друга, которое также скрываютъ громкія слова рабской лести. Вторженіе правительственной власти въ общественную жизнь продолжается; народъ заражается болѣе и болѣе, и общественное развращеніе усиливается въ разныхъ своихъ проявленіяхъ...¹⁾

Около 1855 г. всѣ мыслящіе русскіе люди, славянофилы также, какъ и западники, безусловно сходились между собою въ убѣжденіи, что дѣйствовавшая передъ тѣмъ система внутренней политики была пагубна для Россіи, приводя ее въ глубокому нравственному, а чрезъ то и матеріальному паденію. Самый восторженный и прямолинейный изъ славянофиловъ, Константинъ Аксаковъ, несмотря на свою мечтательную вѣру въ Россію, какъ въ единственную христіанскую націю, какъ въ избранный народъ Божій, имѣлъ гражданское мужество прямо сказать, что Россія можетъ погибнуть, если останется на прежнемъ пути восточнаго деспотизма. „Правительство, — пишетъ онъ въ дополненіи къ своей „Запискѣ“, — вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло, такимъ образомъ, въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ (что разумѣлъ Аксаковъ подъ этими началами—увидимъ дальше) въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ, наконецъ, свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь“²⁾.

Въ чемъ же состоитъ этотъ истинный русскій путь, какъ и почему Россія его оставила и что нужно сдѣлать, чтобы къ нему вернуться?—на эти вопросы совершенно опредѣленно отвѣчаетъ та же записка Константина Аксакова, въ которой особенно ярко обнаруживаются и достоинства стараго славянофильства, и его окончателная несостоятельность.

¹⁾ „Русь“, № 27 (отъ 16-го мая 1881 г.), стр. 18, 19.

²⁾ „Русь“, № 28 (отъ 23-го мая 1881 г.) стр. 12, 13.

VIII.

„Русскій народъ есть народъ не-государственный, т.-е. не стремящійся къ государственной власти, не желающій для себя политическихъ правъ, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго властолюбія ¹⁾.—Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную. Взамѣнъ того русскій народъ предоставляетъ себѣ (!!) нравственную свободу, свободу жизни и духа“ ²⁾. Выраженный въ этихъ словахъ главный тезисъ стараго славянофильства, конечно, не можетъ быть доказанъ строго-исторически. Два важныя событія русской исторіи — призваніе варяговъ и избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова — напрасно приводятся Аксаковымъ въ подтвержденіе его мысли. Сознаніе необходимости государственнаго строя и невозможности учредить его собственными средствами, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобицъ, заставило новгородскихъ славянъ съ окрестными чудскими племенами призвать изъ-за моря объединяющій правительственный элементъ. Это призваніе чужой власти показало дѣйствительную нравственную силу русскаго народа, его способность освобождаться въ рѣшительныя минуты отъ низкихъ чувствъ національнаго самолюбія, или народной гордости; но видѣть отреченіе отъ государственности въ этомъ рѣшеніи создать государство во чтѣ бы то ни стало, можно было бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы народъ, добровольно подчинившись чужимъ правителямъ, пересталъ вовсе участвовать въ дѣлахъ правленія. Между тѣмъ исторія непреложно свидѣтельствуетъ, что русскій народъ съ призваніемъ варяговъ нисколько не отказался отъ дѣятельнаго участія въ политической жизни. Второе событіе, на которое ссылается Аксаковъ, — избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича, какъ законнаго преемника прежней династіи, столь же мало годится для подтвержденія славянофильскаго взгляда. Незадолго до нашего смутнаго времени, въ самой передовой странѣ западной Европы произошли аналогичныя событія: когда среди междоусобій и смутъ погибъ послѣдній король изъ дома Валуа, французскій народъ не учредилъ ни республики, ни постоянного представительнаго правленія, а передалъ полноту власти Генриху

¹⁾ „Русь“, № 26 (отъ 9-го мая 1881 г.), стр. 11.

²⁾ „Русь“, № 28 (отъ 28-го мая 1881 г.), стр. 12.

Бурбону, при внуѣ котораго государственный абсолютизмъ достигъ крайней степени своего развитія ¹⁾. Неужели, однако, изъ этого можно выводить, что французы—народъ негосударственный, чуждающійся политической жизни и желающій только „свободы духа?“. Если рассуждать какъ Аксаковъ, то тотъ же анти-политическій характеръ слѣдуетъ признать и за испанскимъ народомъ, который послѣ революціонныхъ смуть конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, какъ только избавился отъ нашествія иноземцевъ (подобно русскимъ въ 1612 г.), призвалъ къ себѣ законнаго государя и предоставилъ ему неограниченную монархическую власть. Вообще въ странахъ обширныхъ, съ болѣе или менѣе осложненнымъ социальнымъ строеніемъ, *народныя массы*, всецѣло заняты удовлетвореніемъ насущныхъ нуждъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ заявляютъ себя активно въ политикѣ. Такіе исключительные случаи бывали и въ русской исторіи. Говоря о мирномъ характерѣ раскола, авторъ „Записки“, повидимому, забылъ про соловецкое сидѣніе; давая свое одностороннее объясненіе пугачевщинѣ, онъ вовсе умалчиваетъ о бунтѣ Стеньки Разина, и т. п.

Впрочемъ для характеристики русскаго народа въ политическомъ отношеніи нѣтъ причины ограничиваться московскою и петербургскою эпохами. Если же мы обратимся къ кievской Руси, то тутъ тезисъ Аксакова оказывается уже вполнѣ несостоятельнымъ. По справедливому замѣчанію одного безпристрастнаго критика, этотъ тезисъ всего лучше опровергается собственными историческими сочиненіями Константина Аксакова, въ которыхъ показывается положительное и рѣшающее участіе народнаго, земскаго элемента въ русской политической жизни до-монгольскаго періода ²⁾.

Единственный истинный смыслъ, который можетъ заключаться въ основной славянофильской идеѣ, состоитъ лишь въ томъ, что для русскаго народа, какъ христіанскаго, государство не есть высшій практической идеаль, не есть окончательная, безусловно самостоятельная, самозаконная или себѣ довлѣющая форма чело-вѣческаго общежитія. Государство, вообще говоря, есть *принудительно-сохраняемое* состояніе равновѣсія частныхъ силъ (въ

¹⁾ При Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII еще собирались Etats généraux, также какъ первые цари изъ дома Романовыхъ созывали земскіе соборы. Внуку перваго Бурбова положилъ конецъ Etats généraux, какъ съ внукомъ перваго Романова прервались земскіе соборы.

²⁾ См. обширную и интересную статью о К. Аксаковѣ въ „Критико-біографическомъ словарѣ“ г. Венгерова.

предѣлахъ исторически сложившейся народной группы). Для нравственнаго сознанія такое принудительное, извнѣ налагаемое и насильно поддерживаемое состояніе можетъ быть лишь необходимымъ зломъ; идеаль же общественный и цѣль исторической жизни заключаются въ свободномъ нравственномъ равновѣсіи всѣхъ частныхъ силъ, или въ ихъ совершенной *солидарности*. Въ этомъ окончательномъ идеалѣ вовсе нѣтъ мѣста для государственности и для политики. Но на почвѣ исторической дѣятельности, таготившей къ идеалу, хотя и весьма далекой отъ него, вполне законенъ вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ. Общій критерій для рѣшенія этого вопроса заключается въ самой идеѣ государства, какъ необходимаго условія или *средства* для исторической жизни человѣчества. Во-первыхъ, по отношенію къ данному реальному, но ненормальному состоянію людей и народовъ, государство должно быть наиболѣе способно охранять принудительное равновѣсіе частныхъ своекорыстныхъ силъ и полагать обязательные предѣлы всякимъ эгоистическимъ захватамъ. Безъ этой внѣшней государственной правды или, лучше сказать, безъ этого внѣшняго осуществленія правды самое существованіе человѣческаго общежитія было бы невозможно, ибо болѣе злые пожрали бы менѣе злыхъ, а затѣмъ поѣли бы и другъ друга. Итакъ, чтобы общество человѣческое могло существовать, необходимо *крѣпкое* государство, съ сильною сосредоточенною властью. Но *цѣль* исторической жизни состоитъ не только въ томъ, чтобы общество человѣческое *существовало*, но чтобы оно существовало *достойнымъ* или идеальнымъ образомъ, на основахъ внутренней нравственной солидарности. Поэтому, обезпечивая своею крѣпкою властью внѣшнее фактическое существованіе общества, государство должно, во-вторыхъ, способствовать или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать ему въ достиженіи его высшей цѣли, въ его внутреннемъ совершенствованіи, въ постепенной морализаціи и одухотвореніи общественныхъ отношеній по идеалу свободного нравственнаго всеединства. Другими словами, самое лучшее государство есть то, которое наиболѣе стѣснительно для настоящаго реального зла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ наибольшій просторъ всѣмъ силамъ, двигающимъ общество къ его будущему идеальному благу. Ибо если безъ перваго условія (противодѣйствія злу) существованіе общества было бы невозможно, то безъ втораго (движенія къ идеалу) оно было бы безцѣльно и недостойно.

Найти вѣрный способъ равномѣрно удовлетворить этимъ двумъ требованіямъ есть задача въ высшей степени сложная и трудная.

Разлучить эти два условія нормальной государственности и настаивать на удовлетвореніи одного, пренебрегая другимъ, — дѣло легкое, но ни къ чему хорошему не ведетъ. Очень просто требовать во что бы то ни стало сильной власти, рискуя водвореніемъ кулачнаго права и превращеніемъ народа въ безсловесное стадо. Не трудно также (по крайней мѣрѣ въ теоріи) настаивать на полномъ невмѣшательствѣ государства, рискуя возвращеніемъ къ первобытному хаосу, къ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Но если несостоятельны обѣ крайности политической мысли, то и славянофильская попытка ихъ избѣгнуть и совмѣстить полноту государственнаго абсолютизма съ полнотою общественной свободы не выдерживаетъ критики.

IX.

„Правительству (необходимо монархическому) — неограниченная *власть* государственная, политическая; народу — полная *свобода* нравственная, свобода жизни и духа (мысли, слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и *долженъ* предлагать *безвластный* народъ *полновластному* правительству, — это *мнѣніе* (слѣдовательно сила чисто-нравственная), — мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять. Правительству — право дѣйствія и слѣдовательно закона; народу — право мнѣнія и слѣдовательно слова“ ¹⁾. Такова формула, которую, по мнѣнію К. Аксакова, усвоилъ себѣ русскій народъ, и которою разрѣшается вопросъ о наилучшемъ соціально-политическомъ строѣ. Взглядъ русскаго народа на этотъ предметъ въ точности неизвѣстенъ; позволительно, однако, думать, что значительное большинство этого народа рѣшительно предпочло бы свободу отъ податей и отъ военной повинности самой полной свободѣ слова; а утверженіе Аксакова, будто нашъ народъ *во время призванія варяговъ* „хотѣлъ оставить для себя свою внутреннюю общественную жизнь — *жизнь мирную духа*“ ²⁾, вызываетъ основательное недоумѣніе. Но если признаніе славянофильской формулы со стороны русскаго народа и подлежитъ сомнѣнію, зато ее несомнѣнно усвоилъ себѣ покойный Катковъ, любившій въ свои послѣдніе годы разсуждать и о темѣ о всевластномъ государствѣ и безвластномъ, но тѣмъ не менѣе свободномъ народѣ и обществѣ.

¹⁾ „Русь“, 1881 г. № 28, стр. 12 и 13.

²⁾ „Русь“, № 26, стр. 10.

Все дѣло здѣсь, очевидно, въ двусмысленномъ понятіи о той свободѣ, которую будто бы русскій народъ оставилъ за собою, отдавая государству полноту всѣхъ правъ. Уже одно обиліе терминовъ, которыми К. Авсаковъ обозначаетъ эту свободу, показываетъ, что тутъ что-то неладно. „Правственная свобода, свобода жизни, свобода духа, свобода мысли, свобода мнѣнія, свобода слова, право мнѣнія, право слова“ — вотъ сколько различныхъ выраженій безъ разбора употребляются славянофильскимъ мыслителемъ, когда онъ говоритъ о законномъ удѣлѣ народа и земли, изъятомъ изъ-подъ власти всевластнаго государства. Ясно, однако, что собственно о внутренней нравственной или духовной свободѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Ибо эта свобода сама по себѣ, поскольку она не выражается во внѣшнихъ *дѣйствіяхъ*, есть нѣчто безусловно неотъемлемое и неприкосновенное. Никто и никакимъ образомъ не можетъ помѣшать мнѣ желать (въ душѣ) того, чего я желаю, думать, о чемъ думаю, и чувствовать, что чувствую. Эта внутренняя свобода есть общечеловѣчскій психологическій фактъ, который остается одинаково неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ при *всякомъ* социальномъ и политическомъ устройствѣ и неустраивѣ, и слѣдовательно никакъ не можетъ служить опредѣляющимъ началомъ идеальнаго общественнаго строя. Но если для образованія такого строя одной внутренней свободы *духа* — слишкомъ мало, то понятіе: „свобода *жизни*“ — будетъ, напротивъ, слишкомъ обширно для этой цѣли, ибо, принятое безъ ограниченій, оно уничтожаетъ самую возможность государства. Если весь народъ сохраняетъ за собою полную свободу жизни, то значить никто не имѣетъ права принуждать меня, принадлежащаго къ народу, бросить свою семью, свои мирныя занятія для того, чтобы мучиться въ казармѣ или проливать кровь и рисковать жизнью за дѣло, къ которому я равнодушенъ или даже которое я не одобряю. Точно также, допуская эту „свободу жизни“, было бы непозволительно отбирать у меня деньги на предметы, для моей жизни посторонніе. Такимъ образомъ, эта „свобода жизни“ оказывается несомѣстимою съ существованіемъ государства, которое не можетъ обойтись безъ солдатъ и безъ денегъ. Если же представить себѣ дѣло такъ, что частныя лица принуждаются къ военной повинности и къ уплатѣ податей не государственною властью, а самимъ же народомъ, то-есть его большинствомъ, понимающимъ государственныя нужды, то это значило бы устранить одно противорѣчіе другимъ, болѣе глубокимъ. Ибо въ такомъ случаѣ „весь народъ“ (или, точнѣе, большинство) дѣйствовалъ бы на частное лицо (или на меньшинство), какъ внѣшняя

принудительная сила, т.-е. самъ народъ принялъ бы форму правительства или государственной власти—въ прямое противорѣчіе славянофильскому идеалу, требующему полнаго разграниченія этихъ двухъ сферъ.

Итакъ, отстраняя „свободу духа“ и „свободу жизни“, какъ понятія, не относящіяся къ дѣлу, мы остаемся съ однимъ опредѣленнымъ понятіемъ—*свободы слова*. Этимъ въ концѣ концовъ и самъ авторъ „Записки“ ограничиваетъ свои требованія. Но и понятіе свободы слова, очевидно, нуждается въ нѣкоторомъ ближайшемъ опредѣленіи. Такъ какъ дѣло идетъ объ основномъ общемъ отношеніи земли или народа къ государству, то здѣсь, понятно, нельзя имѣть въ виду свободу слова въ частной формѣ личнаго обращенія подданныхъ къ представителямъ государственной власти. Никакое правительство, даже самое враждебное „истинному русскому пути“ (по славянофильскимъ воззрѣніямъ) не станетъ принципиально запрещать частнымъ лицамъ выразить ему (правительству) при случаѣ какія угодно мнѣнія въ интимной бесѣдѣ или въ письмѣ, отправляемомъ съ оказіей. Нѣкоторые новѣйшіе публицисты, широко пользовавшіеся этою свободою слова для себя лично, утверждали, что ничего болѣе и не нужно. Но авторъ „Записки“, занятый общимъ интересомъ, разумѣлъ въ своемъ требованіи свободу *публичнаго* слова, какъ печатнаго, такъ и устнаго.

Эта свобода внѣшняго и притомъ публичнаго выраженія всякихъ мнѣній, требуемая какъ народное *право*, имѣетъ несомнѣнно политической характеръ и, слѣдовательно, находится въ явномъ противорѣчій съ изложенною въ „Запискѣ“ идеей государства, въ силу которой исключительно лишь правительство пользуется всею полнотою власти и политическихъ правъ. Правда, К. Аксаковъ противопоставляетъ *право слова*, принадлежащее народу,—*праву дѣйствія*, всецѣло находящемуся въ распоряженіи правительства. Но такое противоположеніе можетъ быть основательно развѣ лишь по отношенію къ слову частному, о которомъ нѣтъ вопроса. Публичное же слово есть несомнѣнно дѣйствіе и даже весьма сложное; это, можно сказать, цѣлая система дѣйствій. Что эти дѣйствія могутъ быть вредны—въ этомъ не сомнѣвается и авторъ „Записки“, указывающій на необходимость цензуры для огражденія личности. Но почему же тогда не допустить, что и общество, и само государство, нуждаются въ такомъ огражденіи отъ вредныхъ дѣйствій злонамѣреннаго публичнаго слова? А ограждать общество и государство отъ всякаго вреда есть, по взгляду Аксакова, исключительное право и обязанность

правительственной власти. Слѣдовательно этой же власти принадлежит ограничивать по своему усмотрѣнію и свободу публичнаго слова. Совершенно и всецѣло отказавшись отъ всѣхъ заботъ управленія, отъ всякой политики, отъ всякаго участія въ законодательной дѣятельности правительства, народъ не имѣетъ ни основанія, ни права, ни средствъ вмѣшиваться въ законы о печати и ограждать свободу публичнаго слова отъ тѣхъ мѣръ, которыя принимаются всецѣло на то уполномоченною государственною властью въ этой, столь важной въ наши дни, области политическаго дѣйствія. А въ такомъ случаѣ основная славянофильская идея о полнотѣ свободы, принадлежащей народу при полномъ властномъ государствѣ, падаетъ не только фактически, но и принципиально. Свобода публичнаго слова, какъ народное или земское право, было бы во всякомъ случаѣ ограниченіемъ государственнаго полновластія, одинаково несообразнымъ какъ съ характеромъ всевластнаго правительства, такъ и съ характеромъ безвластнаго народа.

X.

Идея *истиннаго русскаго пути* въ „Запискѣхъ о внутреннемъ состояніи Россіи“ поясняется славянофильскимъ взглядомъ на русскую исторію. Смыслъ нашей исторіи въ изложеніи Аксакова возбуждаетъ подозрѣніе уже одною своею простотою и логическою стройностью. Такихъ простыхъ и ясныхъ вещей на свѣтѣ не бываетъ. Истинный русскій строй, — разсуждаетъ авторъ „Записки“, — можетъ быть нарушенъ или со стороны правительства, или со стороны народа; до Петра Великаго не было ни того, ни другого нарушенія, все шло какъ слѣдуетъ: правительство не вмѣшивалось въ народную жизнь и ничѣмъ не стѣсняло ея свободу, а народъ не вмѣшивался въ дѣла управленія. При Петрѣ Великомъ правительство измѣнило русскому идеалу, уклонилося съ русскаго пути, отнявши у народа свободу жизни и мнѣнія, подчинивши его бюрократической регламентаціи и т. д. Теперь правительство должно внять голосу вновь возникшаго (въ славянофильствѣ) русскаго самосознанія и восстановить нарушенное имъ истинное отношеніе между государствомъ и землею; оно должно возвратитъ народу полноту его жизненной свободы, оставляя себѣ лишь полноту власти и политическихъ правъ. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ, по мнѣнію Аксакова, ожидать, что народъ, испорченный послѣ-Петровскою исторіею и соблазненный дурнымъ примѣромъ государства, въ свою очередь измѣнитъ истинному русскому пути, съ своей сто-

роны нарушить идеаль русскаго строя, станеть добиваться политическихъ правъ, вступить на западно-европейскій революціонный путь.

Такая философія русской исторіи слагается частью изъ дожныхъ, частью изъ ложно обоснованныхъ утвержденій. Въ кievской Руси св. Владиміра и Ярослава былъ дѣйствительно нѣкоторый *зародышъ* нормальныхъ отношеній между государствомъ и землею, но, разумѣется, не въ смыслъ безусловнаго разграниченія между сферами власти и свободы, а въ смыслъ живой солидарности и постояннаго взаимодѣйствія государства и народа. О дѣйствительномъ осуществленіи какихъ-нибудь политическихъ и социальныхъ идеаловъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи при той степени историческаго развитія, на которой находилась тогда Россія, только-что приступившая къ христіанской культурѣ. Какъ бы то ни было, строй кievской Руси XI вѣка, если не былъ идеальнъ, то допускалъ извѣстную идеализацію. Но славянофильство требуетъ распространить эту идеализацію на всю до-Петровскую Россію. Тутъ уже все сводится къ сплошной, хотя и безсознательной лжи. По изложенію „Записки“, даже борьба московскаго государства съ Новгородомъ не омрачаетъ идеальной картины,—и тутъ не было никакого уклоненія отъ истиннаго русскаго пути. „Въ русской исторіи нѣтъ ни одного возстанія противъ власти въ пользу народныхъ политическихъ правъ. Самъ Новгородъ, разъ признавъ надъ собою власть царя московскаго, уже не возставалъ противъ него въ пользу своего прежняго устройства“¹). Подобнымъ же образомъ туземцы Мексики и Перу, разъ уничтоженные испанцами, уже не возставали противъ нихъ въ пользу своего прежняго устройства. Одно изъ двухъ: или новгородцы, прежде своего уничтоженія, боролись противъ московскихъ государей за свои политическія права,—и въ такомъ случаѣ, значитъ, эта коренная часть русскаго народа вовсе не держалась славянофильскаго идеала; или же они дѣйствительно безъ борьбы, добровольно подчинились власти московскихъ государей, и въ такомъ случаѣ выходитъ, что задолго до Петра Великаго идеаль былъ нарушенъ со стороны этихъ государей, ни съ того, ни съ сего разорившихъ значительную и лучшую часть оссіи. Или, можетъ быть, двукратное опустошеніе Новгорода (отъ котораго онъ такъ никогда и не могъ поправиться), избіеніе расточеніе его жителей десятками тысячъ—все это нисколько

¹ „Русь“, № 26, стр. 12.

не нарушало нормальныхъ отношеній, не составляло никакого вмѣшательства государства въ свободную жизнь русскаго народа?

Великая историческая заслуга московскихъ собирателей земли русской несомнѣнна, но не въ славянофильствѣ найдемъ мы ея основательную оцѣнку. Также несомнѣнно, что эта заслуга имѣетъ лишь чисто-историческій, условно-временный характеръ, и ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ общественному идеалу, къ истиннымъ цѣлямъ народной жизни не находится. Дѣятельность московскихъ собирателей земли слѣдуетъ признать „необходимымъ зломъ“, даже и не восходя на ту высоту, съ которой всякая политика представляется такимъ зломъ. Ежели, тѣмъ не менѣе, К. Аксаковъ находитъ для памяти этихъ дѣятелей (въ томъ числѣ и Ивана IV) одни только благословенія, то этого нельзя оправдать ни христіанскою заповѣдью всепрощенія, ни гегельянскимъ понятіемъ о разумности всего дѣйствительнаго: называть черное бѣлымъ и горькое сладкимъ непозволительно ни въ какомъ случаѣ. Но помимо ложнаго освѣщенія событій и невѣрной оцѣнки историческихъ лицъ,—естъ совершенно безспорный и объективный фактъ, которымъ въ корнѣ подрывается славянофильскій взглядъ на русскую исторію, видящій въ этой исторіи нормальное развитіе истинно-русскихъ началъ до Петра Великаго и затѣмъ отступленіе отъ этихъ началъ въ петербургскую эпоху. На сѣду для славянофиловъ самое ненормальное (съ ихъ собственной точки зрѣнія) явленіе внутренней русской исторіи возникло въ эпоху до-Петровскую, на почвѣ царской, московской Россіи. Принудительное измѣненіе правительствомъ мѣстныхъ обрядовъ и исправленіе церковныхъ книгъ, сопровождаемое жестокими преслѣдованіями противъ всѣхъ приверженцевъ народной старины, естъ безспорно вмѣшательство государства въ народную жизнь, и нарушеніе ея свободы гораздо болѣе важное, нежели введеніе новыхъ костюмовъ, обязательное только для привилегированнаго класса, коего большинство къ тому же само увлеклось новыми модами. И однако же славянофильство въ Петровскомъ насиліи надъ дворянскими костюмами видитъ корень всѣхъ золъ, а до-Петровское насиліе надъ совѣстью и религіозными убѣжденіями народа пропускаетъ безъ вниманія. Одинъ костеръ протопопа Аввакума вполне достаточенъ, чтобы освѣтить всю вопіющую фальшь славянофильской доктрины. Огромный и знаменательный фактъ раскола служить для нея настоящимъ пробнымъ камнемъ, и явно, что историческая фантазія Аксакова такъ же не выдерживаетъ испытанія, какъ и вѣроисповѣдная претензія Хомякова. Этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, отдѣляется отъ раскола ничего не

значащими фразами, а авторъ „Записки“ лишь вскользь упоминаетъ о самомъ характерномъ явленіи русской жизни. Но, какъ человекъ прямодушный и неискusstный въ софизмахъ, онъ и немногими словами основательно сокрушаетъ свой собственный историческій взглядъ. Расколъ, говоритъ онъ, не имѣлъ никогда политическаго значенія, раскольники не сопротивлялись правительству, а только страдали ¹⁾. Но если такъ — а за нѣкоторыми исключеніями это въ общемъ дѣйствительно такъ, — то что же сказать о *преслѣдованіяхъ* раскола? Если приверженцы стараго обряда никакихъ политическихъ притязаній не имѣли и правительству не сопротивлялись, то, значить, ихъ преслѣдовали, мучили, жгли за одни только *мнѣнія*! А между тѣмъ роковой нарушитель русскихъ идеаловъ, Петръ Великій, еще не являлся, и государство вмѣстѣ съ землею еще неуклонно держалось истиннаго русскаго пути, требующаго, чтобы правительство предоставляло народу полную свободу мнѣнія. Послѣ этого мы не будемъ удивляться тому, что славянофильская проповѣдь историческихъ русскихъ началъ не вдохновила ни одного дѣльнаго и значительнаго труда по русской исторіи, также какъ и славянофильская ревность о церкви удовлетворилась лишь нѣсколькими полемическими брошюрами, коихъ ошибки, по авторитетному замѣчанію св. синода, „извиняются недостаткомъ богословскаго образованія у автора“.

Только одно явленіе внутренней русской жизни можетъ быть поставлено, по своей важности, на ряду съ расколомъ, именно — крѣпостное право, и ему-то въ историческомъ взглядѣ Авсакова нашлось еще меньше мѣста, чѣмъ расколу ²⁾. Фактъ гражданскаго порабощенія значительной части русскаго народа былъ въ двухъ отношеніяхъ неудобенъ для славянофильской теоріи. Во-первыхъ, осужденіе крѣпостнаго права, внушаемое непосредственнымъ нравственнымъ чувствомъ, не находило себѣ никакихъ основаній въ той формулѣ идеальнаго русскаго строя, которую даетъ авторъ „Записки“. Въ самомъ дѣлѣ, личная свобода крестьянина отъ помѣщичьяго произвола, его гражданскія права, а равно и принадлежность ему обрабатываемой имъ земли, — все это никакъ не вмѣщается въ ту „свободу духа“ и „мнѣнія“, которая составляетъ единственный удѣлъ народа по славянофильскому идеалу. Понятіе этой „истинно-русской“ свободы колеблется, какъ мы видѣли, между внутреннею безусловно-неотъемлемой

¹⁾ „Русь“, № 26, стр. 12.

²⁾ Только въ концѣ „Записки“ упоминается однимъ словомъ о крѣпостномъ правѣ въ числѣ другихъ ненормальныхъ явленій русской жизни.

свободой психическихъ состояній, не переходящихъ ни въ какое дѣйствіе—съ одной стороны, и свободу публичнаго слова—съ другой. Но свобода отъ крѣпостной зависимости ни подѣ то, ни подѣ другое понятіе не подходитъ. Крѣпостной крестьянинъ всегда сохранялъ за собою внутреннюю нравственную свободу—свободу мучениковъ, и свое сознаніе этого неотъемлемаго преимущества онъ выразилъ въ извѣстной пословицѣ: „голова царская, спина барская, а душа Божья“. Но если внутреннюю свободу духа нельзя было отнять даже у крѣпостной души, то въ свободѣ публичнаго слова эта душа не нуждалась и не могла бы ею пользоваться. Самый полный просторъ устной и печатной рѣчи не обезпечиваетъ еще народныхъ массъ отъ рабства, какъ это видно изъ примѣра Сѣверной Америки до междуособной войны. Во всякомъ случаѣ очевидно, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ принадлежитъ къ области „дѣйствія и закона“, по выраженію Аксакова, т.-е. къ области тѣхъ реальныхъ гражданскихъ отношеній, которыя онъ всецѣло предоставляетъ въ вѣденіе государства и правительства. Впрочемъ изъ этого вѣденія, какъ выше было указано, нельзя изъять и публичное слово, и представитель славянофильства можетъ только по недоразумѣнію требовать полной свободы слова, какъ присущаго народу права. Это требованіе, не имѣющее никакихъ основаній въ фантастическомъ разграниченіи земли и государства, можетъ и должно опираться на другія начала, которыя самъ Аксаковъ мимоходомъ указываетъ, не пытаясь, однако, связать ихъ со своею теоріей.

„Человѣкъ созданъ отъ Бога существомъ разумнымъ и говорящимъ. Дѣятельность разумной мысли, духовная свобода есть призваніе человѣка. Свобода духа болѣе всего и достойнѣе всего выражается въ свободѣ слова. Поэтому свобода слова: вотъ неотъемлемое *право челоѣка*“. Противъ возможныхъ злоупотребленій этимъ правомъ дѣйствительныя средства находятся въ томъ же свободномъ словѣ. „Если найдутся злонамѣренныя люди, которые захотятъ распространять вредныя мысли, то найдутся люди благонамѣренныя, которые обличатъ ихъ, уничтожатъ вредъ и тѣмъ доставятъ новое торжество и новую силу правдѣ. Истина, дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобы защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не можетъ. Но не вѣрять въ побѣдоносную силу истины—значило бы не вѣрять въ истину. Это безбожіе своего рода: ибо Богъ есть истина“¹⁾.

¹⁾ „Русь“ № 27, стр. 19.

Эти прекрасныя слова требуют нѣкотораго дополненія. Государство не должно защищать истину принудительными мѣрами не потому только, что истина не нуждается въ такой защитѣ, но главнымъ образомъ потому, что само государство вовсе не призвано и неспособно рѣшать вопросъ объ истинности тѣхъ или другихъ мыслей, и слѣдовательно вмѣсто поддержанія истины и подавленія лжи оно можетъ по ошибкѣ дѣйствовать какъ разъ въ обратномъ направленіи. Но дѣло въ томъ, что государство, стѣсняя публичное слово, вовсе и не обязано становиться на почву истины: подобно одному изъ своихъ типичныхъ представителей, оно можетъ съ усмѣшкой спросить: чтѣ есть истина?—и затѣмъ предать на распятіе живое слово истины въ силу постороннихъ, чисто-практическихъ соображеній, во имя своихъ собственныхъ минутныхъ интересовъ. По славянофильскому идеалу народъ предоставляетъ правительству, какъ внѣшней, выдѣленной имъ изъ себя власти, всецѣлое и неограниченное право дѣйствія и закона; поэтому если правительство дѣйствительно и законно ограничиваетъ или даже совсѣмъ упраздняетъ публичное слово, то оно нисколько не выходитъ изъ предѣловъ своего полномочія, и авторъ „Записки“ съ своей политической точки зрѣнія не имѣетъ права возражать противъ такого правительственнаго дѣйствія. Къ чести для себя онъ оказывается непослѣдовательнымъ, и въ этой непослѣдовательности—все дѣйствительное достоинство его произведенія.

XI.

„Записка о внутреннемъ состояніи Россіи“, явившаяся на границѣ двухъ эпохъ новѣйшей русской исторіи, обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ срединную точку въ исторіи самого славянофильства. Ею завершается развитіе славянофильской мысли и начинается провѣрка этой мысли на дѣлѣ. Правдивая и безпощадная критика современной русской дѣйствительности, ясное, хотя и не довольно глубокое сознаніе главной причины нашихъ золъ и, наконецъ, прямое и рѣшительное требованіе того, чтѣ нужно для Россіи—вотъ положительная, истинно-патріотическая сторона славянофильства, ярко выступающая и въ „Запискѣ“ Аксакова. Правда, практическій выводъ изъ его превосходной критики предъ-севастопольскаго режима ограничивается преимущественно лишь однимъ требованіемъ: свободы мнѣнія и слова,—объ остальномъ онъ только упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ. Но этотъ недостатокъ былъ восполненъ другими членами кружка, въ особенности Самаринымъ,

Иваномъ Аксаковымъ, Кошелевымъ, которые и словомъ, и дѣломъ поддерживали всѣ необходимыя преобразованія прошлаго царствованія, примыкая въ этомъ отношеніи къ лучшимъ представителямъ западничества. И тѣ, и другіе одинаково желали болѣе полнаго и послѣдовательнаго проведенія начатыхъ правительствомъ реформъ, и никакого даже отгѣнка различія нельзя замѣтить между этими двумя направленіями по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ. Если, на примѣръ, Иванъ Аксаковъ, развивая далѣе главное требованіе, выставленное въ „Запискѣ“ его брата, съ особенною настойчивостью доказывалъ потребность свободы мнѣнія и слова *въ области религіозной*, то въ этомъ онъ шелъ рука объ руку съ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“, тогдашняго передового органа либеральнаго западничества. Вотъ чтó писалъ, между прочимъ, Катковъ въ 1858 году въ официальномъ объясненіи цензурному комитету: „Мы не видимъ, почему не могли бы мы говорить свободно о положеніи церкви и духовенства въ нашемъ отечествѣ; *гласность относительно этого предмета* важнѣе, чѣмъ по какой-либо другой отрасли жизни. Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это—слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живого слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только вазенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій по-неволѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель нивогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же, съ другой стороны, есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью пышныхъ официальныхъ фразъ ублаживать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустью должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не

доброе помянуть насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ, живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни, а не въ искусственныхъ препаратахъ, признаки эти замѣтнѣе, нежели официальнымъ дѣятелямъ, которые по своему положенію, иногда при всей доброй волѣ, не могутъ усмотрѣть, не только оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни. Никакое праздное, дерзкое и ложное слово, прорвавшееся при свободѣ, не можетъ быть такъ вредно, какъ искусственная и насильственная отчужденность мысли отъ высшихъ интересовъ окружающей дѣйствительности. При свободѣ мнѣнія всякая ложь не замедлитъ вызывать противодѣйствіе себѣ, и противодѣйствіе тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ благотворнѣйшее, чѣмъ рѣзче выразится ложь. Но нѣтъ ничего опаснѣе и гибельнѣе равнодушія и апатіи общественной мысли“¹⁾. Это разсужденіе, не утратившее своей правды и своего жизненнаго значенія и послѣ тридцати лѣтъ, могло бы войти не только по мысли, но и по приемамъ аргументаціи, въ составъ тѣхъ превосходныхъ статей о религіозной свободѣ, которыя украшаютъ собраніе сочиненій И. С. Аксакова²⁾.

Неуклонно обличая грѣхи и болѣзни русской жизни, прямо и громко требуя для нея исправленія и исцѣленія, дѣятельно поддерживая всѣ начинанія правительства, направленные къ этой цѣли, славянофилы за-одно съ западниками сослужили добрую службу Россіи и доказали на дѣлѣ свой истинный патріотизмъ. Вѣроятно за эту заслугу имъ дано было не дожить до того времени, когда стало ясно, что плевелы, посѣянные ими же вмѣстѣ съ добрымъ зерномъ, гораздо сильнѣе этого послѣдняго на русской почвѣ и грозятъ совсѣмъ заполнить все поле нашего общественнаго сознанія и жизни.

Вмѣсто объективно-достоверныхъ общечеловѣческихъ началъ правды славянофилы въ основаніе своей доктрины поставили предполагаемый идеалъ русскаго народа, т.-е. на самомъ дѣлѣ лишь идеализацію того фактическаго, исторически сложившагося строя

¹⁾ „М. Н. Катковъ и проч.“, стр. 80, 81.

²⁾ Всѣ онѣ вошли въ IV томъ этого собранія; при появленіи этого тома въ печати едва ли не одинъ лишь „Вѣстникъ Европы“ обратилъ на нихъ вниманіе своихъ читателей. Наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ статей Аксакова собраны мною и переведены на французскій языкъ въ книгѣ: „La Russie et l'Eglise Universelle“. Paris. Albert Savine, 2-me éd. 1889.

русской жизни, котораго видимыя проявленія въ современной имъ дѣйствительности подвергались съ ихъ стороны такой жестокой критикѣ. Вопреки исторіи и здравому смыслу приписывая все зло русской дѣйствительности реформамъ Петра Великаго, они въ качествѣ общественнаго идеала противопоставляли этой дѣйствительности какую-то смѣсь изъ до-Петровской археологіи, изъ требованій христіанской морали и изъ тѣхъ соціально-политическихъ стремленій, которыя они безсознательно себѣ усвоили вслѣдствіе своего европейскаго образованія и своего близкаго общенія съ западническими кружками сороковыхъ годовъ. Но всѣ эти искусственныя прикрасы и усложненія, болѣе рекомендующія нравственное чувство и образованность „московскихъ пророковъ“, нежели ихъ логику, должны были спасти какъ шелуха и обнаружить настоящее зерно доктрины, именно преклоненіе передъ татарско-византійскою сущностью мнимаго русскаго идеала. Дѣйствительный идеалъ русскаго народа навѣрное не такъ простъ, какъ думали славянофилы, но о немъ пока возможны только гаданія. А на почвѣ той исторической дѣйствительности, которую идеализировало славянофильство, дѣло представляется въ такомъ видѣ. Русскій народъ создалъ государство могучее, полноправное, всевластное; чрезъ него только Россія сохранила свою самостоятельность, заняла важное мѣсто въ мірѣ, заявила о своемъ историческомъ значеніи. Это государство живо и крѣпко всѣми силами сто-милліонной народнои массы, видящей въ немъ свое настоящее воплощеніе. И вотъ противъ этой огромной реальной мощи, вполне и безусловно признавая ея права, узаконяя ихъ на вѣки, выступаетъ кружокъ литераторовъ съ нѣкимъ идеальнымъ противовѣсомъ въ видѣ заявленія о свободѣ духа и прошенія о свободѣ мнѣнія, которой будто бы желаетъ русскій народъ (и даже желалъ во времена Рюрика), но которая на самомъ дѣлѣ есть лишь *riim desiderium* этихъ самыхъ литераторовъ, стѣсненныхъ въ своей журнальной дѣятельности. Бывали, правда, примѣры, что нѣсколько безоружныхъ идеалистовъ выступали противъ цѣлаго свѣта и поворачивали всемірную исторію; но за ними навѣрное было что-нибудь такое, чего не оказалось у славянофиловъ. Прежде всего тѣ древніе идеалисты были въ самомъ дѣлѣ не отъ міра, тогда какъ наши московскіе отъ міра и притомъ отъ міра довольно маленькаго; да и идеалистами-то они были только по недоразумѣнію. Разъяснить это недоразумѣніе, утвердить славянофильскую доктрину на ея настоящей реальной почвѣ и въ ея прямыхъ логическихъ послѣдствіяхъ—вотъ дѣло, которое съ блестящимъ успѣхомъ выполнилъ покойный Катковъ.

Въ этомъ его дѣйствительная заслуга, дающая ему видное мѣсто въ исторіи русскаго сознанія. Въ Катковѣ старое славянофильство нашло свою Немезиду; съ этой точки зрѣнія московскій публицистъ требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія.

ХІІ.

Цѣлая половина историческаго человѣчества издавна живетъ вѣрою въ Бога, какъ въ абсолютную *силу*, передъ которою уничтожается человѣкъ. Эта вѣра нашла себѣ полное выраженіе въ мусульманской религіи, которая сама себя называетъ *исламомъ*, чтò значить: покорность или *резимация* передъ высшей силой. У насъ въ Россіи, среди псевдо-христіанскаго общества явился таковой „исламъ“, но только не по отношенію къ Богу, а по отношенію къ государству. Пророкомъ этой новой или, лучше сказать, возобновленной религіи былъ Катковъ въ послѣднее двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. Съ подлинно-мусульманскимъ фанатизмомъ Катковъ увѣровалъ въ русское государство, какъ въ абсолютное воплощеніе нашей народной *силы*. Какъ для правовѣрнаго послѣдователя корана всякое разсужденіе о сущности и атрибутахъ божества кажется празднословіемъ или же преступною хулою, такъ Катковъ во всякомъ идеальномъ запросѣ, обращенномъ къ его вумиру, усматривалъ или бессмысленныя фразы, или замаскированную измѣну. Невидимая народная сила воплотилась въ видимой силѣ государства. Этой силѣ вовсе не нужно выражать какую-нибудь идею, соответствовать какому-нибудь идеалу, она не нуждается ни въ какомъ оправданіи, она есть фактъ, она просто—*есть*, и этого довольно. Отъ человѣка требуется признать ее безусловно и безповоротно, повернуться и отдаться ей всецѣло, совершить однимъ словомъ актъ „ислама“. Вспоминая въ 1869 г. о томъ, какъ онъ самъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ впервые совершилъ этотъ актъ ислама, Катковъ писалъ: „Пока народъ живетъ, онъ есть *сила*, проходящая чрезъ милліоны людей, невѣдомо для нихъ самихъ... *Что это за сила*, объ этомъ можемъ мы толковать на досугѣ, но *эта сила есть*. Въ обыкновенную пору она бываетъ неслышна и незамѣтна; но бываютъ минуты, когда она пробуждается и встаетъ самолично въ милліонахъ людей. *Какъ буря, ничѣмъ неуправляемая, она погонитъ столбомъ эти мириады пыльниковъ, не спрашивая, что каждая изъ нихъ думаетъ или хочетъ*. Все закружится въ ураганѣ,

Когда поднимется эта сила, *столь же сильная, столь же неутомимая, какъ и всякая сила природы*. Мелкое и великое, умное и глупое, ученое и невѣжественное — все равно охватить одна могучая сила. Волей или неволей всѣ покорятся ей, но однихъ она сотретъ, другихъ возвыситъ... Благо тому, чья мысль и чувство совпадутъ въ одинъ токъ съ народнымъ влеченіемъ, въ комъ народная сила найдетъ свой разумъ и свою волю, кто послужитъ ей живымъ и сознательнымъ органомъ — благо тому! Но та же сила повлечетъ бессознательно и тѣхъ, кто и не хотѣлъ бы, повлечетъ не справляясь о нашихъ мнѣніяхъ¹⁾.

Этотъ языческій культъ народа не отъ Каткова ведетъ свое начало; но Катковъ первый очистилъ его отъ постороннихъ примѣсей. Славянофилы, обоготворяя русскій народъ, приписывали ему всевозможныя идеальныя качества, — Константинъ Аксаковъ, напримѣръ, объявлялъ, что этотъ народъ, *какъ онъ есть*, не только лучше всѣхъ другихъ народовъ, но даже есть единственная хорошая, единственный христіанскій народъ. Эта намѣренная и искусственная идеализація своего народа очевидно уже предполагала религіозное отношеніе къ нему. На самомъ дѣлѣ славянофилы поклонялись русскому народу не потому, чтобъ онъ дѣйствительно былъ воплощеніемъ христіанскаго идеала, а, напротивъ, они старались представить его себѣ и другимъ въ такомъ идеальномъ свѣтѣ потому, что уже поклонялись, ему каковъ бы онъ ни оказался: онъ былъ для нихъ не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Въ такомъ естественномъ отношеніи къ народу не было бы ничего предосудительнаго со стороны людей простыхъ, живущихъ одною непосредственною жизнью; но какъ исповѣданіе мыслящихъ умовъ, представителей общественнаго сознанія, оно заключало въ себѣ явную фальшь. Этой фальши уже нѣтъ въ воззрѣніи Каткова. Онъ имѣлъ мужество или, если угодно, цинизмъ освободить религію народности отъ всякихъ идеальныхъ прикрасъ и объявить русскій народъ предметомъ вѣры и поклоненія не во имя его проблематическихъ добродѣтелей, а во имя его дѣйствительной *силы*²⁾. Но эта сила проявляется, по выраженію Кат-

1) „М. Н. Катковъ и проч.“, стр. 8 и 9.

2) Относительно Каткова я долженъ здѣсь сдѣлать ту же оговорку, что и относительно славянофиловъ. Я знаю, что онъ въ частной жизни искренно держался христіанскаго благочестія. Но до этой личной религіи намъ также мало дѣла, какъ и до того, что онъ былъ добрымъ начальникомъ для своихъ друзей. То, что онъ проводилъ въ своей публичной дѣятельности, не имѣло ничего общаго съ христіанскою религіей, а было лишь явнымъ національно-государственнымъ *исламомъ*.

кова, „самолічно“ лишь въ исключительныя минуты; постояннаго же своего выразителя и представителя она имѣетъ въ государствѣ, въ призванной и уполномоченной ею правительственной власти. Въ религіи націонализма правительство есть живое личное слово обожествленнаго народа; и если славянофилы требовали свободы для какаго-то другого слова, то это было только ихъ личное требованіе. Ни изъ чего не видно, чтобы современный русскій народъ желалъ дополнять дѣйствіе призванной имъ неограниченной государственной власти посредствомъ свободы мнѣнія, въ видѣ ли совѣщательнаго собранія или же свободной печати. Одно изъ двухъ: или правительство, по тайному усмотрѣнію Промысла, всегда неуклонно исполняетъ свое назначеніе, и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ заявленіяхъ свободнаго мнѣнія земли по государственнымъ вопросамъ, — такія мнѣнія только мѣшали бы правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекали бы народъ отъ его настоящаго занятія, которое состоитъ въ томъ, чтобы предаваться жизни духа и духу жизни; или же государственная власть, — какъ это и случилось (по мнѣнію славянофиловъ, впрочемъ совершенно ложному) при Петрѣ Великомъ, — можетъ уклоняться съ истиннаго пути и дѣйствовать во вредъ народу, и въ такомъ случаѣ одного свободнаго мнѣнія, чтобы помочь бѣдѣ, — слишкомъ мало. Словомъ, идеальныя дополненія, которыми предшественники Каткова хотѣли снабдить всевластное государство, были или излишни, или недостаточны. Но признать послѣднее значило бы измѣнить истинно-русскому пути. Катковъ остался ему вѣренъ и объявилъ, что вѣрноподданническая присяга есть единственная гарантія общественныхъ правъ, а вниманіе высшихъ государственныхъ сферъ къ голосу правовѣрныхъ публицистовъ есть настоящая свобода печати. Когда одно время это вниманіе, по видимому, ослабѣло, Катковъ хотѣлъ отказаться отъ публичной дѣятельности, ибо, — объявилъ онъ, — „все остальное — миражъ на болотѣ“ ¹⁾.

Обожествленіе народа и государства, какъ фактической силы, заключаетъ въ себѣ логически отрицаніе всякихъ объективных началъ правды и добра. Самъ Катковъ хотя иногда близко подходилъ къ этому заключенію, однако не вывелъ его прямо и рѣшительно. Онъ былъ для этого слишкомъ образованнымъ членомъ, слишкомъ европейцемъ. Самое его превращеніе передъ стихійною силою народа имѣло отчасти, какъ мы далѣе увидимъ,

¹⁾ „М. Н. Катковъ и проч.“, стр. 347.

философскую подкладку, будучи связано съ идеями Шеллинговой „позитивной философіи“. Быть можетъ, помѣшало и личное религиозное чувство. Но исторія сознанія имѣетъ свои законы, въ силу которыхъ всякое идейное содержаніе, истинное или ложное, исчерпывается до конца, чтобы въ послѣднихъ своихъ заключеніяхъ найти свое торжество или свое обличеніе. Крайнія послѣдствія изъ воззрѣнія Каткова выведены нынѣ его единомышленниками. Въ нихъ онъ нашелъ свою Немезиду, какъ самъ онъ былъ—Немезидою славянофильства.

Владиміръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1889 г.

Законъ 13-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ.—Уловія переселенія; льготы переселенцамъ; поземельное и административное ихъ устройство на мѣстѣ водворенія.—Предстоящее открытіе промышленныхъ училищъ.—Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ, въ связи съ двадцатипятилѣтней годовщиной судебныхъ уставовъ 1864 года.—Новый государственный заемъ съ выигрышами.

Обнародованный недавно законъ о переселеніи крестьянъ и мѣщанъ на казенныя земли составляетъ наслѣдство той эпохи, которую можно назвать вторымъ фазисомъ въ движеніи крестьянскаго вопроса. Въ первыя пятнадцать лѣтъ послѣ великой реформы 19-го февраля этотъ вопросъ признавался, въ оффиціальныхъ сферахъ, окончательно рѣшеннымъ; факты, свидѣтельствовавшіе о необходимости дополнительныхъ мѣръ, оставались безъ вниманія или отрицались, и всякое указаніе на недостаточность крестьянскихъ надѣловъ или обременительность крестьянскихъ платежей считалось чуть не признакомъ политической неблагонадежности. Къ концу семидесятыхъ годовъ настроеніе измѣнилось; потребность въ новыхъ преобразованіяхъ сдѣлалась очевидной, и въ періодъ „диктатуры сердца“ они были, наконецъ, поставлены на очередь. Кое-что было сдѣлано тогда же, многое намѣчено и подготовлено. Когда наступила эра „свѣдущихъ людей“, обсужденію ихъ предоставленъ былъ, между прочимъ, и вопросъ о переселеніяхъ. Посчастливилось ему меньше чѣмъ другимъ, одновременнымъ и однороднымъ. Въ серію реформъ, задуманныхъ при гр. Лорисъ-Меликовѣ и осуществленныхъ при гр. Игнатьевѣ (уменьшеніе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати, устройство крестьянскаго поземельнаго банка), онъ не попалъ; получить утвержденіе успѣли только временныя правила 1881 г., а предполагавшееся было изданіе общаго закона о переселеніяхъ признано было, когда въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вступилъ

графъ Д. А. Толстой, нежелательнымъ и неудобнымъ. Сила вещей однако взяла свое; не прошло и двухъ лѣтъ, какъ возобновились подготовительныя работы по законодательной регламентаціи переселеній. Въ этихъ работахъ можно различить два фазиса, изъ которыхъ послѣдній завершился изданіемъ разбираемаго нами закона.

Сначала предполагалось собрать свѣденія о всѣхъ селеніяхъ, изъ которыхъ представляется необходимымъ выселить часть крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о всѣхъ свободныхъ казенныхъ земляхъ и о числѣ душъ, которыя на нихъ могутъ поселиться; отъ этихъ свѣденій должна была зависѣть постепенность переселеній. Такое разрѣшеніе вопроса встрѣтило возраженія со стороны одного изъ вѣдомствъ, близко стоящихъ къ переселенческому дѣлу. Заявлено было опасеніе, что собраніе свѣденій, происходя одновременно во многихъ мѣстностяхъ, возбудитъ въ населеніи ошибочныя надежды и догадки. Сомнительной признавалась и достовѣрность данныхъ, которыя могли быть добыты этимъ путемъ; болѣе осторожнымъ казалось ожидать ходатайствъ о переселеніи и разрѣшать отдѣльно каждое изъ нихъ. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ новый проектъ, ставшій теперь закономъ. Желаящимъ переселиться на казенныя земли предоставляется обратиться о томъ съ просьбой къ мѣстному губернатору, который собираетъ свѣденія объ имущественномъ и хозяйственномъ положеніи просителей и представляетъ дѣло, съ заключеніемъ губернскаго крестьянскаго присутствія, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда оно передается на разсмотрѣніе министерства государственныхъ имуществъ. Если оба министра признаютъ ходатайство заслуживающимъ уваженія, и если притомъ имѣется въ виду свободный участокъ казенной земли, предназначенный для заселенія переселенцами, то переселеніе разрѣшается. Для общаго надзора за ходомъ переселенія прежде предполагалось образовать, при земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особое совѣщаніе изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ. Въ законѣ 13-го іюля объ устройствѣ такого совѣщанія не говорится ни слова; сношеніе между министрами, предшествующее разрѣшенію каждой отдѣльной просьбы о переселеніи, будетъ, слѣдовательно, происходить обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ, мало способствующимъ быстротѣ и правильности рѣшенія. Допустимъ однако, что на самомъ дѣлѣ будетъ учреждено нѣчто въ родѣ совѣщанія между уполномоченными различныхъ вѣдомствъ, или приняты другія мѣры, направленныя къ ускоренію административной процедуры; во всякомъ случаѣ, дѣло не обойдется безъ формальностей и замедленій, весьма чувствительныхъ для просителей. Далеко не лишено основанія опасеніе одной изъ газетъ („Русскія Вѣдомости“,

№ 271), что жаждущіе переселенія не всегда стануть дожидаться оффиціального дозволенія—а между тѣмъ самовольное переселеніе угрожаетъ переселенцамъ, по ст. 1 новаго закона, насильственнымъ возвращеніемъ въ мѣста приписки.

Спрашивается однако: можно ли было установить другой порядокъ разрѣшенія переселеній? Болѣе обширныя полномочія, данныя начальникамъ губерній или другой мѣстной власти, слишкомъ легко могли бы привести къ несоразмѣрности между числомъ разрѣшенныхъ переселеній и количествомъ свободной казенной земли; не было бы, притомъ, и общаго, постоянного критерія, подъ который одинаково подводились бы всѣ переселенцы. Положивъ въ основаніе закона допущеніе переселеній не иначе, какъ по частнымъ ходатайствамъ, нельзя было не сосредоточить все дѣло въ рукахъ центральнаго управленія—но именно эта необходимость и указываетъ, думается намъ, на ошибку въ выборѣ системы. Порядокъ, установленный закономъ 13-го іюля, вводитъ въ организацію переселеній именно тотъ элементъ случайности, который предполагалось устранить путемъ административной централизаціи. Въ ходатайствахъ, разрѣшаемыхъ *одновременно*, можно будетъ приложить одну и ту же мѣрку; но такихъ ходатайствъ будетъ немного, именно потому, что по каждой отдѣльной просьбѣ будетъ постановляемо отдѣльное рѣшеніе. Новая группа прошеній можетъ явиться въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ предыдущая—и, сообразно съ этимъ, можетъ, даже должно измѣниться отношеніе къ ходатайствамъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что прежде всего будутъ внесены на разсмотрѣніе обоимъ министрамъ ходатайства такихъ просителей, положеніе которыхъ, не будучи невыносимымъ, является, однако, весьма стѣсненнымъ. При отсутствіи другихъ, удовлетворены, конечно, будутъ и эти просьбы; но если, вслѣдъ затѣмъ, стануть поступать заявленія крестьянъ, имѣющихъ еще больше правъ на переселеніе, то ходатайства, однородныя съ первыми, будутъ оставляемы безъ послѣдствій. Воспользуются правительственной поддержкой, такимъ образомъ, не тѣ, которые всего больше въ ней нуждаются, а тѣ, которымъ удалось попасть въ первую очередь, удалось совершенно случайно, вслѣдствіе независящей отъ нихъ быстроты распоряженій губернскаго начальства. Запасъ свободныхъ казенныхъ земель весьма легко можетъ истощиться раньше удовлетворенія наиболѣе настоятельной потребности въ переселеніи. Нельзя не пожалѣть поэтому, что министерство внутреннихъ дѣлъ отказалось отъ своего первоначальнаго проекта, представлявшаго гораздо больше гарантій для благоуспѣшнаго хода дѣла. Неосновательные слухи и толки въ крестьянской средѣ всегда возможны; не обойдется безъ нихъ, по всей

вѣроятности, и примѣненіе закона 13-го іюля, хотя и составленнаго съ спеціальною цѣлью не подавать къ нимъ основанія и повода. Собираніе всякаго рода свѣденій сдѣлалось для крестьянъ, въ особенности благодаря земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, чѣмъ-то вполне привычнымъ, обыденнымъ. Одно разрѣшенное переселеніе подѣйствуетъ на нихъ, въ смыслѣ стимула къ движенію, гораздо сильнѣе, чѣмъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приведенію въ извѣстность ихъ хозяйственнаго быта. Что касается до достовѣрности свѣденій, то она зависитъ всецѣло отъ способа ихъ собиранія и повѣрки. Справка, наведенная волостнымъ писаремъ по отдѣльной просьбѣ о переселеніи, можетъ оказаться несравненно менѣе точной, чѣмъ изслѣдованіе, произведенное земствомъ по общему вопросу о переселеніи. Размѣры такого изслѣдованія были бы, притомъ, вовсе не такъ велики, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Министерство внутреннихъ дѣлъ констатировало, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, что потребность въ выселеніи части крестьянъ представляется настоятельною только въ семи губерніяхъ черноземной полосы (тульской, рязанской, тамбовской, пензенской, воронежской, орловской и курской), трехъ малороссійскихъ (черниговской, полтавской и харьковской) и двухъ волжскихъ (симбирской и казанской). Этими двѣнадцатью губерніями и могло бы быть ограничено изслѣдованіе. Предпринятое въ 1883 году или даже въ 1886-мъ, когда былъ составленъ первый законопроектъ о переселеніи, оно могло бы быть окончено въ настоящее время, и допущены къ переселенію могли бы быть именно тѣ и только тѣ, которые всего больше въ немъ нуждаются. Само собою разумѣется, что переселялись бы лишь одни желающіе, и что поднялись бы они съ своихъ мѣстъ не сразу, а въ извѣстномъ порядкѣ, соответствующемъ степени необходимости. Для осуществленія первоначальной мысли министерства внутреннихъ дѣлъ нужно было только одно: содѣйствіе земства, столько разъ и съ такимъ успѣхомъ принимавшаго участіе въ подготовкѣ важныхъ нововведеній (назовемъ, для примѣра, хотя бы пониженіе выкупныхъ платежей). Во всѣхъ двѣнадцати губерніяхъ, названныхъ выше, существуютъ земскія учрежденія; во многихъ изъ нихъ дѣйствуютъ уже давно статистическія бюро и имѣется на-лицо бѣльшая часть данныхъ, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе переселенія. Пополнить и повѣрить эти данныя было бы дѣломъ сравнительно нетруднымъ.

Приуроченіе переселенія къ отдѣльнымъ ходатайствамъ сопряжено еще съ однимъ немаловажнымъ неудобствомъ. Мы уже видѣли, что, параллельно съ собираніемъ свѣденій о крестьянахъ, нуждающихся въ переселеніи, предполагалось привести въ ясность количество ка-

зенной земли, на которую должны быть направлены переселенцы. При такой системѣ можно было бы опредѣлить сначала, для сколькихъ душъ хватить земли, а потомъ избрать, изъ среды жаждущихъ переселенія, соотвѣтствующее число переселенцевъ. Новый законъ предоставляетъ министру государственныхъ имуществъ *образовывать*, изъ состоящихъ въ завѣдываніи его казенныхъ земель, переселенческіе участки, т.-е. выдѣлять ихъ по мѣрѣ надобности, сообразно съ ходатайствами о переселеніи. При приступѣ къ дѣлу одинаково неопредѣленными окажутся, такимъ образомъ, оба главные фактора, обуславливающіе рѣшеніе — и число душъ, настоятельно нуждающихся въ переселеніи, и число десятинъ, подлежащихъ обращенію въ переселенческіе участки. Запасъ земли, вслѣдствіе этого, можетъ истощиться раньше удовлетворенія самыхъ законныхъ ходатайствъ — или, наоборотъ, многія ходатайства могутъ быть отклонены исключительно въ видахъ сбереженія земли, не оправдываемаго дѣйствительною необходимостью... Къ значительному ограниченію переселеній можетъ привести, даѣе, поправка, внесенная въ текстъ закона уже послѣ представленія его на обсужденіе государственнаго совѣта. Законопроектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, предусматривалъ образованіе переселенческихъ участковъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это будетъ признано возможнымъ по состоянію казенныхъ земель и по сельско-хозяйственнымъ соображеніямъ. Въ статьѣ 6-ой новаго закона къ этому правилу прибавлена оговорка: *безъ ущерба для выгодъ казны*. Если принять во вниманіе, что плата за переселенческій участокъ не должна превышать суммы, вносимой въ казну, при однородныхъ условіяхъ, въ видѣ выкупного платежа или подушной подати (въ Сибири), то ущербомъ для казны можетъ оказаться отводъ переселенцамъ любого участка казенной земли, сколько-нибудь возвышающагося надъ общимъ уровнемъ. Чуть только лучше качество или поудобнѣе положеніе земли, она можетъ быть отдана въ аренду на условіяхъ болѣе выгодныхъ для казны — и, слѣдовательно, исключена изъ числа будущихъ переселенческихъ участковъ. Придавать такое значеніе „казенному интересу“ — едва ли справедливо и цѣлесообразно. Потеря нѣсколькихъ рублей на арендной платѣ съ избыткомъ могла бы быть возмѣщена всѣмъ тѣмъ, что переплатилъ бы въ казну переселенецъ, изъ бѣдняка обратившійся въ достаточнаго домохозяина. Улучшить положеніе возможно большаго числа крестьянъ, бѣдствующихъ, у себя дома, вслѣдствіе малоземелья — гораздо важнѣе, чѣмъ увеличить или сохранить на прежней высотѣ цифру дохода съ казенныхъ оброчныхъ статей...

Ограничительный характеръ имѣетъ, наконецъ, еще одно постановленіе закона 13-го іюля. По смыслу законопроекта, участки для пересе-

ленцевъ могли быть отводимы повсемѣстно, но *по преимуществу*—въ губерніяхъ западной Сибири и въ степныхъ областяхъ. Статья шестая новаго закона, приурочивая переселеніе къ европейской Россіи, губерніямъ тобольской и томской и областямъ семирѣченской, акмолинской и семипалатинской, совершенно исключаетъ изъ его области всю восточную Сибирь, кромѣ уссурійскаго края, относительно котораго существуютъ особыя правила. Нужно надѣяться, что это исключеніе установлено только на время, впредь до болѣе подробнаго изученія мѣстныхъ условий.

Кто получилъ разрѣшеніе переселиться на казенную землю, тотъ не обязанъ испрашивать увольнительный приговоръ отъ своего общества. Съ него снимаются не только выкупные платежи, лежавшіе на прежнемъ его надѣлѣ, но и всѣ числящіеся на немъ недоимки, казенныя, земскія, мірскія и продовольственныя. Обязанность уплаты этихъ недоимокъ (за исключеніемъ продовольственныхъ, если онѣ не превышаютъ одной четверти ржи или пшеницы и полчетверти овса или ячменя на каждую ревизскую душу) возлагается на общество, къ которому принадлежалъ переселенецъ; во владѣніе общества переходятъ, зато, всѣ неокончательно выкупленные надѣлы переселенцевъ, безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Мотивируются эти мѣры тѣмъ, что переселеніе должно приносить пользу не только переселенцамъ, но и ихъ односельцамъ, остающимся на прежнемъ мѣстѣ жительства. Нельзя допустить, притомъ, чтобы земли, однажды поступившія въ надѣлъ крестьянъ, перестали входить въ составъ крестьянскаго землевладѣнія. Улучшеніе быта крестьянъ, остающихся на мѣстѣ, можетъ быть достигнуто въ такомъ лишь случаѣ, если надѣлы, принадлежавшіе переселенцамъ, *безвозмездно* перейдутъ въ пользованіе общества. Обременить общество такой переходъ не можетъ, потому что выкупные платежи, за состоявшимся общимъ и частнымъ ихъ пониженіемъ, нигдѣ не превышаютъ дѣйствительной доходности земли. Не отяготительна для общества и уплата недоимокъ, числящихся на переселенцахъ, потому что общая ихъ цифра, послѣ милостиваго манифеста 1883 г., нигдѣ не можетъ быть особенно высока—а при какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ общество всегда будетъ имѣть право просить о сложеніи недоимокъ...

Правильность всѣхъ этихъ соображеній не можетъ быть названа безспорной. Въ одномъ изъ газетныхъ разборовъ новаго закона выражено сомнѣніе въ справедливости постановленія, лишающаго переселенцевъ права на вознагражденіе за прежніе ихъ надѣлы. Въ подтвержденіе этого сомнѣнія приведенъ слѣдующій примѣръ: одинъ крестьянинъ, окончательно выкупившій свои двѣ сто-

рублевныя десятины, можетъ продать ихъ кому угодно и получить лѣвѣсти рублей, которые очені пригодятся ему на новомъ мѣстѣ—а другой, на десятинахъ котораго оставалось еще рублей по десяти долгу, долженъ предоставить ихъ обществу безъ всякаго вознагражденія, т. е. лишиться цѣнности въ 180 рублей. Вполнѣ нормальнымъ такое явленіе назвать, дѣйствительно, нельзя; оно свидѣтельствуетъ еще разъ о настоятельной необходимости закона, который положилъ бы конецъ выдѣленію надѣльной земли въ личное, отдѣльное владѣніе хозяина и свободному ея переходу въ постороннія руки. Большихъ неудобствъ разбираемое правило, тѣмъ не менѣе, не представляетъ, если только понимать его не въ смыслѣ воспрещенія добровольныхъ соглашеній между переселенцами и крестьянами, остающимися на мѣстѣ. Вознагражденіе за оставляемые надѣлы можетъ иногда служить необходимымъ условіемъ переселенія, единственнымъ источникомъ средствъ, безъ которыхъ семья не можетъ тронуться въ дальній путь, на новыя земли. Мы знаемъ изъ отчетовъ крестьянскаго банка, что переселеніе на землю, купленную съ помощью банка, становится возможнымъ, сплошь и рядомъ, только благодаря продажѣ надѣльной земли; тоже самое можно будетъ сказать, по всей вѣроятности, и о многихъ переселенцахъ на казенныя земли. Правда, имъ не придется отыскивать средствъ для доплатъ, такимъ тяжелымъ бременемъ ложащихся на кліентовъ крестьянскаго банка — но зато путь будетъ предстоить имъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе затруднительный и дальній. Съ другой стороны, односельцы крестьянъ, желающихъ переселиться, могутъ быть заинтересованы въ томъ, чтобы переселеніе состоялось и, сообразно съ этимъ, увеличилось землевладѣніе остающихся на мѣстѣ. Препятствовать сдѣлкѣ, выгодной для обѣихъ сторонъ, нѣтъ никакой причины. Государство можетъ требовать только одного: чтобы земля, оставляемая переселенцами, не переходила ни къ кому другому, кромѣ общества, къ которому они принадлежали. Уплатить ли что-либо за нее общество переселенцамъ — это вопросъ, разрѣшеніе котораго безпрепятственно можетъ быть предоставлено частнымъ соглашениямъ. Вполнѣ достаточно, чтобы такія соглашенія пользовались судебной защитой, т. е. не считались бы противозаконными. Мы думаемъ, что именно въ этомъ смыслѣ и должно быть истолковано молчаніе закона. Закрѣпляя за обществомъ надѣлы, оставляемые переселенцами, правила 13-го іюля лишаютъ переселенцевъ права *требовать* вознагражденія отъ общества, въ силу самаго факта перехода къ нему надѣловъ—но отнюдь не препятствуютъ заключенію и исполненію всякаго рода добровольныхъ сдѣлокъ между обществомъ и переселенцами. На практикѣ, такимъ образомъ, уступка надѣловъ окажется весьма часто безвозвездной.

Сельское общество, какъ обязательный преемникъ переселенцевъ по владѣнiю надѣлами, является естественнымъ преемникомъ ихъ и по взносу выкупныхъ платежей, лежащихъ на этихъ надѣлахъ. Нельзя сказать того же самаго о недоимкахъ, числящихся на переселенцахъ. Мы вполне сочувствуемъ тому, что недоимки не слѣдуютъ за переселенцами въ новое мѣсто жительства; онѣ сразу подорвали бы тамъ ихъ благосостоянiе, помѣшали бы имъ стать на ноги и воспользоваться выгодами новаго положенiя. Слишкомъ странно было бы одною рукою предоставлять переселенцу льготы, о которыхъ мы упоминаемъ ниже, а другою взыскивать съ него недоимки, накопившияся на немъ именно вслѣдствiе тяжелыхъ условiй, вызвавшихъ переселенiе. Но вѣдь эти условiя существуютъ, большею частью, и для другихъ членовъ того же сельскаго общества, остающихся на мѣстѣ. Допустимъ, что положенiе ихъ переимѣнится къ лучшему, вслѣдствiе удаленiя переселенцевъ—но эта переимѣна произойдетъ не тотчасъ же, и существенной для нея помѣхой можетъ явиться именно внезапный ростъ недоимокъ. Новая тяжесть, присоединившись къ прежней, можетъ оказаться непосильной для плательщиковъ. Тамъ, гдѣ земля имѣетъ довольно высокую цѣнность, недоимки переселенцевъ могутъ быть вычтены изъ вознагражденiя, получаемого ими, по добровольному соглашенiю, отъ односельцевъ, остающихся на мѣстѣ; но тамъ, гдѣ земля стоитъ дешево и доходъ съ нея едва покрываетъ казенные и всякiе другiе сборы, никакого вознагражденiя переселенцы не получаютъ, недоимокъ не изъ-чего будетъ вычесть—и, слѣдовательно, ничто не облегчитъ бремени, соединеннаго съ невольнымъ наслѣдствомъ. Особенно тяжелымъ это бремя можетъ стать тогда, когда уходитъ бѣольшая, остается на мѣстѣ—мѣньшая часть общества. Распределенныя между небольшимъ числомъ хозяевъ, недоимки могутъ настолько же превзойти платежную силу каждаго изъ нихъ, насколько количество земли, вновь достаемое на его долю, можетъ оказаться несоразмѣрнымъ съ его рабочей силой. Конечно, въ этихъ и другихъ подобныхъ случаяхъ отъ крестьянъ зависитъ просить о сложенiи недоимокъ, унаслѣдованныхъ отъ переселенцевъ; но гдѣ же ручательство въ томъ, что такая просьба будетъ уважена, и скоро ли, даже при самыхъ благопрiятныхъ условiяхъ, она пройдетъ черезъ всѣ административныя инстанци? Не лучше ли было бы, поэтому, совершенно слагать со счетовъ недоимки, числящiяся на переселенцахъ, или переводить ихъ на общество не иначе, какъ съ его согласiя—другими словами, только тогда, когда оно, признавая для себя выгоднымъ выселенiе одной части общественниковъ, прямо выразитъ готовность принять на себя всѣ обязательства ихъ передъ миромъ, земствомъ и казною?

Правомъ переселяться на казенныя земли будутъ пользоваться, большею частью, крестьяне, находящіеся въ затруднительномъ положеніи и обладающіе весьма скудными наличными средствами. Такова, по крайней мѣрѣ, мысль, несомнѣнно лежащая въ основѣ новаго закона. Для успѣшнаго ея исполненія необходимо облегчить переселенцамъ какъ передвиженіе, такъ и водвореніе на новомъ мѣстѣ жительства. Законопроектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обеспечивалъ за переселенцами право проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ по удешевленному тарифу IV-го класса, съ освобожденіемъ, притомъ, отъ платежа государственнаго сбора съ пассажировъ и багажа; при переѣздѣ по грунтовымъ дорогамъ предполагалось освободить ихъ отъ всѣхъ сборовъ за пользованіе шоссе, мостами и переправами, взимаемыхъ въ пользу казны. Въ текстъ закона эти правила, къ сожалѣнію, не вошли. Очень можетъ быть, что на самомъ дѣлѣ переселенцамъ, всѣмъ или нѣкоторымъ, будутъ предоставлены только что перечисленныя льготы; но далеко не одно и то же—воспользоваться ими по праву или по измѣнчивому и случайному усмотрѣнію. Для желающихъ переселиться важно знать заранѣе, на какія льготы они могутъ рассчитывать съ полною увѣренностью; только тогда они могутъ безошибочно рѣшить вопросъ, соответствуетъ ли переселеніе ихъ силамъ и средствамъ. Еще важнѣе—съ этой точки зрѣнія, какъ и со всѣхъ другихъ—льготы, предоставляемыя переселенцамъ на мѣстахъ водворенія. И въ этомъ отношеніи законопроектъ слѣдуетъ дать преимущество передъ текстомъ закона. Законъ устанавливаетъ максимальныя, невысокія нормы для платы за отводимые участки, освобождаетъ переселенцевъ, на два или на три года (смотря по мѣсту переселенія), отъ взноса этой платы, а также всѣхъ другихъ казенныхъ сборовъ, отсрочиваетъ лицамъ призывнаго возраста исполненіе воинской повинности и обеспечиваетъ за переселенцами, тотчасъ же послѣ прибытія на мѣсто, право пользоваться ссудами на продовольствіе и обмѣненіе полей, на одинаковыхъ основаніяхъ съ мѣстными крестьянами. Все это очень хорошо—но законопроектъ шелъ еще дальше, устанавливая въ пользу переселенцевъ отпускъ изъ казенныхъ лѣсовъ, безвозмездно или за попенныя деньги, необходимаго для возведенія построекъ лѣснаго матеріала и общія наиболѣе нуждающимся денежныя ссуды на первоначальное обзаведеніе, приобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. Опредѣлялась и самая сумма, до которой могли простираться такія ссуды (80 т. рублей въ годъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ). Въ текстѣ закона 13 іюля мы ничего подобнаго не находимъ. Это не значитъ еще, конечно, чтобы мысль о вспоможеніи переселенцамъ была совершенно оставлена законодателемъ. Весьма вѣроятно, что оно бу-

дѣть регулировано особыми правилами; но нельзя не пожалѣть, что необходимость его не признана, въ принципѣ, основнымъ закономъ о переселеніи. Ссуды на первоначальное обзаведеніе являются, въ большинствѣ случаевъ, необходимымъ условіемъ переселенія, особенно въ виду того, что за переселенцами не признается права *требовать* вознагражденія за оставляемыя ими земли. Откуда большинство крестьянъ, бѣдствующихъ на мѣстѣ жительства, возьметъ средства на дальній путь и на новое устройство, въ чуждой, незнакомой обстановкѣ? Безъ пособія отъ казны они либо не двинутся съ мѣста, либо сразу запутаются въ долгахъ—и все-таки окажутся безсильными произвести затраты, безъ которыхъ немисливо правильное хозяйство. Ничто не мѣшало бы, повидимому, опредѣлить теперь же максимальную цифру ссуды на переселенческую семью—напр. въ двѣсти рублей, какъ это предлагаетъ профессоръ Исаевъ („Новости“, № 266), основываясь на официальныхъ свѣденіяхъ о томскихъ переселенцахъ.

Казенныя земли въ европейской Россіи, по закону 13-го іюля, отводятся переселенцамъ, первоначально, во временное арендное пользованіе, по письменнымъ договорамъ, заключеннымъ на сроки отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, а по прошествіи этихъ сроковъ могутъ быть оставляемы за тѣми же лицами въ безсрочное пользованіе. Въ западной Сибири переселенцы получаютъ землю прямо въ постоянное (безсрочное) пользованіе, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ владѣютъ землею мѣстные крестьяне-старожилы. Цѣлесообразность различія, установленнаго, такимъ образомъ, между переселенцами сибирскими и не-сибирскими, представляется вопросомъ по меньшей мѣрѣ спорнымъ. По мнѣнію одной газеты, составъ дѣйствительно поселившихся на отведенной землѣ будетъ значительно отличаться отъ состава предполагавшихъ поселиться на ней; одни возвратятся домой или уйдутъ еще дальше, другіе явятся на ихъ мѣсто. Отводить землю въ постоянное пользованіе слѣдуетъ, поэтому, прочно осѣвшему составу переселенцевъ, который и опредѣлится въ теченіе аренднаго періода. Другая газета находитъ, наоборотъ, что неувѣренность, сопряженная съ краткосрочной арендой, помѣшаетъ успѣху переселенческаго хозяйства, а отобраніе земли, по истеченіи аренднаго срока, совершенно разоритъ переселенцевъ¹⁾. Мы присоединяемся вполнѣ къ этому послѣднему мнѣнію. Трудно понять, во-первыхъ, почему порядокъ, признаваемый непримѣнимымъ къ Сибири, дѣлается обязательнымъ въ европейской Россіи. Если при этомъ имѣется въ виду, что краткосрочная аренда не уравниваетъ трудностей и неудобствъ, сопряженныхъ съ переселеніемъ въ Сибирь, то немногимъ

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, № 281.

легче представляется вѣдь и переселеніе съ одного конца европейской Россіи на другой. Изъ казанской губерніи, напримѣръ, не труднѣе доѣхать до Тобольска, чѣмъ до Херсона. Въ одномъ отношеніи, притомъ, дальнее переселеніе ничѣмъ не отличается отъ ближняго: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ окончательно и безповоротно разрывается связь съ прежнимъ мѣстомъ жительства. Куда бы ни ушли переселенцы, прежній свой надѣлъ они теряютъ навсегда. Удаленіе съ земли, на которую они переселились, оставить ихъ одинаково безпомощными, гдѣ бы эта земля ни находилась—по ту или по сю сторону уральскихъ горъ. Если предоставленіе земли прямо въ безсрочное пользованіе переселенцевъ оказывается возможнымъ въ западной Сибири, то нѣтъ причины избѣгать его въ европейской Россіи. Весьма важно, чтобы переселенцы сразу пріучились видѣть въ отведенныхъ имъ участкахъ постоянную осѣдность; только тогда и можно ожидать, что они приложатъ къ ихъ обработкѣ всѣ силы и средства, которыми располагаютъ. Что касается до измѣненія состава переселенцевъ, то оно наблюдается въ особенности при переселеніяхъ на землю, купленную при посредствѣ крестьянскаго банка, и обусловливается всего больше тяжестью доплатъ, сильныхъ не для всѣхъ первоначальныхъ покупателей. При переселеніяхъ на казенную землю такіа перемѣны будутъ встрѣчаться тѣмъ рѣже, что разрѣшеніе на переселеніе будетъ имѣть силу исключительно для крестьянъ, поименованныхъ въ постановленіи министровъ. Частныя колебанія, конечно, останутся возможными; но для того, чтобы они могли быть приняты въ соображеніе, достаточно не слѣдуетъ выдачею переселенцамъ владѣнныхъ актовъ на отведенную имъ землю.

Законъ 13-го іюля прямо воспрещаетъ переселенцамъ отчуждать отведенныя имъ земли, а также обременять ихъ долгами. Это—большое преимущество его передъ первоначальнымъ проектомъ, не сохранившимъ въ себѣ такого запрещенія. Цѣль переселеній заключается именно въ томъ, чтобы противодѣйствовать обезземеленію крестьянъ; для достиженія этой цѣли необходимо было провозгласить съ самаго начала устойчивость и прочность вновь создаваемого владѣнія. Шагомъ назадъ представляется, наоборотъ, поправка, внесенная въ законъ по вопросу о способѣ пользованія землею, отводимую переселенцамъ. На основаніи проекта, составленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, казенная земля должна была поступать въ общинное пользованіе переселенцевъ, съ круговой порукой по всѣмъ платежамъ, причитающимся за землю. По ст. 9 новаго закона, казенная земля предоставляется переселенцамъ или въ общинное, или въ подворное пользованіе. Первоначальное избраніе того или другого порядка землевладѣнія зависитъ отъ самихъ переселенцевъ, разрѣшаю-

щихъ этотъ вопросъ единогласно или по большинству голосовъ. Въ случаѣ установленія подворнаго пользованія, круговую поруку обезпечивается только исправный взносъ сборовъ, казенныхъ, земскихъ и общественныхъ; при общинномъ пользованіи круговая порука распространяется и на наемную плату за землю. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, эти постановленія могутъ создать искусственную тягу къ подворному пользованію, гораздо меньше, чѣмъ общинное, отвѣчающему и привычкамъ, и настоящимъ потребностямъ большинства переселенцевъ (изъ двѣнадцати губерній, перечисленныхъ нами выше, только три—малороссійскія—не входятъ въ область господства поземельной общины). Въ законодательныхъ мѣраxъ послѣдняго времени не было замѣтно теченія, враждебнаго общинному землевладѣнію; тѣмъ труднѣе объяснить себѣ ударъ, наносимый ему, вопреки первоначальнымъ предположеніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, закономъ 13-го іюля.

Въ каждомъ переселенческомъ поселкѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ сорока наличныхъ душъ мужескаго пола, образуется, въ силу закона 13-го іюля, отдѣльное сельское общество. Если земля, на которой возникъ поселокъ, отведена на большее число переселенцевъ, то всѣ водворяющіеся въ немъ послѣ образованія сельскаго общества входятъ въ составъ послѣдняго, безъ испрошенія отъ него пріемныхъ приговоровъ. Всѣ эти постановленія вполне цѣлесообразны; странно только, что не предвидѣна необходимость какой-нибудь организаціи поселка до обращенія его въ сельское общество, т.-е. до водворенія въ немъ надлежащаго числа домохозяевъ. Готовымъ образцомъ могли бы послужить, въ этомъ отношеніи, правила 30-го мая 1888 г. о товариществахъ, купившихъ землю при посредствѣ крестьянскаго банка. Товарищескому сходу соотвѣтствовалъ бы сходъ переселенцевъ; выборному отъ товарищей, исполняющему обязанности сельскаго старосты—такой же выборный отъ переселенцевъ.

Дѣйствіе закона 13-го іюля распространяется не только на крестьянъ, но и на мѣщанъ, конечно изъ числа тѣхъ, главнымъ промысломъ которыхъ служитъ земледѣліе. Такихъ мѣщанъ въ небольшихъ и даже большихъ городахъ, особенно юго-восточныхъ, найдется не мало; уравненіе ихъ съ крестьянами, при одинаковой потребности въ землѣ, представляется совершенно справедливымъ. Мѣщане-переселенцы, водворяющіеся на казенныхъ земляхъ, перечисляются, по закону 13-го іюля, въ сельскіе обыватели. И противъ этого возразить ничего нельзя; намъ кажется только, что необходимо было сдѣлать оговорку въ родѣ той, какая влючена въ законъ 9-го іюня 1886 г., перечислившій въ сельскіе обыватели мѣщанъ-чиновниковъ западнаго края. Это — оговорка о свободѣ отъ тѣлеснаго наказанія,

сохраняемой за бывшими мѣщанами и послѣ перечисленія ихъ въ крестьянство. Однажды приобрѣтенное, столь важное право утрачено быть не можетъ и не должно. Конечно, всего правильнѣе было бы распространить его на всѣхъ и каждаго, независимо отъ сословной клички; но разъ что этого нѣтъ, нужно, по крайней мѣрѣ, не ограничивать кругъ его дѣйствій, не уменьшать число лицъ, изъятыхъ отъ позорнаго, отвратительнаго наказанія.

Мы уже видѣли, что самовольное переселеніе, совершившееся послѣ изданія закона 13-го іюля, влечетъ за собою возвращеніе переселившихся въ мѣста приписки, распоряженіями административныхъ властей. Совершенно иначе относится законодатель къ самовольнымъ переселенцамъ прежняго времени. Общества, къ которымъ они принадлежали до переселенія, *обязаны* выслать имъ увольнительныя свидѣтельства; для приписки ихъ къ волостямъ или городамъ по мѣсту новаго ихъ жительства не требуется приѣмныхъ приговоровъ. Недоимки, числящіяся на нихъ по мѣсту прежней приписки, остаются на ихъ личной отвѣтственности, но уплата ихъ можетъ быть разсрочена на время не свыше трехъ лѣтъ. Такая снисходительность даетъ право предполагать, что и на будущее время буквальное исполненіе постановленій о самовольныхъ переселенцахъ явится скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Возвращеніе административнымъ порядкомъ будетъ практиковаться, по всей вѣроятности, только по отношенію къ тѣмъ, кто не успѣетъ пристроиться на новомъ мѣстѣ и применеть къ бродячему населенію отдаленнаго края.

Слишкомъ два года тому назадъ мы говорили подробно о проектировавшейся тогда организаціи техническаго образованія ¹⁾. Въ мартѣ 1888 г. установлены были главныя ея начала, обнародованныя подъ именемъ „основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ“ ²⁾. 26-го іюня нынѣшняго года утверждены, наконецъ, штаты промышленныхъ училищъ и таблицы учебныхъ въ нихъ занятій; указаны также города, въ которыхъ будутъ открыты, на первый разъ, промышленныя училища различныхъ категорій. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что промышленныя училища подраздѣляются на три главные вида: училища *ремесленныя*, подготовляющія *рабочихъ*; *низшія техническія*, подготовляющія *мастеровъ*, и *среднія техническія*, подготовляющія *техниковъ*. Первые примыкаютъ къ начальнымъ училищамъ, вторыя — къ училищамъ городскимъ и сельскимъ двух-

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ №№ 4 и 5 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

²⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

класснымъ, третьи—къ пятому классу реальныхъ училищъ. Низшія и среднія техническія училища могутъ быть приурочены либо къ одной какой-либо спеціальности, либо къ нѣсколькимъ. Такихъ спеціальностей для низшихъ училищъ установлено три (механическая, химическая, строительная), для среднихъ училищъ — пять (кромя трехъ только-что названныхъ—горнозаводская и сельско-хозяйственная). Возможно и соединеніе въ одно цѣлое общеобразовательнаго училища съ соответственнымъ спеціальнымъ (напр. реального училища съ среднимъ техническимъ). Ремесленныя училища рѣшено открыть въ Батумѣ и Жяздрѣ, низшія техническія училища — въ Архангельскѣ и Брянскѣ. Существующее въ Иркутскѣ техническое училище обращается въ промышленное, съ учебнымъ курсомъ, соответствующимъ курсу пяти классовъ реального училища и четырехъ классовъ средняго механико-техническаго училища. Красноуфимское реальное училище также обращается въ промышленное, причемъ къ *шести* классамъ реального училища присоединяется курсъ средняго горнозаводскаго и сельско-хозяйственнаго училища. Опытъ предпринимаемаго, такимъ образомъ, въ довольно широкихъ размѣрахъ; для полноты его недостаетъ только учрежденія самостоятельной средней технической школы, по спеціальностямъ химической и строительной.

Сравнивая утвержденныя теперь таблицы учебныхъ занятій въ промышленныхъ училищахъ съ предположеніями „общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи“, послужившаго исходной точкой реформы, мы замѣчаемъ между ними одно существенное различіе. Нормальный планъ, отправляясь, очевидно, отъ той совершенно вѣрной мысли, что для искуснаго, смѣтливаго рабочаго необходимо не только *умѣнье*, но и нѣкоторое общее *развитіе*, стремился къ возможно большому сближенію курса ремесленнаго училища съ курсомъ двухкласснаго сельскаго училища. На русскій языкъ, вмѣстѣ съ начатками исторіи и географіи, нормальный планъ отводилъ всего *десять* часовъ; въ таблицѣ число уроковъ русскаго языка ограничено *шестью*, а объ исторіи и географіи вовсе нѣтъ рѣчи. Увеличено, правда, число уроковъ ариметики, геометріи и счетоводства (13 вмѣсто 10), прибавлены общія понятія изъ физики (6 уроковъ),—но все же нельзя не пожалѣть, что изъ ремесленнаго училища будутъ выходить молодые люди, ничего не знающіе о прошедшемъ и настоящемъ своей родины. Свободное время для нѣкотораго ознакомленія учениковъ съ исторіей и географіей найти было бы весьма легко, уничтоживъ уроки чистописанія (два), въ которыхъ рѣдко нуждаются окончившіе курсъ въ земской или министерской начальной школѣ ¹⁾, и нѣсколько соевративъ число уроковъ рисованія

¹⁾ Привычку писать поддерживали бы, притомъ, уроки русскаго языка.

(8), слишкомъ большое въ виду *двѣнадцати* часовъ, отведенныхъ на черченіе. Далеко не лишнимъ было бы также, какъ намъ кажется, введеніе небольшого числа общеобразовательныхъ уроковъ (по русскому языку, по исторіи) въ курсъ низшихъ техническихъ училищъ; мѣсто для нихъ могло бы быть добыто и здѣсь на счетъ рисованія, едва ли не слишкомъ широко надѣленнаго учебными часами (8—въ училищахъ механико-техническихъ и химико-техническихъ, 18—въ училищахъ строительно-техническихъ, при 12-14 урокахъ черченія). Что касается до среднихъ техническихъ училищъ, то главный недостатокъ ихъ учебныхъ плановъ мы видимъ въ томъ, что слишкомъ рано прекращается въ нихъ преподаваніе теоретическихъ предметовъ. Это должно до крайности затруднить для молодыхъ людей, окончившихъ курсъ средней технической школы, переходъ въ высшія техническія заведенія—переходъ, прямо допущенный закономъ. Въ среднемъ механико-техническомъ училищѣ, напримѣръ, математика преподается только на первомъ и второмъ курсахъ (6 уроковъ), химія и механика—также; на третьемъ и четвертомъ курсахъ научнымъ теоретическимъ предметамъ не посвящено ни одного часа. Въ химико-техническомъ училищѣ преподаваніе химіи и естественной исторіи продолжается и на третьемъ курсѣ, но за то преподаваніе математики не идетъ дальше перваго и располагаетъ только *тремя* уроками. Исключительно-практическій характеръ преподаванія на старшихъ курсахъ служить, очевидно, плохой подготовкой для дальнѣйшихъ научныхъ занятій, безъ которыхъ немислимо высшее техническое образованіе. Конечно, большинство учениковъ средней технической школы будетъ заканчивать въ ней свое ученіе, и оно должно преслѣдовать преимущественно практическія цѣли; но нѣкоторая доля научнаго элемента могла бы быть сохранена ею до самаго конца, съ несомнѣнной пользой для меньшинства и безъ всякаго ущерба для массы.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что хотя основныя положенія о промышленныхъ училищахъ устанавливаютъ четырехлѣтній курсъ ученія—для среднихъ техническихъ, трехлѣтній—для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ, только какъ максимальную норму, допуская и меньшую продолжительность ученія, но таблицы учебныхъ часовъ, утвержденныя 26-го іюня, приурочены исключительно къ училищамъ съ максимальной продолжительностью учебнаго курса. Отсюда слѣдуетъ, что по инициативѣ и на счетъ правительства будутъ открываемы лишь училища этого рода, а учрежденіе училищъ съ курсомъ менѣе продолжительнымъ будетъ разрѣшаемо только за чѣствамъ, обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ. Жалѣть объ этомъ мы не видимъ причины; желательнымъ кажется намъ только

одно—открытие на счетъ правительства, въ видѣ опыта, нѣсколькихъ училищъ, которыя соединяли бы въ себѣ школы общеобразовательную и техническую, съ сокращеніемъ числа учебныхъ лѣтъ, причитающихся на долю той и другой. Такъ напримѣръ, ремесленное училище, соединенное съ сельскимъ двухкласснымъ, могло бы ограничить курсъ ученія пятью годами — вмѣсто шести (три года въ начальномъ училищѣ, три — въ ремесленномъ), низшее техническое училище, соединенное съ городскимъ — восемью годами вмѣсто девяти (шесть лѣтъ въ городскомъ училищѣ, три — въ низшемъ техническомъ). Такое сокращеніе курса было бы весьма удобно для учениковъ изъ среды бѣднѣйшихъ классовъ общества.

Въ наступающемъ мѣсяцѣ предстоитъ, повидимому, открытіе новыхъ судебныхъ учреждений въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Мы не говорили до сихъ поръ о законѣ 9-го іюля, опредѣлившемъ подробности этой реформы, потому что главные ея черты были рассмотрѣны нами гораздо раньше, когда она еще только проектировалась ¹⁾. Все существенное въ проектѣ перешло, почти безъ измѣненій, въ окончательный текстъ закона. Уголовныя дѣла будутъ разсматриваться въ остзейскомъ краѣ безъ участія присяжныхъ (и сословныхъ) засѣдателей; мировыхъ судей, какъ почетныхъ, такъ и участковыхъ, назначаетъ и увольняетъ министръ юстиціи; отъ него же зависитъ назначеніе предсѣдателя мирового съѣзда; въ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ общихъ, такъ и мировыхъ, производство, письменное и словесное, происходитъ обязательно на русскомъ языкѣ ²⁾, вслѣдствіе чего при судахъ состоятъ переводчики; судебной палаты въ Ригѣ не учреждается, а всѣ остзейскіе окружные суды (ревельскій—для Эстляндіи, рижскій—для Лифляндіи, митавскій и либавскій—для Курляндіи) подчиняются петербургской судебной палатѣ, составъ которой усиливается однимъ предсѣдателемъ департамента, восемью членами и однимъ товарищемъ прокурора ³⁾; волостные суды подчиняются верхнимъ крестьянскимъ судамъ, состоящимъ изъ особаго предсѣдателя (назначаемаго министромъ юстиціи), и приглашаемыхъ по очереди предсѣдателей волостныхъ судовъ ⁴⁾; верхніе

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ №№ 5 и 6 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

²⁾ Есть исключенія изъ общаго правила, но ихъ очень мало; главныя изъ нихъ касаются прошеній, подаваемыхъ лицами содержащимися подъ стражей, а также словесныхъ просьбъ и жалобъ, заявляемыхъ въ мировыхъ учрежденіяхъ.

³⁾ Хорошо, по крайней мѣрѣ, что всѣ остзейскія дѣла сосредоточены въ одной судебной палатѣ, а не раздѣлены между двумя (петербургскою и виленскою), какъ предполагалось первоначально.

⁴⁾ Предсѣдатель волостного суда избирается волостными судьями изъ собственной ихъ среды.

крестьянскіе суды подчиняются, въ свою очередь, мировымъ сѣздамъ; въ дѣлопроизводствѣ волостныхъ и верхнихъ крестьянскихъ судовъ допускается, временно, употребленіе мѣстнаго языка (эстонскаго, латышскаго или шведскаго), на которомъ говоритъ большинство мѣстнаго населенія; кругъ дѣйствій волостныхъ судовъ устанавливается приблизительно такой, какимъ онъ былъ до сихъ поръ въ внутреннихъ губерніяхъ; надзоръ за волостнымъ общественнымъ управленіемъ крестьянъ и за правильнымъ примѣненіемъ законовъ о поземельномъ ихъ устройствѣ, прежде лежавшій на приходскихъ или уѣздныхъ судахъ, переходитъ къ особымъ комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Не повторяя сказаннаго нами прежде о всѣхъ этихъ особенностяхъ остзейскаго судоустройства, ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Полтора года тому назадъ, когда въ первый разъ сдѣлался извѣстнымъ проектъ преобразованія судебныхъ учреждений въ остзейскомъ краѣ, онъ могъ показаться — во всемъ томъ, въ чемъ онъ существенно отступалъ отъ судебныхъ уставовъ, — рѣшительнымъ ухудшеніемъ порядковъ, существующихъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Теперь обстоятельства перемѣнились. Прежде остзейскія губерніи могли только завидовать великороссійскимъ; — теперь великороссійскія губерніи могутъ во многомъ позавидовать остзейскимъ. На сторонѣ великороссійскихъ губерній остается только одно преимущество — обладаніе судомъ присяжныхъ; но и оно потеряло значительную часть прежней своей цѣны, вслѣдствіе изданія въ нынѣшнемъ году закона 7-го іюля, ограничившаго кругъ дѣйствій этого суда. Остзейскія губерніи получаютъ, за то, мировой судъ, въ то самое время, когда онъ почти исчезаетъ внутри Россіи! Правда, это судъ не выборный, лично зависимый отъ министра юстиціи — но все-таки *судъ*, безъ всякой примѣси административныхъ функций, — судъ, на рѣшенія котораго приносятся жалобы судебнымъ, а не административнымъ учрежденіямъ. Судебной власти подчиняются въ остзейскомъ краѣ и крестьянскіе суды, внутри имперіи отдаваемые въ распоряженіе земскаго начальника и уѣзднаго сѣзда. Къ участію въ рѣшеніи крестьянскихъ судебныхъ дѣлъ допускаются, во второй инстанціи, представители самихъ крестьянъ — председатели волостныхъ судовъ, не *назначенные*, а *избранные* на эту должность и подлежащіе удаленію отъ нея не иначе, какъ по суду ¹⁾.

¹⁾ По закону 12-го іюля, въ земскихъ губерніяхъ председатель волостного суда назначается, изъ среды волостныхъ судей, уѣзднымъ сѣздомъ и имъ же удаляется отъ должности.

Несравненно болѣе самостоятельный и лучше поставленный, чѣмъ внутри имперіи, волостной судъ въ остзейскомъ краѣ облечается властью гораздо менѣе обширной. Право присуждать къ тѣлесному наказанію за нимъ хотя и сохранено, но всякій осужденный въ правѣ *требовать* замѣны этого наказанія другимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего позорнаго. Большимъ преимуществомъ остзейскаго края является, наконецъ, возложеніе административнаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ на должностное лицо, не облеченное судебною властью и назначаемое администраціей безъ всякихъ совѣщаній и соглашеній съ представителями дворянскаго сословія.

Судебная реформа въ остзейскомъ краѣ совпала съ наступающимъ 20-го ноября двадцатипятилѣтіемъ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. На окраины государства судебные уставы до сихъ поръ распространялись не иначе, какъ съ значительными отступленіями—и отступленіями, конечно не къ лучшему, отъ главныхъ, основныхъ началъ преобразованія. Такъ было при введеніи новыхъ судебныхъ учреждений на Кавказѣ, въ западныхъ губерніяхъ, въ царствѣ польскомъ, еще недавно—въ архангельской губерніи. Можно было сожалѣть объ этихъ отступленіяхъ, можно было находить ихъ болѣе или менѣе излишними—но утѣшительной, во всякомъ случаѣ представлялась мысль, что они имѣютъ только временной характеръ. Оставаясь неприкосновенными внутри самой Россіи, лучшія стороны судебныхъ уставовъ должны были проникнуть, рано или поздно, во всѣ концы имперіи. Теперь, въ первый разъ послѣ 1864 года, порядокъ, созданный для окраины, какъ то видно изъ предыдущаго, можно признать даже превосходящимъ во многомъ порядокъ, созданный для внутреннихъ губерній. Какъ ни далеко судебнымъ учрежденіямъ, вводимымъ въ остзейскомъ краѣ, до судебныхъ учреждений, призванныхъ къ жизни законодательствомъ 1864 г., по нѣкоторымъ своимъ сторонами они все-таки ближе къ послѣднимъ, чѣмъ порядокъ, осуществленіе котораго ожидается, со времени обнародованія узаконеній 12-го іюля, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Обратное движеніе въ области судебныхъ уставовъ началось, правда, давно, чуть не въ самый первый годъ послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе; но сначала оно совершалось очень медленно и не проникало слишкомъ глубоко. Законы 12-го декабря 1866, 1-го іюня 1868, 19-го мая 1872, 25-го мая и 5-го декабря 1874, 9-го мая 1878 г., были скорѣе частными мѣрами, чѣмъ рѣшительнымъ обращеніемъ въ другую сторону. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ законъ 20-го мая 1885 г., ограничившій несмѣняемость судей, законъ 12-го февраля 1887 г., ограничившій гласность процесса, законъ 7-го іюля 1889 г., изъявшій массу дѣлъ изъ круга дѣйствій суда присяжныхъ, и въ

особенности законъ 12-го іюля 1889 г., почти вовсе уничтожившій мировой судъ и положившій конецъ раздѣленію властей судебной и административной. Судебные уставы 1864 г., если разсматривать ихъ какъ одно цѣлое, измѣнились, къ концу первой четверти вѣка своего дѣйствія, уже настолько, что новое, начинающееся теперь, двадцатипятилѣтіе, можно сказать, начинается вмѣстѣ съ тѣмъ и новый судебный порядокъ, существенно отличный отъ истекшаго періода.

Толки и слухи о льготахъ, проектируемыхъ для неисправныхъ заемщиковъ дворянскаго земельного банка, носились въ обществѣ уже давно, находя точку опоры въ необнародованныхъ, но утвержденныхъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ правилахъ о взысканіи недоимокъ по ссудамъ дворянскаго банка. При этомъ, никто не имѣлъ въ виду того рѣшенія, какое получилъ спорный вопросъ въ Высочайшихъ указахъ 12-го октября. Когда, въ первыхъ числахъ истекшаго мѣсяца, въ одной изъ столичныхъ газетъ появилось неопредѣленное указаніе на возможность новаго выигрышнаго займа, оно было встрѣчено со стороны другихъ газетъ общимъ недовѣріемъ, вслѣдствіе того, что къ этому виду кредита правительство не прибѣгало почти четверть вѣка, не прибѣгало даже въ самыя критическія минуты нашей государственной жизни, и потому можно было думать, что обращеніе къ нему признано безусловно нежелательнымъ или допустимымъ только въ качествѣ крайней, экстренной мѣры. Меньше всего можно было ожидать выпуска новаго займа вообще и выигрышнаго займа въ особенности въ настоящую минуту, когда контрольный отчетъ за 1888 г. обнаружилъ избытокъ доходовъ надъ расходами въ 34 милліона рублей... Обнародованіе закона 12-го октября положило конецъ всѣмъ недоумѣніямъ и сомнѣніямъ. Замѣчательно, что меньше всего выпускъ новаго выигрышнаго займа встрѣтилъ сочувствія въ нѣкоторой части консервативной печати. Въ то самое время, когда одна изъ столичныхъ газетъ, говорящая всегда отъ имени „либераловъ“, протестовала противъ предположенія „Гражданина“, что „либералы“ будутъ *не въ духъ*, читая текстъ постановленій 12-го октября, — на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ появились слѣдующія слова, заслуживающія потому особеннаго вниманія: „Относительно умѣстности экстраординарной финансовой операціи въ тисое, вполне ординарное время, можно спорить, и не безъ нѣкоторыхъ основаній. Лотерейная операція всегда разсматривалась какъ крайній ресурсъ и какъ нѣкоторое зло, которое принимается только потому, что оно меньше другого зла. Какъ ни почтенны задачи новаго выпуска и какъ ни задолжено дворянское землевладѣніе, намъ

думается, однако, что положеніе вещей не представляло ничего критическаго, и систематическія, постепенныя финансовыя мѣры могли бы поправить дѣло съ такимъ же успѣхомъ, хотя, быть можетъ, и не такъ быстро и рѣшительно. Зато въ распоряженіи государства, на случай войны или какого-нибудь чрезвычайнаго бѣдствія, всегда имѣлся бы лишній ресурсъ, способный доставить громадна средства, безъ обращенія къ разорительной формѣ золотыхъ, консолидированныхъ и всякихъ иныхъ займовъ". Трудно возражать противъ основной мысли, высказанной въ этихъ строкахъ, и потому она кажется намъ вполне справедливой. Если новый заемъ и не увеличитъ ни на одну копѣйку податного бремени, то косвенное влияніе его во всякомъ случаѣ не можетъ быть благоприятнымъ для массы населенія. Едва ли, съ этой точки зрѣнія, безразличенъ и лотерейный характеръ займа. Та изъ петербургскихъ газетъ, которая отличается наибольшимъ усердіемъ и умѣньемъ въ плаваньи по вѣтру, успѣшила объявить, что прежній, „пуританскій" взглядъ на лотерейные займы оказался (?) предрасудкомъ, отъ котораго отреклись даже наиболѣе осторожные экономисты. Не въ такому заключенію, однако, приводятъ многія явленія нашей повседневной жизни. Погоня за выигрышными билетами, проникая въ бѣдныя классы населенія, ведетъ, сплошь и рядомъ, къ потерѣ послѣднихъ сбереженій, къ рискованной покупкѣ въ разсрочку, обогащающей только однихъ банкирскія конторы. Мало хорошаго мы видимъ и въ надеждѣ на внезапное обогащеніе, у многихъ доходящей до увѣренности, иногда смѣшной, но чаще печальной... Напрасно было бы ожидать, что теперь, съ появленіемъ на рынкѣ множества новыхъ выигрышныхъ билетовъ, ими запасутся всѣ желающіе, и стремленіе, вполне удовлетворенное, прекратится само собою. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя къ участію возможно большаго числа лицъ въ подпискѣ на новый заемъ, значительная часть билетовъ неизбѣжно попадетъ въ руки спекулянтовъ, и обладателямъ небольшихъ сбереженій придется, какъ и прежде, приобретать излюбленныя бумаги съ величайшимъ трудомъ, по цѣнѣ гораздо высшей, чѣмъ подписная.

Какимъ именно способомъ средства, добытыя новымъ займомъ, будутъ обращены на облегченіе нынѣшнихъ и будущихъ заемщиковъ дворянскаго банка, это изъ постановленій 12-го октября съ точностью не видно; несомнѣнно лишь одно, что на этотъ предметъ пойдетъ почти вся разница между номинальною стоимостью новыхъ билетовъ и суммою, которая будетъ выражена при подпискѣ, т.-е. болѣе восьмидесяти милліоновъ рублей. Такая громадная помощь достанется не всѣмъ дворянамъ-землевладѣльцамъ, а только тѣмъ, имѣнія которыхъ заложены или будутъ заложены въ дворянскомъ банкѣ; въ этой группѣ дворянъ она достанется богатымъ наравнѣ съ бѣдными,

хозяйничающимъ —наравнѣ съ не-хозяйничающими, трудящимся—наравнѣ съ нетрудящимися. Это, очевидно, не *помощь нуждающимся*, какъ полагаетъ газета, говорящая отъ имени „либераловъ“; это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не вознагражденіе помѣщиковъ за потери, понесенныя ими четверть вѣка тому назадъ. Далекое не всѣ заемщики дворянскаго банка владѣли населенными имѣніями въ 1861 г. или являются наслѣдниками тогдашнихъ владѣльцевъ—и, наоборотъ, далеко не всѣ тогдашніе владѣльцы или ихъ наслѣдники состоятъ или будутъ состоятъ заемщиками дворянскаго банка. Совершенно напрасно, слѣдовательно, напоминать, какъ это дѣлаетъ другая петербургская газета, о низкомъ курсѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, о промежутокѣ времени, истекшемъ между закрытіемъ долгосрочнаго казеннаго кредита и учрежденіемъ частныхъ земельныхъ банковъ. Все это—дѣла давно минувшихъ дней, имѣющія весьма мало отношенія къ настоящему и тѣмъ болѣе къ будущему. Условія, отъ которыхъ страдало, въ послѣднее время, наше сельское хозяйство, уже измѣнились къ лучшему, въ скоромъ времени могутъ измѣниться еще больше, —а между тѣмъ дворяне-землевладѣльцы, вновь закладывающіе свои, можетъ быть только-что вчера прибрѣтенныя имѣнія, и тогда будутъ пользоваться льготами, установленными указомъ 12-го октября: они будутъ получать ссуды полностью, сто на сто, и оплачивать ихъ только $4\frac{1}{2}\%$. Намъ приходитъ на память, по этому поводу, отзывы, которые не разъ слышалъ отъ заемщиковъ-дворянъ бывшій управляющій дворянскимъ банкомъ (см. „Отчетъ“ банка за 1886 г.). На вопросъ: какая имъ охота закладывать свободное отъ долговъ имѣніе?—они отвѣчали: „гдѣ нынче найдешь деньги за $5\frac{3}{4}\%$, съ погашеніемъ: я на ваши деньги процентныхъ бумагъ куплю—и то въ выгодѣ буду, а если оборотъ сдѣлаю—и говорить нечего“. Понятно, что къ ссудѣ изъ $5\frac{1}{4}\%$ (съ погашеніемъ) это разсужденіе примѣнимо еще въ болѣе степеніи.

Дворянинъ-землевладѣлецъ, имѣніе котораго продано за долгъ банку, сохраняетъ, въ большинствѣ случаевъ, возможность безбѣднаго существованія; онъ можетъ вступить на государственную службу или воспользоваться, такъ или иначе, образованіемъ, которымъ онъ почти всегда до извѣстной степени обладаетъ. Гораздо тяжелѣе, говоря вообще, положеніе крестьянъ, купившихъ землю при посредствѣ крестьянскаго банка и теряющихъ ее вслѣдствіе накопленія недоимокъ, для нихъ непосильныхъ. Прежній свой надѣлъ они, болѣею частью, утратили безвозвратно; вырученныя за него деньги и другія сбереженія употребили на неудавшуюся покупку. Послѣ публичнаго торга они рискуютъ остаться безземельными и безпомощными, увеличивая собою безъ того растущій сельскій пролета-

ріать. Снисхожденіе, оказанное заемщикамъ дворянскаго банка, даетъ право ожидать однородныхъ мѣръ, направленныхъ на пользу должниковъ крестьянскаго банка. Желательнымъ было бы здѣсь какъ общее пониженіе платежей, еще до 12-го октября значительно превышавшихъ платежи дворянскому банку, такъ и облегченіе особенно нуждающихся покупателей, сдѣлавшихся неисправными вслѣдствіе чрезмѣрной обременительности доплатъ, преувеличенности продажныхъ цѣнъ или нѣсколько разъ повторившагося неурожая. Скажемъ болѣе: едва ли все обстоитъ благополучно и въ положеніи крестьянской массы, не имѣющей никакого отношенія къ крестьянскому банку. Намъ наводитъ на эту мысль тотъ самый контрольный отчетъ, о которомъ мы уже упомянули. Рядомъ съ общимъ повышеніемъ государственныхъ доходовъ мы видимъ здѣсь частный ихъ недоборъ, по тѣмъ статьямъ, которыя особенно характеристичны для положенія крестьянъ: по статьѣ податей, поземельнаго и лѣснаго налога и по статьѣ выкупныхъ платежей. По первой статьѣ поступило, въ 1888 г., на 2.638.000 менѣе противъ смѣтнаго предположенія, по второй—на 4.423.000 рублей.

Одновременно съ постановленіями 12-го октября обнародованы, наконецъ, утвержденныя еще 26-го іюня правила о взысканіяхъ съ неисправныхъ заемщиковъ дворянскаго банка. Съ сущностью этихъ правилъ мы познакомили нашихъ читателей еще тогда, когда они находились на разсмотрѣніи государственнаго совѣта ¹⁾. Въ текстѣ закона, сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, сдѣланы нѣкоторыя перемѣны къ лучшему: сокращенъ срокъ дѣйствительности (для покупателя и для банка) договоровъ, заключенныхъ должникомъ безъ согласія банка, и право отсрочивать продажу по усмотрѣнію банка ограничено тремя мѣсяцами вмѣсто шести. Нельзя еще разъ не пожалѣть о томъ, что правила, изданіе которыхъ должно было непосредственно слѣдовать за открытіемъ дѣйствій банка, были изготовлены и разсмотрѣны только три съ половиною года спустя, когда на заемщикахъ успѣла уже накопиться масса недоимокъ. Не будь этого обстоятельства, не было бы и главнаго повода къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, состоявшимся 12-го октября.

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 6 „Вѣстн. Европа“ за текущій годъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1889.

Дѣятельность Вильгельма II.—Свиданіе императоромъ въ Берлинѣ, и предполагаемые его результаты.—Русско-германскія отношенія.—Берлинская система союзовъ.— Характеристика германскаго императора по отзывамъ бывшаго его наставника.— Внутреннія дѣла въ Германіи.—Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи.

Личность молодого германскаго императора обращаетъ на себя все большее и большее вниманіе въ Европѣ. Его постоянные разъѣзды, его какъ бы лихорадочная дѣятельность, частыя свиданія съ различными европейскими монархами, военно-политическія заявленія, рѣчи и тосты,—все это даетъ обильный матеріалъ для разсужденій и догадокъ въ европейской печати. Вильгельмъ II успѣлъ въ короткое время не только закрѣпить существовавшія союзныя отношенія съ Италією и Австро-Венгрією, но и установить новыя связи съ Англією, сблизиться, повидимому, съ Россією, съ Данією, Грецією и даже съ Турцією.

Свиданіе императоровъ въ Берлинѣ было наиболѣе важнымъ событіемъ послѣдняго времени. Своею прошлогоднею поѣздкою въ Петербургъ, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, Вильгельмъ II показалъ, какую цѣну придають въ Германіи поддержанію хорошихъ отношеній съ Россією. Сдѣланный теперь отвѣтный визитъ былъ прежде всего актомъ вѣжливости; но нѣкоторыя обстоятельства придавали ему серьезное политическое значеніе. Хотя нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ не присутствовалъ въ Берлинѣ, но тамъ находился князь Бисмаркъ, пріѣхавшій нарочно изъ Фридрихсруэ для участія въ празднествахъ 11—13-го октября (н. ст.). Газеты много говорили о привѣтствіяхъ и тостахъ, которыми обмѣнивались государи; Вильгельмъ II пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выразить свои дружескія чувства къ Россіи,—онъ заявлялъ рѣшимость поддерживать старыя близкія отношенія обѣихъ династій, напоминалъ о временахъ совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ, говорилъ о нашихъ подвигахъ въ Севастополѣ и подъ Плевной, пилъ за здоровье и процвѣтаніе русской арміи. Миролюбіе германскаго правительства относительно Россіи соединялось такимъ образомъ съ явнымъ желаніемъ возобновить прежнюю дружбу, прерванную нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Къ той же цѣли направлены были, безъ

сомнѣнія, продолжительныя бесѣды и объясненія, происходившія при участіи князя Бисмарка. Результаты аудіенціи, которую имѣлъ имперскій канцлеръ, сильно занимали нѣмецкую и всю вообще европейскую журналистику. Такъ какъ для газетныхъ репортеровъ не существуетъ тайнъ, то явились подробные отчеты о содержаніи секретныхъ разговоровъ въ Берлинѣ. Въ одной изъ провинціальныхъ нѣмецкихъ газетъ, пользующихся обыкновенно официозными сообщеніями, приведены главные пункты, затронутые будто бы при этомъ интересномъ обмѣнѣ мыслей. Свѣденія „Hamburger Nachrichten“, перепечатанныя всѣми нѣмецкими газетами, кажутся однако мало правдоподобными. Говорилось будто бы объ одобреніи политики князя Бисмарка въ швейцарскомъ вопросѣ, о важности общихъ международныхъ мѣръ противъ анархистовъ, о безразличномъ отношеніи Германіи къ остзейскимъ дѣламъ, о невѣрности слуховъ по поводу мнимаго доклада начальника нашего главнаго штаба; относительно Болгаріи высказана была готовность берлинскаго кабинета поддержать требованія Россіи, за которую признаются несомнѣнныя права на эту страну. Канцлеръ,—продолжаетъ газета,—вполнѣ убѣдился въ миролюбіи нашего правительства и остался, будто бы, очень доволенъ результатами аудіенціи. По другой версіи, переданной въ лондонской „Pall-Mall Gazette“ какимъ-то „старымъ дипломатомъ“, князь Бисмаркъ предложилъ раздѣлить Балканскій полуостровъ между двумя сферами владычества и вліянія—русскою и австрійскою, причемъ на долю Россіи досталась бы восточная часть, со включеніемъ не только Болгаріи, но и Константинополя. Эти басни серьезно повторяются значительною частью печати, хотя несостоятельность ихъ должна быть очевидна для всякаго. При установившейся близости отношеній между Германіею и Англіею и при официальной нѣмецкой дружбѣ съ Турціею, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какомъ-либо проектѣ раздѣла турецкихъ земель между двумя сосѣдними имперіями, подъ руководствомъ и гарантіею берлинской дипломатіи. Трудно также предположить, чтобы князь Бисмаркъ коснулся такихъ постороннихъ для Германіи предметовъ, какъ остзейскія дѣла или докладъ начальника нашего главнаго штаба; весьма вѣроятно, что рѣчь шла, между прочимъ, и о способѣ разрѣшенія болгарскаго вопроса. Канцлеръ могъ повторить то, что онъ заявлялъ уже неоднократно,—что Болгарія не представляетъ никакого спеціальнаго интереса для Германіи, и что послѣдняя вообще не имѣетъ повода препятствовать восстановленію законнаго русскаго вліянія въ балканскихъ государствахъ. Общій выводъ изъ всѣхъ имѣющихся свѣденій о берлинскомъ свиданіи формулируется нѣмецкою печатью слѣдующимъ образомъ: нѣкоторая холодность, замѣчавшаяся вначалѣ, уступила мѣсто болѣе прими-

рительному и довѣрчивому настроенію; миръ можетъ считаться обезпеченнымъ для ближайшаго будущаго, но Россія, по прежнему, не отвѣчаетъ взаимностью на желаніе Германіи устроить взаимное соглашеніе въ духѣ прежнихъ союзныхъ обязательствъ. Какъ ни утѣшительна перспектива болѣе прочнаго мира послѣ недавнихъ еще тревогъ, но нѣмецкіе публицисты не скрываютъ отъ себя, что несравненно утѣшительнѣе для нихъ было бы видѣть Россію въ числѣ державъ, связанныхъ съ Германіею положительными договорами или обѣщаніями.

Многія нѣмецкія газеты, повидимому, искренно убѣждены, что всѣ европейскія государства, стремящіяся къ сохраненію мира, должны стоять на сторонѣ германской имперіи, и что нежеланіе применить къ нынѣшнему тройственному союзу свидѣтельству о воинственныхъ замыслахъ, опасныхъ для Германіи. Это странное заблужденіе все болѣе распространяется въ нѣмецкомъ обществѣ и выдается за неопровержимую истину новѣйшими проповѣдниками нѣмецкаго миролюбія. Безъ сомнѣнія, нѣмцы не могутъ чувствовать себя волюнѣ спокойными, пока не увѣрены въ безусловномъ нейтралитетѣ Россіи на случай столкновенія съ Франціею; но не слѣдуетъ забывать, что присоединеніе къ Германіи имѣетъ въ сущности характеръ подчиненія, такъ какъ оно неизбѣжно связано съ признаніемъ ея первенствующей роли въ дѣлахъ европейской политики. Для самостоятельной державы, не нуждающейся въ поддержкѣ или содѣйствіи Берлина, нѣтъ никакого расчета ставить себя въ подчиненное, полувисимое положеніе относительно могущественной имперіи, которая и безъ того обнаруживаетъ склонность и способность пользоваться правами гегемоніи въ континентальной Европѣ. Притомъ соглашеніе съ Германіею было бы со стороны Россіи враждебнымъ шагомъ относительно Франціи, съ которою мы находимся въ мирѣ, и которая очутилась бы въ опасномъ одиночествѣ въ случаѣ присоединенія нашего къ тройственному союзу. Заручившись нашимъ безусловнымъ или даже сочувственнымъ нейтралитетомъ, берлинскій кабинетъ могъ бы легко поддаться искушенію возбуждать вопросы, несовмѣстимые съ независимостью Франціи, какъ великой державы, — на примѣръ, требовать пріостановки ея неизбѣжныхъ вооруженій или сокращенія ея военныхъ силъ, что могло бы привести къ отчаянной оборонительной войнѣ со стороны французовъ, какъ это едва не случилось въ 1875 году. Въ интересахъ общаго европейскаго мира желательно, чтобы Франція сохранила свое законное мѣсто въ ряду самостоятельныхъ и могущественныхъ государствъ; а это возможно только при такъ-называемой „свободѣ дѣйствій“ или бездѣйствія Россіи. Съ этой точки зрѣнія европейскій миръ обезпечивается гораздо вѣрнѣе нашею

изолированностью въ международных дѣлахъ, чѣмъ присоединеніемъ къ коалиціи, во главѣ которой стоятъ Германія. Австро-Венгрія, поставленная между Германіею, Италіею и Россіею, не имѣла другого выхода, какъ вступить въ тѣсный союзъ съ имперіею, гарантирующею ея интересы на Востока. Италия рассчитываетъ на выгоды нѣмецкаго содѣйствія въ возможныхъ спорахъ и столкновеніяхъ съ Франціею, претендующею на преобладаніе въ Средиземномъ морѣ и вышешею смотрѣть свысока на итальянское королевство. Англія, имѣющая основаніе опасаться французскаго соперничества въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ, можетъ также ожидать серьезныхъ выгодъ отъ сближенія и соглашенія съ Германіею. Россія не находится въ такомъ положеніи; внѣшняя политическая предприимчивость для нея предметъ роскоши, а не необходимости. Наши внутреннія обстоятельства не позволяютъ думать о внѣшнихъ предпріятіяхъ и успѣхахъ; никакихъ новыхъ пріобрѣтеній намъ не нужно, а грозить намъ никто не станетъ, ибо нѣтъ къ тому ни повода, ни возможности.

Что касается Болгаріи, то всякая попытка воздѣйствовать на нее насиліемъ или принужденіемъ составляла бы прямое нарушеніе основныхъ началъ нашей всегдашней восточной политики, освободительной по существу и по формѣ. Отъ самихъ болгаръ зависитъ устройство ихъ политическаго быта, и пока они терпятъ надъ собою владычество партій, призвавшей принца Фердинанда на княжескій престолъ, до тѣхъ поръ мы можемъ спокойно сохранить свое выжидательное положеніе, называемое иногда „свободою дѣйствій“. Дипломатическое содѣйствіе Берлина не могло бы оживить симпатій болгаръ къ тѣмъ мѣрамъ вышательства, которыя не пользуются у нихъ популярностью. Устраненіе принца Фердинанда само по себѣ едва ли облегчило бы желательную для насъ развязку; оно могло бы привести къ водворенію анархіи или къ еще большому усиленію господствующихъ нынѣ элементовъ, проникнутыхъ недовѣріемъ или скрытою враждою къ официальной Россіи. Но, признавая ненужнымъ и неудобнымъ заключеніе союза съ Германіею, мы не видимъ серьезныхъ мотивовъ и для той недовѣрчивой холодности, о которой говорили нѣмецкія газеты. Мы уже неоднократно имѣли случай указывать на неосновательность обвиненій и требованій, предъявляемыхъ къ германской политикѣ многими изъ нашихъ публицистовъ-патріотовъ, по поводу болгарскихъ дѣлъ. Каждая великая держава должна сама заботиться объ охранѣ своихъ международныхъ интересовъ и употреблять для этого цѣлесообразныя средства; нельзя было ожидать, что ошибки, сдѣланныя нами въ Болгаріи, будутъ поправлены иностранною дипломатіею, и что послѣдняя будетъ сочувствовать проектамъ и распоряженіямъ, которымъ не сочувствовали отчасти

сами болгары. Берлинскій кабинетъ не только не противоудѣйствоваль удаленію принца Баттенберга, но и привѣтствовалъ это удаленіе, какъ залогъ упроченія мира на Балканскомъ полуостровѣ; всѣ наши дальнѣйшіе дипломатическіе шаги въ Болгаріи встрѣчали прямую или косвенную поддержку въ Берлинѣ и во всякомъ случаѣ не вызывали тамъ ни малѣйшихъ возраженій, — хотя общественное мнѣніе Германіи было противъ насъ. Противоудѣйствіе Австро-Венгріи, — болѣе пассивное, чѣмъ активное, — мы столь же мало можемъ ставить въ вину германской дипломатіи, какъ и неудовольствіе всей независимой нѣмецкой и австрійской печати противъ предполагаемыхъ нашихъ попытокъ устроить внутреннія дѣла болгарскаго княжества. Если эти попытки вызывали протесты общественнаго мнѣнія Германіи и Австріи, не говоря уже объ Англіи и Италіи, то въ этомъ всего меньше виноваты были дѣятели иностранной дипломатіи. Дипломаты не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ въ подобныхъ случаяхъ, а скорѣе уклоняются отъ его вліянія, какъ это можно видѣть по упорному и коренному противорѣчію между официальными взглядами князя Бисмарка на болгарскій вопросъ и воззрѣніями большинства нѣмецкихъ газетъ. Каково бы ни было поведеніе Германіи относительно болгарскаго кризиса, мы не могли и не можемъ считать ее виновницею дипломатическихъ неудачъ, приведшихъ къ водворенію принца Фердинанда въ Софіи. Сомнѣваемся даже, справедливо ли сожалѣть о томъ, что Германія не поощряла болѣе энергическихъ способовъ виѣшательства въ болгарскія дѣла, и что мы остались свободны отъ крайне неудобныхъ усложненій, которыя могли бы связать нашу политику въ будущемъ и отразиться вредно на общемъ международномъ положеніи Россіи. Что искусственныя дипломатическія средства непригодны и ненужны для оживленія и поддержанія нашихъ политическихъ связей на Балканскомъ полуостровѣ, — это лучше всего доказывается примѣромъ Сербіи, гдѣ поворотъ народныхъ мнѣній и чувствъ въ сторону Россіи совершился самъ собою, именно благодаря отсутствію нашего давленія извнѣ.

Почему съ нашею „свободою дѣйствій“ связывается представленіе о натянутыхъ и недоброжелательныхъ отношеніяхъ съ Германіею — понять трудно. Не нуждаясь въ международныхъ союзахъ, мы можемъ относиться къ сосѣднимъ державамъ вполне спокойно, на началахъ взаимности и равенства, — и дружескія заявленія германскихъ правителей не должны быть отклоняемы нами съ холоднымъ высокомеріемъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ наши патріотическія газеты. Сохранить свободу отъ стѣснительныхъ обязательствъ и въ то же время поддерживать обыкновенную сосѣдскую дружбу съ германскою имперіею — таковъ средній путь, котораго мы должны придер-

живаться въ нашей виѣшной европейской политикѣ. Эта политика миролюбія значительно облегчается стремленіемъ официальной Германіи приобрести довѣріе и расположеніе Россіи. Но говорятъ, что берлинскій кабинетъ домогается не простой сосѣдской дружбы, а чего-то другого, болѣе положительнаго и существеннаго: онъ не довольствуется платоническимъ миролюбіемъ, а хочетъ завлечь насъ въ ту сѣть союзовъ и соглашеній, которою постепенно и послѣдовательно окружаетъ себя Германія.

Эта система союзовъ получаетъ особенное освѣщеніе со времени вступленія на престолъ Вильгельма II. Молодой императоръ ввелъ новый обычай въ международную практику; онъ объѣзжаетъ европейскіе дворы и вступаетъ въ личныя отношенія съ монархами великихъ и малыхъ державъ, причемъ ему невольно придается роль какъ бы президента европейскихъ „соединенныхъ штатовъ“. Въ Италіи и Австріи привыкаютъ видѣть въ германскомъ императорѣ фактическаго распорядителя судебъ Европы; отъ его политики зависятъ рѣшенія и дѣйствія союзныхъ державъ, которыя поэтому незамѣтно становятся въ вассальныя къ нему отношенія. Подчиняясь въ международныхъ вопросахъ руководству Германіи, Австро-Венгерія упрочила и распространила свое вліяніе въ балванскихъ земляхъ, а Италія дѣйствовала свободно на берегахъ Краснаго моря и подготовила свой протекторатъ надъ Абиссиніею; Англія, при той же нѣмецкой поддержкѣ, утвердила свое господство въ Египтѣ и еще недавно однимъ почеркомъ пера, не рискуя вызвать никакихъ протестовъ, присоединила къ своимъ колониальнымъ владѣніямъ громадную территорію въ южной Африкѣ, отъ границъ Трансваала до рѣки Замбези, пространствомъ около 360 или 400 тысячъ квадратныхъ миль. Понятно, что Франція избѣгаетъ безплодныхъ возраженій противъ мѣръ, принимаемыхъ союзниками Германіи, хотя бы въ ущербъ французскимъ интересамъ; неудачный опытъ дипломатической полемики съ Италіею изъ-за Массовы долженъ былъ разсѣять послѣднія сомнѣнія въ томъ, что принадлежность къ такъ-называемой лигѣ мира создаетъ для участниковъ привилегированное положеніе, освобождающее ихъ отъ обязанности считаться съ взглядами и требованіями „постороннихъ“ государствъ. Державы, извлекающія свои выгоды изъ соперничества съ Франціею, наибольше выигрываютъ отъ союза съ Германіею; сравнительно меньше пользы выпадаетъ на долю Австріи, конкурирующей съ Россіею, ибо нѣмецкая дипломатія принуждена щадить наши интересы и желанія, чтобы не давать повода къ опасному для нея франко-русскому соглашенію. Такимъ образомъ, Россія остается единственною въ Европѣ великою державою одинаково свободною и отъ союзныхъ обязательствъ, и отъ опасныхъ сто-

ровъ изолированности во внѣшней политикѣ. Остальная Европа, кромѣ Россіи и Франціи, фактически признаетъ надъ собою главенство Германіи, и это обстоятельство особенно ярко отражается въ лихорадочной дѣятельности Вильгельма II.

Итальянскій министръ-президентъ Криспи, въ своей большой политической рѣчи, произнесенной въ Палермо 13-го октября, счелъ нужнымъ оправдывать свою политику отъ обвиненій въ раболѣпствѣ передъ Германіею,—обвиненій, высказанныхъ, между прочимъ, въ надѣлавшей много шума статьѣ лондонскаго „Contemporary Review“, приписываемой не безъ основанія Гладстону. При этомъ Криспи выразился, что Вильгельмъ II пріѣзжалъ въ Римъ „не какъ властелинъ, а какъ другъ“; эта странная фраза какъ нельзя лучше характеризуетъ измѣнившуюся роль германской имперіи относительно ея союзниковъ. Никому не приходило бы въ голову доказывать, что германскій императоръ есть только другъ, а не властелинъ Италіи, еслибы фактическая обстановка не давала матеріала для подобныхъ сопоставленій. Нельзя не вспомнить, что при такомъ авторитетномъ и заслуженномъ монархѣ, какъ Вильгельмъ I, гораздо меньше говорилось о германской гегемоніи въ Европѣ, чѣмъ при нынѣшнемъ тридцатилѣтнемъ императорѣ, не успѣвшемъ еще, повидимому, совершить ничего существеннаго ни на политическомъ, ни на военномъ поприщѣ. Извѣстно, что французскія газеты предсказывали распаденіе имперіи или, по крайней мѣрѣ, упадокъ императорской власти послѣ смерти Фридриха III, такъ какъ молодой преемникъ его не будетъ имѣть достаточно личнаго авторитета для того, чтобы сдерживать стремленія къ независимости со стороны отдѣльных нѣмецкихъ государей. На дѣлѣ оказалось, что не только короли саксонскій, вюртембергскій и другіе совершенно ступевались предъ Вильгельмомъ II, но и правительства союзныхъ великихъ державъ чувствуютъ потребность въ опроверженіи слуховъ объ утратѣ своей самостоятельности относительно Германіи. Англійская эскадра отправляется въ Кілю специально для осмотра ея Вильгельмомъ II въ новой его должности почетнаго англійскаго адмирала; исполнивъ эту задачу, онъ торопится въ Берлинъ для торжественной встрѣчи русскаго Государя; черезъ нѣсколько дней онъ ѣдетъ уже въ Италію, гдѣ проводить время съ королемъ Гумбертомъ и министромъ Криспи, затѣмъ уѣзжаетъ въ Аѣины на бракосочетаніе своей сестры съ наследникомъ греческаго престола, и наконецъ его ждетъ въ Константинополѣ турецкій султанъ, готовый принять его съ восточною пышностью. И каждая поѣздка вызываетъ толки о новыхъ соглашенияхъ и союзахъ, о новыхъ политическихъ завоеваніяхъ и успѣхахъ Германіи.

Очевидно, личность Вильгельма II представляет большой психологическій интересъ, независимо отъ соображеній европейской политики. Что заставляетъ этого молодого Гогенцоллерна, окруженнаго всѣми соблазнами человѣческаго могущества и счастья, подвергать себя неудобствамъ постоянныхъ разъѣздовъ, заботъ и волненій? Какіе мотивы руководятъ имъ, и какіе планы мелькаютъ въ его головѣ? Этими вопросами по-неволѣ задаются люди, слѣдящіе за нервною, безпокойною дѣятельностью новаго германскаго императора. Въ небольшой брошюрѣ бывшего наставника его, д-ра Гинцпетера, появившейся въ прошломъ году, сообщаются нѣкоторыя любопытныя свѣденія о воспитаніи и характерѣ Вильгельма II, но въ ней нѣтъ положительныхъ данныхъ для отвѣта на упомянутые вопросы. Брошюра Гинцпетера чрезвычайно интересна по той безыскусственной простотѣ, съ какою обсуждаются въ ней предметы, считаемыя обыкновенно неудобными для печатнаго обсуждения. Д-ръ Гинцпетеръ, пользующійся до сихъ поръ полнѣйшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ своего бывшего ученика (какъ можно заключить по вестфальской рѣчи Вильгельма II), объясняетъ прежде всего, что въ теченіе болѣе 20 лѣтъ онъ „имѣлъ возможность слѣдить за развитіемъ этой индивидуальности“, и что поэтому онъ лучше кого-либо другого можетъ дать правильную ея характеристику. По словамъ Гинцпетера, „человѣческое существо“, родившееся отъ соединенія ганноверскаго „упорства, легко обрабатываемаго въ энергію, съ Гогенцоллернскою твердостью, связанною съ идеализмомъ“, отличалось необычайно крѣпкою и развитою индивидуальностью, противостоявшею самымъ сильнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Упорная натура принца не поддавалась обычнымъ приемамъ воспитанія; приучить его умъ къ правильному и послѣдовательному мышленію было въ высшей степени трудно, такъ какъ этому мѣшала „пагубный недостатокъ способности къ сосредоточенію“. Никакіе авторитеты не могли повліять на природныя его склонности. „Родители поставили задачей воспитанія возбудить въ подрастающемъ принцѣ преимущественный интересъ къ гражданской жизни, а не къ военному дѣлу, въ противность традиціямъ; для этого употреблялись всевозможныя средства; отчасти съ этою цѣлью состоялось перемѣщеніе принца въ Кассель (въ гимназію); музеи и фабрики, заводы и мастерскія были усердно посѣщаемы имъ и изучаемы, но тѣмъ не менѣе прирожденный военный интересъ сильно развивался и выросталъ, пока не занялъ широкаго мѣста въ мечтаніяхъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ“. Авторъ упоминаетъ о многихъ разочарованіяхъ и неудовольствіяхъ, причиненныхъ своеобразнымъ направленіемъ и характеромъ принца; повторялись жалобы на „непослушаніе, ненадежность и неблагодарность, даже безсердечіе и неува-

женіе“ (къ родителямъ),—жалобы „столь же несправедливыя, какъ и естественныя“. Принцъ, по свидѣтельству Гинцпетера, подвергался за свою самостоятельность неустанной критикѣ, принимавшей разнообразнѣйшія формы, „начиная съ суровыхъ жалобъ и упрековъ собственныхъ родителей и кончая самыми пошлыми клеветами иностранныхъ газетъ“. Не вполне владѣя лѣвой рукою, принцъ силою своей настойчивости достигъ большого искусства въ стрѣльбѣ, плаваніи и верховой ѣздѣ; онъ сдѣлался тѣмъ „смѣлымъ, безстрашнымъ человекомъ, который теперь, на случай возможнаго покушенія, желаетъ только одного: чтобы у него хватило еще силы задержать преступника и подвергнуть наказанію“. Авторъ утверждаетъ, что законное честолюбіе, желаніе оказаться достойнымъ великихъ предковъ, регулируется въ Вильгельмѣ II „направляющимъ разумомъ, который составляетъ столь значительный элементъ въ своеобразномъ смѣшеніи его существа“. Съ безопадною строгостью,—продолжаетъ Гинцпетеръ,—противостоялъ онъ всякой страсти и сдѣлалъ умѣренность правиломъ своей жизни; сильнѣйшее чувство въ немъ—чувство долга, наследственное въ его расѣ¹⁾. Краткій анализъ личности Вильгельма II, напечатанный его бывшимъ наставникомъ, тайнымъ совѣтникомъ Гинцпетеромъ, не имѣетъ въ себѣ ничего восторженнаго и льстиваго; напротивъ, онъ поражаетъ своею безпристрастною откровенностью. Разумѣется само собою, что Гинцпетеръ ждетъ блестящихъ дѣлъ отъ своего царственнаго питомца; но по приведенной характеристикѣ не трудно догадаться, что идеалы, воодушевляющіе молодого германскаго императора, имѣютъ военный отпечатокъ и клонятся больше къ утвержденію внѣшняго могущества и блеска имперіи, чѣмъ къ развитію тѣхъ великихъ благъ культуры и народнаго благосостоянія, о которыхъ мечталъ его покойный отецъ, Фридрихъ III.

При всей своей молодости и неопытности въ государственныхъ дѣлахъ, Вильгельмъ II обнаруживаетъ большую твердость и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ съ чисто-сыновнимъ почтеніемъ относится къ маститому канцлеру, но обращается къ нему за совѣтами только по вопросамъ общей политики и оберегаетъ отъ его вліянія и вмѣшательства свое любимое вѣдомство—военное. Въ области общественной и парламентской жизни онъ старается не отступать отъ требованій законности и справедливости; но военная точка зрѣнія побуждаетъ его иногда придавать больше значенія формѣ, чѣмъ содержанію. Повидимому, онъ не поддается льстивымъ увѣреніямъ

¹⁾ Kaiser Wilhelm II. Eine Skizze nach der Natur gezeichnet von Dr. G. Hinzpeter, Bielefeld, 1888, стр. 2—7, 10 и слѣд.

придворныхъ и сохраняетъ трезвый взглядъ на существующія общественныя отношенія; еще недавно, когда аристократическая „Крестовая газета“ громила національ-либераловъ во имя безусловнаго служенія прусскому королевскому авторитету, Вильгельмъ II распорядился напечатать въ оффиціальномъ „Reichsanzeiger'ъ“ рѣзкое заявленіе о томъ, что ни одна партія не въ правѣ приписывать себѣ исключительное обладаніе довѣріемъ короля и прикрываться его именемъ въ парламентскихъ или газетныхъ спорахъ. Такъ какъ король вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое убѣжденіе, что союзъ консервативныхъ группъ съ національ-либералами весьма полезенъ и необходимъ для правильнаго хода дѣлъ, то реакціонеры, рисовавшіея своимъ благонадежнымъ „роялизмомъ“, должны были отступить по всей линіи. Вѣрные роялисты и антисемиты, возставшіе противъ союза (Kartell) между сочувственными правительству партіями, отчасти отказались отъ дальнѣйшей общественной дѣятельности, какъ извѣстный пасторъ Штекеръ и другіе, или пытались обойти прямой смыслъ королевскаго порицанія, какъ это сдѣлалъ болѣе извортливый единомышленникъ Штекера, профессоръ Адольфъ Вагнеръ. Неожиданное вмѣшательство Вильгельма II въ газетную полемику, долго тянувшуюся между „Крестовою газетою“ и ея противниками, произвело значительный эффектъ въ нѣмецкой печати и совершенно разстроило ряды правотѣрныхъ консерваторовъ. Это, безспорно, вполне современный способъ воздѣйствія на журналистику, вмѣсто старой системы предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ. Впрочемъ спорившія газеты признавали за собою въ принципѣ право поддерживать взгляды, несогласные съ личными мнѣніями монарха; „National-Zeitung“ признавала это съ конституціонной точки зрѣнія, а нѣкоторые изъ реакціонеровъ съ достоинствомъ доказывали, что можно и нужно защищать права короля даже противъ его мнѣній.

Засѣданія германскаго имперскаго сейма открылись 21-го октября (н. ст.) обычною тронною рѣчью, прочитанною на этотъ разъ министромъ Беттихеромъ. По обыкновенію, послѣ вступительныхъ фразъ объ упроченіи мира, имперскому сейму предлагается назначить новыя чрезвычайныя средства для дальнѣйшаго увеличенія военныхъ силъ имперіи. Въ заключеніе высказывается надежда, „что и въ предстоящемъ году сохранится европейскій миръ на основѣ существующихъ договоровъ“. Надежда—очень скромная и выраженная отчасти двусмысленно: ссылка на „существующіе договоры“ допускаетъ какъ будто мысль о возможномъ возстановленіи силы берлинскаго трактата на Балканскомъ полуостровѣ, а съ другой стороны ожиданіе отъ будущаго года такого же мира, какъ и въ прошедшемъ, убѣждаетъ насъ, что и нарушеніе означеннаго трактата въ Болгаріи

не противорѣчить европейскимъ интересамъ на основѣ существующихъ договоровъ. Соответственно этому неопредѣленному положенію Европы, возрастаютъ и бюджетныя требованія: германскіе имперскіе расходы на будущій годъ исчислены въ суммѣ около миллиарда двухсотъ тысячъ марокъ, на 240 милліоновъ больше, чѣмъ въ прошломъ году, и вся эта громадная прибавочная сумма пойдетъ на усиленіе арміи и флота. Въ тронной рѣчи упоминается и о социальныхъ реформахъ, но только въ видѣ предисловія къ новымъ мѣрамъ противъ социальной демократіи. Прежніе законы о социалистахъ, имѣвшіе только временное и ограниченное дѣйствіе, будутъ замѣнены постояннымъ законодательствомъ, причѣмъ заинтересованнымъ лицамъ будетъ дана возможность защиты и обжалованія, въ особомъ судебномъ-административномъ порядкѣ. Какъ мало репрессивныя мѣропріятія дѣйствуютъ на социалистическое движеніе рабочихъ массъ въ Германіи, можно видѣть изъ того, что на недавнихъ частныхъ выборахъ въ земскій сеймъ Саксоніи выбрано три представителя социальной демократіи, вмѣсто прежняго одного.

Нынѣшняя парламентская сессія будетъ послѣднею для имперскаго сейма, избраннаго въ началѣ 1887 года подъ страхомъ оффиціозныхъ громовъ, предвѣщавшихъ неминуемую будто бы войну. Въ началѣ будущаго года предстоятъ новые выборы, и къ тому времени можно ожидать новой воинственной газетной кампаніи „на два фронта“, для побужденія робкихъ избирателей подавать голоса за испытанныхъ патриотовъ и спасителей стечества. Нужно имѣть это въ виду заранѣе, чтобы не принимать фальшивой избирательной тревоги за дѣйствительный симптомъ наступающей грозы. Срокъ полномочій будущаго имперскаго сейма будетъ уже пятилѣтній, а не трехлѣтній, какъ было до сихъ поръ. Мы видимъ, что внутренняя правительственная политика Германіи, по своимъ успѣхамъ и завоеваніямъ, далеко отстаетъ отъ внѣшнихъ лихорадочныхъ движеній и шумныхъ триумфовъ, которымъ всецѣло отдалась нервная и честолюбиво-мечтательная натура Вильгельма II.

Въ Сербіи прекратились, наконецъ, хроническія волненія и замѣшательства, вызываемыя попытками отрешагося короля удержать за собою опеку надъ правительствомъ. Новая сербская скупщина, собравшаяся въ Бѣлградѣ 13-го (1-го) октября, заключаетъ въ себѣ подавляющее большинство такъ-называемыхъ радикаловъ, т.-е., въ сущности, народниковъ-крестьянъ и ихъ единомышленниковъ, безусловно враждебныхъ Милану. Предводитель этой народной партіи, Пашичъ, считался опаснымъ государственнымъ преступникомъ и былъ

приговоренъ заочно къ смертной казни при королѣ Миланѣ; а теперь, какъ выборный предсѣдатель народной скупщины, онъ является надежною опорою династїи Обреновичей, въ лицѣ юнаго короля Александра. Такъ какъ сербскій народъ призвалъ къ власти людей, которыхъ Миланъ преслѣдовалъ, изгонялъ и сажалъ въ тюрьмы, то политическая роль бывшаго короля въ Сербїи можетъ считаться пока законченною: очевидно, что ему крайне неловко, если не невозможно, возвратиться въ Бѣлградъ при настоящихъ обстоятельствахъ или предъявлять какія-либо требованія, исполненіе которыхъ зависѣло бы отъ скупщины и выдвинутыхъ ею дѣятелей. Миланъ вынужденъ отказаться отъ притязаній на закулисное управленіе дѣлами Сербїи; онъ долженъ былъ также положить конецъ постыдному торгу съ королевою Наталією, изъ-за естественнаго права и желанія матери видѣть своего сына. Тронная рѣчь, прочитанная регентомъ Ристичемъ въ засѣданіи 8-го (20-го) октября, указываетъ, между прочимъ, на „новыя драгоцѣнныя приобрѣтенія“ въ области международныхъ отношеній, и отвѣтный адресъ скупщины подчеркнулъ эти слова прямымъ указаніемъ на возобновленіе дружбы съ Россїєю. Съ тѣхъ поръ какъ мы перестали хлопотать о сербахъ, вернулась мало-по-малу ихъ дружба; такъ же точно слѣдовало бы намъ забыть о болгарахъ и предоставить имъ устраиваться какъ хотятъ,—и быть можетъ, вспомнать о насъ болгары и вновь проникнутся сочувствіемъ и благодарностью къ Россїи за нашу „свободу бездѣйствія“. Въ противномъ случаѣ можно опасаться прочнаго водворенія принца Фердинанда въ Софіи, подобно тому, какъ нѣвогда тоже „самованно“ утвердился въ Бельгїи принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, отецъ нынѣшняго бельгійскаго короля, непризнанный нами,—о чемъ съ понятною меланхолїєю вспомнили на дняхъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября, 1889.

— *Русскія Древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.* Выпускъ второй. Древности скиео-сарматскія. Съ 147 рисунками въ текстѣ. Спб., 1889.

Въ Литературномъ Обзорѣніи прошлаго года мы говорили о началѣ замѣчательнаго изданія, предпринятаго нашими почтенными археологами. Пріятно сказать, что изданіе имѣло успѣхъ: въ теченіе года первый выпускъ выдержалъ два изданія, чему способствовала, вѣроятно, и чрезвычайно доступная цѣна книги. Первый выпускъ посвященъ былъ классическимъ древностямъ южной Россіи; во второмъ излагаются древности „скиео-сарматскія“. Мѣстность, изъ которой извлечены памятники этихъ древностей, почти та же, главнымъ образомъ Крымъ и южная Россія. На Таврическомъ полуостровѣ и на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря расположены были греческія колоніи, изъ которыхъ и происходятъ классическіе памятники; но самыя земли, какъ по этому побережью, такъ и на сѣврѣ въ глубинѣ страны, принадлежали въ эти первые историческіе вѣка варварамъ, такъ что и характеръ населенія, и характеръ памятниковъ, открываемыхъ новѣйшими раскопками и изслѣдованіями, былъ греко-варварскій. Издатели „Древностей“ выдѣлили сначала классическую стихію этой старины, гдѣ, между прочимъ, нашлись въ памятникахъ Крыма и южной Россіи замѣчательнѣйшія произведенія древняго греческаго искусства, составляющія украшеніе собраній Эрмитажа. Второй ихъ задачей было выдѣлить элементъ варварскій. Кто были эти варвары, къ какому племени они принадлежали, куда дѣвались въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи,—эти вопросы, издавна занимавшіе ученыхъ историковъ, до сихъ поръ остаются темны. Греки, которые, начиная въ особенности съ Геродота, оставили намъ извѣстія о народахъ, населявшихъ страны нынѣшней южной Россіи, въ своемъ презрѣніи къ варварамъ не заботились о томъ, чтобы ближе изучить ихъ, назвать

ихъ собственныя имена, и всѣ эти несомнѣнно разнородныя племена обозначали однимъ общимъ неопредѣленнымъ именемъ скивовъ; позднѣе это названіе смѣняется другимъ, столь же неопредѣленнымъ, названіемъ—сарматовъ; болѣе точному опредѣленію мѣшало и то, что свидѣнія греческихъ писателей объ этихъ странахъ слишкомъ много основывались не на личномъ знакомствѣ, а на болѣе или менѣе произвольныхъ слухахъ; но привычка къ данному разъ названію, которая въ этомъ случаѣ утверждалась въ особенности авторитетомъ Геродота, держалась такъ долго и упорно, что не только въ V вѣкѣ до Р. Х. шла рѣчь о „скивахъ“, но въ X—XI вѣкѣ по Р. Х., на примѣръ, русскіе, которыхъ греки (уже византійскіе) повидимому должны были бы знать довольно хорошо, продолжаютъ называться „тавро-скивами“... Между тѣмъ изъ самаго разсказа Геродота очевидно, что населеніе, обозначаемое у него общимъ названіемъ скивовъ, было разноплеменное.

Останавливаясь на скиво-сарматскихъ древностяхъ, наши археологи собираютъ прежде всего тѣ историческіе разсказы, какіе сохранились у греко-римскихъ писателей, и гдѣ возможно иллюстрируютъ ихъ указаніемъ археологическихъ памятниковъ, своимъ характеромъ совпадающихъ съ историческими свидѣтельствами. Затѣмъ они переходятъ къ цѣльному, иногда подробному, обзорнѣю тѣхъ памятниковъ, которые должны считаться скиво-сарматскими, объясняя ихъ содержаніе, назначеніе и стиль работы. Общій выводъ или впечатлѣніе, какое производятъ эти памятники, съ ихъ смѣшеніемъ классическаго и варварскаго элемента, наши археологи передаютъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Сводить въ одно цѣлое памятники скивской древности было бы преждевременно, въ виду того, что самое разслѣдованіе скивскихъ некрополей едва начато, хотя много кургановъ разрыто, ради ихъ богатаго содержанія, и такимъ образомъ безслѣдно пропало для науки. Съ другой стороны, систематическое разслѣдованіе нѣкоторыхъ кургановъ и могильниковъ обнаружило во всей ясности самостоятельный типъ скивскихъ древностей, и по содержанію ихъ, и по стилю отдѣляющихся рѣзко изъ области классическихъ древностей южной Россіи. Становится яснымъ, что греческое искусство, принесенное въ ея колоніи, послужило лишь внѣшней оболочкою для ея населенія, самобытнаго какъ въ быту, такъ и въ выраженіи завитыхъ вкусовъ и идей. Греческое искусство, являвшееся съ полнымъ арсеналомъ разнообразной утвари и художественной обстановки въ предѣлахъ самихъ колоній и представляя тамъ собою главный факторъ жизни, за границею этихъ немногихъ городовъ исполняло роль только служебную, и мелѣло, стаяваясь съ широкимъ потокомъ

издѣлій, вполнѣ своеобразныхъ и по назначенію, и по техникѣ. Вся масса этихъ вещей, являющихся по преимуществу предметами личного, мужского и женскаго, а также конскаго убора, не составляет, однако, самостоятельнаго искусства въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ тѣсно примыкаетъ къ обширному варварскому искусству Средней Азии и Сибири и является лишь его характерною вѣтвью. Важность художественныхъ типовъ, а главнымъ образомъ содержаніе такъ-называемыхъ скинскихъ древностей состоитъ въ ихъ непосредственной связи съ древностями позднѣйшей эпохи послѣ Р. X., столь же условно именуемыхъ сарматскими, а черезъ нихъ, благодаря родству (или даже тождеству) этихъ племенъ съ племенами германо-славянскими,—въ связи съ варварскими древностями западной и сѣверной Европы.

„Но греко-римскій стиль, съ его высшими художественными достоинствами и непоколебимою устойчивостью, стужѣлъ подладиться къ потребностямъ и образу мыслей варваровъ, послужить дѣлу ихъ выраженія и самаго уясненія. Онъ же остается единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ въ хронологіи этого безличнаго быта, и его колебанія, упадокъ и перемѣны являются для насъ показателями судебъ самой земли и населяющихъ ее народовъ“ (стр. 134—135).

Въ другомъ мѣстѣ, дѣлая краткій обзоръ литературы по этому предмету, наши археологи говорятъ: „Сравнительно богатая литература вопроса убѣждаетъ въ томъ, что и всесторонній критическій анализъ извѣстій, переданныхъ намъ древними писателями о мало-извѣстныхъ и неизвѣстныхъ народахъ отдаленной земли, не можетъ имѣть своимъ результатомъ достаточно полную историческую картину ихъ жизни и рѣшить всѣ поднимаемые о нихъ наукою многочисленные вопросы. Поэтому въ послѣднее время надежды науки возлагаются не даромъ на матеріалы археологическіе. Но археологическія изслѣдованія скино-сарматскихъ древностей могутъ считаться едва начатыми въ сборникѣ: Древности Геродотовой Скиіи“ (стр. 157).

Археологія дѣйствительно и начинаетъ представлять свои заключенія объ этомъ вопросѣ. Одна изъ важнѣйшихъ сторонъ его, если не самая важная, заключается, какъ мы замѣтили, въ этнографическомъ опредѣленіи тѣхъ племенъ, которыя были на территоріи нынѣшней южной Россіи предшественниками славяно-русскаго племени; что значили эти зачатки цивилизаціи, гдѣ, какъ показываютъ памятники, на почву варварства падали сѣмена античнаго искусства и знаній; какаѣ судьба постигла эти зачатки культуры въ послѣдующее время; были ли они сметены безъ остатка послѣдующимъ броженіемъ этнологическихъ стихій (такъ-называемое переселеніе наро-

довъ), или нѣчто уцѣлѣло отъ нихъ и передалось позднѣйшимъ населеніямъ этой территоріи, или, наконецъ, эти населеніи (славяно-русское племя) были прямые преемники, потомки древнихъ скивоовъ и сарматовъ?

Какъ извѣстно, есть теорія, утверждающая именно это послѣднее. Если бы она въ самомъ дѣлѣ угадала историческую правду, наше племя приобрѣтало бы лишніи тысячи полторы, такъ сказать, историческаго старшинства... Надо полагать, что издатели „Русскихъ Древностей“ не раздѣляютъ этого взгляда; ихъ соображенія объ этомъ предметѣ направляются, видимо, совершенно въ другую сторону, и мы, по всей вѣроятности, найдемъ разъясненіе ихъ собственнаго взгляда въ продолженіи ихъ труда. Геродотовы скивои занимали гораздо болѣе обширную территорію, чѣмъ южная Россія; скивскіе памятники отъ береговъ Дуная идутъ въ глубь Азіи, и съ ними должны еще встрѣтиться изслѣдованія нашихъ археологовъ: третій выпускъ „Русскихъ Древностей“, находящійся въ печати, долженъ заключать древности Сибири, Средней Азіи, Кавказа и юго-восточной Россіи.

Съ внѣшней стороны изданіе второго выпуска отличается тѣми же достоинствами, какія мы отмѣтили въ началѣ изданія. Второй выпускъ нѣсколько обширнѣе перваго (117 и 160 страницъ); въ текстѣ та же масса прекрасно исполненныхъ рисунковъ и дѣла выпуска по прежнему очень доступная.

— *Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г.* Біографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ А. В. *Экземплярскаго*. Томъ первый. Великіе князья Владимірскіе и Владиміро-Московскіе съ приложеніемъ хронологіи событій, касающихся Новгорода и Пскова, біографій великокняжескихъ синоевъ, не занимавшихъ удѣловъ, и родословной таблицы. Изданіе графа И. И. Толстого. Спб., 1889.

Настоящая книга можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для занимающихся старой русской исторіей. Составитель книги исходитъ изъ той мысли, что для правильной разработки средняго, татарскаго, періода нашей исторіи необходимо съ точностью разобраться въ массѣ фактовъ генеалогическихъ, хронологическихъ, географическихъ, которые, въ сущности, до сихъ поръ недостаточно выяснены. Каждый историкъ, вдающійся въ подробности событій, долженъ самъ передѣлывать эту сложную работу, которая по настоящему должна бы быть сдѣлана разъ навсегда. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить личную исторію князей выбраннаго имъ періода. Для періода до-татарскаго подобную справочную работу сдѣлалъ Погодинъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ по русской исторіи“:

относительно болѣе поздняго времени есть трудъ Хмырова, но кромѣ того, что этотъ трудъ остался недоконченнымъ, онъ теряетъ цѣну, во-первыхъ, оттого, что не имѣетъ указаній на источники, а во-вторыхъ, переполненъ ошибками и недосмотрами. Авторъ настоящей книги поставилъ себѣ задачей сопоставить свѣденія о личной исторіи князей изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, какъ напримѣръ „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, пользуясь также и новѣйшими изслѣдованіями по мѣстной исторіи. Изданіе рассчитано на два тома. Въ первомъ томѣ перечислены великіе князья владимірскіе, владиміро-московскіе и московскіе, въ біографіяхъ, настолько подробныхъ, насколько находилось для этого матеріала въ источникахъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены: во-первыхъ, списокъ великокняжескихъ сыновей, почему-либо не имѣвшихъ удѣла; во-вторыхъ, хронологическій сводъ лѣтописныхъ извѣстій о новгородской землѣ съ 1230 года до паденія Новгорода, и въ-третьихъ, такой же сводъ извѣстій о псковской землѣ съ 1348 года до 1510 г. Наконецъ, книга завершается подробнымъ указателемъ географическихъ и личныхъ именъ и родословной таблицей. Біографической исторіи князей предшествуютъ историческія указанія объ исторіи самихъ земель.

Полезьа такого свода не подлежитъ сомнѣнію: онъ ебережетъ много времени изслѣдователямъ, которые будутъ имѣть дѣло съ этимъ періодомъ русской исторіи. Авторъ оговаривается въ предисловіи о возможности ошибокъ и недосмотровъ, и они при ближайшей повѣркѣ, вѣроятно, найдутся въ столь сложной работѣ, но во всякомъ случаѣ останутся важны тѣ сопоставленія, которыхъ здѣсь собрано множество съ точнымъ указаніемъ источниковъ. Нѣсколько неточностей встрѣтилось намъ при бѣгломъ пересмотрѣ книги. Напримѣръ, указывая (стр. 71) сочиненія, въ которыхъ объясняются причины возвышенія Москвы, авторъ исчисляетъ старыя сочиненія Погодина, И. Д. Вѣляева, Вешнякова, даже Станкевича, но не упоминаетъ объ относящихся сюда разсужденіяхъ Костомарова и Соловьева; на страницѣ 300 упоминается статья г. Иловайскаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1864 года, когда „Вѣстникъ Европы“ не существовалъ; въ разсказѣ о псковской землѣ онъ недоумѣваетъ о значеніи слова „исады“, употребительнаго и донинѣ и о значеніи котораго онъ могъ справиться хотя бы въ словарѣ Даля, и т. д.

Чрезвычайно умѣренная цѣна книги (1 р. 20 к. за томъ большого формата, 474 страницы) сдѣлаетъ ее доступной для большого числа лицъ, занимающихся русской исторіей.

—*Сигизмундъ Либровичъ. Пушкинъ въ портретахъ.* Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ, и проч. Спб. 1890.

Г. Либровичъ возымѣлъ счастливую мысль собрать всѣ оригинальныя изображенія Пушкина, какія существуютъ отъ времени жизни поэта и до нашихъ дней въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Въ книгѣ помѣщено до 70 иллюстрацій, въ томъ числѣ 30 снимковъ съ портретовъ Пушкина, затѣмъ нѣсколько копій съ картинъ и рисунковъ современныхъ и позднѣйшихъ, гдѣ былъ изображенъ Пушкинъ; далѣе—факсимиле его собственныхъ рисунковъ, виды памятниковъ и нѣкоторыхъ проектовъ и т. д. Это собраніе рисунковъ сопровождается ихъ исторіей: указаніемъ художниковъ, которые были ихъ исполнителями, описаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ былъ произведенъ портретъ, рисунокъ, скульптурный памятникъ и пр.; рассказана судьба нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній, переходившихъ изъ рукъ въ руки; наконецъ, дается художественная оцѣнка этихъ работъ, приведены отзывы современниковъ и новѣйшихъ критиковъ, однимъ словомъ, дается цѣлая исторія разнообразныхъ изображеній Пушкина, кончая рисунками Пушкинской „бутылки“, Пушкинскихъ конфетъ, папиросныхъ коробокъ, виньетки на почтовой бумагѣ.

Общій свой взглядъ на характеръ портретныхъ изображеній Пушкина г. Либровичъ высказываетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ приводитъ слова Тургенева въ концѣ 70-хъ годовъ при разговорѣ о томъ, какъ долженъ бы быть изображенъ Пушкинъ на предполагавшемся тогда первомъ памятникѣ знаменитому поэту. Тургеневъ говорилъ: „Отличительная черта поэзіи Пушкина—изящная и умная простота, и эта именно простота должна проявляться въ самомъ изображеніи поэта“; но русская публика, замѣчаетъ авторъ, остается недовольна почти всѣми портретами, которые сдѣланы были при его жизни и признавались современниками вполнѣ похожими и ищеть другихъ портретовъ, въ которыхъ видно было бы отраженіе того гения, который внушилъ его вдохновенныя произведенія. Этому желанію извѣстной части публики старались въ послѣднее время удовлетворить нѣкоторые художники, воспроизводившіе портретъ Пушкина и представлявшіе его съ задумчивымъ видомъ, съ гордымъ взглядомъ и т. п.

„Какъ бы то ни было,—продолжаетъ г. Либровичъ,—фактъ несомнѣнный, что новѣйшіе, до нѣкоторой степени поддѣльные, портреты Пушкина, съ наускнымъ эффектомъ „отпечатка поэзіи и гения въ чертахъ лица“, пользуются въ массѣ наибольшимъ успѣхомъ, и такіе имело портреты все чаще и чаще можно встрѣтить въ рамкахъ и альбомахъ поклонниковъ поэта и во многихъ популярныхъ изданіяхъ его сочиненій. Конечно, знатоки и люди, понимающіе,

что достоинство портрета не въ ложномъ эффектѣ, а въ подлинномъ сходствѣ, что гениальность Пушкина нужно искать лишь въ его сочиненіяхъ, а не въ портретахъ—предпочитають мнимо-„нехорошіе“, но сходные портреты всѣмъ этимъ новѣйшимъ фабрикаціямъ эффекта. Но кто же знаетъ, какъ мало вообще „знатоковъ“...

„Такимъ образомъ, вновь дѣланные портреты Пушкина все болѣе и болѣе отдаляются отъ правды, отъ дѣйствительности, все менѣе и менѣе вѣрно передають дорогія черты величайшаго русскаго поэта“.

Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ справедливо обвиняетъ публику. Дѣло въ томъ, что она вовсе не безъ основанія ищетъ въ портретахъ Пушкина отпечатка его гениальности. Не могло быть, чтобы лицо поэта не отражало въ извѣстныя минуты того возвышеннаго строя мысли и чувства, каковымъ исполнены его произведенія. По рассказамъ самихъ современниковъ, Пушкинъ не былъ красивъ, но онъ былъ прекрасенъ, когда лицо его одушевлялось въ увлеченіи разговоромъ и, конечно, также когда оно одушевлялось въ минуты творчества. Весьма естественно, что почитателямъ Пушкина хотѣлось видѣть въ его портретныхъ изображеніяхъ хотя бы долю того одушевленія, какое они считаютъ естественно присущимъ ему, какъ писателю. Нѣкоторые изъ старыхъ портретовъ Пушкина передають болѣе или менѣе эту черту его наружности, и понятно, что они больше нравятся. Портретъ можетъ быть весьма различенъ—по возрасту, по настроенію человѣка въ данную минуту, не говоря, наконецъ, о степени искусства художника; портретъ можетъ быть вѣренъ въ передачѣ основныхъ чертъ вѣшной фізіономіи и, тѣмъ не менѣе, можетъ быть неудаченъ по неумѣнью схватить внутренній характеръ; извѣстно, съ другой стороны, что эти внутреннія черты перѣдко схватываетъ даже карикатура. По рассказамъ современниковъ, лицо Пушкина было именно чрезвычайно измѣнчиво, и авторъ настоящей книги самъ замѣчаетъ, что „хотя въ числѣ художниковъ, писавшихъ портреты Пушкина съ натуры, при жизни поэта, находились лучшіе и извѣстнѣйшіе портретисты, какъ Кипренскій, Брюловъ, Тропининъ, Верне, Мазерь,—имъ не удалось вполнѣ передать эти характерныя черты лица поэта: художникъ, схватывая одну какую-либо черту, упускалъ изъ вида другую; наоборотъ, другой художникъ, схватывая новую черту, не подмѣчалъ первой, вѣрно переданной его предшественникомъ“. Остается изучать эти портреты въ совокупности и возстановлять по нимъ идеальный портретъ; обыкновенно такой идеальный портретъ и стремятся создать новѣйшіе художники; насколько удачно это достигалось ими—другой вопросъ.

Книга г. Либровича, безъ сомнѣнія, будетъ интересна для всѣхъ почитателей Пушкинскою поэзіи; собирая въ одно цѣлое всѣ важ-

нѣйшія портретныя изображенія Пушкина, она доставляетъ возможность имѣть въ рукахъ коллекцію, которую иначе собрать было бы очень трудно; вмѣстѣ съ тѣмъ, книга извѣстнымъ образомъ дополняетъ самую біографію поэта. Рисунки исполнены новѣйшимъ цинкографическимъ способомъ и вообще передаютъ свои подлинники весьма отчетливо.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили отъ авторовъ и издателей слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Я. В. Вниманію интеллигентныхъ провинціаловъ. Изъ общественной жизни г. Харькова. Спб., 89. Стр. 15. Ц. 30 к.

Аверьяновъ, Н. Опытъ художественной критики. Рудинъ и Затишье. Москва, 1889. Стр. 88. Цѣна 28 коп.

Амеке, д-ръ В. Возникновеніе гомеопатіи и борьба противъ ея распространенія. Перев. съ нѣм. М. П. Куманиной, съ предисл. д-ра Л. Бразоля. Спб., 89. Стр. 491.

Арно, С. Рахиль. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Перев. съ франц. въ стихахъ, Н. И. Повнякова. Спб., 89. Стр. 88.

Банкальскій, П. Г. Исторія происхожденія неба, земли и трехъ царствъ природы, по откровенію св. писанія и по научн. изслѣдованіямъ. Н.-Новг., 89. Стр. 251. Ц. 2 р.

Бразоль, д-ръ Л. Е. Публичныя лекціи о гомеопатіи. Изд. 2-е. Спб., 89. Стр. 160.

Брандесъ, Георгъ. Новыя вѣянія. Переводъ Э. К. Ватсона. Спб., 90. Стр. 388. Ц. 2 р.

Брейтфусъ, Л. Л. Германское торговое уложеніе. Переводъ съ нѣм. Спб., 89. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Гетье, П. А. Таблицы для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно. М., 89. Стр. 80.

Голубицкій, П. М. Примѣненіе телефоновъ на желѣзныхъ дорогахъ. М., 90. Стр. 32. Ц. 20 к.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія (1847—1889 г.). Изданіе шестое, дополненное, въ 8 томахъ, съ портретомъ автора. Спб., 90. Ц. 8 руб. (перес. 10 ф.).

——— Сочиненія (1888—89 г.). Изданіе пятое, дополненное, въ семи томахъ, съ портр. автора. Т. VII. Спб., 89. Стр. 442. Ц. 2 р. (перес. 2 ф.).

Деревицкій, А. Н. Гомерическія гимны. Анализъ памятника въ связи съ исторіей его изученія. Харьковъ, 89. Стр. 174. Ц. 1 р. 50 к.

Капустинъ, М. Я. Основные вопросы земской медицины. Спб., 89. Стр. 134. Ц. 1 р.

Картамышевъ, В. П. Сибирская желѣзная дорога. Томскъ, 89. Стр. 38. Ц. 25 к.

Кареевъ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Вып. I. Спб., 89. Стр. 288. Цѣна за два вып. 4 р.

Клоповъ, А. А. Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли, произведенному по порученію мин. фин. и госуд. имущ. въ 1888 г. Тверь, 89. Стр. 134.

Лекунъ, Эд. Основы улучшающаго землю хозяйства. Перев. съ 4-го франц. изд. М. Ш., п. р. А. Н. Энгельгардта, изъ Батищева. Спб., 89. Стр. 335. Ц. 2 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Съ 70 иллюстр. Спб., 90. Стр. 266. Ц. 3 руб.

Лобановъ, Д. И. Александръ Николаевичъ Оъровъ и его современники. Біограф. очеркъ. Спб., 89. Стр. 40. Ц. 75 к.

Лопухинъ, А. П. Библейская исторія, при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Ветхій завѣтъ въ 2-хъ томахъ. Т. II: отъ пророва Самуила до Р. X. Изданіе иллюстрир. Спб., 90. Стр. 1042. Ц. за оба тома 16 руб.

Мантегациа, П. Искусство быть здоровымъ. Перев. съ итал. д-ръ мед. Н. П. Лейненбергъ. Од., 90. Стр. 54. Ц. 40 к.

Моревъ, Д. Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Спб., 89. Стр. 304. Ц. 2 р.

Мюллеръ, Францъ. О гипнозизмѣ и внушеніи и объ ихъ терапевтическомъ примѣненіи во врачебной практикѣ. Перев. Л. Б. Гейбтманъ. Елисаветгр., 89. Стр. 22. Ц. 35 к.

Николюскій, Д. П. Обзоръ дѣятельности губернскихъ съѣздовъ земскихъ врачей. Выпускъ первый. Спб., 88. Стр. 66. Ц. 40 коп. Выпускъ второй. Спб., 89. Стр. 56 и 50. Ц. 60 коп.

Оглоблинъ, В. Кустарное крашеніе и мѣры къ поднятію вообще кустарной промышленности (отчетъ изъ „Ремесл. Газ.“). М., 90. Стр. 32.

Повалишинъ, А. Д. Сводъ дѣйствующихъ общихъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія. Ряз., 89. Стр. 640.

Пытинъ, А. Н. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изданіе 2-е, съ исправленіями и дополненіями. Спб., 90. Стр. 519. Ц. 3 р. 50 к.

Регель, д-ръ Э. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Т. I. Изд. 6-е, исправл. и дополн., съ 267 политипаж. Спб., 89. Стр. 394. Ц. 2 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Опытъ программы для изслѣдованія литературы для народа. Спб., 89. Стр. 30.

Святловскій, В. В. Фабричный рабочій. Исслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. Изъ наблюденій фабричнаго инспектора. Варш., 89. Стр. 288. Ц. 3 р.

Теляковскій, А. А. Справочная книга для земскихъ начальниковъ волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда. Спб., 1890. Стр. 225. Ц. 1 руб. 50 коп.

Трачевскій, А. Учебникъ исторіи. Древняя исторія. Спб., 89. Стр. 433. Ц. 2 р.

— Харьковскій Сборникъ. Литер.-научн. прилож. къ Харьк. Календ. на 1889 г. Вып. 3. Харьковъ, 89. Стр. 248.

Цертелевъ, кн. Д. Н. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. М., 89. Стр. 140. Ц. 75 к.

Шатиръ, Ольга. Безъ любви. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб., 90. Стр. 448. Ц. 2 р.

Шейковскій. К. В. Толкованіе слова „Русь“ и его разновидностей. Юбилейное изданіе. Мензелинскъ, 89. Стр. 14.

Шопенгауеръ, А. Эристикъ, или искусство спорить. Перев. съ предисл. кн. Д. Цертелева. Изд. 2-е. Спб., 90. Стр. 67. Ц. 50 к.

—— *Городъ Екатеринбургъ. Сборникъ историко-статист. и справочн. свѣд. по городу съ адресн. указат. и пр.* Изд. город. гол. И. И. Симанова. Екатеринбург., 89. Стр. 1051 и 184. Ц. 5 р.

—— *Нижегородскій сборникъ, изд. нижегород. губ. статистич. комитетомъ, п. р. А. С. Гацискаго. Т. VIII. Н.-Новг., 89. Стр. 1018. Ц. 1 р. 50 к.*

—— *Обзоръ дѣтской литературы за 1888—88 гг.* Спб., 89. Стр. 70. Ц. 75 к.

—— *Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго православнаго братства за 1888 г.* Спб., 89. Стр. 166.

—— *Отчетъ по харьковскому земледѣльческому училищу за 1888 г. и правила для поступающихъ въ училище.* Харьк., 89. Стр. 91 и 18.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

— Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, Fondateur du Systeme Physiocratique, publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken. Francfort s-M., J. Baer. Paris, J. Peelman. 1888.

Годовщины исторических событий могут имѣть значеніе не только для общественной и политической жизни современниковъ, но и для науки. Освѣжая память о прошломъ и оживляя интересъ къ нему, онѣ могутъ служить поводомъ къ изданію новыхъ матеріаловъ для исторіи и къ переизданію памятниковъ, сдѣлавшихся недоступными, а также и новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что празднованіе годовщины крупныхъ историческихъ событий представляетъ собою настоящія празднества въ области исторической науки. Если мы, съ этой точки зрѣнія, обратимся къ современной Франціи, ознаменовавшей цѣлымъ рядомъ празднествъ годовщину переворота 1789 года, то намъ придется признать, что дѣятельность французскихъ издателей и ученыхъ по отношенію къ этому событію не соотвѣтствуетъ его исторической важности.

Съ тѣмъ болѣе большимъ вниманіемъ слѣдуетъ, конечно, отнестись къ тѣмъ изданіямъ и сочиненіямъ, которыя вызваны годовщиной 1789 года или имѣютъ близкое отношеніе къ французской революціи. Въ числѣ такихъ изданій одно изъ первыхъ мѣстъ по своему научному значенію занимаетъ книга, заглавіе которой мы помѣстили въ началѣ нашей замѣтки—*Экономическія и философскія сочиненія Кенэ, основателя школы физиократовъ*. Издатель сочиненій Кенэ, Августъ Онкенъ, профессоръ политической экономіи въ бернскомъ университетѣ и братъ Вильгельма Онкена, автора многихъ весьма значительныхъ историческихъ сочиненій и редактора извѣстнаго собранія историческихъ монографій, носящаго его имя. Ученый издатель сочиненій Кенэ, снабдивъ ихъ очень обстоятельнымъ и цѣннымъ комментариемъ и введеніемъ, самъ указалъ на близкую связь своего труда съ научнымъ изученіемъ французской революціи, опираясь при томъ на мнѣніе Токвиля. Устанавливая историческую преемствен-

ность между революціей 1789 г. и предшествовавшей ей эпохой, Токвиль утверждалъ, что характеръ этого переворота лучше всего можетъ быть изучае́мъ и поня́тъ съ помощью сочиненій физиократовъ. Все, что было уничтожено революціей, было предметомъ ихъ нападеній,—наоборотъ, все, что ею создано, было ранѣе того намѣчено физиократами и съ жаромъ прославляемо; по словамъ Токвиля, едва ли можно указать хоть что-нибудь въ революціи, что не встрѣчалось бы въ зародышѣ въ какомъ-нибудь изъ сочиненій физиократовъ; въ нихъ можно найти все, что было существенно въ революціи 1789 года, не исключая и того, что Токвиль называетъ „революціоннымъ темпераментомъ“. Это мнѣніе Токвиля нельзя принять безъ оговорокъ, но несомнѣнно, что идеи физиократовъ имѣютъ близкое отношеніе къ исторіи французской революціи, и что издатель сочиненій Кене имѣлъ основаніе въ виду годовщины этого переворота рассчитывать на особый интересъ публики къ своему предпріятію. Изданіе сочиненій Кене, предпринятое проф. Онкеномъ, *своевременно* еще и въ другомъ отношеніи. Въ послѣднее время экономическія теоріи физиократовъ стали предметомъ новаго интереса. Рѣзкая и основанная отчасти на недоразумѣніи критика, которой подвергъ ихъ Адамъ Смитъ, долго мѣшала ихъ правильной оцѣнкѣ. Въ исторіи политической экономіи надъ ними установился безусловный приговоръ. „Эта система, утверждалъ Бланки, осуждена безапелляціонно“. Въ настоящее время, однако, этотъ приговоръ подвергся пересмотру, а нѣкоторыя идеи и стремленія физиократовъ даже нашли себѣ горячихъ приверженцевъ среди современныхъ экономистовъ. Такъ напр., требованіе физиократовъ о замѣнѣ всѣхъ податей *однимъ* налогомъ на землю, было вновь выставлено извѣстнымъ американскимъ экономистомъ Генри Джорджемъ, который въ этомъ отношеніи прямо заявилъ себя послѣдователемъ физиократовъ и посвятилъ ихъ памяти одно изъ своихъ сочиненій.

А между тѣмъ самый источникъ физиократическихъ идей—сочиненія Кене, рѣдкія и разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, оставались мало изслѣдованы. Правда, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ важнѣйшая часть сочиненій Кене была перепечатана Дэрромъ (Daire) въ его „Collection des principaux Economistes“, 1846, но, какъ справедливо замѣчаетъ теперешній издатель Кене, изданіе Дэра въ извѣстномъ смыслѣ стало даже помѣхою основательному знакомству съ мнѣніями Кене, такъ какъ приучило политико-экономовъ довольствоваться тѣми изъ его сочиненій, которые были перепечатаны Дэрромъ. Какую услугу оказала исторіи политической экономіи проф. Онкенъ—обнаруживается при первомъ сличеніи его изданія съ изданіемъ Дэра. Сочиненія Кене у Дэра занимаю́тъ

306 страницъ, а изданіе Онкена представляетъ собою томъ въ 814 страницъ приблизительно такого же формата и печати.

Вслѣдствіе того, что Даръ не счелъ нужнымъ перепечатать мелкія изслѣдованія и журнальныя статьи Кене, нѣкоторыя мнѣнія послѣдняго подверглись существенному искаженію. Такъ напримѣръ, въ сочиненіяхъ Кене, помѣщенныхъ у Дара, нѣтъ указаній на то, что этотъ знаменитый поборникъ принципа невмѣшательства государства въ народное хозяйство совершенно отступаетъ отъ этого принципа въ томъ случаѣ, когда онъ служитъ къ ущербу главному предмету работъ Кене—процвѣтанію сельскаго хозяйства. А именно, Кене горячо возстаетъ противъ мнѣнія капиталистовъ, что процентъ, взимаемый съ капиталовъ, ссужаемыхъ землевладѣльцамъ гипотечнымъ порядкомъ (*à rentes perpétuelles*), долженъ находиться въ зависимости отъ состоянія денежнаго рынка, т.-е. повышаться или понижаться, сообразно съ преобладаніемъ спроса или предложенія. Такое положеніе дѣла, по мнѣнію Кене, должно было бы повести къ разоренію націи. Поэтому онъ требуетъ, чтобы въ данномъ случаѣ *положительный* законъ пришелъ на помощь *естественному* порядку (*loi naturelle*), т.-е. чтобы, по крайней мѣрѣ, каждая 10 лѣтъ особый государственный законъ устанавливалъ правильное отношеніе между процентомъ съ капитала и доходностью земли и защищалъ такимъ образомъ землевладѣльца противъ произвола капиталиста, такъ какъ ничего не можетъ быть вреднѣе для земледѣлія, какъ процентъ, превышающій доходность земли и при томъ же постоянно измѣняющійся;—этимъ путемъ, говорилъ Кене, кредиторы легко могутъ вытѣснить собственниковъ изъ ихъ владѣній. По замѣчанію издателя, взгляды Кене въ этомъ вопросѣ въ извѣстной степени уже совпадаютъ съ теоріей Родбертуса.

Но не одни только политико-экономы будутъ признательны проф. Онкену за его изданіе. Оно имѣетъ значеніе для исторіи вообще, въ особенности—для исторіи культуры XVIII-го вѣка. Кромѣ сочиненій Кене, прямо относящихся къ фیزیократіи, проф. Онкенъ помѣстилъ въ своемъ изданіи *предисловіе* Кене къ „Мемуарамъ королевской академіи хирургіи“, два отрывка „о свободѣ“ и „о безсмертіи души“ изъ сочиненія Кене: „*Essai Physique sur l'Economie Animale*“, и философскую статью его „*Evidence*“, напечатанную въ „Энциклопедіи;“ и тѣмъ г. Онкенъ перепечаталъ у себя *похвальные рѣчи*, сказанныя въ память Кене разными его современниками и объясняющія его значеніе, а также отрывки изъ мемуаровъ г-жи дю-Госсе (*Hausset*) и гармонителя, касающіеся Кене. Такимъ образомъ, предъ читателемъ личность Кене обрисовывается полнѣе, устанавливается связь между различными занятіями—медициной, физиологіей, философіей, зем-

ледѣлемъ и политической экономіей—и раскрываются корни физиократической школы въ общей культурной почвѣ—въ идеяхъ, понятіяхъ и стремленіяхъ XVIII-го вѣка.

Кене по профессіи былъ хирургъ. Въ тогдашней Франціи хирурги составляли особую отъ врачей корпорацію и входили въ составъ одного общаго цеха съ цирюльниками, что указываетъ на низкій уровень ихъ познаній и скромное общественное положеніе. Кене, ставъ секретаремъ и дѣятельнымъ членомъ вновь основанной хирургической академіи, лично много содѣйствовалъ тому, чтобы побѣдить могущественное соперничество вліятельныхъ парижскихъ медиковъ, поставить хирургию на научную почву и поднять ученое и общественное значеніе корпораціи хирурговъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ занимался медициной, получилъ ученую степень доктора и сталъ практикующимъ врачомъ, преподавалъ также ученымъ и теоретическимъ работамъ. Его объемистое сочиненіе: *Essai Physique sur l'Economie Animale* въ (3-хъ томахъ)—химія и физиологія человѣческаго тѣла—по своему содержанию и расположенію матеріала даетъ любопытное представленіе о первобытномъ состояніи этихъ наукъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, но въ то же время въ сочиненіяхъ Кене можно найти заслуживающія вниманія попытки выйти на правильный научный путь. Такъ напр., его замѣчанія о *наблюденіи* и объ *опытѣ* и объ ихъ отношеніи и взаимной связи (въ предисловіи къ мемуарамъ хирургической академіи) представляютъ собою интересныя страницы въ исторіи индуктивнаго метода.

Отъ медицины и естественныхъ наукъ Кене сталъ постепенно переходить къ совершенно другой области знанія. Въ 1756 появилась въ энциклопедіи его статья о *фермерахъ*, 26 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ его перваго труда: „Наблюденія надъ дѣйствіемъ кровопусканія“. Два года спустя Кене составилъ свой трактатъ „*Tableau économique*“, заключающій въ себѣ основанія его системы,—и за тѣмъ, въ продолженіе еще 18 лѣтъ, изслѣдованія по физиократіи смѣняются трактатами о гангренѣ и другихъ хирургическихъ вопросахъ.

Переходною ступеню для Кене отъ медицины къ политической экономіи служилъ его интересъ къ земледѣлію. Кене выросъ въ деревнѣ; *сельское домоводство* было книгой, по которой онъ выучился читать. Но у Кене эта связь между различными науками, его интересовавшими, была не случайна. Она коренится въ его основныхъ воззрѣніяхъ на искусство врачеванія и природу человѣка, и Кене въ этомъ отношеніи является характернымъ представителемъ XVIII-го вѣка. Его наблюденія надъ вліяніемъ психическихъ явленій на тѣло человѣка привели его къ убѣжденію, что *люди не могутъ пользоваться*

настоящимъ здоровьемъ, если не будутъ счастливы, а счастливыми они могутъ быть лишь живя подъ хорошимъ правительствомъ.

Но какое же правительство слѣдуетъ считать хорошимъ? и какими средствами правительство можетъ обезпечить благосостояніе и счастье людей и тѣмъ содѣйствовать ихъ здоровью?

Основнымъ убѣжденіемъ Кене въ медицинѣ было старинное положеніе Гиппократъ, что настоящимъ врачомъ является природа. Сама природа—великая и всеобщая исцѣлительница. Во многихъ болѣзненныхъ явленіяхъ, напр. въ лихорадочномъ процессѣ, Кене видѣлъ средство, съ помощью котораго природа уничтожаетъ причину болѣзни ¹⁾. Такое убѣжденіе сдѣлалось руководящимъ принципомъ Кене въ его возрѣніяхъ на экономическую и общественную жизнь. Поэтому, по мнѣнію Кене, хорошее правительство должно сообразоваться съ *естественнымъ* порядкомъ вещей (l'ordre naturel) въ законодательствѣ и въ организаціи народнаго хозяйства. Естественный же порядокъ вещей требуетъ, чтобы въ основаніе хозяйственной жизни народа была положена дѣятельность самой природы, т.-е. земледѣліе—исходный пунктъ *физиократіи*.

Такимъ образомъ, двумя нитями соединены у Кене занятія медициной съ его позднѣйшей дѣятельностью въ области политической экономіи. Какъ врачъ, онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости правильнаго общественнаго строя, и въ медицинѣ нашелъ принципъ для необходимой въ его глазахъ общественной и экономической реформы. Такъ различными путями приходили французскіе мыслители XVIII-го вѣка, недовольные современнымъ имъ порядкомъ, къ требованію, которае они провозгласили лозунгомъ новаго времени и принципомъ реформы,—возвращенія къ природѣ и установленія естественнаго порядка вещей. Знамя природы водрузилъ выросшій на ея лонѣ, чувствительный къ ея красотамъ, мечтатель Руссо, раздраженный и всѣмъ недовольный—своимъ положеніемъ, людьми, нравами, общественнымъ строемъ, и во имя природы ученый врачъ и естествоиспытатель, съ дѣтства знакомый съ практической стороной деревенской жизни, но также не лишенный фантастической жилки—она часто пробивается въ его физиологическихъ разсужденіяхъ и въ исканіи квадратуры круга, которому онъ предался въ послѣдніе годы,—сталъ реформаторомъ экономическаго строя и творцомъ физиократіи.

Новый издатель сочиненій Кене не послѣдовалъ примѣру своего предшественника, Дѣра, и не предпослалъ своему изданію характеристику и оцѣнку трудовъ основателя школы физиократовъ. Объ этомъ

¹⁾ A l'aide de cette fermentation elle produit une humeur dont l'effet est d'influer et de chasser l'hétérogène qui cause le mal. Oeuvres de Quesnay, p. 85.

нельзя не пожалѣть въ интересахъ дѣла. Вѣроятно онъ предполагаетъ посвятить этому предмету особое изслѣдованіе. Въ примѣчаніяхъ, которыми проф. Онкенъ снабдилъ свое изданіе, онъ подготовилъ интересный матеріалъ для біографіи Кене. Среди этихъ, иногда весьма длинныхъ, примѣчаній мы встрѣтили одно очень странное недоразумѣніе со стороны автора. Нужно надѣяться, что оно будетъ доведено до его свѣдѣнія и не войдетъ въ его біографію Кене.

Кене состоялъ врачомъ при извѣстной фавориткѣ, маркизѣ де-Помпадуръ и имѣлъ помѣщеніе надъ ея апартаментомъ въ версальскомъ дворцѣ. Здѣсь онъ трудился надъ разработкой своей фізіократической теоріи и изложилъ ее въ упомянутомъ выше трактатѣ подъ заглавіемъ: *Le Tableau économiq.ue*. Но первоначальная редакція этого основнаго сочиненія Кене исчезла безслѣдно. Читающая публика узнала о немъ лишь въ 1760 году изъ сочиненія восторженнаго послѣдователя Кене, маркиза де-Мирабо, *l'Ami des Hommes*, и только 6 лѣтъ спустя Кене помѣстилъ въ одномъ изъ журналовъ *Анализъ* своего трактата. Подлинный трактатъ и вопросъ, почему онъ исчезъ, представляютъ, конечно, большой интересъ для исторіи политической экономіи.

На основаніи одного листа въ мемуарахъ г-жи дю-Госсе проф. Онкенъ счелъ возможнымъ не только пролить свѣтъ „на таинственный полумракъ, окружающій первоначальную редакцію трактата“, но и внести одинъ поразительный фактъ въ біографію Кене и исторію фізіократовъ, а именно, что врачъ г-жи Помпадуръ хотѣлъ сдѣлаться *первымъ министромъ* Франціи, чтобы спасти ее приложеніемъ къ практикѣ своей фізіократической теоріи, и что онъ съ этою цѣлью подалъ черезъ маркизу Людовику XV мемуаръ, къ которому былъ приложенъ трактатъ „*Tableau Économiq.ue*“ въ его первоначальномъ видѣ ¹⁾.

Проф. Онкенъ обставилъ свою догадку, которую онъ считаетъ *очевидною* (стр. 125), всевозможными хронологическими и другими данными, а также обстоятельной характеристикой бѣдственнаго для Франціи 1758 года съ его пораженіями французскаго оружія въ Германіи и Америкѣ, перемѣнами министровъ и финансовымъ разореніемъ. А эта набросанная яркими красками картина служитъ основаніемъ для слѣдующаго заключенія: „при такихъ обстоятельствахъ даже человѣкъ, менѣе углублявшійся въ проблемы политической экономіи, чѣмъ Кене, сталъ бы искать средство, чтобы спасти государство отъ бездны, въ которую оно стремилось, и мы совершенно по-

¹⁾ *Oeuvres de Quesnay* p. 123.—*Mémoires de M-me Du Hausset*, стр. 122 въ изданіи Barrière, 1824.

нимаемъ, что ординарный врачъ короля (титулъ Кене), знакомый со всѣми разбѣрами бѣдственнаго состоянія дѣла и со всѣми закулисными обстоятельствами придворной жизни, почувствовалъ побужденіе изложить въ сжатомъ видѣ свои реформаторскія идеи и представить ихъ на усмотрѣніе короля“. Нельзя не подивиться тому, что г. Онкенъ не замѣтилъ, какъ мало согласны сообщенныя имъ свѣденія съ духомъ времени и съ характеромъ самого Кене. Если послѣдователь Кене, маркизь де-Мирабо, и могъ мечтать о роли министра, то такія притязанія со стороны „ординарнаго врача“ французскаго короля были совершенно немыслимы; а къ тому же догадки г. Онкена противорѣчатъ всѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о личности Кене. Въ мемуарахъ г-жи дю-Госсе, гдѣ упоминается о поданномъ королю мемуарѣ, мы тутъ же встрѣчаемъ свѣденіе, „что Кене былъ лучший человѣкъ въ мірѣ, чуждавшійся всякой, самой незначительной интриги, и что онъ при дворѣ былъ гораздо болѣе занятъ вопросомъ о лучшемъ способѣ обрабатывать землю, нежели всѣмъ, что тамъ происходило“. А въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ г-жа дю-Госсе сообщаетъ со словъ маркизы де-Помпадуръ слѣдующій фактъ: однажды король встрѣтился съ Кене у маркизы и разговаривался съ нимъ, при чемъ послѣдній очень смутился. Когда король удалился, маркиза спросила Кене: „отчего у васъ всегда такой смущенный видъ въ присутствіи короля, а между тѣмъ король такъ добръ?“ На это Кене отвѣтилъ: „мнѣ было 40 лѣтъ когда я покинулъ свою деревню; у меня очень мало опытности въ свѣтѣ, и я съ трудомъ къ нему привыкаю. Когда мнѣ приходится быть въ одной комнатѣ съ королемъ, я думаю про себя: вотъ человѣкъ, который можетъ повелѣть отрубить мнѣ голову,—и эта мысль меня смущаетъ“.

Какъ можно было такому человѣку приписать намѣреніе сдѣлаться министромъ, да еще первымъ министромъ Людовика XV, который послѣ смерти своего наставника, кардинала Флери, не хотѣлъ болѣе имѣть никакого *premier* министра?

Да и не было никакого повода къ тому, чтобы говорить о такомъ намѣреніи Кене и приводить въ пользу этого факта всякаго рода соображенія. Слова г-жи дю-Госсе: „Кене сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ сдѣлаться первымъ министромъ и составилъ записку“, и т. д., относятся не къ самому Кене, а къ аббату, впослѣдствіи кардиналу Берни, который и былъ министромъ и о которомъ идетъ рѣчь у г-жи дю-Госсе какъ передъ приведенными выше словами ея, такъ и послѣ. Взглянувъ на поданную ему маркизой записку, король сказалъ: „point central—это значить, что онъ хочетъ быть первымъ министромъ“; а затѣмъ прибавилъ: „вѣдь онъ будетъ сдѣланъ кардиналомъ; какова наивная хитрость: онъ знаетъ, что его санъ прину-

дять министровъ собираться у него, и вотъ г. аббатъ станетъ центральной точкой“.

Не ясно ли, что всё эти слова могутъ относиться лишь къ аббату Берни, а не къ скромному, робкому, къ тому же женатому врачу и философу-физиократу?—В. Г.

II.

— *L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau. Paris, 1889.*

Мы недавно имѣли случай говорить о трудахъ Гюйо, по поводу книги Фулье, посвященной ихъ изложенію и оцѣнкѣ. Молодой французскій философъ, умершій 33-хъ лѣтъ отъ роду, оставилъ послѣ себя въ рукописи двѣ большія работы, изъ которыхъ одна, объ искусствѣ, вышла теперь въ свѣтъ, съ предисловіемъ его вѣрнаго друга и истолкователя, Фулье, а другая—о воспитаніи и наслѣдственности—должна въ скоромъ времени появиться въ печати. Основная идея Гюйо заключается въ томъ, что въ основѣ морали, религіи и искусства лежитъ чувство общности и симпатіи, распространяющееся не только на людей, но и на всё живыя существа и на всю окружающую природу. Объяснивъ социологическій характеръ морали и религіи въ двухъ своихъ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ („*Esquisse d'une morale*“ и „*L'irréligion de l'avenir*“), Гюйо разсматриваетъ затѣмъ и искусство съ той же социологической точки зрѣнія. Искусство было любимымъ предметомъ его размышленій; какъ художникъ и поэтъ по натурѣ, онъ выработалъ свои оригинальные эстетическіе взгляды, которые изложены имъ въ книгѣ: „*Problèmes de l'esthétique contemporaine*“. Поэтическій, художественный элементъ играетъ вообще значительную роль въ философскихъ сочиненіяхъ Гюйо; его живой, образный языкъ, богатство картинныхъ описаній, сопоставленій и примѣровъ, какая-то внутренняя теплота, проникающая всё разсужденія, и, наконецъ, общій идеалистическій тонъ его міросозерцанія—неволью подкупаютъ читателя, даже не раздѣляющаго всёхъ воззрѣній автора. Гюйо видитъ истинную цѣль искусства въ возбужденіи симпатіи и гармоніи между людьми; чувство прекраснаго есть для него только „высшая форма чувства солидарности и единства въ гармоніи,—сознаніе общества въ нашей индивидуальной жизни“. Эстетика, какъ и мораль, „должна отыскивать долговѣчное только въ отрицаніи эгоизма“; искусство для искусства, созерцаніе чистой формы вещей, приводитъ къ безплодному „зрѣлищу безъ конца и безъ цѣли“. Задачей нашего вѣка было „выдвинуть на первый планъ

общественную сторону человеческой личности, оставленную въ пре-
небреженіи материализмомъ и эгоизмомъ прошлаго столѣтія“.

Гюйо основывается во многомъ на выводахъ новѣйшаго естество-
знанія, особенно въ области психологическихъ наблюдений и обоб-
щеній; онъ возлагаетъ большія надежды на развитіе социальныхъ
наукъ, которое, по его предположенію, будетъ удѣломъ ближайшаго
будущаго. „Деятнадцатый вѣкъ,—говоритъ онъ,—окончится откры-
тіемъ законовъ, еще слабо формулированныхъ, но столь же важ-
ныхъ, быть можетъ, въ нравственномъ мірѣ, какъ законы Ньютона
или Лапласа въ мірѣ физическомъ: это будутъ законы притяженія
въ сферѣ чувствительности и воли, законы солидарности умствен-
ныхъ явленій и проницаемости сознаний. Соціальныя чувства ока-
жутся сложными продуктами взаимодействія нервныхъ системъ и
будутъ напоминать феномены астрономическіе; социологія, въ кото-
рую входитъ добрая часть морали и эстетики, сдѣлается болѣе слож-
ною астрономіею. Она броситъ новый свѣтъ даже на метафизику“.
Возникаютъ „неопредѣленные еще метафизическія ожиданія“, выте-
кающія изъ той возможной и предчувствуемой гипотезы, что „наше
индивидуальное сознание можетъ находиться въ глухомъ общеніи со
всеми сознаніями“, и что „распространенное такимъ образомъ во
вселенной сознание должно, подобно свѣту и теплу, играть важную
роль, способную возрасти и расширяться съ теченіемъ столѣтій“.
Эти смѣлыя предвидѣнія связываются авторомъ съ современными
научными результатами гипнотическихъ явленій.

Содержаніе книги Гюйо весьма разнообразно и интересно: въ
отдѣльныхъ главахъ говорится о социальной природѣ эстетическаго
чувства, о роли генія, какъ творца новыхъ общественныхъ теченій,
о симпатіи и общественности въ критикѣ, о выраженіи индивидуаль-
ной и социальной жизни въ искусствѣ, о реализмѣ и идеализмѣ, о
способахъ избѣжанія тривіальности при реалистическомъ направленіи,
о художественныхъ описаніяхъ, о социологическомъ и психологиче-
скомъ романѣ, о введеніи философскихъ и общественныхъ идей въ
поэзію, о стилѣ, о литературѣ упадка. Уже изъ этого простого пе-
речня можно видѣть, какое богатство темъ затронуто въ трудѣ Гюйо.
Особенный интересъ придаетъ книгѣ обиліе примѣровъ и выдержекъ
изъ лучшихъ произведеній французской литературы; значительная
часть книги занята разборомъ поэзіи Ламартина, де-Виньи, Альфреда
Мюссе и особенно Гюго и его преемниковъ (стр. 169—287 и за-
тѣмъ 303—341). Между прочимъ авторъ разбираетъ взгляды Зола
на экспериментальный романъ и указываетъ на ихъ односторонность
и ошибочность; онъ критикуетъ также, и довольно рѣзко, направленіе
Шюлера и Ришпена. О теоріяхъ Гюйо, какъ эстетическихъ, такъ и

моральныхъ, будетъ еще рѣчь въ нашемъ журналѣ; симпатичныя идеи французскаго философа заслуживаютъ подробнаго изложенія и оцѣнки, что и будетъ, вѣроятно, сдѣлано въ свое время. А пока мы ограничиваемся этимъ краткимъ указаніемъ на сущность послѣдней книги Гюйо.

II.

— Die Gründung des Norddeutschen Bundes, von *Karl Binding*. Leipzig, 1869.

Какъ видно изъ брошюры профессора Карла Биндинга, нѣмецкіе юристы затрудняются до сихъ поръ опредѣлять юридическій характеръ тѣхъ государственныхъ перемѣнъ, которыя произведены Пруссіею въ національной жизни Германіи. Въ концѣ юня 1867 года сѣверо-германскія государства, въ числѣ 22, пользовались еще верховными правами и формальною самостоятельностью; черезъ нѣсколько дней установилась общая государственная власть надъ тѣми старыми государствами, и отдѣльныя сѣверо-германскія народности уступили мѣсто единому сѣверо-германскому народу. Гдѣ же былъ тотъ законодательный авторитетъ, который могъ бы считаться основой и источникомъ этого новаго политическаго образованія? Правительства нѣмецкихъ государствъ, вступившихъ между собою въ тѣсный союзъ подъ главенствомъ Пруссіи, имѣли болѣею частью конституціонное устройство и не могли располагать политическою судьбою своихъ народовъ безъ ихъ предварительнаго согласія; а между тѣмъ договоръ о сѣверо-германскомъ союзѣ заключенъ былъ правительствами безусловно и окончательно, безъ всякихъ оговорокъ относительно согласія или несогласія представительныхъ собраній. Союзный трактатъ 18-го августа 1866 года, обнимавшій 16 государствъ, опредѣляетъ этотъ союзъ какъ „оборонительный и наступательный“, но въ то же время отдастъ высшую военную и политическую власть въ руки прусскаго короля; въ договорѣ постановлено было, что въ теченіе годичнаго срока будетъ выработана общая германская конституція, и что для разсмотрѣнія ея будетъ созванъ парламентъ на основаніи избирательнаго закона 12-го апрѣля 1849 года, введшаго всеобщую подачу голосовъ для будущаго германскаго союза. Выборы устроены были повсемѣстно по распоряженіямъ союзныхъ государствъ, и самыя публікаціи о новомъ политическомъ строѣ произведены были правительствами отдѣльныхъ странъ, а не отъ имени новой сѣверо-германской власти. Спрашивается: какимъ образомъ могло создаться новое государственное устройство посредствомъ самостоятельныхъ мѣръ и рѣ-

шеній отдѣльныхъ государствъ, обладающихъ верховенствомъ только въ предѣлахъ своихъ территорій? Далѣе, на какихъ основаніяхъ могли производиться выборы въ парламентъ, компетенція котораго выходила за предѣлы союзныхъ государствъ, когда еще самого сѣверо-германскаго союза формально не существовало? Эти и связанные съ ними вопросы разбираются подробно профессоромъ Биндингомъ, который вообще находитъ, что при образованіи сѣверо-германскаго союза допущены были серьезныя юридическія ошибки. Хотя созданіе новыхъ государствъ есть дѣло факта, а не закона, но такія упущенія, какъ отсутствіе правильной публікаціи о сѣверо-германскомъ союзѣ, могли бы быть избѣгнуты, по мнѣнію Биндинга. Между прочимъ, любопытно, что при основаніи германскаго единства консервативныя правительства нѣмецкихъ державъ примѣнили избирательный законъ, оставленный въ наслѣдство нѣмецкому народу революціонною эпохою 1849 года.

III.

— *In neuer Zeit*. Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I. Wallende Nebel und Sonnenschein. Berlin, 1889.

„Письма стараго дипломата“ изображаютъ розовыми красками современное положеніе Германіи: это какая-то ни съ чѣмъ не сравнимая идиллія могущества и славы, нарушаемая лишь близорукостью крайнихъ консерваторовъ и неблагонамѣренною оппозиціею свободомыслящихъ. Съ точки зрѣнія автора, все было бы прекрасно въ германской имперіи, еслибы дѣйствія и распоряженія официальныхъ сферъ не встрѣчали систематической критики и противодѣйствія со стороны нѣкоторыхъ парламентскихъ партій. „Старый дипломатъ“ съ большимъ самодовольствомъ останавливается на тѣхъ перемѣнахъ въ придворной и общественной жизни, которыя совершились со времени кончины Вильгельма I. Пока жилъ старый императоръ, влияние двора на общество совсѣмъ отсутствовало, и въ берлинскомъ „большомъ свѣтѣ“, по увѣренію автора, появлялись важныя уклоненія отъ традиціонныхъ нравовъ и приличій. Но теперь наступаетъ новая эра: „ти „темныя пятна, ложившіяся на придворные круги и производившія часто тягостное впечатлѣніе, исчезли, какъ туманныя облака передъ восходящимъ солнцемъ“. По высокопарному выраженію автора, берлинская общественная жизнь, остановленная какъ будто въ поѣздные годы Вильгельма I и въ печальное царствованіе Фридриха III представляетъ „свободное поле, которое дастъ новые ростки подѣ

оживляющимъ солнечнымъ свѣтомъ высочайшаго вліянія“ новаго императорскаго двора. Очевидно, авторъ придаетъ первостепенное значеніе тому обстоятельству, что аристократическое общество Берлина будетъ чаще прежняго собираться на роскошные балы и празднества, съ болѣе строгимъ соблюденіемъ сословныхъ и іерархическихъ перегородокъ. Въ предшествующіе годы, какъ сознается авторъ, страдали несравненно болѣе важные интересы, чѣмъ придворные: престарѣлый Вильгельмъ I не могъ разстаться съ своими сподвижниками, и составъ высшаго военнаго управленія, не обновлявшійся слишкомъ долго, могъ оказаться несоотвѣтствующимъ дѣйствительной потребности на случай войны. Сверхъ того, личныя соображенія побуждали избѣгать малѣйшаго шанса войны, и для этого приходилось вести политику сдержанную и безусловно миролюбивую; въ то же время противники имперіи строили свои расчеты на неопредѣленности положенія вслѣдствіе болѣзни Фридриха III. Теперь дѣло измѣнилось; новый императоръ прежде всего „обновилъ армію и далъ свободный просторъ свѣжимъ силамъ“. Политика становится болѣе твердою и настойчивою, когда руководители ея имѣютъ возможность начать войну въ каждый данный моментъ и вести ее съ энергіею и быстротою; а что можетъ быть выше и драгоцѣннѣе такого сознанія боевой готовности, для прусскаго „старога дипломата?“ „Друзья и союзники сближаются крѣпче и проникаются болѣе довѣріемъ; противники могли остаться непримиримыми, но они знаютъ, что имѣютъ противъ себя всю сосредоточенную силу Германіи“. Исчезло опасеніе, что германское могущество будетъ служить орудіемъ для интересовъ Англіи; „въ Россіи, вопреки искусственно возбуждаемому недовѣрію къ нѣмецкой политикѣ, не имѣютъ уже повода предполагать, что германскій мечъ будетъ когда-либо направленъ закулисною англійскою рукою противъ русской имперіи“. Что касается внутреннихъ дѣлъ Германіи, то авторъ старается по-своему объяснить и опровергнуть мотивы оппозиціонной дѣятельности трехъ парламентскихъ группъ— партіи центра, приверженцевъ реакціи въ духѣ „Крестовой газеты“ и прогрессистовъ. Объясненія автора сводятся къ тому, что дѣйствія партіи центра зависятъ отъ личнаго честолюбія и произвола Виндгорста, что реакціонеры протестуютъ только по недоразумѣнію, и что прогрессисты руководятся просто безотчетною враждою къ имперіи и къ ея ванцлеру. Противъ прогрессистовъ авторъ полемизируетъ съ наибольшимъ азартомъ; онъ приписываетъ имъ намѣренное изобрѣтеніе серьезныхъ „пятенъ на монархическомъ солнцѣ политическаго неба, предвѣщающихъ бурю и землетрясеніе“. Никакихъ подобныхъ пятенъ не находитъ на своемъ политическомъ небѣ счастливый „старый дипломатъ“; всѣ политическіе идеалы осуществлены въ странѣ,

гдѣ сіяетъ солнце Гогенцоллерновъ. Брошюра написана въ тонѣ искренняго убѣжденія, и, повидимому, авторъ дѣйствительно принадлежитъ къ числу лицъ, нашедшихъ высшій идеалъ жизни въ военно-придворныхъ кругахъ Берлина.

IV.

— *Wilhelm II und die junge Generation. Eine zeitpsychologische Betrachtung, von Hermann Conradi. Leipzig, 1889.*

Книжка Конради есть обличительный памфлетъ, написанный довольно безсвязно и направленный одинаково противъ всѣхъ главныхъ общественныхъ теченій въ современной Германіи. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что его идеи новы и плодотворны; но въ чемъ именно заключаются эти оригинальныя идеи—сказать трудно. Нападая поочередно на либераловъ, на печать, на школу, на всеобщую воинскую повинность, на все новое поколѣніе нѣмецкаго общества, Конради оставляетъ надъ этимъ хаосомъ только одну личность Вильгельма II, которому будто бы предстоитъ повести за собою народъ на поле кровавой борьбы. „Гогенцоллерны,—говоритъ авторъ,—были всегда чиновниками традиціи,—правда очень хорошими чиновниками, очень хорошими служителями государства; они, быть можетъ, являлись лучшими эквилибристами между всѣми царствующими домами Европы; они имѣли самое тонкое, инстинктивное чутье въ вопросахъ тяготѣнія и равновѣсія“; они вообще были всегда послѣдовательными приверженцами успѣха. Прусскій милитаризмъ, главная опора и источникъ могущества Гогенцоллерновъ, вызываетъ крайне рѣзкую оцѣнку со стороны автора. Конради говорятъ объ умственномъ приглушеніи общества, о превращеніи массы людей въ полуидіотовъ, привыкшихъ жить на казенный счетъ и выпускаемыхъ затѣмъ изъ казармъ для усиленія конкуренціи въ исканіи труда и заработковъ. „Биржа, смиренный домъ, казармы, заведеніе для душевно-больныхъ—такова квинтъ-эссенція нашего времени. Повсюду безнадежный разбродъ и путаница понятій и стремленій; переменчивая жизнь на улицѣ, съ постоянными усиліями пробиться куда-нибудь впередъ; непрерывный канканъ общественнаго разложенія и разъединенія; наконецъ, невѣжество, пробавляющееся ходячими фразами. Единственное честолюбіе, о которомъ еще говорятъ руководители,—это быть патриотами; но отъ всеобщихъ заявленій о „вѣрности императору и имперіи“ люди не доходятъ уже до какой бы то ни было вѣрности самимъ себѣ. Молодое поколѣніе растетъ по всей линіи

безъ всякихъ умственныхъ традицій“. Нѣмецкое студенчество, за малыми исключеніями, состоитъ будто бы изъ самодовольныхъ туницъ, тратящихъ время и силы на удовлетвореніе мелкаго тщеславія. Въ области нравственности, литературы, практической дѣятельности, —вездѣ признаки полного упадка, если вѣрить указаніямъ и горькимъ выходкамъ Вильгельма Конради. Перспектива, которую рисуетъ предъ нами авторъ, прямо противоположна той идиллической картинѣ, которую изобразилъ „старый дипломатъ“ въ упомянутой выше брошюрѣ. Истина, конечно, не находится ни въ одной изъ этихъ крайностей; но столь рѣшительныя противорѣчія во взглядахъ самихъ нѣмцевъ на современную Германію показываютъ, что не все ужъ такъ прекрасно и благополучно въ нѣмецкомъ обществѣ и народѣ, какъ хотятъ увѣрить публику иные изъ увлекающихся нѣмецкихъ патріотовъ. Militarизмъ долженъ рано или поздно отразиться на умственномъ и нравственномъ состояніи всего общества.—Л. С.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

II *).

Конгрессъ криминальной антропологіи былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ, на какомъ мы присутствовали,—правда, не по практическимъ результатамъ, къ которымъ онъ привелъ (подобно большинству конгрессовъ, онъ къ особенно важнымъ результатамъ не привелъ), а по вопросамъ, которые обсуждались, по объѣму мыслей, которому онъ послужилъ поводомъ. На конгрессъ явились всѣ выдающіеся представители извѣстной ново-итальянской школы уголовного права: Ломброзо, Ферри, Оттоленги, Гарофалло, и ея послѣдователи въ другихъ странахъ: Лакассанъ, Тардъ и Бруардель изъ Франціи, Гамель изъ Голландіи, Семаль изъ Бельгіи, нашъ криминалистъ-психологъ Д. А. Дриль и мн. др. Кромѣ специалистовъ по уголовному праву и судебной медицинѣ, въ конгрессѣ участвовало много знаменитыхъ антропологовъ и психіатровъ, какъ Молешоттъ, Маньянъ, Бенедиктъ (изъ Вѣны), Топинаръ, Бертильонъ, Летурно (Letourneau), Манувриэ и др. Конгрессъ имѣлъ прежде всего благую мысль не дѣлиться на секціи, а обсуждать всѣ вопросы при полномъ составѣ своихъ членовъ, и—что еще было благоразумнѣе—на первомъ же засѣданіи онъ постановилъ не подвергать голосованію никакихъ теоретическихъ вопросовъ; такимъ образомъ, конгрессъ сразу получилъ характеръ академіи, въ которой знаменитые ученые бесѣдовали и дѣлились мыслями по разнымъ вопросамъ антропологіи, имѣющимъ связь съ преступностью.

Конгрессъ продолжался 8 дней, и первая четыре или пять засѣданій конгресса—большая половина времени—поглощены были дебатами, весьма интересными, по вопросу о существованіи преступнаго типа, характеризующагося рядомъ внѣшнихъ анатомическихъ признаковъ. Преступный типъ есть созданіе г. Ломброзо. Въ своей знаменитой книгѣ: „L'Uomo delinquente“ (преступный человѣкъ), онъ собралъ громадную массу самаго разнообразнаго матеріала для всесторонней характеристики преступниковъ: съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго вида, ихъ фізіологическихъ, психическихъ и нравственныхъ особенностей, ихъ привычекъ и т. д. Цѣлая треть книги посвящена

*) См. выше: окт., 792 стр.

анатомическимъ признакамъ разнородныхъ преступниковъ, главнымъ образомъ изученію черепа и мозга, и г. Ломброзо открываетъ при этомъ цѣлый рядъ особенностей, аномалій, какъ сильно развитыя челюсти, рѣдкая борода, обиліе волосъ, крутой взглядъ, уши, отстающія въ видѣ ручекъ кувшина, поватый лобъ, косоглазіе, безобразный носъ,—которыя спеціально характеризуютъ преступника. Эти особенности не замѣчаются непременно всѣ въ каждомъ опасномъ преступникѣ, онѣ не встрѣчаются даже хотя бы въ одиночку у всѣхъ преступниковъ, а каждая указанная аномалія наблюдается и у здоровыхъ людей. Г. Ломброзо открываетъ только, что процентное отношеніе преступниковъ съ данной аномаліей больше процентнаго отношенія честныхъ людей, обладающихъ тою же аномаліей. Большею частью, установленная г. Ломброзо разница между процентными отношеніями, даже не особенно велика. Тѣмъ не менѣе онъ, на основаніи такихъ вычисленныхъ процентныхъ отношеній, выведенныхъ даже не изъ очень большого числа преступниковъ, въ лучшемъ случаѣ изъ 400 или 500, создаетъ типъ *рожденнаго преступника*, котораго одаряетъ всѣми признаками преступности. Въ своемъ преступномъ типѣ г. Ломброзо открываетъ черепныя сходства съ дикаремъ; отсюда само собою вытекаетъ объясненіе всѣхъ преступныхъ аномалій и самаго появленія преступниковъ атавизмомъ: преступникъ, по мнѣнію автора „L'Uomo delinquente“, есть дикарь, родившійся въ цивилизованномъ обществѣ въ силу атавизма (возврата къ первобытному дикому состоянію). Это объясненіе знаменитый профессоръ старается подтвердить нѣкоторыми привычками, встрѣчающимися одинаково у преступниковъ и у дикарей, какъ напр. страсть къ татуированію. Итальянскіе послѣдователи г. Ломброзо, и отчасти онъ самъ, пошли еще дальше: на основаніи нѣкоторыхъ анатомическихъ и физиологическихъ отличій или привычекъ, какъ форма носа, размѣры нижней челюсти, странность взгляда, болѣе высокая средняя температура, жестокость, любовь къ механикѣ,—они не только отвериваютъ преступность вообще, но стремятся дифференцировать преступниковъ между собою, устанавливая спеціальныя, отличительныя признаки для убійцъ, воровъ, мошенниковъ и даже для фальшивыхъ монетчиковъ.

На выставкѣ г. Ломброзо и нѣкоторые его итальянскіе послѣдователи выставили даже въ антропологическомъ отдѣлѣ цѣлый рядъ весьма интересныхъ восковыхъ снимковъ съ головъ извѣстныхъ преступниковъ, соединяющихъ въ себѣ большую часть признаковъ преступности, столь дорогихъ итальянскимъ криминалистамъ. Эта выставка служитъ иллюстраціей для представленнаго г. Ломброзо доклада въ конгрессѣ о „новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ криминальной антропологіи“, гдѣ онъ настаиваетъ на своемъ преступномъ типѣ 1

даже увѣряетъ, что и случайные преступники (не рожденные) также представляютъ всѣ антропологическіе признаки преступности, только очень смягченными.

На конгрессѣ „преступный типъ“ г. Ломброзо подвергся такимъ ударамъ, что его можно считать вполне разбитымъ, и существованіе такого типа, какъ и рожденного преступника—совершенно опровергнутымъ, хотя самъ конгрессъ, въ силу принятаго имъ рѣшенія, не высказался ни за, ни противъ существованія такого типа. Прежде всего антропологъ д-ръ Манувріэ, въ своемъ докладѣ по вопросамъ: существуютъ ли анатомическіе признаки, свойственные преступникамъ? представляютъ ли преступники въ среднемъ нѣкоторыя анатомическія особенности? какъ интерпретировать послѣднія?—докладѣ, явившемся въ отвѣтъ на докладъ г. Ломброзо, показалъ ему всю шаткость его построений. Прежде всего,—говорилъ Манувріэ,—если есть соотношеніе между физиологіей и анатоміей, между органомъ и его функцией, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждой разницѣ въ значеніи дѣйствій соотвѣтствовала непремѣнно разниа въ формѣ или строеніи органа, служившаго для ихъ совершенія. Дѣйствія могутъ варьировать съ социологической точки зрѣнія, оставаясь одинаковыми въ физиологическомъ отношеніи, стало быть не требуя никакихъ анатомическихъ измѣненій. Преступленіе есть явленіе социологическое, и чтобы изучить анатомію преступниковъ, нужно прежде всего свести преступленія къ ихъ физиологическимъ элементамъ, а это не легко. Многія физиологическія особенности могутъ, смотря по обстоятельствамъ, быть хорошими или дурными качествами. Такъ, храбрость будетъ хорошимъ качествомъ у солдата, совершившаго блестящій подвигъ, и дурной отмѣткой для преступника. Ловкій, расторопный приказчикъ могъ бы быть опаснымъ мошенникомъ. Отвращеніе къ преступленію вырабатывается, главнымъ образомъ, воспитаніемъ, и нѣтъ никакого основанія а ргіогі предположить, что преступленіе непремѣнно связано съ ненормальнымъ физиологическимъ состояніемъ.

Что касается анатомическихъ особенностей преступниковъ, то, во-первыхъ, замѣчаетъ г. Манувріэ, нѣтъ ни одного признака, который бы былъ исключительно характернымъ для преступниковъ вообще или для данной ихъ категоріи. Можно считать болѣе или менѣе невыгоднымъ въ отношеніи склонности къ преступленію присутствіе того или другого признака, или данной совокупности признаковъ, но изъ этого не слѣдуетъ вовсе, чтобы они составляли специфическія особенности, исключительно свойственныя преступникамъ.

Что же касается вопроса о томъ, представляютъ ли преступники въ среднемъ больше ненормальныхъ анатомическихъ признаковъ, нежели честные люди, то, по мнѣнію доктора Манувріэ, отвѣтить на него въ

настоящее время еще невозможно, несмотря на опубликованные уже многочисленные документы. Последніе еще недостаточно убѣдительны. Изъ того, что нѣкоторые преступники были уродами, еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ преступники были непремѣнно анатомическими уродами. Выведенныя среднія числа недозаказательны: серіи, помощью которыхъ они получены, были недостаточно многочисленны, вычисления сдѣланы были еще неопытными наблюдателями, и разности въ процентныхъ отношеніяхъ настолько незначительны, что подобныя разности могутъ встрѣчаться вообще въ двухъ серіяхъ людей, взятыхъ совершенно произвольно, а не только въ серіяхъ преступниковъ и честныхъ. Число признаковъ преступности растетъ теперь такъ быстро, что скоро не найдется ни одного честнаго человѣка, въ которомъ нельзя было бы обнаружить полдюжины признаковъ преступности. Преступнаго типа, по мнѣнію автора доклада, не можетъ быть, потому что типъ составляется совокупностью признаковъ общихъ большей части случаевъ, причемъ исключаются всѣ аномаліи; преступный же типъ г. Ломброзо есть типъ ненормальный, основанный именно на аномаліяхъ, и типовъ окажется столько же, сколько имѣется разныхъ аномалій. Поэтому не можетъ быть *одного* преступнаго типа, также какъ не можетъ быть одного типа уродливаго или патологическаго типа.

Какъ на зло итальянцамъ, во время самаго конгресса въ Парижѣ казнили двухъ убійцъ (Sellier и Alorto), принадлежавшихъ къ самымъ опаснымъ, самымъ закоренѣлымъ преступникамъ,—а никакъ не къ случайнымъ. Послѣ казни ихъ тѣла переданы были для изслѣдованія въ антропологическую лабораторію; оказалось, что даже г. Ломброзо не могъ открыть въ нихъ ни малѣйшихъ признаковъ преступности. Противъ существованія преступнаго типа говорилъ затѣмъ г. Дриль. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что трудно было бы указать причины, способствующія образованію такого спеціальнаго типа, такъ какъ само понятіе о преступности есть понятіе въ значительной мѣрѣ условное, мѣняющееся со временемъ, тогда какъ органическій типъ представляетъ постоянный характеръ. По мнѣнію г. Дриля, существуетъ не преступный типъ, а органическія условія, способствующія развитію преступности; существуютъ несчастныя, порочныя организаціи, натуры оскудѣлыя, неуравновѣшенныя, въ состояніи вырожденія, которыя обнимаютъ цѣлый рядъ уродливыхъ психо-физическихъ организацій, вполне отличныхъ одна отъ другой и качественно, и количественно. Изученіе этихъ недостатковъ организацій и ихъ вліяній должно служить основаніемъ для классификаціи преступниковъ. По мнѣнію г. Дриля, для генезиса преступления необходимы два условія: дефективная организація, предрасполагающая къ пре-

ступленію, и вліяніе окружающей среды, толкающей порочную организацію на преступленіе. Одной оскудѣлости натуры, безъ вліянія среды, еще недостаточно для порожденія преступленія, также какъ одна дурная условія среды не въ состояніи его вызвать. Таковы вкратцѣ общія положенія, развитыя въ сообщеніи г. Дриля, — сообщенія, встрѣтившемъ сочувствіе въ большинствѣ членовъ конгресса.

Не менѣе убѣдительно противъ существованія преступнаго типа и противъ значенія физическихъ признаковъ были сообщенія доктора Таверни (профессора педагогики) и извѣстнаго психіатра Маньяна по вопросу „о дѣтствѣ преступниковъ въ его соотношеніи къ естественному предрасположенію къ преступленію“. Оба докладчика отрицали существованіе специальныхъ анатомическихъ признаковъ, характеризующихъ преступника, и въ то же время оба другъ другу противорѣчили: г. Таверни допускаетъ все-таки естественное, врожденное предрасположеніе къ преступленію, которое обнаруживается у ребенка *особаю рода неподатливостью воспитанію* (une espèce de manque d'aptitude à l'éducation); докторъ Маньянъ отрицаетъ самое существованіе естественнаго предрасположенія къ преступленію.

Г. Таверни увѣряетъ, что, наблюдая указанную неподатливость въ 17 дѣтяхъ, онъ заранѣе предсказалъ, что они — будущіе преступники, и предсказаніе осуществилось, вопреки ожиданіямъ многихъ ученыхъ, которые усматривали только запозданіе въ успѣхѣхъ воспитанія этихъ дѣтей и совѣтовали — совершенно напрасно — употребленіе болѣе приспособленныхъ педагогическихъ приѣмовъ. Самую неподатливость воспитанію г. Таверни объясняетъ невозможностью приспособленія главныхъ нервныхъ центровъ воспитанника къ надлежащему исполненію всѣхъ молекулярныхъ движеній, которыя вызываются повтореніемъ дѣйствій, обусловливаемыхъ послушаніемъ домашнимъ правиламъ. Вслѣдствіе этого воспитательные предметы не производятъ на воспитанника тѣхъ впечатлѣній, которыя необходимы для развитія въ немъ нравственной жизни, требуемой обществомъ. Воспитанникъ обыкновенно отталкиваетъ эти предметы съ большими усиліями, и часто, чтобы освободиться отъ своихъ навязчивыхъ воспитателей, онъ совершенно неожиданно, безъ всякой видимой причины, оставляетъ ихъ домъ. Г. Таверни совѣтуетъ криминалистамъ обратиться въ *биологической педагогикѣ* за разрѣшеніемъ вопроста о естественномъ предрасположеніи къ преступленію.

Д-ръ Маньянъ въ своемъ докладѣ по тому же вопросу, какъ мы уже замѣтили, совершенно отрицаетъ естественное предрасположеніе къ преступленію въ нормальномъ субъектѣ. Послѣдній становится преступникомъ, случайнымъ или привычнымъ, только подъ вліяніемъ

страсти или порочнаго воспитанія. Но есть дѣти, происходящія отъ родителей нервно-больныхъ, алкоголиковъ, которыя, въ силу наслѣдственности, несутъ въ себѣ не естественное предрасположеніе къ преступнымъ дѣйствіямъ, а извѣстный патологическій порокъ, вырожденіе, нарушающее мозговныя функціи. То—регулирующіе (задерживающіе) мозговые центры безсилны подавить извѣстныя стремленія и инстинкты, болѣзненно возбужденные раздраженными центрами; то, наоборотъ, задерживающіе центры, потерявши равновѣсіе, перестаютъ регулировать инстинктивныя явленія. Но это уже состояніе патологическое, и изученіе вырождающихся, какъ больныхъ, входитъ въ область психіи. Такіе субъекты могутъ совершить преступления, но врачъ не останавливается исключительно на послѣднихъ, онъ идетъ дальше, распространяетъ свое изслѣдованіе на всю жизнь субъекта, на его antecedentes, его физическія разстройства и т. д. Г. Маньянъ приводитъ въ примѣръ изъ своей практики цѣлый рядъ вырождающихся, неуравновѣшенныхъ съ самыми странными склонностями и импульсами, что Маньянъ называетъ эпизодическими синдромами (*syndromes épisodiques*), и при этомъ не представляющими никакихъ внѣшнихъ физическихъ признаковъ. Маньянъ приходитъ къ заключенію, что непостояннымъ внѣшнимъ признакамъ въ дѣлѣ судебной медицины нужно придавать очень мало значенія,—построить на ихъ основаніи типъ невозможно; вопросы судебной медицины требуютъ всегда полнаго клиническаго изслѣдованія.

Для иллюстраціи своего доклада г. Маньянъ представилъ фотографіи тѣхъ вырождающихся дѣтей, о которыхъ онъ упоминалъ въ своемъ сообщеніи, и которыя, по его мнѣнію, никакихъ физическихъ аномалій не представляютъ. Г. Ломброзо, разсматривая фотографіи, открылъ, почти во всѣхъ, несомнѣнные признаки преступности.

Изъ другихъ докладовъ, читанныхъ на конгрессѣ, слѣдуетъ еще упомянуть докладъ доктора Семала (*Semal*) изъ Бельгіи „объ условномъ освобожденіи изъ тюрьмы“. Исходя изъ той мысли, что наказаніе, согласно принципамъ новѣйшей позитивной школы уголовного права, должно имѣть цѣлью не только удаленіе преступника изъ общества, но и главнымъ образомъ его исправленіе, авторъ приходитъ къ такимъ двумъ выводамъ: разъ наказаніе имѣетъ цѣлью покаяніе преступника, то излишне продолжать наказаніе дальше того срока, когда оно перестало способствовать покаянію; отсюда является мысль объ условномъ освобожденіи; съ другой стороны, если система наказаній должна стремиться вызвать въ преступникѣ тѣ чувства, которыя временно могли бы заглухнуть, то излишне подвергать его искупленію, если нравственный эффектъ можетъ быть полученъ простымъ приговоромъ. Отсюда — мысль объ условномъ приговорѣ. По

мѣнью автора доклада, каждый совершившій преступленіе долженъ быть подвергнутъ психическому изслѣдованію для того, чтобы опредѣлить, можетъ ли онъ исправиться. Г. Семаль дѣлитъ всѣхъ преступниковъ на три группы: на исправимыхъ, къ которымъ слѣдуетъ примѣнять условное освобожденіе и условный приговоръ; инстинктивныхъ, т. е. душевно-больныхъ, которыхъ слѣдуетъ помѣщать въ спеціальныя лечебницы (prison-asile), и неисправимыхъ, которыхъ онъ предлагаетъ удалять въ колоніи.

По этому вопросу были довольно оживленныя пренія, главнымъ образомъ по поводу взаимной роли судьи и тюремной администраціи при опредѣленіи срока условнаго заключенія. Большинство конгресса высказалось за полное раздѣленіе ролей судьи и администраціи: судья только признаетъ виновность преступника, и уже дѣло администраціи опредѣлить срокъ леченія, т. е. опредѣлить, когда преступникъ можетъ считаться исправившимся и быть освобожденнымъ подъ условіемъ.

Конгрессъ во время своихъ засѣданій формулировалъ три желанія: два касаются введенія въ программы юридическихъ факультетовъ судебной медицины и антропологии, а третье касается выбора постоянной комиссіи для разбора матеріаловъ, касающихся физическаго и психическаго изученія преступниковъ.

Конгрессъ, какъ и всѣ другіе, закончился банкетомъ.

Парижъ, 25 октября 1889.

М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го ноября 1889.

„Признаки времени“ и жалобы на „наше время“.—Церковно-приходская школа.—Замѣчательная рѣчь предводителя дворянства.—Экскурсія г. Фета въ область публицистики.—Вѣроятная судебная ошибка и ея причины.—Перль консервативной критики.—Газетные толки о новомъ займѣ съ выигрышами.—Н. Г. Чернышевскій †.

„Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ, жестокіе!“—воскликаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Грозѣ“ Островскаго. Это восклицаніе скоро, кажется, нужно будетъ признать примѣнимымъ ко всей странѣ. Въ обществѣ замѣтно крѣпнуть или, по крайней мѣрѣ, выступаютъ наружу грубые, узкіе инстинкты. Мысли, еще недавно прятаншіяся по угламъ, высказываются вслухъ съ полною безцеремонностью. Все больше и больше растетъ нетерпимость—нетерпимость къ чужой религіи, къ чужой національности, къ чужимъ взглядамъ. Законность, гуманность, уваженіе къ личности предназначаются въ сдѣлѣ въ архивъ, какъ нѣчто отжившее или никуда негодное. Въ воздухѣ все сильнѣе пахнетъ „конюшной“—конюшной крѣпостныхъ временъ, съ ея извѣстнымъ, специфическимъ назначеніемъ. Самая дикая расправа рекомендуется какъ высшая справедливость и высшая мудрость. Цѣлесообразность до-реформенныхъ и даже до-Петровскихъ каръ проповѣдуется не только въ разныхъ убогихъ листкахъ, но и въ широко-распространенныхъ газетахъ, привыкшихъ угождать моднымъ вѣяніямъ. Годъ тому назадъ, по поводу катастрофы 17-го октября, именно отсюда была пущена въ ходъ теорія ответственности „по долгу службы“, т.-е. ответственности, не требующей доказательствъ, вытекающей изъ самого факта нахождения извѣстнаго лица на извѣстномъ служебномъ посту ¹⁾. Теперь, по поводу судебного дѣла о другой катастрофѣ—о паденіи стѣны въ домѣ московскаго купеческаго общества, на Кузнецкомъ-Мосту, — изъ того же источника идутъ крики еще худшаго свойства. Приписывая обвалъ стѣны „республиканскому“ (?!) характеру строительства, т.-е. многоначалію строителей, и русской манерѣ наживаться не на дороговизнѣ товара, а на дурномъ его качествѣ, легковѣсная газета предлагаетъ „уничтожить республику и учредить монархію, поручивъ инженеру на постройкѣ все безъ исключенія“. За „недосмотръ и катастрофы“

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

этого единовластного инженера нужно бить батогами нещадно, не забываясь о ближайшей причине катастрофы". Что же касается до „коммерціи Шмелева“ (поставщика кирпича, недоброкачественность котораго способствовала обвалу), „то за нее во всѣхъ такихъ случаяхъ слѣдуетъ наказывать на площадяхъ въ базарные дни, не взирая ни на какія отговорки и гуманныя соображенія“.

Стѣитъ ли, однако,—могутъ возразить намъ,—обращать вниманіе на такой явный, хотя и злостный вздоръ? Мало ли что говорится въ летучемъ листѣ, только для того, чтобы потѣшить или „огорочить“ публику! „Признакомъ времени“ выходки газетнаго мракобѣсія служить не могутъ; видѣть въ нихъ нѣчто подобное, значить оказывать имъ слишкомъ много чести. Прежде чѣмъ отвѣтить на это возраженіе, приведемъ еще одну небольшую выписку, заимствуемую изъ того же источника. Читателямъ нашего журнала извѣстенъ послѣдній романъ Поля Буржэ, извѣстенъ и поставленный въ немъ вопросъ объ отвѣтственности „учителя“ за „ученика“. Къ рѣшенію этого вопроса „модная“ газета прилагаетъ столь же упрощенные приемы, какъ и къ московской катастрофѣ. За прочность постройки долженъ отвѣтствовать инженеръ, за доброкачественность ученія—ученикъ. Форма отвѣтственности въ первомъ случаѣ — *баты*, во второмъ — *казнь*, неопредѣленного, но во всякомъ случаѣ матеріальнаго свойства. Эпиграфомъ фельетона объ „ученикѣ“ не даромъ выбраны слѣдующія строки изъ извѣстной басни Крылова: „былъ славою покрытый сочинитель; онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ. Былъ какъ сирена сладкогласенъ и какъ сирена былъ опасенъ“. Разсчетъ съ „сочинителемъ“ переносится, въ баснѣ, за предѣлы земного бытія; но современныхъ гонителей „тонкаго яда“ это не удовлетворяетъ. Съ ихъ точки зрѣнія, „казнь, которую совершаетъ графъ Андре надъ Греду, справедливѣе было бы произвести надъ Сикстомъ“. Замѣтите, до какой степени измѣняется растеніе, попавъ на чужую почву. Въ глазахъ Буржэ отвѣтственность „учителя“, если она и существуетъ—отвѣтственность исключительно нравственная, отвѣтственность передъ собственною совѣстью и передъ общественнымъ мнѣніемъ,—подъ руками нашихъ аляповатыхъ, топорныхъ „моралистовъ“ она принимаетъ характеръ физическаго возмездія. Сначала, правда, они пытаются доказать, что въ сферѣ психологіи и антропологіи не можетъ быть и рѣчи о *научныхъ* построеніяхъ, и что, слѣдовательно, за этими областями знанія нельзя признавать и правъ, принадлежащихъ научному изслѣдованію; но вслѣдъ за этимъ понятіе объ отвѣтственности распространяется, въ полной мѣрѣ, и на науку. „За свои истинны,—воскликаетъ приверженецъ „казни“,—отвѣчали и Галилей, и Коперникъ, и Сенека (?), и Джордано Бруно, и Гусъ, и Лютеръ, отвѣчали

въ виду плахи и кюстра, ибо это были философы и ученые, которые дѣйствительно служили истинѣ и ставили эту истину выше своей жизни и своего маленькаго я".—Кровожадность, очевидно, заставляетъ забывать о логикѣ. Рѣчь шла объ *основаніяхъ* ответственности, — а здѣсь, внезапно, перечисляются случаи *фактическаго привлеченія къ отвѣтству*. Еслибы инквизиція существовала до сихъ поръ, еслибы до сихъ поръ, въ западной Европѣ, было возможно уголовное преслѣдованіе за вѣрованія и мнѣнія, то нашлись бы, безъ сомнѣнія, и теперь, новые Гусы и новые Джордано Бруно, вѣрные себѣ даже передъ лицомъ смерти. Мы не видимъ причины думать, чтобы Дарвинъ или Огюстъ Контъ, Штраусъ или Ренанъ отреклись отъ своихъ „заблужденій“ по первому требованію болѣе или менѣе грознаго трибунала. Спорный вопросъ заключается единственно въ томъ, законно ли (въ высшемъ смыслѣ слова) было бы такое требованіе, должно ли быть мѣсто, въ наше время, для „гоненія и гнета надъ вольнымъ словомъ“.

Итакъ, отвѣтственность хотя бы и безъ вины, по одному только предположенію о виновности, отвѣтственность за мнѣнія, отвѣтственность, главнымъ образомъ, рассчитанная на устрашеніе („дабы другимъ не повадно было“) — вотъ тема, на которую разыгрываются у насъ самыя разнообразныя варіаціи. Подъ предлогомъ предупрежденія опасностей, матеріальныхъ и нравственныхъ, пропагандируется опека, неразборчивая въ выборѣ средствъ и невысокая въ выборѣ цѣлей. Для того, чтобы эта пропаганда могла быть ведена такъ настойчиво и такъ откровенно, нужно существованіе теченій ей дружественныхъ и родственныхъ. Нужно, чтобы общество свыклось болѣе или менѣе съ мыслью о растяжимости границъ закона и права, о правосудіи, преслѣдующемъ практическія задачи, объ экстраординарныхъ мѣрахъ, пополняющихъ дѣйствительные или мнимые недочеты правосудія, о привилегированныхъ мнѣніяхъ и взглядахъ, имѣющихъ безусловное и бесспорное (т.-е. не подлежащее спору) преимущество передъ всѣми остальными. Постепенный ростъ этой привычки составляетъ, въ нашихъ глазахъ, характеристичную и весьма печальную черту переживаемой нами эпохи. Бывали, бесспорно, времена не менѣе тяжелыя, но давно уже не было такихъ, когда господствующее настроеніе такъ явно измѣнялось бы къ худшему. Напрасны поэтому попытки доказать, что потерянное въ одномъ направленіи уравнивается выиграннымъ въ другихъ. Никакой выигрышъ не можетъ быть прочнымъ и цѣннымъ, когда все выше и выше поднимается въ обществѣ волна обратнаго движенія; нѣтъ такихъ приобретеній, старыхъ или новыхъ, которыхъ она, въ каждую данную минуту, не могла бы унести съ собою. Жалобы на „наше время“, — утверждала

недавно одна изъ немногихъ газетъ, старающихся плыть противъ теченія,—не вовсе лишены основанія, но несвободны отъ преувеличеній. Кое-что теперь несомнѣнно и несравненно лучше, чѣмъ въ превозносимые, по старой привычкѣ, шестидесятые годы. Печать, напримѣръ, пользовалась въ то время ббльшей свободой въ обсужденіи общихъ вопросовъ, меньше насчитывала въ своей средѣ безпринципныхъ органовъ, но меньше соприкасалась съ текущею жизнью, меньше давала фактическихъ данныхъ, меньше имѣла вліянія на общество. Доступъ къ высшему образованію всячески тогда облегчался для всѣхъ, но получало его въ дѣйствительности гораздо меньшее число лицъ, чѣмъ въ настоящее время. Для народнаго образованія тогда не дѣлалось почти ничего, а теперь число начальныхъ школъ, официальныхъ и неофициальныхъ, постоянно возрастаетъ. Въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ двадцать тому назадъ, было, можетъ быть, болѣе наружнаго блеска, но теперь они гораздо асиѣе сознаютъ свое главное назначеніе—заботиться о благосостояніи массы. Таковы, по мнѣнію газеты, свѣтлыя пятна, ярко выдѣляющіяся на темномъ фонѣ. Она забыла только спросить себя: долго ли еще они будутъ на немъ выдѣляться? Да, прогрессъ народной школы—прогрессъ, въ противоположность прежнимъ традиціямъ, не номинальный, а дѣйствительный—безспорно знаменуетъ собою исторію двухъ послѣднихъ десятилѣтій; но обезпеченъ ли онъ отъ всякихъ случайностей, долго ли еще останется открытымъ тотъ путь, на которомъ и благодаря которому народная школа достигла столь выдающихся успѣховъ? Да, земство расширяетъ свою дѣятельность, и расширяетъ ее именно въ смыслѣ, наиболѣе благоприятномъ для массы; но сохранить ли оно свой настоящій составъ и свое настоящее устройство, которыми именно и обуславливается его направленіе?.. Чтб касается до печати, то здѣсь мы не можемъ согласиться даже съ основнымъ тезисомъ газеты; мы не можемъ признать, чтобы идеи, теперь распространяемыя печатью, были, „въ общемъ, идеи гуманныя и прогрессивныя, отчего и вліяніе ея—гуманизирующее и цивилизующее“. Мы думаемъ, что анти-гуманнаго, анти-прогрессивнаго современная періодическая печать вноситъ въ обращеніе, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько хорошаго и свѣжаго. Одичанію взглядовъ и нравовъ она способствуетъ едва ли меньше, чѣмъ противо-дѣйствуетъ. Первая задача дается ей, во всякомъ случаѣ, гораздо легче, чѣмъ вторая—и нѣтъ ручательства въ томъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ вѣсы не опустились еще больше въ сторону своего нынѣшняго наклона. Четверть вѣка назадъ, исключеніемъ, въ области печати, было именно то, чтб теперь становится въ ней если не общимъ правиломъ, то явленіемъ весьма обычнымъ...

Не раздѣляя ни оптимистическаго, ни полу-оптимистическаго взгляда на „наше время“, мы всегда готовы, однако, привѣтствовать то небольшое, что выходитъ изъ обычной колеи и отличается отъ обычнаго колорита. Съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили мы, на-примѣръ, полу-официальное опроверженіе много разъ повторявшагося слуха о предстоящемъ обращеніи земскихъ начальныхъ школъ въ церковно-приходскія. Мы называемъ это опроверженіе полу-официальнымъ, потому что оно появилось въ газетѣ, близко стоящей къ высшимъ духовнымъ сферамъ. „Чтобы все православное духовенство *сполнн* освоилось съ школьно-педагогическими задачами, — говоритъ „Церковный Вѣстникъ“, — чтобы все оно дружно и неустанно взялось за громадное дѣло начального народнаго образованія, чтобы это дѣло не подавило его своею невообразимою тяжестью, не отразилось бы невыгодно на другихъ сторонахъ церковно-приходской дѣятельности духовенства, — для подготовки всего этого нужно и много времени, и много матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ. Безъ этого же *едва ли простая бумажная передача школъ изъ одного вѣденія въ другое принесетъ пользу. Скорѣе даже это можетъ отразиться невыгодно какъ на школьномъ дѣлѣ, такъ и на ея руководителяхъ*“. Эти слова заслуживаютъ самаго широкаго распространенія. Проникнувъ въ земскую среду, они остановятъ, быть можетъ, агитацію противъ земской школы, вызванную желаніемъ забѣжать впередъ, предупредить событія. Проникнувъ въ среду крестьянскаго управленія, они покажутъ, что никто не требуетъ радикальной перемѣны въ существующихъ школьныхъ порядкахъ. Печальна судьба учрежденія, считающагося обреченнымъ на скорое упраздненіе. Надъ нимъ начинаютъ мудрить всѣ такъ-называемые *time-servers* („служители времени“, т.-е. прислужники господствующихъ теченій); его наслѣдство собираются дѣлить еще при его жизни; между его друзьями распространяется уныніе, мало способствующее успѣшной дѣятельности. Стоитъ только убѣдиться, что смертный приговоръ еще не постановленъ и даже не подготовленъ, и все можетъ опять пойти по прежнему. Нужно надѣяться, что именно эту услугу окажетъ земской школѣ статья „Церковнаго Вѣстника“. Факты, подтверждающіе заключеніе духовнаго журнала, именно въ послѣднее время стекаются отовсюду. Отчетъ тверскаго братства св. Михаила, завѣдующаго церковно-приходскими школами въ тверской губерніи, признаетъ, что священники не имѣютъ достаточно свободнаго времени для веденія школьнаго дѣла, а благочинные не могутъ даже и по разу въ годъ посѣтить каждую школу, хотя ихъ пока еще немного ¹⁾). Псковскій коррес-

¹⁾ См. корреспонденцію изъ Твери въ № 4984 „Новаго Времени“.

пондентъ „Новаго Времени“ (№ 4885) сомнѣвается въ томъ, чтобы отчеты о церковно-приходскихъ школахъ соответствовали дѣйстви- тельному ихъ положенію. Во время недавней сессіи ярославскаго уѣзднаго земскаго собранія предсѣдатель поставилъ вопросъ, не най- деть ли земство нужнымъ передать всѣ имѣющіяся въ уѣздѣ зем- скія школы (числомъ 38) въ епархіальное вѣдомство. Поводомъ къ постановкѣ этого вопроса послужилъ слухъ о предстоящемъ обяза- тельномъ переходѣ всѣхъ начальныхъ школъ въ вѣденіе духовен- ства. Противъ передачи, если вѣрить ярославскому корреспонденту „Казанскаго Листка“ (см. „Русскія Вѣдомости“, № 292), произнесъ горячую рѣчь гласный В. В. Калачевъ (костромской губернаторъ). Онъ сказалъ, что руководствоваться слухами свойственно слабому отдѣльному человѣку, а цѣлому учрежденію, какъ земство, нельзя колебаться при преслѣдованіи своихъ цѣлей. Кому бы ни было пору- чено руководство въ дѣлѣ народнаго образованія, во всякомъ случаѣ заботу о немъ земство должно удерживать въ своихъ рукахъ. Мнѣніе гласнаго Калачева было принято большинствомъ 39 голосовъ про- тивъ семи. Въ селѣ Сильковичахъ, сообщаетъ масальскій (калужской губерніи) корреспондентъ „Недѣли“ (№ 42) рядомъ съ давно суще- ствовавшей земской школой возникла, въ 1888 г., церковно-приход- ская школа. Учениковъ хватило бы на обѣ школы, но законоучи- тель новаго училища сталъ убѣждать крестьянъ, что земской школы не нужно. Крестьяне, подъ влияніемъ священника, отказались отъ расхода на помѣщеніе земской школы, и она должна была бы за- крыться, еслибы мѣстный землевладѣлецъ (г. Владиміровъ) не при- нялъ на себя этого расхода. Когда началось ученіе, въ церковно- приходской школѣ оказалось около 70 учениковъ, въ земской—около 30; но отношеніе это скоро измѣнилось, потому что превосходство земской школы выступило на видъ слишкомъ рѣзко. Свѣденія о не- согласіи въ школьномъ мирѣ дошли до калужскаго преосвященнаго, который прибылъ въ Сильковичи и лично произвелъ испытаніе уче- никамъ. Учениковъ земской школы онъ нашелъ, болѣею частью, прекрасно подготовленными, особенно по закону Божію; ученики церковно-приходской школы оказались самыми слабыми изъ всѣхъ подвергавшихся испытанію. Тогда преосвященный сказалъ пространную рѣчь, въ которой строго осуждалъ допущеніе какаго бы то ни было антагонизма между школами, преслѣдующими одну и ту же великую задачу. Какъ было бы хорошо, еслибы подобныя рѣчи раздавались почаще въ сельскихъ школахъ! Исторія села Сильковичъ повторяется, быть можетъ, въ десяткахъ, въ сотняхъ деревень, и далеко не всегда оканчивается такъ хорошо, какъ въ данномъ случаѣ.

Къ числу утѣшительныхъ, по крайней рѣдкихъ явленій слѣдуетъ

отнести еще двѣ рѣчи, произнесенныя въ послѣднее время: рѣчь херсонскаго губернатора (г. Эрдели) при открытіи херсонскаго губернскаго земскаго собранія и рѣчь тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства (г. Петрово-Соловово) при открытіи тамбовскаго уѣзднаго земскаго собранія. Судить, по этимъ рѣчамъ, вообще объ отношеніи администраціи и дворянства къ земскимъ учрежденіямъ было бы столь же ошибочно, какъ и судить, по рѣчи преосвященнаго калужскаго, объ отношеніи духовенства къ земской школѣ. Это, очевидно, исключенія, свидѣтельствующія не о томъ, что бываетъ обыкновенно, а о томъ, что *могло бы быть* при другихъ, лучшихъ условіяхъ. Особенно замѣчательной представляется, съ этой точки зрѣнія, рѣчь тамбовскаго предводителя дворянства. Съ заявленіями администраторовъ, признающими заслуги земскихъ учреждений, намъ приходилось встрѣчаться и раньше (назовемъ, для примѣра, рѣчь бывшаго тамбовскаго губернатора, покойнаго барона Фредерикса ¹⁾); произнесенную въ концѣ прошедшаго года); но другого предводителя дворянства, который бы говорилъ съ крестьянами и о крестьянахъ, въ наше время, языкомъ г. Петрово-Соловово, мы рѣшительно не припомнимъ. Поводомъ къ его рѣчи было двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений, главной ея темой—благодарное воспоминаніе о государѣ, „торжественно признавшемъ необходимость самостоятельности и самоуправленія“. „Для вашего сословія, — сказала г. Петрово-Соловово, обращаясь къ гласнымъ отъ крестьянъ ²⁾),— покойный государь сдѣлалъ особенно много. Вы должны это непрестанно помнить и жить такъ, чтобы всегда быть достойными того высокаго довѣрія, которымъ онъ васъ почтилъ. Онъ сдѣлалъ васъ полноправными гражданами нашей родной земли, онъ допустилъ васъ на равныхъ правахъ съ прочими сословіями къ участию въ земскихъ дѣлахъ; въ его память вы должны приложить всѣ старанія, чтобы сѣмена свободы, которыя онъ съ любовью посѣялъ на крестьянской нивѣ, не заглохли, не поросли терніемъ, но созрѣли и дали обильный урожай. Я твердо надѣюсь, что это сбудется. Живость интереса, съ которымъ вы относитесь къ земскимъ вопросамъ, и сознательность вашей работы въ дѣлахъ, которыя намъ приходится обсуждать и рѣшать, растутъ изъ года въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что земское самоуправленіе нашло себѣ благодарную почву не только въ образованныхъ сословіяхъ, но и въ крестьянской средѣ. Не отступайте же отъ этого пути, храните завѣты покойнаго императора, блюдите всего болѣе лучшее изъ созданныхъ имъ для васъ учреждений—нашу родную земскую школу, которую

¹⁾ См. Внутреннее Обзорніе въ № 1 „Вѣстника Европа“ за текущій годъ.

²⁾ См. № 287 „Русскихъ Вѣдомостей“.

онъ поручилъ нашему и вашему попеченію, не жалѣйте затрачивать на нее лишнюю копѣйку и вѣрьте, что эта ваша копѣйка вернется вамъ полнымъ рублемъ; выберите среди васъ лучшихъ и достойнѣйшихъ вашего довѣрія людей и присылайте ихъ въ земскія собранія для общаго, единогодушнаго съ нами труда на устройство нашего благополучія... Основные идеи освободительныхъ реформъ не утратили и нынѣ ни одного атома своей чарующей силы, и какъ четверть вѣка тому назадъ, такъ и теперь, земство бодро и неуклонно продолжаетъ свою работу проведенія идеи самоуправления въ сферу государственной жизни, какъ то ему было указано покойнымъ императоромъ“. Въ заключеніе г. Петрово-Соловово выразилъ „твердую вѣру въ великое историческое призваніе земства въ будущихъ судьбахъ нашего отечества“ и „непоколебимую рѣшимость сохранить вѣрность идеаламъ, съ которыми связано имя императора Александра II-го“.

Въ рѣчи тамбовскаго предводителя признается и подтверждается, такимъ образомъ, все то, что съ нѣкоторыхъ поръ принято въ печати отрицать или подвергать сомнѣнію: и историческая роль безусловнаго земства, и его полная жизнеспособность, и гражданская зрѣлость крестьянъ, и великая польза, приносимая земскою школой, и „чарующая сила освободительныхъ реформъ“. Остается только пожалѣть, что эти мнѣнія такъ мало распространены между представителями дворянскаго сословія и такъ рѣдко высказываются въ дворянскихъ собраніяхъ. Каковы бы ни были личные взгляды отдѣльныхъ дворянъ, но на коллективно-дворянской почвѣ выражаются почти исключительно желанія и мнѣнія, не имѣющія ничего общаго съ словами г. Петрово-Соловово. Вотъ, напримѣръ, перечень предметовъ, по которымъ—если вѣрить телеграммѣ „Новаго Времени“ (№ 4899)—возбуждены ходатайства послѣднимъ харьковскимъ дворянскимъ собраніемъ: сооруженіе пензо-дозовской желѣзной дороги, пониженіе тарифныхъ ставокъ на сельско-хозяйственные продукты, неотчуждаемость дворянскихъ земель въ собственность другихъ сословій, введеніе заповѣдныхъ недѣлимыхъ имѣній, уменьшеніе пошлинъ съ наслѣдственныхъ имѣній, облегченіе приобрѣтенія дворянами земель, посредствомъ льготъ, подобныхъ тѣмъ, которыми пользуются крестьяне, удешевленіе земельного кредита, передача дворянскихъ имѣній, предварительно публичной продажи, въ опекуновское управленіе на опредѣленный срокъ. За исключеніемъ одного перваго пункта, могущаго имѣть значеніе для цѣлаго края, все остальное касается исключительно интересовъ сословнаго землевладѣнія и, притомъ, интересовъ, во многихъ отношеніяхъ узко или неправильно понятыхъ. Пока въ дворянской средѣ господствуетъ такое настроеніе, сочувственнаго отголоска слова г. Петрово-Соловово найти въ ней не могутъ.

Гораздо ближе къ среднимъ, наиболѣе распространеннымъ въ дворянствѣ взглядамъ подходитъ статья г. Фета, недавно напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ область публицистики г. Феть, безъ всякаго для себя и для другихъ аванжа, сталъ дѣлать набѣги уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; въ нашемъ журналѣ еще недавно вспоминалась его статья о гусиной потравѣ (по поводу отвѣта, даннаго на нее покойнымъ Салтыковымъ). Не болѣе удачна и новая экскурсія поэта въ не-поэтическую сферу. На трехъ газетныхъ столбцахъ г. Феть говоритъ и о „семейныхъ участкахъ“, и о нераздробляемости имѣній вообще, и о батрачествѣ, и о крестьянскомъ банкѣ, и о вредѣ поземельной общины. На каждую изъ этихъ темъ онъ находитъ возможнымъ сказать, что-нибудь по истинѣ замѣчательное—только замѣчательное, выражаясь словами Гоголевскаго Осипа, „съ другой стороны“. Вотъ, для примѣра, нѣкоторые изъ афоризмовъ г. Фета: „никакого отдѣльнаго имѣнія, какъ бы ни была значительна его окружная межа, дѣлать невозможно, не парализуя его силъ“. Отчего же, въ такомъ случаѣ, продажа сколько-нибудь значительнаго имѣнія по участкамъ почти всегда выгодыѣ продажи его въ цѣломъ составѣ? Развѣ не въ видахъ болѣе вырочки допущена и крестьянскимъ, и дворянскимъ банкомъ возможность раздробленія имѣній, назначаемыхъ въ публичную продажу?.. „Что такое пролетарій? Это *рабочій, не находящій работы*“. Итакъ, рабочій можетъ быть сегодня—пролетаріемъ, завтра—не-пролетаріемъ, послѣ-завтра—опять пролетаріемъ, и такъ далѣе до безконечности? Во что обращается, въ такомъ случаѣ, *пролетаріатъ*, существованія котораго въ западной Европѣ не отрицаетъ самъ г. Феть?.. Переходъ земли отъ крестьянина-земледѣльца къ кулаку подводится г. Фетомъ подъ слѣдующую формулу: „два россійскіе подданные помѣнялись своими ролями безъ всякаго ущерба для государства“ (1). „Мы понимаемъ, — таковы заключительныя слова г. Фета,—историческое появленіе легионовъ римской имперіи, до-Петровскихъ стрѣльцовъ и до-Махмутовскихъ янычаръ. Эта оппозиція верховной власти явилась мало-помалу безъ воли верховной власти; но преднамѣреннаго сочиненія всенародной оппозиціи мы постигнуть не можемъ“. Какъ думаютъ читатели, что понимаетъ г. Феть подъ именемъ этой „преднамѣренно сочиняемой всенародной оппозиціи“? Не что иное, какъ... нашу поземельную крестьянскую общину! Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доводитъ страстное желаніе обезпечить помѣщичьи хозяйства безземельными батраками—желаніе, свойственное въ настоящую минуту далеко не одному г. Фету.

Газетныя выходки противъ того или другого оправдательнаго приговора, произнесеннаго судомъ присяжныхъ, всегда были намъ ненавистны, между прочимъ, потому, что мы видѣли въ нихъ явную опасность для правосудія. Вердиктомъ присяжныхъ дѣло заканчивается не безповоротно; возможна кассачія всего производства, влекущая за собою новое разсмотрѣніе дѣла. Новый составъ присяжныхъ невольно, незамѣтно для него самого, можетъ подпасть подъ гнетъ воспоминаній о гравлѣ, которой подверглись его предшественники, и допустить, вслѣдствіе того, судебную ошибку. Весьма вѣроятно, что именно такая ошибка произошла по дѣлу объ убійствѣ жандармскаго капитана Гиждеу, производившемся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одесскомъ окружномъ судѣ. Обвиняемыми были лакей Гиждеу, Повальскій, и любовница Повальскаго, Королевичъ; главный доводъ защиты, подкрѣпленный первоначальною экспертизой, заключался въ томъ, что Гиждеу самъ лишилъ себя жизни. Присяжные при первомъ разсмотрѣніи дѣла оправдали подсудимыхъ. На этотъ вердиктъ и на способствовавшую ему защиту обрушились тотчасъ же обычные громы московской реакціонной газеты, во главѣ которой тогда стоялъ еще Катковъ ¹⁾). Выставивъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто признакомъ психопатическаго состоянія Гиждеу, завершившагося самоубійствомъ, защита считала единственно усердіе его въ преслѣдованіи анархистовъ, „Московскія Вѣдомости“ разразились слѣдующими восклицаніями: „вотъ еслибы Гиждеу не дѣлалъ никакихъ обысковъ и даже потворствовалъ бы анархистамъ, о, тогда бы онъ былъ примѣрный жандармскій капитанъ и его умственные отправления были бы въ полномъ порядкѣ. Но онъ не давалъ спуску анархической сволочи: значить, онъ психопатъ, и если его нашли убитымъ, то туда ему и дорога, онъ, конечно, самъ себя убилъ. И все это защитникъ спокойно могъ говорить публично въ судѣ, а присяжные изъ этого вывели заключеніе, что нельзя обвинять людей, убившихъ такого изверга, который охотился за анархистами, и *лучше солгать передъ своею совѣстью (если въ ихъ совокупности таковая имѣлась)*“. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ; при новомъ разсмотрѣніи дѣла Повальскій былъ обвиненъ и присужденъ къ четырнадцатилѣтней каторжной работѣ. Что же обнаруживается теперь? Извѣстный кievскій профессоръ судебной медицины, г. Эргардтъ, разобралъ подробно экспертизу по дѣлу Гиждеу и пришелъ къ положительному убѣжденію, что *смерть Гиждеу послѣдовала отъ самоубійства*. То же самое утверждаетъ и другой знатокъ судебной медицины, профессоръ Лиманъ. Подробное изложеніе основаній, на кото-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 8 „Вѣсти, Европы“ за 1885 г.

рыхъ построено это мнѣніе, можно найти въ № 4894 „Новаго Времени“; по справедливому замѣчанію газеты, они настолько вѣски, что вполне оправдывали бы пересмотръ дѣла (или, еслибы онъ оказался невозможнымъ съ формальной точки зрѣнія, помилованіе Повальскаго). Для нашей цѣли въ особенности важенъ тотъ ретроспективный свѣтъ, который падаетъ на образъ дѣйствій московской реакціонной газеты. Присяжные, правдивость и добросовѣстность которыхъ она такъ нагло отрицала, оказываются осторожными, честными судьями, не рѣшившимися обвинить подсудимаго въ виду серьезныхъ сомнѣній относительно самого факта преступленія. Если второй приговоръ по дѣлу Гиждеу былъ судебной ошибкой, то нравственно отвѣтственными за нее являются не столько присяжные, осудившіе Повальскаго, сколько самозванные „цѣнители и судьи“, вносящіе въ область правосудія чуждыя ей страсти и страстищи.

Намъ случалось, раза два или три, подносить нашимъ читателямъ перлы, выловленные нами изъ современной литературной критики. Какъ ни занимательна эта ловля, часто ее предпринимать нельзя, потому что критическихъ статей въ нашей журналистикѣ вообще появляется очень мало. Небольшая жемчужина, которую мы хотимъ присоединить сегодня къ нашей коллекціи, найдена нами въ библиографической замѣткѣ о новомъ (четвертомъ) изданіи стихотвореній Розенгейма („Правительственный Вѣстникъ“, № 218). „Сатира Розенгейма,—читаемъ мы въ этой замѣткѣ,—вполнѣ оригинальна по ея основному источнику и самому тону. У нея нѣтъ ничего общаго ни съ пессимистической сатирой Щедрина, не отирающейся ни на какомъ ясно поставленномъ идеалѣ, ни съ тѣмъ либеральнымъ балагурствомъ сатирическихъ журналовъ, принципомъ котораго былъ только смѣхъ для смѣха. Источникомъ обличительной поэзіи Розенгейма служило его глубокое патріотическое чувство, искренняя любовь къ Россіи и ея слава, сознательное представленіе о народныхъ нуждахъ и потребностяхъ“. Обращаемъ особенное вниманіе на слова, нами подчеркнутыя. Конечно, въ сатирѣ Розенгейма нѣтъ ничего общаго съ сатирой Салтыкова, но курьезъ заключается въ томъ, что отсюда выводится превосходство первой надъ послѣдней. Страннымъ представляется уже сравненіе двухъ величинъ, совершенно несоизмѣримыхъ, но что сказать о превознесеніи той изъ нихъ, которая можетъ быть названа—по крайней мѣрѣ относительно—не иначе какъ безконечно малой?.. Когда, наконецъ, исчезнетъ изъ обращенія фраза объ отсутствіи у Салтыкова „ясно поставленныхъ идеаловъ“? Не видѣтъ ихъ теперь, когда закончилась дѣятельность

великаго писателя, значить быть намѣренно слѣпымъ, значить не знать или не понимать самыхъ яркихъ, самыхъ ясныхъ страницъ „Пошехонской старины“ или „Мелочей жизни“.

Новый заемъ съ выигрышами, какъ и слѣдовало ожидать, продолжаетъ быть предметомъ обсуждения въ нашей періодической печати. Всего дальше, въ безусловномъ оптимизмѣ, идетъ „Кіевское Слово“. „Въ рукахъ государственной власти,—говоритъ эта газета,—правильно устроенная лотерея представляетъ собою не только могучую экономическую силу, капитализирующую суммы, не имѣющія никакого полезнаго значенія, но и прекрасное орудіе въ сферѣ нравственнаго благоустройства... Государство не только не должно индифферентно относиться къ извращеніямъ совершенно естественныхъ свойствъ человѣка, но само должно взять въ свои руки дѣло (?), дать разумный исходъ элементамъ риска и надежды, руководить ими, направляя ихъ къ личному и общественному благосостоянію. Выигрышные займы имѣютъ значеніе страхованія населенія отъ извращенія элементовъ риска и надежды“. Но, рассуждая такимъ образомъ, можно дойти до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, — до заключенія о пользѣ государственнаго тотализатора или регулируемыхъ государствомъ игорныхъ домовъ и т. п. Неужели достаточно запастись нѣсколькими билетами выигрышнаго займа, чтобы быть застрахованнымъ отъ „извращенія элементовъ риска и надежды“? Уменьшилась ли въ нашемъ обществѣ, послѣ появленія въ свѣтъ выигрышныхъ займовъ, страсть къ картежной игрѣ, не только какъ къ средству препровожденія времени, но и какъ къ орудію наживы? Помѣшали ли выигрышные билеты, выпущенные въ 1864 и 1866 г., рожденію и быстрому росту „винта“, сатурналіямъ биржевой спекуляціи, появленію тотализатора? Не слѣдуетъ ли признать, наоборотъ, что всякій новый цуть, открываемый для „элементовъ риска и надежды“, увеличиваетъ ихъ сумму и ихъ интенсивность, а слѣдовательно и возможность ихъ „извращенія“?.. Болѣе разсудительными, чѣмъ „Кіевское Слово“, оказываются даже „Московскія Вѣдомости“. „Нѣтъ сомнѣнія,—говорятъ онѣ,—что лотерейные займы представляютъ собою, изо всѣхъ видовъ займовъ, форму наименѣе одобрительную и могутъ быть оправдываемы лишь исключительными условіями и соображеніями“. Выставивъ этотъ основной, совершенно правильный тезисъ, „Московскія Вѣдомости“ спѣшатъ объяснить, что въ данномъ случаѣ „исключительныя соображенія“ имѣются на-лицо, и притомъ если не вполне устранены, то по крайней мѣрѣ доведены до минимума всѣ слабыя стороны лотереи. „Во-первыхъ,—такова аргу-

ментация московской газеты, — предпринятая финансовая операция отнюдь не служитъ прецедентомъ вступленія Россіи на путь лотерейныхъ займовъ; напротивъ, она прямо признается исключительною и единовременною“. Въ подтвержденіе этого вывода „Московскія Вѣдомости“ ссылаются на всѣ петербургскія газеты; но онъ былъ бы гораздо сильнѣе, еслибы основаніемъ его могли служить подлинныя слова Высочайшихъ указовъ. Между тѣмъ въ этихъ указахъ новый выигрышный заемъ нигдѣ не названъ мѣрою *исключительною*; нигдѣ не сказано, что онъ „будетъ послѣднимъ“, что „новыхъ выигрышныхъ займовъ рѣшено не производить ни въ какомъ случаѣ“. Въ обоихъ указахъ 12-го октября (прав. сенату и министру финансовъ) выпускъ закладныхъ съ выигрышами листовъ дворянскаго банка названъ *единовременнымъ*—но это выраженіе, очевидно, ничего не предрѣшаетъ въ будущемъ относительно выигрышныхъ займовъ вообще и означаетъ только одно: что не будетъ *периодическаго* выпуска выигрышныхъ закладныхъ листовъ дворянскаго банка. Эта оговорка признана была необходимою, вѣроятно, потому, что *обыкновенные* закладные листы дворянскаго банка выпускаются *периодически*, по мѣрѣ выдачи новыхъ ссудъ. „Во-вторыхъ,—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости“,—новая финансовая операция не вноситъ никакого зла ни въ экономическую, ни въ нравственную жизнь народа. Зло поощренія надеждъ на обогащеніе не трудомъ, а внезапно, игрою случая, было внесено въ нашу жизнь въ шестидесятыхъ годахъ и не можетъ быть пресѣчено до 1926 г. А затѣмъ, будетъ ли обращаться въ народѣ *нѣсколько* болѣе или *нѣсколько* менѣе выигрышныхъ билетовъ (хорошо это выраженіе: *нѣсколько*, примѣненное къ разницѣ въ 80 милліоновъ!), будетъ ли ихъ на 170 или на 250 милліоновъ—это *не существенно*“. Нужно ли доказывать всю ошибочность этого вывода? Не очевидно ли, что тѣмъ больше въ обращеніи выигрышныхъ билетовъ, тѣмъ легче приобрѣсти ихъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ ихъ приобрѣтенію, тѣмъ значительнѣе число лицъ, втянутыхъ ими въ кругъ „надеждъ и расчетовъ на обогащеніе игрою случая“? Остается, затѣмъ, только одинъ вопросъ—о важности цѣлей, которыхъ имѣлось въ виду достигнуть выпускомъ выигрышнаго займа. Всестороннее обсужденіе этого вопроса, затронутого, отчасти, въ нашемъ Внутреннемъ Обзорѣнн, сопряжено съ слишкомъ большими трудностями. Замѣтимъ только, что, распределенная между множествомъ настоящихъ и будущихъ заемщиковъ, государственная помощь едва-ли будетъ особенно чувствительною для большинства дворянъ-землевладѣльцевъ. Получить въ ссуду, на примѣръ, 10.000 или 100.000 рублей вмѣсто 9.800 или 98.000 и платить за нихъ ежегодно 525 или 5.250 рублей вмѣсто 575 или 5.750—не такая еще большая разница, чтобы упро-

читать благосостояніе землевладѣльца, обладающаго обычной, средней дозой бережливости, аккуратности и хозяйственныхъ способностей... Необходимо, наконецъ, имѣть въ виду, что не всѣ дворяне-владѣльцы заложенныхъ имѣній затронуты указами 12-го октября. Одна изъ статей, посвященныхъ этимъ указамъ, оканчивается слѣдующими знаменательными словами: „вопросъ о заемщикахъ и особенно о недоимщикахъ общества взаимнаго поземельнаго кредита остается на очереди до тѣхъ поръ, пока, какъ нынѣ, для перевода въ дворянскій банкъ имѣнія съ долгомъ въ 17.000 руб. надо будетъ платить обществу 27.000 рублей“ („Московскія Вѣдомости“, № 292). Итакъ, предстоятъ еще новыя просьбы со стороны дворянъ-землевладѣльцевъ.

Смерть многое измѣняетъ, на многое позволяетъ или заставляетъ смотрѣть иначе, чѣмъ прежде. Еще недавно имя Н. Г. Чернышевскаго появлялось почти исключительно въ журналахъ или книгахъ извѣстнаго пошиба, и появлялось только для того, чтобы къ нему могли быть приложены эпитеты извѣстнаго свойства ¹⁾. Кончина Чернышевскаго—17 октября, въ Саратовѣ, куда онъ, въ концѣ іюня нынѣшняго года, переѣхалъ на жительство изъ Астрахани,—положила конецъ молчанію, продолжавшемуся цѣлую четверть вѣка. Газеты различныхъ направленій посвятили покойному писателю болѣе или менѣе обширные некрологи, въ которыхъ вовсе не звучала прежняя нота—или звучала не одна, и притомъ смягченная и дополненная другими. Въ одномъ изъ такихъ некрологовъ встрѣчаются, на примѣръ, рядомъ съ признаніемъ выдающихся способностей Чернышевскаго, слѣдующія слова, особенно интересныя на страницахъ консервативной газеты: „пора радикализма теоретическаго ума прошла давнымъ давно. Это была вспышка, взрывъ—и только. Тупой индифферентизмъ, буржуазное безучастіе ко всякимъ живымъ вопросамъ, народнымъ, государственнымъ, политическимъ—вотъ что характеризуетъ наше время. И подъ эгидою этого индифферентизма медленно и вѣрно дѣлаютъ свою работу мещерскій обскурантизмъ и дикая проповѣдь невѣжества... Быть можетъ, надъ могилой передового бойца нигилизма русская мысль, наконецъ, придетъ къ сознанію, что скачокъ впередъ такъ же безрезультатенъ, какъ и скачокъ назадъ, и что настоящая формула прогресса лежитъ какъ разъ по срединѣ“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 290). Ради вѣрной характеристики нашего времени—т.-е. господствующихъ его теченій,—

¹⁾ Примѣръ такого обращенія съ именемъ Чернышевскаго былъ указанъ въ нашемъ журналѣ при разборѣ книги г. Невѣднскаго: „Катковъ и его время“ (см. „Вѣстникъ Европы“ за 1888 г., № 9, стр. 255).

можно извинить нѣкоторую ошибку, въ которую впадаетъ газета, называя Чернышевскаго передовымъ бойцомъ *нигилизма*. Нигилизмъ предполагаетъ отсутствіе положительныхъ идеаловъ, исключительно-разрушительное направленіе. Ни то, ни другое не было свойственно Чернышевскому. Широко образованный, разносторонній, онъ не могъ замкнуться въ одно безусловное отрицаніе. Онъ строилъ теоріи въ области искусства, въ области критики, въ области исторіи и философіи, въ области политической экономіи — однимъ словомъ, вездѣ, куда ни проникала его неустанная умственная работа. Она продолжалась недолго, менѣе десяти лѣтъ—а между тѣмъ чего только она не успѣла коснуться, гдѣ не оставила слѣда! О многихъ сторонахъ дѣятельности Чернышевскаго говорить еще рано; но и теперь возможно и полезно было бы изучить, на примѣръ, его литературно-критическую доктрину, выразившуюся въ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ и въ цѣломъ рядѣ статей, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія. Чернышевскій стоитъ, какъ критикъ, на рубежѣ между Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ; знакомство съ его литературными взглядами необходимо для правильнаго пониманія цѣлой эпохи, закончившейся лишь недавно. Но для того необходимо было бы прежде всего издать литературно-критическія статьи Чернышевскаго, разбѣяныя въ старыхъ и трудно доступныхъ въ настоящее время журнальныхъ книжкахъ. Всѣ такія статьи были печатаемы въ то время подъ цензурою, и потому едва-ли могутъ встрѣтиться препятствія къ ихъ изданію теперь, когда онѣ отошли уже въ область исторіи нашей критики.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I. — Отъ Комитета VIII-го Съезда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

Распорядительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго VIII съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ (съ 28-го декабря с. г. по 7-е января 1890 г.) доводитъ до всеобщаго свѣденія, что правленія желѣзныхъ дорогъ предоставили гг. иногороднымъ членамъ будущаго съезда нижеслѣдующія льготы:

Безплатный обратный проездъ:

Николаевская, С.-Петербургско-Варшавская и Московско-Нижегородская — по 22-е февраля; Московско-Курская, Курско-Харьково-Азовская, Муромская, Ливенская, Харьковско-Николаевская, Екатерининская, Тамбово-Саратовская, Рязанско-Моршанская, Полѣвскія Закавказская, Псково-Рижская, Ржево-Вяземская, Сѣдлецъ-Малкинская, Брестъ-Холмская, Новоторжская, Самаро-Уфимская и Уральская — по 15-е января; Новгородская, Динабургско-Витебская, Митавская, Рыбинско-Бологовская — по 25-е января Лозово-Севастопольская, Рязко-Вяземская, Козлово-Воронежско-Ростовская, Балтійская, Орловско-Витебская — по 1-е февраля; Московско-Брестская, Моршанско-Сызранская, Закавказская, Фастовская, Московско-Ярославская, Грязе-Царицынская, Оренбургская, Либаво-Роменская, Закавказская — по 7-е февраля.

50% скидки при возвращеніи со съезда:

Юго-западные желѣзные дороги: Брестская, Бресто-Граевская, Одесская и Бендеро-Галацкая.

50% скидки при отправленіи на съездъ:

Варшавско-Вѣнская и Варшавско-Бромбергская.

50% скидки въ оба конца:

Московско-Рязанская жел. дорога и Черноморско-Дунайское пароходство.

25% скидки въ оба конца:

Курско-Кіевская желѣзная дорога.

Право пользованія этими льготами обусловлено предъявленіемъ на станціяхъ отправленія особаго удостовѣренія отъ Распорядительнаго Комитета VIII съезда, который и обращается поэтому къ ли-

цамъ, желающимъ принять участіе въ сѣздѣ, въ качествѣ членовъ, съ покорнѣйшей просьбой *озаботиться заблаговременно присылкой своихъ заявленій*, во всякомъ случаѣ не позже 15-го ноября, чтобы требуемыя удостовѣренія могли своевременно быть имъ высланы. Къ заявленію о желаніи быть членомъ сѣзда, адресуемому въ университетъ, на имя дѣлопроизводителя Распорядительнаго Комитета, профессора В. В. Докучаева, прилагается: а) трехрублевый членскій взносъ, б) точный адресъ и с) сообщается, удовлетворяетъ ли данное лицо 3 пункту ¹⁾ „основаній сѣзда“.

О квартирныхъ льготахъ будетъ опубликовано отдѣльно.

II.—О сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.

Съ **ВЫСОЧАЙШАГО** соизволенія, въ С.-Петербургѣ, съ 26-го декабря по 6-е января, созывается при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ *сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію*.

Цѣль этого сѣзда — выяснить современное положеніе и потребности технического и промышленнаго образованія въ Россіи.

Организаціонный Комитетъ сѣзда обращается къ дѣятелямъ и ревнителямъ технического и профессиональнаго образованія съ призывомъ принять участіе въ предстоящемъ сѣздѣ, и тѣмъ оказать содѣйствіе выполненію его цѣли.

Членами сѣзда могутъ быть всѣ лица, принимающія и принимающія участіе въ дѣятельности какого-либо промышленно-учебнаго заведенія въ качествѣ учредителей, попечителей, начальниковъ, инспекторовъ или преподавателей ихъ, — уполномоченные отъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений, въ программу коихъ входитъ забота о распространеніи технического и промышленнаго образованія, заводчики, фабриканты и заведывающіе работами въ мастерскихъ, а также и постороннія лица, имѣющія отношеніе къ техническому и промышленному дѣлу (см. § 5. Полож.).

Лица, желающія принять участіе въ сѣздѣ, благоволятъ прислать въ Императорское Русское Техническое Общество ²⁾ заявленія съ сообщеніемъ своей фамиліи, имени, отчества, званія, мѣста жи-

¹⁾ Членомъ сѣзда можетъ быть всякій, кто научно занимается естествознаніемъ.

²⁾ С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, № 2; для личныхъ объясненій — ежедневно отъ 12 до 4 ч., кромѣ праздничныхъ,

тельства и рода занятій и вносятъ въ кассу Общества не менѣе 5 рублей. Лица, внесшія не менѣе ста рублей, получаютъ особое удостовѣреніе и считаются членами-учредителями съѣзда.

При съѣздѣ устраивается выставка техническихъ и профессиональныхъ школъ, входъ на которую для членовъ съѣзда бесплатный.

Вмѣстѣ съ тѣмъ доводится до свѣденія лицъ, желающихъ принять участіе въ съѣздѣ живущихъ не въ С.-Петербургѣ, что, по ходатайству Совѣта Техническаго Общества, нижепоименованныя Правленія Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ предоставили гг. членамъ упомянутого съѣзда льготы по проѣзду въ С.-Петербургъ и обратно.

А. Временное Управление *казенныхъ желѣзныхъ дорогъ*: Баскунчакской, Екатерининской, Екатеринбургско-Тюменской, Ливенской, Муромской, Подѣской, Ряжско-Моршанской, Самаро-Уфимской, Тамбово-Саратовской, Уральской-Горнозаводской, Харьковско-Николаевской.

Совѣтъ Управленія *Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ*: С.-Петербургско-Варшавской, Николаевской и Московско-Нижегородской. Правленія Общества *Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ*. Управление Правительственныхъ *желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи*.

Правленія Обществъ ж. д.: Балтійской, Боровичской, Владикавказской, Динабургско-Витебской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Курско-Харьково-Азовской, Митавской, Моршанско-Сызранской, Московско-Курской, Московско-Ярославской, Новгородской, Оренбургской, Орловско-Витебской, Орловско-Грязской, Привислянской, Рыбинско-Бологовской *выразили согласіе понизить плату противъ существующаго тарифа на 50%, взимая при слѣдованіи въ С.-Петербургъ полную плату, на обратномъ же пути предоставляя бесплатный проѣздъ.*

Б. Правленія Обществъ желѣзныхъ дорогъ: Варшавско-Вромбергской, Варшавско-Вѣнской, Московско-Рязанской, Рязанско-Козловской и Фастовской *предоставили льготу въ 50%, взимая половинную стоимость проѣзда при слѣдованіи какъ въ Петербургъ, такъ и обратно.*

В. Правленія Общества Курско-Кіевской желѣзной дороги *понижаетъ плату на 25% при слѣдованіи какъ въ Петербургъ, такъ и обратно.*

Г. Правленія Общества „Рижскаго Пароходства“ *предоставляетъ льготу въ 50%, взимая половинную плату, какъ при слѣдованіи въ Петербургъ, такъ и обратно.*

Лица, желающія принять участіе въ съѣздѣ и воспользоваться указанными льготами, благоволятъ обращаться въ Организационный Комитетъ съѣзда съ заявленіями не позже 1-го декабря.

Въ заявленіи должны быть поименованы желѣзныя дороги, по

пути слѣдованія въ С.-Петербургъ и приложены: 1) членскій взносъ (см. выше), 2) три почтовыхъ марки (по 7 к.) для отвѣта и для высылки свидѣтельствъ, предъявляемыхъ на станціяхъ, для полученія льготнаго проѣзда.

Положеніе и правила сѣзда высылаются желающимъ по присылкѣ 4 коп. почтовыми марками.

III. — Отъ Редакціи.

Редакціею получены для передачи въ литературный фондъ, съ цѣлью помѣщенія въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова: 1) отъ вятскихъ его почитателей 50 руб.; 2) отъ нижегородскихъ 16 р.; и 3) отъ рязанскихъ 40 р., а всего 106 рублей.

На сооружеііе памятника надъ могилою Н. Д. Зайончковской въ г. Петергофѣ доставлено въ редакцію: 1) отъ А. А. Грече—25 р.; 2) отъ Е. Брянской—25 р.; и 3) отъ О. Бильбасовой—25 р., а всего 75 рублей.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Уголовное уголовное судопроизводство. Пособие къ лекціямъ проф. Д. В. Тальберга. Т. I. Киевъ, 89. Стр. 318.

Не находя въ нашей юридической литературѣ никакого и законнаго систематическаго курса русскаго уголовного судопроизводства, а съ другой стороны — желая освободить своихъ слушателей отъ изыскавшаго труда по составленію лекцій, авторъ взялъ самъ на себя трудъ дать имъ въ руки по возможности краткое пособие, съ цѣлью облегчить слушателямъ „усвоеніе общихъ элементарныхъ понятій теоріи уголовного процесса“. Въ вступительн. и инт. томѣ, кромя введенія общаго характера, помѣщена вся часть первая, посвященная судопроизводству. Въ своемъ предисловіи авторъ указываетъ на то, что онъ, „признавалъ великую заслугу составителей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. зрѣлъ русскаго общества“, приводитъ въ своемъ учебникѣ ихъ воззрѣнія, съ цѣлью „запечатлѣть въ памяти трудящихся поколѣній истинныя гдѣ идеи, которыя были положены въ основаніе судебныхъ уставовъ, и которыя составляютъ донынѣ бесспорное достояніе не только русской, но и общеевропейской культуры“.

Экспериментальное исследование въ области гипнотизма. Дра Р. Ф. Крафтъ-Эбинга. Переводъ д-ра О. Н. Майделя, вождь редакціей прих.-доцента П. Я. Розенбаха. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Спб., 89. Изданіе Карла Риккера. Стр. 92.

Исследование знаменитаго спеціалиста по душевнымъ болѣзнямъ содержитъ въ себѣ сводъ интереснаго и точнаго наблюденій надъ субъектомъ, котораго авторъ призналъ „чрезвычайно пригоднымъ“ для гипнотическихъ опытовъ. Для русскаго перевода книжка написана Крафтъ-Эбингомъ специальное предисловіе, въ которомъ объяснено важное значеніе гипнотизма для практической медицины. „Гипнозъ — по словамъ автора — есть только средство; цѣль же его есть внушеніе, т.-е. вѣрное, сознательное и усильное вліяніе на психику и первую функцію вообще. До какой степени могущественнымъ можетъ оказаться вліяніе внушенія, объ этомъ свидѣтельствуютъ предлагаемая брошюра. Но она показываетъ также, какъ трудно правильно редактировать внушенія, и что успѣхъ леченія существенно зависитъ отъ этой правильной редакціи“.

Историчекіе очерки. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. А. П. Личина. Спб. 90. Стр. 519. Ц. 3 руб. 50 коп.

Второе изданіе настоящей книги, давно уже разошедшееся, представило автору ея возможность сдѣлать значительныя дополненія не только указавшимъ на новые матеріалы и исследования, появившіяся за послѣдній дѣтъ издаванія, но и расширеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ перваго изданія, особенно того, который посвященъ Пушкину. Не имѣя повода измѣнить сколько-нибудь прежнюю точку зрѣнія, авторъ остается при тѣхъ же взглядахъ на дѣятельность „людей сороковыхъ годовъ“, которыя въконецъ истинно послѣдствіемъ его труда, и съ которыми, по его словамъ, „связаны лучшія стремленія нашего времени; въ историческая судьба пусть послужитъ ободряющимъ примѣ-

ромъ для тѣхъ, кого смущаютъ трудности настоящаго“.

Учебникъ истории. А. Травескаго. Древняя исторія. 2-е издательное изданіе, съ 52 рис. 4 карт. и 5 планами. Спб. 89. Стр. 439. Ц. 2 руб.

Историческій учебникъ проф. А. Травескаго выгодно отличается отъ другихъ, подобнаго рода, главными образами, тѣмъ, что онъ снабженъ иллюстраціей, дающей учащемуся понятіе о важнѣйшихъ изъ сохранившихся памятниковъ греко-римскаго міра, и кромя того, имѣетъ при себѣ вполне достаточный для учебнаго цѣлей атласъ театровъ исторической дѣятельности древнихъ народовъ. Пользуясь несказанными заботами до походу перваго изданія, авторъ въ настоящемъ изданіи сдѣлалъ въ немъ всѣ необходимыя исправленія и тѣмъ, конечно, увеличилъ цѣну своего труда, который въ рукахъ опытнаго наставника можетъ служить хорошимъ подспорьемъ при преподаваніи древней исторіи.

Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ исследованийъ и открытій. Бергій заветъ въ двухъ томахъ. Состав. А. П. Лопухинъ. Т. II: отъ пр. Самуила до Р. X. Спб. 90. Стр. 1042. Ц. за 2 т. 16 р.

Мы нехотимъ имѣть случай говорить объ этомъ обширномъ трудѣ по поводу появленія въ свѣтъ перваго его тома; новый выпускъ, содержащій въ себѣ, какъ и первый, до 65 печатныхъ листовъ большаго формата, отличается тѣмъ же достоинствомъ и точно также богатъ издѣлю издавшими иллюстраціями (до 325) многочисленными предметами древности, наблюденными при раскопкахъ послѣдняго времени, а также изображеніями мѣстностей, послужившихъ театромъ библейской исторіи какъ евреевъ, такъ и другихъ, сосѣднихъ съ ними, народовъ.

Фабричный рабочій. Исследование здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Изъ наблюденій фабричнаго инспектора. В. В. Святловскаго. Варш. 89. Стр. 288. Ц. 3 р.

Въ самое послѣднее время и у насъ обращено серьезное вниманіе на урегулированіе отношеній фабричнаго рабочаго къ предпринимателю; вѣрнѣе къ тому міру дѣлается организація фабричной инспекціи, отъ которой надобно было ожидать практическихъ указаній для дальнѣйшихъ мѣропріятій. Авторъ настоящей книги по своему служебному положенію ознакомился только съ двумя фабричными районами — въ Малороссіи и въ Польшѣ, — но эти работы такъ обширны самъ по себѣ (харьковскій фабричный округъ содержитъ 35 милл. кв. дегагитивъ, т. е. обширнѣе всей Великобританіи), что трудъ г. Святловскаго долженъ, тѣмъ не менѣе, обратить на себя вниманіе, при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся улучшенія быта фабричныхъ рабочихъ. По замѣчанію автора, русская инспекція не могла, подобно западной, посвятить много времени на собраніе необходимыхъ свидѣній, но это нисколько не удивительно, если представить себѣ обширность нашихъ округовъ: харьковскій округъ, какъ онъ по обширности, все же занимаетъ по обширности только пятое мѣсто изъ всѣхъ 4 округовъ, на которые раздѣлена европейская Россія

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1889 года.

Близкимъ газеткамъ, при годовой и полугодовой подпискѣ, взымается обычное условіе.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гости. Двора;— въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасинова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскіи линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журналъ.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* указать журналовъ, если имѣть такое учрежденіе въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, должны платить 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Высланы* на получение журнала высылается Конторой только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

30 1859

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1889.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1889.

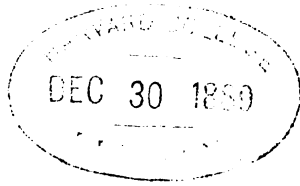
Сод.

I.—ИЗЪ ДОНФЕЛЛО.—I. Золотой закатъ.—II. Духъ и плоть.—III. Не плачь, мой другъ...—O. М.—вой	478
II.—Н. А. БУЦКОВСКИЙ И СУДЬ ПРИСЯЖНЫХЪ.—Г. Д.	476
III.—НА РАЗСВѢТЪ.—Повѣсть Ежа.—XX-XXIV.—Окончаніе.—I. У.	508
IV.—ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.—1871-1889 гг.—Евг. Утина	583
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-III.—П. Козлова	594
VI.—НОВЫЯ ПТИЦЫ.—Очерки и наброски.—В. Сѣверова	596
VII.—ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. САЛТЫКОВА.—„Современникъ“, 1863-64 г.—Окончаніе.—А. П. Пыпина	643
VIII.—ТИМОШЪ.—Историческая повѣсть.—VII-XII.—Окончаніе.—Д. Л. Мордочева	691
IX.—НАЦИОНАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКЪ.—IV-VI.—Окончаніе.—Д. З. Слюнинскаго	718
X.—ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУЭЛИ.—Повѣсть Поля Эрвье.—Съ французскаго.—А. Э.	723
XI.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ.—XIII-XVII.—Окончаніе.—В. С. Соловьева	771
XII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Я усталъ...—Кв. Д. П. Цертелова	796
XIII.—ХРОНИКА.—Международные конгрессы въ Парижѣ.—III.—Конгрессы по гнѣву и демографіи.—Окончаніе.—М.	797
XIV.—Исполненіе государственной росписи за 1888 годъ.—O.	808
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о выборномъ мировомъ судѣ въ большихъ губерскихъ городахъ.—Агитація въ печати противъ права ходатайствъ, принадлежащаго городскимъ и земскимъ учреждениямъ.—Настроіе земскихъ собраній.—Народная школа въ шадриномъ уездѣ и учительская школа въ Новгородѣ.—Новые суды въ остзейскихъ губерніяхъ.—Адвокатура и не-христіанскія исповѣданія	827
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія дѣла Германіи.—Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій.—Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ.—Политическія партіи и правительство.—Парламентскія засѣданія.—Галетине толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Пореворотъ въ Бразиліи.	849
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. В. Абрамовъ, Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ?—М. Я. Капустинъ, Основные вопросы земской медицины; Я. Т. Нейштабъ, Обь организація земской медицины; Д. П. Никольскій, Обзоръ дѣятельности губерскихъ съездовъ.—В. В. Святловскій, Фабричныя рабочія.—А. Карабеговъ, Реформа судебнаго уставовъ.—Кв. Д. Цертелова, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія?—К. К.—С. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I.—Этнографическое Обозрѣніе, 2 вып.—И. И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.—А. П.—Новыя книги и брошюры.	861
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. L'évolution politique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau.—II. Hermann Roskoschou, Das arme Russland.—Д. С.	864
XIX.—НЕКРОЛОГЪ.—Александръ Дмитріевичъ Градовскій.—К. К. Арсеньева.	894
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Юбилей А. Г. Рубинштейна и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ.—Двадцатипятилѣтіе судебной реформы.—Изъ жизни провинціи: Кіевъ	897
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности на соисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова	903
XXII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы“ за 1889 г.	909
XXIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1889 г.	911
XXIV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Исторія Сибири, ч. II, В. К. Андреевича.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. I, 2-е изд.—Уставъ о пазараніяхъ, владаемыхъ мировыми судьями, Н. С. Таганцева, 6-е изд.—Петербургъ до его основанія, вып. III, Г. А. Невирова.—Очерки коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами, Д. Д. Моревъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXIГ стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ Обозрѣнія)

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО

ЗОЛОТОЙ ЗАКАТЪ.

Какъ золото расплавленное—море,
И золотомъ сияють небеса,
И между нихъ на золотомъ просторѣ—
Земли и тѣни полоса.

Громады скалъ, что схожи съ облаками,
И облако, подобное скалѣ—
Какъ бы плывуть въ сіяніи предъ нами,
И дремлетъ чолнъ межъ сонными водами
Въ лучистой мглѣ...

И съ моремъ схожъ сводъ неба золотого,
И съ небомъ—воду сіяющихъ просторъ:
Небеснаго границы и земного
Не различаетъ взоръ!

Когда придетъ въ покоѣ и молчаньѣ
И нашъ закатъ—пусть также и для насъ
Небесное съ земнымъ въ одномъ сіяньѣ
Сольются въ этотъ часъ.

Охваченный спокойствіемъ чудеснымъ,
Пусть духъ паритъ, восторгомъ упоенъ,
И пусть границъ межъ дольнымъ и небеснымъ
Не различаетъ онъ!

ДУХЪ И ПЛОТЬ.

(Suspiria.)

Take them, o death!

Прими ихъ, смерть! Прими лишь прахъ,
 Чтò можешь ты назвать своимъ,
 Твоя печать—въ его чертахъ,
 И ты надъ нимъ властна однимъ!

Прими ихъ ты и схорони,
 Могилы мракъ! Въ твоей тиши
 Пускай повоятся они—
 Покровы бранныя души!

Прими ихъ, вѣчность! Жизнь людей—
 Вихрь, налетѣвшій издали,
 Чтò прошумѣлъ среди вѣтвей,
 Влача цвѣты твои въ пыли!

* * *

Не плачь, мой другъ, о счастьѣ отлетѣвшемъ!
 Его, увы, слезами не вернуть!
 Оно—огнямъ подобно догорѣвшимъ,
 Тебя на мигъ, на краткій мигъ согрѣвшимъ...
 Прости!.. Забудь!

Забудь о томъ, какъ счастье нежданно
 Тебя своимъ коснулося лучомъ,
 И вмѣсто мглы, холодной и туманной,
 Повѣяло весной благоуханной,
 Пахнуло вновь и свѣтомъ, и тепломъ.

Забудь о томъ, какъ жизнь тебѣ предстала
Въ красѣ цвѣтовъ, и звуковъ, и лучей,
Во всей красѣ былого идеала,—
И сердце вновь собой очаровала
Гармонія и взоровъ, и рѣчей.

Забудь, какимъ страданьемъ и тоскою
Полна теперь измученная грудь;
Какой пришлось платить тебѣ цѣною
За счастья мигъ, у жизни взятый съ бою!
Забудь, забудь!..

О. М—ва.

Н. А. БУЦКОВСКІЙ

и

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

„Вы не будете вынуждены прибѣгать, ида ошупью, не освѣщаемые наукой, къ полумѣрамъ, къ средствамъ паліативнымъ, къ разнымъ кунштюкамъ, перебиваясь ими со дня на день, лишь бы стало на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ — après moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы съумѣете радикально лечить всякую общественную болѣзнь, ясно сознавая настоящее, прозрѣвая будущее, какъ пророкъ, и своею *раціональною* дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ вездѣ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра“.

Изъ вступительной лекціи П. Г. Рѣдкина.

„Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему, начала, введенныя къ намъ новыми судебными уставами, будутъ въ силѣ, и съ основанными на нихъ учрежденіями на вѣки вѣковъ будетъ связано имя преобразователя Россіи“.

М. Н. Катковъ (1864 г.).

I.

Николай Андреевичъ Буцковскій (род. въ 1811 году, умеръ 25-го сентября 1873 года) принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей судебной реформы, совершившейся двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Первостепенная роль, которую онъ игралъ, какъ въ составленіи судебныхъ уставовъ и дополнительныхъ къ нимъ законоположеній о введеніи уставовъ въ дѣйствіе, такъ и въ практическомъ ихъ примѣненіи съ 1866 года, по должности сенатора уголовного кассационнаго департамента, даетъ ему право въ исторіи судебной реформы на одно изъ первостепенныхъ мѣстъ.

Вліяніе и роль другого воодушевленнаго борца за основы судебного преобразованія, С. И. Заруднаго, были совсѣмъ исключительны и безпримѣрны. Случайно связанный съ 1843 г., съ перваго же шага своей служебной дѣятельности, съ первыми подготовительными стадіями этого дѣла ¹⁾, Зарудный безотлучно стоялъ при немъ и дѣятельно работалъ при всѣхъ дальнѣйшихъ фазисахъ этого дѣла до самаго момента окончательнаго редактированія уставовъ 20-го ноября, — вплоть до просмотра послѣдняго корректурнаго листа редактированнаго имъ самимъ въ 1866 г. извѣстнаго officialнаго изданія: „Судебные уставы, съ разсужденіями“, и систематизаціи 74-хъ-томнаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ ²⁾.

Дѣятельность Н. А. Буцовскаго по судебной реформѣ не захватываетъ такого продолжительнаго періода, но зато она относится къ самой живой, важной и плодотворной эпохѣ ея, къ 60-мъ годамъ (съ конца 1861 года и до окончанія въ 1866 г. всѣхъ законодательныхъ работъ по открытію новыхъ судовъ). А съ другой стороны, Н. А. Буцовскій, — въ отличіе отъ С. И. Заруднаго, который такъ-таки до конца своей жизни не былъ допущенъ изъ-за репутаціи „опаснаго либерала“ въ кассационный сенатъ, — имѣлъ счастливое преимущество и утѣшеніе лично способствовать истолкованію и примѣненію созданнаго при его дѣятельномъ участіи новаго уголовного процесса, согласно благимъ и гуманнымъ намѣреніямъ его составителей и положенныхъ въ основу его научныхъ доктринъ.

Буцовскій не былъ юристомъ, т.-е. не былъ патентованнымъ, профессиональнымъ юристомъ, прошедшимъ officialную юридическую школу (если только можетъ быть рѣчь о существованіи у насъ въ концѣ 20-хъ годовъ какой-нибудь „юридической“ школы). Этотъ вполнѣ столь извѣстный, и какъ юристъ-практикъ, и какъ авторъ весьма дѣльныхъ монографій по уголовному процессу, до сихъ поръ цѣнимыхъ нашею юридическою литературною критикою — былъ, такъ сказать, *юристъ-самоучка*. Буцовскій, подобно С. И. Зарудному, по образованію математику-астроному, прошелъ математическую школу, и своимъ юри-

¹⁾ 28-го апрѣля 1843 г. С. И. Зарудный получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника въ департаментѣ юстиціи и уже на *другой* день скрѣпилъ циркуляры мин. юстиціи гр. Панина, разосланные, по просьбѣ графа Блудова, чинамъ судебного вѣдомства о доставленіи замѣчаній на дѣйствовавшій въ то время гражданскій процессъ.

²⁾ Одна опись этого громаднаго дѣла занимаетъ 47 печатныхъ страницъ in-quarto.

дическимъ развитіемъ и образованіемъ обязанъ былъ только самому себѣ.

Но не этому ли, на первый взглядъ неблагопріятному, а въ дѣйствительности счастливому обстоятельству, т.-е. отсутствію среди руководителей судебной реформы преобладанія или господства „заправскихъ“, патентованныхъ юристовъ, мы обязаны тѣмъ, что она была закончена съ такимъ блескомъ и успѣхомъ?

Мы были бы невѣрно поняты, если бы слова наши были истолкованы въ смыслѣ отрицанія юридическихъ наукъ. Но юридическія школы бываютъ разныхъ качествъ и достоинствъ.

Есть такіе представители юридическихъ наукъ, которые все свое призваніе видятъ въ обремененіи памяти своихъ слушателей массою ничѣмъ не связанныхъ и никакою идеею не освѣщенныхъ юридическихъ формулъ и буквальныхъ постановленій положительнаго права, поклоненіе передъ которыми они считаютъ альфой и омегой юридическаго глубокомыслія. Это—не развивающая и оживляющая юридическая доктрина, „которая даетъ, по опредѣленію Савиньи, способность *самостоятельно мыслить*“, а то иссушающее мозгъ и сердце „законовѣденіе“ (въ отличіе отъ „правовѣденія“), которое создаетъ школу полированныхъ подъячихъ на подобіе византійскихъ хорошо „натисканныхъ“ буквовѣдовъ-законниковъ, поставившихъ на мѣсто права, какъ органа правды, букву закона и схоластическую казуистику ¹⁾.

Не трудно представить себѣ, какова была и могла быть у насъ „юридическая“ наука въ 30—40-хъ годахъ, когда Я. Баршевъ съ каедрой возставалъ даже противъ таковаго чисто техническаго улучшенія судопроизводства, какъ введеніе устности, состязательности въ уголовномъ процессѣ, а тѣмъ болѣе гласности ²⁾.

Остаться подъ вліяніемъ *такой* юридической школы значило подвергаться опасности извратить свой моральный и умственный

¹⁾ См. Н. Л. Дювернуа. *Лекціи по русскому гражд. праву*, Спб. 1889, выпускъ 1, стр. 168, 219. И смѣшно, и жалко было видѣть,—говоритъ А. М. Филипповъ объ университетскихъ лекціяхъ 30-хъ гг., какъ онѣ подводили научныя начала подъ сочиненія Сперанскимъ „положенія“. А о времени, непосредственно предшествовавшемъ введенію университетскаго устава 1863 г., проф. П. Г. Рѣдкинъ въ своихъ *Senilia*, вышедшихъ недавно (*Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина 1889, Спб.*), рассказываетъ, что о развитіи „самостоятельнаго мншенія“ не могло быть и рѣчи, и что подъ „науками о законахъ“ разумѣли изложеніе статей свода законовъ, причемъ рекомендовалось „прочитать въ свода известное число статей безъ самаго малѣйшаго замѣчанія со стороны профессора, и даже парафраза (стр. 5—6).

²⁾ Устность судопроизводства „служитъ, по мнѣнію Баршева, обыкновенно источникомъ незрѣлаго и необсудливаго рѣшенія дѣлъ“, („Основанія угол. суд.“, стр. 68).

кругозоръ и выродиться въ тотъ типъ безсердечныхъ юристовъ, которые въ средніе вѣка вызвали поговорку: Juristen—böse Christen.

Вотъ почему небольшою потерею для Буцковскаго было то обстоятельство, что онъ не прошелъ въ молодости юридическую школу того времени. Благодаря своему трудолюбію, добросовѣстности, любознательности и высшему образованію, онъ позже самъ пополнилъ этотъ пробѣлъ.

Окончивъ домашнее образованіе, Буцковскій, отличный математикъ, первоначально готовилъ себя въ инженерной карьерѣ. Въ 1828 году онъ поступилъ на службу въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, въ 1831 г. выдержалъ первый офицерскій экзаменъ, а въ 1833 г. окончилъ полный курсъ наукъ въ офицерскихъ классахъ и поступилъ въ с.-петербургскую инженерную команду, гдѣ онъ и служилъ до 1836 года. Затѣмъ Буцковскій перешелъ на педагогическое поприще и поступилъ учителемъ математики въ гатчинскій воспитательный домъ (нынѣ сиротскій институтъ), гдѣ и оставался три года.

Въ іюнѣ 1839 года онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи и въ декабрѣ того же года получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника съ жалованьемъ въ 28 руб. въ мѣсяць. Проходя медленнымъ шагомъ, установленнымъ педантическими правилами министра юстиціи, гр. В. Н. Панина, по административной лѣстницѣ департамента, Буцковскій, хотя и весьма рано замѣченный гр. Панинымъ, — только въ 1845 г. получилъ должность редактора, а въ 1848 г. — начальника отдѣленія. Въ 1849 г. онъ перешелъ за оберъ-прокурорскій столъ одного изъ департаментовъ сената, гдѣ основательно изучилъ уголовную практику. Съ 1851 по 1853 г. онъ состоялъ вице-директоромъ департамента юстиціи, а съ 1853 года перешелъ въ Москву, гдѣ занималъ должность оберъ-прокурора 6-го, 7-го департаментовъ и общаго собранія московскихъ департаментовъ сената.

Внимательный къ исполненію своихъ обязанностей, всегда ровный, терпѣливый, обходительный съ подчиненными, не подобострастный съ начальниками, Буцковскій сумѣлъ заслужить уваженіе старшихъ, благодарность и любовь низшихъ. Гр. Панинъ видимо цѣнилъ и отличалъ, насколько допускали его правила, своего образцоваго чиновника, и послужной списокъ Буцковскаго испещренъ многочисленными чрезвычайными порученіями, данными ему министромъ юстиціи, и послѣдовавшими за примѣрное исполненіе ихъ, выраженіями „признательности“ и „бла-

годарности". Чуждый всякаго исцѣлельства, Буцковскій потому не домогался быстрого возвышенія, чрезвычайныхъ наградъ и отличій, и первую награду получилъ лишь послѣ 22-лѣтней службы.

Помимо изумительнаго трудолюбія, образцовой аккуратности и скорости въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, Буцковскій обращалъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что обнаруживалъ весьма основательное знакомство не только съ бѣдною русскою, но и богатою французскою, а отчасти англійскою и нѣмецкою юридическою литературою. Несмотря на свои ограниченныя средства, Буцковскій успѣлъ составить богатую по разнымъ отраслямъ знанія и, главнымъ образомъ, по юридическимъ наукамъ, бібліотеку. Высшее математическое образованіе и основательное знакомство съ теоріею уголовного права и процесса не разъ оказывали ему услугу. Въ началѣ 50-хъ годовъ былъ наказанъ плетью и сосланъ въ каторжную работу валужскою палатою и сенатомъ, на основаніи *собственного признанія*, мужъ за убійство жены ¹⁾. Но каково же было общее изумленіе, когда, послѣ исполненія приговора, жена оказалась *въ живыхъ*, а протоколъ подложнымъ. Буцковскій, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, былъ и прежде за оправданіе, въ виду отсутствія *corpus delicti*. Но тонкіе дѣльцы, и въ томъ числѣ гр. Панинъ, такими „теоретическими пустяками“ не стѣснялись и засудили невиннаго человѣка. Предстояло, послѣ обнаруженія судебной ошибки, разъяснить „непогрѣшному“ гр. Панину его ошибку. Въ качествѣ знатока латинской литературы, гр. Панинъ, конечно, зналъ пословицу: *Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis, in errato perseverare* (всякій можетъ ошибиться, и лишь ограниченные люди упорствуютъ въ своихъ ошибкахъ). Но гр. Панинъ на дѣлѣ никогда не сознавалъ своихъ ошибокъ. А тутъ нужно было не только убѣдить Панина въ его ошибкѣ, но и заставить его сознаться въ ней открыто. Исполнить эту трудную и неблагоприятную задачу взялся Буцковскій; сначала Панинъ ничего не хотѣлъ слышать и страшно разсердился, но затѣмъ вынужденъ былъ сознаться въ ошибкѣ, и невинно пострадавшій былъ возвращенъ изъ Сибири.

Съ 8-го ноября 1861 года для Буцковскаго открылась новая широкая арена для дѣятельности, на которой онъ могъ примѣнить свой обширный судебный опытъ, свои серьезныя юридическія познанія и тѣмъ сослужить великую службу Россіи. Въ этотъ знаменательный для него годъ состоялось Высочайшее по-

¹⁾ См. „Журн. гражд. и угол. права“, 1882 г. № 93, рѣчь Н. И. Стояновскаго.

велѣніе о прикомандированіи его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими юристами (Д. Л. Ровинскимъ, Н. И. Стояновскимъ, К. П. Побѣдоносцевымъ, А. М. Плавскимъ, С. П. Шубиннымъ, П. Н. Даневскимъ, А. П. Вилинбахомъ) къ государственной канцеляріи.

Тогда только-что послѣдовало освобожденіе крестьянъ; правительство и общество одинаково были проникнуты самыми высокими освободительными стремленіями. Императоръ Александръ II, вернувшійся изъ Крыма и счастливый тѣмъ особымъ счастьемъ, которое даетъ сознаніе благополучно выполненной трудной исторической миссіи — освобожденіи крестьянъ, — былъ въ наилучшемъ настроеніи. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла судебной реформы въ государственномъ совѣтѣ, государь, по докладу государственнаго секретаря, В. П. Буткова, повелѣлъ прикомандировать къ государственной канцеляріи „юристовъ“ для разбора проектовъ, внесенныхъ въ государственный совѣтъ гр. Блудовымъ, и извлеченія изъ нихъ „основныхъ началъ“. Съ необычайною энергіею принялись за дѣло „юристы“, но въ результатѣ оказалось, что проекты, составлявшіеся въ разное время и подъ различными вѣяніями, оказались требующими полнаго пересмотра и согласованія.

Руководство такимъ дѣломъ неудобно было поручать автору проектовъ, 77-лѣтнему старцу гр. Блудову. На его мѣсто выступаютъ, въ качествѣ новыхъ руководителей судебной реформы, В. П. Бутковъ и назначенный въ январѣ 1862 г. предсѣдательствующимъ въ государственномъ совѣтѣ П. П. Гагаринъ. Первымъ дѣломъ новаго предсѣдателя совѣта было исходатайствовать извѣстное Высочайшее повелѣніе, воимъ предписывалось государственной канцеляріи и „прикомандированнымъ юристамъ“ изложить свои „соображенія о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ, и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“. Значеніе этого акта понятно само собою. Приобщеніе работъ судебной реформы къ живому источнику европейской науки оплодотворило дѣятельность „юристовъ“ и дало ей, послѣ многолѣтнихъ бесплодныхъ попытокъ, новый рѣшительный толчокъ и рациональный характеръ.

Съ небольшимъ въ годъ были составлены „Соображенія объ „основныхъ началахъ“, и уже 29-го сентября 1862 года послѣдовало Высочайшее ихъ утвержденіе и опубликованіе во всеобщее свѣденіе, въ видахъ лучшей ихъ разработки. Фактъ небывалый тогда у насъ: „основныя начала“ впервые твердо провозгласили начало гласности, состязательности, несмѣняемости судей и

независимости адвокатуры и, наконецъ, ввели судъ присяжныхъ, который былъ предложенъ В. А. Ровинскимъ, встрѣтившимъ горячую поддержку, главнымъ образомъ, въ С. И. Зарудномъ и Н. А. Буцковскомъ.

Ниже мы будемъ говорить спеціально объ участіи Буцковскаго въ работахъ по учрежденію суда присяжныхъ, а теперь отмѣтимъ только, что онъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на работу всего нашего дѣйствующаго уголовного процесса вообще. Онъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря при рассмотрѣніи „основныхъ началъ“ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта. Затѣмъ, въ качествѣ предсѣдателя уголовной секціи комиссіи В. П. Буткова, составлявшей проектъ судебныхъ уставовъ, Буцковскій, съ свойственной ему добросовѣстностью и трудолюбіемъ, принялъ самое дѣятельное участіе какъ въ редактированіи текста статей устава угол. суд., такъ и въ составленіи обширной къ нему объяснительной записки. При обсужденіи въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта проекта уст. уг. суд., онъ опять исполнялъ обязанности докладчика и составителя журнала.

По возвращеніи изъ-за-границы, куда онъ ѣздилъ въ 1864 году для ознакомленія на мѣстѣ съ тамошними судебными порядками, 1-го января 1865 г. Буцковскій былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1865—66 г. онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи В. П. Буткова, занимавшейся окончательными работами по преобразованію судебной части и изготовленіемъ законоположеній о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. 1-го января 1866 года Буцковскому повелѣно присутствовать въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, гдѣ онъ и оставался до своей смерти.

Трудная задача выпала на долю первыхъ членовъ нашего кассационнаго сената, и въ томъ числѣ Н. А. Буцковскаго. Затрудненія, встрѣченныя на пути этимъ даровитымъ хранителемъ и истолкователемъ закона, призваннымъ, съ одной стороны, давать судамъ разъясненія „общихъ началъ“, лежащихъ въ основѣ дѣйствующаго законодательства, а съ другой—охранять полную независимость судейскаго званія и судебной дѣятельности, были двойкаго рода—частью юридическаго, частью бытового и политическаго свойства.

Теперь уже, съ 1881 г., съ учрежденіемъ комитетовъ для составленія проекта новаго уголовного и гражданскаго уложеній, официально признана негодность нашего дѣйствующаго уголов-

наго и гражданского законодательства¹⁾. Но каково было первымъ сенаторамъ оперировать надъ этимъ негоднымъ, устарѣлымъ матеріаломъ и при помощи научныхъ приемовъ толкованія стремиться къ извлеченію изъ него „общихъ началъ“, которыхъ или вовсе тамъ не было, или были лишь слабые намеки на нихъ.

Нужно читать пространныя и превосходныя кассационныя рѣшенія, принадлежащія перу первыхъ сенаторовъ, Н. А. Буцовскаго, П. А. Зубова, недавно скончавшагося М. Н. Любоцинскаго, В. А. Арцимовича и др., чтобы видѣть, какую массу труда вложили эти почтенные труженики на пользу правильного развитія нашего законодательства.

А между тѣмъ сколько незаслуженныхъ упрековъ за „*внесенныя противорѣчія*“ выслушали и вынесли эти дѣловитые юристы, призванные найти общія начала даже тамъ, гдѣ даже такой снисходительный критикъ, какъ гр. Блудовъ, засвидѣтельствовалъ ихъ полное отсутствіе²⁾, или примирить постановленія, изъ коихъ одни относились къ жестокимъ временамъ „тишайшаго царя“, съ ихъ „нещаднымъ битьемъ внудомъ“, а другія — къ гуманно освободительной эпохѣ, приведшей къ отмигнѣ тѣлеснаго наказанія.

Немалы были и бытовыя затрудненія, ибо не легко было обществу, воспитанному на произволъ и видѣвшему въ законѣ не общеобязательную норму, а лишь красивую и внушительную декорацию, грозную только для людей безъ денегъ и связей, усвоить себѣ, что новый судъ равенъ для всѣхъ и никому не мирволитъ, рѣшительно никому; что онъ рѣшаетъ дѣла по закону, не обращая вниманія, какъ выражалось еще наше старое законодательство, „на частныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ“ (ст. 718 т. III св. зак.).

Буцовскій оставался буквально нѣмъ для всѣхъ самыхъ тонкихъ подходовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы *captare benevolentiam* его, какъ судьи, если не путемъ задабриванія и застрашиванія, — на что нѣкто бы не рѣшился, — то хотя бы путемъ искусной эксплуатаціи его гуманности и благородства.

Но самыя серьезныя затрудненія встрѣчало правильное и согласованное съ духомъ судебныхъ уставовъ направленіе кассационной практики со стороны установившихся „свѣчаевъ-обычаевъ“ дореформенной администраціи. Ей не легко было разставаться съ атрибутами и функциями всемогущества.

¹⁾ Научнымъ образомъ это было давно уже доказано относительно гражданскихъ законовъ превосходными работами безвременно умершаго цивилиста И. Орманскаго, а относительно уголовного — трудами гг. Таганцева, Фойницкаго и др.

²⁾ См. т. II. Дѣло о преобр. суд. част. п. II, Объяснит. Зап. къ уст. гражд. суд.

Въ частности, судебная администрація не охотно мирилась съ тою почетною, но строго очерченною ролью, которую создали для нея судебные уставы 20-го ноября. Являясь стороною на судѣ, прокуратура не могла перевернуть мысли, что она, украшенная всѣми наружными атрибутами власти и силы, назначенная представлять въ своемъ лицѣ могущественныя сферы, вооруженная всею мощью государственной власти, — что она должна, въ качествѣ *казеннаго обвинителя*, стоять предъ судомъ на одной доскѣ съ адвокатомъ, съ этимъ скромнымъ представителемъ частнаго интереса единичнаго гражданина, не имѣющаго иныхъ средствъ для защиты его свободы, чести и имущества, какъ разумъ законовъ и законы разума и справедливости. Отсюда первый поводъ для неудовольствія судебной администраціи противъ такихъ сенаторовъ, какъ Буцковскій, т.-е. такихъ, которые вникають во внутренней смыслъ закона и глухи къ внѣшнимъ давленіямъ и напугиваніямъ плывущаго по теченію оппортунизма.

Другой поводъ для столкновенія съ судебною администраціею дало обычное у насъ явленіе, состоявшее въ томъ, что проведеніе въ жизнь реформъ поручалось людямъ, имъ несочувствующимъ. Благодаря этому явленію, реформы рано начали понемногу „исправляться и смягчаться“, — словомъ, скоро произошла столь извѣстная у насъ отиѣна закона „*съ административномъ порядкѣ*“, сначала мотивируемая временными обстоятельствами, а потомъ получавшая хроническій характеръ. Не мало такихъ отиѣнъ послѣдовало и по судебному вѣдомству со времени послѣдовавшей въ 1867 г. отставки перваго генераль-прокурора новаго суда, Д. Н. Замятнина, и наступившей вслѣдъ за этимъ реакціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ такія „новшества“ встрѣчали въ Буцковскомъ, какъ въ убѣжденномъ и стойкомъ защитникѣ основъ судебной реформы, самаго горячаго противника. Такъ, онъ рѣшительно выступилъ противъ приравненія „настоящихъ“, т.-е. „несмѣняемыхъ“, судебныхъ слѣдователей къ тѣмъ „оловяннымъ“ слѣдователямъ, т.-е. къ молодымъ людямъ, командированнымъ для исправленія должности судебного слѣдователя, которыхъ избралъ реакціонный духъ семидесятыхъ годовъ ¹⁾.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Буцковскій, по должности члена высшаго судебного мѣста, въ циклѣ новыхъ судебныхъ учреждений осуществлялъ вполне тотъ идеалъ судьи трудолюбиваго, честнаго, независимаго, неподкупнаго (не только въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ лихоимства, но и въ болѣе тон-

¹⁾ См. Кассац. рѣш. угол. касс. деп. 1870, № 1411; 1871, № 1269.

вомъ смыслѣ психологическаго вѣдѣнія сильныхъ окружающихъ явленій), о которомъ онъ мечталъ, когда писалъ судебные уставы.

Помимо своей служебной дѣятельности, Н. А. Буцковскій сдѣлался извѣстнымъ въ нашей юридической литературѣ нѣсколькими цѣнными вкладами въ область уголовного права и процесса, какъ-то: „Очеркъ кассационнаго порядка отмены рѣшеній по судебнымъ уставамъ“; „О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей“; „О дѣятельности прокурорскаго надзора“; „Основанія кассационной практики по вопросамъ преюдициальнымъ“; „О самоуправствѣ“ и пр., Труды Буцковскаго вышли въ 1874 г. отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 г.“. Изданіе это до сихъ поръ пользуется большимъ авторитетомъ и составляетъ настольную книгу для всякаго серьезнаго криминалиста.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка внѣшней дѣятельности Буцковскаго отмѣтимъ послѣднюю его волю, наглядно рисующую его свѣтлую личность и благородную душу. „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, — писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, — я получаю значительное содержаніе (сверхъ сенаторскаго содержанія въ 7.000 р., онъ получалъ за труды по составленію судебныхъ уставовъ съ 1864 года по 2.500 р.) и постоянно дѣлаю сбереженія въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпеченіемъ своего существованія собственными средствами составить себѣ *независимое положеніе*, и чтобы по смерти своей оказать помощь ближайшимъ ко мнѣ лицамъ и завершить свою жизнь какимъ-либо полезнымъ дѣломъ“. Съ этою цѣлью Буцковскій завѣщалъ капиталъ свой въ 50.000 руб. близкимъ лицамъ въ пожизненное пользованіе; послѣ смерти ихъ онъ назначилъ обратить его въ благотворительный фондъ для первоначальнаго пособія въ предѣлахъ округа с.-петербургской судебной палаты тѣмъ, по суду оправданымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а непризнанною только по неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впади въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни. Завѣдываніе раздачею изъ фонда Буцковскій довѣрилъ петербургской корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, очевидно, исходя изъ той мысли, что они, въ качествѣ защитниковъ, поставлены въ наилучшія условія для ознакомленія съ интимнымъ характеромъ преступленій и подсудимыхъ ¹⁾.

¹⁾ Такова была послѣдняя воля этого благороднаго судьи-человѣка! Любопытно отмѣтить, что судебная администрація встрѣтила „либеральное“ духовное завѣщаніе

II.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ дѣятельность Н. А. Буцковскаго въ области суда и законодательства, остановимся подробно на участіи его въ учрежденіи у насъ суда присяжныхъ. Оно заслуживаетъ особаго вниманія по многимъ соображеніямъ. Судъ присяжныхъ составляетъ вѣнецъ судебной реформы. Въ этомъ согласны какъ друзья, такъ и недруги судебной реформы.

„Московскія Вѣдомости“ основательно видѣли въ судѣ присяжныхъ „лучшую гарантію гражданской свободы“¹⁾; г. Фуэсъ въ недавно вышедшей книгѣ своей говоритъ²⁾, что судъ присяжныхъ есть „центръ тяжести нашей судебной реформы“ (стр. 97), а по отзыву профессора Фойницкаго, „это—лучшее украшеніе и самая твердая опора нашей новой судебной системы“³⁾. Мы поймемъ и согласимся съ этими мнѣніями, если вспомнимъ, что и европейская наука смотритъ на судъ присяжныхъ какъ на наиболѣе выдающійся признакъ, коимъ характеризуется современный общественный строй жизни всѣхъ *культурныхъ* націй⁴⁾.

Въ виду такого особеннаго значенія суда присяжныхъ, едва ли не одною изъ важнѣйшихъ заслугъ Буцковскаго предъ потомствомъ является то дѣятельное участіе, которое онъ принялъ въ насажденіи у насъ „самаго естественнаго и справедливаго суда“, какъ справедливо называетъ судъ присяжныхъ въ своихъ соображеніяхъ государственная канцелярія⁵⁾.

Но есть еще одно соображеніе, настоятельно требующее разъясненія вопроса о происхожденіи суда присяжныхъ. Въ послѣднее время съ особенною настойчивостью проводится мысль, что этотъ институтъ былъ плодомъ „политической“ тенденціи и „лег-

Н. А. Буцковскаго крайне недружелюбно и намѣревалась даже ходатайствовать объ оставленіи его безъ исполненія. Случайное обстоятельство задержало докладъ по этому дѣлу, и впоследствии, по инициативѣ министра юстиціи Д. Н. Набокова, послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе фонда Буцковскаго. Съ 1881 г. фондъ находится въ распоряженіи петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и возросъ до 71.866 руб. (подробности см. въ книгѣ П. В. Макалинскаго: „С.-Петербургская адвокатура“, стр. 226—237).

¹⁾ „Москов. Вѣдом.“, 1867, № 69.

²⁾ „Судъ и полиція“, Виктора Фуэса. М. 1889. Въ книгѣ этой собраны статьи, печатавшіяся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1884—1887 гг.

³⁾ См. „Курсъ уголовн. судопр.“, Спб. 1884, стр. 386.

⁴⁾ См. отзывъ Брунера въ статьѣ г. Закревскаго (Журналъ гражд. и уголовн. права, 1876 г., № 1).

⁵⁾ См. т. XVIII, Дѣло о преобраз. суд. части, стр. 89.

комысленнаго увлеченія“ либеральною доктриною à la Руссо. Когда такія обвиненія сыплются со страницъ органовъ реакціонной печати, то едва ли заслуживаютъ они серьезнаго вниманія: грубая недобросовѣстность и невѣжество такихъ статей такъ очевидны, что врядъ ли онѣ въ состояніи ввести въ заблужденіе серьезнаго и безпристрастнаго читателя.

Но дѣло получаетъ совершенно иной характеръ, когда съ такими тяжкими и небезопасными обвиненіями выступаютъ лица, труды которыхъ носятъ „наружные“ признаки безпристрастія и сопровождаются болѣе или менѣе внушительнымъ, для не-спеціальной публики, багажемъ подстрочныхъ примѣчаній и ссылокъ на иностранную литературу. Таковъ именно недавно выпедшій отдѣльною книгою названный выше трудъ г. Виктора Фукса: „Судъ и полиція“. Въ предисловіи авторъ дважды съ удареніемъ общаетъ остаться „*безпристрастнымъ*“ и „*сполнн объективнымъ*“.

Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ этою „критикою“ судебной реформы 1864 г., въ методологическихъ приемахъ автора обнаруживается такой существенный недостатокъ, вслѣдствіе котораго критика г. Фукса теряетъ всякій не только научный авторитетъ, но и практическій интересъ. Доказать это можно съ полною наглядностью на „критикѣ“ г. Фукса трудовъ дѣятелей судебной реформы по введенію у насъ суда присяжныхъ. Имъ авторъ посвящаетъ обширную третью главу, которая является „консолидированнымъ обвинительнымъ актомъ“, выдвигаемымъ консервативнымъ лагеремъ противъ виновниковъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Г. Фуксъ бросаетъ рѣзкій упрекъ редакторамъ судебныхъ уставовъ за то, что, введя этотъ институтъ, они забыли „приличную законодателямъ осмотрительность“, что они ограничились поверхностными, спорными и отвлеченными аргументами, вмѣсто того, чтобы основаться „на положительныхъ заключеніяхъ науки и практики, наконецъ, на глубокомъ соображеніи условий нашей дѣйствительной жизни“ (стр. 119, 127). Далѣе, г. Фуксъ, въ подтвержденіе легкомысленнаго отношенія дѣятелей судебной реформы, прибѣгаетъ къ арифметическому расчету и смѣло утверждаетъ, что „объ основномъ характерѣ этого института, о поводахъ или препятствіяхъ къ его введенію упомянуто въ объясненіяхъ къ уст. угол. суд. лишь на *четырехъ* (курсивъ въ подлинникѣ) страничкахъ въ формѣ комментарія (т.-е. въ извѣстномъ изданіи государственной канцеляріи судебныхъ уставовъ съ разсужденіями) къ ст. 201, а возраженіямъ противъ суда присяжныхъ посвящено всего „*сорокъ-четыре строки*“.

Всякій невольно преклонится предъ этою замѣчательною доб-

росовѣстностью критика, не остановившагося даже предъ исчисленіемъ „страничекъ“ и „строкъ“, и невольно проникнется уваженіемъ предъ солидностью „консолидированнаго обвинительнаго акта“. Таково первое впечатлѣніе; но тѣмъ внимательнѣе вчитываешься въ критику г. Фукса, тѣмъ больше убѣждаешься въ ея собственной легковѣрности. Начать съ того, что критикъ проглядѣлъ „комментарій“ къ ст. 7 учр. гр. суд. уст., гдѣ находимъ еще на *четыре*хъ страницахъ объясненія „объ основномъ характерѣ“ суда присяжныхъ (стр. 19—22 т. III суд. уст., изд. госуд. канц. 1866 г.), извлеченныя изъ того же журнала государственнаго совѣта 1862 г., за № 65, часть котораго приведена подъ ст. 201 уст. уг. суд. Такимъ образомъ выходитъ, что критикъ самъ проглядѣлъ цѣлую половину „комментаріевъ“, что одно, безъ сомнѣнія, значительно колеблетъ справедливость его суда надъ „легкомысленными идеологами“ судебной реформы.

Далѣе, г. Фуксъ *и не подозреваетъ*, что судебные уставы, съ такъ-называемыми комментаріями, не болѣе какъ краткій компендіумъ, составленный для ближайшихъ цѣлей судебного толкованія статей закона, ибо весь матеріалъ, „по своей огромности, не можетъ быть доступенъ для всего круга лицъ законодательнаго и судебного вѣдомствъ“. Сдѣланныя государственною канцеляріею, подъ главнымъ руководствомъ С. И. Заруднаго, *извлеченія* изъ подлинныхъ журналовъ, объяснительныхъ и другихъ записокъ, не болѣе какъ *vulgata*—общедоступный, краткій компендіумъ, которымъ не можетъ довольствоваться ни одинъ серьезный ученый ¹⁾. Г. Фуксъ полагаетъ, что эти три-четыре тома средней величины и составляютъ полное собраніе матеріаловъ судебной реформы.

Но что бы подумали о томъ историкѣ, который, не подозревая о существованіи полнаго собранія законовъ, сталъ бы осмѣивать русское законодательство, ссылаясь на то, что оно, кромѣ свода законовъ, ничего не произвело?

Совершенно тождественно положеніе г. Фукса, исчисляющаго число страницъ (или, какъ онъ выражается, страничекъ) и строкъ въ компиляціи государственной канцеляріи и не предполагающаго о существованіи огромнаго 74-томнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части* въ Россіи, въ которомъ заключается весь сводъ

¹⁾ Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ научные курсы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства профессоровъ К. И. Малышева и И. Я. Фойницкаго, которые безпрестанно ссылаются на подлинныя документы судебной реформы. А между тѣмъ противъ г. Фойницкаго и предъявляетъ г. Фуксъ обвиненіе въ „ненаучности“, съ намеками на политическую неблагонадежность автора (стр. 167—166).

подлинныхъ матеріаловъ судебной реформы и которое должно служить „для истинныхъ научныхъ комментаріевъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, не только въ предисловіи къ изданію судебныхъ уставовъ государственной канцеляріею прямо говорится о подлинныхъ „печатныхъ фолиантахъ“ (стр. II пред.), но и подъ каждымъ извлеченіемъ, въ концѣ, въ скобкахъ, *указывается* подлинный источникъ, т.-е. *документъ*, откуда *взятъ* комментарий.

Еслибы г. Фуксъ внимательно прочелъ до конца „четыре“ странички подъ ст. 201, то нашелъ бы и подъ ними ссылку на журналъ государственнаго совѣта 1862, № 65, который и представляетъ тотъ подлинникъ, откуда взяты эти страницы ¹⁾.

Чтобы обнаружить вполне колоссальность допущенной г. Фукомъ ошибки или мистификаціи, возьмемъ одинъ томъ „Дѣла о преобразованіи судебной части“, а именно XVII-й, или одну только часть его, такъ-называемую „сѣренькую (по цвѣту папки) книгу“.

Въ этомъ томѣ мы находимъ три записки о судѣ присяжныхъ, составленныя Д. А. Ровинскимъ и покойными С. И. Заруднымъ и Н. А. Буцковскимъ. Первая записка: „Устройство уголовного суда“, занимаетъ 16 большихъ печатныхъ страницъ и посвящена, главнымъ образомъ, опроверженію доводовъ, приводившихся въ запискѣ графа Блудова 1860 г. о *несвоевременности* введенія у насъ суда присяжныхъ. Вторая записка: „Общія соображенія по вопросу о составѣ уголовного суда“ занимаетъ 32 печатныхъ страницы, и вся состоитъ изъ разбора научно-практическихъ данныхъ рго и сонга суда присяжныхъ, анализа иностранныхъ законодательствъ объ этомъ институтѣ и разсмотрѣнія практическихъ условій нашей дѣйствительности для введенія его у насъ, т.-е., другими словами, въ запискѣ Заруднаго мы находимъ именно ту разработку вопроса, отсутствіе которой ставить г. Фуксъ въ непростительную вину легкомысленнымъ редакторамъ уставовъ 20-го ноября.

Въ началѣ записки С. И. Зарудный ставитъ вопросъ объ общихъ условіяхъ рациональнаго судоустройства вообще, затѣмъ переходитъ къ уголовному, и устанавливаетъ въ шести параграфахъ 6 основныхъ условій его и доказываетъ, что только судъ присяжныхъ соответствуетъ этимъ условіямъ. Далѣе, онъ подробно останавливается на политической сторонѣ этого института и опровергаетъ ходячее мнѣніе объ ихъ тѣсной связи, и для луч-

¹⁾ Если полный 74-томный комплектъ „Дѣла о преобр. суд. ч.“ составляетъ библіографическую рѣдкость и имѣется ихъ въ петербургскихъ книгохранилищахъ всего три, то отдѣльные, наиболѣе важныя томы не составляютъ большой рѣдкости и имѣются у многихъ занимающихся судебной реформой.

шаго оправданія своего взгляда онъ обозрѣваетъ исторію возникновенія суда присяжныхъ въ Англии, Америкѣ, во Франціи, въ Швейцаріи, Бельгіи, Германіи, Итали. Заключиваетъ онъ обзоръ анализомъ мнѣній ученыхъ Миттермейера, Фостенъ, Эли и Пизанелли о судѣ присяжныхъ, какъ о судѣ пэровъ. Во второй половинѣ своего труда Зарудный въ восьми параграфахъ детально разбираетъ *все* возраженія противъ суда присяжныхъ и, наконецъ, останавливается на вопросѣ о *своевременности* введенія въ Россіи суда присяжныхъ. И тѣмъ не менѣе г. Фукуъ утверждаетъ, что вопросъ о судѣ присяжныхъ былъ недостаточно разработанъ и какъ бы скомканъ.

III.

Н. А. Будицкій, въ своей запискѣ объ основныхъ началахъ уголовного судопроизводства, анализируетъ прежде всего проектъ гр. Блудова, предполагавшаго рѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи безраздѣльно предоставить судьямъ-юристамъ и сословнымъ засѣдателямъ, и затѣмъ переходитъ къ ученію объ общихъ гарантіяхъ правосудія, а именно: 1) раздѣленіе вопросовъ о винѣ отъ вопроса о наказаніи; 2) многочисленность коллегіи, рѣшающей дѣло; 3) широкое право отвода; 4) предоставление вопроса о виновности рѣшенію общественныхъ представителей, и о наказаніи—судьямъ-техникамъ. Каждое изъ этихъ положеній можетъ быть введено,—говоритъ Будицкій,—независимо отъ всякихъ политическихъ видовъ, изъ однихъ только юридическихъ соображеній.

Строгость наказанія нерѣдко побуждала судей признавать *невиннымъ совершенно изобличеннаго преступника*. Равномѣрно бывали и преувеличенія виновности, если преступникъ возбуждалъ противъ себя негодованіе или омерзѣніе. Такимъ образомъ, преступники наказывались *по усмотрѣнію судей*, а не согласно уставамъ закона. Если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ недостатокъ этотъ устраняется отъ *раздѣленія* вопросовъ о винѣ и наказаніи.

При рѣшеніи вопроса о винѣ по внутреннему убѣжденію предполагается, что каждый судья даетъ мнѣнія по чистой совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемой. Такъ какъ это есть единственное качество, которое требуется отъ судейскаго мнѣнія, и по этому собственно качеству данное мнѣніе почитается истиннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что вѣроятность правдивости рѣшенія, дан-

наго по внутреннему убѣжденію судей, зависить не отъ качества выраженнаго въ немъ мнѣнія, которое во всякомъ случаѣ должно подходить подъ общій уровень по своему существенному свойству, но единственно отъ количества голосовъ, соединившихся въ одномъ рѣшеніи. Чѣмъ болѣе лицъ, признающихъ вину или невинность подсудимаго, тѣмъ болѣе шансовъ, что предполагаемая истинность ихъ убѣждений есть истина дѣйствительная. Когда судьи въ мнѣніяхъ своихъ связаны закономъ, то и меньшее число голосовъ можетъ имѣть преимущество предъ бѣльшимъ, если первое ближе подходит въ требованіямъ закона, чѣмъ послѣднее. Но когда судьи даютъ мнѣнія лишь по внутреннему убѣжденію, для котораго не существуетъ никакого внѣшняго мѣрила, тогда сильнѣйшимъ можетъ быть только мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ болѣе голосовъ. Вотъ почему необходимо, чтобы судъ, рѣшающій вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго по со- вѣсти, былъ по возможности въ *наибольшемъ числѣ*.

Право отвода судей тогда только доставляетъ надлежащее огражденіе, когда отводъ можетъ быть предъявляемъ безъ представленія въ тому причинъ. Нелегко доказать причины отвода и даже не всегда можно ихъ выставить, а между тѣмъ, при существованіи этихъ причинъ, нельзя положиться на безпристрастіе судьи.

Въ уголовномъ уложеніи, болѣе чѣмъ во всякой другой части законодательства, обнаруживается безсиліе закона вмѣстить въ общихъ правилахъ все разнообразіе жизни и предусмотрѣть всѣ случаи, ея представляемая, потому что въ этой сферѣ житейскихъ страстей отдѣльные случаи столь же разнообразны, какъ разнообразны порождающія ихъ страсти, характеры, положенія и отношенія людей.

Гдѣ не можетъ дать надлежащаго руководства законъ, тамъ должна служить руководительницею совѣсть, и именно *совѣсть общества*, какъ таковаго коллективнаго лица, котораго юридическія воззрѣнія служатъ *главнымъ источникомъ самою законодательства*. Но общество не можетъ быть судьей въ полномъ своемъ составѣ, слѣдовательно оно должно подавать свой голосъ черезъ своихъ представителей, и тамъ, гдѣ общество не слилось еще въ одну общую массу, гдѣ существуютъ различныя сословія, представители его должны быть сословными. Мысль эта проявляется въ нашемъ законодательствѣ въ установленіи судебныхъ засѣдателей, назначаемыхъ по выборамъ. Къ тѣмъ же выводамъ приводятъ и другія соображенія: у насъ невозможно наполнить одними свѣдущими въ правовѣденіи лицами составъ судилищъ,

необходимый при опредѣленіи виновности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей; вообще люди многообразной вѣшной дѣятельности способны оцѣнить выходящія изъ нея факты, чѣмъ судьи-техники, теряющіе иногда за своими кабинетными занятіями живое созерцаніе дѣйствительности и впадающіе отъ долговременнаго обращенія съ подсудимыми въ равнодушіе къ ихъ участи; наконецъ, между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти, должны быть такіа лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ *среды по ихъ понятіямъ, правамъ и обычаямъ*, для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенія уликъ, такъ и свойства виновности подсудимаго, опредѣляемой вообще кругомъ его понятій и общимъ уровнемъ нравственности, для того, чтобы судьи были *олицетворенною совѣстью обвиняемаго*. Наказаніе же опредѣляютъ судьи-техники.

Всѣ вышеобъясненныя гарантіи указываютъ прямо, — говорить Будковскій, — *на присяжное съ судъ начало*. Дѣйствительно, трудно или даже почти невозможно представить себѣ какое-либо существенное улучшение въ уголовномъ судопроизводствѣ, не прибѣгая къ присяжному началу. Многіе изъ нашихъ юристовъ убѣждены, что введеніе у насъ суда присяжныхъ возможно, и принесло бы большую пользу поднятіемъ судебной власти на подобающую ей степень достоинства, силы и уваженія и распространеніемъ въ народѣ здравыхъ юридическихъ понятій и чувства законности. Но существуетъ и противное тому мнѣніе, въ подтвержденіе котораго приводятъ обыкновенно два возраженія: во-первыхъ, что судъ присяжныхъ есть судъ общества, несомѣстный съ правами самодержавной власти, а во-вторыхъ, что общество наше недостаточно развито для того, чтобы входить въ судейскія соображенія, требующія и тонкаго анализа, и юридическихъ выводовъ.

Но присяжное начало не есть казая-нибудь новостъ въ Россіи. Еще во время дѣйствія Русской Правды и затѣмъ Судебниковъ важнѣйшія уголовныя дѣла предоставлены были разбирательству исключительно выборнымъ людямъ, *убнымъ старостамъ и цювальникамъ*, сначала въ видѣ привилегіи, а со времени Грознаго, который пользовался неограниченно своими самодержавными правами, — въ видѣ *общаго учрежденія*. Мысль о необходимости удержанія на судѣ присяжнаго или, по крайней мѣрѣ, выборнаго начала никогда не была оставляема вполнѣ нашимъ правительствомъ и послѣ Петра. Екатерина II дворянскому и городскому сословіямъ предоставила право судиться одними

равными, а впоследствии и волостнымъ и сельскимъ расправамъ предоставлено было право суда по маловажнымъ дѣламъ и удаленія людей порочнаго поведенія. Сводъ законовъ 1857 г. также признаетъ присяжное начало въ видѣ вердикта 12-ти лицъ о членовредительствѣ, приговоровъ мѣщанскихъ обществъ о порочныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи судомъ членахъ.

Въ виду этихъ данныхъ можно ли утверждать, — спрашиваетъ Буцовскій, — что судъ присяжныхъ непримѣнимъ у насъ. Если же наблюдается то странное явленіе, что наши древніе судные мужи болѣе удовлетворяли общество, чѣмъ наши позднѣйшіе судебные засѣдатели, то причина его простая — въ томъ, что первые примѣняли вполнѣ знакомое имъ обычное право, а послѣдніе теряются въ огромныхъ сборникахъ законовъ, доступныхъ только специалистамъ по законовѣденію. Этимъ также объясняется, почему присяжное начало, отъ котораго правительство наше никогда положительно не отказывалось, не получило надлежащаго развитія въ судебныхъ учрежденіяхъ новѣйшаго времени. Сословные засѣдатели, которые ни научнымъ образованіемъ, ни прежними занятіями своими болѣею частью не приготовлены къ тому, чтобы подвизаться *на поприщѣ законовѣденія*, попали въ руки, съ одной стороны, членовъ отъ правительства, болѣе или менѣе знакомыхъ съ теоріею, а съ другой — секретарей-практиковъ, искусившихся въ подборъ статей закона для всякаго рѣшенія, праваго или неправаго, и такимъ образомъ утратили свое судейское достоинство и обратились въ совершенные нули. Извѣстно, что сельскіе засѣдатели въ судахъ употреблялись нерѣдко для исполненія служительскихъ обязанностей, топки печей и чистки комнатъ.

При такомъ положеніи сословныхъ засѣдателей скорѣе можно было бы помышлять объ уничтоженіи этого установленія, чѣмъ о дальнѣйшемъ его развитіи (какъ предполагалъ проектъ графа Блудова). Но политично ли, справедливо ли лишить общество *последней опоры народнаго суда*, которымъ такъ дорожатъ всѣ гражданскія общества? Если народная любовь къ Грозному, несмотря на всѣ его жестокости и неистовства, была не вымысломъ, а дѣйствительностью, какъ удостовѣряютъ всѣ наши историки, если смерть ни одного, можетъ быть, государя прежнихъ временъ не была такъ оплакиваема народомъ, какъ смерть Грознаго, то не служить ли это яснымъ доказательствомъ того, *какое сочувствіе находили въ народѣ* гласныя мѣры, которыми отличалось правленіе Грознаго, старавшагося *развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда*. Итакъ, судебное преобразование должно

стремиться не къ устраненію изъ нашихъ судовъ сословныхъ засѣдателей, не къ тому, чтобы затруднительными и почти неисполнимыми условіями выбора, какъ напр. требованіемъ отъ засѣдателей юридическаго образованія (таково было требованіе Блудовскаго проекта) *сдѣлать народное представительство мнимымъ или только номинальнымъ*; но, напротивъ того, въ постановленію сословныхъ засѣдателей въ положеніе, соотвѣтствующее кругу ихъ понятій и свѣденій, чтобы они могли исполнять свои обязанности, *не краснѣя предъ людьми и сознавая въ глубинѣ своей совѣсти, что имъ доступно святое дѣло суда, и что они исполнили его со вниманіемъ и безъ всякихъ личныхъ видовъ и лицепріятія.*

Для этого нужно прежде всего—говоритъ Блудовскій—совершенно отдѣлить въ уголовныхъ дѣлахъ вопросъ о виновности или невинности подсудимыхъ отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія, и предоставить: первый—разрѣшенію сословныхъ засѣдателей въ качествѣ присяжныхъ, которыхъ организація представляла бы всѣ вышеисчисленныя гарантіи, а второй — соображенію судей-техниковъ.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать, — утверждаетъ авторъ записки, — что при такомъ раздѣленіи судейскихъ занятій сословные засѣдатели, какъ судьи одной фактической стороны дѣла, будутъ ниже своихъ обязанностей. Напротивъ того, есть много основаній думать, что сословные засѣдатели въ этомъ ограниченномъ кругѣ судопроизводства *будутъ лучшими органами правосудія, чѣмъ закопавшіеся въ бумагахъ судьи-техники.* Дѣйствительно, что обыкновенно требуется отъ присяжныхъ судей? Рѣшить, изобличается ли подсудимый въ томъ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ судей фактической стороны дѣла только одного полного внутренняго убѣжденія, не стѣсненнаго никакими формальными доказательствами, то очевидно, что для справедливаго рѣшенія такого вопроса присяжные, избираемые обыкновенно изъ того же разряда людей, къ которому принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ судьи-техники. Какъ тѣ, такъ и другіе, пользуются одними и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присутствующая каждому человѣку съ болѣе или менѣе проницательнымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвиненія соображеній, въ которыхъ *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ.*

Но, сверхъ этихъ общихъ данныхъ, присяжные. для открытія истины могутъ пользоваться какъ указаніями народной молвы, которая скорѣе дойдетъ до нихъ, чѣмъ до постоянныхъ судей, такъ и ближайшею извѣстностью имъ сословныхъ и мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни,—что проливаетъ иногда свѣтъ на такія обстоятельства, которыя для людей, не посвященныхъ въ этотъ обиходъ, кажутся *или темными, или неимпющими значенія*.

Правда, что задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ свойства или степени умысла подсудимаго, или обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ его вину; но въ этихъ случаяхъ присяжнымъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателемъ суда всѣ надлежащія объясненія о существующихъ въ законѣ правилахъ и практическомъ ихъ примѣненіи, какъ это постоянно соблюдается въ судахъ присяжныхъ въ Англіи. Впрочемъ, еслибы даже присяжные не поняли вполне объясненія предсѣдателя и не соблюли какой-либо тонкости, то едва ли это можно считать не только большимъ, но даже какимъ-либо зломъ. Уголовные законы, въ главныхъ ихъ основаніяхъ, понятны и извѣстны каждому человѣку, какъ требованіе естественной справедливости и общественной пользы, и такія элементарныя свѣденія не могутъ быть чужды присяжнымъ. *Но тонкости уголовного права* суть такія воззрѣнія, которыя выработаны въ кабинетахъ ученыхъ криминалистовъ, и часто вовсе не входятъ въ кругъ понятій необразованной массы людей. Если присяжные, принадлежащіе обыкновенно къ одному съ подсудимымъ разряду людей, не понимаютъ какой-либо тонкости, это вѣрный признакъ, что она *не входитъ въ кругъ понятій*, обращающихся въ извѣстномъ словѣ общества, и была бы въ данномъ случаѣ неумѣстна. Въ этомъ обнаруживается *не слабая, но сильная сторона суда присяжныхъ*. Законы пишутся для всѣхъ, безъ различія слоевъ общества и индивидуальностей, и въ такомъ обобщенномъ видѣ они могутъ быть названы справедливыми только въ отвлеченномъ смыслѣ. Задача суда состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ справедливыми *и въ практическомъ примѣненіи...* Постоянные судьи не могутъ исполнить эту задачу удовлетворительно потому, главнымъ образомъ, что, стоя на высотѣ отвлеченныхъ истинъ законодательства, они съ трудомъ могутъ снизойти до непосредственнаго взгляда на дѣйствительную жизнь и видятъ ее только чрезъ окно своего кабинета и чрезъ груды письменности, за которою *не видно живыхъ людей*, т.-е. индивидуальных личностей. Отсюда происходитъ склонность постоянныхъ судей

вставлять всевозможные случаи *изъ известныхъ, заранее опредѣленныхъ рамокъ отвлеченныхъ понятій*. Много несправедливыхъ и много явныхъ послабленій *произошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣло суда пало исключительно въ руки судей-техниковъ*.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся присяжные. Не стѣсняясь никакими формальными предписаніями въ признаніи вины или невинности подсудимаго, внося въ судъ свѣдѣсть и непосредственность взгляда на дѣйствительную жизнь, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, не отуманенной исключительными кабинетными занятіями, и будучи чужды того категорическаго недовѣрія, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами, присяжные представляются лучшими *примирителями требованій правды съ дѣйствительною жизнью*, неспособными приносить въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ и понятіямъ индивидуальность дѣйствительныхъ случаевъ и живыхъ личностей. Это высокое значеніе суда присяжныхъ, понятое первоначально только въ Англіи, цѣнится все болѣе и болѣе и на западѣ Европы, и цѣнится *не только съ политической, но и съ чисто юридической точки зрѣнія*.

Распространившееся повѣрье, что судъ присяжныхъ имѣетъ преимущественно *политическій* характеръ, — замѣчаетъ Буцковскій, — много препятствовало распространенію этого *ничѣмъ незамѣнимаго учрежденія*. Не говоря о томъ, что такое повѣрье, какъ доказано теперь многими учеными криминалистами, не имѣетъ надлежащаго основанія и образовалось только изъ того, что требованія о введеніи суда присяжныхъ предъявлялись преимущественно въ эпохи болѣе самостоятельности общественнаго мнѣнія — нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ чрезъ присяжныхъ. Такимъ образомъ у насъ въ Россіи, заключаетъ авторъ, для отклоненія всякаго политическаго характера отъ суда присяжныхъ можно было бы изъять изъ его вѣдомства не только преступленія государственныя, но также преступленія противъ порядка управленія и государственной и общественной службы.

Но за этими изъятіями введеніе суда присяжныхъ въ Россіи *необходимо*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь не положила такихъ глубокихъ разгромленій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ по-

стоянныхъ судей, принадлежащихъ къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшаго сословія существуетъ цѣлая пропасть.

Говорятъ, что народъ нашъ слишкомъ мало развитъ для того, чтобы имѣть судъ присяжныхъ. Но, казалось бы, это самое положеніе народа, т.-е. его неразвитость, представляетъ основаніе къ совершенно *противоположному* заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ особыхъ гарантіяхъ на судъ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Затѣмъ, представивъ еще нѣсколько дополнительныхъ соображеній, Н. А. Буцовскій излагаетъ и самый проектъ организаціи суда присяжныхъ.

IV.

Приведенныя выписки изъ замѣчательной записки Буцовскаго, остававшейся неизвѣстною ¹⁾ въ теченіе двадцати-семи лѣтъ, могутъ дать надлежащее представленіе какъ о томъ, насколько тщательно и всесторонне разрабатывались вопросы въ подготовительныхъ стадіяхъ судебной реформы, такъ и о томъ, сколько правды въ словахъ „критиковъ“ новаго суда, даже и не подозревающихъ о существованіи десятковъ томовъ и тысячъ фоліантовъ матеріаловъ судебной реформы (однѣ только объяснительныя записки, составленныя комиссіею В. П. Буткова въ 1863 г. въ поясненіе уставовъ гражд. и угол. судопр. и учрежд. судеб. устан. занимаютъ тысячу-семьсотъ-пятьдесятъ-восемь печатныхъ страницъ), но утверждающихъ однако, что составители судебныхъ уставовъ отнеслись къ своей задачѣ „легвомысленно“...

Будемъ надѣяться, что въ теченіе второго двадцатипятилѣтія судебной реформы явится подлинная ея исторія на основаніи огромнаго семидесяти-четырехъ-томнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, заключающаго въ себѣ безчисленные доказательства изумительнаго трудолюбія и примѣрной добросовѣстности благородныхъ труженниковъ судебной реформы.

Эта подлинная исторія судебной реформы разъяснитъ тотъ важный фактъ, который многимъ кажется непонятнымъ, и для разъясненія котораго органы извѣстной печати не стѣсняются придумывать самыя чудовищныя объясненія. Мы подразумеваемъ

¹⁾ Только нѣсколько соображеній ея вошли въ Журн. Госуд. Совѣта 1862 г., № 65, приводимый подъ ст. 201 уст. уг. суд. въ изд. госуд. канц.

фактъ совершившагося въ 1862 г. болѣе рѣшительнаго перелома въ направленіи судебной реформы.

По версіи „комментаторовъ“ извѣстнаго лагеря, исторія судебной реформы распадается на двѣ несходныя и даже *прямо противоположныя во всемъ* эпохи.

До конца 1861 года дѣло судебного преобразованія идетъ будто мѣрнымъ, мирнымъ шагомъ „постепенныхъ улучшеній“, съ сохраненіемъ „традиціи прошлаго“. Словомъ, пока во главѣ дѣла стоитъ осмотнительный юристъ гр. Д. Н. Блудовъ, дѣло ведется въ „историко-органическомъ“ направленіи ¹⁾.

Но вотъ съ 1862 года являются у насъ „юристы-либералы“ или, скорѣе, юристы-вандалы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и др., и съ дѣтскою рѣзвостью, и съ вандальски-буйною жестокостью разрушаютъ и искажаютъ все сдѣланное ихъ предшественниками, и на очищенномъ такимъ образомъ полѣ, какъ на *tabula rasa*, выводятъ по доктринерскому плану зданіе новаго суда. Словомъ, по версіи нынѣшнихъ историографовъ, выходитъ такъ, будто судебные уставы въ одно мгновеніе вышли изъ головы „молодыхъ радикальныхъ“ юристовъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но не во всеоружіи мудрости, красоты и мощи, а какъ недоношенный плодъ теоретическаго недомыслия и раздражательнаго легеомыслия...

Для объясненія такого поразительнаго, но никому невѣдомаго историческаго событія, одна изъ газетъ не остановилась даже предъ обвиненіемъ этихъ юристовъ въ „*злоупотребленіи доверіемъ* своихъ начальниковъ и введеніи ихъ въ заблужденіе“. Помимо даже идеальной чистоты этихъ высоко-нравственныхъ людей, неспособныхъ на неблаговидные поступки, а ргіогі вается чѣмъ-то неправдоподобнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ, какъ эти два-три юриста настолько успѣли отуманить головы высшихъ государственныхъ сановниковъ, что они, забывъ Высочайшее повелѣніе 1859 г. о воспрещеніи касаться, напр., суда присяжныхъ, въ 1862—1864 гг. безпревословно приняли и одобрили его, и въ числѣ одобрившихъ были такіе столпы благонадежной юриспруденціи, какъ гр. Д. Н. Блудовъ и гр. Н. В. Панинъ. Подчиненный можетъ, конечно, внести отъ себя какіе-нибудь детальныя мотивы въ докладъ, но *сущность* дѣла все же должна быть сознательно усвоена законодательными органами, а иначе какая же существуетъ гарантія, что вообще законъ

¹⁾ См. главу I „Суда и полиціи“, Виктора Фукса, стр. 404. „Современная Россія“, „Москов. Вѣд.“ 1868 г., № 329.

есть подлинно сознательное дѣло законодательныхъ органовъ, а не недоразумѣніе, вызванное посторонними, неблагонамѣренными людьми. Когда въ памятныхъ засѣданіяхъ, 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г., государственнаго совѣта *единогласно* принимался судъ присяжныхъ, а впоследствии, осенью 1864 года, и судебные уставы — знали же члены государственнаго совѣта, что рѣчь идетъ *именно о судѣ присяжныхъ*, а не о чемъ другомъ. О какомъ же введеніи въ заблужденіе „подчиненными“ можетъ быть рѣчь? Никто нивого не могъ и не хотѣлъ вводить и не вводилъ въ заблужденіе, и всѣ дѣйствовали вполне сознательно. На это и не нужно доказательствъ, — это слишкомъ ясно и безъ того.

Въ формулярномъ спискѣ Буцковскаго имѣется одно указаніе, не безынтересное въ этомъ отношеніи и совершенно до сихъ поръ неизвѣстное. Осенью 1863 года комиссія, въ уголовномъ отдѣленіи которой предсѣдательствовалъ Н. А. Буцковскій, окончила свой трудъ, составивъ проекты судебныхъ уставовъ и снабдивъ ихъ обширными объяснительными записками. Императоръ Александръ II пожелалъ предварительно ознакомиться съ работою комиссіи Буткова, и вотъ что по этому предмету значится въ упомянутомъ послужномъ спискѣ, какъ вообще о работахъ комиссіи, такъ и въ частности о Буцковскомъ, работавшемъ надъ „судомъ присяжныхъ“. Повойный государь, принявъ *съ особымъ благоволеніемъ* представленную Его Величеству предсѣдателемъ государственнаго совѣта работу комиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части, и усмотрѣвъ изъ всеподданнѣйшаго *доклада графа Блудова*, что оберъ-прокуроръ Буцковскій былъ однимъ *изъ главныхъ по этой работѣ дѣятелей*, оказавъ особое вниманіе Буцковскому за его *особые и полезные* труды.

Изъ этой справки очевидно, какъ далеко отъ истины возрѣніе, утверждающее, будто, съ удаленіемъ въ 1863 г. гр. Блудова отъ руководства судебною реформою, она *сразу*, вслѣдствіе давленія „радикальныхъ юристовъ“, пошла *въ разрѣзъ* прежнему направленію, совершенно чуждому гр. Блудову. Такой поверхностный взглядъ и самъ по себѣ необъидителенъ, и фактически невѣренъ, притомъ совершенно чуждъ тому историко-органическому методу, отсутствіе котораго такъ несправедливо ставится въ вину дѣятелямъ 62—64 годовъ. Здѣсь не мѣсто излагать всѣ подробности „Дѣла“, но считаемъ нелишнимъ показать на одномъ примѣрѣ гр. Блудова, какъ даже такіе убѣжденные „постепеновцы“ и охлажденные умы, подъ вліяніемъ совершившихся со-

бытій и по мѣрѣ уясненія условій окружающей среды, приходили къ мысли о необходимости оставить путь „частичныхъ улучшеній“ и выступить на путь рациональный, научный, т.-е. на путь болѣе *рѣшительныхъ преобразованій*.

Съ 1842 года, когда поручено было гр. Блудову приступить къ судебному преобразованію, онъ и гр. Панинъ довольствовались перепискою о второстепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ (сокращенія инстанцій, отмена рукоприкладства и т. п.), и такое поправленіе продолжалось вплоть до конца царствованія имп. Николая Павловича. Съ начала новаго царствованія, подъ вліяніемъ извѣстныхъ отрезвляющихъ событій крымской войны, настоятельно требовавшихъ измѣненія стародавняго строя жизни, совершается весьма замѣтная перемѣна во взглядахъ самого гр. Блудова. Вотъ какъ онъ самъ объясняетъ эту перемѣну въ запискѣ 1857 г., при которой онъ вносилъ въ государственный совѣтъ проектъ устава гражд. судопроизводства. „Мнѣ также казалось,—пишетъ гр. Блудовъ,—въ *началѣ* моего труда, что можно было улучшить наше гражданское судопроизводство посредствомъ исправленія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ постановленій; но чѣмъ тщательнѣе я вникалъ въ сущность дѣла, тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе представлялась мнѣ истина, что *чрезъ частныя* измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой цѣли, но едва ли даже *не удалимся отъ нея*. Надобно стараться устранить *причины зла*, т.-е. безпорядковъ, въ самомъ *изгъ корня*, а для сего необходимо принять другую, совершенно *отличную* отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ *непреложныхъ* началахъ, безъ *коихъ* не можетъ быть *правильнаго* судопроизводства... Намъ въ особенности,—заключаетъ Блудовъ,—нельзя подумать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой *основной мысли* ея, безъ принятія другихъ не только отличныхъ, но до нѣкоторой степени *противныхъ ей началъ*“.

Но пойдѣмъ дальше. Наступаетъ канунъ освобожденія крестьянъ, и гр. Блудовъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ на встрѣчу прогрессивнымъ теченіямъ. Въ „Запискѣ“, при коей онъ вносилъ въ 1860 г. въ государственный совѣтъ уставъ судоустройства, онъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ отдѣленія судебной власти отъ административной. Обозрѣвая исторію русскаго законодательства, начиная съ Петра Великаго, онъ видитъ въ ней, какъ одну изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ, постоянное стремленіе „къ освобожденію судовъ отъ *всякаго вмѣшательства властей административныхъ*“¹⁾.

¹⁾ См. томъ IV „Дѣла о преобр. суд. части“, стр. 3349 и др.

Въ уставѣ угол. суд. 1860 года онъ предлагаетъ впервые *мировой институтъ*, какъ логическій выводъ изъ принципа полнаго отдѣленія власти судебной отъ административной. Что касается „суда присяжныхъ“, то о немъ въ объяснительной запискѣ графа Блудова находимъ весьма важное замѣчаніе, совершенно *неизвѣстное* его почитателямъ, привывшимъ слѣпо преклоняться предъ его авторитетомъ, *jugate in verba magistri*. „*Не оспаривая выгоды суда чрезъ присяжныхъ*, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ, мы, однако, убѣждены,—пишетъ гр. Блудовъ,—что рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ должно у насъ остаться *пока* на обязанности судей“¹⁾. Изъ дальнѣйшаго изложенія явствуетъ, что гр. Блудовъ считалъ несвоевременнымъ введеніе суда присяжныхъ, не потому, что онъ несомѣстимъ съ самодержавіемъ, какъ думаютъ нынѣшніе, а по чисто юридическому соображенію, въ виду неразвитости народныхъ массъ.

Но настало „19-ое февраля“, и казавшееся невозможнымъ еще наканунѣ этого дня стало возможнымъ, даже „неизбѣжнымъ“ на другой день послѣ провозглашенія, 5-го марта, этого освободительнаго акта.

Вліяніе его сильно отразилось на ходѣ судебной реформы, которая съ 1861 г. сдѣлала еще одинъ и окончателный шагъ впередъ по пути приобщенія „къ общимъ“ непреложнымъ началамъ, т.-е. общеевропейской наукѣ и практикѣ. Гр. Блудовъ чувствовалъ, что ему не подъ силу дальнѣйшее руководство этимъ дѣломъ, вступающимъ въ новый рѣшительный фазисъ. Явились новые дѣятели: кн. П. И. Гагаринъ, В. П. Бутковъ, С. И. Зарудный, Н. А. Буцовскій, Д. А. Ровинскій, Н. И. Стояновскій, Д. Н. Замятинъ и др., и старые дѣятели, графы Д. Н. Блудовъ и Н. В. Панинъ, начинаютъ сходить со сцены или уступать другимъ руководящую роль. Освободительное теченіе и гуманно-либеральное направленіе, охватившее если не большую, то болѣе дѣятельную часть интеллигентнаго общества, отразилось и на старыхъ служакахъ Николаевскаго времени.

Это новое направленіе всего больше сказалось на ходѣ вопроса о судѣ присяжныхъ. Казавшійся „невозможнымъ“ еще въ 1859 г. и вызывавшій, какъ учрежденіе мнимо-революціонное, паническій страхъ, судъ присяжныхъ благополучно, мирно и *единолично* проходить, весною и лѣтомъ 1862 г., какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи государствен-

¹⁾ См. т. VII „Дѣла о преобр. суд. части“, стр. 132, объясн. зап. къ уст. суд. по прест.

наго совѣта. Однимъ изъ горячихъ защитниковъ суда присяжныхъ выступилъ глава консервативной партіи, тогдашній министръ юстиціи, гр. Н. В. Панинъ, который въ 1843 г. находилъ черезъ-чуръ радикальнымъ даже „предположеніа“ Блудова объ упраздненіи „рукоприкладства“¹⁾.

Гр. Панинъ заявляетъ, что только судъ присяжныхъ можетъ быть „дѣйствительно независимъ отъ администраціи“. Также единогласно прошли и другія либеральныя основы судебной реформы.

Всѣми тогда овладѣло какое-то неудержимое стремленіе какъ можно скорѣе излечить нашъ общественный организмъ отъ многочисленныхъ и застарѣлыхъ язвъ и болячекъ, унаслѣдованныхъ отъ давняго и недавняго прошлаго, когда Россія была—по мѣткому выраженію Хомякова—

Въ судахъ черна не правдой черной
И нгомъ рабства клеймена...

Дѣятелей 61-го и 64-го годовъ называютъ „теоретиками“, упрекаютъ въ оптимизмъ, упрекаютъ въ увлеченіи идеализмомъ. Безъ идеализма, впрочемъ, не обходится ни одно крупное начинаніе. Но идеализмъ идеализму рознь! Есть здоровый идеализмъ, и есть идеализмъ болѣзненный.

Въ началѣ второй четверти текущаго столѣтія у насъ можно было наблюдать примѣръ явнаго увлеченія нездоровымъ, фальшивымъ идеализмомъ. Всѣ хорошо знали, какая масса злоупотребленій и беспорядковъ существовала въ тогдашнихъ правительственныхъ, и административныхъ, и судебныхъ учрежденіяхъ, но для уврачеванія ихъ признано было нужнымъ обратиться не къ тѣмъ испытаннымъ средствамъ, которыя рекомендовала наука и практика. Все научное было въ то время въ сильномъ подзрѣніи. Обратились къ домашнему, самобытному средству, избрѣтенному графомъ Бенкендорфомъ. Учреждено было третье отдѣленіе, упраздненное въ 1880 г. и имѣвшее, при основаніи, вовсе не задачи полиціи государственной, а функціи недреманнаго и всевидящаго благодѣтельнаго полицейскаго, провиденціальнаго ока, долженствовавшаго невидимо, но дѣятельно контролировать всѣ безъ изъятія части управленія. Нельзя читать безъ улыбки обнародованную недавно инструкцію графа Бенкендорфа 1827 г., въ которой онъ не только поручаетъ

¹⁾ См. названное „Дѣло“, т. II, переписка гр. Панина съ гр. Блудовымъ. Особая записка, стр. 5—8.

неусыпному наблюдению агентовъ своихъ официальную дѣятельность всѣхъ органовъ власти, но ввѣряетъ ихъ отеческому попеченію внимать „гласу страждущаго человѣчества и безгласнаго и беззащитнаго гражданина“ и даже слѣдить за поведеніемъ молодыхъ людей, и „добрыми внушеніями вселять въ заблудшихъ стремленія къ добру и возводить ихъ на путь истинный“ (п. 3 и 4). Учреждая этотъ новый орденъ миссіонеровъ, или какихъ-то всевидящихъ государственныхъ ревизоровъ, обязанныхъ, при помощи сердцевѣденія, отрывать творимое зло и водворять, посредствомъ тайныхъ розысковъ и донесеній, правду и благоденствіе на Руси, авторъ инструкціи и не задается вопросомъ, какія у его агентовъ могутъ быть сверхъестественные пути для распознаванія правды и истины, и какія у гражданъ будутъ средства для огражденія себя отъ притѣсненія безконтрольныхъ и тайныхъ, но властныхъ опекуновъ. Что касается злоупотребленій, то гр. Бенендорфъ „и помыслить не смѣлъ объ этомъ“, а относительно путей осуществленія возложенной имъ миссіи онъ полагалъ, что какъ только разосланные имъ по разнымъ концамъ Россіи Гарунъ-аль-Рашиды приступать къ выполненію своей провиденціальной миссіи, то всѣ „граждане, любящіе отечество и правду, сдѣлаются ихъ сотрудниками и помощниками“. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ продуктъ безпочвеннаго оптимизма, безотчетнаго бюрократическаго сентиментализма и безпредметнаго, а потому и фальшиваго, идеализма, потерпѣлъ на первыхъ же порахъ полную неудачу ¹⁾.

Не таковъ былъ идеализмъ дѣятелей судебной реформы. Вводя, напр., судъ присяжныхъ и другіе институты нашего новаго судебного права, они, конечно, исходили изъ вѣры въ силу добра, въ добрые инстинкты и здравый смыслъ русскаго народа и, въ частности, „вчерашнихъ рабовъ“. Но они не ограничивались только воззваніемъ къ добрымъ чувствамъ будущихъ судебныхъ дѣятелей и предоставленіемъ имъ всеильнаго произвола относительно гражданъ. Для обезпеченія правильности дѣйствій судей установлены были всѣ рѣшительно *гарантіи*, какія только придумалъ общечеловѣческій опытъ, и какія только были возможны въ нашей средѣ (несмѣняемость судей и адвокатуры, гласность

¹⁾ Хотя вмѣшательство III отдѣла, во всѣ части управленія продолжалось до самой судебной реформы (см. „Русскую Старину“, 1886 г., № 12), но оно уже въ 20-хъ годахъ встрѣчало производѣйствіе со стороны высшихъ представителей администраціи (см. въ „Русской Старинѣ“, 1889, № 7, объ отношеніяхъ съ III-мъ отдѣленіемъ московскаго генералъ-губернатора Д. В. Голицына.

и контроль общественнаго мнѣнія и печати, судъ общественной совѣсти и пр.).

Сверхъ того, творцы судебной реформы вѣрили, вмѣстѣ съ лучшими мыслителями Европы, что „хорошія учрежденія *разви- вають и совершенствуютъ общество*, распространяють въ народѣ „понятія о справедливости и законѣ“¹⁾).

Такому симпатичному увлеченію, служащему лучшимъ и единственнымъ источникомъ и рассадникомъ прогрессивныхъ реформъ, платили дань въ 60-хъ годахъ „и подчиненные, и начальствующіе“, „и докладчики, и облеченные властью“. И тѣ, и другіе вѣрили, ждали, надѣялись, что, даруя Россіи лучшія учрежденія, до которыхъ только додумалось человѣчество, и для правильнаго дѣйствія которыхъ нужно дѣятельное участіе развитыхъ и любящихъ общественное дѣло гражданъ, этимъ пробудятъ „чести ключъ“ въ обществѣ.

Вотъ объясненіе того необъяснимаго факта, о которомъ упоминалось выше; вотъ гдѣ источникъ того прогрессивнаго движенія, оптимистическаго увлеченія и благороднаго воодушевленія, которое въ 60-хъ годахъ породило реформы прошлаго царствованія. Для объясненія ихъ вовсе не нужна придуманная извѣстною частью печати ни съ чѣмъ несообразная басня о томъ, что кто-то кого-то „обманывалъ“ или „сознательно морочилъ“.

Нѣтъ, тутъ не было и не могло быть никакого ни намѣреннаго, ни ненамѣреннаго обмана. Тутъ дѣйствовалъ тотъ подъѣмъ духа, который, по глубокому замѣчанію нашего маститаго историка, Соловьева²⁾, одинъ даетъ сильному правительству, въ союзѣ съ лучшими силами общества, возможность „быть безнаказанно либеральнымъ“; тутъ дѣйствовало такъ настойчиво проводимое нашимъ юристомъ-философомъ П. Г. Рѣдвинимъ, въ его лекціяхъ³⁾, то начало, что мудрый политикъ не долженъ довольствоваться „палліативными мѣрами, а лечитъ *радикально* всякую общественную болѣзнь съ твердою помощью *началъ науки*“.

Упрекають составителей уставовъ 20-го ноября, что они, будучи „идеологами“, черезъ-чуръ увлекались своими либеральными теоріями, не принимая во вниманіе условій среды и вліянія прошлой исторіи. Но и этотъ упрекъ лишень основанія. Они, повидимому, хорошо помнили мудрое замѣчаніе Тацита, что „лекарства дѣйствуютъ не такъ быстро, какъ болѣзни; что легче подавить самостоятельность, чѣмъ снова вызвать ее къ жизни“ (*facilius*

¹⁾ См. т. XVIII „Дѣла о преобр. суд. части“, стр. 32.

²⁾ С. Соловьевъ, Александръ I, стр. 165.

³⁾ П. Г. Рѣдвинъ, *Изъ лекцій по философіи*, стр. 37.

oppresseris, quam revocaveris ¹⁾). Они очень хорошо понимали, что послѣ того тяжелаго времени, когда, по мѣткому замѣчанію И. С. Аксакова, „на Руси повсемѣстно слышно было одно лишь молчаніе“, не легко будетъ имѣ снова пробудить гражданское чувство, интересъ къ общественному дѣлу и свободную самодѣятельность; но тѣмъ не менѣе они признали нужнымъ и необходимымъ введеніе судебной реформы, ибо судебныя учрежденія сами являлись тою *школою*, безъ которой *невозможно* было развитіе или лучше возбужденіе вышеупомянутыхъ, атрофированныхъ въ предшествовавшую эпоху общественныхъ чувствъ.

„Разумный законъ,—разсуждали они,—никогда *не сдѣлаетъ зла*; можетъ быть, по какимъ-либо *обстоятельствамъ* и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполняемъ нѣкоторое время, согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ *пуститъ глубоко* свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства“ ²⁾).

Сторонники того времени либеральныхъ *реформъ* въ печати точно формулировали въ своихъ органахъ нѣкоторыя изъ такихъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ служить *препятствіемъ* въ успѣшному дѣйствию новыхъ судебныхъ учреждений. Слѣдя съ затаеннымъ вниманіемъ за тою неравною борьбою, которая завязывалась уже тогда между *новымъ судомъ* и *старыми началами*, —защитники его не находили словъ для восхваленія творцовъ его.

Въ виду заканчивающагося двадцатипятилѣтія судебной реформы, нелишне будетъ привести изъ той отдаленной эпохи два разсужденія по этому вопросу, тѣмъ болѣе любопытныя, что они принадлежатъ двумъ органамъ печати столь сильно разошедшимся въ послѣдствіи въ направленіяхъ.

„Все, что есть *живого, мыслящаго, разумѣющаго*,—писалъ о судебной реформѣ М. Н. Катковъ,—не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время *новаго* порядка вещей на Руси. Для *вида ли* только судебная власть признана независимою и самостоятельною, или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны *только законъ и правда*? Можетъ ли быть сомнѣніе въ смыслѣ и духѣ совершаемыхъ среди насъ *великихъ* преобразованій? Не чувствуемъ ли мы ежедневно ихъ *живительную творческую* силу? Въ той ли живемъ мы Россіи, какою знали за десять лѣтъ передъ симъ?..

¹⁾ Vita Agricolaе, III.

²⁾ См. т. XVIII, стр. 78 назв. „Дѣла“.

„И однакожь, какъ всякое новое дѣло, наши преобразованія могутъ подвергаться *опасностямъ*. *Новые порядки* по необходимости должны сталкиваться съ *старыми* ¹⁾ порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была *все во всемъ*. Превжнія судебныя учрежденія были только *придаткомъ* къ администраціи. Теперь является *новое начало*, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить *весь строй нашей жизни*. Сама администрація въ большей или меньшей степени *должна* усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать *не такъ*, какъ дѣйствовала до сихъ поръ, бывъ *единственною и исключительною* въ государствѣ силою... Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какому-либо лицу или какому-либо сословію; это льгота, предоставленная цѣлому народу, предоставленная русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти *возвышается цѣлое общество*. Гдѣ есть благоустроенный (т.-е. независимый) судъ, тамъ есть права; гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности (лучшимъ средствомъ для этого авторъ считалъ, какъ мы видѣли, судъ присяжныхъ), тамъ есть законная свобода. *Съ упроченіемъ* новаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ *странѣ цивилизованной*“ (*Московскія Вѣдомости*, 1866, № 198).

Едва ли нагляднѣе и краснорѣчивѣе можно было разъяснить громадное и всеобъемлющее значеніе судебной реформы и грозившихъ ей опасностей, чѣмъ это сдѣлано въ приведенной статьѣ Каткова, перу котораго принадлежатъ и слѣдующія прочувствованныя строки въ честь дѣятелей судебной реформы: „честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе *зисждительную мысль* преобразователя о судебной реформѣ, оберегая ее отъ *явнаго и тайнаго* недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. *Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ*, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣ-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же публицистъ такъ пояснялъ разницу между „закономѣрными дѣйствіями суда и административными мѣропріятіями по усмотрѣнію“. „Покуда судъ будетъ дѣйствовать *размѣренно* на одной, хотя и большой своей дорогѣ, не дерзая отступать отъ опредѣленій закона и распорядиться по усмотрѣнію, у администраціи будутъ въ распоряженіи тысячи *проселочныхъ путей*, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно распорядиться по усмотрѣнію“ („Москов. Вѣдом.“, 1865 г., № 92).

ломъ гражданскаго обновленія Россіи“ („Москов. Вѣд.“, 1867 г., № 69).

А вотъ отзывъ и другого органа того времени, не менѣе интересный и сочувственный. „Къ новымъ русскимъ народнымъ праздникамъ,—писалъ „Голосъ“,—принадлежать прежде всего дни 19-го февраля и 17-го апрѣля (день открытія новаго суда въ Петербургѣ), дни *великихъ побѣдъ* не надъ вѣшними врагами, а надъ исконною нашею домашнею губительницею—*вѣковою несправедливою*; дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а створодавнаго тирана—вѣкового безправія или, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи. Можетъ быть, *даже вѣроятно*,—продолжаетъ газета,—что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отбученные горькимъ *подневольнымъ прошлымъ* отъ свѣтлой, честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ей правами, не вдругъ, *не тотчасъ* вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, что и намъ придется прежде того пространствовать *по безплодной пустыни ошибокъ* и промаховъ. Но что за дѣло! Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, ципущій и дающій намъ сврижали новаго завѣта для новой жизни... Ошибки и промахи будутъ непродолжительны, *если не поклонимся* снова золотому тельцу, котораго такъ долго обожали, если не послушаемъ навѣтовъ недруговъ русской земли.

„Путь открытъ намъ широкій,—такъ заканчивается статья,—довѣрены дѣла великія, и на насъ, непосредственно пріявшихъ отъ добраго; глубоко любящаго Россію Государя эти многоцѣнные дары, на насъ, говоримъ, падеть предъ потомствомъ стыдъ и позоръ, если великое въ настоящихъ рукахъ *сдѣлается малымъ*, если мы не сумѣемъ достойно сохранять, поддерживать и развивать его величіе“ („Голосъ“, 1866, № 105).

Къ сожалѣнію, опасеніе, высказанное въ печати, оправдалось скоро, уже на поколѣніи ближайшемъ къ судебной реформѣ. Тѣмъ не менѣе мы и теперь съажемъ близорукимъ зоиламъ, которые, раздувая второстепенные недостатки судебной реформы, не видятъ и не хотятъ видѣть явныхъ ея достоинствъ—скажемъ словами поэта:

Ты разглядѣлъ на солнцѣ пятна
И проглядѣлъ его лучи!..

Г. Д.

НА РАЗСВѢТѢ

ПОВѢСТЬ ЕЖА.

Съ польскаго.

Окончаніе.

XX *).

Преступники — жертвы! Не завидны были, значить, въ то время дѣла Турціи, если жители страны столь рѣзко расходились въ оцѣнкѣ фактовъ. Тѣ, что одни считали добродѣтелью, другіе считали преступленіемъ. Можно въ этомъ видѣть только доказательство непрочности тѣхъ началъ, на которыхъ зиждилось внутреннее устройство Турціи.

Казни, произведенныя турками въ Русуеѣ для острастки, никого не напугали, а только вызвали негодованіе и увеличили раздраженіе однихъ противъ другихъ. Турки на христіанъ—и христіане на турокъ еще болѣе—смотрѣли какъ на враговъ. Можно было легко предупредить это: стоило только освободить Станеа и позволить ему продолжать обученіе дѣтей. Но туркамъ надо было „устрашать“: это было необходимое слѣдствіе турецкой системы управленія, и турки не могли измѣнить себѣ, и не измѣнили.—Теперь всѣ насъ боятся,—говорили они:—посмотрите, какъ райя присмирѣла!

Дѣйствительно, все стихло, но это была тишина, которая на-

*, См. выше: ноябрь, 301 стр.

ступаетъ послѣ всякаго тяжелаго удара, который не убиваетъ, но оглушаетъ. Струсилъ же особенно тѣ, кому и выгодно было струсить; струсилъ тѣ, кто былъ готовъ мириться со всякими порядками и во что бы то ни стало поддерживать ихъ. Въ послѣднимъ принадлежалъ и отецъ Иленки. Совѣсть нѣсколько упрекала его за смерть Станка, но онъ старался винить не себя, а то движеніе, которое совершалось на его глазахъ. Станко былъ необходимой жертвой этого движенія. Хаджи Христо считалъ себя вполне компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ, потому что и самъ пострадалъ. Вѣдь онъ самъ сидѣлъ въ тюрьмѣ! Вѣдь его самого завовали въ кандалы! А сколько денегъ онъ долженъ былъ отдать! Приближалось время засѣданія мезлиша (ратуша), въ которомъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Жители, раздѣленные по вѣроисповѣданіямъ, посылали туда своихъ представителей по выбору, а кромѣ того засѣдали тамъ безъ выбора: турецкій муфти, владыка и викарій изъ христіанъ и раввинъ отъ евреевъ. Въ гатигумаумѣ, который служилъ основаніемъ этихъ мѣстныхъ учреждений, было сказано, что всѣ вышепоименованные члены совѣта должны быть равноправны; на практикѣ, однако, выходило иначе. Христіане и евреи, хотя были гораздо многочисленнѣе мусульманъ, всегда уступали послѣднимъ или молча соглашались съ рѣшеніями, предложенными какимъ-нибудь туркомъ или представителемъ правительства, который въ то же время былъ представителемъ засѣданій мезлиша. Такимъ образомъ, представители господствующаго населенія обсуждали и рѣшали вопросы, а остальные степенные обыватели полагали только, что и они рѣшаютъ— на самомъ же дѣлѣ только засѣдали, а рѣшали другіе.

Къ такому именно засѣданію готовился хаджи Христо. Оно должно было начаться въ среду. Въ предшествовавшее воскресенье, когда народъ выходилъ изъ церкви, хаджи Христо остановился у дверей и, увидѣвъ Мокру съ Анкой, подошелъ къ нимъ и поздоровался. Онѣ отвѣчали ему тѣмъ же.

— Я бы зашелъ къ тебѣ, Мокра, еслибъ былъ увѣренъ, что ты меня хорошо примешь,—сказалъ хаджи Христо.

— Развѣ ты слыхалъ когда-нибудь, чтобъ я дурно принимала гостей?—отвѣчала Мокра.—Милости просимъ... заходи.

— Застану ли я дома Петра?

— Кажется, онъ дома.

Они пошли вмѣстѣ. Мокра провела гостя въ мусафирлыкъ и, пригласивъ его сѣсть, ушла.

Нѣсколько минутъ спустя пришелъ Петръ. Онъ, какъ хозяинъ дома, долженъ былъ занимать гостей. Первымъ дѣломъ надо было

форменно привѣтствовать пришедшаго, потомъ Анна принесла угощеніе: прежде варенье и воду, потомъ черный кофе, а затѣмъ трубки, и только когда синеватый дымъ началъ подниматься надъ головами двухъ сидѣвшихъ—степеннаго болгарина въ потурахъ, курткѣ, фесѣ и подпоясаннаго широкимъ поясомъ, и молодого человѣка въ европейской одеждѣ,—тогда только хаджи Христо заговорилъ:

— Я пришелъ просить тебя, чтобъ ты написалъ...

— Что такое?—спросилъ Петръ.

— Да нѣчто такое, что пожалуй направлено противъ тебя, но ты поймешь меня, потому что ты хотя и учился за-границей, но изъ тебя вышелъ почтенный, спокойный человѣкъ... Всѣ видятъ это, и цѣнятъ тебя по достоинству. Ты воспользовался примеромъ братьевъ твоихъ, и на тебя не подѣйствовала та зараза, которая охватила нашу молодежь.

— Гм...—пробормоталъ Петръ.—О чемъ это ты говоришь, хаджи Христо?

— О томъ, чтобы ты написалъ... Ты можешь написать лучше меня, лучше кого бы то ни было.

— Что же надо написать?

— А вотъ что... Собирается ратуша, и мнѣ хочется сказать тамъ кое-что объ этомъ проклятомъ нашемъ просвѣщеніи,—чтобъ ему пусто было! Пора уже покончить съ тѣмъ, что ведетъ къ гибели нашу молодежь.

— Если ты намѣренъ самъ говорить, такъ при чемъ же тутъ мое писаніе?

— А вотъ при чемъ. Во-первыхъ, нужно представить все это въ видѣ *мазбата* (жалобы), а во-вторыхъ, необходимо поднести нашу жалобу папѣ или даже самому султану въ видѣ вѣрноподданическаго прошенія. Конечно, никто лучше тебя не напишетъ... Пусть они разъ навсегда освободятъ насъ отъ этого проклятаго просвѣщенія... Пусть запретятъ посылать молодежь за границу... Пусть сдѣлаютъ какой-нибудь порядокъ со школами и библіотеками.

— Развѣ ужъ закрыть ихъ?—подсказалъ Петръ.

— Ну, да... Не въ нихъ ли и причина всякаго зла? Никто не приобрѣлъ въ школѣ ни одной парички, а сколько человѣкъ изъ-за нихъ пострадало!—Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:—Я чуть не плакалъ надъ судьбой Станка... А Стоянъ мало ли мнѣ надѣлалъ зла? Что погубило Станка?—школа. Что заставило Стояна бросить торговлю и заниматься глупостями?— конечно, школа. Изъ всѣхъ обучавшихся за границей ты только одинъ

уцѣлѣлъ, такъ ты и напиши это прошеніе; а когда наша узнаеть, что это ты написалъ—онъ тебя навѣрное вознаградитъ.

Петръ задумался. Онъ думалъ, какъ бы уклониться отъ этого предложенія и въ то же время сдѣлать такъ, чтобы не оскорбить хаджи Христо, расположеніе котораго хотѣлось ему сохранить, между прочимъ, потому, что оно служило отличной ширмой. Пока Петръ размышлялъ, хаджи Христо продолжалъ такимъ образомъ:

— Еслибы султанъ склонился на нашу просьбу, тогда бы въ нашей родинѣ настало прежнее спокойствіе, а оно всего нужнѣе намъ съ тобой: мнѣ—потому что я старъ, а тебѣ—потому что ты молодъ. Такъ оно и выходить. У меня есть состояніе, котораго я, конечно, не возьму съ собой въ могилу; вотъ мнѣ и хочется отдать его вмѣстѣ съ дочерью, и быть увѣреннымъ, что данное мнѣ Богомъ богатство не пропадетъ... Для этой-то увѣренности и необходимо спокойствіе.

• Это былъ довольно ясный намекъ. Петръ могъ подумать, что хаджи Христо уже намѣтилъ его въ женихи, тѣмъ болѣе, что его степенство, высказавъ, почему старому необходимъ покой, не досказалъ, почему онъ нуженъ молодому. Этой второй стороны вопроса онъ не касался, прикрывая ее своей дочерью. Петру легко было догадаться относительно мотивировки второй части вопроса, но онъ прождалъ, а между тѣмъ хаджи Христо ораторствовалъ:—Чтобы упрочить мой и твой покой, покой всѣхъ торговцевъ, всѣхъ крестьянъ и вообще всей нашей родины, напиши ты все это какъ можно лучше.

Петръ, выслушавъ, повачалъ головой, а потомъ отвѣтилъ:

— Не сзумѣю я этого сдѣлать.

— Вотъ еще!—удивился хаджи Христо.

— Да, не сзумѣю.

— Это невозможно!

— Кажется невозможно, а между тѣмъ возможно.

— Вѣдь ты умѣешь писать.

— Да, я пишу по-болгарски, по-русски, по-нѣмецки, по-французски, а по-турецки не умѣю.

— *Zarars êkz!*—воскликнулъ хаджи Христо:—напиши по-французски; тогда и паша, и султанъ, поймутъ.

— Что же, это будетъ прошеніе лично отъ тебя?

— Нѣтъ, это будетъ отъ всей ратуши.

— Развѣ въ ратушѣ поймутъ французское прошеніе?

Этотъ вопросъ нѣсколько озадачилъ хаджи Христо; но онъ тотчасъ же отвѣчалъ:—Это все равно, поймутъ ли они, или не

поймутъ. Я расскажу, въ чемъ дѣло, и увѣренъ, что всѣ безъ исключенія подпишутъ прошеніе.

— А я все-таки не умѣю писать прошеній.

— Какъ такъ?— снова удивился хаджи Христо.— Прошенія пишутъ вотъ такъ,— онъ показалъ пальцемъ на ладони.

— Не всякій можетъ такъ писать прошеніе. Вели портному шить сапоги, а сапожнику—панталоны: съумѣютъ ли? я вѣдь не учился прошеній писать.

Послѣдній аргументъ убѣдилъ хаджи Христо. Онъ покачалъ головой, потеръ по лбу и спросилъ:— Какъ же быть?

— Скажи во время засѣданія ратуши, что тебѣ надо; тамъ есть вѣстыбчи, онъ и напишетъ все по-турецки какъ слѣдуетъ, и это будетъ гораздо лучше моего прошенія.

— Да, ты правъ,— согласился хаджи Христо, потомъ глубоко вздохнулъ и сталъ опять доказывать необходимость подобныхъ мѣръ. Онъ ссылаясь на сербскую войну, на извѣстія о намѣреніяхъ Россіи и, наконецъ, на смерть Станка; во всемъ этомъ онъ видѣлъ явныя доказательства вѣрности своихъ взглядовъ.

— Я слыхалъ,— замѣтилъ Петръ, что Станка не казнили бы, еслибъ не узнали про какую-то сходку.

— Конечно... про сходку въ моемъ саду.

— Какъ же про нее узнали?

— Я рассказавъ... Тамъ былъ Станко, Стоянъ и еще какой-то малый.

— Какъ же у тебя, хаджи Христо, хватило совѣсти выдать ихъ!— замѣтилъ Петръ съ отгнѣномъ упрека.

— Какъ хватило совѣсти?!.. Такъ имъ можно было собираться у меня въ саду, а моя совѣсть должна была мнѣ помѣшать выдать ихъ! Меня вѣдь самого обвиняли въ томъ, что я укрывалъ Стояна; еслибъ я ихъ не выдалъ, я остался бы обвиняемымъ и былъ бы сосланъ въ Акру.

Петръ принялъ въ свѣденію это наивное объясненіе и не пробовалъ возражать. Хаджи Христо поговорилъ еще немного и, наконецъ, ушелъ. Послѣ отца пришла дочь. Иленка часто приходила въ домъ Мокры; ей случалось заходить иногда по нѣскольку разъ въ день, чтобы узнать что-нибудь про *нихъ*. Они— это значило: Стоянъ и Нивола. Сначала приходили неопредѣленные извѣстія, но, въ концѣ концовъ, получились точныя сообщенія, что они добрались благополучно.

Петру надо было съѣздить въ Бухарестъ, но онъ не очень спѣшилъ, желая обставить дѣло такимъ образомъ, чтобы власти

не могли подозрѣвать его. Объ этомъ именно путешествіи онъ говорилъ теперь съ Иленкой.

— Когда же, наконецъ? — спросила дѣвушка.

— Какъ только найду подходящій предлогъ.

— Вотъ ужъ двѣ недѣли я слышу этотъ отвѣтъ.

— Развѣ ты хотѣла бы, чтобы турки арестовали меня, когда я вернусь?

— Ахъ, нѣтъ! — возразила Иленка.

— Потерпи немного, — уговаривалъ Петръ.

— Хорошо, постараюсь запастись терпѣніемъ.

Пока она упражняла свое терпѣніе, отецъ ея ораторствовалъ въ ратушѣ. Турки очень удивились, когда онъ потребовалъ слова. Они переглянулись, пожали плечами, а одинъ прямо даже сказалъ:

— Если уже райя начинаетъ говорить, то намъ, должно быть, не стоитъ и являться въ ратушу.

Однако предсѣдатель позволилъ говорить хаджи Христо.

— Что же ты намъ скажешь? — спросилъ онъ.

— Я хочу сказать, — сказалъ хаджи Христо, — что причиной всѣхъ бѣдъ, которыя сваливаются на насъ въ послѣднее время, есть просвѣщеніе.

— Такъ что же? — спросилъ предсѣдатель.

— Къ чему намъ школы, читальни, книги и газеты?

— Машаллахъ! машаллахъ! — одобряли турки.

— Къ чему намъ люди а-ла-франка?

— Вѣрно, хорошо сказано!

— Напишемъ падишаху, которому дай Богъ много лѣтъ здравія и всякаго благополучія, и поднесемъ ему адресъ, въ которомъ будетъ сказано, что мы, вѣрнопопданнѣйшіе слуги его, бьемъ челомъ, чтобы онъ приказать извоилъ: закрыть всѣ школы и библіотеки, сжечь всѣ книги и газеты и запретить посылать дѣтей нашихъ за границу. Такимъ образомъ вернется къ намъ то сповоиствіе, которымъ мы пользовались все время, пока не заразились просвѣщеніемъ... Какъ только пришла къ намъ эта зараза, такъ и началось наше разореніе. Пусть вѣтвыбчи изложитъ все это въ прошеніи, мы всѣ приложимъ свои печати и пойдёмъ съ нимъ къ папѣ, чтобы онъ переслалъ нашъ адресъ падишаху. Пусть насъ, несчастныхъ райевъ, счастливейшій, могущественнѣйшій, мудрѣйшій, свѣтлѣйшій, великодушнѣйшій падишахъ спасетъ отъ просвѣщенія, какъ курица спасаетъ цыплятъ своихъ отъ ястреба!

— Машаллахъ! машаллахъ! — одобряли турки.

— Вѣрно, хорошо говорить, — вторили и евреи, и христіане.

Въ виду всеобщаго одобренія такого проекта оставалось только поручить кіатыбджи написать адресъ, противъ котораго никто не возражалъ. Нашелся только одинъ недовольный тѣмъ, что такой хорошій проектъ предложенъ христіаниномъ, а не туркомъ, а потому онъ просилъ запретить райѣ выступать съ хорошими предложениями. Но предсѣдатель вступился за хаджи Христо.

— Чѣмъ же онъ виноватъ,—говорилъ предсѣдатель,—если придумалъ что-нибудь хорошее?

Но турокъ не соглашался.

— Еслибъ онъ передалъ мнѣ свою мысль, я кое-что прибавилъ бы, и все предложеніе могло бы выйти лучше.

— Что же бы ты прибавилъ?

— Я прибавилъ бы, чтобы просить падишаха, дабы онъ повелѣлъ соизволить, чтобы всѣмъ райямъ, которые осмѣлятся говорить иначе, чѣмъ по-турецки, отрѣзать языки. Еслибъ райя говорила только по-турецки, тогда бы и въ школахъ не нуждалась, и книгъ бы не читала, и за границу бы не ѣздила. Я бы даже вотъ что предложилъ,—прибавилъ ораторъ, нѣсколько подумавъ:—я бы всѣмъ райямъ поотрѣзалъ языки; безъ языка человекъ можетъ жить, работать и подати платить. Тогда бы вдругъ все стихло, дѣти учились бы по-турецки, такъ что, когда бы перемерло высшее поколѣніе, во всей Турціи остался бы только одинъ турецкій языкъ.

— Гм... это бы было недурно,—замѣтилъ предсѣдатель.

— Недурно бы, — подтвердилъ одинъ изъ турокъ, съ которымъ согласился другой, третій, четвертый; вдругъ кто-то возразилъ:

— Какъ же это языки обрѣзать? Это не легко.

— Нисколько не трудно,—настаивалъ авторъ предложенія.— Стоитъ только послать въ каждый санджакъ по отряду войска: пусть солдаты ходятъ изъ деревни въ деревню, обрѣзають языки и бросаютъ псамъ.

Завязался оживленный споръ, во время котораго христіане и евреи молчали. По этому вопросу не пришли ни къ какому соглашенію, а между тѣмъ кіатыбчи написалъ адресъ, всѣ члены ратуши приложили свои печати и передали предсѣдателю для врученія пашѣ.

Засѣданіе это сдѣлалось памятнымъ потому, что райя осмѣлился выступить на немъ съ предложеніемъ.

Хаджи Христо остался доволенъ, что сослужилъ службу своему отечеству. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, остальное не отъ него зависитъ.

Нѣсколько дней спустя Петръ получилъ приглашеніе явиться

къ пашѣ. Паша принялъ его очень радушно и тотчасъ же показалъ бумагу, снабженную многими печатами.

— Я тутъ не при чемъ, ваше превосходительство.

— Но содержаніе знаешь?

— Знаю. Авторъ сдѣлалъ мнѣ честь и предложилъ написать этотъ адресъ.

— Ты, конечно, отказалъ?

— Само собой разумѣется.

— Ты очень обязанъ бы меня, еслибъ отсовѣтовалъ эту затѣю.

— Жаль, что я не догадался.

— Такъ ты совсѣмъ не отговаривалъ?

— И не думалъ.

— Но вѣдь тебѣ было неприятно видѣть такую колоссальную глупость, предложенную однимъ изъ самыхъ степенныхъ твоихъ согражданъ.

— Нѣтъ, глупость есть одна изъ привилегій степенныхъ людей.

— Я вижу, любезный докторъ, что ты очень ядовитъ,—замѣтилъ паша.—Твоя ядовитость надѣлала мнѣ много хлопотъ.

— Какимъ образомъ?

— Глупость хаджи Христо заразила все собраніе меалина и скомпрометировала всѣ здѣшнія свѣтила. Въ этой всеобщей глупости задѣтъ и я, такъ какъ теперь невозможно спрятать бумагу подъ суево, надо послать ее въ Константинополь, и тамъ узнать, что въ вѣренномъ мнѣ крайъ выборное представительство состоитъ изъ однихъ дураковъ. Вѣдь всѣ подписавшіеся здѣсь принадлежатъ къ мѣстной знати. Дай только имъ волю, и они будутъ переходить отъ одной глупости къ другой. Слышалъ ли ты, докторъ, объ язвахъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Петръ.

Паша, рассказавъ, въ чемъ заключалось предложеніе, продолжалъ такимъ образомъ:

— Проектъ этотъ не принять собраніемъ, но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ воскреснетъ въ иномъ видѣ... Мусульмане чрезвычайно раздражены противъ христіанъ, такъ что они навѣрное постараются придумать вмѣсто отрѣзыванія языковъ какую-нибудь другую, менѣе радикальную, но тоже грозную мѣру.

— Да, дѣло плохо!..—замѣтилъ Петръ.

— Такъ вотъ,—перебилъ паша,—я позвалъ тебя, докторъ, потому, что хочу просить тебя сдѣлать мнѣ одолженіе.

— Готовъ въ услугамъ, ваше превосходительство.

— Согласенъ ли ты поѣхать въ Бухарестъ?

— Извольте.

— И повидать тамъ членовъ комитета?

— Какъ!

— Вѣдь ты находишься въ хорошихъ отношеніяхъ съ членами комитета?

— Такъ себѣ.

— Мнѣ хочется дать чрезъ тебя въ нимъ порученіе... Согласенъ ли ты?

— Если только исполненіе этого порученія будетъ для меня возможно.

— Дѣло въ томъ, чтобы передать комитету въ точности мои слова, но мнѣ нуженъ человекъ, заслуживающій полного довѣрія... вотъ и все.

— Я могу это исполнить.

— Меня увѣдомили, что комитетъ готовится поднять возстаніе... Передай имъ мой совѣтъ: пусть они оставляютъ эту мысль... Пусть себѣ организуютъ въ Сербіи болгарскіе легіоны; пусть заявляются воззваніями и манифестами; пусть приобрѣтаютъ связи между политическими дѣятелями, но пусть не пробуютъ вызывать возстаніе въ Болгаріи; въ противномъ же случаѣ,—наша сталь серьезенъ и отчеканивалъ каждое слово—они заставляютъ правительство приобѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ и строгимъ мѣрамъ... Во всякій пунктъ, гдѣ только начнутъ проявляться признаки восстанія, мы пошлемъ чересовъ и башибузукъ и позволимъ имъ купаться въ крови.

Когда наша произносилъ послѣднія слова, глаза его горѣли какъ у хищнаго звѣря. Онъ казался какимъ-то тигромъ, принявшимъ видъ цивилизованнаго человѣка.

Петръ молча смотрѣлъ на него. Папа опомнился; глаза его потеряли хищный блескъ, и онъ спросилъ:

— Согласенъ ли ты исполнить мою просьбу?

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

— Я не требую, чтобы ты входилъ съ ними въ переговоры; мнѣ только хочется, чтобы ты предупредилъ этихъ господъ, что мои слова рѣшительны, и что они въ точности будутъ приведены въ исполненіе... Такъ пусть же они сжалатся надъ сѣднимъ народомъ, если смѣютъ называть себя защитниками его... Пусть упражняются въ Сербіи. Пусть тамъ организуютъ легіоны—это будетъ и умнѣе, и великодушнѣе... Передай имъ это, любезный докторъ, не отъ себя, а отъ меня... Кажется, что я не требую ничего невозможнаго?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Петръ.

— Это все, что мнѣ надо. Когда ты вернешься и пожелаешь посѣтить меня, я буду очень радъ, но и спрашивать не стану объ результатѣ твоей миссии. Я не хочу, чтобы ты могъ подумать, что я желаю узнать что-нибудь отъ тебя о комитетѣ. Я и безъ того получаю весьма точныя извѣстія отъ товарищей этихъ господъ.

Послѣднія слова паши произвели на Петра подавляющее впечатлѣніе. Паша ясно говорилъ, что между членами комитета есть шпионы, которые доносятъ правительству о всѣхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ революціонеровъ. Петръ зналъ выдающихся патріотовъ и членовъ комитета, и, возвращаясь отъ паши, перебиралъ всѣхъ по порядку и о каждой личности говорилъ себѣ: „это не онъ... нѣтъ, это невозможно!“

А все-таки Петръ не могъ устоять противъ сомнѣній и подозрѣній и никакъ не могъ отъ нихъ отдѣлаться.

— Что же новаго? — спросила его мать, когда онъ возвратился изъ конака.

— Плохо дѣло, мама, плохо!.. — отвѣчалъ Петръ и разсказалъ ей весь разговоръ съ пашей.

— Гм... гм... — бормотала старуха.

— Если между ними завелись измѣнники, тогда лучше, можетъ быть, положиться на волю Божью, и на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, отказаться отъ дѣятельности.

— Не говори этого, сынонь! — возразила старуха.

— Къ чему же все это поведеть?

— Знаешь ли ты, — отвѣчала старуха, — зачѣмъ онъ посылаетъ тебя въ Бухарестъ?

— Онъ хочетъ предупредить ихъ...

— Нѣтъ!.. Онъ очень хорошо знаетъ, что его предостереженіе не подѣйствуетъ: они вѣдь знаютъ турокъ... Паша ничего новаго не сказалъ... Турки не разъ уже пускали въ дѣло башибузукъ и черкесовъ.

— Такъ чего же ему надо?

— Ты, сынонь, не знаешь еще турокъ... Паша посылаетъ тебя за тѣмъ, чтобы ты повторилъ послѣднія его слова. Ему хочется не предостеречь, а только довести до ихъ свѣденія послѣднія его слова, для того, чтобы поселить между ними раздоръ... Еслибъ они услышали слова паши, каждый бы подумалъ на друго-го: „это шпионъ“... понимаешь ли?

— Быть можетъ... — замѣтилъ Петръ.

— Ты не знаешь еще турокъ... Я долго съ ними жила и

много перенесла отъ нихъ... Они научили меня улыбаться, когда сердце надрывается съ горя... Ты только-что сказала: „лучше положиться на волю Божию“... Вѣдь ты самъ прежде говорилъ, что дѣды наши и отцы пятьсотъ лѣтъ полагались на волю Божию, и ничего не дождались... А теперь... когда Сербія... Впрочемъ чего мнѣ, бабѣ, мѣшаться въ эти дѣла!.. Я уже двухъ сыновей потеряла, ты одинъ у меня остался... но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты попался на удочку паши. Онъ хочетъ предостеречь комитетъ, а я тебя предостерегаю... Папа придумалъ все это предостереженіе только для того, чтобы будто нечаянно связать тебѣ тѣ, что онъ считаетъ самымъ важнымъ.

Петръ задумался...

Теперь уже не было никакой надобности скрывать намѣреніе отправиться въ Бухарестъ. Скоро узнали объ немъ и дѣвушки.

— Ъдешь?—спросила Иленка.

— Ъду,—отвѣчалъ Петръ.

— Когда?

— Черезъ часъ.

— Ахъ!—крикнула она, собираясь уйти:—какъ бы мнѣ успѣть!

— И не прощаешься со мной?

— Прощаюсь, когда вернусь,—отвѣчала дѣвушка.

— Чтѣ это съ ней случилось?—спросилъ Ангу братъ.

Анка пожала плечами.

Петръ принялся укладывать вещи. Уложилъ платье, немного бѣлья, туалетныя принадлежности, и когда хотѣлъ уже заперать чемоданчикъ, вбѣжала Иленка. Увидѣвъ Петра, она воскликнула:— Слава Богу!—и подала ему небольшой свертокъ. Петръ взялъ въ руки поспѣшно свернутый пакетикъ, который тотчасъ развернулся. Содержимое пакетика удивило Петра. Онъ вопросительно взглянулъ на Иленку, которая покраснѣла и опустила глаза.

— Чтѣ это такое?

— Это... это...—бормотала дѣвушка.

— Серги, цѣпочки, кольца, дукаты, жемчуги,—перечислялъ

Петръ, разсматривая драгоценный пакетикъ. Иленка ничего не говорила.

— Чтѣ я долженъ съ этимъ сдѣлать?

— Отдать,—отвѣчала дѣвушка.

— Кому?

Вопросъ этотъ смутилъ ее. Она не смѣла поднять глазъ, не смѣла произнести ни слова, наконецъ вздохнула и прошептала: „ему“.

— Кому?—переспросилъ Петръ.

— Имъ,—громче отвѣчала дѣвушка.

— Имъ? вѣроятно, комитету?

Иленка взглянула на Петра съ укоривной, а онъ разсматривалъ между тѣмъ драгоценности и продолжалъ:

— Здѣсь есть золото, алмазы, жемчуги; это значительно увеличить ихъ массу, куда всякій изъ нихъ несеть свою лепту и куда присылають посторонніе. Вручить ли это комитету въ видѣ вклада частнаго лица, или передать въ личное распоряженіе кого-нибудь изъ нихъ?

— Передать въ личное распоряженіе,—отвѣчала Иленка.

— Кому именно?

На первый вопросъ Иленка отвѣтила безъ труда, но на второмъ запнулась.

— Отдать это Стояну?—подсказалъ Петръ, взглянувъ на нее.

— Нѣтъ.

— Не Стояну?—переспросилъ онъ:—такъ, вѣроятно, Николай?

— Да,—отвѣчала дѣвушка.

— Николай,—повторилъ Петръ.—Хорошо. Я вручу ему это при свидѣтеляхъ.

Петръ удивился, что поручаютъ Николай распорядиться драгоценностями. Онъ нисколько не сомнѣвался въ честности этого юноши, но былъ увѣренъ, что онъ не имѣеть понятія о цѣнѣ золота, алмазовъ и жемчуговъ; онъ сказалъ объ этомъ Иленкѣ, но та только вздохнула.

Анка послѣдовала примѣру Иленки, вышла и вскорѣ вернулась тоже съ пакетомъ.

— А?—воскликнулъ Петръ:—и ты?

— Отдай это.

— Бому?

— Стояну.

— Вотъ это хорошо. Я передамъ имъ обоимъ вмѣстѣ ваши подарки. Стоянтъ знаетъ толкъ въ этихъ вещахъ. Можетъ быть, послышка эта помирить ихъ.

XXI.

Послѣднія слова Петра, сказанныя передъ самымъ выходомъ, весьма удивили дѣвушекъ. „Можетъ быть, послышка эта помирить ихъ“... Значить Стоянтъ и Никола поссорились.

— Развѣ они сердатся другъ на друга?—спросила Анку Иленка.

- Я ничего не знаю и до сихъ поръ не слыхала объ этомъ.
- Вѣдь ты видѣла ихъ, когда они были вмѣстѣ.
- Да, видѣла; они провели вмѣстѣ цѣлый день, вечеромъ гуляли въ саду, и оба вмѣстѣ скрылись.
- И не ссорились?
- Они отлично ладили другъ съ другомъ.
- Что же можетъ быть поводомъ ихъ ссоры?

Точно такой же вопросъ могла задать себѣ и Анка.

Вопросъ этотъ зародился въ головѣ Анки, несмотря на то, что она сама присутствовала при встрѣчѣ Иленки съ Николой и была увѣрена, что они любятъ другъ друга. Но, вспоминая всѣ подробности этой встрѣчи, она начала приходить къ убѣжденію, что одна только Иленка казалась несомнѣнно влюбленной, а Никола былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ влюбленъ. Кромѣ того она вспомнила, что въ протоколѣ было сказано о любви Иленки къ Стояну. Когда Анка начала по своему все это сопоставлять, то въ умѣ ея зародилось предположеніе, котораго она не осмѣливалась формулировать даже сама передъ собою. Предположеніе это принимало видъ слѣдующаго вопроса: не любятъ ли Иленка обоихъ въ одно и то же время? Не кокетничаетъ ли она съ ними? Анка то отгоняла эту мысль, то опять возвращалась къ ней, и нивакъ не могла объяснить себѣ, почему Иленка такъ долго колебалась, пока выговорила, кому предназначаетъ подарки.

„Почему же я... сразу сказала:— Стояну?“

Иленка разсуждала нѣсколько иначе. Она ни въ чемъ не подозрѣвала Анку; но, вспоминая всѣ обстоятельства и всѣ ихъ подробности, не могла себѣ объяснить, почему Анка не позволяла ей прислуживать молодымъ людямъ, когда они сидѣли въ потаенной комнаткѣ? Почему она такъ поступала?

Любовь подозрительна, очень подозрительна. Изъ-за любви ссорятся братья, сестры, друзья и подруги. Иленка съ Анкой еще не поссорились, но каждая задумывалась о причинѣ ссоры между Стояномъ и Николой, и это обстоятельство привело къ нѣкоторому охлажденію отношеній между двумя подругами, которое выразилось въ томъ, что Иленка пришла къ Анкѣ только на третій день послѣ отъѣзда Петра.

- Не вернулся ли Петръ?
- Нѣтъ еще.
- Когда же вернется?
- Не знаю.

Въ вопросахъ этихъ и въ отвѣтахъ слышно было то легкое

охлажденіе, которое предвѣщаетъ зимнюю стужу послѣ жаркаго лѣта. Анка спросила, здорова ли хаджи Христица.

— Вчера мать была нездорова,—отвѣчала Иленка.

— А сегодня?

— Сегодня ей, слава Богу, лучше.

— Что же съ ней случилось?

— Бокъ болѣлъ.

— Я слышала, что хаджи Христо очень доволенъ.

— Ахъ! — вздохнула Иленка. — Адресъ отправленъ уже въ Цареградъ. Что же Петръ говорить о немъ?

— Ничего не говорилъ. А мать увѣряетъ, что просить султана—это все равно, что говорить со столбомъ.

— Можетъ быть все это такъ и кончится ничѣмъ.

— Быть можетъ. Вѣроятно, султанъ согласится скорѣе на просьбу Мустафи-бея.

— Насчетъ языковъ?—спросила Иленка.

— Вотъ была бы бѣда. Вѣдь говорятъ, что тогда отрѣзали бы языки всѣмъ женщинамъ и дѣвушкамъ.

— Не всѣмъ. Говорятъ, что не стали бы отрѣзать тѣмъ, которые пошли бы въ гаремы.

— Кто же изъ насъ согласился бы на это!

О проектѣ Мустафи-бея говорили въ это время не только во всемъ городѣ, но и во всей провинціи. Поэтому и наши дѣвушки очень долго разсуждали на эту тему; потомъ затронули новый вопросъ, но все-таки не имѣющій ничего общаго съ двумя эмигрантами. Разговоръ ихъ сдѣлался очень оживленнымъ и ясно доказывалъ, какъ было бы непріятно, еслибъ проектъ Мустафи-бея былъ приведенъ въ исполненіе; но больше ничего нельзя было вывести изъ этого разговора. Въ продолженіе цѣлаго часа ни одна изъ дѣвушекъ не произнесла имени ни Стояна, ни Николы. Въ послѣднее время этого никогда съ ними не случалось.

Иленка снова пришла въ домъ Мокры только на четвертый день. Прежде она заходила по три раза на день—теперь во всю недѣлю собралась только во второй разъ; да и то пришла потому, что узнала о пріѣздѣ Петра. Хаджи Христо послалъ въ этотъ день мальчика принести какую-то посылку съ парохода. Мальчикъ вернулся и сказалъ, что видѣлъ на пристани Петра. Иленка сейчасъ же собралась и поспѣшно отправилась къ Мокрѣ. Случилось такъ, что когда она подходила въ воротамъ съ одной стороны, Петръ, съ чемоданчикомъ въ одной рукѣ и съ зонтикомъ въ другой, подошелъ съ противоположной стороны. Они встрѣтились у воротъ и вмѣстѣ вошли во дворъ, а потомъ на

лѣстницу. Затѣмъ, пройдя мусафирлыкъ, вошли въ одну изъ комнатъ, гдѣ встрѣтила ихъ Анка. Иленка нѣсколько разъ останавливалась, но Петръ каждый разъ заставлялъ ее идти впередъ. Встрѣтивъ Анку, они остановились. Петръ поставилъ чемоданчикъ у стѣны, положилъ зонтикъ, снялъ шляпу и, обращаясь къ дѣвушкамъ, сказалъ:

— Привожу вамъ поклонны, низайшіе поклонны. Я видѣлъ Стояна, видѣлъ и Николу. Отдалъ одному твой подарокъ, другому—твой.—Онъ указалъ сначала на Иленку, потомъ на Анку.

— Мой ты отдалъ Стояну?—спросила послѣдняя.

— Стояну? нѣтъ, Николѣ.

Анка ничего не сказала, но по лицу ея было видно, что извѣстіе это пришлось ей совсѣмъ не по вкусу, да и Иленкѣ также. Петръ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Впрочемъ это все равно. Стоянъ отдалъ все въ кассу, Никола сдѣлалъ то же самое, такъ что ваши алмазы, жемчуги и кольца обратятся теперь въ винтовки и патроны.

Обѣ дѣвушки вздохнули. Очевидно было, что ихъ тревожила мысль о судьбѣ молодыхъ людей, которымъ онѣ вѣрили свои сердца. Петръ не сообразилъ, въ чемъ дѣло, когда Иленка поручала отдать драгоценности Николѣ, а Анка—Стояну. Онъ былъ разсѣянъ въ это время, а поводомъ его разсѣянности было присутствіе Иленки. Петръ подозрѣвалъ, что сердце ея занято, а все-таки такъ смотрѣлъ на нее, что легко было догадаться, почему онъ разсѣянъ. Впрочемъ онъ старался быть очень сдержаннымъ; онъ не былъ ни романтикомъ, ни ловеласомъ. Иленка очень нравилась ему и по наружности, и по тѣмъ внутреннимъ чертамъ, которыя составляютъ нравственную сторону человѣка. А все-таки онъ находился въ выжидательномъ положеніи и былъ готовъ во всякое время удалиться или протянуть руку, сообразно тому, какъ она разрѣшитъ тотъ загадочный вопросъ, который называется дѣвичьей любовью. Между многими загадочными вопросами этотъ вопросъ является самымъ загадочнымъ: любовь дѣвушекъ бываетъ то хрупкой какъ хрусталь, то прочной и несокрушимой какъ скала. Какъ же ему было разрѣшить этотъ вопросъ? Онъ зналъ только то, что Иленка своимъ патріотическимъ упрямствомъ, которое она, конечно, не могла заимствовать ни отъ отца, ни отъ матери, спасла его и еще четырехъ людей отъ смерти. Онъ поэтому цѣнилъ эту дѣвушку очень высоко, цѣнилъ и уважалъ, даже любилъ, если хотите, но той любовью, которая проникнута уваженіемъ.

Дѣвушки, узнавъ о судьбѣ своихъ подарковъ, молчали. Лица

ихъ выражали смущеніе и упрекъ Петру за то, что онъ перемѣшалъ ихъ порученія. Ни одна изъ нихъ не смѣла выразить недовольства, и всѣ молчали.

— Вы не спрашиваете меня,—началъ Петръ:—что дѣлаетъ Стоянъ, что дѣлаетъ Никола?

Обѣ вопросительно взглянули на него.

— Одинъ уже уѣхалъ, другой скоро уѣдетъ.

— Когда?—спросили обѣ вмѣстѣ.

— Стоянъ отправился въ Сербію... Тамъ организуютъ болгарскіе легіоны... онъ будетъ драться.

— А Никола? — спросила Анка, которая хотѣла скрыть впечатлѣніе, произведенное на нее этимъ извѣстіемъ.

— Никола еще не уѣхалъ.

— Какъ же это?..—безсвязно бормотала Анка.

— Развѣ ты не видѣла войска?

— Это въ родѣ турецкихъ аскеровъ.

— Ну, да... Но болгарское войско будетъ иначе одѣто.

Петръ началъ рассказывать о мундирахъ и вооруженіи легіоновъ; онъ рассказалъ о знамени, вышитомъ болгарками, и о другихъ подробностяхъ, которыя могли занять дѣвушекъ. Иленка слушала и, наконецъ, спросила:

— Никола тоже будетъ драться?

— Конечно,—отвѣчалъ Петръ.

— Почему онъ еще не поѣхалъ въ Сербію? — спросила Иленка.

— А ты былъ тамъ?—перебила Анка.

— Я тамъ былъ и даже остался бы, еслибъ у меня не было другихъ занятій... Можетъ быть, и до меня дойдетъ очередь.

— Я не ждала бы очереди,—сказала Анка:—я... я... еслибъ была мужчиной... Господи! почему же ни Илія, ни Драганъ не дожили до такой минуты! Почему я не мужчина!

— Можешь пригодиться и въ качествѣ женщины.

— Къ чему?

— Выбери старье изъ бѣлья и готовь корпію, бинты, повязки.

— Какимъ же образомъ все это попадетъ къ нашимъ?

— Поплемъ въ Кладову.

— Гдѣ это Кладова?

— Въ Сербіи,—отвѣчалъ Петръ.

— Гдѣ? — спросила Иленка, которая все это время больше слушала, чѣмъ говорила.

— Вверхъ по Дунаю.

— По ту сторону Систова?

— Да, да,—отвѣчалъ Петръ,—чтобы добраться по Дунаю въ Кладову, надо проѣхать Систово, Рогсву, Ломъ-Паланку и Радугаца.

— Такъ это далеко?

— Надо ѣхать два дня на пароходѣ, но можно доѣхать гораздо скорѣе по желѣзной дорогѣ, по румынской сторонѣ.

— А они какъ поѣхали?—спросила Анка.

— По желѣзной дорогѣ.

— Они спѣшили?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло. Они боялись, чтобы на Дунаѣ турки ихъ не захватили.

— Развѣ турки могли бы ихъ не пустить? что имъ турки!

Петръ объяснилъ сестрѣ, чѣмъ отличается организованное и многочисленное турецкое войско отъ формирующихся легионовъ. Онъ объяснилъ ей, въ чемъ заключается сила войска, и окончилъ такъ: „Ихъ тоже будутъ убивать и ранить“.

Эти слова удивили и встревожили молодыхъ дѣвушекъ. Вѣроятно имъ казалось, что болгарскій воинъ неуязвимъ ни саблей, ни пулей, ни кистенемъ, и вдругъ оказывается, что это не такъ. Это испугало ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовало. Онъ закидали Петра вопросами, такъ что разговоръ затянулся и, конечно, продлился бы еще дольше, еслибъ не дали знать, что въ мусафирникѣ ждетъ гость.

— Кто такой?—спросилъ Петръ.

— Аристархи-бей.

Петръ сморщился, но все-таки пошелъ и ласково встрѣтилъ своего врага.

Когда подали кофе и трубки, бей спросилъ съ ироніей:

— Что же слышно?.. Когда же будетъ у насъ болгарская республика?

— Объ этомъ я рѣшительно ничего не знаю,—отвѣчалъ Петръ.

— Вѣдь вы видѣли этихъ господъ, которые подражаютъ польскому „жонду“ и въ то же время рассчитываютъ на помощь Россіи.

— Да, я ихъ всѣхъ видѣлъ.

— Какъ же ихъ дѣла?

— Въ какомъ отношеніи?

— Я хотѣлъ спросить: получили ли они семнадцать фунтовъ, которые повезъ имъ...

Петръ не отвѣчалъ.

— Которые повезъ имъ...—повторилъ бей, будто желая вспомнить фамилію.

— Я слышалъ что-то въ этомъ родѣ, но такія вещи не интересуютъ меня... Мнѣ паша поручилъ предостеречь ихъ, я предостерегъ—и вотъ теперь вернулся.

— Гм... — бормоталъ бей, разглаживая усы и бороду. — Они формируютъ легіоны... есть ли у нихъ хоть сотня охотниковъ?..

— Мечтаютъ о тысячахъ.

— Сладкія мечты. Тѣмъ болѣе горькой будетъ дѣйствительность... Они готовятъ также шайки.

— Какія шайки?

— По образцу Тотія, хаджи Димитра, Степана Караджа.

— Объ этомъ я не слышалъ, да и не слушалъ... Можетъ быть.

Очевидно было, что Аристархи-бей пришелъ разузнать что-нибудь отъ Петра. Потому онъ затронулъ вопросъ о легіонахъ и сдѣлалъ намекъ на семнадцать фунтовъ... Но Петръ былъ очень остороженъ и ни въ чемъ не проболтался. Онъ сообщилъ только то извѣстіе, за которымъ, по всей вѣроятности, пришелъ Аристархи-бей. Оно было вѣрно по формѣ, но не по существу.

— Ссорятся,—сообщилъ Петръ.

Онъ подразумевалъ подъ этимъ безпрестанные пренія и переговоры, неизбежные въ центральномъ правленіи, сложившемся наскоро изъ людей, которые черпаютъ свѣденія изъ различныхъ источниковъ, и которымъ пришлось управлять всѣми отраслями подпольной работы, совершавшейся помимо и противъ воли турецкаго правительства.

— Подозрѣваютъ другъ друга?—подхватилъ бей.

— Кажется... вѣроятно.

— Въ чемъ же они подозрѣваютъ другъ друга?

— Я особенно не допрашивалъ ихъ.

Тѣмъ и ограничился весь отчетъ Петра властямъ. Настоящій отчетъ онъ передалъ матери. Передъ нею онъ ничего не скрывалъ. Сообщилъ ей и о ссорѣ Стояна съ Николой, о которыхъ она прежде всего спросила.

— Изъ-за чего же они поспорили?

— Это ихъ тайна... Не знаю и даже не могу догадаться...

Когда я имъ передавалъ подарки, то замѣтилъ, что Никола такъ посмотрѣлъ на Стояна, какъ будто хотѣлъ на него броситься.

— Они еще подерутся.

— Нѣтъ, они уже разошлись. Стоянъ пошелъ въ Сербію, а Никола пойдетъ въ Балканы.

— Они пойдутъ четами?

— Нѣтъ, замѣтили, что къ четамъ, приходящимъ изъ Румыніи, народъ не пристаесть, а выжидаетъ, чья возьметъ, и все кончится тѣмъ, что чету перебьютъ, а народъ не пошевельнется. Теперь и рѣшили въ сербскомъ комитетѣ поднять народъ безъ четъ.

— Во всей Болгаріи?

— Конечно, это было бы хорошо, но невозможно. Развѣдчики ходили, и изъ собранныхъ ими данныхъ комитетъ сдѣлалъ выводъ, что еслибъ гдѣ-нибудь удалось поднять народъ, тогда бы возсталъ вся Болгарія. Надо въ одномъ мѣстѣ зажечь, и когда разъ хорошо разгорится, то пожаръ разнесется повсюду. На томъ и порѣшили.

— А если не удастся?

Тогда произойдетъ то, что папа поручилъ мнѣ передать имъ.

— Въ подобныхъ случаяхъ турки не шутятъ.

— Что-жъ дѣлать!.. Надо идти на-проломъ, иначе ни къ чему не придемъ. Пробовали греки, пробовала Черногорія, пробовала Сербія, теперь пробуютъ герцеговинцы: неужели только мы должны выжидать! Чѣмъ же мы хуже грековъ, сербовъ, черногорцевъ и герцеговинцевъ? Удастся—хорошо, а не удастся, тогда Болгарія вынесетъ такія страданія, отъ которыхъ весь свѣтъ придетъ въ ужасъ. А если никто не постоитъ за насъ, тогда страданія эти перейдутъ на слѣдующія поколѣнія и расшевелятъ ихъ. Необходимо страшное потрясеніе, чтобы разбудить народъ отъ пятивѣкового сна!

— Ты правъ, сыновъ, ты правъ,—отвѣчала мать.—Будемъ спать—вѣкъ проспимъ, а необходимо проснуться... Да, на моемъ вѣку много измѣнилось. Хаджи Христо недоволенъ этими перемѣнами, но это, вѣроятно, потому, что у него не было сыновей, которые бы заплатились жизнью. Братья твои погибли, и я благословляю ихъ. Надо пробуждаться! Надо!.. Гдѣ же начнется возстаніе?

— По ту сторону Балванъ.

— Почему же не въ Руцукѣ? почему не съ нашей стороны?

— Въ Руцукѣ слишкомъ много турецкаго войска. Здѣсь слишкомъ много турокъ, а насъ мало. Здѣсь мѣстность открытая, и повсюду турецкіе и черкесскіе посады. Здѣсь народъ сонливѣе, чѣмъ тамъ, здѣсь неспособны начинать, а тамъ, въ горахъ, можно рассчитывать и на гайдуковъ. Развѣдчики принесли самыя лучшія свѣденія съ той стороны Балканъ, а Стоянъ, Нивола и другіе, ходившіе по Дунаю, не много могли сдѣлать. Вотъ, матушка, какъ обстоятъ наши дѣла.

— А насчетъ шпионовъ что слышно? — спросила старуха.

— Пустяки, ихъ тамъ цѣлая масса, но ихъ тотчасъ же узнаютъ. Шпионы слышатъ то, о чемъ всѣ знаютъ. Они донесли теперь о легионахъ, куда охотники открыто ѣдутъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Мокра не поняла слова: „легионахъ“. Петръ объяснилъ ей.

— Къ чему же они готовятъ и возстаніе, и въ то же время легионы?

— Легионы прикрываютъ возстаніе.

— Такъ намъ приходится ждать своего чередѣ?

— Да.

— Но вѣдь нельзя же въ такое время сидѣть сложа руки.

— Еслибъ мнѣ удалось исполнить хоть половину того, что они просятъ, то и тогда я не имѣлъ бы отдыха.

— О чемъ же они просятъ?

— Они просятъ увѣдомлять ихъ о всѣхъ распоряженіяхъ, которыя приходятъ изъ Царьграда въ конакъ, обо всемъ, что конакъ доноситъ Царьграду, и что самъ предпринимаетъ.

— Я буду получать всѣ эти свѣденія.

— Отъ Аристархи-бея?

— Нѣтъ, онъ сталъ бы запрашивать, а между тѣмъ въ конакѣ много есть такихъ, которыхъ можно купить за бездѣлицу; кромѣ того у меня въ лавкѣ есть мастика, при помощи которой много можно узнать. Оставь мнѣ это дѣло; я узнаю обо всемъ, что только произойдетъ. Но о чемъ же особенно надо спрашивать?

— О шпионахъ.

— Хорошо. О нихъ я узнаю отъ кіотычи и чубуки; это мое дѣло. А еще что?

— Мнѣ надо повидать меганджи Пето изъ Кривены, чтобъ передать ему отъ сына поклонъ и поговорить съ нимъ по порученію комитета. Дѣло въ томъ, чтобы провести безопасно людей изъ Румыніи въ Балканы. Мегана Пето расположена въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ очень легко можно переправиться черезъ Дунай; самъ же Пето доказалъ во время послѣдняго процесса, что онъ умѣетъ отлично ладить съ турками.

— Пето! — старуха задумалась. — Лучше всего было бы переговорить съ нимъ здѣсь, но онъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ. Нечего дѣлать, я сама съѣзжу къ нему.

— Стоявъ говорилъ мнѣ, что можно положиться на его сестру, что она и сама много сумѣетъ сдѣлать, и отца будетъ понуждать.

— Посмотримъ! дѣвушка,—это не надежно.

— А Иленка?—съ живостью замѣтилъ Петръ.

— Иленка... а!.. это другое дѣло! Такихъ Иленокъ не много найдешь. Вотъ когда все успокоится,—старуха подняла кверху глаза,—тогда буду молить Господа, чтобы мнѣ васъ обвинять.

— Ахъ, матушка!—воскликнулъ Петръ:—кажется, сердце ея уже не свободно, но не я занялъ его.

— Сердце дѣвушки измѣнчиво, сынокъ мой: сегодня оно пристанетъ къ хорошему, а завтра къ лучшему. Пока дѣвушку не назовутъ женой, до тѣхъ поръ она свободно можетъ выбирать. Еслибъ ей пришлось выбирать между Стояномъ и тобой...

— Я бы этого не допустилъ.

— Почему?

— Мнѣ соперничать со Стояномъ? Это было бы подло съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что Стояна здѣсь нѣтъ. Какъ! его нѣтъ здѣсь, онъ рискуетъ жизнью, сражается за Болгарію, а я между тѣмъ отбивалъ бы у него то сердце, которое ему принадлежит!

— Онъ побѣдилъ сердце безъ тебя, а ты побѣдилъ бы сердце безъ него; впрочемъ это не зависитъ ни отъ тебя, ни отъ него. Хаджи Христо не отдастъ Иленки Стояну, хотя бы онъ позволилъ его, и хотя бы Иленка пропадала по немъ; а потому, если ты не пожелаешь побѣдить ея сердце, тогда можетъ все кончиться такъ, что ни ты, ни онъ не получите ея: отдадутъ ее Богъ знаетъ кому, и тогда ни Стоянъ, ни ты, ни она не будете довольны.

Петръ ничего не нашелъ отвѣтить, но разсужденіе матери не убѣдило его. Онъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего отношенія къ Иленкѣ, былъ съ нею друженъ, и только. Когда Иленка не обращала на него вниманія, онъ смотрѣлъ на нее, и тогда глаза его выражали кое-что больше, чѣмъ обыкновенную дружбу. Но онъ не позволялъ себѣ ни единымъ словомъ, ни единымъ движеніемъ выказать ей что-либо болѣе дружбы. Онъ никогда не обнаружилъ своихъ чувствъ ни передъ ней, ни передъ кѣмъ бы то ни было, одна только мать составляла исключеніе. Но Мокръ, занятой торговлей и политическими дѣлами, некогда было дѣйствовать за сына. Слѣдуетъ прибавить, что Иленка заходила теперь очень рѣдко, и чаще всего бывала въ то время, когда не было дома ни Петра, ни Мокры.

Мокра, подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, поѣхала въ Систово, а на обратномъ пути остановилась въ кривенской мегавѣ.

Въ меганѣ и около нея ничего не измѣнилось. Точно такъ же,

какъ и въ моментъ прибытія милазима, этого ревностнаго турецкаго офицера, который лишился жизни при исполненіи служебныхъ обязанностей, такъ и теперь на очагѣ горѣли уголья, на каминѣ стояла посуда и въ кофейнѣ дремалъ Пето. Онъ не удивился, когда вошла Мокра, хотя это было нарушеніемъ обычая, такъ какъ женщины не входятъ въ кофейню. Но такъ какъ кромѣ хозяина никого здѣсь не было, то онъ спокойно отвѣтилъ обычнымъ привѣтствіемъ на привѣтствіе вошедшей.

— Давно мы не видѣлись,—начала Мокра.

— Не знаю даже, видѣли ли мы когда-нибудь другъ друга,—отвѣчала Пето, не смотря на нее.

— А ну-ка, взгляни на меня.

Пето посмотрѣлъ и сказалъ:—Да, правда, давно мы не видѣлись.

— Привожу тебѣ отъ сына поклонъ.

Глаза меганджи вспыхнули.—Отъ Стояна?—спросилъ онъ.

— Поѣхалъ въ Сербію, поступилъ въ легіоны, будетъ воевать.

— Э, все это хорошо, только бы цѣлъ остался. Онъ ни въ грошъ не ставитъ свою жизнь. Но что же дѣлать, такъ и слѣдуетъ, если уже избралъ себѣ такой эснафъ.

— У меня есть въ тебѣ порученіе.

— Ко мнѣ?—спросилъ меганджи.

— Комитаджи (Пето поморщился, услышавъ это слово) должны пробраться по этой дорогѣ за Балканы; ты долженъ имъ помочь.

— Гм?.. развѣ это необходимо?..

— Да, необходимо,—отвѣчала Мокра.

— А нельзя ли имъ избрать другой путь?

— Одни пойдутъ и другими путями, но нѣкоторымъ необходимо пройти по этой дорогѣ.

— Сколько ихъ будетъ?

— Для почину одинъ, который проберется сегодня или завтра и скроется въ тростникѣ. Надо ждать его сегодня, завтра, а можетъ быть и послѣ-завтра ночью.

— Что же, я, какъ аистъ, долженъ стоять въ тростникѣ?

— Стояняъ сказалъ, что... твоя дочь...

— А!—полхватилъ Пето и позвалъ въ дверь:—Марійка! Вошла знакомая намъ дѣвушка и остановилась около Мокры, которая сидѣла на скамьѣ.

— Слушай, что тебѣ Мокра будетъ говорить,—сказалъ Пето.—Надо будетъ караулить на берегу комитаджи.—Дѣвушка посмотрѣла на Мокру и, услышавъ послѣднія слова отца, очень оживилась. Мокра рассказала ей, въ чемъ дѣло: надо было вы-

сматривать, когда прїѣдетъ агентъ комитета, по извѣстному паролю узнать о его прїѣздѣ, объясниться съ нимъ при помощи условленныхъ паролей и, наконецъ, вывести его изъ тростника; все это надо дѣлать очень осторожно, имѣя въ виду усиленную бдительность пограничной стражи и проходящїе по временамъ патрули. Пароль состоялъ изъ комбинаціи кваканія лягушки и крика совы. Когда Мокра кончила объясненіе, Пето поднялъ вверхъ палецъ и, обращаясь къ Марїейѣ, сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Смотри же, хорошенько выучись квакать лягушкой и кричать совой. Понимаешь?—Дѣвушка отвѣтила утвердительнымъ знакомъ.

— А теперь,—сказалъ Пето, обращаясь къ Мокрѣ:—ступай на ту половину, посиди тамъ, закуси и выпей, и расскажи моимъ женщинамъ все, что знаешь про Стояна.

Усѣвшись передъ каминомъ, Мокра рассказала бабушкѣ, матери и сестрѣ все, что знала о Стоянѣ, а потомъ завела разговоръ со старухой, которая понять не могла, почему Стоянъ, по происхожденію цинцаръ, бросилъ торговлю, и вмѣсто того, чтобы наживать парички, чтобы жениться и жить себѣ спокойно, мѣшается въ болгарскія дѣла и бродитъ по всему свѣту. Больше всего сердило ее происшествіе съ мялязимомъ.

— За что онъ мялязима задушилъ? Съ какой стати? Мялязимъ обнималъ „булку“!—Старуха пожала плечами.—Зачѣмъ же существуютъ „булки“? Такъ всегда было споконъ вѣка, и вдругъ Стояну захотѣлось все измѣнить! Слыханная ли это вещь!—Она вздохнула.

XXII.

Иленка рѣдко теперь заходила къ Мокрѣ и обыкновенно не заставала дома Петра и матери. Однажды она пришла въ такое время, въ которое должна была застать Петра, но онъ не вышелъ къ ней. Иленка, разговаривая съ Анкой, постоянно по-сматривала на дверь, наконецъ спросила:

— Дома ли Петръ?

— Дома,—отвѣчала Анка.

— Гдѣ же онъ?

— Въ своей комнатѣ. Онъ обыкновенно сидитъ у себя въ это время.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Читаетъ, пишетъ. У него столько книгъ! вся стѣна заставлена книгами.

Иленка больше не спрашивала, посидѣла еще немного, встала и ушла, но не надѣла ни яшмака, ни фереджии, а слѣдовательно не пошла на улицу. Она знала очень хорошо весь домъ, а потому переходъ этотъ изъ одной комнаты въ другую нисколько не удивилъ Анку. Иленка прошла черезъ сосѣднюю комнату, прошла слѣдующую за ней, затѣмъ вошла въ сѣни, изъ которыхъ отворила дверь въ комнату Петра.

Комната эта была непохожа на другія. Это былъ скромный, но настоящій уголокъ Европы на восточномъ фонѣ всего дома. Мебель состояла здѣсь изъ дивана, кресель, стульевъ, круглаго стола, на которомъ находились газеты, журналы и альбомы, шкафа, наполненнаго книгами, письменнаго стола, поставленнаго такимъ образомъ, чтобы сидящему передъ нимъ свѣтъ приходился съ лѣвой стороны. На стѣнахъ висѣли гравюры, карты, планы, надъ диваномъ—зеркало.

Петръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Услышавъ, что дверь въ его комнату отворилась, онъ оглянулся, всталъ и встрѣтилъ Иленку около круглаго стола. Дѣвушка обинула взглядомъ комнату, и на лицѣ ея выразилось крайнее удивленіе:—она очутилась въ совершенно новой для нея обстановкѣ, которая очаровала ее. Иленка молчала; она была прекрасна въ этомъ полубабеніи, которое должно было кончиться съ первымъ произнесеннымъ словомъ. Петръ, однако, не позволилъ себѣ долго любоваться этой прелестной дѣвушкой и началъ разговоръ.

— Здравствуй, Иленка! спасибо, что зашла ко мнѣ.

Дѣвушка дрогнула и нѣсколько испугалась.

— Вѣроятно, ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ? — продолжалъ Петръ.

— Я хочу поговорить съ тобой, — едва слышно отвѣтила Иленка, опуская глаза.

— Прежде всего садись... садемъ же, — приглашалъ Петръ, подходя къ дивану.

Иленка сама не знала, чтò ей дѣлать: принять или нѣтъ приглашеніе молодого человѣка, который указывалъ ей рукой какой-то необыкновенный диванъ.

— Садись, пожалуйста, — ласково приглашалъ Петръ.

Дѣвушка повернулась, сдѣлала нѣсколько шаговъ, вдругъ покраснѣвъ до ушей, подошла торопливо къ дивану и сѣла на самомъ его краю. А покраснѣла она потому, что увидѣла въ зеркалѣ отраженіе своего лица среди книгъ, гравюръ, географич-

ческихъ картъ. Иленка привыкла садиться съ поджатыми ногами, теперь же она сѣла на самомъ краю, и ей было очень неудобно; но подвинуться не смѣла, не довѣряя легко поддающимся пружинамъ.

— О чемъ же ты хочешь со мной поговорить? — спросилъ Петръ.

— Красный крестъ...—отвѣчала она.

— Красный крестъ?

— Да,—отвѣчала Иленка, опускавая прекрасныя рѣсницы.

— Ты, можетъ быть, хочешь спросить объ Обществѣ краснаго креста?

— Не знаю.

— Такъ о чемъ же собственно ты хочешь знать?

Одобренная ласковымъ обращеніемъ Петра, Иленка отвѣчала:

— Хочу узнать о томъ Красномъ крестѣ, при которомъ женщины ухаживаютъ за ранеными. Я слышала кое-что, но сама не знаю, что это такое.

— Такъ ты хочешь, чтобы я рассказалъ тебѣ?

— Да, расскажи.

— Съ удовольствіемъ.

Петръ подошелъ къ письменному столу, отыскавъ тамъ брошюру, рисунки и тотчасъ вернулся.

Пока Петръ отыскивалъ брошюру, Иленка сѣла поудобнѣе. Сначала попробовала рукой пружины и, убѣдившись въ ихъ прочности, подвинулась дальше. Петръ, поглядывая въ брошюру, рассказывалъ про передвижные госпитали, показывалъ рисунки повозовъ, носилокъ и всякихъ принадлежностей этого филантропическаго учрежденія, приспособленнаго въ войнѣ, которое между тѣмъ является очевиднымъ порицаніемъ войны. Иленка слушала, смотрѣла, и очевидно все это очень занимало ее. Но изъ разсказа о передвиженіи раненыхъ, о подбораніи ихъ на полѣ битвы она не могла понять, какова роль женщины въ Обществѣ краснаго креста, а потому спросила:

— А что же женщины?

— Тебѣ интересно, что дѣлаютъ женщины въ передвижныхъ госпиталяхъ?

— Да,—отвѣчала Иленка.

— Онѣ помогаютъ. Раненые долго болѣютъ, а за больными ухаживаютъ сестры милосердія.

— Что это сестры милосердія?

— Своего рода монахини.

— Монахини?—удивилась она.

— Да, это родъ монахинь, но онѣ не дають обѣта на всю жизнь, а только во время войны ухаживаютъ за больными.

— А потомъ?

— Потомъ возвращаются въ прежнимъ своимъ занятіямъ. Сестры милосердія не постригаются и даже ихъ не спрашиваютъ о вѣроисповѣданіи: принимаютъ православныхъ, католическъ, протестантовъ, евреекъ и даже магометановъ.

— Какая же изъ магометановъ согласится пойти?—замѣтила Иленка.

— Это другой уже вопросъ. Дѣло въ томъ, что уставъ Общества краснаго креста нисколько не противится этому.

— Какъ это хорошо! Такъ и я, напимѣрь...

— Что?—спросилъ Петръ, когда Иленка остановилась.

— Могла бы поступить въ Общество краснаго креста?

— Почему бы нѣтъ?

— Такъ по...—она глубоко вздохнула:—похлопчи, чтобы меня туда приняли.

Петръ вопросительно взглянулъ на нее.

— Похлопчи, — повторила Иленка, а потомъ спросила: — наши въ Кладовѣ?

— Въ Кладовѣ,—отвѣчалъ разсѣянно Петръ.

— Отправь меня въ Кладову.

— Это не легко.

— Ты вѣдь отправилъ Стояна и...

Казалось, что она забыла имя, а потому Петръ подсказалъ ей:—Николу.

— Ну, да, ты ихъ отправилъ. Такъ точно и меня отправь, а въ Румыніи я сама возьму билетъ по желѣзной дорогѣ и поѣду въ Кладову. Я хочу быть чѣмъ-нибудь полезной.

— Ты уже спасла семь человекъ, ты отдала свои украшенія, а слѣдовательно ты сдѣлала много больше другихъ.

— Положимъ... но мнѣ хотѣлось бы еще быть полезной въ Кладовѣ.

— Это трудно устроить, очень трудно.

— Ты только постарайся.

— Нѣтъ, это очень трудно. Если ты хочешь принести пользу, то можешь это сдѣлать и здѣсь.

— Я, видишь ли,—начала дѣвушка дрожащимъ голосомъ...— я сважу тебѣ, почему мнѣ хочется въ Кладову.

Петръ подумалъ, что Иленка скажетъ ему о своей любви къ Стояну.

— Я хочу уѣхать въ Кладову,—продолжала она, смотря на

свои руки:—потому... что... дома... мнѣ трудно жить... Я люблю отца и мать, но... мнѣ хотѣлось бы уйти съ ихъ глазъ, пока не кончатся всѣ эти дѣла. Теперь нѣтъ для меня лучшаго убѣжища, чѣмъ Красный крестъ. Я и прежде слышала о немъ, но теперь ты самъ мнѣ связалъ, что тамъ принимаютъ женщинъ. Пошли меня туда.

— Ни въ Кладовѣ, ни въ другомъ мѣстѣ въ Сербіи нѣтъ Краснаго креста,—отвѣчалъ Петръ.

Иленка вопросительно посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ. — Учрежденіе это существуетъ на основаніи конвенціи, то-есть договора между державами, вступившими въ соглашеніе, а Сербія въ соглашеніе не вступила, и тамъ нѣтъ Краснаго креста.

— Неужели это правда?—спросила не совсѣмъ еще убѣжденная дѣвушка.

— Я не обманываю тебя.

— Что же мнѣ дѣлать? — воскликнула она, взглянувъ на Петра. Взгляды ихъ встрѣтились. Иногда встрѣча взглядовъ бываетъ очень многозначительна. Въ данномъ случаѣ значеніе ея выразилось въ томъ, что Иленка опустила глаза и сказала: — Жаль!

— Жаль,—повторила Иленка, встала и хотѣла уйти.

Петру не хотѣлось отпускать ее, — не хотѣлось, какъ человѣку, сидѣвшему въ темнотѣ, не хочется расстаться съ случайно попавшимъ къ нему лучомъ свѣта.—Постой!—сказалъ онъ.

Дѣвушка остановилась.

— Видѣла ли ты вотъ это?—спросилъ онъ, открывая альбомъ прирейнскихъ видовъ.

Иленку заинтересовали пейзажи. Она смотрѣла, стоя около стола. Петръ подаль ей стулъ; она сѣла и дальше разсматривала, спрашивала, а Петръ рассказывалъ ей легенды, соединенныя съ нѣкоторыми изъ разсматриваемыхъ мѣстностей.

— Какъ это интересно! какъ красиво!

— Такія красоты есть у насъ въ Балканахъ, по берегамъ нашихъ рѣкъ, и легенды наши не менѣе красивы, но мы не умѣемъ цѣнить своего.

— Почему же это?—спросила Иленка.

— Ослѣпляетъ и притупляетъ насъ рабство. Придетъ время, когда кончится чтó теперь начато, тогда и мы будемъ въ состояніи похвалиться вотъ такими вещами!—онъ указалъ рукой на альбомъ.

— Оно началось...—повторила Иленка едва слышно.

— Да, началось...—отвѣчалъ Петръ, вздыхая.

— Почему же ты не идешь воевать?—спросила Иленка.

— Я бы съ удовольствіемъ пошелъ, только, видишь ли, можно служить родинѣ не однимъ только оружіемъ. На мою долю, — прибавилъ онъ съ отгѣнкомъ грусти, — выпала служба не военная.

Дѣвушка ничего не отвѣчала. Пересмотрѣвъ первый альбомъ, она протянула руку за вторымъ, въ которомъ находились карточки замѣчательныхъ художниковъ; литераторовъ и изобрѣтателей. Петръ характеризовалъ въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельность каждой изъ личностей, и характеристики эти отрывали передъ глазами Иленки все новыя и новыя отрасли мирнаго труда, имѣющія такое громадное значеніе для человѣчества. Иленка съ большимъ интересомъ всматривалась въ карточки европейскихъ знаменитостей, расположенныхъ по народностямъ. Пересмотрѣла французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ, и когда перевернула послѣднюю страницу этого разряда, Петръ сказалъ:—Теперь славяне.

Иленка взглянула на портретъ весьма обыкновенной, непредставительной фізіономіи, съ длинными густыми волосами, и прочла внизу: „А. Мицевичъ“.

— Славянскій поэтъ,—объяснилъ Петръ.

— Сербъ?

— Нѣтъ, полякъ.

— Инженеръ?

— Нѣтъ, поэтъ.

Окончаніе фамиліи ввело Иленку въ заблужденіе относительно народности, а инженеромъ считала она Мицевича потому, что въ то время полякъ—не *мендыс* (инженеръ)—былъ въ Турціи большой рѣдкостью.

— Я и не догадалась бы, что это поэтъ,—замѣтила дѣвушка, и продолжала пересматривать фотографіи другихъ славянскихъ знаменитостей.

Между тѣмъ время бѣжало быстро; она и не замѣтила, какъ прошелъ слишкомъ часъ. Петръ тоже не замѣтилъ этого, и ни одинъ изъ нихъ не слышалъ, какъ вошла Анка. Она осталась у порога и съ удивленіемъ смотрѣла на молодыхъ людей, увлеченныхъ разсматриваніемъ альбома. Они составляли красивую группу. Иленка, сидя на стулѣ, нѣсколько наклонилась надъ столомъ; Петръ стоялъ около нея, одну руку положивъ на спинку стула, на которомъ сидѣла Иленка; локтемъ другой руки онъ оперся на столъ; грудь его слегка касалась плеча молодой дѣвушки, а лицо ея было такъ близко къ его лицу, что,

повернувъ немного голову, онъ могъ поцѣловать ее. Такое сближеніе двухъ лицъ, лѣта которыхъ не превышаютъ въ совокупности съ небольшимъ сорока, относится на Востокъ къ разряду подозрительныхъ явленій. Анка стояла нѣкоторое время у дверей въ нѣмомъ ожиданіи, и хотя не видѣла и не слышала ничего подозрительнаго, но все-таки воскликнула:—Что вы дѣлаете?

Иленка вздрогнула, и потомъ словно окаменѣла. Она до того испугалась, что не могла встать съ мѣста. Петръ обернулся и спросилъ сестру:

— Анка, что съ тобой?

— Ты...

— Показываю и рассказываю ей то же самое, что тебѣ показывалъ.

— Да... но...—она напрасно подыскивала какое-нибудь выраженіе, которыми могла бы объяснить неумѣстность такого tête-à-tête.

— Садись съ нами, -- сказалъ ей Петръ:—быть можетъ, это займетъ и тебя.

Анка пожала плечами: ни одинъ альбомъ брата никогда не интересовалъ ее. Рисунки въ нихъ не были раскрашены, а карточки не представляли святыхъ. Въ ней уже коренились задатки монашеской жизни. Впрочемъ она пришла теперь къ брату за дѣломъ, вызвала его за дверь и сказала:— Кто-то спрашиваетъ тебя.

— Кто такой?

— Какая-то крестьянка. Я отвела ее въ нижнюю комнату.

— Останься съ Иленкой.

— Я съ ней не останусь, — отвѣтила Анка.

Петръ понялъ, въ чемъ дѣло, и не настаивалъ, а только отвѣтилъ сестрѣ:—Сейчасъ иду.

Онъ скоро вернулся въ свою комнату и хотѣлъ сообщить Иленкѣ, что ему необходимо удалиться, но встрѣтилъ ее въ дверяхъ: она первая попрощалась съ нимъ улыбкой съ ласковымъ словомъ, а потомъ отправилась къ Анкѣ, которая, сидя въ своей комнатѣ на диванѣ, не взглянула даже на свою подругу и не отвѣтила ей, когда Иленка просталась съ нею. Это прямо значило: „не приходи ко мнѣ“. Анка считала Иленку если не совсѣмъ потерянной, то, по крайней мѣрѣ, сильно скомпрометтированной, хотя совѣсть ее не была отягчена грѣхомъ поцѣлуя, воспоминаніе о которомъ приводило Анку въ восторгъ. Анка дѣлала въ извиненіе себя слѣдующее предположеніе:

„Я поцѣловала одного одинъ только разъ, а она навѣрное

цѣловала тронхъ, Богъ знаетъ, по скольку разъ: Стояна... Ни-
колу, а теперъ Петра... О, ужась!"

Петръ между тѣмъ пошелъ въ нижнюю комнату и тамъ уви-
дѣлъ незнакомую крестьянку.

— Ты кто такая?

— Я отъ Пето изъ Кривены.

— Изъ меганы?

— Да, изъ меганы.

— Быть можетъ, ты сестра Стояна?

— Да, сестра Стояна и дочь меганджи.

— Чтѣ же слышно хорошаго?

— Одинъ комитаджи благополучно переправился, а другой
долженъ прїѣхать сегодня ночью.

— И чтѣ же?—спросилъ Петръ.

— Тотъ, который переправился, говорить, что этотъ второй
долженъ тебя видѣть. Тебѣ надо ѣхать въ Кривену; въ против-
номъ же случаѣ онъ придетъ въ Рущузь.

— Онъ переправится ночью?

— Да, ночью.

— Хорошо. Я такъ устроюсь, чтобы быть тамъ ночью. Ты
переночуешь у насъ?

— Нѣтъ, мнѣ надо возвращаться; безъ меня некому будетъ
переправу устроить.

— Закуси, по крайней мѣрѣ.

— Нѣтъ. Отецъ приказалъ переговорить съ тобой и сейчасъ
же вернуться.

Въ голосѣ и въ лицѣ дѣвушки выражалась такая полная по-
корность, что Петръ и не пробовалъ удерживать ее, а только
еще разъ повторилъ, что прїѣдетъ вечеромъ въ Кривену, и про-
водилъ ее до дверей.

Въ виду усиленнаго полицейскаго надзора, не легко было
Петру уѣхать въ Кривену. Надо было отыскать предлогъ. Съ
этой цѣлью онъ отправился въ лавку, чтобы переговорить съ
матерью, но предлогъ самъ собой подвернулся. На встрѣчу ему
попалась повозка, въ которой кромѣ кучера сидѣло трое людей
и три собаки. Люди были чиновники итальянскаго и англійскаго
консульствъ, собаки были лягавыя, а кучеръ былъ кавасомъ одного
изъ консульствъ. Всякій изъ сѣдочковъ держалъ въ рукахъ ружье,
у всякаго изъ нихъ надѣтъ былъ черезъ плечо ягдташъ. Оче-
видно было, что они собрались на охоту, и что были людьми
запасливыми, потому что въ повозкѣ лежало еще два ружья и
три ягдташа.

— Стой! — крикнулъ одинъ изъ нихъ кавасу при видѣ Петра, обращаясь къ которому прибавилъ: — садись!

— Куда вы ѣдете?

— Къ устью Янтры.

— Подождите, пока я соберусь.

— Ни минуты не будемъ ждать.

— Но вѣдь...

— Безъ возраженій... Вотъ тебѣ два ружья и три ягдташа! выбирай!.. садись! Мы похищаемъ тебя.

Невозможно было пропустить такого хорошаго случая, а потому Петръ не колебался ни минуты. Ему хотѣлось только увѣдомить мать, но этимъ господамъ до того понравилось „похищеніе“, что надо было и отъ того отказаться. Онъ сѣлъ въ повозку, лошади тронули; итальянецъ запѣлъ охотничью пѣсню, англичанинъ выстрѣлилъ на воздухъ. Компанія позавтракала и была уже на-веселѣ. Крупной рысью проѣхали они черезъ Рущукъ; въ воротахъ караульные отдали честь сѣдокамъ. Петръ попалъ въ веселый кружокъ и только на пути узналъ, что они отправляются недѣли на три.

„Что мать подумаетъ?“ — беспокоился молодой человекъ. Но дѣлать было нечего. Лошади ходко шли, путешественники пѣли, стрѣляли, собаки лаяли. Прохожіе и проѣзжающіе, встрѣчавшіеся по пути, останавливались и смотрѣли, какъ провазничаютъ подгулявшіе представители Европы.

„Протрезвятся“, — подумалъ Петръ.

Предположеніе это оказалось, однако, невѣрнымъ. Конечно, представители Европы должны бы были протрезвиться, но каждый изъ нихъ запасся манерной, наполненной коньякомъ fine champagne. Они пили сами и заставляли пить Петра, такъ что ему приходилось хитрить, чтобы не опьянѣть. Онъ прикладывалъ манерку къ губамъ, но не глоталъ жидкости.

Петру везло въ этотъ день: даже состояніе этихъ господъ оказало ему нѣкоторую услугу. Сначала они хотѣли ѣхать прямо въ Систово и тамъ переночевать, но это оказалось невозможнымъ. Итальянецъ и секретарь англійскаго консульства могли бы доѣхать, но другого англичанина невозможно было довести. Два раза онъ уже падалъ съ повозки, порядочно-таки ушибся, такъ что пришлось ѣхать шагомъ, да еще часто останавливаться, чтобы поправлять сидѣнье. Англичанинъ пользовался каждой остановкой, чтобы лишній разъ потянуть изъ манерки. Поэтому охотники едва доѣхали до Кривены. Когда они были уже недалеко отъ послѣдней, ихъ обогналъ возъ, на которомъ ѣхало нѣсколько

деревенскихъ бабъ, а между ними Марійка. Петръ слегка поклонился ей, но она не отвѣтила на поклонъ.

Въ Кривенѣ консульскій кавасъ велѣлъ позвать чорбаджи, который помѣстилъ гостей въ самой удобной квартирѣ. Сами они не могли сойти съ повозки, ихъ надо было вести. Итальянецъ продолжалъ пѣть хриплымъ басомъ, пока не уснулъ; одинъ изъ англичанъ выкрикивалъ національный гимнъ, пока тоже не уснулъ; другой англичанинъ все время бормоталъ что-то и, наконецъ, заснулъ. Только Петръ не раздѣвался. Онъ полежалъ, пока все стихло, потомъ всталъ и отправился въ мегану. Въ меганѣ было темно, и дверь была заперта. Петръ постучалъ. Понеслышались шаги, и изъ-за дверей мужской голосъ спросилъ:—кто тамъ?

— Пріѣзжій изъ Рущука.

— Какой пріѣзжій?

— Тотъ, за которымъ посылае Пето.

Пето отворилъ дверь и вышелъ.

— Марійка вернулась?

— Вернулась... — Онъ громко кашлянулъ.

Тотчасъ же вышли двѣ фигуры: мужская и женская. Мужчина подошелъ къ Петру, отвелъ его въ сторону и началъ тихо разговаривать; наконецъ, Петръ спросилъ:

— Чтò же Никола?

— Онъ хотѣлъ переправиться вмѣстѣ со мной, но ему пришлось остаться. Впрочемъ онъ переправится сегодня же, и мы сейчасъ отправляемся въ путь.

— Пора уже,—сказалъ Пето.

Марійка прошла около разговаривающихъ и исчезла въ ночной темнотѣ. Петръ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда направилась Марійка; товарищъ его сдѣлалъ то же. Пето пошелъ подъ орѣховое дерево. Всѣ трое безъ всякаго уговора начали слушать и ждать. Тихая, хотя и мрачная ночь помогала слѣдить за всякимъ звукомъ. Собравшіяся на западѣ тучи поднимались кверху и предвѣщали дождь, а можетъ быть и бурю. Пока однако въ природѣ царила тишина—обычная предвѣстница бури; съ дунайскаго берега доносилось кваканіе лягушекъ, и Петръ, которому извѣстенъ былъ сигналъ, спрашивалъ себя, какъ узнать то кваканіе, съ помощью котораго условлено переговариваться.

Прошло около получаса.

— О!—произнесъ Пето.

— Чтò такое?—спросилъ Петръ, подходя къ нему.

— Ступайте въ вофейню, когда онъ придетъ, только не за-

жигайте огня. Говорите сколько хотите, а мы съ Марійкой покараулимъ здѣсь.

Какъ разъ въ это время послышался крикъ совы, который повторился, сливаясь какъ-то съ кваканіемъ лягушки. Подобное же сочетаніе въ нѣсколько иной формѣ повторилось еще разъ и еще разъ. Прошло нѣсколько минутъ. На западѣ послышался раскатъ грома, и въ тотъ же моментъ показались двѣ фигуры, быстро подходящія къ дорогѣ.

— Петръ?—спросилъ мужской голосъ.

— Никола? — отвѣчалъ Петръ.

Три заговорщика пошли въ кофейню, а Пето и Марійка остались караулить. Комитаджи оставались въ кофейнѣ около полу-часа; когда они вышли изъ меганы, Пето спросилъ:—Ну, чтѣ же?

— Идемъ,—отвѣчалъ тотъ, который пришелъ первый.

— Ступайте съ Богомъ, — сказалъ Пето и, обращаясь къ дочери, прибавилъ: — принеси ѣду и ракію, чтобъ меня никто не упрекалъ, что я не снабдилъ ихъ кускомъ хлѣба на дорогу.

Марійка вынесла заранѣе приготовленный мѣшочекъ съ провизіей и пошла, въ качествѣ провожатаго, впередъ.

— Проводи насъ немного,—сказалъ Никола Петру:—я хочу сказать тебѣ еще кое-что отъ себя лично.

Когда они нѣсколько отстали, Никола спросилъ:

— Хочешь ли знать, почему мы со Стояномъ...

— Конечно, мнѣ это интересно, — перебилъ Петръ.—Твоя ссора съ товарищемъ, съ которымъ ты долженъ дѣйствовать за-одно, кажется мнѣ даже преступной.

— И мнѣ также кажется, — отвѣчалъ Никола.

— Какъ же это такъ? Почему же ты съ нимъ не помирился?

— Потому что между нами...

— Чтѣ такое?

— Спрашивай не „что“, а кто...

— Кто же такой?

— Иленка. Она стоитъ между нами, она! Какъ это случилось, я не знаю. Какъ только она стала между нимъ и мной, мнѣ сдѣлалось до того досадно на Стояна, я его такъ возненавидѣлъ, что хотѣлъ-было тамъ въ подземельѣ задушить, точно такъ, какъ онъ задушилъ милязима. Да!.. — Никола глубоко вздохнулъ.

— А если она его любитъ?—замѣтилъ Петръ немного спустя.

— Не знаю... Вотъ то-то, что я не знаю... Мнѣ казалось, что она любитъ меня. Съ этимъ убѣжденіемъ я спустился въ колодезь, и только въ подземельѣ увидѣлъ, что, быть можетъ, я опи-

баюсь. Не знаю... Но если она его любить... если она любить его (голосъ Никола дрожалъ)—я отдамъ ее только мертвую!.. Нѣтъ... она не можетъ... она не должна любить Стояна.

XXIII.

Неожиданное исчезновеніе Петра весьма обезпекло Мокру. Она не могла понять, почему сынъ не предупредилъ ее о своей отлучкѣ. Прежде всего говорило въ ней материнское чувство.

„Господи! — подумала она: — вѣдь это третій уже... и... послѣдній!“

Потомъ стала соображать, куда онъ пропалъ. Анка сообщила ей, что приходила какая-то крестьянка, и Мокра, вспомнивъ про Марійку, догадалась, что Петръ уѣхалъ. Но дочь сказала, что братъ ушелъ въ домашнемъ костюмѣ, и даже безъ пальто. Не арестовали ли его турки? „Теперь все возможно,—подумала Мокра. —Они арестовали его и молчать. Узнаю я объ этомъ!“ утѣшала себя старуха, разсчитывая на свои знакомства въ конакѣ.

Она приказала Анкѣ, чтобы ни передъ слугами, ни передъ кѣмъ бы то ни было чужимъ не обнаруживать своего безпокойства относительно исчезновенія Петра.

— Будто ты нисколько этому не удивляешься, — поучала Анку старуха, и сама вполне сообразовала свои поступки съ этимъ совѣтомъ; никого не спрашивала про Петра, и только съ особеннымъ вниманіемъ бесѣдовала съ тѣми чиновниками, которые приходили къ ней въ лавку пить мастику. Въ сущности же она сильно безпокоилась и постоянно спрашивала себя, что съ нимъ случилось.

На второй день послѣ исчезновенія Петра Анка сказала матери послѣ ужина:

— Одна развѣ она знаетъ, что съ нимъ случилось.

— Кто такое?

— Она не посмѣетъ теперь придти къ намъ.

— Кто же это?

— Дочь хаджи Христо.

— Иленка?

— Да, она.

— Почему же ей не посмѣтъ придти къ намъ?

— Потому, что я застала ее наединѣ съ Петромъ въ его комнатѣ.

— Ну, такъ что же?

— Какъ что же!.. Они просидѣли вдвоемъ часа три, а можетъ быть и больше. Она пришла ко мнѣ, немного посидѣла, вышла изъ моей комнаты и пропала... Я удивилась, что она такое дѣлаетъ?.. Пришла крестьянка—я иду къ Петру въ комнату и вижу тамъ Иленку... Глазамъ своимъ не вѣрила... Вѣроятно, Петръ сказалъ ей что-нибудь, если они такъ долго бесѣдовали... Когда онъ вернулся изъ Бухареста и рассказывалъ о болгарскомъ легионѣ, то она, отлично помню, спросила, почему онъ не пошелъ воевать.

Мокра выслушала все это обвиненіе и обрадовалась сближенію Петра съ Иленкой. Зная своего сына, она была увѣрена, что онъ не могъ позволить себѣ ничего лишняго въ отношеніи молодой дѣвушки, а потому не придавала никакого значенія словамъ дочери. Но съ другой стороны ей была извѣстна пылкость патріотизма Иленки, и старуха подумала, что Иленка потому осталась такъ долго съ Петромъ наединѣ, чтобы послать его на театръ военныхъ дѣйствій; а потому ей казалось, что Иленка будетъ въ состояніи дать ей нѣкоторыя указанія относительно исчезновенія Петра.

„Я ее спрошу“, — подумала Мокра.

Надо было сходить къ хаджи Христо, но ни при отцѣ, ни при матери не слѣдовало спрашивать, и даже не надо было говорить о томъ, что Петръ куда-то пропалъ. Мокра пошла къ сосѣдямъ и проболтала тамъ около часа съ хозяйкой, а когда послѣдняя начала рассказывать о своей болѣзни, которою часто страдала, Мокра такъ заинтересовалась этимъ, какъ будто рѣчь шла о ея собственной болѣзни.

— Подступаетъ?—спрашивала Мокра.

— Охъ! джанэмъ, какъ еще подступаетъ! Иногда такъ подступить... такъ вотъ и кажется, что сейчасъ лопну.

— Ахъ, бѣдная ты, бѣдная!

— Да!—горевала хозяйка, покачивая головой.

— А у меня есть лекарство отъ твоей болѣзни, — сказала Мокра.—Мнѣ его прописалъ одинъ докторъ венгерець.

— Дайте мнѣ хоть немного этого лекарства!

— Дамъ... почему бы не дать. Вотъ что,—сказала Мокра, вставая:—пошли со мной Иленку; она сейчасъ тебѣ и принесетъ его. Потомъ я пойду въ лавку и вернусь домой только вечеромъ, а пока что же тебѣ напрасно страдать!

— И откуда взялась у меня эта болѣзнь? будто съ неба свалилась! — горевала хозяйка; потомъ, обращаясь къ дочери, сказала ей:—собирайся.

Мокра ничего не говорила Иленѣ, пока они шли; дома же привела ее въ комнату Петра. Дѣвушка остановилась у дверей, какъ бы боясь переступить этотъ порогъ.

— Войди! — сказала Мокра:—Петра нѣтъ дома.—Когда же Иленка вошла, старуха заперла дверь и спросила:—знаешь ли, что Петръ исчезъ куда-то?

— Исчезъ?—удивилась Иленка.

— Вотъ уже третій день какъ его нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаешь ли ты, не догадываешься ли?

— Нѣтъ,—отвѣчала она, пожимая плечами.

— Говорила ли ты съ нимъ о войнѣ?

— Говорила,—отвѣчала Иленка, и вся вспыхнула.

— А не стыдила ли ты его, что онъ не идетъ воевать?

— Нѣтъ,—отвѣчала она рѣшительно.—Я не стыдила его.

— Хорошо ли ты помнишь вашъ разговоръ?

— Я спрашивала его, почему онъ не въ Кладовѣ, а онъ отвѣтилъ мнѣ—почему; а потомъ когда показалъ вотъ это (она указала пальцемъ на альбомъ), я больше и не смѣла спрашивать его.

— Почему?—спросила Мокра.

— Потому что есть люди полезнѣе военныхъ.

— Такъ гдѣ же мой Петръ?—съ горечью воскликнула Мокра. Она посмотрѣла на Иленку, и въ глазахъ ея отразилось не то чувство, которымъ она прикрывалась въ присутствіи турокъ, а чувство материнской скорби, чувство горести и опасенія.

— Ахъ, я несчастная!—воскликнула она раздирающимъ сердце голосомъ.

— Мокра... — начала Иленка, приближаясь къ старухѣ.

— Это уже третій, третій!..—и изъ глазъ ея повалились слезы. Иленка тоже заплакала. Какъ только Мокра увидѣла слезы Иленки, она сейчасъ же опомнилась, вздохнула и, сказавъ: „пора работать“, хотѣла уйти, но, вспомнивъ предлогъ, подъ которымъ привела къ себѣ Иленку, остановилась. Я сейчасъ принесу лекарство твоей матери, подожди немного,—проговорила она.

Мокра скоро вернулась и принесла небольшой пакетикъ, который отдала Иленкѣ, рассказавъ при этомъ, какимъ образомъ мать ея должна принимать лекарство.

Онѣ вмѣстѣ вышли изъ комнаты Петра, и Мокра спросила: „Не зайдешь ли къ Анкѣ?“

— Нѣтъ, Мокра, не зайду.

Старуха промолчала.

Исчезновеніе Петра напомнило ей тотъ путь, по которому

шелъ старшій ея сынъ, и на которомъ сложилъ голову. Она уже видѣла въ своемъ воображеніи голову этого послѣдняго сына на жерди, вбитой у городскихъ воротъ; ей становилось жутко, тяжело; но она умѣла скрывать свои чувства, и никто не догадался бы по ея наружности, какъ сильно она страдаетъ. Она шутлила съ турками и нисколько не смутилась, когда къ ней пришелъ Аристархи-бей и прямо сказалъ:

— Хорошо, Мокра, велеть себя твой сынъ.

— Вѣроятно, не хуже другихъ...

— Кто бы ожидалъ отъ него чего-нибудь подобнаго!

— Всегда можно всего ожидать...

Сердце ея сжималось. Она сообразила, что турки узнали уже что-то, а слѣдовательно можно спросить, и потому прибавила: — Я впрочемъ сама не знаю, гдѣ онъ.

— Такъ онъ не сказался тебѣ?

— Нѣтъ... зачѣмъ же?.. вѣдь онъ не маленькій.

— Систовскій каймаканъ увѣдомилъ насъ объ немъ и объ его товарищахъ.

Мокра замерла: она вспомнила, что въ окрестностяхъ Систова началось возстаніе хаджи Димитра.

— Вѣдь это сумасшествіе, — продолжалъ бей: — три дня пьянствовать... одинъ чуть не потонулъ, другой расшибся... Когда паша узналъ, что сынъ твой участвуетъ въ этой пьяной компаніи, онъ сказалъ: „Молодецъ нашъ докторъ! не надо лучшаго доказательства, что онъ вполне вѣрнопопданный султана“.

Послѣднія слова чрезвычайно удивили Мокру. Бей говорилъ о какой-то пьяной и въ то же время вѣрнопопданныческой экскурсіи. Сынъ ея принадлежалъ къ этой компаніи. Что это значитъ? Она тѣмъ болѣе путалась въ догадкахъ, что не могла сообразить, причѣмъ тутъ докладъ систовскаго каймакана. Однимъ словомъ, изъ всей этой путаницы видѣялось одно: это — надежда, что имѣло для нея большое значеніе. Она ждала разрѣшенія загадки и дождалась его только на пятый день позднимъ вечеромъ.

Мокра сидѣла на диванѣ, вязала чулокъ и думала о Петрѣ. Вдругъ среди ночной тишины раздался выстрѣлъ передъ самымъ ея домомъ.

— Господи Боже мой! — крикнула Мокра, вскакивая съ дивана.

Точно такъ же вскрикнула и вскочила сидѣвшая около нея Анка. За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, а за нимъ третій.

— Не Стоянъ ли?.. — воскликнула Анка.

— Что это ты? — успокаивала ее Мокра.

— Пришелъ съ войскомъ изъ Кладовы...—продолжала Анга восторженнымъ голосомъ.

— Молчи! — крикнула мать, сама не зная, что думать объ этой пальбѣ.

Прибѣжали слуги, а между тѣмъ послѣ нѣкотораго перерыва послѣдовалъ четвертый, пятый, шестой выстрѣлъ. Слышно было, что на улицѣ суетятся, и въ то же время начали сильно стучать въ ворота.

Мокра вдругъ преобразилась. Можно бы подумать, что это не женщина, а вождь, командующій отрядомъ во время внезапнаго нападенія. Она обратилась къ прислугѣ:

— Ступайте къ воротамъ! калитку на цѣпь! впускать только своихъ!.. Жандармамъ я сама отворю. Всякаго своего посылайте въ садъ!.. А ты, — продолжала она, обращаясь къ Анкѣ, когда ушла прислуга:—стой у входа въ садъ и посылай всѣхъ въ колодцу. Я сама буду тамъ стоять.

Распорядившись такимъ образомъ, Мокра взяла фонарь, спички и выбѣжала въ садъ. Черезъ нѣсколько мгновений всѣ были по мѣстамъ: прислуга собралась около воротъ; Анга стояла у входа въ садъ; хозяйка заняла свой постъ у колодца.

Старый Коста, закрѣпивъ цѣпь, пріотворилъ калитку и спросилъ:—Кто тамъ?

— Это я, — отвѣтилъ ему голосъ, по которому онъ узналъ Петра.

Коста впустилъ, и всѣ тотчасъ закричали:—Въ садъ! въ садъ!

— Зачѣмъ?—спросилъ Петръ.

— *Стыпуница* приказала, чтобы всѣ свои шли въ садъ.

— Кромѣ меня никто сюда не войдетъ.

— Въ садъ! въ садъ!—настоячиво требовала прислуга, испуганная новыми выстрѣлами, доносившимися съ улицы.—Стыпуница приказала!

Петръ направился въ садъ и у входа увидѣлъ Анку; узнавъ брата, она остановилась въ недоумѣніи.

— Что все это значить?..—спросилъ Петръ.

— Мы думали, что пришли наши изъ Кладовы—такая пальба!

— Гдѣ же мать?

— У колодца.

Легко представить себѣ, какъ обрадовалась Мокра, увидѣвъ сына. Петръ рассказалъ ей, что и какъ случилось, и она успокоилась, хотя пальба не скоро прекратилась. Впрочемъ выстрѣлы раздавались все дальше и дальше, а наконецъ все стихло. За ужиномъ Петръ рассказалъ, какимъ образомъ уѣхалъ, что дѣлалъ

въ это время и какъ вернулся. Охота, спрыскиваемая слишкомъ обильно, не была удачна. Приходилось стрѣлять не по зайцамъ, куропаткамъ, драхамъ, не по дикой птицѣ, но по овцамъ, телятамъ, козамъ, собакамъ, курамъ и по домашнимъ гусямъ и уткамъ, причѣмъ чуть не подстрѣлили нѣсколько человѣкъ. Наконецъ веселые охотники вернулись въ Рущукъ, и, высадивъ Петра передъ его домомъ, устроили пальбу на прощаніе. Пришла полиція: пѣшіе и конные жандармы бросились туда, откуда слышались выстрѣлы, и очутились передъ повозкой, всѣ сѣдоки которой, не исключая кучера, были совершенно пьяны. Оказалось, что кучеромъ былъ консульскій кавасъ, а господа—изъ итальянскаго и англійскаго консульствъ. Непривосновенность этихъ особъ оберегаютъ международныя трактаты, и еслибъ кучеръ не былъ пьянъ, то жандармамъ пришлось бы отступить. Но такъ какъ консульскій кавасъ отказался править, то жандармы отвели повозку сначала въ англійское консульство, а потомъ въ итальянское. Пока жандармы вели лошадей подъ устцы, господа забавлялись стрѣльбой на воздухъ и успокоились только въ своихъ квартирахъ, куда ихъ пришлось проводить подъ руки.

— Что же, *они* пошли?—спросила старуха.

— Пошли...—отвѣтилъ Петръ. Тѣмъ и кончился ихъ разговоръ объ агентахъ комитета.

Конечно, никто и не подумалъ о вознагражденіи тѣхъ убытковъ, которые были причинены жителямъ консульскими чиновниками. Раненымъ было предоставлено право... лечиться, а тѣмъ, у которыхъ поубивали овецъ, телятъ и прочее... позволено... оплачивать свои потери. Турки всегда радовались, когда иностранцы компрометировали себя передъ мѣстными жителями, и, конечно, европейскія державы ничего объ этомъ не знали, такъ какъ консульскій персоналъ весьма рѣдко состоялъ изъ порядочныхъ людей.

Въ настоящемъ случаѣ англійское и итальянское консульство сослужило службу Петру, такъ какъ послѣ описанной выше охоты съ его личности и дома снятъ былъ полицейскій надзоръ. Папа лично объявилъ объ этомъ Петру.

— До сихъ поръ мы не довѣряли тебѣ, докторъ. Хотя я и относился къ тебѣ съ большимъ уваженіемъ, которое ты вполне заслуживаешь, а все-таки думалъ: *grattez le Bulgare, vous y trouverez un Russe*. Теперь же вижу, что я ошибался.

— Я вѣдь нисколько не горжусь этимъ, ваше превосходительство,—замѣтилъ Петръ.

— Что же такое?.. *Une folie*,—возразилъ папа:—молодость имѣетъ свои права.

И съ тѣхъ поръ папа считалъ Петра вполне порядочнымъ человѣкомъ.

А этотъ вполне порядочный человѣкъ продолжалъ свои „преступныя“ дѣянія. Благодаря связямъ Мокры, онъ сообщалъ въ Бухарестъ такія свѣденія, распространеніе которыхъ приводило въ тупикъ пашу и Аристархи-бея; кромѣ того, онъ участвовалъ въ мѣстномъ комитетѣ, снабжалъ его средствами, совѣтомъ и вообще былъ дѣятельнымъ его членомъ; однимъ словомъ, мастерски велъ подземную работу. Такіе мастера вырабатывались въ Болгаріи подъ вліяніемъ гнета турецкаго правительства, а репрессивныя мѣры—въ родѣ ссылки, четвертованія, висѣлицы, выставки головъ на жердяхъ—совершенствовали ихъ. Еслибъ два брата Петра не погибли, быть можетъ и онъ дѣйствовалъ бы подобно Стояну или Николѣ; но турки сами вышколили себѣ усовершенствованныхъ внутреннихъ враговъ.

Иленку крайне поразило исчезновеніе Петра, тѣмъ болѣе, что Мокра спрашивала ее: не подъ ея ли вліяніемъ Петръ рѣшился отправиться на войну. Сама бы она никогда объ этомъ не подумала, но когда ее спросили, она постаралась вспомнить весь разговоръ, и пришла къ тому заключенію, что на Петра могло подѣйствовать желаніе ея поступить въ Общество краснаго креста.

„Если я, дѣвушка, хотѣла идти на войну, то, можетъ быть, ему, мужчинѣ, стало стыдно оставаться дома“. Къ такому заключенію пришла Иленка и сказала себѣ: „Жаль!.. очень жаль!“

О Николѣ она никогда еще не говорила, что его жаль. Она была увѣрена, что Никола въ Кладовѣ, и часто думала о немъ. Она воображала себѣ его въ мундирѣ, въ шапкѣ съ перомъ, съ саблей, съ винтовкой и съ револьверами за поясомъ. Она мечтала о геройскихъ его подвигахъ и радовалась его доблести. Но она никогда не подумала: „жаль его“. Петра же ей было очень жаль. Она готова была пожертвовать весьма многимъ, чтобы онъ вернулся, и еслибъ Никола былъ здѣсь, сказала бы ему:—ступай, отыщи Петра и приведи его, а безъ него не возвращайся.

Не трудно потому вообразить себѣ, какъ она обрадовалась, узнавъ, что Петръ вернулся. Несмотря на гримасы Анки, Иленка собралась къ ней снова, и выбрала таковой часъ, въ который навѣрное рассчитывала застать Петра. Но вѣдь придти въ то время, когда Петръ дома, не значило еще видѣться съ нимъ. Сколько разъ онъ не выходилъ къ ней, хотя и былъ дома во время ея прихода. Онъ слишкомъ увлеченъ книгами! Еслибъ не книги... Теперь она тоже не была увѣрена, увидитъ ли Петра, но, несмотря на то, пошла.

Войдя въ ворота дома Мокры, Иленка вспомнила, что ей хотѣлось спросить Косту о томъ ягненкѣ, который родился безъ хвоста. Объ этомъ ягненкѣ много говорили въ свое время во всемъ околоткѣ, но теперь всѣ уже забыли о немъ. Вдругъ Иленка вспомнила про него, и ей захотѣлось узнать, что сдѣлалось съ этимъ ягненкомъ. Поэтому она пошла не на лѣстницу, а въ сторону конюшни; но такъ какъ сама не знала, гдѣ Коста, то начала звать:—Коста!.. Коста!..

Иленка подождала немного, но Коста не приходилъ. „Богъ съ нимъ, въ другой разъ спрошу его объ этомъ ягненкѣ безъ хвоста“, сказала себѣ дѣвушка и направилась въ лѣстницѣ, но увидѣла на противоположной сторонѣ двора служанку, которая мыла ризь.

— Гдѣ Коста?—крикнула Иленка.

— Косты нѣтъ, онъ поѣхалъ на мельницу.

Теперь навѣрное можно было сказать, что если Петръ не оглохъ, то знаетъ, что Иленка пришла.

Она начала медленно подниматься по лѣстницѣ; проходя мимо дверей Петра, кашлянула. За ней отворилась дверь, и вышелъ Петръ. Дѣвушка слышала и видѣла это, но будто ничего не замѣчала, и только ускорила шаги; придя въ комнату Анны, она поздоровалась съ ней, скинула фереджію и япмакъ, и не успѣла еще сѣсть, какъ вошелъ Петръ. Иленка будто удивилась.

— А? Я слышала, что тебя нѣтъ.

— Меня дѣйствительно не было, но я пріѣхалъ.

— Куда же ты ѣздилъ?

— Недалеко, въ окрестности Янтры.

Онъ разсказалъ, какимъ образомъ его похитили и заставили принять участіе въ развлеченіи совсѣмъ имъ нелюбимомъ.

— Такъ ты не любишь охотиться?

— Не люблю убивать звѣрей, а за обѣдомъ люблю дичь; но на свободѣ предпочитаю оставлять ее въ покоѣ.

— Однако ты долго охотился...

— Пять дней... Я собственно игралъ комедію, а мои товарищи, хотя бы и хотѣли, не могли охотиться.

— Не могли бы?—удивилась Иленка.

— Обстоятельства не благопріятствовали охотѣ.

— Слишкомъ много пили,—замѣтила Анна, которая не понимала, почему братъ щадить итальянцевъ и англичанъ.—Они уѣхали пьяными и пьяными вернулись.

— Шумно вернулись,—замѣтилъ Петръ.

— Мы сами слышали выстрѣлы,—замѣтила Иленка.

— А мы какъ испугались!.. Я подумала, что это наши изъ Кладовы пришли.

— Какъ же можно было дѣлать подобное предположеніе?— удивился Петръ.—Гдѣ Кладова, а гдѣ Руцукъ! А кромѣ того развѣ это легко войти въ крѣпость!

— Какое мнѣ дѣло до крѣпости! Я чуть не померла съ испуга, когда раздался первый выстрѣлъ; а какъ услышала, что къ намъ стучать, такъ и подумала, что это наши пришли.

— Нашихъ нѣтъ уже въ Кладовѣ...

Обѣ дѣвушки съ любопытствомъ взглянули на Петра, который продолжалъ:—Они ушли.

— Зачѣмъ ушли?

— Какъ зачѣмъ?.. воевать... Война никогда не ведется на одномъ мѣстѣ.

— И турки тоже ходятъ?—спросила Анка.

— И они ходятъ,—отвѣтилъ Петръ, улыбаясь.

— Они, значить, уходятъ?

— Не всегда. Турки недурно дерутся.

— Но не лучше нашихъ; мнѣ хотѣлось бы знать, когда они придутъ сюда и въ какія войдутъ ворота.

— Ты спросила бы лучше, по какой дорогѣ имъ можно придти.

— Я знаю: на пароходѣ Дунаемъ или по румынской желѣзной дорогѣ.

— Пойдемте въ мою комнату, я покажу вамъ на картѣ дорогу,—сказалъ Петръ, желая придать разговору болѣе содержанія.—Пойдемъ,—повторилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкамъ:—разсмотримъ и все разсудимъ.

Анка нѣсколько поколебалась, наконецъ встала, а за ней встала и Иленка. Черезъ минуту дѣвушки стояли передъ картой европейской Турціи. Петръ прежде всего показалъ имъ Руцукъ, который принялъ за исходный пунктъ по отношенію къ горамъ, рѣкамъ и границамъ. Потомъ показалъ Болгарію между Балканами, Дунаемъ, Чернымъ моремъ и сербской границей. Разказалъ зачѣмъ объ Румыніи, что это чужой край, границъ котораго не можетъ переступить ни сербское, ни турецкое, ни болгарское войско. Онъ опредѣлилъ разстояніе между сербской границей и Руцукомъ и указалъ на тѣ препятствія, которыя пришлось бы побѣдить войску, пожелавшему слѣдовать въ этомъ направленіи. Его объясненіе, очевидно, опечалило дѣвушекъ.

— Какъ же это?—спросила Анка:—они, значить, не придутъ къ намъ?

— Трудно на это разсчитывать.

— А на что же можно рассчитывать?

— Смотрите...—Петръ указалъ горный хребетъ, начинающійся у береговъ моря и исчезающій въ Сербіи.—Вотъ наша естественная крѣпость. Если намъ удастся завладѣть ею и побить здѣсь турокъ разъ, другой и третій, тогда возстанутъ сосѣднія племена; возстанутъ тѣ, которые поселились подъ Тунджей, Марицей; возстанемъ мы сами, придунайскіе жители, и если станемъ дружно дѣйствовать—освободимъ нашу Болгарію. Вотъ на что можно рассчитывать!

Дѣвушки смотрѣли въ раздумьѣ на карту.

— Если это такъ, то зачѣмъ же наши болгары выставили этотъ легионъ?—спросила Анка.

— Потому что намъ нужны люди, знающіе военное дѣло. У насъ нѣтъ такихъ людей. Турки не допускаютъ насъ въ свое войско.

— Экая важность! всякій съумѣетъ драться.

— Нѣтъ, не всякій,—отвѣчалъ Петръ:—даже кулакомъ не всякій умѣетъ владѣть... слышала ли ты объ англійскихъ боксерахъ?

Оказалось, что Анка не слыхала о нихъ. Петръ взялъ какую-то толстую иллюстрированную книгу и отыскалъ въ ней боксеровъ, представленныхъ въ различныхъ позахъ.

— Вотъ видишь, и этому надо учиться; для обученія военному дѣлу существуютъ отдѣльныя школы, которыхъ у насъ не было и нѣтъ. Вотъ наши и обучаются въ легионахъ.

— А ты былъ въ военной школѣ?—спросила Анка.

— Да, былъ.

— Такъ ты потому и не пошелъ на войну?—допрашивала сестра.

Иленка взглянула на Петра такимъ взглядомъ, въ которомъ выразилось: „теперь понимаю“.

Петръ ничего не отвѣтилъ Анкѣ, которая начала спрашивать его о судьбѣ легионеровъ, но онъ немного могъ о нихъ рассказать. Анка интересовалась судьбой легионеровъ потому, что тамъ былъ Стоянъ. Теперь пришлось ей расстаться съ надеждой увидѣть его скоро въ Русчукѣ, и потому ей хотѣлось побольше узнать о его судьбѣ.

Прежде ей казалось, что Стоянъ, тотчасъ же побѣдитъ и станетъ съ ней подъ вѣнецъ. Теперь она убѣдилась, что все это мечта, что дѣйствительность не такова; но нечего было дѣлать. Ей хотѣлось переимѣнить разговоръ. Она сѣла на диванъ и обратила вниманіе на пружины.

— И чего только не выдумаетъ нѣмецъ!—удивилась Анка

и начала сравнивать пружины съ пуховикомъ. Въ результатѣ оказалось, что и то, и это хорошо.

Иленка между тѣмъ стояла передъ картой и внимательно разсматривала Балканы. Ей хотѣлось задать Петру очень много вопросовъ, но присутствіе Анки стѣсняло ее; наконецъ, Анка ушла; пришлось и ей уйти. За Иленкой вышелъ Петръ и, пользуясь тѣмъ, что она нѣсколько отстала, шепнулъ ей:

— Никола кланяется тебѣ.

Иленка посмотрѣла на него и улыбнулась.

XXIV.

Недавно еще, въ 1877 и 1878 годахъ, болгары переживали очень важный моментъ. Жизненный пульсъ ускорился точно также у тѣхъ, которые сами не знали, чего держаться, какъ и у тѣхъ, которые въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ занимались тѣмъ, что почтенные и степенные люди считали сумасшествіемъ. Балканское возстаніе явилось результатомъ этой дѣятельности. Оно вспыхнуло съ ясно опредѣленною цѣлью, но было въ высшей степени необдуманнѣмъ поступкомъ. Необдуманность эта указывала впрочемъ, что народъ живъ, думаетъ о себѣ и что въ немъ появились желанія, которыя онъ готовъ купить весьма дорогою цѣной. Желанія свои хотѣлъ онъ окупить тѣмъ, чѣмъ могъ располагать—своею кровью.

По всей Европѣ пробѣжала страшная вѣсть о результатѣ болгарскаго возстанія.

Предостереженіе паши, привезенное Петромъ въ Бухарестъ, не было пустымъ словомъ. Порта рѣшила потопить въ крови патриотическія стремленія, и рѣшеніе это исполнила. Всѣ мѣстности, въ которыхъ стремленія эти проявились, были обращены въ человѣческую бойню, были усыпаны развалинами.

Убивали старыхъ, молодыхъ, женщинъ и дѣтей. Цѣлые посады обратились въ груды труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Принципъ оттоманской Порты требовалъ строгаго наказанія непокорныхъ—и они были примѣрно наказаны.

Вѣсть о событіяхъ въ Балканахъ отразилась въ Рускѣхъ болѣзненнымъ эхомъ. Все замерло сначала, а потомъ наступило время тихаго плача женщинъ и унылаго молчанія мужчинъ. Когда Петръ прочиталъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, рассказъ объ этихъ событіяхъ, онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Не успѣлъ онъ оправиться отъ перваго впечатлѣнія, какъ въ комнату вошла Мокра

и остановилась передъ нимъ. Нѣкоторое время она молчала. Мокра смотрѣла сыну въ глаза и, наконецъ, промолвила:

— Ну, что же!.. Несчастіе.

Петръ хотѣлъ ей что-то отвѣтить, но она перебила его.

— Я точно то же сказала, когда погибъ твой старшій братъ и когда убили твоего младшаго брата. Тогда случилось меньшее несчастіе, теперь большее... Что-жь дѣлать?

— Мнѣ грустно, мать, мнѣ тяжело!—вздохнулъ Петръ:—совѣсть меня мучаетъ...—Почему я не въ Старой Загорѣ, а здѣсь!

— Не говори этого... Придетъ и твоя очередь.

— Ты думаешь?

— Можно ли иначе думать!.. Вѣдь есть же праведный Господь!.. Поплачемъ объ тѣхъ, которые погибли, но необходимо подумать и о тѣхъ, что остались въ живыхъ.

Петръ нагнулся къ матери. Мокра обняла его голову, поцѣловала. Когда онъ опять выпрямился на стулѣ, въ глазахъ его были слезы.

— Быть можетъ, настанетъ время еще болѣе тяжелое,—сказала старуха.—Помни, сынъ, что ты не одинъ. За тобой стоитъ старшій твой братъ, за тобой стоитъ младшій.

Въ этихъ словахъ безграмотная старуха выразила, быть можетъ, не вполне сознательно тотъ логическій законъ, согласно съ которымъ совершаются политическія событія.

Не всё, однако, такъ думали.

Мокра не успѣла еще уйти изъ комнаты сына, какъ вбѣжала Иленка. На этотъ разъ дѣвушка прямо вошла въ комнату Петра. Она была блѣдна и растерянна. Петръ всталъ. Она остановилась и дрожащимъ голосомъ выговорила:

— Адресъ!..

Слово это съ 1868 года сдѣлалось пугаломъ честныхъ людей. Тогда обыватели должны были подавать „добровольно“ благодарственный адресъ за истребленіе четы хаджи Димитра. За что же имъ теперь благодарить? За рѣзню сотенъ безоружнаго народа!..

— Адресъ!..—повторила Иленка:—отецъ... Мой отецъ собирается къ тебѣ... онъ сейчасъ придетъ!—и, выговоривъ это, дѣвушка ушла къ Анкѣ.

Вопросъ объ адресѣ принималъ тѣмъ болѣе острый характеръ, что прежній образованный, вѣжливый губернаторъ былъ теперь призванъ на новый постъ, а мѣсто его занялъ грубый деспотъ. Тотъ намекалъ бы о „необходимости добровольнаго адреса“, а этотъ просто приказывалъ. Такъ какъ хаджи Хрѣсто, авторъ всеподданнѣйшаго адреса объ уничтоженіи школъ, обратилъ на себя

вниманіе, то новый папа послалъ къ нему своего адъютанта съ приказомъ написать „добровольно“ адресъ и собрать подписи на немъ. Хаджи Христо впрочемъ и готовъ былъ сдѣлать что-нибудь подобное и по собственной инициативѣ. Извѣстіе о происшедшихъ событіяхъ до того испугало его, что онъ видѣлъ единственное спасеніе въ паденіи ницъ передъ турками и въ полномъ отреченіи отъ всякой солидарности съ „преступниками“, а потому въ присланномъ приказаніи онъ увидѣлъ только доказательство особеннаго расположенія къ нему властей и охотно, даже съ удовольствіемъ взялся написать адресъ и собрать подписи.

— Хорошо, эффендимъ,—отвѣтилъ онъ адъютанту:—я предложу въ первомъ же засѣданіи ратуши.

— Нѣтъ,—возразилъ адъютантъ:—въ засѣданіи участвуютъ турки и евреи, которые не бунтуютъ; они вѣрны падишаху. Вы только, болгары, бунтуете, вы и составьте между собой адресъ. Ты утромъ напиши, а пополудни придетъ къ тебѣ юсбапа за пѣтвѣвъ и поможетъ собирать добровольныя подписи.

Вотъ въ чемъ состояла цѣль предсказаннаго Иленвой визита хаджи Христо.

Петръ принялъ своего гостя въ мусафирлыѣ. Не дожидаясь даже кофе, хаджи Христо приступилъ къ дѣлу и, рассказавъ суть, прибавилъ:—Пиши.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Петръ:—я этого не сдѣлаю.

— Почему?

— Потому что я самъ участвовалъ въ подготовленіи балканскихъ событій.

Хаджи Христо удивился, вытаращилъ глаза и забормоталъ:—А я... я хотѣлъ... отдать тебѣ Иленку и все мое состояніе.

— Благодарю тебя за твои желанія, но...

— Но если,—перебилъ хаджи,—напишешь адресъ и подпишешься подъ нимъ, то этимъ вполнѣ оградись отъ всякой отвѣтственности. Все кончится благополучно, и я отдамъ тебѣ дочь, только сватовъ присылай... Мы такъ уже и порѣшили съ женой. Ну... что же скажешь?

— Не напишу и не подпишу.

— Знаешь ли, сколько я дамъ тебѣ изъ рукъ въ руки?

— Нѣтъ, не знаю.

— Двадцать тысячъ мѣджиджи,—перебилъ хаджи Христо.

— Это не можетъ измѣнить моего рѣшенія.

— Что же, ты больше хочешь?

— Ни за какія деньги не напишу я такого адреса и не подпишу его.

— Напишутъ и безъ тебя,—отвѣчалъ хаджи.—Но что же ты сдѣлаешь, когда я вмѣстѣ съ юсбаемъ приду къ тебѣ за подписью? Вѣдь ты погубишь себя, если не подпишешь.

— А все-таки не подпишу.

— Это твое послѣднее слово?

— Да, послѣднее.

— Га!—сказалъ хаджи Христо, вставая.—По крайней мѣрѣ, не скажешь, что я не желалъ тебѣ добра.

Хаджи передалъ содержаніе этого разговора женѣ и Иленѣ, и, обращаясь къ послѣдней, прибавилъ:

— Не дуракъ ли онъ, что ни тебя, ни паричекъ не хочетъ?

— Не ходи ты больше къ Мокрѣ, потому что надъ этимъ домомъ нависла уже гроза.

Спустя полчаса дѣвушка была уже въ комнатѣ, сосѣдней съ лавкой Мокры, и тихонько сообщала ей объ угрожающей Петру опасности и о томъ, что, въ случаѣ надобности, могла бы скрыть его. Мокра внимательно выслушала ее, а потомъ спросила:

— Гдѣ же ты можешь скрыть его?

— Въ нашемъ тайникѣ. У насъ не стануть дѣлать обыска, а проведу его я сама.

— Можетъ быть и безъ этого обойдется,—отвѣчала Мокра.

И дѣйствительно, въ продолженіе нѣкотораго времени не надо было прибѣгать къ этому, пока Россія не объявила войну Турціи. Какъ только была объявлена война, тотчасъ же начались повальные аресты подозрительныхъ, а подозрительными считались прежде всего тѣ, которые отказались подписать „добровольный“ адресъ. Полиція снарядила облаву.

Въ первый разъ арестовали нѣсколькихъ человѣкъ, но во второй, третій не арестовали никого. Четвертая и пятая облава были точно также безуспѣшны. Подозрительныя личности ускользали изъ рукъ полиціи и куда-то пропадали. Только-что былъ... и вдругъ исчезъ.

Петра нельзя было арестовать только за то, что онъ не подписалъ „добровольнаго“ адреса, такъ какъ онъ имѣлъ связи со многими консульствами; поэтому Аристархи-бей приказалъ строго наблюдать за Петромъ, самъ подсматривалъ и подслушивалъ; но ничего не могъ открыть. Свѣденія, добываемыя Мокрой отъ служащихъ въ конакѣ, парализировали дѣятельность полиціи. Аристархи-бей подозрѣвалъ, что Петръ скрываетъ преслѣдуемыхъ полиціей; но не могъ найти никакихъ доказательствъ. Несмотря на усиленный караулъ у городскихъ воротъ и на берегу Дуная,

подозрительные будто съвозъ землю проваливались и вынырнули впоследствии въ болгарскихъ отрядахъ, формировавшихся подъ охраной русскаго войска. Они на самомъ дѣлѣ проваливались подъ землю. Вѣроятно, никогда еще не проходило черезъ подземелье Мокры столько людей, какъ въ періодъ полицейскихъ облавъ на подозрительныхъ. Этимъ путемъ проходили не только люди, но тысячи подробностей, касающихся укрѣпленій и оборонительныхъ средствъ страны. Турки понять не могли, какъ могутъ совершаться подобныя злодѣянія? И гражданскія, и военныя власти были увѣрены, что всѣмъ этимъ управляетъ кто-то очень ловкій и свѣдущій: „вѣроятно, Петръ“. Но, съ другой стороны, Петръ никогда не заходилъ теперь въ конахъ, не исправлялъ никакой должности, не ходилъ къ укрѣпленіямъ; иногда только его видали въ кофейнѣ съ чиновниками различныхъ консульствъ.

Колодезь съ подземельемъ отлично работалъ до первой попытки бомбардированія Рушукъ съ румынскаго берега. Попытка эта ничѣмъ не кончилась, но побудила къ дѣятельности турецкихъ инженеровъ, которые вспомнили, что кромѣ торпедовъ, преграждающихъ доступъ къ пристани, не помѣшало бы воздвигнуть на берегу Дуная нѣсколько баттарей. Вышелъ приказъ осмотрѣть берега. Когда Мокра сообщила Петру объ этомъ приказѣ, онъ нахмурился и сказалъ:

— Дѣло плохо.

— А чтò такое?

— Если инженеры не слѣпые, то они построятъ баттарею въ нашемъ саду.

— Не построятъ,—возразила Мокра.

— Увидимъ: это впрочемъ будетъ зависѣть отъ принятаго штабомъ рода укрѣпленій.

На другой день послѣ этого разговора по двору Мокры прошло около шести офицеровъ въ сопровожденіи нижнихъ чиновъ, которые несли жерди, треножники, ящики и ящички. Они пошли въ садъ. Петръ наблюдалъ черезъ окно, сидя въ своей комнатѣ, какъ они дѣлали измѣренія, потомъ какъ начали совѣщаться. Долго совѣщались и, наконецъ, рѣшили. Одинъ изъ офицеровъ отошелъ въ сторону, остановился, протянулъ ногу, позвалъ солдата и приказалъ вбить болъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ была его нога.

— Плохо,—сказалъ про себя Петръ.

Потомъ тотъ же офицеръ велѣлъ солдатамъ повбивать болы въ нѣсколькихъ указанныхъ имъ пунктахъ, и вскорѣ очерчена была фигура насыпи, которую рѣшили здѣсь воздвигнуть.

Петръ тяжело вздохнулъ. Лицо его выражало безпокойство; онъ началъ ходить по комнатѣ.

— Плохо дѣло,—сказалъ онъ матери въ тотъ же вечеръ.— Для этой насыпи потребуется очень много земли: солдаты отроютъ подземелье.

— Мы скажемъ, что ничего объ немъ не знали. А слѣды, если найдутся, можно убрать.

— Теперь уже поздно. Работа началась и поставленъ карауль.

Мокра смутилась на минуту, но очень скоро оправилась и сказала:

— Чтò же мнѣ сдѣлають?.. Ничего не видѣла... ничего не слышала, эффендимъ!—передразнивала она свои отвѣты передъ слѣдственной комиссіей.—А тебѣ надо скрыться.

Петръ улыбнулся и въ улыбеѣ его выразилось сомнѣніе.

— Да, тебѣ надо скрыться... знаешь гдѣ? Въ домѣ хаджи Христо.

— Чтò!—крикнулъ Петръ:—въ домѣ хаджи Христо!

— Иленка тебя проведеть.

Она рассказала Петру, какъ все устроится. Петръ выслушалъ молча. Мокра не только рассказывала, но также старалась убѣдить сына, что глупо и безцѣльно рисковать жизнью, если можно спастись, никому не вреда.

Въ продолженіе всего слѣдующаго дня Петръ не выходилъ изъ своей комнаты и безпрестанно наблюдалъ за ходомъ работъ. Около вечера онъ увидѣлъ что-то особенное: насупилъ брови, всталъ, надѣлъ пальто, сказалъ Анкѣ, чтобы его не ждали, поцѣловалъ ее въ лобъ, ушелъ и не вернулся.

Онъ не присутствовалъ при обыскѣ, который начался въ домѣ Мокры въ ту же ночь и кончился только на слѣдующій день около полудня. Въ этотъ разъ турки произвели страшное опустошеніе: поднимали полы, разбивали стѣны и забрали всѣ книги и рукописи Петра. Анку пріютили сосѣди; старуху посадили въ тюрьму. Судили ее военнымъ судомъ, которому не удалось ничего узнать отъ нея. Судъ ограничился заочнымъ приговоромъ Петра къ разстрѣлянію и конфискованію его имущества.

Послѣднее можно было осуществить, и это немедленно и было осуществлено. Первое же пришлось отложить на неопредѣленный срокъ. Объявлено только было при звукахъ барабаннаго боя, что всякій доставившій Петра, живого или мертваго, получитъ двадцать-пять тысячъ гурушъ.

Конфискація распространялась на домъ, лавку и капиталы,

такъ что Мокра съ трудомъ только могла спасти все-что, дозволившее ей вмѣстѣ съ Анной снять небольшую квартиру.

Никто не могъ получить вознагражденія за голову Петра, такъ какъ никто, кромѣ Мокры и Иленки, не зналъ, гдѣ онъ.

Подземелье, открытое въ саду Мокры, было разрушено. Древніе своды разнесены были динамитомъ, и обрывъ обсыпался, такъ что теперь на этомъ мѣстѣ берегъ сдѣлался отлогимъ.

Анка много плакала. Ей было жаль богатства, жаль было разстаться съ удобствами, жаль было разрушенныхъ надеждъ; мать старалась утѣшать ее, и самымъ лучшимъ утѣшеніемъ считала слѣдующее:

— Посмотримъ... какъ все это кончится.

— Я жду конца только для того, чтобы отправиться въ монастырь.

Впрочемъ имъ ничего лучшаго и не оставалось дѣлать, какъ ждать. Что могли сдѣлать двѣ женщины, покинутыя на произволь судьбы въ осажденной вѣрности?

Онѣ ждали и дождались такой радости, такого счастья, какового Мокра ждала только для своихъ правнуковъ. Періодъ радостей начался испугомъ. Въ квартиру ихъ неожиданно вошелъ Петръ. Увидѣвъ его, мать и сестра поблѣднѣли.

— Что ты!..—воскликнула Мокра.

— Какъ такъ?—спросилъ Петръ.

— Голова твоя опѣнена въ двадцать-пять тысячъ гурушь.

— Моя голова ничего теперь не стоитъ.

— Что такое? Почему?

— Потому что мы... теперь...

Слѣдующаго слова онъ не могъ выговорить: чувство восторга сжимало ему горло; ему хотѣлось смѣяться... Онъ желалъ удержать порывы радости, но не могъ владѣть собою и только вторялъ:

— Мы теперь... мы теперь...—наконецъ, вырвалось у него слово:—свободны!—и онъ зарыдалъ.

Долго не могли Мокра и Анка ни говорить, ни слушать. Наконецъ, немного успокоились. Петръ разсказалъ матери и сестрѣ, что миръ заключенъ, что Болгарія освобождена, что турецкія войска выходятъ изъ Рушчува, что вмѣсто нихъ придутъ русскіе.

Мокра сложила руки и воскликнула:

— Боже!.. Боже!.. сыновья мои!..

Петръ началъ потомъ разсказывать о своемъ пребываніи въ домѣ хаджи Христо.

— Что же хаджи Христо?—спросила Анка.

— И не подозрѣвалъ.

— Это она тебя скрыла... А когда ты уходилъ, что хаджи Христо сказалъ?

— Онъ меня не видѣлъ... Мнѣ не хотѣлось показываться ему, во-первыхъ, изъ-за Иленки, а во-вторыхъ, потому, что теперь онъ занятъ составленіемъ адреса русскому царю. Онъ работаетъ надъ этимъ вмѣстѣ съ Аристархи-беемъ, и такъ заспорили другъ съ другомъ, что и не замѣтили, какъ я прошелъ черезъ сосѣднюю съ мусафирнымъ комнату, въ которую дверь была открыта.

— Посмотри, что у насъ осталось,—сказала Мокра, указывая рукой и глазами на свою квартиру.

— Знаю, знаю... Что же дѣлать!.. Будемъ работать и какъ-нибудь пробиваться.

— Вѣдь намъ теперь должны возвратить то, что турки отняли у насъ,—замѣтила Анка.

— Что же намъ могутъ возвратить?.. Разрушенный домъ и землю... а прочее... погибло.

— Ахъ, я несчастная! — горевала дѣвушка: — теперь мнѣ остается только поступить въ монастырь.

— Скоро войско наше придетъ,—сказалъ Петръ какъ бы въ отвѣтъ сестрѣ.

— Когда?—спросила она.

— Не знаю.

Анка задумалась и все вниманіе сосредоточила на своей работѣ, которую держала въ рукахъ, а между тѣмъ Петръ заговорилъ съ матерью о дѣлахъ. Имъ казалось, что послѣ общаго застоя по случаю войны дѣла должны пойти хорошо. Мокра унесла съ собою нѣсколько денегъ, и Петръ также захватилъ съ собой кое-что. Порѣшили на всѣ эти деньги снять лавку на одной изъ болѣе оживленныхъ улицъ и торговать мелочнымъ товаромъ.

— Мнѣ жаль нашей лавки,—вздохнула Мокра.

— А мнѣ жаль моихъ книгъ.

— Зато Болгарія свободна.

— Ты права,—отвѣтилъ Петръ:—это важнѣе всего.

— А наше войско,—спросила Анка:—это то же самое, которое стояло въ Кладовѣ?

— Не знаю... можетъ быть... вѣроятно, остался кто-нибудь изъ нихъ.

Анка опять задумалась и не обращала больше вниманія на разговоръ брата съ матерью.

Петръ пошелъ въ городъ, чтобы отыскать лавку сообразно съ оставшимися у нихъ средствами. Черезъ нѣсколько дней онъ

нашелъ, наконецъ, помѣщеніе, купилъ товару и началъ торговать. Пока онъ былъ занятъ устройствомъ своихъ дѣлъ, въ правительственныхъ сферахъ все переизмѣнилось. Турецкое войско и турецкія власти уступили мѣсто русскимъ войскамъ и русскимъ властямъ, пока не организуется мѣстное правительство. О народномъ правительствѣ ходили различные толки; но одно изъ извѣстій повторялось настойчивѣе другихъ: оно относилось къ войску. Всѣ ждали болгарскаго войска. Каждый день ожидали его съ величайшимъ нетерпѣніемъ,—не знали только, по какой дорогѣ оно придетъ. Наконецъ, дождались. Обыватели рѣшили торжественно принять своихъ. Народъ вышелъ на встрѣчу и громко привѣтствовалъ пѣхоту, впереди которой шла русская военная музыка. Радостныя восклицанія заглушили музыку. Отрядъ стройно двигался колоннами; передъ отрядомъ несли распущенное знамя, за которымъ шелъ офицеръ съ обнаженной саблей на правомъ плечѣ. Толпа окружала это воскресшее послѣ пятилѣтней смерти войско, которое свидѣтельствовало объ освобожденіи народа, и провожала его къ городской площади. Невозможно описать общій восторгъ, усиленный еще долгимъ ожиданіемъ.

На площади собранъ былъ городской совѣтъ въ полномъ составѣ; около него собрались женщины. Впереди членовъ городского совѣта стоялъ хаджи Христо; между женщинами была жена его, Иленка, Мокра и Анка. Петръ тоже былъ въ толпѣ, но онъ не выдвигался впередъ. Отдѣльно отъ другихъ стоялъ плацъ-комендантъ со штабомъ. Когда отрядъ пришелъ на средину площади, командующій имъ офицеръ поднялъ саблю кверху и скомандовалъ: „стой!“

Въ толпѣ послышалось чье-то восклицаніе: „Стоянъ!“ Хаджи Христица и Иленка повторили его; повторилъ его и хаджи Христо; съ особеннымъ восторгомъ повторила и Анка, стараясь приподняться, чтобы увидѣть Стояна.

Стоянъ отдалъ честь плацъ-коменданту, подалъ рапортъ, потомъ скомандовалъ разойтись. Какъ только начали расходиться, тотчасъ же обыватели стали приглашать солдатъ на квартиры.

Хаджи Христо подбѣжалъ къ Стояну, обнял его и кричалъ:

— Ты мой!.. Тебя я никому не уступлю... Ты ко мнѣ!

— Мокра...—началь было Стоянъ.

— Чтѣ Мокра!.. Она теперь и угостить тебя не можетъ...

Я тебя не пушу!

Нечего было дѣлать. Стоянъ принялъ приглашеніе хаджи Христо. Онъ шелъ рядомъ съ хаджи Христицей и Иленкой и спросилъ про Мокру.

— Все потеряла!—отвѣчалъ хаджи.—Сама виновата: шутила, шутила и дошутилась.—Турки нашли въ ея саду какое-то подземелье, какія-то глупости... и конфисковали имущество, а Петра приговорили къ разстрѣлянію.

— Такъ Петра разстрѣляли?!—воскликнулъ Стоянъ.

— Нѣтъ... скрылся... право, не знаю, какимъ образомъ. Его голову одѣнили въ двадцать-пять тысячъ гурушъ. Какъ это никто не прельстился!.. Но все-таки онъ скрылся и теперь держитъ лавку, которая со всѣмъ товаромъ не стоитъ пятисотъ гурушъ.

Другіе обыватели уводили къ себѣ другихъ солдатъ.

Одинъ изъ нихъ, а именно хорунжій, не принималъ никакихъ приглашеній, а только спрашивалъ про Мокру и Петра.

— Мокра! Мокра!—началъ онъ кричать въ толпѣ.

Мокра вышла впередъ.

— Вонъ она!—указалъ кто-то.

Хорунжій привѣтствовалъ Мокру и сказалъ:—У меня есть письмо къ Петру... мнѣ надо отдать ему письмо и переговорить съ нимъ.

— Иди ты лучше сначала къ кому-нибудь другому, другіе лучше могутъ угостить тебя; а когда поѣшь приходи въ лавку, тамъ застанешь Петра, поговоришь съ нимъ и отдашь письмо.

Хорунжій посмотрѣлъ на Мокру съ величайшимъ удивленіемъ и отвѣчалъ:

— Никола рассказывалъ, что ты богата, что у тебя есть домъ, лавка и много денегъ.

— Все это было, но теперь нѣтъ.

— Такъ возьми письмо, а я приду потомъ поговорить.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ-за пазухи сильно запачканный конвертъ и отдалъ его Мокрѣ.

Нѣсколько спустя, письмо это находилось въ рукахъ Петра, который распечаталъ его, прочиталъ и насупился.

— Отъ Ниволы,—сказалъ онъ:—изъ Габрова... изъ госпиталя. Письмо писано три мѣсяца тому назадъ... Вѣроятно, Никола привазалъ долго жить.

Мокра и Анка вздохнули.—Что же онъ пишетъ?—спросила мать.

— Онъ поручаетъ мнѣ то, чего я не могу исполнить. Велитъ сказать Иленѣ, чтобы она не выходила за Стояна, а то Никола и въ гробъ не будетъ имѣть покоя.

— Почему же ты не можешь исполнить этого порученія?—спросила Анка съ отгнѣномъ безпокойства.

— Потому что оно нелѣпо,—отвѣчалъ Петръ.

— Такъ я скажу Иленѣ, что пишетъ Никола.

— И не думай объ этомъ!—воскликнула мать:—это не твое дѣло... Стоянъ заслужилъ такой награды, какъ Иленка. Пусть вѣнчаются, если только сами захотятъ и родители позволяютъ.

— Ахъ, позволять, позволять!—простонала Анка.

Мокра и Петръ переглянулись въ недоумѣнн, потомъ Мокра сказала: „погоди еще немного, погоди“.

Пришелъ хорунжій и рассказалъ подробности про Николу. Никола прокрался въ Балканы, участвовалъ тамъ въ восстаніи и, скрывшись отъ турокъ, скитался до тѣхъ поръ по разнымъ мѣстамъ, пока не поступилъ охотникомъ въ болгарскій отрядъ, организовавшійся при русскомъ войскѣ. Онъ былъ отличнымъ солдатомъ. Раненый нѣсколько разъ въ битвѣ подъ Шипкой, слегъ въ больницу. Тамъ онъ лежалъ рядомъ съ хорунжимъ, который тоже былъ раненъ подъ Шипкой. Никола написалъ письмо за два дня передъ смертью.

— Онъ померъ на моихъ глазахъ,—говорилъ рассказчикъ и передъ самою смертью усиленно просилъ меня передать письмо Петру.

— Встрѣчался ли онъ со Стояномъ?—спросилъ Петръ.

— Мы всѣ служили въ одномъ батальонѣ.

Лишь только хорунжій окончилъ рассказъ, на порогѣ появился и Стоянъ. Анка поблѣднѣла, увидѣвъ его.

Мокра и Петръ встрѣтили Стояна съ восторгомъ, а онъ, поздоровавшись съ ними, подошелъ къ Анкѣ и громко спросилъ: „Ты ждала?“

Анка упала безъ чувствъ...

Разсвѣтъ кончился. Наставалъ для Болгаріи ясный день...

I. У.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ

1871 — 1889.

I.

1871-ый годъ.

Много лѣтъ тому назадъ, мы попытались въ письмахъ о „Франціи и французахъ послѣ войны“ ¹⁾ набросать картину, какую представляла эта страна послѣ 18-ти лѣтъ (1852—1870 г.) блестящаго на видъ и пагубнаго внутри наполеоновскаго режима. Франція находилась тогда на краю своей гибели. Многіе думали, и не безъ нѣкотораго основанія, что она на вѣки сброшена въ пучину забвенія, гдѣ, какъ въ аду, терзаются многія грѣшныя націи, не менѣе когда-то славныя, но уже давно вычеркнутыя изъ списка живыхъ. Безконечныя поля Гравелота, Вёрта, Седана были покрыты горами костей лучшихъ сыновъ Франціи; города всей сѣверной полосы вплоть до Парижа и южнѣе до самаго Орлеана находились во власти торжествующаго врага; сотни тысячъ гордой своими побѣдами французской арміи, не попытавъ послѣдняго боя, томились въ постыдномъ плѣну; надъ живымъ еще организмомъ страны была совершена мучительная операція — двѣ провинціи, усыновленныя Франціей и связанныя съ нею взаимною любовью, были отсѣчены однимъ ударомъ меча. Франція

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., апрѣль—декабрь.

падала подъ тяжестью желѣзной руки безпощаднаго побѣдителя, повинутая и пренебрегаемая всѣми европейскими государствами, — даже тѣми, которыя созданы были ея кровью, какъ Италія, или которыя спасены были ею еще такъ недавно отъ конечнаго погрома, какъ Австрія. Съ придавленною грудью и съ занесеннымъ мечомъ надъ ея головой, она услышала свой приговоръ: условія мира, продиктованныя суровымъ и гордымъ своими побѣдами врагомъ. Что было дѣлать несчастной и чрезмѣрно наказанной Франціи, такъ легкомысленно отдавшей себя въ рабство человѣку, не сдумавшему даже въ трагическій день Седанскаго боя пасть, спасая тѣмъ честь своей родины? Франція находилась въ эту роковую минуту въ безпомощномъ положеніи чело-вѣка, поваленнаго на землю, съ скрученными руками и ногами и приставленнымъ къ самой груди заряженнымъ револьверомъ, когда надъ его ухомъ раздаются слова: жизнь или смерть! Изувѣченная, истощенная, она вынуждена была принять унижительный и постыдный миръ; то засѣданіе національнаго собранія въ Бордо, когда обсуждался вопросъ о войнѣ или мирѣ, — тотъ день, когда, наконецъ, этотъ миръ былъ принятъ, — походилъ на день похоронъ цѣлой Франціи. Правда, и въ тотъ несчастный день раздавался голосъ небольшой группы людей, горячихъ патріотовъ, говорившихъ: лучше бороться до послѣдней капли крови, чѣмъ принимать этотъ позорный миръ; лучше самая смерть, чѣмъ влачить постыдное существованіе! Но это былъ голосъ скорѣе отчаянія, чѣмъ могучей надежды на возможность дальнѣйшей борьбы. Франція была раздавлена. Нужно было, казалось, совершиться какому-либо чуду, чтобы она снова воскресла къ жизни, подкошенной въ самомъ корню. Послѣ заключенія мира, когда Франція очнулась отъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ ударовъ, она увидѣла себя по истинѣ въ безвыходномъ положеніи. Большая часть территоріи занята непріателемъ безпощаднымъ, требовательнымъ, чуждымъ какой-либо снисходительности, попиравшимъ на каждомъ шагѣ патріотическое чувство побѣжденной страны. Арміи, той арміи, которая всегда была гордостью Франціи, не существовало. Изъ Германіи возвращались не солдаты, воодушевленные для защиты родины, а оборванные толпы людей, исцѣленные если не навсегда и не всѣ физически, то всѣ нравственно. Крѣпости разрушены. Оружія, пушекъ болѣе не существовало; все это сдѣлалось добычею, трофеями побѣдителя. Тамъ, гдѣ триумфально проходилъ непріатель — а гдѣ онъ не проходилъ? — тамъ все было опустошено, все разорено. Борьба, длившаяся цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ уже

послѣ того, какъ Франція была разбита наголову и регулярной арміи не существовало, стояла націи страшныхъ жертвъ. Правда, эта борьба, воодушевляемая мощнымъ духомъ великаго патріота, спасла отъ гибели самое дорогое достояніе страны—ея честь, но зато она—такъ казалось въ то время—подорвала послѣднія силы народа и истощила всѣ его матеріальныя средства. Къ разорительной войнѣ, къ жестокой утратѣ двухъ провинцій, присоединилась еще пятимилліардная контрибуція, добывавшая въ конецъ измученную Францію. Но всѣ матеріальныя бѣдствія, выпавшія на долю французскаго народа, были ничто по сравненію съ другимъ бѣдствіемъ—съ тѣмъ нравственнымъ ударомъ, который былъ нанесенъ духовнымъ силамъ націи, съ тѣмъ мучительнымъ для національнаго самолюбія сознаніемъ, что Франція низвергнута съ своего вѣкового пьедестала великой державы, съ тѣмъ жгучимъ сомнѣніемъ, закрадывавшимся въ сердце каждаго француза, относительно будущихъ судебъ его родины. Какой-то мрачный духъ безнадежности точно оковалъ всю Францію, и не много въ ту пору было людей съ неутраченною вѣрою въ несокрушимую силу генія французскаго народа, которые не повторяли бы по поводу своей родины гамлетовскаго вопроса: быть или не быть?—и не терзались бы мыслию, что историческая роль Франціи закончена и въ будущемъ ее ожидаетъ лишь постепенный упадокъ и разложеніе.

Кому случилось быть въ ту памятную эпоху свидѣтелемъ разгрома, постигнаго Францію, тотъ никогда не забудетъ того унынія, печали, упадка духа, охватившихъ всю страну. Но нигдѣ отчаяніе такъ не бросалось въ глаза, какъ въ Парижѣ, на долю котораго выпало самое тяжкое испытаніе. Парижъ героически переносилъ столь нежданную осаду; онъ не дрогнулъ въ ту рѣшительную минуту, когда безпощадный непріятель, въ надеждѣ ускорить капитуляцію, не остановился передъ бомбардировкой, и когда осколки разрывавшихся гранатъ поражали на смерть дѣтей и женщинъ. Самый голодъ, надвигавшійся все грознѣе и грознѣе, не сковалъ страхомъ парижскаго населенія. Парижъ готовъ былъ на всѣ жертвы; онъ бодро встрѣтилъ всѣ ужасы осажденнаго города; онъ не мирился лишь съ мыслию увидѣть вражеское войско въ своихъ собственныхъ стѣнахъ. Городъ переживалъ такое нервное возбужденіе, какового ему не приходилось еще испытывать. Все населеніе жило одною несбыточною мечтою, однимъ лишь сладкимъ заблужденіемъ—надеждою прорвать желѣзную цѣпь, растянувшуюся вокругъ Парижа. Надежда эта воспламеняла патріотическій духъ населенія, которое все, какъ одинъ человекъ, स्वा-

тилось за оружіе. Всѣ слои, всѣ сословія, всѣ профессіи — все исчезло, остались лишь патриоты, готовые охотно умереть ради спасенія своей родины. Свѣтскіе люди, артисты, живописцы, скульпторы, литераторы, журналисты, ученые, доктора, судьи, адвокаты, простые рабочіе, — всѣ побросали свои обычныя занятія и устремились на аванпосты, соперничая въ отвагѣ, въ рѣшимости жертвовать своею жизнью. Весь Парижъ превратился въ военный лагерь, съ трепетомъ и съ надеждой ожидавшій завѣтнаго дня послѣдняго и рѣшительнаго боя. Вѣра среди этой импровизованной арміи, сильной лишь воодушевлявшимъ ее патриотизмомъ, была еще жива, какъ вдругъ страшная вѣсть заставила содрогнуться всѣ сердца. Роковое слово: „капитуляція“, прозвучало мучительно то-скливо, какъ первый ударъ погребальнаго звона. Умерла послѣдняя надежда, а съ нею вмѣстѣ исчезло патриотическое воодушевленіе, уступившее теперь свое мѣсто чувству тупого отчаянія и глухой, затаенной злобы. Парижъ былъ униженъ, оскорбленъ, онъ чувствовалъ себя обезчещеннымъ — непріятельскія войска переступили его стѣны. Самолюбіе, гордость, національная честь, все было поправно; цѣлое населеніе, какъ одинъ человекъ, испытывало жгучее чувство кровной обиды, неизгладимаго униженія.

Отъ вѣчно веселаго, шумнаго, блестящаго, кипящаго жизнью Парижа не оставалось тогда и слѣда. Тотъ, кто попалъ бы въ это время въ Парижъ, не зная ничего о событіяхъ послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тотъ съ перваго взгляда на этотъ мрачный городъ сказалъ бы, что онъ пережилъ какое-либо великое бѣдствіе. Можно было подумать, что чума совершила здѣсь свое страшное дѣло, что черная смерть унесла безпощадно большую часть населенія. Куда дѣвалась пестрая, живая и на видъ всегда жизнерадостная толпа парижскихъ троттуаровъ? куда исчезъ этотъ дѣятельный, нервный, торопливый характеръ парижскихъ улицъ и ошеломляющее движеніе парижскихъ бульваровъ и площадей? Бульвары, улицы, площади поражали своимъ безлюдьемъ. А между тѣмъ это безлюдье въ дѣйствительности было лишь оптическимъ обманомъ. Двухъ-милліонное населеніе по прежнему наполняло Парижъ — измѣнилось лишь нравственное настроеніе толпы. Тѣ же люди казались теперь другими людьми. Пропалъ только бодрый духъ, энергія, исчезло обычное воодушевленіе, веселость, — все тѣ, чтѣ такъ заразительно дѣйствуетъ въ Парижѣ на всѣхъ, кто только не страдаетъ сплномъ и не носитъ внутри себя неотвязной тоски. И этотъ измѣнившійся характеръ толпы производилъ впечатлѣніе какой-то мертвенности, ложившейся на весь городъ. Упадовъ духа, принижен-

ность отражались на движеніи, на фізіономіи всей толпы. Въ обычное время, когда Парижъ не выброшенъ изъ своей колеи, движущаяся на улицахъ толпа производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы всѣ эти люди ничѣмъ не занаты, не поглощены никакими заботами, что всѣ они наслаждаются блаженнымъ *dolce far niente*; теперь было не то. Не раздавалась веселая болтовня, не слышно было смѣха. Каждый шелъ своей дорогой, точно спѣша куда-то, не съ гордо, какъ прежде, поднятою головою, а будто придавленный тяжестью жизни. Поголовно траурное одѣяніе женщинъ только усиливало это мрачное впечатлѣніе. Ихъ трауръ какъ бы подсказывалъ, что смерть недавно еще случалась въ ихъ двери, похищая у одной мужа, у другой сына, у третьей отца или брата, а всѣ другія, пощаженный судьбою, какъ бы не смѣли нарушать водворившейся гармоніи печали. Это удручающее впечатлѣніе, производимое на васъ улицей, толпой, вы испытывали всюду: въ частномъ домѣ, театрѣ, любомъ общественномъ сборищѣ. Входя къ вашимъ знакомымъ, друзьямъ, вы чувствовали то же, что невольно чувствуется каждый разъ, когда вы входите въ домъ, въ семью, пораженную какимъ-либо страшнымъ ударомъ судьбы, смертью ли дорогого существа, разореніемъ или инымъ тяжкимъ испытаніемъ. Разговоръ не вазался; вы видѣли, что людямъ больно говорить, а подчасъ еще больнѣ молчать. Одна нота проходила всегда и во всемъ—ужасъ настоящаго и отчаяніе за будущее. Люди искали забыться, развлечься, нѣхотя шли въ театръ, въ общественныя сборища, которыя продолжали называться увеселительными мѣстами. Все, казалось, было какъ и раньше,—тѣ же артисты играли знакомыя вамъ пьесы; въ ложахъ, партерѣ сидѣли тѣ же французы,—и вмѣстѣ съ тѣмъ все было иное. Пропало оживленіе; игра первоклассныхъ артистовъ казалась вамъ вялою; публика относилась безучастно, автоматически къ тому, что происходило на сценѣ; исчезъ электрическій токъ, соединяющій сцену и зрителя, и всѣ невольно спрашивали себя, зачѣмъ играютъ артисты, зачѣмъ пришла сюда вся эта толпа,—и вы покидали театръ съ тѣмъ же тоскливымъ чувствомъ, съ какимъ вы и вошли въ него. Заходили ли вы въ какой-нибудь славившійся раньше кафе-шантанъ, публичный балъ или въ какое-либо другое общественное мѣсто, гдѣ въ былое время бѣшено до глупости веселилась и шумѣла подчасъ толпа—васъ охватывало то же всюду преслѣдовавшее тоскливое чувство. Тщетно раздавались забавные куплеты—они никого не смѣшили; оркестръ могъ до безконечности играть одинъ за другимъ веселые

вальсы и польки—они никого не веселили. Люди безцѣльно слонялись часами изъ одного угла залы въ другой, и уходили, вѣроятно, досадуя на себя, что пришли, и удивляясь, что нигдѣ не находили себѣ мѣста. Залитыя свѣтомъ, блестящія позолотой залы безчисленныхъ парижскихъ cafés напрасно ожидали обыкновенно осаждающей ихъ шумной толпы. Въ нихъ казалось теперь пусто и неуютно, не слышалось бойкихъ разговоровъ, заразительнаго смѣха. Яркое освѣщеніе, игривый блескъ зеркалъ и раззолоченныхъ стѣнъ и потолокъ точно сильнѣе подчеркивали общественное настроеніе своимъ контрастомъ съ угрюмымъ видомъ людей. Повсюду и отовсюду точно отлетѣла жизнь, и вмѣсто людей двигались непривѣтныя тѣни. Дѣлалось очевиднымъ, что прелесть Парижа, его привлекательность—это не улицы, не бульвары, не театры и не зданія, а лишь высоко поднятое настроеніе толпы и его бьющая ключомъ жизнь. Люди остались тѣ же, но настроеніе ихъ измѣнилось, и Парижъ пересталъ быть Парижемъ.

Удрученное состояніе Парижа, мрачное настроеніе его населенія не предвѣщало ничего добраго; оно отзывалось, напротивъ, чѣмъ-то зловѣщимъ. Отчаяніе и долго сдерживаемое озлобленіе, не находящее себѣ выхода, нашептываютъ людямъ самыя безумныя рѣшенія. Горе, когда эти чувства охватываютъ цѣлое населеніе, и притомъ еще такого страстнаго города, какъ Парижъ. Тогда болѣе чѣмъ вѣроятно, что они прорвутся наружу въ какой-нибудь дикой формѣ, въ какомъ-либо гигантскомъ безуміи. При той натянутости всѣхъ душевныхъ струнъ, при томъ достигшемъ послѣдняго градуса озлобленія и отчаянія, которое бросалось каждому въ глаза въ Парижѣ, достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы раздраженіе перешло черезъ край и разразилось такой неистовой грозой, какъ парижская коммуна. Все было забыто, когда наступилъ этотъ страшный пароксизмъ бѣшенства. Забыта была кровная связь; забыто было, что непріятельское войско занимаетъ еще французскую территорію и стоитъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа. Дѣти одной и той же родины бросились въ кровавую междоусобную борьбу, точно желая выместить другъ на другѣ фатальный исходъ несчастной войны. Безуміе ослѣпило ту и другую сторону. Одни жгли вѣковныя, историческія зданія,—будто камни были виноваты въ бѣдствіяхъ Франціи, — убивали заложниковъ; другіе съ какимъ-то неистовствомъ массами разстрѣливали людей, повинныхъ развѣ въ томъ, что патріотическое озлобленіе омрачило ихъ разумъ, и они не знали, какъ утолить жажду мщенія за ихъ

поруганное отечество. Неперебродившее озлобленіе и безвыходное отчаяніе породили коммуну, какъ будто въ потокахъ крови и дымъ пожаращъ Парижъ надѣялся найти забвеніе отъ мучившей его боли негодованія. Послѣ цѣлаго мѣсяца судорожной борьбы Парижъ былъ побѣжденъ, междоусобная война прекратилась, но раны, нанесенныя Франціи и республикѣ, были такъ глубоки, что, казалось, и та, и другая должны будутъ истечь кровью.

Трагическій эпизодъ коммуны служилъ какъ бы конечнымъ звеномъ длинной цѣпи бѣдствій, выпавшихъ въ этотъ, по выраженію поэта, „ужасный годъ“ на долю Парижа и всей Франціи. Буря стихла, разсѣялись понемногу громовыя тучи, но первые проскользнувшіе лучи свѣта не утѣшили Францію. Теперь только она могла оглянуться вокругъ себя и убѣдиться во всемъ ужасѣ постигшаго ея крушенія. Государственный строй, матеріальныя и духовныя силы націи—все было поколеблено въ самомъ своемъ основаніи. Франціи приходилось почти съизнова устраивать свою жизнь. Всѣ пружины государственнаго механизма—административная, финансовая, военная—были поломаны. Настоящее было безнадежно, или, вѣрнѣе, оно представляло собою *tabula rasa*, а будущее... не нужно было быть тогда пессимистомъ, чтобы дѣлать самыя мрачныя предсказанія. Враги Франціи торжествовали, увѣренные, что ей не суждено было никогда подняться; а друзья этой такъ много выстрадавшей и вмѣстѣ такъ много сдѣлавшей для всего человѣчества страны едва смѣли надѣяться на ея возрожденіе. Во всякомъ случаѣ,—такъ казалось даже наиболѣе страстнымъ сторонникамъ Франціи,—должны были миновать десятки и десятки лѣтъ, прежде чѣмъ она вернется къ жизни и снова займетъ подобающее ей мѣсто среди европейскихъ народовъ. Такъ великъ былъ погромъ, такъ безпредѣльно было паденіе Франціи!

II.

1889-ый годъ.

Кто узналъ бы въ Парижѣ и Франціи 1889 года Парижъ и Францію 1871 года!! Контрастъ представляется по истинѣ поразительнымъ. Немногіе, сохранявшіе въ годину бѣдствій вѣру въ живучесть французскаго генія, могли ликовать теперь по праву. Еслибы мраморъ могъ говорить, то какая пламенная, дышущая любовью и вѣрою къ своей родинѣ рѣчь раздалась бы съ той площади, на которой благодарная Франція воздвигнула прекрасный по своей простотѣ памятникъ великому патриоту, никогда не отчаявавшемуся

въ судьбахъ своего отечества и такъ энергически призывавшему его въ неустанному труду надъ своимъ возрожденіемъ! Мраморная фигура Гамбетты, съ высоко поднятою головою, смотритъ и теперь какъ бы въ даль и указываетъ на площадь Согласія, гдѣ печально высится другая мраморная фигура, по прежнему покрытая флѣромъ и вѣнками изъ иммортелей. Траурная статуя Страсбурга, это менемто могъ для возродившейся Франціи, для Парижа, отвоевавшего себѣ прежнее значеніе столицы цѣлаго міра, и снова держащаго въ своихъ рукахъ скипетръ знанія, труда, вкуса, таланта и неустаннаго стремленія впередъ во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни.

Никогда еще въ продолженіе послѣднихъ 18-ти лѣтъ такъ ярко не восставалъ въ памяти Парижъ 1871 г., какъ теперь, когда на умъ невольно напрашивалось сравненіе тогдашняго Парижа—мрачнаго, унылаго, мертвеннаго—съ нынѣшнимъ Парижемъ, снова шумнымъ, веселымъ, блестящимъ. Превращеніе отзывалось какою-то фееріей. Улицы, площади, зданія—все осталось то же, и вмѣстѣ все измѣнилось, точно на все пахнуло какою-то новою жизнью. Вы не могли не чувствовать, попадая теперь въ Парижъ, что эта обновленная жизнь бьетъ неудержимымъ ключомъ, захватывая въ свой бурный водоворотъ каждаго попадающагося на ея пути. Трудно, почти невозможно было прожить хотя бы только нѣсколько дней въ Парижѣ и не поддаться тому обаятельному впечатлѣнію, которое производила на васъ живая, нервная, по прежнему радостно возбужденная толпа, сопровождавшая васъ всюду, куда бы вы ни пошли. Она окружала васъ и какъ бы несла за собою по улицѣ; она была около васъ въ театрѣ, въ сафѣ; она держала васъ подъ своею властью даже тогда, когда вы возвращались къ себѣ и оставались одни. Тутъ какъ-то замирало то чувство одиночества, которое люди такъ часто испытываютъ въ чужомъ городѣ, гдѣ вы для всѣхъ посторонній. Вы какъ-то быстро сроднялись съ этою невѣдомою толпою, живя ея жизнью, заражаясь ея настроеніемъ. А настроеніе это было самое радужное и высоко поднятое. Мы не беремся, конечно, нарисовать внѣшнюю фізіономію Парижа, а тѣмъ болѣе рельефно изобразить внутреннюю жизнь этого города, чарующаго своею прелестью; для такого изображенія нужно перо художника, беллетриста, умѣющаго улавливать тонкія, характерныя черты. Отмѣтимъ только то, чтѣ невольно бросается теперь въ глаза каждому, всматривавшемуся сколько-нибудь въ жизнь и настроеніе Парижа. Эта жизнь и это настроеніе говорили объ одномъ — о необыкновенномъ подъемѣ духа французскаго народа. Мы знаемъ очень хорошо, что галлофобы, скептики, пессимисты

тотчасъ же возражать намъ. Они скажутъ: вы принимаете миражъ за дѣйствительность, вы судите Парижъ, Францію по выставкѣ, и вы видите въ „выставочномъ“ настроеніи нормальное настроеніе французовъ. Такое мнѣніе намъ кажется крайне ошибочнымъ. Выставка, правда, привлекла въ Парижъ сотни тысячъ иностранцевъ; правда и то, что эти сотни тысячъ усилили оживленіе Парижа, придали чисто французскому торжеству какой-то космополитическій отпечатокъ, но самое это торжество, колоссальный успѣхъ выставки явился лишь какъ результатъ бодрой, энергической восемнадцатилѣтней дѣятельности, направленной, послѣ небывалаго погрома 1871 г., къ возрожденію Франціи.

Франція безспорно заявила всему міру, что жизнь еще въ ней не изсякла; она успѣла показать свою мощь, свой неуязвимый гений; она избрала къ тому поводомъ празднованіе столѣтней годовщины памятнаго историческаго переворота, но съ него и для всѣхъ европейскихъ народовъ началась болѣе или менѣе новая эра, новая жизнь,—во всякомъ случаѣ стремленіе къ обновленію всѣхъ государственныхъ и общественныхъ формъ. Сотни тысячъ, если не милліоны, устремились нынѣ во Францію. Всѣ поняли, что Франція празднуетъ годовщину вовсе не мрачной, трагической, кровавой стороны революціи, а лишь тѣхъ свѣтлыхъ, далеко еще не осуществленныхъ идеаловъ, знамя которыхъ она думала водрузить на благо всего человѣчества. Одна лишь Германія не отозвалась на призывъ, но отторженіе Эльзась-Лотарингіи вырыло между двумя націями слишкомъ глубокую пропасть. Впрочемъ, если Германія и не участвовала на празднествѣ, какъ бы объединявшемъ все человѣчество, если на выставкѣ нигдѣ не было видно нѣмецкаго отдѣла, то, тѣмъ не менѣе, громадный успѣхъ парижской выставки прорвалъ плотину, сдерживавшую нѣмцевъ, и, несмотря на всѣ усилія нѣмецкаго правительства, на всѣ запугиванія официальной печати, нѣмцы хлынули въ Парижъ, и хотя не такъ громко, какъ другіе, но все же не могли не восторгаться всѣми чудесами, которыми выставка изумила весь міръ. Въ Парижѣ нѣмцы могли также убѣдиться, насколько справедливы были ихъ соотечественники, запугивавшіе ихъ каждый день тою открытою враждою, которую они встрѣтятъ во Франціи, если только рѣшатся переступить границу. Французы научились за это время мастерски владѣть собою, и если нѣмцы не встрѣчали нигдѣ особеннаго дружелюбія, то зато ни одинъ изъ нихъ не могъ пожаловаться на нарушеніе обычныхъ правилъ гостепріимства. Благодаря приобрѣтенной французами выдержкѣ, благодаря этому

умѣнью владѣть собою, ни одинъ диссонансъ не нарушилъ гармоніи мирнаго торжества, сослужившаго Франціи вѣрную службу.

Но мы заговорили объ этомъ торжествѣ вовсе не съ тою цѣлью, чтобы перейти къ описанію тѣхъ богатствъ человѣческаго ума, изобрѣтательности, упорнаго труда, какія во всемъ блескѣ ихъ показывала парижская выставка. Во все нѣтъ. Притомъ парижская выставка 1889 г. важна не однимъ своимъ матеріальнымъ успѣхомъ; нравственный успѣхъ ея едва ли еще не важнѣе для Франціи. Этотъ нравственный успѣхъ заключается въ томъ, что выставка рѣшительно, безапелляціонно опровергла всѣхъ тѣхъ, которые давно уже, начиная съ 1871 года, громко возвѣщали паденіе Франціи, завершеніе ея исторической роли. Жестокое фіаско второй республики 1848 г., заставившее когда-то Герцена сквозь слезы произнести анаѹему Франціи, общественно-политическое разложеніе второй имперіи и, наконецъ, безсиліе и полное истощеніе въ началѣ 70-хъ годовъ, являлись какъ бы подтвержденіемъ зловѣщихъ пророчествъ. Сами французы начинали если не вѣрить мрачнымъ предсказаніямъ будущаго, то, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ живучести ихъ генія. Напрасно было указывать на блескъ ихъ литературныхъ именъ, занимавшихъ первостепенное мѣсто въ современной европейской литературѣ, славу ихъ художниковъ, смѣло выдерживавшихъ соперничество съ художниками всего остального міра; тщетно французское фабричное производство продолжало служить моделью для всѣхъ другихъ государствъ, — ничто не помогало; всѣ повторяли почти-что сдѣлавшуюся стереотипной фразу: Франція упала, Франція отжила свое время, Франція одрахлаѣла. Другая нація, изумившая міръ сказочною быстротою своихъ военныхъ успѣховъ, готовилась занять, казалось, опустѣлое мѣсто Франціи и сдѣлаться властительницею думъ всего человѣчества. Берлинъ собирался какъ бы вытѣснить Парижъ и превратиться въ всемірный городъ. Но столь же неожиданный, сколько изумительный успѣхъ мирнаго французскаго торжества отбросилъ всѣ эти планы въ область мечтаній. Франція оказалась болѣе живучей, чѣмъ надѣялись одни, и менѣе изнуренной и раздробленной, чѣмъ опасались другіе. Въ ней нашлось достаточно силъ, чтобы послѣ фатальнаго погрома, подготовленнаго долгими годами, дружно и энергично приняться за трудное дѣло своего политическаго, нравственнаго и матеріальнаго возрожденія. Неприглядная внѣшность фальшивой политической декораціи, съ недостойною распреею неугомонныхъ политическихъ партій на первомъ планѣ, одна приковывала къ себѣ вниманіе Европы, скрывая отъ ея глазъ ту внут-

реннюю работу, которой такъ страстно отдалась вся Франція послѣ 1871 года. 1889-ый годъ сорвалъ эту завѣсу и показалъ настоящую Францію. Каждый безпристрастный наблюдатель долженъ былъ убѣдиться, что французы остались такъ же талантливы, такъ же дѣятельны, изобрѣтательны, трудолюбивы, богаты замѣчательными дарованіями, какъ и прежде, съ тою лишь разницею, что энергія ихъ удесатерилась, всѣ ихъ силы достигли высшаго напряженія; правда, они утратили значительную долю своей самоувѣренности и не думаютъ больше про себя, что они соль земли, а Франція первая въ мірѣ нація. Они зорко слѣдятъ теперь за успѣхами другихъ народовъ и спѣшатъ заимствовать все, что находятъ у другихъ хорошаго и достойнаго подражанія.

Не выставка, само собою разумѣется, пробудила всѣ національныя силы Франціи; ея успѣхъ былъ лишь однимъ изъ результатовъ такого пробужденія, — успѣхъ, получившій огромное нравственное значеніе. Европа вынуждена была признать, что пессимистическое отношеніе къ Франціи неумѣстно; народъ, обладающій такою феноменальною способностью къ труду, такими блестящими качествами ума, такою настойчивостью въ усовершенствованіи всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, — обладающій, словомъ, всѣми тѣми свойствами, которыя такъ рельефно обнаружили на выставкѣ и по поводу выставки, еще далеко отъ своего паденія и вовсе не призванъ влечить блѣдное существованіе пережившихъ себя націй. Нужно отдать справедливость нахлынувшимъ изъ всѣхъ странъ иностранцамъ; они не скупилась на похвалы и не скрывали своего удивленія передъ новымъ расцвѣтомъ Франціи. Признаніе ея достоинствъ, похвалы, расточаемыя ей теперь всѣми народами, какъ-то окрылили французовъ и больше чѣмъ когда-нибудь прежде льстили ихъ приниженному національному самолюбію. Они такъ давно уже отвыкли отъ всякаго успѣха, что нельзя было удивляться чувству радости, охватившему французовъ, когда со всѣхъ сторонъ хлынули къ нимъ громко выраженные симпатіи. Въ этихъ похвалахъ, въ этихъ симпатіяхъ они по праву увидѣли какъ бы лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчивались ихъ усилія, направленныя къ возрожденію страны послѣ глубокаго паденія, завершившагося 1871-мъ годомъ. Въ первый разъ съ той роковой поры Франція испытывала теперь сладкое чувство удовлетворенія, и это чувство ярко отражалось на нравственной, духовной сторонѣ французовъ. Присматриваясь къ фізіономіи Парижа, который теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, точно въ фокусѣ отражалъ въ себѣ цѣлю Францію, нужно было быть

слѣпымъ, чтобы не видѣть, что въ французамъ вернулось сознание собственныхъ силъ, собственного достоинства, что они не высокомерно, но снова высоко держать голову, что они опять сознаютъ себя могущественной націей, которая съумѣетъ постоять за свою честь и грудью защититъ свое независимое существованіе.

Мирное торжество 1889 г. какъ бы санкціонировало въ глазахъ не только французовъ, но всѣхъ народовъ возрожденіе Франціи, и вотъ почему эта выставка получила характеръ одного изъ крупныхъ событій политической жизни Европы. Такой характеръ постарались придать ей, впрочемъ, еще далеко до дня ея открытія, нѣкоторые изъ государственныхъ людей европейскихъ государствъ, когда въ парламентахъ обсуждался вопросъ: принимать или не принимать въ ней оффиціальное участіе другимъ народамъ Европы? Кто не помнитъ произнесенныхъ по этому поводу страстныхъ рѣчей, такъ недружелюбно, по отношенію къ Франціи, пророчествовавшихъ, что самая выставка не состоится, что прежде, чѣмъ она будетъ открыта, въ Парижѣ и Франціи полется кровь, республика будетъ ниспровергнута, и въ ней водворится новый порядокъ, но каковой... объ этомъ умалчивалось. Всѣ подобныя рѣчи, произносимыя то въ венгерскомъ, то въ итальянскомъ парламентахъ, имѣли лишь одно значеніе: онѣ еще сильнѣе давали чувствовать Франціи ея изолированность, напоминали ей еще разъ, что политика не знаетъ благодарности, что побужденные не могутъ имѣть друзей, и наиболѣе злыми врагами являются тѣ, которые въ прошломъ были наиболѣе чѣмъ-нибудь обязаны. Франція сознавала, хотя и старалась этого не показывать, что вокругъ нея растягивается точно санитарный кордонъ, и она напрягла всѣ свои силы, чтобы доказать, что она съумѣетъ обойтись безъ содѣйствія „дружественныхъ“ правительствъ сосѣднихъ европейскихъ государствъ. Если успѣхъ увѣнчалъ усилія Франціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, какъ недалководны были тѣ государственные люди, которые такъ смѣло предвѣщали фіаско задуманному Франціей мирному торжеству. Оскорбительныя для законнаго самолюбія Франціи рѣчи, образъ дѣйствій нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ не помѣшали большинству народовъ выказать Франціи свое сочувствіе и показали лишь, что прошли безвозвратно тѣ времена, когда воля или фантазія того или другого государственнаго человѣка подчиняетъ себѣ волю цѣлаго народа. Если, благодаря такому противодѣйствию, нѣкоторые изъ европейскихъ государствъ представлены были на мирномъ французскомъ торжествѣ болѣе бѣдно и жалко, то не Франція потеряла при этомъ, успѣхъ ея оттого нисколько не умалился.

Политическій характеръ парижской выставки 1889-го года сдѣлалъ то, что она явилась не только торжествомъ, проявившимъ изумительную жизненность всѣхъ производительныхъ силъ Франціи, но и торжествомъ порядка, созданнаго 18 лѣтъ тому назадъ.

„Французская безурядица“ успѣла наскучить европейскому обществу, — такъ часто произносилась эта фраза тѣми, которые видятъ соринку въ глазу ближняго и не видятъ сука въ своемъ собственномъ. Не одинъ иностранецъ, отправившійся въ Парижъ на выставку, думалъ вѣроятно если не сдѣлаться жертвою, то во всякомъ случаѣ быть свидѣтелемъ бурныхъ проявленій распри французскихъ борющихся между собою партій, о которыхъ на всѣ лады толковали признанные авторитетами европейскіе политики. Наѣхавшіе иностранцы очень скоро должны были убѣдиться, что дѣйствительность нисколько не походитъ на вымыселъ враждебно настроенной фантазіи, и что Парижъ наслаждается нисколько не меньшею тишиною, въ полицейскомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ всѣ остальные столицы европейскихъ государствъ. Но эта тишина, спокойствіе, порядокъ, быть можетъ, возразятъ намъ, являются лишь вѣншею оболочкой, а за ней бушуетъ и дымится вулканъ народныхъ страстей, способный въ каждую данную минуту разнести зыбкое зданіе третьей республики. Тѣ, кто интересуется судьбою Франціи, — а мы, русскіе, въ силу особо сложившихся политическихъ обстоятельствъ, благодаря возникновению въ самомъ центрѣ Европы воинственной тройственной лиги, такъ откровенно направленной одновременно противъ Россіи и Франціи, не можемъ ея не интересоваться, — не разъ должны были задаваться вопросомъ: насколько порядокъ, водворившійся во Франціи, проченъ, насколько республика глубоко пустила свои корни и не достаточно ли появленія какого-нибудь авантюриста, чтобы снова бросить эту страну, къ которой судьба была такъ жестока въ 70-хъ годахъ, въ пучину революцій? Одинъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ парижской выставки 1889 года заключается именно въ томъ, что она въ значительной степени разсѣяла сомнѣнія относительно эфемерности существующаго во Франціи порядка. Только такое правительство, которое увѣрено въ своей прочности и сознаетъ свою силу, могло задумать и довести до конца такое гигантское предпріятіе, какимъ явилась парижская выставка, несмотря на сопровождавшее это дѣло постоянное сомнѣніе и своихъ, и чужихъ. Эта затѣя безумна, говорили правительству въ палатѣ, когда оно внесло въ первый разъ проектъ этой выставки; развѣ можно питать какую-либо увѣренность, что республика будетъ существовать къ тому времени,

когда должна открыться предполагаемая выставка; вы готовите для Франціи страшное фіаско; бѣдная Франція переживаетъ тяжелый политическій и экономическій кризисъ; ея торговля, промышленность, земледѣліе умираютъ медленною мучительною смертію, а тутъ собираются устраивать выставку; придется выставить только на позоръ цѣлаго свѣта паденіе и обнищаніе Франціи, и кто же изъ иностранцевъ отважится пріѣхать въ Парижъ?! Почти этими словами, только въ еще болѣе рѣзвой формѣ, говорили внутренніе враги республики, а имъ уже только радостно вторили внѣшніе враги Франціи. Республика не испугалась всѣхъ этихъ зловѣщихъ пророчествъ, и неслыханный, превзошедшій всѣ ожиданія, успѣхъ оправдалъ ея увѣренность и въ ея прочности, и въ ея силѣ, а главное—ея надежду, что Франція съ честью выйдетъ побѣдительницею изъ этого мирнаго международнаго турнира.

Нужно слишкомъ легкомысленно судить о политическомъ состояніи государства, чтобы объяснять успѣхъ парижской выставки однимъ лишь стеченіемъ благоприятныхъ условий и случайнымъ замедленіемъ неминуемо, какъ многіе утверждаютъ, угрожающаго Франціи новаго переворота, и не признавать, что успѣхъ этотъ коренится гораздо глубже. Одного успѣха выставки, однако, еще недостаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія относительно прочности существующаго во Франціи порядка и придти къ убѣжденію, что Франція, испытавъ жестокія бури, счастливо обогнула, наконецъ, опасный мысъ періодическихъ революцій, и если не вступила, то близка уже къ той спокойной гавани, гдѣ она, безъ скачковъ, безъ потрясеній, можетъ всецѣло предаться развитію всѣхъ своихъ богатыхъ національныхъ силъ. Такое убѣжденіе складывается только тогда, когда всмотришься и вдумашься во все тѣ, чтѣ сдѣлано уже республикой, и когда въ умѣ своемъ проведешь параллель между современнымъ состояніемъ страны и тѣмъ, въ какомъ застала его республика послѣ колоссальнаго крушенія второй имперіи.

Третья республика пережила уже, правда, тотъ критическій „восемнадцатилѣтній“ періодъ, который оказывался до сихъ поръ какимъ-то фатальнымъ для всѣхъ правительствъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ послѣ паденія стараго порядка. Первая республика, сожженная слишкомъ сильнымъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, уступила свое мѣсто имперіи, не переживъ этого рокового періода. Первая имперія также до наступленія этого срока погибла насильственной смертію, подготовленной впрочемъ полнымъ истощеніемъ внутреннихъ силъ. Реставрація съ ея двумя царствованіями—Лю-

довика XVIII и Карла X, судорожно просуществовала всего пятнадцать лѣтъ и смѣнилась июльскою монархіею, которой ничто, повидимому, не сулило преждевременной смерти, но за шесть мѣсяцевъ до достиженія 18-ти-лѣтняго возраста ее сразилъ неожиданный, какъ бы апоплексическій ударъ. Вторая республика прошла за нимъ уродливымъ призракомъ, утонувшимъ въ крови июньскихъ дней. За эту кровь отомстила вторая имперія, погибшая въ свою очередь и какъ бы наказанная позорною смертью безъ малаго черезъ 18-ть лѣтъ за свое преступленіе 2-го декабря. Одна лишь третья республика, въ теченіе цѣлаго вѣка, начиная съ 1789 г., бодро выдержала 18-ти-лѣтній исходъ. Периодъ этотъ, конечно, самъ по себѣ довольно значителенъ, и можно было бы уже предъявлять къ республикѣ серьезныя требованія, но при этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, при какихъ условіяхъ она находилась и среди какихъ тяжелыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ ей приходилось дѣйствовать. Наслѣдство, оставленное имперіей, было слишкомъ незаманчиво, чтобы какая-либо изъ монархическихъ партій рѣшилась заявить на него свои притязанія. Волей-неволей взваливъ на свои плечи управленіе страной, республика должна была продолжать неравную борьбу съ сознаниемъ неминуемой гибели, и республикѣ же пришлось не за свои грѣхи подписывать убійственный мирный договоръ. Ни легитимистская, ни орлеанская монархія не желали въ то время связывать свое имя съ такими мрачными страницами исторіи Франціи. Дѣло стало иначе, какъ только эта тяжелая, неблагодарная работа была окончена. Тогда монархическія партіи во Франціи подняли головы и заявили свои права. Не согласившись между собою, кому занять мѣсто, они провозгласили республику, и то лишь большинствомъ одного голоса, какъ нѣчто временное, переходное, какъ *pis aller*, съ твердымъ намѣреніемъ покончить съ нею, какъ только монархическія партіи придутъ къ соглашенію. Республика предназначалась лишь для того, чтобы расчистить почву для монархія Генриха V или Филиппа I. Сначала партіи дѣйствовали открыто, не скрывая нисколько своихъ замысловъ, и даже былъ моментъ, когда надежды ихъ на сверженіе республики такъ возросли, что были уже заказаны золотыя короны для торжественнаго въѣзда короля. Затѣмъ, послѣ неудачныхъ опытовъ съ маршаломъ Макъ-Магономъ, герцогомъ Брольи и Фургу, монархическія партіи стали дѣйствовать болѣе осторожно, прибѣгая къ іезуитскимъ приемамъ и средствамъ, заключая союзы съ своими заклятыми врагами, лишь бы добиться сверженія республики. Какъ въ началѣ 70-хъ годовъ, такъ и теперь, республика для нихъ—это все та же, по выраженію одного изъ корифеевъ

омертвѣвшаго бонапартизма, Поль-де-Кассаньяка, la Gueuse, противъ которой всѣ средства хороши. Если теперь республика можетъ относиться равнодушно и снисходительно къ озлобленію орлеанскихъ и бонапартистскихъ партій, то въ первыя десять лѣтъ своего существованія ей волей-неволей приходилось дѣйствовать осторожно, ступать оцупью, опасаясь натолкнуться на какой-нибудь *coup de Jaqnas* со стороны послѣднихъ могиванъ французскаго монархизма и бонапартизма.

Защищаясь отъ внутреннихъ враговъ, республика въ то же время должна была вѣрно слѣдить за каждымъ движеніемъ не по ту сторону Рейна, а гораздо ближе—по ту сторону Вогезовъ. При крайней натянутости отношеній между Германіей и Франціей, при томъ оскорбительномъ высокомеріи, какимъ отличалась нѣмецкая официальная и офиціозная печать, когда дѣло шло о Франціи, республика должна была обладать рѣдкимъ тактомъ, чтобы, не поступаясь своимъ достоинствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и не подать хотя бы ничтожнаго повода для открытой вражды, для нападенія Германіи, не скрывавшей своихъ опасеній при видѣ возрождающейся Франціи. Если, несмотря на всю сдержанность Франціи, на обнаруженный ея правительствомъ замѣчательный дипломатическій тактъ, тѣмъ не менѣе, возможны были такіе эпизоды, какъ эпизодъ 1875 года, когда, повидимому, —насколько то стало извѣстнымъ изъ французскихъ официальныхъ сообщеній,—лишь рѣшительно произнесенное въ Берлинѣ слово покойнаго императора Александра II предупредило новый разгромъ Франціи, то естественно, что республика никогда не могла освободиться отъ тревожнаго „*qui vive*“, парализовавшаго силы страны.

Ничто однако, ни отсутствіе увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, порождаемое политическими отношеніями къ Германіи, ни систематическая оппозиція враждебныхъ республикѣ партій, ни непрерывныя смѣны министерствъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе внутренней борьбы, ничто, въ концѣ-концовъ, не помѣшало республикѣ энергически работать надъ великимъ дѣломъ обновленія и возрожденія Франціи. Не впадая въ преувеличеніе, можно смѣло сказать, что ни одно изъ европейскихъ государствъ за послѣдній 18-ти-лѣтній періодъ не сдѣлало столько для своего внутренняго развитія, какъ Франція.

Она успѣла провести въ жизнь коренную реформу народнаго образованія, основанную на принципѣ обязательнаго и дароваго обученія, и, благодаря этой реформѣ, цифра обучающихся съ 3.200.000 въ 1876 году возросла къ 1888 году до 6.350.000. Она не остановилась на одномъ народномъ образованіи,—въ такой же

мѣръ было двинуто впередъ и среднее образованіе. Цѣлая сѣть новыхъ гимназій, лицеевъ, покрыла всю Францію. Болѣе чѣмъ на 40.000 возросла цифра учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишь за послѣднія десять лѣтъ. Высшее образованіе получило небывалое во Франціи развитіе. Республика не щадила никакихъ средствъ, чтобы поставить его на возможную высоту. Не меньшую энергію обнаружила республика въ дѣлѣ усовершенствованія путей сообщенія. Она не остановилась передъ миллиардною затратою, чтобы покрыть всю Францію громадною желѣзнодорожною сѣтью, и тѣмъ самымъ способствовала оживленію и развитію всѣхъ эконолическихъ, торговыхъ, промышленныхъ, земледѣльческихъ силъ страны. Чтѣ сдѣлано въ этомъ отношеніи республикой—лучше всего говорятъ статистическія данныя. Въ небольшой сравнительно періодъ существованія республики желѣзнодорожные пути увеличились во Франціи на громадную цифру 20.000 километровъ.

И рядомъ съ этимъ республика должна была создать новую армію со всѣмъ громаднымъ военнымъ матеріаломъ, необходимымъ для того, чтобы армія могла служить надежною защитою и опорою государства. Если припомнить, въ какомъ жалкомъ видѣ республика приняла въ свои руки Францію, съ разрушенными крѣпостями, съ перебитыми орудіями, съ захваченнымъ непріателемъ оружіемъ, съ полнымъ разстройствомъ всѣхъ военныхъ частей, то нельзя не удивляться той энергіи, съ которою все вновь было создано, все приведено опять въ боевую готовность. Конечно, только будущее рѣшительно скажетъ, какова та армія, которая создана республикой; но не только друзья Франціи, но и ея авторитетные въ военномъ дѣлѣ враги признаютъ, что Франція никогда еще не располагала такими военными силами, какъ въ настоящее время.

Говорить о громадномъ развитіи, достигнутомъ при республикѣ французскою техникою, промышленностью, искусствомъ, сдѣлалось вполне бесполезнымъ послѣ того, чтѣ обнаружила въ этомъ отношеніи парижская выставка 1889 года.

Но всѣмъ этимъ не исчерпывается еще дѣло, совершенное третьей республикой. Въ ея активъ должна быть занесена еще великая заслуга водворенія во Франціи политической свободы, которою до сихъ поръ она никогда еще въ дѣйствительности не пользовалась.

Несмотря на всѣ произведенныя революціи, политическая свобода до сихъ поръ не давалась Франціи. Каждый новый порядокъ, водворявшійся во Франціи,—именовался ли онъ первою имперіей, реставраціей, іюльскою монархіею или второю имперіей,—тотчасъ же строилъ себѣ баррикаду изъ новыхъ законовъ о печати, поло-

женій о правѣ сходовъ, собраній, причѣмъ всѣ усилія были всегда обращены на обузданіе печати, слова, человѣческой мысли, какъ будто печать и слово были непосредственною причиною паденія предшествовавшихъ режимовъ. Республика отмѣнила старые законы и издала новые, дальше которыхъ, въ смыслѣ широкой политической свободы, идти уже некуда.

Нужна, безъ сомнѣнія, большая политическая зрѣлость, чтобы люди не злоупотребляли предоставленною имъ свободою. Такою зрѣlostью французскій народъ еще не обладаетъ, да и не откуда было ей взяться. Но злоупотребленіе предоставленною свободою, вредитъ только тѣмъ, кто ею злоупотребляетъ. Возьмемъ свободу печати. Каждый французъ имѣетъ право печатать все, что ему только вздумается, не рискуя подвергнуться какой-либо административной карѣ, и, нужно сказать, французская печать пользуется этимъ правомъ безгранично. Свобода печати, по крайней мѣрѣ въ странѣ, уже воспитавшейся въ ней, налагаетъ обязанность соблюдать, по крайней мѣрѣ, внѣшнее приличіе. Французская пресса его не соблюдаетъ. Иностранецъ, пріѣзжающій во Францію, и при томъ иностранецъ, не привыкшій къ свободному выраженію мысли, легко придетъ въ негодованіе, когда въ его руки попадаютъ такіе органы, какъ „L'Intransigeant“, „La Cocarde“ или даже монархическій „Soleil“. Самая недостойная брань, направленная противъ правительства, отвратительный тонъ, циническія выходки вызываютъ невольно чувство гадливости, и, по привычѣ къ надвору, такъ и напрашивается вопросъ: какъ могутъ допускать такіа злоупотребленія словомъ? Но проходитъ нѣсколько дней—и вы не то что привыкаете, а убѣждаетесь, что на брань эту никто не обращаетъ вниманія, что грязь пристаётъ только къ тѣмъ, кто ее бросаетъ, и что среди огромнаго большинства она вызываетъ одно лишь глумленіе или презрѣніе къ тѣмъ, кто не умѣетъ бороться съ противникомъ инымъ, болѣе чистымъ и болѣе честнымъ орудіемъ. А между тѣмъ свободная печать, свободная критика всѣхъ общественныхъ явленій не допускаетъ, чтобы какое-либо зло долго таилось, подтачивая государственный организмъ. Вильсоны вездѣ существуютъ, въ каждой странѣ, только о нихъ не вездѣ можно смѣло говорить. Что выигрываетъ отъ этого общество, государство—это другой вопросъ.

Въ общественныхъ публичныхъ собраніяхъ французы могутъ теперь проповѣдовать какія имъ угодно теоріи, безъ того, чтобы эта проповѣдь была прервана вмѣшательствомъ полицейской власти, или чтобы она могла послужить даже поводомъ для судебного преслѣдованія. Каждый день въ Парижѣ устраиваются чтенія, кон-

ференціи, на которыхъ выступаютъ люди, успѣвшіе составить себѣ имя, одни талантомъ писателя, другіе знаніемъ, научными трудами, третьи просто экстравагантностью и какими-нибудь изъ ряда вонъ приключеніями ихъ жизни. Къ послѣднему роду знаменитостей принадлежитъ, напр., извѣстная Луиза Мишель, эта рьяная поборница разрушенія всего существующаго государственнаго и общественнаго строя. На одной изъ такихъ конференцій именно Луизы Мишель намъ случилось разъ присутствовать во время нашего пребыванія въ Парижѣ. Не станемъ передавать содержанія ея длинной проповѣди, длившейся часа полтора. Тутъ было все, что нужно, для того, чтобы за одну только сотую долю того, что высказывала и рекомендовала какъ высшій идеалъ эта проповѣдница „новой вѣры“ человечества, въ странѣ, не пользующейся такою политической свободой, какъ Франція, заключить человѣка на остатокъ его дней въ какой-нибудь суровый „Zuchthaus“. Но насъ не столько занимало знакомое содержаніе проповѣди, сколько отношеніе къ ней собравшейся публики. Высокое воспитательное значеніе политической свободы невольно бросалось въ глаза. Проповѣдь эта никого не увлекала, никого не волновала, никого не сердила и не раздражала, видимо не производя на присутствующихъ ровно никакого впечатлѣнія. Кончилась конференція—всѣ равнодушно стали расходиться, слегка пронизировавъ надъ безобидной мечтательницей.

Трудно отыскать такую сторону политической общественной жизни, гдѣ французы не пользовались бы полною свободой, и если третья республика зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы эта свобода, не оставляющая желать ничего большаго, не перерождалась въ анархію, то она исполняетъ тѣмъ лишь обязанность правительства, обязаннаго охранять спокойствіе цѣлой страны. Дѣйствуя подъ постояннымъ контролемъ палаты, не стѣсня всесторонней общественной критики, такъ часто переступающей предѣлы самаго элементарнаго приличія, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ строгаго исполненія законовъ, установленныхъ народнымъ представительствомъ, что такъ не нравится людямъ, преслѣдующимъ въ политикѣ своекорыстныя цѣли, принадлежатъ ли они къ породѣ авантюристовъ, въ родѣ Буланже съ его сторонниками, или къ породѣ претендентовъ, какъ графъ Парижскій, принцъ Викторъ, съ ихъ жадною до власти свитою. На ихъ языкѣ законное противодѣйствіе ихъ противозаконнымъ цѣлямъ именуется произволомъ и поправіемъ всѣхъ народныхъ правъ.

Благодаря крикливой и трескучей агитаціи такихъ враждебныхъ республикѣ партій, группирующихся вокругъ того или дру-

того политическаго честолюбца, довольно прочно укоренилось мнѣніе, что вся Франція если еще не погибла, то живетъ все-таки „на вулканѣ“ и что достаточно одного сильнаго порыва политическаго вѣтра, чтобы снести до основанія зданіе третьей республики, несмотря на всѣ заслуги, которыя, казалось бы, должны были бы гарантировать прочность установившагося во Франціи порядка. Что враги Франціи поддерживаютъ такое мнѣніе, несколько не удивительно. Лучшее средство изолировать страну, мѣшать заключенію ею союзовъ съ другими государствами—это постоянно рисовать ее охваченною горячечнымъ бредомъ. Они дѣлаютъ только свое дѣло, умышленно сгущая краски въ изображеніи „французской безурядицы“. Но и тѣ, которые относятся къ Франціи болѣе доброжелательно, часто невольно смущаются страстностью партійной борьбы, связывающейся съ такою рѣзкостью какъ въ печати, такъ и въ палатахъ.

Обладаютъ ли враждебныя республикѣ партіи достаточною силою, чтобы въ близкомъ будущемъ, о которомъ только и можно серьезно говорить, свергнуть существующій порядокъ—вотъ вопросъ, полагаемъ, невольно заставлявшій задумываться если не большинство, то весьма многихъ иностранцевъ, попадавшихъ въ этомъ году во Францію. На мѣстѣ, встрѣчаясь съ французами, присутствуя при ихъ разговорахъ, прислушиваясь къ ихъ спорамъ, предлагая имъ вопросы, на которые французы такъ охотно всегда отвѣчаютъ иностранцамъ и въ настоящее время особенно русскимъ, многое значительно выясняется, и сложный политическій вопросъ становится болѣе простымъ и далеко не столь замысловатымъ. Періодъ послѣдней избирательной борьбы — то знаетъ каждый, кому случилось именно въ эту эпоху быть въ Парижѣ, или вообще во Франціи—былъ самымъ подходящимъ временемъ для составленія себѣ болѣе вѣрнаго понятія о политическомъ настроеніи страны и о силѣ и значеніи каждой изъ борющихся партій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ внѣшній видъ Парижа представлялъ собою любопытное зрѣлище. Весь городъ, казалось, былъ залпленъ одною сплошною пестрою афишей. Не было дома, стѣны, забора, колонны, памятника, статуи, которые не были бы покрыты красными, бѣлыми, синими, желтыми, словомъ, всѣхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ размѣровъ, манифестами, воззваніями, professions de foi, въ которыхъ тотъ или другой кандидатъ и патронизовавшій его кандидатуру комитетъ заклинали избирателей подавать свои голоса именно за него, за такого-то кандидата, если только избирателямъ дорого благоденствіе и величіе Франціи. Въ самый разгаръ борьбы, за день, за два до выборовъ, не было,

важется, такого уголка, на которомъ не нахлопнулись бы такіе манифесты, наклеиваемые одинъ на другой. Ночью, когда Парижъ еще спалъ, цѣлая армія афишеровъ выходила на тяжелую работу наклейки всевозможныхъ professions de foi будущихъ законодателей страны. Работа эта требовала ловкости, искусства, находчивости. Наклейщикъ долженъ былъ дѣйствовать такъ, что какъ только онъ увидитъ, что одинъ изъ его со товарищей наклеилъ на видномъ мѣстѣ манифестъ, положимъ, республиканскаго кандидата, тотчасъ же тихонько подобраться къ этому мѣсту и залѣпить манифестъ республиканца манифестомъ монархическаго кандидата. Это была по истинѣ ночная война афишеровъ, предшествовавшая денной или вечерней войнѣ во всевозможныхъ избирательныхъ собраніяхъ. Не можемъ, кстати, тутъ же не отмѣтить одной черты, выывавшей на невольное размышленіе о необычайной тонкости патріотическаго чувства парижскаго рабочаго населенія. Хотя всѣ памятники, колонны и статуи были залѣплены сверху до низу, но одна лишь статуя оставалась неприкосновенною. Ни одинъ изъ цѣлой арміи афишеровъ не рѣшился наклеить избирательнаго манифеста на статую Страсбурга, покрытую чернымъ вѣтромъ.

Кто останавливался передъ избирательными манифестами и внимательно ихъ прочитывалъ, тотъ тотчасъ же убѣждался въ существованіи трехъ рѣзко очерченныхъ партій: республиканцевъ, монархистовъ и—затруднительно назвать третью партію, именуемую себя національною, шумно заявлявшую о своей непоколебимой преданности „чистой и честной“ республикѣ и въ то же время заключившую союзъ на жизнь и смерть съ самыми убѣжденными роялистами и имперіалистами, со всѣми непримиримыми врагами республики. Это партія, сплотившаяся подъ знаменемъ чудодѣявленнаго „спасителя“ Франціи, генерала Буланже.

Страстная борьба противъ республиканскаго режима монархическихъ партій вполнѣ понятна, и было бы удивительно, еслибы партіи эти вымерли и не мечтали о восстановленіи королевской или императорской власти. Всѣ побывавшіе въ этомъ году въ Парижѣ всматривались, конечно, въ великолѣпныя картины двухъ художниковъ, Стевенса и Жерве, изображающія „исторію столѣтія“. Картины эти наглядно рисуютъ прошлое Франціи со всѣмъ его блескомъ, съ яркимъ ореоломъ славы. Вѣками существовавшая монархія неизбѣжно должна была провести глубокую борозду въ организмъ Франціи и сохранить дорогія воспоминанія въ потомкахъ той знати, которая въ своемъ собственномъ благополучіи видѣла благополучіе цѣлой страны. Болѣе поверхностную борозду

провела первая имперія, пронесшаяся какимъ-то метеоромъ надъ Франціей, но успѣвшая ослѣпить своимъ молніеноснымъ величіемъ цѣлый свѣтъ. Она поразила воображеніе своимъ необычайнымъ блескомъ и обворожила своими чарами цѣлыя поколѣнія.

Что удивительнаго, что во Франціи сохраняются политическія партіи, живущія историческими воспоминаніями, готовые на страстную борьбу изъ-за этого прошлаго и не желающія мириться съ мыслью, что это прошлое похоронено на вѣки, и что мертвые болѣе не воскреснутъ. Гораздо болѣе поразителенъ тотъ неоспоримый фактъ, что эти монархическія партіи изо дня въ день теряютъ въ своей силѣ, утрачиваютъ болѣе и болѣе свое вліяніе, и ряды этихъ партій рѣдѣютъ съ неимоверною быстротою. Но и это явленіе становится понятно, когда всматриваешься въ тактику этихъ партій, недостойную того знамени, которое они ссылаются держать въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ. Въмѣсто того, чтобы открыто исповѣдовать символъ своей вѣры, они прячутся за ширмы, вступаютъ въ компрометирующія сдѣлки съ чуждыми имъ вѣрованіями и въ позорящіе ихъ союзы съ людьми и партіями, съ которыми у нихъ ничего не могло бы и не должно бы быть общаго. Народъ, который шелъ прежде за ними, довѣряя честности и чистотѣ побужденій преданныхъ монархизму вожатыхъ, убѣждается въ ихъ неискренности, перестаетъ имъ вѣрить и отстаетъ отъ нихъ, чтобы пристать къ республикѣ, которая строитъ дороги, даетъ образованіе дѣтямъ и сравняла всѣхъ въ отбываніи воинской повинности.

Сами монархисты постарались умалить обаяніе когда-то великолѣпной монархіи. Въ прежнее время, въ дали, въ какомъ-то таинственномъ облакѣ высился образъ Генриха V, а даль, таинственность всегда дѣйствуютъ на воображеніе народа. Графъ Парижскій вышелъ изъ туманной дали, добровольно сталъ въ одинъ уровень съ авантюристомъ плебеємъ и тѣмъ нанесъ какъ бы послѣдній ударъ престижу старой монархіи. Еще въ болѣе, если возможно, жалкомъ положеніи находятся обломки бонапартизма, распустившагося въ собственномъ безсиліи и готоваго пристать къ любой партіи, обещающей смуты и насиліе. Мечты его, будто память народная коротка, и что народъ скоро забудетъ 1870—1871 года, не сбылись. Эльзась и Лотарингія служатъ постояннымъ напоминаніемъ.

Если существованіе монархическихъ партій вполне естественно, то нельзя того же сказать о новой народившейся „національной“ партіи, бросившейся съ такимъ ошеломляющимъ успѣхомъ въ борьбу съ республикою, угрожавшей спокойствію

Франціи и слишкомъ долго державшей ее въ самомъ напряженномъ состояніи. До знаменитаго процесса, заставившаго Буланже покинуть Францію и искать убѣжища въ Англіи, многіе могли вѣрить въ чистоту его республиканскихъ убѣжденій, несмотря на черныя пятна въ его прошломъ и на неискренность его характера, такъ рельефно обнаружившуюся въ дѣлѣ объ изгнаніи герцога Омальскаго. Но какимъ образомъ вѣра въ него могла сохраниться послѣ процесса, обрисовавшаго во весь ростъ беззащитнаго авантюриста и его сподвижниковъ, какими судьбами могъ уцѣлѣть буланжизмъ и не провалиться съвозъ землю—это вопросъ, который не можетъ не возникать каждый разъ, лишь только заходить рѣчь о вѣроятной прочности существующаго порядка во Франціи.

Развѣ этотъ процессъ, искусственный, тенденціозный, начатый правительствомъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ своего самаго опаснаго врага, что-нибудь доказываетъ, развѣ онъ въ чемъ-нибудь могъ умалить столь же быстро выросшую, сколько необъяснимую популярность главы національной партіи! Такъ обыкновенно возражаютъ и въ самой Франціи, и внѣ Франціи сторонники Буланже. Намъ кажется, что такое возраженіе далеко не справедливо. Не отвергая того, что процессъ этотъ имѣлъ нѣсколько тенденціозный характеръ, онъ, тѣмъ не менѣе, обрисовалъ фигуру этого героя такими непривлекательными и вмѣстѣ правдивыми красками, онъ показалъ его человѣкомъ настолько неразборчивымъ въ людяхъ и средствахъ, настолько неумѣющимъ различать своего добра отъ чужого и на столько негнушающимся обмановъ и лжи, что если даже отбросить обвиненіе въ государственномъ преступленіи, въ покушеніи низвергнуть насильственно существующій строй, то все же люди безпристрастные вынуждены, казалось, были бы признать, что этотъ новѣйшій современный рыцарь является рыцаремъ печальнаго образа.

Если это все такъ, то какъ же объяснить—могутъ сказать—что партія его не растаяла, какъ снѣгъ, и что отъ него не отшатнулись люди, какъ напр. Накэ, Деруадъ и другіе, стоящіе внѣ подозрѣній, какъ относительно честности побужденій, такъ и патриотизма. Во-первыхъ, партія его значительно поколебалась, популярность померкла, что какъ нельзя лучше доказали выборы въ генеральные совѣты, когда онъ потерпѣлъ такое фіаско, а во-вторыхъ, политика—это тоже страсть, и, какъ всякая страсть, ослѣпляетъ людей.

Буланжизмъ такъ быстро распространился и принялъ такой угрожающій для спокойствія и будущности республики характеръ,

благодаря двумъ, очень сложнымъ, причинамъ, которыя становились осязательны, когда приходилось присутствовать на избирательныхъ собраніяхъ и прислушиваться къ рѣчамъ ораторовъ этой партіи и преимущественно къ тому, что такъ прямо шло въ самое сердце толпы.

Первая изъ этихъ причинъ, и самая могущественная,—это глубоко коренящаяся въ самой глубинѣ души огромнаго большинства идея „реванша“ и какая-то неотвязная мысль, увѣренность, что не сегодня, такъ завтра, снова разразится борьба на жизнь и смерть между Франціей и Германіей. Въ духѣ народа всегда—связывать извѣстную идею съ извѣстнымъ лицомъ. Громадная популярность Гамбетты вызывалась именно тѣмъ, что народъ связывалъ съ его лицомъ идею „реванша“. Когда не стало великаго патріота, поддерживавшаго воодушевленіе страны своими пламенными рѣчами, народъ почувствовалъ себя какъ бы осиротѣлымъ въ этой идеѣ. Буланже съумѣлъ дотронуться до этого больного мѣста, онъ прикоснулся къ чувственному нерву, сдѣлавшись военнымъ министромъ, и популярность его была создана. Свои надежды, упованія народъ перенесъ на Буланже; въ немъ онъ снова создалъ себѣ человѣка, въ которомъ олицетворялась для него идея возмездія. Нужно было слышать, какой страшный, неистовый гулъ поднимался въ избирательномъ собраніи, среди двухъ-тысячной толпы, когда тотъ или другой ораторъ произносилъ сдѣлавшіяся для французовъ священными слова: Эльзась и Лотарингія.

Только тутъ можно было убѣдиться, что рана, нанесенная Франціи восемнадцать лѣтъ тому назадъ, еще такъ же свѣжа, такъ же болѣзненна, какъ и въ первый день, и что утрата двухъ сросшихся съ Франціей провинцій чувствуется сегодня съ такою же силою, какъ она чувствовалась въ моментъ ампутаціи.

Другая причина успѣха буланжизма представляется болѣе сложною. Искать ее нужно въ общемъ политическомъ состояніи Франціи. Самые страстные сторонники существующаго порядка нисколько не скрываютъ, что одна язва подтачиваетъ государственный организмъ Франціи,—это неустойчивость министерствъ, непрерывная смѣна одного кабинета другимъ. Слѣдуя съ неизмовѣрною быстротою, одинъ за другимъ, министерскіе кризисы бесплодно вызываютъ волненіе въ цѣлой странѣ и несомнѣнно мѣшаютъ правильному и систематическому отправленію всѣхъ органовъ государственнаго управленія. Практическое осуществленіе той или другой задуманной реформы, военной, финансовой, судебной или административной, находится въ тѣсной зависимости отъ людей, стоя-

щихъ у власти. Мѣняются люди, мѣняются планы. Задуманное однимъ отбрасывается другимъ министромъ, вырабатывается новый планъ, и едва приступаетъ лицо къ его осуществленію, какъ оно покидаетъ власть, уступая свое мѣсто другому лицу, думающему иначе, чѣмъ его предшественникъ, и несогласному съ задуманнымъ планомъ. Такая неустойчивость министерствъ отражается—и это охотно признаютъ всѣ—самымъ вреднымъ образомъ на общемъ направленіи и внутренней, и внѣшней политикѣ государства. Люди безпристрастные, умѣющіе спокойно взвѣшивать факты и отличать послѣдствія отъ причинъ, прекрасно однако понимаютъ, что язва неустойчивости кабинетовъ должна быть приписана не существующей французской конституціи, а составу палаты, въ которую успѣли проникнуть въ значительномъ числѣ люди, принадлежащіе къ враждебнымъ республикѣ партіямъ и преслѣдующіе гораздо болѣе свои эгоистическія цѣли, нежели заботящіеся объ интересахъ Франціи.

Образуя въ палатѣ внушительное меньшинство, они не могутъ, конечно, мечтать захватить власть въ свои руки и посягнуть на самое существованіе республики, но они достаточно сильны, чтобы неустанно тормозить прогрессивное движеніе государственнаго механизма. Значеніе этихъ партій усиливается еще болѣе, благодаря винѣ самой республиканской партіи, не умѣющей сплотиться въ одно крѣпкое цѣлое, а разбивающейся на группы; одна изъ нихъ неудержимо рвется впередъ, не различая возможнаго отъ невозможнаго, всегда недовольная недостаточно быстрымъ движеніемъ впередъ и не отступающая даже отъ вражды съ другою, столь же убѣжденною, республиканскою партіею, но болѣе сдержанной, болѣе осторожной и не желающей утратить достигнутыхъ уже результатовъ поспѣшными и рискованными реформами, требуемыми не столько самою жизнью, сколько лишь отвлеченными догматами республиканскаго катехизиса.

Благодаря такой распрѣ среди самой республиканской партіи и коалиціямъ монархическихъ элементовъ съ крайнею радикальною партіею, не разъ уже дѣйствительно республиканское большинство оказывалось въ меньшинствѣ, что неминуемо влекло за собою новый министерскій кризисъ.

Не только не отрицая законности, но признавая даже желательнымъ существованіе двухъ республиканскихъ партій,—болѣе умѣренной и радикальной,—люди, можетъ быть, наиболѣе дорожащіе спокойнымъ развитіемъ Франціи, не перестаютъ твердить, что плодотворная борьба двухъ республиканскихъ партій можетъ начаться только тогда, когда враждебныя партіи, ослабленныя

количественно, утратятъ всякое вліаніе и перестанутъ вносить раздоры и смуты въ парламентскую жизнь. До наступленія же этой, судя по всѣмъ признакамъ, приближающейся поры, республиканская партія, вся какъ одинъ человѣкъ, должна дружно стоять на стражѣ существующаго порядка и своимъ единодушіемъ отражать всѣ удары, направляемые противъ нея ея врагами.

Но такъ разсуждаютъ люди, не ослѣпленные политической страстью и умѣющіе считаться съ временемъ. Они очень хорошо понимаютъ, что если не все дѣлается такъ, какъ было бы желательно, то далеко не всегда въ томъ виноваты учрежденія, законы, конституція страны, а очень часто тѣ, которые громче другихъ кричатъ противъ существующаго порядка.

Другіе же, обладающіе болѣе сангвиническимъ темпераментомъ или закрывающіе глаза на практику государственной жизни и судящіе только по теоріи, если дѣло идетъ не совсѣмъ ладно, навидываются тотчасъ на учрежденія страны и требуютъ перестройки всего государственнаго механизма. Люди этой категоріи, пораженные неустойчивостью министерствъ и присутствуя при печальномъ зрѣлищѣ непрерывнаго паденія кабинетовъ, поспѣшили объявить войну существующему порядку, забывая, что главная причина возмущающаго ихъ зла лежитъ въ нихъ самихъ, въ ихъ готовности дѣйствовать за-одно съ враждебными республикѣ партіями каждый разъ, когда представляется только возможность нанести чувствительный ударъ правительству.

— Все зло въ парламентаризмѣ!— разсуждаютъ такіе люди:— не будь парламентаризма, Франція тотчасъ бы отдѣлалась отъ этой язвы неустойчивости правительства, мѣшающей здоровой государственной жизни.

Если даже политическіе люди, которымъ нельзя отказать ни въ искренности, ни въ свѣтломъ умѣ, ни въ честности ихъ побужденій, не умѣютъ различать причины и послѣдствія и видятъ зло въ конституціи, когда оно коренится въ страстныхъ усліяхъ бонапартистовъ, не мирящихся съ утратою своего историческаго значенія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что среди массы народа образовалась значительная группа, увлеченная на ложный путь. Народъ не входитъ въ конституціонныя тонкости; онъ судитъ о существующемъ порядкѣ по фактамъ, по результатамъ, по тѣмъ внѣшнимъ явленіямъ, которыя бросаются въ глаза. Въ глаза же бросались неустойчивость правительства, министерскіе кризисы, скандальные процессы Вильсоновъ, Каффарелей, внутренніе раздоры партій, бурныя сцены въ палатѣ, и все это эксплуатировалось врагами республики, чтобы убѣдить

народъ въ шаткости и гнилости существующаго порядка. Правда, народъ туго поддается такимъ убѣжденіямъ; масса всегда консервативна и предпочитаетъ существующее неизвѣстному будущему, но тѣмъ не менѣе признаки ея недовольства начинали осязательно сказываться хотя бы въ тѣхъ послѣдовательныхъ избраніяхъ генерала Буланже, въ которыхъ такъ послѣпно и такъ ошибочно увидѣли настроеніе цѣлаго населенія.

Этотую волну недовольства, далеко не разлившейся по всей Франціи, воспользовался популярный въ то время генераль, чтобы начать агитацію противъ существующей конституціи, въ надеждѣ, что ему удастся занять первое мѣсто въ государствѣ и тѣмъ осуществить свои честолюбивые замыслы.

Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы найти удобную почву для борьбы съ существующимъ правительствомъ. Объяви себя Буланже сторонникомъ имперіи, онъ тотчасъ утратилъ бы весь свой престижъ, всю свою популярность. Страна не добряетъ болѣе имперіи; она убѣдилась, что всѣ ея посулы обманчивы; она стоитъ за республику и не желаетъ мѣнять ее ни на конституціонную монархію, не оставившую по себѣ доброй памяти, ни на демократическую имперію, два раза приводившую Францію на самый край гибели, подвергая страну всѣмъ бѣдствіямъ непріятельскаго нашествія. Борьба должна была вестись на такой почвѣ, которая не пугала бы народъ переменной формы правленія, а лишь обѣщала бы ему больше твердости, устойчивости и достоинства какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Такая почва была найдена. Провозглашена была борьба не противъ самой республики, а лишь противъ парламентаризма, противъ конституціи 1875 г., какъ бы единственно повинной за всѣ раздоры партій и простирающія отсюда колебаніе и внѣшнее безсиліе правительства. Знамя удобное, подъ которое могла сгруппироваться самая разнокалиберная толпа. Подъ это знамя стеклись всѣ монархисты, надѣявшіеся въ смутѣ, вызванной пересмотромъ конституціи, задушить самую республику; всѣ недовольные ея недостаточно радикальнымъ характеромъ; наконецъ, всѣ тѣ, которые въ парламентаризмѣ усматриваютъ, искренно или нѣтъ, современную, не только французскую, но и европейскую болячку.

Не было такого избирательнаго манифеста—не только чисто буланжистскаго, но вообще оппозиціоннаго кандидата, гдѣ бы вы не могли прочесть рѣзкой тирады противъ парламентаризма, этой язвы общественнаго порядка. Чѣмъ же—невольнo возникалъ вопросъ—такъ провинился парламентаризмъ, что вызвалъ противъ себя такое гоненіе, чѣмъ его собираются замѣстить, и какая, на-

конецъ, отыслана форма правленія, которая болѣе удовлетворяла бы французское общество, чѣмъ парламентаризмъ?

Въ дѣйствительности, борьба противъ парламентаризма во Франціи не имѣетъ ничего общаго съ борьбою противъ представительнаго правленія, и всѣ вожаки буланжистскаго движенія съ негодованіемъ протестуютъ, когда имъ говорятъ, что они работаютъ въ пользу личной власти. Мы легко въ этомъ могли убѣдиться и составить себѣ ясное понятіе, чего именно домогаются люди, ратующіе противъ парламентаризма, присутствуя при одномъ спорѣ Нака, безспорно одного изъ самыхъ умныхъ, искреннихъ и вмѣстѣ одного изъ самыхъ главныхъ дѣятелей буланжизма, съ однимъ изъ его политическихъ противниковъ.

— Неужели для васъ неясно, — обращается этотъ противникъ къ Наку, — что, враждуя противъ парламентаризма, вы подкапываетесь подъ представительное правленіе, подъ самую республику, и тѣмъ самымъ подготавливаете торжество бонапартизма?

— Не только неясно, — возражалъ убѣжденный сторонникъ Буланже, — но я, напротивъ, думаю, что такъ могутъ разсуждать только люди или совсѣмъ не опытные въ политическихъ вопросахъ, не вдумывавшіеся въ политическое устройство такихъ республикъ, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты и Швейцарія, чуждыя парламентаризма, или наши недобросовѣстные враги, приписывая намъ преступныя цѣли. Враждуя и ненавидя парламентаризмъ, мы не только не подкапываемся подъ представительное правленіе, подъ республику, но мы убѣждены, что, только устранивъ парламентаризмъ, мы прочно водворимъ во Франціи представительное правленіе и республику, у которой нѣтъ болѣе злѣйшаго врага, чѣмъ парламентаризмъ. Повѣрьте, что онъ гораздо опаснѣе всѣхъ вымирающихъ монархическихъ партій, мечтающихъ о восстановленіи личной власти, оставившей по себѣ самыя тяжелыя воспоминанія въ народѣ, и которую мы ненавидимъ.

— Но въ чемъ же, однако, вы видите вредъ парламентаризма, и чѣмъ вы намѣрены его замѣнить, если вы съ такимъ негодованіемъ возстаете противъ обвиненія васъ въ томъ, что вы желаете замѣнить представительное правленіе личною властью?

— Парламентаризмъ и представительное правленіе не имѣютъ между собою ничего общаго, — возражалъ Накъ. — Достаточно ввести въ новую конституцію одинъ лишь параграфъ, чтобы искоренить зло парламентаризма. Конституція должна лишь признать несомнѣстимость званія министра съ обязанностями представителя народа, депутата, чтобы представительное правленіе было спасено

отъ этой язвы парламентаризма. Вредъ парламентаризма именно и заключается въ этой позорной погонѣ за портфелями, мѣшающей правильному теченію государственной жизни. Министры должны стоять внѣ всякой зависимости отъ парламента; они должны быть лишь чиновниками, занятыми своею администраціей, строгимъ исполненіемъ законовъ, вотированныхъ парламентомъ. Они будутъ избавлены отъ интерпелляцій, выраженія имъ довѣрія или недовѣрія, отъ заботы найти тотъ или другой компромиссъ, чтобы удержаться во власти, словомъ, отъ всего того, что дѣлаетъ власть ихъ эфемерною и не даетъ имъ возможности работать. Ихъ власть, ихъ положеніе, зависима лишь отъ главы исполнительной власти, будутъ прочны, и тогда возможно будетъ осуществленіе проектовъ, рассчитанныхъ на большой періодъ времени; прекратится и безумное бросаніе денегъ; въ управленіи арміи, въ ея организаціи явится постоянство; иностранныя державы не будутъ болѣе опасаться вступать съ нами въ переговоры, зная, что министръ иностранныхъ дѣлъ не мѣняется каждые три мѣсяца или каждыя три недѣли. Тогда и палата можетъ серьезно приняться за изученіе реформъ, за изготовленіе хорошо выработанныхъ и обдуманыхъ законовъ; а развѣ теперь все это возможно, когда каждый депутатъ думаетъ только о томъ, какъ бы ему сдѣлаться министромъ! Словомъ, мы желаемъ у насъ такой конституціи, которая существуетъ въ Сѣверной Америкѣ, которая, я надѣюсь, не лишена представительнаго правленія; мы не хотимъ больше пагубнаго смѣшенія законодательной и исполнительной власти, неизбежнаго при существованіи парламентаризма, и противъ котораго выскзалось энергически даже великое учредительное собраніе прошлаго столѣтія, несмотря на пламенную защиту парламентаризма самого Мирабо.

— Если вы добиваетесь только этого одного, — отвѣчалъ ему его собесѣдникъ, — то скажите сами: къ чему все это браданіе оружіемъ, къ чему всѣ ваши призывы чуть не къ насилію, къ чему вся эта шумная агитація, преисполненная вражды и ненависти? Неужели вы думаете, что еслибы вы путемъ взбурораженія цѣлой страны и достигли такого результата, то всякій здравомыслящій человекъ не сказалъ бы вамъ, что гора родила мышъ? Къ чему, наконецъ, ради достиженія такой цѣли, которой вы могли бы достигнуть такимъ же спокойнымъ законодательнымъ путемъ, какимъ вы же сами добились закона о разводѣ, — вы носитесь съ генераломъ Буланже, усвоившимъ себѣ всѣ аллюры спасителя Франціи, такъ мало подходящія къ его далеко не безгрѣшной политической физиономіи?

— Во-первыхъ, — запальчиво прервалъ Наэ, — вы не должны вѣрить всѣмъ тѣмъ слухамъ, которыя распространяются о немъ нашими врагами. Буланже — убѣжденный республиканецъ и совершенно честный человѣкъ. У каждаго есть свои недостатки; онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе. Я и всѣ другіе примкнули къ нему, такъ какъ онъ воплотилъ въ себѣ протестъ всѣхъ ненавидящихъ парламентаризмъ съ его пагубными для страны послѣдствіями. Конституція 1875 г., созданная монархистами, можетъ быть быстро снесена только сильнымъ, порывистымъ народнымъ движеніемъ, а выжидать долго мы не можемъ, такъ какъ Франція живетъ подъ постоянной угрозой новой войны съ Германіей.

— Позвольте, позвольте! — въ свою очередь прервалъ противникъ Наэ: — какое же отношеніе усматриваете вы между парламентаризмомъ и войною съ Германіей?

— Нужно быть слѣпымъ, чтобы его не видѣть. Тройственному союзу Германіи, Австріи и Италіи необходимо противопоставить двойственный союзъ Россіи и Франціи. Мы знаемъ очень хорошо, что между внутреннею политикою Россіи и Франціи лежитъ цѣлая пропасть, но требованія внѣшней политики должны перебросить мостъ черезъ эту пропасть. Намъ нѣтъ никакого дѣла до внутренней политики Россіи. Когда вопросъ ставится о самомъ существованіи Франціи, какъ великой европейской державы, тогда нечего думать объ освободительной миссіи, за которую мы уже дорого заплатили. Мы получили право быть эгоистами. Развѣ кто-нибудь протянулъ намъ руку помощи въ 1870 году? А развѣ заключеніе такого союза съ Россіей мыслимо при существованіи парламентаризма? Допустите, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ начинаетъ вести переговоры съ русскимъ правительствомъ о заключеніи двойственного союза. Развѣ не вполне естественно, что русское правительство дастъ такой отвѣтъ: мы бы и готовы вступить съ вами въ переговоры, мы вѣримъ въ ваши симпатіи къ намъ, но развѣ вы можете поручиться, что въ ту минуту, когда переговоры будутъ близиться къ концу, вы не должны будете уступить ваше мѣсто другому министру, который предъявитъ новыя требованія и опрокинетъ все тѣ, что уже было достигнуто. Вотъ какой отвѣтъ дастъ вамъ теперь русское правительство, и это благодаря парламентаризму съ его чудовищными распрями изъ-за эфемернаго министерскаго портфеля!

— Неужели вы не сознаете, — замѣтилъ противникъ, — всю ошибочность вашихъ разсужденій? неужели вы не подумали о томъ, что та же Россія, о которой вы говорите, гораздо скорѣе отсту-

пится отъ всякаго союза съ Франціей, если вы упорно будете поддерживать смуту, эту печальную прелюдію въ новому революціонному движенію? Парламентаризмъ существуетъ въ Италіи, что, однако, нисколько не помѣшало Германіи заключить съ нею наступательный и оборонительный союзъ. Между тѣмъ новое революціонное движеніе причинитъ Франціи непоправимый вредъ и оттолкнетъ отъ нея надолго всё государство, личный интересъ которыхъ даже заставилъ бы искать союза съ вами.

— О революціонномъ движеніи, — возразилъ Накэ, — не можетъ быть рѣчи. Мы дѣйствуемъ только легальнымъ путемъ; для насъ достаточно того орудія, каковымъ мы обладаемъ — избирательнаго бюллетеня.

— Да, вы, но ваша партія, буланжисты!

— Партія буланжистская — это тоже республиканская партія, которая столько же, если не больше другихъ республиканцевъ, дорожитъ республикой и менѣе кого-либо думаетъ о замѣнѣ ея другою формою правленія, тѣмъ болѣе, что никакая другая форма болѣе невозможна во Франціи!

Что значительное большинство среди этой „національной партіи“, какъ именуютъ себя буланжисты, горячіе партизаны республики, въ этомъ можно было убѣдиться на избирательныхъ буланжистскихъ собраніяхъ, гдѣ ораторы этой партіи развивали свои взгляды, вполне тождественные со взглядами Накэ. Каждый изъ выступавшихъ ораторовъ считалъ своимъ долгомъ прежде всего подчеркнуть свою безпредѣльную преданность республикѣ, и всё таія заявленія покрывались цѣлымъ громомъ рукоплесканий присутствующей толпы.

Насколько подобныя заявленія были искренни, это вопросъ иной. Масса всегда довѣрчива, и не разъ уже ее заставляли, благодаря фальшивымъ увѣреніямъ, играть въ руку людей, всего менѣе думавшихъ о благѣ цѣлаго государства. Трудно было довѣрять республиканскимъ чувствамъ всѣхъ вождей буланжизма, когда они съ такимъ цинизмомъ братались съ самыми непримиримыми врагами республики.

Но еслибы даже всё они были искренни, то и тогда это движеніе національной партіи, — слишкомъ бурное для такой сравнительно скромной цѣли, какъ пересмотръ конституціи, — еслибы только оно распространилось и охватило собою все населеніе, причинило бы Франціи страшное зло. Не даромъ къ этому движенію порѣшили пристать всѣ монархическія партіи. Они не безъ основанія надѣялись, что пересмотръ конституціи повлечетъ за собою созданіе сильной власти президента, противопоставленной,

ничѣмъ не гарантированной законодательной власти палаты представителей; а они по опыту уже знали, какъ легко такая сильная исполнительная власть, воплощенная въ одномъ лицѣ, можетъ справиться съ народнымъ представительствомъ, когда его желательно устранить.

Буланжизмъ угрожалъ спокойствію Франціи и ея прогрессивному движенію не своею программю, въ концѣ концовъ довольно невинною и не лишенною извѣстнаго смысла и правды, не своими открыто заявленными цѣлями, а тѣмъ, что выполняло изъ-подъ него и на что накинута всѣ тѣ враждебные третей республикѣ элементы, которые все еще не утратили надежды воскресить прежніе порядки.

Буланжизмъ своимъ союзомъ съ врагами республики, своими приемами, своею слишкомъ страстною и потому уже подозрительною ненавистью къ существующему правительству сѣялъ раздоръ, вносилъ въ страну смуту, которая могла бы окончиться неожиданною для самой „національной партіи“ катастрофою, въ которой погибла бы и самая республика.

Къ счастью Франціи, огромное большинство населенія не поддавалось пагубной заразѣ и своими послѣдними выборами еще разъ подтвердило свою прочную привязанность къ установившемуся порядку. Небывалый успѣхъ парижской выставки, привлекая въ Францію миллионы иностранцевъ, послужилъ лишь новымъ подтвержденіемъ для французскаго народа, что республика съ ея парламентаризмомъ оказалась способной не только извлечь страну изъ глубокой пропасти, въ которую ее бросила имперія, но даже возродить націю къ новой жизни, болѣе свѣтлой, чѣмъ когда-нибудь.

Третья республика прошла черезъ тяжелое испытаніе, но она вышла изъ него лишь усиленною и окрѣпшею. Много еще лежитъ передъ нею нерѣшенныхъ задачъ, но гдѣ же тотъ народъ, который осуществилъ бы мечту о золотомъ вѣкѣ? Франція можетъ быть счастлива уже тѣмъ, что послѣ страшнаго паденія 1871 года она нашла въ себѣ силы снова подняться на завидную для другихъ народовъ высоту.

Евг. Утинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Въ лучахъ зари и въ тихій часъ вечерній,
О, Муза, мнѣ не разъ являлась ты;
Твое чело скрывалъ вѣнокъ изъ терній,
Страданья гнетъ мрачилъ твои черты...

Онѣ хранили слѣдъ душевныхъ пытокъ;
Зловѣщій кашель грудь твою сушилъ;
Ты мнѣ несла отравленный напитокъ,
И я его, томимый жаждой, пилъ.

Не уходи! я свылся съ этимъ ядомъ;
Отраденъ мнѣ унылый голосъ твой...
Страдалица, иди-жь со мною рядомъ
И, вся въ слезахъ, мнѣ пѣсни скорби пой!

II.

Звуки забытыя, вторя надеждѣ,
Не искушайте меня!
Вы не обманете сердце, какъ прежде...
Смолните, нѣжно звеня!

Сердце мое отозваться не можетъ
На упойтельный зовъ...
Пусть же напрасно его не тревожить
Сладость несбыточныхъ сновъ!

Не раздавайтесь, забытые звуки,
 Память будя о быломъ!
 Въ сердцѣ разбитомъ пусть прежнія муки
 Спать заводованнымъ сномъ!

Старыя раны открыться готовы...
 О, пощадите меня!..
 Не открыться мнѣ силою новой:
 Смолните-жъ, грустно звеня!

III.

Свѣтла и душиста весенняя ночь...
 Ко мнѣ ты головку склоняешь съ любовью,—
 Но съ мукой былой мнѣ разстаться не въ мочь,
 И сердце мое обливается кровью...

Я страстно твой станъ обнимаю рукой;
 О счастье мнѣ шепчетъ твой голосъ любимый,
 А тѣни былого, смѣясь надо мной,
 Подъ звукъ поцѣлуя, проносятся мимо...

Я полонъ тобою; хоть сладостно мнѣ, —
 Минута блаженства ихъ сонмъ не разгонитъ;
 Увы! поклоняясь любви и веснѣ,
 Разбитое сердце рыдаетъ и стонетъ...

II. Козловъ.

НОВЫЯ ПТИЦЫ

ОЧЕРКИ И НАВРОСКИ.

„Налетѣли новыя птицы и слышались новыя пѣсни“... Такъ, по всему вѣроятію, выразится (а можетъ быть, уже и выразился) лѣтописецъ, характеризуя перемѣну въ жизни одного изъ уѣздныхъ городковъ, наступившую вслѣдъ за приобщеніемъ его къ охватившимъ въ свое время Россію реформамъ. И дѣйствительно: новизна, во всѣхъ ея видахъ, такъ всецѣло тогда подчинила себѣ застоявшуюся старую жизнь, что приведенная характеристика можетъ быть названа вѣрною. Пробудился же этотъ городокъ отъ своей мирной дремоты такимъ образомъ... Но начнемъ по порядку.

Былой типъ уѣздныхъ городовъ извѣстенъ: базарная площадь, кажущаяся обывателямъ невѣсть какимъ пространствомъ; на площади соборъ, острогъ и корпусъ присутственныхъ мѣстъ; по одну сторону площади — конецъ города и рѣка, съ песчаными отмелями, все лѣто покрытыми бѣльемъ и холстами; по другую сторону — городской центръ съ неизмѣнными улицами: Московской и Дворянской. Вотъ и вся картина... Впрочемъ есть еще одна особенность: неизмѣнно горбатый мостъ черезъ рѣку и на немъ — видимый съ разсвѣта и вплоть до заката солнца — силуэтъ отставного чиновника-рыболова, съ вѣчно-неподвижнымъ удищемъ въ рукѣ. Остальное все, какъ-то: обывательскія улицы съ покачнувшимися въ разныя стороны избушками, деревянныя церкви съ зеленѣющимъ мхомъ на ветхихъ крышахъ, а также остатки древняго крѣпостного рва, усаженные капустой, или византійская колокольня, доведенная попеченіями мѣстныхъ археологовъ до образа представительницы совсѣмъ невѣдомаго стиля — все это могло быть или не быть. Картина внутренней жизни такого городка тоже не

была особенно сложна: лѣтописцы могли проставлять подъ каждымъ пережитымъ годомъ, какъ проставляли древніе бытописатели-монахи въ „пасхальныхъ таблицахъ“: „была тишина“; или, еще проще: „ничего не было“; *интересовъ*, какъ принято теперь называть циклъ проявленій обывательской жизнеспособности—не существовало въ наличности, и все, относившееся сюда, хранилось въ *губерніи*, какъ хранились въ уѣздномъ казначействѣ за замками и печатами суммы присутственныхъ мѣстъ; переписка съ губерніей по поводу проявлявшихся нуждъ восполняла видимое отсутствіе интересовъ и замѣняла всякіе органы представительства и самоуправленія. Затѣмъ... затѣмъ не было ничего, и весь узелъ обывательской жизни заключался въ обязанности обывателей посѣщать вышеупомянутыя зданія на базарной площади...

Таковъ былъ и нашъ уѣздный городокъ.

Но городокъ не ропталъ на свою судьбу и вѣрилъ, что всѣ узаконенные пути ведутъ къ преуспѣянію, какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ. А время дѣлало свое: описывая круги, какъ гётевскій пудель, реформы захватили и городокъ. Началось съ желѣзной дороги: на улицахъ появились видные собой, румяные инженеры, съ золотыми брелоками въ видѣ молотковъ и лопатъ; у бакалейщика выставилась въ окнѣ ведерная бутылка шампанскаго; квартиры непомерно вздорожали; молодыя горничныя отошли отъ мѣстъ и стали продавать лимонадъ въ выросшихъ на площади „бюскахъ“ или пѣть „Стрѣлка“ въ роцѣ на берегу рѣки, въ воздвигнутомъ наскоро тесовомъ „бельведерѣ“. Общество отнеслось сочувственно къ желѣзнодорожной реформѣ и перенесло свои вечернія прогулки, вмѣсто Дворянской улицы, на выгонъ, весь изрытый, заваленный мѣдно-красными буграми глины, неудобный, но получившій таинственную привлекательность... Впрочемъ реформа эта вскорѣ окончилась для города какимъ-то недоумѣніемъ: изогнувшись на выгонѣ, точно змѣя, свѣтлыми полосами рельсовъ, дорога—такъ стали выражаться горожане—„прошмыгнула“ мимо и раскинула станцію верстахъ въ двухъ отъ города; неприлично весело, будто насмѣхаясь, засвистѣли паровозы и стали забрасывать пассажировъ вмѣсто города въ степь. Но толчокъ былъ уже данъ: отъ города, какъ двѣ руки, молящія сжалиться и принять въ компанію, потянулись къ желѣзнодорожной станціи двѣ обывательскія слободы...

Не замедлила придти и судебная реформа: сумрачный, облупившійся корпусъ на базарной площади отдѣлался заново и превратили во что-то внушительно-грандіозное, съ аппетитно глядѣвшимъ буфетомъ внутри и съ расшитымъ швейцаромъ у свѣтлаго

подъезда. Затѣмъ послѣдовали: городское и земское самоуправленіе, телеграфъ, общественный банкъ... Городецъ проснулся окончательно: опередивъ лѣниво тянувшіяся слободы, выбѣжало изъ города на станцію шоссе; въ желѣзнодорожномъ вокзалѣ снялъ буфетъ поварь-французъ и отерлись „пивничи“, не смолкавшіе до самаго разсвѣта; жизнь двинулась впередъ, шумно, нестройно, точно въ угарѣ, спѣша въ разстилавшимся предъ нею „кисельнымъ берегамъ“... Но дальнѣйшее не относится къ цѣли этихъ набросковъ. Намъ интересуютъ собственно появившіеся при этомъ движеніи, невиданные прежде въ городѣ, новые типы людей, въ которыхъ мы теперь перейдемъ.

I.

Съ боку прищѣка.

Теплымъ весеннимъ днемъ на улицахъ городка появилась эгоистка, запряженная бойкой шведкой. Въ эгоисткѣ сидѣлъ господинъ среднихъ лѣтъ внушительной и солидной наружности, одѣтый по послѣдней модѣ. Когда шведка останавливалась у какихъ-нибудь воротъ и господинъ, доставъ съ эгоистки, точно со стула, землю ногами, выпрямлялся, то дѣлался еще солиднѣе и внушительнѣе: онъ былъ необыкновенно высокаго роста, размашистаго сложенія, толстый и сильный. Черезъ нѣсколько дней господинъ появился на вечеринкѣ у исправника, потомъ на станціи на „пивничи“ и скоро сталъ въ городѣ своимъ человѣкомъ.

Звали господина Егоръ Ивановичъ Искаріопуло. Изъ этого можно было заключить, что онъ грекъ по происхожденію. Это подтверждалось и его огромнымъ носомъ, именно такой типической формы, которую привыкли пояснять эпитетомъ: „греческій“. Искаріопуло дѣйствительно былъ греческаго происхожденія, но считалъ себя русскимъ, и если иногда упоминалъ о Греціи, то потому только, что тамъ будто бы жили еще отпрыски фамиліи Искаріопуло, владѣющіе цѣлыми островами. Искаріопуло могъ бы назваться вполне красавцемъ, еслибы при взглядѣ на него не портилъ впечатлѣнія изъянь на самомъ видномъ мѣстѣ, именно на носу, о которомъ мы только-что говорили. Носъ этотъ былъ надломленъ и потому кривъ. На первый взглядъ, конечно, такой изъянь немудрено было связать съ тѣми отличительными въ человѣкѣ качествами, въ силу которыхъ его самъ „Богъ мѣтитъ“; но также можно было отнести и къ отсутствію вообще абсолютнаго

совершенства въ природѣ, являющей, какъ извѣстно, и на солнцѣ пятна. Объяснять этотъ изъянъ болѣе или менѣе основательнымъ постороннимъ посягательствомъ мѣшала кривизна носа на лѣвую сторону, не ввязавшаяся съ общей привычкой дѣйствовать въ такихъ случаяхъ правой рукой. Оставалось предположеніе, что посягатель дѣйствовалъ, какъ говорится, „на-отмашь“, но относительно этого приѣма всѣмъ было извѣстно въ городѣ, что „на-отмашь только чертей бьютъ“. Такая сбивчивость въ установленіи истинной причины изъяна въ красотѣ Искаріопуло влекла за собою то, что всѣ знавшіе его знали каждый по своему и исторію порчи носа. Самъ Искаріопуло не любилъ говорить объ этомъ и считалъ изъянъ легкимъ и временнымъ. Поэтому, когда Искаріопуло думалъ, что на него не глядятъ, онъ сильно правилъ носъ въ прямую линію. Мы извиняемся, что слишкомъ распространились по поводу столь ничтожнаго для читателей обстоятельства—и продолжаемъ.

Въ чемъ состояла профессія Искаріопуло, трудно было опредѣлить. Жилъ онъ открыто, на лучшей въ городѣ улицѣ, не былъ ни адвокатъ, ни чиновникъ, но не пропускалъ ни одного судебного засѣданія и носилъ съ собою огромный портфель, а со всѣми спицами судейской колесницы находился въ задушевной пріязни.

— Егоръ Ивановичъ!—говорилъ при встрѣчѣ съ нимъ густо шитый мундиръ.—Какъ поживаете?

— Таскаюсь, — смиренно отвѣчалъ Искаріопуло, склонивъ на бокъ свою огромную голову.

— По каѣмъ мѣстамъ?—шутилъ мундиръ.

— К-х-хъ!—шипѣлъ Искаріопуло на манеръ раздраженной кошки; затѣмъ, сдѣлавъ козу изъ пальцевъ, онъ бодалъ мундиръ въ свободное отъ шитья мѣсто.

Встрѣчаясь съ мундиромъ не густого шитья, Искаріопуло загораживалъ ему дорогу и щелкалъ пальцемъ по мундиру, какъ пробуютъ, много ли въ самоварѣ воды, начиная съ низа живота до самаго горла. Послѣ такого изслѣдованія всегда оказывалось, что мундиръ далеко непопознъ противъ должной мѣры, и Искаріопуло уводилъ его въ буфетъ.

Чинамъ, не имѣвшимъ мундировъ, Искаріопуло только дружески ерошилъ головы при встрѣчѣ.

Правда, Искаріопуло нерѣдко фигурировалъ въ судѣ по дѣламъ, въ которыхъ замѣшанъ былъ его собственный личный или имущественный интересъ; но кому могло придти въ голову видѣть въ этомъ профессію! Самъ Искаріопуло смотрѣлъ на эти дѣла какъ на посылаемое ему судьбою испытаніе, и велъ ихъ

всегда самолично. Даромъ краснорѣчія не обладалъ Искаріопуло, но зато статьи, кажется, всѣхъ „томовъ“ зналъ наизусть. *Представъ предъ судомъ*, какъ завели манеру выражаться щеголеватые судебные пристава, Искаріопуло опалалялъ противника взглядомъ оскорбленной невинности и потомъ уже приступалъ къ объясненіямъ; рѣчи свои начиналъ онъ всегда такъ: „собственность есть священнѣйшее изъ правъ и охраняется закономъ во всякомъ государствѣ“;... или: „личная безопасность есть единственное условіе процвѣтанія порядка“... Послѣ такого приступа Искаріопуло кланялся суду, увѣрялъ, что поступаетъ по *разуму законовъ*, и сѣпалъ, хотя большею частію наудачу, статьи изъ всевозможныхъ „томовъ“. Потомъ онъ опять кланялся и, подмигивая не то зрителю, не то кому-то изъ судей, заявлялъ, что вѣрить въ высокое безпристрастіе суда праваго, свораго и равно для всѣхъ милостиваго... Тактика эта служила Искаріопуло лучше всякаго знаменитаго адвоката.

Единственнымъ постояннымъ занятіемъ Искаріопуло, казалось, была игра въ „винтъ“, но это еще меньше могло походить на профессию; несмотря на то, что Искаріопуло, по отзыву всѣхъ, игралъ „какъ чортъ“, неумѣнье партнеровъ то-и-дѣло вовлекало его въ проигрышъ. И только въ области невинственныхъ интересовъ игра въ карты приносила пользу Искаріопуло: онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. И это понятно: если *in vino veritas*, то въ картахъ человекъ виденъ весь какъ на ладони. Прикладывая этотъ методъ наблюденія къ Искаріопуло, всѣ соглашались, что онъ ангелъ: послѣ самаго невѣроятнаго ремиза по винтѣ партнера, Искаріопуло не только не выходилъ изъ себя, какъ другіе, но отъ души хохоталъ, разставивъ руки далеко отъ стула, чтобы взаться за свои мясистые бока...

Вотъ все, что пока извѣстно было въ городѣ объ Искаріопуло.

Однажды шведка остановилась у конторы нотаріуса. Доставъ ногами землю, Искаріопуло выпрямился и вошелъ въ контору...

— Владѣніице приобрѣлъ... $\frac{1}{28}$ часть... и хлопотъ-то не стѣдить, вся сумма 500 рублей, да ужъ не откажите!—сталъ онъ говорить, копяся въ своемъ портфелѣ.

Владѣніе было приобрѣтено въ домѣ, принадлежавшемъ мѣщанской семьѣ. Выданной замужъ дочери досталась въ немъ по наслѣдству $\frac{1}{14}$ часть. Дочь умерла, оставивъ двухъ сыновей. Часть одного изъ нихъ и купилъ Искаріопуло на торгахъ.

- Что это угораздило васъ?—удивился нотаріусъ.
- Да такъ какъ-то... Можетъ, и пригодится.

Черезъ нѣсколько дней Искаріопуло законнымъ образомъ вступилъ въ свои права. Вскорѣ послѣ этого зачастили въ нотаріусу мѣщане, владѣльцы дома.

— Господинъ Искаріопуло здѣсь-съ?—торопливо спрашивалъ кто-нибудь изъ нихъ.

— Нѣтъ.

— Ахъ, ты Господи! Вотъ сію минуту встрѣтились—сказали, что къ вамъ ѣдутъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Мы подождемъ.

— Сдѣлайте одолженіе, —приглашалъ нотаріусъ.

Мѣщане ждали. Искаріопуло не являлся. Черезъ нѣсколько дней они снова допытывались у нотаріуса:

— Бумагъ не оставлялъ вамъ г. Искаріопуло?

— Какихъ бумагъ?

— Часть свою выкупаемъ у нихъ... въ домѣ. Нынче они безпремѣнно общали.

— Нѣтъ, не оставлялъ.

— И что это, право, такое! — всплескивалъ руками владѣлецъ.

— Что ни день, то надбавка, надбавка...—сокрушался другой.

— И хоть бы было за что, а то за свое добро отваливаемъ *дѣя тысячи*, и то на-ты, поди! конца краю не сыщешь...—резонировалъ третій.

Снова ждали мѣщане, позѣвывавъ, похлопывая картузами по колѣнамъ и не спуская глазъ съ часовой стрѣлки. Искаріопуло снова какъ бы въ воду канулъ.

Дѣло, наконецъ, сладилось. Къ нотаріусу собралась вся семья владѣльцевъ; бумаги были на-лицо. Искаріопуло прислалъ записку, что придетъ непременно, какъ только отдѣляется въ судѣ. Мать владѣльцевъ, полуслѣпая старуха, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ повязкѣ, сидѣла, держа въ рукахъ аккуратно сложенный платокъ, и говорила сама съ собою:

— Господи, батюшка! Какія времена пришли: на печѣѣ бѣду наспишь... И откуда люди такіе берутся? Чисто камень аспидный: ни въ нихъ страху божьяго, ни въ нихъ совѣсти...

— Да будетъ, маменька!—остановилъ ее сынъ.

— Чего будетъ? Ваше же послѣднее отдаю,—отвѣчала старуха, взглядываясь по направленію его голоса.

— Вѣдь не поможете словами-то.

— Что же я ему, кровопійцѣ, горло, что ли, беззубая-то, перегрызу? Вы что *дьяволъ-то* не помогаете? Пришелъ всякій, съ боку припѣка, обобралъ, а вы и руки сложили! Кабы мнѣ здоровье да силу-то выпу, нешто посмѣлъ бы онъ?.. Будь живъ покойникъ отецъ, онъ нашелъ бы управу...

Пришелъ Искаріопуло. Онъ дружески поздоровался со всѣми и, потирая руки, произнесъ добродушно:

— Вотъ и я!

— Развяжи Господь: душу всю вымоталъ! — перекрестилась старуха.

— Маменька...— снова остановилъ ее сынъ.

— Да что вы? Господь съ ней!—толкнулъ Искаріопуло сына. — Будемъ расчетъ дѣлать?—освѣдомился онъ.

Старуха начала копаться за пазухой и бережно вытаскивать безкупонныя *серии*, пачки изнывшихъ рублевыхъ билетовъ.

— Пей кровь-то! Внушка опоишь, ограбилъ... обирай и насъ... —говорила она. Искаріопуло снисходительно усмѣхался и, принимая пачку, спрашивалъ:

— Сколько тутъ?

— Перечтите-съ,—предлагалъ сынъ, не спускавшій глазъ съ рукъ Искаріопуло.

— Не пойдутъ въ провъ, огнемъ сожгутъ!—приговаривала старуха.

— Давайте, давайте, послѣ наговоритесь! — торопилъ Искаріопуло, бойко, точно вихремъ, перелистывая бумажки. — Еще сто рублей надо: двѣ-тысячи-сто условились,—взглянулъ онъ на владѣльцевъ, собравъ пачки и пристукнувъ ихъ ладонью.

— Побойтесь Бога! — несмѣло выговорилъ одинъ изъ владѣльцевъ.

— Нѣтъ у меня больше: не награбила еще,—уперлась старуха.

— Ну, что же, дѣло любовное, — спокойно отвѣтилъ Искаріопуло. Онъ всталъ, отодвинувъ отъ себя деньги, потянулся, вивнулъ головой нотаріусу и исчезъ за дверью.

— Бѣги за нимъ!—толкнулъ одинъ владѣлецъ другого. Тотъ бросился, надѣвая на ходу картузь, а оставшіяся заговорилъ жалобнымъ голосомъ съ матерью. — Да потерпите вы, маменька, дайте ему отвалиться-то: засосетъ вѣдь онъ насъ!

Старуха утирала платкомъ глаза и шептала что-то про себя, быстро шевеля дрожащими губами. Явился запыхавшійся владѣлецъ.

— Что?—спросили его.

— Рубль семь гривенъ!—махнулъ онъ рукой.

— За что?

— Въ трактирѣ нашелъ его, котлетку ѣсть. „Я, говорить, не по своей винѣ расходуясь, а черезъ ваше упорство“.

Пришелъ Искаріопуло, веселый, спокойный. Онъ дополучилъ сто рублей, расписался и поздравилъ владѣльца съ окончаніемъ дѣла.— Не поминайте лихомъ!—радушно сказалъ онъ.

— За что же-съ, помилуйте!—плохо скрывая накипѣвшую злобу, заговорилъ старшій владѣлецъ.—Намъ, дуракамъ, глаза открыли: пятнадцать протоколовъ составили, въ погребѣ сырость, въ кухнѣ чадъ нашли... дворникъ несовершеннѣйшій...

— Что же мнѣ съ вами подъ судъ было идти? Я совладѣлецъ былъ, себя оберегалъ,—солидно возразилъ Искаріопуло.

— Диво дивное: жили, жили безъ васъ, подъ судомъ не были; а тутъ откуда что взялось!—нервно-дрожащимъ голосомъ вскрикнулъ другой владѣлецъ, хлопнувъ себя по бокамъ.

— Да вы если не законы, то хоть газеты читали бы, —наставительно сталъ говорить ему Искаріопуло:—повсюду смертность, правительство заботится, а у васъ нигдѣ не чищено, проплогодній снѣгъ на дворѣ. Развѣ это порядокъ? Вы коснѣете, а я буду съ вами невинныя души губить?..

Слова о погубленіи невинныхъ душъ пробудили задремавшую старуху. Она опять вспомнила о своемъ внучкѣ и, не сдерживаемая сыновьями, дала волю языку.

— Что старшій, что малый... —махнулъ рукой Искаріопуло.—Ну, до свиданья! некогда мнѣ.

— Пригодилось владѣльнице-то?—усмѣхнулся нотаріусъ, взглянувъ на Искаріопуло.

— И не говорите!—махнулъ тотъ рукой.—Столько они крови перепортили мнѣ, что другу-недругу закажу... —Сразимся ужъ?—подмигнулъ онъ.

Черезъ минуту, солидно покачиваясь на эгонистѣ, Искаріопуло мчался въ другимъ, не терпящимъ отлагательства, дѣламъ.

На одной сторонѣ родового дѣдовскаго участка въ городѣ ютился ветхій деревянный флигелекъ слесаря Силы Парфенова; на другой—гордо высился многоэтажный каменный домъ почетнаго гражданина Ильи Терентьича Парфенова.

Сношенія между братьями-владѣльцами, или, вѣрнѣе говоря, между домою и флигелькомъ, хотя и поддерживались, но были довольно страннаго характера: вечеромъ почти каждаго дня вучеръ почетнаго гражданина бралъ бушевавшаго въ своемъ флигелькѣ хмельнаго слесаря въ охапку и водворялъ его на ночь въ каменный сѣноваль большого дома; жена слесаря пробиралась послѣ этого на заднее крыльцо дома и, попивая съ прислугою чай, вела неизмѣнный разсказъ о томъ, какъ она пробовала за-пирать мужа въ свой чуланъ, и какъ онъ „высадилъ дверь и почти новѣшенскія два бревна“. Само собою разумѣется, что все это мало способствовало укрѣпленію братской дружбы между владѣльцами и не веселило ни слесаря, ни почетнаго гражданина, — послѣдняго въ особенности. Илья Терентьевичъ „присматривался“ къ флигельку брата на всѣ лады и не стоялъ за цѣной, но жена слесаря — за это-то именно и не попадавшая въ домъ дальше задняго крыльца — имѣла свои соображенія. Съ чисто бабьимъ упорствомъ она держалась взгляда, что „деньги — вода, а домишко, какой онъ ни есть, все-таки — пристанище“. Выхода, казалось, не было; но связавшая братьевъ судьба послала имъ и развязку.

Въ одинъ суровый зимній вечеръ вучеръ почетнаго гражданина долго не дожился спать, поджидая по обыкновенію слесаря и поигрывая ключомъ отъ сѣновала. Слесарь не пришелъ. На утро нашли его мертвымъ въ сугробѣ, на берегу рѣки. Овдовѣвшая слесарша еще болѣе привязалась къ флигельку и, почувствовавъ появившійся вмѣстѣ съ печалью покой, стала хлопотливо заботиться о своемъ жилищѣ, какъ птица о гнѣздѣ... Но у слесаря оказались долги. Тамъ, въ свѣтлыхъ, уставленныхъ шкапами и столами, комнатахъ корпуса на базарной площади, зашеlestѣли бумаги, предметомъ которыхъ стали флигелекъ. Бумаги эти были, повидимому, такъ интересны, что нѣкоторые изъ нихъ привезъ во флигелекъ господинъ въ мундирѣ, съ цѣпью на шеѣ, и, бережно вынувъ ихъ изъ портфеля, передалъ слесаршѣ. Узнавъ, что дѣло идетъ о долгахъ мужа, слесарша только усмѣхнулась и, уперевъ палецъ по направленію къ землѣ, проговорила: — „Вонъ онъ гдѣ, вонъ; поди, взыскивай съ него!“ — Слесарша сама удивилась этому нежданно вырвавшемуся у нея отвѣту, и онъ показался ей такимъ простымъ и яснымъ средствомъ оканчивать претензіи на мертвыхъ должниковъ, что, оставшись одна, она еще нѣсколько разъ повторила: — „Поди, взыскивай съ него!“ — Господинъ продолжалъ привозить бумаги, но слесарша скоро свя-дась съ ними и стала складывать ихъ одну за другой въ ящикъ

кіота въ переднемъ углу. Послѣдняя изъ бумагъ, однако, встретила слесаршу: тамъ было написано, что флигелькъ будутъ продавать съ торговъ; другую такую же бумагу господинъ наклеилъ на ворота флигелька. Но слесарша была, что называется, бой-баба и приняла свои мѣры: выждавъ, когда вернется съ моста чиновникъ-рыболовъ, она прибѣгла къ его помощи. Въ тотъ же вечеръ были посланы прошенія во всѣ мѣста и ко всѣмъ лицамъ, о которыхъ могла только навести на мысль услужливая память, изощренная боязнью грядущей бѣды. Вспоминая потомъ дома, какъ жалостливо писалось въ этихъ прошеніяхъ о положеніи вдовъ и сиротъ, а въ одномъ: — „хвалимъ твоя щедроты, блажимъ твое заступленіе, кровь сохраняюще!“ — слесарша откинула послѣднія сомнѣнія въ успѣхъ дѣла и уснула самымъ блаженнымъ сномъ.

Не такъ велъ себя обитатель большого дома — Илья Терентьевичъ. Предоставивъ слесаршѣ уповать на прошенія, онъ развѣдывалъ въ судѣ о всѣхъ подробностяхъ торговъ и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, а почитавшая себя хозяйкою слесарина казалась ему смѣшною. Онъ не отходилъ у себя отъ окна, вглядываясь во флигелькъ, какъ уже въ свое добро. Привыкшая работать въ извѣстномъ направленіи мысль сводила въ головѣ Илья Терентьевича всѣ вопросы по поводу семьи слесаря и флигелька къ простому разсчету: — „Сколько сажень кухонныхъ дровъ можно будетъ выставить изъ флигелька, и почему онѣ обойдутся?“ — Садясь въ пролетку, чтобы ѣхать на торги, Илья Терентьевичъ еще разъ окинулъ опытнымъ взглядомъ флигелькъ и подумалъ: — „пятьсотъ рублей, за глаза!“ — По дорогѣ на торги, покачиваясь на пролеткѣ въ ладъ мягко опускавшимся рессорамъ, Илья Терентьевичъ думалъ и объ этихъ, удачно попавшихся рессорахъ, и о томъ, какъ онъ, Илья Терентьевичъ Парфеновъ, натѣшившись грошевыми надбавками покупателей, крикнетъ сразу: — „пятьсотъ рублей!“ — А если кто дальше погонитъ? — шевельнулась въ головѣ Илья Терентьевича предусмотрительная мысль. — „Дамъ тысячу — развязаться бы только!“ — рѣшилъ онъ. Илья Терентьевичъ любилъ, какъ древній римлянинъ, увеличивать если не число враговъ, то число обреченныхъ на трату рублей, и потомъ радовался остатку, какъ барышу. Подъ вліяніемъ хорошаго расположенія духа онъ прибавилъ въ тысячѣ еще сто рублей, которые дастъ послѣ „въ награду“ слесаршѣ, „чтобъ помнила“.

На торгахъ Ильѣ Терентьевичу довелось сидѣть около огромнаго человѣка съ кривымъ носомъ. По-сосѣдски они перекинулись нѣсколькими, достаточно впрочемъ осторожными, замѣча-

ніями относительно стоимости флигелька и его сомнительной прочности. Когда наступило время, Илья Терентьевичъ всталъ и крикнулъ:

— Пятьсотъ!

— Тысячу, — спокойно проговорилъ очутившійся около Ильи Терентьевича огромный человекъ. Неожидавшій этого Илья Терентьевичъ почувствовалъ, что полъ точно опускается подъ его ногами, и крикнулъ уже не своимъ голосомъ:

— Еще сто рублей!

— Три тысячи, — продолжалъ тихо, но отчетливо огромный человекъ.

Знакомый съ порядками торговъ, Илья Терентьевичъ таяственно потянулъ огромнаго человекъ за рукавъ сюртука, сознавая въ душѣ, какъ глупо запоздалъ съ этимъ испытаннымъ маневромъ, но огромный человекъ даже не оглянулся и безъ всякой уже надобности, какъ будто поклялся выдать свои деньги, надбавилъ еще пятьсотъ рублей. Молотокъ стукнулъ. Огромный человекъ подмигнулъ какъ-то особенно судебному приставу, перекинулся съ нимъ словами: — „долги... зачесть...“ и съ полнымъ добродушія лицомъ обратился къ Ильѣ Терентьевичу:

— Позвольте познакомиться... Совладѣлецъ вашъ, Искаріопуло. — И онъ сталъ горячо пожимать отысканную имъ одну изъ опустившихся рукъ Ильи Терентьевича.

На глазахъ Ильи Терентьевича стали совершаться неслыханныя вещи. Слесаршу съ дѣтьми и пожитками выселила полиція на пространство между флигелькомъ и параднымъ подъѣздомъ дома. Илья Терентьевичъ видѣлъ въ окно всѣ подробности этого выселенія, и сердце у него дрогнуло. Онъ простилъ слесаршѣ ея бывшее бабье упорство и приказалъ „пока что“ отвести для нея баню въ саду. На дворѣ явился землемѣръ и сталъ раскашивать, вытягивая свою цѣпь и вбивая колья. Илья Терентьевичъ выслалъ смѣтливаго приказчика для негласнаго наблюденія за землемѣромъ, а самъ притаился съ тою же цѣпью за полуотворенной ставней окна. Наблюденіе дало весьма неутѣшительные результаты: новый владѣлецъ собирался возвести заборъ на чертѣ купленной земли; черта эта, судя по набитымъ кольямъ, проходила почти около параднаго подъѣзда дома. Ильѣ Терентьевичу оставалось: или пробивать новый ходъ изъ дома на улицу, или похудѣть настолько, чтобы получить возможность пробираться впоследствии между подъѣздомъ и заборомъ.

Задача была не легкая. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ женой и съ приказчикомъ Илья Терентьевичъ рѣшилъ отвѣтаться во что бы то ни стало отъ новаго совладѣльца. Сообразно съ созданнымъ для этого планомъ Илья Терентьевичъ вышелъ въ одно утро за ворота своего дома и сталъ разглядывать извѣстный до послѣдняго кирпича бѣлый облупившійся домъ мучного лабазника на другой сторонѣ улицы. Занятіе это не могло длиться слишкомъ долго, и Илья Терентьевичъ, поднявъ глаза къ небу, сталъ слѣдить, куда дѣваются легкія весеннія тучки, бѣжавшія и таявшія въ голубой выси... Повончивъ и съ этимъ, онъ сталъ считать, сколько разъ взерошенный, бойкій воробей упадетъ съ забора къ своей самѣ, млѣвшей среди теплой пыли на протоптанной дорожкѣ... Занятіе это такъ увлекло Илью Терентьевича, что онъ и не замѣтилъ, какъ въ флигельку подкатила эгоистка Искаріопуло. Очнувшись, когда уже фырнула и звякнула удилами усталая шведа, Илья Терентьевичъ приподнялъ, насколько позволяла политика, свой картузь и склонилъ его въ сторону Искаріопуло.

— Наше почтеніе! — послѣшилъ тотъ отвѣтить на привѣтъ совладѣльца.

— Обстраиваетесь? — равнодушно замѣтилъ Илья Терентьевичъ, кивнувъ на флигелекъ.

— И не говорите! Не было печали — *черти* накачали... Извините, что такое слово сорвалось! — проворчалъ Искаріопуло, и торопливо перекрестилъ верхнюю пуговицу своей жакетки.

— Что такъ? — слегка повернулъ къ нему голову Илья Терентьевичъ.

— Да куда я съ нимъ дѣнусь? — И, растопыривъ руки, Искаріопуло ткнулъ на флигелекъ, чуть не доставъ до его крыши.

У Илья Терентьевича отлегло отъ сердца. Разочарованіе Искаріопуло въ покупкѣ показалось ему такимъ искреннимъ, что онъ прекратилъ дальнѣйшіе разговоры и мысленно рѣшилъ, что не дастъ теперь ему и пятацотъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи Илья Терентьевичъ сидѣлъ съ Искаріопуло за самоваромъ у себя въ саду. Кромѣ чаю, на столѣ была листовка изъ свѣжихъ смородинныхъ почечекъ и бутылка рому съ необыкновенно раззолоченнымъ ярлыкомъ. Помѣшивая ложечкой въ стаканѣ, Илья Терентьевичъ говорилъ важно:

— Кому къ рукамъ, такъ оно конечно; а ваше дѣло — заглазное...

— Теперь-то и я вижу,—печально согласился Искаріопуло. Потомъ онъ вздохнулъ и вмѣстѣ со вздохомъ, точно нечаянно, уронилъ слово:—Выручите!—Слово это не миновало ушей Ильи Терентьевича, но онъ остерегся и подумалъ, не послышалось ли ему, не прошумѣла ли это развѣсистая липа, подъ которой пили они чай, затрепетавъ подъ мягкимъ вѣтеркомъ молодыми нѣжными листьями. Илья Терентьевичъ посмотрѣлъ въ глаза Искаріопуло. Нѣтъ, это не липа шумѣла, не послышалось: и глаза, и вся фигура собесѣдника такъ и говорили:—выручите!—„Размякъ малый-то!“ подумалъ Илья Терентьевичъ не безъ удовольствія!

— Оно, конечно,—еще важнѣе заговорилъ онъ, откинувшись на спинку скамьи и забарабанивъ пальцами по столу.— Оно, конечно, мнѣ по эту или по ту сторону, все равно, надобно прихватить малость землицы...—Но тутъ онъ остановился: сказавъ—*по ту сторону*,—Илья Терентьевичъ имѣлъ въ виду только примыкавшій въ саду сосѣдскій огородъ, и спохватился, что выходящій на улицу стѣна обѣ стѣны домъ сосѣда наведеть, пожалуй, Искаріопуло на нежелательныя мысли. Но Искаріопуло былъ такъ обрадованъ, что весь засіялъ, и, поспѣшно поставивъ на столъ только-что прихлебнутый стаканъ съ пуншемъ, воскликнулъ:

— Батюшка, въ ножки поклонюсь!—И онъ, дѣйствительно, поклонился, согнувшись на скамейкѣ и коснувшись рукою земли.

— Какъ цѣна?—нѣхота протянулъ Илья Терентьевичъ.

— *Да что дажъ, то и возму...* Только расходы накинёмъ, конечно,—отъ всей души согласился Искаріопуло.

Отвѣтъ этотъ былъ такою же неожиданностью, какъ и поступокъ Искаріопуло на торгахъ. Илья Терентьевичъ старательно вытеръ платкомъ вспотѣвшее лицо и, собравшись во время этой операціи съ мыслями, сказалъ:

— Нѣтъ, это не пойдетъ.

Въ своемъ кругу, да и вообще въ городѣ, Илья Терентьевичъ извѣстенъ былъ за человѣка, который за парюю чаю можетъ, какъ говорится, обернуть кругомъ пальца всякое дѣло. Понадѣявшись на себя, Илья Терентьевичъ думалъ такъ же просто покончить и съ Искаріопуло. Но, какъ видно, коса нашла на камень. Проводивъ Искаріопуло, Илья Терентьевичъ долго стоялъ въ раздумьѣ и затѣмъ, какъ бы потерявъ вѣру въ неизбежность всякихъ основъ, всплеснулъ руками и проговорилъ:—Поди ты, птица какая проявилась!

Искаріопуло продолжалъ хозяйничать во флигельѣ, громоздя на *чертъ*, т.-е. у самыхъ дверей Ильи Терентьича, цѣлыя горы мусору. Съ Ильею Терентьичемъ онѣ дружески раскланивался, шутилъ съ нимъ и не переставалъ плакаться на флигелекъ. Въ одно утро Ильѣ Терентьичу прислали бумагу. Распластавъ ее на столѣ, Илья Терентьичъ долго водилъ по ней пальцемъ, слѣдя строчку за строчкой, и наконецъ кое-какъ понялъ, что причиною тутъ совладѣлецъ-Искаріопуло. Въ бумагѣ, между прочимъ, говорилось, что Илья Терентьичъ „не осматриваетъ каждый день ввечеру ни сараевъ, ни чердаковъ, ни другихъ мѣстъ, гдѣ могутъ укрываться на ночь злое или бѣглецы люди; мастеровые собираются у воротъ дома толпами; не имѣется наблюденія о дурномъ поведеніи живущихъ въ домѣ людей, а также свѣдѣній о намѣреющихся тайно выѣхать изъ города; на улицѣ, предъ домомъ, мальчишки играютъ въ бабки и пускаютъ бумажные змѣи, а въ домѣ имѣются явныя сношенія съ людьми, просящими подаванія и ходящими для скупки старыхъ вещей“. Послѣ нѣсколькихъ приступовъ Илья Терентьичъ освоился со смысломъ бумаги и почувствовалъ, что не то чтобы испугался, а отупѣлъ, и не знаетъ, какъ разобратся въ мысляхъ. *Злые и бѣглецы люди* пугали его; гдѣ надобно быть *мастеровымъ*, если не у воротъ, онъ рѣшительно не зналъ; *мальчишки, пускающие змѣи*, казались совсѣмъ не у мѣста въ бумагѣ; а *сношенія*—они бывали по субботамъ—*съ людьми, просящими подаванія*, Илья Терентьичъ даже считалъ такимъ спасительнымъ средствомъ отъ всякихъ напастей, что, прочитавъ еще разъ это мѣсто въ обвинительной бумагѣ, не могъ удержаться, чтобы не сказать мысленно Искаріопуло:— „ну, попалъ пальцемъ!“—Поразмысливъ, Илья Терентьичъ рѣшилъ о своемъ обвинителѣ:— „пустой человекъ!“—Онъ хотѣлъ даже высунуться въ окно и сказать это лично Искаріопуло, какъ разъ въ это время торчавшему у дверей флигелька, но одумался. Относясь къ бумагамъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ слесарша, Илья Терентьичъ не удовлетворился собственнымъ пониманіемъ прочитаннаго и, напившись чаю, поѣхалъ къ адвокату.

— Эвъ, нагородилъ!—засмѣялся и адвокатъ, прочтя бумагу.

— Пустой человекъ!—подакнулъ Илья Терентьичъ.

На всякій случай адвокатъ сталъ рыться въ законахъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ принялъ серьезный видъ и задумался надъ однимъ томомъ. Потомъ онъ уставился на Илью Терентьича и оффиціальнымъ тономъ, печально усмѣхаясь по временамъ, началъ давать ему консультацію, вонецъ которой былъ таковъ:

— Да-съ, исполнять надо: есть въ законахъ, налагается отвѣтственность...

— А касательно милостыню просящихъ?—выговорилъ озадаченный Илья Терентьичъ.

— Нельзя, будетъ противозаконно!—И адвокатъ безнадежно развелъ руками. Не желая, однако, оставить кліента безъ утѣшенія, онъ сталъ втолковывать Ильѣ Терентьичу что-то изъ области обычнаго права.

— Кто же онъ таковой?—думая совершенно о другомъ, спросилъ Илья Терентьичъ.

— Кто это?

— Да мой совладѣтель-то?

— Грекъ, Искаріопуло... А что?

— Стало быть, ему извѣстно...—Илья Терентьичъ не вончилъ своей мысли. Онъ потерялъ вѣру даже и въ адвоката, и вернулся домой въ какомъ-то угарѣ.

Это была третья, постигая Илью Терентьича, неожиданность въ погонѣ его за покушкой. Такъ находчивый прежде на всякіе извороты, онъ чувствовалъ теперь, что становится дуракъ-дуракомъ: точно въ какую-то стѣну уперся онъ и не видитъ ни свѣту, ни возможности пробить ее. Пуще всего туманило ему голову слово: *грекъ*; оно кутало фигуру Искаріопуло въ мистическую таинственность и наводило трепеть.—„Испытаніе посылается тебѣ!“—говорилъ самъ съ собою Илья Терентьичъ, и въ его головѣ начинали мелькать совсѣмъ безсвязныя мысли.—„Аллилуйа—слово *греческое*,—думалось ему,—хвалу означаетъ, какъ объяснялъ батюшка:—Максимъ *грекъ*“... Вспоминалось еще, что евангеліе читають постомъ *по-гречески*, есть иконы *греческаго* писанія.—„Ничего!—свѣтлѣло вдругъ въ головѣ:—на деньги идетъ, такъ бѣда еще не велика!“—но потомъ опять одолевала мрачность. Илья Терентьичъ взглядывалъ на флигелекъ и принимался снова разлагать его на кубики дровъ.—„Вѣдь вотъ и всего-то!—вырывалось у него послѣ переложенія кубиковъ на деньги:—и вмѣсто того этакую уйму отваливай!“—Флигелекъ сталъ ненавистенъ ему, въ домѣ показалось душно, тѣсно и ни на что не хотѣлось глядѣть. Илья Терентьичъ схватилъ картузь и выбѣжалъ изъ дому.

Стоявшій за воротами кучеръ по походкѣ сообразилъ, въ какомъ расположеніи духа находится Илья Терентьичъ, и прижался къ столбу калитки такъ плотно, что, какъ говорится, не отскоблишь.—„Въ трактиръ закатился!“—заклучилъ онъ, проводивъ хозяина глазами. Поспѣшно отыскавъ приказчика, кучеръ обсу-

диль съ нимъ этотъ случай, и они распредѣлили, какъ провести имъ время.

Послѣдовавшее затѣмъ свиданіе совладѣльцевъ состоялось уже въ кабинетѣ Илья Терентьича. Онъ и Искаріопуло сошлись какъ два богатыря на рубежѣ старой и новой жизни,—одинъ, представитель старой, другой—новой жизни. Смирившійся богатырь стараго времени, Илья Терентьичъ, сказалъ: „честь и мѣсто“.—Искаріопуло съѣлъ изъ деликатности не сразу, а повертѣлъ сначала стулъ въ своей огромной рубѣ, какъ игрушку, и потомъ уже осторожно опустился на него. Когда къ прежней цѣнѣ Искаріопуло началъ привидывать всякіе проторы и убытки, Илья Терентьичъ только спросилъ: „сколько?“—и тутъ же положилъ на счеты требуемук, довольно крупную цифру. Отсчитавъ деньги, Илья Терентьичъ не только не разсердился, но угостилъ Искаріопуло мадерой и почтительно спросилъ:

— Адвокатъ будете?

— Нѣтъ-съ!—отвѣтилъ Искаріопуло и стыдливо отмахнулся, какъ бы говоря: „куда намъ!“

— А ежели совѣтъ когда?

— Можно, съ удовольствіемъ.

— Не оставьте.

Они разстались друзьями.

Мало-по-малу профессія Искаріопуло — если только слово: „профессія“, тутъ у мѣста—стала выясняться: онъ былъ невиданный еще въ городѣ, новый типъ работника надъ чужою чашкой съ кашею, и влячка „съ боку припѣва“ приходилась ему какъ нельзя больше по шерсти. Стоило только показаться соринкѣ въ чужомъ дѣлѣ, и Искаріопуло сейчасъ же примазывался на самомъ законномъ основаніи: помимо занятія „совладѣльчествомъ“, онъ не упускалъ случая вмѣшаться въ чужую распря, въ разводъ мужа съ женой, въ пошатнувшееся коммерческое дѣло, снималъ у крестьянъ за нѣсколько ведеръ водки „нѣдра“ земли и проектировалъ миллионныя компаніи для разработки въ этихъ нѣдрахъ антраци та, соляныхъ пластовъ и всякихъ металловъ и минераловъ; онъ измыслилъ даже артель городскихъ посыльныхъ и сталъ продавать въ ней мѣста, а наряду съ этимъ поговаривалъ о проектѣ какого-то всеобъемлющаго банка, подписывая охотниковъ съ капиталами; онъ сѣумѣлъ даже, въ дѣлѣ благотворительности и опеканія сиротъ отыскать что-то

въ родѣ синекуры. Искаріопуло росъ день за днемъ и нагуливалъ себя самую благоприличную внѣшность, и только описанный выше изъяснъ носа служилъ—для желающихъ вдумываться—руководительной мѣткой и приурочивалъ къ ней пониманіе.

Прошедшее Искаріопуло оставалось по прежнему темнымъ; самъ онъ производилъ себя чуть ли не отъ греческихъ царей: другіе считали его сыномъ кухмистра изъ Нѣжина и говорили, что завезъ его въ уѣздъ какой-то становой приставъ въ качествѣ своего письмоводителя; припоминали время, когда Искаріопуло, неспособный ни въ какому труду и только обуреваемый добуками своего тучнаго тѣла, доходилъ въ жизненной игрѣ до того положенія, въ которомъ азартные люди восклицаютъ: „не съ чего, такъ съ бубенъ!“—и получаютъ туза этой масти. Но все это были только слухи, провѣрять которые никто не пытался, а самъ Искаріопуло мало обращалъ вниманія на нихъ: ему было, повидимому, ни до происхожденія, ни до отечества, и онъ весь уходилъ въ свое нелегкое дѣло.

Начало благополучію Искаріопуло положила желѣзная дорога: она раскинула станцію на снятой имъ, прилежавшей къ городу, крестьянской землѣ; около станціи стали выростать трактиры и кабаки... Искаріопуло почувалъ свою силу и въѣхалъ въ городъ на собственной шведкѣ; на всякій случай онъ заговорилъ о греческихъ царяхъ, но этимъ мало интересовались и не стали спрашивать его дальше. Всѣ проникнуты были „дѣятельностью“; применилъ къ ней и Искаріопуло. Онъ прислушался и узналъ, что древняя манера творить рискованныя беззаконія совсѣмъ вышла изъ моды, а исполнять законъ стало и выгодноѣе, и спокойнѣе. Неработавшая никогда мысль теперь проснулась въ Искаріопуло; въ головѣ у него создалось цѣлое міросозерпаніе, въ основу котораго легла формула вышѣвшей кругомъ жизни: *„на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“*.—Люди стали представляться Искаріопуло дремлющими карасями, а законъ—щучкою; Искаріопуло утвердился на сторонѣ закона и сталъ дѣйствовать, не позволяя дремать никому... Для этого требовался, конечно, природный даръ, необходима была выдержка, храбрость, граничащая съ правомъ на Георгія... Въ какой степени обладалъ всѣмъ этимъ Искаріопуло, мы уже видѣли.

Отношенія городской интеллигенціи къ Искаріопуло были, такъ сказать, смѣшаннаго характера. Знакомство вели съ нимъ всѣ; завидовали ему многіе; критически относились къ его дѣятельности только нѣкоторые, но и тѣ держались различныхъ мнѣній:— „Чего вы хотите отъ человѣка?—говорилъ одинъ:—ведеть

себя онъ прилично и поступаетъ легально во всемъ...“ — „И добросовѣстно?“ — перебивалъ другой. — „Недобросовѣстность въ гражданскихъ отношеніяхъ никогда не предполагается, а всегда доказывается спеціально!“ — вставлялъ свое слово юристъ. Если невзначай слышалъ эти разговоры самъ Искаріопуло, то, дѣлая видъ, что это относится вовсе не къ нему, онъ обнималъ говорившихъ всѣхъ трехъ разомъ и спрашивалъ:

— Когда объявляютъ *два безъ козырей*, сколько тузовъ должны имѣть на рукахъ?

Всѣ трое сгѣшшили отвѣтить.

II.

Капраль.

Кто поставилъ въ капралы Феопемпта Гаврилыча Пряхина было рѣшительно неизвѣстно. Не подлежало только сомнѣнію, что онъ — капраль, и что въ рукахъ у него палка. Капральствовавалъ Пряхинъ среди гласныхъ городской думы, прозваніе „капраль“ получилъ отъ своихъ сотоварищей — гласныхъ (русскій человѣкъ непрочъ подсмѣяться надъ своей же собственной прорухой, вмѣсто того, чтобы страхнуть ее съ шеи) и начало его капральства связывалось съ періодомъ тѣхъ порядковъ въ городскомъ самоуправленіи, достоинство которыхъ лучше всего выражается въ поговоркѣ: „кто палку взялъ, тотъ и капраль“.

Въ нашемъ городѣ появился Пряхинъ, какъ и многіе во время нахлынувшей новизны: неизвѣстно откуда и зачѣмъ; показался онъ на улицахъ (дѣло было лѣтомъ) въ черномъ сюртукѣ и съ Станиславомъ на шеѣ, причѣмъ орденская лента была такъ умѣло прилажена, что стоило такъ или иначе застегнуть сюртукъ — и являлся человѣкъ или чтущій; или отвергающій награды... Сдѣлавъ потребные визиты, Пряхинъ остался доволенъ знакомствами и поселился на жительство въ городѣ. Онъ купилъ у наслѣдниковъ виннаго пристава пустырь съ одиноко торчавшимъ на немъ флигелемъ, заложилъ это пріобрѣтеніе въ городскомъ банкѣ и посвятилъ себя общественной дѣятельности.

Пряхинъ былъ вдовъ и одиноковъ, видъ имѣлъ представительный. Высокій ростомъ, жилистый и волосатый — какъ орангутангъ, только сѣдой въ отличіе отъ него — Пряхинъ выступалъ большими шагами, говорилъ съ удареніемъ на о, имѣлъ низкій лобъ, безпокойные маленькіе глаза, какъ бы спрятавшіеся въ

глубокія орбиты подъ защиту массивныхъ золотыхъ очковъ, и всею наружностью напоминалъ безвинно потергѣвшаго отставного частнаго пристава—есть такія фигуры: съ отпечаткомъ притихшаго своеволия, односторонней пронизательности и вснышками легкой конфузливости при разговорѣ о ихъ прошломъ. На самомъ дѣлѣ это сходство было обманчивое: все служебное поприще Пряхина прошло въ трудахъ по комисариатской части, и по его словамъ онъ оставилъ эту службу въ виду того, что „въ общественной организаціи назрѣли новыя функціи, требующія притока силъ“... (Пряхинъ любилъ выражаться по ученому и даже былъ отчасти ученый, какъ мы увидимъ дальше). Нѣкоторые гласные несовсѣмъ вѣрили такой самоотверженности Пряхина и говорили: „хитръ что-то: надо полагать,—теперь и въ комисариатѣ-то тоже дѣла требуютъ“... Характера Пряхинъ былъ скрытнаго, и изъ всѣхъ его качествъ уѣздная пронизательность могла подмѣтить только обидчивость „не по чину“—такъ выразился городской голова,—мелочную придирчивость и способность насолить исподтишка чловѣку даже за то, что онъ забылъ ему поклониться. Въ остальномъ Пряхинъ велъ себя чисто какъ Меттернихъ—былъ уклончивъ, льстивъ и вѣчно съ какою-то хитростью на умѣ. Также трудно было понять, полезенъ ли онъ, какъ гласный: одни говорили, что Пряхинъ лѣнивъ, лукавъ и ничего не смыслить, а если ходить въ думскія засѣданія, то потому, что тамъ, по его же предложенію, завели обычай подавать на городской счетъ поросенка подъ хрѣномъ для утомившихся гласныхъ; другіе, напротивъ, утверждали, что „не будь Пряхина—и дѣламъ конецъ!“

Бросить нѣкоторый свѣтъ на личность Пряхина могутъ случившіеся съ нимъ такъ-называемые „инциденты“, и мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Однажды, при обсужденіи требованія исправника о вывозѣ отбросовъ за городъ, Пряхинъ выказалъ крайне-либеральный образъ мыслей и даже вторгся въ область внутренней политики. Сказавъ пространную рѣчь, онъ предложилъ отказать исправнику въ его требованіи, а сосѣду замѣтилъ:—„Чтожь! пусть говорятъ, что я—красный!“

— Какой вы *красный*,—возразилъ ему сосѣдъ:—вы просто *пгій*... а у исправника васъ обнесли за обѣдомъ по нечаянности.

— Въ данный моментъ я—красный-съ!—отвѣтилъ Пряхинъ, свернувъ глазами:—а мѣнялъ свои воззрѣнія даже и Аполлинарій Сидоній... По вашему и онъ—пгій? и его обнесли?

Отвѣтъ этотъ окончательно сразилъ противника, а между тѣмъ вопросъ переданъ былъ въ комиссію.

Этику ставилъ Прахинъ высоко, и особенно ту часть ея, въ которой трактуется объ *удовольствіи чувствъ*... и умѣлъ найти случай поговорить о нравственныхъ принципахъ даже по поводу запыры рѣки, искусно воспользовавшись при этомъ позы обывательницъ, принужденныхъ мыть бѣлье на низкихъ и неудобныхъ мосткахъ... Тѣмъ охотнѣе на именинахъ у городского головы Прахинъ воспользовался случаемъ поговорить на тему о возвышеніи уровня нравственности путемъ поощренія женскаго труда. Во время самаго разгара этихъ разсужденій членъ управы ударилъ Прахина по плечу и, подмигнувъ обуржуазившимъ, сказалъ:

— Это ужъ ты своихъ вухаровъ за труды-то въ бусы ряди, а мы нашихъ барышенъ писарьками къ тебѣ въ комиссію не пустимъ!

По увѣренію всѣхъ, Прахинъ не слышалъ этихъ словъ, а потому и неизвѣстно, какъ бы отвѣтилъ онъ члену управы.

Въ одномъ изъ собраній, во время преній по училищному вопросу, Прахинъ особенно часто придирался къ появлявшимся на трибунѣ гласнымъ и сбивалъ ихъ съ толку. Самый мирный изъ гласныхъ—гнѣвнѣйшее все время потащъ въ дѣсу—случился на этотъ разъ въ городѣ и попалъ въ думу. Его пригласили говорить. Уставивъ глаза въ уголь, гласный сталъ излагать свои удивительныя наблюденія, примѣнительно къ желательности распространенія грамотности.

— Взгляды... ваши взгляды прежде всего! — крикнулъ ему Прахинъ. — Гласный пересталъ смотрѣть въ уголь, но не зная, куда дѣвать въ такомъ случаѣ глаза, сконфузился и спросилъ:

— То-есть какъ же это: взгляды?

— Вопросъ долженъ быть обсуждаемъ въ соотвѣтствіи со взглядами, выраженными въ циркулярѣ за № 15379. Поэтому: взгляды ваши на желательный характеръ шкѣль... какіе взгляды проводите вы?

Гласный сразу былъ выбитъ изъ сѣдла: онъ ни о какихъ взглядахъ не думалъ и циркуляровъ никогда не читалъ. Внутри у него все поднялось, и отъ конфуза онъ перешелъ къ состоянію овлѣбленности.

— Взгляды?—переспросилъ онъ.

— Да-съ: какіе взгляды?

Гласный пристально посмотрѣлъ въ глаза Пряхину и отвѣтилъ:

— Глухие и въ очкахъ!—Послѣ этого онъ, пыхтя, вышелъ изъ собранія.

Пряхинъ поправилъ очки и обратился къ гласнымъ:

— Я полагаю, господа, что настоящій инцидентъ не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, которые... въ которыхъ... за которыми признавался бы служебный характеръ?

— Нѣтъ! Не можетъ!—зашумѣли гласные.

Не безынтересенъ вопросъ: какимъ образомъ могъ капральствовать Пряхинъ, будучи такимъ же гласнымъ, какъ и всѣ его сотоварищи? Вопросъ этотъ прежде всего занималъ самихъ гласныхъ и порою наводилъ на нихъ унылое недоумѣніе; но разрѣшенія вопросу они не находили.

Кто-то сказалъ о русскомъ дѣятелѣ, что у него неизмѣнно проявляются три главные особенности: *вспыхнуть, наладить и... угаснуть*; постоянства, первыхъ шаговъ въ дѣлѣ, затѣмъ развитія и совершенствованія не ищите у него. Онъ все отдастъ сразу— бурно и неистово, и затѣмъ, именно, угаснетъ. Изъ такого сорта дѣятелей подобрались и гласные нашего городка. Первое время по введеніи городского самоуправленія они почти жили въ думѣ; самый большой домъ въ городѣ, гдѣ дума помѣстилась, оказывался малъ для ихъ собраній; они наплодили, каждый по своей части, столько проектовъ и предначертаній, что для исполненія ихъ требовалось удвоить штатъ управы; единогласно были одобрены смѣта и планъ постройки собственнаго зданія думы, въ самой внѣшности котораго должна была выражаться идея великой реформы... Вспышка была блестящая. Прошелъ годъ, и порывы угасли, зала думскихъ собраній стала пустовать, городской голова, торговавшій мукой, освободилъ отъ работъ на мельницѣ самаго выносливаго мерина и назначилъ его снова въ дни засѣданій по городу, специально для сбора гласныхъ... Среди дѣятелей выдался тогда Пряхинъ, онъ могъ чадить постоянно. Пряхинъ не пропускалъ ни одного собранія, выучивалъ наизусть всѣ относившіеся къ самоуправленію циркуляры и готовъ былъ говорить неустанно.

Гласные почувствовали, что надъ ними тяготѣть какой-то кошмаръ, вмѣсто живого самоуправленія создается душная приказная изба. Вспыхивать они не могли больше, и мало-по-малу,

сами не зная какъ, подпали подъ вліяніе Пряхина. Въ дуплѣ они злобились на него и, срывая эту злобу, прозвали его: „капраль“.

Попавши на хорошую почву, капральство Пряхина разрослось и обняло собою всю систему городского самоуправленія.

Какъ общественный дѣятель, Пряхинъ обладалъ и необходимымъ на его мѣстѣ даромъ краснорѣчія. Но изъ всѣхъ качествъ этого древняго искусства у Пряхина особенно развились только два: говорить долго и на всякую тему. Помимо необходимости упражняться въ этомъ искусствѣ въ качествѣ гласнаго, Пряхинъ вообще любилъ ораторствовать, и ревниво подстерегалъ каждый малѣйшій случай выступить на трибуну. Какъ бы справедливо ни досталась гласному очередь говорить, Пряхинъ всегда считалъ себя обойденнымъ и съ первыхъ же словъ гласнаго приготовлялся уже смѣнить его. Порываясь при этомъ впередъ, Пряхинъ сидѣлъ все время будто на воздухѣ; уловивъ подходящую минуту, онъ перебивалъ гласнаго, потомъ сбивалъ его съ толку и въ концѣ концовъ становился самъ на трибуну. Бывавшіе при этомъ „инциденты“, подобные приведенному выше, не смущали Пряхина и даже помогали ему, отбивая у застѣнчивыхъ гласныхъ охоту пускаться въ ораторство.

Долговременная служба въ комисариатѣ дала Пряхину нѣкоторыя практическія свѣденія. Мыслить отвлеченно Пряхинъ научился изъ старинныхъ книгъ, и въ его философскихъ взглядахъ глубина сходилась съ темнотою такъ близко, что неизвѣстно было, которую изъ нихъ слѣдуетъ принимать за основаніе. Пряхинъ считалъ это, повидимому, безразличнымъ и заботился только, чтобы не пропустить чего-нибудь въ составѣ рѣчи, отъ приступа до заключенія, причемъ особенно упиралъ на патетическую часть. А такъ какъ предметы рѣчи нарождались часто тутъ же, совсѣмъ неожиданно, и бывали изъ категоріи такихъ, о которыхъ Пряхинъ не могъ составить себѣ отчетливаго представленія, то темнота и въ рѣчи являлась уже сама собою. При этомъ, во время „приступа“ Пряхина, изъ рядовъ гласныхъ обыкновенно слышалось: „ну, завели машину!“ и скамьи начинали пустѣть. Во время „заключенія“, когда Пряхинъ уже охрипшимъ голосомъ говорилъ: „итако, товарищи и сослуживцы, изъ этого явствуетъ“... какой-нибудь гласный изъ кучки терпѣливыхъ, успѣвшій однако сбѣгать раза два-три въ буфетъ, обращался къ Пряхину съ дружески-нѣжнымъ увѣщаніемъ: „да будетъ вамъ, Θεопень Гаврилычъ!“ Съ теченіемъ времени Пряхинъ убѣдился, что истомленные, та-

вѣмъ образомъ гласные, вмѣсто баллотировки вопроса, суеютъ шары куда ни попало, и обратился къ другой системѣ: наговорившись до-сыта, онъ предлагалъ *передать вопросъ въ комиссію*. Это понравилось гласнымъ. Часто, не разбирая даже въ чемъ состоитъ вопросъ, они стали кричать: „въ комиссію! въ комиссію!“ и почувствовали, что такъ дѣло идетъ и легче, и успѣшнѣе. Пряхину только этого и надобно было: кромѣ него не было охотниковъ боритъ въ комиссіи, и его всегда избирали въ председатели.

Это время капральства Пряхина, самое легкое на первый взглядъ, оказалось въ существѣ своемъ самымъ тягостнымъ для города. Пряхинъ подобралъ себѣ въ сотрудники изъ числа бессловесныхъ гласныхъ нѣсколько человекъ, простыхъ до того, что ихъ никакъ нельзя было научить класть шары не *правой* или *левой* рукой, а *направо* или *налево*, и, перетаскивъ вопросъ изъ думы въ комиссію, дѣлалъ съ нимъ тамъ что хотѣлъ. Определеннаго міросозерцанія Пряхинъ не имѣлъ и черпалъ свои „воззрѣнія“, какъ выражался онъ, единственно изъ циркуляровъ, нерѣдко разнорѣчивыхъ и не совсѣмъ определенныхъ. Куда дулъ этотъ циркулярный вѣтеръ, туда склонялся и Пряхинъ. Главное для него было, председательствовать и плодить переписку въ комиссіи, пока тянутся вытребованныя на расходъ городскія деньги. Засѣвъ въ комиссіи, Пряхинъ опутывалъ все кругомъ точно паутиной: изъ вопроса рождался вопросъ; писались и печатались на городской счетъ цѣлые философскіе трактаты, со ссылками на древнихъ мегариковъ и даже на Брюсовъ календарь (единственный критикъ въ городѣ, соборный дьяконъ, стоявшій за три слога: высокій, низкій и средній, относилъ слогъ Пряхина почти къ высокому); писцы просиживали ночи надъ бумагами (говорили, что по вопросу объ отпускѣ въ больницу мясного экстракта Пряхинъ вошелъ въ переписку съ самимъ Либихомъ). Съ окончаніемъ расходныхъ суммъ ованчивалось и усердіе Пряхина. Онъ учреждалъ новую комиссію, иногда разомъ двѣ-три, а прежнюю „засыпалъ“, по выраженію гласныхъ, какъ безопасныя няньки до смерти *засыпаютъ* дѣтей: томы переписки и трактатовъ по вопросу о водопроводѣ или замощеніи улицъ поступали въ думу, съ мудрымъ рѣшеніемъ комиссіи: „предоставить управѣ изыскать способъ“ ...

Сосредоточивая въ своихъ комиссіяхъ всѣ насущные городскіе вопросы, Пряхинъ добился того, что трактирщики, лавочники и даже торговки на площади стали полагать себя въ зависимости не отъ какихъ-либо функцій народившагося самоуправленія, а лично

отъ него, Пряхина. Изжившіе свой вѣкъ и прежде при подобныхъ же порядкахъ, обыватели не удивились возвращенію ихъ и стали ходить поздравлять Пряхина съ праздниками. Пряхинъ достигъ вершины своего могущества: въ думѣ никто, кромѣ него, и не заикался говорить; городскіе подрачкики обстроили его пустырь; самъ онъ сталъ ѣздить на собственныхъ дрожжахъ, а поздравленія съ праздниками обратилъ для прикосновенныхъ въ думѣ обывателей въ обязанность; соблюдавшимъ это Пряхинъ дѣлалъ снисхожденіе, а пренебрегшимъ или забывшимъ поздравить его „солилъ“ по своему обыкновенію исподтишка...

На всѣхъ торжествахъ, куда могъ только притенуться делегатъ отъ города, Пряхинъ не упускалъ случая выступить со спичемъ, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ, то пряча то выпуская Станислава, и увѣрялъ, что „плодотворное зерно самоуправления, принявшись на утучненной стараніями почвѣ, даетъ плодъ, достойный великой націи“... Спичи Пряхина печатались даже въ губернскихъ вѣдомостяхъ, и это придавало ему важности. Разбирать, правъ ли былъ въ своихъ спичахъ Пряхинъ вообще, не входитъ въ нашу задачу, но, примѣнительно къ городку, слова его совсѣмъ не походили на то, что принято называть правдой. Пряхинскія комиссіи затормазили ходъ всякихъ городскихъ дѣлъ; налоги выросли до невозможныхъ размѣровъ; управа была завалена перепискою; „авансы“, „передержки“, „недоимки“ — только и слышалось въ бухгалтеріи; даже въ думскомъ воздухѣ витало что-то ненастоящее, ненадежное... Гласные чувствовали, что дѣло неладно, и каждый отдѣльно стремился положить конецъ и управской путаницѣ, и Пряхинскому своеволю; но какъ только сходились вмѣстѣ, то начинали споръ, перебранку и не могли столковаться ни въ чемъ. Кризисъ наступилъ: къ городу стали предъявляться взысканія даже у мирового судьи; управскіе чиновники перестали получать жалованье; бакалейщикъ — самъ гласный и ревностный сторонникъ самоуправления — не хотѣлъ отпущать управѣ керосинъ и свѣчи въ долгъ.

Гласные вспыхнули еще разъ и собрались въ думу въ полномъ составѣ. Несмотря на увѣренія Пряхинымъ, что „временныя затрудненія неразлучны съ каждымъ хозяйствомъ, а тѣмъ болѣе съ молодымъ и обширнымъ — городскимъ“, было постановлено образовать *ревизионную комиссію*. Началась баллотировка въ председатели... Выбраннымъ оказался Пряхинъ. Гласные удивились и, недовольные, повалили вонъ изъ думы.

- Заспать капраль!—безнадежно махаль одинъ рукою.
 — А вы зачѣмъ потворствовали ему? не знали, что заспать?—
 выскивался обвинитель.
 — Я...—опускаль голову обвиняемый.—А вы зачѣмъ?
 — Я...—и обвинитель сердито трепаль свою шубу, не по-
 падая въ рукавъ.

Надъ городомъ точно мрачная туча нависла. Всѣ знали, что Пряхину ничего не стоитъ заспать и ревизионную комиссію. Онъ уже усѣлся въ ней и распустиль свою обычную паутину. Стали носиться тревожные слухи, что за управскіе долги будутъ описывать дома у гласныхъ. Недалека была минута самаго горькаго отчаянія. Но вдругъ изъ Пряхинской комиссіи освѣтило всѣхъ точно молніей во тьмѣ, и какъ громъ, разрѣшающій тѣгостное затишье, пронеслось оттуда: „городской заемъ!“...

III.

Оглашенный.

Когда бывало гулянье на Дворянской улицѣ, то гуляющіе, поровнявшись съ однимъ изъ домовъ, привѣтливо кланялись. Заѣзжему человѣку трудно было понять, кому назначаются эти поклоны, но коренные жители знали, что у одного изъ оконъ дома сидятъ за филейными занавѣсками хозяйка и, въ свою очередь, привѣтствуютъ гуляющихъ.

Домъ былъ старій, одноэтажный, привезимый и опрятный, обитый тесомъ, едва хранившимъ слѣды давней бурой окраски; стояль онъ въ глушинѣ, отдѣленный отъ улицы палисадникомъ, въ углахъ котораго высились огромныя душистыя липы и стройныя клены, раскинувшіе далеко на улицу шатры своихъ легкихъ вѣтвей съ прозрачными листьями. Въ домѣ шла такая же, какъ и онъ, стародавняя, тихая патриархальная жизнь; въ комнатахъ было свѣтло, уютно и нигдѣ ни пылинки; на дворѣ зеленѣль сплошной коверъ густо засѣвшей муравы, и гуляли куры—веселыя, ручныя, въ мохнатыхъ чепцахъ и панталонахъ раструбомъ. Тутъ жили двѣ сестры—старыя дѣвицы: Ирина и Федосья Трофимовны Хрущовы, извѣстныя въ городѣ подъ именемъ „городническихъ барышень“. Каждый день, послѣ утренняго чаю, барышни садились у одного изъ оконъ и, склонившись надъ пальцами, усердно вышивали какою-нибудь несвѣнчаемымъ коврикомъ или экранъ, добро-

душно препираясь, какая шерсть лучше подходит для тѣни на узорѣ; въ часы гулянья на Дворянской улицѣ барышни раскладывались изъ-за филейныхъ занавѣсокъ съ знакомыми и вели насчетъ ихъ—всегда впрочемъ доброжелательные—разговоры. Сами барышни не выѣзжали никуда и у себя, кромѣ исключительныхъ случаевъ, приѣмовъ не дѣлали.

Маіоръ Трофимъ Петровичъ Хрущовъ воевалъ въ 1855 г. съ турками и—по его словамъ—очень бранилъ ихъ, когда въ лагерѣ вынимали ему турецкую пулю изъ ноги, но потомъ „замирился“ съ ними. Разказы свои о встрѣчахъ съ турками Хрущовъ заканчивалъ всегда такъ: „иначе, какъ съ истинно-достойной стороны, не аттестую этотъ народъ, да-съ!“ Въ городѣ пріѣхалъ маіоръ Хрущовъ вдовымъ, съ двумя дочерьми, получивъ въ немъ постъ городничаго, на которомъ и окончилъ свои дни. Собою былъ Хрущовъ небольшого роста плотный брюнетъ, съ гладко-остриженной круглой головой и точно лакированнымъ мѣдно-краснымъ лицомъ; въ этому надобно прибавить: бойкіе каріе глаза, носъ „щуговицей“, щетинистые усы надъ крупными красными губами — и портретъ будетъ готовъ. Знакомые звали его: „маіоръ *отъ воротъ*“ (въ крѣпостяхъ должность помощника коменданта, наблюдающаго за входомъ и выходомъ людей изъ воротъ, въ которой, надо замѣтить, Хрущовъ никогда не служилъ), и сколько бы разъ въ день ни сказали это Хрущову, онъ всегда отвѣчалъ: „эхъ, не попались тогда вы: ужъ не выпустилъ бы!“ Обыватели называли между собою городничаго просто: „Хрущъ“ — на котораго онъ, по правдѣ сказать, былъ очень похожъ съ виду. Вернувшись съ войны, по обычаю того времени, съ деньжонками (нынче, надо полагать, не бываетъ ужъ этого) и получивъ должность городничаго, маіоръ Хрущовъ расположился въ городѣ какъ въ собственномъ помѣстьѣ. Онъ купилъ домъ, привелъ его въ состояніе „полной чаши“, приобрѣлъ крѣпостную дворню и зажилъ. Какъ жили въ тѣ времена, да особенно городничіе, — нечего рассказывать. Справедливость требуетъ упомянуть только объ одномъ обстоятельстве: совмѣщая въ себѣ все, чтѣ должна была совмѣщать природа гордничаго, Хрущовъ не осложнилъ дѣла наносными качествами и умеръ, не оставивъ по себѣ дурной памяти.

Дочери городничаго—когда поселился онъ въ своемъ городѣ—были уже взрослыя барышни. Собою онѣ были довольно недурны: блондинки, съ мягкими волнистыми волосами, съ овальными томными лицами, не знавшими загара, и съ задумчивыми голубыми глазами. Онѣ очень походили другъ на дружку, только старшая—Фешенька—была нѣсколько сутуловата, а младшая—Аришенька—слишкомъ

пряма. Онѣ жили между собою душа въ душу, одѣвались одинаково, въ гостяхъ и дома были всегда неразлучны и говорили другъ дружкѣ: „вы“. Мать умерла у нихъ рано, онѣ почти не помнили ее и выросли одиноко среди шума и тревогъ походной полковой жизни николаевскихъ временъ. Хрущовъ былъ служака-пѣхотинецъ и мало думалъ о своихъ дѣтяхъ Дѣвочки свыклись съ этимъ: онѣ разучились чувствовать и скуку, и одиночество, могли веселиться у полковой командирши, или сидѣть по цѣлымъ днямъ, запертыя на замокъ въ пустой, неубранной квартирѣ отца. Скитаясь за полкомъ, онѣ любили, прижавшись въ уголь фургона, слѣдить, какъ мелькаютъ по сторонамъ пыльные придорожные кусты, изгибаются медленно и отходятъ за фургонъ выжженные солнцемъ полосатыя поля; любили смотрѣть, какъ мѣбеть прозрачный золотистый воздухъ и синѣть неподвижная даль, а къ ней тянется по дорогѣ и мѣрно волышется что-то сѣрое, извиваясь далеко, далеко, какъ змѣя, и вздымая надъ собой свѣтлыя иглы съ нависшими на нихъ облаками пыли...

Съ переѣздомъ на мѣсто жизнь барышень не сдѣлалась веселѣе. Вдовый городничій любилъ пожить; на его половинѣ въ домѣ хлопали пробки донского и лиссабонскаго, шелъ картежъ, звенѣла гитара разгульнаго помѣщика, пріѣхавшаго за покупками и застраиваго въ городѣ, а не то и цѣлый вѣрбостной хороводъ отплясывалъ русскую. Барышни по прежнему были одиноки. Онѣ занялись хозяйствомъ и устроили въ отведенной имъ половинѣ свою собственную отшельническую жизнь. Онѣ не вдалились ни въ аскетизмъ, ни въ монашество, но, склонныя съ дѣтства къ мечтательности, ушли отъ дѣйствительности въ мѣръ романтики и идеализировали свою безвременную могилу. Майоръ Хрущовъ былъ рационалистъ своего времени и не сомнѣвался, что сумѣетъ устроить судьбу дочерей; но онъ числилъ свой родъ въ „бархатной“ книгѣ, сообразно съ чѣмъ старался имѣть и кругъ знакомства. Встрѣчавшіеся въ этомъ кругу женихи, въ свою очередь, смотрѣли на вещи рационально и, выслушавъ отъ Хрущова, какая прекрасная *душа* у Оешеньки или Аришеньки, думали совсѣмъ о другомъ: они знали *душу* скорѣе какъ реальный объектъ сохранный казны, и меньше чѣмъ о ста душахъ, кромѣ жениной, не хотѣли и слышать. Барышни-Хрущовы инстинктивно сторонились отъ такихъ знакомствъ и постепенно свыкались съ своимъ міркомъ, находя въ немъ свѣтлую сторону жизни...

Хрущовъ умеръ внезапно. Барышни стали полными хозяйками въ домѣ, наследницами довольно круглаго, по слухамъ, капитала и хорошаго имѣньяца, верстахъ въ двадцати отъ города. Къ удив-

ленію всѣхъ, барышни не измѣнили своего образа жизни— онѣ даже прекратили всѣ знакомства и стали вполне затворницами. Поразмысливъ, городъ свысся съ этимъ и сталъ уважать „городническихъ барышень“ за ихъ достоинства. Одно изъ этихъ достоинствъ было по истинѣ рѣдкое среди уѣздной жизни— барышни никогда не ввели ничего худого на ближняго и не давали повода взвести что-нибудь подобное на нихъ. Второе достоинство состояло въ томъ, что, живя какъ имъ хочется, барышни не были нелюдимами: два раза въ годъ, на рождество и на пасху (новый годъ барышни не признавали за праздникъ), домъ ихъ былъ открытъ для всего города, съѣзжавшагося въ барышнямъ на обѣденный столъ; при этомъ предводитель Трегубовъ не могъ не одобрять каждую рюмку вина, каждый запиваемый кусочекъ... а Трегубовъ зналъ въ этомъ толкъ! Третье достоинство... но о немъ скажемъ мы нѣсколько позже.

Имѣніе маіора Хруцова было расположено въ очень красивой мѣстности. Оно досталось ему случайно—когда помѣщику „въ горячую минуту“ понадобились деньги. Особенно хорошо былъ садъ въ имѣніи—барская прихоть прежняго хозяина, вырощенный по всѣмъ правиламъ хозяйственной ботаники штатомъ нѣмецкихъ садовниковъ. Послѣ смерти отца, барышни стали проводить въ имѣніи каждое лѣто. Все еще милостивыя, въ брильянтиновыхъ, никогда не помятыхъ платьицахъ и соломенныхъ шляпахъ съ лентами, полныя той спокойной и непринужденной обязательности, которая дается какъ бы только избраннымъ натурамъ, онѣ казались феями въ своемъ тихомъ деревенскомъ уголѣ. Восходъ солнца встрѣчали онѣ за самоваромъ на балконѣ, вглядываясь молчаливо, съ внутреннимъ восторгомъ, какъ встаютъ въ утреннемъ сѣро-золотомъ туманѣ деревушки съ бѣлющими церквами, загораются цвѣтнымъ ожерельемъ извилины рѣчекъ, вырываются темные зубцы уходящихъ за горизонтъ хѣсовъ. Вечеромъ любовались онѣ тихимъ заревомъ заката и, примолкнувъ, съ грустью провожали въ отуманенную даль холодящій день... Подходило къ такой жизни и все окружающее: заглухшій и одичавшій садъ имѣлъ своеобразную прелесть истинной природы; внизу рѣзного балконнаго крыльца привились рои дикихъ пчелъ и наполняли воздухъ музыкальнымъ гуломъ; ласточки налѣпли гнѣзда внутри балкона, а веселая пѣвунья-малиновка пріютилась съ своимъ домкомъ на вѣтвѣ кудрявой яблони, утенувшейся въ самое окно столовой. Въ горячій лѣт-

ній полдень садъ, придавленный, точно куполомъ, нависшимъ зноемъ, дышалъ сладкою, душистою влажностью и звенѣлъ стрелотнею кузнечиковъ и переливами птичьихъ голосовъ; прикормленные пѣвуньи не шевелились, пропуская мимо себя барышень, и только смолкали на секунду, искоса оглядывая ихъ своимъ бисернымъ глазкомъ, а старожилъ—зобатый сизый голубь—даже грозился крыломъ и, отбѣжавъ уже изъ-подъ самыхъ ногъ, начиналъ кружиться и ворковать.

Когда въ саду созрѣвали райскія яблоки, багряныя вишни и всякія другія диковинки, къ барышнямъ наѣзжали изъ города погостить городскія хозяйки. Тогда въ прохладѣ вѣковой липовой аллеи по цѣлымъ днямъ шумѣло общество дамъ, а на берегу примыкавшаго къ аллеѣ пруда видѣлись блестящія мѣдныя тазы, кипѣли сиропы варенья, вздымая клубы легкой ароматной пѣны. Пчелы, доверчиво и спокойно, вились тутъ же и, отяжелѣвъ отъ привольной сладости, низко, надъ самой травой, тянулись потомъ въ садъ, къ крыльцу, едва трепеща крылышками. Гости разъѣзжались нагруженные запасами, и въ городѣ вплоть до другого лѣта дамы угощали другъ дружку, приговаривая: „Что же вы не кушаете варенья? попробуйте: изъ Хрущовскаго сада“.

Это-то и было третьимъ достоинствомъ барышень, о которомъ заговорили мы выше.

Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ рассказъ, барышни были въ городѣ. Кончался великій постъ, и весеннія проталинки испестрили уже и площадь, и Дворянскую улицу. Барышни только-что отобѣдали—онѣ держались стараго обычая и обѣдали въ часъ дня, проводя свою жизнь и въ остальномъ съ такою же неуклонною аккуратностью, какою отличались стоявшіе у нихъ въ залѣ нортоновскіе часы—предметъ зависти знаточковъ—выбивавшіе на колокольчикахъ англійскій народный гимнъ. По обыкновенію барышни усѣлись около окна и стали разматывать шерсть для ванвы, обсуждая въ то же время новый рисунокъ льва съ квадратною головою и такими же глазами. Вошла горничная Домна—старая крѣпостная слуга, не разстававшаяся съ барышнями.

— Письмо принесли,—доложила она.

— Отъ кого?—спросила старшая барышня—Фешенька.

— Не знаю,—отвѣтила Домна. Она остановилась передъ барышнями и стала обстоятельно докладывать, поглядывая на дверь залы, что письмо принесъ кто-то въ мундирѣ, спрашиваетъ барышню Арину Трофимовну и письма не отдаетъ.

— Не понимаю,—опустивъ руки и тревожно глядя на сестру, проговорила Аришенька. — Какъ же это не узнать, отъ кого? Спроси!—обратилась она къ Домгѣ.

— Спрашивала-сь. Не знаю, говорить, отъ кого, и надо барышню видѣть...

Случай былъ такой необычайный, что барышни нѣсколько разъ переглянулись и съ горничной, и между собою. Наконецъ, онѣ встали, накинули на себя „оренбургскіе“ платки и обѣ вышли въ залу. Въ залѣ, картинно положивъ руку на окутанный плющемъ трельяжъ, стоялъ молодой человѣкъ въ невиданной еще барышнями формѣ телеграфиста. Собою молодой человѣкъ былъ стройный брюнетъ, съ необыкновенно бѣлымъ лицомъ, съ узкими блестящими глазами, съ плотно припомаженной офицерской прической и съ усами. Мундиръ на немъ былъ съ иголки — сукно свѣтилось, золотыя молніи на шитьѣ такъ и сверкали. Барышни остановились въ недоумѣніи. Крикливый и бойкій попугай находился тоже подъ влияніемъ недоумѣнія: цѣпляясь носомъ за звонкія спицы кѣтки, онъ перебирался вглубь ея, не спуская своего круглаго глаза съ страннаго посѣтителя.

— Вы отъ кого?—спросила, по праву старшей, Ѡешенька.

— Иринѣ Трофимовѣ телеграмма,—отвѣтилъ молодой человѣкъ и предложилъ расписаться.

— Отъ кого?—еще разъ освѣдомилась Аришенька, повертывая въ рукахъ телеграмму.

— Не могу вамъ сказать-сь,—улыбнулся молодой человѣкъ.

Пока разыскивали чернильницу, молодой человѣкъ, видимо желая показать, что стоять вовсе не входитъ въ его обязанность, сдѣлалъ нѣсколько короткихъ шаговъ бокомъ и развязно побарабанилъ пальцами по трельяжу.

— Садитесь...—предложила Ѡешенька, но въ это время принесли чернильницу. Распечатавшая телеграмму Аришенька вскрикнула, покраснѣвъ отъ волненія:

— Сестрица! я рѣшительно не понимаю... тутъ подписано: Трегубовъ... и что-то странное...

Ѡешенька еще меньше понимала. Она чувствовала ознобъ и куталась въ оренбургскій платокъ. Въ телеграммѣ было написано: „Жду туфли. Сослали межеваніе. Насъ незамай“. Потомъ слѣдовало: „Отвѣчи“, а дальше стояло еще слово, которое нельзя было прочитать иначе, какъ: „Настасью“. Барышеньъ выручилъ молодой человѣкъ:

— Трегубовъ о туфляхъ и размежеваніи телеграфируетъ, — перервалъ онъ, не смущаясь.

— Ну, такъ и есть! — просіяла Оешенька, обращаясь къ сестрѣ: — вы туфли вышиваете Владимиру Ильичу (такъ звали предводителя), вотъ онъ и пишетъ, и о межеваніи тоже... ну, да. Благодарю васъ! — ласково улыбулась она молодому человѣку. — Кланяйтесь ему! — Всегда относившаяся гуманно къ чиновникамъ Оешенька и на этотъ разъ протянула-было скомканную въ кулакѣ бумажку, но молодой человѣкъ, дѣлая поклонъ, отстранилъ свою руку, и какъ будто не замѣтилъ намѣренія хозяйки. Скопфуженная Оешенька протянула просто руку; ея примѣру послѣдовала и Аришенька. Молодой человѣкъ шаркнулъ и, не обращаясь, отступилъ въ дверь. „Ухъ! — еривнулъ попугай: — точно изъ бани вышелъ: — Оешенька, душечка! почешите головочку... Ура!“ заболталъ онъ, перебирая ногами, и захлопалъ крыльями.

— Какой это мундиръ, сестрица? — спросила Аришенька, не зная, что сказать.

— Быть можетъ это и не мундиръ, — отвѣтила наугадъ Оешенька.

Сидя въ своемъ уединеніи, барышни и не знали, что въ городѣ открылся телеграфъ и завелась мода переписываться телеграммами, для чего многіе нарочно ѣздили на станцію.

Молодой человѣкъ остался загадкой для барышень. Не меньшей загадкой была для нихъ и телеграмма. Онѣ продумали надъ нею весь день, и начатая-было голова льва такъ и осталась на канѣ неподвижнымъ пятнышкомъ въ нѣсколько стежковъ. На другой день онѣ, съ свѣжею головою, поняли телеграмму такъ: „Ѣду туфли. Согласны ли межеваніе назначить на май?“ Конецъ означалъ очевидно: „отвѣчайте на станцію“. Телеграфная процедура совсѣмъ была незнакома барышнямъ, и онѣ призадумались.

— Послать Домну узнать? — предложила Оешенька.

— Будетъ ли это ловко, сестрица? — высказала сомнѣніе Аришенька, но такъ какъ онѣ другъ дружѣ никогда не противорѣчили, то тутъ же добавила: — Пошлемте.

Онѣ позвали Домну и, передавъ ей телеграмму, стали наставлять, какъ и что надобно узнать. Съ первыхъ же словъ онѣ спутали Домну совсѣмъ, но она сдѣлала видъ, что слушаетъ и понимаетъ. Когда барышни умоляли, Домна сказала: — „теперь знаю!“ — и ушла.

Домна пробыла на телеграфѣ слишкомъ долго; барышни заждались ее и не знали, что подумать. Когда Домна вернулась,

наконецъ, то во всей ея фигурѣ такъ и трепетало какое-то торжественно-радостное возбужденіе. Люди, склонные понимать явленія проще, сказали бы пожалуй, что она „навеселѣ“.

— Ахъ, какой обходительный! — заговорила Домна, вмѣсто отвѣта:—ахъ!.. Кажется, братъ родной и тотъ такъ не обласкаетъ тебя... не здѣшнимъ чета!.. И машину, и все, все показалъ мнѣ: машина такая круглая, и только стучать надо, вотъ какъ по столу, — Домна показала примѣръ: — стучать, только и всего... Ахъ, ты, Господи!

— Чтѣ же онъ сказалъ?—допытывались барышни.

— Ничего не сказалъ,—вздохнувъ, доложила Домна и отступила къ дверямъ: — и письмо у себя оставилъ; ужѣ самъ придетъ.

Новость эта привела барышень въ смущеніе: онѣ не знали, какъ надобно отнестись къ гостю въ непонятномъ мундирѣ и гдѣ слѣдуетъ принять его—въ залѣ или въ гостиной? Онѣ попробовали распросить Домну: въ родѣ ли почтмейстера будетъ этотъ новый служащій, или, на примѣръ, казначей? Но свѣденія Домны были на этотъ счетъ не болѣе обстоятельны, чѣмъ и насчетъ машины: она утерла фартукомъ пылавшее лицо, и, видимо тутъ же надумавъ свой отвѣтъ, сказала:

— Сирота онъ... дворянскаго роду, только не нашей губерніи-то... Вотъ его и прислали сюда начальникомъ...

— Не можетъ быть, сестрица, чтобы его начальникомъ прислали,—усомнилась Аришенька.

— Ну, разумѣется, — согласилась Ѳешенька и добавила: — а онъ, кажется, образованный.

На всякій случай барышни велѣли приготовить чай въ балконной и одѣлись въ полупарадные шерстяныя платья съ „мысками“, а на волосы надѣли сѣтки съ бусами. Передъ сумерками Домна, тоже придѣвшаяся, солидно-молчаливая, доложила, что гость пришелъ. Барышни вышли въ залу. Онѣ обратили-было глаза на трельяжъ, но гостя не видѣлось тамъ: на этотъ разъ онъ развязавъ стоялъ у окна и дразнилъ пальцемъ попугая, склонившаго на бокъ взерошенную голову и подавленнаго неожиданностью. Завидѣвъ барышень, гость скользнулъ по паркету на встрѣчу имъ и отрекомендовался „начальникомъ мѣстнаго телеграфа“, корнетомъ Свистуновымъ. Потомъ, какъ бы переходя отъ официальнаго знакомства къ домашнему, гость добавилъ:—Валерьянъ Мартынычъ Свистуновъ.

Высказанныя Домною похвалы оправдались: Свистуновъ оказался обходительнымъ и любезнымъ какъ нельзя больше. Онъ составилъ и взялся отправить отвѣтъ на телеграмму предводителя, развеселилъ барышень разсказами изъ знакомой когда-то имъ военной жизни, а потомъ какъ-то ловко и умѣстно вошелъ даже въ нѣкоторую короткость и разсказалъ свою исторію. Исторія была проста и трогательна: отецъ и мать Свистунова (губернія знала ихъ и цѣнила) стали жертвами реформы 19-го февраля — они слишкомъ довѣрчиво и гуманно отнеслись къ новымъ порядкамъ, благодаря чему были разорены и преждевременно сошли въ могилу; онъ — blanc-бес, можно сказать, принужденъ былъ пренебречь блестящей карьерой въ полку и... „gagner son pain à la sueur de son front“; тогда онъ рѣшился „выдержать экзаменъ“ и получилъ назначеніе въ начальники; онъ поборетъ судьбѣ, хотя и долженъ влечить свои дни вдали отъ родины, одинъ, всѣмъ чужой.

По уходѣ Свистунова барышни остались подъ вліяніемъ чего-то новаго, слегка томительнаго, слегка грустнаго, безпокоившаго нервы и проникавшаго въ душу. Онѣ сидѣли молча, но знали, что думаетъ каждая изъ нихъ — долговременная искренняя дружба слила ихъ почти въ одно существо. Онѣ мало говорили между собою, были почти холодно-вѣжливы, но въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ взглядѣ, въ молчаливомъ вниманіи дружба эта выражалась. И теперь сестры молча переговаривались о гостѣ. Какъ бы заканчивая эту безмолвную бесѣду, Фешенька спросила:

— Вамъ жаль его, сестрица?

— Конечно; помните, какъ мы сиротами росли?

Наступила пасха. Свистуновъ, въ числѣ прочихъ, счелъ долгомъ воспользоваться гостепріимствомъ барышень. Большинство гостей косилось на телеграфиста; онъ, съ отгѣнкомъ стыдливой неловкости, то ступшеывался, то выступалъ при разговорѣ. За обѣдомъ ободрилъ Свистунова, заговоривъ съ нимъ, предводитель Трегубовъ. Послѣ обѣда люди вообще бывають добрее, и когда вышли изъ-за стола, около Свистунова собралась кучка любопытныхъ, желавшихъ поглубже проникнуть въ таинственную силу протанувшихся черезъ городъ проволокъ...

Въ старинныхъ книгахъ писалось, что никакой городъ не можетъ существовать, если въ немъ не будетъ хотя одного пра-

веднаго челоуѣка. Съ такою же достовѣрностью можно было заключить, что въ нашемъ городѣ не дѣлалось бы никакихъ дѣлъ, прекратились бы всякія общественныя отношенія, если бы въ немъ не проживала Прасковья Васильевна Подкованцева, жена мѣстнаго инвалиднаго начальника. Прасковья Васильевна была, по общему отзыву, „душа общества“; она знала въ городѣ всѣхъ и все, и безъ ея вѣдома едва ли могъ и воробей перелетѣть съ крыши на крышу. Она такъ была поглощена этими нелегкими обязанностями, что даже своего мужа, по ея собственному выраженію, „подъ печку забросила“. Не имѣя времени доставать каждый разъ свою половину изъ такого укромнаго мѣста, Прасковья Васильевна являлась вездѣ одна и не пропускала ни пивениковъ, ни травли зайцевъ любителями на городскомъ выгонѣ. Дамы считали Прасковью Васильевну своимъ неизмѣннымъ другомъ и не ревновали ее къ мужьямъ; мужчины видѣли въ ней товарища. Варка варенья въ имѣніи барышень, разумѣется, не обходилась безъ Прасковьи Васильевны.

Въ тотъ годъ, къ которому относится настоящій рассказъ, урожай ягодъ былъ замѣчательный, и барышни каждый день выходили въ аллею встрѣчать наѣзжавшихъ гостей. Однажды, завидѣвъ ямской тарантасъ, онѣ долго соображали: кто бы это могъ быть? и когда тарантасъ почти подѣхалъ къ нимъ, онѣ воскликнули: — Прасковья Васильевна! — Поднявшись изъ тарантаса, показались женскія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ. Барышни ахнули. Ноги описали полукругъ и опустились къ землѣ, а за ними двинулась и сама Прасковья Васильевна, бойко, по-мужски скользнувъ по краю тарантаса и не заботясь о шлейфѣ.

— Вотъ и я! — съ веселымъ смѣхомъ сказала Прасковья Васильевна, подходя къ барышнямъ. — И не одна: съ гостемъ! — Въ подтвержденіе этихъ словъ изъ тарантаса выбрался, путаясь ногами и сверкая молніями, Свистуновъ и остановился передъ барышнями.

— Ахъ, мы очень... — начала-было Оешенька и умолкла.

— Рады, не рады, а принимайте, — засмѣялась Прасковья Васильевна и обняла Оешеньку. Потомъ, обнимая Аришеньку, сказала шопотомъ, будто именно для нея: — Что-жъ мнѣ было дѣлать, когда онъ и спитъ, и видитъ къ вамъ ѣхать... Только вами и бредить.

Барышни молча перекинулись мыслями и покорились судьбѣ.

Свистуновъ прогостилъ дня два, три. Все это время онъ, подъ руководствомъ Прасковьи Васильевны, прислуживалъ дамамъ въ

ихъ хлопотахъ съ вареньемъ на берегу пруда. Съ умѣньемъ, доступнымъ не всѣмъ, Прасковья Васильевна устраивала всегда такъ, что гдѣ была Аришенька, тамъ хлопоталъ и Свистуновъ. Чаше бывало такъ, что, подхвативъ Аришеньку, Прасковья Васильевна увлекала ее въ садъ собирать ягоды, а Свистуновъ долженъ былъ носить за ними корзины. А такъ какъ у Прасковьи Васильевны и кромѣ этого было много хлопотъ, то, устроивъ Аришеньку и Свистунова около розовыхъ кустовъ смородины или подъ тѣнью вишенъ, упадавшихъ отяжелѣвшими вѣтвями до самой земли, она скрывалась, проговоривъ невиннымъ голосомъ: — Ну, собирайте же тутъ, не лѣнитесь, а я побѣгу...

Свистуновъ отправился въ своему начальническому посту, заслуживъ расположеніе и хозяекъ, и всего общества. Вскорѣ послѣ него разѣхались и гости. Проводивъ послѣдній экипажъ изъ душистой аллеи, совсѣмъ темной отъ распутившейся созрѣвшей листвы, барышни свазали съ грустной улыбкой: — Вотъ мы опять однѣ. — Проводы всегда оставляютъ въ душѣ осадокъ тихой безпричинной грусти. Такъ бывало и съ барышнями. Очувтившись послѣ нѣсколькихъ недѣль шумной, хлопотливой жизни снова въ своемъ уединеніи, онѣ невольно отдавались грустному настроенію и только постепенно входили въ свою обычную колею. Теперь тоже чувствовалось имъ не по себѣ, и дни потанулись медленнѣе, скучнѣе... Какъ-то передъ вечеромъ Аришенька сказала:

— Пойдемте гулять, сестрица.

— Куда же мы пойдемъ? въ аллею? — спросила Оешенька, взглянувъ въ задумчивое лицо сестры.

— Нѣтъ, мнѣ хочется куда-нибудь далеко, далеко! въ поле или въ лѣсъ...

Барышни пошли по дорогѣ въ городъ. Въ лѣсъ Оешенька побоялась идти, но не отстала отъ сестры, когда та зашла въ самую глубь полей. Онѣ отошли довольно далеко отъ усадьбы, и усталая Оешенька опустила на межу.

— Садитесь, сестрица, — пригласила она Аришеньку.

— Я не устала. — Аришенька вошла въ золотистую рожь. Остановившись неподвижно, она долго вглядывалась въ рдѣвшій закатъ; потомъ она набрала васильковъ и, сдѣлавъ изъ нихъ вѣнокъ, кокетливо надѣла его себѣ на голову.

— Идетъ это ко мнѣ, сестрица? — спросила Аришенька.

Оешенька ничего не отвѣтила и только пристально посмотрѣла на сестру. Аришенька, казалось, и не ждала отвѣта: она

стала задумчиво глядѣть вдаль и безотчетно мяла руками склонившіяся кругомъ колосья.

Въ другой разъ, когда онѣ сидѣли на балконѣ, Аришеньку такъ поразила прозвучавшая гдѣ-то въ вечерней тишинѣ пѣсня, что она схватилась за грудь и, вся вспыхнувъ, заговорила поспѣшно:

— Слышите, сестрица?.. слышите?.. Не правда ли какъ это прелестно?.. Ахъ, что же онъ пересталъ!—притопнула она съ досадой, когда пѣсня затихла. Подойдя къ ступенькамъ балкона, Аришенька стала вглядываться въ темнѣвшую даль, прислушиваясь и затаивъ дыханіе.

Өешеньку стали безпокоить эти странности въ сестрѣ. Въ ея любящемъ сердцѣ зашевелилось что-то, пока смутное и непонятное ей самой, но породившее тревожныя предчувствія.

Была жаркая ночь. Мертвый, голубоватый свѣтъ луны, пробравшись въ спальню сестеръ, заигралъ на полу трепетнымъ туманнымъ пятномъ; пятно выросло, засіяло, и скоро вся комната наполнилась прозрачной мглой, а тѣни дремавшихъ подъ окнами деревьевъ забѣгали подвижнымъ узоромъ по стѣнамъ. Өешенька заметалась на постели въ тревожномъ волненіи; она порывисто вскинула руки и проснулась. Пробудившее ее что-то мучительно-страшное все еще охватывало ее; сердце стучало у нея. Өешенька пугливо посмотрѣла на двигавшіяся тѣни и, отдѣливъ голову отъ подушки, прислушалась: съ кровати Аришеньки доносились глухія рыданія.

— Аришенька, что съ вами?—испуганно спросила Өешенька, подбѣжавъ къ кровати сестры. Аришенька умоляла, но не отвѣчала. Өешенька дотронулась до нея рукою. Аришенька своей горячей сухой рукою сжала эту руку и прижала къ ней губами. Өешенька стояла неподвижно и чувствовала, какъ бѣгутъ по ея рукѣ теплыя слезы и какъ вздрагиваетъ сестра.—Аришенька, успокойтесь!.. Богъ... Богъ дастъ,—хотѣла она сказать что-то, но умоляла и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, вернулась къ своей постели.

Өешенька не могла больше уснуть. Широко раскрывъ глаза и вглядываясь въ туманно-сѣроватую стѣну, она окаменѣла подъ одѣяломъ. Въ мысляхъ проходила предъ ней такъ незамѣтно промелькнувшая, безрадостная, но и безпечальная жизнь; надвигавшееся будущее пугало ее такъ же безотчетно, какъ пробудившее мучительно-страшное „что-то“... За утреннимъ чаемъ Өешенька сказала сестрѣ:

— Мы однѣ на свѣтѣ, Аришенька, и кромѣ насъ мнѣ некого любить... Что будетъ хорошо для васъ, то и мнѣ понравится...

— Сестрица... милая...—могла только отвѣтить Аришенька. И она обняла сестру, заплававъ тихими, спокойными слезами.

Раньше обыкновеннаго, когда въ саду не начинали еще краснѣть листья, и ласковые лучи солнца не стали еще безучастно-жгучими, барышни переѣхали въ городъ.

Вскорѣ проходившіе по Дворянской улицѣ были удивлены необыкновеннымъ зрѣлищемъ: домъ „городническихъ барышень“ сиялъ огнями; на оконныхъ занавѣсахъ, мелькая, прыгали чело-вѣческія тѣни, доносились на улицу звуки кадрили... На утро стало извѣстно въ городѣ, что барышня Арина Трофимовна выходитъ замужъ за „телеграфнаго начальника“ Свистунова.

Свадьба состоялась, къ немалому удивленію города, давно исключившаго „городническихъ барышень“ изъ сонма невѣстъ. Еще больше удивлялись, какимъ образомъ Свистуновъ „обстроилъ“ такое дѣло, и куда дѣвалось благоразуміе барышень? Свистуновъ сбросилъ свои молніи, нашилъ себѣ бархатныхъ и всякихъ другихъ пиджаковъ и вступилъ въ права самостоятельнаго богатаго гражданина.

Не замедлилъ представиться и еще поводъ для удивленія— глядя на Свистунова, всѣ спрашивали другъ друга: какъ могутъ такъ скоро и всесторонне мѣняться люди? Дѣйствительно, Свистунова было трудно узнать: онъ отѣлся и потолстѣлъ въ нѣсколько недѣль; навѣянная пребываніемъ въ „черномъ тѣлѣ“, спасительная сдержанность отлетѣла отъ него—онъ сталъ непріятно-развязенъ, говорилъ громко и авторитетно, судилъ обо всемъ безъ исключенія и въ полномъ смыслѣ слова „несъ чепуху“; всѣ прежнія знакомства Свистуновъ прекратилъ и сдѣлалъ визиты только первымъ лицамъ въ городѣ; домъ онъ совершенно преобразовалъ—выкрасилъ его въ цвѣтъ gris de fer, вставилъ цѣльные зеркальныя окна, вывелъ подъѣздъ на улицу съ гербомъ напередѣ, а развѣсистые клены и липы обрубилъ вровень съ рѣшеткой; въ домѣ появились лакеи-фрэнчики; для своего выѣзда завелъ Свистуновъ такую пару „на отлетѣ“, которая могла въ нѣсколько скачковъ исколесить весь городъ, а раздутый до размѣровъ бочки кучеръ не кричалъ при этомъ: „пади!“ — а какъ-то неесте-

ственно трубилъ изъ торчавшей во всѣ стороны бороды: — „а-а-и!“
— Удивляться было чему...

Наступила зима. Свистуновъ не переставалъ удивлять городъ. Размѣрами онъ почти сравнялся съ своимъ кучеромъ, выѣзжалъ весь закутанный въ бобры (даже опушка на галошахъ была у него бобровая). Въ общественномъ банкѣ онъ завелъ отъ имени Оешеньки и Аришеньки нескончаемые обороты и являлся туда съ ящичкомъ дорогихъ сигаръ подъ мышкой, одѣлая ими чиновниковъ. У себя онъ сталъ давать что-то въ родѣ раутовъ для высшаго общества; тутъ лилось шампанское, подавались столичные конфеты, свѣжая земляника и шла игра въ банкъ. Самъ Свистуновъ пилъ мало, но къ столу у него всегда подавалось шампанское, даже во время завтрака; пристрастія къ картамъ тоже не видѣлось въ немъ, но, присѣвъ къ столу, онъ безъ разбора ставилъ большія и малыя карты, кричалъ иногда ни съ того, ни съ сего: „ва банкъ!“ — и, проигравъ, выбрасывалъ съ хохотомъ на столъ сотенныя бумажки. Сильныхъ страстей вообще не замѣчало въ Свистуновѣ, но во всемъ его существѣ былъ разлитъ какой-то зудъ, такъ и подмывавшій его расточить, разметать по вѣтру все, что попадалось ему въ руки.

Вглядываясь во внутренней обликъ Свистунова, тоже нельзя было не удивляться. Тамъ сидѣло что-то спѣсиво-самонадѣянное, безпокойное, мѣшавшее помнить прошедшее и понимать настоящее, но до того спутанное, что самъ Свистуновъ не могъ формулировать его. Онъ былъ увѣренъ, что именно люди, подобные ему, и есть „соль земли“, и на вопросъ: „почему?“ говорилъ только съ дикимъ внутреннимъ блескомъ въ глазахъ: „Вотъ увидите: придетъ и наше царство“. На предложеніе служить въ земствѣ онъ отвѣчалъ: „Вѣдь у васъ тамъ безначаліе какое-то!“ Предводителя Трегубова онъ подбивалъ образовать какую-то партію, которая давала бы *тонъ* и указывала каждому его мѣсто. Это смутное и порою совсѣмъ безтолковое „что-то“ Свистуновъ выдавалъ за идеи и высказывалъ свои сужденія въ видѣ сентенцій съ горячностью и озлобленіемъ. Только одно выражалъ ясно Свистуновъ — нежеланіе отстать отъ вулачной расправы: несмотря на сыпавшіяся къ мировому судѣ жалобы, онъ продолжалъ расправляться и въ домѣ — съ лакеями, и на улицѣ — съ кучеромъ.

Въ городѣ находили, что для такого большого барина совершенно недостаточно столь простой фамиліи, какъ Свистуновъ, и прозвали его Свистуновъ-Оглашенный.

Трудно было сказать, хорошо ли живетъ замужемъ Аришенькѣ. Она и сама, пожалуй, не сумѣла бы отвѣтить на это. На своихъ раутахъ она появлялась одѣтая, какъ и слѣдуетъ „молодой“, въ модные туалеты, занимала гостей и казалась веселою, но роль хозяйки какъ-то не совсѣмъ подходила въ ней. Что и какъ должно дѣлаться въ домѣ, было, повидимому, не ея дѣло; она краснѣла, какъ институтка, при каждомъ обращеніи въ ней мужа и подобострастно взглядывала на него, стараясь угадать его желанія. Видно было, что позднія чувства проснулись въ ней и съ наивною вѣрой откликнулись нежданному счастью, но потомъ испуганно притаились опять, не смѣя имѣть ни порывовъ, ни собственной воли... Судя потому, что Фешенька совсѣмъ не показывалась на раутахъ и почти не выходила изъ своей комнаты, надо было полагать, что жизнь сестеръ перемѣнилась не въ лучшему...

Съ наступленіемъ весны Свистуновъ собирался сдѣлать преобразование и въ имѣніи, главное изъ которыхъ должно было состоять въ устройствѣ тамъ завода рысаковъ, безъ чего Свистуновъ считалъ всякое имѣніе нигуда негоднымъ. Какъ только улицы очистились отъ снѣга, Свистуновъ прокатился по городу въ выписанной для будущихъ бѣговъ заграничной „американкѣ“: ея красныя огромныя два колеса были выше заборовъ, надъ колесами высилась массивная фигура Свистунова въ англійскомъ картузѣ съ двумя козырьками, а еще выше—вровень съ крышами домовъ—торчалъ наѣздническій бичъ въ видѣ удилица; впереди колесъ ополоумѣвшій рысакъ, съ гербами на шорахъ, преслѣдуемый стаей уличныхъ собакъ, мчался, вздрагивая и роняя съ морды влуды пѣны...

Всѣ ждали, какъ проявитъ себя Свистуновъ въ качествѣ хозяина, ставъ въ непосредственныя отношенія съ мирнымъ сельскимъ населеніемъ... Но не справляющаяся съ человѣческими планами судьба распорядилась по другому. Дѣлая по городу пасхальные визиты, Свистуновъ взглядылся отъ нечего-дѣлать въ пышную, какъ подушка, спину своего кучера и увидѣлъ, что она вся въ пуху; выйдя у подъезда изъ пролетки, онъ спросилъ кучера:

— Въ чемъ у тебя спина?

— Ни въ чемъ,—равнодушно отвѣтилъ кучеръ.

— Ни въ чемъ? Ты смѣешь валяться въ армякѣ, пракалія!

— И Свистуновъ ткнулъ кучера тростью въ бороду.

— Во-истину воскресе!—сказалъ подгулявшій кучеръ и стеганулъ барина кнутомъ.

Свистуновъ бросился бѣжать. Кучеръ ударилъ по лошадамъ

и погнался за нимъ. Свистуновъ не потерялся: онъ продолжалъ бѣжать, подставляя подъ внуть вздѣтый на руку цилиндръ и, несмотря на свою тучность, прошмыгнулъ въ первую попавшуюся такую узенькую калитку, что даже вучеръ не повѣрилъ своимъ глазамъ и, отчаянно осадивъ лошадей, крикнулъ: „тирру!“ и сталъ озираться по сторонамъ... Черезъ нѣсколько минутъ объ этомъ происшествіи зналъ, разумѣется, весь городъ. На Оминой недѣлѣ стало извѣстно, что Свистуновъ заложилъ имѣніе по второй закладной, а вслѣдъ за этимъ Прасковья Васильевна развезла по городу вѣсть, что „молодые“ Свистуновы уѣзжаютъ въ Петербургъ, гдѣ Валерьянъ Мартынычъ, по своимъ связямъ, получаетъ хорошую должность.

Проводивъ сестру, Оешенька совсѣмъ затворилась въ домѣ. Съ вѣчно опущенными стопами, съ наглухо заколоченнымъ подъѣздомъ, домъ „городническихъ барышень“ сталъ глядѣть холодно и угрюмо. Про Оешеньку скоро забыли въ городѣ.

Промельнуло лѣто. Прошла зима. Стоялъ сѣренькій великопостный день; въ воздухѣ вѣяло уже весной, но дулъ порывистый неприятный вѣтеръ, игравшій полами платья и картузами прохожихъ. Въ этотъ день напомнила о себѣ городу Оешенька: изъ воротъ дома вынесли ея гробъ, простой, даже некрашенный, покрытый общимъ церковнымъ покровомъ; за гробомъ шла плачущая Домна, и уже по дорогѣ на кладбище присоединились къ ней кое-кто изъ горожанъ.

Оешенька умерла въ бѣдности и странною смертью. Въ одно утро, видя, что барышня что-то долго не выходитъ изъ спальни, Домна вошла къ ней; Оешенька не спала, но лежала въ постели.

— Чтò это вы, барышня, такъ започивались сегодня?—заговорила-было Домна.

— Аришенька встали?—спросила Оешенька.

— Господь съ вами, барышня!..

— Нѣтъ? Чтò же ты беспокоишь меня?

Домна вышла въ недоумѣніи. Навѣдавшись потомъ еще разъ, она нашла Оешеньку опять въ постели, но уже одѣтою въ платье и бездыханною.

Смерть Оешеньки развязала руки банковскому начальству: заложенный въ три-дорога домъ уже давно остался за банкомъ, и только благодаря семейному характеру дѣлопроизводства въ банкѣ да умѣнью бухгалтера переводить куда-то по книгамъ будто бы поступавшій съ дома доходъ, медлили потревожить Оешеньку. Да и можно ли было втолковать ей, что совершенно

согласно въ законами она должна умереть не въ родительскомъ гнѣздѣ, а на улицѣ?..

То же случилось и съ имѣніемъ. Съ наступленіемъ весны новый владѣлецъ повелѣ въ немъ свое особенное хозяйство: въ домѣ была устроена фабрика для тканья рогожь; липовую аллею валили звонко гудѣвшіе топоры; птицы примолкли и попрятались; озлобленные пчелы носились тучами по усадьбѣ, нападая на перваго встрѣчнаго; прудъ покрылся чѣмъ-то въ родѣ битовъ съ карявыми спинами и вода въ немъ стала красная; на берегу трещаль огромный костеръ, наполняя и садъ, и дворъ ѣдкимъ дымнымъ туманомъ; какіе-то люди совались въ воду съ шестами и оглушительно кричали—можно было только понять, что тутъ *любятъ мочатъ*.

Гдѣ Свистуновы и что съ ними—никто не зналъ въ городѣ.

Спустя годъ, предводитель Трегубовъ получилъ извѣстіе, что Аришенька находится въ Петербургѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи и желала бы вернуться въ родной городъ. Предводительша устроила подписку въ пользу Аришеньки; набралось всей суммы 9 р. 17 к. Трегубовъ покачалъ головой и выписалъ Аришеньку къ себѣ въ должность „разливательницы чаю“.

Пережитое какъ-то непонятно отразилось на Аришенькѣ: она пополнѣла, была весела, но оступѣла будто и не могла толково рассказать ничего о своихъ дѣлахъ.

— Гдѣ вы жили? — спрашивали ее.

— Да тамъ, въ Петербургѣ.

— На какой улицѣ?

— Валерьянъ нанималъ... Тамъ площадь большая есть, отъ нея направо.

— Что же вы дѣлали?

Аришенька принимала этотъ вопросъ какъ бы за укоръ и, потупивъ глаза, отвѣчала:

— Валерьянъ должность получить.

Аришенька не знала даже адреса мужа и все ждала отъ него письма. Письмо не приходило. Аришенька написала своей петербургской пріятельницѣ, прося разузнать о мужѣ. Пріятельница скоро отвѣтила и расписала Свистунова довольно откровенно. Аришенька поняла изъ всего письма только одно: что мужъ получилъ должность. За чаемъ она радостно сообщила эту новость предводителю и показала письмо. Разобравъ, какую *должность* получилъ Свистуновъ, предводитель врякнулъ и почесалъ

переносицу. Онъ взялъ письмо осторожно, двумя пальцами, и, перебросивъ его черезъ столъ Аришенькѣ, сказалъ:

— Не показывайте никому этого письма, а самое лучшее: изорвите его!—и добавилъ про себя:—Именно, оглашенный!..

VI.

Фатальность.

Какъ пріятно поразилъ всѣхъ прибывшій въ квартировавшему въ городѣ пѣхотному полку подпрапорщикъ Казиміровъ!

Люди его чина, возраста и положенія были знакомы городу. Безъ нихъ не обходилась ни одна вечеринка „попроще“; они „наносили“ визиты по праздникамъ, странствуя по городу пѣшкомъ и всегда неразлучной компаніей въ нѣсколько человѣкъ; въ нихъ коренилась причина семейныхъ и многихъ другихъ недуговъ, постигавшихъ горожанъ; о нихъ хранили память, краснорѣчивые и въ самомъ безмолвіи своемъ, разбросанные по городу мавзолеи, въ родѣ залѣпленныхъ бумагою рамъ или поверженныхъ острою саблей молодыхъ липокъ на бульварѣ. Прибытію еще одного, столь же знакомаго лица, не удивился бы городъ.

Подпрапорщикъ Казиміровъ, хотя и примеяувшій товарищески къ своимъ сверстникамъ по чину, совсѣмъ не походилъ на нихъ и носилъ въ себѣ что-то, именно пріятно поражавшее. Несмотря на созданные его предшественниками довольно вѣскіе „прецеденты“, Казимірова приняли и у предсѣдателя суда, и у предводителя; его даже пригласили „бывать“. На балъ къ Силуановымъ—родителямъ „первой“ въ городѣ невѣсты—привезъ Казимірова самъ полковой командиръ и, представляя хозяину дома, сказалъ, тряхнувъ самоувѣренно эполетами:— За этого, полагаю, не придется мнѣ пардону просить!— на что, потерявшій уже вѣру, хозяинъ, хотя и въ концѣ бала, но отвѣтилъ полковнику, кивнувъ на вальсировавшаго Казимірова:— За этого всѣ вины отпущаю вамъ!

Евгеній Матвѣичъ Казиміровъ собою былъ стройный, лѣтъ двадцати-пяти, красивый юноша; воспитаніе, какъ значилось въ полковыхъ спискахъ, получилъ онъ домашнее, но видимо былъ изъ хорошей, хотя и небогатой семьи. Отпечатокъ испытаннаго съ дѣтства вліянія среды благовоспитанныхъ людей отражался

ясно на Казиміровѣ: говорилъ онъ сдержанно, плавно и какъ-то вдумчиво, держалъ себя прилично и съ умѣньемъ; вся внѣшность его—отъ гладко выбритыхъ блѣдно-синеватыхъ щекъ и прилично-коротко остриженныхъ каштановыхъ волосъ до красныхъ рукъ и мундира съ иголки—говорила, что онъ любилъ чистоту и порядокъ, какъ что-то должное. Казиміровъ былъ не глухъ отъ природы и, кромѣ того, проявлялъ разнообразные таланты: у предводителя, въ день именинъ его жены, онъ деворировалъ залу и поставилъ живыя картины такъ хорошо, что всѣ признали его художникомъ; застигнутый врасплохъ барышней Силуановой, устремившей на него глубоко-краснорѣчивый взглядъ и раскрывшей атласныя страницы альбома, Казиміровъ не потерялся и не сталъ отнѣживаться: онъ взялъ перо, не спѣша попробовалъ на розовомъ ногтѣ большого пальца, хорошо ли оно, и четкимъ, красивымъ почеркомъ—кажется, одинъ изъ всѣхъ альбомныхъ гостей, не конфузивъ грамматики—написалъ:

Затѣмъ такъ милы ваши рѣчи
И взоры, полные огня,
И этотъ локонъ, эти плечи?..
И... Что со мною?—„чуръ меня!“

Вообще натуру Казимірова надобно было считать довольно ординарной, но въ ней крылась одна особенность, незамѣтная для окружающихъ, да едва ли понятная хорошо и для самого Казимірова: его томило чувство какой-то неудовлетворенности, и напрасныя попытки найти исходъ этому чувству доводили иногда до раздраженія. Подъ вліяніемъ этой неудовлетворенности, Казиміровъ то мѣнялъ полкъ, освѣжаясь съ переѣздомъ въ новую мѣстность, то охладѣвалъ въ службѣ, въ порядку и чистотѣ, и валялся по цѣлымъ днямъ на постели, безпокойно разыскивая въ мысляхъ, какъ средство удовлетворенія, „цѣль въ жизни“.

Семья Силуановыхъ была семья добрыхъ старыхъ помѣщиковъ. Реформу 19-го февраля встрѣтили они даже сочувственно. Корнѣй Ивановичъ Силуановъ по совѣсти размежевался съ крестьянами и, переѣхавъ въ городъ, зажилъ на покоѣ, въ званіи почетнаго судьи и предсѣдателя съѣзда; его супруга, Агнія Гурьевна, распустивъ своихъ горничныхъ, „наградила“ ихъ и не переставала помогать имъ и послѣ. Исполнивъ это, Силуановы не хотѣли и въ остальномъ отставать отъ закипавшей кругомъ новой

жизни и дали „свободу“ своей единственной дочери, Марья Корнѣевнѣ, барышнѣ милой и простой, воспитанной подъ руководствомъ французеньки, гувернантки „съ музыкой“. Имѣя хорошее состояніе, Силуяновы предоставляли дочери выйти замужъ по склонности, даже за бѣдняка, лишь былъ бы онъ порядочный человекъ.

Казиміровъ нравился старикамъ Силуяновымъ; замѣчали они, что и дочь отличаетъ его отъ другихъ. Бесѣдуя иногда съ Казиміровымъ въ своемъ кабинетѣ, Силуяновъ воображалъ себя самымъ хитрымъ человекомъ и старался проникнуть и въ характеръ, и въ образъ мыслей намѣченнаго зятя. Затягиваясь „жуковымъ“ и пуская благовонные клубы голубого дыма, Силуяновъ говорилъ:

— Вы такъ и думаете продолжать военную карьеру, Евгений Матвѣичъ?

— Началь, такъ ужъ надо продолжать.

— Жизнь веселая,—поддакивалъ съ видомъ одобренія Силуяновъ.

— Куда какъ весело! особенно нашему брату, подпрапорщику,—усмѣхался Казиміровъ.

— Не все въ подпрапорахъ будете сидѣть!

Казиміровъ и на это смѣялся тихимъ внутреннимъ смѣхомъ и начиналъ пронизировать, мѣшая прозу со стихами:

— Разумѣется, главное еще впереди: быть батальоннымъ адъютантомъ, въ темно-зеленомъ сюртугѣ, связать лихимъ армейскимъ франтомъ на хромоногомъ рысагѣ...

— Ну, ну!—смѣясь, махалъ рукою Силуяновъ:—вѣдь вы начнете причитать. Сначала адъютантомъ, потомъ себѣ адъютанта возьмете.

— Случится гдѣ-нибудь на балѣ,—не унимался Казиміровъ,—дѣвицъ въ кадрили забавлять, или... походомъ, на привалѣ, сивухой горе заливать!.. Ха, ха, ха! Жизнь, нечего связать!

— Да чтѣ вы? чтѣ?—воодушевлялся Силуяновъ, забывъ свою роль и подступая къ Казимірову.—Мнѣ вотъ шестой десятокъ къ концу, а я и до сихъ поръ забыть не могу, какъ мы на этомъ „привалѣ“-то... Душа, батюшка мой, отдыхала, а не мы послѣ пятидесяти верстъ! Жилка каждая въ трепетъ видалась... Эхъ, вы, молодежь!.. Оно, положимъ,—переходилъ онъ вдругъ,—послѣ самъ видишь, что и силъ много убухалъ, и карману досталось... да вѣдь въ каждомъ сезонѣ своя ягода-сь!

— Горьки ягоды-то стали.

— И то правда!—соглашался довольный Силуановъ и, сдѣлавъ совсѣмъ хитрое лицо, совѣтовалъ:

— Тогда „привалъ“-то устройте поближе гдѣ-нибудь... Мы вамъ цѣль „единогласіемъ“ поднесемъ, и будете вы судить насъ, грѣшныхъ.

Казиміровъ задумывался и вдругъ спрашивалъ:

— А чтѣ, если я тогда вашего почетнаго судью Пранишниковъ въ острогъ упрячу?

— За чтѣ-съ?—изумленно спрашивалъ Силуановъ и, пыкая трубкой, отступалъ отъ Казимірова.

— Да хоть бы за то, что онъ *лисабонское* дѣлаетъ изъ черемухи, да еще и черемуху-то при этомъ самовольно губить въ городскомъ лѣсу.

— Господь съ вами!—недоумѣвалъ Силуановъ:—тогда всѣхъ надо садить; кто же въ городѣ-то останется?—При этомъ онъ издали крестилъ Казимірова, тыкая пальцами въ расплывавшіяся по воздуху дымные круги.

— И выходить, что лучше не мѣшаться.

— Надо же какую-нибудь цѣль-то?..

— Вотъ, вотъ!—ловилъ его Казиміровъ.—Дайте же мнѣ ее, чистую, ясную... чтобы могъ я служить ей... слиться всѣмъ существомъ... Понимаете?

На этомъ пунктѣ Силуановъ оказывался слабъ. Онъ не понималъ, о какой цѣли толкуетъ Казиміровъ. Сдѣлавъ ротъ трубкой и шевеля мясистымъ языкомъ, Силуановъ пускалъ нѣсколько дымныхъ колецъ одно въ другое и, полюбовавшись ими, рѣшилъ:

— *Цѣль*—когда выбираютъ васъ, а тамъ уже *служба*... вотъ и все!

Марья Корнѣевна видѣла въ Казиміровѣ кавалера совсѣмъ непохожаго на другихъ: женской душой она угадывала въ немъ что-то „интересное“ и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятное ей. Мѣняясь съ Казиміровымъ книгами, она встрѣчала въ нихъ нерѣдко „отмѣтку рѣзкую ногтей“ и старалась угадать по ней что-нибудь. Но и отмѣтки эти были необычныя: отмѣчалось не чувствительное восклицаніе или красивое выраженіе, а какая-нибудь фраза, видимо блеснувшая предъ читавшимъ и тронувшая мысль, но сама по себѣ нѣмая и мало значащая. Встрѣчались даже замѣтки на поляхъ, въ родѣ такой: „Жизнь отрываетъ васъ отъ корня и пускаетъ по теченію. Вы зацѣпитесь гдѣ-нибудь, покружитесь, постоитесь... но развѣ можно сказать, что тутъ и есть ваше мѣсто?.. Дальше! туда, туда!.. а гдѣ конецъ и цѣль?“..—Все это было

темно, загадочно, особенно для Марьи Корнѣевны, но интересовало ее.

Въ городѣ стали уже поговаривать о необыкновенномъ счастьѣ, выпадающемъ на долю Казимірова. Статскіе и военные ухаживатели за барышней Силуановой стали видѣть въ Казиміровѣ своего врага; въ каждомъ изъ нихъ уже кипѣла та сдержанная, тайная горечь, которая ждетъ только случая вылиться на соперника. Но тутъ мы должны на минуту прервать разсказъ.

Въ числѣ типовъ, порожденныхъ нахлынувшюю въ городокъ новизной, выдался ямщикъ—татаринъ Ахметка. До этого времени Ахметка—ходившій лѣтомъ въ одной тюбетейкѣ на бритой головѣ и въ рубахѣ до полу—держалъ тройку исхудалыхъ разгонныхъ лошадей, на которой и тянулся то-и-дѣло отъ города до первой станціи, какъ тянулась кругомъ, также захудалая, лѣнливо передвигавшая ноги жизнь. Но вотъ жизнь какъ будто очнулась, подняла голову; закипая то тамъ, то сямъ, она забила, наконецъ, ключомъ и двинулась. Двинулся вмѣстѣ съ нею и Ахметка. Онъ приодѣлся, завелъ,сообразно съ потребностями новой жизни, „тройку-птицу“ и сталъ летать на ней съ адвокатами, банковскими дѣльцами, съ героями и героинями также порожденныхъ новою жизнью приключеній. Въ то время какъ ямщики погибали кругомъ, подорванные желѣзною дорогой и сбитые съ толку новизной, Ахметка взглядѣлся въ жизнь зоркимъ татарскимъ глазомъ и понялъ ее: все, что связывалось въ ѣздѣ съ трудомъ и заботой, онъ предоставилъ своимъ собратьямъ; все, что отличалось ухарствомъ и весельемъ, давая богатый заработокъ, онъ завоевалъ себѣ.

Лошади у Ахметки были замѣчательныя: башкирки съ распоротыми ноздрями, умныя и неутомимыя; въ тройкѣ убранныя бляхами и сафьяномъ съ причудливостью восточнаго вкуса, онѣ походили на сказочныхъ коней и понимали каждое слово Ахметки. Только съ врожденной способностью и любовью кучера-татарина къ лошадямъ можно было такъ вымуштровать дикую тройку и умѣть ладить съ нею. Среди своихъ сѣдочковъ Ахметка также отличилъ Казимірова и полюбилъ его за страсть къ лошадямъ и пониманіе настоящей „охотницкой“ ѣзды; переимавъ по своему фамилію Казимірова, онъ сталъ звать его Казимиръ-Юнгаръ. Казимірова заинтересовала оригинальная коренастая фигура

Ахметки, внутри которой, казалось, сидѣло что-то демоническое. Онъ любилъ видѣть эту фигуру съ почти безбородымъ, скуластымъ лицомъ, съ узкими глазами, въ которыхъ такъ и свѣтился шутоватый умъ, съ лисьимъ малахаемъ надъ торчавшими ушами и въ ловко сидѣвшемъ армякѣ съ лисьей выпушкой; онъ приходилъ въ восторгъ отъ свѣта Ахметки, отъ его разговоровъ съ лошадьми, отъ выкриковъ, прибаутокъ и татарскихъ пѣсенъ.

Въ минуты хандры, часто даже позднею ночью, Казиміровъ посылалъ за Ахметкой, и они уносились на тройкѣ далеко за городъ, въ непредѣльную ширь морозной пустыни, тихо спавшей подъ звѣзднымъ шатромъ. Фыркая и разливая мелодичный звонъ бубенчиковъ, тройка плыла, ныряя въ облакахъ снѣжнаго инея; точно бисеромъ сыпало въ лицо; искрилась въ холодныхъ перебивахъ даль, полная туманныхъ призраковъ, и чѣмъ-то, тянувшимъ къ себѣ и трепетно-страшнымъ такъ и охватывало... „Шайтанъ!“ говорилъ Ахметка, давая вздохнуть тройкѣ и указывая вдумомъ на виднѣвшуюся въ сторовѣ, окутанную пушистымъ снѣгомъ, стройную березу. Казиміровъ смотрѣлъ и видѣлъ, какъ „шайтанъ“, волнуясь въ голубой туманной мглѣ, тянулся къ высоко горѣвшимъ стожарамъ, а дальніе призраки снѣжили къ нему, то надвигаясь, то пропадая, причудливые, легкіе, какъ тѣни. „Ахметка, пой!“—говорилъ Казиміровъ. „Го-го-го!“ заливался вмѣсто пѣсни Ахметка. Дико звучали перебаты его голоса и, точно схваченные кѣмъ, глухо пропадали вдаль. „Морозъ... не споешь!“—говорилъ Ахметка, передергивая плечами, и, подбравъ возжи, гикалъ на тройку.

Теперь возвратимся къ разсказу.

Казиміровъ продолжалъ бывать у Силуяновыхъ и поддерживать этимъ вѣру въ городскіе толки.

Однажды, подъ вечеръ, Казиміровъ пришелъ къ Ахметкѣ и сталъ торопить его закладывать тройку, чтобы ѣхать въ сосѣдній городъ, гдѣ Казиміровъ думалъ остаться ночевать. Пока Ахметка съ сыномъ возились около лошадей, Казиміровъ калечалъ въ избѣ съ бабами. Скоро лошади были готовы, и Казиміровъ уѣхалъ. Вслѣдъ затѣмъ въ избѣ Ахметки поднялась суматоха: у татарки пропалъ лежавшій на окнѣ уборъ, снѣванный изъ десяти серебряныхъ рублевиковъ и трехъ червонцевъ. Въ избѣ поставили все вверхъ дномъ. Татарка плакала и на всѣ разпросы говорила одно: „Кази-Миръ-Юнкаръ тутъ сидѣлъ“. Сынъ Ахметки осѣдлалъ

лошадь и бросился догонять тройку. Тройки онъ не догналъ и въ городѣ не встрѣтился съ отцомъ; недолго думая, онъ явился въ полицію.

Казимірова нашли въ трактирѣ. Онъ игралъ съ маркеромъ на бильярдѣ, былъ замѣтно выпивши и... въ лузѣ бильярда, какъ ставка игры, лежали три серебряныхъ рублевика. Власти пригласили Казимірова въ особую комнату. Онъ удивленно посмотрѣлъ вокругъ, положилъ кій поперекъ бильярда, отряхнулъ мѣлъ на рукавѣ мундира и пошелъ вмѣстѣ съ властями. Когда всѣ вышли въ корридоръ, раздался выстрѣлъ, и Казиміровъ упалъ... Онъ ранилъ себя въ грудь и его замятво свезли въ больницу.

Легко прелставить себѣ, что произошло въ городѣ, когда получила тамъ эта новость. Но мы не будемъ описывать этого. Скажемъ только, что такого скандала городъ и не запомнилъ.

Какъ водится, всѣ стали жалѣть Казимірова. Предсѣдатель и прокуроръ суда думали, что если Казиміровъ выздоровѣетъ отъ раны, то на судебномъ слѣдствіи окажется психозъ, а не злая воля обвиняемаго. Ожидался безпримѣрно-интересный процессъ; дамы придумали даже особый костюмъ для зала суда—полутрауръ съ вырѣзнымъ лифомъ... Вдругъ дѣло получило совсѣмъ неожиданный оборотъ: вызванный къ слѣдователю Ахметва показавъ, что никогда никакого убора у него въ домѣ не пропадало; что предъявляемые ему рубли и червонцы, правда, были прежде на уборѣ, но пущены имъ, Ахметвой, въ размѣнъ и даны Казимірову какъ сдача съ полученной отъ него бумажки.

— Какъ такъ?—проговорилъ оторопѣвшій слѣдователь.—За чѣмъ же твой сынъ заявлялъ?

— Сынъ глупый. Не зналъ и своимъ башка разсудилъ.

Процессъ не состоялся.

Добрякъ Силуановъ, искренно огорченный несчастіемъ съ Казиміровымъ, воскликнулъ, разговаривая съ предводителемъ:

— Какъ можно, чтобы рѣшился онъ!.. Нѣтъ: это чистый... чистый фаталистъ!

— Какъ фаталистъ?—удивился предводитель.—А пожалуй, —согласился онъ, подумавъ: — по нашему времени и фаталисты должны быть особенные.

Казиміровъ выздоровѣлъ, и его не видали больше въ городѣ. Всюлыхнувшаяся жизнь скоро улеглась и снова покатила свои из-

мѣнчивыя волны—все тѣ же на видѣ, но въ каждой каплѣ иныя. Замелькали новыя лица—новые виды старыхъ, вѣчно по новому кипящихъ, силъ и страстей человѣка... и своеобразный „фаталистъ“ отошелъ въ область преданій. Только Ахметга помнилъ о немъ. Поберегая свою тройку, онъ оборачивалъ къ новому сѣдоку скуластое лицо и начиналъ разсказъ о томъ, какъ любилъ ѣздить съ нимъ и какой удивительный человѣкъ былъ Кази-Миръ-Юнкаръ, съ каждымъ разомъ все больше и больше расцвѣчая его образъ фантастическими тонами восточныхъ красокъ... Да еще... атласный листокъ со стихами Казимірова въ альбомѣ засидѣвшейся въ невѣстахъ барышни Силуановой поблекнулъ и покоробился,—точно на него упали крупныя капли дождя...

Н. СѢВЕРОВЪ.

ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

М. Е. САЛТЫКОВА

„Современникъ“, 1863—1864.

Окончаніе.

III ¹⁾.

Въ числѣ статей Салтыкова, не вошедшихъ въ собранія его сочиненій и частью теперь забытыхъ, или совсѣмъ неизвѣстныхъ даже его почитателямъ, очень любопытны статьи, гдѣ высказываются его литературныя мнѣнія. Отчасти эти мнѣнія встрѣчаются въ тѣхъ публицистическихъ хроникахъ, на которыхъ мы до сихъ поръ останавливались, отчасти въ специальныхъ критическихъ замѣткахъ по поводу разныхъ явленій тогдашней литературы, крупныхъ и мелкихъ. Литературныя взгляды большихъ писателей всегда интересны: они объясняютъ собственную дѣятельность писателя и могутъ доставлять важныя черты вообще для опредѣленія процесса художественнаго творчества. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи литературныя взгляды Салтыкова нерѣдко чрезвычайно характерны.

Салтыковъ и въ упомянутыхъ трудахъ, и, кажется, нигдѣ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ не касался общихъ вопросовъ объ искусствѣ и о существѣ поэзіи, и вообще онъ не вдавался въ

¹⁾ См. выше: ноябрь, стр. 181.

отвлеченную философію; основа его взглядовъ въ этомъ отноше-
 нии была, безъ сомнѣнія, та же, какая господствовала въ сороко-
 выхъ годахъ, именно въ послѣдніе годы дѣятельности Бѣлинскаго;
 тѣмъ не менѣе въ его отзывахъ о данныхъ литературныхъ фактахъ
 найдется много оригинальнаго. Прежде всего проходить во всѣхъ
 его сочиненіяхъ,—не говоря о тѣхъ частныхъ эпизодахъ, на ко-
 торыхъ мы теперь остановимся,—высокое представленіе о лите-
 ратурѣ: любовь къ литературѣ, это—необходимая стихія его
 жизни, это точно болѣзнь по тѣмъ испытаніямъ, какія она по-
 стоянно приносить съ собою, но въ то-же время—единственная
 дѣятельность, гдѣ онъ находитъ нравственное удовлетвореніе, гдѣ
 можетъ дать мѣсто своимъ задушевнымъ стремленіямъ. вмѣстѣ
 съ тѣмъ литература есть дѣятельность общественная, со всѣми
 обязанностями, какія налагаетъ подобная дѣятельность, и даже
 по преимуществу влекущая за собой строгую отвѣтственность:
 въ области литературы дѣйствіе писателя не есть единичный по-
 ступокъ, утопающій въ массѣ другихъ фактовъ, гдѣ ошибка мо-
 жетъ не имѣть особливо серьезныхъ послѣдствій; дѣйствіе писа-
 теля не ограничивается данной минутой,—оно закрѣпляется пе-
 чатью, и какъ благотворное, такъ и зловредное вліяніе его ра-
 пространяется на массу людей и на продолжительное время.
 Сужденія Салтыкова въ вопросахъ литературы поэтому всегда
 очень суровыя—не только въ публицистикѣ, гдѣ ставятся пря-
 мые общественные вопросы, но и въ поэтической области, по-
 тому что и послѣдняя всегда болѣе или менѣе, явно или кос-
 венно, соприкасается съ тѣми же общественными вопросами. Мы
 увидимъ дальше, что онъ мало вѣритъ въ такъ-называемое „чи-
 стое искусство“: такимъ искусствомъ не были, по его взгляду,
 даже произведенія, повидимому отрѣшенные отъ непосредствен-
 ной дѣйствительности и посвященныя общимъ вопросамъ нрав-
 ственной человѣческой жизни. Въ узкихъ предѣлахъ нашей лите-
 ратуры это чистое искусство есть тѣмъ болѣе нѣчто воображае-
 мое. Напротивъ, литература тѣснѣйшимъ образомъ связана съ
 дѣйствительною жизнью, гдѣ вѣчно идетъ борьба враждебныхъ
 принциповъ или различныхъ ступеней развитія: писатель созна-
 тельно или безсознательно, но непремѣнно становится на ту или
 другую сторону, становится партизаномъ или врагомъ того или
 другого соціальнаго или нравственнаго начала. У него можетъ
 не быть такъ-называемой „тенденціи“, т. е. какой-либо специаль-
 ной, намѣренно-придуманной цѣли, но принадлежность къ тому
 или иному лагерю тѣмъ не менѣе высказывается. Мы видѣли, какъ
 горячо Салтыковъ принималъ въ сердцу то броженіе или то ша-

танье понятій, какое послѣдовало въ нашемъ обществѣ и литературѣ тотчасъ послѣ исполненія крестьянской реформы; въ тогдашней печати не было, кажется, другого примѣра таковой страстности, какая обнаруживалась въ обличеніяхъ Салтыкова. Ренегатство однихъ, запутанное резонерство другихъ вызывали въ немъ или язвительную насмѣшку, или раздражительное негодованіе, или, наконецъ, глубоко серьезныя указанія на простую сущность совершавшихся явленій. То же чуткое вниманіе направлялось у него и на произведенія чисто литературныя.

Въ предыдущемъ изложеніи мы встрѣчались уже не разъ съ его мимоходными отзывами о романѣ Тургенева, въ то время самомъ крупномъ литературномъ явленіи, которое на многіе годы дало пищу литературнымъ толкамъ и, въ сущности, продолжаетъ давать ее до сихъ норъ. Очень возможно, что самъ Тургеневъ не ожидалъ того дѣйствія, какое произвели „Отцы и Дѣти“; дѣйствіе было однако очень большое, не потому, чтобы романъ дѣйствительно вѣрно угадалъ и изобразилъ настоящее состояніе умовъ и характеръ двухъ поколѣній (хотя частію было и это), но потому, что общая тема въ самомъ дѣлѣ затронула спорный пунктъ или больное мѣсто тогдашняго общественнаго разлада. Сюжетъ, не важный въ романическомъ смыслѣ, направленъ былъ на различіе или противоположность двухъ поколѣній. Противоположность несомнѣнно была и притомъ чрезвычайно крупная, историческая. Она назрѣвала давнымъ-давно: въ молодыхъ поколѣніяхъ еще съ Николаевскихъ временъ, особливо съ „сороковыхъ“ годовъ, накоплялось отрицательное отношеніе къ господствующимъ идеямъ и нравамъ и стремленіе къ иному, болѣе человѣчному порядку вещей. Въ новое царствованіе эти давніе порывы нашли удовлетвореніе въ крестьянской реформѣ. Освобожденіе крестьянъ затронуло матеріальные интересы именно того сословія, которому принадлежало наибольшее образованіе, въ средѣ котораго по преимуществу развивались и созрѣвали прогрессивныя стремленія. Наиболѣе просвѣщенная и великодушная часть этого сословія помирилась съ матеріальными потерями, привѣтствовала реформу и положила на ея осуществленіе прилежный, добросовѣстный трудъ; но понятно, что не такъ относилась къ дѣлу масса этого сословія. Въ массѣ не бываетъ героевъ и великодушныхъ людей; въ ней должны были сгязаться нарушенные матеріальные интересы, тѣмъ болѣе, что для очень многихъ потеря становилась настоящимъ экономическимъ кризисомъ и къ перенесенію этого кризиса большинство не было ни предупреждено, ни подготовлено: прежніе, очень недавніе по-

рядки, въ которыхъ еще вчера жило общество, напротивъ, категорически настаивали на неизмѣнности крѣпостного права, какъ одной изъ государственныхъ „основъ“, сомнѣнiе въ которомъ не допускалось и каралось какъ политическое преступленiе. Понятно, что вся эта масса—и къ ней принадлежало также много влиятельныхъ и богатыхъ людей стараго вѣка—хотя и покорилась необходимости, но въ душѣ отвергала реформу самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ несправедливость и даже какъ государственную ошибку, допустившую въ такомъ серьезномъ и громадномъ вопросѣ тотъ либерализмъ, который еще въ недавнее время столь строго преслѣдовался самой властью. Съ отрицанiемъ реформы соединялось у этихъ людей отрицанiе всего новаго порядка идей, который получилъ возможность хотя до извѣстной степени высказаться съ первыхъ годовъ новаго царствованiя, и раздраженные враги освобожденiя крестьянъ, разумѣется, не щадили красокъ для изображенiя превратныхъ и опасныхъ принциповъ новѣйшаго либерализма. Въ первое время нашего „прогресса“ послѣ Крымской войны, эта консервативная точка зрѣнiя замолкла и почти не высказывалась, подъ давленiемъ фактовъ, слишкомъ краснорѣчиво изобличавшихъ старый застой, а также подъ давленiемъ авторитета самой власти, которая хотя весьма осторожно и въ уклончивыхъ формахъ, но тѣмъ не мѣнѣе рѣшительно заявила инициативу крестьянской и другихъ реформъ; отчасти въ то время эта консервативная партiя еще не имѣла достаточнаго матеріала для нападенiй на либерализмъ, отождествленный съ молодымъ поколѣнiемъ, которое въ то время естественно стало его ревностнымъ прозелитомъ. Но это длилось не долго. „Либерализмъ“, говоря вообще, былъ по всѣмъ историческимъ преданiямъ не во вкусѣ нашего быта, и то настроенiе, какое питалось большинствомъ, въ концѣ концовъ взяло верхъ въ общественной массѣ, а также и во взглядахъ правительства. Началось обратное теченiе и съ перваго раза еще съ 1861, а особливо съ 1862 года, хлынулъ потокъ злостныхъ обвиненiй противъ молодого поколѣнiя, гдѣ всякое льво стало ставиться въ строку, даже такое льво, которое совсѣмъ къ дѣлу не относилось; въ литературѣ начались отступничества, благо-разумныя разсужденiя о „постепенности“, философскiя размышленiя о „почвѣ“, а затѣмъ злостные походы и прямые доносы на либерализмъ молодыхъ поколѣнiй и тому подобное; въ жизни общественной—соотвѣтственныя явленiя.

Въ эту минуту явился романъ Тургенева. Мы говорили прежде, какъ онъ былъ принятъ разными лагерями. Салтыковъ замѣчалъ

съ уборизной, что Тургеневъ оказалъ услугу реакціонному лагерю, выдумавши слово „нигилизмъ“: въ немъ нашли готовую кличку для понятія, котораго не умѣли до тѣхъ поръ выразить противники молодого поколѣнія, но кличку бессмысленную, потому что она давала только брань, а вовсе не опредѣленіе весьма серьезнаго общественнаго разлада. Нѣтъ сомнѣнія, и самъ Салтыковъ, вѣроятно, не сомнѣвался, что Тургеневъ нисколько не рассчитывалъ такъ услужить крѣпостникамъ; его противоположеніе отцовъ и дѣтей вращалось въ другой области: отцы—это люди сороковыхъ годовъ, какъ онъ ихъ понималъ, идеалисты и любители изящнаго; дѣти—это сухіе реалисты, равнодушные къ искусству и доводящіе разсудочный анализъ до разрушенія всѣхъ тѣхъ поэтическихъ стремленій, которыя одни облагораживаютъ человеческую жизнь. Но, не говоря о томъ, что внѣшнимъ образомъ появленіе романа Тургенева было обставлено весьма для него неблагоприятно—романъ появился въ журналѣ, въ то время явно вступавшемъ на реакціонный путь,—и такъ или иначе встрѣтилъ сочувствіе въ такихъ сферахъ, сочувствіе которыхъ ему самому бывало въ другое время нежелательно; и не говоря о томъ, что въ романѣ несомнѣнно отразились въ той или другой степени чисто личныя антипатіи писателя, Салтыковъ видѣлъ глубокую ошибку въ самомъ изображеніи двухъ поколѣній. Идеализмъ людей сороковыхъ годовъ, которому Тургеневъ посвятилъ здѣсь столько сочувствій, имѣлъ свои слабыя стороны: если въ средѣ лучшихъ представителей той эпохи этотъ идеализмъ велъ къ дѣятельному протесту противъ невѣжественнаго застоя и безчеловѣчныхъ нравовъ, то въ людяхъ средняго, обыкновеннаго уровня онъ слишкомъ часто вырождался въ простое идеальничанье, въ маниловское самодовольство, которое сводилось къ лѣнивой мечтательности въ самой средѣ крѣпостнаго быта. Съ другой стороны, опредѣлить стремленія новыхъ поколѣній какъ „нигилизмъ“, слово, которое, по замѣчанію Салтыкова, не имѣетъ никакого смысла, значило совсѣмъ не понять этихъ стремленій, въ которыхъ, напротивъ, было, можетъ быть, не вполне выработанное (по внѣшней невозможности), но весьма опредѣленное содержаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ былъ авторитетный писатель, за которымъ надо было предполагать близкое знакомство съ дѣломъ, писатель, за которымъ признавали знаніе русскаго общества и въ томъ лагерѣ, противъ котораго онъ теперь несомнѣнно выступалъ. Потому неправильность, то-есть просто фактическую невѣрность изображенія Салтыковъ считалъ тѣмъ болѣе предосудительной ошибкой Тургенева, тѣмъ болѣе вредными ея послѣдствія, и

это было справедливо. Салтыковъ подмѣтилъ вѣрно слабую сторону тургеневскихъ идеалистовъ, изъ которыхъ, какъ онъ подозревалъ, могли бы выходить отличные молодые дѣльцы новѣйшаго реакціоннаго направленія, какихъ онъ въ изобилии изображалъ въ своихъ произведеніяхъ съ первыхъ 60-хъ годовъ ¹⁾. Сколько мы знаемъ, у Салтыкова осталась до конца доля извѣстнаго недоуверія въ Тургеневу, именно недоуверія въ правильности его пониманія нашихъ общественныхъ отношеній.

Въ ту пору, какъ извѣстно, появился цѣлый рядъ обличительныхъ повѣстей и романовъ, направленныхъ противъ молодого поколѣнія: „Маревъ“ Клюшникова, „Взбаламученное море“ Писемскаго, „Некуда“ Лѣскова и т. п. Тургеневъ, въ романѣ котораго и кромѣ фигуры Базарова были обличительныя подробности по адресу молодого поколѣнія, являлся какъ бы инициаторомъ этого направленія, и появленіе такихъ сотрудниковъ въ ту пору увеличивало неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное въ другой долѣ литературы „Отцами и Дѣтьми“. Не мудрено, что Салтыковъ могъ цитировать героевъ и героинь Тургенева на ряду съ таковыми же Клюшникова.

Въ началѣ 1864 года ²⁾ Салтыковъ далъ свой отзывъ и по поводу „Марева“. Этотъ романъ, теперь, кажется, абсолютно забытый, въ свое время произвелъ пріятное впечатлѣніе между людьми, находившими удовольствіе въ травлѣ молодого поколѣнія. Салтыковъ остановился на немъ не ради какихъ-нибудь литературныхъ достоинствъ—онъ ихъ совершенно не находилъ и считалъ романъ младенческимъ произведеніемъ,—а какъ на примѣръ тогдашнихъ общественныхъ вкусовъ. Романъ появился въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ немъ изображены два различные, даже противоположные типа или міровоззрѣнія въ средѣ моло-

¹⁾ Выше мы упоминали въ одной изъ общественныхъ хроникъ Салтыкова („Современникъ“, 1864, № 3) одинъ изъ первыхъ типовъ этого рода, представленный Салтыковымъ, типъ молодого бюрократа, воспитаннаго „въ очень миломъ заведеніи, имѣвшемъ спеціальностью выпускать изъ нѣдръ своихъ совершенно готовыхъ общественныхъ дѣятелей“, и, несмотря на свою молодость, уже выработавшаго теорію ежовыхъ рукавицъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе вліятельныхъ покровителей. Начиная говорить объ этомъ типѣ, Салтыковъ замѣчаетъ, что на этого рода молодыхъ поколѣній „могутъ съ доуверчивостію и любовію отдохнуть взоры московскихъ публицистовъ“. „И еслибы,—продолжаетъ Салтыковъ,—И. С. Тургеневъ попристальнѣе слѣдилъ за нашею современностію, то нѣтъ сомнѣній, что отъ наблюдательнаго взора его не ускользнуло бы это новое явленіе русской жизни. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже въ изображеніи молодого Кирсанова (въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“) онъ обнаружилъ нѣкоторые признаки знакомства съ нимъ“.

²⁾ „Современникъ“, № 3.

дого поколѣнія: одинъ типъ — спеціально „нигилистическій“, состоящій изъ всякаго рода мальчишескихъ отрицаній, будто бы „политическаго“ бреда, типъ, въ которому авторъ ощущаетъ и старается внушить величайшее презрѣніе; другой типъ въ средѣ того же молодого поколѣнія отличается, напротивъ, великимъ благоразуміемъ и даже старческою мудростью. Это нѣкто Русановъ, видимо олицетворяющій идеалы автора и заключающій въ себѣ, по его мнѣнію, полное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какіе могли возникать въ нашемъ общественномъ положеніи. Типъ Русанова представлялъ собой цѣлую точку зрѣнія, которая рекомендовалась обществу, и Салтыковъ, оставляя въ сторонѣ обличительную сторону романа, рядъ лицъ, долженствовавшихъ изобразить превратныя идеи и испорченность молодого поколѣнія, остановился въ особенности на этомъ Русановѣ.

„Герой этого романа, Русановъ, человѣкъ еще молодой, едва начинающій свое жизненное поприще, но уже спокойно расположившійся въ лагерѣ мысли, безопасно торжествующей и неотразимо нападающей¹⁾. Какимъ образомъ онъ пришелъ въ этому безматежію, авторъ не объясняетъ и заставляетъ читателя предполагать, что человѣкъ этотъ такъ и родился уже мудрецомъ. Тѣ вопросы, въ постановкѣ которыхъ сгораютъ цѣлыя поколѣнія, въ его глазахъ совсѣмъ не составляютъ вопросовъ, а просто представляютъ собой явленія горячечнаго бреда, о чемъ — трудно объяснитьмаго, а по результатамъ своимъ даже и опаснаго. Даже не на томъ совсѣмъ настаиваетъ этотъ юный герой, что нельзя съ презрѣніемъ обходить дѣйствительность, что необходимо считаться съ нею даже въ томъ случаѣ, если она положительно тѣснить и гнететъ — на этомъ-то пунктѣ, пожалуй, можно было бы и поговорить съ нимъ, — но на томъ, что никто не имѣетъ даже права возмущаться дѣйствительностью уже потому одному, что она дѣйствительность, и что ничья мысль не должна выходить за предѣлы той сферы, которая почему-то и кѣмъ-то признана для нея достаточною. Такое возрѣніе на жизнь очень замѣчательно, въ особенности, если обладатель его, Русановъ, самъ принадлежитъ къ молодому поколѣнію, ибо молодость, при обыкновенныхъ условіяхъ, скорѣе склонна къ преувеличеніямъ, а здѣсь

¹⁾ Эта „безопасно торжествующая“ и „неотразимо нападающая“ мысль означаетъ то реакціонное направленіе, которое свило тогда гнѣздо въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Нашемъ Времени“ и частью въ другихъ изданіяхъ, и въ тогдашнемъ реакціонномъ направленіи самой власти „безопасно“ предавалось всякимъ инсинуаціямъ противъ потерявшаго право существованія либерализма.

она является наклонною къ сокращеніямъ. Стало быть, здѣсь что-нибудь одно изъ двухъ: либо преждевременная зрѣлость, либо фаталистическая ограниченность“.

Салтыковъ говоритъ, что если вникнуть въ дѣло, то это скорѣе ограниченность. Герой Ключникова не заявляетъ себя врагомъ прогресса, но, повидимому, не понимаетъ значенія этого слова.

„Умственному его оку представляются два прогресса: одинъ какой-то шутовской и пошловатый, другой разумный; противъ перваго онъ вооружается, второму сочувствуетъ. Первый представляется ему въ видѣ или гимназическихъ и кадетскихъ протестовъ (въ сущности, очень невинныхъ, существовавшихъ всегда съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ гимназіи и корпуса, и подлежащихъ обличенію развѣ со стороны одного училищнаго начальства), или же въ видѣ темной интриги, всецѣло зиждущейся на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыми пронизана и столь любезная ему дѣйствительность. Еслибы Русановъ тѣснѣе специализировалъ предметы своихъ антипатій, еслибы онъ сказалъ прямо: мнѣ кажутся ничтожными гимназическіе протесты и не дозволительными тѣ попомзновенія, которымъ даетъ мѣсто слишкомъ возбужденное чувство національности, тогда, по крайней мѣрѣ, видно было бы, о чемъ онъ говоритъ; но онъ болѣе заставляетъ догадываться и подозрѣвать, нежели объясняетъ, и потому въ умѣ читателя невольно возникаетъ сомнѣніе, что тутъ идетъ рѣчь совсѣмъ не о школьныхъ продѣлкахъ и не объ интригахъ, а о чемъ-то другомъ. Въ чемъ заключается это „другое“, Русановъ не даетъ положительнаго отвѣта, потому что и самъ не знаетъ того явленія, которое возбуждаетъ въ немъ враждебное чувство. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду тѣ самыя бранныя слова, о которыхъ говорено выше, но выбираетъ гимназическія продѣлки и интриги потому единственно, что они болѣе доступны его пониманію, потому что они представляютъ болѣе поводовъ для увеселенія и потому, наконецъ, что поражать на другой почвѣ было бы не совсѣмъ для него удобно. Отсюда непрерывная путаница; едва начнетъ читатель утѣшаться вмѣстѣ съ авторомъ описаніями невинныхъ затѣй взбудораженной гимназической мысли, какъ Русановъ уже спѣшитъ изгладить веселое впечатлѣніе неприятыми намеками на то, что эти затѣи совсѣмъ не такъ невинны, какъ кажутся, но что онѣ суть порожденіе того вреднаго вліянія, которое пронизываетъ извнѣ, вслѣдствіе распространенія въ обществѣ нѣкоторыхъ темныхъ силъ, о которыхъ ему, Русанову, достоверно извѣстно. И такъ какъ Русановъ ничего, кромѣ намековъ, все-таки не даетъ (ибо, по ограниченности своей, и дать-то ничего

другого не можетъ), то простодушный читатель такъ и остается при наивномъ убѣжденіи, что въ гимназическихъ протестахъ заключается весь смыслъ русскаго прогресса“.

Дальше Салтыковъ опредѣляетъ понятіе Русанова о прогрессѣ изъ его собственныхъ рѣчей и дѣйствій.

„Онъ что-то любить, о чемъ-то волнуется, въ чему-то стремится, но все это дѣлаетъ до такой степени *разумно, основательно и аккуратно*, что читателю кажется, что онъ вовсе ничего не любитъ, вовсе ни о чемъ не волнуется и вовсе ни къ чему не стремится. Это убѣжденіе еще больше укрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что къ чему бы ни прикоснулся нашъ юный скопецъ, за что бы онъ ни принялся, вездѣ онъ проваливается самымъ постыднымъ образомъ. Чтобы показать, какъ слѣдуетъ дѣйствовать истинному гражданину, онъ поступаетъ на службу въ гражданскую палату (причемъ довольствуется весьма скромною должностію) и проваливается; чтобы показать, какъ слѣдуетъ имѣть общеніе съ народомъ, онъ идетъ уговаривать взбудораженныхъ крестьянъ — и проваливается. И хотя неудачи свои онъ объясняетъ темною интригой, которая, словно чудомъ какимъ, охватила цѣлый здоровый край, однако это натяжка, очевидная для всякаго сколько-нибудь смышленнаго читателя. Отчего же ваша *правда*, г. Русановъ, такъ слабо дѣйствуетъ, а эта *ложь*, противъ которой вы ратуете, представляется вамъ всесильною? Вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ въ умѣ всякаго, слушающаго вашу умѣренно-либеральную размазню, и на который вы, конечно, не отвѣтите. А дѣло, между тѣмъ, очень просто; причина вашего неуспѣха заключается совсѣмъ не въ общемъ затмѣннн здраваго смысла и не въ всесильномъ владычествѣ лжи, а въ томъ, что вы, говоря по правдѣ, ничего никогда не любили, ничего никогда не желали, и выдаете за правду ту теорію кашпуняго самодовольства, которая можетъ удовлетворять только людей положительно нищихъ духомъ“.

Изъ своихъ изученій Русанова и его понятій о прогрессѣ, Салтыковъ выводитъ заключеніе, что авторъ романа неправильно понималъ это лицо. „Вообще этотъ типъ, — говоритъ онъ, — очень замѣчательный по той внутренней комической струѣ, которая изобильно течетъ въ немъ, и тѣмъ больше досадно, что талантливый авторъ не только не воспользовался этою струею, но даже относится къ своему герою очень серьезно“.

Вѣроятно, къ этому самому произведенію относится замѣтка Салтыкова въ предшествующей общественной хроникѣ. Салтыковъ

выражаетъ огорченіе по поводу господства въ нашей литературѣ соглядатайскаго элемента.

„На дняхъ, напримѣръ, я прочиталъ въ одномъ журналѣ повѣсть начинающаго писателя, и не знаю почему, но мнѣ показалось, что я провелъ нѣсколько часовъ въ обществѣ милаго, образованнаго и талантливаго квартальнаго надзирателя. Это меня огорчило. Не потому огорчило, чтобы я находилъ сравненіе съ квартальнымъ надзирателемъ невыгоднымъ для русскаго литератора, но потому собственно, что я (говоря слогомъ „Московскихъ Вѣдомостей“) осмѣливался думать, что оба эти должностныя лица могутъ приносить пользу каждый на своемъ мѣстѣ.

„Помнится, нѣкогда („Современникъ“ 1863, № 1—2, „Петербургскіе театры“) я находилъ живую органическую связь между цѣлями, которыя преслѣдуетъ искусство, и тѣми, которыя служатъ полиціи. „Цѣль искусства—красота, цѣль полиціи—порядокъ; но чтѣ такое красота? чтѣ такое порядокъ? Красота есть гармонія, есть порядокъ, разсматриваемый въ сферѣ общей, такъ сказать, идеальной; порядокъ, въ свою очередь, есть красота... красота, такъ сказать, государственная“. Вотъ чтѣ говорилъ я годъ тому назадъ, и такъ какъ не отрицаюсь отъ этого взгляда и до днесь, то весьма естественно, что не могу порицать его и въ начинающихъ моихъ собратьяхъ по ремеслу. Тѣмъ не менѣе, не знаю почему, но я совсѣмъ не былъ бы огорченъ, еслибъ въ примѣненіи этого взгляда, въ проведеніи его въ литературу замѣшалась нѣкоторая непослѣдовательность. Мнѣ кажется, что это даже нисколько бы не отняло цѣны у дебюта молодого писателя“.

Салтыковъ находить, что лучше было бы, еслибы у автора проявился какой-нибудь недостатокъ, какая-нибудь „юная запальчивость“, которая имѣетъ въ юности неотразимую прелесть, немѣнѣе овладѣть формой: читатели оцѣнили бы этотъ молодой задоръ и вѣроятно не ошиблись бы въ своей снисходительности. „Но я положительно не знаю болѣе горькаго горя, какъ то, когда начинающій писатель съ перваго же разу является совсѣмъ мастеромъ своего дѣла. Такому писателю я ничего не могу предвѣщать въ будущемъ, ибо ему уже некуда развиваться, ибо онъ завялъ и сморщился при самомъ своемъ рожденіи“. И онъ прибавляетъ дальше: „Читатель! это правда, что я говорю съ тобой обиняками, но надѣюсь, что ты поймешь то чувство, которое заставляетъ меня не называть никого“.

Рѣчь шла, повидимому, о „Маревѣ“. Предсказаніе Салтыкова осуществилось. Авторъ этого романа въ своихъ позднѣйшихъ

произведеніяхъ не выбился изъ самой ординарной посредственности.

Не болѣе высокаго мнѣнія былъ Салтыковъ о патентованномъ писателѣ, который въ тѣ же годы возымѣлъ несчастную мысль явиться обличителемъ новыхъ стремленій молодого поколѣнія. Выше мы упоминали мимоходный отзывъ Салтыкова о „Взбаламученномъ морѣ“ Писемскаго, какъ объ удручающемъ произведеніи, которое свойствами своего живописанія способно довести читателя до полной безчувственности, напр., даже въ запаху гутуевскихъ боенъ. Болѣе подробную оцѣнку литературныхъ свойствъ Писемскаго Салтыковъ далъ въ разборѣ извѣстной драмы этого писателя, „Горькая Судьбина“, о которой нѣкогда не мало говорили, но которая оставила въ Салтыковѣ самое неблагоприятное впечатлѣніе, какъ впрочемъ почти вся литературная дѣятельность Писемскаго. Салтыковъ относится къ этому писателю, который славился какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ „реалистовъ“, съ нескрываемой антипатіей. И въ самомъ дѣлѣ, Писемскій при несомнѣнномъ талантѣ отличался такою грубоватостью формы, такимъ первобытнымъ міросозерцаніемъ, которыя дѣлали его совершенно неспособнымъ понять ни сложныхъ явленій общественной жизни, которую онъ брался, однако, изображать, ни психологическаго міра своихъ героевъ. На этотъ разъ Салтыковъ остановился на произведеніи, представлявшемъ картину изъ народнаго быта, гдѣ Писемскій также считался знаткомъ; но по поводу „Горькой Судьбины“ онъ даетъ и вообще характеристику таланта Писемскаго. Пьеса представляла эпизодъ изъ временъ крѣпостнаго права и нѣсколько лѣтъ не могла быть дана на сценѣ, повидимому, изъ какихъ-то опасеній, что она произведетъ слишкомъ возбуждающее дѣйствіе. Салтыковъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве въ слѣдующихъ словахъ:

„Нѣсколько лѣтъ эту драму не давали на театрѣ—вѣроятно, все собирались съ духомъ, какъ бы не слишкомъ ошеломить публику, но наконецъ-таки рѣшились. Оказалось, что публика осталась въ пьесѣ, поставленной на сценѣ, точно такъ же равнодушною, какъ и къ пьесѣ, нѣкогда погребенной на страницахъ „Библиотеки для чтенія“; оказалось, что въ ней нѣтъ ни гремучаго серебра, ни другихъ разрывающихъ составовъ, которые въ ней предполагались. Пьеса прошла тихо, не возбудивъ ничего, кромѣ недоумѣнія и тѣхъ же самыхъ вопросовъ, которые слышались при первоначальномъ появленіи ея въ печати“.

Салтыковъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Писемскаго,

какъ со стороны его художественнаго исполненія, такъ и со стороны его міровоззрѣнія:

„Никто изъ самыхъ рьяныхъ поклонниковъ Писемскаго, конечно, не возьметъ на себя доказывать, что талантъ этого писателя симпатиченъ. Въ немъ прежде всего поражаетъ необыкновенная ограниченность взгляда, крайняя неспособность мысли къ обобщеніямъ и замѣчательная неразвитость. Повидимому, все, что выходитъ изъ ряда самой простой, обыденной жизни: умыванья, одѣванья, питья, ѣды и половыхъ влеченій, совершенно недоступно ему и возбуждаетъ въ немъ насмѣшку и недоверіе. Отношенія автора къ создаваемымъ имъ образамъ и рассказываемымъ происшествіямъ имѣютъ характеръ темный и, такъ сказать, плотяный. Онъ удачно ловитъ внѣшніе признаки и лѣпитъ изъ нихъ фигуры, по большей части довольно выпуклыя, но глаза у этихъ фигуръ всегда оловянные, а той тонкой струи жизни, которая именно и заставляетъ выхваченный изъ дѣйствительности образъ двигаться, радоваться, страдать и трепетать, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Можно сказать, что г. Писемскій относительно героевъ своихъ постоянно исправляетъ роль гробовщика; подобно статуѣ командора въ „Донъ-Жуанѣ“, эти лица проходятъ мимо глазъ читателя и стучатъ своими каменными ступнями.

„Даже въ нашей, насъвозь проникнутой реализмомъ литературѣ, г. Писемскій представляетъ явленіе крайнее и исключительное: онъ и въ ней стоитъ особнякомъ, несмотря на то, что, съ точки зрѣнія внѣшнихъ признаковъ, вполне принадлежитъ ей. Всякій, самый неважный писатель реальной школы, принимаясь за свое дѣло, знаетъ, что онъ хочетъ сказать; въ самомъ ничтожномъ рассказѣ этой категоріи читатель чувствуетъ отношеніе автора къ факту, видитъ мысль, видитъ свѣтъ. Г. Писемскій положительно не знаетъ, что онъ хочетъ сказать и въ какія отношенія можетъ стать въ предмету; онъ выкладываетъ передъ читателемъ груды человѣческихъ тѣлъ и говоритъ: вотъ тѣла, которыя можно было бы назвать мертвыми, еслибъ въ нихъ не проявлялось нѣкоторыхъ низшаго сорта движеній, свойственныхъ, между прочимъ, и человѣческимъ организмамъ. Отсутствие идеала выходитъ полное, міросозерцанія никакого и въ результатъ — страшная духота. Читатель страдаетъ, но совсѣмъ не отъ того, что авторъ выводитъ его изъ состоянія бессознательнаго очарованія и заставляетъ дѣлать посылки отъ дѣйствительности художественной къ дѣйствительности настоящей, а просто отъ того, что его вынуждаютъ нѣсколько времени оставаться въ злокачественной, зараженной тлѣніемъ атмосферѣ. Ясно, что талантъ,

обладающей такими грубыми свойствами, может заявить свою силу только въ созданіи извѣстнаго рода диковинъ, и что интересъ, возбуждаемый этими диковинами, совершенно удовлетворительно объясняется простымъ чувствомъ любопытства⁴⁾.

По этому поводу Салтыковъ объясняетъ съ свойственными ему сильными оборотами, что значить это отсутствіе идеаловъ, равняющееся отсутствію общественнаго взгляда.

„Жить въ тюрьмѣ еще не значить понимать весь ужасъ этого положенія; быть поставленнымъ въ необходимость копать въ навозѣ и нечистотахъ еще не значить сознавать, что эти нечистоты суть дѣйствительно нечистоты, и что роль изыскателя въ настоящемъ случаѣ есть роль ненормальная и даже въ высшей степени противная. Общественное значеніе писателя (а какое же и можетъ быть у него иное значеніе?) въ томъ именно и заключается, чтобы пролить лучъ свѣта на всякаго рода нравственныя и умственныя неурядицы, чтобы освѣжить всякаго рода духоты вѣяньемъ идеала. Какимъ путемъ эта цѣль можетъ быть достигнута—это зависитъ отъ интимныхъ свойствъ каждаго отдѣльнаго таланта, но дѣло въ томъ, что писатель, котораго сердце не переболѣло всѣми болями того общества, въ которомъ онъ дѣйствуетъ, едва ли можетъ претендовать въ литературѣ на значеніе выше посредственнаго и очень скоропреходящаго“.

Салтыковъ предупреждаетъ читателя, что онъ вовсе не требуетъ (какъ обыкновенно думаютъ) изображенія „идеальныхъ людей“, снабженныхъ всякими добродѣтелями; онъ требуетъ только присутствія идеала въ міровоззрѣніи писателя, и этотъ идеалъ можетъ сказаться даже въ изображеніяхъ, наполненныхъ только отрицательными типами. Таковъ „Ревизоръ“ Гоголя. „Никто не станетъ отрицать присутствія идеала въ этой комедіи. Зритель выходитъ изъ театра совсѣмъ не въ томъ спокойномъ состояніи, въ какомъ онъ туда пришелъ; мыслящая сила его возбуждена; обокъ съ запечатлѣвшимися въ его умѣ живыми образами возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые въ свою очередь служатъ исходнымъ пунктомъ для умственной работы совершенно особой и самостоятельной. Зритель становится чище и нравственнѣе совсѣмъ не потому, чтобы онъ вотъ-вотъ сейчасъ пошелъ да и сталъ благодѣтельствовать или раздавать свое имѣніе нищимъ, а просто потому, что сознательное отношеніе къ дѣйствительности уже само по себѣ представляетъ высшую нравственность и выс-

⁴⁾ Напомнимъ при этомъ характеристику Писемскаго, сдѣланную впоследствии г. Венгеровымъ, специально изучавшимъ этого писателя. Его впечатлѣнія и выводы нерѣдко очень совпадаютъ съ заключеніями Салтыкова.

шую чистоту. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы прописать человѣку какой-нибудь буколическій рецептъ, въ родѣ тѣхъ, которые прописываются въ каллиграфическихъ пропискахъ и тѣхъ противныхъ дѣтскихъ книжонкахъ, которыми московское общество распространения бесполезныхъ книгъ отравляетъ нашихъ дѣтей, а въ томъ, чтобы напомнить человѣку, что онъ человѣкъ. Все это очень вѣрно, хотя нѣсколько вычурно, изображено самимъ Гоголемъ въ его „Разъѣздѣ“, который мы не можемъ достаточно рекомендовать писателямъ, упражняющимся, подобно г. Писемскому, на поприщѣ русской беллетристики“.

Нельзя не видѣть, что въ этомъ теоретическомъ изложеніи высказывается собственная природа Салтыкова, какъ писателя. Его произведенія потому и производили впечатлѣніе, и самъ онъ, кромѣ своего таланта, пріобрѣталъ первостепенное значеніе въ литературѣ, что его сердце переболѣло всѣми болями общества, въ которомъ онъ дѣйствовалъ; во всѣхъ его произведеніяхъ не найдется ни одного таеъ-называемаго „идеальнаго лица“, но идеаль присутствовалъ въ нихъ неизмѣнно, какъ тотъ высшій мотивъ, который возбуждалъ его творчество и который ощущался всѣми его читателями, способными чувствовать идеаль. Его произведенія создаютъ то самое впечатлѣніе, какимъ онъ изображаетъ впечатлѣніе „Ревизора“.

Далѣе, по адресу писателей въ родѣ Писемскаго, Салтыковъ прибавляетъ другое наставленіе, въ сущности элементарное, но напомнить о которомъ было не излишне. Салтыковъ указываетъ, что одна изъ главныхъ обязанностей художника состоитъ въ устройствѣ внутренняго міра его героевъ.

„Человѣкъ есть организмъ сложный, а потому и внутренній его міръ до крайности разнообразенъ; слѣдовательно, тотъ писатель, который населить этотъ міръ признаками совершенно однообразными, который исчерпаетъ его одной или немногими нотами, — тотъ писатель, говоримъ мы, быть можетъ, нарисуетъ картину очень рѣзкую и даже въ извѣстномъ смыслѣ рельефную, но вмѣстѣ съ тѣмъ невѣрную и безобразную. Нѣтъ того человѣка на свѣтѣ, который былъ бы сплошь злодѣемъ или сплошь добродѣтельнымъ, сплошь трусомъ или сплошь храбрецомъ, и т. д. У самаго плохого индивидуума имѣются свои проблески совнанія, свои возвраты, свои, быть можетъ, неясныя, но тѣмъ не менѣе отнюдь не выдуманныя порыванія къ чему-то такому, что зовется справедливостью и добромъ. Эта-то нравственная невыдержанность и составляетъ ту общечеловѣческую основу, на которой художественное чувство съ одной стороны мирится съ безобразіемъ извѣстныхъ жизнен-

ныхъ типовъ, а съ другой стороны не допускаетъ себя расплываться въ морѣ безразличія и отвлеченностей. Если художникъ не проникнется этимъ условіемъ всецѣло, если онъ будетъ видѣть въ людяхъ носителей ярлыковъ или представителей извѣстныхъ формъ, то результатомъ его работы будутъ не живые люди, а тѣни, или, по меньшей мѣрѣ, мертвыя тѣла“.

Писемскій только въ первыхъ своихъ произведеніяхъ соблюдалъ иногда эти требованія, но въ позднѣйшихъ оно соблюдается до крайности мало.

Дальше очень любопытны замѣчанія Салтыкова объ отношеніи къ народу писателей „изъ народнаго быта“. Опять Писемскій даетъ ему поводъ къ общимъ соображеніямъ. Салтыковъ находитъ, что для русскихъ писателей народъ или, лучше сказать, та его часть, которая называется простонародіемъ, составляетъ, такъ сказать, неизвѣстную землю.

„Во-первыхъ, — говоритъ онъ, — эта среда до сихъ поръ сама по себѣ была до крайности замкнута, а во-вторыхъ, большинство писателей нашихъ принадлежитъ къ такимъ общественнымъ сферамъ, которыя не имѣютъ съ народомъ ничего общаго, и потому весьма естественно, что въ ихъ отношенія къ послѣднему невольнымъ образомъ вносятся всѣ недоумѣнія и предубѣжденія, которыя такъ свойственны кастамъ. Слѣдовательно, здѣсь представляется обширное поле для всякаго рода предположеній, и писатель, поставившій себѣ задачею художественное возстановленіе народнаго образа, имѣетъ возможность болѣе, нежели во всякомъ другомъ случаѣ, руководствоваться угадываньемъ или даже и произволомъ, не опасаясь быть уличеннымъ въ лжесвидѣтельство. А если мы, сверхъ того, не забудемъ принять въ соображеніе, что массы показываютъ себя только издали и при томъ исключительно со стороны внѣшнихъ признаковъ, которые, вслѣдствіе самыхъ условій обстановки, не могутъ быть особенно привлекательны, то поймемъ безъ труда, что здѣсь свобода писателя почти всегда сопряжена съ ущербомъ для истины, и при томъ далеко не въ пользу изслѣдуемому предмету. Тѣмъ не менѣе, и за эту свободу кроется извѣстнаго рода узда, которая не допускаетъ писателя дѣлать слишкомъ широкіе размахи пера и удерживаетъ его отъ *искушеній, граничащихъ съ клеветой*. Узду эту составляетъ, во-первыхъ, чувство приличія и, во-вторыхъ, извѣстнаго рода сообразительность, которая и въ неизвѣстномъ дозволяетъ отрывать черты, не противныя законамъ вѣроятности. *Чувство приличія*, заставляющее писателя быть осторожнымъ относительно сферъ ему неизвѣстныхъ, слишкомъ понятно, чтобы нужно было много рас-

пространяться о немъ; что же касается до сообразительности, то это—то самое свойство ума человѣческаго, которое дозволяетъ человѣку, съ помощью наведенія, сравненія, анализа и отвлеченія, приближаться къ истинѣ даже тамъ, гдѣ послѣдняя является неясною. Такъ, напримѣръ, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, сообразительность должна указать, что хотя простонародье и составляетъ массу темную, но что массу эту составляютъ индивидуумы совсѣмъ не низшей и даже не иной породы, нежели та, въ которой мы принадлежимъ сами, что самая многочисленность этихъ индивидуумовъ заставляетъ предполагать въ массѣ большое разнообразіе цвѣтовъ и тѣней, и что слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ недозволительно предполагать ее сплошь грубою, нелѣпою или пьяною. Все, на что мы можемъ указать въ массахъ достаточно утвердительно, — это на ихъ замѣнутость и неразвитость, но эти существенные недостатки не мѣшаютъ, однакожь, имъ жить своею оригинальною и притомъ очень разнообразною и совершенно человѣческою жизнью. Вотъ къ какимъ результатамъ и предположеніямъ должна привести насъ сообразительность, и если мы при этомъ припомнимъ, что наша собственная жизнь есть не что иное (да и не можетъ быть ничѣмъ инымъ), какъ продуктъ той же жизни массъ, то необходимость относиться къ этой послѣдней со *всевозможною осмотрительностью* и полнымъ вниманіемъ сдѣлается для насъ еще болѣе ясною и настоятельною“.

Таковъ былъ простой и здравый взглядъ Салтыкова на отношеніе къ народу, обязательное для тѣхъ, кто брался за изображеніе его быта. Этотъ эпизодъ еще разъ устраняетъ тѣ недоразумѣнія, какія не однажды высказывались по поводу отношеній къ народу у самого Салтыкова. Смѣшивали двѣ вещи: отрицательное отношеніе Салтыкова къ извѣстнымъ свойствамъ цѣлаго нашего быта и непосредственное отношеніе его къ народной средѣ. Въ первомъ случаѣ шла рѣчь о понятіяхъ, о неудовлетворительномъ складѣ нашей общественности въ широкомъ смыслѣ; во второмъ—именно и прямо о народномъ бытѣ. Салтыковъ не питалъ сочувствія къ извѣстнымъ отрицательнымъ сторонамъ нашего общественнаго характера, одинаково и въ той массѣ, которая собственно называется народомъ, и въ той части его, которая называется обществомъ; но тамъ, гдѣ шла рѣчь именно о низшемъ классѣ и отношеніяхъ къ нему высшаго класса общества, литературы, гдѣ бросались на народъ взгляды высокомернаго снохожденія, говорилось о немъ какъ о грубой массѣ, заводились рѣчи о „сближеніи сословій“, вынуждаемая инстинктивно чувствуемой мыслью объ измѣнившихся экономическихъ и социаль-

ныхъ условіяхъ, у Салтыкова всегда находилось слово защиты: онъ указывалъ страшную тягость той народной жизни, о которой говорилось обыкновенно такъ слегка, съ уваженіемъ указывалъ то „мужество“, съ какимъ переносится крестьянскій трудъ, съ негодованіемъ говорилъ о томъ лицемеріи, которое искало мнимаго „сближенія“, искало только потому, что прежняя форма эксплуатаціи исчезла безвозвратно; наконецъ, требовалъ „приличія“, о которомъ дѣйствительно литература слишкомъ часто бывала.

Это забвеніе приличія онъ указываетъ въ особенности у Писемскаго.

„Чувство приличія,—говоритъ онъ о Писемскомъ,—является до такой степени пограннымъ, что можно даже подумать, что авторъ лично чѣмъ-то огорченъ. Мужикъ-грубиянъ, бахвалъ, дуракъ и пьяница, однимъ словомъ, мужикъ,—вотъ единственное представленіе, которое оставляютъ въ умѣ читателя его такъ-называемые народныя типы. Выйти изъ этого порочнаго круга не помогаетъ ему даже та сообразительность, о которой говорено выше, ибо г. Писемскій, какъ кажется, возмнилъ себя писателемъ политическимъ, а политика, какъ извѣстно, способствуетъ развитію только страстей и огорченій, но отнюдь не сообразительности. Стоитъ только припомнить описаніе крестьянскихъ волненій въ послѣднемъ романѣ этого автора, чтобы понять, до какихъ пагубныхъ послѣдствій можетъ довести недостатокъ проницательности и привычка останавливаться на однихъ внѣшнихъ признакахъ. Изъ этого выходитъ такая ребяческая и смѣшная безурядица, что читатель рѣшительно могъ бы усомниться въ существованіи здраваго смысла на свѣтѣ, еслибы не спасало его въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что вся смѣшная и ребяческая сторона этого дѣла падаетъ исключительно на голову самого автора, а отнюдь не на изображаемый имъ предметъ“...

Свой взглядъ на Писемскаго Салтыковъ подтверждаетъ подробнымъ разборомъ его драмы: „Горькая Судьбина“; на немъ мы не будемъ останавливаться, и укажемъ въ заключеніе еще любопытныя сужденія Салтыкова о томъ направленіи, которое считается характернѣйшею особенностью нашей новой литературы, и которому принадлежать его собственныя произведенія. Это такъ-называемый реализмъ. Салтыковъ вообще былъ невысокаго понятія о русской литературѣ въ ея массѣ и, между прочимъ, видѣлъ глубокіе недостатки въ этомъ самомъ направленіи; онъ считаетъ нужнымъ объяснять, въ чемъ заключается настоящій реализмъ и что онъ не только не исключаетъ, но требуетъ идеали-

стической нравственной основы. Слѣдующія слова имѣютъ опять большой интересъ для опредѣленія его теоретическихъ понятій о литературѣ и указываютъ также внутреннюю основу его собственнаго труда.

„Что реализмъ есть дѣйствительно господствующее направленіе въ нашей литературѣ—это совершенно справедливо. Она, эта бѣдная русская литература, столько времени питалась разными чуждыми, фальшивыми, отчасти даже и нечистыми совами, что время отрезвленія настало, наконецъ, и для нея. Дѣйствуя подъ вліяніемъ какого-то одуряющаго чада, живя чужими страданіями, болѣе напускными болями, литература не могла не ужаснуться своей собственной пустоты, и, убѣдившись въ ней, весьма естественно пожелала освѣжиться. Попытки въ этомъ смыслѣ дѣлались постоянно отъ времени до времени, но рѣшительнымъ образомъ освѣженіе это начато Гоголемъ и съ тѣхъ поръ продолжается непрерывно. Гоголь положительно долженъ быть признанъ родоначальникомъ этого новаго, реальнаго направленія русской литературы; въ нему волею-неволею примыкаютъ всѣ позднѣйшіе писатели, какой бы отгѣновъ ни представляли собой ихъ произведенія. Но дѣло въ томъ, что мы иногда ошибочно понимаемъ тотъ смыслъ, который заключается въ словѣ „реализмъ“, и охотно соединяемъ съ нимъ понятіе о чемъ-то въ родѣ грубаго, механическаго списыванья съ природы, подобно тому, какъ многіе съ понятіемъ о матеріализмѣ соединяютъ понятіе о всякаго рода физической сытости“.

„Это, однакожъ“, не такъ. Мы замѣчаемъ, что произведенія реальной школы намъ нравятся, возбуждаютъ въ насъ участіе, трогаютъ насъ и потрясаютъ, и это одно уже служить достаточнымъ доказательствомъ, что въ нихъ есть нѣчто большее, нежели простое умѣнье копировать. И дѣйствительно, умъ человѣческій съ трудомъ удовлетворяется одною голою передачей внѣшнихъ признаковъ; онъ останавливается на этихъ признакахъ только случайно, и притомъ лишь на самое короткое время. Вездѣ, даже въ самой ничтожной подробности, онъ допытывается того интимнаго смысла, той внутренней жизни, которая одни только и могутъ дать факту дѣйствительное значеніе и силу. Очевидно, что еслибъ реализмъ не отвѣчалъ этой потребности, то онъ ни подъ какимъ видомъ не могъ бы войти въ искусство, какъ основной и преобладающій его элементъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, истинный реализмъ не только не противоречитъ исключительности и односторонности, но даже положительно враждебенъ имъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду че-

ловѣка и дѣла его, онъ беретъ его со всѣми его опредѣленіями, ибо всѣ эти опредѣленія равно *реальныя*, т.-е. равно законны и равно необходимы для объясненія человѣческой личности. Обращаться съ ними грубо, выставявъ на показъ только тѣ изъ нихъ, которыя сами по себѣ выдаются наиболѣе рѣзко, онъ не имѣетъ права, подъ опасеніемъ оказаться совершенно несостоятельнымъ передъ тѣмъ дѣломъ, которое собственно и составляетъ его задачу. Точно такимъ же образомъ, приступая къ воспроизведенію какого-либо факта, реализмъ не имѣетъ права ни обойти молчаніемъ его прошлое, ни отказаться отъ изслѣдованія (быть можетъ, и гадательнаго, но тѣмъ не менѣе вполне естественнаго и необходимаго) будущихъ судебъ его, ибо это прошедшее и будущее хотя и закрыты для невооруженнаго глаза, но тѣмъ не менѣе совершенно настолько же *реальны*, какъ и настоящее. Конечно, очерчивая такимъ образомъ значеніе реализма въ искусствѣ, мы очень хорошо понимаемъ, что рисуемъ идеаль очень трудно достижимый, но дѣло не въ томъ, въ какой степени легко или трудно достается та или другая задача искусства, а въ томъ, чтобы отыскать мѣрило, которое дало бы намъ возможность съ болѣею или меньшею безошибочностью обращаться съ произведеніями человѣческой мысли, и отдавать себѣ отчетъ въ томъ впечатлѣніи, каково онѣ на насъ производятъ“.

Въ приведенныхъ цитатахъ достаточно ясно отношеніе Салтыкова къ главнымъ спорнымъ вопросамъ тогдашней литературы. Дальше мы встрѣтимся еще съ его мнѣніями объ этомъ предметѣ и съ полемическими нападеніями на извѣстныя направленія, какъ, напримѣръ, славянофильство, которыя онъ считалъ хотя болѣе или менѣе искренними, но косвенно вредными, потому что они спутывали общественное мнѣніе, не ставя вопросовъ прямо и затемняя ихъ риторическимъ или мистическимъ туманомъ.

Мы остановимся еще на нѣсколькихъ статьяхъ, вызванныхъ болѣе или менѣе случайными произведеніями и гдѣ опять высказывается оригинальнымъ образомъ та же основная мысль Салтыкова, то же строгое требованіе отъ литературы, чтобы она была не пустой забавой, а исполненіемъ серьезнаго общественнаго долга. Онъ самъ до такой степени проникнуть этимъ чувствомъ обязанности, такъ близко принималъ къ сердцу свѣтлыя и темныя стороны (и послѣднихъ было гораздо больше) общественной жизни, что не только оставался холоденъ къ безразличнымъ произведеніямъ художественнаго дилеттанства, но питалъ къ нимъ настоящую вражду.

Таковъ, напримѣръ, его отзывъ объ известномъ романѣ гр. А. К. Толстого, „Князь Серебряный“.

Предисловіе, которымъ Салтыковъ снабдилъ свой разборъ „Князя Серебрянаго“, уже предупреждаетъ читателя объ отношеніи критика къ этому произведенію.

„Византійское это сочиненіе составляетъ, какъ по внѣшней своей формѣ, такъ и по внутреннему содержанію, явленіе столь отличное въ кругу современныхъ литературныхъ произведеній, что редакція не нашла, въ числѣ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, ни одного, который взялся бы написать на него рецензію. Между тѣмъ, сочиненіе произвело въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе, такъ что игнорированіе его могло бы быть сочтено за злонамѣренность. Поэтому, редакція вынуждена была обратиться за помощью къ одному отставному учителю, нѣкогда преподававшему російскую словесность въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Къ сожалѣнію, почтенный педагогъ, столь обязательно принявшій наше предложеніе, не могъ выполнить его до конца; ужасный параличъ преждевременно прекратилъ дни его въ самомъ началѣ труда. Тѣмъ не менѣе, мы печатаемъ его рецензію такъ, какъ она намъ доставлена, и думаемъ, что и въ этомъ видѣ она могла бы служить украшеніемъ любой книжки „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ точно такъ же, какъ самъ „Князь Серебряный“ былъ бы весьма пріятнымъ явленіемъ въ Аонидахъ“.

Такимъ образомъ статья представляется написанной старымъ учителемъ реторики и по тому рецепту, какъ онъ обучался въ своей молодости. Салтыковъ съ большимъ мастерствомъ передалъ манеру писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ.

„Я помолодѣлъ, — пишетъ учитель реторики; — читаю и не вѣрю глазамъ. Любезный графъ! волшебную вашу кисть вы окунули въ живую воду фантазіи, и заставили меня, старика, присутствовать при „дѣлахъ давно минувшихъ дней“; исполать вамъ! Но еще больше вамъ исполать за то, что вы воскресили для меня мою юность, напомнили мнѣ появленіе „Юрія Милославскаго“, „Рославлева“, напомнили первыя попытки робкаго еще тогда Лажечникова. Это было счастливое время, любезный графъ; это было время, когда писатели умѣли —

Истину царямъ съ улыбкой говорить...

—когда всякій, не скрывая своего сердца, заявлялъ о чувствахъ преданности (да и зачѣмъ это скрывать?).. Но, конечно, никто еще не высказывалъ такой истины, какую вы высказали Іоанну

Грозному! Да, вы воскресили для меня доброе, старое время, которое я считалъ давно погибшимъ! Но довольно о себѣ.

„Выѣшнее построение романа графа А. К. Толстого вполне соответствуетъ правиламъ, на предметъ составленія таковыхъ упражненій преподааннымъ. Въ немъ имѣется завязка (и даже, какъ увидимъ ниже, не одна, а нѣсколько завязокъ, что дѣлаетъ интересъ романа почти нестерпимымъ), изъ которой дѣйствие развивается, постепенно возвышаясь, покуда, наконецъ, не достигаетъ своего зенита; по достиженіи сего, дѣйствие развивается уже понижаясь и незамѣтно утопаетъ въ развязкѣ. Многіе нынѣшніе писатели правилами сими пренебрегаютъ, думая, что завязка, и развязка не составляютъ еще существеннаго условія литературнаго упражненія, но доказать неосновательность подобнаго возрѣнія очень не трудно: стоитъ только вспомнить о томъ, что всякая вещь имѣетъ свое начало и свой конецъ. Нынѣшніе писатели думаютъ, что обязанность ихъ заключается лишь въ томъ, чтобы поставить героевъ своихъ въ критическое положеніе, и что, по исполненіи сего, можно ихъ бросить. „Сказавъ это, они вздохнули и разошлись“—вотъ фраза, которую модные современные повѣствователи позволяютъ себѣ заканчивать недозрѣлыя свои произведенія. Но читатель любопытенъ; онъ хочетъ знать, куда разошлись герои, куда пошелъ *онъ*, куда направила путь *она*; что они дѣлали, что въ тотъ день обѣдали, сколько времени жили и какъ умерли. Все это графомъ Толстымъ исполнено. Исполнено имъ и другое требованіе теоріи, касающееся характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ семъ отношеніи теорія немолима; она требуетъ, чтобы дѣйствующія лица имѣли характеры разнообразныя, и даже указываетъ, какіе должны быть эти характеры. Впереди всѣхъ, разумѣется, идетъ герой; герой долженъ быть изъ хорошаго семейства, благороденъ, но твердъ, чувствителенъ, но не лишенъ разсудка, правдивъ, но не безъ надежды, что авторъ, въ сомнительномъ случаѣ, найдетъ возможность вытащить его изъ бѣды, великодушенъ до безразсудства, но знающъ, что великодушныя поступки никогда не пропадаютъ даромъ; сверхъ сего, не худо, если герой человекъ съ деньгами. Героинею можетъ быть всякая хорошая женщина, которой наружность представляетъ въ себѣ что-либо для мужчины привлекательное; нужно только, чтобы она была: или мужнею женою (это необходимо для завязки), или же хотя и дѣвицею, но не одинаковою съ героемъ званія или состоянія (это также необходимо для той надобности). За симъ лица, окружающія героя и героиню, должны раздѣляться на друзей и враговъ“ и т. д.

Критикъ перечисляетъ различные сорта друзей и враговъ и другія принадлежности хорошаго романа, какіе писывалъ, напримеръ, Загоскинъ, и находитъ всѣ требованія хорошо исполненными у гр. Толстого. Критикъ хвалитъ его слогъ (онъ можетъ быть названъ жемчужнымъ (style perlé), но дѣлаетъ такое замѣчаніе: „одно лишь условіе не соблюдено любезнымъ сочинителемъ: обычай требовалъ, чтобы романъ былъ раздѣленъ на четыре части, а не на двѣ, какъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ; но и этому читатель легко можетъ помочь, умственно раздѣливъ каждую часть на двѣ половины“.

Относительно внутренняго содержанія романа, критикъ полагаетъ, что основную идею его можно отыскать въ заключительныхъ словахъ 9-й главы, части 1-й.

„Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косящатое, смотрятъ свѣтлыя притуманившись,— притуманившись, будто думая: ахъ ты гои еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ, насъ не спрашаючи: не расти двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнивать крутыхъ горъ съ пригорками, не бывать на землѣ безбоярщины!“

По этому поводу критикъ замѣчаетъ:

„Надо сознаться, что въ государствѣ, въ коемъ еще недавно существовали такъ-называемыя „Редаціонныя Коммиссіи“, высказать подобную мысль есть дѣло довольно смѣлое... Умолкаю, дабы не навлечь автору неприятности“.

Разборъ самага сочиненія критикъ предполагаетъ дѣлать „по главамъ“, какъ дѣлывалось въ доброе старое время, и „какъ невозможно дѣлать нынче, ибо нынѣшнія литературныя упражненія нельзя понимать иначе, какъ прочитавши всѣ главы въ совокупности“.

Разборъ дѣйствительно начинается по главамъ, но нѣкоторыя разбираются „въ совокупности“. Изъ этого разбора укажемъ только два отрывка. По поводу известной перемѣны въ характерѣ царя Ивана Васильевича, авторъ романа приводитъ старинную политическую теорію, что все это произошло по волѣ Божіей, карающей россиянъ для очищенія отъ грѣховъ, и рецензентъ разсуждаетъ:

„Если народъ погрязаетъ въ грѣхахъ и черезъ то оскорбляетъ промыслъ, то какой наилучшій способъ имѣть сей послѣдній, чтобы напомнить о себѣ и заставить народъ восчувствовать? Тяжело сознаться, но совершенно достоверно, что наилучшими въ семъ случаѣ орудіями всегда почитались вожди народныя.“

Посредствомъ ихъ промыслъ еще древле наказывалъ Израиля, да и въ новѣйшее время, по свидѣтельству П. И. Мельникова, Розенгейма и другихъ опытныхъ обличителей, продолжаетъ слѣдовать той же системѣ. Такъ, напримѣръ, если градъ начнетъ утопать въ роскоши и богатствѣ, то промыслъ посылаетъ въ оный градоначальника, который въ скорости доказываетъ гражданамъ, что существенными интересами человѣческой жизни должны быть не столько земные интересы, сколько небесные. Что цѣлыя страны такимъ способомъ очищаются отъ грѣховъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, однакожь нельзя не сознаться, что и въ этой теоріи имѣется своя слабая сторона. Она заключается въ томъ, что теорія сія съ преувеличенною, какъ мнѣ кажется, строгостью относится къ самымъ орудіямъ, посредствомъ коихъ производится очищеніе отъ грѣховъ. Положимъ, что народъ, погразившій въ грѣхахъ, не мѣшаетъ по временамъ очищаться, но чѣмъ же виноваты правители, кои, будучи сами по себѣ людьми невинными, именно для этой цѣли надѣляются самыми звѣрскими качествами и черезъ это погубляютъ свои души и впоследствии наслѣдуютъ геенну огненную?" и т. д.

Другое размышленіе породилъ въ рецензентѣ подробный рассказъ автора о царскомъ столѣ Іоанна Грознаго. Выписавши нѣсколько отрывковъ, рецензентъ говоритъ:

„Признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобъ не показать это описаніе своему коллегѣ, учителю латинскаго языка, который имѣетъ весьма основательныя свѣденія о томъ объяденіи, которому, въ древности, предавались римляне. Но и онъ пришелъ въ восторгъ и на отрывъ мнѣ сказалъ, что римляне никогда ничего подобнаго не ѣдали.

„Нѣчто подобное обжорному московскому великолѣпію видимъ мы лишь въ древнемъ Карфагенѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ французскій писатель Густавъ Флоберъ, издавшій въ прошломъ году знаменитый романъ „Salammbô“.

„Содержаніе сихъ романовъ („Князя Серебрянаго“ и „Salammbô“) во многомъ до такой степени сходствуетъ, что нелишне было бы провести между ними нѣкоторую параллель, дабы видѣть, чтó и кто у кого предвосхитилъ.

„Мѣсто дѣйствія „Князя Серебрянаго“ происходитъ въ древней Москвѣ; мѣсто дѣйствія „Salammbô“ происходитъ въ древнемъ Карфагенѣ. Повидимому, тутъ сходства нѣтъ, но это лишь повидимому, и это-то именно я берусь дока...“

„На этомъ мѣстѣ,—замѣчено дальше въ текстѣ,—рукопись прервана несчастною смертью рецензента“.

Русскій историческій романъ есть, безъ сомнѣнiя, одна изъ труднѣйшихъ, хотя очень популярная между читателями литературная форма. Произведенiя этого рода очень у насъ многочисленны, но нельзя связать, чтобы огромное большинство ихъ было удачно. Самая форма была заимствованная. Успѣхъ Вальтеръ-Скотта распространилъ историческiй романъ во всей европейской литературѣ, между прочимъ и у насъ; но когда Вальтеръ-Скоттъ имѣлъ обильный материалъ въ старыхъ хроникахъ, живыхъ преданiяхъ, вещественныхъ остаткахъ старины, напримѣръ, въ видѣ древнихъ замковъ съ ихъ сохранившеюся средневѣвовой обстановкой, когда, кромѣ того, въ самомъ бытѣ и нравахъ онъ встрѣчалъ извѣстную крѣпость стараго обычая, расположенiе къ старинѣ, доходящее даже до мелочей и крайностей, — совершенно въ иномъ положенiи оказывался русскiй историческiй романистъ. У насъ нѣтъ такой хроники, которая раскрыла бы подробности стараго общественнаго быта и мелкiя черты домашней жизни, характеровъ и т. п.; личныя свойства даже крупнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, положимъ XVI-го и XVII-го вѣка, очень часто составляютъ если не совершенную загадку, то спорный вопросъ, или являются передъ нами только въ общихъ неопредѣленныхъ очертанiяхъ; памятники вещественнаго быта почти исчезли (кромѣ старыхъ церквей) — архитектура наша была деревянная и частью сгнила, частью сгорѣла; преданiя стариннаго быта были заслонены и истреблены въ высшемъ классѣ Петровской реформой и остались только въ томъ видоизмѣненiи, какое представляютъ они въ народной массѣ, и т. д. Такимъ образомъ, материалъ не великъ; что же касается до освѣщенiя, оно давалось не живымъ преданiемъ старины, а тѣми изслѣдованiями, которыя были уже дѣломъ кабинетныхъ ученыхъ и археологовъ. Въ эпоху первыхъ непосредственныхъ влiянiй Вальтеръ-Скотта такимъ ученымъ авторитетомъ былъ Карамзинъ, у котораго къ большому, по его времени, фактическому знанiю присоединилась новѣйшая политическая теорiя и сентиментальная окраска всей его литературной дѣятельности, заимствованная у французскихъ и нѣмецкихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Живое преданiе старины замѣнялось нѣсколькими старинными документами, извлеченными изъ архивовъ, но слишкомъ скудными, чтобы по нимъ можно было сдѣлать достаточно ясную и рельефную реставрацiю... На подобномъ материалѣ основанъ былъ первый романъ, съ котораго начинается у насъ эта отрасль литературы. Извѣстно, что „Юрiй Милославскiй“, который перешелъ теперь въ непритязательную область юношескаго чтенiя, при

первомъ появленіи произвелъ сильное впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ и увлекать даже самого Пушкина. За нимъ потянулся длинный рядъ подражаній... Возможность болѣе совершенной формы начинается только для такихъ эпохъ, до которыхъ достигаютъ преданія: таковы, напримѣръ, историко-романическіе рассказы Пушкина о XVIII вѣкѣ, который былъ еще не далекъ и о которомъ Пушкинъ собиралъ и имѣлъ много живыхъ преданій, или таковъ романъ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“. Гр. А. К. Толстой попробовалъ обратиться въ XVI-му вѣку и оказался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ Загоскинъ: недостатковъ живого ощущенія исторіи и непосредственныхъ преданій и памятниковъ старины пришлось дополнять извлеченіями изъ сухихъ документовъ (таковъ, напримѣръ, счетъ блюдъ за царскимъ столомъ) или чистой фантазіей, настроенной опять на прежній сентиментальный тонъ Карамзинской историографіи. Это и хотѣлъ указать Салтыкову, предоставляя писать разборъ „Князя Серебрянаго“ старому учителю реторики, восхищавшемуся въ юности „Юріемъ Милославскимъ“. Какъ трудна у насъ реставрація старины, можно судить и по другимъ произведеніямъ А. К. Толстого: въ числу наиболѣе слабыхъ его пьесъ принадлежатъ, безъ сомнѣнія, его реставраціи древнихъ былинъ.

До какой степени Салтыкову была антипатична всякая искусственность, можно видѣть на множествѣ примѣровъ въ его отзывахъ о литературныхъ явленіяхъ нашего времени. Однажды онъ останавливается на произведеніяхъ одного изъ извѣстѣйшихъ русскихъ лириковъ ¹⁾. Въ нѣсколько неясныхъ выраженіяхъ, темнота которыхъ, безъ сомнѣнія, приводилась обычнымъ нежеланіемъ Салтыкова спорить со своимъ цензоромъ, онъ вспоминаетъ старья, еще не очень давнія времена русской поэзіи и указываетъ ея общественную роль.

„Для всѣхъ очевидно, что искусство мало-по-малу начинаетъ расширять свои предѣлы и допускать въ свою область такіе элементы, которые долгое время считались ему чуждыми. Искусство жило отдѣльно отъ дѣлъ сего міра жизни; оно направлено было исключительно къ тому, чтобы украшать и утѣшать, и, надо сказать правду, исполняло свою задачу очень исправно, т.-е. обманывало и обольщало, насколько хватало у него силъ. Будучи плодомъ досужества, оно обращалось исключительно къ

¹⁾ „Современникъ“, 1864, № 2, въ отдѣлѣ „Русской литературы“, стр. 260 и слѣд.

досушеству же; услаждало досуги досужихъ людей, и это сообщало ему тотъ чистенькій, аристократическій характеръ, который составляетъ необходимую принадлежность всякаго рода условительныхъ вѣяній и усладительныхъ сновъ.

Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ;
Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ! ¹⁾.

„Такъ говорилъ поэтъ-художникъ, и совершенно основательно изображался на картинкахъ съ лирой въ рукахъ и съ обращенными къ небу очами. „Скорбь“, которую онъ намѣревался воспѣть, вовсе не была скорбью дѣйствительною, хватающею за живое; это была та тихая, сладкая и неопредѣленная скорбь, потребность которой въ особенности сильно чувствуется досужествомъ. Это не скорбь, а пріятное чувство томнаго расслабленія; человекъ доволенъ и счастливъ; онъ хорошо обставленъ, не чувствуетъ надъ собой тяготѣнія страшной матеріальной нужды; но въ то же время смутно ощущаетъ, что ему чего-то недостаетъ. Это что-то недостающее, это нѣчто, составляющее необходимую подробность въ общей картинѣ жизни, и есть та самая „грусть“, во свидѣтельница которой приглашается луна, и которая, въ видѣ утратившаго свою ѣдкость дыма, доходитъ до обонянія досужаго человека (благо, щели не окончателно на-глухо законопачены!) изъ тѣхъ низменныхъ пространствъ, гдѣ она зарождается со всѣми признаками дѣйствительнаго, а не увеселительнаго горя, гдѣ она зрѣетъ и обѣмняетъ почву своими проклятыми сѣменами. Коли хотите, это даже и не грусть совсѣмъ, а просто увеселительное представленіе, которому, для разнообразія, дается меланхолическій характеръ.

„Тѣмъ не менѣе, мы были бы неправы, не отдавши поэтѣмъ-художникамъ должной справедливости. Какъ ни лимфатична была ихъ „грусть“, какъ ни незначительна была ея доля въ той общей массѣ всякаго рода воинственно-увеселительно-полового вллубницизма, составлявшаго главное содержаніе ихъ грѣснопѣній, все-таки эта „грусть“ о чемъ-то напоминала, все-таки она была отблескомъ (хотя и очень слабымъ) той дѣйствительной грусти, которая росла и растетъ, невидимая даже сквозь щели, въ тѣхъ темныхъ пространствахъ, о которыхъ сказано выше“.

Такъ характеризовалъ Салтыковъ тѣ времена русской поэзіи, когда она была только-что перенесеннымъ къ намъ плодомъ

¹⁾ Примѣръ, помѣщавшійся обыкновенно въ старинныхъ учебникахъ реторикъ.

чужого общества и чужихъ нравовъ. Это были извѣстныя времена псевдо-классицизма, когда поэзія служила въ особенности „украшеніемъ“ придворной и аристократической жизни, и у насъ также была долго достояніемъ образованнаго класса, искала и находила „меценатовъ“ и любителей именно въ обезпеченной, привилегированной средѣ, что Салтыковъ обозначаетъ названіемъ „досужества“. Поэты-художники стараго времени, — продолжаетъ Салтыковъ, — несмотря на свое умственное малокровіе все-таки имѣли органическую связь съ такъ-называемымъ темнымъ царствомъ. Настоящіе досужіе люди, предававшіеся искусству, не въ состояніи были произвести ничего кромѣ бессмыслицы, и для оживленія своего досужества необходимо должны были обращаться къ людямъ второго сорта, даже къ людямъ настоящаго темнаго царства, и только здѣсь получались и настоящіе таланты и присутствіе жизни. Связь этихъ послѣднихъ людей съ досужествомъ заражала и ихъ умственнымъ малокровіемъ, но въ концѣ концовъ число ихъ такъ размножилось, что роли переменялись: прежде досужество развращало пришельцевъ; теперь они стали развращать его и постепенно „подкрашивать его лимфу“. Дѣло происходитъ, впрочемъ, само собою; досужество чувствуетъ, что полная замкнутость носить въ себѣ сѣмена смерти. „Досужество растлѣвается, но растлѣвается, такъ сказать, добровольно, ибо растлѣніе это таится въ немъ самомъ, въ томъ малокровіи, на которое оно фаталистически осуждено, въ томъ опасеніи смерти, которое преслѣдуетъ его съ самой минуты его рожденія. И вотъ оно ищетъ возобновиться и освѣжить себя притокомъ свѣжаго, неспертаго воздуха; со временемъ, быть можетъ, этотъ свѣжій воздухъ спишетъ его съ ногъ; быть можетъ, оно даже и предвидитъ этотъ конецъ, но предвидитъ или не предвидитъ, а идетъ къ нему непринужденно и даже, такъ сказать, веселыми ногами“.

Наконецъ, развитіе жизни дѣлаетъ свое дѣло.

„По мѣрѣ вторженія въ сферу досужества новыхъ силъ, прежнія отношенія искусства къ жизни дѣлаются все болѣе и болѣе невозможными. Жизнь заявляетъ претензію стать исключительнымъ предметомъ для искусства, и притомъ не праздничными, безмятежно идиллическими и сладостными, но и будничными, горькими, рѣзущими глаза сторонами. Мало того: она претендуетъ, что въ этихъ-то послѣднихъ сторонахъ и заключается самая „суть“ человѣческой поэзіи, что игривые ландшафты и надзвѣздныя пространства, хотя и могутъ еще, по нуждѣ, оставаться болѣе или менѣе пріятными аксессуарами, но дѣйствительнаго, истинно-человѣческаго содержанія искусству ни подъ ва-

нимъ видомъ дать не могутъ. Искусство, слѣдуя этой теоріи, принимаетъ характеръ преимущественно человѣческой, или, лучше сказать, общественный (такъ какъ человѣкъ, изолированный отъ общества, немыслимъ), и чѣмъ ближе вглядывается въ жизнь, чѣмъ глубже захватываетъ вопросы, ею выдвигаемые, тѣмъ достойнѣе носить свое имя“.

Въ такомъ видѣ представляется Салтыкову развитіе нашей литературы или собственно лирики, отъ старинной восхвалительной оды до Фета и Майкова, и съ другой стороны, напримѣръ, до Некрасова. Здѣсь опять литература является передъ нимъ въ особенности, почти исключительно, со стороны ея общественнаго значенія. Въ цѣломъ, во взглядѣ Салтыкова, могла быть односторонность, потому что старая поэзія, во-первыхъ, была необходимою ступеню въ развитіи самой возможности литературы; а во-вторыхъ, по содержанію служила не одному досужеству и на свою долю участвовала въ распространеніи болѣе человѣчныхъ понятій въ общественной массѣ и самой привычки къ искусству. Салтыковъ по обыкновенію беретъ предметъ въ наиболѣе рѣзкихъ чертахъ его сущности.

Онъ говоритъ затѣмъ о томъ положеніи, въ какомъ очутилась старая поэзія досужихъ людей, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ вопросами и стремленіями современности.

Переворотъ, совершившійся въ понятіяхъ о значеніи искусства, потребовалъ, конечно, новыхъ дѣятелей; „но онъ до того жизненъ и силенъ, что охватываетъ собой даже и тѣхъ старыхъ поэтовъ-художниковъ, которые до тѣхъ поръ пѣли исключительно о счастіи птицъ. Всѣмъ хочется приобщиться къ движенію, ибо, благодаря своей жизненности, оно всѣхъ затрогиваетъ за живое, всѣхъ неслышно въ себя втягиваетъ.

„Но понятно, въ какомъ затрудненіи должны находиться эти благонамѣренные и восчувствовавшіе старички. Съ одной стороны, сердца ихъ несутся къ птицамъ и надзвѣзднымъ высотамъ, съ другой—нѣчто смутно говоритъ имъ, что птичьи пѣсни уже никого не удовлетворяютъ и никому не нужны. И вотъ они начинаютъ соединять несоединимое, начинаютъ склеивать старое, привычное и любезное для нихъ дѣло съ дѣломъ новымъ, привлекающимъ ихъ взоры своею жизненностью. И начинаютъ они вдумываться, куда бы имъ примкнуться, начинаютъ вникать въ смыслъ происходящаго передъ ними движенія, но смысла этого угадать не могутъ, а только улавливаютъ одни внѣшніе признаки, тѣ самыя, которые и въ старинныхъ реторикахъ уже были помѣчены извѣстными рубриками.

„Вторженіе новой жизни собственно въ нашу литературу (разумѣется, въ смыслѣ искусства, а не науки) выразилось или въ формѣ сатиры, которая провожаетъ въ царство тѣней все отживающее, или же въ формѣ не всегда ясныхъ и опредѣленныхъ привѣтствій тѣмъ темнымъ, еще неузнаннымъ силамъ, которыхъ наплывъ такъ ясно всѣми чувствуется. Это и понятно. Новая жизнь еще слагается; она не можетъ и выразиться иначе, какъ отрицательно, въ формѣ сатиры, или въ формѣ предчувствія и предвѣденія. Но и для того, чтобы имѣть право выразить ихъ такимъ образомъ, искусство все-таки обязано имѣть понятіе о томъ, о чемъ оно ведетъ свою рѣчь, и сверхъ того обладать какимъ-нибудь идеаломъ. Вотъ этимъ-то послѣднимъ условіемъ и не можетъ никакъ отвѣчать „поэтъ высотъ надзвѣздныхъ“, ибо все, что ни дѣлается новаго въ мірѣ, все это, такъ сказать, не при немъ дѣлается, и какъ ни усиливается онъ пріобщиться къ движенію, но успѣваетъ въ этомъ только отчасти, т.-е. именно схватываньемъ только нѣкоторыхъ внѣшнихъ его признаковъ“...

Салтыковъ посвящаетъ довольно подробный разборъ между прочимъ двумъ вышедшимъ тогда стихотвореніямъ г. Майкова: одно — „Другу Ильѣ Ильичу“ — представляло сатиру на тогдашній либерализмъ; другое, подъ названіемъ „Картина“, написанное „послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года“, рассказывало, какимъ образомъ маленькая грамотная дѣвочка будто бы читала про волю собравшимся въ избѣ мужикамъ. Салтыковъ очень сурово отнесся къ обоимъ произведеніямъ, видя тамъ и здѣсь превратное пониманіе дѣйствительности, отсутствіе общественнаго идеала, или — выдумку.

Такимъ образомъ, Салтыковъ относится недоувѣрчиво къ воспѣванію надзвѣздныхъ высотъ, о которыхъ поэтъ, конечно, знаетъ столь же мало, какъ и обыкновенный человѣкъ. Салтыкову понятна только поэзія, посвященная изображенію дѣйствительной жизни, дѣйствительнаго чувства, истинно человѣчныхъ идеаловъ, личныхъ и общественныхъ. „Надзвѣздныя высоты“ были ему тѣмъ болѣе сомнительны, что современная поэзія слишкомъ ими злоупотребляла, нерѣдко прикрывая ими простое отсутствіе здраваго содержанія.

Для знакомства со взглядами Салтыкова въ этомъ отношеніи любопытна статья его по поводу поэмы Альфреда Мюссе: „Ролла“, явившейся тогда въ русскомъ переводѣ.

„Міръ поэзіи — безграничное; поэтъ творитъ подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства (вдохновенія); вдохновеніе, съ своей сто-

роны, есть нѣчто совершенно особенное, независимое, не столько управляемое поэтомъ, сколько управляющее имъ. Поэту поэтъ имѣеть такія свойства, какихъ не имѣють другіе смертные, а именно, онъ можетъ непосредственно проникать въ тайны природы и даже проричать будущее.

„Съ природой одною онъ жизнью жилъ,
Онъ чувствовалъ (sic) травъ прозбанье...“

„Таковы приблизительно понятія, которыя не только у насъ, но и въ Европѣ (особливо же въ отечествѣ всякаго фразерства, — Франціи) до сихъ поръ соединяются со словами: поэтъ, поэзія. Разумѣется, если вдуматься въ нихъ попристальнѣе, то очень скоро окажется, что въ нихъ, кромѣ ребячества и великолѣпной чепухи, ничего нѣтъ, тѣмъ не менѣе авторитетъ ихъ несомнѣиенъ и имѣеть силу не только для толпы непосвященной и бессознательно повторяющей всякаго рода опредѣленія съ чужого голоса, но и для самихъ такъ-называемыхъ жрецовъ искусства. Сами поэты (по крайней мѣрѣ, огромное ихъ большинство) очень серьезно мнятъ себя служителями безграничнаго, проричателями невѣдомаго, и на указанія науки, здраваго смысла и опыта смотрять какъ на что-то такое, что подрываетъ поэзію въ самомъ ея корнѣ и существенно противорѣчитъ провиденціальной ихъ миссіи. И лишь немногія, уже совершенно гениальныя личности уразумѣли, что конкретность, отсутствіе преувеличеній, опредѣлительность представленій и ощущеній и всегдашнее пребываніе въ здоровомъ умѣ и твердой памяти не только не враждебны поэзіи, но даже представляютъ существенныя условія, обеспечивающія этой послѣдней здоровое, живое и разнообразное содержаніе.“

„Нѣтъ сомнѣнія, что вся изложенная выше путаница происходитъ, какъ выражается у Островскаго Липочка Большова, единственно отъ необразованія. Чѣмъ болѣе знаній проникаетъ въ массы, тѣмъ менѣе дѣлаются возможными разнузданность фантазіи и „смѣлость полета“. Точно то же должно произойти и относительно многихъ другихъ неосновательныхъ фразъ и выраженій, которые нынѣ, благодаря вдохновеннымъ жрецамъ искусства, пользуются правомъ гражданственности. Призраки разсѣются, туманы упадутъ, неопредѣленность исчезнетъ, ихъ мѣсто заступятъ: знаніе, ясность представленій и жизнь, настоящая, невыдуманная жизнь... что-то станетъ тогда съ тобою, служительница безграничнаго, безконечнаго, неизвѣданнаго и неисповѣдимаго?“

Но это еще — гадательное будущее, а въ ожиданіи мы должны довольствоваться маленькими поэтиками, которые, по мнѣнію Салтыкова, „всѣми силами своихъ легкихъ отстаиваютъ права мрака и невѣжества на господство надъ міромъ“.

„У этихъ маленькихъ поборниковъ таинственной чепухи бываютъ иногда престранныя фантазіи. То кажется имъ, что міръ исполненъ свѣта, красоты, чудесъ и всеюй благодати, то вдругъ покажется, что міръ погрязъ въ злѣ и безобразіи. Сегодня они будутъ радоваться и пѣть восторженные гимны, завтра — посыплютъ главы пепломъ и разразятся проклятіями всему человѣческому роду. Однимъ словомъ, это народъ, живущій вдохновенно-безсознательною жизнью, восторгающійся и проклинаящій подъ игомъ перваго и притомъ всегда случайнаго впечатлѣнія, а потому въ высшей степени непостоянный и малосообразительный“.

Поднимая на смѣхъ этихъ маленькихъ поэтовъ, Салтыковъ утверждаетъ, что какъ ихъ скорбь, такъ и бессознательное ликование происходятъ единственно отъ необразованія. Если, напримеръ, поэтъ говорить:

И не зналъ я, что буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣть...

то это выходитъ только красивая бессмыслица, и человѣкъ, находящійся въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, не можетъ не знать, что будетъ дѣлать при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще не было бы большой бѣды, еслибы все это кончалось однимъ „волтижерствомъ“ самихъ поэтовъ, но заурядная поэзія дѣлается и вредной, потому что прямо способствуетъ распространенію предрасудковъ. Салтыковъ думаетъ, что когда поэтъ говоритъ объ ночи:

Спать съ Ѳетидой Фебъ влюбленный,

или объ утрѣ:

Аврора ужъ не спитъ,
И смутясь блаженствомъ бога,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжать,

то поэтъ мало чѣмъ отличается отъ толпы, не понимающей явленій природы.

Но, — говорить Салтыковъ, — сказанное выше вовсе не означаетъ неуваженія къ поэзіи; напротивъ, поэзія есть одна изъ самыхъ законныхъ отраслей умственной человѣческой дѣятельности и нисколько не враждебна ни истинѣ, ни знанію. „Въ доказательство можно бы было привести множество примѣровъ, что чѣмъ

выше поэтическая сила, тѣмъ реальнѣе и истиннѣе ея міросозерцаніе. Не говоря уже о Шекспирѣ, этомъ царѣ поэтовъ, у котораго всякое слово пронизуто дѣльностью, не упоминая также о множествѣ менѣе сильныхъ поэтовъ, которые тоже были непричастны лганью, мы можемъ на примѣрахъ гораздо болѣе намъ близкихъ удостовѣриться, что невѣжество, преувеличенія и фальшь никакъ не могутъ считаться неотъемлемою принадлежностью поэзіи“.

И онъ приводитъ описаніе весенняго вечера изъ одного русскаго писателя. Наблюдатель-не поэтъ,—говоритъ Салтыковъ,—описалъ бы этотъ вечеръ иначе, напримѣръ означилъ бы часъ и минуту захожденія солнца, состояніе термометра и барометра и т. п., но это былъ бы лишь тощій формулярный списокъ весенняго вечера. „Нѣтъ сомнѣнія, что г. Тургеневъ (приведенное выше описаніе принадлежитъ ему) тотъ же самый предметъ изобразилъ несравненно поэтичнѣе, тѣмъ не менѣе описаніе его ни въ одной чертѣ не противорѣчитъ истинѣ, и ни одинъ метеорологъ или астрономъ-наблюдатель не позволитъ себѣ сказать, что тутъ есть что-нибудь невѣрное, нелѣпое или преувеличенное. Спрашивается теперь: утратила ли картина сколько-нибудь своей поэтической прелести отъ того, что въ ней нѣтъ ни „влюбленнаго Феба, спящаго съ Тетидой“, ни Авроры, бѣгущей съ факеломъ изъ подводнаго чертога?“

Все это пришло на мысль Салтыкову по поводу поэмы Альфреда Мюссе: сама по себѣ, поэма поразительна по своему ничтожеству,—говоритъ Салтыковъ,—„но въ ней типически выразились тѣ стремленія къ милому невѣчеству, которыя, къ сожалѣнію, еще въ весьма большомъ ходу между таеъ-называемыми поэтами“. Содержаніе поэмы, повидимому, очень простое. „Дрянной человѣчишка“, по имени Ролла, растратившій свои силы и состояніе въ гадкомъ развратѣ, рѣшается покончить съ жизнью; для этого онъ совершаетъ еще одно дѣло гадкаго разврата и, выпивши ядъ, умираетъ.

„Сюжетъ, какъ видится, дюжинный, и проникаться по поводу его негодованіемъ къ человѣческому роду, выставлать подобный поганый случай, какъ результатъ распространившейся страсти къ анализу, совершенно ни на что не похоже. Конечно, и нынѣ встрѣчается на свѣтѣ довольное количество шелопаевъ и негодныхъ людей, но вѣдь никакъ нельзя же сказать, чтобы и въ прежнія времена въ нихъ ощущался недостатокъ. Напротивъ того, исторія и этнографія самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ, что въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ зна-

нія слабы, негодяевъ и безнравственныхъ людей бываетъ гораздо болѣе, нежели въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ сумма знаній сравнительно больше, гдѣ люди осмысливаютъ свои поступки и желаютъ видѣть факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, а не окруженными непроницаемымъ мракомъ невѣжества.

„Но не такъ мыслить маленькій поэтикъ Альфредъ Мюссе. Пошлый поступокъ своего пошлаго героя онъ приписываетъ—чему бы вы думали? приписываетъ вліянію Вольтера!! Чтò можетъ быть общаго между Вольтеромъ и дряннымъ человѣчишкой, называющимся Роллою, этого постичь совершенно невозможно; тѣмъ не менѣе Мюссе твердо стоитъ на своемъ и всячески клянется, что не будь Вольтера, не было бы и его дрянного Роллы. По несообразности своей, онъ даже не задаетъ себѣ вопроса: а что, еслибы, вмѣсто исторіи Роллы, рассказать исторію какого-нибудь Катилины или другого, подобнаго ему, древняго героя, возможно ли было бы обвинить по поводу его Вольтера и страсть къ анализу? Онъ—поэтъ, и въ этомъ качествѣ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ показаніями исторіи. Полагая всю сущность поэзіи въ смѣлости полета, а всю прелесть жизни—въ невѣжествѣ, онъ весьма естественно желаетъ уязвить если не самое знаніе, то, по крайней мѣрѣ, поползновеніе къ знанію. Однимъ словомъ, онъ чувствуетъ необходимость защитить дорогое его сердцу невѣжество, подъ покровомъ котораго, по мнѣнію его, неприкосновенно сохраняется поэтическая свѣжесть и цѣльность жизни“.

Не будемъ останавливаться на критическихъ отзывахъ Салтыкова о другихъ менѣе крупныхъ явленіяхъ того времени, какъ романы Лажечникова, Леонтьева, пьесы Ѡ. Устрялова, стихотворенія Крестовскаго (не псевдонима); не будемъ также приводить его небольшихъ критическихъ замѣтокъ въ библиографической хроникѣ,—хотя всѣ они заключаютъ обыкновенно мѣткія и остроумныя сужденія. Упомянемъ еще только о нѣкоторыхъ фактахъ его литературной полемики. Кромѣ того, чтò уже было упомянуто выше, Салтыковъ въ тѣ годы нѣсколько разъ возвращался къ изданіямъ, которыя возбуждали въ немъ большую или меньшую антипатію. Въ своихъ хроникахъ онъ высказывалъ весьма положительно свои возраженія на теоріи, какія излагались въ изданіяхъ, выступившихъ на реакціонную дорогу; въ другихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ уже только насмѣшкой, считая безполезнымъ какой-нибудь серьезный разговоръ.

Главнымъ мѣстопребываніемъ реакціонной печати была тогда, какъ и впоследствии, Москва. Между Москвою и Петербургомъ

издавна велось нѣкоторое соперничество, не однажды проникавшее въ литературу. Въ сущности оно было лишено всякаго серьезнаго основанія: Москва и Петербургъ находились и находятся въ одномъ и томъ же государствѣ, подъ тѣми же самыми законами, съ тѣми же условіями общественности и литературы, но московскіе писатели издавна воображали, что они гораздо лучше русскіе люди, чѣмъ петербуржцы, въ которыхъ предполагалось меньше знанія „русскаго духа“, больше погони за иноземными новизнами и даже меньше патриотизма. До какой степени увѣрены были въ этомъ славянофилы, извѣстно. Этотъ особый московскій патриотизмъ сказывался одновременно даже въ противоположныхъ лагеряхъ. Истинные ревнители просвѣщенія гордились тѣмъ, что Москвѣ принадлежитъ старѣйшій и заслуженный русскій университетъ; патриотическіе мечтатели убѣждены были, что только въ Москвѣ находится хранилище истиннаго русскаго духа; даже московскіе ретрограды полагали, что старая Москва придаетъ силы ихъ мрачнымъ воззваніямъ... Отсутствие движенія и шума настоящей столицы привлекала въ Москвѣ больше вниманія къ общественнымъ явленіямъ, которыя бывали гораздо менѣ замѣтны въ Петербургѣ, и москвичи, дѣйствительно, привыкали придавать имъ значеніе событій. Московскій журналъ, публичная лекція, концертъ, полемика и т. п. дѣлали иной разъ въ Москвѣ больше шума, чѣмъ было бы въ Петербургѣ, и такъ какъ въ этой общественной жизни, въ 30-хъ, въ 40-хъ годахъ и послѣ, появлялись дѣятели съ истинными дарованіями, то это чувство московской особенности какъ будто получало нѣкоторое основаніе... Славянофилы, впервые начавшіе со второй половины 50-хъ годовъ свои изданія и въ особенности развивавшіе эту черту мѣстнаго патриотизма, утверждали цѣлой своей теоріей, что иначе и не должно быть, что только въ Москвѣ и возможно настоящее русское сознаніе, потерянное въ петербургской Русландіи. Салтыковъ, какъ мы упоминали, очень хорошо зналъ Москву и зналъ также эту московскую слабость. Начиная въ „Современникѣ“ свои „Московскія письма“, онъ дѣлаетъ слѣдующее предварительное замѣчаніе:

„Я не знаю отчего, но всякій разъ, какъ я проѣзжаю мимо нашего Малаго театра, мною овладѣваетъ какой-то священный ужасъ. Мнѣ все кажется, что тамъ не играютъ, а совершаютъ какія-то таинства, производятъ какія-то возліанія. Мнѣ кажется, что тамъ, въ темномъ углу стоитъ стыдливая богиня Искусства, что Разказовъ сметаетъ съ нея пыль, что Садовскій стоитъ въ одеждахъ верховнаго жреца и нюхаетъ табакъ, окруженный

Шумскимъ, Самаринимъ и Никифоровымъ, что Дмитревскій произносить возгласы, а М. С. Щепкинъ, въ видѣ стараго причетника, сдавшаго дьяческое мѣсто дочери, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ поетъ:

„Мы искусству честно служимъ,
Даже денегъ не беремъ.
Мы, не ѣвши день, не тужимъ,
И, не ѣвши-жъ, спать идемъ!“¹⁾

„Впрочемъ, Москва вообще производитъ на меня это подавляющее впечатлѣнiе. Ёду ли мимо университета, мнѣ кажется, что тамъ, передъ лицомъ Науки, г. Никита Крыловъ возлагаетъ руки на г. Бориса Чичерина, причемъ гг. Бабсть, Бодянский и Капустинъ поютъ:

„Не увлекшійся прогрессомъ,
Ты, продуктъ родной страны,
Служишь скромно интересамъ
Государственной казны.“²⁾

„Ёду ли по Спиридоновѣ, мимо редакціи „Дня“, мнѣ чудится, сквозь тьму, царствующую въ ея окнахъ, что тамъ есть какой-то храмъ, въ которомъ стоитъ богиня Народности, передъ которой преклоняетъ колѣна И. С. Аксаковъ и приноситъ въ жертву цыпленка, приготовленнаго à la polonaise, а гг. Погдинъ, Безсоновъ и Бѣляевъ поютъ:

„Ты, Аксаковымъ воспѣтый,
О, славянъ могучій родъ!
Что-то выйдетъ изъ атлета?
Мускулистѣйшій уродъ!“³⁾

„Знаете ли что? даже, когда я проѣзжаю мимо Лоскутнаго трактира—и тогда мнѣ кажется, что тамъ не готовятъ, а молебны Молоху служатъ. Мнѣ чудится, что стоитъ главный поваръ и обдумываетъ, какимъ бы образомъ устроить, чтобы цѣлаго слона въ кострюлю уложить; стоятъ кругомъ повара и, розиня ротъ, ожидаютъ, что вотъ-вотъ главный поваръ скажетъ предикю, и вдругъ вода закипитъ въ кострюляхъ, и вдругъ начнутъ съ боку на бокъ перевертываться на сковородкахъ чудодѣйственные поросята и до отвращенья откормленные индѣйки. Даже, когда я проѣзжаю по Арбату, Плющихѣ и проч. мимо

¹⁾ Примѣчаніе Салтыкова: Взято изъ водевиля: „Гризетка Лизетта или насъ не оставятъ Богъ!“

²⁾ Тоже: Взято изъ водевиля: „Сила судьбы или Волшебный четвертакъ“.

³⁾ Взято изъ водевиля: „Невинное препровожденіе времени“.

всѣхъ этихъ запусѣлыхъ и неосвѣщенныхъ домовъ, то и тогда мнѣ кажется, что тамъ скрываются безвѣстные, покрытые пылью богини и боги, вокругъ которыхъ стоятъ почтенные московскіе обыватели и поютъ гимны Праздности“¹⁾.

Такимъ образомъ и дѣятельность Ивана Аксакова представлялась ему самому священнодѣйствіемъ и жертвоприношеніемъ. Салтыковъ сомнѣвался въ результатахъ этихъ священнодѣйствій. Онъ жалѣетъ, что Иванъ Сергѣевичъ недостаточно вразумительно объясняетъ своимъ почитателямъ значеніе таинственнаго слова: „общество“, и, по мнѣнію Салтыкова, это происходитъ отъ того, что Иванъ Сергѣевичъ дѣйствуетъ вообще какъ-то не прямо, а больше посредствомъ фигуръ и уподобленій; онъ подсмѣивается надъ однимъ изъ этихъ уподобленій, гдѣ изображается какое-то величественное дерево, которое верхушками упирается въ небо, а корнями высасываетъ изъ земли соки. „Дерево это прообразуетъ общество, — верхушка — вѣроятно, разумную этакую устроительную выспренность (земскій соборъ), сосущіе корни — вѣроятно, прозорливость, а земля... земля-то что означаетъ?“ Это дерево подаетъ Салтыкову поводъ ко всякимъ размышленіямъ; онъ признается, что такія деревья очень мало его соблазняли; ему казалось обыкновенно, что эти деревья, набравшись изъ земли соками, забываютъ о землѣ-кормилицѣ...

„Но допустимъ, наконецъ, что всѣ эти мечтанія совершались во-очію, что у насъ есть дерево-общество, которое вершиной упирается въ небо, а корнями въ землю, — что выйдетъ изъ этого? Боюсь сказать, но думаю, что изъ этого выйдетъ новый манеръ питанія соками земли — и ничего больше“.

Намъ твердятъ, что нынѣшнее русское общество виновато тѣмъ, что растетъ корнями не въ землю, а куда-то вверхъ на воздухъ. Салтыковъ находитъ, что это было бы недурно, — „вѣдь это просто означало бы, что общество живетъ и ничего лишняго не беретъ“, то-есть не грабитъ народнаго труда. Но увы, всякое дерево, хотя бы и стояло корнями въ землѣ, все-таки растетъ и по мѣрѣ того горизонтъ его верхушки расширяется, а горизонтъ земли остается тотъ же тѣсный и низменный. Ремесло общества-дерева — мыслить, воображать, стремиться; ремесло земли — быть погруженной въ матеріальные интересы. „Для перваго — науки и искусства, для второй — заботы объ удовлетвореніи грубыхъ потребностей жизни; первое, съ помощью науки, очистило себя отъ предразсудковъ, вторая — вся лежитъ въ предразсудкахъ“.

¹⁾ „Современникъ“, 1863, № 1, стр. 163, 164.

Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ среди шутокъ и насмѣшекъ надъ невразумительными аллегоріями, читатель можетъ усмотрѣть и совершенно серьезный взглядъ Салтыкова на внутреннія задачи русскаго общества.

„Не ясно ли, что, вооружаясь противъ современнаго русскаго общества, вы на мѣсто его хотите создать нѣчто такое, что совершенно подобно ему, и что не только не разрѣшаетъ дѣла, но даже какъ будто запутываетъ его, ибо нагромождаетъ надъ землею новую тяжесть, совершенно излишнюю?

„Если вы дѣйствительно хлопочете о землѣ, то для васъ это будетъ ясно. Но это вамъ только такъ кажется, что вы хлопочете о землѣ, да притомъ еще о *русской* землѣ. Въ сущности вы проповѣдуете ту же самую политическую теорію, которая давнымъ давно процвѣтаетъ на западѣ: вѣдь и тамъ существуетъ земля, и тамъ произрастаютъ на землѣ деревья. Чѣмъ же вы отличаетесь отъ тѣхъ, которыхъ называете „западниками“? Или, въ самомъ дѣлѣ, только тѣмъ, что исторія, писанная Мстиславами Удалыми и Іоаннами Грозными, милѣе для васъ, нежели исторія, писанная лейбъ-гвардіи преображенскимъ полкомъ? Да вѣдь это вашъ капризь. А вы полюбите исторію, писанную преображенцами, и возненавидите исторію, писанную Мстиславами— все это въ вашихъ рукахъ.

„Ко всѣмъ вашимъ мечтаніямъ о сближеніяхъ вы подмѣшиваете политическаго элемента — и это васъ спутываетъ. Не однимъ западникамъ, но и вамъ политическая триада кажется чѣмъ-то въ родѣ очарованнаго круга, за черту котораго невозможно перейти; не одни западники, но и вы предаетесь сухотѣ отъ заботъ объ устрійствѣ какой-то неестественной комбинаціи, которая обезпечивала бы... что обезпечивала бы? обезпечивала бы все ту же самую сущность, противъ которой вы, повидимому, сами ругаете. И потому, какъ вы ни стараетесь придумать что-нибудь народное, вы все-таки возвращаетесь въ томъ же кругѣ, въ которомъ вращаются и оппоненты ваши, перегираете тѣ же идеи, которыя давнымъ давно уже перетерты другими, до того перетерты, что даже приготавливаются къ сдачѣ въ архивъ.

„Мнѣ вѣжется, вы были бы гораздо ближе къ истинѣ, еслибъ отказались навсегда отъ политическихъ утопій и перенесли вопросъ на другую почву. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ бы устроить сближеніе такимъ образомъ, чтобы этому не мѣшали ни образованіе, ни необразованіе, ни различіе способностей, ни другія случайности“...

Салтыковъ вспоминаетъ, что было бы желательно, напримѣръ,

уравненіе передъ закономъ образованнаго г. Фета съ необразованнымъ работникомъ Семеномъ ¹⁾.

Къ Ивану Аксакову Салтыковъ возвращается еще нѣсколько разъ, обыкновенно подшучивая надъ его публицистическими затѣями, напримѣръ, надъ изобличеніемъ шатающихся по Европѣ соотечественниковъ ²⁾, надъ желаніемъ пробудить общественные интересы въ провинціи и привлечь корреспонденціи изъ всѣхъ губерній ³⁾. При этомъ послѣднемъ случаѣ произошелъ между прочимъ эпизодъ, которымъ и занялся Салтыковъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Аксаковъ дѣйствительно получилъ корреспонденціи (которыя показались Салтыкову балетными), но другія губернія упорно молчали, между прочимъ тамбовская. Аксаковъ былъ такъ огорченъ или приведенъ въ такое негодованіе этимъ молчаніемъ, что написалъ объ этомъ въ „Днѣ“, выразивъ сомнѣніе, существуетъ ли дѣйствительно тамбовская губернія, или это только такъ, географическій терминъ. Оказалось однако, что въ тамбовской губерніи живетъ въ своемъ помѣстьѣ не кто иной, какъ самъ г. Чичеринъ, который вступился за честь своей губерніи. Онъ удостовѣрилъ, что тамбовская губернія стоитъ на своемъ мѣстѣ и что въ ея молчаніи нѣтъ ничего дурного, даже напротивъ. По мнѣнію его, въ такую минуту, когда „Россію постигла язва непоимѣрнаго язычечесанія“, когда свое слово хочетъ сказать даже тотъ, кому и говорить-то, въ сущности, нечего, губернія, которая молчитъ о себѣ, должна быть названа „мудрѣйшею изъ губерній“... Затѣмъ г. Чичеринъ объявлялъ, что молчаніе тамбовцевъ означаетъ, что они заняты дѣломъ, и что тамъ, въ этой степи, „въ тишинѣ совершается великое превращеніе народной жизни“. „Повѣрьте,—заканчивалъ онъ,—молчаливыя губернія—столпы русской земли. Вѣдь, между нами, мы отъ русскаго слова большого прова до сихъ поръ не видали, но въ русскомъ молчаніи таится громадная сила“.

Аксаковъ не убѣдился этими доводами и объяснялъ, что если тамбовская губернія молчитъ теперь потому, что занята великимъ превращеніемъ народной жизни, то почему же она молчала во времена крѣпостного права? и что по логикѣ г. Чичерина выходитъ, что мы окружены цѣлымъ океаномъ гражданскаго благополучія и мудрости. Аксаковъ поздравлялъ г. Чичерина съ этимъ тамбовскимъ счастіемъ при сіяніи тамбовской мудрости.

¹⁾ „Современникъ“, 1863, № 4, стр. 399—401.

²⁾ Кромѣ приведеннаго въ предъидущей статьѣ см. напр. „Свистокъ“, „Современникъ“, 1863, № 4, „Письма отца къ сыну“, стр. 19 и далѣе.

³⁾ „Современникъ“, 1863, № 12, стр. 280 и слѣд.

Салтыковъ замѣчаетъ, что ему очень бы хотѣлось теперь же объяснить читателю, что такое тамбовское счастье и тамбовская мудрость; но, оставляя этотъ предметъ до другого случая, онъ хочетъ заняться только даннымъ вопросомъ: чего хочетъ Аксаковъ, что отстаиваетъ отъ него г. Чичеринъ? Аксаковъ, очевидно, добивается истины; онъ хочетъ, чтобы всякій россиянинъ въ разговорѣ съ какимъ-нибудь липпе-детмольдскимъ подданнымъ могъ сознательно сказать: „да, я люблю Россію, ибо въ отечествѣ моемъ есть тамбовская губернія, которая столько-то сотъ тысячъ пудовъ ржи производитъ на продажу, есть село Кимра, въ которомъ работается ежегодно до десяти тысячъ паръ сапоговъ, и есть городъ Ржевъ, въ которомъ готовится прекраснѣйшая яблочная пастила“. „Такимъ стремленіямъ рѣшительно нельзя не сочувствовать“, — говоритъ Салтыковъ, — но съ другой стороны онъ не можетъ не отдать справедливости и г. Чичерину, который, „становясь на точку зрѣнія общечеловѣческую, защищаетъ любезнѣйшее изъ правъ человѣка, — право молчанія. Такому стремленію тоже нельзя не сочувствовать, ибо право молчать должно быть столь же неприкосновенно сохранено человѣку, какъ и право говорить, и г. Чичеринъ, взявъ на себя защиту этого права, поступилъ какъ настоящій гражданинъ“. Салтыковъ ведетъ и дальше этотъ вопросъ о тамбовской губерніи, старается вникнуть въ интимныя мысли Аксакова и Чичерина и, между прочимъ, полагаетъ, что послѣдній могъ опасаться, что тамбовской губерніи можетъ быть совсѣмъ нечего и сказать о себѣ: что, если она найдется говорить только о скотоводствѣ, и притомъ съ грамматическими ошибками? ¹⁾

Въ нѣсколько пріемовъ Салтыковъ обращался къ журналу „Время“ (позднѣе „Эпоха“). Мы замѣчали выше, что это изданіе было ему вообще антипатично по тому неопредѣленному туману, которымъ покрыты были его разсужденія о тогдашнихъ общественныхъ дѣлахъ и при которомъ однако журналъ отличался не малымъ задоромъ. Мы приводили, отчасти, споры Салтыкова съ этимъ направлениемъ.

Въ первой книжкѣ „Времени“ за 1863 годъ помѣщено было стихотвореніе г. Ѳ. Берга, начинавшееся такъ:

„Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рощѣ толковали.

— Эхъ, бѣда теперь намъ, птицамъ смирнымъ,
Смирнымъ птицамъ, утицамъ залетнымъ.

¹⁾ „Современникъ“, 1863, № 12, стр. 230 и далѣе.

„На землѣ житья совсѣмъ не стало
Птицѣ смирной, птицѣ перелетной.

„Полетимъ мы, птицы, на болота
На болота, дальнія озера;

Въ камышахъ повьемъ мы, птицы, гнѣзда,
Въ камышахъ, туманахъ непроглядныхъ“ (?) и т. д.

Стихотвореніе кончается:

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рошѣ толковали“.

Салтыковъ обратилъ вниманіе на это стихотвореніе. Выписавши первые стихи, онъ говоритъ: „Такъ гласить въ 1-мъ № „Времени“ поэтъ Ѳ. Бергъ, отнюдь не подозрѣвая, что онъ пишетъ самую язвительную характеристику того самаго журнала, въ которомъ помѣщаетъ стихи свои. Прилетали птицы: М. Достоевскій, А. Григорьевъ, гг. Страховъ и Косица.

„Прилетали, въ рошѣ толковали...

„Разумѣется, толковали чепуху“.

И, выписавши все стихотвореніе, онъ продолжалъ: „Какая поэзія! Хорошо, что все это не взаправду написано, хорошо, что все это изображено съ язвительною цѣлью представить вѣрную характеристику „Времени“¹⁾.

Не будемъ перечислять, какъ онъ возвращался въ этой темѣ, причемъ публицистика „Времени“ казалась ему только птичьими толками²⁾. Не будемъ останавливаться и на другихъ его полемическихъ статьяхъ и литературныхъ обзорѣняхъ: кромѣ тѣхъ писателей, которые выше названы, онъ говоритъ подробно или мимоходомъ о Лажечниковѣ, Крестовскомѣ (не псевдонимѣ), Ѳ. Устряловѣ, М. и Ѳ. Достоевскихъ, Плещеевѣ, Майковѣ, Григоровичѣ, Леонтьевѣ, Гр. Данилевскомѣ, Костомаровѣ (Н. И.) и „лаже-Костомаровѣ“ (Всеволодѣ), Мельниковѣ, сопоставляемомъ съ Булгаринымъ, и пр.

Надо полагать, что когда-нибудь будутъ собраны тѣ крупныя и мелкія статьи, на которыхъ мы останавливались въ настоящемъ обзорѣ, и Салтыковъ явится передъ читателями еще съ новой, интересной стороны, — хотя и здѣсь, какъ вообще всякій сильный русскій писатель, Салтыковъ является передъ читателемъ да-

¹⁾ „Современникъ“, 1863, № 3, стр. 194 и далѣе.

²⁾ Ср. тамъ же, 1863, № 12, стр. 252; 1864, № 5, стр. 17—26 и пр.

лебо не во всей цѣлости своего содержанія и своего таланта, а напротивъ, по его собственному выраженію, съ большими „изъянами“¹⁾).

Читатель, слѣдившій за настоящимъ изложеніемъ, безъ сомнѣнія, согласится, что эти произведенія Салтыкова—не входившія до сихъ поръ въ собранія его сочиненій, какъ чисто публицистическія или слишкомъ привязанныя къ данной минутѣ—исполнены великаго интереса. Интересъ заключается въ томъ, что здѣсь въ прямомъ отношеніи къ вопросамъ даннаго положенія Салтыковъ, быть можетъ, больше, чѣмъ когда-нибудь высказывалъ то міровоззрѣніе, которое обыкновенно облекалось имъ только въ художественную, часто фантастическую форму, и вслѣдствіе того иногда оставалось неясной, почти загадочной, особенно для людей поверхностныхъ, которыхъ увлекала всего больше, и иногда только чисто анекдотически, блестящая остроуміемъ сатира. Здѣсь, напротивъ, Салтыковъ не однажды раскрываетъ свою мысль до тѣхъ предѣловъ, какіе были возможны по внѣшнимъ условіямъ литературы; даетъ гораздо ближе угадывать свои общественные идеалы, высказываетъ свое высокое понятіе о достоинствѣ литературы, объ обязанностяхъ, лежащихъ на самомъ художественномъ творчествѣ; оставляетъ внѣ всякихъ сомнѣній свое отношеніе къ народу—отношеніе серьезное, исполненное уваженія къ „мужеству“ этого народа въ борьбѣ съ тяжкими обстоятельствами его быта, отношеніе прямое и свободное отъ всякихъ фантастическихъ преувеличеній и мечтаній, которыя такъ легко иногда испаряются на практикѣ, но проникнутое глубокимъ желаніемъ серьезнаго улучшенія его быта матеріальнаго и нравственнаго. Рядомъ съ этимъ Салтыковъ открыто и во многихъ случаяхъ съ большою силою негодующаго чувства вооружается противъ тѣхъ безнравственныхъ явленій, какія совершались въ тогдашней литературѣ, въ угоду надвигавшейся реакціи, или противъ безхарактерныхъ, и тѣмъ самымъ, по его мнѣнію, вредныхъ произведеній тогдашней публицистики, гдѣ мнимые народолюбцы, не выяснившіе самимъ себѣ, чего хотятъ, предавались либеральному празднословію, сами не подозревая, что приближаются къ лагерю настоящихъ обскурантовъ. Рѣчь его та же, какую онъ велъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, съ конца 1840-хъ до конца 80-хъ годовъ: серьезная мысль, задушевное стремленіе къ общественному благу облекаются въ необычайно живую форму бесѣды съ читателемъ,

¹⁾ „Современникъ“, 1863, № 12, стр. 239—241.

переплетающейся съ разсказомъ, размышленіями, то шутивными, то ироническими, то въ основѣ глубоко печальными; оригинальное, неистощимое остроуміе блещетъ на каждой страницѣ. Въ цѣломъ мы видимъ здѣсь тотъ же необычайный талантъ, и разсмотрѣнныя нами крупныя и мелкія его произведенія должны стать рядомъ съ другими его сочиненіями, которыя до послѣдняго времени онъ вносилъ въ свои сборники.

Но если эти произведенія въ высочайшей степени любопытны для характеристики самого Салтыкова, раскрывая намъ этого писателя въ его непосредственномъ вмѣшательствѣ въ вопросы и борьбу общественной жизни, то съ другой стороны онъ имѣетъ величайшій интересъ для исторіи нашего общества. Никогда въ послѣдствіи Салтыковъ не являлся въ такой прямой публицистической роли, какъ въ описываемые годы: насколько было возможно при неизбежныхъ „изъянахъ“, онъ старался выяснить общественное положеніе, и въ его публицистикѣ остался матеріалъ для общественной исторіи того времени, который будетъ драгоцененъ для будущаго историка. Салтыковъ началъ этотъ публицистическій трудъ въ крайне трудныхъ условіяхъ. Только-что исполненная реформа повлекла за собой уже вскорѣ приступъ реакціи. Разсматриваемое теперь издали, почти черезъ тридцатилѣтній промежутокъ времени, это явленіе становится весьма понятно. Наше общество такъ долго, въ сущности во все теченіе своей исторіи, отрѣшено было отъ какой-нибудь самостоятельности, владѣло такою умѣренной долей просвѣщенія, такъ долго жило въ идеяхъ крѣпостного права и въ то же время въ такой привычкѣ къ собственному безправію, что невозможно было думать, чтобы новая эпоха реформъ въ состояніи была въ три-четыре года измѣнить этотъ вѣками создававшійся общественный характеръ. Первый сильный толчокъ къ новому движенію дало внѣшнее событіе, Крымская война, указавшая крупныя, органическіе недостатки прежняго порядка вещей: урокъ былъ вразумителенъ, но въ той средѣ, какую представляло общество съ его упомянутыми качествами, онъ оставилъ только поверхностное дѣйствіе. Когда разъ было какъ будто понято и высказано, что вреденъ застои, что необходимо „прогрессъ“, толки на эту тему стали ходячей фразой, на которой общество и успокоилось. Въ тѣсномъ кругу началась усиленная умственная работа, но большинство пребывало въ прежней умственной лѣни и урокъ остался бесполезенъ. Для умовъ проникательныхъ было въ самомъ началѣ ясно, какъ поверхностно было это мнимое возрожденіе въ массѣ общества, и послѣдствія оправдали это предвидѣніе. Крестьянская реформа имѣла, ко-

нечно, свое нравственное дѣйствіе, но и въ этомъ дѣйствіи было опять много неяснаго и обоюднаго: фактически она произвела переворотъ въ отношеніяхъ сословіи и въ положеніи народной массы: возвратитъ прежняго было нельзя, но тѣмъ не менѣе были всѣ данныя для реакціи. Матеріально реформа тяжело и непріятно отозвалась на интересахъ именно вліятельнаго класса, и его недовольство или раздраженіе, при нерѣшительности самой власти, повлекло, наконецъ, поворотъ съ пути „прогресса“ на старую привычную дорогу, чтобы если не возвратитъ потерянное, то по крайней мѣрѣ приостановитъ или задержать дальнѣйшее движеніе. Въ то же самое время происходило и другое явленіе: общественное возбужденіе, какъ и естественно, всего сильнѣе подѣйствовало на новыя поколѣнія; если гдѣ былъ настоящій, хотя, быть можетъ, нѣсколько наивный энтузіазмъ отъ наступленія эпохи реформъ, то именно въ этомъ поколѣніи, видѣвшемъ отчасти послѣднюю пору прежняго порядка вещей и не сомнѣвавшаяся, по юношеской горячности, что наступаетъ новая, небывалая пора во всей русской исторіи. Это выражалось живымъ интересомъ къ новой литературѣ и публицистикѣ, стремленіемъ въ школы и университеты, попытками служить самимъ народному образованію (воскресныя и бесплатныя школы), вообще сильнымъ, неизвѣстнымъ прежде развитіемъ чувства общественности. Была, кромѣ того, и другая сторона дѣла: было значительное число людей изъ того самаго дворянства, особливо средняго и мелкаго, которое поставлено было крестьянской реформой въ неизвѣстныя прежде тяжелыя матеріальныя условія; въ то время, когда „отцы“ скорбѣли и негодовали на реформу, „дѣти“ встрѣчали ее съ смѣлыми надеждами молодости и искали новыхъ путей труда, который далъ бы имъ и средства существованія, и свободное положеніе въ новомъ образующемся, по ихъ мнѣнію, обществѣ; тѣ и другія побужденія, нравственныя и матеріальныя, охватили и значительную часть женскаго молодого поколѣнія. Отсюда та возбужденная жизнь, особливо въ молодыхъ поколѣніяхъ, которая отличаетъ то время—конецъ 50-хъ и 60-ые года. Это возбужденіе заключало въ себѣ вполнѣ заслуживавшія сочувствія нравственные мотивы, великодушныя, хотя, повторимъ опять, иногда наивныя порывы служить обществу и народу, съ другой стороны весьма серьезныя мотивы матеріальныя, потому что для очень многихъ юношей и дѣвушекъ дворянскихъ семей шла рѣчь буквально о кускѣ хлѣба ¹⁾. Къ глубокому сожалѣнію, это положеніе вещей, кото-

¹⁾ Припомнимъ, напр., изъ отчетовъ бывшихъ женскихъ курсовъ, что огромный, преобладающій процентъ ихъ слушательницъ принадлежалъ именно лицамъ дворянскаго сословія.

рое, между прочимъ, старалась объяснить нѣкоторая часть тогдашней литературы, не было понято вліятельными сферами, которыя, напротивъ, поддались инсинуаціямъ изъ реакціоннаго лагеря, и это движеніе, которое было самымъ естественнымъ результатомъ реформы (и съ нравственной, и съ матеріальной стороны) и которое, между прочимъ, вызывалось самыми человѣчными и законными стремленіями молодыхъ поколѣній, приняло въ глазахъ вліятельныхъ сферъ какой-то законопреступный характеръ, — печальное недоразумѣніе, имѣвшее и крайне прискорбныя послѣдствія. Принадлежность въ молодому поколѣнію дѣлала человѣка подозрительнымъ; заблужденія нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ ставились въ вину цѣлому классу людей; на молодое поколѣніе огуломъ ввозились даже небывалыя преступленія (какъ, на примѣръ, петербургскіе пожары лѣтомъ 1862 года — злобное и грубое обвиненіе, которое однако никогда ничѣмъ не было доказано). Реакціонная печать самымъ гнуснымъ образомъ эксплуатировала это положеніе вещей. Вотъ условія, въ которыхъ Салтыковъ отрывалъ свое публицистическое поприще. Журналъ, въ редакціи котораго по его возобновленію Салтыковъ принялъ участіе, только что вынесъ административную опалу; изъ всей литературы на немъ въ особенности сосредоточены были полемическія нападенія и инсинуаціи реакціонной печати, и это однако былъ единственный органъ, въ которомъ могла найти мѣсто дѣятельность Салтыкова. Мы видѣли, сколько неутомимаго труда, сколько искренняго чувства положилъ Салтыковъ на эту работу; въ немъ самомъ широкія прежнія надежды (которыя вѣроятно были передъ тѣмъ) были подорваны отрывавшимся передъ нимъ зрѣлищемъ нашей дѣйствительности, но, сколько было въ его силахъ, онъ стремился внести свѣтъ сознанія въ этотъ мракъ, окутывавшій общественный умъ и общественную совѣсть; онъ старался объяснить положеніе вещей, разоблачать себлюбивую и предательскую интригу и клевету, защитить „чуть-чуть пробивавшуюся жизнь“... Въ его хроникахъ, полемическихъ статьяхъ, критическихъ обзорахъ собраны черты тогдашней общественной жизни, которыя будутъ драгоцѣнны для будущаго безпристрастнаго изображенія этого времени. Изъ первой половины 60-хъ годовъ нельзя назвать другаго писателя, который доставилъ бы столько этого *историческаго* матеріала. Остаются недомолвки (общій недостатокъ всей нашей литературы), но онѣ будутъ понятны, какъ понятны и теперь. Изъ-за мысли даровитаго писателя, возмущаемаго мрачными явленіями своей эпохи, проглядываетъ судъ исторіи.

Приводимъ въ заключеніе списокъ статей Салтыкова, помѣщенныхъ въ „Современникъ“ за 1863—1864 годы.

- 1863. Книги 1—2.—Невинные рассказы. I. Деревенская типъ. II. Для дѣтскаго возраста. III. Миша и Ваня. Н. Щедрина, стр. 161—208.
- Нѣсколько словъ по поводу замѣтки, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1862 годъ, *Т-на*, стр. 1—16.
- Немного лѣтъ назадъ, романъ Лажечникова, стр. 111—123; Кремуцій Кордъ, Н. Костомарова, стр. 123—126; Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Воспитанница Сара. А. Вельтмана, стр. 126—129; Стихи Вс. Крестовскаго, стр. 129—136; Гражданскіе мотивы, сборн. современныхъ стихотвореній, изд. подъ редакціей А. П. Патковскаго; Пѣсни сворбанаго поэта, стр. 136—140; Литературная подписка, А. Скваронскаго („Время“ за 1862 г. № 12), стр. 140—142; О старомъ и новомъ порядкѣ и объ устроенномъ трудѣ (*travail organisé*) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ. Члена вольнаго экономическаго общ. Н. А. Безобразова, стр. 142—146 (разборъ книгъ, безъ подписи).
- Московскія письма. I. *Е. Гурма*, стр. 163—176.
- Петербургскіе театры (безъ подписи), стр. 177—198.
- Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 357—376.
- Книга 3-я.—Послѣ обѣда въ гостяхъ. *Н. Щедрина*, стр. 163—174.
- Московскія письма. II. *Е. Гурма*, стр. 12—22.
- Нѣсколько полемическихъ предположеній. Изъ письма въ редакцію (безъ подписи), стр. 1—10.
- Анаѣема или торжество православія, и пр. Быстротокова (разборъ книги, безъ подписи), стр. 128—130.
- Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 175—202.
- Книга 4-я.—Нѣсколько серьезныхъ словъ, по поводу новѣйшихъ событій въ С.-Петербургѣ. М. Беницкаго; Замѣтки и отзывы „Русск. Вѣстн.“ 1863 г., № 1-й, стр. 285—295; Бнязь Серебряный. Повѣсть времениъ Иоанна Грознаго, гр. А. К. Толстого (разборъ книгъ, безъ подписи), стр. 295—306.
- Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 375—402.
- Свистокъ: Цензоръ въ попыткахъ (лестъ въ видѣ грубости). *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 12—19; Письма отца къ сыну, стр. 19—32; Московскія пѣсни объ искушеніяхъ и невинности. Гимнъ публицистовъ. Элегія. *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 32—37; Неблагонный анекдотъ о г. Юркевичѣ или исканіе розы безъ шиповъ (безъ подписи), стр. 37—51; Секретное занятіе, комедія въ четырехъ сценахъ (безъ подписи), стр. 51—54; Пѣснь московскаго дровиша, *Михаила Зміева-Младенцева*, стр. 71—72; Сонѣлковцы, стр. 81—82; Заявленіе отъ Свистка, стр. 87—88.
- Книга 5-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 219—258.
- Книга 8-я.—Какъ кому угодно. Рассказы, сцены, размышленія и афоризмы, стр. 567—610.
- Въ деревнѣ (безъ подписи), стр. 173—198.
- Книга 9-я.—„Прощайся, ангелъ мой, съ тобою!“ Провинціальный романъ въ дѣйствіи. *Н. Щедрина*, стр. 292—311.
- Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 127—148.

- 1863. Книга 11-я.—Петербургскіе театры. Горькая судьбина, Писемскаго (разборъ безъ подписи), стр. 90—106.
 — Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 139—164.
 „ Книга 12-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 197—242.
 — Воля. Два романа изъ быта бѣглыхъ. А. Савронскаго, стр. 243—252; Полное собраніе сочиненій Г. Гейне. Въ русскомъ переводѣ, изд. подъ редакціей Ф. Берга (разборы книгъ, безъ подписи), стр. 252—253.
- 1864. Книга 1-я.—„Здравствуй, милая, хорошая моя!“ Провинціальный романъ въ дѣйствіи, *Н. Щедрина*, стр. 41—64.
 — Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 17—48.
 — Новыя стихотворенія А. Плещеева, стр. 79—82; Наши безобразники, сцены Н. Потѣхина, стр. 82—83; Сказки Марко Вовча, стр. 83—85 (разборы книгъ, безъ подписи).
 „ Книга 2-я.—Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 17—48.
 — Новыя стихотворенія А. Н. Майкова, стр. 260—271; Воздушное путешествіе черезъ Африку, Юлія Верна, переводъ съ франц. изданіе Алексѣя Головачева, стр. 289—290 (разборы книгъ, безъ подписи).
 „ Книга 3-я.—„На зарѣ ты ее не буди“. Романъ, *Н. Щедрина*, стр. 189—224.
 — Наша общественная жизнь (безъ подписи), стр. 27—62.
 „ Книга 4-я.—Записки и письма М. С. Щепкина и проч., стр. 255—258; Моя судьба, М. Камской, стр. 258—261; Разсказы изъ записокъ стараго письмоводителя, Александра Высоты, стр. 261; Сборникъ изъ исторіи старообрядства, изд. Н. И. Попова, стр. 266—267 (разборъ книгъ безъ подписи).
 „ Книга 5-я.—Литературныя мелочи (безъ подписи), стр. 1—26.
 — Чужая вина, комедія Ф. Устрялова (разборъ безъ подписи), стр. 57—59.
 „ Книга 8-я.—„Она еще едва умѣетъ лепетать“. *Н. Щедрина*, стр. 343—368.
 — Ролла, поэма Мюссе (разборъ, безъ подписи), стр. 201—207.
 „ Книга 10-я.—Въ своемъ краю. Романъ К. Н. Леонтьева, стр. 177—183 (разборъ, безъ подписи).
 „ Книга 12-я.—Письмо въ редакцію М. Салтыкова, стр. 176.

А. Пыпинъ.

ТИМОШЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

VII *).

Быль дремучій буковый боръ въ окрестностяхъ столицы Молдавіи. Его деревья были такъ громадны и вершины буковъ такъ густо разрослись, что за ними нельзя было видѣть ни клочка голубого неба, и въ чащѣ господствовалъ полумракъ, когда за предѣлами этого бора стоялъ ясный, жаркій день и солнце ярко заливало своими лучами вершины бора, его цвѣтуція окрестности и богатую, цвѣтущую резиденцію господара Молдавіи—зеленѣющія садами и стройными тополями Яссы.

Тихо въ буковомъ бору, но не мертво. Въ немъ видны осторожно двигающіяся человѣческія тѣни. Много этихъ тѣней, но онѣ какъ будто прячутся отъ чего-то.

У корня столѣтняго бука, на разостланномъ богатомъ коврѣ, сидитъ старикъ, серебристая борода котораго отчетливо выдѣляется на темномъ бархатѣ полу-восточнаго, полу-европейскаго одѣянія. Морщины, избороздившія смуглое, блѣдное лицо старика, ясно говорятъ, что имъ много пережито горькаго. Но въ черныхъ глазахъ все еще свѣтитса огонь жизни и душевной энергіи.

Около него почтительно стоятъ — одинъ уже старикъ съ длинными сѣдыми усами, а другой помоложе, рыжеватый, и оба въ польскихъ кунтушахъ и при „карабеляхъ“. Они о чемъ-то

*) См. выше: ноябрь, 154 стр.

говорятъ съ сидящимъ подъ деревомъ старикомъ, какъ бы доказываютъ что-то, убѣждаютъ, а старикъ изрѣдка качаетъ отрицательно головой или задаетъ вопросы.

Нѣсколько въ сторонѣ между деревьями другая группа. Тутъ все женщины. У ствола одного бука разостлана на землѣ шкура громаднаго медвѣдя, и на ней сидятъ двѣ женщины—пожилая, восточнаго типа, хотя рыжеватая, еще довольно красивая, и другая—совсѣмъ молоденькая прелестная дѣвушка. И эти о чемъ-то тихо, грустно разговариваютъ. Около нихъ полукругомъ помѣстилось нѣсколько другихъ женщинъ. Всѣ онѣ по одѣянію и по манерѣ держать себя—повидимому знатныя молдаванки.

Тутъ же, между деревьями, мелькаютъ другія тѣни, большею частью безмолвныя или разговаривающія шопотомъ и жестами.

Видимо, всѣ эти люди прячутся отъ кого-то.

Въ первой группѣ сидѣлъ могущественный господарь Молдавіи, Василій Лупулъ, съ семействомъ и придворными.

Гетманъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра исполнилъ свою угрозу—прислалъ въ Молдавію тридцать-шесть тысячъ сватовъ за домною Розандою: шестнадцать тысячъ казаковъ подъ предводительствомъ Тимоша, полковниковъ Тетери Носача и армянаго писаря Дорошенко, а съ ними двадцать тысячъ татаръ подъ предводительствомъ Карабчи-мурзы. Эти „сваты“ начали свое кровавое сватовство взятіемъ и сожженіемъ молдаванскаго города Сороки, а потомъ разсыпались по всей Молдавіи, обращая все въ пепель и развалины, или, какъ говоритъ самовидецъ — „несподѣвано во всѣмъ потугами езацскими и татарскими напавши на Волоскую землю, въ нѣвецъ все обернули, зоевали по самыя горы, людей побрали въ полонъ и набитки ихъ“¹⁾. Татарскіе сваты не щадили ничего и никого: гнали людей и скоть цѣлыми табунами, на арканахъ тащили мужчинъ, ногайками подгоняли женщинъ и дѣтей.

— Айда!—радостно обращался Карабча-мурза къ казакамъ:—свадба будеть, баранъ будеть, шашлыкъ будеть, дѣвка будеть—много дѣвка!

— Добре! добре!—смѣялись казаки:—такъ ихъ, волоцыхъ сыновъ! Не хотѣли добромъ отдавать дивчину, такъ вотъ же имъ!

Все это сообщалъ теперь Лупулъ, сидѣвшему подъ букомъ, тотъ рыжеватый полякъ, который стоялъ передъ нимъ съ другимъ, сѣдоусымъ полякомъ, возвратившись отъ Потоцкаго, у ко-

¹⁾ Лѣтопись самовидца. Киевъ. 1878, стр. 23.

тораго Лупулъ просилъ помощи, спрятавшись съ своимъ семействомъ въ буковый лѣсъ.

— Потоцкій, господарь, велѣлъ тебѣ передать слѣдующее, — докладывалъ Лупулѣ его посланецъ, панъ Доброшевскій: — ты, говорить, не знаешь, чтѣ такое Хмельницкій, а я его знаю: онъ убилъ моего сына; а потомъ и меня разбилъ на голову да, привязавъ на пушку, промучилъ съ недѣлю, а потомъ отдалъ въ полонъ татарамъ: только за большой выкупъ, говорить, меня отпустили изъ плѣну.

Лупулъ безнадежно покачалъ головой.

— О, мое дитя, мое бѣдное дитя! — тихо прошепталъ онъ.

А та, о которой онъ плакался, сидѣла тутъ же недалеко, подъ другимъ букомъ, рядомъ съ матерью, на разостланной шкурѣ того медвѣдя, съ которымъ связаны были лучшія воспоминанія ея молодой жизни.

— О, мама, мама! онъ придетъ, мой Дмитрій! — со слезами говорила она: — онъ придетъ съ войскомъ и освободитъ насъ... Онъ общалъ.

— Но, дитя мое, онъ неидетъ, — печально говорила мать.

— Да вѣдь онъ, мама, не самъ придетъ, а съ Потоцкимъ: онъ такъ и сказалъ, что придетъ съ войсками короннаго гетмана.

— Ахъ, дитя мое, бѣдное дитя! — продолжала господарша: — печальна наша судьба... Вотъ и меня дѣвочкою похитили съ моей родины, на Кавказѣ, запорожцы, когда я беззаботно гуляла въ саду отца на берегу Чернаго моря. Потомъ въ Кафѣ промѣняли меня армянину на двухъ казаковъ-невольниковъ — дорого цѣнили мою несчастную красу дѣвичью. Армянинъ отвезъ меня въ Стамбулъ и тамъ продалъ за большія деньги великому визирю... Господи! сколько я плакала, когда вспоминала о Кавказѣ, объ отцѣ! Мать я потеряла раньше... Боже, Боже, сколько слезъ было!

— А потомъ, мама? — заинтересовалась дѣвушка.

— Потомъ визирь подарилъ меня султану...

— Подарилъ! — съ негодованіемъ воскликнула дѣвушка.

— Меня взяли въ сераль... А падишахъ, желая оказать милость твоему отцу, — онъ былъ тогда въ Стамбулѣ и добивался престола Молдавіи, — такъ падишахъ, поручая ему престолъ Молдавіи, подарилъ еще богатую саблю, шубу, арабскую кобылицу и меня.

Розанда вспыхнула. Потомъ, помолчавъ, спросила:

— И отецъ женился на тебѣ?

— Да, женился, — отвѣчала мать.

— А ты его любила тогда, мама? — очень любила?

Жена Лупула грустно улыбнулась.

— Я потомъ полюбила твоего отца; онъ меня любилъ, баловалъ, исполнялъ всё мои прихоти, и я была счастлива... Потомъ родились вы, мои дѣти, — а дѣти для женщины замѣняютъ все...

Въ это время на вершинѣ одного бука, среди густо разросшихся вѣтвей дерева, что-то зашуршало. Всѣ подняли вверх головы, и глаза всѣхъ обратились въ темнѣвшей между зеленью листьевъ человѣческой фигурѣ.

— Что, Андреско, видишь тамъ что-нибудь? — спросилъ тревожно Лупулъ, поднимаясь съ ковра.

— Вижу, господарь... въ разныхъ мѣстахъ города показался дымъ, — отвѣчали съ дерева.

— Боже! — всплеснулъ руками господарь: — они зажгли городъ — варвары!

— Городъ зажгли? — съ ужасомъ спросила жена господара, тоже поднявшись на ноги.

— Да, это вѣрно... Злодѣи не пощадятъ ничего, — съ отчаяніемъ произнесъ Лупула.

— Что дѣлать! надо покориться, — сказалъ какъ бы про себя сѣдоусый полякъ, — совѣтникъ Лупула, Кутнарскій.

— Да, да! надо сейчасъ же, а то будетъ поздно, — подтвердилъ и Доброшевскій.

— Пожаръ все больше и больше охватываетъ предмѣстья города! — слышалось съ дерева.

Съ грустною рѣшимостью на лицѣ Лупулъ подошелъ къ дочери. Дѣвушка стояла на медвѣжьей полости рядомъ съ матерью и тихо плакала, не глядя на отца.

Бѣдное дитя! — сказалъ онъ горестно, глядя голову дочери: — надо согласиться... Они зажгли городъ...

Дѣвушка взглянула на него полными слезъ глазами: въ нихъ столько было чистой красоты и невинности, что и Лупулъ прослезился.

— Да, — подтвердилъ Кутнарскій, показывая рукой по направлению къ Яссамъ: — это горитъ новая Троя изъ-за прекрасной Елены.

— Да онъ меня даже не видѣлъ, этотъ варваръ! — съ отчаяніемъ воскликнула дѣвушка.

— Нѣтъ, *domina*, о красотѣ дочери молдавскаго господара кричатъ всѣ, — возразилъ Кутнарскій.

— Но ему не красота нужна, а деньги, — защищалась дѣвушка, съ мольбою глядя на мать.

— Да, правда, правда, — подтвердила послѣдняя: — притомъ

же князь Вишневецкій говорилъ мнѣ, что у этого разбойника, у сына Хмельницкаго, есть какая-то украинская дѣвушка, Олеся, которую онъ вымѣнялъ у Карабчи-мурзы на панну Ванду.

— Пожаръ все больше и больше!—слышалось съ дерева.

Господарь, махнувъ безнадежно рукой, отошелъ къ прежнему дереву, досталъ изъ небольшого сафьяннаго баульчика бумагу, чернильницу и перо и, сѣвъ подъ букомъ, началъ быстро писать, положивъ бумагу на колѣни.

Всѣ молча ждали, пока онъ писалъ. Розанда беззвучно плакала. Плакала и ея воспитательница, Марина Манеско. Не плакала только мать: въ рѣшительную минуту она сдержала себя. Она вспоминала свою дѣвичью судьбу, свои скитанья по бѣлу свѣту—Кавказъ, море, Кафу, Стамбуль, султанскій гаремъ...

Господарь кончилъ писать и всталъ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Я написалъ Хмельницеому мое согласіе на бракъ съ нимъ дочери,—сказалъ онъ, обращаясь къ Кутнарскому и Доброшевскому. — Нельзя долѣе медлить; надо пожаръ остановить, засыпавъ злодѣямъ глаза золотомъ. Вотъ письмо въ Хмельницеому,—продолжалъ онъ, отдавая бумагу пану Доброшевскому:—пусть панъ Игнатій возьметъ изъ моей тайной казны—вотъ ключъ отъ нея (онъ вынулъ изъ кармана ключъ и подалъ пану Игнатію) семь боченковъ, одинъ подъ номеромъ 9-мъ — въ немъ десять тысячъ талеровъ, и шесть боченковъ отъ номера 11-го до 16-го включительно—въ нихъ по сту тысячъ талеровъ: меньшій боченокъ панъ Игнатій вручить вмѣстѣ съ письмомъ Хмельницеому, а большіе шесть—Карабчѣ-мурзѣ.

Панъ Доброшевскій молча поклонился.

— Пусть панъ не медлитъ—бери слугъ, лошадей, боченки и отправляйся въ ставку злодѣевъ!—заклучилъ господарь.

— О, еслибъ это было только отступное!—со вздохомъ сказалъ панъ Кутнарскій.

VIII.

Тихая весенняя ночь надъ Суботовымъ, резиденціею Хмельницкаго—украинская ночь! Весь воздухъ, кажется, напоенъ чарующею мелодіею поэтической ночи. Одни звуки смѣняются другими, взаимно сливаются и стоятъ въ воздухѣ, составляя одну стройную, непрерывную гармонію, которая звучитъ и въ тихомъ воздухѣ, и въ зелени спящаго лѣса, и надъ зеркальною поверх-

ностью соннаго озера. Пѣніе соловья смѣняется стройными хорами молодежи, распѣвающей „весняжки“, а потомъ снова поютъ соловьи.

Вдоль левяды между тополями тихо врадется какая-то тѣнь, робко оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь не то къ своимъ шагамъ, не то къ поэтической мелодіи украинской ночи.

— Это ты, Олесю? — слышится не то шопотъ листьевъ тополя, не то шопотъ человѣческаго голоса.

Отдаленное пѣніе заглушило этотъ тихій шопотъ.

— Олесю! Олесю!—это я.

Тѣнь остановилась, и другая тѣнь, болѣе высокая, обняла ее.

— Ахъ, это ты, Тимошъ?—послышался женскій шопотъ.

— А ты развѣ не меня искала? другого? да?

— Ну, какой же ты, право! я заплачу...

— Ну, ну я шучу... А помнишь, какъ ты въ Бахчисараѣ, подъ вечеръ, облинула меня изъ сада Карабчи-мурзы, когда я шелъ къ нему?

— Какъ же, милый, не помнить! Еще я тогда такъ боялась!

— Чего, Олесю?

— Да какъ же! Этотъ Халиль-бей все хотѣлъ меня купить себѣ въ жены и все приставалъ къ Карабчѣ... Еслибъ не ты, Тимошъ, я такъ и загнула бы тамъ въ „бранвахъ“.

Они присѣли подъ калиновымъ вустомъ; Тимошъ снялъ съ себя шапку.

Мимо нихъ, ничего не замѣчая, прошла еще парочка, обнявшись.

— Какъ-же-жъ я буду плакать, Ивасю, когда ты пойдешь въ походъ!—слышался женскій голосъ.

— Да я, Хвесею, скоро вернусь: мы идемъ не на войну, а на свадьбу,—отвѣчалъ другой голосъ, мужской.

— А все-жъ я буду плакать...

Послышался поцѣлуй. Парочка прошла дальше.

— Это мой Ивасъ! — шепнулъ Тимошъ. — И онъ ужъ гуляетъ.

— Э! онъ давно началъ съ Хвесею водиться.

— А кто-жъ эта Хвеса?

— Да Охримова дочка.

Въ это время недалеко послышалось одинокое пѣніе. Пѣлъ женскій голосъ:

Шумить, гуде дибровонька,
Плаче, туже дивчинонька...

— Бѣдная! должно быть, ея милый на войнѣ или въ неволѣ, —
вдохнула Олеся.

Ой, пиду-жь я утоплюся,
Чи объ камень развѣбьюся!..

— Бѣдная!— снова вдохнула Олеся.— Вотъ и я такъ гѣла
въ прошломъ году.

— Отчего?—спросилъ Тимошъ.

— Какъ отчего! ты тогда ходилъ въ Молдавію: я думала,
что ты тамъ женишься на этой, какъ ее? подарувгѣ...

— На Розандѣ?—вдохнулъ въ свою очередь Тимошъ.

— Да... А хороша она собой?

— Не знаю: я никогда ее не видалъ.

— А люди говорили, что ты ѣздилъ ее сватать.

— Отецъ посылалъ, а я тутъ ни-при-чемъ: по мнѣ она хоть
бы совсѣмъ провалилась.

Дѣвушка крѣпко обняла своего возлюбленнаго за такой отвѣтъ.

— А посмотри на небо какія тамъ зори (звѣзды) ясныя!
Которая твоя зірочка?

Тимошъ поглядѣлъ на звѣзды. Для него они имѣли практи-
ческое значеніе: ночью, среди необозримыхъ степей, по звѣздамъ
онъ узнавалъ, гдѣ полдень, гдѣ востокъ, гдѣ полночь.

— А? которая твоя?—переспросила дѣвушка.

— Вонъ та, небольшая, что надъ вершиною того тополя:
она всегда на одномъ мѣстѣ.

Тимошъ указалъ на полярную звѣзду.

— Отчего она твоя? —спросила дѣвушка: — она такая ма-
ленькая.

— Ну, да,—улыбнулся Тимошъ:—такая же маленькая, какъ
ты,—но по ней я никогда ночью не собьюсь съ дороги.

— А моя вонъ та!—сказала она, помолчавъ:—большая...

— То Венера; такъ ее намъ въ бурсѣ называли: то зоря
любви, воханья.

— За то-жь и я ее люблю.

Въ ближайшихъ кустахъ заливался соловей.

— И у насъ соловейко гнѣздо свилъ, — тихо заговорила
дѣвушка, прижавшись головкой къ плечу своего „парубка“: —
помнишь тотъ кустикъ, гдѣ мы съ тобой еще дѣтьми въ первый
разъ поцѣловались?

— Помню—это еще задолго до того, какъ тебя татары въ
полонъ угнали.

— Да... Мнѣ тогда было лѣтъ двѣнадцать.

— Ну, и я тогда еще недавно пересталъ на палочкѣ верхомъ ѣздить.

— А все-жѣ мнѣ потомъ было стыдно, когда мы поцѣловались... Да и хитрая-жѣ я тогда была!.. я нарочно сказала, что такъ ушибла ногу, будто не могу подняться, а ты нагнулся, чтобъ поднять меня, и началъ цѣловать... Я тавѣ къ тебѣ и пристала губами, а сама и виду не показываю, что цѣлую тебя...

— А въ Бриму я долго не зналъ, что ты у Карабчи-мурзы, — сказалъ задумчиво Тимошъ, глядя голову дѣвушки: — только ужъ передъ походомъ, когда ты меня окликнула, я увидѣлъ твои глаза и брови.

— Да... Но вѣдь меня держали на женской половинѣ, и меня изъ постороннихъ мужчинъ никто не видѣлъ, только этотъ кривоокий Халильба, да и то одинъ разъ всего, когда меня Карабча на базарѣ покупалъ.

Вдругъ гдѣ-то загѣлъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій...

— Ахъ, милый! — спохватилась дѣвушка: — мнѣ пора домой, меня ждутъ.

— Постой! — отрывисто сказалъ Тимошъ.

— Пустя, Тимосю, мнѣ пора, — настаивала дѣвушка.

— Минутку... Я пришелъ съ тобой проститься..

— Какъ? зачѣмъ?

— Меня батько посылаетъ завтра въ походъ.

— Буда? — спросила Олеся дрогнувшимъ голосомъ.

— Въ Молдавію...

— Опять въ Молдавію!

— Да, свататься за Розанду.

Дѣвушка схватилась за сердце...

— Олесю! не убивайся, я не разлюблю тебя... Тебя одну любилъ, тебя одну и до могилы любить буду... Знай это!.. Хоть меня и оженятъ, я все-же твоимъ останусь, только твоимъ... У меня вѣдь одна душа, одно сердце, а оно твое! Надъ нимъ и гетманъ не воленъ. Жди меня, я скоро вернусь... Прощай, мое солнышко незаходимое!

Тимошъ судорожно обнялъ ее, поцѣловалъ въ похолодѣвшія губы, перекрестилъ и исчезъ въ тѣни тополей и развѣсистыхъ вербъ...

IX.

На другой день грозные „сваты“ дѣйствительно двинулись въ походъ.

Господарь Молдавіи, несмотря на обѣщаніе отдать дочь за

Тимоша, — продолжалъ лукавить и увертываться. Сначала онъ отправилъ Розанду въ Литву, въ старшей дочери, которая была за Радзивиломъ, погостить и развлечься послѣ тяжелой сцены въ букеровомъ лѣсу. Потомъ онъ отослалъ ее, съ боярыней Манеско, въ Константинополь, въ доказательство своей вѣрности султану.

Весной 1650 года Розанда опять воротилась къ отцу въ Яссы, и вотъ теперь-то за ней ѣхали грозные сваты, съ женихомъ во главѣ многочисленнаго войска, съ дѣйствительными свадебными поѣзжанами — съ „свѣшкками“ и „свитилками“ изъ украинской знати.

Польша съ своей стороны выставила не одного жениха, а трехъ претендентовъ на руку и сердце новой „прекрасной Елены“. Это были: князь Димитрій Вишневецкій, поселившій уже нѣжное чувство въ сердцѣ юной красавицы, потомъ сынъ короннаго гетмана, Петръ Потоцкій, староста каменецкій, и наконецъ самъ старикъ Калиновскій, польный гетманъ. Всѣхъ очаровала Розанда.

Получивъ извѣстie, что Тимошъ выступилъ въ походъ, Калиновскій съ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ двинулся ему на перерѣзъ, къ Бугу, къ горѣ Батогу. Здѣсь онъ разбилъ свой станъ между окопами. Нѣкоторые изъ его подчиненныхъ, опытные служки, говорили ему, что его планъ не годится, что слѣдуетъ прежде пропустить жениха, а потомъ, собравъ всѣ силы, наголову разбить войска и жениха, и его коварнаго отца.

Но именно пропустить-то молодого жениха къ невѣстѣ старый, семидесятилѣтній женихъ и не хотѣлъ.

Напрасно урезонивалъ его старикъ Пржіемскій, начальникъ польской артиллеріи — старикъ ничего и слушать не хотѣлъ.

— Я гетманъ! я за все отвѣчаю! я знаю, что дѣлаю! — горячился онъ.

— О, пане гетмане! — началъ съдою головой Пржіемскій: — послушай меня, и я не молодъ... — Послушай меня, старика, пане гетмане! — повторялъ Пржіемскій: — я и смолоду красно говорить не учился, да дѣло смыслу: вѣдь словами казацкой и татарской сабли отъ шеи не отобьешь. Будеть бѣда, если мы ихъ остановимъ: запьеть казакъ нашею кровью свадебную пирושку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонять, какъ волковъ, въ яму, и кончится тѣмъ, что мы или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ гетманъ, съ конницею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь. Мы спасемся. И если неприятель нападетъ на насъ, мы станемъ обороняться, а ты между тѣмъ соберешь войско изъ-за Днѣпра. Два мѣсяца я обѣщаю тебѣ биться противъ нихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — упрямылся Калиновскій: — Хмельницкій боится насъ—я увѣренъ въ этомъ. Сынъ его идетъ съ малочисленнымъ войскомъ: теперь-то и случай нанести ударъ врагу отечества. Стыдно мнѣ было бы, еслибъ я не спасъ чести господара въ такомъ трудномъ положеніи.

Между тѣмъ среди жолнеровъ ходили странные рассказы, не предвѣщавшіе ничего добраго.

— Сегодня ночью,—разсказывалъ одинъ жолнеръ-кавалеристъ,—просыпаюсь я и вижу на небѣ огненные двѣ полосы, точно двѣ громадныя метлы, а потомъ онѣ сошлись, и вдругъ, панове, смотрю—образовался изъ нихъ огромнѣйшій мечъ рукояткою къ востоку, а остриемъ на нашу обозъ.

— На обозъ!—воскликнули слушатели.

— Да, на обозъ, панове,—подтвердилъ разсказчикъ.

— О! это дѣло плохое. Не миновать намъ бѣды.

— Такъ, сказываютъ, было и при Желтыхъ-Водахъ, гдѣ пало столько храбрыхъ головъ съ молодымъ Потоцкимъ, и гдѣ попали въ полонъ оба наши гетмана—и коронный, и польный.

— Этотъ самый Калиновскій?

— Онъ самый.

— Да это чтó, панове!—вмѣшался въ разговоръ старый артиллеристъ:—вчера мы съ Антосемъ ходили къ Бугу банники мыть. А тамъ, знаете, надъ самымъ Бугомъ скала, а въ скалѣ пещера. И чтó бы вы думали, панове! Станемъ мы это съ Антосемъ говорить, а *оно* изъ пещеры насъ передразниваетъ.

— Кто *оно*?—съ недоумѣніемъ спросилъ одинъ молодой шляхтичъ.

— А Богъ его знаетъ, чтó *оно* такое, а только говорить человѣческимъ голосомъ,—отвѣчалъ разсказчикъ.

— Да это, можетъ, эхо?—вмѣшался какой-то скептикъ.

— Хорошо эхо!—глянулъ на него съ презрѣніемъ старый артиллеристъ.—Я послалъ туда на скалу Антосю—у меня, видите ли, панове, ноги слабы—не взберусь на скалу, а у Антоси ноги молодыя. Вотъ онъ, панове, и взобрался туда, а *оно* и говорить: „Подите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ поскорѣй уходилъ отсюда: придетъ сюда свирѣпый пьяница, который думаетъ обрить ему бороду; бритва, говорить, у него острая: какъ бы онъ съ бородой не отрѣзалъ ему и головы“.

— Ну и что-жь, вы сказали объ этомъ гетману?—спросилъ скептикъ.

Разсказчикъ презрительно поглядѣлъ на него.

— Поди-ка сунься—скажи!

— А Антось?

— Въ ту же ночь совсѣмъ бѣжалъ изъ стана.

— Вѣрно, онъ не изъ храбрыхъ?

— Не знаю... У него на лбу не написано.

Вдругъ послышался командный сигналъ.

— До брани, панове! до брани!—засуетились всѣ и бросились къ своимъ командамъ.

И было отчего! Двигалась какая-то нестройная масса — видѣлись бараньи шапки, бараньи шкуры — какія-то чудовища на коняхъ — торчали пики, сагайдаки. Масса двигалась вдали, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, но не на польскій станъ, а мимо.

— Татары!.. казаки!..

Калиновскій, верхомъ на бѣломъ конѣ, подбоченясь, проѣхалъ по фронту артиллеріи, дулами обращенной по направленію къ двигающейся нестройной массѣ. У пушварей въ рукахъ дымились фитили.

Калиновскій сдѣлалъ знакъ — и вдругъ грянулъ залпъ!

Нестройная масса, дрогнувъ, обратилась въ бѣгство.

— А! — радостно свернули глаза стараго гетмана: — они бѣгутъ! бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота — день Матери-Божіей! Впередъ!

Вся земля, казалось, дрогнула, когда многотысячная конница понеслась изъ обоза за бѣгущими. Воздухъ потрясенъ былъ криками, призывавшими имя Божіей Матери.

Нестройныя массы татаръ и казаковъ бѣгутъ отъ неизбежной смерти. Конница польская воодушевилась предстоящимъ пораженіемъ непримиримаго врага. Но лукавому врагу этого только и нужно было: онъ заманивалъ легковѣрныхъ поляковъ, отвлекалъ отъ обоза, отъ артиллеріи, отъ пѣхоты.

Вотъ-вотъ Калиновскій настигнетъ враговъ.. Но въ это время послышался позади топотъ, конское ржаніе, облако пыли.

Это летитъ изъ обоза ротмистръ Зелинскій съ своимъ взводомъ — на немъ лица нѣтъ:

— Назадъ! назадъ! — кричитъ онъ прерывающимся голосомъ: — казаки въ тылу обоза! Казаки нападаютъ на обозъ!

Калиновскій на мгновеніе растерялся.

— Къ обозу! — крикнулъ онъ.

Конница поворотила назадъ. Воодушевленіе разомъ упало.

— Алла! Алла! Алла! — дрогнувъ въ тылу конницы пыльный воздухъ отъ дикихъ криковъ.

Засвистѣли пули, стрѣлы и дѣлали свое дѣло: татарскія и ка-

защія лошади уже перескакивали черезъ трупы убитыхъ, черезъ раненныхъ, издававшихъ стоны и проклятіе старому гетману.

Оказалось, что Тимошъ съ главными силами обошелъ непріателя, переправился черезъ Бугъ выше Ладыжина, зашелъ съ тылу обоза и, напавъ на поставленный вдали отъ обоза наблюдательный отрядъ, почти весь истребилъ его. Оставшіеся въ живыхъ принесли страшную вѣсть: на обозъ идетъ безчисленное казацкое и татарское войско!

Татары и казаки, гнавшіеся за польской конницею, остановились на растояніе отъ обоза немного далѣе пушечнаго выстрѣла...

Вечерѣло. Наступала прелестная весенняя ночь; на небѣ показывались звѣзды, тѣ звѣзды при тихомъ мерцаніи которыхъ недавно, въ Суботовѣ, Тимошъ прощался съ плакавшею дѣвушкой.

X.

Но это была ужасная ночь.

Въ польскомъ станѣ господствовалъ ужасъ. Смятеніе написано было на всѣхъ лицахъ. Жолнеры сходились вучками. Слышались проклятія. Офицеры всю вину слагали на Калиновскаго.

— Гетманъ губить насъ!—кричали многіе:—черезъ него мы всѣ должны погибнуть! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріателя?

Жолнеры упали духомъ.

— Не даромъ на небѣ видѣли огромный мечъ надъ обозомъ.

— А развѣ не то же говорило оно, тамъ, въ пещерѣ?

— Не даромъ и твой Антось бѣжалъ.

Ропотъ въ обозѣ все болѣе и болѣе усиливался.

— Старый сумасбродъ!—громко кричали офицеры у самой гетманской ставки:—его не научилъ татарскій плѣнь! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится:—отдадимъ его татарамъ!

— Отдать его, отдать!—раздавались крики:—этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всѣмъ изъ-за одного!

— Нѣтъ, не татарамъ!—кричали другіе:—отдадимъ его Хмельницкому: онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ.

Калиновскій слышалъ все это въ своей палаткѣ и въ безсильной злобѣ сжималъ рукоятку своей сабли. Онъ вспомнилъ

свой прежній позоръ: вспомнилъ, какъ при Желтыхъ-Водахъ Хмельницкій привязалъ его на пушку, и степной вѣтеръ трепалъ его сѣдые волосы... Теперь его ждетъ то же...

Онъ выбѣжалъ изъ палатки. Въ глаза ему глянула дивная ночь, небо съ мерцающими звѣздами. И въ такую ночь погибать, когда впереди, тамъ...

— Измѣнники! трусы!—кричалъ онъ собравшимся:—съ ума сошли вы! Куда вы убѣжите? Въ рѣку—топиться, что-ли? Впередъ! Я приказываю! Впередъ изъ обоза!

— Тебя вонъ изъ обоза!—отвѣчали ему, выхватывая сабли.

— Голову его! голову!

— Татарамъ сѣдую, безумную голову!

— Хмельницкому въ подарокъ!

Надъ головою гетмана свернули сабли...

А ночь между тѣмъ близилась къ концу. Созвѣдiя измѣнили свои положенiя: однѣ звѣзды скрылись за западнымъ горизонтомъ, другiя поднялись надъ восточнымъ. Глухо стонавшая въ сосѣднихъ болотахъ „бугай-птица“—выпь—умолкла. Умолкъ къ утру и соловей... Потянулъ предразсвѣтнiй вѣтерокъ и принесъ оттуда, отъ татарской стоянки, запахъ какой-то гари и копоти съ чѣмъ-то острымъ. Это татары начинали свой раннiй завтракъ изъ сырой конины, пропитанной конскимъ же пѣтомъ. Утренняя звѣзда, опередившая восходъ, ярво блистала на востокъ, поджидая солнце, чтобъ при приближенiи его къ горизонту—погблѣднѣть и потомъ совсѣмъ погаснуть на цѣлый день. Вмѣстѣ съ гарью и копотью предразсвѣтнiй вѣтерокъ принесъ со степи и острый запахъ полыни, потоптанной копытами татарскихъ коней и освѣженной предутреннею росою.

Востокъ началъ алѣть. Высоко въ небѣ послышался крикъ какой-то птицы.

Непрiятельскiе станы, казалось, забылись сномъ на зарѣ. Но это была зловѣщая тишина.

— Они бѣгутъ!—раздался въ утреннемъ воздухѣ крикъ около палатки гетмана.

Калиновскiй узналъ голосъ своего сына, Самуила, и въ бѣшенствѣ выбѣжалъ изъ палатки.

— Нѣтъ, они не побѣгутъ!—закричалъ онъ, и бросился къ артиллерiи.

Въ одно мгновенiе все поднялось на ноги—конница, пѣхота, артиллеристы. Конница видимо уходила изъ обоза.

— Пушки, впередъ! Пѣхота, раздайся! палите по бѣглецамъ! бейте трусовъ!—кричалъ гетманъ.

Команду гетмана повторили начальники частей по всему стану. Тотчасъ же орудія были обращены жерлами въ бѣгущимъ. Преслѣдовалъ залпъ, и цѣлыя ряды бѣглецовъ повалились подъ тучами пуль и картечи. За ними бѣглымъ маршемъ бросилась пѣхота. Обезумѣвшіе отъ ужаса и ярости бѣглецы оборачиваются и залпами поражаютъ преслѣдователей.

Все смѣшалось въ невообразимый хаосъ.

Калиновскій велитъ повторить залпъ.

Но вдругъ въ обозѣ вспыхнулъ пожаръ, и изъ-за холма съ страшнымъ кривомъ показалось казацкое войско.

Увидѣвъ страшную картину, казаки остановились въ недоумѣніи. Но они скоро поняли, въ чемъ дѣло.

Съ неудержимою стремительностью казаки и татары бросились съ разныхъ сторонъ на оторопѣвшее войско.

„Конница, — говоритъ историкъ, — не пришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ казаковъ, бросилась въ разсыпную. Но отовсюду поражали ихъ враги, и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участію товарищей, другіе бросились въ обозъ; но казаки погнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; казаки гонялись за ними, перерѣзывали дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, вида, что смерть неизбежна, столпились около гетмана и, въ отчаяніи, рѣшились дать отпоръ неприятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности придти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза“.

— Я не хочу болѣе жить! — воскликнулъ Калиновскій.

Онъ бросился въ сѣчу — и на него посыпались удары сабель...

Быстро отдѣлилъ татаринъ отъ туловища сѣдую голову своею кривою саблей, взялъ голову за волосы, вскочилъ на сѣдло и поскакалъ къ султану Нуредину.

Нурединъ и Золотаренко стояли на возвышеніи и наблюдали страшную картину пораженія. На другомъ возвышеніи, надъ самою сѣчею, гдѣ казаки добывали артиллерію, осадилъ своего взмыленнаго коня Тимошъ. Рядомъ съ нимъ осадилъ коня и Ивась.

Въ это время мимо нихъ проскакалъ татаринъ, высоко держа надъ собой окровавленную голову Калиновскаго.

— Кесимъ башка! — кричалъ татаринъ: — гетманъ башка!

Онъ поскакалъ къ Нуредину, показывая ему голову.

— А! сдохла собака,—сказалъ Золотаренко, взглядываясь въ мертвое лицо врага:—теперь уже не укусишь.

— Окупу намъ не доплатилъ, — покочалъ головою Нурединъ:—обѣщаль прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова.

— Дайте его голову намъ,—сказалъ Золотаренко:—мы ее пошлемъ до нашего батька Хмельницкаго.

Нурединъ приказалъ татарину ѣхать впереди съ головою Калиновскаго, какъ съ трофеемъ, и показывать войску.

Но торжественное шествіе съ головою гетмана было неожиданно остановлено. Въ одномъ мѣстѣ казаки въ беспорядкѣ отступали, оглашая воздухъ проклятіями.

— Что случилось, панове товариство?—закричалъ Тимошъ отступакцимъ.

Оказалось, что восемь полковъ нѣмецкой пѣхоты, сбившись въ углу, образуемомъ Бугомъ, рѣшились мужественно встрѣтить смерть. Ими командовалъ Марко Собѣскій, братъ будущаго короля.

Казаки ничего не могли съ ними сдѣлать, налетали, но, встрѣтивъ дружный огонь, отскакивали назадъ.

„Вдругъ — говорить историкъ — будто сильный дождь изъ облака или вихоръ пустынный, Карачъ-мурза, съ четырнадцатью тысячами ногайцевъ, бросился на нихъ въ тылъ изъ-за стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, нѣмецкая пѣхота смѣшалась и, противъ воли, положила оружіе; татары и казаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ“.

Мужественный Собѣскій былъ убитъ. Погибъ и сынъ Калиновскаго — Самуилъ.

XI.

Домна Розанда, изъ-за которой уже второй разъ было пролито столько крови, ничего еще не знала о послѣднемъ пораженіи сторонниковъ ея отца и о трагической смерти одного изъ претендентовъ на ея руку. Дѣвушка продолжала ждать своего рыцаря. Она знала только, что молодой Хмельницкій выступилъ въ походъ съ сильнымъ войскомъ, съ тѣмъ чтобы, согласно обѣщанію ея отца, явиться къ ней съ предъявленіемъ своихъ правъ; но она знала также, что этого не будетъ, что Калиновскій съ болѣе сильнымъ войскомъ заступилъ ему дорогу. Она поэтому и ждала, что ея Дмитрій раньше явится къ ней во главѣ свадебнаго поѣзда.

Утромъ, вмѣстѣ съ Мариной Манеско, она по обыкновенію

вышла гулять въ свой загородный садъ, а изъ сада ее потянуло къ сосѣднему буковому лѣсу, на опушкѣ котораго она въ первый разъ встрѣтилась съ медвѣдемъ и съ Димитріемъ.

Утро было сумрачное, хотя вполнѣ теплое, и птицы весело щебетали въ лѣсу. На полянкѣ передъ буковымъ лѣсомъ пестрѣли полевые цвѣты.

— А вотъ и то мѣсто, помнишь, гдѣ я тогда упала въ обморокъ? — съ улыбкой обратилась она къ своей спутницѣ.

— Какъ не помнить! развѣ такой ужасъ можно забыть? — отвѣчала боярыня.

Въ это время со стороны дома показался дворцовый слуга. Господарша звала ихъ домой.

— Зачѣмъ? — спросила Розанда.

— Не могу знать, домина... Приѣхали какіе-то казаки, — отвѣчалъ слуга.

— Казаки! — съ испугомъ воскликнула дѣвушка, блѣднѣя.

Какъ приговоренная къ казни, она воротилась въ палацъ. Ее встрѣтила мать.

— Какіе казаки, мама? — спросила она и испугалась даже своего голоса.

— Отъ Хмельницкаго, дитя мое, — отвѣчала мать.

— А не самъ онъ?

— Нѣтъ... Онъ что-то прислалъ тебѣ, и посланному велѣно передать это тебѣ лично...

Вошелъ и государь; на лицѣ его Розанда не замѣтила никакой тревоги.

Вслѣдъ затѣмъ растворилась дверь, и на порогѣ показался стройный, красивый и сильно загорѣлый юноша, въ казацкомъ одѣяніи.

Это былъ Ивасъ, уже настоящій казакъ, и чубъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Онъ свободно, но почтительно приблизившись къ государю, припалъ на одно колѣно и подаль ему пакетъ. Лупулъ уже раньше зналъ этого молодого посланца. Онъ развернулъ пакетъ. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ поданное ему письмо, лицо его выражало все болшую и болшую тревогу.

Съ прежнею почтительностью посланецъ молодого Хмельницкаго подаль Розандѣ небольшой розовый атласный футляръ. Дѣвушка, принявъ его съ видимой боязнью, дрожащей рукой тотчасъ же передала матери. Мать открыла футляръ. Тамъ былъ небольшой золотой, осыпанный брилліантами, медальонъ. Открывъ

его, она видимо изумилась: въ медальонѣ она увидѣла миниатюрный, писанный на слоновой кости, портретъ своей дочери.

— Какъ онъ попалъ къ пану Хмельницкому? — невольно спросила она.

— Его сняли съ груди польнаго гетмана Калиновскаго, — отвѣчалъ посланецъ.

— Съ груди Калиновскаго?..

— Убитаго въ сраженіи при Батогѣ, — пояснилъ посланецъ.

— Убитаго?.. Кѣмъ?

— Татарами.

Къ нимъ подошелъ господарь. Онъ былъ блѣденъ.

— Расскажи, какъ было дѣло? — обратился онъ къ посланцу; голосъ его дрожалъ.

— *Serenissime domine!* — началъ Ивась съ бурсацкою эрудиціей. — Его милость Хмельницкій *junior* слѣдовалъ съ войскомъ къ вашей свѣтлости съ добрыми намѣреніями, и на дорогѣ, у рѣки Буга, ему разбойническимъ образомъ, *propter motu*, гетманъ Калиновскій съ войскомъ заградилъ путь, въ противность правамъ мирнаго времени, когда и Богъ не отнимаетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Когда же мы хотѣли пройти мимо, *propter via*, онъ напалъ на насъ вооруженною рукою, неожиданно начавъ битву, которая, при Божьей помощи, кончилась совершеннымъ его пораженіемъ, какъ обыкновенно бываетъ съ грабителями и разбойниками, скрытно нападающими на путешественниковъ въ дорогѣ.

— И онъ былъ убитъ? — спросилъ господарь.

— Убитъ татарскою стрѣлою, ваша свѣтлость. Съ нимъ палъ и сынъ его Самуилъ, и панъ Марко Собѣскій.

— А войска сколько пало?

— Больше двадцати тысячъ.

— Боже! Боже! — Онъ взглянулъ на жену и дочь. Тѣ стояли также блѣдныя, трепещущія.

— А это чтò жъ такое? — Онъ взялъ медальонъ изъ рукъ жены.

— Эту ладанку, ваша свѣтлость, нашли на груди убитаго гетмана, — отвѣчалъ Ивась. — Татаринъ отрубилъ ему голову и тамъ же, на полѣ битвы, привезъ ее султану Нуредину.

— Боже! Боже! — повторялъ господарь.

— А его милость панъ Хмельницкій *junior* приказалъ отыскать тѣло гетмана, и вотъ на груди у него эту ладанку *cum persona virginis* я и нашелъ, и его милость панъ Тимохвій и

отправилъ меня гонцомъ съ письмомъ къ вашей свѣтлости и съ сею ладанкою къ ихъ свѣтлости.

Тимошъ разсчитанно дѣйствовалъ такимъ образомъ. Онъ зналъ, что его не желаютъ имѣть зятемъ, и онъ показалъ теперь, чего отъ него могутъ ждать.

Розанда не могла понять одного—какъ попалъ въ Калиновскому ея портретъ, который она подарила сестрѣ, княгинѣ Радзивиль.

— Гдѣ же теперь панъ Тимошей?—спросилъ господарь.

— Онъ съ войскомъ ожидаетъ милостиваго отвѣта отъ вашей свѣтлости,—отвѣчалъ посланецъ.

— Хорошо, я дамъ отвѣтъ.

И мать, и дочь, воротились во внутренніе покои совсѣмъ убитыя, потеряныя.

ХІІ.

Въ концѣ августа молодой Хмельницкій во главѣ значительнаго казацкаго отряда приближался уже къ границамъ Молдавіи. Съ нимъ были Выговскій, Тетеря, нѣсколько полковниковъ, эсауловъ, сотниковъ, а также свадебные „дружки“ и „свѣшны“.

Въ Ямполѣ жениха встрѣтилъ посоль отъ невѣсты—„великій дворникъ волоскаго господара“, бояринъ Тома, съ присланною отъ невѣсты же шести-упряжною богатою каретою и съ обильнымъ запасомъ съѣстнаго и напитковъ.

— Высоконареченная невѣста желаетъ вамъ счастливаго пути и благополучнаго прибытія въ домъ ея благородныхъ родителей, — сказалъ Тома, представляясь жениху, и подаль ему письмо отъ господара.

Господарь писалъ: „Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ. Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество съ такимъ множествомъ грубыхъ кавалеровъ, какіе сопровождали тебя прежде. Отпусти татаръ, если они идутъ съ тобою, оставь казацкіи шайки въ Украинѣ, уговори отца не приближаться съ войскомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопровожденіи домашней свиты“.

Тимошъ улыбнулся, передавая письмо Выговскому.

— Со мной татаръ нѣтъ,—сказалъ онъ Томѣ, черномазому молдаванину съ огромными бѣлками:—меня сопровождаетъ только домашняя свита.

Первый молдавскій городъ, черезъ который долженъ былъ

прослѣдовать свадебный поѣздъ, былъ Сорока, еще не успѣвшій вполне отстроиться послѣ сожженія его Тимошемъ.

Въ свадебномъ поѣздѣ находился сѣдой кобзарь Харько Дармограй, импровизаторъ и каламбуристъ, казакій Тиртей. Увидавъ Сороку, онъ провелъ пальцами по струнамъ бандуры и тихимъ груднымъ голосомъ заплѣлъ то мѣсто изъ сочиненной имъ въ первый походъ на Молдавію думы, гдѣ говорится объ упрямствѣ Лупула и о томъ, что отвѣчалъ Тимошъ на обидныя слова господара.

На встрѣчу поѣзду изъ города выѣхала почетная охрана — четыре тысячи молдаванскихъ воиновъ подъ предводительствомъ двоюроднаго брата господара.

Этотъ почетный кортежъ провожалъ свадебный поѣздъ жениха до самой столицы Молдавіи.

Многотысячная толпа народа уже ждала за городомъ страшныхъ сватовъ, которые не далѣе, какъ годъ тому назадъ, опустошили всю Молдавію и со всѣхъ четырехъ сторонъ подошли ея столицу. Теперь они являлись дорогими гостями, не менѣе однако страшными. Всѣмъ хотѣлось видѣть жениха, который сватался такимъ кровавымъ образомъ.

Онъ выступалъ впереди на статномъ ворономъ конѣ рядомъ съ братомъ господара, съ Выговскимъ и Тетерею. На немъ атласный жупанъ кармазиннаго цвѣта, а на жупанѣ, въ накидку, бархатная ферезея. На головѣ сѣрая смушсовая съ малиновымъ верхомъ высокая шапка, которая красиво отбѣняла мужественное загорѣлое лицо съ черными усами и черными блестящими глазами.

У воротъ города его встрѣтилъ гофмаршалъ господара, а за нимъ выступилъ и Лупулъ съ знатнѣйшими боярами.

Увидавъ будущаго тестя, женихъ быстро соскочилъ съ коня и, припавъ къ ногамъ господара, обнялъ его колѣни, а старикъ поднялъ его и поцѣловалъ въ голову.

Оба невольно взглянули другъ другу въ лицо.

— Я давно считалъ великою честью породниться съ такимъ рыцаремъ, имя котораго, какъ и имя его славнаго родителя, давно прогремѣло по всей землѣ, — заговорилъ господаръ; — но обоюдные враги постоянно старались насъ ссорить и мѣшать нашему союзу. Теперь же — да здравствуетъ навѣки братскій союзъ Молдавіи и Украйны!

— Я считалъ бы себя недостойнымъ такой высокой чести, *segenissime domine*, — отвѣчалъ Тимошъ, по обычаю того времени мѣшая украинскую рѣчь съ бурсацкою латынью: — еслибы на мнѣ не лежалъ нравственный долгъ личною службою заплатить

Молдавін за все то зло, которое я причинилъ ей, по милости ея и моихъ недоброжелателей.

Послѣ этого оба они сѣли на коней и вѣхали въ городъ. Впереди, какъ почетный гость, вѣхалъ Тимошъ, а за нимъ господарь. Вслѣдъ за ними двинулся весь поѣздъ. Улицы города были запружены толпою, которая и встрѣчала, и провожала гостей восторженными или—вѣрнѣе—дикими, неистовыми вриками. При пушечной пальбѣ, подъ неумолкаемый звонъ коловоловъ всѣхъ яскихъ церквей, подъ звуки трубъ, бубенъ, барабановъ, почетные гости поѣзда вѣхали во дворецъ.

Съ подобающею торжественностью ввелъ господарь жениха въ приемные покои и представилъ матери невѣсты и ей самой.

Тимошъ взглянулъ въ глаза невѣстѣ, но они были скромно опущены. Въ умѣ его мелькнулъ образъ его Олеси...

И въ эту минуту, помимо его воли, въ душѣ его въ послѣдній разъ зазвучала мелодія, давно слышанная имъ въ Бахчисарафѣ, въ саду Карабчи-мурзы:

Спомни соби, мій миленькій—я-жъ тебе любила;
Якъ пондешъ—не бариса, щобъ я не тушила...

Розанда сама изъявила желаніе, чтобъ обрядъ „расплетанія косы“ совершнѣе былъ по-украински. Чтò было у нея въ это время на душѣ—никто не зналъ. Хотѣла ли она этимъ угодить жениху, или въ ней говорило горькое сознаніе того, что тотъ, кого она впервые полюбила, забылъ ее, не отнялъ у другихъ, и она, какъ бы на зло ему и себѣ въ утѣшеніе, велѣла расплестъ себѣ косу такъ, какъ это дѣлалось на Украинѣ. Или, быть можетъ, она пожелала совершить этотъ грустный и поэтический обрядъ, чтобъ вволю наплакаться? Она слышала отъ своей воспитательницы, что на Украинѣ, при расплетаніи косы, невѣста всегда горько плачетъ подъ пѣніе подружекъ.

Въ этотъ вечеръ ее окружили подружки и украинскіе „свашки“. Былъ тутъ и господарь съ женою, былъ и женихъ.

Когда Розанда сѣла на приготовленное ей мѣсто, „свашки“ запѣли:

Благослови, Боже, и отецъ, и мати,
Своему дитяти косу расплести...

Господарь подошелъ къ дочери и дрожжащими руками сталъ расплестъ ея роскошные волосы.

Дѣвушка чувствовала, какъ двѣ крупныя слезы отца упали ей на голову.

А „свашки“ въ это время пѣли отъ ея имени:

Ой, батечку ти голубчику,
Поглянь-же ты то на мій посадь...

Розанда закрыла лицо руками и въ первый разъ горько заплакала.

ХІІІ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Розанда, жена Тимоша, жила въ Чигиринѣ, въ домѣ своего тестя, Богдана Хмельницкаго, почти не видя мужа.

Печальна была судьба женщины въ тѣ времена. Матери, жены, невѣсты, дочери, сестры одиноко сидѣли дома, съ грустью и со страхомъ ожидая вѣстей о мужьяхъ, о дѣтяхъ, о братьяхъ, о женихахъ, которые постоянно находились въ походахъ, въ битвахъ, и были ли живы, нѣтъ ли — одному буйному вѣтру было извѣстно, да вольной птицѣ... Оттого женщина того времени съ жалобами своими на судьбу обращалась то „до витру буйнесенькаго“, то „до галочки чорнесенькой“: „ой, подуѣ, витро буйнесенькій“; „ой, полети, чорная галочко“, — а куда — невѣдомо, только чтобы принесли они отъ милаго вѣсточку.

Такъ и Розанда ничего вѣрнаго не знала ни о своемъ мужѣ, ни объ отцѣ, ни о матери. Доходили до нея печальныя вѣсти, что Равочи и Стефанъ Гергица лишили ея отца престола, а мать ея вмѣстѣ съ Тимошемъ гдѣ-то подъ Сочавою отбиваются отъ молдаванъ, избѣгившихъ ея отцу, отъ седмиградчанъ и отъ поляковъ.

Дѣйствительно, лишенный престола, отецъ ея скрылся въ Рошковѣ, а мать съ Тимошемъ заперлись въ Сочавѣ и мужественно выдерживали жестокую осаду. Они бились какъ герои.

Но Розанда одного не знала: подъ Сочавою сошлись два человѣка, которые имѣли роковое вліяніе на всю ея жизнь.

Подъ Сочавою встрѣтились Тимошъ и князь Димитрій Вишневецкій. Послѣдній явился, чтобы мстить сопернику, отбившему у него невѣсту. Но онъ не зналъ въ лицо Тимоша, и только перебѣжчики указали ему на него, когда онъ ходилъ по валу, осматривая пушки.

— Сразите этого тура, и замокъ будетъ нашъ, — сказалъ Вишневецкій пушкарямъ.

Ядро, ловко пущенное изъ „колюбрины“, попало въ возъ, на которомъ стояла вазацкая пушка, и осколки дерева поразили Тимоша въ ногу и въ голову.

Черезъ четыре дня молодого украинскаго богатыря не стало...

Мужественная мать Розанды держала въ тайнѣ отъ казаковъ смерть ихъ предводителя. Они скоро узнали однако, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и порѣшили везти тѣло богатыря на Украину.

На дорогѣ сынъ встрѣтился съ отцомъ.

— Слава Богу!.. — воскликнулъ старикъ: — мой Тимошъ умеръ какъ казакъ — не достался врагамъ.

Утромъ 22-го октября 1653 года въ Чигиринѣ раздались пушечные и ружейные выстрѣлы; имъ вторили церковные колокола—это былъ заунывный погребальный перезвонъ.

Все населеніе Чигирина вышло за городъ. Впереди всѣхъ шла Розанда—блѣдная, съ заплаканными глазами. Около нея—жена Богдана и его дочери. Рѣдко кто въ народѣ не плакалъ, но больше всѣхъ плакала одна дѣвушка, затершаяся въ толпѣ...

Д. Мордовцевъ.

НАЦІОНАЛІЗМЪ

ВЪ

ПОЛИТІКЪ

Окончаніе.

IV *).

Новѣйшія извращенія національной идеи, о которыхъ мы говорили, значительно облегчались неопредѣленностью и различнымъ пониманіемъ самаго слова „національность“. Одно и то же слово служило девизомъ и для приверженцевъ свободы и равноправности, и для сторонниковъ угнетенія и насилія; одинъ и тотъ же принципъ выставляется для цѣлей миролюбія и вражды, справедливости и безправія. Національною политикою прикрываются и тенденціи явно реакціонныя, анти-народныя, и демократическія мечты о „мушкетерскомъ“ царствѣ, и воинственныя стремленія, влоняющіяся къ разоренію народныхъ массъ, и, наконецъ, движенія узко-племенные, возбуждающія антагонизмъ между составными элементами націи и ведущія такимъ образомъ къ ослабленію послѣдней. Подъ флагомъ націонализма проводились разнороднѣйшія и отчасти непримиримыя между собою направленія, которыя должны были вызвать совершенное смятеніе въ общественныхъ понятіяхъ о національномъ принципѣ.

Такое же смятеніе происходитъ и въ спеціальной литературѣ

*) См. выше: ноябрь, стр. 281 и слѣд.

предмета. Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ посвятилъ недавно цѣлую книжку вопросу о томъ, въ какихъ смыслахъ употребляются учеными писателями термины: „нація“, „народъ“ и „національность“¹⁾. Многіе теоретики, особенно въ прежнее время, не видѣли различія между націею и народомъ; другіе придерживаются предполагаемаго французскаго взгляда, по которому нація обозначаетъ политическое или государственное единство населенія, а народъ—единство естественное, основанное на общности мѣстожительства и языка; третьи утверждаютъ, наоборотъ, что политическое единство выражается словомъ „народъ“, а естественное, культурное—соотвѣтствуетъ понятію „націи“. Любопытнѣе всего, что воззрѣніе, которое нѣмецкіе писатели называютъ французскимъ, прямо противоположно опредѣленію, даваемому въ такомъ авторитетномъ французскомъ изданіи, какъ словарь Литтрэ. Что слѣдуетъ разумѣть подъ націею, въ чемъ заключаются ея существенныя признаки, чѣмъ отличается нація отъ племени и народности,—объ этомъ до сихъ поръ продолжаются споры и сомнѣнія.

Въ новѣйшее время стали придавать особенную важность элементу расы или племени, какъ обязательному условію національной солидарности и единства. Противъ этой односторонности рѣзко возстаетъ Ренанъ въ извѣстной брошюрѣ: „Qu'est ce qu'une nation?“ Этнографическія соображенія, по словамъ Ренана, не играли никакой роли въ образованіи современныхъ націй: Франція населена кельтами, иберами, германцами; Германія есть страна нѣмецкая, кельтская и славянская; въ Италіи перемѣшаны въ неуловимыхъ сочетаніяхъ галлы, этруски, пелазги, греки, не говоря о многихъ другихъ элементахъ; британскіе острова представляютъ въ себѣ смѣсь кельтской крови съ германскою въ крайне различныхъ пропорціяхъ, не поддающихся точному опредѣленію; чистой расы вообще не существуетъ, и основывать политику на этнографическомъ анализѣ—значить строить ее на химерѣ. Благороднѣйшія націи тѣ, которыя имѣютъ наиболѣе смѣшанную кровь. Германія не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ; весь югъ ея занятъ былъ галлами; весь востокъ, начиная съ Эльбы, —славянскій. Значеніе расы, первостепенное вначалѣ, все болѣе сокращается; исторія человѣческая существенно отличается отъ зоологіи. Раса не составляетъ тутъ всего, какъ у породы грызуновъ или кошечъ, и никто не имѣетъ права оцупывать черепа людей и затѣмъ хватать ихъ за горло, говоря: „ты нашего племени; ты принадлежишь намъ“. Сегодня вы употребляете эту

¹⁾ Volk und Nation. Eine Studie von Fr. I. Neumann. Leipzig, 1888.

систему противъ другихъ; завтра она обратится противъ васъ. Нѣмцы, столь высоко поднявшіе знамя этнографіи, могутъ быть увѣрены, что славяне въ свою очередь стануть анализировать названія селъ Саксоніи и Лужицы, отыскивая слѣды оботритовъ и вильцовъ, и начнутъ требовать отчета въ избіеніяхъ и повальныхъ продажахъ, которымъ подвергали ихъ предковъ Оттоны. Умѣнье забывать полезно для всѣхъ; даже историческое заблужденіе есть одинъ изъ факторовъ образованія націй, и успѣхи политическихъ изслѣдованій нерѣдко опасны для національности. Историческія изученія бросають свѣтъ на факты насилій, совершавшіяся при зарожденіи всѣхъ политическихъ организацій, даже такихъ, послѣдствія которыхъ были самыя благотворныя. Не слѣдуетъ злоупотреблять этнографіею, примѣняя ее къ политикѣ; нельзя ставить патріотизмъ въ зависимость отъ происхожденія. Патріоту сказали бы: „вы ошиблись, проливая кровь за такое-то дѣло; вы считали себя вельтомъ, а между тѣмъ вы германецъ“. Потомъ, черезъ десятокъ лѣтъ, вамъ сообщили бы новое открытіе, что вы совсѣмъ славянинъ. Столь же мало опредѣляется національность общностью языка. Соединенные штаты и Англія говорятъ однимъ языкомъ и не составляютъ одной націи; такъ же точно испанская Америка и Испанія. Напротивъ, Швейцарія, въ прочномъ единствѣ которой никто не сомнѣвается, имѣетъ три или четыре языка. Преувеличивая значеніе единства языка, народы замыкаются въ опредѣленную культуру, ограничиваютъ себя, окружаютъ себя китайскою стѣною, уходятъ отъ свободнаго воздуха, которымъ дышутъ на широкомъ просторѣ челоуѣчества, чтобы заключить себя въ тѣсный кругъ соотечественниковъ. Нѣтъ ничего вреднѣе этой замкнутости для умственного развитія народовъ. Нація не характеризуется также вѣроисповѣдными отличіями; дѣленіе народовъ на католическіе и протестантскіе исчезло. Национальность не измѣняется отъ того, что принадлежащіе къ ней люди исповѣдуютъ ту или другую религію. Наконецъ, географическія условія, играющія столь значительную роль въ исторіи, не должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что каждая нація имѣетъ свои естественныя границы, въ видѣ рѣкъ или горъ; такая теорія оправдывала бы величайшій произволъ, ибо нельзя было бы рѣшить, почему одна рѣка или горная цѣпь заслуживаетъ предпочтенія предъ другою, болѣе близкою или болѣе отдаленною.

Нація—продолжаетъ Ренанъ—есть продуктъ долгаго періода усилій и самопожертвованій; героическое прошлое, воспоминанія о великихъ людяхъ, слава — вотъ общественный капиталъ, на

которомъ выждется національная идея. Имѣть общія традиціи въ прошломъ, общую волю въ настоящемъ, имѣть за собою великія дѣла, совершенныя вмѣстѣ, и желать совершенія подобныхъ дѣлъ въ будущемъ, — таковы существенныя условія для того, чтобы быть самостоятельнымъ народомъ. Нація есть великая солидарность, установленная сознаниемъ жертвъ, принесенныхъ сообща, и готовность принести еще новыя жертвы, въ случаѣ надобности; она предполагаетъ прошедшее, но для настоящаго она выражается въ осязательномъ фактѣ — въ согласіи и желаніи продолжать совмѣстную жизнь. Человѣкъ не есть рабъ своей расы, ни своей религіи, ни теченія рѣкъ, ни направленія горныхъ цѣпей. Большая масса людей, съ здравымъ умомъ и теплымъ сердцемъ, объединяется нравственнымъ сознаниемъ, которое зовется національностью. Пока это сознание доказываетъ свою силу жертвами на пользу общую, нація имѣетъ право существовать. Если на ея границахъ возбуждаются сомнѣнія, обратитесь къ жителямъ оспариваемыхъ земель; имъ принадлежитъ нѣкоторый голосъ въ вопросѣ объ ихъ политической участи. Желаніе націи есть послѣдній и единственный законный критерій, къ которому надо всегда возвращаться ¹⁾).

Удѣляя главное мѣсто народному сознанию и чувству, Ренанъ имѣлъ въ виду протестовать противъ грубыхъ внѣшнихъ пріемовъ узкаго націонализма, опирающагося исключительно на племенное родство или на единство языка. Этотъ націонализмъ, находящій повсюду матеріалъ для насильственныхъ присоединеній и для крутыхъ расправъ, вноситъ отраву въ общественное мнѣніе и можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ привести къ опаснѣйшимъ послѣдствіямъ для зараженныхъ имъ государствъ. Народы сами по себѣ не увлекались бы ни безцѣльною враждою, ни завистью, ни притязаніями на чужое добро; они рады были бы жить спокойно, не заботясь о сосѣдяхъ, еслибы племенные счеты не возбуждались искусственно для постороннихъ цѣлей.

Система, осуждаемая Ренаномъ, практикуется далеко не въ одной Германіи, о которой прежде всего думалъ французскій мыслитель. Национализмъ принимаетъ своеобразныя и нерѣдко уродливыя формы, которыхъ не имѣлъ въ виду Ренанъ. Въ странахъ, гдѣ низшіе классы населенія подавляются чрезмѣрными налогами и платежами, гдѣ они разсматриваются только какъ источникъ государственныхъ доходовъ и какъ рабочая сила для другихъ сословій, считается полезнымъ отъ времени до времени указывать на иноземцевъ и инородцевъ, какъ на виновниковъ

¹⁾ Qu'est ce qu'une nation? Par Ernest Renan (Paris, 1882), стр. 15—29.

народнаго разоренія. Когда старыя внутренніе недуги приводятъ къ печальному экономическому состоянію, то удобнѣе всего возложить отвѣтственность за это на иностранныхъ поселенцевъ, фабрикантовъ и сапожниковъ, отнимающихъ будто бы насущный хлѣбъ у туземнаго населенія. Если безотрадное хозяйственное положеніе, отсутствіе нравственной опоры и образовательныхъ средствъ толкаютъ народъ въ притоны пьянства и разгула, то причиною опять-таки является иноплеменникъ, участвующій въ устройствѣ и содержаніи кабаковъ. Пагубному вліянію иностранцевъ приписываются и ошибки, и неудачи во внѣшней политикѣ, хотя бы совершеніе этихъ ошибокъ чистокровными туземными дѣятелями не подлежало никакому сомнѣнію. Такимъ способомъ достигаются одновременно двѣ цѣли: — отыскиваются причины разныхъ золъ безъ ущерба для высшихъ сферъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуется общественному вниманію самый безопасный исходъ для возможнаго неудовольствія и раздраженія. Травля инородцевъ есть отвлекающее средство, могущее удовлетворить неразвитые умы; она даетъ кажущееся подобіе самостоятельной политической критики, когда дѣйствительная оцѣнка существующаго и совершающагося мало доступна публичному слову. Эта несложная система тѣмъ болѣе заманчива для многихъ, что она составляетъ легкій и ничего не стоящій путь къ пріобрѣтенію выгодной репутаціи усерднаго и на все готоваго патріота.

V.

Вопросъ о національностяхъ имѣетъ большое практическое значеніе въ государствахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ ни одна народность не обладаетъ преимуществомъ подавляющаго численнаго перевѣса, и гдѣ взаимный антагонизмъ племенъ установился исторически. Такова, между прочимъ, Австро-Венгрія. Въ каждой изъ половинокъ, на которыя распадается австрійская имперія, идетъ непрерывная борьба между народностями, достигшими преобладанія и стремящимися къ автономіи. Мадыары, какъ и чехи, стоятъ на почвѣ національнаго самоуправленія и равенства, и на почвѣ историческаго права, унаслѣдованнаго отъ существовавшихъ когда-то независимыхъ королевствъ венгерскаго и чешскаго. Венгрія восстановлена въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она имѣла въ прошломъ, хотя въ составѣ населенія, занимающаго ея территорію, большинство не принадлежитъ къ мадыарскому племени. Чехи добиваются также восстановленія своего

государства въ прежнихъ границахъ, хотя третья часть населенія нынѣшней Богеміи состоитъ изъ нѣмцевъ. Венгерскимъ патриотамъ удалось отстоять теорію, по которой всѣ жители бывшихъ владѣній короны св. Стефана образуютъ официально одну венгерскую націю, съ однимъ государственнымъ языкомъ—мадьярскимъ. Еще до признанія историческихъ правъ Венгрии, одинъ изъ лучшихъ ея политическихъ дѣятелей и публицистовъ, баронъ Этвешъ, краснорѣчиво доказывалъ необходимость удовлетворенія всѣхъ законныхъ требованій другихъ національностей въ земляхъ венгерскаго королевства, съ сохраненіемъ политической цѣлости и единства страны ¹⁾. Совѣты Этвеша, проникнутые чувствомъ справедливости и благоразуміемъ, не были приняты при новомъ политическомъ устройствѣ Венгрии, въ 1867 и 1868 годахъ; хорваты и словаки, признанные венгерскими гражданами, подверглись попыткамъ мадьяризаціи, которыя не замедлили возбудить сильное движеніе въ заинтересованныхъ областяхъ. Сплоченныя массы славянства, вдохновляемые энергическими народолюбцами, упорно защищали свою національность, такъ что полная автономія славянскихъ земель Венгрии остается только вопросомъ времени.

Несравненно болѣе запутанными представляются національныя отношенія въ другой половинѣ австрійской имперіи, гдѣ соперничество различныхъ народностей не могло завершиться торжествомъ какаго-нибудь одного преобладающаго элемента, какъ это было въ Венгрии; ни нѣмцы, ни поляки, ни чехи не имѣли возможности успѣшно претендовать въ Цислейтаніи на ту исключительную роль, которая досталась болѣе многочисленному и крѣпче объединенному мадьярскому племени въ венгерскихъ земляхъ. Нѣмцы старались воспользоваться результатами искусственной германизациі прежняго времени и причисляли къ своей національности всѣхъ инородцевъ, употребляющихъ нѣмецкій языкъ; мелкія народности въ свою очередь заботятся объ охранѣ своихъ языковъ и нарѣчій, чтобы не давать повода въ подобнымъ притязаніямъ господствующимъ племенъ. Отсюда нескончаемые споры о разграниченіи мѣстностей по языку, объ употребленіи того или другого языка въ школахъ, по числу обитателей, говорящихъ на извѣстномъ языкѣ и т. п.; весь вопросъ о національностяхъ въ Австріи сведенъ такимъ образомъ къ вопросу о языкахъ, причемъ происхождение и религія отступаютъ совершенно на задній планъ. Отсюда коренное различіе во взглядахъ на

¹⁾ Die Nationalitäten-Frage. Von Josef Fr. von Eötvös. Pest, 1865.

сущность и значеніе націи: мадьяры и нѣмцы, не теряющіе надежды на объединеніе подвластныхъ народностей, полагаютъ, что націею можетъ быть названъ только „народъ, достигшій самостоятельнаго государственнаго существованія“, независимо отъ племенного состава и отъ различій языка; такъ смотритъ, напримеръ, бывшій австрійскій министръ торговли, фонъ-Кремеръ, который въ своей книгѣ о національной идеѣ совѣтуетъ примирить народныя стремленія съ установленнымъ политическимъ строемъ монархіи посредствомъ разумныхъ мѣръ въ поднятію народнаго благосостоянія, не увлекаясь мелкими лингвистическими счетами и оставляя для языка его естественную культурную и объединяющую роль¹⁾. Другіе—и ихъ большинство—придаютъ особенную важность языку, какъ признаву и условію національной самобытности, и это возрѣніе фактически господствуетъ теперь въ Австріи. Въ официальной австрійской статистикѣ принято съ 1880 года опредѣлять національность по языку, и эта переменна имѣла, между прочимъ, одно странное послѣдствіе. Изъ числа отдѣльныхъ племенъ Австро-Венгріи исчезло еврейство, которое прежде принималось за особую народность, а теперь распредѣлилось номинально между другими національностями, вслѣдствіе предоставленнаго евреямъ права заявить объ употребленіи или выборѣ того или другого языка; а такъ какъ евреи примыкали большей частью къ языку господствующаго племени, то процентъ послѣдняго повсюду повысился,—въ Венгріи прибавилось мадьяръ на 5⁰/₀, въ Галиціи на столько-же увеличилось число поляковъ, въ Богеміи—чеховъ, а въ нѣмецкихъ мѣстностяхъ—нѣмцевъ. Это перечисленіе еврейства въ другія рубрики было бы вполнѣ основательно, если бы оно опиралось на реальные факты усвоенія евреями языка и правовъ извѣстной народности; въ настоящемъ же видѣ создаются фиктивные цифры, смѣшивающія въ одну кучу рѣзко обособленную, ортодоксальную часть еврейства съ случайно выбранными національностями остальнаго населенія. Дѣло въ томъ, что статистика доставляетъ аргументы спорящимъ сторонамъ и что увеличеніе чиселъ въ пользу одной изъ нихъ, хотя бы при помощи фикціи, можетъ казаться желательнымъ, какъ лишній доводъ въ борьбѣ съ противниками.

Борьба національностей, по общему признанію, не имѣетъ уже прежняго характера въ Австріи; подавленные когда-то народности все болѣе поднимаютъ голову и обнаруживаютъ смѣлую

¹⁾ Die Nationalitätsidee und der Staat. Von Alfred von Kremer. Wien, 1885, стр. 91 и слѣд., 131—136 и др.

настойчивость, чуждую имъ въ былое время. Въ нѣмецко-славянскихъ областяхъ, говоритъ Нейманнъ, „не имѣетъ уже мѣста явленіе, что нѣмецъ—преимущественно побѣждающая сторона, а славянинъ—сторона подчиняющаяся, побѣжденная. Напротивъ, во многихъ мѣстахъ побѣда принадлежитъ славянамъ. Они расширяютъ свое вліяніе въ ущербъ нѣмцамъ. Но торжество достигается ими не вездѣ: славяне имѣютъ успѣхъ, гдѣ за ними численное большинство; они терпятъ неудачу, гдѣ нѣмцы противостоятъ имъ болѣе значительными массами. Повсюду вытѣсняется меньшинство. Исчезаютъ тѣ маленькіе островки чужого языка, которые обозначены во множествѣ на старыхъ картахъ и которые теперь сходятъ и сошли со сцены навсегда“. Упадокъ нѣмецкаго элемента въ Чехіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ составляетъ предметъ общихъ жалобъ въ нѣмецкой печати; этотъ упадокъ оплакивается и Эдуардомъ фонъ-Гартманомъ, но въ цитированной нами книгѣ Нейманнъ, какъ добросовѣстный нѣмецкій ученый, находитъ эти жалобы несправедливыми. „Съ точки зрѣнія челоуѣчности, въ интересахъ развитія всѣхъ зародышей культуры, таящихся въ душѣ челоуѣка,—разсуждаетъ Нейманнъ,—не слѣдуетъ сожалѣть о созрѣваніи своеобразныхъ умственныхъ плодовъ на указанной почвѣ, объ обогащеніи культурнаго міра новыми образованіями, проистекающими изъ великихъ духовныхъ силъ славянскаго населенія. Не надо забывать, что выступленіе тѣхъ народовъ (славянскихъ) на путь, соотвѣтствующій ихъ собственнымъ умственнымъ задаткамъ, ихъ нравамъ и обычаямъ, ихъ привязанности и любви къ своимъ духовнымъ вождямъ и къ памяти предковъ, должно вызывать въ нихъ чувство, напоминающее радость заключеннаго при переходѣ отъ тѣсной тюрьмы въ ясное солнечному свѣту свободы, котораго онъ такъ долго жаждалъ“¹⁾. Очевидно, что и нѣмцы способны безпристрастно судить о славянствѣ, вопреки существующему у насъ предубѣжденію.

VI.

Имѣя первостепенное значеніе въ такихъ государствахъ, какъ Австро-Венгрія, національные и племенные вопросы почти со всѣмъ неизвѣстны странамъ съ болѣе прочнымъ культурнымъ и политическимъ единствомъ. Во Франціи нивому не приходится въ голову различать французовъ по племени и по употребляемымъ

¹⁾ Fr. I. Neumann, Volk und Nation, стр. 79—80, 86—7, 92 и др.

ими нарѣчіямъ; никто не заботится о томъ, что жители южныхъ или западныхъ провинцій говорятъ на своихъ языкахъ (patois), совершенно непонятныхъ для парижанина. Эльзасцы, употребляющіе нѣмецкій языкъ, были и отчасти остаются такими же французами, какъ обитатели Нормандіи или Бретани. Въ Англіи не дѣлается никакого различія между шотландцами и коренными жителями Уэльса; и тѣ, и другіе — одинаково англичане. Стремленія ирландцевъ къ автономіи защищаются многими несомнѣнными англичанами и англійскими патриотами; самъ признанный вождь ирландцевъ, Парнелль, — англійскаго происхожденія. Въ Бельгіи фламандцы и валлоны — одинаково бельгійцы.

То, что образуетъ націю, что составляетъ ея объединяющую основу, ея сущность, ея душу, есть не столько единство расы, сколько общность культуры и политическаго сознанія, духъ солидарности въ высшихъ интересахъ общегитія. Преобладающая по силѣ и численности культурная раса, составляя сама продуктъ многихъ вѣковыхъ наслоеній и перекрещиваній, вліяетъ неотразимо на племенные элементы, входящіе съ нею въ прикосновеніе, владеть на нихъ свой отпечатокъ и подвергается, въ свою очередь, ихъ незамѣтному вліянію, чтобы современемъ слиться съ ними въ одно цѣлое. Большія культурныя націи никогда не были узкоплеменными; государства, въ основу которыхъ положено единство племени или религіи, какъ мусульманская Турція, не имѣютъ будущности. Турки, несмотря на всѣ свои вѣшніе подвиги въ прошломъ, остались только расою и не создали націи. Племенная или религіозная обособленность несовмѣстима съ великою и плодотворною ролью въ исторіи человѣчества. Разрозненныя національности, объединяемыя лишь искусственною политическою связью, безъ равноправнаго внутренняго общенія, не составляютъ націи и не создадутъ прочнаго цѣльнаго государства, какъ это мы видимъ въ Австро-Венгріи, гдѣ есть много народностей, но нѣтъ австрійской націи, благодаря отсутствію достаточно могущественнаго элемента, способнаго ассимилировать отдѣльныя части имперіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смѣшеніе и перекрещиваніе расъ есть одно изъ главныхъ условій образованія великихъ и могучихъ націй. Несомнѣнно также, что смѣшеніе расъ ведетъ къ усовершенствованію человѣческой породы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда высшее племя, болѣе сильное числомъ и культурными задатками, вбираетъ въ себя кровь низшей расы. Нерѣдко величайшіе таланты порождаются случайною смѣсью представителей различныхъ племенъ, не имѣющихъ между собою, по видимому, ничего общаго. Примѣсъ негритянской крови дала Пуш-

кина; Жуковскій былъ сынъ турчанки; Лермонтовъ произошелъ отъ шотландскаго корня; родъ Карамзиныхъ, Тургеневыхъ вышелъ изъ Золотой Орды. Ничто такъ ярко и убѣдительно не доказываетъ великихъ духовныхъ силъ русскаго народа и его права на великую будущность, какъ эта способность претворять въ себя инородные элементы, относиться къ чужимъ племенамъ на началахъ равенства, уважать чужую вѣру и чужіе обычаи. Эта основная народная черта не могла не отражаться на политикѣ государства и имѣла вообще самыя благодѣтельныя послѣдствія. Кавказскія народности, недавно еще покоренныя военною силою, сразу вошли въ общій составъ русскаго народа и заняли видное мѣсто на разныхъ поприщахъ государственной и частной дѣятельности; никто не дѣлаетъ теперь различія между бывшими независимыми горцами и коренными русскими. Вчерашніе запитники Геокъ-тепе поступаютъ на русскую службу, воспитываютъ дѣтей въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и ни въ чемъ не чувствуютъ разницы въ положеніи, сравнительно съ природными жителями Россіи. Потомки Чингисъ-хана забываютъ о своемъ происхожденіи въ Петербургѣ или Москвѣ; татарскіе и мусульманскіе роды настолько смѣшались съ стариннымъ русскимъ дворянствомъ, что слѣды племенныхъ особенностей едва ли могутъ быть отысканы и установлены въ настоящее время.

Историческія обстоятельства помѣшали этой ассимилирующей силѣ дѣйствовать безпрепятственно относительно населенія нашихъ западныхъ окраинъ; но здравое политическое пониманіе, чувство справедливости и забота о будущемъ заставляютъ желать, чтобы устранены были искусственныя преграды, отдѣляющія обитателей этихъ окраинъ отъ русской народной массы и ставящія ихъ отчасти ниже татаръ или туркменъ по объему гражданскихъ правъ. У насъ нѣтъ ни татарскаго, ни кавказскаго, ни туркменскаго вопроса; въ высшей степени желательно, чтобы система, давшая столь благотворные результаты на востокѣ и на югѣ, примѣнена была съ столь же безбоязненною широтою и на нашемъ западѣ. Черезъ нѣсколько поколѣній исчезли бы тогда печальные продукты національной розни, и племенные мотивы утратили бы силу для живучихъ еще остатковъ замкнутыхъ расъ, раствореніе которыхъ въ русскомъ народѣ внесло бы въ жизнь Россіи новую струю, богатую, быть можетъ, своеобразною энергіею и оригинальнымъ творчествомъ.

Узкій націонализмъ, проповѣдуемый иногда въ нашей печати, опровергается каждымъ шагомъ нашей исторіи и рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ нашимъ видамъ на будущее. Всякій можетъ

вспомнить множество именъ иностранцевъ и инородцевъ по происхожденію, въ рядахъ лучшихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, работниковъ мысли и практики, людей государственныхъ и ученыхъ, полководцевъ и дипломатовъ, художниковъ и техниковъ; эти русскіе иноплеменники оказывались нерѣдко болѣе усердными и убѣжденными русскими патріотами, чѣмъ многіе чистокровные русскіе. Въ то же время каждому извѣстны имена несомнѣнныхъ русскихъ, готовыхъ продать свое отечество за наличныя деньги, безпощадно обиравшихъ казну и народъ, позорившихъ себя вѣточничествомъ и жестокими дѣлами. Происхожденіе не играетъ никакой роли въ этихъ случаяхъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе той самоувѣренной манеры, съ какою иные публицисты выдаютъ себя за обладателей специально-русскаго чувства и чисто-русскихъ воззрѣній. Претензіи на званіе „чисто-русскихъ“ людей не поддаются провѣркѣ уже потому, что крайне трудно и даже невозможно опредѣлить, какіе предки участвовали въ порожденіи отдѣльныхъ личностей, заявляющихъ такую претензію. Принадлежность къ русскому народу дается не одною расою, а воспитаніемъ, усвоеніемъ понятій, стремленій и идеаловъ, выражаемыхъ съ такимъ блескомъ въ нашей литературѣ, наконецъ, сознаніемъ солидарности съ массою русскаго общества. Иностранецъ, прошедшій русскую школу, воспитавшійся на произведеніяхъ нашихъ великихъ писателей, будетъ болѣе русскимъ по духу, чѣмъ человекъ, родившійся отъ русскихъ родителей, но выросшій въ иновемной обстановкѣ или лишенный русскаго образованія, незнакомый ни съ нашею литературою, ни съ прошлымъ и настоящимъ положеніемъ Россіи. Нѣтъ ничего произвольнѣе племенного мѣрила при оцѣнѣ качествъ и наклонностей тѣхъ или другихъ лицъ или частей населенія. Изъ того, что низшіе классы армянъ отличаются привычками къ мелкому торгашеству, странно было бы заключить, что представители этой народности не могутъ быть полезными чиновниками и даже выдающимися военными или государственными дѣятелями. Нельзя приурочивать вредныя эксплуататорскія черты къ одному какому-нибудь племени, хотя бы оно дѣйствительно состояло въ большинствѣ изъ мелкихъ торговцевъ и искателей легкой наживы; такія черты свойственны всякому специально-торговому населенію, въ большей или меньшей мѣрѣ, и извѣстная пословица: „не обманешь—не продашь“ есть, конечно, продуктъ самобытной практики, а не занесена къ намъ иностранцами или инородцами. Обычныя уязванія на происхожденіе неразборчивыхъ аферистовъ и связанныя съ этимъ нападки на ту или другую народность совершенно извра-

щаютъ сущность осуждаемаго зла, вызывая мысль о томъ, что тѣ же дурныя дѣйствія были бы позволительны для полноправныхъ туземцевъ и не возбуждали бы никакого протеста, еслибы совершались только послѣдними. Въ дѣйствительности, народу нисколько не легче отъ того, что его безпрепятственно и успѣшно эксплуатируютъ свои собственные Деруновы и Рыбовы, а не иноплеменники, способные соперничать съ ними и, слѣдовательно, ограничивать ихъ просторъ на этомъ печальномъ поприщѣ. Охранительныя мѣры мало помогаютъ народу, если онѣ направлены только противъ эксплуататоровъ, принадлежащихъ къ извѣстной расѣ, а не противъ всей вообще расы хищниковъ, независимо отъ племени и вѣры. Поверхностный націонализмъ столь же несостоятеленъ на экономической почвѣ, какъ и на политической.

Л. Слонимскій.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУЭЛИ

Повѣсть Поля Эрвье (Herviers)

I.

Оскорбленіе.

Совсѣмъ невзначай они вдругъ побранились на весь ресторанъ, ярко освѣщенный и биткомъ набитый публикой, набравшейся изъ театровъ.

Оба молодыхъ человека стояли носъ къ носу въ углу ресторана, отчаянно размахивая руками. Одинъ очень высокій, другой совсѣмъ низенькій, оба въ бѣлыхъ галстукахъ. Сначала они вполголоса обмѣнялись ругательствами, которыя однако присутствующіе угадывали по ихъ искривленнымъ губамъ, хотя и не могли слышать...

Гарсоны, окаменѣвъ отъ любопытства, перестали подавать посѣтелямъ кушанья и напитки, и съ подносами, уставленными всякой всячиной, въ рукахъ качались на мѣстѣ, мѣшая публикѣ видѣть то, что происходило, отчего нѣкоторые изъ посѣтелей повскакали на стулья. Одна дама, въ сторонкѣ, подъ вліяніемъ неопредѣленнаго нѣжнаго чувства, заставляющаго оказывать или искать покровительства, схватила за руку своего кавалера.

Другія дамы, смутно взволновавшись, хватались за лорнеты или за вѣера, лежавшіе на влажномъ мраморѣ столиковъ.

Въ центрѣ дѣйствія происходило какое-то бѣшеное бормотанье: ссорившіеся величали другъ друга различными эпитетами.

Затѣмъ вся публика услышала восклицаніе:

— Вы самый послѣдній изъ негодяевъ!

Эта превосходная степень, имѣла, очевидно, слѣдствіемъ то, что простой эпитетъ негодая, которымъ сначала угощали себя обѣ стороны, сталъ уже черезъ-чуръ обиднымъ. И послѣ краткаго колебанія, „послѣдній изъ негодаяевъ“ толкнулъ простого негодая.

Тотъ, въ свою очередь, растерялся, помахалъ рукой въ воздухъ—и вдругъ... хлопъ!

Раздалась громкая пощечина.

У нарядной публики, гудѣвшей какъ пчелиный улей, вырвался какъ бы вздохъ облегченія; вѣроятно, она теперь почувствовала себя обезпеченной отъ какого-нибудь другого инцидента дурного тона. Вѣдь пощечина заключаетъ въ себѣ какъ бы финалъ ссоры, и финалъ „комилфотный“. Она значится въ кодексѣ того церемоніала, который регулируетъ ея активное и пассивное дѣйствія, и знатоки признаютъ за ней чуть не особенную вѣжливость.

Даже лица самихъ ссорившихся прояснѣли. Ихъ неловкость исчезла, точно она происходила отъ уваженія къ человѣческому достоинству и отъ боязни совершить при такой многочисленной публикѣ что-либо неприличное.

Герои сцены протанули другъ другу карточки единодушно, вѣжливо, солидно. И тотъ, и другой притворились, что читаютъ на кусочкѣ картона имя и адресъ, которые они знали наизусть, такъ какъ были друзьями дѣтства.

Послѣ того, желая поскорѣе укрыться отъ нескромныхъ взглядовъ, со всѣхъ сторонъ устремленныхъ на нихъ, они перемѣняли шляпы: маленькій залѣзъ по уши въ цилиндръ большого. И въ то время, какъ толпа гарсоновъ помогала имъ надѣвать пальто, бившій и побитый, нечаянно толкнувъ другъ друга, поспѣшили сухо извиниться:

— Pardon, monsieur!

— Pardon, monsieur!

Послѣ чего разомъ бросились къ двери, въ которую такъ часто входили подъ-руку. Тамъ опять, желая уступить другъ другу дорогу, они остановились, какъ бы соревнуя въ вѣжливости.

Въ концѣ концовъ де-Земпахъ рѣшился первый пройти, вѣроятно изъ желанія поскорѣе укрыть отпечатокъ пяти пальцевъ, долженствовавшихъ красоваться у него на щекѣ.

Префанбѣ послѣдовалъ за нимъ, чуть не наступая ему на ноги.

Хотя никто изъ этихъ господъ еще не справился съ той путаницей, какая воцарилась у нихъ въ головѣ, но обонявъ было не по себѣ, и свѣжій воздухъ, когда они очутились на улицѣ, произвелъ на нихъ одинаковое впечатлѣніе: имъ представилось

мѣсто поединка, а уличный воздухъ показался особенно рѣзкимъ и даже неприятнымъ по контрасту съ цивилизованной, свѣтлой и нагрѣтой газомъ атмосферой ресторана.

Де-Земпахъ повернулъ на бульваръ Капуцинокъ, слегка раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, въ знакъ того, что ему самъ чортъ не братъ,—на тотъ случай, еслибы Префанье шелъ за нимъ слѣдомъ.

Но послѣдній свернулъ въ улицу Оберъ, откуда ему былъ прямой путь домой.

У оконъ ресторана нѣсколько удивленныхъ лицъ, съ разинутымъ ртомъ и глазами безъ всякаго выраженія, слѣдили за удаленіемъ этихъ отъменно свѣтскихъ молодыхъ людей.

По мѣрѣ того, какъ Земпахъ шагалъ по троттуару и способность мыслить возвращалась къ нему, сосредоточенное бѣшенство, постепенно возрастающее, смѣнило оцѣпенѣніе, овладѣвавшее имъ отъ неожиданнаго насилия надъ собой.

Когда его ударили, молодой человекъ испыталъ то тупое удивленіе, какое испытываетъ большинство людей, какъ бы они ни были сильны, подъ непосредственнымъ вліяніемъ непредвидѣннаго злого поступка. Онъ оторопѣлъ, какъ большой водолазъ, на котораго неожиданно набрасывается моська.

А теперь онъ вопрошаетъ себя: удовлетворено ли его чувство собственнаго достоинства отъ того, что на пощечину, полученную при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, онъ отвѣтилъ тѣмъ, что подѣлъ въ карманъ за визитной карточкой... Какъ судить теперь объ его поведеніи публики? не находитъ ли она вообще, что ему слѣдовало броситься на оскорбителя и избить его? Не такого ли возмездія даетъ право ожидать отъ него его атлетическое сложеніе, широкія плечи и мускулистыя ноги въ панталонахъ въ формѣ бутылки?

Размышляя объ этомъ, Земпахъ нервно ускорялъ шаги. Онъ тербилъ черныя густыя бакенбарды, и отъ этого зашибленное мѣсто на щекѣ у него особенно щипало. И тутъ ему представилось лицо Префанье, задорное, раздраженное и худенькое, съ головой какъ у тюленя, съ свѣтлыми и взъерошенными усами...

...Нѣтъ! каковъ Префанье!.. Товарищъ дѣтства, одноклассникъ, двадцатилѣтній другъ!..

Вѣдь нечего грѣха таить! Да! Префанье кругомъ виноватъ! Да,—сколько Земпахъ ни соображалъ и ни раскидывалъ умомъ,—онъ не находилъ за собой вины.

...Ну, да что въ самомъ дѣлѣ!.. если обращеніе Префанье съ

m-ше Ормель стало совсѣмъ неприлично, если оно подзадоривало злые язычки, развѣ не самъ Префанье въ томъ виновать, одинъ Префанье?!

...Ну, да, конечно! ужъ не вздумаетъ ли кто возражать, что Земпахъ поддакивалъ злымъ языкамъ, что онъ сплетничалъ усерднѣе другихъ!

Разумѣется, поддакивалъ! разумѣется, возмущался больше другихъ!

Почему?

Да потому, что онъ короткій пріятель Префанье! а также пріятель Альфонса Ормеля и даже немножео (далеко не столько, сколько бы ему хотѣлось) пріятель m-ше Ормель! Неужто же послѣ того ему запрещено высказывать свое мнѣніе?

Но главное, пусть не думаютъ, что онъ влюбленъ въ молодую женщину! Это предположеніе его смущало.

По правдѣ сказать, г-жа Ормель была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя до такой степени и такъ откровенно падали на наслажденія, что внушаютъ всѣмъ мужчинамъ мысль о томъ, что сблизиться съ ними возможно и даже очень легко, хотя никто не знаетъ въ сущности, какъ же онъ этого добьется. Отъ этого самые равнодушные злятся, если имъ покажется, что кто-нибудь изъ многочисленныхъ поклонниковъ такой женщины сумѣлъ добиться толку. Этотъ сортъ женщинъ кажется легкой добычей, которую каждый держитъ про запасъ, на всякій случай, и въ силу противорѣчія, составляющаго сущность человѣческаго характера, бросаетъ въ погоню за болѣе трудными на видъ побѣдами, говоря себѣ:—эту я успѣю увлечь завтра.

И такъ проходитъ жизнь, оставляя многихъ изъ этихъ женщинъ на пути добродѣтели.

Отличительной чертой Мерседесы Ормель было то, что она родилась на островѣ Кубѣ, среди табачныхъ плантацій. На перекоръ тѣмъ женщинамъ, за которыми ухаживаютъ мужчины, она не будила неопредѣленныхъ и поэтическихъ мечтаній. Въ ней была какая-то прямая прелесть, что-то ошняняющее и ѣдкое.

— Развѣ не похожа моя жена на сигару?—спрашивалъ ее мужъ, указывая на нее, неизмѣнно одѣтую въ очень темныя и очень узкія платья, облекавшія вплотную маленькій, худенькій и прямой корпусъ съ крошечной головкой, не общающей большого объема мозга. Созданная больше для того, чтобы ссорить людей, нежели вдохновлять поэтовъ, она многимъ не нравилась своей смуглой кожей, жидкими и угловатыми формами, слегка хиплымъ голосомъ и прыщиками на лицѣ, которые указывали

на безпкойную кровь. Съ другой стороны,—кто, какъ Земпахъ, очень любилъ курить сигары, тотъ естественнымъ образомъ находилъ ее обольстительной...

Земпахъ съ усиленіемъ прогналъ видѣніе, внезапно овладѣвшее имъ, и, припомнивъ всѣ только-что происшедшія перипетіи, остановился на томъ моментѣ, когда Префанье вдругъ перестала говорить ему *ты*. Ему стало больно; затѣмъ очевидная неизбежность дуэли пробудила въ немъ негодованіе.

Безъ сомнѣнія, Земпахъ не боялся. Но въ первый разъ въ жизни онъ находилъ, что предразсудокъ дуэли нарушалъ въ числѣ прочаго одно изъ самыхъ очевидныхъ предначертаній Провидѣнія... Какъ! онъ могъ бы однимъ пальцемъ раздавить букашку Префанье... и вотъ, его физически унижаютъ до уровня этого послѣдняго, посредствомъ ухищреній, придуманныхъ правилъ дуэли и однородности оружія!

— Это чистый идиотизмъ!—нѣсколько разъ воскликнулъ онъ, вдыхая полной грудью воздухъ, отъ чего его плечи и грудь казались еще шире.

Онъ говорилъ почти вслухъ и шагаль исполинскими шагами, бросая направо и налево свирѣпыя и непонятныя взгляды, которые мирные прохожіе принимали на свой счетъ съ мимолетной опаской.

II.

Выборъ секундантовъ.

Земпахъ дошелъ такимъ образомъ до улицы Бассъ-дю-Рампаръ, какъ разъ къ Космополитному клубу. Машинально направился онъ къ лѣстницѣ игорнаго дома; коверъ съ лѣстницы спускался до самой улицы. Поднимаясь по первымъ ступенькамъ, онъ сильно растиралъ свои волосатыя щеки, чтобы сообщить имъ однородный колоритъ. Онъ рѣшился рискнуть и проиграть всѣ деньги, какія при немъ были, въ силу того человѣческаго чувства, какое заставляетъ изъ бѣды извлекать пользу.

Въ салонѣ передъ залой, гдѣ играютъ въ баккара, первый, кого увидѣлъ Земпахъ, былъ графъ де-Брюньянь. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ, задумчивый и въ сердитой позѣ, засунувъ хищные пальцы въ карманы жилета.

Этотъ элегантный старикъ, по слухамъ называвшійся въ былое время просто Левонтомъ въ Монте-Карло и просто Брюньяномъ въ Спа, славился въ Парижѣ, какъ одинъ изъ самыхъ компетент-

ныхъ людей въ дѣлахъ чести. Благодаря тому, что имъ такъ много въ жизни подписано протоколовъ, онъ приобрѣлъ авторитетъ эксперта и его уважали какъ дуэлиста, хотя онъ всю жизнь ограничивался ролью секунданта. Но какія подробности не спутываются въ общественной памяти!? Продѣлать троекратно процедуру секунданта на полѣ поединка выходить, въ концѣ концовъ, какъ бы одинъ разъ самому подраться на дуэли.

У графа де-Брюньяна были маленькіе, бурые глазки, орлиный носъ, впалыя щеки, острый подбородокъ, губы сердечкомъ и окаймлены такими же длинными и бѣлыми усами, какъ была бѣла и длинна его борода.

Строгій видъ прямо указывалъ въ немъ человѣка пригоднаго для предсѣдательства въ общественныхъ собраніяхъ, въ третейскихъ судахъ и въ бильярдныхъ состязаніяхъ. На сценѣ онъ олицетворялъ бы генерала въ отставкѣ, который не носить роветки съ тѣхъ поръ, какъ его дочь согрѣшила. Въ центральныхъ тюрьмахъ, случись ему въ нихъ попасть, его не рѣшились бы ни на что иное пристроить, какъ на должность писаря.

Никто не зналъ, какіе доходы у графа де-Брюньяна и объдаетъ ли онъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его угощаетъ дуэлянтъ, оставшійся цѣлымъ и невредимымъ, и которому онъ служилъ секундантомъ. Но никто не нашелъ бы ни малѣйшей погрѣшности въ его туалетѣ. Съ утра онъ былъ выбритъ, напомаженъ, раздушенъ, въ сюртукѣ и лакированныхъ башмакахъ. И когда дверь его квартиры отпиралась, можно было всегда быть увѣреннымъ, что найдешь его готовымъ идти въ секунданты и требовать всевозможныхъ удовлетвореній.

Короче сказать, въ томъ состояніи духа, въ какомъ находился Земпахъ, онъ былъ немедленно привлеченъ почтенной наружностью, славой и даже титуломъ этого спеціалиста.

— Эге! юный миллионеръ!—воскликнулъ какъ нарочно Брюньяна съ фамильярностью старшаго:—не можете ли вручить мнѣ десять луйдоровъ?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣчалъ Земпахъ, котораго такое вступленіе приободрило, и онъ, придвинувъ кресло къ своему собесѣднику, шопотомъ пересказалъ ему о своемъ дѣлѣ.

Старикъ выслушалъ молча, степенно, отечески, и внимательнѣе, чѣмъ на десять луйдоровъ. Порою плечи его двигались въ знакъ неодобренія; порою онъ мигалъ глазами съ выраженіемъ, которое старался сдѣлать тоньше самой тонкости и какъ бы повязать, что онъ не только понимаетъ, но и переживаетъ состояніе

души, невыразимое никакими словами и недоступное тѣмъ людямъ, которые довольствуются однимъ пониманіемъ.

— Прекрасно! очень хорошо!—объявилъ онъ, выслушавъ все происшествіе.

И послѣ того напустилъ на себя еще больше торжественности, чѣмъ прежде. Онъ скрестилъ на колѣняхъ руки, до того лежавшія вѣромъ на локотникахъ кресель, и прежде всего высказалъ, что еслибы съ нимъ посоветовались прежде, чѣмъ дѣйствовать, дѣло было бы лучше.

— Какъ бы то ни было, мы оскорблены. Это, по моему, прекрасно. Я возьмусь за ваше дѣло, mon cher, это будетъ двадцать-седьмое счетомъ въ моей жизни...

— Скажите, никто изъ вашихъ влентовъ не... былъ убитъ?

— Никто, никто!—воскликнулъ графъ съ гордостью.

— Тѣмъ лучше!—пробормоталъ Земпахъ съ удовольствіемъ.

И въ продолженіе минуты тотъ и другой молча переживали разныя неожиданныя ощущенія, логика которыхъ весьма сомнительна.

— Ну-съ,—началъ старикъ:— вы, надѣюсь, знакомы немного съ употребленіемъ оружія?.. Нѣтъ?.. Пусть, мнѣ это все равно. Есть у васъ второй секундантъ? Я могу вамъ его рекомендовать. Онъ какъ разъ тутъ. Константиновичъ!—закричалъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

Константиновичъ, штабсъ-капитанъ въ отпуску болгарской арміи, подошелъ съ военной граціей и выправкой. У него были большіе глаза, синіе и кроткіе, лицо безъ бороды, гладкое, волосы короткіе, тонкіе и золотистаго цвѣта. Когда кто-нибудь изъ членовъ клуба не хотѣлъ обѣдать одинъ или вдвоемъ съ пріятельницей, онъ приглашалъ Константиновича—и тотъ приходилъ. Если у кого-нибудь оставалось свободное мѣсто въ коляскѣ, чтобы ѣхать на скачки, или въ ложѣ на вечернее представленіе въ театрѣ, онъ тотчасъ же приглашалъ Константиновича.

Капитанъ не былъ, однако, изъ породы *четырнадцатыхъ* за столомъ, въ томъ смыслѣ, во-первыхъ, что компанія не обязана была во что бы то ни стало собираться въ числѣ тринадцати человѣкъ, такъ чтобы присутствіе его стало необходимо. Въ этомъ отношеніи можно было бы скорѣе назвать его *вторымъ*, *третьимъ* или, въ крайнемъ случаѣ, *четвертымъ* по счету.

Во-вторыхъ, Константиновичъ не былъ весельчакомъ, забавникомъ, рассказчикомъ анекдотовъ или любезнымъ болтуномъ, который всегда согласенъ съ мнѣніемъ своего собесѣдника. Онъ ограничивался тѣмъ, что всегда и вездѣ одобрялъ и никого не осуждалъ. Онъ никогда не говорилъ ни слова, такъ что въ его

обществѣ каждый имѣлъ удовольствіе говорить, не подвергаясь противорѣчію и при этомъ чувствовать себя въ присутствіи личности. Благодаря своему упорному молчанію, Константиновичъ сталъ-таки личностью.

Поблагодаривъ его за содѣйствіе, на которое онъ тотчасъ же выразилъ согласіе, Земпахъ ощутилъ таинственную тревогу неловкаго человѣка, зацѣпленнаго машиной.

— Само собой разумѣется, — замѣтилъ графъ, — что если намъ предложить извиниться...

Эта возможность поразила Земпахъ, которому еще некогда было объ этомъ подумать. Но, смущенный тономъ, какимъ оно было высказано, онъ могъ только пролепетать:

— Хорошо... О! но только я требую очень униженныхъ извиненій, очень униженныхъ!

Графъ слегка нахмурилъ бѣлыя брови.

— А вотъ, — прибавилъ Земпахъ, стараясь быть развязнымъ, — вотъ карточка моего противника.

— Прекрасно! Завтра, въ полдень, мы съ капитаномъ отправимся по адресу.

Что-то ёкнуло въ сердцѣ у Земпахъ. Завтра! въ полдень!.. У него въ этотъ мигъ въ головѣ мелькнуло, какъ молнія, воспоминаніе о единственномъ случаѣ подобной мучительной тревоги, испытанной имъ однажды по утру въ Булонскомъ лѣсу, когда понесла лошадь. И все потому, что его ссора такъ же неслабъ стремглавъ, какъ и проклятая лошадь.

— Не находите ли вы, — попробовалъ онъ предложить, — что намъ бы слѣдовало... что было бы правильнѣе... если бы мы переждали денегъ... Не слѣдуетъ ли предоставить инициативу...

— Какъ? — сухо возразилъ старикъ: — вѣдь вы подверглись насилію?

— Но я его толкнулъ, я даже его очень сильно толкнулъ... Поглядите: вотъ я его такъ толкнулъ...

И присоединивъ пантомиму къ словамъ и впередъ извинившись, Земпахъ взялъ Константиновича за плечи и принялся его трасти. Затѣмъ боясь, что недостаточно убѣдилъ графа, возобновилъ свои усилія еще съ большимъ стараніемъ, вида, что графъ отрицательно качаетъ головой, между тѣмъ какъ капитанъ безстрастно переносилъ испытаніе, не сердясь и не волнуясь, но спокойно глядя неподвижными голубыми глазами.

— Если вы его толкнули, то, вѣроятно, послѣ того, какъ онъ васъ обругалъ? — замѣтилъ графъ.

— Да, самымъ послѣднимъ негодяемъ.

— Видите...

— Ахъ! но я первый назвалъ его негодяемъ.

Теперь Земпахъ изъ всѣхъ силъ старался свалить вину на себя. Но секундантъ перебилъ его:

— Перестаньте ребячиться; всѣ выгоды на нашей сторонѣ...

Послѣднее слово—вы деретесь на шпагахъ, не правда ли?

Земпахъ вздрогнулъ, но отвѣтилъ, не колеблясь:

— Конечно, на шпагахъ.

— И дуэль будетъ послѣ-завтра?

Молодой человѣкъ подумалъ, притворяясь, будто соображалъ, свободенъ ли онъ и нѣтъ ли у него обязательствъ на послѣ-завтра.

— Пожалуй послѣ-завтра,—объявилъ онъ, наконецъ.

Графъ не сталъ противорѣчить этому желанію, благодаря которому онъ могъ продлить свою роль и свое удовольствіе. Константиновичъ, выразивъ молчаніемъ и неподвижностью свое согласіе со всѣмъ, что было рѣшено, захватилъ съ благородствомъ въ свою обширную длань руку своего кліента и пожалъ. Послѣ его пожатія всякая рука, бывало, покраснѣетъ.

Земпахъ успѣлъ уже спуститься съ лѣстницы и собирался выбѣжать за дверь, когда старикъ окликнулъ его:

— Pst, mon petit!.. а вы забыли про мои десять лундоровъ!..

Въ это же время Префанье, вернувшись въ небольшой *apartment*, который онъ занималъ въ улицѣ Аркадъ, надъ квартирой своихъ родителей, не спѣшилъ раздѣваться и прогуливалъ свои нервы взадъ и впередъ по комнатѣ.

Его *inséparables*: Альфонсъ Ормель и Жакъ Бернуаръ естественно будутъ его секундантами. Они къ тому же вмѣстѣ съ нимъ ходили въ одинъ и тотъ же фехтовальный залъ, гдѣ упражнялись постоянно въ фехтовальномъ искусствѣ. Часто во время этихъ примѣрныхъ баталій, разгорячавшихъ кровь, они взаимно взывали другъ къ другу, громко, на всю залу, съ самолюбивымъ хвастовствомъ:—Скажи-ка, если мнѣ придется драться на дуэли, вѣдь ты будешь у меня секундантомъ?

И въ эти минуты всѣ трое почти желали подраться съ еѣмъ-нибудь.

Впрочемъ и теперь пока перспектива дуэли не утрашала Префанье. Однако, наученный чужимъ опытомъ, онъ боялся, какъ бы ему не струсить на мѣстѣ поединка. Онъ припомнилъ также нѣкоторые опасные случаи, которые издали казались ему совершенными пустяками, и тѣмъ не менѣе, когда опасность наступала, онъ чувствовалъ, какъ всѣ его способности были пара-

лизованы. Такъ, однажды, онъ отказался въ послѣдній моментъ летѣть въ воздушномъ шарѣ, хотя раньше условился, что полетитъ. Поэтому и теперь онъ боялся, какъ бы ему не сплеховать въ послѣднюю минуту.

Пока—энергія Префанье подстрекалась тѣмъ, что соперникомъ его былъ другъ дѣтства, а не какой-нибудь страшный незнакомецъ. Каждый разъ, какъ Префанье старался представить себѣ картину будущей дуэли, передъ нимъ вставало лицо его пріятеля Земпаха, его добраго стараго пріятеля Земпаха, и поэтому ему казалось, что эта дуэль будетъ совсѣмъ особенной, дружеской, интимной, пріятельской дуэлью, не похожей на всѣ остальные.

При этой мысли взрывъ любви къ Земпаху неожиданно пронесся въ сердцѣ Префанье. Совѣсть какъ бы уколола его не за то, что было, а за то, что ждетъ впереди. Занявшись немедленно строгимъ анализомъ фактовъ, онъ нашелъ себя безупречнымъ.

Конечно, Префанье зналъ, что пропасть людей *сплетничало* насчетъ его отношеній къ м-ме Ормель. Но развѣ можно всѣмъ надавать пощечинъ? Конечно, нѣтъ! всегда приходится сдѣлать выборъ. Префанье далъ пощечину Земпаху, потому что онъ его пріятель.

На другой день утромъ, послѣ безпокойнаго сна, молодой человѣкъ живо соскочилъ съ кровати и раньше девяти часовъ позвонилъ у двери Жака Бернуара, котораго засталъ еще въ постели.

При первыхъ словахъ, маленькій аудиторъ государственнаго совѣта приподнялся и сѣлъ, очень заинтересованный. Ему было тридцать лѣтъ, носъ горбатый, брови отсутствовали, красныя вѣки, преждевременная лысина, недочетъ въ зубахъ, а тѣ, которые оставались еще, были черныя—вотъ его наружность.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ онъ, протирая глаза.

Послѣ того остатокъ сонливости, отъ которой морщилось его лицо и раскачивалась худая, сутуловатая спина, разсѣялся.

— Значитъ,—замѣтилъ онъ съ напускной небрежностью,—тебѣ сегодня нельзя будетъ представить меня этимъ, какъ бишь ихъ...

— Почему? чѣмъ это мѣшаетъ?.. Одѣвайся скорѣй, у меня нанята карета, мы поѣдемъ въ Ормелю.

— Послушай однако, вѣдь это не серьезно?

Но въ душѣ Жаку было бы теперь досадно, если бы это не было серьезно. Дружеское удивленіе первой минуты прошло. Ему хотѣлось улыбнуться. Онъ видѣлъ привлекательную сторону своей роли и не думалъ о той, которая предстояла Префанье.

— Ты понимаешь,—продолжалъ послѣдній:—я тебѣ все разсказалъ, но само собой разумѣется, что я не признаюсь Альфонсу, что въ дѣлѣ замѣшана его жена. Ему я просто скажу, что поспорилъ изъ-за одной женщины.

— Бѣдняга Альфонсъ!—замѣтилъ Жакъ.

— Какъ это глупо сказано!

— Чтѣ такое я сказалъ?

Префанье протестовалъ съ живостью. Между нимъ и м-ше Ормель ровно ничего не было. Толковали то да се. И молодой человѣкъ съ удовольствіемъ повторялъ то, чтѣ толковали.

— Во-первыхъ, она слишкомъ худоцава,—замѣтилъ онъ въ видѣ заключенія.

Жакъ, вставшій съ постели, весело одѣвался. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что верзила Земпахъ получилъ пощечину; онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что о женѣ кривляки Ормеля ходятъ скандальные слухи. Ему только было какъ-то стыдно откровенно выразить свое удовольствіе. Нѣсколько разъ онъ повторялъ, причесывая рѣдкіе волосы щеткой, и, очевидно, только для проформы:

— Развѣ нельзя какъ-нибудь уладить дѣло?

Но Префанье для виду сталъ кричать, что это невозможно. Онъ сталъ изображать вчерашнюю сцену и такъ возвысилъ голосъ, что Жакъ записалъ изъ предосторожности, какъ бы не услышала его мать, которая могла находиться въ комнатѣ подѣ его собственной. Тогда Префанье, понизивъ голосъ, сталъ шопотомъ передавать въ лицахъ вчерашнее происшествіе.

— Вы негодай!.. а вы—послѣдній изъ негодаевъ!..

И онъ хмурилъ брови, корчилъ страшныя гримасы лицомъ, изображая на немъ свирѣпость.

— Чтѣ бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Смотря по тому...

— Смотря по тому! смотря по тому! Чтѣ бы ты сдѣлалъ?

Жакъ вынужденъ былъ сказать, что онъ далъ бы пощечину Земпаху, но выраженіе лица его говорило, что онъ никогда и никому не далъ бы пощечины, и даже, садясь въ фіакръ, онъ пробормоталъ:

— А вѣдъ ты заставляешь меня очень рисковать, принимая во вниманіе мое официальное положеніе.

Молодые люди скоро доѣхали до небольшого дома на набережной Билльо, гдѣ жилъ ихъ общій пріятель, Альфонсъ Ормель, гражданскій инженеръ лѣтъ сорока и предсѣдатель ихъ кутежей.

Страстно преданный всякаго рода спорту, претендующій на

свѣтскій шикъ, онъ примѣнялъ свои промышленныя способности въ одномъ крупномъ предпріятіи, которое позволяло ему сочетать свои вкусы съ потребностью бросать деньги. Онъ основалъ общество для постройки яхтъ, паровыхъ шлюпокъ и лодокъ всякаго рода и никогда не пропускалъ случая указать, что это благородное ремесло въ Англии ведетъ къ баронетскому достоинству. Коммерческія рекламы, въ которыхъ красовалось его имя, снискали ему извѣстность, какая достается на долю только знаменитыхъ людей, а также и нѣкоторыхъ аптекарей. Но ему не доставало еще счастья видѣть свою фюзіономію популяризированной иллюстрированными журналами. Ему бы хотѣлось, чтобы на него оглядывались на улицахъ, прохожіе шептали:—вы видите этого господина съ орденами? это мсье Ормель!—Онъ, дѣйствительно, получилъ недавно орденъ Почетнаго Легіона. Въ сущности, добрый малый, на ты со всѣми частными репортерами; ни одного праздника, ни одной блестящей свадьбы или пышныхъ похоронъ не обходилось безъ него.

Когда въ нему прибыли ранніе гости, Альфонсъ, въ дорожной шляпѣ, готовился сѣсть въ догкартъ, куда грумъ снесъ небольшой чемоданчикъ.

— Здорово, дѣтки!—закричалъ онъ:—я уѣзжаю въ Гавръ.

— Ты долженъ остаться.

— Невозможно. Меня ждутъ на докахъ.

Префанье пепнулъ на ухо инженеру:

— Я дерусь съ Земпахомъ. Ты долженъ быть моимъ секундантомъ.

Альфонсъ встрепенулся. Хотя онъ уже участвовалъ въ двухъ поединкахъ, окончившихся извиненіями между противниками, но чужая дуэль продолжала ему представляться въ свѣтѣ даровой и блестящей рекламой, лучи которой озаряютъ и секундантовъ.

— Любезный другъ,—отвѣтилъ онъ,—я въ твоимъ услугамъ. Дозволь мнѣ только послать телеграмму. Кстати ты съ Бернуаромъ позавтракаешь, конечно, у насъ?

Префанье покраснѣлъ при мысли, что вдругъ очутится неожиданно-негаданно въ присутствіи m-ше Ормель.

— Дѣло въ томъ,—пробормоталъ онъ,—что я предупредилъ дома, что вернусь въ полудню, чтобы принять гостей...

— Мы поспѣемъ!—увѣрялъ инженеръ, поглядѣвъ на часы.

Онъ не допускалъ, чтобы могъ ошибиться въ цифрѣ или въ расчетѣ количества или пространства.

Входя въ комнату жены, чтобы возвѣстить ей о приходѣ неожиданныхъ гостей, Альфонсъ принялъ тотъ особенный, оза-

боченный видъ, въ какому прибѣгаютъ мужчины, когда хотятъ показать, что ихъ рѣшительно ничто не безповоитъ.

— Какъ! — немедленно вскричала м-ше Ормель: — ты не уѣхалъ? что такое случилось? Что съ тобой?

— Да ничего, ничего, — попытался увильнуть Альфонсъ: — я передумалъ, вотъ и все.

Жена уцѣпилась за него и стала приставать съ разспросами.

— Ну, такъ вотъ тебѣ, — сдался онъ, наконецъ: — я долженъ быть секундантомъ.

— У кого?

Инженеръ смутился. Не будетъ ли съ его стороны неприличнымъ, неделикатнымъ измѣнить тайнѣ? Непосредственнымъ результатомъ полномочія чести бываетъ обостреніе чувства чести вообще.

Подъ градомъ вопросовъ, онъ отвѣчалъ:

— У Жака Бернуара.

И эта хитрая уловка, казалось ему, исправляетъ первоначальную оплошность.

— Съ кѣмъ онъ дерется? — спрашивала молодая женщина съ негодованіемъ: — изъ-за чего?

Но тутъ мужъ сталъ боиться, что ему ничего неизвѣстно, и мы знаемъ, что онъ говорилъ правду, и что ему предстояло оставаться въ этомъ невѣдѣніи.

Сердце очень сильно забилося у Префанье, когда Мерседеса вошла въ гостиную, затаенная въ утреннюю бофточку изъ шелковой матеріи цвѣта гаванны и въ облачѣ аромата амбре, который несся отъ ея ногтей. Онъ предполагалъ, что Ормель, вѣроятно, проболтался и боялся, въ припадѣ внезапной застѣнчивости, какого-нибудь неловкаго выраженія неизбѣжной симпатіи.

Но молодая женщина вошла легкомысленно, — веселая и развязная. Она, болтая, протянула обѣ руки гостямъ, занятая только собой и нигѣмъ и ничѣмъ больше.

— Вотъ... я забыла надѣть кольцо, — сказала она, разглядывая свои пальцы, которые естественно привлекали ея вниманіе, такъ какъ въ данную минуту на сценѣ были ея руки. — Не обращайтесь вниманія, — продолжала она, — на то, какъ я причесана...

И, подбѣжавъ къ зеркалу, она вытянула тоненькую шейку, чтобы увидѣть свой затылокъ, и расхохоталась, тщетно стараясь прикрыть волосами забытую папильотку.

Послѣ того удовольствіе принимать гостей за завтракомъ выразилось гостепрѣимными комплиментами:

— Какъ это мило съ вашей стороны обрадовать насъ своимъ

неожиданнымъ приходомъ! Я обожаю неожиданныя сборища, въ особенности по утру; ничего не готово, все идетъ вкривь и вкось, хозяйева растрепаны, глупы, совсѣмъ въ своемъ неподрашенномъ видѣ. О! это такъ весело!..

Тѣмъ временемъ къ Префанье вернулась способность разсуждать. Равнодушіе м-ше Ормель превосходило ту мѣру, какая ему была желательна. Очевидно, инженеръ ничего не сказалъ женѣ. Такъ и слѣдовало. Тѣмъ не менѣе, подумавъ хорошенько, все-таки можно было бы ему осторожнымъ намекомъ, ловкимъ предостереженіемъ...

Префанье зналъ, какъ бы онъ поступилъ въ подобномъ случаѣ. Но тактъ—качество такое измѣнчивое, такое индивидуальное!

Какъ бы то ни было, еслибы Альфонсъ сьумѣлъ издалека предупредить м-ше Ормель, еслибы онъ сказалъ, напримѣръ: — бѣдняга Префанье дерется на дуэли,—всѣмъ было бы ловко, каждый бы зналъ, какъ ему себя вести... Это не помѣшало бы шутить, болтать, хорошо покушать, чортъ возьми!

Поэтому, несмотря на вниманіе, какое оказывалъ за столомъ Альфонсъ своему клиенту, тотъ былъ молчаливъ и немного дулся. М-ше Ормель спросила у него, будетъ ли онъ завтра на первомъ представленіи новой пьесы. Префанье отвѣчалъ меланхолически:

— О, я не составляю никакихъ плановъ.

И, довольный скромнымъ достоинствомъ такого отвѣта, искалъ одобренія во взглядахъ своихъ секундантовъ. Эти послѣдніе сидѣли въ это время, уткнувшись носомъ въ тарелку. Альфонсъ проговорилъ, жуя котлетку:

— Ты, другъ мой, мудрецъ.

— Это вѣрно!—закричала Мерседеса, съ лукавствомъ хлопая въ ладоши. — Я увѣрена, м-г Префанье, что вы ни разу не оторвали пуговицы, надѣвая ботинки. Вы помните, что я всегда говорю, когда мы съ вами вальсируемъ: играетъ ли музыка скоро, играетъ ли она тихо, вы не мѣняете своего собственнаго темпа, ровненькаго, гладенькаго.

Отъ этой насмѣшки, довольно неприличной въ настоящемъ случаѣ, Префанье закусилъ губы. Внезапное и яростное желаніе овладѣло имъ: пристыдить молодую женщину, открыть ей глаза какой-нибудь сверхъестественно-выразительной миной, дать ей понять, что онъ готовится рискнуть жизнью изъ-за нея, хотя она объ этомъ не подозрѣваетъ и не имѣетъ на то ровно никакого права.

Но неустойчивое вниманіе м-ше Ормель, отвлеченное отъ прямой цѣли хитростью мужа, останавливалось въ тѣ рѣдкія ми-

нуты, когда ей удавалось его сосредоточить, на Жаке Бернуарѣ. Тогда глаза ея темнѣли, и пристальный взоръ ихъ, казалось, старался проникнуть сквозь прозрачную оболочку мнимаго дуэлянта и докопаться до самаго источника одного изъ тѣхъ неизвѣстныхъ и великолѣпныхъ характеровъ, откуда происходятъ драмы.

Ревность забушевала въ душѣ Префанье. Онъ сталъ мечтать о невозможныхъ вещахъ, надѣясь, неизвѣстно какимъ чудомъ, остаться вдвоемъ съ Мерседесой. Сердце его билось. Онъ съ коварной мстительностью представлялъ себѣ бесполезныя усилія, въ какомъ она прибѣгнетъ, чтобы помѣшать дуэли, о которой онъ ей объявитъ безъ обиняковъ. Онъ представлялъ себѣ ея позы и молебны:

— Мой другъ, изъ любви ко мнѣ...—но онъ пребудетъ неумолимъ. Послѣ того, растрогавшись надъ самимъ собой отъ героическаго достоинства своихъ воображаемыхъ отвѣтовъ, онъ увидѣлъ себя, въ свою очередь, на колѣняхъ передъ Мерседесой, импровизируя объясненіе въ любви, дозволительное тому, кто собирается умирать, опьяненный собственными словами, и мало-по-малу, благодаря искусственной комбинаціи, влюбляясь въ нее, чтобы увѣрить себя, что онъ признается ей въ любви.

Теперь въ Префанье разыгрались аппетиты, и какая-то отчаянная храбрость овладѣла имъ. Онъ сталъ искать подъ столомъ маленькую ножку Мерседесы, и его толстая подошва вскорѣ опустилась на пряжку башмачка, тотчасъ же отодвинувшася.

У m-me Ормель губы были слишкомъ коротки и складывались въ родъ неестественной улыбки, когда она ихъ стискивала. Она обратила въ дерзкому лицо съ недоумѣвающимъ выраженіемъ, которое впрочемъ было у нея отъ природы. Слѣва оказался недостатокъ одного зуба. Взглядъ молодого человѣка остановился на этомъ недостаткѣ съ такимъ фамиллярнымъ сожалѣніемъ, что Мерседеса, смущенная, стиснула губы, а по жиламъ у нея — креолки недаромъ — пробѣжалъ огонь. Она встала, взяла подъ руку Бернуара, исторія котораго теперь больше ее не интересовала. Ей бы хотѣлось, чтобы никто не уходилъ, и чтобы между нею и Префанье произошло еще что-нибудь. Она болтала съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

— Ну, дѣти мои,—объявилъ ей мужъ:—намъ надо поторопиться съ кофе.

Ровно въ полдень трое пріятелей засѣли въ маленькомъ антресолѣ Префанье.

Этотъ послѣдній, въ томъ, что касается причины ссоры, былъ съ инженеромъ сравнительно сдержанъ, и тому пришлось удовле-

твориться отвѣтомъ, что въ исторіи замѣшана женщина. Да! но это бы такая эта женщина?..

Кура задумчиво ситару, Альфонсъ не спускалъ глазъ съ Префанье; но тотъ оставался непроницаемымъ. Онъ поглядывалъ также и на аудитора государственнаго совѣта, который, находясь также подъ надзоромъ своего клиента, корчилъ невинное лицо. Въ сущности, Жакъ не хотѣлъ обмануть довѣріе Префанье; но такъ какъ онъ пользовался привилегіей *знанія*, то надо же было ему порисоваться немного своимъ умственнымъ превосходствомъ.

Послѣ довольно стѣснительнаго молчанія, Альфонсъ задумалъ скрыть досаду подъ видомъ усердія.

— Я того мнѣнія, — началъ онъ, — что мы должны настаивать, что мы оскорбленная сторона.

— Да... но... — замѣтилъ Жакъ.

— О, *mon cher!* у меня въ этихъ дѣлахъ больше опытности, чѣмъ у тебя... я утверждаю, что попытка можетъ и удалиться, да и никогда не мѣшаетъ... Впрочемъ я беру это на себя. Какъ ты думаешь объ этомъ, Префанье?

Этотъ послѣдній сосредоточилъ все свое вниманіе въ настоящую минуту на ходѣ часовыхъ стрѣлокъ. Его тревога, хотя и не прекращалась, но измѣнила, такъ сказать, характеръ, по мѣрѣ того, какъ время протекало и никто не появлялся. Такъ, подъ туннелемъ, по мѣрѣ того какъ усиливается темнота, надежда снова увидѣть свѣтъ Божій сливается постепенно съ ощущеніемъ тагости настоящей минуты.

Вдругъ раздался звонокъ.

— А!.. — вырвалось у Префанье.

Сначала онъ рѣшилъ, что будетъ сидѣть неподвижно на стулѣ. Но вскорѣ, подстрекаемый нетерпѣніемъ, пошелъ на цыпочкахъ и тихонько пріотворилъ дверь своей комнаты. Изъ глубины передней онъ услышалъ голосъ, незнакомые звуки котораго заставили его вздрогнуть. И почти вслѣдъ затѣмъ лакей принесъ ему визитныя карточки двухъ господъ, которыхъ онъ привелъ въ гостиную.

— Капитанъ Константиновичъ, графъ де-Брюнъянъ, — поспѣшно прочиталъ молодой человекъ. — Они навѣрное по этому дѣлу!..

Но въ душѣ, помимо воли, прискивалъ другія причины ихъ прихода. Въ мозгу его мелькали безумныя предположенія.

— Еще бы! — подтвердилъ Жакъ, взявшій карточки изъ дрожащихъ рукъ пріятеля: — внизу приписано карандашомъ: по порученію де-Земпахъ.

— О-о! — вскричалъ Альфонсъ съ загорѣвшимися глазами:

—графъ де-Брюньянь! да это извѣстность своего рода!.. Мнѣ какъ разъ показывали его намедни въ циркѣ. Но, можетъ быть, вы видали его, мои друзья: старикъ, который всегда водить гулять москву... Голова на бокъ, красивая бѣлая голова! Да навѣрное вы видѣли! это типъ извѣстный, переизвѣстный!..

Префанье пробормоталъ:

— Меня бѣситъ, что сюда замѣшался графъ де-Брюньянь!

Но въ эту минуту все его бѣсило. И онъ просто придирался, чтобы поворчать.

— Надо однако принять ихъ,—прибавилъ онъ, переходя въ гостиную.

Альфонсъ былъ задумчивъ и повгорулялъ про себя имена по-сѣтителей. Онъ находилъ ихъ звучными. И по ассоціаціи идей вдругъ сообразилъ, какъ выгодно было бы для него связать свое имя съ какой-нибудь знаменитостью: генераломъ, напримѣръ, депутатомъ или извѣстнымъ стрѣлкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Жакъ Бернауаръ! въ немъ не было ровно ничего выдающагося ни въ физическомъ, ни въ общественномъ отношеніи... Болванъ Префанье! (о! бѣдняга, точно, что бѣдняга! само собой разумѣется!) неужто же у него не нашлось ни одного шикарнаго знакомаго?

— Кстати,—спросилъ инженеръ съ притворной небрежностью: —изъ-за какой женщины вышло дѣло?

— Не знаю,—отвѣтилъ Жакъ.—Ей Богу же не знаю,—по-спѣшно подтвердилъ онъ, дотрогиваясь пальцами до больныхъ вѣкъ, чтобы скрыть смущеніе.

Но собесѣдникъ чувалъ, что онъ говоритъ неправду, и разсердился за то, что ему не отрывали тайны. Въ этомъ настроеніи ему припомнились дуэли, въ которыхъ онъ принималъ участіе, и которыя всѣ окончились такъ несносно миролюбиво. И вотъ онъ вдругъ выпалилъ:

— Какъ ты находишь настроеніе нашего друга? Не правда ли, онъ какъ-то слишкомъ волнуется? Какъ думаешь, выдержать онъ до конца?

— Какъ такъ? что ты хочешь сказать?—спросилъ тотъ, который вовсе объ этомъ не думалъ, такъ какъ не имѣлъ за собой никакого опыта.

— Видишь ли, вопросъ нашъ близко касается. Съ такимъ человекомъ, какъ графъ де-Брюньянь, шутки плохія. Допустимъ, что Префанье, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, откажется отъ дуэли; мы будемъ вынуждены съ тобой драться за него...

— Что? что такое?.. Но это невозможно! И во-первыхъ,

вспомни о моемъ положеніи: вѣдь я... чиновникъ... Помилуй, ты понимаешь однако...

Засунувъ руки въ карманы, Альфонсъ казался озабоченнымъ. Быть можетъ, предположеніе, которое онъ высказалъ съ досады, чтобы сорвать ее на чемъ-нибудь, вдругъ получило вѣроятность въ его глазахъ и даже встревожило. Быть можетъ, онъ надѣялся также, что напуганный Жакъ откажется отъ секундантива и уступить мѣсто желаемому генералу, идеальной личности.

Жакъ волновался, сожалѣлъ, что такъ легкомысленно скомпрометировалъ себя, и уже готовъ былъ закричать: ну, что-жъ! если это случится, ты и раздѣлывайся какъ знаешь: ты старше! Въ сущности, это твое дѣло!

Но тѣмъ временемъ вернулся Префанье, немного взволнованный, немного блѣдный, но видимо съ чувствомъ собственного достоинства.

— Эти господа, — проговорилъ онъ довольно твердымъ голосомъ, — согласны переговорить съ вами обоими тутъ же, немедленно, во избѣжаніе дальнѣйшихъ проволочекъ.

Жакъ не рѣшался встать. Альфонсъ положилъ обѣ руки на плечи Префанье и сказалъ:

— Если выборъ предоставлять намъ, мы выберемъ шпагу, не правда ли?.. Хорошо!.. Ну, а относительно дня и часа у тебя есть какое-нибудь предпочтеніе?

— Я бы хотѣлъ драться въ субботу.

— Прекрасно!.. сегодня у насъ четвергъ... превосходно; послѣ-завтра, значить... пожалуй, и лучше, чтобы не въ пятницу. Глупо это, конечно, но ужъ такъ человѣкъ созданъ... Идемъ, Жакъ, что-ли?

Этотъ послѣдній торопливо натягивалъ перчатки, поправляя свой монокль, и выпрямлялъ сутуловатую спину и впалую грудь. Онъ настоялъ, чтобы Альфонсъ шелъ впереди. Самъ онъ буквально ступеался. Онъ чуть-чуть не говорилъ: господа! я нуль, я тутъ не при чемъ, мой коллега всему дѣлу голова!

Инженеръ поправилъ красную ленточку, красовавшуюся у него въ петлицѣ.

III.

Переговоры.

Графъ де-Брюньянъ поклонился однимъ затылкомъ и въ профиль, благодаря привычкѣ держать голову на бокъ. При этомъ его длинная борода серебристо-бѣлаго цвѣта свернулась на желудѣ серпомъ, точно новорожденная луна.

Капитанъ—точно онъ состоялъ изъ двухъ кусковъ, сдерживаемыхъ только тѣснымъ скруткомъ, согнулъ и быстро выпрямилъ станъ.

Альфонсъ и Жакъ, смущенные, отрекомендовались посѣтителямъ, заикаясь отъ волненія. Ихъ поклоны не представляли ничего классическаго. Жакъ зацѣпилъ ногой за коверъ и чуть не упалъ.

Этотъ дебютъ привелъ въ хорошее расположеніе духа графа де-Брюннана, который сразу почувствовалъ себя господиномъ положенія. Неуступчивый относительно принциповъ, когда имѣлъ дѣло съ равными, онъ проявлялъ неисчерпаемую снисходительность къ новичкамъ, и то безпечное добродушіе, которымъ отличаются игроки, которыхъ всегда можно привести въ хорошее расположеніе духа, предложивъ кстати десять луидоровъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ слышались только обоюдныя восклицанія привѣтствія и благодарности. Слышно было также, какъ передвигались кресла.

Когда всѣ удобно усьлись, послѣ молчанія, старіеъ вѣжливо заговорилъ:

— Съ такими личностями, какъ вы, господа, наша задача перестаетъ быть трудной.

Личности поклонились. Онѣ старались, послѣ перваго потрясенія, привести въ порядокъ и обновить въ памяти чувство долга и сознаніе своихъ обязанностей. Но имъ уже легче дышалось въ атмосферѣ любезности.

Графъ продолжалъ:

— Вы знаете, господа, цѣль нашего визита. Какъ и мы, вы, конечно, понимаете, что всякая попытка къ примиренію невозможна...

Онъ озабоченно подождалъ, смутно допуская возможность какой-нибудь неопредѣленной комбинаціи.

Но секунданты Префанье единодушнымъ жестомъ применили къ выраженному мнѣнію. Ихъ легкія съ минуты на минуту расширялись въ атмосферѣ вѣжливости и добродушія. Они испытывали даже нѣкоторую потребность объяснить, подчеркнуть свое удовольствіе. Такъ, по естественному закону контраста и равновѣсія, парламентарамъ всегда хочется проявить передъ дуэлью, которая разнудываетъ человѣческую дикость, полное добродушіе и засвидѣтельствовать свою вѣжливость до послѣдней крайности. Быть можетъ, это усердіе проистекаетъ также отъ нагляднаго доказательства неудобствъ, проистекающихъ отъ грубыхъ и дерзкихъ манеръ.

Къ тому же самъ графъ де-Брюньянъ во время предисловія, гдѣ каждая сторона ощущиваетъ другую, охотно старался быть преувеличенно мягкимъ и вѣжливимъ изъ деликатности чловѣка, сознающаго, что пользуется репутаціей чловѣка опаснаго.

Онъ продолжалъ, полу-закрывъ вѣки, безмятежный, какъ патриархъ Исаакъ, когда онъ судить своихъ сыновей Исава и Якова:

— Характеръ оскорбленнаго, полагаю, не оспаривается у ш-г де-Земпахъ?

Торопливое согласіе Альфонса вызвало укоризненный взглядъ у Жака.

— Позвольте! — попытался поправиться инженеръ, бѣсясь на своего партнера, нестати напомнивашаго ему обязательство, принятое имъ слишкомъ легкомысленно, и на себя — за то, что его принялъ.

Графъ сдѣлалъ доброжелательный жестъ, означавшій: — Я все позволяю.

Что касается капитана Константиновича, онъ удовольствовался движеніемъ граціознаго удивленія.

Альфонсъ началъ съ того, что объявилъ, что не намѣренъ касаться причины размолвки, вслѣдствіе ея крайне щекотливаго характера.

— Вы знаете, какъ и мы, — намекнулъ онъ съ видомъ чловѣка, которому извѣстно, въ чемъ дѣло, — что тутъ замѣшана честь одной особы... честь свѣтской женщины, — повторилъ онъ, какъ бы рассчитывая, что, переворачивая эту фразу на всѣ лады, ему удастся извлечь изъ нея то, что удовлетворитъ его любопытство.

Секунданты Земпахъ сдѣлали видъ, что знаютъ, въ чемъ дѣло. Что касается Жака, то, чуя скрытую опасность, онъ сталъ разглядывать потолокъ, какъ чловѣкъ благовоспитанный, который не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, и не хочетъ знать.

— Поэтому будемъ держаться сферы публичныхъ инцидентовъ.

— Согласенъ! — допустилъ Брюньянъ, игравшій алмазомъ своего перстня. — Видите... въ самомъ дѣлѣ, когда женщины, эти проклятыя женщины, куда-нибудь запутаются...

Онъ не пояснилъ далѣе того, что хотѣлъ сказать.

Тогда Альфонсъ изложилъ историческую часть сцены въ ресторанѣ: — Вы негодяй! — „Нѣтъ, негодяй-то вы!“ — Негодяй! Негодяй! „Послѣдній изъ негодяевъ!..“ — И вслѣдъ затѣмъ звукъ пощечины.

Должно быть, рассказъ Земпахъ былъ тождественъ съ рассказомъ Префанье, потому что графъ и капитанъ кивали головой

при каждомъ словѣ, точно привѣтствовали слово: „негодяй“. Впрочемъ, изъ тонкой щекотливости, Альфонсъ старательно избѣгалъ какъ-нибудь задѣть въ разсвѣзѣ кліента противной стороны и былъ очень разборчивъ насчетъ выражений и поясненій, между тѣмъ какъ довольно безцеремонно обращался съ собственнымъ кліентомъ, для равновѣсія, надо полагать.

— Такимъ образомъ, — кончилъ онъ, — м-г Префанье никакъ нельзя счесть зачинщикомъ...

Брюньянъ и Константиновичъ не отрицали.

Альфонсъ считалъ, что выигралъ дѣло, и вмѣсто того, чтобы обрадоваться, почувствовалъ какъ бы стыдъ отъ того, что другіе превзошли его великодушіемъ.

Къ счастью, старикъ графъ въ свою очередь принялся излагать факты. Буквально выходило то же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ. По правдѣ сказать, онъ иногда путалъ имена героевъ и съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и ихъ роли, и благодаря этому капитанъ нѣсколько разъ порывался поправить его. Но Жакъ и Альфонсъ своими восхищенными минами, своими многозначительными жестами выражали, что не бѣда, не стоитъ безпокоиться. Кроме того, прилично ли имъ было оспаривать такое изложеніе фактовъ, отъ котораго ихъ кліентъ представлялся въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ соперникъ.

Наконецъ, графъ пришелъ къ заключенію:

— Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія: м-г Земпахъ — оскорбленный.

Настаивать долѣе на противномъ было бы почти неприлично. Секунданты Префанье, съ растроганнымъ взглядомъ, заявили, что тронуты, убѣждены, побѣждены.

Старикъ былъ чувствителенъ къ этой уступкѣ.

— Мы требуемъ шпагу, — пробормоталъ онъ.

И, соревнуя въ уступчивости, взглянулъ на Альфонса, растаявшаго отъ добраго согласія, царствовавшаго между ними, съ видомъ поощренія, какъ бы говоря: развѣ вы предпочитаете другое оружіе, cher monsieur?

И вотъ тутъ-то Жакъ почувствовалъ желаніе выдвинуться впередъ и пустилъ въ ходъ замѣчаніе, слышанное имъ когда-то отъ компетентныхъ людей:

— Пистолетъ всегда жестокъ или смѣшонъ.

Старикъ графъ, повидимому, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Граціозная меланхолическая улыбка появилась у него на лицѣ и глаза оживились мечтой, отъ которой онъ какъ бы помолодѣлъ, перенесенный въ чудное прошлое, богатое дуэлями на пистоле-

тахъ, въ которыхъ онъ являлся щеголеватымъ и балованнымъ секундантомъ.

Альфонсъ поймалъ на-лету это выраженіе. Ему представился случай защитить вопросъ, симпатичный его галантному противнику, и проучить досаднаго партнера.

— Жестокъ, согласенъ, — проговорилъ онъ, — но далеко не смѣшонъ! Повончимъ разъ навсегда съ этой готовой фразой. Развѣ солдатъ, возвращающійся съ поля битвы невредимымъ, смѣшонъ? Между тѣмъ онъ не стоялъ на немъ недвижимъ и прямъ какъ свѣча, терпѣливъ какъ живая цѣль, въ ожиданіи того, что въ него выстрѣлятъ въ тридцати шагахъ. Нѣтъ, солдатъ не смѣшонъ, возвращаясь домой цѣль и невредимъ, даже хотя бы онъ и прятался за дерево или за земляную насыпь отъ непріятеля, находившагося иногда за четверть мили. А если такъ, то какъ же смѣютъ смѣяться надъ тѣми, которые подчиняются правиламъ — болѣе строгимъ и грознымъ — поединка!

— Хорошо! очень хорошо! — казалось, говорилъ графъ кивками головы.

А капитанъ Константиновичъ неопредѣленно и благосклонно улыбался, конечно, потому, что тоже одобрялъ краснорѣчивую защиту пистолета.

Въ виду этого Жакъ пробормоталъ, сконфузясь и желая загладить свое глупое вмѣшательство:

— О! лично у меня нѣтъ никакого предубѣжденія противъ пистолета!

Съ другой стороны, Брюнъяну показалось, что краснорѣчивая рѣчь инженера клонила къ тому, чтобы добиться уступки относительно оружія. Онъ говорилъ себѣ, что за вѣжливость слѣдуетъ заплатить вѣжливостью. Ему уступили по первому пункту; онъ уступить по второму.

— Боже мой! — пробормоталъ Брюнъянъ: — сознаюсь, что, въ сущности, вопросъ о томъ, кто оскорбленъ, всегда бываетъ очень щекотливъ. Кто зачинщикъ? какъ это рѣшить! Это очень хитро... Поэтому при существующемъ сомнѣніи, я не вижу, почему намъ не предоставить этимъ господамъ драться на пистолетахъ.

Намѣреніе одолжить ясно сквозило въ этихъ словахъ. Опять-таки Альфонсъ и Жакъ не захотѣли остаться въ долгу, в скромнымъ позатиемъ плечъ заявили, что не видятъ также, что могло бы этому помѣшать.

— Значить, на пистолетахъ?

Употребленіе этого оружія было, наконецъ, рѣшено, а также

и то, что будутъ стрѣлять по командѣ разомъ и на двадцати-пяти шагахъ разстоянія.

— Это разумная дистанція, — увѣрялъ старикъ.

— Отличная дистанція! — подтвердилъ вѣжливо Жакъ.

Альфонсъ предложилъ, чтобы только двѣ пули были обмѣнены. Графъ и капитанъ совѣщались взглядомъ.

— Хорошо! двѣ пули.

Уладивъ эти условія, въ общему удовольствію, нужно было еще регулировать нѣсколько другихъ пунктовъ.

— Какъою вашъ день? — спросилъ Альфонсъ радушно.

Тутъ Брюньянъ смутно припомнилъ, что кліентъ его желалъ отсрочки.

— Послѣ-завтра, — отвѣчалъ онъ, — если вы съ этимъ согласны, господа.

— Очень хорошо, господа, въ субботу.

— Можетъ быть, вы бы предпочли завтра, господа?

— Нисколько... такъ послѣ-завтра.

— Или завтра?

— Послѣ-завтра или завтра.

И скорѣе эхо въ комнатѣ, нежели голосъ одного изъ парламентаровъ, помѣшавшихся на уступкахъ, рѣшило произвольно на послѣднемъ, словѣ: завтра!

Послѣ того четыре секунданта съ спокойной совѣстью, яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ составили протоколъ, гдѣ свидѣтельствовалось, что, истощивъ всѣ средства къ примиренію, они рѣшили сойтись для поединка завтра, на пистолетахъ, въ часъ пополудни на берегу Сартрувиля.

Капитанъ Константиновичъ заявилъ о своемъ присутствіи лишь монументальнымъ росчеркомъ, за который получилъ вучу комплиментовъ, благодаря взаимной потребности секундантовъ выражать другъ другу наилучшія чувства.

Послѣ того, любезно раскланявшись, съ остаткомъ церемоніала уже далеко не столь натянутого и холоднаго, какъ въ началѣ свиданія, секунданты простились другъ съ другомъ. Горячія рукопожатія свидѣтельствовали о взаимномъ удовольствіи, доставленномъ знакомствомъ; можно было заключить, что какъ бы ни кончилась дуэль для сторонъ, секунданты останутся въ отличныхъ отношеніяхъ между собой и сохранять пріятнѣйшее воспоминаніе объ этомъ свиданіи.

Въ продолженіе длиннаго совѣщанія, Префанье, приложивъ ухо

въ перегорождѣ, тщетно старался уловить кое-что изъ ихъ переговоровъ. Онъ изнывалъ среди безмолвія и одиночества.

Поэтому, войдя къ нему и увидя его вытянутое лицо, оба пріятеля постарались скрыть кокетливую улыбку, притавившуюся въ углахъ губъ.

— Ну, старина, все улажено!—сказалъ Альфонсъ, разглаживая локтемъ ворсъ шляпы.

Хотя свѣденіе было и неопредѣленное, но Префанье понялъ, что дуэль состоится.

Онъ этого ждалъ; онъ зналъ, что она неизбежна, и все-таки очень взволновался.

Жакъ, боясь, какъ бы его кліентъ не спасовалъ, попытался ободрить его:

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—все это пустяки, и такъ и слѣдуетъ считать пустяками!

И принудилъ себя засмѣяться.

Префанье былъ возмущенъ этой кажущейся веселостью, или, вѣрнѣе, удивленъ. Какъ могли быть люди въ мірѣ, которые могутъ еще смѣяться?

И однако онъ успѣлъ справиться съ собой. И машинально проговорилъ вопросъ:

— Вамъ не дѣлали никакихъ затрудненій?

— Никакихъ, никакихъ! Все шло какъ по маслу... Но только, старина, дуэль на пистолетахъ.

— Какъ? но вѣдь я вамъ... но, чортъ побери...

Префанье упалъ на стулъ, не въ силахъ продолжать, задохнувшись отъ бѣшенства, давно уже копившагося и теперь готоваго излиться при первомъ случаѣ.

Смущенные Альфонсъ и Жакъ терялись въ догадкахъ о причинахъ, по которымъ взялъ верхъ пистолеть. Они не нашли даже никакого объясненія. Однако, чтобы оправдаться, съ общаго согласія, стали утверждать:

— Эти господа потребовали, чтобы дуэль была на пистолетахъ... Впрочемъ мы должны сознаться, что вообще эти господа были очень уступчивы.

Префанье послѣ цѣлаго ряда бѣшенныхъ жестовъ остался безгласенъ и подавленъ. Эти манеры вскорѣ истощили терпѣніе его обоихъ пріятелей, которые въ послѣднія три-четверти часа, какія длилось предыдущее свиданіе, растратили бдльшій запасъ добродушія, чѣмъ сколько полагается по сантиментальной экономіи. Равновѣсіе должно было возстановиться. Въ силу давности дружескихъ отношеній съ Префанье, они чувствовали себя свобод-

ними отъ той уступчивости, какую проявляли относительно графа Брюньяна и капитана Константиновича.

— Ну, вотъ еще!—закричалъ Жакъ:—если ты хотѣлъ сохранить выборъ оружія, то не долженъ былъ брать роли оскорбителя.

— Да, — подтвердилъ инженеръ:—зачѣмъ ты далъ ему пощечину?

Префанье сжималъ лобъ обѣими руками. Онъ жалобно протестовалъ:

— Но вѣдь самъ же ты, Жакъ, сегодня по утру говорилъ мнѣ, что сдѣлалъ бы то же самое; вѣдь говорилъ ты это, не правда ли?

— Я говорилъ это, чтобы отвязаться. Ты надождалъ мнѣ, шоп срег, съ своимъ: „что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ?“ Во всякомъ случаѣ я былъ бы не такъ глупъ, какъ ты.

— Это вѣрно, — замѣтилъ Альфонсъ:—когда сознаешь, что поступилъ глупо, то особенно настаиваешь на томъ, чтобы всѣ признали, что ты поступилъ умно.

Префанье не слушалъ. Дергая свои маленькіе взъерошенные усики, онъ бормоталъ съ досадной и идиотической настойчивостью:

— На пистолетахъ я пропагъ!

Наконецъ, Альфонсъ, оскорбленный въ своемъ секундантскомъ самолюбіи, грубо закричалъ:

— Если тебѣ предстоитъ пропасть, то ты упадешь и на шпагахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—протестовалъ Префанье, и какъ ребенокъ забормоталъ:—я хотѣлъ драться на шпагахъ, я хотѣлъ драться на шпагахъ!

Тогда Жакъ положилъ ему руку на плечи и, ласково поглядѣвъ на него, воззвалъ къ его дружбѣ:

— Послушай: ты съ нами очень нелюбезенъ. Это нехорошо съ твоей стороны. Мы старались, какъ умѣли.

— Оставь его,—перебилъ Альфонсъ,—я бы желалъ, чтобы онъ былъ на нашемъ мѣстѣ; мы бы поглядѣли, какъ-то бы онъ справился, хитрецъ этакій, ловкій человѣкъ.

Подъ вліяніемъ этихъ двойственныхъ упрековъ, Префанье пришелъ немного въ себя.

— Простите меня,—вдохнулъ онъ, протягивая имъ руки:—я благодарю васъ!.. Остальное меня касается. Я пойду предупредить доктора и нанять варету.

— Большое ландо, не правда ли?—посоветовалъ Альфонсъ.—И хорошихъ лошадей. Мы выѣдемъ отсюда въ двѣнадцать часовъ, завтра.

— Какъ? — вскричалъ Префанье: — завтра? я просилъ въ субботу.

На этотъ разъ его секунданты удовольствовались пожатіемъ плечъ, означавшимъ:—Ради Бога! неужто опять будетъ сцена?

Префанье вновь почувствовалъ приливъ бессильной злости, желаніе ото всего отказаться, уѣхать куда-нибудь. Но онъ окончательно овладѣлъ собой.

И вотъ вдругъ онъ почувствовалъ большое облегченіе въ своемъ сердцѣ. Онъ былъ доволенъ своимъ мужествомъ, относительно котораго питалъ тайныя и частыя сомнѣнія, и которыя разсѣялись въ его глазахъ благодаря тому, что онъ вышелъ побѣдителемъ изъ опаснаго положенія.

Когда они спустились съ лѣстницы, Жакъ сказалъ Альфонсу:

— Какъ ты думаешь, не лучше ли пригласить хирурга, а не обыкновеннаго врача?.. Видишь ли, *mon cher*, пистолеть — дѣло не шуточное!..

— О! не совѣтую тебѣ возвращаться наверхъ изъ-за этого. Нашъ бѣдный другъ все такъ плохо принимаетъ въ настоящую минуту.. Онъ, можетъ быть, самъ догадается... И притомъ хирурговъ мы найдемъ, сколько угодно, вернувшись въ Парижъ.

И на порогѣ Альфонсъ прибавилъ, пожимаясь отъ холода въ сюртукѣ:

— Я захвачу съ собой пальто... Знаешь, за городомъ...

IV.

Переѣздъ.

Когда лакей пришелъ доложить, что карета дожидается у подъѣзда, Земпахъ завтракалъ за столикомъ въ клубѣ *Cosmopolite* вмѣстѣ съ своими секундантами и клубнымъ докторомъ.

— Не пейте кофе, — совѣтовали ему. — Кофе разстраиваетъ нервы безъ всякой пользы.

За завтракомъ Земпахъ былъ молчаливъ, поглощенный желаніемъ поскорѣе покончить со всѣмъ этимъ. Онъ поворился пистолету, какъ поворился бы кистеню или томагавку, лишь бы поскорѣе отдѣлаться.

Когда всѣ четверо были готовы къ отъѣзду, нѣкоторые члены клуба, немногочисленные въ такой ранній часъ, но прекупрежденные метрдотелемъ о томъ, что готовилось, пришли по-

жать руку Земпаху и его товарищамъ. Сами дежурные гарсоны, съ напомаженными волосами и прямымъ проборомъ, выражали на лицахъ таинственную преданность и скромность. Старый клубный завсегдатай позволилъ себѣ даже пробормотать: „Желаю вамъ удачи“, на ухо графу Брюньяну, который отвѣчалъ: „Merci!“ съ самымъ непринужденнымъ видомъ.

Наконецъ, двинулись въ путь. На углу улицы Ройяль остановились у одного оружейника, чтобы захватить заказанный ящикъ съ пистолетами. Затѣмъ лошади поѣхали сворой рысью, къ великому удовольствію Земпаха, по направленію къ Елисейскимъ полямъ.

Было свѣжее весеннее утро. Мартовское солнце пылало, круглое и красное, сквозь неподвижную дымку бѣлаго тумана, стоявшаго въ верхнихъ слояхъ атмосферы. На вѣткахъ каштановъ наливались почки, зеленые и блестящія. Подъ деревьями, нѣсколько кормилицъ уже гуляло молодцоватой походкой, представляя разноцвѣтнымъ лентамъ своихъ чепцовъ развѣваться по вѣтру. Унылый взоръ Земпаха съ бессознательной завистью впирался въ свертки неопредѣленной формы, закутанные и подъ вуалями, которые эти женщины носили на рукахъ, съ заботой, приличной таинственному и священному хранилищу жизни.

Разговоръ, несносный и вздорный, шелъ между Брюньяномъ и докторомъ, жирнымъ человѣкомъ въ очкахъ и съ отвислыми щеками. Оба припоминали другъ другу различныя дуэли, въ которыхъ каждый участвовалъ по своей спеціальности. Графъ обсуждалъ выгоды и невыгоды различныхъ приемовъ, употребляемыхъ на поединкахъ. Онъ приводилъ различныя примѣры. Часто докторъ вынужденъ былъ его оспаривать. И роковымъ образомъ одинъ судилъ съ точки зрѣнія вѣрности прицѣла или мѣткости удара, а другой—характера наносимыхъ ранъ. Пистолетъ и зондъ соперничали другъ передъ другомъ.

Эти разговоры непріятно дѣйствовали на Земпаху, и онъ повелъ широкими плечами, чувствуя, какъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Капитанъ, сидѣвшій напротивъ его, замѣтилъ это движеніе и поднялъ стекло въ дверцѣ.

Земпахъ почувствовалъ порывъ симпатіи къ этому человѣку, по крайней мѣрѣ молчаливому. Взглядомъ онъ поблагодарилъ прекрасные голубые и неопредѣленные глаза, блуждавшіе сквозь дымъ восточной папироски. Заглядѣвшись, въ свою очередь, на дымъ, Земпахъ вскорѣ вообразилъ, что нѣкотораго рода судорога, которую онъ испытывалъ подъ ложечкой, происходитъ отъ табаку. Онъ поблѣднѣлъ и попросилъ капитана погасить папироску, и тотъ немедленно исполнилъ его желаніе.

Теперь Земпахъ, настроеніе котораго безпрестанно мѣнялось, находилъ, что карета, съ тѣхъ поръ какъ она ѣхала шагомъ, двигается черезъ-чуръ быстро. А докторъ какъ разъ разсказалъ анекдотъ про сломанное колесо при такихъ же обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего предполагавшаяся дуэль не состоялась, и Земпахъ лихорадочно пожелалъ, чтобы случилось нѣчто подобное и теперь. Но вотъ старикъ графъ, глаза котораго засвѣтились лукавствомъ, сталъ излагать средства, которыя онъ употребилъ бы въ подобномъ случаѣ, для того, чтобы дѣло даже не затянулось. Тогда Земпахъ пожелалъ другой случайности — внезапной смерти своего дьявола-секунданта.

Этотъ послѣдній приступилъ теперь къ перечисленію эксцентрическихъ дуэлей, находя, безъ сомнѣнія, нужнымъ оправдать славу веселаго секунданта, умѣющаго въ послѣднюю минуту приободрить кліента неотразимо забавными шутками.

— Вообразите, — восклицалъ онъ въ концѣ разсказа, — что пистолеты были заряжены пробками отъ шампанскаго... Ха, ха, ха!

Докторъ засмѣялся, Константиновичъ улыбнулся.

Земпаху удалось только скривить губы въ гримасу. Онъ представилъ себѣ теперь вполне ясно ожидающую его сцену: пистолетъ противника, направленный въ него. И сознавался про себя, что дѣйствіе будетъ потрясающее, даже еслибы ему повлялася самой страшной клятвой, что пуля изъ пробки вылетитъ изъ этого маленькаго круглаго отверстія, глубокаго и трагическаго.

Лошади, спускаясь по проспекту Великой-Арміи, быстрѣе побѣжали. Около тротуара они чуть было не раздавили мальчишку, достававшаго волчокъ, упавшій въ лужу.

— О! болванъ! — закричалъ докторъ: — вотъ такъ болванъ!

И даже у молчаливаго Константиновича вырвалось восклицаніе.

Съ своего мѣста Земпаху видѣе всѣхъ было, какъ маленькое существо, чистенькій и хорошенькій блондинчикъ, на волосокъ былъ отъ смерти. Но онъ остался невозмутимъ. Естественный эгоизмъ, какъ увеличительное стекло, собиралъ всѣ лучи жалости вокругъ его собственной особы.

Веселый тонъ, которымъ велись около него разговоры, только пуще омрачалъ его. Онъ удостовѣрился при столкновеніи съ этими равнодушными людьми, до какаго полнаго одиночества довела его разсѣянная жизнь. Онъ мысленно увидѣлъ своихъ ближнихъ, тѣхъ, которые любили его, вдалекѣ, въ Кольмарѣ; добрые люди, они и не подозревали ничего, и имъ написалъ онъ нѣсколько писемъ, въ прошлую ночь, и эти письма теперь лежали у него на пись-

менномъ столѣ. Земпахъ увидѣлъ себя на смертномъ одрѣ, возлѣ котораго его лакей смачивалъ кончикомъ языка конверты, чтобы отправить ихъ на почту. И мало-по-малу языкъ непомѣрно выросъ въ его глазахъ и почернѣлъ, какъ языкъ повѣшеннаго, и вся природа, казалось, ждала наступленія царства смерти.

Земпахъ вышелъ изъ этого похороннаго бреда, но лишь затѣмъ, чтобы болѣзненно позавидовать участи своего противника, котораго онъ представлялъ себѣ окруженнымъ въ настоящую минуту заботливостью, ласкою, поддержкою двухъ истинныхъ друзей. И вотъ онъ, законодатель свѣта, Альфонсъ Ормель, Жакъ Бернуаръ, съ которыми онъ такъ часто стрѣлялъ куропа-токъ, игралъ въ карты, проводилъ время въ удовольствіяхъ, вскорѣ предстануть передъ нимъ строгіе, враждебные, непримиримые, и примутъ всѣ мѣры, пригодныя для того, чтобы спровадить его на тотъ свѣтъ. Да! таковъ законъ! все прахомъ пошло: всѣ эти „cher“, „mon cher“, „très cher“, которыми они величали другъ друга. И эти люди, которые черезъ нѣсколько минутъ приложатъ всѣ старанія къ тому, чтобы его убили предпочтительнѣе передъ его противникомъ—эти люди, на языкѣ парижскихъ отношеній, назывались „его пріатели“!

Въ этотъ мигъ Земпахъ заглянулъ въ одну изъ тѣхъ темныхъ безднъ, надъ которыми витаетъ общество.

А Префанье-то! Префанье! Ужъ онъ-то не былъ ли *другомъ* въ истинномъ значеніи этого слова, въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ на всѣхъ человѣческихъ языкахъ? Въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ его памяти Префанье былъ связанъ съ нѣжными воспоминаніями. Земпахъ подавилъ двѣ слезы, готовыя выкатиться изъ глазъ и вызваннаго общимъ разстройствомъ нервовъ, хотя бы онъ не могъ сказать, потому ли онъ плачетъ, что готовится убить Префанье, или потому, что готовится получить отъ него смертельный ударъ.

Разговоръ графа съ докторомъ, въ которомъ только и рѣчи было, что объ убійствѣ, продолжался. Земпахъ въ своемъ умиленіи замѣтилъ на лицѣ Константиновича удрученное выраженіе, которое принялъ за знакъ соболѣзнованія.

— Капитанъ, — сказалъ онъ, чтобы заявить о своемъ спокойствіи, — теперь уже я у васъ попрошу папироску. Я не знаю, чтд со мною сейчасъ было...

Глаза капитана заблестѣли. Онъ съ поспѣшностью вынулъ металлическій ящикъ изъ кармана и щедро одѣлилъ всѣхъ табаккомъ. Чѣмъ онъ сейчасъ огорчался? участію Земпахъ или тѣмъ, что не можетъ курить? или еще одной изъ тѣхъ мыслей, кото-

рыя Богъ вѣсть откуда приходятъ и отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться, пока кто-нибудь не попроситъ у васъ папироски или не спроситъ: который часъ?

Проѣхавъ мостъ Неллы, карета снова поѣхала въ гору и шагомъ. Земпахъ закрылъ глаза, и тотчасъ же лицо Префанье встало передъ нимъ, улыбающееся, дружеское. Тщетно пытался онъ увидѣть его въ роли врага. Передъ нимъ неотразимо вставалъ тотъ Префанье, котораго онъ зналъ до пощечины. О! еслибы онъ, послушавшись добрыхъ совѣтовъ, рѣшился извиниться, такъ... чуть-чуть... слегка... одного слова было бы довольно! какъ бы Земпахъ уважалъ его! и какими бы извиненіями онъ самъ отвѣтилъ на это!

Но почему же такъ стоять за эту формальность? Развѣ потому, что оскорбленіе было публичное? ради удовольствія незнакомыхъ людей, находившихся тамъ случайно?

— Ну, что еслибы онъ далъ мнѣ пощечину одинъ-на-одинъ, — спрашивалъ себя Земпахъ, — въ своей комнатѣ или въ моей, развѣ бы я потребовалъ отъ него удовлетворенія оружіемъ? Да, разумѣется, — отвѣчалъ вяло внутренней голосъ. Другой голосъ диктовалъ ему весьма достойное письмо, какое онъ могъ написать: — „Вы понимаете, милостивый государь“... Нѣтъ... „Послѣ того, что произошло, милостивый государь“... Нѣтъ, это опять не то... не такъ поступилъ бы онъ, еслибы имѣлъ время на размышленіе... „Милый другъ, я думаю, что на тебя нашло временное умоизступленіе“... Да, это именно то, что нужно. Какъ же онъ этого не сдѣлалъ? Что будетъ, если онъ убьетъ своего друга? А его семейство, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ второй сынъ!.. Отецъ Префанье, его мать, сестра... Ахъ! лучше ужъ самому быть убитымъ!

Быть убитымъ! превратиться въ неподвижный и холодный трупъ... Боже мой, Боже мой! какое положеніе! и ради чего? ради кого?

Тутъ дерзкій и неясный силуэтъ ш-ше Ормель пронесся въ смутной дали мимо глазъ молодого человѣка, въ которые ударилъ солнечный лучъ на поворотѣ дороги.

Ландо свернуло на дорогу слѣва отъ цоколя, на которомъ стоитъ статуя Наполеона I. Тамъ оно обогнало другое ландо, запряженное парой лошадей сѣрыхъ въ яблокахъ, совсѣмъ захавшихся. Земпахъ, раскрывъ глаза, смутно увидѣлъ передъ собой руки и шляпы спутниковъ, салютовавшихъ врага мимоходомъ.

— Я спалъ, — пробормоталъ онъ. — Что, это онъ?

— Да! — отвѣчалъ графъ въ восхищеніи.

И, высунувшись из дверцы, прибавил:

— Bravo! они ѣдут позади насъ. Все произойдетъ порядкомъ. Дѣло не затянется.

Вывставивъ руку, онъ дружески размахивалъ ею, что обозначало:—здравствуйте! здравствуйте! сейчасъ, сейчасъ приступимъ.

Внутри второй кареты пассажиры были довольно угрюмы.

Префанье въ глубинѣ, напротивъ Жака, возсѣдалъ рядомъ съ хирургомъ, единственная забота котораго была: удастся ли ему вернуться въ Парижъ въ три часа? На колѣняхъ этого послѣдняго стоялъ высокій ящикъ изъ чернаго сафьяна съ инструментами.

На колѣняхъ Жака стоялъ болѣе крупный и плоскій ящикъ съ пистолетами.

Видимое уныніе Земпаха глубоко смутило его обидчика.

Префанье въ настоящую минуту оплакивалъ свою запальчивость и ея отвратительныя послѣдствія. Онъ почти завидовалъ судьбѣ бѣдняковъ, жалкія лачуги которыхъ окаймляли края дороги, нищихъ, трипичниковъ и другихъ, у которыхъ всѣ отношенія строятся на постоянномъ рискѣ, а драка не мѣшаетъ быть пріятелями.

Взглянувъ на Ормеля, онъ подумалъ о его женѣ. У него стало тепло на сердцѣ, и какое-то мимолетное ощущеніе радости пробѣжало по немъ при мысли, что онъ предстанетъ здоровъ и невредимъ и побѣдителемъ передъ Мерседесой. Онъ прогонялъ мысль объ участи, которая ожидала въ такомъ случаѣ Земпаха: онъ не хотѣлъ думать объ этомъ, а только о томъ, что ожидало его самого при благоприятномъ для него исходѣ дуэли.

И тутъ вдругъ ему припомнилось одно изъ условій дуэли и показалось страннымъ.

— Мы должны обмѣняться двумя пулями,—замѣтилъ онъ:—это значить, что каждый выстрѣлитъ одинъ разъ?..

— Само собою разумѣется,—авторитетно отвѣтили оба секунданта.—Это обычная формула.

Чтобы доказать, что онъ сказалъ вовсе не глупость, Префанье сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе, о которомъ вскорѣ пожалѣлъ:

— Мнѣ кажется тогда, что было бы лучше опредѣлить, что обмѣняются *одной* пулей... Пуля противъ пули. А иначе неясно. Такъ, напримѣръ, когда говорятъ, что обмѣняютъ два франка, то это значить, что обмѣняютъ ихъ на сорокъ су, а не одинъ франкъ на двадцать су.

Альфонсъ и Жакъ сначала прислушивались, а затѣмъ и смутились.

— Въ концѣ концовъ,—продолжалъ Префанье,—въ вашей головѣ нѣтъ никакого сомнѣнiя: пафъ! пафъ! вотъ и все?

— По крайней мѣрѣ,—отвѣчалъ Альфонсъ съ колебанiемъ,—мы это самое имѣли въ виду...

Жакъ повернулся вопросительно къ хирургу, который объявилъ, что не считаетъ себя компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ.

— Но,—настаивалъ Префанье, вдругъ встревожась не на шутку,—извѣстно ли вамъ, что и другiе такъ поняли?

— Ахъ, нѣтъ!

— Во всякомъ случаѣ, если понадобится, то вы выѣшаетесь... вы не позволите вторично заряжать pistols?

Секунданты, сбитые съ толку, колебались дать требуемое обѣщанiе. Но должны были, однако, на это рѣшиться, чтобы успокоить своего клиента. Но въ то же время перемигнулись другъ съ другомъ съ такимъ видомъ, который говорилъ:—увидимъ тамъ; сдѣлаемъ, какъ придется; не станемъ же мы, однако, дѣлать изъ себя посмѣшище!..

Теперь дорога шла на необозримое пространство между двухъ насыпей, на которыхъ тамъ и сямъ росла пыльная трава, которую трепала вѣтеръ. Время отъ времени нагоняли или встрѣчали телѣги огородника, который, срывивъ насмѣшливо ротъ, искося поглядывалъ на парижскихъ кучеровъ и нисколько не сомнѣвался въ назначенiи экипажей, ѣхавшихъ гуськомъ съ полагавшимся по уставу числомъ восьми человекъ буржуа. Никто изъ этихъ простолюдиновъ не удостоивалъ оглядываться на проезжающихъ, чего бы не преминулъ сдѣлать при встрѣчѣ съ любымъ военнымъ фургономъ. Но штатская воинственность мало трогаетъ этихъ людей, шествующихъ въ узкой колеѣ обязательныхъ бѣдъ; они признаютъ только воинственность армiи, въ которой имъ приходится служить и поставлять пушечное мясо.

Бродячая собака, которую дразнилъ кончикомъ бича кучеръ, съ ожесточенiемъ бѣжала за каретой Префанье и лаяла. Префанье разсердился на кучера и рѣзко прокричалъ ему:

— Я вамъ запрещаю мучить это животное!.. Лучше хлещите своихъ одровъ!..

И такимъ образомъ, онъ находилъ дурнымъ дразнить собаку и хорошимъ—бить лошадей. Поверхъ машинальнаго дѣйствiя его чувствъ, тревога, возбуждаемая дуэлью, поднималась и опускалась, какъ молотокъ, задѣвая его мозгъ и грозя его раздавить.

Точно такъ, по мѣрѣ того, какъ приближалась развязка, тре-

вога у Жака усиливалась отъ мысли, какъ бы ему не пришлось драться вмѣсто Префанье. Кромѣ того, онъ прочиталъ наканунѣ въ трактатѣ о дуэли запутанную фразу, которая его преслѣдовала: „если одинъ изъ бойцовъ,—говорилось въ ней,—выстрѣлилъ по третьему разу, а противникъ продолжаетъ цѣлиться, секунданты должны броситься, на свой собственный рискъ и страхъ, между противниками и заставить ихъ положить оружіе“. При этой перспективѣ худая фигура Жака скорчилась еще сильнѣе.

Что касается Альфонса, то иная забота, но очень сильная, владѣла имъ. Онъ не разъ высовывался изъ дверцы и оглядывалъ горизонтъ со стороны Парижа.

— Чтò ты ищешь? — спрашивать Префанье, который, будучи самъ въ волненіи, откликался на всякія тревоги.

— Ничего, ничего.

Но, по правдѣ сказать, инженеръ боялся появленія вдали маленькаго купе и въ немъ дамочки, присутствіе которой будетъ противно всѣмъ правиламъ поединка.

Дѣйствительно, вечеромъ наканунѣ, m-me Ормель, желавшая узнать всѣ подробности дуэли, такъ приставала къ мужу, что довела его до отчаянія. Онъ путался, противорѣчилъ себѣ, признался, что дерется не Бернуаръ, какъ онъ говорилъ сначала, а Префанье; спрошенный о причинѣ дуэли, онъ изъ самолюбія притворился, что не хочетъ назвать женщину, имени которой онъ по-просту не знаетъ. Короче сказать, онъ напустилъ на себя такую таинственность, что Мерседеса, уставъ ломать голову, вдругъ вскричала:—ты лжешь, ты самъ дерешься!

— Безумная! пріѣзжай и погляди сама,—отвѣчалъ онъ, обрадованный и польщенный, хотя, конечно, въ шутку.

Но теперь Альфонсъ размышлялъ, что совсѣмъ напрасно открылъ тайну мѣста поединка, потому что съ такой бѣдвой головой, какъ m-me Ормель... И вотъ непрестанно и съ трепетомъ ожидалъ онъ появленія маленькой черной точки на горизонтѣ.

Когда, за лѣсомъ Везинѣ, достигли берега Сены, Префанье вдругъ пошарилъ въ карманѣ. Онъ вытащилъ два письма и поглядѣлъ на адреса; послѣ того протянулъ одно инженеру, который прочиталъ: „Моему отцу“.

Альфонсъ немедленно понялъ, чтò означало это письмо, но изъ деликатности придалъ себѣ вопросительный видъ.

— Это порученіе, которое я даю тебѣ на тотъ случай, еслибы со мной случилась бѣда...

— Вотъ глупости!—отвѣтилъ Альфонсъ, тѣмъ не менѣе, тронутый.

Другое письмо, конвертъ котораго не былъ запечатанъ и на немъ не стояло никакого адреса, Префанье довѣрилъ Жаку, который, въ свою очередь, прибинулся удивленнымъ и, наклонясь къ уху послѣдняго, шепнулъ:

— Ты раскроешь мой портфель, возьмешь въ немъ билетъ въ тысячу франковъ и отвезешь къ Эдвигъ съ этой запиской.

Послѣ чего Префанье извинился за это a parte передъ своимъ другимъ другомъ, проговоривъ съ блѣдной улыбкой:

— Ты человекъ степенный, я не могу припутывать тебя къ своимъ холостымъ интрижкамъ...

Онъ повиновался какому-то смутному чувству стыда, уваженія къ m-me Ормель, не произнося при ея мужѣ, который до нѣкоторой степени представлялъ ее, имя такой знакомой, которая не могла претендовать на уваженіе.

— Дурачокъ!—пробормоталъ Жакъ, схвативъ обѣ руки Префанье, которая съ силой потрясъ и выпустилъ лишь за тѣмъ, чтобы потереть свои рѣдкія рѣсницы, зачесавшіяся отъ волненія.

V.

Мѣсто поединка.

Кареты остановились на позиціи, выгоды которой были тотчасъ же оценены графомъ де-Брюньянъ, при первомъ взглядѣ, брошенномъ этимъ главнокомандующимъ частныхъ боевъ.

Обѣ партіи вышли изъ экипажей. Всѣ раскланялись другъ съ другомъ. Земпахъ и Префанье, каждый прислонясь къ своей каретѣ, избѣгали смотрѣть одинъ на другого и съ упорствомъ разсматривали противоположный берегъ, на которомъ толпа рабочихъ тянула барку подъ монотонный, протяжный и жалобный напѣвъ.

Доктора уже вступили въ бесѣду.

Послѣ обмена первыхъ вѣжливостей, хирургъ заявилъ о необходимости для него вернуться въ тремъ часамъ обратно въ Парижъ. Врачъ клуба „Космополитъ“ увѣрялъ его, что онъ поспѣетъ навѣрное, и замѣтилъ:

— Эге! вы привезли инструменты... Я никогда ничего не беру съ собой.

И онъ засунулъ руки въ карманы какъ бы затѣмъ, чтобы

показать, что, благодаря этой предосторожности, у него руки ничѣмъ не связаны.

Какъ скоро четверо секундантовъ перездоровались, графъ де-Брюньянь снялъ пальто. Остальные послѣдовали его примѣру, несмотря на сырость, которая неслась отъ рѣки. Послѣ того старикъ, идя впереди, точно главнокомандующій въ сопровожденіи главнаго штаба, сталъ прискивать вполнѣ пригодное мѣсто.

Онъ былъ тутъ какъ у себя дома, спокойный, толковый знатокъ топографіи. — Здѣсь, — говорилъ онъ, — почва не ровна; тамъ кусты образовали бы родъ рамы вокругъ бойца, и это было бы для него невыгодно, между тѣмъ какъ другому солнце падало бы прямо въ глаза.

Его слушали съ благоговѣйнымъ вниманіемъ.

Наконецъ, старикъ объявилъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ еслибы дѣло шло о весеннемъ завтракѣ на травѣ:

— Вотъ мѣсто прекрасное, на мой взглядъ, отличное мѣсто, превосходное мѣсто!..

— Превосходное! — подтвердили секунданты Префанье: — превосходное!

И эти восторженные похвалы, донесенныя вѣтеркомъ до дуэлянтовъ, съ нетерпѣніемъ шагавшихъ теперь взадъ и впередъ, привлекли ихъ вниманіе.

— Остается теперь узнать, откуда вѣтеръ? — замѣтилъ графъ.

Альфонсъ и Жакъ постѣжили указать два противоположныхъ направленія, на всякій случай, авось имъ удастся сообщить полезное свѣденіе.

Капитанъ указалъ третью страну свѣта. Но старый знатокъ, съ благородствомъ положивъ указательный палецъ въ ротъ, помахалъ затѣмъ этимъ пальцемъ въ воздухѣ, такъ какъ мокрый — онъ былъ чувствительнѣе къ движенію вѣтра, и объявилъ:

— Вѣтеръ дуетъ съ сѣвера! — и такимъ образомъ всѣхъ примирилъ, такъ какъ на это направленіе никто не указывалъ. — Теперь надо отсчитать шаги... двадцать-пять, не правда ли?..

Графъ ласково повернулся къ Жаку, и какъ военачальникъ, покрытый лаврами, предлагаетъ молодому адъютанту случай отличиться, проговорилъ:

— Не угодно ли вамъ, м-г. Бернуаръ, взять этотъ трудъ на себя.

Жакъ поверсидѣлъ. Внутренній голосъ убѣждалъ его избѣгать всякой выставки, всякой отвѣтственности.

Альфонсъ пришелъ къ нему на помощь, предложивъ, въ цѣляхъ

гуманности, чтобы это дѣло было выполнено капитаномъ, природный компасъ котораго былъ объемистѣе.

Самолюбіе Константиновича было польщено такимъ комплиментомъ. Поэтому онъ постарался какъ можно добросовѣстнѣе отмѣривать шаги. Изъ чувства собственного достоинства, изъ кокетства, онъ воздерживался отъ всякихъ усилій. Онъ отмѣривалъ шаги весьма умѣренные, очень прямые, заботясь главнымъ образомъ объ изяществѣ движеній и походаки. Онъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы шагать естественно, какъ человѣкъ, который гуляетъ и нигуда не спѣшитъ.

Разстояніе, отмѣренное такимъ образомъ, оказалось очень невелико. И, готовясь обозначить его чертой по обѣ стороны, Альфонсъ чуть было не замѣтилъ этого.

Но фізіономія добраго капитана выражала такое удовольствіе, что было бы жестоко и, быть можетъ, неудобно его разочаровывать.

Оружіе и мѣсто были затѣмъ назначены по жребію. Хотя, по существу дѣла, результаты не могли имѣть никакого важнаго значенія, но къ нему приступили съ торжественнымъ волненіемъ.

Самолюбіе секундантавъ было задѣто; это была, такъ сказать, ихъ частная дуэль, борьба взаимной удачи и ловкости.

Альфонсъ бросилъ золотой въ воздухѣ.

— Рѣшетка!—закричалъ Брюньянь.

Выпалъ орелъ.

Графъ поспѣшно подобралъ монету и, въ свою очередь, щелчкомъ подбросилъ ее.

— Орелъ!—сказалъ инженеръ.

Выпала рѣшетка.

Жакъ подбѣжалъ къ ящику съ пистолетами Префанье и, запыхавшись, съ лицомъ чловѣка, сообщающаго добрую вѣсть, объявилъ:

— Мы выиграли оружіе!

Тотъ покачалъ головой, мертвенно-блѣдной, какъ восковыя головы за витринами магазиновъ.

Въ это время графъ говорилъ Земпаху:

— Вамъ принадлежитъ выборъ мѣста; мнѣ въ этомъ всегда везетъ; я всегда выбираю рѣшетку; это наилучшая система.

— Скоро ли?—отвѣтилъ на это его кліентъ.

Пистолеты были заряжены съ щепетильной заботливостью графомъ де-Брюньяномъ.

— Неловкость руки,—объявилъ онъ,—можетъ, когда забываютъ пулю, повредить ее, помѣшать вѣрности прицѣла.

И короткіе удары молотка, которымъ забивались пули, отзывались: тукъ! тукъ! въ сердцѣ пациентовъ.

Насаживая пистонъ, старикъ продолжалъ:

— Это самая щекотливая часть операціи. Если я плохо прилажу мои капсюли, онѣ слабо вспыхнутъ, и у насъ, чортъ возьми, явится осѣчка. А вы знаете, осѣчка идетъ за выстрѣлъ. Ну вотъ, готово!.. Итакъ, если вы хотите, мы приведемъ этихъ господъ. Само собой разумѣется, что они не должны сохранять никакого предмета въ карманахъ. Впрочемъ, даже нашъ долгъ обязываетъ произвести обыскъ.

Альфонсъ былъ вынужденъ подойти къ Земпаху, который, ни слова не говоря, позволилъ ощупать свой торсъ. Пальцы Альфонса дрожали отъ стыда, въ то время какъ, съ опущенными глазами, онъ исполнялъ эту отвратительную должность таможеннаго досмотрщика, для котораго всякіе шансы на спасеніе челоувѣческой жизни превратились въ контрабанду.

Напротивъ того, графъ, осматривая Префанье, который вывернулъ все, что у него было въ карманахъ, на землю, дѣйствовалъ сознательно, рѣшительно, гордясь исполненіемъ обязанности. Онъ нѣсколько разъ ощупывалъ мѣсто, гдѣ портфель можетъ спасти легкія, то, гдѣ часы, кашелекъ, связка ключей могли бы помѣшать пробить внутренности. Увидя, что ничто не могло помѣшать тому, чтобы противникъ его кліента былъ пробитъ пулей, онъ отошелъ довольный.

Послѣ этихъ слабыхъ и наивно-свирѣпыхъ привосновеній морозъ пробѣгалъ по жиламъ Земпаха и Префанье.

Тѣмъ временемъ на противоположномъ берегу Сены, прачка принялась колотить бѣлье, и громкій стукъ ея вальва, подхватываемый эхомъ, какъ бы служилъ отзвукомъ, въ сто разъ преувеличеннымъ, злобщаго стука заряжаемыхъ пистолетовъ.

Ближе раздавались грубые голоса вучеровъ, ожидавшихъ не спѣша и привставшихъ на козлахъ, чтобы лучше видѣть предстоявшее зрѣлище. А время отъ времени лошади, чуя близость воды, издавали жалобное ржаніе, томимыя жаждой.

Наконецъ, дуэлянтовъ поставили на отведенныя имъ мѣста.

Графъ де-Врюньянь съ энергическимъ усердіемъ, которое всегда восхищаетъ въ такомъ старомъ челоувѣѣ, приподнялъ на своемъ кліентѣ воротникъ чернаго сюртука, чтобы прикрыть бѣлую полоску рубашки, могущей служить точкой прицѣла. Онъ выпрямилъ на головѣ его шляпу, которая передъ тѣмъ спускалась ему на глаза. Затѣмъ повернулъ Земпаха, послушаніе котораго производило болѣзненное впечатлѣніе, профилемъ. Онъ при-

нудилъ его повернуть внутрь кончикъ ноги, такъ что сгибъ колѣна подъ острымъ угломъ перемѣстилъ бедро, кость котораго заслонила такимъ образомъ мягкія части живота.

Сдѣлавъ это, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и оглядѣлъ искривленную позу этого несчастнаго тѣла съ удовольствіемъ, какое всегда доставляетъ свое твореніе.

Альфонсъ и Жакъ оставались неподвижными во время этихъ операций. Самоуваженіе не позволяло имъ подражать знатоку, передразнивать его методу и талантъ. Они охотнѣе притворялись, что слѣдуютъ инымъ принципамъ, чѣмъ выказатъ свое невѣжество подобострастнымъ и позднимъ подражаніемъ.

— Ты хорошо стоишь!—увѣрили они своего друга.

Префанье, застѣнчивый, стоя въ неуклюжей позѣ, поблагодарилъ ихъ судорожнымъ движеніемъ лица, которое было не улыбка и не гримаса, но нѣчто очень, очень болѣзненное и горькое.

Пистолеты были вложены въ руки бойцовъ.

— Введите курокъ,—сказалъ Брюньянъ Земпаху.

На этотъ разъ Альфонсъ и Жакъ не поддались ложному стыду.

— Введи курокъ,—повторили они.

Произошла новая проволочка. Старикъ, движимый добросовѣстной заботливостью о клиентѣ, подошелъ къ Земпаху и съ самымъ тонкимъ добродушіемъ во взглядѣ шепнулъ ему:

— По командѣ: „два!“ стрѣляйте, цѣлясь въ поясъ!

И довольный, что оказалъ эту послѣднюю услугу, выполнивъ свое дѣло и совершивъ все добро, на какое его воспитаніе и характеръ были только способны, снова принялъ выраженіе официальной строгости.

— Назадъ, господа секунданты, пожалуйста!—закричалъ онъ, и самъ, въ сопровожденіи капитана, отошелъ на нѣсколько шаговъ.

Въ силу этого совѣта, Альфонсъ и Жакъ поспѣшно отошли отъ друга съ тѣмъ высокомернымъ отсутствіемъ угрызенія совѣсти и съ тѣмъ высшимъ сознаніемъ чувства самосохраненія, какія во всѣ времена должны были характеризовать бѣгство отъ зачумленныхъ.

— О! не зачѣмъ такъ далеко уходить!—замѣтилъ Брюньянъ тономъ снисходительной шутки.

Немного пристыженный этимъ уровнемъ, Альфонсъ сдѣлалъ видъ, что подвинулся, но Жакъ упорно держался на разстояніи нѣсколькихъ метровъ позади его.

— Готовы ли вы?—спросилъ директоръ боя.

Два слабыхъ „да“ отчетливо прозвучали среди безмолвія.

Въ это мгновеніе мысль замерла у Префанье, такъ же какъ и у Земпахъ. По крайней мѣрѣ нельзя было угадать по нимъ, что они думали, какъ этого нельзя угадать и по животнымъ. Ихъ глаза, ихъ ноздри, ихъ челюсти утратили человѣческое выраженіе и выражали одинъ только преобладающій инстинктъ самосохраненія, въ которомъ человѣкъ и звѣрь сливаются въ одно. У нихъ появилась какъ бы маска, гдѣ божественная воля *бытія* прикрывала разнообразіе чертъ и формъ.

Прачка перестала колотить бѣлье и глядѣла черезъ рѣву, приставивъ ко лбу руку въ видѣ козырька. Одна пара лошадей хотѣла-было тронуться съ мѣста, и оба кучера заругались.

Голосъ старика началъ:

— Пли!..

Меньше полминуты протекло въ ожиданіи.

Жакъ одной рукой закрылъ глаза. Теперь, когда онъ былъ освобожденъ отъ всякаго личнаго страха вполне приличнымъ поведеніемъ Префанье, этотъ послѣдній внушалъ ему безконечное сожалѣніе, умиленную благодарность.

Сердце Альфонса билось, точно его сдавила какая-то тяжесть. Онъ тоже не въ состояніи былъ перенести зрѣлища друга въ опасности. Но человѣку до такой степени свойственно отрываться отъ страданія, когда ему представится выходъ, что инженеръ внезапно весь погрузился въ мечтанія, вознаграждавшія его за настоящія страданія. Предположивъ самый худой конецъ, онъ видѣлъ рекламу въ размѣрахъ, пропорціональныхъ бѣдѣ: шумъ въ прессѣ, общественное волненіе... Кто знаетъ, что еще? Быть можетъ, процессъ въ судѣ исправительной полиціи, или нѣтъ, въ уголовномъ судѣ, гдѣ онъ займетъ мѣсто съ высоко поднятой головой, съ гордостью невинныхъ... „Ваше имя и профессія? — Альфонсъ Ормель, г. президентъ, гражданскій инженеръ“... Идея его скакали какъ тѣни въ демоническихъ балладахъ. Онъ увидѣлъ свою фотографію въ юридическихъ журналахъ, и всѣ повторяли: „Знаете, это Альфонсъ Ормель! вы его видѣли?.. И тутъ, помимо воли, онъ сталъ желать трагической развязки. Ему стало стыдно, но онъ подавилъ стыдъ. И чтобы успокоить совѣсть, заставилъ себя надѣяться на то, что жертвой будетъ Земпахъ. Эта комбинація все спасала. Въ сущности, Земпахъ былъ простымъ знакомымъ, какихъ наберется у каждаго нѣсколько десятковъ... просто на-просто шапочное знакомство... И инженеръ устремилъ на Земпахъ, желая видѣть, какъ онъ упадетъ, свои зрачки, расширенные нетерпѣливымъ ужасомъ.

Графъ де Брюньянь очевидно не имѣлъ иныхъ заботъ, какъ точно и вѣрно отсчитать три.

— Разъ!—проговорилъ онъ, хлопая въ ладоши.

Немедленно двойной выстрѣлъ раздался въ воздухъ и прокатился вдоль рѣви.

Лошади взвились на дыбы.

Но никто изъ бойцовъ не упалъ.

Оба противника, неподвижные, держали еще руку поднятой вверхъ. Безъ предварительнаго соглашенія, но по единодушному побужденію, они выстрѣлили на воздухъ. И въ этотъ мигъ съ влажными глазами, расширенными ноздрями, подергивающимся ртомъ, они, казалось, ждали только знака, чтобы броситься другъ другу въ объятія и помириться.

Но честь секундантовъ, гораздо болѣе щекотливая, нежели честь дуэлянтовъ, отнюдь не хотѣла признать себя удовлетворенной.

На лицѣ графа выразилась неумолимая строгость.

— Это еще чтъ за комедія?—заворчалъ онъ.

Капитанъ, внѣ себя, казалось, готовъ былъ заговорить. Альфонсъ притворился, что считаетъ случившееся простой случайностью. Жакъ смутно боялся усложненій. Врачъ и хирургъ пожали плечами, какъ люди, привыкшіе, что ихъ присутствіе людямъ не обходится даромъ. Кучера, повернувшись спиной къ компаніи, снимали попоны съ лошадей и хихихали.

— Само собой разумѣется, нужно заставить ихъ повторить выстрѣлъ,—пробормоталъ графъ.

— Эти господа не претендуютъ на составленіе протокола въ такомъ видѣ... Но такая неправильность захватила меня врасплохъ. Я не знаю, какъ будетъ теперь правильнѣе поступить относительно этихъ господъ и насъ.

Вдругъ воспоминаніе осѣнило инженера.

— Кстати, намъ даже не нужно и спрашивать согласія нашихъ кліентовъ. Послушай-ка, Жакъ, помнишь загадку которую задалъ Префанъ въ каретѣ? Ну, да по поводу двухъ пуль?..

И онъ поспѣшилъ изложить хитроумныя соображенія своего друга, которыя бы самому ему никакъ не пришли въ голову, еслибы тотъ его не надоумилъ. Но эта маленькая измѣна была сдѣлана такъ добросовѣстно, съ такимъ очевиднымъ намѣреніемъ все уладить, что она была простительна.

— Дѣйствительно, это довольно остроумно!—замѣтилъ графъ, который попалъ, благодаря безпримѣрному случаю, въ такое затруднительное положеніе, какового еще не знавалъ во всю свою

секундантскую карьеру.—Ну, господа, по мѣстамъ. Урезонимъ этихъ вѣтрогоновъ!.. Эй! пожалуйста сюда, г. Бернуаръ!..

Въ началѣ этихъ переговоровъ взглядъ послѣдняго, безпокойный и блуждающій, упалъ на портфель Префанье, брошенный его владѣльцемъ на траву, когда его пригласили очистить карманы отъ всѣхъ предметовъ, могущихъ служить охраной. Портфель былъ небольшой, сомнительнаго вкуса, изъ стеганаго атласа, и блестѣлъ на солнцѣ.

Вдругъ Жакъ вспомнилъ объ обязательствѣ, принятомъ имъ на себя: вынуть изъ него тысячу франковъ для Эдвиги, если Префанье будетъ убитъ. Но эта послѣдняя воля была сообщена ему по секрету, на ухо. Какимъ образомъ исполнить онъ ее, когда единственный свидѣтель замолкнетъ на вѣки? Какъ? неужели же ему подвергаться подозрѣнiю, что онъ хочетъ присвоить себѣ имущество человѣка, трупъ котораго еще не остылъ?.. Но вѣдь это оскорбительно, позорно, невозможно!.. О! какъ это онъ о томъ не подумалъ раньше! Чтѣ стоило сказать: дай мнѣ самъ эти тысячу франковъ!

И однако послѣдняя воля друга священна... Боже мой! чтѣ же это будетъ? Нѣтъ другого выхода, какъ начать рыться дрожащими пальцами при свидѣтеляхъ въ портфель покойника или рѣшиться и пожертвовать тысячу франковъ изъ собственнаго кармана... Покорно благодарю!.. Тысячу франковъ!

При этомъ предположенiи кровь бросилась въ голову бѣднаго секунданта и на вискахъ выступилъ потъ. Безразсудный рискъ, которому только-что подвергались его сбереженiя, предсталъ ему во всемъ своемъ ужасѣ. И онъ допустить, чтобы этотъ рискъ повторился по милости этихъ бѣшенныхъ людей. Пора вмѣшаться! Твердая рѣшимость вдругъ овладѣла всѣмъ существомъ Жака, и онъ отвѣтилъ на призывъ, обращенный къ нему:

— Я не согласенъ допустить возобновленiе дуэли.

Брюнганъ и Константиновичъ встрепенулись отъ удивленiя. Первый спросилъ:

— Г. Ормель раздѣляетъ ли мнѣнiе своего товарища?

— Ничуть, господа, ничуть! Напротивъ того, я...

Но въ это мгновенiе вниманiе Альфонса было привлечено микроскопическою точкою на горизонтѣ, которая, быстро увеличиваясь, вскорѣ превратилась для него въ карету. И эта карета, о возможномъ появленiи которой онъ позабылъ, была карета m-me Ормель. Уже слышно было, какъ скрипѣли колеса, ударяясь о камни насыпи. Чепуха грозила отмѣнная.

— Ахъ! да что тутъ!—закричалъ инженеръ.—Я посылаю все къ чорту!..

— Извините,—возразилъ старикъ,—ни капитанъ, ни я не позволимъ обращаться съ собой какъ съ мальчишками; мы приглашаемъ васъ...

Въ свою очередь, графа прервала фигура полевого стража: съ вершины насыпи, бросая длинную тѣнь, появилась вдругъ эта фигура и, приставивъ руку къ глазамъ, въ видѣ возырька, враждебно оглядывала группу зачинщиковъ безпорядка.

Между тѣмъ старый господинъ питалъ непреоборимое отвращеніе ко всему, что нравственно или физически воскрешало въ его умѣ представленіе о законѣ. Это расположеніе, основанное впрочемъ на характерѣ независимомъ и гордомъ, появилось у него еще въ то время, когда онъ не былъ ни Брюньяномъ, ни графомъ.

— Ахъ!—сказалъ онъ:—если еще этотъ субъектъ пожелаетъ впутаться въ дѣло, то я ужъ лучше готовъ все бросить!

— Ну, чтожъ,—предложилъ Альфонсъ, раскрывая записную книжку:—составимъ протоколъ, и дѣлу конецъ...

— Мы его составимъ сегодня вечеромъ въ Парижѣ.

— Да... но видите ли... чтобы вечернія газеты...

— Хорошо! давайте карандашъ.

Графъ составилъ протоколъ, въ которомъ заявлялось, что, „согласно вышеслѣдующимъ условіямъ, двѣ пули были обмѣнены безъ всякаго результата, и секунданты объявили, что честь удовлетворена“.

Единственной поправкой, которую предложилъ Альфонсъ, это чтобы вмѣсто „нижеподписавшіеся секунданты“, проставили: „графъ де-Брюньянъ и капитанъ Константиновичъ съ одной стороны; гг. Альфонсъ Ормель и Жакъ Бернуаръ съ другой...“ Такъ что по этой второй редакціи имена дуэлянтовъ не были упомянуты вовсе, но зато имена секундантовъ были названы дважды, считая подписи.

Во время этихъ операцій недавніе противники, невольно притягиваемые другъ къ другу голосомъ сердца, все не рѣшались взглянуть другъ на друга. Жакъ вмѣшался въ дѣло, уговаривая ихъ и подталкивая, хотя впрочемъ они не особенно упирались.

— Дружище, старый дружище!—воскликнули въ голосъ оба друга, обнимаясь, съ рыданіемъ въ голосъ.

— А что, еслибы намъ удрать!—сказалъ графъ капитану.

— Мнѣ бы тоже очень хотѣлось уѣхать!—проворчалъ хирургъ Префанье.

— Ну, такъ садитесь въ нашу карету. Эти господа привезутъ де Земпахъ, чтобы довершить примиреніе.

Альфонсъ вздохнулъ съ облегченіемъ, такъ какъ отъѣздъ этой первой партіи спасалъ его отъ возможныхъ упрековъ. Онъ бросился на встрѣчу каретѣ м-ше Ормель, которая теперь ѣхала шагомъ и готовилась остановиться неподалеку. Физиономія Альфонса выражала ту одобрительную любезность, которую всякій мужчина пріучается съ теченіемъ времени показывать женщинамъ, отъ которой зависитъ, въ ту самую минуту, какъ въ душѣ всего менѣе одобряетъ ее. И это дѣйствительно единственное средство избѣжать неудовольствія, неизбѣжно навлекаемого на себя каждымъ, кто покажетъ женѣ, что она неправа.

— Все обошлось благополучно! — закричалъ онъ, какъ только Мерседеса, гаращившая глаза, спустила стекло въ окнѣ кареты.—Земпахъ и Префанье уже помирились.

И прибавилъ, подойдя ближе и понижая голосъ съ ласковой миной:

— Видишь, упрямица, что они дрались, а не я... а ты все не хотѣла вѣрить!..

Но взглядъ жены отвернулся отъ него и поверхъ его высокой шляпы направился—серьезный и пытливый—къ группѣ, образуемой Жакомъ и дуэлистами, которые, пораженные появленіемъ м-ше Ормель и держа еще другъ друга за руку, прекратили обмѣнъ болтливыхъ привѣтствій. Появленіе молодой женщины заставило ихъ придти отчасти въ себя. Они не знали ни что думать, ни что дѣлать. Оставаться ли имъ на мѣстѣ? Почему они не идутъ поздороваться съ ней?..

Альфонсъ, у дверцы купѣ, волновался и говорилъ скороговоркой:

— Хочешь выйти изъ кареты?.. Вотъ протоколъ, видишь?.. Послушай-ка, я тебѣ почитаю его... Скажи, мы вѣдь всѣ вмѣстѣ вернемся?..

Мерседеса все еще не разжимала губъ. Она оглядывала мѣсто поединка, на которомъ разсыялся уже дымъ пороха, такъ же, какъ и химеры, которыми, вѣроятно, полна была ея голова во время одинокой поѣздки.

— Я слышала пистолетные выстрѣлы,—проговорила она, наконецъ, сдержаннымъ голосомъ.

Она вышла изъ кареты. Ея лицо поблѣднѣло. На ней была надѣта шапочка съ бѣлымъ перомъ изъ шеюта каштановаго цвѣта,

также какъ и ея юбка, кофточка и жилетъ какъ у мальчика. Тоненькая шейка кокетливо и капризно вытягивалась изъ накрахмаленнаго воротничка.

Земпахъ и Префанье, въ сопровожденіи Бернуара, рѣшились подойти къ ней.

— Представьте,—сказалъ имъ Альфонсъ,—что же вѣтренница забрала себѣ въ голову: что я дерусь... По крайней мѣрѣ, Мерседеса, помой имъ хорошенько голову!

— Шалуны!—сказала она, протягивая имъ каждому руку, одному правую, другому лѣвую.

Обычное оживленіе понемногу возвращалось къ ней. Она потребовала, чтобы ее повели къ тому мѣсту, на которомъ стоялъ Префанье.

— Значитъ, вы тутъ стояли?—разспрашивала она, ища на землѣ отпечатка сапогъ.

И нагнувшись, чтобы лучше видѣть, засунувъ руки въ карманы, образуя локтями острые углы, она представляла странный силуэтъ на солнцѣ. Зонтикъ, который она прижимала подъ мышкой къ талии, отбрасывалъ тѣнь по землѣ, точно крыло сфинкса.

— Въ дорогу! въ дорогу!—скомандовалъ, наконецъ, Альфонсъ, который, послѣ отъѣзда графа де Брюньянь, снова почувствовалъ себя командиромъ.

Условились ѣхать всѣ вмѣстѣ въ ландо.

Жавъ смутно чувствовалъ, что онъ лишній въ компаніи. Его бессознательная роль въ глазахъ м-ше Ормель длилась лишь въ продолженіе одного завтрака. Такъ порою чувствуешь оконченными вещи, начало которыхъ даже и не сознавалъ.

— Я сяду на козлы,—предложилъ онъ такъ сердито, что отбилъ охоту у всѣхъ протестовать.

Префанье сѣлъ напротивъ м-ше Ормель, а Земпахъ рядомъ съ нею. У обоихъ на колѣняхъ стояли ящики съ пистолетами.

Мерседеса захотѣла непремѣнно подержать въ рукахъ тѣ, которые были въ дѣлѣ. Она приставила къ носу дуло пистолета.

— О! какъ дурно пахнетъ!—пробормотала она.—Не понимаю, какъ можно...

Она не нашла словъ для того, что хотѣла выразить, и никто не могъ бы сказать, къ какому концу привело бы ее начало этой фразы.

Альфонсъ, особенно укаживавшій за Земпахомъ, которому хотѣлъ доказать, что можно стать посредникомъ въ дѣлѣ чьего-либо убіенія, не измѣняя отъ этого своихъ отношеній къ этому человѣку, обращался по преимуществу къ нему.

— Вы не можете себя представить, какъ моя жена любопытна... Я не могъ не посвятить ее въ тайну вашего поединка!..

Земпахъ не зналъ, въ какой мѣрѣ Префанье былъ откровененъ съ мужемъ, и опустилъ глаза, не зная какъ быть.

Тотчасъ же м-ше Ормель, которую въ силу восвешной и тонкой мудрости, свойственной въ этомъ случаѣ ея полу, гораздо болѣе интересовала женщина, замѣшпанная въ этомъ дѣлѣ, нежели мужчины,—спросила довольно дерзкимъ тономъ:

— Дама... изъ-за которой вы дрались... знаетъ объ этомъ?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ твердо Префанье:—она и не догадывается объ этомъ.

Выраженіе, съ какимъ онъ сказалъ это, повергло ее въ задумчивость.

Спустя минуту, она разсмѣялась и фамильярно проговорила:

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что она этого стоитъ.

— Та, та, та!—перебилъ инженеръ:—не все ли равно!...

Но жена поглядѣла на него съ укоромъ, чуть не съ негодованіемъ. Вздернутая губка открыла то мѣсто, гдѣ недоставало одного зуба. И она повторила свой вопросъ.

Земпахъ и Префанье, возбужденные близкимъ сосѣдствомъ этой женщины и ея безцеремоннымъ обращеніемъ, переглянулись чуть не съ меланхолей и всѣмъ своимъ существомъ отвѣтили нѣмымъ: да!

Мерседеса вдругъ стала очень ласкова и внимательна къ обоимъ молодымъ людямъ. Но Префанье захотѣлъ на минуту сосредоточить на себѣ ея вниманіе.

— Будьте откровенны!—сказалъ онъ, не то шутливо, не то печально, во всякомъ случаѣ не безъ смѣлости.—Что бы она подумала о насъ, еслибы узнала истину и увидѣла, что мы возвращаемся цѣлы и невредимы?.. Какъ вы думаете, не нашла ли бы она насъ смѣшными?..

Глаза молодой женщины уже перескочили на Земпахъ. При звукѣ этихъ словъ, которыми ее хотѣли изловить, ея глаза, черные-пречерные, сначала пугливо забѣгали, затѣмъ вдругъ стали нахальными, какъ воробы въ скверахъ.

— Сознайтесь, — подхватилъ въ свою очередь Земпахъ, — что вы не принимаете насъ за серьезныхъ людей?

Но она уже перевела глаза на Префанье.

— Я,—пробормотала она, слегка смущаясь:—нѣтъ! Почему же? почему же? почему же вы такъ думаете?..

И съ безпристрастнымъ благоволеніемъ оинула обоимъ теплымъ и яснымъ, какъ солнечный лучъ, взглядомъ.

— Охъ! шутники!—вскричалъ Альфонсъ...—Вѣдь не правда ли, Мерседеса, они—какъ два сапога—пара?..

А вдали, неподвижный, какъ законъ, и пренебреженный, какъ онъ, на мѣстѣ поединка, полевой стражъ, повернувъ лишь направо кругомъ и приставивъ руку къ глазамъ, на подобіе козырька, слѣдилъ за каретой, исчезающей вдали и превращавшейся мало-по-малу въ чуть замѣтную точку; она увозила маленькія тайны, скрытыя въ ея нѣдрахъ.

А. Э.

О ЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРИИ РУССКАГО СОЗНАНІЯ

Окончаніе.

ХІІІ *).

Родоначальники нашего націонализма, объявляя, что русский народъ есть самый лучший, разумѣли подѣ этимъ, что онъ полнѣе и глубже другихъ воспринялъ и усвоилъ вселенскія, общечеловѣческія начала истины и добра. Если такъ, то для русскаго народа и для славянофиловъ, какъ носителей его самосознанія, являлась прямая *обязанность* дѣйствовать въ смыслѣ полнѣйшей и глубочайшей *солидарности* со всѣмъ прочимъ человѣчествомъ во имя общихъ принциповъ и интересовъ. Но хотя славянофилы и утверждали на словахъ, что русскія начала суть вмѣстѣ съ тѣмъ и вселенскія,—на самомъ дѣлѣ они дорожили этими началами только какъ русскими. Господствующій тонъ всѣхъ славянофильскихъ взглядовъ состоялъ все-таки въ безусловномъ противоположеніи русскаго не-русскому, своего—чужому. „Московскіе пророки“ никогда не отступали отъ этой *первой лжи*, которая у лучшихъ изъ нихъ была лишь прикрыта, но не упразднена усвоенными извнѣ стремленіями въ общечеловѣческую истину и справедливости.

*) См. май, іюнь и ноябрь „Вѣстника Европы“.

Но краски чуждыя съ годами
Спадаютъ ветхой чешуей...

Прикрасы „вселенской правды“ отпали, и осталось лишь утверждение національной силы и исключительнаго національнаго интереса. Какъ настоящій фонъ славянофильства, выступилъ катковскій исламъ, предоставлявшій всякому на досугъ разсуждать о качествахъ народной силы, но требовавшій прежде всего слѣпago и безусловнаго преклоненія передъ этою силой, потому что она *сила*. Но и тутъ еще есть двойственность, требующая разрѣшенія. Пренебрежительная почтительность, съ которою Катковъ относился къ общечеловѣческимъ идеямъ и интересамъ, какъ къ предмету досужихъ размышлений, безъ всякаго вліянія на дѣйствительность, могла быть для общественнаго сознанія лишь переходнымъ моментомъ. Нельзя допускать интересъ ко вселенской правдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отодвигать его на задній планъ, систематически принижать его передъ слѣпою, стихійною силой. Или вселенская правда выше и важнѣе всего, или ея вовсе не существуетъ. Въ этому послѣднему рѣшенію дилеммы сознаніе русскаго общества пришло въ наши дни. Принципіальное отрицаніе истины какъ таковой во имя національныхъ *вкусовъ*, отверженіе справедливости какъ таковой во имя національнаго *свокорыстія*—это отреченіе отъ истиннаго Бога, отъ разума и отъ совѣсти челоуѣческой сдѣлалось теперь господствующимъ догматомъ нашего общественнаго мнѣнія. Человѣчество есть пустое слово; поэтому никакихъ объективныхъ, общеобязательныхъ или всечеловѣческихъ нормъ и идеаловъ нѣтъ и быть не можетъ; понятіе объ истинѣ сводится къ понятію о томъ или другомъ народномъ складѣ ума, а понятіе о высшемъ благѣ совпадаетъ съ понятіемъ національнаго интереса. Вотъ то новое слово, которое возвѣщали и подготовили намъ славянофилы; сознательно и самодовольно провозглашаемое извѣстными и неизвѣстными писателями, оно воспринимается читающею толпою, какъ непреложная основа всѣхъ сужденій, и разомъ освобождаетъ общественное сознаніе отъ стѣснительныхъ требованій логики и совѣсти: вѣдь общечеловѣческихъ критеріевъ истины и добра не существуетъ, а мнѣнія чужихъ европейцевъ для насъ не обязательны.

Изъ множества выраженій умственнаго и нравственнаго одичанія въ современной русской печати я изберу одно не потому, чтобы оно было лучше или хуже другихъ, а потому, что оно имѣетъ болѣе серьезную видимость и принадлежитъ, если не ошибаюсь, профессору одного изъ нашихъ университетовъ.

Вотъ какъ разсуждаетъ этотъ представитель нынѣшней рус-

своей науки. „Можетъ ли насъ радовать похвала иностранца? Говоря по справедливости—нѣтъ, потому что эта похвала свидѣтельствуется только о сходствѣ данной стороны нашей жизни съ соответственной стороною чужой жизни. Можетъ ли насъ огорчать порицаніе иностранца? Также нѣтъ, потому что оно есть лишь констатированіе несходства, и чѣмъ энергичнѣе иностранецъ бранить и пегодуетъ, тѣмъ онъ сильнѣе подчеркиваетъ это несходство, и ничего больше. Конечно, когда чужеземный докторъ „бранить“ наше здоровье, „порицаетъ“ ритмъ нашего сердца или звукъ нашего дыханія, тогда мы имѣемъ основаніе тревожиться и огорчаться. Существенное различіе между врачами заключается въ томъ, что одни изъ нихъ могутъ быть хорошими, другіе плохими, а не въ томъ, что одни изъ нихъ нѣмцы, а другіе французы или русскіе. Врачъ, къ какой бы онъ странѣ или народности ни принадлежалъ, имѣетъ общее и твердое мѣрило для своихъ сужденій, а именно, представленіе о „нормальномъ человѣкѣ“,—представленіе, добытое точнымъ изученіемъ человѣческаго организма во все теченіе его существованія, отъ зачаточнаго фазиса до момента смерти, и всѣхъ анатомическихъ, фیزیологическихъ и патологическихъ сторонъ его природы. Совсѣмъ не то представляетъ собою этическая сторона нашей жизни. Здѣсь нельзя установить неизмѣнный и объективный образъ „нормальнаго человѣка“; наука бессильна въ данномъ случаѣ, потому что передъ нею нѣтъ опредѣленнаго, законченнаго объекта, къ которому бы она могла приступить съ своими операціями констатированія (sic). Этическое добро и совершенство составляетъ цѣль человѣчества, но люди еще не достигли и не осуществили эту цѣль. Человѣчество еще въ походѣ; оно любитъ добро и желаетъ его, но еще не знаетъ его, потому что знать, въ строго-научномъ смыслѣ этого слова, можно только то, что было и что есть. *За отсутствіемъ объективнаго и научно-утвержденнаго образа должнаго или идеальнаго, людямъ остается самимъ формулировать или создавать его. И различныя части человѣчества, на которыя оно распалось подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, создаютъ, какъ могутъ, свои путеводные идеалы; они стремятся къ нимъ не потому, что будто бы знаютъ ихъ объективную истинность, а потому, что любятъ ихъ всѣмъ существомъ“* ¹⁾.

До сихъ поръ мы думали, что существенное различіе не только между врачами, но и между людьми вообще, состоитъ въ томъ,

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“, январь 1889, стр. 98 и 99 (статья г. Ярша: „Иностранцы и русскіе критики Россіи“).

что одни изъ нихъ хороши, а другіе плохи, одни честны, а другіе бесовѣстны, одни умны, а другіе глупы, — а никакъ не въ томъ, что одни изъ нихъ нѣмцы, а другіе французы или русскіе. Умнаго и добросовѣстнаго иностранца мы всегда предпочитали глупому и нечестному русскому; похвала перваго насъ радовала, а порицаніемъ послѣдняго мы нисколько не огорчались. Мы знали также, что въ духовномъ существѣ человека есть особый органъ, называемый совѣстью, совершенно независимый отъ національныхъ различій и обладающій своими „операциями констатированія“, гораздо болѣе достовѣрными и твердыми, нежели всѣ приемы и орудія врачебнаго искусства. Мы знали, конечно, что совѣсть у иныхъ людей притуплена, а у другихъ и вовсе заглохла. Но существованіемъ бесовѣстныхъ людей нисколько, на нашъ взглядъ, не подрывалось объективное значеніе этики, какъ существованіе слѣпыхъ и глухихъ нисколько не препятствуетъ строго-научному характеру оптики и акустики. Мы вѣрили, что „солнце правды“ такъ же освѣщаетъ всѣ народы безъ различія, какъ и солнце физическое. Но теперь, оказывается, он а *changé tout cela*. Объективное различіе между дурнымъ и хорошимъ допускается отнынѣ только для медицины и естествовѣденія, а въ области нравственности, права и политики признается только различіе между *своимъ* и *чужимъ*: „русскому человеку противно“, „намъ не по душѣ“, „русскій человекъ былъ бы недоволенъ“, „намъ не нужны“, „мы любимъ“¹⁾ — вотъ единственный аргументъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ духа и жизни. О вкусахъ, конечно, никто не спорить. Спрашивается только: по какому праву говорятъ отъ имени русскаго народа эти господа, изъ которыхъ многіе не принадлежатъ къ нему даже по крови, а иные прямо должны быть отнесены къ категоріи „иностранцевъ, происхожденіе которыхъ неизвѣстно“? Но во всякомъ случаѣ, такъ какъ теперь подобныя взгляды получаютъ значеніе моральной эпидеміи, то любопытно узнать, какіе же именно вкусы приписываются русскому народу этими сомнительными свидѣтелями, кого именно они считаютъ наилучшимъ представителемъ русскаго народнаго духа. Полнаго единомыслія на этотъ счетъ мы, конечно, не найдемъ: за отсутствіемъ точныхъ „операций констатированія“, при опредѣленіи національнаго вкуса обнаруживаются личные вкусы и пристрастія; несомнѣнно однако, что значительное большинство голосовъ подается нашими патріотами не за св. Сергія или св. Алексія, не за Владиміра Моно-

¹⁾ Тамъ же, стр. 105 и 106.

маха или Петра Великаго и даже не за Каткова, а за Ивана Грознаго. Вотъ ихъ настоящій, излюбленный герой! Вотъ кто является для моралистовъ *Русскаго Вѣстника* „рельефнымъ выразителемъ свойствъ, во-первыхъ, русскаго человѣка, во-вторыхъ, православнаго и, въ-третьихъ, русскаго царя“¹⁾. Правда, г. Ярошъ останавливается только на столкновеніи Ивана IV съ Поссевиномъ²⁾. Онъ умалчиваетъ о томъ, насколько его герой выражалъ свойства русскаго человѣка, когда подгрѣбалъ уголья подъ сжигаемыхъ на медленномъ огнѣ бояръ, насколько типичныя свойства русскаго царя проявились въ избіеніи безвинныхъ (по его собственному признанію) новгородцевъ „тысящи яевоже четьре, ихъ же имена ты, Господи, вѣси“; насколько, наконецъ, „духъ истиннаго православія выразился въ Іоаннѣ“³⁾ по дѣлу замученнаго имъ митрополита Филиппа. Впрочемъ эти недомолвки у автора „превосходной статьи“ восполняются различными его единомышленниками, которые, не ограничиваясь какимъ-нибудь отдѣльнымъ случаемъ, прославляютъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, Ивана Грознаго какъ цѣльную личность во всей совокупности его дѣяній. Этотъ культъ, воздаваемый олицетворенной кровожадности, конечно, возмутителенъ; но нельзя его считать случайнымъ: онъ логически связанъ съ основнымъ догматомъ катковскаго ислама. Если требуютъ поклоненія для народа какъ стихійной силы, — силы, по словамъ самого Каткова, *слѣпой и неумолимой*, — то, конечно, ни просвѣтитель древней Руси, ни преобразователь новой Россіи не годятся для олицетворенія *такой* силы. Самаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 115.

²⁾ Приведемъ вполнѣ главное относящееся сюда мѣсто въ этой „превосходной“ (по отзыву редакціи *Русскаго Вѣстника*) статьѣ: „Въ послѣдовавшихъ отношеніяхъ между папскимъ посломъ и Іоанномъ мы имѣемъ ранній примѣръ встрѣчи лицомъ къ лицу Европы и Россіи. Эта встрѣча заключаетъ въ себѣ много поучительнаго и знаменательнаго. Вмѣсто рыхлаго, инертнаго матеріала, удобнаго для гнѣпки по всякой модели, Европа увидѣла передъ собою національную личность, съ опредѣленно сложившимися чертами духовнаго облика. Фигура Грознаго въ этотъ моментъ его сношеній съ Поссевиномъ навсегда останется въ памяти нашей исторіи: Іоаннъ явился здѣсь рельефнымъ выразителемъ свойствъ во-первыхъ русскаго человѣка, во-вторыхъ православнаго и въ-третьихъ русскаго царя. Съ истинно-русскою смѣлостью Іоаннъ, не разрушая сразу надеждъ Поссевина, оставляя ему иллюзіи, заставилъ его устроить примиреніе съ Стефаномъ Баторіемъ: руками одного врага Россіи такимъ образомъ было вынута оружіе изъ рукъ другого. Далѣе нельзя не видѣть въ царѣ чисто національной черты и въ томъ, что онъ настойчиво уклонялся отъ разговоровъ съ іезуитомъ о догматахъ вѣры; русскій человѣкъ вообще не склоненъ обращать дѣла религіи въ предметы „трезвыхъ разсужденій“ или „критическихъ диспутовъ“. (Тамъ же, стр. 114 и 115.)

³⁾ Тамъ же, стр. 116.

настоящаго ея выразителя, безъ сомнѣнія, нужно признать въ свирѣпомъ царѣ московскомъ.

XIV.

Итакъ, возведенное въ принципъ отрицаніе всѣхъ объективныхъ понятій о добрѣ и истинѣ—съ апопеезомъ Ивана Грознаго въ видѣ живописной иллюстраціи къ этому принципу—вотъ последнее слово нашего націонализма. Здѣсь выражается его настоящая обнаженная сущность, которую славянофилы прикрывали мистическими и либерально-демократическими украшеніями, а Катковъ пытался совмѣстить съ уваженіемъ въ европейскому просвѣщенію. Къ сожалѣнію евангельское слово остается непреложнымъ: нельзя служить двумъ господамъ. Культъ слѣпой и неумолимой силы есть самъ по себѣ отрицаніе всякой идеи, всякаго просвѣтительнаго начала. И могъ ли фанатическій проповѣдникъ „сильной власти“ возразить что-нибудь тѣмъ, кто превозноситъ самаго типичнаго представителя такой власти? Вѣдь о томъ, что *сильная* власть должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ разумною и справедливою, мы ничего не читали у Каткова, а не былъ же онъ настолько наивенъ, чтобы считать справедливость и разумность за непремѣнныя принадлежности силы *какъ таковой*.

Еслибы даже между нынѣшнимъ псевдо-патріотическимъ обскурантизмомъ и старымъ славянофильствомъ и не было промежуточнаго звена въ лицѣ знаменитаго московскаго публициста, все-таки внутренняя логическая связь между этими двумя крайними терминами нашего національнаго самоутвержденія оставалась бы несомнѣнною. Вмѣсто того, чтобы настаивать на русскомъ пути и русскихъ началахъ—такъ, какъ будто русское и хорошее значили одно и то же,—слѣдовало точнѣе и послѣдовательнѣе отдѣлить въ русской дѣйствительности и русской исторіи бѣлое отъ чернаго, нисколько не смущаясь тѣмъ, что бѣлый цвѣтъ одинаково бѣлъ для всѣхъ народовъ земли. Въ отвлеченности славянофилы, конечно, не смѣшивали различія между свѣтомъ и тьмою съ различіемъ между своимъ и чужимъ; они вѣрили въ объективные начала истины и добра, выставляли извѣстные вселенскіе идеалы. Противъ этихъ идеаловъ, вообще говоря, нельзя было ничего сказать. Что можно возразить противъ церкви, основанной на сочетаніи единства и свободы; противъ государственнаго строя, утверждающагося на совершенномъ единодушіи и согласіи правительства и земли; что сказать, наконецъ, противъ народной жизни, основной принципъ которой есть братская любовь? Заявля-

ніе такихъ идеаловъ вызываетъ не возраженія, а лишь дополнительное указаніе на тотъ весьма печальный, но совершенно несомнѣнный фактъ, что всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей нужно еще достигнуть, такъ какъ въ наличной дѣйствительности онѣ не обрѣтаются. Отсюда прямая обязанность для мыслителя, вдохновеннаго такими идеалами, опредѣлить *условія и пути*, необходимые для исправленія дѣйствительности, для возможно полнаго приближенія ея къ заявленнымъ идеальнымъ требованіямъ. Въмѣсто того, славянофилы стали увѣрять себя и другихъ, что ихъ идеалы уже осуществлены русскимъ народомъ въ его прошедшей исторіи; они потребовали отъ общества только одного: обратиться къ старинѣ, вернуться домой. И въ чемъ же могутъ они упрекнуть тѣхъ людей, которые послушались ихъ зова, обратились въ старинѣ, вернулись домой, но въ этой домашней старинѣ не нашли ни свободы жизни, ни братскаго единодушія, а увидѣли тамъ фигуру Ивана Грознаго, передъ которой и преклонились съ вѣрою и любовью.

Переносъ свой вселенскій идеалъ въ наше историческое прошлое, славянофилы превратили этотъ *неопредѣленный* идеалъ въ идеалъ *фальшивый*, въ безобразную смѣсь фантастическихъ совершенствъ съ дурною реальностью. Но въ Россіи все-таки есть историческая наука, и славянофиламъ не удалось облить нашу старину и скрыть ея прямую связь съ худшими явленіями современной дѣйствительности. Въ виду этого ихъ послѣдователямъ оставалось одно изъ двухъ: или осудить наши историческіе грѣхи во имя вселенскаго идеала и такимъ образомъ рѣшительно отречься отъ націонализма ¹⁾, или же, напротивъ, во имя націонализма окончательно отказаться отъ всякаго общечеловѣческаго идеала, и объявить, что своя чернота хороша и такъ, потому что она *своя*.

Законные наслѣдники славянофильства уже не находятъ нужнымъ подставлять небывалыя совершенства подъ дѣйствительные недостатки: въ самыхъ этихъ недостаткахъ они видятъ настоящее преимущество Россіи передъ прочимъ человѣчествомъ. Главный недостатокъ нашей духовной жизни—это *неосмысленность* нашей вѣры, пристрастіе къ традиціонной буквѣ и равнодушіе къ ре-

¹⁾ Такъ именно и поступилъ наиболѣе заслуженный изъ эпигоновъ славянофильства, В. И. Ламанскій. Въ нѣсколькихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго Общества, почтенный профессоръ изложилъ свою profession de foi, гдѣ только двѣ-три общія фразы носятъ слѣды славянофильскихъ воззрѣній, а все существенное содержаніе мыслей обозначаетъ рѣшительный поворотъ къ „лучшему сознанию“.

религіозной мысли, склонность принимать благочестіе за *всю* религію, а само благочестіе отождествлять съ обрядомъ. Этотъ несомнѣнный недостатокъ, и теперь бросающійся у насъ въ глаза, сообщилъ весьма печальный характеръ и единственному значительному религіозному движенію въ русской исторіи—расколу старообрядчества. И вотъ оказывается, что это ненормальное пристрастіе къ традиціонной обрядности въ ущербъ другимъ, умственнымъ и нравственнымъ элементамъ религіи,—что эта болѣзнь русскаго духа есть настоящее здоровье и великое преимущество нашего благочестія передъ религіозностью западныхъ народовъ. Тѣ если вѣрять, то и мыслить о предметахъ своей вѣры, и стараются познать ихъ какъ можно лучше;—мы вѣримъ безъ всякихъ разсужденій, предметовъ вѣры мы не считаемъ предметами мышленія и познанія, т.-е., другими словами, мы вѣримъ сами не зная во чтѣ,—не очевидно ли наше преимущество? Иностранцы, разсуждая о религіи, предаются вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной дѣятельности, организуютъ благотворительныя учрежденія у себя дома, просвѣтительныя миссіи среди дикихъ народовъ и т. п.; мы старательно воздерживаемся отъ этого суетнаго подвижничества, предаваясь исключительно подвигамъ молитвеннымъ, утѣшаясь обиліемъ земныхъ поклоновъ, продолжительностью и благолѣпіемъ церковныхъ службъ. Не ясно ли наше превосходство: мы служимъ только Богу, а служеніе страждущему человѣчеству предоставляемъ ложнымъ религіямъ гнилого Запада.

Такъ же легко совершается превращеніе недостатковъ въ достоинства и въ области гражданской жизни. Главная наша немощъ здѣсь состоитъ въ слабомъ развитіи личности, а чрезъ это и въ слабомъ развитіи общественности; ибо эти два элемента соотносительны между собою: при подавленности личнаго начала изъ людей образуется не общество, а стадо. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о законности, о правѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, о нравственности общественной—все это замѣняется произволомъ и раблѣпствомъ. И вотъ культъ сильной власти, доходящій до апогеоза Ивана Грознаго, возводитъ въ принципъ коренное бѣдствіе нашей жизни, указываетъ въ немъ наше главное превосходство надъ западною цивилизаціей, погибающей будто бы отъ доктринерскихъ идей законности и права. Эту ненависть въ юридическому элементу въ народной жизни наши новѣйшіе патріоты раздѣляютъ со старыми славянофилами, съ тою впрочемъ разницею, что закону и праву противопоставляется какъ высшее начало у однихъ—братская любовь, а у другихъ—вулакъ и палка. При всей неудовлетворительности этого послѣдняго принципа, въ немъ по крайней

мѣрѣ нѣтъ никакой фальши, тогда какъ братская любовь, выставленная какъ дѣйствительное историческое начало общественной жизни у какого бы то ни было народа, есть просто ложь.

XV.

Поклоненіе своему народу какъ преимущественному носителю вселенской правды; затѣмъ поклоненіе ему какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т.-е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды — вотъ три постепенныя фазы нашего націонализма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами. Первые въ своемъ ученіи были чистыми фантазерами; второй былъ реалистъ съ фантазіей; послѣдніе, наконецъ, — реалисты безъ всякой фантазіи, но также и безъ всякаго стыда. Старое славянофильство всего легче изобличается само собою, если принять безъ спора его общіе принципы, въ виду явнаго и полнаго несоотвѣтствія между этими вселенскими принципами и тою національною и историческою дѣйствительностью, къ которой они исключительно приурочиваются по требованію московской доктрины. Увлечаться фантазіями могутъ самые умные и почтенные люди, а ихъ близкіе по личному чувству естественно дорожатъ увлеченіями своихъ друзей и наставниковъ. Но для того, чтобы цѣлая партія или школа (не говоря уже о всемъ обществѣ или всемъ народѣ) постоянно закрывала глаза на дѣйствительность и вопреки самой полной очевидности пребывала въ увѣренности, что грязный кабакъ есть великолѣпный дворецъ, нужно, чтобы эта партія или школа состояла либо изъ умалишенныхъ, либо изъ шарлатановъ. Отсюда вполне объясняется внѣшняя судьба славянофильства. Первоначальная доктрина (ни одинъ изъ ея основателей не дожилъ до старости) уже во второмъ поколѣніи стала недвижимымъ имуществомъ семейнаго и дружескаго кружка, а до третьяго поколѣнія и вовсе не дотянула. Направленіе же славянофильское (или точнѣе старо-московское) было унаслѣдовано Катковымъ, а потомъ новѣйшими обскурантами, т.-е. людьми совсѣмъ другого нравственно-практическаго склада, и вообще связанными съ славянофильствомъ лишь внутреннею логикой основныхъ идей, а не фактическимъ преемствомъ цѣлаго ученія.

Въ послѣднихъ фазахъ своего развитія нашъ націонализмъ становится на твердую почву реальныхъ силъ и фактовъ, и чѣмъ ниже падаетъ его идейное содержаніе, тѣмъ болѣе дѣлается онъ, повидимому, недоступнымъ и неуязвимымъ для всякаго рациональнаго возраженія. Всякій споръ, всякая умственная тяжба обращается къ судилищу общихъ идей, къ общеобязательнымъ законамъ разума; само разногласіе въ оцѣнѣхъ тѣхъ или другихъ явленій человѣческой жизни уже предполагаетъ, что мы не довольствуемся простымъ фактомъ существованія этихъ явленій, а требуемъ, чтобы они были *достойны* существованія, и разумный споръ можетъ идти лишь о томъ, насколько они достойны бытія, въ какой мѣрѣ они соотвѣтствуютъ идеальнымъ нормамъ. Но какъ же тогда спорить съ человѣкомъ, который прямо объявляетъ, что онъ уважаетъ только фактъ какъ фактъ, цѣнить лишь силу какъ такую, а о достоинствахъ этой фактической силы, объ идейныхъ качествахъ, дающихъ право на существованіе, предоставляетъ всякому разсуждать на досугѣ. Впрочемъ и тутъ еще есть нѣчто въ родѣ аргумента, допускающаго возраженіе. Понятіе силы все-таки предполагаетъ нѣкоторую объективную норму, ибо сила какъ такая имѣетъ объективное преимущество передъ безсиліемъ и сверхъ того подлежитъ количественной оцѣнѣ. Заявленіе о фактѣ народной силы можетъ вызвать указаніе на такіе факты, въ которыхъ обнаружилась недостаточность этой стихійной силы при отсутствіи качествъ другого рода. Такимъ образомъ разсужденіе здѣсь возможно, хотя и самое упрощенное. Оно теряетъ и эту послѣднюю почву, когда объективныя нормы добра и истины уже не только заслоняются культомъ народной силы, но прямо отрицаются во имя самихъ немощей и недостатковъ народной жизни, которые оправдываются и прославляются потому только, что они свои, что они намъ правятся, намъ по душѣ. Вы скажете, на-примѣръ, что одностороннее преобладаніе въ религіи богослужбной обрядности и безусловная важность, присвоенная традиционнымъ даннымъ какъ таковымъ, есть недостатокъ народнаго духа, такъ какъ свидѣтельствуетъ о слабости религіозной мысли, а вамъ на это отвѣчаютъ, что именно это-то и хорошо, потому что русскій народъ не любитъ разсуждать о предметахъ религіи. Такое воззрѣніе оказывается непроницаемымъ даже для истинъ еще болѣе элементарныхъ. Если вы скажете, на-примѣръ, что постоянное, безмѣрное и нераскаянное злодѣйство можетъ совмѣщаться не съ настоящимъ, а только съ фальшивымъ благочестіемъ, такъ какъ понятіе истинной религіи непремѣнно требуетъ если не совершеннаго, то, во всякомъ случаѣ, хоть нѣкотораго соотвѣтствія

между вѣрою и жизнью,—то и на это вамъ отвѣтять, что общаго понятія о религіи не существуетъ, а что религіозный вкусъ нашего народа цѣнить въ ней только мистическую сторону, что „русскій человѣкъ“ любитъ смиреніе и потому не нуждается въ дѣйствительномъ осуществленіи своей вѣры, что морализмъ въ религіи ему не по душѣ—а затѣмъ уже не встрѣтится никакихъ препятствій и къ тому, чтобы объявить Ивана IV представителемъ истиннаго благочестія въ русскомъ вкусѣ.

Хотя такимъ образомъ на почвѣ общихъ идей прямой споръ съ этими крайними выразителями нашего націонализма совершенно невозможенъ, такъ какъ самое вопіющее противорѣчіе ихъ возрѣній человѣческому разуму и совѣсти никакъ не можетъ быть для нихъ *внутреннимъ* противорѣчіемъ, а составляетъ, напротивъ, предметъ ихъ гордости—существуетъ однако и противъ этой крайней лжи косвенный способъ обличенія, чувствительный и для самихъ ея проповѣдниковъ. Болѣе того: поскольку у этихъ послѣднихъ общая основа русскаго націонализма является въ окончательномъ видѣ, коренная несостоятельность этой основы для нихъ еще гораздо опаснѣе, чѣмъ для прежнихъ славянофиловъ.

Выставляя какъ единственный критерій всѣхъ сужденій въ этической и социальной области противоположеніе своего народнаго чужому, наши обскуранты, разумѣется, должны предполагать, что ихъ собственное возрѣніе есть свое для русскаго народа, что, исповѣдая этотъ ретроградный націонализмъ, они являются исключительными выразителями русскаго народнаго самосознанія. Итакъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли русскій народъ думаетъ такъ, какъ они, имѣетъ для нихъ роковое значеніе.

Обращаться за рѣшеніемъ этого вопроса непосредственно къ народной массѣ нѣтъ возможности. Можно спросить русскую исторію и русскую литературу. Хотя, вопреки славянофильскимъ фантазіямъ, мы никогда не найдемъ въ нашемъ прошломъ осуществленія вселенскихъ идеаловъ, хотя наша общественная жизнь всегда изобиловала грѣхами и болѣзнями, но зато мы имѣемъ не мало историческихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что самъ русскій народъ, въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей, не мирился окончательно съ этою дурною дѣйствительностью, осуждалъ ее во имя общечеловѣческихъ требованій разума и совѣсти, признавалъ съ большею или меньшею ясностью идеаль вселенской правды и старался по мѣрѣ силъ хоть сколько-нибудь приблизиться къ его осуществленію. Точно также величайшіе представители русской литературы были вполне свободны отъ національной исклю-

тельности; они глубоко проникались чужимъ хорошимъ и безпощадно осуждали свое дурное—всѣ тѣ стороны русской жизни, которая особенно дороги нашимъ обскурантамъ. Но эти послѣдніе могутъ еще, пожалуй, спорить противъ всѣхъ такихъ указаній. Имъ ничего не стоитъ сказать, напримѣръ, что Владиміръ Святой и Владиміръ Мономахъ не дошли до настоящаго русскаго пути, а Петръ Великій отъ него произвольно отклонился въ большому ущербу для Россіи. У нашихъ великихъ писателей они могутъ ухватиться за отдѣльныя случайныя точки соприкосновенія со своими взглядами, чтобы насильно перетянуть этихъ писателей на свою сторону. Въ Жуковскомъ они могутъ цѣнить не сладкозвучіе его поэзіи, перенесшей „чужихъ боговъ на наши берега“, а жалкое мракобѣсіе нѣсколькихъ прозаическихъ разсужденій. Относительно Пушкина ничто не мѣшаетъ имъ закрыть глаза и на байронизмъ его молодости, и на всеобъемлющій универсализмъ послѣдующей эпохи—и объявить, что лучшее его произведеніе есть ода „Клеветникамъ Россіи“. Изъ Грибоѣдовской сатиры на Москву они могутъ перетолковать по своему нѣсколько фразъ противъ поверхностной подражательности. Всероссійскую сатиру Гоголя, этотъ „страшный судъ“ предсевагопольской эпохи, можетъ для нихъ заслонить отвлеченная, непродуманная проповѣдь его „Переписки“. У Гончарова геніальное, по своей объективности, обличеніе русской немощи въ Обломовѣ и Райскомъ можетъ казаться имъ менѣе важнымъ, нежели нѣсколько общихъ полемическихъ мѣстъ о нигилизмѣ. На Тургенева, въ виду его крайняго европеизма и несправимаго либерализма, лучше всего просто махнуть рукой, также какъ и на Салтыкова, и объявить ихъ раздутыми знаменитостями, а произведенія ихъ безсодержательными и ничтожными. Что касается Достоевскаго, то въ немъ можно признать не вполне раскаявшагося нигилиста, который свои общехристіанскія, съ Запада навѣянные увлеченія ¹⁾, отчасти искупилъ своею связью съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Гражданиномъ“. Наконецъ, преклоняясь передъ огромною популярностью Льва Толстого, отчего не превозносить до небесъ художественную силу его романовъ, умалчивая объ ихъ идейныхъ гуман-

¹⁾ Самъ Достоевскій нисколько не скрывалъ, что рядомъ съ личнымъ онтозомъ, вліяніемъ простаго русскаго народа и литературнымъ преемствомъ отъ Пушкина и Гоголя источникомъ его идей и чувствъ было также воздѣйствіе западныхъ писателей, въ особенности Жоржъ-Занда, Диккенса и Виктора Гюго. Въ 1878 г., въ разговорѣ со мною, онъ восторженно хвалилъ *Les Misérables* и ваялъ съ меня слово прощенья этотъ романъ.

ныхъ основахъ (частію воспринятыхъ отъ Руссѣ), подрывающихъ въ корнѣ всякій націонализмъ.

Всѣ эти незамысловатые приемы, чтобы скрыть или умалить значеніе общечеловѣческаго, чрезъ западную Европу восприняемаго элемента въ нашей исторіи и литературѣ, всѣ они могутъ употребляться и дѣйствительно употребляются самобытными русскими умами. Допустимъ однако, что они правы. Положимъ, дѣйствительно, въ жизни и словѣ русскаго народа значительно только свое, оригинальное, исключительно національное, а все воспринятое отъ чужихъ народовъ пусто и ничтожно. Какъ же въ такомъ случаѣ должны мы цѣнить собственную доктрину этихъ самобытныхъ умовъ, если будетъ доказано, что принципы ихъ мнимо-національной, мнимо-русской мудрости прямо и цѣлкомъ выписаны изъ иностранныхъ книжекъ? По нашимъ понятіямъ извѣстное возрѣніе—свое или чужое, русское или нѣмецкое, все равно—можетъ быть дурнымъ или негоднымъ лишь постольку, поскольку оно ложно и безнравственно, т.-е. не соотвѣтствуетъ объективнымъ, вселенскимъ нормамъ, или идеямъ истины и добра. По понятіямъ нашихъ крайнихъ націоналистовъ извѣстное возрѣніе дурно потому, что оно чужое, не-русское. Если такъ, то ихъ собственное возрѣніе нужно признать вдвойнѣ негоднымъ,—и для насъ, и для нихъ самихъ. Оно негодно для насъ, потому что ложно и безнравственно; оно негодно и для нихъ самихъ, потому что оно чужое, не-русское, потому что оно рабски заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ. Это послѣднее мы теперь можемъ доказать самымъ положительнымъ образомъ, благодаря неожиданной и тѣмъ болѣе драгоценной помощи того же „Русскаго Вѣстника“ ¹⁾.

¹⁾ Сообщаемыя ниже интересныя указанія почтеннаго журнала на главный иностранный источникъ нашего реакціоннаго націонализма позволяютъ мнѣ не распространяться о другомъ такомъ же источникѣ, но менѣе важномъ и опредѣленномъ, а именно о вліяніи на Каткова „позитивной философіи“ Шеллинга, выставившей на первый планъ мысль объ *абсолютно-произвольной* мировой силѣ, проявляющейся въ извѣстныхъ первичныхъ *фактахъ* (Urthatsachen) міровданія и человѣческой исторіи. Увлеченіе Каткова этими идеями Шеллинга видно изъ его трактата о древнѣйшемъ періодѣ греческой философіи, а также извѣстно мнѣ изъ личныхъ сношеній съ нимъ. Относящіяся сюда біографическія данныя можно найти въ интересной книгѣ г. Негѣдѣвскаго: „Катковъ и его время“ (гл. I). Авторъ, вообще довольно добросовѣстный, считаетъ нужнымъ передать даже содержаніе Шеллинговой системы, причемъ однако, какъ не-спеціалистъ, впадаетъ въ невольныя ошибки, отождествляя, напримѣръ, *потенціи* съ *періодами*.

XVI.

Знаменитый ультрамонтанскій писатель, авторъ книги „О папѣ“ и другъ иезуитовъ, графъ Жозефъ де-Местръ, провелъ, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ въ Россіи въ качествѣ посланника сардинскаго короля. Какъ видно изъ его сочиненій, относящихся къ этому времени („Петербургскіе вечера“, письма къ гр. Разумовскому и др.), Россія возбудила въ немъ лишь поверхностный интересъ; онъ относился къ ней съ нѣкоторою снисходительною симпатіей, но безъ большого пониманія ея особенностей. Зато самъ де-Местръ оказалъ на русское общество глубокое вліяніе, вся сила котораго сказалась только въ наши дни. Я говорю не о католической пропагандѣ, которая ограничилась лишь индивидуальными случаями обращеній въ придворныхъ и аристократическихъ кругахъ, и никогда не имѣла общаго значенія: я разумѣю прямое, хотя и посмертное вліяніе *политическихъ* идей де-Местра на корифеевъ нашего націонализма — Ив. Аксакова и въ особенности Каткова, который цѣлкомъ взялъ изъ де-Местра всѣ руководящія начала своей политической мудрости, а отъ него заимствовали эти принципы нынѣшніе обскуранты, доведшіе ихъ до абсурда, причѣмъ и тутъ они не были оригинальны, а воспользовались французскою же новѣйшею каррикатурой де-Местровскихъ идей въ книгѣ нѣкоего Бержерэ, — „Principes de Politique“.

Насколько мнѣ извѣстно, положительный фактъ заимствованія нашими націоналистами-консерваторами ихъ политическихъ идей у де-Местра впервые указанъ въ статьяхъ г. М—ева: „Жозефъ де-Местръ и его политическая доктрина“ („Русскій Вѣстникъ“, май и іюнь, 1889 г.)¹⁾ И. С. Аксаковъ и М. Н. Катковъ, говоритъ г. М—евъ, „были хорошо знакомы съ произведеніями де-Местра и цѣнили оригинальную глубину его политическихъ воззрѣній. Перечитывая статьи обоихъ московскихъ публицистовъ, нерѣдко въ нихъ встрѣчаешь отголоски мыслей и мнѣній де-Местра“ („Р. В.“, май, стр. 237 и 238). Читатель сейчасъ увидитъ насколько эти отголоски французскихъ идей опредѣлили самую сущность нашего націонализма.

Мы видѣли у Константина Аксакова, что основная осо-

¹⁾ Авторъ этихъ статей въ изложеніи де-Местровской доктрины повидимому руководился новѣйшими французскими этюдами объ этомъ писателѣ. Но указаніе на связь этихъ „чужихъ“ воззрѣній съ „самобытными“ мнѣніями нашихъ націоналистовъ принадлежитъ, конечно, ему самому.

бенность русскаго народа состоитъ въ томъ, что онъ не хочетъ властвовать и управлять, предоставляя это всецѣло одному правительству. Весьма замѣчательно, что этою исключительно-русскою особенностью, невѣдомою мятежному Западу, увлекся графъ де-Местръ и возвелъ ее въ общій принципъ, притомъ въ книгѣ, написанной задолго до его пріѣзда въ Россію. „Участіе народа въ дѣлахъ управленія, — говоритъ онъ, — есть *фивція*, живой призракъ“ (Considération sur la France, 1-е изд. въ Лозаннѣ, 1796 г.). Такою же фивціею признаетъ онъ и идею равенства, утверждая свое мнѣніе софизмами, которые намъ весьма извѣстны изъ статей г. Яроша и множества другихъ „настоящихъ русскихъ людей“.

„Вы желаете равенства между людьми потому, что вы ошибочно считаете ихъ одинаковыми. Вы толкуете о правахъ *человѣка*, вы пишете общечеловѣческія конституціи, — ясно, что по вашему мнѣнію различія между людьми нѣтъ (!?); путемъ умо-заключенія вы пришли къ отвлеченному понятію о *человѣкѣ* и все приурочиваете къ этой фивціи. Это крайне ошибочный и совершенно неточный пріемъ; я желаю отереть вамъ глаза и могу завѣрить васъ, что выдуманнаго вами общечеловѣка нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ не увидишь, ибо его въ природѣ не существуетъ. Я встрѣчалъ на моемъ вѣву французовъ, итальянцевъ, русскихъ, и т. д.; благодаря Монтескье, я знаю, что можно быть даже персіаниномъ, но я рѣшительно вамъ объявляю, что сочиненнаго вами „человѣка“ я не встрѣчалъ ни разу въ моей жизни, и если онъ существуетъ, то мнѣ неизвѣстенъ“ (а Христосъ?).

„Поэтому перестанемъ витать въ области отвлеченныхъ теорій и фивцій и станемъ на почву дѣйствительности“¹⁾. На этой почвѣ де-Местръ опять-таки находитъ руководящія идеи нашихъ національныхъ публицистовъ. „Всякая писанная конституція есть не что иное какъ лоскутъ бумаги. Такая конституція не имѣетъ престижа и власти надъ людьми. Она слишкомъ извѣстна, слишкомъ ясна, на ней нѣтъ таинственной печати помазанія, а люди уважаютъ и повинуются активно въ глубинѣ сердца только тому, что сокровенно, такимъ именно *темнымъ* и могучимъ *силамъ*, какъ нравы, обычаи, *предразсудки*“²⁾, господствующія идеи, которыя держатъ насъ въ своей власти, *увлекая насъ и господствуя*

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ, июль, 1889, стр. 76.

²⁾ Здѣсь встаетъ будетъ вспомнить, что одинъ изъ выдающихся представителей нашего націонализма, покойный Гиларовъ-Платоновъ напечаталъ въ „Руси“ Аксакова (если не ошибаюсь, въ 1884 г.) статью о нигилизмѣ, гдѣ доказывалъ, что *предразсудокъ* есть единственная настоящая основа человеческой жизни.

надъ нами безъ нашего вѣдома и согласія. Онѣ неоспоримы и властны, ибо темны и загадочны... Писанная конституція всегда бездушна, а между тѣмъ вся суть дѣла въ народномъ духѣ, которымъ стоитъ государство.

„Не требуйте отъ меня, — обращается де-Местръ къ французскимъ демократамъ, — опредѣленія въ вашемъ вкусѣ, по вашей мѣрѣ того, что такое этотъ народный духъ. Я не могу дать вамъ желаемого опредѣленія по той весьма простой причинѣ, что онъ неумовимъ. Я въ состояннн только обозначить нѣкоторые его признаки. Этотъ духъ есть связующее начало, обуславливающее крѣпость и прочность государства; прежде всего онъ выражается въ чувствѣ патріотизма, одушевляющемъ гражданъ... Патріотизмъ есть чувство преданности (un dévouement). Настоящій патріотизмъ чуждъ всякаго разчета и даже совершенно безотчетенъ; онъ заключается въ томъ, чтобы любить свою родину, потому что она моя родина, т.-е. не задавая себѣ за симъ никакихъ другихъ вопросовъ. Если мы станемъ задавать себѣ вопросы, почему и за что мы любимъ, — мы начнемъ разсуждать, разсчитывать, т.-е., иначе говоря, перестанемъ любить (!!)“¹⁾

Если „вся суть дѣла въ народномъ духѣ“, то въ свою очередь вся суть народнаго духа переходитъ, по де-Местру, въ абсолютно-монархическое, централизованное государство. „Государство, — говоритъ онъ, — есть тѣло или организмъ, которому естественное чувство самосохраненія предписываетъ прежде и болѣе всего блюсти свое единство и цѣлость, ради чего государство безусловно должно руководиться одною разумною волей, слѣдовать одной традиціонной мысли. Правящая государствомъ власть, для того, чтобы быть жизненною и твердою, должна неизбѣжно исходить изъ одного центра“²⁾.

„Вы строите ваше государство, — такъ обличаетъ своихъ соотечественниковъ французскій учитель славянофильства, — на элементахъ розни, разброда, которые вы стараетесь привести къ искусственному единству грубыми способами, узаконяя насиліе большинства надъ меньшинствомъ. Вы разсчитываете спросомъ стремленій и инстинктовъ оконечностей организма замѣтить регулирующую кровообращеніе дѣятельность сердца. Вы тщательно собираете и считаете песчинки и думаете изъ нихъ построить домъ. Я полагаю, что это пустая и праздная затѣя; я ищу болѣе

¹⁾ Тамъ же, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 74.

серьезныхъ основъ для государства и управленія имъ,—я кладу въ основаніе его единство дѣйствительное и прочное, преемственность въ жизни существующую и ходомъ историческаго развитія констатируемую. Я думаю, что государство есть живой организмъ, и въ качествѣ таковаго оно живетъ силами и свойствами, коренящимися въ далекомъ прошломъ, которыхъ само хорошо не знаетъ, повинуваясь внутреннему творческому началу, которое также мало извѣстно. Есть тайна въ основѣ его единства, а руководящій его дѣятельностью принципъ преемственности столь же таинственъ. Тѣ, чтѣ я сейчасъ сказалъ, конечно, не совсѣмъ ясно, но это потому, что оно жизненно вѣрно, ибо начало жизни всегда представляетъ нѣчто безусловно неуловимое¹⁾.

„Монархія есть не что иное, какъ видимая и осязаемая форма патріотическаго чувства. Привязанность къ монарху есть въ то же время лишь внѣшняя форма привязанности къ родинѣ. Такое чувство патріотизма сильно потому, что оно чуждо всякаго расчета, глубоко потому, что оно свободно отъ анализа, и непоколебимо потому, что оно ирраціонально. Человѣкъ, который говорить: „мой король“—не мудрствуетъ лукаво, не рассчитываетъ, не совѣщается, не заключаетъ контрактовъ, не участвуетъ въ финансовой операціи, не ссужаетъ своего капитала съ правомъ взять его обратно, буде не окажется дивиденда,—онъ такъ могъ бы поступить съ себѣ равнымъ, а не съ своимъ королемъ, которому онъ преданъ душою и тѣломъ. Ему онъ можетъ только служить и ничего болѣе. Монархія—это воплощеніе родины, отечества въ одномъ человѣкѣ, излюбленномъ и священномъ въ качествѣ носителя и представителя идеи о ней“²⁾.

Противникъ демократіи, де-Местръ, подобно Каткову, возставалъ и противъ аристократическихъ притязаній на власть, во имя коренныхъ началъ своего политическаго ученія о *недѣлимости власти*. Аристократія, какъ и демократія, исходитъ изъ ненавистнаго де-Местру начала раздѣленія власти; разница между ними лишь въ томъ, что демократія требуетъ политическихъ правъ—иначе говоря, участія во власти—для частныхъ лицъ уже всѣхъ гражданъ, а аристократія—для извѣстнаго, привилегированнаго ихъ класса. Но все это „раздѣленная власть“, т. е. начало, котораго де-Местръ нивоемъ образомъ не допускалъ. Политическія права отдѣльныхъ классовъ, точно также какъ и права отдѣльныхъ лицъ, ведутъ къ дисгармоніи, нарушая нормальный

¹⁾ Тамъ же, стр. 76 и 77.

²⁾ Тамъ же, стр. 79 и 80.

строй общественной жизни, которая, въ силу руководящихъ ею естественныхъ законовъ, зиждется на единствѣ преемственнаго развитія. Права же отдѣльныхъ классовъ, также какъ и права отдѣльныхъ лицъ, ведутъ къ розни и разброду. Народная жизнь и развитіе должны быть проникнуты единствомъ мысли и сознанія, а мыслить сообща нельзя, всякое совѣщаніе и соглашеніе приводятъ неизбѣжно къ сдѣлвѣ, къ компромиссу, что вноситъ искусственные приемы и ложь въ общественныя отношенія, искажая этимъ здоровое теченіе народной жизни... ..Напрасно думаютъ, что путемъ раздѣленія власти и надѣленія политическими правами можно привлечь къ участию въ политической жизни всѣ живыя силы страны,—этимъ способомъ развиваются только всѣ центробѣжныя тенденціи разложенія.

„Пресловутыя права человѣка и гражданина суть не что иное, какъ замаскированное желаніе какъ можно менѣе нести обязанностей гражданина, т.-е. наименѣе быть таковымъ. Права сословія—не что иное, какъ стремленіе создать государство въ государствѣ“» При аристократическомъ режимѣ нація раскалывается, при демократическомъ она крошится, и затѣмъ отъ нея не остается ничего, кромѣ буйной пыли...

„Лучшіе люди страны отнюдь не должны заботиться о какихъ-либо особыхъ правахъ; *они должны только нести особыя обязанности*“ ¹⁾.

„Высшее сословіе въ государствѣ можетъ этимъ только гордиться, ибо чувство долга и сознаніе обязанностей очищаетъ и облагораживаетъ, а претензія на права озлобляетъ и дѣлаетъ мелкимъ и придирчивымъ. Принципъ, украшающій дворянство, тотъ, что оно налагаетъ обязанности—*poblesse oblige*“ ²⁾.

Въ этомъ разсужденіи о вредѣ правъ и высотѣ обязанностей, въ которомъ песомнѣнныя нравственныя истины эксплуатируются въ одностороннемъ направленіи для извѣстной политической тенденціи, читатель, знакомый съ передовыми статьями Каткова за послѣдніе его годы, легко узнаетъ не только мысли, но даже цѣлыя фразы московскаго публициста. То же самое должно сказать и по поводу дальнѣйшаго развитія де-Местровой теоріи въ примѣненіи ея къ государственному значенію *дворянства* ³⁾.

„То или другое сословіе отнюдь не должно быть фракціей, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 82 и 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 89.

³⁾ Это замѣчаетъ и г. М—евъ, сообщающій, что Катковъ въ одномъ разговорѣ прямо сослался на мнѣніе де-Местра о роли дворянства, какъ вполне подходящее къ русскимъ историческимъ началамъ (Тамъ же, стр. 85).

дѣляющейся изъ народа и организованной въ видахъ выполненія какихъ-либо самостоятельныхъ функцій, обрацаемыхъ въ политическія права—оно не что иное, какъ *исполнительный органъ, служебное орудіе* монархіи, естественное продолженіе державной власти, управляющей народомъ.

„Высшее сословіе въ государствѣ предназначено быть исполнителемъ и истолкователемъ предначертаній державной монаршей воли, передавая таковую отъ центра въ оконечностямъ, блюдя за повсемѣстнымъ ея распространеніемъ и точнымъ соблюденіемъ.

„Поэтому первая и священнѣйшая обязанность дворянъ—серьезное знаніе и пониманіе государственныхъ интересовъ; они—прирожденные стражи охранительныхъ истинъ“¹⁾.

Изъ-подъ пера де-Местра, говоритъ писатель „Русскаго Вѣстника“, возникла эффектная и стройная картина идеальной монархіи—„государство, душою котораго былъ король, члены котораго составлялись изъ дворянства, орудіемъ котораго была вооруженная часть населенія, армія съ дворянствомъ во главѣ и затѣмъ трудовая сила въ лицѣ толпы (sic). Въ этомъ государствѣ дворяне должны развивать въ себѣ искусство и привычку къ выполненію двоякаго рода обязанностей—*умнiе распоряжаться* въ отношеніи къ народу, *привычку послушанія* въ отношеніи къ своему государю. Ихъ священный долгъ открывать во всемъ и всегда правду передъ лицомъ своего монарха“²⁾. Въ этомъ долгѣ говорить правду государю французскій писатель, какъ и его русскіе ученики, видѣль лучшую и единственно желанную политическую свободу. „Здѣсь рѣчь идетъ,—говоритъ де-Местръ,—о настоящей, дѣйствительной свободѣ, понятіе о которой какъ бы утрачено въ настоящее время... Теперь подъ свободой стали понимать или совершенное упраздненіе власти, или различнаго рода гарантіи противъ нея. Но это явное искаженіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „свобода“³⁾. Истинная же свобода, по де-Местру, состоитъ въ безусловномъ поглощеніи личности народомъ и государствомъ. Вотъ его собственные слова въ переводѣ „Русскаго Вѣстника“: „Такъ-называемая личная свобода—въ сущности не что иное, какъ своего рода мелкое гражданское самоубійство... Вообразите себѣ зерно, сѣмя, которое желаетъ раздробиться такъ, чтобы только одна

1) Тамъ же, стр. 84.

2) Тамъ же, стр. 84 и 85.

3) Тамъ же, стр. 85.

половина была отдана имѣющему вырости дереву, а другую сохранить лично для себя. Что изъ этого можетъ произойти? Часть зерна только пропадетъ безъ пользы для себя, въ ущербъ росту дерева, ибо зерно не оживетъ, пока не умретъ какъ зерно, т. е., иначе говоря, пока не отдастъ всего себя дереву. Полное и совершенное поглощеніе личнаго я цѣлымъ, т. е. обществомъ, государствомъ, служить лучшимъ и совершеннѣйшимъ проявленіемъ личности. Поэтому, — заключаетъ де-Местръ, — въ глазахъ челоуѣка здравомыслящаго и разсудительнаго, не можетъ быть личной свободы, а только свобода національная¹⁾.

Въ 1811 году, во время пребыванія де-Местра въ Петербургѣ, тамъ возникли слухи о проектѣ преобразованія сената и Государственнаго совѣта въ смыслѣ дарованія этимъ учрежденіямъ болѣе самостоятельности. Де-Местръ увидѣлъ въ этомъ проектѣ стремленіе къ ненавистному ему раздѣленію властей и учрежденію либеральнаго управленія, противъ чего и представилъ въ одномъ письмѣ тѣ самые аргументы, которые впоследствии встали и не встали употреблялъ Катковъ²⁾.

Послѣднее слово всей де-Местровской доктрины высказано въ его предсмертномъ трактатѣ: „Eclaircissement sur le Sacrifice“. „Мое политическое ученіе, — говоритъ онъ, — упрекаютъ какъ явное нарушеніе принципа справедливости, изъ котораго логически истекаютъ свобода, равенство и братство людей и ихъ естественныя гражданскія права. Но гдѣ же во всей природѣ можно встрѣтить примѣненіе этого либеральнаго и гуманнаго закона справедливости — я этого не знаю. Въ общей экономіи природы одни существа неизбѣжно живутъ и питаются другими. Основное условіе всякой жизни — то, что высшіе и болѣе сильныя организмы поглощаютъ низшіе и слабыя. Война, конечно, есть нѣчто чудовищное и способна прежде всего и болѣе всего внушить ужасъ и отвращеніе. Но отчего же войны, это орудіе войны, пользуются всегда и всюду такимъ уваженіемъ и почетомъ? Предъ ними преклоняются какъ предъ исполнителями великаго высшаго порядка міроуправленія, требующаго очистительной жертвы“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 86 и 87. Г. М — евъ, менѣе послѣдовательный, нежели г. Яромъ и К^о, находитъ въ этомъ взглядѣ на свободу слабое мѣсто де-Местровой системы и утверждаетъ, что она была съ этой стороны восполнена воззрѣніями нашихъ славнофиловъ, въ особенности братьевъ Аксаковыхъ. Утвержденіе голословное и въ сущности не вѣрное. Ибо, какъ мы знаемъ изъ „Записки“ Константина Аксакова, славнофильское воззрѣніе предоставляло частнымъ элементамъ въ государствѣ только ту свободу, которую не отнимаетъ у нихъ и де-Местръ.

²⁾ Тамъ же, стр. 88, 89 и 90.

³⁾ Тамъ же, стр. 94.

Воины заслуживаютъ почета, конечно, не потому, что убиваютъ другихъ, а потому, что сами идутъ на смерть *за другихъ*. Лучшимъ тому доказательствомъ служить другой, излюбленный де-Местромъ исполнитель очистительныхъ жертвъ—палачъ. Относительно этого званія, столь же для него дорогого, какъ и званіе воиновъ, де-Местръ уже не ссылается на общее мнѣніе: онъ знаетъ, что оно противъ него. Тутъ уже мы спросимъ: отчего палачи нигдѣ и никогда не пользуются уваженіемъ и почетомъ, отчего никто передъ ними на дѣлѣ не преклонялся и не преклоняется? Впрочемъ за общественное мнѣніе въ ближайшемъ будущемъ мы не ручаемся. Мы не знаемъ, до чего можетъ дойти реакціонное одичаніе, но если палачъ и добьется общественнаго почета, то, конечно, не какъ совершитель какихъ-то искупительныхъ жертвъ или исполнитель какого-то высшаго порядка міроуправленія, а просто какъ самая надежная „опора шкурныхъ интересовъ“¹⁾.

Какъ бы то ни было, сознательное отрицаніе справедливости и культъ палача связываютъ де-Местра и съ крайними представителями нашего націонализма, поклонниками Ивана Грознаго. Мы не думаемъ однако, чтобы вліяніе на нихъ этого писателя было такое же прямое, какъ на Аксакова и Каткова. Много-сложное воззрѣніе де-Местра, состоящее не изъ однихъ только безчеловѣчныхъ тенденцій, его разсужденія, часто фальшивыя, но всегда тонкія, а иногда и глубокомысленныя, не могутъ быть доступны и привлекательны для нашихъ обскурантовъ. Сочувственные имъ элементы этого ученія дошли до нихъ въ упрощенномъ изложеніи новѣйшихъ французскихъ реакціонеровъ, въ родѣ упомянутаго Бержера. Одно изъ основныхъ положеній этого декадента гласитъ такъ: „Совершенно напрасно смѣшиваютъ юстицію съ справедливостью. Справедливость (*équité*) есть первобытное и варварское состояніе юстиціи; чѣмъ болѣе послѣдняя развивается, тѣмъ болѣе она дѣлается свободною отъ началъ справедливости“. И далѣе: „юстиція должна быть точна, строга и *слѣпа*“²⁾.

Вотъ такая мудрость намъ по вкусу и по плечу, ею мы мо-

¹⁾ Весьма замѣчательно, что равные кровожадные клерикалы (какъ западные, такъ и ихъ туземныя каррикатуры), защищая смертную казнь въ смыслѣ *искупительной жертвы*, совершенно забываютъ, что, по христіанскому вѣроученію, голгоуская жертва разъ навсегда упразднила всѣ кровавыя жертвоприношенія. Оказывается, что не только христіанскія чувства, но и догматы христіанскіе для этихъ клерикаловъ не обязательны.

²⁾ См. въ анонимномъ сочиненіи: „Современная Россія“, изд. 2-е, томъ II, стр. 184 и 185.

жемъ вдохновляться всецѣло. А затѣмъ уже ничто не мѣшаетъ, взявши эти дикости изъ плохой иностранной книги, положить ихъ въ основу самобытнаго національнаго русскаго строя.

XVII.

Мы видѣли главныя фазы умственнаго движенія, начатаго славянофилами. Поклоненіе народной добродѣтели, поклоненіе народной силѣ, поклоненіе народной дикости—вотъ три нисходящія ступени нашей псевдо-патріотической мысли. Теперь намъ показанъ и подлинный источникъ этой мысли. Всѣ ея, столь для насъ знакомые, составные элементы, начиная съ невинной идеи государства, какъ живого организма, и кончая принципиальнымъ отрицаніемъ справедливости, всѣ они цѣлкомъ находятся въ политической доктринѣ, которую впервые почти сто лѣтъ тому назадъ возвѣстилъ корифей французской реакціонной школы. Въ богатомъ и сложномъ умственномъ мірѣ Европы направленіе де-Местра есть одно изъ многихъ; нельзя сказать, чтобы оно было одно изъ самыхъ значительныхъ. Далѣе, въ общемъ воззрѣніи ультрамонтанскаго писателя, его государственное ученіе есть только часть, и, вопреки мнѣнію г. М—ева, часть самая слабая. И вотъ эта-то крупица отъ духовной трапезы Запада оказалась достаточной, чтобы питать наше національно-политическое сознаніе въ теченіе полувѣка; этотъ-то обрывокъ одной изъ безчисленныхъ вѣтвей съ западнаго дерева познанія добра и зла гордо противопоставлялся цѣлому дереву, съ котораго былъ взятъ, выдавался за самобытное произрастеніе, за наше собственное дерево жизни, которое должно разрости и осѣнить всю землю.

Ученики де-Местра, вмѣсто того, чтобы говорить отъ имени своего учителя, говорили отъ имени русскаго народа, который однако никогда и ничѣмъ не заявлялъ своего сочувствія доктринамъ савойскаго дворянина. Конечно, въ нашемъ историческомъ прошломъ и въ нашей современной дѣйствительности есть много соотвѣтствующаго де-Местровымъ принципамъ. Но дѣло въ томъ, что самъ-то русскій народъ въ своей цѣлости никогда не возводилъ въ безусловный принципъ тѣхъ или другихъ фактовъ и свойствъ своей дѣйствительности, изъ національныхъ недостатковъ и историческихъ необходимостей онъ никогда не дѣлалъ себѣ кумировъ. Что личность и общественность у насъ мало развиты, что начала права и справедливости еще не укоренились

на нашей почвѣ, а потому у насъ (какъ это-то замѣтить, честные люди встрѣчаются рѣже чѣмъ святые)—все это фактъ; по мысли вѣрныхъ послѣдователей де-Местра такъ и должно быть, но должно ли такъ быть по мысли русскаго народа—это другой вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, зная, что источникъ вдохновенія нашихъ націоналистовъ есть плохая иностранная мысль, мы уже не станемъ искать у нихъ выраженій русскаго народнаго духа. И слава Богу! въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ печальныхъ образахъ явилась бы намъ Россія, еслибы въ голосѣ ея мнимыхъ представителей мы должны были признать ея собственный голосъ. Еслибы мы повѣрили славянофиламъ и ихъ слово о русскомъ народѣ приняли бы за слово его самосознанія, то намъ пришлось бы представить себѣ этотъ народъ въ видѣ какаго-то фарисея, праведнаго въ своихъ собственныхъ глазахъ, превозносящаго во имя смиренія свои добродѣтели, презирающаго и осуждающаго своихъ ближнихъ во имя братской любви и готоваго стереть ихъ съ лица земли для полнаго торжества своей кроткой и миролюбивой природы. Еслибы дагѣ въ катковскомъ культѣ народной силы дѣйствительно выражалась сущность русскаго національнаго духа, тогда наше отечество явилось бы намъ въ образѣ глухаго атлета, который вмѣсто всякихъ разговоровъ только показываетъ на свои могучія плечи и свои крѣпкіе мускулы. Наконецъ, еслибы можно было видѣть носителей русскаго самосознанія въ тѣхъ новѣйшихъ націоналистахъ, которые отрицаютъ всякія объективныя нормы для мысли и жизни, — тогда пришлось бы уподобить Россію душевно-больному, который принимаетъ всѣ свои дивія и уродливыя галлюцинаціи за настоящую дѣйствительность.

Какъ ни ярко выступаютъ эти три національные идеала на поверхности нашего общественнаго мнѣнія, признать въ нихъ подлинныя образы русскаго народа мы пока еще не согласны. Но было бы большою ошибкою не придавать значенія тѣмъ дивимъ понятіямъ, которыя изъ парадоксовъ одинокаго софиста превращаются на нашихъ глазахъ въ общепризнанныя начала русской жизни. Эти взгляды ничтожны по своему внутреннему достоинству передъ судомъ разума и совѣсти; они ничтожны также въ смыслѣ оригинальности, какъ рабскія заимствованія изъ чужого источника. Но этимъ нисколько не умаляется ихъ практическая сила, а небывалый цинизмъ, съ которымъ они проповѣдуются, ясно показываетъ, что эта сила въ себѣ увѣрена. Осно-

ваніе такой увѣренности очень твердо: это просто фактъ преобладанія въ человѣкѣ и въ челоѣчествѣ дурныхъ и темныхъ сторонъ природы надъ „лучшимъ сознаниемъ“. Враги разума и совѣсти имѣютъ прочную опору въ слѣпыхъ инстинктахъ; противники личной и общественной свободы могутъ смѣло основывать свой успѣхъ на свободѣ дурныхъ народныхъ страстей.

Въ послѣднее время повсюду совершилась важная перемѣна: главнымъ препятствіемъ истинному прогрессу является не то или другое учрежденіе, а одичаніе мысли и пониженіе общественной нравственности. Нелѣпо было бы вѣрить въ окончательную побѣду темныхъ силъ въ челоѣчествѣ, но ближайшее будущее готовить намъ такіа испытанія, какихъ еще не знала исторія. Утѣшительно при этомъ, что положеніе дѣла уясняется, и какъ бы въ предвареніе страшнаго суда начинается уже нѣкоторое отдѣленіе пшеницы отъ плевель. Въ области идей, по крайней мѣрѣ, это уже очень ясно. Представители темныхъ силъ, бывшіе доселѣ, частію по недоразумѣнію, частію по лицемѣрью, защитниками „всего святаго и высокаго“, договорились, наконецъ, до принципиальнаго отрицанія добра, правды и всякихъ общечеловѣческихъ идеаловъ, и вмѣсто имени Христа, которымъ столько злоупотребляли, откровенно вьлннутся именемъ Ивана Грознаго. Тутъ утѣшительна не только ясность, но и законченность мысли: очевидно, это направленіе высказалось вполнѣ, далѣе его представителямъ говорить уже нечего и не о чемъ. А между тѣмъ и у насъ слышатся голоса другого рода, и не только старыя, но и совершенно новыя. Вотъ, на примѣръ, какой краснорѣчивый протестъ во имя общечеловѣческихъ началъ противъ нашего національнаго мракобѣсія прочли мы на дняхъ у одного начинающаго и многообѣщающаго писателя:

„Мы имѣемъ одну общую вселенную, одну правду, одну красоту... Мы знаемъ и вѣримъ въ глубинѣ нашего существа, что есть *одна правда*, одинъ законъ, который *всѣ должны* признать, одна красота, которую *всѣ должны* видѣть. Безъ этого нечему было бы учить и учиться, не о чемъ спорить и соглашаться; безъ этого не было бы нравственной проповѣди и художественнаго творчества... Сознаніе не можетъ быть ни безличнымъ, ни единоличнымъ, ибо оно болѣе чѣмъ лично, будучи соборнымъ. Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно въ этомъ живомъ соборномъ *сознаніи челоѣчества*“¹⁾.

¹⁾ „О природѣ челоѣческаго сознанія“, статья кн. С. Трубецкаго въ 1-й книгѣ журнала: „Вопросы философіи и психологіи“.

На этомъ русскомъ признаніи вселенскаго единства или общечеловѣческой солидарности мы и закончимъ наши очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Реакція противъ истиннаго пути, указаннаго древней Руси ея просвѣтителемъ и открытаго для новой Россіи ея преобразователемъ, — эта фальшивая реакція можетъ еще торжествовать въ области тѣхъ или другихъ практическихъ вопросовъ. Но въ области мысли и сознанія — ея гдѣсь спѣта. Здѣсь она исчерпала все свое содержаніе, сказала свое послѣднее слово и полною ясностью своей лжи утвердила истину.

Владиміръ Соловьевъ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Я усталъ, тяжело мнѣ дышать,
Словно прошлое встало изъ гроба
И мнѣ шепчетъ: чего еще ждать?..
Впереди — та же свука и злоба.

Миновали всѣ лучшіе дни,
А припомни лишь, много ли свѣта
Приносили тебѣ и они
Въ яркомъ блескѣ минувшаго лѣта?

Вотъ и осень стоитъ у дверей,
И цвѣты всѣ морозомъ побиты—
Не ищи же ты новыхъ лучей
И другого удѣла не жди ты.

Кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ

ВЪ

ПАРИЖѢ.

КОНГРЕССЪ ПО ГИГИЕНѢ И ДЕМОГРАФІИ.

Окончаніе.

III *).

Конгрессъ по гигиенѣ и демографіи, во время парижской выставки, былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ по общественному значенію обсуждавшихся на немъ вопросовъ: всѣ они прямо касаются самого дорогого въ мірѣ для человѣка, какъ основанія всей его полезной дѣятельности—его здоровья. Казалось бы, что въ вопросамъ такой перво-степенной важности общества въ разныхъ странахъ должны относиться съ особеннымъ рвеніемъ, что вездѣ всѣ старанія должны быть приложены въ тому, чтобы предохранить воздухъ отъ заразныхъ зародышей, чтобы доставить всѣмъ въ достаточномъ количествѣ свѣжую воду, очищенную отъ болѣзнетворныхъ микробовъ, чтобы пищевыя вещества не содержали никакихъ вредныхъ элементовъ и т. д. А между тѣмъ читайте отчеты, представленныя въ разные секціи конгресса: это длинный, безконечный рядъ жалобъ на людское нера-шество...

Первая секція была посвящена „дѣтской гигиенѣ“. По главному во-

*) См. выше, ноябрь, стр. 447.

просу:—о „законодательныхъ, административныхъ и санитарныхъ мѣраxъ, принятыхъ въ разныхъ странахъ для предохраненія здоровья и жизни дѣтей въ первомъ возрастѣ“,—отчетъ, составленный двумя извѣстными въ Парижѣ докторами, Ландузи и Напiасъ (Napias), говоритъ существенно слѣдующее: дѣти отъ 1-го до 2-хъ лѣтъ мрутъ вездѣ, во всѣхъ странахъ, особенно во всѣхъ большихъ городахъ—страшно сказать—какъ мухи. Въ Парижѣ, напр., въ „Ville-lumière“, какъ его прозвалъ Викторъ Гюго, *треть* дѣтей умираетъ въ первый годъ возраста. Въ другихъ городахъ не лучше: въ Петербургѣ въ 1887 г. средняя смертность на 1000 была 27,4; дѣтей же до 1-го года умерло 262,3 на тысячу ¹⁾). Причины такой страшной смертности дѣтей еще неизвѣстны. Распорядительная коммиссія конгресса разослала медикамъ разныхъ странъ вопросы, касающіеся общей смертности и смертности дѣтей въ первые два года, а также причинъ чрезмѣрной смертности дѣтей и принятыхъ для ея ограниченія мѣръ и результатовъ этихъ мѣръ. Отвѣты получались далеко не полные, вѣроятно потому, что статистика смертности не вездѣ ведется одинаково хорошо. Пока можно только приблизительно знать годичную смертность дѣтей до 1-го года и отъ одного до 5-ти лѣтъ въ западной Европѣ:

	Отъ 0 до 1-го г.	Отъ 1-го до 5-ти лѣтъ.	Средняя смер- ность всѣхъ воз- растовъ на 1000.
Италія	284,9	66,6	80,1
Франція	179,8	27,5	22,3
Англія съ княжествомъ Вал- лійскимъ	167,5	82,6	22,2
Шотландія	121,6	59,8	(отъ 0 до 5 л.) 22,6
Ирландія	96,8	19,8	17,7
Пруссія	222,2	40,6	25,9
Баварія	319,6	116,7	(отъ 0 до 5 л.) 80,5
Саксонія	312,3	114,9	(отъ 0 до 5 л.) 29,3
Вюртембергъ	340,7	29	27,1
Вел. Герц. Ваденское	268,9	29,0	25,5
Эльзасъ-Лотарингія	240,9	33,4	25,9
Австрія	280,2	52,8	30,1
Швейцарія	220,1	28,1	28,8
Бельгія	176,3	34,0	24,6
Голландія	195,5	30,3	22,8
Швеція	127,9	26,1	17,5
Норвегія	101,8	18,6	16,2
Данія	151,9	20,9	19,0
Испанія	289,7	64,3	29,7
Португалія	—	182,5	(отъ 0 до 5 л.) 20,5
Греція	91,9	26,8	18,3
Финляндія	165,6	88,1	21,5

¹⁾ Данныя проф. Доброславина.

Что же касается причинъ, то всѣ отвѣты резюмируются въ одномъ, который, впрочемъ, постоянно повторяется съ разными вариациями: „дурныя гигиеническія условія“.

Мѣры кое-какія принимаются: во Франціи мѣри вручаютъ родителямъ, при объявленіи рожденія, брошюру съ гигиеническими совѣтами по воспитанію дѣтей. Предлагаютъ даже заставлять дѣвочекъ въ школахъ заучивать эти наставленія наизусть. Въ Стокгольмѣ регламентировали продажу молока. Въ Парижѣ констатировано уменьшеніе желудочныхъ болѣзней въ первомъ возрастѣ дѣтей съ тѣхъ поръ, какъ усилили надзоръ за фальсификаціями продажнаго молока. Въ Лозаннѣ повивальнымъ бабкамъ читаютъ лекціи, на которыхъ онѣ обязаны присутствовать и гдѣ имъ преподаютъ дѣтскую гигиену, между прочимъ рациональное употребленіе рожковъ. Но пока всѣ эти мѣры существенныхъ результатовъ еще не принесли, дѣти продолжаютъ умирать попрежнему въ страшныхъ размѣрахъ. Отчетъ заканчивается шестью предложеніями, которыя обсуждались въ первой сессіи и были ею приняты. Ихъ можно резюмировать такъ: 1) необходимо, чтобы во всѣхъ странахъ былъ принятъ одинъ образецъ для статистики дѣтской смертности. Секція занялась еще обсужденіемъ существующаго во Франціи съ 1874 года такъ-называемаго закона Русселя (la loi Roussel), имѣющаго, главнымъ образомъ, цѣлью устроить бдительный медицинскій надзоръ за кормилицами. Извѣстно, что французенки въ среднихъ зажиточныхъ классахъ городского населенія рѣдко сами кормятъ грудью своихъ дѣтей; обыкновенно, послѣднія воспитываются кормилицами, и очень часто для вскармливанія отправляются въ деревню далеко отъ родителей. Такимъ способомъ, напр., воспитываются найденныши на счетъ общинной администраціи. Кормилицы или „воспитатели“¹⁾ прибѣгаютъ къ искусственному кормленію рожками. По закону Русселя, кормилицы должны заявлять о своемъ намѣреніи взять питомцевъ въ своихъ мѣряхъ, и имъ это разрѣшается только подѣ извѣстными условіями. Мѣри же наряжаютъ медика для присмотра за кормилицей и питомцемъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ инспекціей кормилицъ и дѣтей занимаются благотворительныя дамскіе комитеты, устроенныя специально для этой цѣли. Нѣкоторые члены секціи, медики, констатировали, что законъ оказалъ благотвореніе тамъ, гдѣ онъ строго исполняется, а это въ обыкновеніи далеко не вездѣ—едва только въ половинѣ Франціи. Секція выразила одно желаніе, чтобы медицинскій надзоръ за питомцами выполнялся строже, и, между прочимъ, высказалась противъ употребленія рожковъ съ длинными трубками. Затѣмъ она занялась

¹⁾ Воспитаніемъ найденнейшей во Франціи часто занимаются крестьяне.

школьной гигиеной. Тутъ она, между прочимъ, формулировала желаніе, чтобы школьный медикъ наблюдалъ за дѣтьми, у которыхъ подозрѣваются зачатки туберкулёза (чахотки), и чтобы, въ случаѣ констатированія этой болѣзни, приняты были необходимыя профилактическія мѣры для предохраненія отъ заразы другихъ дѣтей. Докторъ Мотэ (Moteu) констатировалъ необыкновенно быстрое распространеніе школьной близорукости. Въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній она доходитъ отъ 34 до 37%, въ нѣкоторыхъ—даже до 80%. Въ Германіи близорукыхъ на треть больше, нежели во Франціи.

Вторая секція занималась вопросами по „городской и земской гигиенѣ“,—вопросами несомнѣнно важными. Два архитектора, очень извѣстные въ Парижѣ, Трепа и Сомаско, составили длинный отчетъ объ отопленіи жилищъ и о снабженіи ихъ чистымъ воздухомъ. Они приходятъ къ такимъ заключеніямъ: 1) отопляться слѣдуетъ посредствомъ теплого лучеиспусканія стѣнъ, для чего они предлагаютъ строить стѣны двойными, подобно нашимъ двойнымъ окнамъ, съ циркуляціей теплаго воздуха въ промежуткѣ; 2) освѣжать воздухъ посредствомъ большихъ оконъ, въ которыхъ часть стеколъ пробуравлены коническими дырочками; стекла изобрѣтены самимъ г. Трепа; эти пробуравленные стекла закрываются въ ненастную погоду другимъ цѣльнымъ стекломъ; 3) должно строить стѣны изъ пористыхъ матеріаловъ, для того, чтобы воздухъ проникалъ въ самую ихъ толщину.

Несомнѣнно, что дома, устроенные, согласно этимъ принципамъ, были бы самыми гигиеническими, но врядъ ли это примѣнимо въ странахъ съ сильными морозами.

По поводу этого отчета была довольно длинный споръ. Одни высказывали то мнѣніе, что самое важное—очищать воздухъ отъ вредныхъ микроорганизмовъ; поэтому необходимо при большой опрятности устраивать въ домахъ сильныя воздушныя теченія и для этого оставлять всѣ окна растворенными во время отсутствія обитателей. Спорили еще очень долго о количествѣ свѣжаго воздуха, необходимаго для человѣка въ часъ. Но тутъ гигиенисты высказывали одни только догадочныя соображенія, такъ какъ никто никакихъ опытовъ въ опору своего мнѣнія не привелъ. Англичанинъ (д-ръ Корфильдъ) увѣрялъ, что въ Англии всѣми признано необходимымъ, при вентиляціи, вгонять въ комнату ежечасно 100 кубич. метровъ воздуха на человѣка.

Въ этой же секціи гг. Мениль и Журнэ прочли интересный отчетъ объ очисткѣ городовъ отъ сухихъ грязныхъ остатковъ (сухіе домашніе и кухонные остатки, уличная грязь и т. д.) и объ утилизаціи послѣднихъ. Отчетъ излагаетъ всѣ способы, практикующіеся

въ разныхъ большихъ городахъ для собиранія остатковъ, для ихъ уборки въ городахъ и для увоза и утилизаціи. Составители отчета признаютъ самой лучшей парижскую систему собиранія и увоза остатковъ. Тамъ въ каждомъ домѣ имѣется жестяной ящикъ опредѣленныхъ размѣровъ, который вечеромъ выставляется подъ воротами, въ сѣни, или на дворѣ, смотря по расположенію дома. Изъ всѣхъ квартиръ остатки сносятся въ этотъ ящикъ, который выставляется дворникомъ на улицу. Утромъ между 6^{1/2} и 8^{1/2} ч. по всѣмъ улицамъ развѣзываютъ особенныя тележки, въ которыя высыпается содержимое ящиковъ людьми, сопровождающими тележки. Составители отчета особенно настаиваютъ на необходимости убирать нечистоты ежедневно, скоро, въ два или три часа, и возможно раньше утромъ, если это неудобно ночью. Въ Парижѣ ежегодно вывозится до 900 тыс. кубич. метровъ такихъ остатковъ. Городъ сдаетъ увозъ подрядчикамъ и за это имъ платитъ 1.761.000 фр., по 1 фр. 95 сант. за кубич. метръ. Эти остатки частью утилизируются окрестными земледѣльцами (327 т. куб. м.), частью увозятся по желѣзнымъ дорогамъ (203 тыс. к. м.) или на баржахъ (103 тыс. куб. м.) и около трети (267 т. к. м.) остается временно вѣвъ города. Въ Англіи во многихъ городахъ эти остатки сжигаются и пепель, по мѣрѣ возможности, утилизируется земледѣльцами. Въ Глазговѣ устроена даже очень сложная эксплуатація этихъ остатковъ. Тамъ городъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 600 вагоновъ, 16 барожъ для перевозки и четыре большія печи для сжиганія нечистотъ, остающихся безъ употребленія. Въ Германіи нѣкоторые города, какъ Франкфуртъ, Страсбургъ, получаютъ даже доходъ отъ сухихъ нечистотъ; земледѣльцы тамъ сами увозятъ ихъ изъ города. Авторы отчета предлагаютъ еще парижскую систему подметанія улицъ—длинными цилиндрическими щетками—и подметанію предшествуетъ легкая поливка во избѣжаніе пыли. По мнѣнію авторовъ, утилизація остатковъ въ земледѣліи все болѣе и болѣе будетъ распространяться, особенно если удастся понизить перевозный тарифъ; склады нечистотъ слѣдуетъ устраивать среди полей на мѣстѣ ихъ потребленія. На всякій же случай слѣдуетъ озаботиться системой для уничтоженія нечистотъ на тотъ случай, еслибы земледѣльческій спросъ уменьшился. Этотъ отчетъ вызвалъ обильнѣе мнѣній относительно удаленія отъ городовъ складовъ нечистотъ, и его заключенія были приняты секціей.

Г. Журданъ прочелъ длинный мемуаръ объ ассенизаціи жилищъ въ Парижѣ. Въ городѣ существуетъ специальная „комиссія нездоровыхъ жилищъ“ (commission des logements insalubres), которая должна осматривать всѣ подозрительные дома и предписывать, въ случаѣ надобности, мѣры для ихъ оздоровленія. Мѣры однако не

выполняются по одному только постановленію комиссіи. Ея предложенія подвергаются еще разсмотрѣнію муниципальнаго совѣта, который одинъ имѣетъ власть предписать ихъ исполненіе. Но тутъ въ дѣло вмѣшивается политика, а передъ политикой гигиенѣ остается только пасовать: муниципальный совѣтникъ, на котораго возлагается составленіе отчета по предложеніямъ названной комиссіи, обыкновенно, чтобы не вводить въ издержки вліятельнаго избирателя, домовладѣльца, не торопится своимъ отчетомъ, тянетъ его долго, по нѣсколькѣ лѣтъ, до слѣдующихъ выборовъ, а пока въ не-гигиеничномъ домѣ бѣдный людъ болѣетъ и мретъ. Г. Журданъ предлагаетъ поэтому изъять изъ муниципальной администраціи дѣла, касающіяся гигиены домовъ, и отдать ихъ въ вѣденіе центральной администраціи. Секція по этому вопросу не высказалась, зато она приняла предложеніе г. Делины объ обязательномъ для домовладѣльцевъ абонементѣ на городскую воду. Такое обязательство существуетъ въ Берлинѣ. Въ Парижѣ еще имѣется больше трети домовъ, въ которыхъ живетъ почти половина городского населенія, куда вода не проведена. По предложенію г. Делины, общинныя власти должны имѣть право, согласно постановленію комиссіи гигиены, обязывать домовладѣльцевъ абонироваться на городскую воду и при этомъ опредѣлять количественный минимумъ абонемента. Докторъ Шнейдеръ прочелъ длинный мемуаръ о гигиеническихъ улучшеніяхъ, введенныхъ во французскую армію г. Фрейсина. Оспа совершенно исчезла, благодаря обязательному оспопрививанію всѣхъ солдатъ. Смертность отъ чахотки упала до 0,99‰, благодаря предписанію, требующему большой строгости при наборѣ и немедленной отправкѣ домой всякаго солдата, подозрѣваемаго въ туберкулезѣ. Приняты также всѣ необходимыя мѣры для предохраненія солдатъ отъ тифа, особенно для предохраненія казармъ отъ тифозныхъ эпидемій.

Мы замѣтимъ, что на всемъ конгрессѣ это было самое свѣтлое явленіе: хоть одинъ разъ сообщено было о мѣрахъ *принимать*, а не *аселательныхъ* или *рекомендовать*. Секція такъ обрадовалась, что при апплодисментахъ вотировала г. Фрейсина благодарность.

По предложенію г. Вильмотъ, секція формулировала желаніе, чтобы законъ вмѣнялъ въ обязанность городамъ и большимъ общинамъ имѣть у себя гигиеническое бюро съ лабораторіей. Въ третьей секціи—„бактеріологіи въ примѣненіи къ медицинѣ и эпидемиологіи“—проф. Граншэ, завѣдующій въ Пастѣровскомъ Институтѣ прививкой противъ бѣшенства, и докторъ Ришаръ прочли длинный отчетъ „о дѣйствіи почвы на болѣзнетворныя зародыши“. Фактъ, что въ почвѣ живутъ патогеническіе зародыши, вполне установленъ, и почва несомнѣнно участвуетъ въ зарожденіи эпидемій. Что же ка-

сается до развитія этихъ зародышей въ почвѣ, до ихъ передвиженія, то наука бактериологія еще слишкомъ юна, чтобы дать на это положительныя отвѣты. Отчетъ заканчивается слѣдующимъ резюме:

„Патогеническіе зародыши, положенные на землю, остаются только въ верхнихъ слояхъ почвы: на глубинѣ половины или одного метра ихъ очень мало.

„Патогеническіе зародыши трудно размножаются въ почвѣ, но они могутъ въ ней долго оставаться въ видѣ споръ.

„Патогеническіе зародыши почвы разрушаются своими антагонистами, сапрофитами; тѣ, которые живутъ на поверхности, разрушаются главнымъ образомъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта. Послѣдній является сильнымъ средствомъ для очищенія отъ зародышей.

„Интенсивная культура, при которой глубокіе слои почвы постоянно приводятся на поверхность, есть лучшее средство для разрушенія патогеническихъ зародышей почвы.

„Переворачиванія почвы приводили въ движеніе большое количество патогеническихъ зародышей.

„Непрерывный слой земли въ два или три метра вообще совершенно достаточно предохраняетъ отъ притока зародышей лежащей подъ нимъ слой воды“.

Отчетъ подвергся подробному обсужденію со стороны присутствовавшихъ здѣсь бактериологовъ. Но секція, по предложенію самого докладчика, проф. Граншэ, рѣшила, въ виду новизны предмета, заключеній голосованію не подвергать. Практическое слѣдствіе, прямо вытекающее изъ отчета и изъ опытовъ, на которыхъ основаны его заключенія,—слѣдствіе, очень важное, на которое указано было многими членами секціи—то, что почва является самымъ лучшимъ фильтромъ, и для очистки, для полной *ассенизаціи* грязной воды изъ водосточныхъ трубъ, ее слѣдуетъ разливать по интенсивно-культуривруемой почвѣ. Такъ оно и дѣлается въ Парижѣ, гдѣ часть воды изъ водосточнаго коллектора направляется въ равнину Жюenville и тамъ разливается по огородамъ. Вода, просочившаяся черезъ почву, содержитъ гораздо меньше микробовъ (12 на кубич. сантиметръ), нежели хорошая вода, употребляющаяся въ питье. Въ Берлинѣ, гдѣ устроены песчаные фильтры, вода протекаетъ черезъ слой песку въ 1 метръ 40, и въ фильтрованной такимъ образомъ водѣ находятъ отъ 15 до 20 бактерий на кубич. сантиметръ воды. Въ обыкновенной хорошей водѣ находятъ отъ 250 до 300 бактерий въ одномъ куб. сант. Мы не будемъ входить въ чисто-медицинскія сообщенія, которымъ отчетъ д-ра Граншэ далъ поводъ.

Въ четвертой секціи—„по промышленной и профессиональной гигиенѣ“—долго разсуждали о необходимости предохранить рѣчки и

другія естественныя водохранилища отъ зараженія всякими фабричными грязями—грязной водой, химическими отбросками и т. д. На сѣверѣ Франціи, въ промышленномъ Сѣверномъ департаментѣ, въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ рыба давно вся вымерла, а рѣчки превратились въ воючія открытыя водосточныя трубы.

Секція приняла цѣлый рядъ предложеній, имѣющихъ цѣлью предохранить рѣки отъ такой заразы; изъ нихъ основное—вмѣнить въ обязанность каждому хозяину фабрики очищать всѣ фабричныя воды до ихъ наливанія въ рѣку и воспретить сбрасываніе остатковъ въ рѣки. Остальныя сообщенія имѣли чисто-медицинскій характеръ,—они относились къ профессиональнымъ болѣзнямъ.

Въ пятой секціи „по международной гигиенѣ и медицинской полиціи“ профессоръ гигиены парижскаго медицинскаго факультета д-ръ Прусть прочелъ интересный отчетъ объ ассенизаціи портовъ. Въ отчетѣ онъ изображаетъ весьма печальную картину очень недавняго и въ значительной мѣрѣ еще настоящаго анти-гигиеническаго положенія двухъ главныхъ французскихъ портовъ на Средиземномъ морѣ, Тулона и Марселя. Чтò дѣлается въ Тулонѣ — это уму непостижимо, даже описать невозможно. Достаточно сказать, что тамъ всякія нечистоты льются и бросаются прямо на улицу. Невольно приходитъ на мысль, что если въ Тулонѣ не каждый годъ вспыхиваетъ холера, или если эпидемія тамъ вообще не пребываетъ въ хроническомъ состояніи, то ужь въ этомъ тулонцы не виноваты: они съ своей стороны все для этого дѣлаютъ, только, должно быть, микробъ холерный по добротѣ ихъ милуетъ. Впрочемъ всѣ южно-французскіе города—а тѣмъ паче итальянскіе—не отличаются опрятностью. Мы, на примѣръ, недавно были въ Тулузѣ. Городъ очень большой, интеллигентный, съ большими красивыми улицами, на берегу большой и очень быстрой рѣки, Гаронны. Жители, какъ всѣ южные французы, большіе любители чеснока. Умудрились они и городъ свой приправить чеснокомъ, т. е. буквально весь городъ пропитанъ чесночнымъ запахомъ; куда вы ни пойдете, вездѣ вы его чувствуете. И не трудно понять, какъ тулузжане ухитрились разлить такъ щедро свой излюбленный ароматъ. Дѣло простое! все выбрасывается на улицу и, между прочимъ, чесночные остатки, которые лежатъ въ желобахъ по краямъ мостовой. Желоба служатъ водосточными трубами, въ лѣтнюю жару высыхаютъ, несмотря на орошеніе улицъ, и все, чтò въ нихъ лежитъ, гниетъ ¹⁾).

Д-ръ Прусть заканчиваетъ отчетъ такими заключеніями: долгъ

¹⁾ Въ Тулузѣ имѣется спеціальнй чесночный рынокъ—площадь, на которой лежатъ громадаѣйшія кучи этой луковицы. Читатель самъ догадывается, какъ пріятно иногда невзначай, на omnibusѣ, проѣзжать по этой площади.

государственныхъ общинныхъ властей очищать портовые города; ассенизація портовъ—важнѣе ассенизація любого города; смертность отъ заразныхъ болѣзней уменьшится только тогда, когда порты будутъ гигиенически чисты, и только тогда, когда порты будутъ представлять почву достаточно устойчивую противъ проникновенія различныхъ экзотическихъ зародышей, можно будетъ уничтожить всѣ карантинныя препятствія. Секція согласилась съ заключеніями отчета и, кромѣ того, формулировала нѣсколько желаній: чтобы государство имѣло контроль за медицинской гигиенической частью на корабляхъ общества, получающихъ отъ него субсидіи; чтобы всѣ акты санитарной администраціи предавались возможно ббльшей гласности; чтобы привлечь вниманіе правительства на пользу бактериологическихъ изслѣдованій чумы; чтобы гигиеническія мѣры устанавливались законодательнымъ порядкомъ, и чтобы санитарныя издержки вошли въ нормальный государственный бюджетъ.

Шестая секція занималась „пищевой гигиеной“. Профессоръ Бруардель и докторъ Пушэ прочли отчетъ о случаяхъ отравленія питательными веществами животного происхожденія, содержащими ядовитыя алкалоиды.

Оказывается, что, съѣвъ кусокъ даже очень хорошо провареннаго мяса или рыбы, можно заболѣть, быть отравленнымъ, если въ этомъ мясѣ были птомаины—алкалоиды животного происхожденія, которые варкой не разрушаются. И положеніе наше тѣмъ болѣе незавидно по отношенію къ этимъ веществамъ, что еще нѣтъ средствъ открыть ихъ присутствіе въ мясѣ. Проф. Бруардель поэтому приглашаетъ химиковъ, физиологовъ и бактериологовъ заняться вопросомъ и дать болѣе точныя указанія относительно измѣненій, происходящихъ при разложеніи веществъ животного происхожденія. Послѣдовавшія за чтеніемъ отчета пренія только выяснили, что до сихъ поръ нѣтъ еще средствъ узнать злобачественность мяса.

По поводу фальсификаціи пищевыхъ веществъ посыпались жалобы на всѣ продукты,—все фальсифицируется, масло, сиропы, медикаменты, вина. Секція только формулировала желаніе, чтобы власти строго регламентировали продажу пищевыхъ продуктовъ, и чтобы новые продукты носили ярлычки съ надписью: „искусственный продуктъ, не содержащій никакихъ вредныхъ веществъ“.

Въ секціи демографіи, седьмой, д-ръ Бертильонъ представилъ отчетъ о статистикѣ смертности въ городахъ: онъ доказываетъ, что статистика ведется очень нераціонально, такъ какъ причины смертей указаны невѣрно или совсѣмъ не указаны. А между тѣмъ для гигиены очень важно выяснитъ причины смертности.

Д-ръ Дриздаль привелъ нѣсколько очень интересныхъ данныхъ

сравнительной статистики Парижа и Лондона. Въ Лондонѣ, при населеніи въ 4.282.921 д., число рожденій за истекшій годъ было 131.080, или 30 на тысячу, а смертей было 77.686, или 18,2‰, что даетъ излишекъ рожденій надъ смертностью въ 53.394 д. Между тѣмъ во всей Франціи излишекъ рожденій надъ смертностью, при населеніи въ 38.218.903 д., былъ только 52.600, такъ что въ одномъ Лондонѣ излишекъ рожденій надъ смертностью превосходитъ такой же излишекъ для всей Франціи. Разница между рожденіями и смертностью въ Лондонѣ была 12,5‰, въ Парижѣ—3,83‰. Д-ръ Дриядаль показавъ, что въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, число рожденій и смертность были особенно высоки въ богатыхъ кварталахъ; оспа въ Лондонѣ совершенно исчезла со времени введенія обязательнаго оспопрививанія; тифъ причиняетъ въ Парижѣ вдвое болѣе смертныхъ случаевъ, нежели въ Лондонѣ, зато корь и скарлатина больше свирѣпствуютъ въ Лондонѣ, нежели въ Парижѣ, а на туберкулёзу въ обоихъ городахъ приходится четвертая часть всѣхъ смертныхъ случаевъ и 4‰ на все населеніе.

Д-ръ Янсенсъ сообщилъ, что въ Брюсселѣ, по мѣрѣ того какъ существующее тамъ гигиеническое бюро расширяетъ свою дѣятельность и приобретаетъ все большее вліяніе, смертность въ городѣ уменьшается; она упала съ 31,3 на 22,9; а смертность отъ заразныхъ болѣзней упала съ 3,05 на 1,31.

Восьмая секція занималась вопросомъ о сжиганіи труповъ. Все ограничилось сообщеніемъ свѣденій о существующихъ въ нѣкоторыхъ городахъ печахъ. Но пока этотъ вопросъ не слишкомъ проникъ въ общество, и врядъ ли слѣдовало ему удѣлять специальную секцію въ конгрессѣ. Въ Парижѣ до настоящаго времени сожжено всего четырнадцать тѣлъ, по желанію семействъ умершихъ.

Итакъ, результаты конгресса далеко не утѣшительны; они резюмируются въ констатированіи того факта, что для улучшенія гигиеническихъ условій массъ еще ничего не сдѣлано или сдѣлано чрезвычайно мало. Даже такой богатый городъ, какъ Парижъ, еще до сихъ поръ страдаетъ недостаткомъ чистой воды, и нынѣшнимъ лѣтомъ, въ самомъ разгарѣ выставки, можно было видѣть на стѣнахъ афиши, предупреждавшія жителей тѣхъ или другихъ округовъ поочередно, что вмѣсто чистой воды изъ водопровода имъ въ теченіе одного мѣсяца будутъ давать воду изъ Сены. А что за вода сенская, это можно было видѣть въ павильонѣ города Парижа: тамъ въ трехъ большихъ стеклянныхъ цилиндрахъ выставлены были три образчика воды—изъ рѣчки Ванны, Урки ¹⁾ и Сены. Сенская вода пред-

¹⁾ Двухъ рѣчекъ, которыхъ русла отведены для снабженія Парижа чистой водою помощью двухъ большихъ водопроводовъ.

ставляла какую-то грязную муть, и ее-то дают жителям нефильтрованной; въ Парижѣ еще нѣтъ фильтровъ! Любопытно, что на конгрессѣ въ Парижѣ никто не заикнулся о такомъ плачевномъ положеніи водоснабженія въ ликовавшемъ городѣ! Ужъ не потому ли, чтобы не испугать наѣхавшихъ гостей, которые навѣрное не подозрѣвали, любуясь тремя цилиндрами съ образчиками воды, что они сами, можетъ быть, пьютъ эту грязную муть.

M.

Парижъ, 24-го ноябр.

ИСПОЛНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

за 1888 годъ.

Мы имѣли еще недавно случай говорить ¹⁾ о результатахъ по исполненію государственной росписи за 1888 годъ, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ въ началѣ этого года въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли“. Но, какъ и объяснялось въ „Вѣстникѣ“, это были свѣденія лишь кассовыя и предварительныя, въ ревизіонномъ порядкѣ не провѣренныя. Вполнѣ обстоятельныя свѣденія имѣются лишь теперь, въ недавно вышедшемъ „Отчетѣ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовъ за 1888 годъ“. Пользуясь этимъ отчетомъ, мы еще разъ подробнѣе остановимся на бюджетѣ 1888 г., заслуживающемъ особеннаго вниманія въ ряду нашихъ бюджетовъ по представляемымъ имъ результатамъ.

Если обратиться къ бюджетамъ послѣдняго двадцатипятилѣтія (1864—1888 гг.), въ теченіе котораго дѣйствуютъ преобразованныя смѣтная и контрольная системы, то, не считая 1888 года, лишь за пять лѣтъ изъ 24-хъ, и именно за 1871, 1874, 1875, 1878 и 1879 гг., по исполненію росписей оказался перевѣсъ доходовъ надъ расходами, составившій въ сложности до 100 мил. рублей. Въ бюджетахъ остальныхъ 19 лѣтъ были дефициты, общая сумма которыхъ достигла 477 мил. р. Такимъ образомъ недоборъ доходовъ, сравнительно съ расходами въ періодъ 1864—1887 г. влючительно, равнялся 477 м. р.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, май, 1889 г., стр. 338 и слѣд.

т.-е. 15¹/₂ мил. р. въ годъ ¹). Все это относится къ одному лишь бюджету *обыкновенныхъ* доходовъ и расходовъ, а въ нашихъ росписяхъ есть еще бюджетъ поступлений и расходовъ *чрезвычайныхъ*, по которому поступлений, составляющихъ дѣйствительный доходъ, было обыкновенно не болѣе нѣсколькихъ милліоновъ рублей, тогда какъ расходы составляли весьма крупныя суммы и покрывались они займами. Насколько велики эти расходы, видно изъ того, что если исключить изъ нихъ расходы военные, уплату банку за выпущенные во время войны кредитные билеты и т. п., то и затѣмъ на одно лишь сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, — что неизмѣнно въ теченіе 25 лѣтъ составляло постоянный ежегодный расходъ, — тратилось въ годъ отъ 30 до 80 мил. рублей ²). Съ присоединеніемъ этихъ тратъ къ указаннымъ выше недоборамъ, сумма ихъ, по меньшей мѣрѣ, утроивалась. Даже сравнительно благоприятный 1887 годъ представляетъ, по обыкновенному бюджету, дефицитъ въ 3¹/₂ мил. р., къ которому слѣдуетъ прибавить чрезвычайные расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и портовъ, произведенные въ размѣрѣ 45 мил. р. и лишь въ суммѣ 13¹/₂ мил. р. покрытые не займами, а поступлениями, которыя могутъ считаться доходомъ государственнаго казначейства.

Въ сопоставленіи съ этимъ исполненіе государственной росписи за 1888 годъ привело къ слѣдующимъ результатамъ:

	Поступило доходовъ:	Произведено расходовъ:
Обыкновенныхъ (въ томъ числѣ и оборотныхъ)	898.581.925 р.	840.419.494 р.
Чрезвычайныхъ	55.371.548 „	86.847.835 „
Всего	953.908.468 р.	927.267.139 р.

Превышеніе поступлений надъ расходами составляетъ 26.639.139 р. Съ присоединеніемъ къ доходамъ, по принятому порядку, остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ 1884 года (2.297.408 р. по обыкновенному бюджету, и 5.237.307 по чрезвычайному) *обыкновенныхъ* доходовъ окажется 900.829.333 р., — болѣе *обыкновенныхъ* расходовъ (840.419.494 р.) на 60.409.839 р., а доходовъ *чрезвычайныхъ* 60.608.850 р., менѣе *чрезвычайныхъ* расходовъ (86.847.835 р.) на 26.238.985 р.; вообще

¹) Наиболѣе значительные дефициты были въ годахъ: 1864 (около 46 мил. р.); 1866 (60¹/₂ мил. р.); 1880 (43¹/₂ мил. р.); 1881 (80¹/₂ мил. р.); 1885 (41 мил. р.); 1886 (60 мил. р.).

²) Перечисленіе за прежнее время всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, имѣвшихъ весьма разнообразный характеръ и покрывавшихся на счетъ разныхъ источниковъ, очень затруднительно. Объ этихъ расходахъ см. „Статистику государственныхъ финансовъ Россіи въ 1862—84 годахъ“, И. И. Кауфмана въ Статистическомъ временникѣ Россійской имперіи, серія III, выпускъ 15, 1886 г., стр. 12 и др.

же по росписи избытокъ поступлений надъ расходами равняется 34.170.854 рублямъ.

До сего времени, при сужденіи о благопріятномъ или неблагопріятномъ исполненіи государственной росписи, обращалось обыкновенно вниманіе лишь на балансъ *обыкновеннаго* бюджета; расходы же чрезвычайные вовсе не принимались въ соображеніе, какъ бы велики они ни были. Иное, болѣе широкое, требованіе относительно успѣшно исполненной государственной росписи заявлено лишь въ самое послѣднее время составомъ финансоваго управленія. По мнѣнію министерства финансовъ, выраженному въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1889 годъ, финансовую задачу нельзя считать разрѣшенною удовлетворительно, „пока въ обыкновенномъ бюджетѣ не получится такое превышеніе доходовъ, которое, вмѣстѣ съ чрезвычайными поступлениями, *помимо кредитныхъ операций*, могло бы покрывать полностью ежегодные чрезвычайные расходы“.

Съ такою теоріей въ принципѣ вполне согласиться нельзя. Она равняется отказу прибѣгать къ займамъ для удовлетворенія какихъ бы то ни было государственныхъ потребностей, расходы на которыя въ такомъ случаѣ пришлось бы постоянно покрывать возвышеніемъ существующихъ налоговъ или установленіемъ новыхъ. Не говоря о войнѣ, такія чрезвычайныя траты, какъ напр. на военную экспедицію въ родѣ ахаль-текинской, или на постройку или покупку крупной сѣти желѣзныхъ дорогъ, едва ли часто представится возможнымъ удовлетворить на счетъ избытка обыкновенныхъ доходовъ одного года. Они обыкновенно разлагаются на нѣсколько лѣтъ, другими словами, покрываются суммами, полученными путемъ кредитныхъ операций. Другое дѣло—расходы, ежегодно повторяющіеся и притомъ не производительные (производительные должны окупаться своими доходами); относительно ихъ мы пошли бы нѣсколько далѣе: мы ихъ вовсе не относимъ къ разряду чрезвычайныхъ, тѣмъ болѣе, что они относятся къ расходамъ предвидѣннымъ, включеннымъ въ роспись; по нашему мнѣнію, какъ это мы не разъ высказывали ¹⁾, ихъ прямо слѣдуетъ включить въ *обыкновенную* расходную смѣту, которая и должна удовлетворяться на счетъ обыкновенныхъ же доходовъ. Если разобрать по сущности „чрезвычайные“ расходы 1888 г., то одни изъ нихъ непременно должны считаться обыкновенными, какъ напр. ремонтъ портовъ или содержаніе управленія и контроля желѣзныхъ дорогъ и пр., и даже усиленіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ стратегической цѣлью; другіе, какъ напр. постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ или приобрѣтеніе частныхъ, относятся къ разряду чрезвычай-

¹⁾ Напр., въ „Вѣстн. Европ“, февраль, 1889 г., стр. 824.

ныхъ. Во всякомъ случаѣ, тому обстоятельству, что всѣ эти расходы, какъ мнимо, такъ и дѣйствительно-чрезвычайные, покрыты въ отчетномъ году изъ избытковъ обыкновенныхъ расходовъ, можно только радоваться: долженъ ли былъ избытокъ идти или на уплату прежнихъ долговъ, или на предупрежденіе новыхъ. Слѣдуетъ только пожалѣть, что въ этомъ отношеніи примѣръ 1888 г. въ лѣтописи нашихъ бюджетовъ остается единичнымъ.

Впрочемъ та мысль министерства финансовъ, что дѣйствительными доходами росписи, безъ помощи кредитныхъ операций, должны покрываться всѣ расходы того или другого года, обыкновенные и чрезвычайные, въ строгомъ смыслѣ не осуществилась даже и въ 1888 году. Изъ чрезвычайныхъ поступлений только 4.670.855 р. могутъ считаться дѣйствительнымъ доходомъ, а остальные получены при помощи кредитныхъ операций, т.-е. займовъ, и именно: 700.688 р. составляютъ остатокъ отъ реализаціи 4% внутреннего займа 1887 г., и 50 мил. р. получены отъ государственнаго банка въ счетъ переданной банку 5% золотой ренты выпуска 1888 года на 36 мил. р. золотомъ. Если исключить эти двѣ суммы, то вообще по росписи оказался бы недоборъ доходовъ около 17 мил. рублей. Но такой выводъ былъ бы справедливъ только формально. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ значатся 50 мил. р., уплаченныхъ государственному банку для погашенія выпущенныхъ банкомъ на покрытіе издержекъ минувшей войны кредитныхъ билетовъ. Уплата эта, какъ извѣстно, производится на основаніи Высочайшаго указа 1881 года, коимъ повелѣвалось уплатить банку долгъ за означенные билеты въ суммѣ 417 мил. р. въ теченіе 8 лѣтъ, въ первый годъ 67 мил. р., а въ слѣдующія 7 лѣтъ по 50 мил. р. ежегодно. Указъ этотъ едва ли кѣмъ-либо понимался въ смыслѣ дѣйствительной уплаты долга: ни бюджетъ 1880 года, давшій дефицитъ въ 43½ мил. р., ни государственная роспись на 1881 годъ, сведенная съ дефицитомъ въ 42 мил. р., по обыкновенному бюджету, не говоря о чрезвычайныхъ расходахъ, не давали ни малѣйшей на это надежды. Означенная уплата всѣми понималась въ смыслѣ обращенія безпроцентнаго долга въ процентный, съ цѣлью сократить количество находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, въ виду чего тѣмъ же указомъ повелѣвалось уничтожить кредитные билеты, по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка и по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи. Словомъ, дѣло шло не болѣе, какъ о замѣнѣ одного долга другимъ. Въ послѣдніе годы, въ томъ числѣ и въ 1888 г., эта уплата имѣла характеръ просто бухгалтерскаго регулированія счетовъ: долгъ списывался въ одной рубрикѣ и вносился въ другую, даже безъ обращенія его до времени въ процентный. Такой порядокъ даетъ полное основаніе—

при опредѣленіи результата 1888 финансоваго года, исключивъ 50 мил. р. изъ поступлений, исключить ихъ и изъ расходовъ. Вслѣдствіе этого выведенная выше цифра избытка доходовъ 34.170.854 р. сократится всего на 700.688 р., что составитъ 33.470.166 рублей. Повторяемъ, результатъ этотъ—новый въ нашихъ бюджетахъ. Былъ, правда, избытокъ доходовъ въ 33 мил. р. по исполненію государственной росписи 1875 года, но онъ относился только къ обыкновенному бюджету; избытокъ же въ доходахъ 1888 года оказался за покрытіемъ какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ расходовъ. А между тѣмъ въ 1888 г. былъ примѣненъ вновь установленный порядокъ исчисления доходовъ, сократившій ихъ на 13¹/₂ мил. рублей.

Какъ извѣстно, нашъ финансовый годъ не совсѣмъ заканчивается 31-го декабря: по нѣкоторымъ видамъ расходовъ (расчеты съ кредиторами казны минувшаго года, окончаніе хозяйственныхъ операцій, нѣкоторые расходы по содержанію управленій и пр.), установленъ четырехмѣсячный *льготный* срокъ (для военнаго вѣдомства пятимѣсячный), въ теченіе котораго они могутъ производиться на счетъ смѣтъ истекшаго года. Такой же льготный срокъ допущенъ смѣтными правилами и для окладныхъ доходовъ, т.-е. недополученные платежи, внесенные въ окладные списки, если они поступали въ четыре первые мѣсяца слѣдующаго года, зачислялись въ доходъ не того года, когда поступили, а предшествовавшаго, а того, по смѣтамъ котораго должны были поступить. Съ теченіемъ времени понятіе объ *окладныхъ* доходахъ расширилось, и льготный срокъ сверхъ податей, выкупныхъ платежей и т. п. сталъ примѣняться къ весьма разнообразнымъ поступленіямъ: къ платежамъ частныхъ и доходамъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, пособіямъ и долгамъ казнѣ, къ доходу отъ оброчныхъ статей, нѣкоторымъ торговымъ сборамъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и трудъ казначействъ, которымъ при приемѣ платежей приходилось разсчитывать и разносить ихъ по рубрикамъ разныхъ годовъ. Увеличивался и трудъ контрольныхъ учрежденій, повѣрившихъ правильность сдѣланнаго распределенія. Въ финансовомъ отношеніи льготный срокъ не имѣлъ никакого значенія; онъ не способствовалъ и не мѣшалъ ни размѣру поступающихъ доходовъ, ни своевременности ихъ поступления; цѣль установленія его состояла въ томъ, чтобы полнѣе достигнуть соответствія между росписью и ея исполненіемъ; но и эта цѣль оставалась недостигнутой, такъ какъ значительная часть многихъ доходовъ за истекшій годъ, напр. отъ желѣзныхъ дорогъ, поступала въ казну по истеченіи льготнаго срока, и такимъ образомъ входила въ составъ доходовъ не того года, къ которому относилась.

Объ отмѣнѣ льготнаго срока какъ для доходовъ, такъ и для рас-

ходовъ, нѣсколько разъ возбуждался вопросъ какъ государственнымъ контролемъ, такъ и министерствомъ финансовъ (поборникомъ этой отиѣны былъ покойный адмиралъ Грейгъ). Но отиѣна льготнаго срока для расходовъ вызвала со стороны всѣхъ вѣдомствъ весьма вѣскія возраженія, тогда какъ единственнымъ препятствіемъ для отиѣны его по доходамъ служило неблагопріятное положеніе нашихъ бюджетовъ, представлявшихъ почти изъ года въ годъ значительный дефицитъ. Эта отиѣна, которая отнимала отъ доходовъ приблизительно около 20 мил. р. ¹⁾, на такую же сумму, слѣдовательно, увеличивала дефицитъ того года, къ которому впервые была бы прииѣнена, и этимъ должна была бы усилить тяжелое впечатлѣніе, производимое неблагопріятно исполненною государственною росписью. Удачное исполненіе государственной росписи 1888 года, съ такимъ значительнымъ перевѣсомъ доходовъ, устраняло препятствіе. Этимъ не упустили воспользоваться министр финансовъ и государственный контролеръ, и вошли съ представленіемъ объ отиѣнѣ льготнаго срока дѣйствія доходныхъ смѣтъ министровъ и главныхъ управленій. Миѣніе государственнаго совѣта по этому предмету Высочайше утверждено 7-го іюля текущаго года.

Такимъ образомъ, не будь этой отиѣны, съ присоединеніемъ 13¹/₂ мил. руб. къ выведенному выше избытку доходовъ, по всей росписи въ 33¹/₂ мил. руб. образовалась бы сумма почти достаточная для дѣйствительной, а не номинальной только уплаты государственному банку 50 мил. рублей.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, остановимся и нынѣ преимущественно на исполненіи государственной росписи *обыкновенныхъ* доходовъ и расходовъ — и главнымъ образомъ доходовъ, такъ какъ ими и рѣшается результатъ исполненія.

При сравненіи обыкновеннаго бюджета 1888 г. съ бюджетами ближайшихъ лѣтъ представляются слѣдующія данныя:

	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Обыкновенные доходы ¹⁾	764.477.515	770.546.090	829.661.423	898.581.925
Обыкновенные расходы .	806.614.846	832.391.851	835.849.860	840.419.494
	д е ф и ц и т ъ	избѣт. доход.		
	42.136.881	61.845.761	6.188.437	58.112.431

¹⁾ Въ льготномъ срокѣ въ счетъ росписи 1885 г. поступило 18¹/₂ мил. р.; росписи 1886 г.—22 мил. р., росписи 1887 г.—20¹/₂ мил. р. и должно бы поступить, по исчисленію государственнаго контроля въ счетъ росписи 1888 года—13¹/₂ мил. р. Меньшее поступленіе 1888 года зависитъ отъ того, что вслѣдствіе благопріятныхъ экономическихъ условій этого года сборы поступали исправнѣе въ теченіе 12 мѣсяцевъ.

²⁾ Въ доходѣ не вошли здѣсь остатки отъ заключенныхъ смѣтъ, составившіе въ 1885 г. 3 мил. р. съ небольшимъ, а въ остальные годы—2 мил. р. съ небольшимъ. Вообще цифры эти мы беремъ изъ объяснительной записки къ отчету госуд. конт-

Изъ этихъ цифръ видно, что въ послѣднiе три года расходы увеличились весьма незначительно, всего лишь на 4⁰/₁₀, тогда какъ доходы возросли на 17¹/₂⁰/₁₀, причемъ дефицитъ по исполненiю росписи, достигшiй въ 1886 году 62 мил. руб., черезъ два года превратился въ 58-миллионный избытокъ доходовъ. Рождается вопросъ: какимъ образомъ могъ совершиться такой переходъ? Отвѣтъ на это слѣдуетъ искать только въ подробномъ разсмотрѣнiи главныхъ составныхъ частей росписи, преимущественно по доходамъ.

Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля, въ ряду другихъ сопоставленiй, дается преимущественное значенiе сравненiю поступлений отчетнаго, т.-е. 1888 г., съ годомъ предшествовавшимъ. Но мы находимъ болѣе согласнымъ съ нашею цѣлю сравненiе не съ 1887, а съ 1886 годомъ, такъ какъ 1887 годъ, относительно финансовыхъ мѣръ, составляетъ прелюдiю 1888 года, и по результатамъ—переходъ отъ 1886 къ 1888 году.

Прежде нежели приступить къ сравненiю, необходимо еще замѣтить слѣдующее: точное сравненiе бюджетовъ послѣднихъ лѣтъ затруднительно вслѣдствiе того, что доходы, поступающiе въ золотой валютѣ, и расходы, въ этой валютѣ производимые, которые показаны въ отчетахъ въ кредитныхъ рубляхъ, каждый годъ исчислялись по иному курсу, при томъ несоотвѣтствующему дѣйствительной стоимости въ данное время золотого рубля на рубли кредитные. До 1887 года золотой рубль при переложенiи по отчету считался въ 1 р. 50 к. кред., хотя дѣйствительная средняя цѣнность его, напр. за 1886 годъ, была 1 р. 64 к.; въ 1887 году—въ 1 р. 67 к., при дѣйствительной стоимости въ 1 р. 79 коп.; въ 1888 г.—въ 1 р. 80 к., при стоимости въ 1 р. 70 к. ¹⁾ Въ 1888 году доходовъ въ золотой валютѣ поступило 85 мил. руб. и произведено расходовъ 70 мил. р. съ небольшимъ. При переложенiи этихъ суммъ въ кредитные рубли по 1 р. 80 к., какъ это дѣлается въ отчетѣ государственнаго контроля, бюджетъ увеличивается противъ дѣйствительнаго, въ которомъ стоимость золотого рубля опредѣлялась бы въ 1 р. 70 к.,—по доходамъ на 8¹/₂ мил. р., и по расходамъ на 7 мил. руб.; въ сравненiи же съ бюджетомъ 1886 года по доходамъ на 25¹/₂ мил. руб., и по расходамъ на 21 мил. руб. Такимъ образомъ, въ сущности доходы 1888 превышаютъ доходы 1886 года не на 128 мил. руб., какъ показано въ помѣщенныхъ выше цифровыхъ строкахъ, а только, на

роля за 1888 годъ въ нѣсколько замѣненномъ, по разнымъ основанiямъ, видѣ, противъ отчетовъ соотвѣтствующихъ лѣтъ, въ видѣ именно приуровненномъ къ болѣе удобному сравненiю бюджетовъ.

¹⁾ Показанiе средняго курса металлическаго рубля взято нами изъ изданiя таможеннаго департамента: „Внѣшняя торговля по европейской Россiи“, стр. V.

102¹/₂ мил. руб.; расходы же не только не увеличились на 8 мил. руб., а напротивъ—на 13 мил. уменьшились.

Поступленія и расходы въ металлической валютѣ были по разнымъ статьямъ росписи, но при сравненіи цифръ по каждой изъ нихъ переложеніе золотыхъ рублей въ кредитные по соотвѣтствующему курсу было бы одинаково утомительно какъ для составителя этой статьи; такъ и для читателей. Совершенно достаточно сдѣлать это по двумъ главнымъ рубрикамъ: по таможеннымъ поступленіямъ и расходамъ по государственному кредиту, когда будетъ говорить о нихъ. Пока мы станемъ принимать для сравненія цифры отчета безъ переложеній соотвѣтственно курсу.

Наибольшее увеличеніе въ доходахъ 1888 г. противъ 1886 г. оказывается по слѣдующимъ статьямъ: по таможенному доходу на 39 мил. руб., по питейному на 28 мил. руб.; въ доходахъ отъ желѣзныхъ дорогъ на 10 м. р.; въ обязательныхъ платежахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ на 12 мил. р.; въ табачномъ доходѣ на 8 мил. р.; въ прибыляхъ отъ банковыхъ операцій на 5 мил. р.; въ гербовомъ сборѣ на 4 мил. р.; въ торговыхъ сборахъ на 3 мил. р.; въ доходахъ съ горныхъ заводовъ и промысловъ на 3 мил. р.; отъ лѣсовъ на 2 мил. р.; въ сахарномъ доходѣ на 2 мил. р., и на сумму отъ 1 до 1¹/₂ мил. руб. въ каждомъ—въ поступленіяхъ крѣпостныхъ пошлинъ, пошлинъ разныхъ наименованій, почтовомъ, телеграфномъ и оброчныхъ статей. Сверхъ того поступило по несуществовавшимъ въ 1886 году налогамъ съ нефтяныхъ маселъ 6¹/₂ мил. р., и со спичекъ 2¹/₂ мил. рублей.

Поступленіе *таможеннаго дохода* за 1888 г. выражается въ цифрѣ 141 мил. р. слишкомъ, болѣе противъ 1887 года на 34 мил. р., и противъ 1886 г. на 39 мил. р. Какъ извѣстно, съ 1880 года у насъ начался нересмотръ таможеннаго тарифа, т.-е. возвышеніе таможенныхъ пошлинъ, общее и частное, на нѣкоторые виды товаровъ. Подъ влияніемъ этого поступленіе таможеннаго дохода нѣсколько увеличилось: въ трехлѣтіе 1879—1881 гг. его получалось въ средней цифрѣ 92 мил. р. въ годъ; въ четырехлѣтіе 1882—1885 гг. поступленіе возросло до 98 мил. р. Въ 1886 году оно равнялось 102¹/₂ мил. р. преимущественно вслѣдствіе усилившагося ввоза чая (пошлина съ котораго увеличилась на 5¹/₂ мил. р.), металловъ и хлопка, при сокращеніи ввоза нѣкоторыхъ другихъ товаровъ (напитковъ, шерсти, оливковаго масла). За 1887 годъ таможеннаго дохода въ отчетѣ значится 107¹/₂ м. р., на 5 мил. р. болѣе предшествовавшаго года, хотя въ дѣйствительности его поступило менѣе; это мнимое увеличеніе произошло отъ того, что 63¹/₂ мил. р. золотомъ, поступившіе въ 1887 г., при переложеніи по 1 р. 67 к. за золотой рубль, составили

106 мил. р., а 67^{1/2} мил. р. дохода 1886 г., считая по 1 р. 50 к. кред. за золотой рубль — всего лишь 101 мил. р. съ небольшимъ. Доходъ 1888 г. превышаетъ по отчету доходъ 1886 г. на 39 мил. р., но если принять во вниманіе, что золотой рубль перечисленъ въ кредитные на 30 к. дороже перечисленія 1886 года—это на 77^{1/2} мил. р. золотомъ составитъ разницу въ 23 мил. р. слишкомъ — то дѣйствительное увеличеніе не превыситъ 16 мил. р.

Впрочемъ яснѣе и точнѣе сравненіе можетъ быть приведено сопоставленіемъ поступленій въ золотой валютѣ ¹⁾.

	Въ 1886 г.	Въ 1887 г.	Въ 1888 г.
Поступило тамож. пошлинъ	67.397.866 р. з.	63.473.729 р. з.	77.565.803 р. з.

Такимъ образомъ, поступленіе таможенного дохода въ 1888 году увеличилось противъ 1886 года на 10 мил. р. зол. съ небольшимъ.

Но пошлины за очищенные въ теченіе года товары не вполнѣ уплачиваются наличными деньгами; часть ихъ обезпечивается залогами; при этомъ обезпеченныя ими суммы зачисляются въ доходъ не въ томъ году, когда поступили залогов., а въ томъ, когда они выкуплены. Поэтому, для опредѣленія дѣйствительнаго таможенного дохода, соответствующаго количеству очищенныхъ пошлиною товаровъ, необходимо принимать въ соображеніе не только поступающія наличныя суммы, но и движеніе залоговъ. А движеніе это за три послѣдніе года было, по свѣденіямъ таможенного департамента, таково: неоплаченныхъ залоговъ оставалось: къ 1886 году на 9.328.688 р. зол.; къ 1887 г. на 12.064.131 р.; къ 1888 году на 12.746.145 р.; къ 1889 г. ихъ осталось только на 4.229.808 р. золотомъ. Изъ этого видно, что дѣйствительный, соответствующій количеству очищенныхъ пошлиною товаровъ (деньгами или залогами) доходъ показанъ въ отчетѣ менѣе за 1886 годъ въ суммѣ 2.735.443 р. зол., и въ 1887 году — 682.014 р., а въ 1888 году болѣе на 8.516.337 р. Общая сумма этого дѣйствительнаго дохода составитъ въ 1886 году 70 м. р., въ 1887 году 64 мил. р., въ 1888 году около 69 мил. рублей золотомъ ²⁾.

¹⁾ Сверхъ того, таможенная пошлина поступаетъ въ кредитныхъ рубляхъ въ суммѣ около 2 мил. р., но мы не принимаемъ ее въ расчетъ во избѣжаніе сложности исчисленія.

²⁾ Въ обзорѣ внѣшней торговли по европейской границѣ съ включеніемъ черноморской границы кавказскаго края таможенный департаментъ представляетъ слѣдующія цифры пошлинъ, поступившихъ въ послѣдніе годы какъ наличными деньгами, такъ и залогами:

	Метал. валют.	Кред. рубл.
1886 г.	70.775.550	2.233.521
1887 „	64.170.467	2.285.155
1888 „	69.947.422	2.339.441

Такимъ образомъ, таможенный доходъ 1888 года не только не увеличился противъ 1886 г., но напротивъ на миллионъ, рублей уменьшился; противъ 1887 года онъ увеличился на 5 мил. р., которые при переложени по 1 р. 80 к. за золотой рубль составляютъ 9 мил. р. кр.

Можетъ нѣсколько удивить превращеніе 39-милліоннаго превышенія дохода въ милліонный недоборъ его, но вѣрность сказаннаго нами, сверхъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ, доказывается исчислениями государственнаго контроля при сравненіи таможеннаго дохода 1887 и 1888 годовъ. Изъ 34 мил. р., на которые, противъ 1887 г., увеличился таможенный доходъ 1888 г., государственный контроль излишекъ въ 8 мил. р. приписываетъ разному курсу, принятому при перечисленіи золотой валюты въ кредитную, 15 мил. р. относить на выкупъ залоговъ, поступившихъ въ предшествовавшіе годы, и затѣмъ только остальные 10 мил. р. объясняетъ отчасти увеличившимся ввозомъ нѣкоторыхъ товаровъ, а отчасти дѣйствовавшимъ въ 1888 г., хотя и установленнымъ еще въ теченіе 1887 г., болѣе высшимъ таможеннымъ тарифомъ на многіе товары. Исчисленіе государственнаго контроля разнится отъ нашего только тѣмъ, что, отнявъ отъ дохода 1888 г. стоимость залоговъ прежнихъ лѣтъ, онъ не присоединилъ ее къ доходамъ того года, когда они дѣйствительно поступили, а главное тѣмъ, что сравненіе его относится къ 1887 г., когда по росписи курсъ зол. рубль былъ опредѣленъ въ 1 р 67 к., наше же—къ 1886 г., при курсѣ въ 1 р. 50 к.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе ближайшаго разсмотрѣнія одного таможеннаго дохода, огромное общее повышеніе дохода въ 1888 году сравнительно съ 1886 г. сокращается на 40 мил. рублей. Спѣшимъ, однако, предупредить тѣхъ, кто захотѣлъ бы обвинить насъ въ пессимизмѣ: значительнѣйшая часть этихъ 40 мил. вовсе не потеряна для нашихъ государственныхъ бюджетовъ. Изъ нихъ 15 мил. р., внесенные за залогъ прежнихъ лѣтъ, должны быть причислены (мысленно, конечно; передѣлку финансовыхъ отчетовъ мы вовсе не предлагаемъ) къ доходамъ истекшихъ лѣтъ, что уменьшитъ соотвѣтственно ихъ дефицитъ, а остальные 25 мил. р., оказавшіеся въ бюджетѣ 1888 г. вслѣдствіе преувеличеннаго курса, уравновѣшиваются преувеличеніемъ почти на сумму лишь немногимъ меньшую въ расходахъ.

Значительное дѣйствительное приращеніе дохода далъ *питейный* налогъ: въ 1886 году его было получено 237 мил. р.; въ 1888 году—265 мил. р., болѣе на 28 мил. р., т.-е. на 12%. Если присоединить къ этому еще 7 мил. р., которые, по соображенію министерства финансовъ, раздѣляемому, какъ можно думать, и государственнымъ контролемъ, при обычномъ порядкѣ, должны бы поступить въ 1888

и поступили въ декабрѣ 1887, только во избѣжаніе оплаты повышеннымъ акцизомъ,—доходъ увеличивается до 272 мил. рублей.

О странныхъ колебаніяхъ въ цифрахъ питейнаго дохода намъ не разъ приходилось говорить въ прежнихъ нашихъ бюджетныхъ образахъ и указывать на то, что доходъ этотъ въ 1883 г., при акцизѣ въ 8 р. съ ведра безводнаго спирта, доставилъ $253\frac{1}{2}$ мил. р. слишкомъ, а въ 1886 году, при 9-ти-рублевомъ акцизѣ, не превысилъ 237 мил. рублей. Съ 1888 года, какъ извѣстно, послѣдовало новое возвышеніе акциза на 25 к. съ ведра, что, при расходѣ въ 25—26 мил. ведеръ безводнаго спирта, должно было дать лишнихъ до $6\frac{1}{2}$ мил. р. Если ихъ прибавить къ доходу 1886 года, получится $243\frac{1}{2}$ мил. р., которые доходъ 1888 г., съ 7 мил. р., превыситъ на $28\frac{1}{2}$ мил. руб. Превышеніе весьма большое, которое, съ финансовой точки зрѣнія слѣдовало бы признать вполне благоприятнымъ, еслибы цифра поступления 1886 г. была нормальна. Но изъ того, что сказано сейчасъ объ этой цифрѣ, таковою ее признать нельзя, какъ нельзя признать нормальнымъ питейный доходъ 1887 года, $250\frac{1}{2}$ мил. р. (если исключить изъ него 7 мил. р. въ пользу 1888 года), меньшій, не смотря на увеличенный акцизъ, сравнительно съ 1882 и 1883 гг. Нельзя, наконецъ, для сравненія остановиться и на 1885 году, въ половинѣ котораго послѣдовало увеличеніе акциза съ 8 коп. на 9, такъ какъ трудно разобрать, какимъ акцизомъ оплачивалось выпущенное въ этомъ году въ обращеніе вино. Возьмемъ для сравненія годы 1879 и 1880, когда акцизъ былъ въ размѣрѣ 7 рублей за ведро безводнаго спирта, и 1882, 1883 и 1884 гг., когда акцизъ былъ увеличенъ (въ 1881 г.) до 8 рублей. Средняя цифра питейнаго дохода 1879 и 1880 гг. составляла $226\frac{1}{2}$ мил. р.; съ увеличеніемъ акциза на 1 рубль она увеличилась для 1882, 1883 и 1884 года до $250\frac{1}{2}$ мил. р., т. е. на 24 мил. р., что безъ малаго соотвѣтствовало количеству ведеръ спирта, шедшаго въ обращеніе. При этомъ нужно замѣтить, что за два года 1882 и 1883 цифра эта гораздо выше ($253\frac{1}{2}$ мил. р.), но въ 1884 г. питейный доходъ значительно понижился (до 244 мил. р.), вслѣдствіе сильнаго и почти повсемѣстнаго въ Россіи неурожая. Въ 1888 г. акцизъ составлялъ 9 р. 25 к. съ ведра, на 1 р. 25 к. выше 1882—1884 гг. Если принять за норму увеличеніе, обнаружившееся въ этотъ послѣдній періодъ противъ 1879 и 1880 гг., то доходъ 1888 г. долженъ бы возрасти еще на 30 мил. р. (24 мил. в. \times 1 р. 25 к.) и составить 280 мил. руб.,—между тѣмъ онъ равняется только 272 мил. р., несмотря на то, что къ нему присоединены 7 мил. р. отъ дохода 1887 года и что весьма урожайный 1888 годъ слѣдовалъ за двумя прекрасными урожаями 1886 и 1887 годовъ. Это ясно доказываетъ, что и въ 1888 году влияли

тѣ неблагоприятныя условія, признанныя официально, вслѣдствіе которыхъ такъ неожиданно и ненормально понизился питейный доходъ въ періодъ 1885 — 1887 годовъ, т.-е. обращеніе въ народѣ вина, не оплаченнаго акцизомъ: ввезеннаго контрабандой изъ-за границы, выкуреннаго на тайныхъ заводахъ или нелегальнымъ путемъ вышедшаго изъ заводовъ явныхъ. Продолжающаяся ненормальность поступленія питейнаго дохода доказывается и тѣмъ, что количество потребляемаго народонаселеніемъ спирта и вина, доходившее лѣтъ 15 тому назадъ до 28 и 29 мил. ведеръ безводнаго спирта, въ 1887 и 1888 году едва перешло за 25 мил. ведеръ. Въ послѣднее время усилены и пограничная, и корчемная стража; но если это и содѣйствовало нѣкоторому сокращенію нарушеній питейнаго устава, то все еще не въ той степени, въ какой было бы желательно.

Во всякомъ случаѣ питейный сборъ далъ все-таки значительное превышеніе дохода въ 1888 г. сравнительно съ предшествовавшими годами, а свѣденія, сообщаемыя въ Вѣстникѣ финансовъ о поступленіи его въ первые 7 мѣсяцевъ 1889 г., даютъ возможность ожидать дальнѣйшаго его повышенія въ текущемъ году. Въ виду того, что меньшая противъ нормальной цифра питейнаго дохода вовсе не доказываетъ уменьшенія потребления его населеніемъ, было бы желательно, чтобы въ казну попадала вся сумма питейнаго сбора, взимаемаго съ народа, и чтобы тяжесть лежащаго на народѣ непомятно высокаго питейнаго обложенія не пропадала безслѣдно для нашихъ бюджетовъ.

Превышеніе доходовъ на сумму до 10 мил. р., противъ 1886 г., доставили казенныя *железныя дороги*, преимущественно вслѣдствіе расширенія ихъ сѣти; такъ, въ 1887 г. въ казну перешла уральская желѣзная дорога, съ 1888 г. рязско-моршанская. Въмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыхъ дорогахъ усилилось движеніе, какъ напр. на харьково-николаевской, полѣвскихъ, закаспійской и др., вслѣдствіе чего увеличился не только валовой доходъ, но и чистый.

Увеличились на 12 мил. р. противъ 1886 г. (и на 17 мил. руб. противъ 1887 г.) *обязательные платежи обществъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ*, поступившіе въ суммѣ 54¹/₂ мил. р.

Обязательные платежи частныхъ желѣзныхъ дорогъ слагаются изъ нѣсколькихъ видовъ причитающихся казнѣ поступленій: а) поступленій въ пользу казны, какъ участника въ доходахъ желѣзныхъ дорогъ (николаевской, московско-курской, варшаво-вѣнской и др.); б) поступленій на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ; в) процентовъ и погашенія по ссудамъ; г) возврата по гарантіи дохода съ облигацій и акцій. Всѣ эти платежи производятся или въ возмѣщеніе сдѣланныхъ казною расходовъ за счетъ желѣзныхъ дорогъ,

напр. по уплатѣ гарантіи, или въ возвращеніе займовъ, или въ уплату процентовъ по облигаціямъ, находящимся въ рукахъ казны; но производятся они не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ дѣйствительно причитаются казнѣ, а по особому расчету, основанному на полученномъ дорогами доходѣ. Такъ, на 1888 годъ расходы казны по упомянутымъ рубрикамъ (за исключеніемъ пункта а) были исчислены по росписи въ 77.950.161 р., а уплатъ внесено въ роспись только 27.507.224 р.; поступило же ихъ около 34¹/₂ мил. р., изъ которыхъ 5 съ небольшимъ мил. руб. за прежнее время; такимъ образомъ, хотя поступленій оказалось болѣе, нежели ожидалось, но и затѣмъ все-таки по однимъ этимъ расчетамъ долгъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ увеличился на 43¹/₂ мил. р. Вообще же долгъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ въ теченіе 1888 года возросъ на 66.805.398 ¹⁾ рублей и достигъ 1.226.231.581 рублей, несмотря на то, что въ послѣднее время нѣсколько дорогъ, наиболѣе задолжавшихъ казнѣ (муромская, уральская, ряжско-ваземская и др.), перешли въ казну и долги ихъ сложены со счетовъ.

Что касается до значительной, приведенной выше, цифры поступленія обязательныхъ платежей желѣзныхъ дорогъ въ 1888 году, то она объясняется тѣмъ, что въ составъ 54¹/₂ мил. руб. вошло около 15 мил. р. (14.982.857 р.), внесенныхъ въ возмѣщеніе начета по ревизіи эксплуатаціонныхъ оборотовъ николаевской желѣзной дороги за время съ 1868 по 1886 г. вѣлжительно. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и по залогамъ въ обезпеченіе таможенныхъ пошлинъ, 1888 годъ явился случайнымъ наслѣдникомъ крупной суммы, не попавшей своевременно въ соответствующіе скудные доходные бюджеты прежнихъ лѣтъ.

Прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операций поступило болѣе на 5 мил. руб., вслѣдствіе того, что, за упраздненіемъ съ 1887 года особаго счета ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, прибыли государственнаго банка поступаютъ въ казну.

Изъ доходныхъ статей, по которымъ увеличеніе поступленій произошло вслѣдствіе возвышенія размѣра налога, наиболѣе вниманія заслуживаетъ табачный сборъ. До 1882 года сборъ этотъ доставлялъ казнѣ около 14 мил. руб. Въ 1882 году послѣдовало изданіе новаго табачнаго устава, увеличившаго размѣръ обложенія и порядка взиманія табачныхъ сборовъ, что повлекло за собою возвышеніе табачнаго дохода въ періодъ 1883—1886 гг. до 20 мил. руб. въ средней

¹⁾ Въ 1886 г. долгъ желѣзныхъ дорогъ увеличился на 37.836.153 р., въ 1887 г. — на 69.708.811 руб.

цифрѣ. Съ 1-го іюня 1887 г. тарифъ бандеролей на табачныя издѣлія былъ снова повышенъ, послѣдствіемъ чего, при дѣйствіи новаго тарифа въ теченіе 7 мѣсяцевъ, оказалось увеличеніе табачнаго дохода въ 1887 году до 24 мил. руб., а въ 1888, въ которомъ повышенный тарифъ дѣйствовалъ въ теченіе полнаго года, до 28 мил. руб. На табаководство новый уставъ, судя по заявленіямъ какъ въ печати, такъ и официальнымъ, въ томъ числѣ и отчета государственнаго контроля ¹⁾, оказалъ не совсѣмъ благоприятное вліяніе: повышенный акцизъ повелъ къ ухудшенію сортовъ воздѣлываемаго у насъ табака, а стѣснительная регламентація надзора за табачными плантаціями, установленная для устраненія потребленія табака, не оплаченнаго акцизомъ, отозвалась сокращеніемъ числа табачныхъ плантацій и уменьшеніемъ количества десятинъ, ими занятаго. Особенно невыгоднымъ должно быть признано почти повсемѣстное уничтоженіе небольшихъ табачныхъ плантацій, не составлявшихъ спеціальнаго вида земледѣлія, а входившихъ, какъ подспорье, въ составъ общаго хозяйства. Для нихъ регламентація надзора оказалась наиболѣе стѣснительной, такъ какъ соединенныя съ нею хлопоты не могутъ окупаться размѣромъ производства. Ухудшеніе въ послѣднее время качества табака при значительно повышавшейся цѣнѣ его извѣстно каждому потребителю.

Другія статьи того же отдѣла, давшія болѣе, сравнительно съ прежнимъ, доходъ, вслѣдствіе возвышенія размѣра обложенія или присоединеніемъ къ прежнимъ видамъ новыхъ видовъ сбора, слѣдующія: *доходъ отъ налога за право торговли и промысловъ* (увеличеніе съ половины 1887 размѣра обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и установленіе двухъ новыхъ дополнительныхъ сборовъ съ акціонерныхъ и кредитныхъ обществъ, и пр.); *гербовый сборъ* (возвышеніе гербоваго сбора и цѣнъ актовой бумаги также съ половины 1887 г.); *пошлины разныхъ наименованій* (вновь установленные сборы съ спеціальныхъ текущихъ счетовъ и на содержаніе гминныхъ судовъ въ Царствѣ Польскомъ). Къ этимъ же доходамъ относятся вновь установленные сборы съ *освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ* и съ *зажигательныхъ спичекъ*.

Къ доходамъ, по которымъ увеличеніе оказалось слѣдствіемъ улучшенія въ экономическомъ бытѣ населенія и въ хозяйствѣ государственномъ и народномъ и расширенія сношеній, относятся: а) *доходъ отъ мѣсовъ*; не превышая въ пятилѣтіе 1883—1887 годовъ 13¹/₂ мил. руб., доходъ этотъ въ 1888 году повысился почти до 15¹/₂ мил. руб., на 2 мил. руб., т.-е. на 14⁰/₁₀₀; не безъ вліянія на это ока-

¹⁾ См. объяснительную записку къ отчету 1888 г., стр. 23.

заяся, конечно, законъ объ охранѣ частныхъ лѣсовъ, въ связи съ ихъ истребленіемъ въ послѣднее время, но главная причина все-таки— болѣе успѣшная продажа лѣса отъ усиленнаго требованія его какъ для внутренняго хозяйства, такъ и преимущественно для отпуска за границу: въ 1888 году за границу вывезено лѣса на 39 мил. руб., болѣе отпуска предшествовавшаго года на 11 мил. руб.; б) *доходъ отъ оброчныхъ статей*, доставившій 9¹/₂ мил. руб., болѣе противъ 1886 г. на 7 мил. руб., вслѣдствіе улучшенія въ народномъ хозяйствѣ, а также отъ причисленія къ общему доходу сбора съ оброчныхъ статей въ Туркестанѣ, въ Сибири и на Кавказѣ; в) *въ почтовомъ и телеграфномъ сборахъ*, увеличившихся противъ 1886 года слишкомъ на 3 мил. руб., вслѣдствіе развитія сношеній; и г) доходъ отъ горныхъ заводовъ и промысловъ, противъ 1886 г. на 2.700.000 р., на 60⁰/₀, вслѣдствіе болѣе успѣшной распродажи металловъ и издѣлій горныхъ заводовъ, а отчасти и курсового перечисленія доходовъ, поступающихъ въ золотой валютѣ.

Мѣриломъ относительнаго экономическаго состоянія народонаселенія служить въ значительной степени успѣшное поступленіе окладныхъ сборовъ, каковы подати и выкупные платежи. Общая сумма этихъ платежей по отчетамъ трехъ послѣднихъ лѣтъ опредѣляется: въ 1886 году 133.745.246 руб.; въ 1887 году 130.059.905 руб.; въ 1888 году 132.747.536 руб. Но къ поступлениямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ нужно прибавить еще поступления по отгѣненнымъ сборамъ въ количествѣ за 1887 г. 8.400.000 руб. и за 1888 годъ 6.000.000 руб. Сверхъ того, для равномерности необходимо за 1888 годъ присоединить поступления льготнаго срока, 3 мил. руб. по податямъ и до 2.250.000 выкупныхъ платежей. Съ этими дополненіями означенные сборы составятъ: въ 1886 году около 134 мил. руб., въ 1887 году 138¹/₂ мил. руб. и въ 1888 году 144 мил. рублей. Вслѣдствіе столь успѣшнаго поступленія, недоимки по существующимъ податямъ, по отгѣненнымъ оброчной и подушной податямъ и по выкупнымъ платежамъ, составлявшія къ 1888 году около 60¹/₂ мил. руб., къ 1889 г. сократились до 53 мил. руб., т.-е. на 7¹/₂ мил. руб., изъ коихъ лишь немного больше милліона рублей сложено по разнымъ обстоятельствамъ, а 6 мил. руб. внесены въ казну.

Оканчивая этимъ подробное обозрѣніе доходныхъ статей бюджета 1888 года, постараемся резюмировать сказанное нами:

1) Обыкновенные государственные доходы за 1888 годъ, показанные въ отчетѣ государственнаго контроля въ 898¹/₂ мил. руб., при отгѣнкѣ

¹) См. объяснительныя записки къ отчетамъ госуд. контроля за 1887 годъ, стр. 27 и 28 и 1888 г., стр. 29 и 30.

ихъ непосредственнаго значенія, должны быть уменьшены на 23 мил. руб., т.-е. изъ нихъ исключены 15 мил. руб. за выкупные таможенные залоговые прежнихъ лѣтъ и 15 мил. руб. уплаченнаго начета на николаевскую желѣзную дорогу за прежнее время, и прибавлены 7 мил. руб. питейнаго дохода, поступившіе въ 1887 году за 1888 годъ. За сими доходы опредѣляются въ цифрѣ 875¹/₂ мил. руб.

2) При оцѣнкѣ относительнаго значенія доходовъ 1888 года, изъ нихъ, сверхъ того, слѣдуетъ исключить курсовую разность при сравненіи съ доходами до 1887 года 25 мил. руб., и при сравненіи съ доходами 1887 года 10 мил. рублей.

3) Несмотря на эти сокращенія, доходный бюджетъ 1888 года все-таки остается явленіемъ весьма благоприятнымъ. Непосредственное выгодное значеніе его выражается въ томъ, что и по уменьшеніи доходовъ на 23 мил. руб., т.-е. до выведенной выше цифры 875¹/₂ мил. р., ими все-таки покрываются съ избыткомъ какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные расходы; относительное же—въ томъ, что по сокращеніи его сверхъ 23 мил. р. еще на 25 мил. руб. цифра его, 850¹/₂ мил. руб., превышаетъ наибольшій до 1887 года государственный доходъ: доходъ 1886 года (770¹/₂ мил. руб.) на 80 мил. р., и съ сокращеніемъ на 23 и 10 мил. р. доходъ 1887 года, 829¹/₂ мил. руб., приблизительно на 40 мил. руб. Сравненіе оказывается еще болѣе въ пользу 1888 года, если принять во вниманіе уменьшеніе противъ предшествовавшихъ лѣтъ доходовъ на 13¹/₂ мил. руб., вслѣдствіе отмены льготнаго срока—мѣры если не необходимой, то весьма полезной въ административномъ отношеніи.

4) Успѣшный результатъ исполненія государственной росписи 1888 года, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ трехлѣтняго урожая, большого сбыта хлѣба и лѣса за границу и вслѣдствіе этого улучшившагося экономическаго положенія населенія, которое получило возможность исправнѣе уплачивать и налоги, и сборы—прямые и косвенные. Указанныя причины оказали преимущественное вліяніе на болѣе успѣшное поступленіе сборовъ питейнаго, отъ лѣсовыхъ, съ оброчныхъ статей, окладныхъ сборовъ, съ желѣзныхъ дорогъ и болѣе или менѣе на всѣ остальные. Содѣйствовало увеличенію дохода возвышеніе налоговъ по указаннымъ выше статьямъ, хотя въ степени непропорціональной возвышенію налоговъ.

Къ этому можно прибавить пожеланіе, чтобы впредь для исчисленія таможеннаго дохода да и вообще для всѣхъ доходовъ и расходовъ, поступающихъ и производимыхъ въ металлической валютѣ, былъ найденъ способъ переложенія въ кредитные рубли, менѣе сбивающій съ толку и болѣе соответствующій дѣйствительному курсу. Или нужно оставить курсъ такой, какой принимался до 1887 года, т.-е. 1 р. 50 к.

кред. за метал. рубль, или для росписи принимать курсъ второй половины декабря того года, когда роспись составляется, а для отчета курсъ послѣднихъ чиселъ декабря отчетнаго года, съ нѣкоторымъ округленіемъ. При такомъ условіи цифры бюджета хоть сколько-нибудь соответствовали бы дѣйствительности; теперь же, напр., для 1888 г. метал. рубль считается въ 1 р. 80 к., когда онъ стоилъ въ декабрѣ этого года всего 1 р. 50 коп., а для 1885 и 1887 года въ 1 р. 50 и 1 р. 67 коп., когда средняя цѣна его за годъ была 1 р. 64 и 1 р. 79 коп., а въ отдѣльные сроки доходила до 2 р. Предполагаемое нами измѣненіе тѣмъ болѣе возможно, что суммы поступлений и расходовъ въ метал. валютѣ приблизительно равны, съ нѣкоторымъ перевѣсомъ поступлений.

Переходимъ къ расходамъ.

Обыкновенные государственные расходы, показанные въ отчетѣ государственнаго контроля за 1886 годъ въ 832¹/₂ м. р., въ 1888 г. увеличились до 840¹/₂ м. р., т.-е. на 8 мил. рублей, причемъ замѣтное увеличеніе оказалось по системѣ государственнаго кредита на 15¹/₂ м. р.; по министерству путей сообщенія на 4 м. р. и по министерству юстиціи на 900.000 р., а уменьшеніе по морскому министерству на сумму до 4 м. р. и по министерству финансовъ на 9 мил. р. По прочимъ вѣдомствамъ колебанія весьма незначительны. Но и изъ перечисленныхъ вѣдомствъ мы остановимся лишь на расходахъ по системѣ государственнаго кредита.

Въ составъ расходовъ въ 840¹/₂ м. р. входитъ, какъ это сказано выше, около 70 мил. р. золотомъ, которые перечислены въ кредитные рубли по курсу 1 р. 80 к. за золотой рубль. Если при сравненіи расходныхъ бюджетовъ 1888 г. и 1886 г., исчислить также, какъ исчислены нами 85 м. р. золотомъ по доходу, т.-е. по курсу, принятому для 1886 года, то это сокращаетъ расходы на 21 м. р., и именно по системѣ государственнаго кредита, на которую, за незначительными исключеніями, и упадаютъ всѣ расходы въ металлической валютѣ. При такомъ исчисленіи расходы 1888 года не только не превысятъ расходовъ 1886 г., но окажутся меньше. Государственный контроль, уравнивая по одинаковому курсу расходы золотомъ при сравненіи расходнаго бюджета 1888 и 1887 г., находитъ превышеніе бюджета 1887 г. на 4¹/₂ м. р., хотя номинально расходъ этого года на 4¹/₂ м. р. меньше расхода 1888 года. Еще болѣшая разница окажется противъ 1886 года: если уменьшить расходы 1888 г. на указанные выше 21 м. р., то цифра ихъ вмѣсто повышенія противъ цифры 1886 г. на 8 м. р. сократится, напротивъ, на 13 м. р.

Увеличеніе расходовъ по системѣ государственнаго кредита составляло, какъ извѣстно, одну изъ главныхъ причинъ непомернаго

роста нашихъ государственныхъ расходовъ. Расходы эти, не превышавшіе въ 1877 году 114 мил. р., ежегодно и быстро, хотя не совсѣмъ равномерно, увеличиваясь, черезъ 10 лѣтъ, въ 1887 году, достигли 281 м. р., т.-е. увеличились на 167 м. р., въ средней цифрѣ почти по 17 м. р. въ годъ. Только въ 1888 году они даже номинально уменьшились до 279¹/₂ м. р., на 1¹/₂ м. р. противъ предшествовавшаго года; если же принять во вниманіе курсовое исчисленіе, то уменьшеніе противъ 1887 года простирается до 9 м. р., а противъ 1886 года до 6 м. р. Причина этого сокращенія заключается, главнымъ образомъ, въ пересрочкѣ 5% банковыхъ билетовъ 1-го выпуска на новый 37-лѣтній срокъ, что сократило уплату въ 1888 г. по тиражу погашенія этого долга на 8.753.650 р.; сверхъ того, вообще количество государственныхъ долговъ уменьшилось въ 1888 году: къ этому году государственныхъ долговъ числилось 5.654.379.804 р.; къ 1889 г. ихъ осталось 5.631.117.475 р., менѣе на 23 м. р. слишкомъ.

Говоря о расходахъ по уплатѣ государственныхъ долговъ, нельзя не остановиться на особенностяхъ, свойственной кредитамъ, на это отпускаемымъ: они не подлежатъ закрытію ни въ какіе сроки, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда въ кредитъ явно не предстоитъ надобности, въ родѣ упомянутыхъ выше 8.753.650 р. на погашеніе, надобность котораго миновала. Разъ назначенная сумма такъ и остается въ кредитъ на неопредѣленное время. А между тѣмъ во многихъ изъ нихъ можетъ совершенно миновать надобность: могутъ быть утрачены какъ процентные купоны къ государственнымъ бумагамъ, такъ и самыя бумаги. Наконецъ, бумаги по займамъ, подлежащимъ ежегодному погашенію въ извѣстной суммѣ, очень часто пріобрѣтаются министерствомъ финансовъ покупкой на биржѣ по цѣнѣ, ниже той, какая назначена на ихъ погашеніе по росписи. Между тѣмъ кредиты эти закрываются нынѣ лишь въ самыхъ ничтожныхъ суммахъ: въ 1886 году ихъ закрыто на 43.000 р., въ 1887 году на 107.000 р., въ 1888 г. сумма закрытыхъ кредитовъ дошла до 9 м. р. лишь благодаря оказавшемуся излишнимъ погашенію 5% банковыхъ билетовъ 1 выпуска. Вопросъ о срокахъ закрытія кредитовъ по уплатѣ государственныхъ долговъ возбуждался не разъ, но до сихъ поръ, насколько извѣстно, остается неразрѣшеннымъ, а разрѣшеніе его несомнѣнно повело бы къ значительному сокращенію въ отчетахъ цифры расходныхъ бюджетовъ.

Возвращаясь къ общей суммѣ расходовъ 1888 года, помимо сокращенія ея противъ прежнихъ лѣтъ, слѣдуетъ указать еще на сокращеніе въ бюджетѣ 1888 года сверхсметныхъ кредитовъ. Сверхсметныя ассигнованія, составившія въ прежнее время главную причину нарушенія равновѣсія въ бюджетахъ между доходами и расходами,

въ 1880 г., напримѣръ, простирались до 56 м. р., въ 1881 г. до 45½ м. р. Въ періодъ 1882—1886 года сумма ихъ нѣсколько уменьшилась, но все-таки, за исключеніемъ 1884 г., заходила за 30 м. р.; только въ 1887 году кредиты эти были меньше 16 м. р., а въ 1888 г. составили всего лишь 8 м. р., изъ коихъ въ тому же слѣшкомъ 5 м. р. израсходованы изъ кредита въ 6 м. р., назначенныхъ по росписи на экстраординарныя въ теченіе года надобности.

Нужно замѣтить, что въ принципѣ мы вовсе не стоимъ за полное отстраненіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ: если среди года оказывается необходимость удовлетворить серьезной государственной или общественной потребности, то едва ли слѣдуетъ удовлетвореніе ея отложить, изъ одного желанія избѣжать сверхсмѣтнаго кредита. Немедленное удовлетвореніе будетъ и полезнѣе, и дешевле. Такъ еслибы въ началѣ года былъ выработанъ проектъ образованія какихъ-нибудь учебныхъ заведеній, то откладывать, во избѣжаніе сверхсмѣтнаго кредита, на годъ осуществленіе проекта едва ли было бы желательнымъ. Въ защиту прежняго времени прибавимъ еще, что значительная часть сверхсмѣтныхъ кредитовъ вызывалась неустранимыми обстоятельствами, какъ напримѣръ неурожаемъ хлѣба и травъ, требовавшей усиленныхъ расходовъ по снабженію войскъ провіантомъ и фуражомъ и т. п.

Во всякомъ случаѣ, обнаруженная въ 1888 году бережливость въ расходахъ, въ томъ числѣ и сверхсмѣтныхъ, за-одно съ счастливымъ ростомъ доходовъ, способствовала удачнымъ результатамъ по исполненію государственной росписи этого года. Рождается вопросъ: ручается ли удача 1888 года за будущее, хотя бы ближайшее? Можно надѣяться на равновѣсіе между доходами и расходами, по крайней мѣрѣ, по *обыкновенному бюджету* даже при экономическихъ условіяхъ, далеко не столь благоприятныхъ, какъ нынѣ; не должно при этомъ забывать, что будущіе бюджеты не будутъ лишены, подобно бюджету 1888 года, доходовъ льготнаго срока. Если бы затѣмъ судьбѣ угодно было продолжать намъ благопріятствовать, и результаты будущихъ финансовыхъ годовъ оказались бы близки къ результатамъ истекшаго года, то возможно было бы подумать и объ отмигнѣннѣ нѣкоторыхъ изъ установленныхъ въ послѣднее время налоговъ, особенно такихъ, которыхъ взиманіе, независимо отъ денежной тяжести, сопряжено съ стѣсненіемъ народной промышленности.

Къ нѣкоторымъ частностямъ государственнаго хозяйства и оборотовъ, насколько они выясняются отчетомъ государственнаго контроля: о денежныхъ расчетахъ казны съ желѣзнодорожными обществами, о движеніи долговъ и недоимокъ казны, о специальныхъ капиталахъ и т. п., мы предоставляемъ себѣ возвратиться въ одномъ изъ ближайшихъ обзорѣннѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1889 г.

Вопросъ о выборномъ мировомъ судѣ въ большихъ губернскихъ городахъ.— Агитація въ печати противъ права ходатайствъ, принадлежащаго городскимъ и земскимъ учрежденіямъ.—Настроеніе земскихъ собраній.—Народная школа въ шадринскомъ уѣздѣ и учительская школа въ Новгородѣ.— Новые суды въ остзейскихъ губерніяхъ.—Адвокатура и не-христіанскія исповѣданія.

Къ числу правъ, которыя могли бы, повидимому, оставаться внѣ всякаго сомнѣнія и спора, принадлежитъ такъ-называемое право ходатайства, т.-е. право мѣстныхъ выборныхъ учрежденій представлять правительству о нуждахъ и пользахъ мѣстнаго населенія. Оно никого ни въ чемъ не стѣсняетъ, никого ни къ чему не обязываетъ. Судьба ходатайства, чего бы оно ни касалось и сколько бы разъ ни было повторено, зависитъ всецѣло отъ центральной власти; оно можетъ быть отвергнуто даже безъ объясненія причинъ, безъ изложенія мотивовъ. Чѣмъ шире пользуются правомъ ходатайства земскія собранія и городскія думы, тѣмъ больше основанийъ предполагать, что ни одна назрѣвающая потребность не будетъ оставлена безъ вниманія, ни одно зло не успѣетъ разростись подъ покровомъ тишины и тайны. Нужно имѣть совершенно извращенныя понятія объ отношеніи управляемыхъ къ управляющимъ, чтобы видѣть въ просьбѣ— „домогательство“, въ заявленіи—требованіе, въ желаніи—преступную волю. Возставать противъ „ходатайствъ“ или стремиться къ крайнему ограниченію власти, для нихъ доступной, могутъ только тѣ, кому ненавистно всякое свободное, искреннее выраженіе общественнаго мнѣнія. Съ этой точки зрѣнія выборнымъ учрежденіямъ подобаешь только славословить, благодарить, послушно откликаться, въ видѣ эхо, на господствующіе взгляды—или докладывать о такихъ „мѣстныхъ нуждахъ“, какъ на примѣръ улучшение лошадиной породы, пособіе на починку дороги, назначеніе наградъ экспонентамъ уѣздной сельско-хозяйственной выставки. Трубные звуки (конечно, не иначе

какъ по заранѣ одобреннымъ нотамъ) и „шопоть, робкое дыханье“ — вотъ крайности, между которыми не полагается средины. Печать, каеэдра, общественныя собранія — все должно быть подведено подъ эту мѣрку; ничѣмъ неограниченной остается только свобода молчанія, — но и оно, впрочемъ, не обезпечено отъ толкованій и перетолкованій... Этой модной доктриной внушены, очевидно, три передовыя статьи, появившіяся недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 301, 305, 310). Нашимъ читателямъ извѣстно, что, одновременно съ изданіемъ узаконеній 12-го іюля, министру юстиціи было предоставлено, „по надлежащемъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, сношеніи, войти въ обсужденіе вопроса о томъ, не оказывается ли возможнымъ сохранить въ большихъ губернскихъ городахъ существующія тамъ мировыя судебныя установленія, на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами императора Александра Второго, и заключеніе свое внести въ Государственный Совѣтъ“. Министръ юстиціи поручилъ старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ обратиться къ нѣкоторымъ городскимъ думамъ съ предложеніемъ сообщить мнѣніе ихъ по этому вопросу. Въ число такихъ думъ вошли, между прочимъ, саратовская и казанская, высказавшіяся за сохраненіе выборныхъ мировыхъ учреждений. Ихъ примѣру послѣдовали, отчасти по приглашенію, отчасти безъ приглашенія, многія другія думы и земскія собранія. Отсюда негодованіе московской реакціонной газеты, воспользовавшейся случаемъ, чтобы наговорить какъ можно больше „страшныхъ словъ“ и поднять какъ можно больше пыли. „Говорятъ—таковъ вступительный выстрѣлъ,—что у насъ нѣтъ конституціи: Странное заблужденіе! Она у насъ есть, у насъ есть и парламенты, пользующіеся гораздо большими прерогативами, чѣмъ въ западной Европѣ“. Этому началу соотвѣтствуетъ продолженіе. На сцену является и *противодѣйствіе (!) закону, и безпримѣрное своеволие, и отчаянная борьба* противъ Высочайше утвержденной реформы, и *преступная агитація*, которая — такъ пророчествуетъ газета — „окажется смертнымъ приговоромъ для нынѣшнихъ городскихъ думъ и земскихъ собраній“. Не смущаясь всѣми этими ужасами, присмотримся поближе къ тезисамъ, защищаемымъ „Московскими Вѣдомостями“. Ихъ три; остріе перваго направлено противъ министра юстиціи и, до извѣстной степени, противъ государственнаго совѣта; остріе втораго — противъ постановленій, опредѣляющихъ право ходатайства вообще; остріе третьяго — противъ конкретнаго случая пользованія этимъ правомъ.

„Мы не знаемъ (!?) — замѣчаетъ московская реакціонная газета, — какими собственно соображеніями руководился Государственный Совѣтъ, предоставляя министру юстиціи инициативу ходатайствованія объ установленіи нѣкоторыхъ исключеній изъ общаго, только-что

утвержденнаго закона". Итакъ, вотъ первый источникъ зла: не нужно было допускать и мысли о какихъ бы то ни было исключеніяхъ изъ общаго правила. Выборные мировые судьи должны были исчезнуть безслѣдно и повсемѣстно; ничто не должно было напоминать о старомъ, осужденномъ порядкѣ. Оставить его въ силѣ хоть гдѣ-нибудь, значитъ возбудить сомнѣніе въ непогрѣшимости новыхъ учреждений. Разсуждая такимъ образомъ, реакціонная газета забываетъ только одно: она упускаетъ изъ виду, что страстную ея ненависть къ выборному мировому суду вовсе не обязаны раздѣлять, да и не раздѣляютъ, высшія государственныя установленія. Рѣшающее значеніе въ упраздненіи участковыхъ мировыхъ судей имѣли, какъ извѣстно, соображенія экономическаго свойства; признано было неудобнымъ возлагать на населеніе, вмѣстѣ съ расходами по содержанію земскихъ начальниковъ, расходы по содержанію мировыхъ судей. Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло сохраненіе, тамъ или здѣсь, прежняго мирового суда вовсе не составляетъ противорѣчія, уничтожающаго цѣльность реформы. Пускай „Московскія Вѣдомости“ предполагаютъ, что столицы и большіе губернскіе города не признаны, *пока*, „достойными получить настоящихъ судей, назначенныхъ верховною властью“; едва ли найдется городъ, который не согласился бы попасть, на этихъ условіяхъ, въ разрядъ „штрафованныхъ“ и не пожелалъ бы оставаться въ немъ какъ можно дольше... За государственнымъ совѣтомъ слѣдуетъ, въ качествѣ обвиняемаго, министр юстиціи. Изъ того, что министру юстиціи разрѣшены, по вопросу о судебномъ устройствѣ въ большихъ губернскихъ городахъ, *сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ*, нельзя еще заключить — такъ аргументируетъ московская газета, — „чтобы были желательны, правильны и законны сношенія съ кѣмъ не слѣдуетъ“. А всего менѣе слѣдуетъ входить по данному предмету въ сношеніе съ городскими думами“. Не слышится ли въ этихъ словахъ отголосокъ давно знакомой пѣсни, подъ звуки которой московская газета еще недавно шла въ походъ противъ бывшаго министра юстиціи, противъ бывшаго министра финансовъ? Чтѣ несогласно съ ультра-реакціонными взглядами, то „неправильно“ и „незаконно“. Въ простотѣ и ясности этому критерию отказать нельзя, но другими достоинствами онъ едва ли обладаетъ. Какой законъ запрещаетъ министру собирать *мнѣнія* общественныхъ учреждений? Чтѣ неправильнаго въ обращеніи къ тѣмъ, кто ближе всего заинтересованъ въ рѣшеніи вопроса? Насъ хотятъ увѣрить, что отвѣтъ городскихъ думъ легко было предугадать заранѣе, что онѣ не могли высказаться иначе, какъ въ пользу сохраненія выборнаго мирового суда; но онѣ не ограничились, конечно, простымъ *да* или *нѣтъ*; онѣ подкрѣпили свой отзывъ мотивами, которые, безъ сомнѣнія, и были

наиболѣе интересны для министерства юстиціи. По убѣжденію московской газеты, у городскихъ думъ можетъ быть только одинъ поводъ дорожить выборнымъ судомъ; онъ нуженъ и симпатиченъ имъ исключительно какъ „выгодное орудіе для партійной борьбы, на почвѣ личныхъ интригъ и кумовства“. Лучшее опроверженіе этому можно найти... на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, почти рядомъ съ статьей, изъ которой нами только-что сдѣлана цитата. Когда въ кишиневской городской думѣ, — повѣствуетъ корреспондентъ московской газеты (№ 304), — одинъ изъ гласныхъ предложилъ ходатайствовать о предоставленіи думѣ самостоятельнаго выбора мировыхъ судей, предложеніе это было отвергнуто почти единогласно; почти всѣ гласные нашли, что выборъ мировыхъ судей для города Кишинева всего лучше было бы оставить по прежнему за кишиневскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Развѣ такое отношеніе къ вопросу было бы мыслимо, если бы дума видѣла въ выборѣ судей „выгодное орудіе партійной борьбы, на почвѣ личныхъ интригъ и кумовства“? Развѣ она не воспользовалась бы удобнымъ случаемъ, чтобы отобрать это орудіе у земства и захватить его въ собственныя руки? Развѣ платоническая любовь къ „праву на интриги“ можетъ дойти до стремленія сохранить это право за другимъ, постороннимъ учрежденіемъ?.. Постановленіе кишиневской городской думы, сколько бы его ни осипали насмѣшками и бранью, знаменательно, въ нашихъ глазахъ, именно какъ указаніе на настоящія причины, заставляющія дорожить выборнымъ мировымъ судомъ.

„Сношенія съ тѣмъ слѣдуетъ—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости—отнюдь не одно и то же, что приглашеніе городскихъ думъ къ обсужденію вопроса, желаютъ ли онѣ подчиниться новому закону. Обращаться къ думамъ съ такимъ вопросомъ, значило бы дать имъ прямой поводъ думать, что ихъ побуждаютъ къ открытому порицанію закона. А министръ юстиціи, безъ сомнѣнія, счелъ бы подобное побужденіе тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что оно относилось бы къ учреждениямъ ему неподвѣдомымъ. Если же, при всемъ этомъ, состоялось обращеніе въ думы нѣкоторыхъ городовъ, чрезъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, съ вопросомъ, не желаютъ ли онѣ высказаться противъ введенія въ этихъ городахъ новаго закона о правительственномъ назначеніи мировыхъ судей, то сдѣлалось это, надо думать, лишь по незнанію (!?) и непредвидѣнію вопрошавшими тѣхъ послѣдствій, которыя должны были возникнуть и дѣйствительно возникли изъ вопроса, на первый взглядъ безобиднаго“. Итакъ, вотъ дилемма: или „побужденіе къ открытому порицанію закона“, т. е. прямое нарушеніе служебнаго долга, или „незнаніе и непредвидѣніе“ *неизбѣжныхъ* послѣдствій, т. е. крайняя

близорукость въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Относится эта дилемма не къ кому другому, какъ къ министру юстиціи, по приказанію котораго дѣйствовали „вопрошавшіе“ (т.-е. председатели судебныхъ палатъ). Сколько нужно было, выражаясь вѣжливо, словесныхъ операций, чтобы придти къ такой постановкѣ вопроса! Издастся новый законъ, сознательно и намѣренно не касающійся извѣстныхъ территориальныхъ единицъ—столицъ и большихъ губернскихъ городовъ. По отношенію къ этимъ единицамъ вопросъ о томъ, ввести ли новый порядокъ или сохранить старый, остается открытымъ, но подлежащимъ разрѣшенію въ ближайшемъ будущемъ. Чтобы подготовить это разрѣшеніе, принимается рядъ мѣръ, къ числу которыхъ принадлежитъ опросъ городскихъ думъ. Не ясно ли, что предметомъ опроса является здѣсь вовсе не желаніе или нежеланіе *подчиниться новому закону*? Объ этомъ могла бы быть рѣчь развѣ тогда, еслибы повсемѣстное введеніе новаго порядка было рѣшено въ принципѣ, и все-таки найдено было бы нужнымъ выслушать мнѣнія городскихъ думъ. При настоящемъ положеніи дѣла городскія думы, отвѣчая, такъ или иначе, на приглашеніе министра юстиціи, не идутъ и не могутъ идти въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства, потому что эти намѣренія окончательно еще не установились. Исходъ, въ пользу котораго высказываются думы, представляется *возможнымъ* и въ глазахъ власти; въ противномъ случаѣ законъ 12-го іюля не заключалъ бы въ себѣ оговорки, изъ-за которой сырѣ-боръ загорѣлся. Столь же очевидно и то, что въ приглашеніи, обращенномъ къ думами, не было ничего похожаго на призывъ къ *открытому порицанію закона*. Если сохраненіе, кое-гдѣ, выборнаго мирового суда признано возможнымъ и при дѣйствиіи узаконеній 12-го іюля, то ходатайствовать о включеніи въ разрядъ изъятій—не значитъ еще высказываться противъ общаго правила. Все это, собственно говоря, разумѣется само собою; мы просимъ извиненія, что останавливаемся такъ долго на понятіяхъ столь элементарныхъ — но что же дѣлать, если въ наше время сплошь и рядомъ отрицается несомнѣнное, оспаривается безспорное?.. Вмѣстѣ съ первой половиной дилеммы падаетъ и вторая. Никакихъ „непредвидѣнныхъ“ послѣдствій обращеніе къ думами не имѣло и имѣть не могло. Получился только одинъ изъ факторовъ, необходимыхъ для всесторонняго освѣщенія вопроса; принять его въ соображеніе или не принять—зависитъ отъ законодательной власти.

Мы говорили, до сихъ поръ, только о тѣхъ городахъ, которые отвѣчали на вопросъ министра юстиціи. Какіе это города, мы знаемъ только отчасти; перечисленія ихъ не потрудились дать „Московскія Вѣдомости“—а между тѣми это было бы необходимо именно съ ихъ

точки зрѣнія. Даже онѣ, быть можетъ, заговорили бы о Кишиневѣ нѣсколько другимъ тономъ, еслибы было установлено, что вопросъ о сохраненіи мирового суда обсуждался въ кишиневской городской думѣ не „своевольно“, а вслѣдствіе предложенія министерства юстиціи ¹⁾. Весьма любопытнымъ, съ другой стороны, представляется сообщеніе „Русскихъ Вѣдомостей“, что съ тѣмъ же вопросомъ, какъ и къ нѣкоторымъ городскимъ думамъ, министерство юстиціи обратилось, между прочимъ, къ ялтинскому мировому съѣзду, который „нашелъ настоятельно необходимымъ сохранить въ севастопольскомъ градоначальствѣ судебно-мировыя учрежденія въ нынѣшнемъ ихъ видѣ“. Если это сообщеніе достовѣрно—въ чемъ мы не видимъ повода сомнѣваться,—то оно указываетъ на расширеніе первоначальныхъ предѣловъ опроса, допущенное министерствомъ юстиціи, конечно, не безъ достаточныхъ къ тому оснований. Севастополь — городъ не губернской, и даже не особенно большой... Какъ бы то ни было, необходимо различать города, отвѣчавшіе на запросъ министерства, отъ городовъ, по собственному почину возбудившихъ ходатайство о сохраненіи за ними выборнаго мирового суда. Только послѣднихъ касается второй тезисъ, защищаемый „Московскими Вѣдомостями“. Этотъ тезисъ можетъ быть формулированъ такъ: земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ принадлежить, по закону, право ходатайствовать только о своихъ *мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ*, перечисленныхъ въ городскомъ и земскомъ положеніяхъ и не имѣющихъ ничего общаго съ вопросомъ объ устройствѣ въ городахъ судебной части. Другими словами, реакціонная газета усиливается заключить право ходатайства въ крайне тѣсные предѣлы, не оправдываемые ни практикой нашего самоуправленія, ни внутреннимъ смысломъ закона, ни даже его буквой. Слово: „*хозяйственныхъ*“, вводимое газетой въ общее опредѣленіе права ходатайства, вовсе не встрѣчается въ ст. 2 и 55 городского положенія, говорящихъ просто о „*мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ города*“. На этомъ обстоятельствѣ—далеко не лишеномъ значенія, въ виду того, что городское положеніе издано шесть лѣтъ спустя послѣ земскаго,—мы не станемъ, впрочемъ, настаивать слишкомъ сильно. Земскимъ учреж-

¹⁾ Въ Кишиневѣ около 130 тысячъ жителей; онъ вполне подходит, слѣдовательно, подъ понятіе о *большомъ* губернскомъ городѣ. Впрочемъ, у „Московскихъ Вѣдомостей“ и насчетъ этого свои особенные взгляды; онѣ находятъ, напримеръ, что Саратовъ (съ 112 тысячами жителей) „не причисляется (къ?) къ разряду *большихъ* губернскихъ городовъ“. Сколько же нужно тысячъ жителей, чтобы попасть, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ разрядъ *большихъ* губернскихъ городовъ?—150 тысячъ? Но вѣдь въ такомъ случаѣ большимъ губернскимъ городомъ оказался бы, въ предѣлахъ дѣйствія законовъ 12-го іюля, одинъ только Харьковъ.

деніямъ положеніе 1-го января 1864 г. разрѣшаетъ ходатайствовать о мѣстныхъ *хозяйственныхъ* пользахъ и нуждахъ; но это никогда не считалось препятствіемъ къ разсмотрѣнію земскихъ ходатайствъ, относившихся къ вопросамъ судоустройства и судопроизводства. Въ статьѣ о земскихъ ходатайствахъ 1876 и 1877 г., напечатанной, около десяти лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ ¹⁾, перечислено *семидцать* просьбъ этого рода—и онѣ не были отклоняемы правительствомъ, какъ выходящія изъ круга земской дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ приводили даже къ желанной цѣли; таково, на примѣръ, ходатайство нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія объ установленіи въ пользу земства исковыхъ пошлинъ по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что подлежащимъ разсмотрѣнію и разрѣшенію признавалось, до сихъ поръ, каждое ходатайство города или земства, вызванное заботой о благосостояніи мѣстнаго населенія. Немного найдется такихъ вопросовъ, которые затрогивали бы *исключительно* благосостояніе какой-либо *одной* мѣстности; желательное для однихъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывается желательнымъ и для многихъ другихъ. *Общеполезность* дѣла не мѣшаетъ, слѣдовательно, избрать его предметомъ земскаго или городского ходатайства. Совершенно ошибочно было бы разсуждать такимъ образомъ: организациа суда есть вопросъ *общегосударственный*, ergo—о ней не должны говорить органы *мѣстнаго* самоуправления. Важное для всего государства, судебное устройство имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени серьезное значеніе для каждой отдѣльной мѣстности. Отсюда право мѣстнаго представительства выражать свои мнѣнія или пожеланія по этому предмету, ограничивая ихъ предѣлами своей территоріальной компетенціи. Незаконнымъ можно было бы признать развѣ земское или городское ходатайство, направленное къ сохраненію выборнаго мирового суда *во всей имперіи*, но отнюдь не ходатайство о сохраненіи его въ данной губерніи, въ данномъ уѣздѣ, въ данномъ городѣ. Если мы обратимся къ исторіи земскихъ ходатайствъ, то увидимъ, что самыми плодотворными изъ нихъ были именно тѣ, которыми возбуждались вопросы общіе по своей сущности, хотя и приуроченные къ пользамъ и нуждамъ данной мѣстности ²⁾. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о государственномъ поземельномъ крестьянскомъ кредитѣ. Возбуждая ходатайство по этому вопросу, земство той или другой губерніи, того или другого уѣзда руководствовалось, конечно, близко извѣстными ему интересами и потребностями мѣстнаго на-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. № 6.

²⁾ См. ниже, въ Литературномъ Обозрѣніи, замѣтку о книгѣ г. Абрамова.

селенія; но самое свойство вопроса было таково, что центральною властью онъ могъ быть поставленъ и разрѣшенъ не иначе, какъ общимъ закономъ. Нельзя было оказать государственную помощь крестьянамъ полтавской или московской губерніи, не оказавъ ея, *при тѣхъ же условіяхъ*, крестьянамъ другихъ губерній. Поставить земскія и городскія ходатайства въ тѣ узкія рамки, о которыхъ говоритъ реакціонная печать—значило бы лишить центральную власть цѣлой массы полезныхъ или необходимыхъ указаній, значило бы закрыть одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ законодательной дѣятельности. И для чего? Для того, чтобы подчеркнуть еще разъ старинную формулу: „не разсуждать—повиноваться“? Но вѣдь слишкомъ рано было бы еще забыть, къ чему привело, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, безусловное господство этой формулы. Выводить обязательность молчанія изъ „ограниченности ума“ простыхъ гражданъ (*beschränkter Unterthanenverstand*) было бы по меньшей мѣрѣ странно, послѣ того какъ двадцатипятилѣтній опытъ такъ громко свидѣтельствуетъ въ пользу способности этого ума служить великимъ цѣлямъ государства.

Намъ еще остается рассмотреть третій тезисъ реакціонной газеты. Просьбы о сохраненіи выборнаго мирового суда, заявленныя независимо отъ запроса министерства юстиціи, незаконны, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, не только въ силу общаго правила, допускающаго ходатайства лишь по мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ, но и въ виду противорѣчія ихъ съ узаконеніями 12-го іюля. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ, прежде всего, то фальшивое представленіе о *просьбѣ*, на которое мы уже указали въ началѣ обзорѣнія. *Ходатайство* никогда не можетъ и не должно быть приравниваемо къ *противодѣйствію*. Выразить желаніе, чтобы былъ оставленъ въ силѣ старый порядокъ, не значитъ еще возставать противъ новаго порядка. Повиновеніе закону вполне совмѣстно съ ходатайствомъ о допущеніи тѣхъ или другихъ изъ него исключеній. Въ настоящемъ случаѣ возможность изъятій изъ общаго правила заранѣе признана закономъ; что же опаснаго или возмутительнаго въ ходатайствѣ о нѣкоторомъ расширеніи области этихъ изъятій? Неужели губернскому городу, имѣющему менѣе 100 или 50 тысячъ жителей, непозволительно заявить, что, по мѣстнымъ условіямъ, для него всего болѣе желательно сохраненіе прежней формы мирового суда? Неужели уѣздному городу, населеніе котораго превосходитъ въ нѣсколько разъ населеніе многихъ губернскихъ городовъ, непозволительно указать на возможность уравненія его, въ дѣлѣ устройства суда, съ большими губернскими городами? Возьмемъ, для примѣра, городъ Елецъ, возбудившій, въ

числѣ другихъ, ходатайство объ оставленіи за нимъ выборнаго мирового суда. Въ Ельцѣ пятьдесятъ тысячъ жителей; по оборотамъ торговли, по развитію промышленной жизни онъ подходитъ—по справедливому замѣчанію корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“¹⁾—къ типу тѣхъ городовъ, относительно которыхъ вопросъ о формѣ суда оставленъ, пока, открытымъ. Удивляться ли тому, что елецкая городская дума, вполне довольная мѣстными мировыми судьями, присоединяетъ свой голосъ къ числу другихъ, поданныхъ въ пользу сохраненія стараго порядка? Мы вполне убѣждены, что ни одному изъ членовъ думы не приходило на мысль видѣть въ этомъ демонстрацію противъ правительства или осужденіе новаго закона. Точно такъ же, безъ сомнѣнія, относились къ вопросу и другія думы или земскія собранія, ходатайства которыхъ подняли такую бурю въ узкомъ, невымытомъ стаканѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Напрасно реакціонная газета пускаетъ въ дѣло свою послѣднюю, отравленную стрѣлу; напрасно она увѣряетъ, что при широкомъ толкованіи права ходатайства²⁾ могутъ появиться просьбы земскихъ собраній о введеніи конституціи, объ отиѣнѣ православія, объ отдѣленіи окраинъ отъ центра Россіи, о введеніи коммуны. Нашимъ противникамъ очень хорошо извѣстна нѣмецкая поговорка: *es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht bis zum Himmel wachsen*; извѣстна и примѣнимость ея къ занимающему насъ вопросу. Если въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій бывали такія минуты, когда раздвигались сами собою обычныя рамки земскихъ ходатайствъ, то вѣдь то же самое можно сказать и о дворянскихъ собраніяхъ. Рѣчь идетъ не объ исключеніяхъ, возможныхъ при любой редакціи и при любомъ толкованіи закона, а объ обычномъ теченіи жизни. У насъ въ Россіи его русло и безъ того уже такъ мелко и узко, что право нѣтъ надобности въ новыхъ, искусственныхъ его загражденіяхъ.

Періодъ ожиданія и неизвѣстности, начавшійся съ тѣхъ поръ, какъ поставленъ въ печати на очередь вопросъ о „контръ-реформахъ“, до сихъ поръ еще не законченъ. Законы 12-го іюля создали новую организацію мѣстнаго суда и мѣстнаго управленія, но не коснулись органовъ самоуправленія, земскихъ и городскихъ. Есть основаніе думать, что нынѣшняя законодательная сессія принесетъ съ собою преобра-

¹⁾ Обращаемъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что эта корреспонденція появилась на страницахъ консервативной газеты. Отрадно видѣть, что за „Московскими Вѣдомостями“ не идутъ, въ данномъ случаѣ, даже бывшіе ихъ создатели.

²⁾ За это толкованіе высказались „Русскія Вѣдомости“, въ двухъ прекрасныхъ статьяхъ, прямо направленныхъ противъ московской реакціонной газеты.

зование земскихъ учреждений. Проектъ земской реформы, внесенный въ государственный совѣтъ зимою 1887—88 г. и остающійся безъ движенія, какъ мы слышали, только за неполученіемъ отзывовъ отъ нѣкоторыхъ министровъ, извѣстенъ читателямъ нашего журнала. Если онъ осуществится, у насъ будетъ земство, но земство вовсе не похожее на то, которое мы теперь видимъ и знаемъ. Мы не ошибемся, поэтому, если скажемъ, что земство, теперешнее земство переживаетъ, быть можетъ, свои послѣднія минуты. *Какъ оно ихъ переживаетъ?* Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно, потому что о дѣятельности большинства земскихъ собраній, въ особенности уѣздныхъ, проникаетъ въ печать очень мало свѣдѣній. Приходится, по-неволѣ, руководствоваться немногими отрывочными данными, собирая ихъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Возьмемъ, на примѣръ, корреспонденцію изъ Твери, напечатанную недавно въ „Новомъ Времени“ (№ 4926). Начинается она такъ: „Окончившееся на-дняхъ земское собраніе тверского уѣзда еще разъ доказало, что земство—сцена, которую стараются захватить въ свое пользованіе разныхъ взглядовъ и направлений актеры (но не артисты), для своихъ потребностей, самолюбій и взаимныхъ счетовъ“. Сомнѣнія нѣтъ—корреспонденція написана въ самомъ модномъ духѣ; въ пристрастїи къ земству авторъ ни въ какомъ случаѣ заподозрѣнъ быть не можетъ. И что же? Самъ того не желая и не зная, онъ является краснорѣчивымъ свидѣтелемъ въ пользу земства. Разсказавъ подробно о томъ фактѣ, который далъ ему поводъ къ пессимистическому вступленію ¹⁾, корреспондентъ перечисляетъ вкратцѣ остальные результаты дѣятельности земскаго собранія. Оказывается, что въ уѣздѣ открыта новая больница и учреждено два новыхъ врачебныхъ пункта; больница, которую уѣздное земство содержало въ Твери, закрыта, но вмѣсто того состоялось соглашеніе съ губернской управой, по которому въ распоряженіе уѣзда предоставлено шестнадцать кроватей въ губернской земской больницѣ. Все это кажется намъ вполне рациональнымъ. Въ городѣ, особенно губернскомъ, врачебная помощь всегда болѣе доступна, нежели въ уѣздѣ; тѣмъ ближе земская медицина къ деревенскому населенію, тѣмъ лучше она достигаетъ своей цѣли. Увеличивая число больницъ и врачей въ уѣздѣ, тверское уѣздное земство остается вѣрнымъ своему призванію. Заботливость его о народномъ здоровьѣ доказывается и тѣмъ, что оно тратитъ на врачебную часть 37 тысячъ рублей, тогда какъ въ 1885 г. на этотъ предметъ было

¹⁾ Рѣчь идетъ о суммѣ 150 рублей, употребленной на починку моста. Въ глазахъ безпристрастнаго наблюдателя, продолжительность спора по этому предмету свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ тщательно провѣряется правильность земскихъ расходовъ. Пересолъ, въ подобныхъ случаяхъ, лучше недосола.

ассигновано въ тверскомъ уѣздѣ только 16.305 рублей. Гораздо меньше увеличились, за послѣднія пять лѣтъ, расходы тверского земства на народное образованіе (вмѣсто 18 тысячъ—20); и къ этой области, однако, послѣднее земское собраніе отнеслось не индифферентно, принявъ цѣлый рядъ мѣръ къ поощренію школъ грамотности (каждому преподавателю въ такой школѣ, если онъ имѣетъ право на званіе сельскаго учителя, рѣшено выдавать по 3 рубля за учащагося и по 5 рублей за выдержавшаго испытаніе на льготу; сверхъ того, земская управа снабжаетъ школу учебными пособиями и классными принадлежностями). Объ апатіи, вызываемой иногда ожиданіемъ близкой кончины, здѣсь, очевидно, нѣтъ и помину; тверское уѣздное земство полно жизни, оно вступаетъ на новые пути, берется за новыя задачи.

Тверь — одинъ изъ крупныхъ центровъ земской дѣятельности, большой городъ, лежащій на перепутьѣ между Москвой и Петербургомъ; не этимъ ли объясняется сравнительная подвижность тверского земства? Едва ли. Передъ нами одинъ изъ глухихъ городовъ, одинъ изъ дальнихъ уѣздовъ новгородской губерніи (см. „Краткій очеркъ дѣятельности тихвинскаго земства“, составленный, къ двадцатипятилѣтію земскихъ учреждений, бывшимъ членомъ тихвинской уѣздной земской управы, С. Г. Бередниковымъ). И здѣсь мы видимъ движеніе впередъ, стремленіе сдѣлать какъ можно больше съ небольшими средствами. Содержаніе предсѣдателя и членовъ управы не растетъ, а понижается. Въ устройствѣ врачебной части происходитъ значительная переимѣна къ лучшему; земскіе врачи, прежде сосредоточенные въ городѣ, разсеяются въ разные мѣстности уѣзда; при нихъ открываются пріемные покои. Не остается болѣе волостей, въ которыхъ не было бы правильно устроенной начальной школы. Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что такую же бодростью, такую же энергіей отличалась и послѣдняя сессія боровичскаго (новгородской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія. Прибавимъ ко всѣмъ этимъ примѣрамъ еще одинъ, извѣстный намъ по личному опыту. Мы говорили нѣсколько разъ ¹⁾ о перипетіяхъ, которыя переживало, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, одно уѣздное земство, довольно-таки „захолустное“, хотя и близкое къ Петербургу. Небольшая, но вліятельная группа землевладѣльцевъ, располагавшая почти всѣми видными мѣстами въ уѣздномъ самоуправленіи и заручившаяся крѣпкимъ союзомъ съ уѣзднымъ управленіемъ, рѣшила „пойти на встрѣчу событіямъ“, т.-е. провести собственными руками земства многое изъ того, что черезъ нѣсколько времени, по теоріи вѣроятностей, будетъ

¹⁾ См. Общ. Хроника въ №№ 3 и 12 В. Европы за 1887 г. и въ № 1 за 1889 г.

сдѣлано помимо его воли. Главныя усилія этой группы были направлены противъ земской школы. За робкими попытками поколебать ея авторитетъ и оспорить приносимую ею пользу послѣдовала, въ прошломъ году, рѣшительная атака; управа внесла предложеніе о передачѣ всѣхъ земскихъ школъ въ вѣденіе духовенства. Попытка предрѣшить вопросъ не удалась, благодаря въ особенности пассивному противодѣйствию крестьянъ; коммиссія, избранная для разсмотрѣнія доклада управы, составила почти вся изъ защитниковъ земской школы. Тогда борьба была перенесена на другой театръ дѣйствій. Въ мартѣ нынѣшняго года должны были происходить выборы гласныхъ. Агитація властныхъ кружковъ поставила себѣ задачей „провалить“—какъ на крестьянскихъ, такъ и на землевладѣльческихъ сѣздахъ—главныхъ противниковъ земскаго „самоуничтоженія“. Результатъ получился, однако, противоположный; „за флагомъ“ остались сами агитаторы. Въ новое собраніе изъ числа прежнихъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ вошли только тѣ, которые были непричастны къ интригѣ или прямо шли противъ нея; остались гласными и крестьяне, всего яснѣе доказавшіе свою преданность земской школѣ. Составъ собранія обновился свѣжими силами, и октябрская сессія его представляла зрѣлище, давно невиданное въ уѣздѣ. Личныя вопросы отошли на задній планъ; всѣ предложенія, имѣвшія въ виду развитіе школьнаго и врачебнаго дѣла, проходили почти единогласно; объ отказѣ отъ завѣдыванія школами, конечно, не было и рѣчи, хотя собраніе не только ассигновало, по примѣру предыдущаго года, денежное пособіе церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности, но даже увеличило его цифру. Еще важнѣе то, что собраніе рѣшило перейти отъ натуральной дорожной повинности къ денежной. Въ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, натуральная дорожная повинность—въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена до-реформенными, устарѣвшими законами—на самомъ дѣлѣ давно уже перестала существовать; но такъ какъ она не была отменена формально, то возвращеніе къ ней было возможно и входило въ составъ плановъ, съ которыми носилась побѣжденная партія. Другими словами, возможно было возложеніе на крестьянъ тяжелаго, неравномѣрнаго бремени, о которомъ они успѣли забыть—забыть такъ основательно, что нѣкоторымъ изъ нихъ не совсѣмъ даже было понятно его значеніе. Теперь путь назадъ загражденъ навсегда; здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, новое собраніе оказалось совершенно свободнымъ отъ гнета модныхъ вѣяній. Новой управѣ оно вмѣнило въ обязанность разрывъ съ канцелярской рутинной ея предшественниковъ и изученіе на мѣстѣ тѣхъ народныхъ нуждъ, удовлетворенію которыхъ могло бы способствовать земское собраніе.

Если нѣкоторымъ земствамъ приходится до сихъ поръ тратить

силы и время на расчистку путей, на устраненіе стремленій, которымъ не должно быть мѣста на земской почвѣ, то другія, болѣе счастливыя, могутъ подводить уже теперь итоги неустанной, систематической, многолѣтней работы. Таково, напримѣръ, шадринское уѣздное земство (пермской губерніи). Докладъ шадринской уѣздной земской управы по народному образованію, представленный послѣднему (октябрьскому) очередному земскому собранію — это настоящій историческій документъ, въ высшей степени интересный. Въ шадринскомъ уѣздѣ земскія учрежденія введены въ дѣйствіе въ 1870 г. Отъ до-реформенной эпохи имъ досталось въ наслѣдство четырнадцать школъ, съ 529 учениками и расходомъ въ 3.225 рублей. Въ первыя пять лѣтъ земство ограничивалось увеличеніемъ числа школъ и содержанія учителей; въ 1875 г. школъ было 32, съ 1.540 учениками, а расходъ на школы простирался до 25 тысячъ рублей. Этому количественному успѣху не соответствовали качественныя; преподаваніе, находившееся болѣею частью въ рукахъ священниковъ, шло плохо, къ выпускному экзамену не было представлено ни одного ученика, населеніе не питало къ школамъ ни сочувствія, ни довѣрія. Съ 1876 г. главнымъ предметомъ стараній земства, нашедшаго самую энергичную поддержку въ инспекторѣ народныхъ училищъ, становится улучшеніе учительскаго персонала. Принимается за правило, чтобы обязанности преподавателя не были соединяемы съ обязанностями законоучителя. Учительницамъ отдается преимущество передъ учителями, между прочимъ потому, что въ школы, гдѣ преподаютъ первыя, поступаетъ сравнительно гораздо больше дѣвочекъ (въ 1881 г., напримѣръ, на каждую такую школу приходилось по 12 дѣвочекъ, а на каждую школу, гдѣ преподавалъ учитель — только по шести). Цѣльнй рядъ мѣръ имѣетъ цѣлью поднять уровень преподаванія закона Божія, страдающаго отъ неаккуратности и небрежности законоучителей. Сельскимъ обществамъ выдаются субсидіи на постройку хорошо устроенныхъ школьныхъ зданій. Въ школахъ учреждаются бібліотеки; устраивается въ первый разъ учительскій съѣздъ. Къ 1882 г. всѣхъ земскихъ школъ въ шадринскомъ уѣздѣ было 46, съ 2.140 учениками. Идти дальше тѣмъ же путемъ было не по средствамъ земства; школьный бюджетъ на 1882—83 г. составлялъ уже 43¹/₄ тысячи рублей. Тогда шадринское земство рѣшается принять на свое попеченіе школы грамотности. Оно снабжаетъ ихъ учителями изъ числа окончившихъ курсъ въ земской начальной школѣ. Эти молодые люди, почти мальчишки, остаются крестьянами по образу жизни, по потребностямъ, по лѣтнимъ работамъ. Небольшое вознагражденіе (отъ 7 до 12 рублей въ мѣсяцъ), получаемое ими отъ земства, служить существенно-важнымъ подспорьемъ для ихъ семействъ. Занимаются

они подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ бывшихъ преподавателей—учителей земскихъ школъ,—и достигаютъ, благодаря этому, вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Въ 1882-83 г. устроенныхъ такимъ образомъ школъ было семь, съ 169 учениками; въ 1888-89 г. число ихъ доходитъ уже до *семидесяти двухъ*, съ 1.702 учениками. Большой шагъ впередъ все школьное дѣло въ шадринскомъ уѣздѣ совершаетъ въ 1883 г., благодаря учительскому съѣзду, руководителемъ котораго былъ Н. Ѳ. Бунаковъ. Среднее число учениковъ, приходящееся на одну школу нормальнаго типа, сразу поднимается съ 50 на 65; число школъ грамотности увеличивается почти вчетверо: число учащихся въ этихъ школахъ — почти впятеро. Въ истекшемъ учебномъ году всѣхъ школъ, содержавшихся на счетъ земства, въ шадринскомъ уѣздѣ было *сто тридцать пять*, съ 5.472 учащимися; смѣта на учебную часть составляла почти шестьдесятъ тысячъ рублей. Всѣ эти усилія и затраты, почти безпримѣрныя въ исторіи земскихъ учреждений, не остаются безплодными. Доказательствомъ этому служатъ повѣрочныя испытанія, произведенныя, въ прошломъ году, при шести школахъ шадринскаго уѣзда (экзаменаторомъ, въ четырехъ школахъ, былъ инспекторъ народныхъ училищъ, въ двухъ—членъ училищнаго совѣта). Экзаменовалось болѣе 230 человекъ, окончившихъ курсъ между 1875 и 1884 г. Такихъ лицъ, которыя совершенно разучились бы читать, писать или считать, между ними вовсе не оказалось. Всего больше слабыхъ отвѣтовъ было по ариметикѣ; и здѣсь, однако, познанія громаднаго большинства были признаны достаточными. По закону Божію слабо отвѣчали менѣе 5% всѣхъ экзаменовавшихся; по чтенію и письму удовлетворительныя отмѣтки получили почти всѣ. Еще болѣе утѣнительныя результаты изслѣдованія, произведеннаго, въ то же самое время, относительно нравственнаго вліянія школы. О поведеніи бывшихъ учениковъ и ученицъ мѣстные священники дали отзывъ вполне благоприятный. Грамотный, по ихъ словамъ, стоитъ, вообще говоря, выше неграмотнаго, лучше понимаетъ семейныя и общественныя обязанности. Въ своей семьѣ онъ является чѣмъ-то въ родѣ учителя; къ его помощи охотно обращаются односельцы. Никто изъ окончившихъ курсъ въ начальной школѣ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности за сколько-нибудь важное преступленіе; было только два случая судимости въ волостномъ судѣ за драку. Измѣнили земледѣльческому труду только пятеро изъ окончившихъ начальную школу; одинъ поступилъ въ приказчики, одинъ—въ волостные писаря, двое—въ фельдшера, одинъ—въ помощники лѣсничаго... И все-таки школьное дѣло въ шадринскомъ уѣздѣ все еще далеко отъ полнаго своего развитія. Одинъ учащійся все еще приходится здѣсь на 55 жителей, одна

школа—на три селенія; и это неудивительно, если принять во вниманіе, что населеніе шадринскаго уѣзда доходитъ до 300 тысячъ, раскинутыхъ на 16 тысячахъ квадратныхъ верстъ. Чѣмъ труднѣе условія, съ которыми должно считаться русское земство, тѣмъ выше слѣдуетъ цѣнить его заслуги—и тѣмъ меньше основанийъ вытѣснять его изъ той сферы, въ которой оно такъ много и такъ успѣшно потрудилося.

Неужели, однако, характеристическія особенности переживаемой нами минуты вовсе не отразились на земской дѣятельности? Этого мы, конечно, не утверждаемъ. Печальныхъ явленій въ земской сферѣ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать; но это еще не значитъ, чтобы ихъ не было вовсе. Мы едва ли ошибемся, если отнесемъ въ ихъ числу постановленіе новгородскаго губернскаго земскаго собранія о закрытіи земской новгородской (Александровской) учительской школы. Состоялось это постановленіе еще въ январѣ мѣсяцѣ, но мы не помнимъ, чтобы о немъ говорилось въ столичной печати; а между тѣмъ оно далеко не лишено интереса, въ виду обстоятельствъ ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ. Въ новгородской губерніи существовали двѣ учительскія семинаріи: одна—правительственная, съ субсидіей отъ земства, въ Череповцѣ; другая—чисто-земская, въ Новгородѣ. Въ 1888 г. возникъ вопросъ о томъ, не много ли для одной губерніи двухъ учительскихъ семинарій и нельзя ли закрыть одну изъ нихъ? Губернское земское собраніе высказалось въ пользу закрытія череповецкой семинаріи; но ему пришлось уже тогда выслушать цѣлый рядъ нападеній противъ новгородской земской школы. Одни находили ее ненужной, излишней, другіе—вредной. Эти нападенія возобновились съ еще большою силою годъ спустя, когда управа доложила собранію, что министерство народнаго просвѣщенія высказалось за закрытіе новгородской земской школы, съ переводомъ на ея мѣсто правительственной семинаріи изъ Череповца. Насколько можно судить по стенографическому отчету о преніяхъ, происходившихъ въ губернскомъ собраніи, со стороны министерства народнаго просвѣщенія заявлено было по этому предмету только мнѣніе, предложеніе, а не требованіе. И все-таки за сохраненіе школы, существовавшей около двадцати лѣтъ, почти со времени открытія въ новгородской губерніи земскихъ учреждений, подали голосъ только немногіе изъ числа гласныхъ. Защитниковъ школа имѣла, очевидно, немало—но они заботились, болѣею частью, только о томъ, чтобы устроить ей, если можно такъ выразиться, честныя похороны, чтобы очистить ея память отъ неосновательныхъ нареканій. На это согласились, въ концѣ концовъ, и противники школы—люди, очевидно, практичные, довольствующиеся фактической побѣдой. Во время преній они настаивали именно на

„внутреннемъ несовершенствѣ“ земской школы; но когда рѣшено было ея закрытіе, они присоединились къ резолюціи, провозглашавшей, что школа „закрывается не вслѣдствіе причинъ внутренняго разлада или внутренняго несовершенства“. Что же, однако, ставилось въ вину александровской школѣ? Что она не даетъ достаточнаго числа учителей новгородскимъ земскимъ училищамъ? Изъ 222 лицъ, окончившихъ курсъ въ александровской школѣ и находившихся въ живыхъ въ 1887-88 г., сто сорокъ, т.-е. около 63%, состояли начальными учителями въ новгородской губерніи; восьмеро, сверхъ того, служили въ той же губерніи учителями городскихъ училищъ, двое были священниками, двое псаломщиками, трое находились на службѣ въ новгородскихъ земскихъ учрежденіяхъ. Никакъ нельзя сказать, слѣдовательно, чтобы населеніе новгородской губерніи мало пользовалось услугами бывшихъ учениковъ александровской школы. Быть можетъ, слишкомъ дорого стоило содержаніе школы? Противники ея доказывали, что обученіе каждаго ученика обходится земству въ 2.000 рублей; но гораздо ближе къ истинѣ, повидимому, расчетъ защитниковъ школы, по которому эта цифра должна быть уменьшена почти на половину. Или земство не нуждается больше въ учителяхъ, выпускаемыхъ школой? Едва ли это такъ, если изъ девяти учениковъ выпуска 1887 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выпуска, не имѣлъ мѣста только одинъ, а изъ десяти учениковъ выпуска 1888 г.—только двое; всѣ остальные были пристроены въ начальныхъ школахъ новгородской губерніи. Не оставляетъ ли желать слишкомъ многого устройство учебной части? На это, во все продолженіе преній, не было сдѣлано ни одного намека. Удовлетворительно ли, наконецъ, *воспитаніе*, получаемое учениками школы? Здѣсь мы встрѣчаемся съ настоящимъ узломъ вопроса. Уже въ 1888 г. въ губернское собраніе была внесена однимъ изъ гласныхъ (г. Чесновомъ) записка, обвинявшая учениковъ школы въ „неблагонамѣренности“ и „неблагонадежности“. Комиссія, которой было поручено рассмотреть эту записку, признала обвиненіе бездоказательнымъ. Во время преній оно никѣмъ поддержано не было, но къ губернской управѣ предъявлено было однимъ изъ гласныхъ странное требованіе, чтобы она доказала благонадежность всѣхъ бывшихъ учениковъ школы. Черезъ-чуръ подозрительный гласный упустилъ изъ виду старинное правило: *quilibet praesumitur bonus, donec probetur contrarium*; онъ забылъ, что обязанность оправдываться возникаетъ только тогда, когда хоть сколько-нибудь подтверждено обвиненіе. Были названы, затѣмъ, четыре бывшихъ ученика школы, будто бы замѣченные въ политической неблагонадежности—но невиновность ихъ тотчасъ же была доказана официальными данными. Въ 1889 г. нападеніе было перенесено

на новую почву. Одинъ изъ учениковъ школы сознался въ нестрогомъ соблюденіи постовъ, а на другого взведено было—священникомъ того села, гдѣ онъ жилъ во время каникулъ—обвиненіе въ отказѣ приложиться къ кресту. Изъ этихъ двухъ фактовъ одинъ изъ гласныхъ (все тотъ же г. Чеснокъ) успѣшилъ вывести „обобщеніе“, неблагоприятное для школы; онъ добавилъ, что многіе ученики школы позволяютъ себѣ отзывы въ родѣ слѣдующаго: „громъ гремитъ, Бога нѣтъ“. „Я слышалъ не разъ, — восклинулъ г. Чеснокъ, — что александровская школа—наше дѣтище, о которомъ мы должны заботиться. Если это наше дѣтище, то извините, господа, — это Каинъ, который рано или поздно убьетъ все хорошее, сохранившееся въ его младшемъ братѣ“. Гласному Чесноку возражалъ гласный Масловскій, принадлежащій къ числу принципиальныхъ противниковъ александровской школы, но хорошо знакомый съ ея учениками и глубоко убѣжденный въ несправедливости заявляемыхъ противъ нихъ подозрѣній. Ему, какъ члену попечительнаго совѣта школы, было поручено произвести разслѣдованіе по обимъ обвиненіямъ, упомянутымъ нами выше—и онъ доказалъ съ полною ясностью, что въ нихъ не было ровно ничего серьезнаго. Ученикъ, пившій молоко во время петровскаго поста, самъ сказалъ о томъ священнику, приведя въ свое оправданіе, что ему приходилось нести крайне утомительную физическую работу. Другой ученикъ, во время обхода священника по избамъ, приложился однажды къ кресту и считалъ себя въ правѣ не прикладываться къ нему вторично; поэтому онъ остался за завѣской, пока священникъ совершалъ молитвословіе. Опасную окраску поступокъ ученика получилъ только въ донесеніи священника, давно уже относившагося недоброжелательно къ воспитанникамъ александровской школы. Что касается до фразы: „громъ гремитъ, Бога нѣтъ“, то мы должны сознаться, вѣдѣ за гласнымъ Масловскимъ, что она для насъ совершенно непонятна, какъ непонятно и заключеніе, выведенное изъ нея гласнымъ Чеснокомъ. Ясно только одно—что обвиненіе, построенное на такихъ слабыхъ данныхъ, свидѣтельствовало не противъ, а въ пользу александровской школы. Не въ чемъ было, очевидно, серьезно заподозрить школу, если противъ нея могло быть пущено въ ходъ такое жалкое оружіе ¹⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ школа несомнѣнно вышла бы побѣдительницей изъ неравной борьбы; если она не выдержала ея теперь, то это объясняется недостаткомъ энергіи со стороны защитниковъ школы. Они не вѣрили въ возможность отстоять существованіе школы—и сами наложили на нее руки,

¹⁾ Замѣтаемъ, что свѣденія о „проступкахъ“ учениковъ обвинители почерпнули изъ отчета самой школы, начальствомъ которой приняты были противъ обонхъ „виновныхъ“ дисциплинарныя мѣры.

вмѣсто того, чтобы ожидать рѣшенія высшей власти. Они забыли, что далеко не одно и то же—подчиниться требованію, котораго нельзя не исполнить, или предупредить его, между тѣмъ какъ оно, можетъ быть, вовсе бы и не состоялось... Образъ дѣйствій новгородскаго губернскаго земскаго собранія представляется, къ счастью, исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Если земству, въ настоящемъ его видѣ, суждено умереть, оно умретъ стоя, не выпуская изъ рукъ, до самаго конца, вѣренное ему дѣло.

Какова бы ни была, впрочемъ, стойкость самого земства, многіе видятъ въ немъ уже теперь выморочное учрежденіе—и поступаютъ сообразно съ этимъ взглядомъ. Есть губерніи, въ которыхъ не только высшіе, но и низшіе органы управленія считаютъ возможнымъ относиться къ земству свысока, какъ къ чему-то подчиненному, несамостоятельному, обреченному на непрекословное повиновеніе. Вотъ, на примѣръ, какую бумагу получила недавно одна губернская земская управа: „вчерашняго числа мною была препровождена въ контору богоугодныхъ заведеній для излеченія крестьянина N.; но почему-то въ конторѣ бумага о ней принята, а сама N., по распоряженію ординатора Л., изъ больницы вовсе удалена, какъ заявила N. Находя распоряженіе г-на Л. неосновательнымъ и имѣя въ виду, что N. страдаетъ заразительными и опасными болѣзнями, то означенную N. имѣю честь препроводить въ земскую управу и просить распоряженія о замѣщеніи ея въ больницу и о замѣщеніи ея уведомить меня“. Какъ полагаютъ читатели, отъ кого идетъ эта бумага? Еслибы она была редактирована нѣсколько грамотнѣе, то ее можно было бы приписать только губернатору, какъ высшему начальнику губернскаго врачебнаго управленія. Только лицо весьма авторитетное можетъ обращаться въ *губернскую* управу съ просьбами, похожими на требованіе; только лицо, опирающееся на мнѣніе специалистовъ, можетъ находить *неосновательнымъ* распоряженіе земскаго врача, дѣйствующаго въ предѣлахъ своей компетентности. Оказывается, однако, что приведенная нами бумага написана... исправляющимъ должность пристава одной изъ частей губернскаго города! Управа препроводила ее на усмотрѣніе губернатора, предполагая, что сдѣшкомъ усердному полицейскому чиновнику будетъ разъяснена неправильность его поступка. Губернаторъ нашелъ, что „безтактно“ поступила сама управа ¹⁾, и предписалъ конторѣ больницы, прямо отъ себя, принять крестьянку N (оказавшуюся, вслѣдъ затѣмъ, совер-

¹⁾ Безтактность была усмотрѣна въ томъ, что отвѣтъ на „требованіе“ полиціи былъ посланъ управой не полиціи, а губернатору. Нужно ли объяснять, что на самомъ дѣлѣ сообщеніе управы было не отвѣтомъ полиціи, а представленіемъ ея дѣйствій на разсмотрѣніе начальства?

шенно здоровой). De facto, такимъ образомъ, губернская земская управа уже теперь рассматривается, кое-гдѣ, какъ одно изъ отдѣленій губернаторской канцеляріи. Не лучше ли было бы не предвосхищать событій и признавать за каждымъ учрежденіемъ ту роль, то мѣсто, которыя принадлежатъ ему въ данную минуту, на основаніи дѣйствующаго еще закона? Вѣдь не претендуетъ же никто уже теперь на „руководительство“ участковыми мировыми судьями, только потому, что предстоятъ, въ скоромъ времени, „руководить“ земскими начальниками. О командованіи надъ земскими управами тѣмъ больше не должно бы быть и рѣчи, ибо проектъ земской реформы не получилъ еще силы закона. И этотъ проектъ, впрочемъ, не предоставляетъ губернатору передовѣрять лично ему принадлежащую власть надъ земствомъ городскимъ приставамъ или другимъ низшимъ полицейскимъ чиновникамъ.

Въ настоящую минуту новыя судебныя учрежденія введены въ остзейскомъ краѣ почти повсемѣстно. Просматривая списки лицъ, назначенныхъ предсѣдателями, прокурорами и членами четырехъ прибалтійскихъ окружныхъ судовъ (ревельскаго, рижскаго, митавскаго и либавскаго), мы замѣтили одну особенность, на которую, кажется, не было обращено вниманія въ нашей печати. Когда, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, судебныя уставы 1864 г. были распространены на царство польское, примѣненіе ихъ было возложено отчасти на мѣстныхъ юристовъ, польскаго происхожденія, отчасти на русскихъ, служившихъ до тѣхъ поръ въ внутреннихъ губерніяхъ. Это было вполне понятно и цѣлесообразно. Первые приносили съ собою знаніе мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, знаніе мѣстныхъ условій, пониманіе польскаго языка, вторые—практическое знакомство съ судебными уставами и независимость отъ мѣстныхъ теченій. Мѣста между тѣми и другими были распредѣлены почти поровну—и никакихъ неудобныхъ послѣдствій это, повидимому, не имѣло, хотя та же система была примѣнена и къ варшавской судебной палатѣ, поставленной надъ окружными судами десяти привислянскихъ губерній. При назначеніи судей въ остзейскій край поступлено совершенно иначе, несмотря на то, что окружные суды этого края подчинены петербургской судебной палатѣ. Изъ числа мѣстныхъ юристовъ въ составъ новыхъ судовъ не вошелъ, кажется, никто; въ списокъ судей очень мало встрѣчается не-русскихъ фамилій, и немногіе обладатели ихъ почти всѣ находились до сихъ поръ на службѣ во внутреннихъ губерніяхъ. Такъ напримѣръ, между восемнадцатью членами рижскаго окружного суда нѣмецкія фамиліи—не всегда, какъ извѣстно,

предрѣшающія вопросъ о національности и вѣроисповѣданіи—носятъ только трое; одинъ изъ нихъ переведенъ въ Ригу изъ Минска, другой—изъ новгородской, третій—изъ витебской губерніи. Между семью членами ревельскаго окружного суда нѣмцевъ, судя по фамиліи, двое, между пятью членами либавскаго окружного суда—одинъ; первые двое служили въ губерніяхъ ярославской и тверской, послѣдній—въ департаментѣ министерства юстиціи. Въ митавскомъ окружномъ судѣ всѣ члены—русскіе; предсѣдатель суда носитъ нѣмецкую фамилію, но онъ состоялъ до сихъ поръ лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ—а представители прокурорскаго надзора въ остзейскихъ губерніяхъ давно уже, какъ извѣстно, избираются не изъ среди мѣстныхъ юристовъ. А между тѣмъ въ остзейскомъ краѣ, какъ и въ царствѣ польскомъ, дѣйствуютъ свои гражданскіе законы, рѣзко отличные отъ общерусскихъ и не легко поддающіеся изученію. Мѣстный юридическій элементъ могъ бы принести, съ этой точки зрѣнія, большую пользу, особенно въ первое время, пока русскіе юристы не освоились еще съ чуждымъ для нихъ гражданскимъ правомъ—и переходъ отъ одного порядка къ другому былъ бы менѣ замѣтенъ для мѣстнаго населенія.

Условія, при которыхъ вводятся въ прибалтійскомъ краѣ судебныя уставы, едва ли, вообще говоря, таковы, чтобы съ нашей, русской стороны былъ особенный поводъ къ ликованіямъ и къ пляскѣ, „съ топотомъ и свистомъ“, вокругъ нашего противника. Безспорно, даже въ томъ видѣ, въ какомъ судебная реформа дошла до остзейскихъ губерній, она составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ прежними порядками, обветшавшими и проникутыми сословнымъ духомъ; но едва ли справедливо утверждать, что въ закрываемыхъ судахъ (особенно въ высшихъ—оберъ-ландгерихтѣ, гофгерихтѣ, оберъ-гофгерихтѣ) не было ничего хорошаго, а въ вновь открываемыхъ судахъ все устроено какъ нельзя лучше. Печальное впечатлѣніе производятъ поэтому, рѣзкія выходы противъ упраздняемыхъ учреждений, особенно когда онѣ появляются въ газетахъ, не принадлежащихъ, какъ будто, къ реакціонному лагерю. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ одной изъ такихъ газетъ: „Въ прибалтійскомъ краѣ люди заняты теперь довольно страннымъ препровожденіемъ: они скрежещутъ зубами и обгрызаютъ свои ногти до основанія. Всевозможныя герихты временъ Генриха Птицелова въ агоніи доживаютъ послѣдніе дни. Черезъ мѣсяцъ они уже будутъ представлять собою нѣчто въ родѣ музея Винтера въ Пассажѣ. Въ наслѣдство отъ нихъ останутся вороха продажной казуистики и пуки недоизрасходованныхъ розогъ (увѣренъ ли авторъ въ томъ, что эти пуки не понадобятся въ другомъ мѣстѣ?). Многіе вѣка подвизались эти кру-

тые и безпардонные простѣвники, гдѣ, незримиыми письменами на стѣнахъ, значился основной девизъ баронскаго правосудія: *leges in schola virgines, in foro—meretrices* (въ школѣ законы являются дѣвственницами, въ судѣ—непотребными женщинами). Самая обидная сторона новой судебной реформы заключается въ томъ, что послѣдняя упраздняетъ авторитетъ и благопродитаніе огромнаго количества судействовавшихъ бароновъ и *литератовъ*. Бароны предсѣдательствовали и по загрявкамъ ѣздили, литераты судили и рядили, пасторы тѣхъ и другихъ въ примѣръ славили и благословляли. Такъ какъ бароны выносили изъ дерптскаго университета только желудочные катарры, да дуэльные рубцы на физиономіяхъ, то у нихъ для черной судилищной работы, для вятостей и вымогательствъ, всегда имѣлись подручные, почтительные и вѣрнопреданные литераты, разжирѣвшіе юсы изъ пасторскихъ сынковъ". На этомъ еще не останавливается расходившееся перо фельетониста, но выписывать дальше нѣтъ силы. Не говоримъ уже о томъ, что въ списоки безспорныхъ прегрѣшеній остзейскихъ бароновъ совершенно несправедливо влючать невѣжество, взяточничество и продажность; *есть* содержаніе, *есть* тонъ приведенной нами замѣтки идетъ въ разрѣзъ съ превосходной русской поговоркой, теперь больше чѣмъ когда-либо забываемой и игнорируемой: *машамаю не бывать*. Довольно, и безъ того, газетъ, нарушающихъ ее систематически и постоянно. Неужели ихъ примѣръ такъ заразителенъ? Намъ кажется, что онъ долженъ производить, наоборотъ, отталкивающее дѣйствіе. Надъ остзейскимъ краемъ проносится теперь гроза, до окончанія которой по меньшей мѣрѣ несвоевременна шумиха потѣшныхъ выстрѣловъ. Гдѣ на очереди административныя кары, тамъ не должно быть мѣста для газетныхъ глумленій.

8-го минувшаго ноября состоялось, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго лица не-христіанскихъ исповѣданій могутъ быть принимаемы въ число присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, впредь до изданія особаго по этому предмету закона, не иначе, какъ съ разрѣшенія министра юстиціи. Непосредственнымъ поводомъ къ этой мѣрѣ послужило, безъ сомнѣнія, быстрое увеличеніе числа евреевъ въ средѣ петербургской присяжной адвокатуры. О причинахъ такого явленія мы уже говорили ¹⁾. Мы старались доказать, что единственнымъ нормальнымъ способомъ противодѣйствія ему была бы болѣшая доступность, для

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 5 „Вѣстника Европа“ за текущій годъ.

евреевъ-юристовъ, другихъ дорогъ, кромѣ адвокатской; мы замѣтили также, что наплывъ евреевъ въ адвокатуру неизбежно долженъ уменьшиться черезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе ограниченія приѣма евреевъ въ гимназіи и университеты. Къ дискреціонной власти, предоставленной министру юстиціи, вполне примѣнны соображенія, на которыя мы указали, говоря о дискреціонной власти совѣтовъ. Поводомъ къ отказу въ званіи присяжнаго повѣреннаго должна служить—помимо препятствій, прямо перечисленныхъ въ законѣ—только *достаточно доказанная* нравственная неблагонадежность. Однихъ *предположеній*, особенно если единственнымъ ихъ основаніемъ служить происхожденіе или вѣроисповѣданіе даннаго лица, слишкомъ мало, чтобы закрыть ему доступъ въ корпорацію и наложить на него этимъ самымъ клеймо, ничѣмъ не заслуженное и трудно изгладимое. А между тѣмъ въ распоряженіи министра юстиціи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, будутъ именно лишь предположенія. Когда есть на-лицо *факты*, то просителю, безъ сомнѣнія, откажетъ самъ совѣтъ не доводя дѣло до министерства. То же самое можно сказать и о судебныхъ мѣстахъ, грѣшащихъ—по крайней мѣрѣ въ губерніяхъ еврейской осѣдлости—скорѣе предубѣжденіемъ противъ евреевъ, чѣмъ излишнею къ нимъ снисходительностію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1889.

Политическія дѣла Германіи. — Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій. — Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ. — Политическія партіи и правительство. — Парламентскія засѣданія. — Газетные толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Переворотъ въ Бразиліи.

Программа дипломатическихъ путешествій и свиданій, кажется, исчерпана германскимъ правительствомъ: дальнѣйшія поѣздки Вильгельма II могутъ быть или повтореніемъ прежняго, или простыми развлеченіями, лишенными политической основы. Поѣдетъ ли молодой императоръ еще въ Испанію, — это можетъ интересовать нѣмецкую печать, но для Европы это безразлично. Если подвести итоги всѣхъ этихъ разъѣздовъ, то они далеко не столь значительны, какъ предполагали нѣмецкіе патриоты. Въ Константинополь, какъ и вездѣ, Вильгельма II занимали больше всего военные парады; турецкія войска и турецкіе броненосцы произвели на него впечатлѣніе чего-то весьма серьезнаго, и изъ цѣлага ряда празднествъ, стоившихъ Турціи очень дорого, сдѣланъ былъ тотъ практическій выводъ, что дружба султана представляетъ еще нѣкоторую реальную цѣнность въ европейской политикѣ. Что Турція присоединится къ тройственному союзу или приметъ на себя какія-либо обязательства передъ Германіею и ея союзниками, — объ этомъ газеты говорили недолго; было слишкомъ очевидно, что такія предположенія не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ оттоманской имперіи. Даже укрѣпленіе нѣмецкаго вліянія въ Турціи остается пока платоническимъ, отвлеченнымъ; турецкіе правители все-таки должны подчиняться давленію ближайшихъ великихъ державъ, дающихъ ей непосредственно чувствовать свое сосѣдство на сушѣ или могущество на моряхъ. Родственный союзъ съ греческою королевскою фамиліею не можетъ имѣть особеннаго значенія для Германіи, и пребываніе Вильгельма II въ Афинахъ едва ли оставитъ замѣтные слѣды въ направленіи восточныхъ дѣлъ. Нѣмецкая принцесса, сестра императора, будетъ со временемъ королевою Греціи; мать будущаго короля — русская по рожденію, и однако эти могущественныя династическія связи не прибавили грекамъ ни малѣйшаго шанса въ пользу благопріятнаго рѣшенія критскаго вопроса, волновавшаго общественное мнѣніе страны

въ теченіе послѣдняго полугодія. Кандія, періодически поднимающаяся противъ турецкаго гнета, предоставлена опять самой себѣ, и національныя надежды грековъ на присоединеніе несчастнаго острова не нашли сочувственнаго отголоска въ Европѣ. Напрасно министръ Трикуписъ излагалъ различные доводы въ защиту требованій кандидатомъ; всѣ европейскіе кабинеты, съ берлинскимъ и петербургскимъ во главѣ, отвѣчали единодушно, что греческіе обитатели Крита должны покориться туркамъ, и что нѣтъ основанія вмѣшиваться въ распоряженія Порты относительно ея подданныхъ. Въ числѣ доводовъ, приведенныхъ Трикуписомъ, не хватало только одного—элемента силы и рѣшимости опереться на эту силу; и критскій вопросъ былъ вновь похороненъ, почти навапунѣ семейныхъ празднествъ, привлечшихъ въ Аены представителей сильнѣйшихъ династій. Все идетъ по старому на востокъ, какъ и на западъ; путешествія, свиданія и переговоры высокопоставленныхъ лицъ не внесли ничего новаго въ общее положеніе дѣлъ, не распутали ни одного политическаго узла, не разрѣшили ни одного кризиса, хотя, быть можетъ, и способствовали разъясненію нѣкоторыхъ второстепенныхъ недоразумѣній. Газеты много занимались догадками о содержаніи бесѣдъ между княземъ Бисмаркомъ и пріѣхавшимъ къ нему въ Фридрихсруэ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (отъ 1-го до 3-го ноября, н. ст.); но эти періодическія встрѣчи министровъ повторялись уже столько разъ и проходили такъ безслѣдно для европейской политики, что въ сущности трудно интересоваться ими въ настоящее время. Совѣщанія дипломатовъ клонятся или къ сохраненію status-quo, который и безъ того сохраняется, или къ избѣжанію замѣшательства, которыя и безъ того не возникнутъ, если не будутъ ими же созданы, или къ установленію пассивнаго бездѣйствія относительно вопросовъ, могущихъ вызвать разногласія, какъ напримѣръ болгарскій или кандіотскій. А такъ какъ разногласія возбуждаются всякимъ практическимъ вопросомъ, затрогивающимъ чын-либо интересы, то обычнымъ результатомъ дипломатическихъ бесѣдъ и соглашеній является отсутствіе перемѣнъ, оставленіе существующаго въ томъ видѣ, какъ оно есть. Правда, государства заключаютъ между собою союзы и условливаются дѣйствовать совмѣстно при наступленіи извѣстныхъ случайностей; но нельзя не замѣтить, что самыя условія этихъ союзовъ основаны большею частью на гипотезахъ мало правдоподобныхъ. Напримѣръ, державы соглашаются поступить такъ-то, если Россія нападетъ на Австрію, или Франція накинется на Италію,—тогда какъ самая мысль о нападеніи Россіи или Франціи принадлежитъ пока къ области газетной фантазіи. Ни одна держава, конечно, не гарантирована отъ международныхъ столкновеній; но страню

было бы основывать политику на воображаемой возможности внезапныхъ нашествій со стороны государствъ, усердно озабоченныхъ сохраненіемъ мира. Какъ бы часты и подробны ни были секретныя совѣщанія объ этихъ будущихъ случайностяхъ, они не возбуждаютъ живого интереса въ общественномъ мнѣніи. Текущая политическая печать, обязанная говорить и о поѣздкахъ графа Кальноки или Криспи къ князю Бисмарку, обыкновенно распредѣляетъ свои роли слѣдующимъ образомъ: однѣ изъ газетъ даютъ мѣсто произвольнымъ предположеніямъ и слухамъ; другія перепечатаваютъ ихъ для того, чтобы опровергнуть; третьи довольствуются стереотипными фразами о status-quo и о миролюбіи участниковъ тройственного союза. Довѣрчивые патриоты извлекаютъ изъ этого разносторонняго матеріала тотъ средній выводъ, что все идетъ къ лучшему въ лучшей изъ имперій, — и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они, пожалуй, правы.

Съ окончаніемъ вступительнаго періода путешествій и визитовъ, царствованіе Вильгельма II должно принять болѣе спокойный характеръ и проявить себя чѣмъ-нибудь положительнымъ въ области внутренней жизни Германіи. Определенной новой программы пока еще не видно; политика движется по прежнимъ путямъ, но основы ея колеблются между противоположными принципами. Съ одной стороны, военный духъ консерватизма и реакціи преобладаетъ въ правительственныхъ сферахъ, отражаясь во многихъ проектахъ, распоряженіяхъ и заявленіяхъ; въ то же время несомнѣнно, что нѣмецкое общество не чувствуетъ себя стѣненнымъ и пользуется значительною свободою въ контролѣ и обсужденіи самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Если читать только газеты оппозиціонныхъ партій, то можно подумать, что внутреннія дѣла имперіи находятся въ печальномъ положеніи, что реакція повсюду поднимаетъ голову, и что интересы справедливости не соблюдаются властью; но уже изъ горячѣй полемики противъ другихъ партій, особенно противъ національ-либераловъ, легко усмотрѣть, что предметомъ недовольства служитъ въ сущности не правительство, а парламентское большинство, слишкомъ консервативное и уступчивое съ точки зрѣнія прогрессивовъ. Парламентъ исполняетъ свою законную функцію, принимаетъ или отвергаетъ правительственныя предложенія, ассигнуетъ требующія суммы на государственныя надобности, выслушиваетъ объясненія министровъ и постановляетъ свои рѣшенія; во всемъ этомъ дѣятельно участвуетъ и оппозиція. Можно даже сказать, что всего больше рѣчей произносится ораторами „свободомыслящихъ“ и социаль-демократовъ; эти партіи имѣютъ полную возможность высказываться и требовать отвѣта у правительства по всѣмъ политическимъ и финансовымъ вопросамъ, имѣющимъ значеніе для страны.

Оппозиція широко пользуется этими правами въ парламентѣ; она свободно пользуется также правомъ голоса въ печати. Дѣло только въ томъ, что она находится въ меньшинствѣ, и что съ рѣчами ея часто не соглашаются господствующія парламентскія группы—національ-либералы и консерваторы. Но такъ бываетъ повсюду, гдѣ существуютъ представительныя собранія; всегда меньшинство недовольно и добивается поворота общественнаго мнѣнія въ свою пользу. Еслибы нѣмецкое населеніе было вполне солидарно съ прогрессистами, оно перестало бы выбирать консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, а сразу прислало бы въ имперскій сеймъ радикальное большинство; но этого не случилось, и прогрессисты, чтобы быть послѣдовательными, должны винить во всемъ само нѣмецкое общество, продолжающее упорно довѣрять національ-либераламъ, консерваторамъ и правительству.

Но насколько можно судить по парламентскимъ преніямъ, большинство имперскаго сейма вовсе не идетъ слѣпо за правительствомъ, а, напротивъ, часто отказываетъ въ своемъ согласіи на предлагаемыя мѣры, если послѣднія противорѣчатъ интересамъ населенія. Такъ, національ-либералы и партія центра одинаково отвергаютъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ проекта новаго закона о социалистахъ—правило о предоставленіи правительству полномочія выселять людей, принадлежащихъ къ социальнo-демократической партіи, изъ предѣловъ той или другой мѣстности. Названныя группы готовы допустить это правило только въ видѣ временной мѣры, на извѣстный срокъ—напримѣръ, двухлѣтній, но не въ видѣ постояннаго установленія, какъ того желало правительство. Право административной высылки считается столь важнымъ отступленіемъ отъ установленнаго законнаго порядка, обезпечивающаго равноправность и свободу гражданъ, что оно не можетъ быть возведено на степень закона даже относительно прямыхъ противниковъ государства; такъ смотрятъ на дѣло консерваторы партіи центра и консервативные національ-либералы Германіи. Тѣ же консерваторы встаютъ противъ безконтрольнаго права запрещать газеты съ социалистическимъ направленіемъ; каждое такое запрещеніе, по ихъ мнѣнію, должно подлежать обжалованію въ судебномъ порядкѣ и можетъ войти въ силу не иначе какъ послѣ подтвердительнаго рѣшенія высшаго судебного мѣста. Прогрессисты, съ своей стороны, находятъ, что не слѣдуетъ вообще прибѣгать къ исключительнымъ законамъ и что послѣдніе вообще бесполезны; при этомъ ссылаются на необычайное усиленіе и распространеніе социаль-демократіи со времени перваго закона о социалистахъ, принятаго въ 1878 году. Еще недавно (19 ноября, н. ст.) на частныхъ городскихъ выборахъ въ Берлинѣ социалисты одержали блестящую побѣду: они

сразу провели своихъ четырехъ кандидатовъ въ гласные берлинской думы, гдѣ образуютъ теперь уже небольшую самостоятельную группу, въ числѣ десяти человекъ. Такъ какъ социаль-демократы составляютъ значительную политическую партію и могутъ проводить свои идеи легальнымъ способомъ, въ качествѣ избирателей и членовъ имперскаго сейма, то правительство думаетъ установить различіе между тѣми изъ нихъ, которые остаются на законной почвѣ, и другими, склоняющимися къ революціоннымъ дѣйствіямъ; только къ послѣднему разряду будутъ примѣняться постановленія закона о социалистахъ. Трудно еще опредѣлить, въ какомъ видѣ выйдетъ законъ изъ имперскаго сейма; пока онъ находится еще въ періодѣ предварительнаго обсужденія въ специальной парламентской комиссіи.

Засѣданія германскаго имперскаго сейма отличаются вообще спокойнымъ, дѣловымъ характеромъ; они рѣдко даютъ поводъ къ шумнымъ сценамъ, которыя столь часты въ другихъ европейскихъ парламентахъ; зато они столь же рѣдко возбуждаютъ общественное вниманіе и волненіе,—если не считать тѣхъ случаевъ, когда ожидается рѣчь князя Бисмарка. Засѣданія отчасти оживляются только интересными запросами и смѣлыми заявленіями оппозиціи. Когда впервые внесенъ былъ новый проектъ закона о социалистахъ, извѣстный Бебель произнесъ небольшую, но ядовитую рѣчь противъ обвиненія его партіи въ возбужденіи безпокойства и смуты въ странѣ; онъ доказывалъ, что само правительство не разъ вызывало тревогу черезъ посредство официозной печати и распространяло слухи о войнѣ, когда нужно было повліять на избирателей или на парламентъ въ пользу увеличенія военнаго бюджета. Притомъ вызывать безпокойство иногда полезно и необходимо; такъ, агитація социаль-демократіи дала сильный толчокъ законодательству и послужила исходнымъ началомъ обширныхъ правительственныхъ мѣропріятій въ защиту интересовъ рабочаго класса. Затронувъ внѣшнюю политику, Бебель, между прочимъ, упомянулъ о Россіи, какъ о „наслѣдственномъ врагѣ“ Германіи, чѣмъ вызвалъ энергическій протестъ военнаго министра. Нѣкоторая узкость взгляда заставляетъ нѣмецкихъ радикаловъ и социалистовъ относиться враждебно къ Россіи и къ русскому народу; свои представленія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ они переносятъ въ область международныхъ отношеній и обнаруживаютъ при этомъ воинственность, совершенно несогласную съ основными принципами демократіи. Довольно странно видѣть, что вызывающія выходки противъ чужого государства исходятъ отъ представителей рабочаго класса и встрѣчаютъ отпоръ со стороны представителя арміи. Болѣе основательныя и умѣстныя заявленія сдѣланы были недавно предводителемъ прогрессистовъ, Рихтеромъ, при рассмотрѣніи бюджета мини-

стерства иностранныхъ дѣлъ. Рихтеръ поставилъ правительству щекотливый вопросъ, который долго былъ предметомъ газетной полемики и не получилъ еще достаточнаго разъясненія,—вопросъ о степени вліянія начальника генеральнаго штаба, графа Вальдерзе, на ходъ внѣшней имперской политики. Военный министръ отвѣтилъ категорически, что газетные толки объ этомъ предметѣ не имѣютъ ни малѣйшаго основанія, и что они оскорбительны для германской арміи и для высшихъ ея офицеровъ, въ составѣ которыхъ предполагается возможнымъ существованіе направленія, несогласнаго съ официальною политикою правительства. Министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ, въ свою очередь присоединился къ словамъ своего коллеги и подтверждалъ, что политикою руководить императоръ, при содѣйствіи призванныхъ къ тому лицъ. Правда, публика не много узнала изъ этихъ объясненій; осталось непонятнымъ, почему въ косвенной полемикѣ противъ предполагаемыхъ притязаній графа Вальдерзе участвовала офиціозная пресса, не исключая даже „Сѣверо-германской газеты“; но важно все-таки то, что незаконность и нежелательность этихъ притязаній публично признаны правительствомъ. Рихтеръ возбудилъ также любопытныя пренія о томъ, насколько политическіе и вѣроисповѣдныя мотивы принимаются въ расчетъ при производствѣ въ офицеры; онъ указывалъ на факты сознательнаго отравленія лицъ, принадлежащихъ, напримѣръ, къ партіи свободомыслящихъ. Военный министръ заявилъ на это, что противники правительства не могутъ быть допускаемы въ составъ офицеровъ, но затѣмъ призналъ, что одна принадлежность къ оппозиціонной партіи не считается препятствіемъ, и что только личная агитаторская дѣятельность исключается безусловно. Рихтеръ напомнилъ, что оппозиція реакціонной „Крестовой газеты“, недавно еще получившей рѣзкій выговоръ отъ императора, имѣетъ всего больше обычныхъ приверженцевъ въ рядахъ офицерства, и что это обстоятельство не мѣшаетъ имъ занимать видныя мѣста въ рядахъ арміи; такимъ образомъ, принципъ, возвѣщенный первоначально военнымъ министромъ, обрушился бы прежде всего на нынѣшній аристократическій составъ офицерства. Это напоминаніе побудило военнаго министра ограничить оппозицію только случаями личнаго участія въ политической агитаціи. Что касается недопущенія евреевъ, о которомъ говорилъ Рихтеръ, то оно было прямо отрицаемо какъ министромъ, такъ и ораторами національно-либеральной партіи.

Сравнительное затишье въ дѣлахъ Германіи позволяло нѣмецкимъ патріотамъ слѣдить внимательно за блестящимъ ходомъ парижской выставки, проводить параллели между французскими богатствами и своими отечественными, поднимать и обсуждать теорети-

чскіе вопросы о возможности или невѣроятности подобнаго же успѣха всемірной выставки въ Берлинѣ. Нѣкоторыя вліятельныя газеты высказали откровенно, что прусской столицѣ нечего и думать о соперничествѣ съ Парижемъ по внѣшней красотѣ и изяществу, по притягательной силѣ относительно иностранцевъ, по художественному вкусу и творческой энергіи жителей. „National-Zeitung“ предостерегала поэтому отъ увлеченія идеею выставки примѣнительно къ Берлину, который не имѣетъ еще такихъ опытовъ въ прошломъ и ждетъ еще своего Гауссмана въ будущемъ. Но двѣ недѣли спустя, „Кельнская газета“ (отъ 19-го ноября) напечатала статью о необходимости выставки для Германіи. Въ этой статьѣ вычисляются прежде всего огромные барыши, полученные французами отъ выставки; авторъ склоненъ даже думать, что возрастающее благосостояніе Франціи зависитъ отчасти отъ періодически повторяющихся выставокъ. Нѣмцы будто бы не рѣшаются устроить что-либо подобное только потому, что „они слишкомъ мнительны и боязливы, не сознаютъ еще собственной силы, несмотря на побѣды 1870 года, и не привыкли довѣрять себѣ“. Они „должны доказать міру, что способны быть не только хорошими солдатами, но и предприимчивыми художниками и промышленниками“, что ихъ издѣлія не всегда только „дешевы и плохи“, что и они съумѣютъ воздвигнуть зданія, подобныя постройкамъ парижскаго Марсова поля, что наконецъ и у нѣмцевъ найдутся на это нужныя деньги. Такія гадательныя соображенія не заслуживали бы вовсе упоминанія, еслибы они не нашли себѣ мѣста въ солидной „Кельнской газетѣ“. Одной ссылки на побѣды 1870 года уже достаточно для обнаруженія всей слабости этихъ аргументовъ, внутреннихъ фальшивымъ и завистливымъ патріотизмомъ. Припутывать сознание военного могущества къ дѣлу чисто культурному, къ дѣлу общаго международнаго соревнованія на поприщѣ мирнаго человѣческаго труда — значитъ уже съ самаго начала извращать смыслъ задачи. Хорошая армія не поможетъ устроить всемірную выставку, не привлечетъ къ ней иностранцевъ со всѣхъ концовъ земного шара, не повыситъ нѣмецкой изобрѣтательности до уровня французской, не сдѣлаетъ Берлина гостепримнымъ и веселымъ. Обогащеніе посредствомъ выставокъ бываетъ только тамъ, гдѣ блестящій успѣхъ заранѣе обезпеченъ; „Кельнская газета“ могла бы вспомнить судьбу всемірной выставки въ Вѣнѣ, хотя австрійская столица во многомъ лучше и привлекательнѣе прусской. Именно сознание военныхъ побѣдъ, о которомъ не забываетъ газета, должно было бы облегчить нѣмцамъ патріотамъ признаніе извѣстныхъ преимуществъ и за противникомъ, — по крайней мѣрѣ преимуществъ богатства и художественнаго вкуса. Нужно сказать, что большинство нѣмецкихъ газетъ не раздѣляетъ

возрѣній и мотивовъ, изложенныхъ въ указанной статьѣ „Kölnische Zeitung“.

Не будучи въ состояніи отрицать великое культурное и политическое значеніе парижской выставки, нѣкоторыя нѣмецкія газеты рѣшились приписать нѣкоторую долю французскаго успѣха великодушію Германіи. „National-Zeitung“ выразилась, между прочимъ, что отъ нѣмецкаго правительства зависѣло разрушить всѣ ожиданія французовъ возбужденіемъ какого-нибудь политическаго столкновенія или кризиса при самомъ открытіи выставки; если Германія этого не сдѣлала, а напротивъ тщательно оберегала спокойствіе Европы, то Франція должна быть за это благодарна Берлину. „Кельнская газета“ построила на этомъ же аргументѣ фактическое доказательство нѣмецкаго всегдашняго миролюбія и всегдашней французской воинственности: пока миръ нуженъ былъ для Франціи, для успѣха ея выставки, — говорить она, — никакихъ тревожныхъ инцидентовъ и кризисовъ не возникало; не ясно ли, что Германія сама не возбуждаетъ замѣшательства, и что прежнія тревоги вызывались не ею, а Франціею? Вопреки предположенію „National-Zeitung“, французы не чувствовали благодарности къ нѣмцамъ за миролюбіе во время выставки — по той простой причинѣ, что они не боялись нападенія и не считали такого нападенія возможнымъ при современной группировкѣ великихъ державъ; да и сами публицисты „National-Zeitung“ не могли бы серьезно утверждать, что берлинскій кабинетъ имѣлъ вполнѣ свободныя руки для начатія наступательной войны съ шансами на успѣхъ. Выставка не мѣшала Франціи держать на-готовѣ свои войска; Германія могла бы очутиться въ войнѣ не съ одною Франціею, и бессмысленный всеобщій пожаръ охватилъ бы всю Европу. Смѣшно было бы говорить о благодарности нѣмцамъ за то, что они не затѣваютъ такого безумнаго и убійственнаго для нихъ же кровопролитія. Если во время выставки не было пограничныхъ или иныхъ инцидентовъ, то это объясняется отчасти случайемъ, отчасти же желаніемъ германскаго правительства имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе Европы и опираться на чувство правоты въ серьезныхъ политическихъ спорахъ. Никто не повѣрилъ бы, что французы сознательно дали поводъ къ разладу, когда интересы ихъ требуютъ безусловнаго мира; всѣ безпристрастные люди были бы заранѣе убѣждены, что дѣло подстроено нѣмцами безъ всякой вины со стороны Франціи. Наконецъ, вступленіе на германскій престолъ новаго императора обязывало Германію соблюдать сдержанность для возбужденія довѣрія великихъ державъ къ будущей германской политикѣ. Дѣлать изъ этого какіе-либо выводы относительно причинъ пререканій въ прошломъ было бы нелогично. Очень можетъ быть, что въ успѣхѣ парижской выставки

участвовали и нѣмцы; но они участвовали не уклоненіемъ отъ военныхъ угрозъ, — что вовсе не было бы заслугою, — а мирнымъ нашествіемъ въ предѣлы Франціи, въ качествѣ посѣтителей и восторженныхъ хвалителей разнообразныхъ чудесъ этой выставки.

Черезъ нѣсколько дней послѣ торжественнаго закрытія всемірной выставки (6-го ноября н. ст.) открылись засѣданія новой французской палаты депутатовъ. Первымъ политическимъ актомъ палаты было избраніе Флоке на постъ ея президента, значительнымъ большинствомъ голосовъ (384 изъ 431). Такъ какъ въ составѣ республиканскихъ группъ преобладаетъ элементъ умѣренный, а Флоке принадлежитъ къ числу радикаловъ, то этотъ выборъ свидѣтельствовалъ прежде всего о духѣ взаимной уступчивости и соглашенія среди различныхъ элементовъ республиканской партіи. Флоке есть именно такой президентъ палаты, какой нуженъ французамъ; онъ соединяетъ въ себѣ вѣдншія преимущества съ внутреннимъ авторитетомъ, съ способностью командовать рѣшительно и твердо; онъ всегда умѣетъ найти и сказать подходящее слово, обладаетъ находчивостью и остроуміемъ, говорить громко и красиво, легко господствуетъ надъ самыми шумными собраніями и справляется съ самыми строптивыми депутатами. Будучи президентомъ à roigne, онъ въ то же время пользуется личною популярностью даже въ рядахъ своихъ противниковъ, благодаря своему безпристрастію и такту. Повидимому, во главѣ палаты онъ гораздо больше на мѣстѣ, чѣмъ во главѣ правительства.

Вступительная рѣчь Флоке, въ засѣданіи 19-го ноября (н. ст.) была призывомъ къ единенію и полезной работѣ; такимъ же духомъ проникнута была правительственная декларация, прочитанная вслѣдъ затѣмъ министромъ-президентомъ Тираромъ. Министерство заявляетъ, что результаты послѣднихъ выборовъ „приглашаютъ всѣхъ французовъ на путь примиренія и согласія подъ знаменемъ республики, возвышающимся надъ всѣми партіями и отнынѣ недоступнымъ для какихъ бы то ни было посягательствъ“. Чтобы остаться вѣрными посланному ихъ народу, депутаты должны „устранить всѣ вопросы, вносящіе разладъ и раздраженіе, и направить все свое вниманіе къ разрѣшенію задачъ общественнаго хозяйства и социальной справедливости“. Указавъ на главныя мѣры и реформы, предстоящія обсужденію палатъ, правительство затрогиваетъ въ концѣ и международную политику: „послѣ всемірной выставки никто не имѣетъ права заподозрить миролюбивыя намѣренія нашей страны, и, продолжая работать надъ усовершенствованіемъ нашей военной организаціи, мы можемъ громко заявить, что французская республика жаждетъ мира,

но мира гордаго и достойнаго, подобающаго великой націи, увѣренной въ своей силѣ и въ своемъ правѣ". Декларация принята была весьма сочувственно значительною частью палаты. Министерство Тирара дожило до того момента, когда оно можетъ съ почетомъ и со славою сойти со сцены; оно исполнило несравненно больше, чѣмъ обѣщало, и оно обмануло ожиданія многихъ своими необычайными удачами и своею долговѣчностью. Счастливыя обстоятельства соопуствовали Франціи и помогли ей съ триумфомъ выйти изъ крайне тяжелаго и запутаннаго кризиса. Не подлежитъ сомнѣнію, что главная заслуга принадлежитъ правительству, сумѣвшему довести до конца дѣло выставки, устранить опасности „буланжизма“ и подготовить благопріятный для республики поворотъ общественнаго мнѣнія. Этимъ объясняется тотъ авторитетный тонъ, который чувствуется въ первомъ обращеніи кабинета къ новой палатѣ.

Когда въ февралѣ настоящаго года образовалось министерство Тирара, оно повсюду встрѣчено было съ сомнѣніемъ и недоувѣріемъ; всѣ находили, что этотъ безцвѣтный кабинетъ, разъ уже испытавшій свои силы и не имѣвшій никакого успѣха, продержится недолго и приведетъ лишь къ новому увеличенію популярности генерала Буланже. Если республика, послѣ великихъ избирательныхъ торжествъ Буланже, не нашла болѣе блестящаго и энергичнаго защитника, чѣмъ старикъ Тираръ, то не очевидно ли было, что государственная власть сама дается въ руки предприимчивому и ловкому генералу, самому видному и популярному человѣку Франціи въ то время? Многие предсказывали, что успѣхъ Буланже на всеобщихъ выборахъ будетъ настоящимъ плебисцитомъ въ его пользу, что около него сгруппируются всѣ партіи и что президентъ Карно долженъ будетъ неминуемо уступить мѣсто новому народному избраннику. Монархисты и бонапартисты увѣровали въ звѣзду генерала Буланже и примкнули къ его смѣлому предпріятію; республиканцы и особенно оппортунисты предвидѣли уже гибель республики и не знали, что предпринять. Растерянность была всеобщая, и ускореніе развязки казалось особенно желательнымъ въ виду приближавшагося срока открытія всемірной выставки. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Тирара, бывшій генераль-губернаторъ Индо-Китай, Констанъ, взялся за искорененіе буланжизма совершенно неожиданнымъ способомъ: онъ рѣшился безъ всякихъ осторожностей примѣнить къ дѣйствіямъ генерала Буланже законы о преступныхъ посягательствахъ на безопасность государства. Быстро собирались фактическія данныя для преданія генерала верховному суду, и дѣло поведено было такъ успѣшно, что предпологаемый подсудимый предпочелъ скрыться за границу. Съ этого момента начинается упадокъ буланжизма. Процессъ и заочный приг

воръ сената поколебали положеніе Буланже не столько, сколько его собственное бѣгство, его собственныя ошибки и увлеченія. Бѣжавшій вождь „національной партіи“ утратилъ весь свой престижъ въ глазахъ французовъ; безспорно, шансы его были бы гораздо болѣе значительны, еслибы онъ не искалъ безопасности на чужбинѣ, а подвергся бы мѣрамъ насилія со стороны правительства. Добровольное изгнаніе Буланже и блескъ всемірной выставки облегчили трудное дѣло, предпринятое министерствомъ Тираръ-Констана, и грозная фигура будущаго диктатора получила комическія черты неудавшагося претендента, присылающаго изъ-за границы запоздалыя надменные посланія къ забывшей о немъ „націи“. Личныя друзья Буланже остаются ему вѣрными для вида, путешествуютъ къ нему для совѣщаній и образуютъ самостоятельную группу въ парламентѣ; но практическаго значенія буланжизмъ, повидимому, не имѣетъ и имѣть не можетъ. Пересмотръ конституціи, служившій ему девизомъ, отвергнуть былъ всеобщимъ народнымъ голосованіемъ, и противъ этого рѣшенія нѣтъ апелляціи. Новая палата не замедлила подтвердить буланжистамъ, что дѣло ихъ окончательно похоронено. Въ томъ же засѣданіи 19-го ноября, на которомъ была прочитана правительственная декларация, радикалъ Можанъ внесъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи и потребовалъ признанія этого предложенія неотложнымъ. За проектъ высказались буланжисты, въ соединеніи съ частью правой стороны; и палата, большинствомъ 342 противъ 114 голосовъ, отвергла идею Можана. Такъ закончила свое существованіе идея, волновавшая умы во Франціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Министерство Тирара открыло выставку и закрыло ее, а генераль Буланже остается въ Англіи.

Продержится ли въ новой палатѣ духъ единенія и согласія, исполнится ли правительственная программа нынѣшняго кабинета и обойдется ли дѣло безъ кризисовъ и замѣшательствъ—на это отвѣтитъ ближайшее будущее.

Бразильская имперія неожиданно превратилась въ республику, и престарѣлый императоръ Донъ-Педро II, царствовавшій самостоятельно цѣлыхъ 49 лѣтъ, вынужденъ былъ уѣхать въ Европу. Такіе перевороты обыкновенно сопровождаются пролитіемъ крови, насиліями надъ личностью правителя, временною анархіею и междоусобіями; особенно часто повторялись эти печальныя явленія въ южной Америкѣ. И Бразилія, вѣроятно, не избѣгла бы тяжелыхъ сценъ, еслибы императоромъ не былъ Донъ-Педро II, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, какъ человекъ и философъ. Возставшіе отнеслись къ нему не какъ къ обыкновенному правителю, низвергаемому силою

съ престола, а какъ къ лицу заслуженному и добродѣтельному, достойному всякаго почета. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по первоначальнымъ свѣденіямъ, полученнымъ изъ Рио-Жанейро. Если вѣрить этимъ свѣденіямъ, императору предложено было сохраненіе крупнаго ежегоднаго содержанія, съ прибавкою единовременно весьма значительной суммы; повидимому, эта щедрость ничего не стоила руководителямъ возстанія, такъ какъ она облекалась лишь въ форму обѣщаній или бумажныхъ обязательствъ. Этотъ усовершенствованный способъ революціи, при которомъ уплачиваются еще деньги или выдаются векселя, можетъ быть названъ чисто-американскимъ. Переворотъ 14-го ноября подготовлялся, говорятъ, давно; онъ не откладывался бы до сихъ поръ, еслибы бразильскихъ республиканцевъ не сдерживали личныя заслуги и качества Донъ-Педро II. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы участіе его въ управленіи оставалось почти только номинальнымъ, въ виду его болѣзни и старости; фактическая власть находилась въ рукахъ его старшей дочери, принцессы Изабеллы, и ея мужа, принца Гастона Орлеанскаго, преданныхъ іезуитамъ и крайне непопулярныхъ въ странѣ. Это и погубило монархію. Въ маѣ прошлаго года состоялось освобожденіе негровъ въ Бразиліи; этотъ актъ, рѣшенный принцессою Изабеллою и приведенный въ исполненіе безъ обдуманной системы переходныхъ мѣръ и экономическихъ гарантій, усилилъ элементы недовольства противъ династіи. Но рабовладѣльцы не участвовали въ переворотѣ; это видно уже изъ того, что наиболѣе энергическіе враги ихъ, горячіе приверженцы безусловнаго освобожденія негровъ, вошли въ составъ новаго республиканскаго правительства. Провинціи бывшей бразильской имперіи образуютъ теперь „Соединенные Штаты Бразиліи“, которыхъ окончательное устройство будетъ зависѣть отъ учредительнаго собранія, имѣющаго быть созваннымъ въ скоромъ времени,—если только нынѣшній военный диктаторъ, Теодоръ де Фонсека, пожелаетъ исполнить торжественныя обѣщанія манифестовъ, редактированныхъ его сотрудникомъ, бывшимъ журналистомъ, нынѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Повидимому, переворотъ не возбудилъ серьезныхъ протестовъ на всемъ огромномъ пространствѣ Бразиліи; въ провинціяхъ совершившійся фактъ былъ принятъ безъ особенныхъ возраженій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря, 1889.

— *И. В. Абрамовъ. Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ? Спб., 1889.*

Эта книга появилась въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Матеріаловъ, относящихся къ земскому дѣлу—докладовъ и отчетовъ земскихъ управъ, журналовъ земскихъ собраній, сборниковъ постановленій того или другого земства, земскихъ ежегодниковъ—имѣется на-лицо громадная масса, но систематическая ихъ обработка почти не начиналась. „Земскіе итоги“ (покойнаго А. Θ. Жюхова), когда-то напечатанные въ нашемъ журналѣ, обнимали собою только первые шаги земскихъ учрежденій; то же самое слѣдуетъ сказать и о страницахъ, отведенныхъ земству въ извѣстной книгѣ А. А. Головачева: „Десять лѣтъ реформъ“. Въ книгѣ Д. Л. Мордовцева идетъ рѣчь исключительно о первыхъ десяти годахъ существованія земства. Съ тѣхъ поръ не было сдѣлано даже и попытки нарисовать общую картину земской дѣятельности. А между тѣмъ со времени изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ прошло уже болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Заслуги земства отрицаются или игнорируются, его ошибки преувеличиваются во много разъ, ему приписываются недостатки, вовсе ему несвойственные; главнымъ его основамъ—безсословности и самостоятельности, хотя бы лишь сравнительной—гровитъ серьезная опасность. При такихъ условіяхъ чрезвычайно цѣннымъ представляется всякій добросовѣстный, безпристрастный вкладъ въ исторію земскихъ учрежденій. Книга г. Абрамова не претендуетъ на безусловную полноту; она затрогиваетъ не всѣ стороны земскаго хозяйства, вовсе не касается организаціи и личнаго состава земскихъ учрежденій, отношеній земства къ администраціи—но это не мѣшаетъ достиженію цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ. „Мы желали“, говоритъ г. Абрамовъ, „выяснить нѣкоторыя изъ условій, при которыхъ совершается земская дѣятельность, отмѣтить продуктивность

земской работы, фактически показать невѣрность многихъ ходячихъ взглядовъ на эту работу и обвиненій, такъ щедро расточаемыхъ по адресу земства, и привлечь къ земской работѣ вниманіе молодыхъ силъ, нынѣ сплошь и рядомъ устраниющихся отъ нея, въ силу ложнаго убѣжденія, будто земство ничего не можетъ сдѣлать“. Все это удалось г. Абрамову. Особенно важное значеніе имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, двѣ послѣднія главы его книги — третья и четвертая. Въ главѣ четвертой („наше законодательство и земская инициатива“) показано наглядно, какъ много пользы принесло земство своими указаніями на ближайшія задачи государственной дѣятельности. Почти все лучшее, сдѣланное въ послѣднее время, стоитъ въ прямой связи съ земскими ходатайствами, давно намѣтившими и пути, и средства къ поднятію народнаго благосостоянія. Сюда принадлежатъ, напри- мѣръ, пониженіе выкупныхъ платежей, отмена акциза на соль и подушной подати, законы фабричные, желѣзно-дорожный, лѣсоохранительный, содѣйствіе переселеніямъ, поощреніе кустарныхъ промысловъ, облегченіе для крестьянскихъ обществъ арендованія казенныхъ земель. Земствомъ возбуждены также многіе изъ числа вопросовъ, близкихъ къ разрѣшенію—напримѣръ вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, вопросъ объ отвѣтственности предпринимателей за вредъ, причиненный рабочимъ... Въ третьей главѣ книги г. Абрамова перечислены важнѣйшія мѣры экономическаго характера, принятыя самимъ земствомъ. Онѣ до крайности разнообразны; если нѣкоторыя изъ нихъ не оправдали ожиданій земства, то многія другія принесли, въ короткое время, очень хорошіе результаты. Замѣчательно, что всего больше сдѣлали въ этомъ направленіи „крестьянскія“ земства—вятскія и пермскія. Движеніе, однажды начавшееся, распространяется и въ ширину, и въ глубину; оно составляетъ отличительную черту земской дѣятельности за послѣднее десятилѣтіе и опровергаетъ какъ нельзя лучше часто повторяемую фразу объ упадкѣ земскихъ учреждений, объ овладѣвшей ими апатіи и рутинѣ.

Первыя двѣ главы разбираемой нами книги посвящены темамъ болѣе разработаннымъ, болѣе знакомымъ большинству публики—дѣятельности земства по охраненію народнаго здоровья и по развитію народнаго образованія. И эта часть труда г. Абрамова далеко не бесполезна: она даетъ хорошую группировку и правильное освѣщеніе фактовъ, играющихъ выдающуюся роль въ исторіи земства. Не вполне доказательными кажутся намъ только нѣкоторые выводы автора. „Борьба съ причинами болѣзненности нашего народа—говоритъ онъ на стр. 25—должна стоять внѣ задачъ земской медицины, такъ какъ причины эти лежатъ внѣ района доступной ей дѣятельности. Взглядъ этотъ прямо противоположенъ общепринятому, по которому только

въ борьбѣ съ причинами болѣзненности и видятъ критерій для оцѣнки земско-медицинской дѣятельности, оставляя другіе результаты этой дѣятельности безъ вниманія“. Главною задачей земско-медицинской дѣятельности г. Абрамовъ считаетъ *леченіе* народа. „Эта задача отнюдь не такъ ничтожна, какъ думаютъ многіе. Въ этомъ отношеніи распространено изумительно-ложное мнѣніе. Полагаютъ, что лечить народъ при существованіи причинъ, порождающихъ его болѣзненность—то же самое, что наполнять бочку Данаидъ: сколько ни лечи, а народъ все-таки будетъ болѣть“. Дѣйствительно, такіа мнѣнія высказывались, высказываются, быть можетъ, и теперь, но едва ли были когда-нибудь „распространенными“ и „общепринятыми“. Самъ г. Абрамовъ признаетъ, что они не отражались на земской дѣятельности; прибавимъ къ этому, что они давно встрѣчались противодѣйствіе и въ журналистикѣ, и въ литературѣ. Приведемъ, для примѣра, книгу г. Португалова: „Врачебная помощь крестьянству“, вышедшую въ свѣтъ еще въ 1883 г. Выставляя на видъ всю важность санитарныхъ мѣръ, г. Португаловъ ничуть не отрицаетъ пользы *леченія*. „Позволительно думать,—говоритъ онъ,—что болѣзненность утихала и эпидемія прекращалась тамъ, гдѣ является дружное и совмѣстное содѣйствіе терапевтическихъ и санитарныхъ пособій“. Въ томъ же 1883 г. появилась книга г. Покровскаго: „Наши санитарныя задачи“. Приближаясь къ мнѣнію, опровергаемому г. Абрамовымъ, г. Покровскій признавалъ, однако, что если болѣзненность народа зависитъ, отчасти, отъ его бѣдности, то и бѣдность, въ свою очередь, зависитъ отчасти отъ болѣзненности, борьба съ которой представляется, такимъ образомъ, не вполне безплодной ¹⁾... Допуская „общепринятость“ взгляда, на самомъ дѣлѣ не выходившаго изъ среды немногихъ кабинетныхъ ученыхъ, г. Абрамовъ слишкомъ увлекается въ противоположную сторону. Едва ли можно утверждать, что борьба съ причинами болѣзненности *должна* стоять внѣ задачъ земской медицины. Мы думаемъ, наоборотъ, что она входитъ въ кругъ этихъ задачъ, но не исчерпываетъ ихъ, оставляя широкій просторъ для *леченія*, въ собственномъ смыслѣ слова.

„Огромнѣйшее большинство общества — утверждаетъ г. Абрамовъ—полагаетъ, что дѣятельность земства въ области народнаго образованія имѣетъ крайне ничтожные размѣры. Въ этомъ убѣждены какъ противники мѣстнаго самоуправленія, которые, принимая свое предубѣжденіе за непреложную истину, основываютъ на немъ свои обвиненія противъ земства, такъ и многіе сторонники этого само-

¹⁾ О книгахъ гг. Португалова и Покровскаго см. замѣтку въ Литературномъ Обозрѣніи № 11 „Вѣсти. Европы“ за 1883 г.

управленія, съ грустью указывающіе на малорезультатность дѣятельности земства въ области народнаго образованія, какъ на доказательство стѣсненія земства въ мѣрахъ отысканія необходимыхъ средствъ". Мы думаемъ, что оба положенія г. Абрамова одинаково ошибочны. Противники самоуправленія отрицаютъ не *размѣры* сдѣланнаго земствомъ въ области народнаго образованія, а добротачественность, „благонадежность“ добытыхъ результатовъ; сторонники самоуправленія не сомнѣваются въ томъ, что земство сдѣлало очень много, а только жалѣютъ, что оно не могло сдѣлать еще больше. „Огромнѣйшее большинство общества“ свободно отъ ошибки, приписываемой ему г. Абрамовымъ. Сочувствіе, которымъ до сихъ поръ, несмотря на „модныя вѣянія“, не перестаетъ пользоваться земство, коренится больше всего именно въ сознаніи, что земство, одно только земство создало въ Россіи настоящую народную школу. Конечно, не мѣшаетъ какъ можно больше настаивать на фактахъ, подтверждающихъ это сознаніе—но сомнѣваться въ его распространенности мы не видимъ ни малѣйшей причины. Заслугой г. Абрамова слѣдуетъ признать не опроверженіе предубѣжденій, существующихъ развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія, а подробное обоснованіе взглядовъ, всегда находившихъ массу приверженцевъ въ лучшей части русскаго общества.

— *М. Я. Капустинъ*, Основные вопросы земской медицины. Спб., 1889.

— *Я. Т. Нейштабъ*, Объ организаціи земской медицины. Спб., 1889.

— *Д. П. Никольскій*, Обзоръ дѣятельности губернскихъ съѣздовъ. Спб., 1888 и 1889.

Всѣ эти книги интересны для насъ, прежде всего, какъ доказательства въ пользу тезиса, только-что поставленнаго нами при разборѣ взглядовъ г. Абрамова. Онѣ всѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль о *леченіи*, какъ о главной задачѣ сельской медицины, глубоко проникла въ среду земскихъ врачей и земскихъ дѣятелей. Трактатъ объ „основныхъ вопросахъ земской медицины“, г. Капустинъ вовсе даже не полемизируетъ противъ мнѣнія, отрицающаго пользу леченія; онъ говоритъ только о томъ, какъ должна быть устроена подача медицинскон помощи. Г. Нейштабъ придаетъ очень большое значеніе предупрежденію болѣзней, но это не мѣшаетъ ему проектировать, рядомъ съ „уѣздною санитарною частью“, организацію „сельской лечебной части“. Санитарный врачъ, по мнѣнію г. Нейштаба, въ каждомъ уѣздѣ долженъ быть одинъ, между тѣмъ какъ врачей *для леченія* должно быть столько, сколько въ уѣздѣ земско-медицинскихъ участковъ, и при каждомъ врачѣ должны состоять фельдшеръ и три

фельдшерицы-акушерки. На всѣхъ губернскихъ сѣздахъ земскихъ врачей, обозрѣваемыхъ г. Никольскимъ, выдающуюся роль играли вопросы, относящіеся къ *леченію*, хотя не оставлялись безъ вниманія и мѣстные санитарныя условія, какъ въ смыслѣ изученія ихъ, такъ и въ смыслѣ борьбы съ ними. Признавая, что „земская медицина, силою вещей, сдѣлалась необходимымъ звеномъ въ земской жизни и дѣятельности“, г. Капустинъ имѣетъ въ виду преимущественно лечебную ея сторону. Это видно изъ слѣдующихъ словъ его, непосредственно примыкающихъ къ вышеприведеннымъ: „теперь развѣ завзятый горожанинъ, иностранецъ по жизни или духу, никогда не выдавшій села, будетъ говорить о томъ, что народъ нашъ не любитъ лечиться, боится врачей, предпочитаетъ своихъ знахарей—и прочее въ этомъ родѣ“.

Авторъ „Основныхъ вопросовъ земской медицины“ принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ защитниковъ такъ-называемой *стаціонарной* системы (т.-е. постоянного пребыванія врача въ опредѣленномъ, по возможности центральномъ пунктѣ участка, съ выѣздами только въ случаяхъ крайней надобности) и самыхъ рѣшительныхъ противниковъ такъ-называемаго фельдшеризма (т.-е. самостоятельной фельдшерской практики, не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ врача). Конечно, въ теоріи онъ совершенно правъ; но на практикѣ все еще не вездѣ возможно осуществить стаціонарную систему въ чистомъ ея видѣ, не вездѣ возможно обойтись безъ „фельдшерскихъ пунктовъ“. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ постановленія земскихъ медицинскихъ сѣздовъ. Олонецкій сѣздъ 1887 г. нашель, что при данныхъ условіяхъ невозможно введеніе стаціонарной системы; саратовскій сѣздъ, въ 1886 г., высказался въ пользу этой системы, но на слѣдующій же годъ призналъ вопросъ открытымъ, т.-е. не созрѣвшимъ для окончательнаго рѣшенія. Что касается до фельдшеризма, то здѣсь мнѣніе г. Капустина имѣетъ противъ себя чуть ли не большинство земскихъ врачей. „Не желая оставлять населеніе безъ медицинской помощи,—такъ резюмируетъ г. Никольскій заключенія сѣздовъ, — приходится мириться съ фельдшеризмомъ; нельзя совсѣмъ отстранить фельдшера отъ постели больного, и потому остается позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать фельдшера по возможности полезнымъ для населенія. Для этого нѣкоторые сѣзды предлагали замѣнить фельдшеровъ фельдшерицами; другіе—ограничить, по возможности, самостоятельность фельдшеровъ; третьи—поднять уровень фельдшерскаго образованія, періодическимъ прикомандированіемъ фельдшеровъ, поочередно, къ большимъ больницамъ“. Обойтись безъ самостоятельно-практикующихъ фельдшеровъ можно будетъ только тогда, когда ни одна деревня не будетъ отстоять отъ

ближайшей сельской больницы больше чѣмъ верстъ на десять или двѣнадцать; но для большинства губерній, въ особенности сѣверныхъ, эта минута настанетъ еще не скоро.

Отраднымъ, въ виду современныхъ нападеній на земство, представляется тотъ фактъ, что никто изъ названныхъ нами авторовъ не предлагаетъ изъять охраненіе народнаго здоровья изъ вѣденія земства или ограничить область дѣйствій земской медицины. Всего меньше расположенъ къ земству г. Нейштабъ; въ предисловіи къ его брошюрѣ встрѣчается нѣсколько явно несправедливыхъ упрековъ по адресу земскихъ учреждений. И онъ, однако, не предлагаетъ ничего другого, кромѣ усиленія и расширенія дѣятельности земства и земскихъ органовъ. *Земскою* должна быть проектируемая имъ образцовая губернская больница: при губернской *земской* управѣ должно быть учреждено врачебно-санитарное и медико-статистическое бюро; при уѣздной *земской* управѣ долженъ состоять уѣздный медицинскій совѣтъ. Правда, авторъ проекта слишкомъ расширяетъ власть этого совѣта, въ ущербъ земскому собранію; но это объясняется неопытностью г. Нейштаба, предполагающаго, повидимому, что всѣ больницы въ городахъ состоятъ въ вѣденіи городскихъ думъ (§ 56 проекта) и что во всѣхъ сельскихъ школахъ преподаваніе ведется учителями, остающимися и въ лѣтніе мѣсяцы на своемъ постѣ (§ 65). Важно, съ нашей точки зрѣнія, только то, что даже авторъ, мало стѣсняющійся дѣйствительностью, не рѣшается предложить радикальной ломки въ устройствѣ земско-медицинскаго дѣла.

Гораздо полезнѣе, чѣмъ сочиненіе длинныхъ, подробныхъ и ничѣмъ не мотивированныхъ проектовъ, представляется группировка мнѣній и фактовъ, предпринятая г. Никольскимъ. Труды земскихъ врачебныхъ сѣздовъ доступны для немногихъ—а между тѣмъ они содержатъ въ себѣ множество любопытныхъ и важныхъ данныхъ, заслуживающихъ самой широкой гласности. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ книгѣ г. Капустина проводится совершенно вѣрная мысль, что всѣ земскіе плательщики имѣютъ право на бесплатное полученіе лекарствъ изъ земскихъ аптекъ и пріемныхъ покоевъ. Въ подтвержденіе этой мысли г. Капустинымъ собрано не мало доказательствъ, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ такой силы, какъ слѣдующій фактъ, почерпнутый г. Никольскимъ изъ отчетовъ тверского сѣзда (1887 г.). Изъ всѣхъ уѣздовъ тверской губерніи всего лучше, повидимому, поставленъ—въ отношеніи къ медицинской части—шинскій; радіусы медицинскихъ участковъ здѣсь наименьшіе, число врачей наибольшее, расходъ на врачебное дѣло сравнительно самый высокій—а между тѣмъ населеніе почти не пользуется врачебною помощью, потому что за каждое посѣщеніе абмулаторіи взимае

по 25 коп. Неудивительно, что *все* сѣзды, кромѣ олонецкаго, высказались за бесплатную выдачу лекарствъ, да и олонецкій призналъ возможнымъ взимать плату (по 10 коп. съ рецепта) только съ состоятельныхъ больныхъ. Весьма интересны и утѣшительны данныя, свидѣтельствующія о растущемъ довѣрїи крестьянъ къ правильному леченію. Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ (черниговской губерніи) одно сельское общество содержитъ на свой счетъ врача и двухъ фельдшеровъ, затрачивая на это—не считая субсидїи отъ земства—почти *восемьсотъ* рублей. Аналогичное значеніе имѣетъ появленіе въ деревняхъ вольно-практикующихъ врачей, не получающихъ никакого пособія отъ земства или снабжаемыхъ отъ него только лекарствами. Само собою разумѣется, что о *замѣнѣ* земскихъ врачей вольно-практикующими не можетъ быть и рѣчи, какъ потому, что слишкомъ мало еще пока охотниковъ поселяться въ деревнѣ, не имѣя въ виду никакого опредѣленнаго вознагражденія, такъ и потому, что для массы населенія необходимъ именно бесплатный (т.-е. оплачиваемый богатыми вмѣстѣ съ бѣдными) трудъ земскихъ врачей.

— В. В. Святловскій, Фабричный рабочій.—Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ привислянскомъ краѣ и въ Малороссїи. Варшава, 1889.

Въ Внутреннихъ Обзорѣніяхъ нашего журнала, года три тому назадъ, изложено было подробно содержаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1885 годъ—первый со времени повсемѣстнаго введенія въ дѣйствіе фабричнаго законодательства 1882 г. Съ тѣхъ поръ отчеты фабричной инспекціи не были доводимы до всеобщаго свѣденія. Объ этомъ тѣмъ болѣе можно пожалѣть, что въ 1886 г. состоялся новый фабричный законъ, расширившій—въ особенности для трехъ губерній (петербургской, московской и владимірской)—функции фабричнаго надзора. Чрезвычайно важно было бы знать, что предпринято и что достигнуто, въ этихъ новыхъ рамкахъ, правительственной инспекціей, въ какой степени удалось ей улучшеніе тяжелыхъ условій фабричнаго быта. Картина этихъ условій, представленная первыми отчетами инспекціи, была до крайности неутѣшительна. Существенно, въ короткое время, она едва ли измѣнилась; но если кое-что было сдѣлано даже въ теченіе одного года, то не могла же пройти безслѣдно работа цѣлаго пятилѣтїя—предполагая, конечно, что оно продолжалось въ томъ же направленіи и не встрѣчало никакихъ внѣшнихъ препятствій. Книга г. Святловскаго восполняетъ, до извѣстной степени, недостатокъ официальныхъ сообщеній. Авторъ былъ сначала фабричнымъ инспекторомъ

въ Харьковѣ, а теперь, если не ошибаемся, занимаетъ ту же должность въ Варшавѣ. Онъ имѣлъ, такимъ образомъ, случай изучить положеніе рабочихъ въ двухъ существенно различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Хорошо знакомый, притомъ, съ фабричнымъ бытомъ за границей, онъ даетъ цѣлый рядъ сравнительныхъ изслѣдованій, бросающихъ яркій свѣтъ на главныя стороны вопроса. Далекое не все въ положеніи нашей фабричной инспекціи кажется ему вполне соответствующимъ призванію этого учрежденія. Вездѣ въ западной Европѣ назначеніе фабричной инспекціи заключается, между прочимъ, въ томъ, чтобы способствовать дальнѣйшему развитію и прогрессиванію фабричнаго законодательства. „Въ Россіи,—говоритъ г. Святловскій,—подобнаго вліянія пока совершенно не замѣчается. Кромѣ молодости института здѣсь, безъ сомнѣнія, играютъ роль нѣкоторыя особенности организаціи русскаго инспектората, и прежде всего непомѣрная величина фабричныхъ округовъ и малочисленность состава русскаго фабричной инспекціи“. О послѣднихъ двухъ условіяхъ неоднократно шла рѣчь въ Внутреннихъ Обозрѣніяхъ „Вѣстника Европы“, и значеніе ихъ не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій. Что касается до другихъ „особенностей организаціи русскаго инспектората“, то здѣсь разумѣется, во-первыхъ, ограниченность его круга дѣйствій. Г. Святловскій полагаетъ, и совершенно справедливо, что фабричное законодательство должно быть дополнено цѣлымъ рядомъ санитарныхъ постановленій, наблюденіе за исполненіемъ которыхъ принадлежало бы инспекціи. „До тѣхъ поръ,—говоритъ г. Святловскій,—пока не будетъ урегулировано все касающееся жилищъ фабричнаго рабочаго, мастерскихъ, казармъ, пищи, воды, пока не будетъ обращено должнаго вниманія на вентиляцію, на обезвреживаніе отбросовъ производствъ, на очистку и дезинфекцію отхожихъ мѣстъ, на мѣры предохраненія отъ несчастій, до тѣхъ поръ будетъ страдать на фабрикахъ организмъ рабочаго, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ прежде“ (вслѣдствіе сокращенія труда малолѣтнихъ рабочихъ). Второе пожеланіе г. Святловскаго состоитъ въ томъ, чтобы на должности фабричныхъ инспекторовъ назначались только врачи, а не техники или инженеры, въ кругъ образованія которыхъ до сихъ поръ не входитъ изученіе вопросовъ профессиональной гигиены. И съ этимъ можно согласиться, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ общаго правила, исключенія изъ котораго допускались бы для такихъ знатковъ дѣла, каковымъ былъ, напримѣръ, г. Янжуль (бывшій московскій фабричный инспекторъ). Технические свѣденія также далеко не излишни для фабричной инспекціи, но изъ среды техниковъ могли бы назначаться, какъ это дѣлается и теперь, нѣкоторые помощники инспекторовъ.

Въ какой степени положеніе нашихъ фабрикъ нуждается въ дальнѣйшей регламентаціи, объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница книги г. Святловскаго. „Самая жалкая мастерская точильщиковъ ножей въ Шеффилдѣ—читаемъ мы, на примѣръ, на стр. 6-й—имѣеть прекрасно устроенную вентиляцію, а у насъ остаются безъ всякой вентиляціи большія игольные фабрики“. Когда вступилъ въ силу законъ о фабричной работѣ малолѣтнихъ, на спичечныхъ фабрикахъ она осталась дозволенной въ двухъ отдѣленіяхъ: накатномъ и съемочномъ. При осмотрѣ одиннадцати спичечныхъ фабрикъ въ новозыбковскомъ уѣздѣ (черниговской губерніи) оказалось, что ни въ одной изъ нихъ эти два отдѣленія не разобщены отъ остальныхъ, въ которыя малолѣтніе допускаемы быть не могутъ. Инспекторъ, вслѣдствіе этого, вовсе запретилъ малолѣтнимъ работу на спичечныхъ фабрикахъ; но устранить ее вполне ему не удалось, потому что она слишкомъ выгодна для фабрикантовъ. Вообще новозыбковскія спичечныя фабрики (какъ и многія другія) отличаются поразительнымъ отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ гигиеническихъ приспособленій. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни бани, ни умывальника (!), ни даже наръ для сна; мужчины, женщины, дѣти спятъ въ повалку, на голыхъ доскахъ чердаковъ. А работа продолжается отъ 5 часовъ утра до 11—12 часовъ ночи! Ни школы, ни врача, ни фельдшера при спичечныхъ фабрикахъ не имѣется, хотя рабочихъ на многихъ изъ нихъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Все спичечное дѣло въ новозыбковскомъ уѣздѣ—таково заключеніе, къ которому приходитъ г. Святловскій — основано на самой безпощадной хищнической эксплуатаціи труда, здоровья и жизни“. Прежде этой эксплуатаціи подвергались преимущественно дѣти, теперь подвергаются преимущественно подростки и женщины. Очевидно, что цѣль законодателя достигнута далеко не вполне — или, лучше сказать, не достигнута почти вовсе. На первой очереди стоитъ, кромѣ оздоровленія фабрикъ, ограниченіе продолжительности фабричнаго рабочаго дня. Въ Англіи рабочій день не превышаетъ десяти, въ Швейцаріи — одиннадцати, въ Германіи—двѣнадцати или тринадцати часовъ; „только въ Россіи,—восклицаетъ г. Святловскій,—рабочій день колеблется отъ 12 до 18 часовъ въ сутки!“ Нужно замѣтить, что въ царствѣ польскомъ г. Святловскому не приходилось встрѣчаться съ работою, продолжающеюся болѣе 15 часовъ; шестнадцати, семнадцати и восемнадцатичасовой рабочій день извѣстенъ ему, по личному опыту, только въ харьковскомъ фабричномъ округѣ ¹⁾. Сокращеніе рабочаго дня, не-

¹⁾ И въ другихъ параллеляхъ, приводимыхъ г. Святловскимъ, преимущество оказывается почти всегда на сторонѣ привислянскаго края, хотя отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы положеніе фабричныхъ рабочихъ было здѣсь сколько-нибудь удовлетворительно.

обходимое въ интересахъ рабочихъ, вовсе не опасно для фабрикантовъ. Въ Швейцаріи, по словамъ г. Святловскаго, законъ, сократившій продолжительность рабочаго дня, пользуется симпатіями и рабочихъ, и фабрикантовъ. Почти всѣ кантональныя власти называютъ его благодѣтельнымъ для народа. Уменьшеніе заработка составляетъ едва 1%, между тѣмъ какъ сбереженіе рабочаго времени доходитъ почти до 10%. Въ нѣкоторыхъ производствахъ не только не уменьшилось количество вырабатываемаго продукта, но получился выигрышъ въ его качествахъ. Замѣчено также, что прогуль, пьянство и развратъ уменьшились среди фабричныхъ рабочихъ, со времени введенія одиннадцатичасоваго максимальнаго рабочаго дня. Нѣтъ никакой причины думать, чтобы у насъ въ Россіи та же самая мѣра привела къ существенно инымъ результатамъ.

— *А. Карабеговъ*, Реформа судебныхъ уставовъ въ связи съ современнымъ состояніемъ правосудія. Спб., 1889.

Эта книга производитъ странное, двойственное впечатлѣніе. Нельзя не сочувствовать смѣлости, съ которою авторъ раскрываетъ злоупотребленія, вкравшіяся въ практику кавказскихъ судовъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о легкости, съ которою онъ переходитъ отъ частныхъ фактовъ къ общимъ выводамъ. Книга г. Карабегова произошла, повидимому, слѣдующимъ образомъ. Встрѣтившись, какъ защитникъ, съ небрежнымъ отношеніемъ тифлисской судебной палаты къ серьезному уголовному дѣлу и не найдя желанной поддержки въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, онъ пришелъ къ заключенію, что—something is rotten in the state Denmark („нечисто что-то въ датскомъ королевствѣ“), и сталъ искать источника нечистоты въ первыхъ попавшихся ему, по дорогѣ, постановленіяхъ судебныхъ уставовъ. Въ тифлискомъ судебномъ округѣ апелляціонное производство (по дѣламъ уголовнымъ) слишкомъ часто обращается въ пустую формальность; ergo—не нужно апелляціоннаго производства. Въ кассационномъ сенатѣ резолюціи заготовляются иногда еще до выслушанія дѣла; ergo—не нужно кассационной инстанціи. Толкованіе закона не всегда соотвѣтствуетъ его буквальному смыслу; ergo—не нужно предоставлять суду право толковать законы. Судьи приступаютъ иногда къ рѣшенію дѣла, недостаточно его зная; ergo—нужно, чтобы каждый судья подавалъ голосъ публично, подробно излагая соображенія, приводящія его къ тому или другому заключенію. Мотивированныхъ мнѣній нельзя требовать отъ присяжныхъ; ergo—судъ присяжныхъ долженъ быть совершенно

упраздненъ... Подробный разборъ предложеній и предположеній, возникающихъ такимъ путемъ, едва ли представляется необходимымъ. Ограничимся однимъ замѣчаніемъ, которое само собою напрашивается на перо. Безспорно, апелляціонное производство по дѣламъ уголовнымъ страдаетъ, въ тифлисской судебной палатѣ, важными недостатками; убѣдительнымъ доказательствомъ этому служить дѣло Корганова (приводимое и въ книгѣ г. Карабегова), на которое давно уже обратила вниманіе наша періодическая печать. Быть можетъ, этому способствуетъ отдаленность края, недостатокъ гласности, стѣсненное положеніе провинціальной прессы; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что есть тому и болѣе глубокия причины, коренящіяся въ самой формѣ процесса. Судебное слѣдствіе не принадлежитъ къ числу такихъ дѣйствій, которыя можно воспроизвести сколько угодно разъ, когда и гдѣ угодно, при какой угодно обстановкѣ. Повторить его всецѣло въ судебной палатѣ, много мѣсяцевъ спустя послѣ разсмотрѣнія дѣла въ окружномъ судѣ и за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста совершенія преступленія—до крайности трудно или, въ большинствѣ случаевъ, совершенно невозможно. Еслибы и удалось собрать въ палатѣ всѣхъ свидѣтелей, раньше спрошенныхъ по дѣлу, это будутъ уже не тѣ свидѣтели, которыхъ видѣлъ, не тѣ показанія, которыя слышалъ окружной судъ. Отсюда неизбежное стремленіе апелляціонной инстанціи къ *бумажной* повѣркѣ перваго приговора, существующее—мы въ этомъ убѣждены—не только въ Тифлисѣ, но и въ Варшавѣ—однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ приговоръ первой инстанціи разсматривается второю *по существу*, а не только съ точки зрѣнія формальной его законности и правильности. А между тѣмъ безъ такого разсмотрѣнія можно обойтись только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. Что бы ни говорилъ г. Карабеговъ, въ настоящее время нельзя и думать о предоставленіи коронному суду разрѣшать, сразу и безповоротно, участь обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ; съ этимъ ни за что не примирилась бы общественная совѣсть. Единственное средство избѣжать неудобствъ, неразрывно связанныхъ съ апелляціоннымъ производствомъ—это именно введеніе суда присяжныхъ, тамъ, гдѣ онъ еще не существуетъ. Еслибы на Кавказѣ важнѣйшія уголовныя дѣла рѣшались съ участіемъ присяжныхъ, не было бы мѣста для тѣхъ печальныхъ явленій, которыми справедливо возмущенъ г. Карабеговъ... Въ газетахъ пронесся слухъ, что противъ г. Карабегова возбуждено или будетъ возбуждено, по поводу его книги, двойное преслѣдованіе—уголовное и дисциплинарное (какъ противъ присяжнаго повѣреннаго). Мы надѣемся, что это извѣстіе не подтвердится. Литературная дѣятельность присяжнаго повѣреннаго не можетъ служить основаніемъ для привлеченія его

къ дисциплинарной отвѣтственности, развѣ еслибы онъ разгласилъ этимъ путемъ ввѣренную ему профессионально тайну (въ чемъ г. Карабегова никто, кажется, не обвиняетъ). Что касается до судебного преслѣдованія, то судебному вѣдомству менѣе чѣмъ всякому другому подобаеъ ограждать себя отъ критики щитомъ уголовныхъ каръ.

— *Князь Д. Цертелевъ*, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія? Москва, 1889.

Небольшая книжка кн. Цертелева составилась изъ писемъ, появившихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Трудно понять цѣль ихъ перепечатки. Въ газетахъ помѣщается, по необходимости, много эфемернаго, лишь бы оно не противорѣчило общему характеру изданія. Къ книгѣ, даже къ брошюрѣ, предъявляются уже другія требованія. Она должна содержать нѣчто большее, чѣмъ повтореніе общихъ мѣстъ. Въ чему перебирать еще разъ давно извѣстныя нападенія противъ мировыхъ судей, когда это учрежденіе доживаетъ свои послѣдніе дни? Въ чему твердить все одно и то же о безвластїи, отъ котораго страдаетъ крестьянская масса, когда для деревни уже приготовлена власть надлежащей крѣпости и силы? Разсужденія кн. Цертелева мы не могли бы даже назвать *новыми* варіаціями на старую тему. Нѣсколько фактовъ собрано имъ только по вопросамъ о жалобахъ на неправильности земскаго обложенія и о порядкѣ привлеченія земскихъ дѣателей къ отвѣтственности за преступленія должности; но здѣсь авторъ занимается „взламываньемъ открытыхъ дверей“, такъ какъ никто, сколько намъ извѣстно, не сомнѣвается въ необходимости болѣе дѣятельнаго контроля надъ земскими управами вообще и надъ распоряженіями ихъ по земскому обложенію въ особенности. Кн. Цертелевъ не можетъ не знать, что проектируемая реформа земскихъ учрежденій направлена не къ тому, чтобы усилить ихъ отвѣтственность и отчетность, а къ тому, чтобы лишить ихъ самостоятельности. Не о контролѣ идетъ рѣчь, когда условіемъ дѣятельности всякаго постановленія земскаго собранія ставится предварительное утвержденіе его губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ; не отвѣтственность за проступки имѣется въ виду, когда предлагается обратить земскую управу въ присутственное мѣсто, предсѣдатель и члены котораго назначаются губернаторомъ. Въ началѣ книги кн. Цертелевъ ссылается на свой личный опытъ, вынесенный изъ многолѣтняго житія въ деревнѣ. Напрасно было бы, однако, искать слѣдовъ этого опыта; авторъ не выходитъ изъ сферы „отвлеченныхъ соображеній“, противъ которыхъ самъ предостерегаетъ читателей. Чтобы дать понятіе о свойствахъ этихъ соображеній, достаточно бы

детъ привести одинъ примѣръ. „Громаднымъ большинствомъ крестьянскаго населенія, — говоритъ кн. Цертелевъ, — чувствуется необходимость вовсе не въ представительствѣ, равенствѣ передъ закономъ, свободѣ торговли и тому подобныхъ принципахъ, о которыхъ оно не имѣетъ понятія, а въ охранѣ его насущныхъ матеріальныхъ интересовъ“. Чувствовать „необходимость въ принципѣ“, котораго не понимаешь, конечно нельзя; но это вовсе еще не значить, чтобы не было реальной потребности въ томъ, выраженіемъ чего принципъ служить. Слово: „представительство“ незнакомо крестьянамъ — но развѣ имъ не нужны люди, которые стояли бы за нихъ въ земскомъ собраніи? О „равенствѣ передъ закономъ“ крестьяне никогда не слыхали — но развѣ для нихъ безразлично то, чтò означается этимъ именемъ? Развѣ возможна дѣйствительная охрана „насущныхъ матеріальныхъ интересовъ“ крестьянства, если въ глазахъ мѣстной власти дворянинъ имѣетъ преимущество передъ крестьяниномъ, если она считаетъ себя призванной защищать въ особенности „насущные матеріальные интересы“ дворянства?.. Увлекаясь „отвлеченными соображеніями“, кн. Цертелевъ часто не видитъ ихъ настоящаго значенія. Возставая противъ товарищества, господствующаго, будто бы, на мировыхъ сѣздахъ, онъ не замѣчаетъ, что оно можетъ развиться и на вновь устраиваемыхъ уѣздныхъ сѣздахъ — и навѣрное развилось бы на сѣздахъ земскихъ начальниковъ, какъ ихъ проектировало сначала министерство внутреннихъ дѣлъ. Рисуя картину затрудненій, ожидавшихъ въ деревнѣ молодого мирового судью, онъ не замѣчаетъ, что съ тѣми же затрудненіями придется имѣть дѣло и молодому земскому начальнику. — К. К.

— С. А. Венеровъ. *Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней)*.. Томъ I. Выпуски 1—21. А. Спб. 1889. XXII, 14 и 992 стр.).

Извѣстное предпріятіе г. Венгерова пришло къ первому завершающему пункту: закончена буква А и съ нею первый томъ „Словара“. Томъ — громадный, слишкомъ въ тысячу страницъ плотной печати, заключающій множество данныхъ по исторіи нашей литературы и науки, свидѣтельствующій о массѣ положеннаго на это внимательнаго и настойчиваго труда. Это послѣднее качество не принадлежитъ у насъ къ числу особенно распространенныхъ, и тѣмъ больше заслуживаетъ уваженія, что этотъ внимательный трудъ одушевляется теплымъ интересомъ къ успѣхамъ нашей литературы.

Когда вышелъ первый выпускъ „Словара“ съ тѣмъ предисловіемъ, какое повторяется и во главѣ настоящаго тома, мы высказали впе-

чатлѣніе, какое производилъ на насъ предпринятый г. Венгеровымъ трудъ. Въ этомъ предисловіи указано въ общихъ чертахъ и очень вѣрно состояніе нашихъ историко-литературныхъ изученій, которыя, при всемъ ихъ богатствѣ частными изслѣдованіями и трактатами, почти совершенно лишены работъ объединяющихъ, обобщающихъ и справочныхъ. Этотъ недостатокъ не подлежитъ сомнѣнію, и г. Венгеровъ предположилъ помочь ему своимъ Словаремъ; намъ казалось въ самомъ началѣ, что онъ напрасно не ограничился именно только этою задачею, и сталъ вносить въ свою работу элементъ уже вовсе не справочный, а прямо историческій, критическій и публицистическій. Мы находили это нецѣлесообразнымъ и по существу, и въ практическомъ отношеніи: справочная, обобщающая книга обязана давать только основные факты и указанія, — всѣ подробности, критика, публицистическая оцѣнка должны быть ей чужды просто потому, что для *справки* могутъ быть совершенно не нужны и имѣютъ свою особую область; въ практическомъ отношеніи, это смѣшеніе двухъ задачъ могло отразиться чрезмѣрнымъ увеличеніемъ изданія. Такъ оно и случилось. Въ первоначальной программѣ г. Венгеровъ предполагалъ, что наибольшій размѣръ отдѣльной статьи, посвящаемой первостепенному дѣятелю литературы, какъ напр. Пушкинъ, не будетъ превышать 40 стр. По настоящему, для справочной книги и это слишкомъ много, но размѣръ уже вскорѣ былъ превзойденъ: трое Аксаковыхъ, Сергѣй, Константинъ и Иванъ, заняли больше двухсотъ (196 и 13) страницъ, или около 13 печатныхъ листовъ. Выполненіе такого Словаря становится невозможнымъ. Буква А, занимающая весьма небольшую долю словарнаго алфавита, потребовала уже трехъ лѣтъ настойчивой работы; предположивъ столь же упорное продолженіе труда въслѣдствіи, при участіи специалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, изданіе Словаря въ томъ же размѣрѣ все-таки потребуетъ многихъ и многихъ лѣтъ; первые тома окажутся въ хронологическомъ разнорѣчии съ послѣдующими и ихъ устарѣлость по времени придется догонять безконечными дополненіями и т. д. Одно изъ удобствъ справочной книги заключается въ томъ, что она даетъ болѣе или менѣе полный запасъ свѣдѣній *по данное время*, и читатель, который къ ней обращается, знаетъ, что въ ней найдетъ; въ обширномъ словарѣ, съ періодически нарастающими дополненіями, самая справка дѣлается сложною. Въ теченіе изданія перваго тома къ нему набралось уже до *ста* страницъ дополненій, въ *три* года; что будетъ въ десять или пятнадцать лѣтъ, если ужъ не загадывать дальше? Скажутъ, что дополненія войдутъ въ составъ самой книги при новомъ изданіи; а какъ быть владельцамъ стараго изданія?.. Такимъ образомъ, при томъ характерѣ, какой

принимаетъ изданіе, окажутся неизбѣжныя неудобства для его справочной стороны. Г. Венгерова видимо увлекала его историческая и публицистическая работа; эта работа имѣетъ свои большія достоинства; но въ виду основной цѣли предпріятія мы продолжаемъ думать, что г. Венгерова сдѣлать бы лучше, еслибы разграничилъ двѣ разныя задачи, за которыми онъ теперь гонится, и по нашему мнѣнію онъ могъ бы сдѣлать это даже теперь. А именно: въ дальнѣйшемъ продолженіи Словаря онъ могъ бы и теперь совершенно отдѣлить справочную сторону дѣла отъ исторической и критической, и наша литература, дѣйствительно сильно нуждающаяся въ подобномъ трудѣ, могла бы въ гораздо болѣе краткій срокъ получить дѣйствительный справочный словарь, а тѣ обширныя, чисто историческія статьи, которыя теперь столь замедляютъ изданіе, г. Венгерова могъ бы отложить для изданій отдѣльными сборниками. Въ самомъ дѣлѣ, однѣ біографіи Аксаковыхъ могли бы составить особую книжку. Притомъ г. Венгерова имѣлъ бы въ этомъ случаѣ ту выгоду, что въ своихъ историческихъ этюдахъ не былъ бы связанъ алфавитомъ и могъ бы останавливаться именно на тѣхъ лицахъ, дѣятельность которыхъ представила бы особенный историческій и общественный интересъ.

Въ законченномъ теперь первомъ томѣ Словаря г. Венгерова помѣстилъ, въ массѣ небольшихъ статей, имѣющихъ чисто справочный характеръ, цѣлый рядъ болѣе обширныхъ біографій, какъ людей стараго времени (протопопъ Аввакумъ; Аврамовъ, противникъ Петровскихъ реформъ), такъ и болѣе новаго времени (протоіерей Петръ Алексѣевъ; Арцыбашевъ, историкъ; Анастасевичъ, бібліографъ; Априловъ и пр.), наконецъ писателей нашей или недавней эпохи (Борисъ Алмазовъ; Анненковъ П. В.; Аристовы — анатомъ и историкъ; Арсеньевы—К. И. и К. К.; Аванасьевъ, А. Н.; Антоновичи—А. Я., В. Б., М. А.; Андреевскіе—И. Е., С. А.; Апухтинъ и др.); о несомнѣнно обширныхъ жизнеописаніяхъ Аксаковыхъ мы упоминали. Насколько мы пересматривали статьи Словаря, онѣ отличаются обыкновенно обширнымъ и точнымъ подборомъ біографическаго матеріала; многія біографіи имѣютъ, по выраженію г. Венгерова, характеръ первоисточниковъ, т.-е. являются въ первый разъ, обыкновенно на основаніи свѣденій, доставленныхъ самими предметами біографій. Первые выпуски Словаря составлялись исключительно г. Венгеровымъ; но уже вскорѣ онъ пригласилъ къ участию въ своемъ трудѣ нѣкоторыхъ специалистовъ—по разнымъ отраслямъ наукъ: такъ, въ числѣ сотрудниковъ мы встрѣчаемъ имена гг. Бодуэна де-Куртенэ, Бороздина, Н. П. Вагнера, Герценштейна, Гольдштейна, Меншуткина, Мушкетова, Пашутина, Поссе, Влад. Соловьева и друг. Въ

біографіяхъ лицъ современныхъ или близкихъ къ нашему времени г. Венгеровъ обыкновенно вовсе не остается сухимъ, холоднымъ собирателемъ фактовъ; напротивъ, онъ принимаетъ близко къ сердцу интересы общественной жизни и общественной мысли, имѣетъ свои любимыя и нелюбимыя явленія, если не лица; и „критическая“ біографія пріобрѣтаетъ не разъ полемическій тонъ. Съ этими личными взглядами (напр. объ Авсаковыхъ, Анненковѣ, М. Антоновичѣ) мы не всегда бы согласились; иногда пожелали бы при оцѣнкѣ большаго вниманія къ условіямъ времени и мѣста, къ основѣ обсуждаемыхъ критикомъ взглядовъ, которая, какъ слишкомъ часто бываетъ въ нашей литературѣ, нерѣдко не могла даже быть высказываема съ достаточною ясностью, и т. д. Само собою разумѣется, что г. Венгеровъ имѣетъ право составить себѣ какіе угодно взгляды; но есть не малое неудобство въ томъ, что взгляды, окрашенные извѣстнымъ болѣе или менѣе исключительнымъ образомъ, являются въ книгѣ, имѣющей прежде всего справочное значеніе. Читатель въ громадномъ большинствѣ случаевъ будетъ искать въ книгѣ именно справку, и „критическая“ тенденція будетъ ему не нужна или даже будетъ его отталкивать; какъ съ другой стороны тотъ, кто ищетъ знакомства съ внутреннимъ ходомъ литературы и общества, не будетъ искать объ этомъ свѣденій въ словарѣ. Книги подобнаго рода вообще стараются быть сколько возможно объективными, и справедливо; цѣль ихъ—сообщеніе фактическихъ свѣденій и указаніе литературы о данномъ предметѣ. Мы продолжаемъ думать, что издатель словаря поступилъ бы весьма цѣлесообразно, еслибы въ продолженіи своего труда выдѣляя статьи въ родѣ трактата о семействѣ Авсаковыхъ въ отдѣльныя книжки: изданіе, особливо еще съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ, пошло бы вѣроятно гораздо быстрѣе, чѣмъ было бы большимъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы.

— *Этнографическое Обзорніе*. Периодическое изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Подъ редакціей секретаря Этнографическаго Отдѣла *Н. А. Янчука*. М. 1889. 2 выпуска.

Мысль объ изданіи этого спеціальнаго обзорнія возникла въ средѣ Этнографическаго Отдѣла названнаго ученаго общества въ Москвѣ, и вызвана была возрастающимъ развитіемъ русской этнографіи, требующимъ наконецъ спеціальнаго органа. „Въ то время,—говоритъ редакція въ предисловіи,—какъ за границей уже десятки лѣтъ издаются въ значительномъ количествѣ разные этнографическіе журналы, у насъ до настоящаго времени не дѣлалось даже опыта подобнаго изданія“.

Редакція считаетъ отсутствіе подобнаго изданія большою помѣхой къ развитію нашей этнографической науки.

„Правда, существуетъ въ Россіи довольно много ученыхъ обществъ, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ при себѣ этнографическія отдѣленія, которыя печатаютъ результаты своихъ изслѣдованій въ ученыхъ трудахъ. Но участіе въ обществахъ и ихъ изслѣдованіяхъ доступно лишь небольшому кругу людей, большею частью специалистовъ; большинство же этнографовъ-любителей, въ особенности провинціальныхъ, лишь изрѣдка находятъ себѣ приютъ въ какомъ-нибудь губернскомъ, офиціальномъ или частномъ изданіи, въ какой-нибудь мѣстной газетѣ, причемъ они невольно должны приравнивать къ характеру этихъ изданій не только внѣшнюю форму изложенія, но и самое содержаніе своихъ работъ, иногда вопреки научнымъ требованіямъ, сообразуясь лишь съ извѣстнымъ кругомъ читателей. Отсюда происходитъ поверхностность и недостатокъ научности въ большинствѣ подобныхъ работъ, въ противоположность излишней сухости и учености, какою съ другой стороны отличаются изданія ученыхъ обществъ, большею частью обреченныя, какъ по своему содержанію, такъ часто и по цѣнѣ, на незначительное распространеніе среди болѣе широкаго круга образованныхъ читателей“.

Редакція не скрываетъ отъ себя трудности соединить научность содержанія съ популярностью изложенія, но все-таки считаетъ это возможнымъ, — въ чемъ мы съ ней вполне согласимся. Другой вопросъ, отчего неудовлетворительна въ качественномъ отношеніи наша этнографическая наука, хотя очень развивающаяся количественно? Конечно не потому, что у насъ не было для этой науки спеціальнаго научно-популярнаго изданія, какихъ десятки существуютъ въ литературахъ европейскихъ, — а просто отъ общей слабости научнаго образованія въ нашемъ обществѣ. Европейскія изданія, на которыя указываетъ предисловіе редакціи, — обыкновенно вовсе не популярныя изданія, которыя могутъ разсчитывать на большую массу читателей, а именно спеціальныя, которыя могутъ интересовать только извѣстный опредѣленный кругъ знатоковъ и любителей этой отрасли знанія; — дѣло только въ томъ, что тамъ этотъ кругъ безъ всякаго сравненія обширнѣе, чѣмъ у насъ, какъ вообще несравненно больше нашего распространено образованіе и наука. Специалистамъ и ученымъ обществамъ нашимъ очень извѣстно, до какой степени наша этнографія есть дѣло не правильно подготовленнаго научнаго труда, а именно дѣло любительства, нерѣдко развивающагося чисто случайно между людьми, не только не имѣющими спеціальной подготовки, но нерѣдко даже съ не весьма достаточнымъ общимъ образованіемъ, которыхъ наталкиваетъ на этотъ путь инстинктивное чувство важности предмета или вѣстѣ

интересъ къ народному быту въ особыхъ условіяхъ какого-нибудь провинціального захолустья.

Но какъ бы то ни было, какъ ни мало вообще благоприятно положеніе нашего образованія, интересъ къ изученію народа и народной жизни несомнѣнно существуетъ, несомнѣнно усиливается и расширяется, и изданіе, предпринятое теперь Этнографическимъ Отдѣломъ, можетъ послужить на большую пользу этому дѣлу. Если нѣтъ возможности помочь скоро общей бѣдѣ, недостатку образованія въ обществѣ, остается принять тотъ путь, какой предположилъ московскій Этнографическій Отдѣлъ—служить дѣлу распространеніемъ научно-популярныхъ свѣдѣній о предметѣ, создать извѣстное средоточіе для этнографическихъ работъ и объединять ихъ въ ихъ общемъ обзорѣни.

Новое изданіе должно выходить четыре раза въ годъ, на подобіе того, какъ выходятъ многія спеціальныя изданія подобнаго рода за границей. Наше изданіе начато въ половинѣ года и въ настоящемъ году оно дастъ только три книжки: двѣ изъ нихъ уже вышли; третья ожидается въ декабрѣ. Два выпуска, которые были нами просмотрѣны, заставляютъ ожидать, что наша научно-популярная литература приобрѣтетъ въ „Этнографическомъ Обзорѣни“ весьма полезное и интересное изданіе. Содержаніе книжекъ весьма разнообразно, затрогивая и общіе вопросы предмета, и различныя народности нашего государства, и представляетъ наконецъ прекрасный, до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ обзоръ новыхъ ученыхъ работъ и матеріаловъ по нашей этнографіи. „Этнографическое Обзорѣніе“ своимъ составомъ напоминаетъ лучшіе иностранныя журналы, посвящаемыя этому спеціальному предмету.

Во главѣ изданія поставлена статья Д. Н. Анучина: „О задачахъ русской этнографіи“, о которой мы уже имѣли случай говорить въ Литературномъ Обзорѣни по поводу ея отдѣльнаго изданія. Далѣе помѣщены, въ первомъ выпускѣ: „о нойдахъ (шаманахъ или колдунахъ) у древнихъ и современныхъ лопарей“ г. Харузина; „Свадебные обычаи Ахалцихскихъ армянъ“ г. Акимова; „О черничкахъ“ г. Свѣта; „Замѣтка о народной медицинѣ“ г. Богаевского; „Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья“ г. Куликовскаго; „Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ“ г. Калаша;—во второмъ выпускѣ: „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“ г. Миллера, съ дополненіемъ о персидскихъ эпическихъ произведеніяхъ въ грузинскомъ переводѣ, г. Хаханова; „Тушины“ г. Хаханова; „Очеркъ вѣрованій крестьянъ елатомскаго уѣзда Тамбовской губерніи“ г. Звонкова; „Палій и Мазепа въ народной поэзіи“ г. Кал-

лаша; „Оскаръ Кольбергъ“, г. Янчука, и наконецъ продолженіе статьи г. Каллаша, начатой въ первомъ выпускѣ.

Составъ книжекъ надо назвать весьма удачнымъ. Перечисленные статьи, представляя изслѣдованія, важныя въ научномъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ остаются доступны для читателя не-специалиста и, какъ мы видѣли, затрагиваютъ вопросы этнографіи съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Такова, на примѣръ, и вводная статья г. Анучина, ставящая общій вопросъ о желательномъ направленіи нашихъ этнографическихъ изученій; такова статья г. Миллера, касающаяся предмета, еще очень мало разработаннаго; таковы статьи по этнографіи инородцевъ и по русскимъ народнымъ обычаямъ; статья г. Каллаша о положеніи стариковъ въ первобытномъ обществѣ есть изслѣдованіе по общей этнографіи, гдѣ народный обычай объясняется въ связи съ реальнымъ бытомъ и миеологическими представленіями, какъ они и развивались на дѣлѣ въ первобытномъ обществѣ. Статья того же автора о Палии и Мазепѣ есть одинъ эпизодъ изъ цѣлаго предположеннаго изслѣдованія о событіяхъ и лицахъ XVIII-го вѣка по ихъ отраженію въ народной поэзіи.

Еще одинъ важный отдѣлъ новаго изданія есть его библиографіи. Это весьма подробный обзоръ книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей этнографическаго содержанія, снабженный краткими критическими замѣтками. Обзоръ составляется чрезвычайно внимательно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ критическія замѣтки даютъ массу попутныхъ библиографическихъ указаній по тому или другому вопросу, и если, какъ надо ожидать, этотъ обзоръ будетъ вестись последовательно, онъ будетъ по истинѣ драгоценнымъ пособіемъ и для любителей, и для самихъ специалистовъ этнографіи. До сихъ поръ было уже не мало библиографическихъ указателей, собиравшихъ разбросанный этнографическій матеріалъ, но это были только инвентари, безразлично отмѣчавшіе и крупныя научныя явленія, и мелкія, едва стоящія вниманія, статьи; настоящій обзоръ указываетъ, напротивъ, и содержаніе, и цѣнность появляющихся новыхъ изслѣдованій и матеріаловъ. Въ заключеніе даются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, объ этнографическихъ музеяхъ, экспедиціяхъ и другихъ научныхъ новостяхъ.

Таковъ характеръ новаго изданія. Всѣ интересующіеся предметомъ пожелаютъ успѣха предпріятію, свидѣтельствующему и о большой любви къ дѣлу, и о хорошей въ нему подготовкѣ. Мы не знаемъ пока, какъ редакція поведетъ дальше разработку этнографическихъ вопросовъ, но думали бы, что на ряду съ частными предметами науки необходимо было бы теперь же дать мѣсто одному, чрезвычайно важному вопросу, именно вопросу о методѣ. Этнографическія изслѣдо-

ванія, по самому существу дѣла, до такой степени расширяются и до такой степени осложняются множествомъ параллельныхъ и сопредѣльныхъ изслѣдованій, что въ особенности для нашихъ читателей и для самыхъ дѣятелей этнографіи было бы не только полезно, но и необходимо освоиться какъ съ общимъ представленіемъ объ этой наукѣ и ея связяхъ съ другими отраслями знанія (антропология, филология, изученіе древности, исторія права, исторія культуры и пр.), такъ и съ ея критическими приемами и методами изслѣдованія. Литература европейская, въ особенности въ послѣднее время, представляетъ обширную массу изслѣдованій, между прочимъ, и по этому общему вопросу. Собственно говоря, этнографическая наука находится въ періодѣ созиданія, и было бы важно, въ особенности для нашихъ мало приготовленныхъ читателей, выяснить существующія точки зрѣнія и извлечь то, что можетъ считаться установленнымъ результатомъ и выработаннымъ критическимъ приемомъ.

— *Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ, 1889.*

Въ Литературномъ Обзорѣніи было говорено въ свое время о первыхъ выпускахъ труда г. Дубасова, были указаны многія интересныя черты, собранныя авторомъ изъ архивныхъ матеріаловъ, но замѣчены были и нѣкоторые недостатки въ ихъ изложеніи. Эти послѣднія замѣчанія были сопровождаемы наглядными и, повидимому, достаточно понятными примѣрами. Авторъ „Очерковъ“ принималъ эти замѣчанія съ большою нетерпѣливостью; въ слѣдующемъ же выпускѣ своего сочиненія онъ возставалъ на критиковъ, рѣшавшихся быть не совсѣмъ довольными его трудомъ. Такъ и 5-й выпускъ открывается походомъ на рецензентовъ, которыхъ авторъ, повидимому, подозреваетъ или въ достойномъ осужденіи недоброжелательствѣ, или въ непониманіи достоинствъ его труда. Часть его обличеній—совершенно, впрочемъ, голословныхъ—относится, вѣроятно, и къ Литературному Обзорѣнію „Вѣстника Европы“. Преписывать съ нимъ мы не будемъ: для желающаго всегда возможна справка съ этими прежними рецензіями и съ самой книгой.

Въ пятомъ выпускѣ „Очерковъ“ заключаются слѣдующія главы:—Забутые дѣятели и дѣльцы тамбовскаго края;—Тамбовское книжное просвѣщеніе въ XVIII вѣкѣ;— Тамбовскіе сектанты;— Тамбовскія бытовые черты XVII вѣка и смуты XVII—XVIII столѣтій.

Въ главѣ о „забутыхъ дѣятеляхъ тамбовскаго края“ на стран. 5—13 читаемъ о русскомъ посольствѣ въ Персію, при Борисѣ Голу-

новѣ, въ 1600 г., потомъ о пріѣздѣ персидскаго посла въ Москву при Михаилѣ Фёдоровичѣ, потомъ о русскомъ посольствѣ въ Персію въ 1619 году, потомъ опять о персидскомъ посольствѣ въ Москву, еще о русскомъ посольствѣ въ Персію въ 1642; на стр. 13—35 читаемъ весьма подробно о русскомъ посольствѣ въ Польшу на Поляновскій съѣздъ въ 1634 году, о другихъ посольствахъ въ Польшу въ 1637 и 1643 годахъ; на стр. 35—43 о посольствѣ въ Швецію въ 1646 г... Читатель придетъ, вѣроятно, въ недоумѣніе: зачѣмъ эти описанія посольствъ въ Персію, Польшу, Швецію попали въ исторію тамбовскаго края? Дѣло въ томъ, что въ эти посольства назначались между прочимъ лица, которыя бывали въ тамбовскомъ краѣ намѣстниками, воеводами и вотчинниками, и авторъ нашелъ, что сношенія Россіи ст упомянутыми государствами принадлежатъ къ тамбовской исторіи. Онъ прямо говоритъ о „нашихъ тамбовскихъ дипломатахъ“ (стр. 35, 43).

Въ главѣ о „тамбовскомъ книжномъ просвѣщеніи“, на стр. 89—94 авторъ подробно передаетъ содержаніе апокрифическихъ сказаній, встрѣченныхъ имъ въ одной старой рукописи. Эти сказанія извѣстны и принадлежатъ вообще старой русской, а не специально тамбовской, письменности. На стр. 97—98 отрывки изъ географіи 1760 (?) года и изъ другой, печатной, географіи 1719 года,—книгъ, попавшихъ автору подъ руку въ тамбовской архивной комиссіи и опять, конечно, не имѣющихъ никакого отношенія къ тамбовской исторіи. На стр. 98—100 выписка изъ грамматики Петровскаго времени, о которой авторъ отзывается весьма язвительно и которая опять совершенно не нужна для исторіи тамбовскаго края. На стр. 101—109 рассказывается біографія Магомета (!) по книгѣ „Система мухамеданской религіи“ (это—очень извѣстный переводный трудъ князя Дмитрія Кантемира, изданный при Петрѣ)—опять потому только, что эта книга есть въ тамбовской комиссіи.

Такимъ образомъ до 60 страницъ (изъ 197), почти треть всей книги, наполнены вещами, совершенно ненужными для исторіи тамбовскаго края... Приводя всѣ эти ненужныя выписки, авторъ объясняетъ, что-де эти книги читаль „тамбовскій грамотѣй“, что этими апокрифами „зачитывались тамбовцы“. Но все это могъ читать и рязанецъ, и костромичъ и т. д. (рукописи встрѣчаются и у нихъ)—неужели все это должно войти также въ исторію Рязани, Костромы и пр.? Наконецъ, авторъ ничѣмъ не доказываетъ, что тамбовцы, напр., дѣятельно „зачитывались“ апокрифами: у него въ рукахъ была, повидимому, только одна рукопись, и о той остается неизвѣстно, была ли она именно тамбовская...

Остальныя двѣ трети книги заняты дѣйствительно тамбовскими

сюжетами, и здѣсь есть интересныя подробности бытовой исторіи, напр. о старыхъ градоправителяхъ края, о выборѣ депутатовъ въ Екатерининскую комиссію для сочиненія новаго уложенія, о положеніи школьнаго дѣла, о нежеланіи мѣстныхъ жителей имѣть „дохтура“ и аптеку (содержаніе ихъ предполагалось возложить на обывателей) и т. д. Случались вещи невѣроятныя. Таковы, напр., похожденія школьнаго учителя, котораго градоправитель желалъ просто записать въ свои крѣпостныя (стр. 110—113); таковы приключенія несчастнаго (уже взрослого) школьника, который бѣжалъ изъ школы вслѣдствіе жестокаго обращенія, присталъ къ какому-то страннику, сдѣлался бродягой, сначала ходилъ по монастырямъ, затѣмъ, „находясь нѣсколько дней въ пути съ неизвѣстными татарами, принялъ магометанскую религію“ (!) и не желалъ возвратиться въ христіанство, „ибо давно отсталъ отъ онаго христіанства“. Его, наконецъ, взяли и присудили отдать въ солдаты (стр. 124—128). Таковы, далѣе, рассказы о вооруженномъ сопротивленіи архіерейской власти со стороны „паствы“, и т. п.

О свойствахъ изложенія въ сочиненіи г. Дубасова мы говорили по поводу первыхъ выпусковъ; и теперь эти свойства остались тѣ же самыя.—А. П.

Въ теченіе ноября въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Андріевичъ, В. К. Исторія Сибири. Ч. II. Спб., 89. Стр. 487. Ц. 3 р.

Базилеръ, Ф. Ф. Эпикуреизмъ и его отношенія къ возвышимъ теоріямъ естественныхъ и философскихъ наукъ. Одесса, 89. Стр. 53. Ц. 50 к.

Березниковъ, С. Д. Краткій очеркъ дѣятельности тихвинскаго земства. Въ 25-лѣтію земства. Спб., 89. Стр. 45. Ц. 15 к.

Бертильонъ, Я. Статистика движенія населенія во Франціи. Перев. съ франц., п. р. Ю. Э. Янсона. Спб., 89. Стр. 164. Ц. 1 р.

Бобынинъ, В. В. Карлъ-Фридрихъ Гауссъ, очеркъ его жизни и дѣятельности, съ приложеніемъ списка сочиненій. М., 89. Стр. 92. Ц. 1 р.

Балконскій, Д. Рассказы. М., 90. Стр. 99. Ц. 75 к.

Брандтъ, Б. Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Киевъ, 89. Стр. 288. Ц. 2 р.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Т. I. Перев. Андреева, 2-ое изд. М., 90. Стр. 744. Ц. 4 р.

Венеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. I: „А“. Спб. 89. Стр. 992. Ц. 5 р. 25. Съ перес. 6 р. 30 к.

Воскресенскій, Н. Ф. Отчетъ о состояніи туркестанской учительской семинаріи за 1888—89 г. Томскъ, 89. Стр. 37 и 14.

Гранстремъ, Э. Снѣжный король. Сцены изъ 30-ти-лѣтней войны по Шиллеру и Старбеку. Съ шведскаго. Съ рисунками. Спб., 89. Стр. 254.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе гес

- метрическихъ задачъ по Вѣселю, Шицу и др. 4-е изд. Кн. 1: Планиметрия. Спб., 89. Стр. 186. Ц. 70 к.
- Дубасовъ, И. И.* Очерки изъ исторіи тамбовскаго края. Вып. 5-ый. Тамб., 89. Стр. 197. Ц. 1 р. 50 к.
- Зданевичъ, М. А.* Начальный курсъ грамматики графическимъ способомъ, съ приложеніемъ: 1) основныхъ правилъ произношенія и правописанія словъ, и 2) указателя правописанія словъ, по руководству Академіи наукъ. Тифл., 88. Стр. 77. Ц. 35 к.
- Русскіе поэты въ дѣтскомъ кругу. Для дѣтей отъ 6-ти до 12-ти-лѣтняго возраста. Вып. 1. Тифл., 89. Ц. 40 к. Стр. 96.
- Железь, Е.,* аббатъ. Элементарный курсъ ариметики. Перев. съ IV изд. П. де-Жоржъ. Минскъ, 89. Стр. 270. Ц. 1 р. 25 к.
- Карабеговъ, А.* Реформа судебныхъ уставовъ въ связи съ современнымъ состояніемъ правосудія. Спб., 89. Стр. 212. Ц. 2 р.
- Карповъ, Н.* Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Вып. I. Спб., 90. Стр. 288. Ц. за 2 вып. 4 р.
- Клоновъ, А. А.* Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли, произведенному по порученію мин. фин. и госуд. имуществъ въ 1888 г. Тверь, 89. Стр. 134, съ приложеніемъ къ отчету.
- Кони, А. Ѳ.* Судебныя рѣчи. Второе изданіе автора, съ приложеніемъ рѣчи о Достоевскомъ, какъ криминалистѣ, и воспоминаній о Кавелинѣ. Спб., 90. Стр. V и 778. Ц. 3 р. 50 к.
- Котъ-Мурлыка.* Темный путь. Романъ-хроника, въ четырехъ частяхъ. Т. I и II. Спб., 90. Стр. 356 и 486. Ц. 3 р. 50 коп.
- Круберъ, В.* Настольная книга для заемщиковъ и должностныхъ лицъ государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка. Сборникъ законоположеній, правилъ распоряженій и формъ по 1 іюня 1889 г. Саратовъ, 89. Стр. 580 и LXXXVIII Ц. 3 р. 50 к.
- Круловъ, А. В.* За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей. М., 89. Стр. 135. Ц. 80 к.
- Кулябко-Корсикій, Н. Г.* О надѣленіи начальныхъ сельскихъ школъ землею. Полтава, 89. Стр. 64.
- Кумской, П.* Историческій вопросникъ, примѣненный къ учебнымъ руководствамъ Беллармина и Иловайскаго. Вып. 1. Древняя исторія. Тифл., 90. Стр. 38. Ц. 25 к.
- Лаверовъ, М. И.* Сочиненія. М., 89. Стр. 205.
- Липляжанина,* Стихотворенія. М., 89. Стр. 90.
- Лурье, О. Д.* Дубровинскіе евреи-кустари. М., 90. Стр. 27.
- Манасевичъ, Ю.* Национализмъ и космополитизмъ. Спб., 90. Стр. 31. Ц. 50 к.
- Мантегацца, П.* Экстазы человѣка. Перев. съ итальян. д-ръ Н. Лейненбергъ. Спб., 90. Стр. 132. Ц. 1 р. 50 к.
- Незвановъ, П.* Дѣтскіе рассказы, съ рисунками. 2-ое изд. Спб., 90. Стр. 265.
- Немировъ, Г. А.* Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нынѣшняго Петербурга до 1703 г. III. Мѣстность и окрестности нын. Петербурга въ 1477—1500 гг. Спб., 89. Стр. 97—123. Ц. по подпискѣ на первую серію 25 руб.
- Нотовичъ, Николай.* Правда объ евреяхъ. М., 89. Стр. 368. Ц. 1 р. 50 к.
- Пороховицковъ, А.* Отчего упалъ домъ Купческаго общества? Москва, 89. Стр. 64.
- Ремезовъ, Н. В.* Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Переселенческая эпопея. М., 89. Стр. 260. Ц. 1 р. 30 к.

Салтыкова, М. Е., Сочиненія (Н. Щедрина). Т. VII: Современная идиллія. — Круглый годъ. — Пошехонскіе рассказы. — Недоконченныя бесѣды. Изданіе автора. Спб., 89. Стр. 603. Подписн. цѣна за 9 том. 15 рублей, и 20 съ перес.

Сумбатовъ, вн. А. И. Царь Іоаннъ IV. Хроника въ 5 дѣйствіяхъ. М., 89. Стр. 114.

Таланцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изд. 6-ое, пересмотр. и дополн. Спб., 89. Стр. 365. Ц. 2 р.

Фармаковский, Вл. Школьная дѣтетика. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья учащихъ дѣтей. Излож. по д-ру Г. Кленке. Одесса, 89. Стр. 198. Ц. 1 р. 50 к.

——— Методика ручнаго труда, по системѣ Саломона. Од., 89. Стр. 93. Ц. 75 к.

Фаррара, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Нов. перев. съ 30-го англ. изд. съ прил. 16 политип. Въ 2-хъ частяхъ. Спб., 90. Стр. 584. Ц. 2 р. 50 к.

Хованскій, Н. Ф. Памятная книжка саратовской губерніи (Саратовскій календарь) на 1890 г. Сарат., 89. Стр. 138.

Цертелевъ, вн. Д. Нужна ли реформа мѣстнаго управленія? М., 89. Стр. 97. Ц. 50 к.

Шонетауеръ, Арт. О духовидѣніи. Перев. съ нѣм. Р. Бресинъ. Харьков, 90. Стр. 111. Ц. 60 к.

Щ. В. Дѣтскій театръ: I. Одуванчикъ. II. Стрекоза и муравей. III. Кюмигъ. Спб., 89, Стр. 39. Ц. 30 к.

Ярковский, И. О. Всемирное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія высокой матеріи внутри небесныхъ тѣлъ. Кинетическая гипотеза. М., 89. Стр. 388. Ц. 2 руб.

Duktmeier, Fr. Auf Anlass des offenen Sendschreibens an den Oberprocurator des Synods K. Pobedonostzeff von H. Dalton und des Offenen Briefes an Pastor Dalton von A. D. St.-Petersb. 89. Стр. 15.

Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. L'alleu et le domaine rural pendant l'époque mérovingienne. Par. 89. Стр. 464.

——— Извѣстія Имп. общества для содѣйствія русскому торговому мореходству. Вып. XXXIII. М., 89. Стр. 157.

——— Каталогъ и планъ Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промысла. 1889 года. Тифл., 89. Ц. 1 р.

——— Краткій обзоръ дѣятельности главнаго управленія почтъ и телеграфовъ за 1887 г. Спб., 1889. Стр. 637.

——— Матеріалы по разработкѣ тарифовъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Вып. 1. По разработкѣ тарифовъ на хлѣбные грузы въ вывозные пункты. Спб., 89. Стр. 596.

——— Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1888 г. Спб., 89. Стр. 85.

——— Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ, въ двухъ томахъ. Т. I. Спб., 90. Стр. 465. Ц. 1 руб.

——— Этнографическое обозрѣніе. Кн. II, п. р. Н. А. Янчука. М., 89. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

——— 1889-й годъ въ сельско-художественномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. II. Съ 2 раскраш. карт. Спб., 89. Стр. 15^а.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

— *L'évolution politique dans les diverses races humaines, Ch. Letourneau.*
Paris, 1890.

Новая книга Летуруно отличается такимъ же характеромъ, какъ и предшествовавшія однородныя сочиненія его—объ „эволюціи морали“, семьи и собственности. Это сводъ обширнаго фактическаго матеріала, собраннаго съ обычною добросовѣстностью и распределеннаго по извѣстнымъ рубрикамъ, съ добавленіемъ критическихъ замѣчаній, общихъ характеристикъ и выводовъ. Авторъ не теряетъ вѣры въ плодотворность этнографическаго метода въ социологіи; только примѣненіе этого метода,—говоритъ онъ,—и сдѣлало социальную науку возможною. „Теперь еще многія человѣческія расы представляютъ живые образцы до-историческаго быта, и съ изученія ихъ должна начинаться всякая серьезная социологія. Соединяя исторію съ до-историческими временами, мы получаемъ вѣрный взглядъ на общій ходъ развитія; мы присутствуемъ при зарожденіи обществъ, слѣдимъ за ихъ жизнію со времени ихъ животной грубости, видимъ, какъ они становятся сложнѣе и совершенствуются мало-по-малу“. Терпѣливо распредѣляя однородные факты, замѣчаемые въ обществахъ различныхъ расъ, мы находимъ въ нихъ нѣкоторый порядокъ: изъ хаоса дѣлается космосъ. „Безъ сомнѣнія, не удалось еще извлечь изъ груди фактовъ твердые и безусловные законы; социологическая работа еще только началась, и даже въ старыхъ, издавна установившихся наукахъ, неизмѣнныхъ законовъ очень мало“. Область политическихъ явленій кажется на первый взглядъ волнообразною, какъ море, перемѣнчивою, какъ облака; но это только такъ кажется, съ перваго взгляда.

„Этнографія и исторія показываютъ намъ, что, при условіи достаточно продолжительнаго существованія, человѣческія общества развиваются правильно, послѣдовательными этапами; эти ступени суть слѣдующія: анархія, общинный кланъ, племя республиканское вначалѣ, аристократическое — поздне, затѣмъ монархія, вначалѣ избирательная, а потомъ наследственная“. Въ другомъ мѣстѣ Ле-

турно справедливо замѣчаетъ, что одинаковый ходъ политической эволюціи у различныхъ расъ не составляетъ еще социологическаго закона, а есть только „весьма общій и распространенный фактъ, вытекающій изъ организаціи челоуѣка и изъ условій борьбы за существованіе“.

Относительно того, какъ Летурино относится къ явленіямъ „политической эволюціи“, намъ приходится повторить замѣчаніе, которое мы высказали уже по поводу его книги о собственности. При оцѣнкѣ этнографическаго матеріала, касающагося жизни дикарей, авторъ употребляетъ термины, взятые изъ болѣе усовершенствованнаго европейскаго быта, и прямо прилагаетъ къ состоянію какихъ-нибудь готтентотовъ или кафровъ наши современные понятія о монархіи, республикѣ или феодализмѣ. Говоря, на примѣръ, объ обитателяхъ гѣбсовъ Габона (въ Африкѣ), Летурино указываетъ на слѣды „республиканскихъ“ порядковъ въ ихъ общественномъ устройствѣ; тамъ „племя (или орда) распадается на многочисленныя кланы, которые въ свою очередь дѣлятся на поселенія, имѣющія своихъ особыхъ начальниковъ; но рядомъ съ начальникомъ существуетъ всегда совѣтъ старѣйшинъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этотъ совѣтъ выбираетъ начальникъ, когда *тронъ* (sic!) дѣлается вакантнымъ вслѣдствіе смерти носителя этого титула. Выборъ совершается секретно, и до послѣдней минуты новый *король* остается въ неизвѣстности насчетъ своей счастливой судьбы; рѣшеніе совѣта сообщается жителямъ нѣсколько дней спустя“. Не забудемъ, что рѣчь идетъ объ избраніи начальниковъ для небольшихъ отдѣльныхъ поселеній, на которыя дѣлится кланъ (община), т.-е. въ сущности дѣло сводится къ выбору чего-то въ родѣ нашихъ сельскихъ старостъ, и такія громкія слова, какъ „король“ и тронъ“, оказываются тутъ совершенно непримѣнимыми и неумѣстными. Самъ авторъ прибавляетъ, что „во всякомъ случаѣ власть монарха (du souverain) ограничена; онъ можетъ разрѣшать только маленькія дѣла текущей жизни“; болѣе важные вопросы обсуждаются стариками публично, и окончательное рѣшеніе зависитъ отъ народа (стр. 62—3), т.-е. отъ сельскаго схода. Это смѣшеніе разнородныхъ понятій, заставляющее видѣть королей и троны въ каждой варварской деревушкѣ, имѣющей какую-либо организацію. повторяется очень часто въ сочиненіи Летурино; оттого и къ выводамъ и характеристикамъ автора слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью.

Автору пришлось пользоваться отчасти тѣмъ же матеріаломъ, который былъ разработанъ въ предшествующихъ книгахъ, особенно о собственности и семьѣ; многія свѣдѣнія, изложенныя уже въ этихъ прежнихъ трудахъ, приводятся вновь, съ нѣкоторыми вариантами и

дополненіями. Описывая общества животных, Летурно обыкновенно имѣетъ въ виду косвенную критику человѣческихъ отношеній; онъ не только ученый изслѣдователь, но и публицистъ. Между прочимъ, онъ неоднократно возвращается къ вопросу о ненужности войнъ между культурными народами; „дикія животныя, по его словамъ, рѣдко ведутъ войны съ подобными себѣ, и имъ чуждъ военный инстинктъ, какъ его понимаютъ люди. Волки не пожираютъ другъ друга; люди, какъ мы знаемъ, менѣе деликатны; они часто рѣжутся между собою и особенно видятъ свою славу въ этой взаимной рѣзнѣ, даже когда считаютъ себя очень цивилизованными. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ люди на землѣ, они никогда не имѣли болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ сами люди“.

По обыкновенію, матеріалъ распределенъ въ книгѣ весьма неравномѣрно; всего больше мѣста удѣлено дикимъ племенамъ, и тогда какъ сотни страницъ посвящены африканскимъ и австралійскимъ „государствамъ“,—для всѣхъ славянскихъ народовъ всего *шесть* страницъ (стр. 391—396). При этомъ авторъ пользуется свѣденіями неполными и отчасти устарѣлыми; такъ, относительно Россіи онъ сообщаетъ, со словъ Уоллеса, что въ ней и теперь „всѣ люди, даже лавочники и сапожники, стремятся сдѣлаться чиновниками, и человѣкъ, проведшій всю свою жизнь безъ какого-либо официальнаго ранга, не считается какъ будто человѣческимъ существомъ“ (стр. 531). Въ послѣдней, заключительной главѣ говорится однако вообще о „фази-сахъ политическаго развитія“, о прошломъ и будущемъ культурныхъ человѣческихъ обществъ, о парламентаризмѣ,—хотя книга не даетъ достаточно матеріала для обсужденія подобныхъ вопросовъ. Вообще, какъ сборникъ интересныхъ и поучительныхъ фактовъ, обширный трудъ Летурно заслуживаетъ вниманія.

II.

Hermann Roskoschny. Das arme Russland. Ein Beitrag zur Kenntniss der wirthschaftlichen Lage des russischen Reiches. Leipzig, 1889.

Въ очеркахъ д-ра Роскошнаго изображается въ бѣдственномъ положеніи нашъ рабочій классъ, какъ сельскій, такъ и городской. Авторъ, повидимому, многое видѣлъ и изучалъ на мѣстѣ, предпринималъ съ этой цѣлью путешествія по европейской и азіатской Россіи, вступалъ въ сношенія съ рабочими и хозяевами, осматривалъ фабрики и мастерскія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользовался матеріалами земской статистики и работами комиссіи по изслѣдованію кустарной

промышленности. Очерки написаны живо и съ несомнѣннымъ зна- ніемъ дѣла, что не часто встрѣчается у иностранцевъ, безъ обилія цифръ и безъ утомительныхъ подробностей, которыя были бы мало интересны для нѣмецкой публики.

Предъ читателемъ проходитъ рядъ сельскихъ картинъ, хорошо впрочемъ знакомыхъ каждому нашему изслѣдователю народнаго быта и хозяйства. Самые лучшіе задатки гибнуть иногда безслѣдно, подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ, подрывающихъ основы крестьянскаго существованія. Описывая кустарные промыслы, д-ръ Роскошный съ симпатіею указываетъ на разнообразныя способности и дарованія нашего крестьянина, на его упорное трудолюбіе, на замѣчательную легкость и быстроту, съ какою усваиваются имъ техническія нововведенія и усовершенствованія, занесенныя какимъ-нибудь заѣзжимъ солдатомъ или придуманныя мѣстнымъ механикомъ-самоучкою; указанія автора по этому предмету вполне совпадаютъ съ замѣчаніями г. В. В. въ „Очеркахъ кустарной промышленности въ Россіи“ (Спб., 1886, стр. 191 и слѣд.). Но даровитость и выносливость крестьянина не избавляютъ его отъ эксплуатаціи кулаковъ, скупщиковъ и ростовщиковъ; заработки понижаются до невѣроятнаго минимума, и сильнѣйшій, непрерывный трудъ цѣлой семьи, включая и маленькихъ дѣтей, едва доставляетъ средства къ скудному пропитанію. Жажда знаній не находитъ никакихъ способовъ удовлетворенія при отсутствіи школы и при недостаткѣ грамотности; а „какъ много могли бы сдѣлать эти десятки милліоновъ крестьянъ, на которыхъ верхніе слои (?) общества взираютъ съ такимъ презрѣніемъ, еслибы ихъ стремленія къ знанію встрѣчали поддержку и руководились надлежащимъ образомъ!.. Какъ часто можно было бы помочь съ самыми незначительными средствами! Одного слова, одного намека достаточно было бы иногда для указанія того, чего не знаетъ и ищетъ крестьянинъ,—но и это не дается бѣдному люду“.

Называя Россію „бѣдною“, авторъ оговаривается, что она въ то же время „неизмѣримо богата своими скрытыми сокровищами, ожидающими только умѣлой руки для поднятія ихъ“; вообще во всемъ обнаруживается „неисчерпаемая жизненная сила русскаго исполина, позволяющая ему съ безумнымъ легкомысліемъ расточать то, съ чѣмъ другіе вынуждены обращаться бережливо“. Говоря о положеніи кустарей въ знаменитомъ селѣ Павловѣ, авторъ обращаетъ вниманіе на полное закабаленіе ихъ денежными людьми и на крайнюю необходимость какой-нибудь организаціи мелкаго и общед- ступнаго кредита; „уже съ небольшою суммою можно было бы сдѣлать очень много добра“. Найдется ли кто-нибудь,—спрашиваетъ далѣе авторъ,—чтобы удѣлить хоть небольшую сумму не только да

улучшенія быта бѣднаго населенія, но и для поднятія важной отрасли народнаго труда? Зная русскія отношенія, можно считать это мало вѣроятнымъ“. Бездомность дѣйствительно есть общее правило для нашего рабочаго класса. Изъ деревенскихъ мастерскихъ владимірской губерніи „выходятъ нерѣдко образы, которыхъ не нарисовалъ бы иной питомецъ академіи художествъ, и видя такія произведенія, нужно глубоко сожалѣть, что ничто не дѣлается для поддержанія и развитія промысла“. Никто не думаетъ объ устройствѣ рисовальной школы въ этихъ мѣстностяхъ или о перенесеніи городскихъ художественныхъ выставокъ въ такіе пункты, гдѣ могъ бы извлечь изъ нихъ пользу живописецъ-крестьянинъ.

Много поучительнаго, хотя и крайне грустнаго, заключаютъ въ себѣ главы о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, о жилищахъ работниковъ, о нищенствѣ, о ночлежныхъ пріютахъ и о пьянствѣ. Д-ръ Роскошный полагаетъ, что по развитію бездомнаго пролетаріата мы нисколько не отстаемъ отъ западной Европы, а напротивъ, отчасти даже перегнали ее въ послѣдніе годы. Прежняя наивная мысль о „гниеніи запада“ получаетъ въ высшей степени непріятное освѣщеніе въ накопляющихся свѣденіяхъ о печальномъ хозяйственномъ бытѣ большинства нашего крестьянства. Иностранные наблюдатели, въ родѣ д-ра Роскошнаго, повторяютъ впрочемъ только то, что у насъ издавна занимаетъ и тревожитъ всѣхъ интересующихся вопросами народнои экономіи.—Л. С.

НЕКРОЛОГЪ *).

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ГРАДОВСКІЙ.

† 6 ноября 1889 г.

Въ лицѣ А. Д. Градовскаго петербургскій университетъ потерялъ вліятельнаго профессора, русская наука — замѣчательнаго ученаго, русское интеллигентное общество — горячаго, даровитаго публициста. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, самой интересной для большинства читающей публики, мы и хотимъ взглянуть на покойнаго писателя. Познакомиться съ его политическими убѣжденіями, насколько они выразились въ періодической прессѣ ¹⁾, значить, впрочемъ, подойти весьма близко къ пониманію его научной дѣятельности. Цѣли у Градовскаго вездѣ и всегда были однѣ и тѣже; измѣнялись только приемы, ооотвѣтственно съ средой, къ которой онъ обращался.

Почти десять лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ была произнесена рѣчь, единственная въ своемъ родѣ по впечатлѣнію, которое она произвела на слушателей. Это была рѣчь Э. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 г. Она вызвала въ печати не мало возраженій, но только на одно изъ нихъ счелъ нужнымъ отвѣтить Достоевскій (въ „Дневникѣ Писателя“ за 1880 г.) — на возраженіе Градовскаго. И это совершенно понятно. Между публицистами той группы, которая, отдавая справедливость краснорѣчію Достоевскаго, не могла увлечься его доктриной, никто не занималъ такого выдающагося мѣста, какъ Градовскій. Никто не соединялъ въ такой степени разно-

*) Содержаніе некролога совпадаетъ, въ главныхъ чертахъ, съ рѣчью, сказанной авторомъ, 18 ноября, въ общемъ собраніи петербургскаго юридическаго общества, посвященномъ памяти А. Д. Градовскаго.

¹⁾ Покойный А. Д. Градовскій принималъ участіе въ трудахъ нашего журнала въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, предшествовавшихъ началу болѣзни, сведшей его преждевременно въ могилу, съ 1876 г. по 1886 г. влючительно:

1876 г.: „Между Робеспьеромъ и Бонапартомъ“ (сент., 123 стр.).

1877 г.: „Значеніе идеала въ общественной жизни“ (январь, 297).

1882 г.: „По поводу одного предисловія: Н. Страховъ, Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ (май, 271).

1883 г.: „Система Меттерниха“ (январь, 125; февраль, 566). — „Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній“ (май, 327).

1886 г.: „Государство и церковь въ Пруссіи“ (июль, 151; августъ, 618; сент., 60).

сторонность и основательность знаний съ находчивостью и чутостью борца, всегда готового отвѣтаться на „злобу дня“. Университетская аудиторія съ самаго начала была слишкомъ тѣсна для Градовскаго. Въ другой странѣ онъ сдѣлался бы политическимъ дѣятелемъ; у насъ ему оставалось только стать журналистомъ. Здѣсь, какъ и въ области науки, онъ былъ прежде всего самимъ собою. Поклонникъ, но не послѣдователь славянофиловъ, почитатель, но не слѣпой подражатель западно-европейскихъ порядковъ, онъ шелъ своимъ путемъ и достигъ кульминаціоннаго пункта какъ разъ въ то время, когда возгорѣлась полемика его съ Достоевскимъ. Въ его распоряженіи были столбцы самой распространенной, самой популярной изъ тогдашнихъ газетъ. Два сборника его статей („Политика, исторія и администрація“, 1871, и „Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ“, 1873) были уже въ рукахъ публики; третій и самый главный („Трудные годы“, 1880) готовился къ печати. Такимъ противникомъ не могъ пренебречь даже авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, именно тогда вознесенный — и возносившій самъ себя — на самую вершину славы. Споръ, происходившій между Достоевскимъ и Градовскимъ, до сихъ поръ не потерялъ своего интереса; онъ касался одного изъ тѣхъ вопросовъ, которымъ долго еще суждено оставаться неразрѣшенными.

„Не вѣѣ тебя правда, — воскликнулъ Достоевскій въ своей московской рѣчи, обращаясь, во имя „народнаго разума“, къ русскому интеллигентному человѣку, — не вѣѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, и узришь правду. Нѣ въ вещахъ эта правда, не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою“. Въ этой „могучей проповѣди личной нравственности“ не было — говоримъ словами Градовскаго — „и намека на идеалы общественныя“. Требуя смиренія предъ народной правдой, предъ народными идеалами, Достоевскій принималъ эту правду и эти идеалы какъ нѣчто готовое, неизблемое и вѣковѣчное. Нѣтъ! — отвѣчаетъ ему Градовскій: — „общественныя идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ образованія, развитія. Никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто *только* чрезъ улучшеніе личныхъ качествъ человѣка“. Мысль, выраженная въ этихъ словахъ, совершенно ясна. „Общественное совершенствованіе“ не отдѣляется Градовскимъ отъ личнаго; оно является лишь зависящимъ *не отъ одной* личной нравственности. Не такъ понялъ Градовскаго его противникъ. „Узнайте, ученый профессоръ, — читаемъ мы въ „Дневникѣ Писателя“, — что общественныхъ гражданскихъ идеаловъ, не связанныхъ органически съ идеалами нравственными, не существовало никогда, да и существовать не можетъ... По-

пробуйте-ка соединить людей въ гражданское общество съ одной только цѣлью *счастья животинки*. Ничего не получите кромѣ нравственной формулы: *chacun pour soi et Dieu pour tous!* Съ такой формулой никакое гражданское учрежденіе долго не проживетъ, г. Градовскій“.

Болѣе крупнаго недоразумѣнія нельзя себѣ и представить. Неразрѣдимость личныхъ и общественныхъ идеаловъ, личнаго и общественнаго совершенствованія была именно однимъ изъ основныхъ пунктовъ въ міросозерцаніи Градовскаго. „Всякій принципъ — говорить онъ въ статьѣ: „Значеніе идеала въ общественной жизни“ (1877) — становится дѣйствительно правтическимъ мотивомъ жизни только тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ внутреннему настроенію человѣка. *Идеаль есть опредѣленное настроеніе нашихъ нравственныхъ силъ* (курсивъ въ подлинникѣ)... Складомъ нравственныхъ убѣжденій держатся всѣ учрежденія; безъ него безсильны внѣшнія правила, самыя точныя и строгія... Хорошія учрежденія — великое воспитательное средство для общества. Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ духѣ задуманы учрежденія, для какой цѣли совершенствуются внѣшнія условія. Если экономическія реформы задумываются съ тою только цѣлью, чтобы внѣшними способами увеличить матеріальное благосостояніе общества, онѣ никогда не достигнутъ цѣли. Безъ поднятія нравственнаго уровня общества трудъ всегда будетъ обращаться не на производительныя его отрасли, а на занятія легкія и въ данную минуту наиболѣе прибыльныя съ личной точки зрѣнія. Въ результатѣ, вмѣсто типа трудовой личности, общество выработаетъ типъ хищника, обращающаго всѣ усилія общества въ свою пользу“. Итакъ, ужь конечно не въ *спасеніи животинекъ* Градовскій видѣлъ основу гражданскаго общества и гражданской жизни. Всякая попытка положить во главу угла матеріальные, одни только матеріальные интересы была глубоко антипатична его натурѣ. „Уваженіе къ собственности—говоритъ онъ въ другой статьѣ („Прошедшее и настоящее“, 1879)—вытекаетъ изъ общаго уваженія ко *всей* личности человѣка, во *всѣхъ* законныхъ ея проявленіяхъ. Почему уваженіе будетъ требоваться къ одной *и мушкетерной* личности, когда имъ не будетъ пользоваться личность *мыслящая*, личность *взрѣвающая*? Развѣ всѣ эти личности не составляютъ одного неразрывнаго цѣлаго, одного неразрѣднаго человѣческаго я?“ Личное достоинство человѣка, высоко цѣнимое имъ самимъ, признанное обществомъ, обезпеченное государствомъ—вотъ альфа и омега ученія Градовскаго.

Почва, на которой развивается личность—это народность, потому что сама народность есть „собираетельная нравственная личность“ („Национальный вопросъ“, 1876). Кто такъ смотритъ на народность,

тотъ не можетъ замкнуться въ узкія рамки ограниченнаго націонализма. „Провозглашеніе національнаго принципа“ возлагаетъ на народъ новыя и серьезныя обязанности. Всѣ существенныя результаты, добытыя цивилизаціею, должны быть восприняты каждымъ культурнымъ народомъ. Но такое воспріятіе не можетъ состоять въ пассивномъ заимствованіи внѣшнихъ формъ чужой жизни; оно должно вызвать въ народѣ его творческія силы, побудить его къ самостоятельной работѣ надъ самимъ собою“. Возставая противъ „ребяческаго космополитизма“, Градовскій признаетъ, однако, за вопросомъ: „что скажетъ Европа?“ весьма опредѣленный и почтенный смыслъ. „Онъ означаетъ, что Россія, какъ держава въ культурномъ смыслѣ европейская, должна сообразоваться съ извѣстными общими требованіями европейской цивилизаціи“. Гарантіей противъ неразборчиваго увлеченія „чужимъ“, залогомъ самобытнаго развитія должны служить не какія-нибудь искусственныя преграды, а живое, постоянное общеніе между единицей и цѣлымъ, между народностью и личностью. „Необходимо, чтобы каждый какъ можно больше видѣлъ передъ собою свою народность, въ формахъ осязательныхъ и доступныхъ, чтобы онъ испытывалъ давленіе ея взглядовъ и стремленій и, въ свою очередь, имѣлъ бы законную долю вліянія на нее... Национальный духъ не можетъ быть поднятъ въ средѣ лицъ безправныхъ, достигающихъ сознанія своей личности только въ смыслѣ матеріальномъ, въ смыслѣ похотей и животныхъ страстей. Въ массѣ безправной нѣтъ соединенія; въ ней, напротивъ, все идетъ въ раздробь, всякій ставитъ *себя* единственной цѣлью своего существованія. Вотъ почему каждый, кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменитыхъ актахъ царствованія Александра II, впервые давшихъ извѣстное обезпеченіе человѣческой личности въ Россіи“. Какой контрастъ между этимъ взглядомъ на значеніе народности и „национализмомъ“, моднымъ въ наше время!

Свободное, полное, всестороннее развитіе личности, на почвѣ народности и среди свободныхъ, благопріятствующихъ развитію учреждений—вотъ основной идеалъ Градовскаго, вдохновляющій, въ равной степени, его ученые труды и его публицистическія работы. А между тѣмъ господствующей чертой русской общественной жизни, до второй половины XIX-го вѣка, было именно *обезличіе*, приниженіе и придавленіе личности. Никогда оно не доходило до такой степени, какъ въ эпоху наибольшаго расцвѣта „сословно-приказнаго“ строя, созданнаго—взамѣнъ петровскихъ, чисто „привязныхъ“ порядковъ—реформами Екатерины II и продержавшагося до „всесословно-общественнаго“ строя, фундаментъ котораго заложенъ Александромъ II-мъ.

Эту эпоху Градовскій называетъ, чрезвычайно удачно, временемъ „мертвыхъ душъ“ — не тѣхъ мертвыхъ душъ, которыя скупалъ Чичиковъ, а тѣхъ, которыя наполняютъ собою всѣ произведенія Гоголя. „Миръ мертвыхъ душъ — восклицаетъ Градовскій — обнималъ и Селифана съ Петрушкой, и Манилова съ Собакевичемъ, и Бетрищева съ Теньетниковымъ. Разница была только въ томъ, что одни рождались со всѣми свойствами мертвыхъ душъ, какъ напримѣръ Собакевичъ: это мертвыя души первой, такъ сказать, формаціи. Другіе приходили въ тотъ же *предѣлъ* послѣ предварительныхъ барактаній и бесплодныхъ порываній; таковъ Теньетниковъ... Были же, однако, и въ этомъ омутѣ люди, не принадлежавшіе ни къ той, ни къ другой формаціи? Да, были. Но и они, въ извѣстномъ смыслѣ, не уходили отъ общей участи. Они замыкались въ своемъ субъективномъ мирѣ, питаясь привозною литературою, поддерживая ею слабый огонекъ, который они бережно и съ трудомъ охраняли отъ дуновения воздуха, приводимаго въ движеніе могучими легкими Ноздревыхъ, Собакевичей, Сквознигъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Они искали себѣ мѣста успокоенія и находили его, кто въ домашнемъ отшельничествѣ, кто за границей, обращаясь въ тѣ же мертвыя души, въ блуждающіе огни, безслѣдно пролетѣвшіе надъ родною землею“. Эта блестящая и правдивая страница служить лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ, *своевременны* ли были реформы шестидесятихъ годовъ. Онѣ были не только своевременны, онѣ даже нѣсколько запоздали; а отъ запоздалыхъ реформъ общество, по справедливому замѣчанію Градовскаго, страдаетъ гораздо больше, чѣмъ отъ преждевременныхъ. Если, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ и другими преобразованіями покойнаго государя, наше общество было свидѣтелемъ столькихъ печальныхъ явленій, то главное объясненіе этому слѣдуетъ искать именно въ предшествующемъ, вѣковомъ накопленіи неправды. „Большой, но плохо содержавшійся городъ пригрѣтъ лучами весенняго солнца; таетъ снѣгъ, полились потоки, обнажается земля, пуская паръ подъ дѣйствіемъ животворящаго свѣтила. Да здравствуетъ весна! Но какая масса нечистотъ открывается изъ-подъ тающаго снѣга; какія зловонныя испаренія несутся изъ всѣхъ дворовъ, изъ никогда не вычищавшихся помойныхъ ямъ; какія плодятся лихорадки, какіе губительные тифы и иныя заразительныя болѣзни! Откуда все это? Вѣдь зимою, при двадцатиградусномъ морозѣ, ничто не испускало зловредныхъ миазмовъ; комки навоза мирно и безвредно лежали на улицахъ; дохлыя собаки и кошки покоились въ видѣ мерзлой массы. Что же: проклатіе весеннему солнцу и да здравствуетъ двадцатиградусный морозъ? Не благоразумнѣе ли будетъ, однако, оставивъ въ сторонѣ весеннее солнце, которое дѣлаетъ свое дѣло, постараться

вычистить и убрать нечистоты, принявъ за правило, что и на будущее время городъ слѣдуетъ содержать въ чистотѣ?”

„Трудные“ семидесятые годы имѣютъ много общаго съ нашими, не менѣе „трудными“ восьмидесятыми годами. Многое изъ написаннаго Градовскимъ—это, вѣроятно, уже замѣтили наши читатели—кажется сказаннымъ вчера или сегодня, съ тою только разницей, что теперь скорбная нота прозвучала бы въ словахъ Градовскаго еще рѣзче и сильнѣе. На нашихъ глазахъ воскресаютъ стремленія, которыя онъ считалъ навсегда погребенными. Ему приходилось настаивать на необходимости дальнѣйшаго движенія; въ наше время часто приходится охранять прибрѣтенное или оплакивать его утрату. „Доказывать пользу печати излишне“, — говорилъ Градовскій въ 1879 г. „Существующія ограниченія печати являются, въ общемъ сознаниі, остаткомъ прежнихъ порядковъ, рано или поздно должны уступить мѣсто новымъ требованіямъ. Споръ идетъ только о томъ, рано или своевременно расширить права печати; но мы не видимъ вокругъ себя принципиальныхъ защитниковъ цензуры“. Теперь уже не то; у насъ проявились опять „принципальные защитники“ стѣсненій—стѣсненій несравненно болѣшихъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Наша печать провозглашается свободной, болѣе свободной, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ—и, слѣдовательно, не нуждающейся ни въ какомъ расширеніи правъ, ей принадлежащихъ... Больше чѣмъ когда-нибудь своевременной и современной представляется въ особенности статья Градовскаго: „Что такое консерватизмъ?“ Задача автора—провести черту между охраненіемъ и застоємъ, между консерваторами и реакціонерами. „Консерваторъ — говоритъ онъ — исходитъ изъ убѣжденія въ годности основныхъ началъ даннаго общественнаго устройства. Онъ желаетъ, чтобы установленія его родины всегда соответствовали ихъ историческимъ началамъ; но онъ знаетъ также, что сохраненіе этихъ началъ зависитъ отъ правильнаго видоизмѣненія ихъ формъ, соответственно условіямъ времени, что общественный организмъ, также какъ организмъ индивидуальный, не можетъ развиваться безъ обновленія тканей“... Когда, вслѣдствіе общепризнанной необходимости, въ дорогихъ консерватору началахъ произошли перемѣны, „онъ не станетъ подъ нихъ подкапываться, не будетъ содѣйствовать ихъ разрушенію. Онъ хранитъ старину, но въ предѣлахъ требованій настоящаго, и обновленная, согласно этимъ требованіямъ, учрежденія становятся въ его глазахъ частью учрежденій историческихъ, достойныхъ всяческаго охраненія“. Съ этимъ консерватизмомъ—типичнымъ представителемъ котораго, въ глазахъ Градовскаго, является Робертъ

Пиль,—нашъ современный консерватизмъ (или, лучше сказать, псевдо-консерватизмъ) имѣетъ, какъ извѣстно, слишкомъ мало общаго.

Сочувствіе къ консерваторамъ въ родѣ Пила не мѣшало Градовскому быть и оставаться до конца приверженцемъ движенія. Онъ находилъ, и совершенно справедливо, что истинное охраненіе не исключаетъ истиннаго прогресса, въ необходимость котораго онъ вѣрилъ всѣми силами души. Слишкомъ рѣдко видя его торжество, слишкомъ часто присутствуя при его остановкахъ, Градовскій не могъ не испытывать, по временамъ, невыносимо горькаго чувства, звучащаго минорной нотой въ его „Трудныхъ годахъ“ и еще болѣе обострившагося въ послѣднее время его жизни. При нормальномъ теченіи вещей—таково было задушевное убѣжденіе Градовскаго—сознаніе личнаго достоинства служить драгоценнымъ элементомъ общественнаго развитія, ибо оно, а не чтó другое, лежитъ въ основаніи законности; но *внѣ формъ законности* положеніе человѣка, обладающаго этимъ сознаніемъ, становится до крайности тяжелымъ. „Вложить въ человѣка извѣстныя стремленія, дать ему новое содержаніе, съ тѣмъ, чтобы это содержаніе никогда не выразилось во внѣ, чтобы субъектъ и объектъ были въ разладѣ и чтобы субъектъ жилъ въ сознаніи полнаго своего безсилія — развѣ это не значитъ создать для *субъекта* истинно-трагическое положеніе?“ Это, очевидно, крикъ, вырвавшійся изъ глубины больнаго сердца. Утѣшеніемъ для Градовскаго—по крайней мѣрѣ въ прежніе „трудные годы“—была надежда на близость лучшаго будущаго. „Великая страна—такъ заканчиваетъ онъ одну изъ своихъ лучшихъ статей („Прошедшее и настоящее“, 1879)—не можетъ долго оставаться на распутіи. Все значеніе недавняго прошлаго, вся тѣсная органическая связь его съ временами Петра и Екатерины, вся картина поступательнаго движенія ея въ сонмѣ европейскихъ народовъ—представляется ея духовнымъ очамъ. Тогда она почувствуетъ подъ ногами твердую, прямую дорогу, по которой она призвана идти въ 1861 году. Россіи нѣтъ нужды начинать; ей слѣдуетъ продолжать“—продолжать (прибавимъ мы отъ себя, оставаясь вѣрными основной мысли почившаго писателя) раскрѣпленіе личности, самостоятельную переработку лучшихъ созданій европейской цивилизаціи, усовершенствованіе „всесо-словно-общественнаго“ строя, согласованіе народныхъ и общечеловѣческихъ, нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го декабря 1889.

Юбилей А. Г. Рубинштейна и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. — Двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ. — Изъ жизни провинціи: Кіевъ.

Почти въ одно и то же время въ Петербургѣ происходили два чествованія весьма различнаго характера: чествованіе Антона Григорьевича Рубинштейна, по случаю пятидесятилѣтія его артистической дѣятельности, и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго. Въ первомъ участвовали представители всѣхъ классовъ общества, всѣхъ профессій, всѣхъ направленій (кромя того, которое нигдѣ и никогда не можетъ примириться съ истиннымъ талантомъ). Музыка—такая область, которая всѣхъ сближаетъ, все соединяетъ. Праздновать юбилей гениальнаго виртуоза, замѣчательнаго композитора, организатора музыкальнаго образованія въ Россіи, добраго и хорошаго человѣка, всегда готоваго оказать силою своего таланта поддержку всякому общественному дѣлу,—значило отрѣшиться, на время, отъ злобы и мелочей дня и забыться въ мірѣ чудныхъ звуковъ. Долетали, правда, и туда отголоски какого-то ворчанья, обрывки какихъ-то псевдо-патріотическихъ претензій; но это было необходимо для полноты торжества. Есть люди, которыхъ неприятно имѣть друзьями; есть органы печати, отъ которыхъ неприятно слышать похвалу; несочувственное отношеніе ихъ къ А. Г. Рубинштейну—еще одна изъ тѣхъ удачъ, которыми такъ богато и вполне заслуженно его артистическое поприще...

Чествованіе памяти А. Д. Градовскаго не могло захватить такого обширнаго круга участниковъ, не могло привлечь такихъ разнообразныхъ симпатій. Какъ ни любимъ и уважаемъ профессоръ, какъ ни оригиналенъ ученый, какъ ни вліятеленъ публицистъ, онъ не можетъ, особенно у насъ въ Россіи, дѣйствовать на массу съ тою непосредственною силою, которая гораздо болѣе доступна художнику и иногда поэту. Если, притомъ, онъ не уклонялся отъ борьбы, не отрѣшался отъ современной дѣйствительности, онъ не можетъ не имѣть противниковъ, враговъ, непримиримыхъ даже смертью. Зато онъ не можетъ не имѣть и друзей, почитателей, послѣдователей. Въ собраніи юридическаго общества, посвященномъ памяти А. Д. Градовскаго, господствовало одно чувство, общее ораторамъ и слушателямъ—преданность идеямъ, которымъ вездѣ принадлежитъ будущее, и благодарность писателю, честно потрудившемуся надъ ихъ распространеніемъ.

ніемъ. Отсюда впечатлѣніе, оставшееся, по общему отзыву, въ участникахъ вечера—впечатлѣніе умственной и нравственной удовлетворенности, такъ рѣдко испытываемое въ наше время. Не слѣдуетъ ли, однако, пожалѣть о томъ, что долгъ признательности уплаченъ такъ поздно, что юридическое общество или другое учрежденіе—напримѣръ, петербургскій университетъ—не выступило въ защиту А. Д. Градовскаго еще при его жизни, когда его осыпали инсинуаціями и клеветами? Мы думаемъ, что нѣтъ. Кто принимаетъ участіе, дѣломъ или словомъ, въ политической жизни и идетъ въ разрѣзъ съ торжествующей силой, тотъ всегда долженъ ожидать извращенія его взглядовъ, заподозриванія его намѣреній, возбужденія противъ него крупныхъ страстей и мелкихъ страстишекъ. Онъ долженъ приготовиться къ мысли, что справедливый приговоръ для него далеко впереди, что судьей, въ истинномъ смыслѣ слова, явится для него только потомство; онъ долженъ искать поддержки въ сознаніи своей правоты, въ одобреніи немногихъ друзей, а не въ какихъ-то коллективныхъ заявленіяхъ, которыя едва ли и могли бы достигнуть своей цѣли. Правомъ и обязанностью юридическаго общества было подвести итоги закончившейся дѣятельности А. Д. Градовскаго; но еслибы оно раньше предложило ему свою защиту, онъ могъ бы только отклонить это предложеніе, напомнивъ, что въ распоряженіи общества не мало темъ болѣе важныхъ. Отчего такъ рѣдко удаются у насъ литературные юбилеи? Именно оттого, что похвала, по закону реакціи, сплошь и рядомъ вызываетъ порицанія—въ особенности когда она хватается черезъ край, теряетъ чувство мѣры. Юбилейное настроеніе, говоря вообще, не благопріятствуетъ этому чувству—и въ лавры юбиляра почти неизбѣжно вилетаются тернии, часто возбуждающіе въ немъ досаду противъ слишкомъ услужливыхъ друзей. Иное дѣло, когда данъ „последній ударъ рѣзца“, упомянутый Градовскимъ—въ некрологѣ Самарина, однимъ изъ ораторовъ 18-го ноября—въ рѣчи о Градовскомъ. Смерть писателя или общественнаго дѣятеля оправдываетъ, вызываетъ ретроспективный взглядъ на все имъ сдѣланное и устраняетъ случайные элементы, слишкомъ легко примѣшивающіеся къ оцѣнкѣ живого, дѣйствующаго еще лица... Одинокимъ, всѣми оставленнымъ Градовскій не чувствовалъ себя никогда. Не говоря уже о симпатіи учениковъ и товарищей по профессурѣ, каждый новый трудъ его находилъ сочувственные отголоски въ критикѣ. Онъ видѣлъ себя окруженнымъ своими же учениками, будущими продолжателями начатаго имъ дѣла. Онъ зналъ, что его ненавидятъ враги дорогихъ ему идеаловъ. Не было никакой надобности, чтобы ко всему этому присоединилось еще нѣчто въ родѣ похвальнаго листа отъ того или другого ученаго общества.

Два дня спустя послѣ чествованія памяти А. Д. Градовскаго исполнилось двадцатипятилѣтіе со времени изданія судебныхъ уставовъ. Памятный день 20 ноября прошелъ, въ Петербургѣ, почти такъ же незамѣтно, какъ прошелъ, въ 1886 г., еще болѣе памятный день 19 февраля. На самомъ же дѣлѣ и тотъ, и другой отозвались въ милліонахъ сердець и были отпразднованы множествомъ благодарныхъ воспоминаній. Торжественному настроенію тишина способствуетъ иногда еще больше, чѣмъ самая пышная церемонія. Кто помнитъ—или хотя бы только знаетъ по наслышкѣ—„черную судебную неправду“, выросшую на почвѣ крѣпостной Россіи, тому нѣтъ надобности разяснять значеніе судебной реформы. Значеніе это такъ велико, что его не могли бы уничтожить никакія частныя передѣлки судебныхъ уставовъ. Безусловное возвращеніе къ старымъ порядкамъ представляется здѣсь, какъ и въ области положеній 19 февраля, совершенно невысказаннымъ. Можно, однако, спросить себя, не въ самомъ ли содержаніи судебныхъ уставовъ коренится, по крайней мѣрѣ отчасти, причина тѣхъ перемѣнъ, которыя начались уже давно и принимаютъ все большіе и большіе размѣры? Намъ случилось слышать, именно 20 ноября, утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—отвѣтъ, затрогивавшій, притомъ, и другія преобразованія прошедшаго царствованія. Крестьянская реформа создала мертворожденную, бюрократическую крестьянскую волость; земская реформа не согласовала земскихъ учрежденій съ государственными, оставила ихъ безъ властныхъ исполнительныхъ органовъ; судебная реформа разъединила мировой судъ съ общимъ, возложила на Сенатъ непосильную задачу наблюденія за всѣми судами имперіи и установила различіе между мѣстностями привилегированными и непривилегированными, только въ первымъ примѣняя всѣ блага новой системы. Въ этомъ слѣдуетъ искать—такова была мысль оратора—главный источникъ упадка, постигшаго всѣ новыя учрежденія. Мы думаемъ, что нѣтъ. На другой день послѣ освобожденія совмѣстная дѣятельность бывшихъ крѣпостныхъ и бывшихъ господъ, въ самой мелкой самоуправляющейся ячейкѣ, была бы равносильна всевластію помѣщиковъ и безправію крестьянъ. Введенная въ 1861 г., всесословная волость была бы всесословной только по имени; безъ опасности для массы она могла быть учреждена только гораздо позже. Неопредѣленность отношеній между земствомъ и администраціей, въ первый періодъ существованія земства, была почти неизбежна; отсутствіе—или, лучше сказать, недостатокъ—власти не помѣшало земству многое сдѣлать, многое предпринять или подготовить. Отдѣленіемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій отъ общихъ—отдѣленіемъ, впрочемъ, не безусловнымъ, въ виду подчиненія тѣхъ и другихъ кассационному сенату—имѣлось въ виду создать, для самой много-

численной категоріи дѣлъ, судъ близкій къ населенію и общедоступный по своимъ формамъ. Можно ли было достигнуть той же цѣли инымъ путемъ—это вопросъ сложный и спорный, котораго мы здѣсь обсуждать не станемъ; для насъ достаточно замѣтить, что въ системѣ, принятой составителями судебныхъ уставовъ, не было ничего аномальнаго. Если она не принесла всѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали, то это зависѣло, конечно, не отъ параллелизма мировыхъ и общихъ судебныхъ учреждений. Подвѣдомственные окружнымъ судамъ, мировые судьи были бы еще болѣе расположены къ формализму, еще болѣе далеки отъ простоты народнаго суда... Раздѣлить контроль надъ мировыми учреждениями между сенатомъ и судебными палатами было бы вполне возможно, безъ всякаго отступленія отъ основныхъ началъ судебной реформы; объ этомъ много разъ шла рѣчь въ нашей юридической литературѣ. Различіе между мѣстностями привилегированными и непривилегированными (подъ именемъ привилегіи разумѣется здѣсь введеніе судебныхъ уставовъ *въ полномъ ихъ объемѣ*) создано не судебными уставами, а позднѣйшимъ ихъ примѣненіемъ, все болѣе и болѣе удалявшимся отъ первоначальнаго ихъ духа... Мы вовсе не утверждаемъ, что судебные уставы—какъ и другіе важнѣйшіе законодательные акты шестидесятыхъ годовъ—были бы безукоризненны и совершенны во всѣхъ своихъ частяхъ, отъ первой статьи до послѣдней; мы думаемъ только, что они соответствовали, въ главныхъ чертахъ, условіямъ времени и *допускали возможность дальнѣйшаго развитія*. Постройка не была закончена, но могла быть закончена безъ измѣненій въ стилѣ и планѣ. Неудачею для Россіи была преждевременная остановка работъ, а не ошибка въ ихъ направленіи. Будущій историкъ русскаго суда едва ли возложитъ на дѣятелей судебной реформы какую бы то ни было долю ответственности за поправки, знаменующія собою границу между первымъ и вторымъ двадцатипятилѣтіемъ судебныхъ уставовъ.

Если припомнить, какія распоряженія встрѣчаются въ послѣднее время, въ провинціальныхъ газетахъ (напримѣръ, черниговскихъ, нижегородскихъ и мн. др.), если принять въ соображеніе, что въ печать проникаетъ, по всей вѣроятности, только весьма небольшая часть подобныхъ „актовъ“, то нельзя не обратить вниманія на два приказа, довольно рѣдкаго свойства. Источникъ ихъ одинъ и тотъ же; они оба принадлежатъ новому командующему войсками кievскаго военнаго округа, извѣстному генералу М. И. Драгомирову. „Въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся“, сказано въ одномъ изъ нихъ. „Прощу помнить, что въ дисциплинарномъ уставѣ ясно указано, какія на

нижнихъ чиновъ можно налагать взысканія, и кромѣ конхъ пикетовъ налагать не смѣть. Рекомендую охотникамъ до ручной расправы ознакомиться съ XXII книгой свода военныхъ постановленій 1869 г., ст. 185, изъ которой они откроютъ, чего могутъ ожидать въ будущемъ, если позволятъ себѣ впредь, рядомъ съ дисциплинарнымъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ, сочинять свой собственный". Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ этомъ приказѣ нѣтъ ничего особеннаго. Чтб, повидимому, проще и естественнѣе напоминанія о необходимости соблюдать законъ и о послѣдствіяхъ его несоблюденія? Можно пожалѣть, что оказывается надобность въ такомъ напоминаніи, но отнюдь не считать его чѣмъ-то въ родѣ заслуги. Въ теоріи все это совершенно безспорно — но на практикѣ драгоцѣнно иногда и повтореніе безспорныхъ положеній. Въ наше время далеко не бесполезно указать лишній разъ на обязательность закона, на допустимость тѣхъ только наказаній, которыя установлены закономъ, и только при тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено ихъ примѣненіе. Далекое не бесполезно даже простое констатированіе закононарушеній, слишкомъ часто, вслѣдствіе особенностей нашей гласности, остающихся подъ спудомъ. Взять на себя защиту ручной расправы, осуждаемой генераломъ Драгомировымъ, не рѣшился, кажется, ни одинъ изъ органовъ нашей печати; тѣмъ сильнѣе нападенія, вызванныя и содержаніемъ, и оглашеніемъ приказа. Подвергается сомнѣнію, прежде всего, самая наличность фактовъ, послужившихъ поводомъ къ распоряженію генерала Драгомирова. Приказъ, съ этой точки зрѣнія, провозглашается „парадоксальнымъ“ и приписывается привычѣ генерала „щеголять хлесткимъ словомъ“. Не знаемъ, свойственна ли генералу Драгомирову эта привычка—но думаемъ, что ни одинъ начальникъ не рѣшится высказать столь тяжкое обвиненіе въ столь общей формѣ, не имѣя къ тому вѣскихъ и достаточныхъ оснований. Вторая вина генерала Драгомирова—это несоблюденіе канцелярской тайны. „Въ кievскомъ округѣ — восклицаетъ газетный обвинитель — очень много войскъ; нужно, чтобы прежде нѣсколько десятковъ командировъ было отдано подъ судъ за произвольное нарушеніе дисциплинарнаго устава, чтобы затѣмъ наложить тѣнь на войска округа гласнымъ призывомъ въ несоблюденіи Высочайше утвержденныхъ уставовъ“¹⁾. Какъ ясно отразилась въ этихъ словахъ старая закваска, пережившая эпоху реформъ и опять, все рѣшительнѣе, выступающая наружу! Пускай растетъ неправда, лишь бы только о ней громко не говорили; пускай одно злоупотребленіе

¹⁾ Судя по изложенію, можно было бы подумать, что эти слова принадлежать „Гражданину“; свѣшимъ замѣтить, поэтому, что мы заимствуемъ ихъ изъ „Свѣта“ (№ 260).

слѣдуетъ за другимъ, лишь бы только со стороны могло казаться, что „все обстоит благополучно“!.. Никакой тѣни на войска кievскаго округа вообще приказъ генерала Драгомирова не бросаетъ; напротивъ того, онъ указываетъ на небольшое, сравнительно, распространѣнiе зла и заставляетъ ожидать скорого и радикальнаго его искорененiя. Еслибы „частей, въ которыхъ дерутся“, было много и „ручная расправа“ принимала широкiе размѣры, командующiй войсками конечно не ограничился бы предупрежденiемъ объ отвѣтственности, ожидающей нарушителей закона.

Въ другомъ приказѣ генерала Драгомирова, вызвавшемъ еще болѣе рѣзкую критику, мы читаемъ слѣдующее: „въ одной изъ частей кievскаго гарнизона застрѣлился недавно чувашъ, солдатъ честный и исправный, по всей вѣроятности отъ тоски по родинѣ. Командующiй войсками убѣдительно просить гг. начальниковъ частей, налегая на изученiе инородцами русскаго языка, не считать съ ихъ стороны какъ бы нарушенiемъ „служебнаго обычая, если они внѣ службы говорятъ между собою на родномъ языкѣ, поютъ свои пѣсни и т. п. Командующiй войсками полагаетъ, что такимъ отношенiемъ къ дѣлу мы сохранимъ не одного вѣрнаго и сердечнаго слугу Царю и отечеству“. И здѣсь, для непредубѣжденнаго глаза, нѣтъ ничего, кромѣ самаго понятнаго гуманнаго чувства, самой простой, до очевидности вѣрной мысли. Не такъ смотритъ на дѣло та газета, которая не можетъ простить генералу Драгомирову даже перваго его приказа. Пѣнiе народныхъ пѣсенъ,—утверждаетъ она,—не было до сихъ поръ въ обычаяхъ русской армiи. Никогда инородцы въ полкахъ не группировались по языкамъ. Въ полку всегда былъ одинъ языкъ—государственный, языкъ команды, языкъ, которому солдатъ долженъ выучиться, какъ родному языку, чтобы вѣрою и правдою служить своему государю. А пѣснь во всѣхъ полкахъ и частяхъ войскъ была одна—русская, солдатская, бравая, смѣлая, возбуждающая, обновляющая и веселящая. Какой полковой командиръ согласится командовать полкомъ, если въ его полку заведутся солдатскiе кружки: хохлацкiе, польскiе, еврейскiе, мордовскiе и всѣ по угламъ запоютъ свои пѣсни: малороссы—заунывныя, поляки—кантычки, евреи—псалмы, и т. д. Изъ такого полка надо будетъ бѣжать вонъ. Только новобранцамъ, до распредѣленiя ихъ въ полки, дозволялось доселѣ что-то подобное. Служба серьезное дѣло, службой нечего шутить. Она не для слабовѣрныхъ субъектовъ. Весьма странны въ устахъ опытнаго генерала заключительныя слова приказа: такимъ отношенiемъ къ дѣлу мы сохранимъ не одного вѣрнаго и сердечнаго слугу Царю и отечеству. Это истина. Но вѣдь истина, какъ мечъ, всегда о двухъ остріяхъ. Мы сохранимъ чуваша, мордвина, хохла, еврея и т. д., но уберемъ

ли мы Государеву армію? Сохранимъ ли въ ней единство, бодрость и способность повиноваться единому слову, повиноваться безъ разсужденія. Что выше для царской пользы—жизнь единичнаго элемента или жизнь громадной, единой царской арміи?.. Армія не учебное заведеніе и не институтъ для дѣвицъ. *Что за бѣда, когда застрѣлится или повѣсится чувашъ, если за то миллионъ людей воспитается въ духъ безусловнаго единства?* Въ такомъ большомъ одушевленномъ тѣлѣ, какъ армія, слабыя организмы всегда гибли и будутъ гибнуть для общаго дѣла, которое выше частныхъ. Великій Суворовъ въ мирное время училъ кавалерію сквознымъ атакамъ, и каждое ученіе бывали убитые или раненые: На докладъ объ этомъ онъ постоянно повторялъ: что дѣлать, одинъ, два, десять погибнуть... десять тысячъ выучу. Лучше пусть десять чувашей выучатся русскому языку, чѣмъ русская армія дойдетъ до того, чтобы слушать чувашскія пѣсни или римскія кантычки“.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ такія рѣчи были бы немислимы на страницахъ русской газеты. Раздаваться смѣло и открыто онѣ могутъ только при томъ „ожесточеніи нравовъ“, о которомъ говорилось въ нашей предыдущей хроникѣ. Только подъ его покровомъ можно проповѣдовать равнодушіе и пренебреженіе къ человѣческой жизни; только его вліяніемъ объясняется невѣроятное восклицаніе: „что за бѣда, если застрѣлится или повѣсится чувашъ!“ Глубоко фальшивы и разсужденія, приводящія къ этому чудовищному выводу. Никто не сомнѣвается въ томъ, что русскому солдату нужно знать русскій языкъ; о налеганіи на изученіе его инородцами идетъ рѣчь и въ приказѣ генерала Драгомирова. Не слѣдуетъ только требовать невозможнаго и ожидать, что въ какіе-нибудь три или четыре года дѣйствительной бытности во фронтѣ русскій языкъ станетъ для инородца языкомъ *роднымъ*; не слѣдуетъ утверждать, что безъ этого невозможно „служба вѣрой и правдой“, невозможно исполненіе служебнаго долга. Между солдатами, выносившими на своихъ плечахъ величайшія опасности въ бою и величайшія трудности въ походѣ, всегда было много новобранцевъ-инородцевъ, едва успѣвшихъ прислушаться къ русскому языку, знавшихъ изъ него почти одни командныя слова—и не уступавшихъ въ стойкости кореннымъ русскимъ. У полка, *какъ цѣлаю*, можетъ быть только одинъ языкъ—русскій; *въ строю* можетъ раздаваться только одна, русская пѣсня—но развѣ это мѣшаетъ инородцамъ, свободнымъ отъ служебныхъ занятій, говорить на своемъ языкѣ, пѣть свои пѣсни? Самая естественная группировка солдатъ — безъ сомнѣнія группировка по языку, по племени. Если эта группировка, какъ утверждаетъ „Свѣтъ“, до сихъ поръ не существовала — чему,

впрочемъ, трудно повѣрить,—то это значить, что ея искусственно не допускали; тѣмъ больше, въ такомъ случаѣ, заслуга генерала Драгомирова, рѣшившагося устранить ни для чего ненужныя и вредныя преграды. Служба—говорить намъ — не для слабонервныхъ субъектовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, въ ряды войска постѣпають ежегодно тысячи слабонервныхъ людей—слабонервныхъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову „крѣпконервная“ газета: людей способныхъ чувствовать тоску по родинѣ, по дому, по семьѣ, и искать утѣшенія въ кругу людей, близкихъ по крови и испытывающихъ то же самое чувство. Пускай отъ нихъ требуютъ всего того, что *неизбѣжно* вытекаетъ изъ самаго понятія о военной службѣ; къ числу такихъ *неизбѣжныхъ* послѣдствій не принадлежитъ, мы полагаемъ, систематическое разобщеніе однородныхъ элементовъ, систематическое преслѣдованіе невинныхъ развлеченій. Хорошо ли жертвовать жизнью солдатъ при примѣрныхъ атакахъ — это вопросъ, который мы оставляемъ открытымъ; для насъ достаточно замѣтить, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ предметомъ, затронутымъ въ приказѣ генерала Драгомирова. Если нѣкоторые виды учений не могутъ быть сдѣланы совершенно безопасными для солдатъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы къ опасности увѣчья или раны на полковомъ плацу должна была быть прибавлена опасность самоубійства въ ночной тишинѣ казармъ. Жизнь солдата „чуваша“ такъ же дорога для государства, какъ и жизнь всякаго другого гражданина; она должна быть оберегаема всѣми способами, зависящими отъ государства. Къ этому бережному обращенію съ жизнью, съ нравственною личностью человѣка призываетъ генераль Драгомировъ — и лучшимъ аргументомъ въ пользу своевременности его призыва служить именно приемъ, встрѣченный имъ въ газетахъ реакціоннаго лагеря... Мы дожили, наконецъ, до того, что человѣчность громогласно и не стыдась объявляютъ у насъ синонимомъ слабодушія или сантиментальности, а можетъ быть даже и неблагонадежности...

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ НА СОИСКАНІИ МЕДАЛИ, УЧРЕЖДЕННОЙ ВЪ ПАМЯТЬ А. С. ВОРОНОВА.

Бывшее С.-Петербургское Педагогическое Общество, желая почтить память своего вице-предсѣдателя Андрея Степановича Воронова, собрало особый капиталъ, на проценты съ котораго предположило выдавать золотую медаль за лучшее педагогическое сочиненіе, на основаніи составленныхъ для сего правилъ, о чемъ, чрезъ бывшаго предсѣдателя своего П. Г. Рѣдкина, представило, 12-го мая 1877 года, на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Означенныя правила были разсмотрѣны ученымъ комитетомъ министерства, который призналъ полезнымъ сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя измѣненія.

Съ этими измѣненіями бывшее С.-Петербургское Педагогическое Общество вполне согласилось.

Вслѣдствіе сего, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, 15-го февраля 1878 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе золотой медали въ 150 руб. въ память бывшаго вице-предсѣдателя С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества, тайнаго совѣтника Воронова, для присужденія ея, на основаніи составленныхъ названнымъ Обществомъ правилъ, за лучшее педагогическое сочиненіе, на счетъ процентовъ съ собраннаго на сей предметъ капитала (Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1878 г., ст. 218).

Между тѣмъ, до осуществленія всѣхъ этихъ предположеній, послѣдовало закрытіе С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества, и актомъ ликвидаціи его, 29-го марта 1880 года, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Деляновымъ, между прочимъ, постановлено: „Капиталъ, собранный въ память А. С. Воронова, передать въ состоящій при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ грамотности, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ сего капитала выдавалась медаль, на основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія“.

Составленныя бывшимъ С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Об-

ществомъ и исправленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія правила, для выдачи медали въ память А. С. Воронова, заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ:

1) Въ годовомъ засѣданіи совѣтъ Общества (Комитета грамотности) объявляетъ программу конкурса, при чемъ обозначаетъ, какого рода педагогическіе труды могутъ на тотъ годъ быть представлены на конкурсъ.

2) Для присужденія медали избирается ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества (Комитета грамотности) особая комиссія изъ пяти лицъ; комиссія сама выбираетъ изъ среды своей предсѣдателя для направленія засѣданій и веденія вообще всего дѣла по присужденію медали. Сверхъ того, выбираются изъ членовъ Общества (Комитета грамотности) два кандидата на случай выбытія кого-либо изъ членовъ комиссіи.

3) По окончаніи своихъ занятій, комиссія по присужденію медали, въ концѣ декабря, вноситъ свой докладъ въ совѣтъ Общества (Комитета грамотности) за общимъ подписомъ всѣхъ членовъ, съ обстоятельнымъ разборомъ трудовъ, за которые она считаетъ возможнымъ наградить авторовъ медалью.

4) Комиссія по присужденію медали, если найдетъ необходимымъ и полезнымъ, имѣетъ право приглашать въ свои засѣданія, съ правомъ голоса, не только членовъ Общества (Комитета грамотности), но и постороннихъ лицъ, какъ экспертовъ и извѣстныхъ спеціалистовъ по разбираемому труду.

5) Передъ годовымъ засѣданіемъ совѣтъ Общества (Комитета грамотности) разсматриваетъ докладъ комиссіи и окончательно рѣшаетъ, какому сочиненію присуждается медаль.

6) Докладъ комиссіи о томъ сочиненіи, которому присуждена медаль, читается въ годовомъ засѣданіи, на которомъ будетъ объявлено присужденіе медали.

На точномъ основаніи этихъ правилъ, совѣтъ Комитета грамотности, въ годовомъ засѣданіи сего послѣдняго, 13-го апрѣля 1889 г., объявилъ слѣдующую *программу* конкурса на соисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова:

Золотая медаль въ память А. С. Воронова, по опредѣленію совѣта Комитета грамотности, подлежитъ выдачѣ въ будущемъ (1890) году автору лучшаго сочиненія по исторіи начальнаго народнаго образованія въ Россіи, и притомъ сочиненія, появившагося въ печати со времени учрежденія означенной медали (въ 1878 году) или же имѣющаго появиться до декабря текущаго года. Притомъ авторомъ должны быть соблюдены слѣдующія условія:

1) Въ своемъ сочиненіи авторъ долженъ имѣть въ виду главнымъ

образомъ начальную школу или школу грамотности, и притомъ предназначенную для низшихъ классовъ населенія.

2) Сочиненіе должно обнимать собою или всю исторію начальной школы въ Россіи, начиная со времени ея возникновенія до настоящаго времени, или извѣстный періодъ этой исторіи (столѣтіе, пятидесятилѣтіе, двадцатипятилѣтіе), съ условіемъ, однако, чтобы изложеніе такого періода представляло собою нѣчто цѣлое и законченное; или же, наконецъ, полную исторію начального образованія въ извѣстной мѣстности Россіи (напримѣръ, въ области, губерніи, уѣздѣ, городѣ).

3) Въ томъ случаѣ, если на конкурсѣ будутъ представлены сочиненія одинаковаго достоинства на каждую изъ означенныхъ въ § 2 темъ, предпочтеніе отдается тому, которое заключаетъ въ себѣ полную исторію начального образованія въ Россіи, начиная съ древнѣйшаго до настоящаго времени.

4) Въ своемъ трудѣ авторъ долженъ представить начальную школу въ ея постепенномъ органическомъ развитіи, съ разъясненіемъ, между прочимъ: а) причинъ возникновенія, процвѣтанія, а также упадка и закрытія школъ. Притомъ необходимо обратить особенное вниманіе на разъясненіе вопроса о томъ, было ли вызвано открытіе начальныхъ школъ возникновеніемъ въ самомъ населеніи потребности въ начальномъ образованіи, или же открытіе ихъ было результатомъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ? Далѣе, б) педагогическихъ идей, господствовавшихъ въ ту или другую эпоху, в) цѣлей, поставленныхъ начальной школою, и въ какой мѣрѣ достигались эти цѣли. д) Организациа школьнаго дѣла. Школы государственныя и частныя. ж) Школьныя помѣщенія. з) Методъ и приемы обученія въ школахъ. Учебники. Наглядныя пособія. и) Воспитательное вліяніе школы. м) Выясненіе постепеннаго измѣненія числа учащихся въ школахъ, насколько это позволяютъ существующіе источники. н) Личный составъ учителей съ точки зрѣнія ихъ педагогической подготовки. л) Участіе въ учрежденіи и содержаніи школъ государства, общества, частныхъ лицъ и пр.

5) Представляемое на конкурсѣ сочиненіе должно быть составлено на основаніи достовѣрныхъ источниковъ и написано съ полнымъ безпристрастіемъ.

6) Оно, кромѣ того, должно удовлетворять всѣмъ требованіямъ литературнаго изложенія.

7) По объему своему, сочиненіе должно заключать въ себѣ не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ восьмидюльнаго формата.

8) Представляемое на конкурсѣ сочиненіе разсматривается, на основаніи § 5 Правиль о присужденіи золотой медали, особою, избранною общимъ собраніемъ Комитета грамотности, комиссіей изъ

5 членовъ, при двухъ кандидатахъ, и при участіи постороннихъ Комитету компетентныхъ лицъ, если комиссія найдетъ это необходимымъ и полезнымъ.

9) Докладъ комиссіи о присужденіи медали представляется, съ заключеніемъ совѣта, на обсужденіе и утвержденіе общаго собранія Комитета, въ годовичное (апрѣльское) его засѣданіе.

Въ общемъ собраніи Комитета грамотности, 9-го мая 1889 года, въ члены комиссіи по присужденію медали имени А. С. Воронова избраны: Э. Б. Вуликъ, В. А. Латышевъ, Я. Т. Михайловскій, В. П. Острогорскій и В. Д. Сиповскій, а въ кандидаты къ нимъ: С. И. Миропольскій и А. П. Острогорскій.

Издатель и редакторъ: М. Стасюевичъ.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1889 году.

Въ 1889-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	265	23. Иркутская .	66	45. Бостромская	44
2. Кіевская. .	218	24. Смоленская .	64	46. Витебская .	44
3. Харьковск..	160	25. Рязанская .	63	47. Бакинская .	41
4. Екатериносл.	155	26. Московская .	61	48. Сыръ-Д. об.	40
5. Таврическ. :	153	27. Новгородск.	59	49. Томская . .	39
6. Тифлисская.	137	28. Нижегород.	58	50. Псковская .	39
7. Полтавская.	130	29. Минская. .	56	51. Терская об.	39
8. Персская. .	114	30. Лифляндск.	55	52. Астраханск.	37
9. Подольская.	97	31. Забайк. об.	54	53. Оренбургск.	37
10. Казанская .	94	32. Вятская .	54	54. Могилевск..	37
11. Саратовск. .	94	33. Пензенская .	53	55. Закасп. об.	34
12. Варшавск. .	94	34. Тульская . .	52	56. Ковенская .	33
13. Орловская .	92	35. Самарская .	51	57. Тобольская .	32
14. Бессарабск.	92	36. Уфимская .	50	58. Енисейская .	30
15. Черниговск.	91	37. Примор. об.	50	59. Лѣблинская	28
16. Воронежск..	89	38. Кубанск. об.	50	60. Калужская .	26
17. Тамбовская.	89	39. Виленская .	49	61. Семирѣч. об.	24
18. Владимірск.	84	40. Обл. В. Дон.	49	62. Акмоп. об.	23
19. Курская . .	80	41. Бутанская .	48	63. Эстляндская	21
20. С.-Петербур. .	77	42. Ярославская	48	64. Архангельск.	21
21. Тверская . .	74	43. Симбирская.	48	65. Эриванская .	20
22. Волынская .	69	44. Гродненская	45	66. Вологодская	20

67. Елисаветпол.	19	76. Дагест. обл.	15	85. Выборгская.	11
68. Нюландская	17	77. Сѣдлецкая .	15	86. Самарк. об.	11
69. Амурск. об.	17	78. Ферганская .	14	87. Черном. окр.	9
70. Ломжинская.	17	79. Уральск. об.	14	88. Якутск. об.	6
71. Петроковск.	16	80. Радомская .	13	89. Калишская .	6
72. Олонецкая .	16	81. Семипал. об.	13	90. Тавастгусск.	5
73. Карская об.	16	82. Ставропол. .	13	91. Тургайск. об.	2
74. Курляндск.	16	83. Плоцкая . .	12	92. С.-Михельск.	1
75. Сувалкская .	16	84. Кѣлецкая . .	12	93. Закат. окр.	1

4763

II. Въ С.-Петербургѣ.	1316
III. Въ Москвѣ	485
IV. За границей	188

 Всего: вѣз. 6752

А. Хомиковскій

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1889 году.

Алекс.—Стихотворенія (сент., 33).
Апухтинъ, А.—Изъ бумагъ прокурора. Стих. (апр., 695).
Арсеньевъ, К. К.—Старый вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ (январь, 340).—Новѣйшая литература мемуаровъ во Франціи (фев., 794).—Литературный юбилей (мар., 248).—Модная форма беллетристики (апр., 679).—Научная критика и ея примѣненіе (май, 216).—**Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ** (іюнь, 720).—Новый тенденціозный романъ (окт., 681).—Новыя теченія во французской критикѣ (ноябрь, 345).—**А. Д. Градовскій, некрологъ** (дек. 890).
Ахшарумовъ, Н. Д.—Узелокъ съ красной мѣтлой (Разсказъ) (авг., 540).
Б. В.—Судьба земской статистики (мар., 383).—По поводу съѣзда представителей городскихъ обществъ взаимнаго страхованія (апр., 819).—Земско-продовольственное дѣло (май, 365).
Боборыкинъ, П. Д.—Морзь и Юзь. Разсказъ (іюль, 205).
Будищевъ, А.—Стихотворенія (іюль, 168).
В.—Новая сербская конституція (фев., 874).
В., З.—Джонъ Китсъ и его поэзія (окт., 539; ноябрь, 62).

В., Ф.—Новый источникъ свободныхъ земель (іюль, 395).
Весниъ, Л.—Пржевальскій и его путешествія (іюль, 145; августъ, 512).
Герье, В. И.—Методъ Тэна (сент., 71).
Гончаровъ, Ив. А.—Нарушеніе воли (мар., 71).
Д. Г.—Буцковский и судъ присяжныхъ (дек., 460).
Дмитріева, В.—Доброволецъ (сент., 145; окт., 494).
Доброславинъ, А. П.—Питаніе и продовольствіе (апр., 775).
Дѣдловъ, В.—Буколка. Разсказъ (май, 148).
Жемчужниковъ, А. М.—Стихотворенія (январь, 215; мартъ, 264).—Красивая смерть, стих. (апр., 774).—Забытыя слова, стих. (іюнь, 849).
З.—Письма изъ провинціи (авг., 827).
Залесскій, В. В.—Ученіе о наследственности въ биологіи (ноябрь, 5).
Исаевъ, А. А.—Россія и Америка на хлѣбномъ рынкѣ (апр., 545).
Иванкевичъ, Я.—Стихотворенія (май, 235).

Карбевъ, Н. Н.—Польскія реформы XVIII-го вѣка (май, 5; июнь, 550).

Козловъ, П.—Стихотворенія (июнь, 621; дек., 594).

Мартовъ.—Лѣтней порою (сент., 254).—Стихотворенія (окт., 624).

М.—Всемирная выставка въ Парижѣ (июнь, 746; июль, 354; авг., 769; сент., 341).—Международные конгрессы въ Парижѣ (окт., 792; нояб., 447; дек. 797).

М—ва, О.—Стихотворенія (январь, 337).—Изъ венгерскихъ поэтовъ (май, 214; сент., 68).—Мать преступника, стих. (авг., 509).—Изъ Лонгфелло: Золотой закатъ; Духъ и плоть; Не плачь, мой другъ (дек., 457).

Медвѣдскій, К.—Стихотворенія (июнь, 685; октяб., 699).

Морезковскій, Д.—Сурамскій переваль, стих. (май, 304).

Мочниковъ, Л.—Географическая теорія развитія историческихъ народовъ (мар., 331).

Мишскій, Н.—Стихотворенія (фев., 745).

Михайловскій, Д.—На кладбищѣ, стих. (июль, 352).

Мордовцовъ, Д. Л.—Тимошъ, историч. повѣсть (нояб., 154; дек. 691).

О.—Отчетъ государственнаго контроля за 1887 г., въ заключеніе перваго его 25-лѣтія (январь, 376).—Государственная роспись на 1889 годъ (фев., 814).—Государственные доходы и расходы въ 1888 году (май, 333).—Наша внѣшняя торговля въ 1888 г. (июнь, 788).—Исполненіе государственной росписи за 1888 г. (дек., 808).

О. В.—Здравый идеализмъ (июнь, 667).

Погожевъ, А.—Третій съездъ русскихъ врачей (фев., 849).—Вотчинныя фабрики и ихъ фабричные (июль, 5).

Пеновъ, П.—Въ глуши Америки (январь, 59; фев., 746).

Пынинъ, А. П.—Россія и Европа (январь, 296).—Забывтый поэтъ (мар., 153).

—Обзоръ русскихъ изученій славянства (апр., 584; май, 169; июль, 625).—Идеализмъ М. Е. Салтыкова (июнь, 829).—Русское славяновѣденіе въ XIX столѣтіи (июль, 238; авг., 683; сент., 257).—Некрологъ О. Ф. Миллера (июль, 438).—Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова (окт., 574; нояб., 181; декаб., 645).

Реутскій, Н.—Изувѣры (авг., 596; сент., 35).

Салтыковъ, М. Е.—Пошехонская Старина. Жизнь и приключенія Нилы-нора Затрапезнаго (январь, 5; фев., 473; мартъ, 5).—Послѣдняя страница (июль, 838).

Сибирякъ, Д.—Старая Пермь (июль, 44).

Синоускій, В. Д.—В. Я. Стоюнинъ (мар., 298).

Слоинскій, Л. З.—О теоріяхъ прогресса (мар., 265; апр., 750).—Минная социологія (май, 130).—Генри Джорджъ и его теорія прогресса (июль, 333).—Поправка (июль, 423).—Прогрессъ въ политикѣ (сент., 235).—Национализмъ въ политикѣ (нояб., 281; дек. 713).

Соловьевъ, В. С.—О грѣхахъ и бо-лѣзняхъ (январь, 356).—Письмо въ редакцію (мар., 431).—Стихотворенія (апр., 581).—Очерки изъ исторіи русскаго сознанія (май, 290; июль, 784; нояб., 363; дек. 771).

Спасовичъ, В. Д.—Черногорія и имущественный законникъ Богшича (фев., 525).

Станюковичъ, К. М.—Мрачный штурманъ (авг., 457).

Стояновъ, А.—Батумъ (окт., 700).
Сѣверовъ, Н.—Не судьба (июль, 105).—Новыя птицы (дек., 596).

Тенловъ, В.—Поездка въ Троаду (авг., 560; сент., 5).

Тороховъ, Д.—Тарифный вопросъ и желѣзныя дороги (январь, 175; фев., 704).

У. I.—На разсвѣтѣ (авг., 628; сент., 306; октяб., 717; нояб., 301; декаб., 408).

Утнъ, Е. П. — Восемнадцать лѣтъ спустя (дек., 562).

Фаминцынъ, А. С. — Н. Я. Данилевскій и дарвинизмъ (фев., 616).

Фаусекъ, В. — На зоологической станціи (май, 306; июнь, 433).

Фримиутъ, М. Я. — Леконтъ де-Лиль (мар., 41; апр., 441).

Цертелевъ, вн. Д. Н. Стихотвореніе (дек., 796).

Чуйко, В. — Легенда о Данте (апр., 703).

Шаниръ, Ольга. — Миражи (январь, 106;

фев., 551; мар., 91; апр., 484; май, 66; июнь, 462).

Шеррокъ, В. И. — Н. В. Гоголь и Вильгорскіе (окт., 556; нояб., 88).

Щ., Е. — Каширскіе дворяне (июль, 171).

Щедравъ, В. — См. М. Е. Салтыковъ.

Э. А. — Новый фараонъ (январь, 219; фев., 644; апр., 198; май, 626). — Черная стрѣла (май, 237; июнь, 678; июль, 275). — Лондонская жизнь (авг., 729; сен., 189). — Раскаленіе (окт., 623). — Лгувъ (нояб., 230). — Исторія одной дуэли (дек., 725).

Хроника.

І. Внутреннее Обзорѣніе. — Двадцатипятилѣтіе земскихъ учреждений. — Тамбовское земство и тамбовскій губернаторъ. — Мнимо-политическій характеръ земской и судебной реформы. — Тенденціозность въ подборѣ и оцѣнкѣ данныхъ, относящихся къ составленію земскаго положенія и судебныхъ уставовъ. — Совмѣстимость независимаго суда и самостоятельнаго земства съ русскимъ государственнымъ строемъ. — Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ † (*Январь, 395*). — Замѣчанія кievскаго юридическаго факультета противъ постановленій проекта уголовного уложенія, относящихся къ имущественнымъ посягательствамъ. — Расширеніе круга дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. — Введеніе мировыхъ судебныхъ установленій въ архангельской губерніи. — Наши противники и союзники по вопросу о реформѣ мѣстнаго управленія (*Февраль, 825*). — Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1886 г. — Борьба съ католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ и съ лютеранствомъ въ остзейскомъ краѣ. — Разговоръ при дѣйствіи закона 3-го мая. — Церковно-приходскія школы и церковно-приходскія попечительства. — „Инсословные“ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній. — Бракоразводныя дѣла. — Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 г. — Ликующая московская газета (*Мартъ, 363*). — Законъ о порядкѣ возбужденія ответственности министровъ. — Новыя законодательныя мѣры въ области преступленій противъ вѣры. —

Предполагаемая нормировка земскаго обложенія. — Неуравнительность земскаго сбора по мѣстностямъ и категориямъ имущества; мѣры къ ея устраниенію. — Способы поддержки нуждающихся земствъ. — „Наблюденія и соображенія“ г. Безобразова о новомъ фабричномъ законодательствѣ и о фабричной инспекціи (*Апрѣль, 798*). — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1887 г. — Продажныя цѣны и различныя категоріи покупателей. — Помощь малоземельнымъ и безземельнымъ. — Мѣры, проектируемыя въ видахъ болѣе быстрой обезпеченности судовъ. — Отчетъ дворянскаго земельнаго банка за 1887 г. — Слухи о волостныхъ судахъ. — „Великія реформы“ или „новшества“? (*Май, 343*). — Проектъ правилъ о публичной продажѣ имѣній, заложенныхъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ; его достоинства и недостатки. — Слѣдователи-судьи, какъ предполагаемые преемники уѣздныхъ мировыхъ судей. — Возможны ли другія комбинаціи, исходящія изъ той же основной идеи? — Графъ Д. А. Толстой † (*Июль, 767*). — Подробности проектируемой замѣны уѣздныхъ участковыхъ мировыхъ судей. — Неудобства соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи. — Роль, предназначаемая почетнымъ мировымъ судьямъ. — Стоимость реформы. — Волостные суды и тѣлесное наказаніе. — Постепенность въ осуществленіи преобразованій. — Распоряженіе попечителя дерптскаго учебнаго округа (*Июль, 380*). — Пути возвышенія мелкой сельско-хо-

зайственной культуры въ Россіи.—Самостоятельность путей развитія крупнаго и мелкаго земледѣльческаго производства. Индивидуальное и массовое творчество народа въ области сельск. хозяйства.—Результаты дѣятельности крестьянъ и владѣльцевъ въ области скотоводства.—Необходимость участія въ поднятій сельско-хозяйственной культуры со стороны правительственныхъ и общественныхъ учреждений.—В. В. (*Августъ, 793*).—Обнародованіе положенія о земскихъ начальникахъ и правилъ о преобразованіи судебной части.—Различіе между проектами и окончательнымъ текстомъ закона.—Распределеніе судебныхъ дѣлъ между волостными судами, земскими начальниками и уѣзднымъ членомъ окружнаго суда.—Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда.—Новыя правила о волостномъ судѣ.—Законъ 7-го іюля, ограничивающій сферу дѣйствій суда присяжныхъ.—Квартирное довольствіе полиціи (*Сентябрь, 370*).—Административная власть земскихъ начальниковъ.—Отмѣна мірскихъ приговоровъ; открытіе крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ; попеченіе о благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ; рассмотрѣніе жалобъ на должностныхъ лицъ.—Порядокъ назначенія и увольненія земскихъ начальниковъ.—Правила судопроизводства у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.—Новый отчетъ дворянскаго земельного банка.—Статья К. П. Побѣдоносцева о семейныхъ участкахъ.—Случай административнаго тѣлеснаго наказанія (*Октябрь, 801*).—Законъ 18-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ.—Условія переселенія; льготы переселенцамъ; поземельное и административное ихъ устройство на мѣстѣ водворенія.—Предстоящее открытіе промышленныхъ училищъ.—Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ прибалтійскомъ краѣ, въ связи съ 25-лѣтней годовщиной 20-го ноября судебныхъ уставовъ 1864 г.—Новый государственный заемъ съ выгнришами (*Ноябрь, 398*).—Вопросъ о выборахъ мировымъ судѣ въ большихъ губернскихъ городахъ.—Агитація въ печати противъ права ходатайствъ, принадлежащаго городскимъ и земскимъ учреждениямъ.—Настроеніе земскихъ собраний.—Народная школа въ шадринскомъ уѣздѣ в учительская школа въ Новгородѣ.—Новые суды въ остзейскихъ губерніяхъ.—Адвокатура и не-христіанскія исповѣданія (*Декабрь, 827*).

II. Иностранное Обзорѣніе.—Обзоръ событій истекшаго года въ Европѣ.—Политическія перемены въ Германіи.—Два царствованія и ихъ отношенія къ

внутреннимъ вопросамъ.—Положеніе нѣмецкихъ партій.—Консервативный либерализмъ.—Французскія дѣла.—Радикальное министерство и „буланжизмъ“.—Дѣятельность парламента и неудачи Флока.—Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи (*Янв., 422*).—Кончина австрійскаго кронпринца.—Политическія волненія въ Венгріи.—Германскій парламента и князь Бисмаркъ.—Заявленія имперскаго канцлера.—Развязка по дѣлу Герффева.—Споры Бисмарка съ оппозиціей.—Генералъ Буланже и парижскіе выборы.—Неудачи министерства Флока и республиканской партіи.—Политическіе софизмы во Франціи.—Буланжисты-радикалы.—Отанъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ новой редакціи о сербскомъ „Уставѣ“ декабря 1888 года (*Февраль, 857*).—Новое министерство во Франціи.—Волненія рабочихъ въ Италіи и неудачи министра-президента Криспи.—Положеніе дѣлъ въ Румыніи.—Печальный конецъ эксцедента Ашинова и архим. Паксія (*Мартъ, 388*).—Перемена правительства въ Сербіи.—Два періода въ царствованіи Милана.—Вынужденная связь его съ Австріей.—Мнѣнія русская партія и заблужденіе „Славянскихъ Извѣстій“ по этому предмету.—Русскій патриотизмъ въ „Nouvelle Revue“.—Ашиновцы въ журналистикѣ.—„Инцидентъ“ въ Сагалло и его различные отголоски.—Французскія дѣла.—Графъ П. А. Шуваловъ и его вышняя политическая дѣятельность (*Апрѣль, 823*).—Политическія дѣла въ Германіи.—Консерватизмъ и социальная реформа.—Внутренніе кризисы въ Венгріи, Италіи и Румыніи.—Колониальная нѣмецкая политика.—Положеніе министерства въ Англіи.—Джонъ Брайтъ.—Новый фазисъ борьбы съ буланжизмомъ.—Жюль Ферри и его теорія „твердой власти“ (*Май, 376*).—Политическое значеніе парижской всемирной выставки.—Текущая политика во Франціи.—Рабочій кризисъ въ Германіи и его особенности.—Соціальныи вопросъ въ германскомъ имперскомъ сеймѣ.—Посѣщеніе Берлина королемъ Гумбертомъ (*Іюнь, 793*).—Періодическія газетная тревога и ихъ причины.—Официальная и офиціозная политика.—Ошибочныя предположенія и толкованія.—Конфликтъ съ Швейцаріей и его значеніе.—Вопросъ о швейцарскомъ нейтралитетѣ.—Мотивы и послѣдствія германской дипломатической кампаніи.—Политическія дѣла Австро-Венгріи.—Положеніе Босніи (*Іюль, 400*).—Особое положеніе офиціозной печати въ Германіи.—Признаки внутреннего разлада и ихъ дѣйствительное значеніе.—Примирительный тонъ въ между-

народныхъ дѣлахъ. — Послѣдствія рабочаго движенія въ каменноугольныхъ колахъ. — Особенности рабочихъ кризисовъ въ Германіи. — Австро-венгерскія дѣла. — Положеніе Сербіи. — Выборы и буланжизмъ во Франціи. — Мнѣнія русскіе націоналисты въ „Nouvelle Revue“ (*Августъ, 836*). — Мирныя демонстраціи съ военнымъ отъѣнкомъ. — Побѣда германскаго императора въ Англію и толки объ англо-нѣмецкомъ союзѣ. — Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ. — Пребываніе Вильгельма II въ Страсбургѣ. — Военные посты и ихъ политическое значеніе. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Пропесть Буланже и его особенности (*Сентябрь, 393*). — Политическое положеніе Франціи. — Парламентскіе выборы 10 (22) сентября и ихъ значеніе. — Причины неустойчивости французскихъ палатъ. — Буланжизмъ и франко-русскія отношенія. — Политическія партіи въ Англіи и недавнія рабочія стачки. — Возвращеніе королевы Наталіи въ Бѣлградъ (*Октябрь, 824*). — Дѣятельность Вильгельма II. — Свиданіе императоровъ въ Берлинѣ и предполагаемыя его результаты. — Русско-германскія отношенія. — Берлинская система союзовъ. — Характеристика германскаго императора по отзывамъ бывшаго его наставника. — Внутреннія дѣла въ Германіи. — Положеніе дѣлъ въ Сербіи и Болгаріи (*Ноябрь, 411*). — Политическія дѣла Германіи. — Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій. — Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ. — Политическія партіи и правительство. — Парламентскія засѣданія. — Газетные толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Переворотъ въ Бразиліи (*Декабрь, 849*).

III. Литературное Обзорѣніе. — Запорожье, Д. И. Эварницкаго. — А. П. — Стихотворенія П. А. Ковлова, 2 т. — К. К. — Неотчуждаемость крестьянскихъ земель, Г. П. Сазонова. — Л. С. (*Янв., 447*). — Записки Н. И. Толубѣва. — Неплюевъ и Оренбургскій край, В. Н. Витевского. — Отчетъ имп. Публичной Библиотеки за 1886 г. — Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма. — Старый Петербургъ, М. П. Пылаева. — А. П. — Народное образованіе въ свѣтскомъ уѣздѣ за 1887-88 г. — Основы обученія родному языку въ народной школѣ, Н. Горбова. — К. К. — Судно-сберегательныя товарищества въ Россіи, П. А. Соколовскаго. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (*Февраль, 880*). — Памяти В. М. Гаршина. — Художественно-литературный сборникъ. — Красный цвѣтокъ. — Литературный сборникъ въ память В. М. Гаршина. — Что читать народу? — Критическій указатель книгъ для народ-

наго и дѣтскаго чтенія, И. Я. Фойницкій. — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣденіемъ. — П. В. Макалинскій. — С.-Петербургская присяжная адвокатура. — В. Ф. Муханъ. — Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ. — К. К. — Дневникъ школьника. Книга для дѣтей Эдмонда де-Амичисъ. — Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарчія въ XVII и XVIII вв. П. Жытецкаго. — А. П. (*Мартъ, 403*). — Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX. — С. И. Зарудный, Гр. Г. Джаншѣва. — О Франціи. — Статья пр. В. И. Модестова. — К. К. — Русскія древности, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 1. — Жизнь и труды Погодина, Н. Барсукова. — А. П. — Императоръ Николай I и иностранные дворы, С. С. Таташова. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (*Апрѣль, 836*). — Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. — А. Незеленовъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. — А. П. — Современная Россія. Очерки нашей государственной и общественной жизни. — К. К. — Новыя книги и брошюры (*Май, 389*). — Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-е. — Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина. — Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, Н. С. Соколова. — Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., Л. Н. Майкова. — Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомилова. — А. В. — Новыя книги и брошюры (*Іюль, 806*). — Алфавитный указатель именъ русскихъ дѣателей. Ч. I и II. — Изъ дальнихъ лѣтъ, воспоминанія Т. П. Пассекъ. — Н. Лендеръ, Волга. — А. П. — Новыя книги и брошюры (*Іюль, 413*). — Н. Чечулинъ, Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. — Г. Арандаренко, Досуги въ Туркестанѣ. — В. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекціи Даховскаго этнографическаго музея. — Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ, Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсень. — А. П. — А. Штиглицъ, Исслѣдованія о началахъ политическаго равнолвія, легитимизма и національности. — Н. Гиларовъ-Платоновъ, Основныя начала экономіи. — Л. С. (*Августъ, 850*). — Анучинъ: О географическомъ распредѣленіи роста; О задачахъ этнографіи. — Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. десятое. т. IV. — Греко-болгарскій церковный вопросъ, В. Теплова. — А. В. — Связь экономическихъ явленій съ законами явленій, Н. Батушкова. — Л. С. (*Сентябрь, 407*). — Власть московскихъ государей, М. Дьяконова. — Галицко-русская библиографія XIX-го ст., Е. И. Левицкаго. — Къ вопросу о мѣрахъ противъ

вреднаго вліянія школы на здоровье учащихся, д-ра Б. Г. Медема. — Петръ В. въ русской литературѣ, Е. Шмурло. — Историческія пропілеи, Д. Л. Мордовцева. — А. В. — Американская республика, Дж. Брайса, ч. I, перев. В. Н. Невѣдомскаго. — Л. С. — Новая книга и брошюра (Октябрь, 834). — Русскія древности въ памятникахъ искусства, вѣд. гр. И. Толстихъ и Н. Кондаковичъ, вып. 2. Древности скифо-сарматскія. — Великіе кудьмные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, А. В. Экземплярскаго. — Пушкинъ въ портретахъ, С. Либровича. — А. Н. — Новая книга и брошюра (Ноябрь, 423). — А. В. Абрамовъ, Что сдѣлало земство, и что оно дѣлаетъ? — М. Я. Капустинъ, Основныя вопросы земской медицины. — Я. Т. Нейштабъ, Обь организации земской медицины. — Д. П. Никольскій, Обзоръ дѣятельности губернскихъ сѣздовъ. — В. В. Святловскій, Фабричныя работчи. — А. Карабеговъ, Реформы судебныхъ установъ. — Кн. Д. Цертелевъ, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія? — К. К. — С. Венгеровъ, Криво-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I. — И. И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. — А. П. — Новая книга и брошюра (Декабрь, 861).

IV. — Новости иностранной литературы. — Les lois du progrès, par Federici. — Le suffrage universel et le régime parlementaire, par P. Laffitte. — Trois empereurs d'Allemagne, par E. Lavisse. — Frédéric III, par R. Rodd. — Autour d'une révolution, par le comte d'Herisson. — Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, herausg. v. H. Braun. — Л. С. Январь 436). — I. Principes de politique, par G. Bergeret. — II. Histoire diplomatique de la troisième république (1870-1889), par Ed. Hippau. — III. L'évolution de la propriété, par Ch. Letourneau. — Л. С. — IV. Les hommes d'état du XIX siècle. — V. Histoire d'un jour, Alfred Darimon. — Mes petits papiers, Hector Pessard. — К. К. Озарь, 899). — I. W. Stead, Truth about Russia. — II. The Bismarck dynasty. — III. J. Lubbock, The pleasures of life. — Л. С. — Dietzel, Karl Rodbertus, Darstellungen s. Lebens und s. Lehre. — А. П. (Мартъ, 420) — I. Le socialisme d'état et la reforme sociale, par C. Jannet. — II. Le peuple allemand, ses forces et ses ressources, par Ch. Grad. — III. Les principes de 1789 et la science sociale, par Th. Fernueil. — IV. Souviens-toi du 2 décembre, par J. Simon. — V. Essai sur le régime parlementaire, par X. Combotheca. — VI. Etudes sur l'histoire du droit, par sir H. Sumner Main.

— VII. Volk und Nation, von Fr. Neumann. — Л. С. (Апрѣль, 859). — I. L. Bresson, Etudes de sociologie. — II. Ed. Goumy, La France du centenaire. — III. Co-rentin Guyho, Etudes d'histoire parlementaire. — Л. С. — IV. E. Renan, Histoire du peuple d'Israel, t. II. — К. К. (Май, 406). — I. La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau, par A. Fouillet. — II. La guerre et la société, par le général Jung. — III. La France, par le comte de Chaudordy. — Л. С. (Іюль, 821). — I. Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, v. Dr. J. Engelmann. — В. Д. — II. Fr. Bouillier, Questions de morale pratique. — III. G. Gérout, Le centenaire de 1789. — IV. G. de Greef, Introduction à la sociologie. — V. Achajus, Der Werth der berliner politischen Presse. — Л. С. (Іюль, 426). — B. Saint-Hilaire, La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion. — F. Cellarier, Etudes sur la raison. — De Roberty, l'inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie. — K. Dickel, Ueber das neue Gesetzbuch für Montenegro. — Л. С. (Августъ, 868). Agrarpolitische Zeit — und Streitfragen, von Miaskowski. — Die Sklaverei, von A. Ebeling. — Die Aufgaben der Kulturgeschichte, von Gothein. — Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth, von Brentano. — Zur Duellfrage, von A. v. Oettingen. — Л. С. (Сентябрь, 422). — Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage, von Ed. von Hartmann. — Russland und Dreibund. — Histoire de la révolution française, par P. Janet. — Les nouvelles colonies de la république française, par Alfr. Rambaud. — Л. С. (Октябрь, 851). — I. Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, Fondateur du Système Physiocratique, publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken. — II. L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau. — III. Die Gründung des Norddeutschen Bundes, von Karl Binding. — IV. In neuer Zeit. Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I: Wallende Nebel und Sonnenschein. — V. Wilhelm II und die junge Generation. Eine zeitpsychologische Betrachtung, von Hermann Conradi. — Л. С. (Ноябрь, 433). — I. L'évolution politique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau. — II. Hermann Roskoschny, Das arme Russland. — Л. С. (Дек., 885).

V. Изъ Общественной Хроникки. — Модныя вліянія въ провинціальномъ захолустьѣ. — Земская кампанія противъ земской школы. — Другіе „прізнаки времени“ и поговя за „теплыми мѣстечками“.

—Коротоякское дѣло.—Газетные статьи о гр. Лорисъ-Меликовѣ.—А. Я. Гердъ † (*Январь, 459*).—Походъ изъ Чернигова противъ земской школы и земской учительской семинаріи.—Усмотрѣніе и законъ.—Неожиданная вариация на тему: „Всеу законы писать, когда ихъ не хранить“.—Авторитетныя свидѣтельства противъ „добраго стараго времени“ и въ пользу новыхъ учреждений.—С. А. Юрьевъ † (*Февраль, 916*).—По вопросу: кого Ашиновъ обманулъ больше—Петербургъ или Москву?—Изъ переписки Ашинова съ И. С. Аксаковымъ и m-me Adam (*Мартъ, 433*).—Официальная статистика нашихъ университетовъ.—Перемены въ дерптскомъ университетѣ.—Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ печати къ остзейскимъ дѣламъ.—Возобновленіе приема на высшіе женскіе курсы.—Начало городскихъ выборовъ по III разряду въ Петербургъ и Москвѣ на основаніи новаго закона (*Апрѣль, 867*).—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и новыя нападенія на присяжную адвокатуру.—Еврейскій вопросъ на адвокатской почвѣ.—Усиленіе надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ.—Спорные вопросы адвокатской нравственности.—Увеличеніе почтовой таксы за пересылку книгъ и ея неизбежныя послѣдствія (*Мій, 417*).—Новая кампанія противъ Финляндіи, и правительственное сообщеніе по этому предмету.—Крестьянская реформа, какъ результатъ „радикальныхъ бредней“.—Городская дума, ходатайствующая о высылкѣ частнаго лица.—Прекращеніе дѣла о крушеніи 17-го октября и одинъ изъ эпизодовъ этого крушенія.—Отвѣтъ на возраженіе (*Іюль, 850*).—Продолженіе кампаніи противъ финляндскаго сепаратизма; ея комическія и серьезныя стороны.—Дачники въ роли патриотовъ.—Есть ли въ Финляндіи основныя законы?—Надежда Дмитріевна Заюнчиковская (В. Крестовскій-псевдонимъ) †.—Ея общественныя идеалы и литературное значеніе (*Іюль, 442*).—Первый періодъ „классицизма“ у насъ, и сужденія въ печати о его главныхъ результатахъ.—Журнальная статья о томъ же предметѣ г. А. Георгиевскаго, и трудъ г. Ѳ. Еленева: „О нѣкоторыхъ желаемыхъ улучшеніяхъ въ гимназическомъ обученіи“.—Записка о классицизмѣ Ив. Ив. Пискарева, директора царскосельской гимназіи.—Постановленіе петербургской Думы о „тотализаторѣ“, повторившееся въ московской Думѣ.—Противники и защитники тотализатора въ печати.—Образчикъ новѣйшей философіи отечественной исторіи.—Основаніе новаго философскаго журнала въ Москвѣ.

—М. Н. Любощинскій † (*Августъ, 876*).—Толки въ печати о новѣйшихъ преобразованіяхъ.—Англійская газета о Россіи.—Продолженіе полемики о финляндскихъ учрежденіяхъ.—А. А. Кравевскій † (*Сентябрь, 429*).—Первые государственные экзамены.—Ожидаемое преобразованіе историко-филологическаго факультета.—Вопросъ о предѣлахъ правительственнаго „вмѣшательства“, въ связи съ закрытіемъ тотализатора въ Москвѣ и изданіемъ закона о банкирскихъ конторахъ.—Родители-евреи и сынъ-христианинъ.—Богдъвъ А. Д. Градовскаго.—В. П. Безобразовъ †.—Столѣтіе города Одессы.—Post-scriptum (*Октябрь, 858*).—„Признаки времени“ и жалобы на „наше время“.—Церковно-приходская школа.—Замѣчательная рѣчь предводителя дворянства.—Экспурсія г. Фета въ область публицистики.—Вѣроятная судебная ошибка и ея причины.—Перлъ консервативной критики.—Газетныя толки о новомъ займѣ съ выигрышами.—Н. Г. Чернышевскій † (*Ноябрь, 454*).—Юбилей А. Г. Рубинштейна, и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ.—Двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ.—Изъ жизни провинціи (*Декабрь, 897*).

VI. Библиографическій Листокъ.—Памяти Гаршина, худ.-лит. сборникъ.—„Красный цвѣтокъ“, въ память В. М. Гаршина.—Современное международное право, Фед. Мартена, т. II.—Учебникъ исторіи. Новая исторія, ч. I, А. Травескаго.—Дѣятельность животовыхъ, В. Тенишева (*Январь*).—Материалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикера, ч. I.—Земля и люди, Эл. Реклю, т. X.—Богданъ Хмельницкій, пов. О. И. Роговой.—Донъ-Жуанъ, Байрона, перев. П. А. Ковлова.—Поэсты и рассказы Ольги Шаниръ.—Шекспиръ, его жизнь и произведенія, В. Чуйко.—Рассказъ о любви, М. Гольдшмидта, перев. съ датск. Г. Любомудрова (*Февраль*).—Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, т. IX.—Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдова (В. П. Кигнъ).—Жизнь европейскыхъ народовъ, Е. Н. Водозовой, т. I.—Гигіена, А. Доброславина, ч. I.—Эмиль де-Лавеле, Балканскій полуостровъ, пер. Н. Е. Васильева (*Мартъ*).—Изъ жизни русской природы, М. Н. Богданова.—Характеръ, Сам. Смайлса; перев. С. Майковой.—Исторія социальныхъ системъ, Д. Щеглова, т. II.—Антропология, Э. Ю. Петри, вып. I.—Очерки современной Испаніи, И. Яковлева (И. Я. Павловскаго).—Chefs-d'oeuvres dramatiques de A. N. Ostrovsky, trad.

rag E. Durand-Gréville (*Апрѣль*).—Сибирь въ XIX-мъ столѣтїи, В. К. Андриевича.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. I.—Основные вопросы политики, Л. З. Слонимскаго.—Робинзонъ Крузо, А. Анненской (*Май*).—Описание документовъ и бумагъ въ московскомъ архивѣ мин. юстиціи, кн. 6.—Пьянство, его причины, лечение и юридическое значеніе, д-ра Н. Керра.—О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, д-ра Л. Кобылянскаго.—Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I, д-ра И. Яворскаго (*Юль*).—Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 66.—Кантъ, Имм. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Вл. Соловьева.—Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. С. А. Венгерова, вып. 16-19.—Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи, путеш. Норденшельда.—Г. Спенсеръ, Воспитаніе умств., нравств. и физическое.—Н. В. Жукъ, Мать и дитя, гигиена въ общедоступномъ изложеніи (*Юль*).—Сенатскій Архивъ, т. II.—Всеобщая исторія литературы, вып. 23.—Стихотворенія Фр. Коппе, вып. 1, п. р. П. Вейнберга.—Четыре министра путей сообщенія, В. Панаева.—Историческая хрестоматія по русской исторіи, Я. Гуревича, т. III.—Греко-болгарскій вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе В. Теллова (*Августъ*).—Д. Г. Льюисъ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени.—Лицеѣрный вѣкъ (Il vesolo Tartufo). Сочиненіе Паоло Мантегацци.—Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX-го вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г.—Султаны Кеисара и Садикъ. Биографическіе очерки султана Ахмета Кеисарина (*Сентябрь*).—Сочиненія В. Д. Спасовича, 2 т.—Изъ исторіи Угрии и славянства въ XII в., К. Грота.—Исторія среднихъ вѣковъ, Н. А. Осокина, т. II.—Ипотека по римскому праву и по новѣйшимъ законодательствамъ, А. Сопова (*Октябрь*).—Русское уголовное

судопроизводство пр. Д. В. Тальберга.—Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма, д-ра Крафтъ-Эбинга.—Исторические очерки. Характеристика литературныхъ мѣсяцъ отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, А. Н. Пыпина.—Учебникъ исторіи. Древняя исторія, А. Трачевскаго.—Библейская исторія, А. П. Лопухина, т. II.—Фабричный рабочій, В. В. Святловскаго (*Ноябрь*).—Исторія Сибиря, ч. II, В. Андриевича.—Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. I, 2-е изд.—Уставъ о навазаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Н. С. Тагаццева, 6-е изд.—Петербургъ до его основанія, вып. III, Г. А. Немирова.—Очеркъ коммерческой и хозяйственной статистики Россіи, сост. Д. Д. Моревъ (*Декабрь*).

VII. Извѣщенія.—Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю (*Янв.*, 472; *февр.*, 930; *мар.*, 438).—Отъ Распорядительнаго Комитета по устройству саратовской земской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1869 года (*Мар.*, 438).—Пожертвованія въ пользу земской школы Кабелкина (*Апр.*, 886).—Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь и февраль 1889 г. (*Май*, 431; *авг.*, 894).—Отъ Распорядительнаго Комитета Кавказской выставки предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности (*Юль*, 864; *юль*, 464).—Пожертвованія на составленіе капитала имени М. Е. Салтыкова (*Авг.*, 894; *нояб.*, 469).—Пожертвованія на надгробный памятникъ Н. Д. Зайончковской (*Авг.*, 894; *нояб.*, 469).—Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ (*Нояб.*, 468).—О сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (*Нояб.*, 469).—Отъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности на соисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова (*Декабрь*, 905).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕШТОГО ТОМА.

НОВАРЬ — ДЕКАВРЬ, 1889.

Книга одинадцатая. — Ноябрь.

	СТР.
Ученіе о наслѣдственности въ биологій.—В. В. ЗАЛЕНСКАГО	5
Джонъ Китъ и его поэзія.—Изъ исторіи англійской литературы.—IV.—Окончаніе.—З. В.	62
Н. В. Гоголь и Вильгорскіе въ ихъ перепискѣ.—1839-1849 г.—VI.—Окончаніе.—В. Н. ШЕНРОКЪ	88
Тимошъ.—Историческая повѣсть.—I-VI.—Д. Л. МОРДОВЦЕВА	154
Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова.—II.—А. Н. ПЫПИНА	181
Лгувъ.—Повѣсть, соч. Г. Джемса.—Съ англійскаго.—А. Э.	280
НАЦИОНАЛИЗМЪ въ политикѣ.—I-III.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	281
На разговѣ.—Повѣсть Ежа.—XVI-XIX.—Съ польскаго.—I. У.	301
Новыя теченія въ французской критикѣ.—К. К. АРСЕНЬЕВА	345
Очерки изъ исторіи русскаго сознанія.—VII.—В. С. СОЛОВЬЕВА	363
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Законъ 13-го іюля о крестьянскихъ переселеніяхъ.—Условія переселенія; льготы переселенцамъ; поземельное и административное ихъ устройство на мѣстѣ водворенія.—Предстоящее открытіе промышленныхъ учебницъ.—Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ прибалтійскомъ край, въ связи съ 25-лѣтней годовщиной 20-го ноября судебныхъ уставовъ 1864 г.—Новый государственный заемъ съ вынришами	389
Иностранное Овозрѣніе.—Дѣятельность Вильгельма II.—Свиданіе императоръ въ Берлинѣ и предполагаемые его результаты.—Русско-германскія отношенія.—Берлинская система союзовъ.—Характеристика германскаго императора по отзывамъ бывшаго его наставника.—Внутренній дѣла въ Германіи.—Положеніе дѣла въ Сербіи и Болгаріи	411
Литературное Овозрѣніе.—Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. 2. Древности сѣверо-сарматскія.—Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, А. В. Экземплярскаго.—Пушкинъ въ портретахъ, С. Либровича.—А. Н. —Новыя книги и брошюры.	423
Новости иностранной литературы.—I.—Oeuvres Economiques et Philosophiques de Quesnay, Fondateur du Système Physiocratique, publiées avec une introduction et des notes par Auguste Oncken.—II.—L'art au point de vue sociologique, par M. Guyau.—III.—Die Gründung des Nord-deutschen Bundes, von Karl Binding.—IV.—In neuer Zeit. Briefe eines alten Diplomaten an einen jungen Freund. I. Wallende Nebel und Sonnenschein.—V.—Wilhelm II und die junge Generation. Eine zeitpsychologische Betrachtung, von Hermann Conradi.—Л. С.	433
Международные конгрессы въ Парижѣ.—II.—М.	447
Изъ Общественной Хроники.—„Признаки времени“ и жалобы на „наше время“.—Первоно-приходская школа.—Замѣчательная рѣчь председателя дворянства.—Экскурсія г. Фета въ область публицистики.—Вѣроятная судебная ошибка и ея причины.—Перлъ консервативной критики.—Газетные толки о новомъ займѣ съ вынришами.—Н. Г. Чернышевскій †.	454
Извѣщенія.—I.—Отъ Комитета VIII-го сѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.—II.—О сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.—III.—Отъ Редакціи: пожертвованія въ капиталъ М. Е. Салтыкова и на памятникъ Н. Д. Зайонцковской.	469
Библиографическій Листокъ.—Русское уголовное судопроизводство пр. Д. В. Тальберга.—Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма, д-ра Крафтъ-Эбинга.—Историческіе очерки. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. А. Н. Пыпина.—Учебникъ исторіи. Древняя исторія, А. Трачевскаго.—Виблейская исторія, А. П. Лоухина, т. II.—Фабричный рабочій, В. В. Святловскаго.	

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Изъ Лонгфелло. — I. Золотой закатъ. — II. Духъ и плоть. — III. Не плачь, мой другъ... — О. М.—ВОЙ	473
Н. А. Буцковский и судъ присяжныхъ. — Г. Д.	476
На разовѣть. — Повѣсть Ежа. — XX-XXIV. — Окончаніе. — I. У.	508
Восемнадцать лѣтъ спустя. — 1871-1889 гг. — ЕВГ. УТИНА.	562
Стихотворенія. — I-III. — П. КОЗЛОВА.	594
Новыя птицы. — Очерки и наброски. — Н. СВЕРОВА.	596
Журнальная дѣятельность М. Е. Салтыкова. — „Современникъ“, 1863-64 гг. — Окончаніе. — А. Н. ПЫПИНА	645
Тимошь. — Историческая повѣсть. — VII-XII. — Окончаніе. — Д. Л. МОРДОВЦЕВА.	691
Национализмъ въ политикѣ. — IV-VI. — Окончаніе. — Д. З. СЛОНИМСКАГО.	713
Исторія одной дѣли. — Повѣсть Поля Эрвье. — Съ французскаго. — А. Э.	726
Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. — XIII-XVII. — Окончаніе. — В. С. СОЛОВЬЕВА.	771
Стихотвореніе. — Я усталъ... — КН. Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА.	796
Хроника. — Международные конгрессы въ Парижѣ. — III. — Конгрессъ по гигиенѣ и демографіи. — Окончаніе. — М.	797
Исполненіе государственной росписи за 1888 годъ. — О.	808
Внутреннее Овозрѣніе. — Вопросъ о выборномъ мировомъ судѣ въ большихъ губернскихъ городахъ. — Агитація въ печати противъ права ходатайствъ, принадлежащаго городскимъ и земскимъ учрежденіямъ. — Настроеніе земскихъ собраній. — Народная школа въ шадринскомъ уѣздѣ и учительская школа въ Новгородѣ. — Новыя суды въ остзейскихъ губерніяхъ. — Адвокатура и не-христіанскія исповѣданія.	827
Иностранное Овозрѣніе. — Политическія дѣла Германіи. — Итоги дипломатическихъ путешествій и свиданій. — Внутренніе вопросы и имперскій сеймъ. — Политическія партіи и правительство. — Парламентскія засѣданія. — Газетные толки о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ. — Положеніе дѣлъ во Франціи. — Переворотъ въ Бразиліи.	849
Литературное Овозрѣніе. — А. В. Абрамовъ, Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ. — М. Я. Капустинъ, Основные вопросы земской медицины; Я. Т. Нейштабъ, Обь организаціи земской медицины; Д. П. Никольскій, Обзоръ дѣятельности губернскихъ съѣздовъ. — В. В. Святловскій, Фабричный рабочий. — А. Карабеговъ, Реформа судебныхъ уставовъ. — Кн. Д. Цертелевъ, Нужна ли реформа мѣстнаго управленія? — К. К. — С. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. I. — Этнографическое Обзорѣніе, 2 вып. — И. И. Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. — А. П. — Новыя книги и брошюры	861
Новости иностранной литературы. — I. L'évolution politique dans les diverses gaces humaines, par Ch. Letourneau. — II. Hermann Roskoschny, Dass agthe Russland. — Л. С.	886
Некрологъ. — Александръ Дмитріевичъ Градовскій. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	890
Изъ Общественной Хроники. — Юбилей А. Г. Рубинштейна и чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. — Двадцатипятилѣтіе судебной реформы. — Изъ жизни провинціи: Кіевъ	897
Извѣщенія. — Отъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности на соисканіе медали, учрежденной въ память А. С. Воронова.	905
МАТЕРИАЛЪ журнальной статистики. — „Вѣстникъ Европы“ за 1889 г.	909
Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1889 г.	911
Библиографическія Листокъ. — Исторія Сибири, ч. II, В. К. Андриѣвича. — Всеобщая исторія, Г. Вебера, т. I, 2-е изд. — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, Н. С. Таганцева, 6-е изд. — Петербургъ до его основанія, вып. III, Г. А. Немирова. — Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами, Д. Д. Мореза.	

